

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1875.

РУССКАЯ СТАРИНА

РОРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XII.
1875.

ИМПЕРАТРИЦА
КАТЕРИНА ПЕРВАЯ
 ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ВТОРОЙ
 ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ТРЕТІЙ
 ИМПЕРАТРИЦА
АНА-ІОАННОВНА
 ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
 ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
 ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ
 ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ВТОРОЙ
 ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

ЯНВАРЬ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Герцогъ Карлъ-Леопольдъ дѣдъ императора Иоанна Антоновича. 1720—1725 гг. Сообщ. П. П. Фомъ-Гецъ	1	VII. Повѣдка императора Николая Павловича въ Стокгольмѣ въ 1838 году. Воспоминанія В. И. Фельднера	160
II. Записки Донскаго атамана Адриана Карловича Денисова: Донскіе казаки въ Италіи и переходъ черезъ Альпы 1799 г. Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ	27	VIII. Оборона Севастополя: кн. А. С. Меншиковъ въ 1853—1854 гг.	174
III. Калиостро: его жизнь и пребываніе въ Россіи. Историческій очеркъ В. Р. Зотова	50	IX. Сороколѣтіе артистической дѣятельности Василія Васильевича Самойлова. 1835—1875 гг.	197
IV. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, въ 1822—1826 гг. Воспоминанія полковника А. Б. Гриббе	84	X. Воспоминанія В. В. Самойлова: первые годы его артистической дѣятельности	208
V. Последняя Польская смута. 1861—1864 гг. Разсказы Очевидца: намѣстничество А. Н. Лидерса	124	XI. Замѣтки. Сообщ. А. Ганъ и М. Золотаревъ	220
VI. С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. Н. Бецаго. Историческое изслѣдованіе А. П. Пятковского	146	XII. Дамскія моды въ Россіи въ 1791 г.	226
		XIII. Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1798 г.	231
		XIV. О новомъ паданіи «Русской Старины» первыхъ двухъ томовъ (12 кнѣтъ) 1870 г.	240
		XV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ (на оберткѣ).	

При этой книгѣ приложены: I. Представители державной власти въ Россіи 1682—1855 гг., рисунокъ профессора А. Шарлеманя, гравиров. Академикъ Л. А. Сѣряковъ; II. Портретъ графа А. А. Аракчеева, гравированъ въ Лейпцигѣ, у Бронгауза; III. Рисунокъ герба гр. А. А. Аракчеева (стр. 84-я) и IV. Рисунокъ: Моды въ Россіи въ 1791 г., гравиров. Академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1875 г.
Цѣна за 12 книгъ съ приложеніями 8 р. съ пересылкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

Early Russian history (Древняя русская исторія), соч. Ральстона (Лондонъ, 1874, 236 стр.).

Авторъ этого замѣчательнаго труда принадлежитъ къ небольшому числу иностранцевъ, знающихъ русскій языкъ и знакомящихъ Европу съ нашимъ отечествомъ. Это не поверхностный туристъ, схватывающій на лету отрывочныя свѣдѣнія и передающій ихъ со своими собственными разъясненіями, чаще всего неосновательными. Ральстонъ изучилъ серьезно нашу исторію и литературу, доказательствомъ чему служатъ все его сочиненія, относящіяся къ Россіи: The songs of the russian people (Пѣсни русскаго народа), Russian folk-tales (Русскія народныя сказки), Крыловъ и его басни и пр. Теперь онъ задумалъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ русской исторіей, о которой читалъ нынѣшней весною четыре лекціи въ Оксфордѣ. Лекціи эти, переработанныя авторомъ, съ послѣдними вновь написанными главами, вышли въ 1874 г. въ свѣтъ. Въ шести главахъ, носящихъ заглавіе: легендарная Россія, раздѣленная, татарское нашествіе, татарское иго, царскій періодъ и смутныя времена (послѣдняя глава — дополнительная) авторъ передаетъ по Карамзину, Соловьеву и Бестужеву-Рюмину главнѣйшія событія нашей исторіи до воцаренія Романовыхъ. Царствованіе Ивана IV рассказываетъ онъ преимущественно по запискамъ очевидцевъ — Джерома Горсея и Флетчера; факты переданы имъ совершенно вѣрно, изложеніе спокойное и безпристрастное. Въ дополнительной главѣ онъ излагаетъ послѣднія изысканія о древнихъ Славянахъ, о Варягахъ (здѣсь приводитъ мнѣнія объ ихъ происхожденіи и варяжскомъ періодѣ Венеціана, Морошкина, Надеждина, Максимовича и др., авторъ, къ сожалѣнію, вовсе не упоминаетъ о предположеніи Иловайскаго касательно основанія Руси), объ удѣльномъ періодѣ, Монголахъ и московскомъ владычествѣ (эти два періода рассказаны имъ на основаніи послѣдняго труда Костомарова). Книгъ заключается главою о крѣпостномъ состояніи. Къ ней приложена карта Россіи съ обозначеніемъ границъ ея въ 1054 и 1462 году, и указатель собственныхъ именъ встрѣчающихся въ исторіи; въ примѣчаніяхъ много ссылокъ на русскіе писатели. Однимъ словомъ — это такой добросовѣстный трудъ, которому должно пожелать продолженія. Если бы все иностранцы сообщали такія вѣрныя свѣдѣнія о Россіи, въ Европѣ давно узнали бы насъ ближе и короче и нераспространяли бы о нашемъ отечествѣ такихъ недѣльностей, какими полна бѣдшая часть сочиненій, относящихся къ Россіи.

«Вильямъ Вильямовичъ Ральстонъ, какъ

онъ самъ называетъ себя въ письмахъ, не только хорошо знаетъ, но и горячо любить наше отечество и нашъ языкъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ онъ намъ, отъ 14-го декабря нов. ст. 1874 г.: «Извините меня, что такъ безстыдно стараюсь выражаться по-русски. Мнѣ чрезвычайно хочется серьезно заниматься русскимъ языкомъ. До сихъ поръ мнѣ нельзя говорить по-русски, несмотря на то, что мнѣ знакомы нѣсколько русскихъ книгъ. Но съ тѣхъ поръ, когда (одинъ высокопоставленный русскій путешественникъ) позволилъ говорить со мною по-русски, и мнѣ такъ трудно было произнести нѣсколько словъ въ отвѣтъ, я намѣренъ учиться и писать и говорить по-русски. Хорошо знаю, что иностранцу, живущему далеко отъ Россіи не легко дается русскій языкъ... За одинъ разъ дерево не срубить. Но мнѣ такъ нравится русскій языкъ звонкій, любезный, упрямый, музыкальный. Мнѣ долго такъ нравилась простонародная русская литература, мнѣ такъ пріятны и пѣсни, и сказки, и быльи, и пословицы русскаго народа, что можетъ быть и мнѣ позволить удовольствіе русскій языкъ».

Эти строки вполне характеризуютъ въ высшей степени симпатичную личность талантливаго писателя-англичанина о Россіи.

Изъ европейскихъ народовъ. Географическіе рассказы Е. Н. Водовозовой. Томъ I. Жители юга, съ 25-ю рисунками В. Васнецова, 1874, 553 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Имя Е. Н. Водовозовой, вмѣстѣ съ именемъ В. И. Водовозова принадлежать къ уважаемымъ именамъ въ русской педагогической литературѣ. Много пользы принесли они своими популярными изданіями и дѣтскими книгами. Такъ сочиненіе Е. Н. Водовозовой «Изъ русской жизни и природы», вышло уже вторымъ изданіемъ, а ея «Умственное развитіе дѣтей» пользуется большою извѣстностью между родителями и наставниками. Новое произведеніе ея встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, такой же сочувственной пріемъ.

Прежде всего въ этомъ трудѣ пріятно поражаетъ его изящн. видъ, совершенно европейская наружность. Рисунки г. Васнецова весьма удовлетворительны и если вырваны на деревѣ не всегда удачно, то составлены художникомъ очень хорошо. Текстъ весьма занимателенъ, и книгу прочтеть всякій съ удовольствіемъ и съ пользою. Авторъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что въ иностранной литературѣ нѣтъ сочиненія, которое заключало бы въ себѣ описаніе жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, хотя отдѣльно о каждомъ изъ государствъ, имѣются полныя и обстоятельныя описанія. Е. Н.

КАРЛЪ ЛЕОПОЛЬДЪ ДЪДЪ ИМПЕРАТОРА ЮАННА АНТОНОВИЧА.

Разсказъ барона Эйхгольца.

1678 — 1747.

(Изъ бумагъ П. П. фонъ-Генца).

Въ библиотекѣ города Ростока находится записка, составленная и написанная въ 1721 году барономъ Эйхгольцомъ, первымъ совѣтникомъ и обермаршаломъ герцога мекленбургскаго Карла Леопольда, родителя правительницы Анны Леопольдовны.

Карлъ Леопольдъ (род. въ 1678 г.), извѣстный по сварливому, вздорному и безпокойному характеру своему, жилъ въ непрерывныхъ спорахъ и процессахъ съ подвластнымъ ему дворянствомъ. Онъ развелся съ первою женою, рожденною принцессою Нассаускою, подъ предлогомъ бесплодности ея, и женился, въ 1716 г., на царевнѣ Еватеринѣ Иоанновнѣ, родной племянницѣ Петра I.

Въ слѣдующей выпискѣ изъ рукописи упоминается главнѣйше объ обстоятельствахъ, касающихся до великаго царя, его семейства и окружающихъ его лицъ.

Разсказъ Эйхгольца представляетъ весьма живую картину образа жизни при тогдашнихъ нѣмецкихъ дворахъ и рисуетъ отношенія къ нимъ Петра Великаго. При томъ, малѣйшее обстоятельство, касающееся безсмертнаго преобразователя Россіи, всякое, и самое, повидимому, маловажное, слово имъ сказанное — для насъ драгоценно.

I.

Въ 1713 году Карлъ Леопольдъ, по кончинѣ старшаго брата своего, наследуетъ княженіе Мекленбургскаго герцогства. Въ началѣ кажется, что онъ готовъ примириться съ дворянствомъ

* „РУССКАЯ СТАРИНА“, Т. XII, 1875 Г. ЯНВАРЬ.

и чинами, но потомъ рождаются новыя распри. Вдругъ герцогъ пишетъ къ нѣмецкому императору, будто онъ намѣренъ принять католическую вѣру и просить прислать къ нему довѣренное духовное лицо. Между тѣмъ Эйхгольцъ отправляется въ Вѣну для переговоровъ о бракосочетаніи герцога съ эрцгерцогинею Магдалиною, и вѣнскій дворъ обнадеживаетъ его, что если сей бракъ состоится, то герцогъ будетъ назначенъ губернаторомъ Силезіи или Тироля. Но, по возвращеніи изъ сей миссіи, Эйхгольцъ узнаеть сколь герцогъ пережѣничивъ и притворенъ. Отъ слугъ своихъ онъ всегда требовалъ слѣпого повиновенія и при томъ былъ чрезвычайно скупъ. Любимою поговоркою его было: «Старые долги не надо платить, а новымъ надо дать время состариться».

Въ то время король датскій, состоя въ союзѣ съ Пруссіею и Россіею противъ Швеціи, съ войсками своими предпринялъ походъ подъ Штральзундъ. Король звалъ герцога къ себѣ въ лагерь. Герцогъ, долго мѣшкая, рѣшился наконецъ послѣдовать приглашенію, но король противъ воли задержалъ его со свитою. При семъ случаѣ Эйхгольцъ и свита герцога, будучи угощаемы Датчанами, напились пьяны (*brav vollgesoffen*); одинъ изъ мекленбургскихъ придворныхъ, Циловъ, пьяный передрался со всѣми пирующими; они же порядочно его поколотили и посадили подъ арестъ.

Наконецъ, король датскій отпустилъ герцога и чрезъ нѣсколько дней самъ съ войсками своими прибылъ къ Ростоку. Герцогъ не выѣхалъ на встрѣчу короля, бывъ занятъ молитвою (*Betstunde*). Послѣ многократныхъ тщетныхъ напоминаній о необходимости встрѣтить короля, Эйхгольцъ вышелъ изъ терпѣнія и вскричалъ: «*Potts hundert Sacrament!*» (Теперь не до Господи помилуй. Король у воротъ): «*Hier ist nicht mehr Zeit zu Kyreeleyson! Der König ist vor dem Thor*». Герцогъ, не сказавъ ни слова, поспѣшно вскочилъ съ мѣста, равно какъ и всѣ окружавшіе его офицеры, но вмѣсто встрѣчи короля онъ скрылся въ своемъ охотничьемъ замкѣ Кракѣ и возвратился оттуда не прежде, какъ по отъѣздѣ короля.

Между тѣмъ пріѣхалъ присланный отъ нѣмецкаго императора, по прежнему требованію герцога, католическій прелатъ Готвейхъ, подъ именемъ графа фонъ-Вольфштейна; герцогъ бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ каждый вечеръ отъ 6 до 8 часовъ

въ своемъ кабинетѣ; однако-жъ прелать изъявлялъ мало надежды на обращеніе герцога въ католическую вѣру, говоря, что герцогъ смѣшиваетъ слишкомъ много свѣтскихъ дѣлъ съ духовными. Черезъ нѣсколько недѣль католическій прелать уѣхалъ безъ успѣха, ибо герцогъ требовалъ, кромѣ руки эрцгерцогини, еще Неаполитанское королевство или Нидерландскія владѣнія съ самодержавнымъ правомъ.

Герцогъ, желая овладѣть городомъ Висмаромъ, занятымъ въ то время союзными войсками, и не имѣя надежды найти подпору въ императорѣ, обратилъ вниманіе на царя Россійскаго, нынѣ столь сильнаго и уважаемаго, и надѣялся что царь поддержитъ его, если онъ женится на одной изъ его племянницъ. «Тогда я буду въ состояніи, говорилъ онъ Эйхгольцу, всѣмъ предписывать законы». На сіе Эйхгольцъ возразилъ, что прижитіе дѣтей есть главная цѣль брака, и что царскія племянницы для сего слишкомъ стары. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ намѣренъ жениться на Аннѣ Іоанновнѣ, герцогинѣ Курляндской, за которою получить славное герцогство. Эта мысль весьма понравилась Эйхгольцу. Герцогъ показалъ ему всю переписку съ своимъ повѣреннымъ въ С.-Петербургѣ, Габихтсталею. ¹⁾ Изъ писемъ Габихтстала видно было, что онъ привлекъ на свою сторону старика Левенвольде и что сей послѣдній велѣлъ сказать герцогу: «что хотя онъ Лифляндецъ и нынѣ российский вассалъ, но не забылъ нѣмецкаго происхожденія своего и не желалъ бы, что-бы нѣмецкій князь былъ обманутъ. *Qu'il falloit donc aller la bride en main et ne s'embarquer point sans biscuit.*» ²⁾

Слова Левенвольда побудили Эйхгольца совѣтовать герцогу не слишкомъ торопиться въ семь дѣлъ. Но герцогъ хотѣлъ тотчасъ ѣхать въ С.-Петербургъ и выписалъ изъ Гамбурга бриллиантовый наперсный крестъ, серьги и кольцо за 28,000 талеровъ въ подарокъ для будущей невѣсты. Однако-жъ герцогъ передумалъ, говоря, что царскій любимецъ, Ягужинскій, подъ Штральзундомъ, и что онъ намѣренъ чрезъ него узнать, угодно-ли будетъ царю, что-бы онъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ.

¹⁾ Габихтсталь вступилъ впоследствии въ нашу службу и былъ при Аннѣ Іоанновнѣ оберъ-церемоніймейстеромъ. П. Г.

²⁾ Не должно-де ѣхать спустя поводья и пускаться въ море не запасшись сахаромъ. П. Г.

Свѣдавъ чрезъ посланнаго въ Ягужинскому нарочнаго, что сей послѣдній на обратномъ пути къ царю остановится въ Гиршбургѣ, если герцогу угодно будетъ къ нему прїѣхать. Герцогъ тотчасъ послалъ за почтовыми лошадьми и приказалъ Эйхгольцу уложить въ шкатулку чернаго дерева, которую всегда возилъ съ собою, всю переписку Габихтсталя и сверху положить 1,000 червонцевъ, а въ секретный ящикъ — выписанныя изъ Гамбурга алмазныя вещи. При семъ случаѣ Эйхгольцъ, оторывъ изъ любопытства футляръ, въ которомъ хранились брилліанты, воскликнулъ:

— «Та, для которой все это назначено, должна имѣть чудесную (душу)!»

Герцогъ засмѣялся. Во время отлучки герцога, Эйхгольцу поручено было исходатайствовать у датскаго короля уступку Висмара. Онъ снова увидѣлся съ герцогомъ въ Шверинѣ и спросилъ его объ успѣхѣ его свиданія съ Ягужинскимъ. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ доволенъ. Когда Эйхгольцъ, вынимая изъ шкатулки письма, увидѣлъ, что положенныхъ въ нее 1,000 червонцевъ уже не было, онъ сказалъ герцогу: «я, конечно, могъ предполагать, что ваша свѣтлость не привезете обратно этихъ денегъ». Когда же онъ хотѣлъ заглянуть въ секретный ящикъ, что-бы увидѣть тамъ-ли брилліанты, то герцогъ не допустилъ его до того говоря: «Что ты тутъ хочешь видѣть, уже довольно видѣлъ», — и болѣе ничего не сказалъ. Эйхгольцъ, любопытствуя узнать, что происходило при свиданіи съ Ягужинскимъ, спросилъ о томъ Вальтера, бывшаго съ герцогомъ, но Вальтеръ извинялся тѣмъ, что герцогъ потребовалъ отъ него особой клятвы никому ничего не пересказывать.

Спустя мѣсяцъ, Эйхгольцъ получилъ письмо отъ російскаго резидента въ Гамбургѣ, Беттигера, который просилъ его вручить герцогу приложенное поздравительное письмо о помолвкѣ его свѣтлости съ царскою племянницею. Эйхгольцъ поднесъ оба письма герцогу съ сими словами:

— «Вотъ прекрасно! Ваша свѣтлость — женихъ и ничего о томъ не знаетъ. Радуюсь, что я первый васъ поздравляю. Осмѣливаюсь спросить, герцогиня-ли вурляндская — свѣтлѣйшая ваша невѣста?»

Изъ письма Беттигера не видно было, которая изъ царскихъ племянницъ невѣста герцога.

По вопросу Эйхгольца, за которую изъ принцессъ его свѣтлость сватался, герцогъ признался въ своей опрометчивости и какъ Ягужинскій его провель. Герцогъ вручилъ тогда Ягужинскому обручальное кольцо и бланкетъ, что онъ согласенъ жениться на той изъ царевенъ, которую царь самъ назначить.

Въ тогдашней неизвѣстности ожидали съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій изъ Петербурга. Черезъ двѣ недѣли получили письмо отъ Габихтстала, который увѣдомилъ, что онъ хотѣлъ по прежнему вести дѣло о бракосочетаніи, но что прїѣздомъ Ягужинскаго оно приняло другой оборотъ и когда Габихтсталь (января 1716 г.) все-таки настаивалъ на герцогинѣ курляндской, то царь велѣлъ позвать его къ себѣ и объявилъ ему, что, имѣя бланкетъ отъ герцога, онъ можетъ ему назначить въ невѣсты любую изъ своихъ племянницъ, а если Габихтсталь еще будетъ настаивать на герцогинѣ курляндской, то шлетъ его въ Сибирь.

Поэтому Габихтсталу оставалось только молчать.

Въ тотъ же вечеръ царь объявилъ Екатерину Іоанновну невѣстою герцога Мекленбургскаго и Ягужинскій вручилъ ей кольцо отъ имени жениха. Далѣе Габихтсталь писалъ, что царь скоро прїѣдетъ въ Данцигъ и привезетъ съ собою царевну.

Эйхголецъ изъяснилъ сожалѣніе, что герцогу не досталась герцогиня курляндская, а ея сестра, которая еще и старше (Екатеринѣ Іоанновнѣ было тогда отъ рожденія 24 года). Герцогъ утѣшилъ его:

— «Непреклонная судьба (die Fatalität) назначила мнѣ эту Катерину, но нечего дѣлать, надо быть довольнымъ; она по крайней мѣрѣ любимица царицы».

Но герцогъ самъ не успокоился своими словами и, рассказывая въ безпокойствѣ по комнатѣ, наконецъ спросилъ:

— «Что думаешь, Эйхголецъ, хорошо-ли это кончится?»

«Ваша свѣтлость!» отвѣчалъ Эйхголецъ, «вы должны знать это лучше меня; не я далъ вамъ такой совѣтъ и не могу быть въ отвѣтъ за послѣдствія».

При томъ упрекалъ герцога, что онъ требуетъ совѣта, а дѣйствуетъ по своему. Герцогъ сѣлъ и написалъ къ своему банкиру въ Гамбургъ, что-бы прислалъ ему на 70,000 талеровъ драго-

цѣнностей разнаго рода (для подарковъ при російскомъ дворѣ). Потомъ разсуждали въ тайномъ совѣтѣ, самому-ли герцогу ѣхать въ Петербургъ, не ожидая приглашенія царя, или же отправить туда посольство? Эйхгольцъ былъ послѣдняго мнѣнія, какъ болѣе соотвѣтственнаго княжескому достоинству. Герцогъ согласился назначить самого Эйхгольца посланникомъ и кредитивныя письма были заготовлены. Но вдругъ, перемѣнивъ мысли, онъ самъ вознамѣрился ѣхать.

Отправились въ 4-хъ дорожныхъ коляскахъ и герцогъ, по скупости своей, хотѣлъ, что-бы Эйхгольцъ ѣхалъ безъ камердинера, и позволилъ ему взять съ собою камердинера не прежде какъ когда Эйхгольцъ рѣшительно объявилъ, что въ такомъ случаѣ и онъ не поѣдетъ. Въ Перлебергѣ узнали о разсказѣ проѣхавшаго російскаго поручика, что царь въ Данцигѣ и, по приглашенію королей датскаго и прусскаго, скоро пріѣдетъ въ Германію. Герцогъ безпокоился, что не застанетъ уже царя въ Данцигѣ. Эйхгольцъ уговорилъ герцога возвратиться въ Мекленбургъ, а его отправить посланникомъ къ царю въ Данцигъ. Къ счастью прежде заготовленныя кредитивныя письма уцѣлѣли и герцогъ ихъ подписалъ.

II.

Въ Данцигѣ Эйхгольцъ милостиво принятъ былъ царемъ и царскою фамиліею; приглашали его всюду, гдѣ угощали царя. Онъ очень опасался, что-бы герцогъ, снова перемѣнивъ мысли, не пріѣхалъ на свадьбу и что-бы его, посланника, не отправили за то въ Сибирь.

Царь ежедневно спрашивалъ: «Wann kommt Herzog?»

Наконецъ на седьмой день герцогъ пріѣхалъ и Эйхгольцъ повелъ его тотчасъ къ епископу Ермеландскому, у коего царь находился въ гостяхъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

При входѣ герцога, царь спросилъ: «Wo ist ober-marchall?» (т. е. Эйхгольцъ); но самъ герцогъ показался и Ягужинскій представилъ его государю (8-го марта 1716 г.).

Царь обнялъ и поцѣловалъ герцога и подвелъ его къ царицѣ и къ невѣстѣ, царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.¹⁾

¹⁾ Подробная характеристика царевны Екатерины Ивановны помѣщена въ нами составленной монографіи: «Царица Прасковья» 1664—1723. Спб., 1861 г., глава V-я, стр. 44—67.

Передъ царемъ (такъ рассказываетъ Эйхгольцъ) его свѣтлость велъ себя съ большею скромностью и смиреніемъ, нежели передъ самимъ цесарскимъ величествомъ и почти съ рабскимъ униженіемъ, а передъ царицею и невѣстою онъ былъ хотя вѣжливо, но холоденъ, такъ что Эйхгольцъ нашелъ нужнымъ извинить его, сказавъ оберъ-гофмейстеринѣ російскаго двора:

— «Кажется свѣтлѣйшій женихъ еще не довольно познакомился и отъ дороги не въ веселомъ расположеніи духа, но это пройдетъ».

Въ первый вечеръ герцогъ довольно понравился царю, потому что Петръ не успѣлъ узнать его короче, ибо герцогъ былъ отвлекаемъ иностранными и російскими министрами, подходившими къ нему съ похвалительными привѣтствіями. Когда сѣли за ужинъ, Эйхгольцъ замѣтилъ, что герцогъ, сидѣвшій подлѣ царя, снова принялъ свойственный ему холодный и угрюмый видъ; онъ, вставъ и подошедъ къ герцогу, сказалъ ему на ухо, что-бы онъ предложилъ царю большой кубокъ за здравіе родителя и сына. Герцогъ исполнилъ совѣтъ и царь, принявъ тостъ, поцѣловалъ герцога. Потомъ Эйхгольцъ, подойдя къ царю, сказалъ:

— «Ваше царское величество приняли нынѣ моего милостивѣйшаго герцога за сына и дали ему супругу. Осмѣливаюсь и я просить, что-бы и меня ссудили женою».

Царь, смотря на него, съ удивленіемъ спросилъ по-голландски: «А что, развѣ ты еще не женатъ?» Потомъ, снявъ съ него парикъ и посмотрѣвъ на него, продолжалъ: «Сверху ты молодецъ и имѣешь хорошій умъ, но снизу обстоить плохо».

Эйхгольцъ, покраснѣвъ, замолчалъ, и когда послѣ ужина начались танцы и царь ему приказалъ танцовать, онъ отвѣчалъ:

— «Ваше величество меня такъ пристыдили предъ всею компаніею, что я уже не смѣю поднять глазъ ни на одну изъ дамъ».

Царь, смѣясь, сказалъ: «Я уже найду тебѣ пару».

На второй и третій день герцогъ велъ себя изрядно, но на четвертый за ужиномъ возникъ споръ, лучше-ли для кавалеріи волоть по-шведски или рубить по-русски? Царь былъ послѣдняго мнѣнія, а герцогъ придерживался перваго такъ усердно и упорно, что споръ сдѣлался шумнымъ, а Эйхгольца бросало въ потъ, какъ Иуду (Iudas-Schweiss geschwitzet).

Возвращаясь домой, Эйхгольцъ сказалъ герцогу: «Ради Бога,

ваша свѣтлость, берегитесь! Вы имѣете дѣло съ такимъ государемъ, съ которымъ надобно обходиться осторожно. Какое вамъ дѣло, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы пріѣхали сюда, что-бы колоть».

Герцогъ отвѣчалъ, что заблаговременно должно приучить царя, такъ какъ ему нужно.

Начались переговоры касательно брачныхъ трактатовъ. «Когда графъ Горнъ,—говоритъ Эйхгольцъ,—сочинялъ брачный трактатъ между покойнымъ герцогомъ и его супругою, то не имѣлъ другаго труда, кромѣ составленія выписки изъ прежнихъ договоровъ герцогскаго дома, и за то дали ему 1,000 червонцевъ и сверхъ того серебряный сервизъ въ 5,000 гульденовъ. Нынѣ же русскіе министры и слышать не хотятъ о прежнихъ договорахъ герцогскаго дома, говоря, что дѣло идетъ объ императорской принцессѣ, которую слѣдуетъ иначе обезпечить, нежели прежнихъ герцогинь Мекленбургскихъ. Прежнимъ герцогинямъ, бывшимъ не одной вѣры съ супругами, позволялось имѣть только одного духовника; Русскіе же требовали содержанія архимандрита и 12 человекъ пѣвчихъ. Прежнимъ оберъ-гофмейстерамъ назначали 500 талеровъ жалованья; теперь требовали 3,000 и въ той же соразмѣрности жалованья придворнымъ дамамъ».

Бѣдный Эйхгольцъ по цѣлымъ днямъ спорилъ съ Головкинымъ, Шафировымъ и Толстымъ, такъ что едва не подвергся кровохарканію (*dass er hätte mögen Blut spreien*); а когда по вечерамъ герцогъ приходилъ къ царицѣ, то его свѣтлость не упорствовалъ и соглашался на всѣ требованія русскіхъ министровъ. Придворныя русскія дамы стали такъ ненавидѣть Эйхгольца, что при появленіи его громко восклицали: «*Ni ober-schall! Bös Mann! Bös Mann!*»

Но царь Петръ Алексѣевичъ, слыша сіе, всегда защищалъ его, говоря: «Онъ правъ; онъ дѣлаетъ, что государь его велитъ и соблюдаетъ его пользу».

Предложили заплатить герцогу 200,000 руб. сер. (по тогдашнему 400,000 талеровъ), доставшихся Екатеринѣ Іоанновнѣ по наслѣдству отъ родителя ея; но герцогъ, подъ видомъ великодушія, отклонилъ сіе предложеніе и просилъ гарантировать ему лучше городъ Висмаръ. «Такъ», говоритъ Эйхгольцъ, «у насъ изъ-подъ носу ускользнули 400,000 талеровъ. Зачѣмъ было не

вить этихъ денегъ въ зачетъ за несправедливыя притѣсненія, претерпѣваемыя Мекленбургскимъ краемъ отъ російскаго войска!»

Носился слухъ, что генераль Адамъ Вейде и кн. Долгоруковъ соединятся съ корпусомъ кн. Репнина въ Мекленбургѣ.

— «Берегитесь, ваша свѣтлость (говорилъ Эйхгольцъ герцогу), что-бы эти Русскіе не пожрали цѣлаго Мекленбурга».

Герцогъ отвѣчалъ: «Пустое, они намъ ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ народа который довольствовался бы столь малымъ. Русскіе ѣдятъ траву и пьютъ воду».

Это показалось Эйхгольцу не безвѣроятнымъ, потому что онъ помнилъ, какую превосходную дисциплину російскія войска соблюдали въ 1712 г., при чемъ поддержаніе этой дисциплины ничего не стоило, кромѣ лучшаго воня изъ герцогской конюшни, со сбруею, купленною въ Парижѣ за 1,800 талеровъ, и вошелъ съ 1,000 червонцами, доставшихся въ подарокъ главнокомандующему кн. Меншикову. Такъ и Петръ Анд. Толстой говорилъ, что войска не требуютъ ничего какъ: «un poco di rape! un poco di rape!»

Между тѣмъ, по случаю пріѣзда въ Данцигъ короля польскаго, у русскихъ вельможъ ежедневно были балы и разныя угощенія.

По подписаніи брачныхъ трактатовъ, герцогъ, вовсе не думая о совершеніи брака, избѣгалъ присутствія царя, извиняясь разными пустыми предлогами; съ невѣстою обходился онъ весьма равнодушно и поступалъ чрезвычайно надменно съ російскими вельможами, которымъ оказывалъ даже презрѣніе, такъ что всѣ перестали его любить. Царь скоро узналъ герцога, и шведскій его нарядъ, и шведскій мундиръ его людей ему надѣли; но, давъ же слово, настаивалъ на совершеніи бракосочетанія.

III.

Наканунѣ свадьбы (7-го апрѣля 1716 г.) герцогъ Карлъ Леопольдъ причастился св. таинъ.

8-го апрѣля 1716 г., въ день свадьбы, поутру, Эйхгольцъ, подойдя къ кровати герцога, спросилъ его: «каково теперь сердечку вашему и чувствуете-ли, ваша свѣтлость, себя спокойнымъ?»

Герцогъ отвѣчалъ: «да!» и вставъ, одѣлся по своему великолѣпію, не забывъ большой шведской шпаги на широкой богато вы-

шитой перевязи. Онъ не могъ отвыкнуть отъ этой шведской моды, хотя Эйхгольцъ нерѣдко ему говаривалъ:

— «Ваша свѣтлость! съ кѣмъ хотите драться, что всегда изволите носить столь огромную шпагу? Не лучше-ли было бы если-бъ вы одѣвались равно съ другими принцами — скромно и безъ особеннаго отличія?»

Эйхгольцъ замѣчаетъ какъ странность, что герцогъ въ день свадьбы не надѣлъ манжетовъ.

Герцогъ въ день свадьбы обѣдалъ дома. Послѣ обѣда, въ 2 часа, пріѣхалъ генералъ Вейде, вести герцога въ своей каретѣ къ царю, ибо герцогъ не имѣлъ съ собою собственнаго экипажа. Предъ нимъ ѣхала въ наемныхъ каретахъ свита его: Вальтеръ, Габихтсталь, Берггольцъ и Эйхгольцъ. Площадь предъ домомъ, въ коемъ жила царь, и даже крыши сосѣдственныхъ домовъ наполнены были народомъ. Когда герцогъ выходилъ изъ кареты, то зацѣпилъ парикомъ за гвоздики и долженъ былъ стоять нѣсколько минутъ съ голою головою посреди народа, покуда вѣрный Эйхгольцъ не успѣлъ снять парикъ съ гвоздя и снова надѣть ему на голову.

У царя находился король польскій; ихъ величества приняли герцога весьма благосклонно. Въ присутствіи прочихъ андреевскихъ кавалеровъ царь наложилъ на герцога орденъ и всѣ кавалеры, по очереди, обнимали новаго своего товарища. Потомъ вошли къ невѣстѣ, убранной велико-княжескою короною (*fast Kaiserliche Krone*), и отправились пѣшкомъ чрезъ улицу въ каплицу, на-скоро построенную. Греко-россійскій епископъ совершилъ обрядъ вѣнчанія, не смотря на представленныя Эйхгольцомъ опасенія, состоявшія въ томъ, что процессъ о разводѣ герцога съ супругою перваго брака еще продолжался въ Вѣнѣ и поелику греческая вѣра не принадлежала къ числу принятыхъ въ римской имперіи вѣроисповѣданій, то законность новаго брака въ послѣдствіе времени могла быть оспариваема. ¹⁾ Посему Эйхгольцъ совѣтовалъ герцогу обрядъ вѣнчанія поручить священнику, какаго-либо въ римской имперіи призваннаго вѣроисповѣданія; но герцогъ не внялъ этому совѣту. Во время

¹⁾ Первая жена Карла-Леопольда была Софія-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская.

церемоніи, продолжавшейся два часа. царь Петръ, по своему обыкновению, часто переходилъ съ одного мѣста на другое и самъ указывалъ пѣвчимъ въ псалтырѣ, что надлежало пѣть.

Изъ церкви пошли процессією къ вечернему столу и многіе въ народѣ громко восклицали: «Смотрите, у герцога нѣтъ манжетовъ!»

Столъ накрытъ былъ въ узкой комнатѣ. Брачное ложе находилось въ комнатѣ, украшенной въ японскомъ вкусѣ, и наполненной японскими лакированными вещами, какихъ, по словамъ Эйхгольца, у Русскихъ много. Самая кровать была также лакирована и Эйхголецъ опасался, что герцогъ въ нее не ляжетъ, такъ какъ запахъ отъ лакировки былъ ему противенъ.

На площади, передъ домомъ герцога, былъ фейерверкъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемый королемъ польскимъ Августомъ II и герцогомъ Мекленбургскимъ, ходилъ и суетился по площади и самъ забавлялся зажиганіемъ ракетъ. Эйхголецъ ходилъ за своимъ герцогомъ, боясь падающихъ ракетныхъ шестовъ. Онъ сказалъ ему, что свѣтлѣйшая невѣста въ 10 часовъ удалась въ спальню и что уже пробилъ часъ пополудни, а что потому и его свѣтлости пора ложиться спать. Наконецъ онъ убѣдилъ герцога войти въ спальню и самъ, утомленный и при томъ полупьяный, легъ спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ, однакожь не надолго. Около 4-хъ часовъ кто-то разбудилъ его, сказавъ тихимъ голосомъ: «Эйхголецъ, Эйхголецъ, что ты спишь?» Проснувшись и очнувшись съ трудомъ, Эйхголецъ увидалъ предъ собою герцога и сильно испугался, думая что опять случилось такое происшествіе (?) какъ съ разведенною герцогинею. Но герцогъ велѣлъ ему не дѣлать шума и объявилъ, что хочетъ лечь къ нему. Эйхголецъ уступилъ ему свою кровать, а самъ легъ къ Берггольцу.

Не смотря на свой странный поступокъ, герцогъ на другое утро пошелъ къ герцогинѣ и поднесъ ей подарки. Потомъ велѣлъ Эйхгольцу заготовить увѣдомительныя письма о заключенномъ бракѣ въ цесарскому величеству и ко всѣмъ курфирстамъ.

На другой день царь угощалъ новобрачныхъ.

На третій день герцогъ обѣдалъ дома. Кромѣ оберъ-гофмейстерины, Екатерина Іоанновна имѣла при себѣ трехъ фрейлинь русскихъ: прекрасную Салтыкову, состоявшую въ близ-

комъ родствѣ съ своею повелительницею, Балкѣ¹⁾ и третью, коей имени Эйхгольцъ не помнить.²⁾

Герцогъ спросилъ его, какъ водилось при прежнихъ герцогахъ мекленбургскихъ: допускались-ли фрейлины къ герцогскому столу?

Эйхгольцъ отвѣчалъ утвердительно, на что герцогъ шутя сказалъ: «ты это говоришь потому, что ты влюбленъ въ Салтыкову». Эйхгольцъ смѣясь возразилъ: «а что за бѣда, хотя-бы и такъ?» Герцогъ продолжалъ: «Если женишься на ней, то будешь со мною въ родствѣ».³⁾ Эйхгольцъ благодарилъ за честь, отъ которой однако-жъ отказался, ибо смѣшно было-бы, если-бы мужъ и жена не могли говорить другъ съ другомъ. (Салтыкова не знала нѣмецкаго языка). Рѣшено было, что-бы фрейлины ѣдали за герцогскимъ столомъ. Но когда шли къ столу, герцогъ, подзвавъ Эйхгольца, приказалъ, что-бы придворныя дамы, кромѣ оберъ-гофмейстерины, сѣли за маршальскимъ столомъ, прибавляя: «Надлежитъ этимъ (дѣвушкамъ) заранѣе учить, какими имъ должно быть». Эйхгольцъ тщетно представлялъ герцогу сколь сіе имъ будетъ обидно и наконецъ объявилъ, что въ семь случаевъ онъ, какъ тайный совѣтникъ и оберъ-маршалъ, самъ сядетъ за маршальскимъ столомъ; а мѣсто его при герцогскомъ столѣ можетъ заступить Берггольцъ. Потомъ онъ подалъ руку Салтыковой и повелъ ее къ маршальскому столу, объясняя ей, чрезъ Наталью Федоровну Балкѣ, что имъ тутъ будетъ гораздо лучше и непринужденнѣе, нежели у герцогскаго стола. Салтыкова стала горько плакать и рыдать, не хотѣла даже отдать изъ рукъ вѣера

¹⁾ Красавица Наталья Балкѣ, родная племянница несчастнаго камергера Мовса, казненнаго въ 1724 г., вышла впоследствии за флотскаго офицера Лопухина, пожалована была въ статсъ-дамы и жила въ связи съ оберъ-штальмейстеромъ графомъ Левенвольде Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 44; 191—235) подробно разсказана трагическая судьба, постигшая эту злосчастную женщину. По преданіямъ ова тѣмъ особенно раздражила противъ себя императрицу Елисавету Петровну, что позволила себѣ какъ-то отозваться: «я хотѣ и покидая женщина, но все еще лучше собою, нежели Елисавета Петровна». Наталья Лопухина скончалась въ 1763 г. П. Г.

²⁾ Это была Воейкова. П. Г.

³⁾ Мать царевны Екаторины Іоанновны, герцогини Мекленбургской, царица Прасковья Федоровна была рожд. Салтыкова. См. въ прилож. родосл. таблицу. Ред.

своего и ничего не отвѣдала, хотя Эйхгольцъ паль предъ нею на колѣна, цѣловаль у ней руки и просиль, что-бы она успокоилась. Нечего дѣлать! и другія дѣвицы ничего не вупали.

По окончаніи стола, Салтыкова убѣжала къ Еватеринѣ Иоанновнѣ: поднялись шумъ, рыданіе, вопли и слезы, такъ что страшно было слушать. Царь сильно почувствовалъ сей поступокъ герцога, а Салтыкову отозвали отъ двора герцога.

Герцогъ весьма щедро одариль російскихъ министровъ и придворныхъ, на что употребиль купленные имъ за 70,000 талеровъ драгоценности. Всѣмъ дарили перстни, даже служанкамъ при камермедхенахъ. Но съ російской стороны Мекленбургцамъ ничего не подарили, ниже кривой булавки (*nicht eine krumme Stecknadel*).

Въ числѣ заказанныхъ въ Гамбургѣ подарковъ было три перстни, каждый въ 4,000 талеровъ; поелику же невозможно было сдѣлать ихъ равной цѣнности, одинъ перстень стоилъ только 3,500 талеровъ, хотя видомъ не отличался отъ другихъ. По отъѣздѣ герцога изъ Данцига, Габихтсталь вручилъ перстни въ 4,000 талеровъ Головину и Шафирову, а Толстому, какъ младшему тайному совѣтнику, въ 3,500 талеровъ. Толстой, который вѣроятно велѣлъ оцѣнить свой перстень, поднялъ великій шумъ и сказалъ Остерману: «Что герцогъ себѣ воображаетъ, что поступаетъ со мною такъ подло и пр.!» Остерманъ, получивъ перстень въ 1,800 талеровъ, и желая успокоить Толстого, предложилъ ему взять вдобавокъ и его перстень. Толстой хотя на это согласился, но сей «грубиянъ», какъ его называетъ Эйхгольцъ, не переставалъ принимать предъ нимъ вида оскорбленнаго и невѣжливаго и даже не принесъ благодарности герцогу по приѣздѣ своемъ въ Шверинъ.

Въ Шверинѣ покои во дворцѣ обивались краснымъ бархатомъ и шпалерами и всѣ приготовления были сдѣланы къ приему царя. Завербованныя Фитингофомъ, по приказанію герцога, войска, стояли въ парадѣ при въѣздѣ царя (12-го мая 1716 г.), и когда царь съ герцогомъ проѣзжали верхомъ мимо войскъ, сей послѣдній кивнулъ головою Эйхгольцу и выразилъ глазами, сколь онъ доволенъ имѣть столь прекрасныхъ солдатъ. Царь принятъ былъ съ такими почестями, какъ самъ императоръ (т. е. цесарь

ское величество). Разумѣется, что ему отведены были лучшія комнаты во дворцѣ.

Когда Эйхгольцъ на слѣдующее утро явился къ царю для поклона, онъ не нашелъ никого въ передней. Проходя чрезъ нѣсколько комнатъ и не встрѣчая никого, онъ входитъ въ приготовленную для августѣйшаго гостя спальню и видитъ, что кровать осталась неприкосновенною. Наконецъ, слыша, что ходятъ по потаенной лѣстницѣ, пошелъ по ней и засталъ царя подъ крышею въ каморѣ, приготовленной для его камердинера, въ кровати коего онъ изволилъ почивать.

Обѣденный столъ царь велѣлъ накрыть въ самой маленькой комнатѣ дворца, ибо его величество вообще любилъ маленькія комнаты. Говорятъ, что таковъ его обычай. Въ Берлинѣ онъ спалъ на медвѣжьей шкурѣ за дверьми. Предполагали, что онъ это дѣлаетъ для избѣжанія опасности, дабы не знали гдѣ онъ спитъ. Въ Шверинѣ царь началъ лечиться пирмонтскими водами. Между тѣмъ герцогъ уѣхалъ на короткое время въ Ростокъ, что-бы сдѣлать приготовленія къ приѣзду царя. На возвратномъ пути герцогъ остановился на обѣдъ въ Пассенѣ. Квартирующіе тамъ русскіе солдаты жестоко бранили управителя этого имѣнія за то, что данный имъ хлѣбъ нехорошъ и требовали лучшаго; угрожая правителю, что въ противномъ случаѣ они поволотятъ его по-русски. Управитель спасся отъ нихъ въ комнату, гдѣ герцогъ обѣдалъ. Но раздраженные солдаты въ открытыя двери бросили туда данный имъ хлѣбъ. Эйхгольцъ, смѣясь, спросилъ герцога:

— «Неужели это тѣ самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи упаси меня отъ такого теста, коего люди такъ бы со мною поступали!»

Герцогъ молчалъ въ изумленіи. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что если Русскіе такъ поступаютъ въ его имѣніяхъ, каково должно быть ихъ поведеніе въ дворянскихъ имѣніяхъ, и что онъ, герцогъ, какъ владѣтельный князь, предъ Богомъ и предъ собственною своею совѣстью обязанъ поговорить о томъ съ царемъ. Эйхгольцъ не переставалъ напоминать о томъ герцогу; но когда сему послѣднему представился случай говорить съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, герцогъ Мекленбургскій струсилъ и молчалъ какъ онѣмѣлый (als wenn er aufs Maul

geschlagen wäre). Наконецъ, когда царь однажды прогуливался въ саду, Эйхгольцъ снова началъ понукать своего герцога, что-бы, пользуясь симъ случаемъ, завелъ разговоръ о постояхъ. Герцогъ никакъ не могъ рѣшиться и наконецъ сказалъ Эйхгольцу: «ты самъ поговори». Эйхгольцъ принялъ на себя это порученіе и дѣйствительно царь изволилъ издать регламентъ: сколько хлѣба, мяса, крупы, сала крестьяне обязаны давать солдатамъ. Но существеннаго облегченія не послѣдовало. Русскіе пили и ѣли не только во дворцѣ, гдѣ послѣдній конюхъ требовалъ всего, что ему въ голову приходило; но и въ городѣ, въ домахъ, гдѣ жили русскіе министры, столъ долженъ былъ быть накрытъ цѣлый день. «И русская толпа», говоритъ Эйхгольцъ, «оставалась у насъ на шеѣ до тѣхъ поръ, пока царь, по славной кампаніи въ Зеландіи, не уѣхалъ въ Голландію и потомъ во Францію».

Въ Шверинѣ царь любилъ обѣдать въ герцогскомъ саду, изъ коего прекраснѣйшій видъ на Шверинское озеро. Герцогъ всегда требовалъ, что-бы его дворцовый караулъ занималъ всѣ посты. Эта герцогская гвардія состояла изъ людей исполинскаго роста, съ огромными усами, и чѣмъ они видомъ были страшнѣе и суровѣе, тѣмъ болѣе нравились герцогу. Во время обѣденнаго стола всегда четверо стояли тутъ съ обнаженными шпагами. Царь, любя быть безъ принужденія и не на виду, неоднократно просилъ герцога избавить его отъ этихъ излишнихъ почестей; но не успѣлъ въ своей просьбѣ. Однажды вечеромъ, когда комары стали беспокоить компанію, рѣчь зашла о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ нихъ.

Царь Петръ Алексѣевичъ сказалъ герцогу: «Вотъ эти мужчины съ обнаженными шпагами ни въ чему иному не годны; велите имъ подойти и отгонять комаровъ огромными своими усами».

Когда царица уѣхала изъ Шверина, Эйхгольцъ ожидалъ, что она изъявитъ свое удовольствіе обыкновенными подарками придворнымъ чинамъ, въ особенности ему, какъ обермаршалу. Но она не пожаловала ему ни гроша (nicht einen Kreuzer). Когда онъ велъ ее въ каретѣ, Екатерина Алексѣевна ему сказала:

«Я останусь у васъ въ долгу».

Эйхгольцъ отвѣчалъ, что того не знаетъ; но что впрочемъ считаетъ за большую честь, если столъ великая государыня у

него въ долгу. Между тѣмъ онъ просилъ одной милости, чтобы ея царское величество упросила царя объ освобожденіи баварскаго дворянина барона Пфертнера, состоящаго въ шведской службѣ и взятаго въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи, чѣмъ ея величество обяжетъ также княгиню Нидеръ-Минстерскую, съ кою баронъ Пфертнеръ состоитъ въ родствѣ, а его, Эйхгольца, вполне вознаградить за его старанія. Царица обещала исполнить эту просьбу и Эйхголецъ впоследствии напоминалъ ей о томъ неоднократно своими записками въ Гагъ и въ Ахенъ; но царица даже не справлялась о Пфертнерѣ, а тѣмъ меѣе просила за него царя. «Столь мало», говоритъ Эйхголецъ, «имѣла она великодушія».

Положено было, что-бы царскіе министры имѣли совѣщанія съ герцогскими о тѣсномъ союзѣ между обоими дворами и о обоюдныхъ ихъ пользахъ. Такъ какъ царь не любилъ мекленбургскаго министра Петкума, то сей послѣдній не участвовалъ въ совѣщаніяхъ. Со стороны царя назначены были Шафировъ и баронъ Шлейницъ; со стороны герцога—Эйхголецъ и Габихтсталь.

Наканунѣ Эйхголецъ спросилъ герцога: не желаетъ-ли онъ лично открыть засѣданіе и какіе предметы имѣютъ быть трактуемы? Герцогъ предоставилъ Эйхгольцу открыть засѣданіе привѣтствіемъ. Предметами совѣщанія были: 1) О новомъ бракѣ герцога и о претензіяхъ разведенной съ нимъ герцогини. 2) О городѣ Висмарѣ. 3) Объ удовлетвореніи герцога за военные убытки. 4) Касательно дворянства. О пятомъ предметѣ, яко секретномъ, Эйхголецъ умалчиваетъ. (Полагаютъ, что оный касался до проекта герцога, промѣнять Мекленбургъ на Курляндію).

Герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ Шафирова и не отпустилъ его до полуночи.

Въ слѣдующій день уполномоченные собрались въ герцогскихъ покояхъ. Герцогъ самъ занималъ предсѣдательское мѣсто. Эйхголецъ открылъ конференцію изъявленіемъ благодарности за то, что царь намѣревается вступить съ его герцогскою свѣтлостью въ тѣсный союзъ. Посему обоюдная польза требовала принять такія мѣры, что-бы разведенная герцогиня, имѣющая столь многихъ друзей при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, не могла представлять свое дѣло съ слишкомъ невыгодной для герцога стороны.

При первомъ, второмъ и третьемъ пунктахъ все шло хорошо и согласились, что-бы царскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ, Брауншвейгѣ и Лондонѣ предписано было дѣйствовать въ пользу герцога единодушно съ Мекленбургскими. Но когда дошли до четвертаго пункта, герцогъ самъ началъ говорить съ яростью, обвиняя дворянство свое въ ужасныхъ небывалыхъ преступленіяхъ и произнося столь неосторожныя рѣчи, что Эйхгольцъ, забывшись, ударилъ рукою по столу и сказалъ герцогу:

— «Если ваша свѣтлость станете такъ поступать, то лишитесь земли и подданныхъ».

Шафировъ уклонился отъ сужденія по сему предмету, извиняясь тѣмъ, что конституція римской имперіи ему неизвѣстна и что онъ согласится съ мнѣніемъ товарища своего, Шлейница, ко-ему извѣстны имперскіе законы. Шлейницъ же замѣтилъ, «что образъ правленія въ нѣмецкихъ княжествахъ не вездѣ одинаковъ, и что каждое княжество имѣетъ свои права и привилегіи; что ему не безъизвѣстно о существованіи въ Мекленбургѣ реверсалій, изъ коихъ видно будетъ, до какой степени можно требовать повиновенія отъ дворянства. Что же касается до преступленій, въ коихъ герцогъ обвиняетъ дворянство, то надобно будетъ ожидать, какія его свѣтлость можетъ представить на то доказательства».

Такъ, повидимому, дѣло осталось, но герцогъ умѣлъ склонить на свою сторону Шафирова, который слѣпо вошелъ во всѣ намѣренія герцога. Шафировъ впоследствии признавался въ Гагѣ Эйхгольцу, что герцогъ въ то время такъ вовлекъ его въ сіи дѣла, что онъ рисковалъ своею головою.

Вслѣдствіе домогательства герцога, депутаты мекленбургскаго дворянства, по повелѣнію царскому, были арестованы, не взирая на то, что Ягужинскій совѣтовалъ царю этого не дѣлать, чѣмъ онъ и навлекъ на себя вражду герцога.

Въ самый день арестованія депутатовъ, Петръ Андреевичъ Толстой далъ одному изъ герцогскихъ пажей пощечину въ поясахъ герцога. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что Толстой тѣмъ нарушилъ не только тишину, долженствующую быть во дворцѣ (Burgfrieden), но и должное его свѣтлости высокопочитаніе. Однако-жь герцогъ почелъ за лучшее прикрыть такую бездѣлицу мнимымъ невѣдѣніемъ.

Царь съ герцогомъ поѣхали въ Ростовъ. По повелѣнію царя, еще нѣкоторые знатные дворяне взяты были военными командами подъ арестъ.

Въ Ростовѣ фурьеръ герцога, одѣтый наравнѣ съ прочими людьми герцогскими по шведской формѣ, случайно подрался съ царскимъ шутомъ. Царь, увидя сіе изъ окна, самъ прибѣжалъ и своею царскою рукою поволоотивъ фурьера, велѣлъ еще явившемуся караулу наказать его палками. Все извиненіе царя предъ герцогомъ состояло въ томъ, что онъ будто принялъ этого фурьера за Шведа.

Эйхгольцъ, оставшійся въ Шверинѣ, узнавъ объ арестѣ дворянъ, послѣшилъ въ Ростовъ и упрекалъ герцога въ его насильствѣ. Герцогъ увѣрялъ, что онъ о томъ ничего не зналъ и что все происходило по повелѣнію царя, который, безъ сомнѣнія, сѣмъ умѣетъ объяснить свои дѣйствія.

IV.

Въ 1717 году герцогъ послалъ Эйхгольца къ царю, пребывавшему тогда въ Ахенѣ, съ просьбою объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, кромѣ 7-ми полковъ, и о защитѣ герцога противъ всякаго насильства. Герцогиня Екатерина Іоанновна, по желанію супруга своего, писала равномѣрно къ царю, заклиная его не оставить герцога и не вѣрить своимъ министрамъ, совѣтующимъ ему противное, но считать ихъ мошенниками и измѣнниками. Эйхгольцъ не зналъ, какъ онъ увѣряетъ, ничего о содержаніи письма Екатерины Іоанновны. Заставъ царя въ Литтихѣ на возвратномъ пути его величества изъ Парижа, просилъ тайнаго секретаря нѣмецкой экспедиціи Остермана доложить о немъ царю и былъ принятъ милостиво. Царь, видя по числу на письмѣ, что оно уже давно писано, спросилъ Эйхгольца, гдѣ онъ такъ долго оставался? Эйхгольцъ отвѣчалъ, что онъ цесарскій вассалъ и довольно нанюхался воздуху въ Вѣнѣ, и потому на старости лѣтъ не хотѣлъ ѣхать въ Парижъ, но ожидалъ его царскаго величества въ Литтихѣ.

Государь сказалъ на то: «добре».

Когда Эйхгольцъ, по приказанію герцога, просилъ объ оставленіи 7-ми полковъ въ Мекленбургѣ и о защитѣ его свѣтлости противъ всѣхъ и каждаго, царь сказалъ:

— «Знаетъ-ли герцогъ, что требуемыя 7 полковъ составляютъ 11,000 человекъ?» и велѣлъ Остерману объяснить это хорошенько Эйхгольцу.

Его величество назначилъ Толстаго и Шафировъ для переговоровъ съ Эйхгольдомъ, а письмо Екатерины Иоанновны, увидя на немъ русскую надпись, нераспечатанное положилъ въ карманъ. Государь велѣлъ Эйхгольцу слѣдовать за нимъ въ Голландію и оставаться при немъ.

Въ Спа Толстой и Шафировъ имѣли совѣщанія съ Эйхгольдомъ и положено было слѣдующее: царь оставляетъ у герцога два полка по выбору самого герцога; болѣе войскъ было бы герцогу въ тягость и царь совѣтуетъ ему отвести полкамъ по равной соразмѣрности квартиры въ городахъ, въ дворянскихъ и герцогскихъ имѣніяхъ. Далѣе царь общаетъ герцогу защиту противъ всѣхъ, которые стануть притѣснять его неправильно. Эйхгольцу же предоставлено было отправить курьера къ герцогу для узнанія его мнѣнія. Эйхголецъ вѣсьма безпокоился, не зная, какъ герцогъ приметъ сіе извѣстіе, ибо его свѣтлость требовалъ всегда, что-бы отъ данной имъ инструкціи не отступали ни на шагъ. Къ счастью, герцогъ былъ доволенъ и отправилъ чрезъ курьера въ отвѣтъ благодарственное письмо, въ коемъ однако-жъ возобновилъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго. Между тѣмъ царь вояжировалъ въ Голландію и каждый разъ, когда видѣлъ Эйхгольца, спрашивалъ его: «Герцогъ еще не писалъ?»

Наконецъ, по приѣздѣ въ Ахенъ, Эйхголецъ получилъ съ курьеромъ письмо герцога и поднесъ оное царю.

Царь спросилъ: «доволенъ-ли герцогъ?»—и узнавъ отъ Эйхгольца, что вѣсьма доволенъ, сказалъ опять: «добре!»

Но когда письмо перевели на русскій языкъ и государь усмотрѣлъ, что герцогъ повторяетъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго, онъ вознегодовалъ на герцога и велѣлъ написать ему чрезъ Эйхгольца, что онъ подобной защиты никогда не общаетъ, развѣ только въ справедливыхъ дѣлахъ, прибавляя:

— «Я для герцога не намѣренъ ссориться съ императоромъ и имперією».

Приготовляясь къ отъѣзду изъ Ахена, царь укладывалъ свою шатулку, въ коей хранились тайныя его бумаги, и тутъ Тол-

стой и Шафировъ увидѣли письмо Екатерины Іоанновны. Они, ужасно разсердившись за то, что названы мошенниками и измѣнниками, тотчасъ послали за Остерманомъ и предъ нимъ жестоко разругали герцога и Эйхгольца, не щадя русскихъ вѣжливостей. Остерманъ, блѣдный, какъ смерть, пришелъ къ Эйхгольцу, сидѣвшему въ ваннѣ, и велѣлъ его вызвать скорѣе. Эйхголецъ божился, что содержаніе письма Екатерины Іоанновны ему вовсе неизвѣстно. Предъ Толстымъ Эйхголецъ не могъ оправдаться, ибо Толстой отправился въ Вѣну за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. И Шафирова трудно было успокоить. Эйхголецъ увѣрялъ его, что герцогъ противъ него ничего не имѣетъ, но что оскорбительныя выраженія относятся вѣроятно къ канцлеру Головкину, князю Долгорукову и къ другимъ, коихъ герцогъ подозрѣваетъ въ недоброжелательствѣ къ нему. ¹⁾

Съ того времени герцогъ лишился и послѣдняго уваженія у российскихъ министровъ.

¹⁾ Вотъ это письмо герцогини Мекленбургской Екатерины Іоанновны къ Петру I. Приводимъ его съ буквальною точностью:

«Милостивейшии Государь мой дядюшка і батюшка, Царь Петръ Алексѣвичъ, здравствуй(ѣ) на множества летъ!

«Симъ Ваше Величества моего Государя покорна прошю: да не оставлены мы будемъ (въ) вашей непрременай милости, которой отъ сердца желаемъ.

«При семъ прошю Ваше Величества не премѣнить своей милости до моего супруга; повеже мой супругъ слышелъ, что есть Вашего Величества на него гневъ, і онъ то слыша (въ) великой печали себя содержитъ, і надееца, что нехъта нашъ злодей Вашему Величеству данесь неправду, не хотя ево видѣть (въ) вашей милости. При семъ проситъ мой супругъ, дабы Ваше Царское Величества не извоили слушать таковыхъ неправедливыхъ данашени(ѣ) на него; истино мой супругъ Вашему Величеству себя абъявляетъ вернымъ слугою.

«Еще поворно проситъ мой супругъ Ваше Величества: слышелъ онъ, что Ваше Величества извоите имѣть альянцъ съ королемъ швецкимъ, і при семъ всенижайше проситъ Ваше Величества мой супругъ, дабы ево при семъ не оставили въ сваей отеческой милости. А кароль пруской да моего супруга не пре(д)иммъ сердцемъ і съ великимъ лукавствомъ; і ради таго мой супругъ Ваше Величества всенижайше проситъ, ежели извоите имѣть *) альянцъ съ королемъ швецкимъ, дабы ево не оставили въ своей милости. Впрочемъ предавъ ваше здравие дражайшее въ сохронение божие, і себя рекомандую въ непремѣнаю милость Вашего Величества. Вашего Величества покорная служница і племянница Екатерина».

«Изъ Ростая, 8 сентября 1718».

(См. «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства». М. 1861 г., книга 2-я, стр. 63 — 64).

Ред.

*) Въ подлинникѣ ошибка: имелеть.

Царь, отпуская Эйхгольца, подарилъ ему свой портретъ, цѣною въ 500 талеровъ.

Герцогъ, находясь въ непрерывной ссорѣ съ своимъ дворянствомъ, былъ недоволенъ, что царь не хотѣлъ его защищать противъ всѣхъ и каждаго, и съ помощію Вальтера составилъ меморію, что-бы склонить царя на свою сторону. Въ сей меморіи онъ дворянство свое не называетъ иначе какъ «мятежниками».

Герцогъ поѣхалъ въ Магдебургъ, гдѣ ожидали царя. Въ Магдебургѣ начальствовалъ князь Ангальтъ-Дессаускій, родной дядя разведенной герцогини. Князь, соблюдая приличіе, былъ съ визитомъ у герцога, но не умѣлъ скрыть выраженія своихъ внутреннихъ чувствъ. Черезъ два дня пріѣхалъ царь (6-го сентября 1717 г.) и остановился у герцога; и такъ, сдѣланныя для приема его величества въ королевскомъ домѣ приготовленія остались напрасными. Герцогъ предложилъ царю на завтракъ чаю, но его величество требовалъ Бургундскаго, спрося герцога, сколько онъ утромъ пьетъ чаю?

Герцогъ, показывая на стаканъ, сказалъ: «вотъ сколько».

Царь отвѣчалъ: «Такъ, вы фюфанъ!» (Wel, ghy bint een Geck).

Герцогъ, что-бы отдѣлаться отъ сего упрека, сказалъ, что онъ поступаетъ по совѣту своего лейб-медика Шапера.

Однако-жъ царь ни мало не смягчилъ прежняго слова и отвѣчалъ сухо: «Soo is he noch een grösser Geck as hy! (такъ онъ еще больше фюфанъ, нежели вы!)»

Послѣ того герцогъ подалъ царю вышепомянутую меморію свою, которую государь вручилъ секретарю Остерману для перевода на русскій языкъ, а самъ пошелъ посмотрѣть соборъ и другія достопамятности Магдебурга.

Возвратясь домой и прочтя меморію герцога, царь сказалъ ему: «что вы тутъ затѣяли? Это вещи несправедливыя и весьма тиранскія. Не забывайте, что императоръ этого никакъ не позволитъ, а я не могу и не хочу вамъ помогать въ подобныхъ дѣлахъ».

Герцогъ возразилъ, что имперія и ея чины (das Reich и seine Stände) долженствовали бы ему содѣйствовать.

Царь повторилъ нѣсколько разъ съ негодованіемъ: «Pfui Reich! Pfui Reich!» будто въ насмѣшку герцогу за его неосновательное

предположеніе, а герцогъ и его совѣтники стояли предъ царемъ, какъ масло на солнцѣ (wie Butter an der Sonne), и не смѣли рта открыть, дабы не услышать отъ него титуловъ, подобныхъ тому, какимъ онъ прежде почтилъ герцога.

Канцлеръ Головкинъ увелъ Эйхгольца въ сторону и просилъ его отклонить герцога отъ столь опасныхъ для него намѣреній. Но герцогъ о томъ и слышать не хотѣлъ.

Герцогъ, намѣреваясь ѣхать въ Берлинъ, послалъ туда придворнаго кавалера, что-бы извѣстить о его пріѣздѣ. Ему приготовили комнаты во дворцѣ. Однако-жъ герцогъ, противъ воли короля, остановился въ томъ домѣ, гдѣ жилъ царь, такъ что только одна комната раздѣляла занятые ими покои. Когда у короля собирались сѣсть за ужинъ, герцогъ требовалъ, что-бы его посадили выше марекграфовъ бранденбургскихъ и что-бы пили прежде за его здоровье, нежели за здоровье марекграфовъ, или что-бы марекграфы вовсе не являлись къ столу. Король изъявилъ готовность на счетъ тоста за здоровье, поелику марекграфы охотно на то согласились бы, но сказалъ, что они не могутъ уступить герцогу первенства. Герцогъ настаивалъ на своемъ требованіи предъ министромъ фонъ-Ильгеномъ, говоря, что когда покойный братъ его, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ въ Берлинѣ, то марекграфы уѣхали въ свои деревни, а онъ не менѣе нежели покойный его братъ. Ильгенъ отвѣчалъ ему довольно сухо, что покойный герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ до пріѣзда своего въ Берлинъ заблаговременно согласился на счетъ церемоніала и тогда удобно было марекграфовъ удалить подъ благовиднымъ предлогомъ, но его свѣтлость нынѣ изволилъ пріѣхать, такъ сказать, какъ незванный гость и король не можетъ согласиться, что-бы въ его домѣ обидѣли марекграфовъ, родныхъ братьевъ покойнаго его родителя. Единственнымъ средствомъ выйти изъ сего положенія было бы занять мѣста по жребію. Но сіе не понравилось герцогу и, не взирая на убѣжденія царя и другихъ особъ, онъ не явился къ королевскому столу.

Между тѣмъ разведенная герцогиня оспаривала рѣшеніе рейс-вальдской консисторіи о разводѣ и исходатайствовала разные по сему предмету декреты отъ имперскаго гофрата; впрочемъ, она согласна была примириться, если герцогъ возвратитъ ей приданое и назначитъ, приличную ея сану, пенсію, о чемъ герцогъ и

смирать не хотѣлъ. Царь весьма разсердился на такую скупость и упрямство герцога, могущія имѣть послѣдствіемъ, что второй бракъ его признанъ будетъ незаконнымъ и велѣлъ сказать герцогу: «что онъ, царь, далъ ему племянницу свою на совѣсть, однако-жъ никогда не согласится, что-бы могли ее когда-либо считать за его наложницу». Царь могъ самъ видѣть въ стеклянныхъ двери, какое впечатлѣніе слова его произвели на герцога, предавашагося какъ бы отчаянію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Берлинѣ, при посредничествѣ царя, заключенъ былъ съ повѣренными разведенной герцогини договоръ, по коему ей назначили пенсію въ 5,000 талеровъ и сверхъ того 30,000 талеровъ единовременно; она же безотговорочно признала разводъ правильнымъ.

Съ сего времени ненависть герцога къ Ягужинскому еще болѣе усилилась.

Черезъ нѣсколько дней російскій посланникъ Головкинъ угощалъ царя и герцога. При десертѣ вошелъ Ягужинскій и герцогъ сказалъ ему:

— «За ваше здоровье, г. Ягужинскій! Желаю, что-бы вы всегда оставались благосклонны къ моему рыцарству и доложили царю сколь оно отъ меня терпѣло, дабы рыцарство хорошенько возблагодарило васъ подарками!»

Ягужинскій, видя себя столь обиженнымъ предъ всѣмъ обществомъ и самимъ государемъ своимъ, вышелъ изъ комнаты. Всѣ російскіе вельможи чувствовали себя обиженными поступкомъ герцога.

Послѣ ужина Эйхгольцъ упрекалъ герцога за его неосторожность. Герцогъ отвѣчалъ, что ему жаль, но что по крайней мѣрѣ облегчилъ свое сердце. Онъ поручилъ Эйхгольцу стараться примирить его съ Ягужинскимъ и велѣлъ звать его къ обѣду, но учтивости послѣ такой обиды не могли имѣть успѣха.

Возвратясь въ Мекленбургъ, герцогъ все надѣялся на помощь царя. Тщетно Эйхгольцъ напоминалъ ему разговоръ съ царемъ въ Магдебургѣ. Однажды герцогъ, долго смотря на маленькій портретъ царя, висѣвшій въ его кабинетѣ, сказалъ: «Вотъ у него такое доброе лицо. Онъ меня не оставитъ!»

Распри между герцогомъ и мекленбургскими чинами дошли наконецъ до такой степени, что имперская экзекуціонная армія заняла весь Мекленбургъ. Герцогъ съ супругою поѣхалъ въ со-

провожденіи Эйхгольца въ Вѣну для ходатайства по своему дѣлу. Имѣлъ-ли онъ успѣхъ или нѣтъ, не относится до предмета сей выписки. Мы выпишемъ изъ записокъ Эйхгольца только слѣдующій эпизодъ касательно пребыванія герцога въ Вѣнѣ.

Его цесарское величество сказалъ однажды своему вице-канцлеру:

— «Хорошо, что герцогъ пріѣхалъ, лишь бы не привезъ съ собою Москвитяну». Императоръ прибавилъ: «Я желалъ бы знать: знаетъ-ли о томъ герцогъ?»

Вице-канцлеръ велѣлъ позвать Эйхгольца и сообщилъ ему слова императора. «Конечно», говорилъ онъ, «смѣлый поступокъ, что герцогъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ привезъ сюда супругу свою». Вице-канцлеръ совѣтовалъ герцогу помѣстить герцогиню въ Нусдорфъ или Леопольдштадтъ, дабы можно было сказать, что она не въ императорской резиденціи. Герцогъ, посоветовавшись съ своими приближенными, велѣлъ отвѣчать вице-канцлеру, что бѣдная женщина, всѣмъ свѣтомъ оставленная, здѣсь, въ Вѣнѣ, никого знакомаго не имѣетъ и при томъ языка не знаетъ; что она умретъ съ тоски, если герцогъ удалитъ ее отъ себя, и что онъ посему проситъ, дабы его цесарское величество оставилъ ее у него. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Далѣе въ ростокской рукописи не упоминается о Россіи и о Петрѣ Великомъ и его семействѣ.

Жизнь Екатерины Ивановны въ замужествѣ за герцогомъ Мекленбургскимъ была очень для нея не сладка. Тѣмъ не менѣе первые годы въ письмахъ своихъ къ Петру I и къ царичѣ Екатеринѣ она не только не высказывала жалобъ на мужа, но, какъ мы видѣли выше, ходатайствовала за него предъ своимъ «дядюшкой и бабушкой», какъ называла она Петра I. «О себѣ извѣствую, — пишетъ герцогиня въ каждой изъ своихъ грамотокъ, 1716—1720 годовъ, — за помощью божіею съ любезнѣйшимъ своимъ супругомъ (или «сожителемъ») обрѣтаюсь въ добромъ здравіи». Въ іюлѣ 1718 г. герцогиня прислала къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ важную вѣсточку. Приводимъ письмо безъ соблюденія своеобразной орографіи герцогини Екатерины Ивановны:

«Примаю смѣлость я, Государыня тетушка, В. В.—ству о себѣ донестъ: милостію Божіею я абеременила, уже есть половина. И при семь просить мой супругъ, также и я: да не оставлены мы будемъ у государя дядюшки, также и у васъ, государыня тетушка, въ неотгнѣнной милости. А мой супругъ, также и я, и съ предбудущимъ, что намъ Богъ дастъ, покажѣсть живы мы, В. В.—ству отъ всего нашего сердца слуги будемъ государю дядюшкѣ, также и вамъ, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу,

и государынямъ сестрицамъ: царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

«А прежде половины (беременности) писать я не посмѣла до В. В—ства, ибо я подлинно не знала. Прежде сего также надѣялася быть, однакоже тогда было неправда; а нынѣ за помощію Божіею уже прямо узнала и приняла смѣлость писать до васъ, государыня тетушка и до государя дядюшки, и надѣюся въ половинѣ «ноемѣври» (ноября) быть, еже Богъ соизволитъ».

7-го декабря 1718 г. Екатерина Иоанновна родила дочь Анну, впоследствии правительница Анна Леопольдовна. Рожденіе ребенка не улучшило положенія матери. Побывавъ въ апрѣлѣ 1719 г. въ Митавѣ у сестры Анны Иоанновны, Екатерина Иоанновна поразсказала ей, а та передала матери о своей горькой жизни. Царица Прасковья Ѳеодоровна печаловалась о ней предъ «государыней милостивой, матушкой-невѣстухой, царичей Екатериной Алексѣевной»..... «Прошу у васъ, государыня, милости,— писала 23-го апрѣля 1721 г. царица Прасковья Ѳеодоровна,— побей челомъ царскому величеству о дочери моей, Катюшкѣ, что-бъ въ печалѣхъ ее не оставилъ въ своей милости; также и ты, свѣтъ мой, матушка моя невѣстуха, пожалуй, не оставь въ такихъ еѣ несносныхъ печалѣхъ. Ежели велитъ Богъ видѣть В. В—ство, и я сама доведу о печалѣхъ еѣ. И приказывала она ко мнѣ на словахъ, что и животу своему не рада.... приказывала такъ, что-бъ для еѣ бѣдства умилосердился царское величество и повелѣлъ бы быть къ себѣ....»

Царь Петръ виная просьбамъ старушки-царицы Прасковьи Ѳеодоровны и сталъ постоянно призывать герцогиню Мекленбургскую въ Россію, напоминая ей при томъ, что, по отношенію къ ея мужу, онъ «множкратно не точию писалъ, но и изусно говаривалъ супругу вашему, что-бъ не все такъ дѣлалъ, чего хочеть, но смотря по времени и случаю».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1722 г. Екатерина Иоанновна пріѣхала въ Москву съ четырехлѣтней дочерью своею Анной, безъ «сожителя», съ которыми уже болѣе не выдалась.

Екатерина Иоанновна скончалась 14-го іюня 1733 года; мужъ ея, Карлъ Леопольдъ, лишенный престола въ 1736 году, дожилъ до того времени, когда внукъ его, Іоаннъ VI, былъ императоромъ всероссійскимъ, а дочь, Анна Леопольдовна, правительницею имперіи.

15-го ноября 1741 года Правительница великолѣпно праздновала въ Зимнемъ дворцѣ день рожденія своего родителя.

Десять дней спустя, снѣгъ ея свергнуть съ престола.

7-го марта 1746 года Анна Леопольдовна скончалась въ заточеніи, въ Холмогорахъ.¹⁾ Карлъ Леопольдъ умеръ 9-го декабря нов. ст. 1747 года въ заточеніи, въ Демницѣ, на 69-мъ году своей жизни.

Ред.

¹⁾ О кончинѣ Анны Леопольдовны см. въ «Русской Старинѣ» (изд. 1870 г., изд. второе, т. I, стр. 410) интересную статью графа М. А. Корфа.— Судьба семейства Анны Леопольдовны также подробно разсказана въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 67, и изд. 1874 г., т. IX, стр. 645—667. Ред.

ПОТОМСТВО ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(четыре колѣна).

○ Царь Алексей Михайловичъ + 1676 г.

Отъ Маріи Милославской.

+ 1669 г.

Отъ Натальи Нарышкиной.

+ 1694 г.

○ Царь Іоанн V со Праксковьей Федоровна Салтыкова.
р. 1666 + 1696 г. р. 1664 + 1723 г.

Императоръ Петръ I со 1) Евдокія До-
ружина + 1731 г.
2) Екатерина I
+ 1727 г.

Екатерина со Карлъ-Леопольдъ Δ Анна со Герцогъ Куръ- Δ Праксковья со Мако-
р. 29 окт. герцогъ Меклен- р. 1693, янв. Фри- Δ Р. 1694
1692 + 1733 г. бургеми + 1747 г. + 1740г. рехъ + 1711г. + 1731 г. нояб.
+ 1730 г.

Паревичъ со Шарлота Δ Анна со Герцогъ Δ Елизавета
Алексѣй Богифен- + 1728 г. Карлъ + 1761 г.
+ 1718 г. Бюгельск. Гольшт. + 1739 г.

Анна Леопольдовна со Антонъ-Ульрихъ
р. 1718 + 1746 г. Герц. Брауншвейг.
Правительница + 1776 г.

Петръ II + 1730 г.

Петръ III со Екатерина II
+ 1762 г. + 1796 г.

Іоаннъ VI Ангровичъ Δ Екатерина принце- Δ Алексѣй принцъ Δ Елизавета прин- Δ Петръ принцъ
р. 1740 + 1764 г. р. 1807 г. + 1787 г. неса + 1782 г. + 1798 г.

Скончались и погребены въ Горсензѣ.

Фавель I + 1801 г.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763 — 1841.

XVI. ¹⁾

Вступленіе въ Туринъ Суворова съ союзными войсками. — Денисовъ у города Пиньероль. — Волонтеры. — Сраженіе при Нови. — Ссора съ Повало-Швейковскимъ. — Дерфельденъ. — Прибытіе на казачьи аванпосты Суворова. — Отдыхъ.

1799.

Когда на вкраткое увѣщаніе Суворова сдать Туринъ на капитуляцію, что-бы избѣгнуть напраснаго кровопролитія отъ сближавшейся къ городу многочисленной арміи, полученъ былъ дерзкой отвѣтъ коменданта, французскаго генерала Фіорелла, то сами жители Турина спасли городъ отъ угрожавшей ему участи Измаила и Праги: утромъ 15-го (26) мая, австрійскій генераль Вукасовичъ, по условленному съ жителями знаку, бросился къ городскимъ воротамъ, нашелъ ихъ отворенными и подъемный мостъ опущеннымъ; Фіорелла послалъ-было изъ цитадели колонну взять въ тылъ слабый отрядъ Вукасовича, но колонна эта была опрокинута съ большимъ урономъ. Жители, вмѣстѣ съ австрійскими войсками, гнали Французовъ по улицамъ до цитадели и въ то же время всѣ ворота городскіе открыли союзнымъ войскамъ. Въ три часа пополудни самъ фельдмаршалъ Суворовъ вступилъ съ войсками въ городъ и встрѣченъ былъ востор-

¹⁾ Первые пятнадцать главъ записокъ атамана Денисова напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 года, томъ X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641.

женными восселиціаніями жителей. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ, но комендантъ цитадели началъ бомбардировать городъ, считая себя вправѣ мстить жителямъ за ихъ измѣну; при чемъ онъ прислалъ къ Суворову парламентаря съ объявленіемъ, что пальба не умолкнетъ до тѣхъ поръ, пока союзныя войска не оставятъ Турина. Говорили тогда, что истинною цѣлью последи парламентаря было развѣдать о домѣ, въ которомъ находился Суворовъ, и хотя парламентарь отъ самыхъ воротъ цитадели до комнаты Суворова и назадъ былъ веденъ съ завязанными глазами, но, кажется, успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо, чрезъ часъ послѣ, выстрѣлы по бѣльшой части направлялись на домъ фельдмаршала.¹⁾

Изъ Турина полкъ Денисова и два другіе казачьи полка отправлены въ отрядъ кн. Багратіона къ Пиньеролу, а самъ Денисовъ оставался еще два дня въ Туринѣ при фельдмаршалѣ. «Онъ хотѣлъ отрядить меня съ двумя или тремя полками австрійской кавалеріи въ экспедицію противъ одного французскаго генерала, находившагося съ частью войскъ въ одномъ ущельи горъ», пишетъ Денисовъ, «но я, зная, что въ тѣсныхъ мѣстахъ весьма опасно дѣйствовать кавалеріею, упробилъ дежурнаго генерала отклонить сіе. Я боялся оставаться при главной квартирѣ, дабы не войти въ какія-либо политическія интриги, и просилъ позволенія ѣхать къ своему полку, на что охотно фельдмаршалъ согласился, потому что въ небытность мою при донскихъ полкахъ сдѣлано упущеніе. Въ часъ пріѣзда моего къ полку (въ гор. Пиньероль) узнаю, что непріятель въ самомъ близкомъ разстояніи и при самомъ городѣ Пиньероль, въ ущельи находится, и часто по казакамъ, на пикетахъ стоящимъ, стрѣляетъ. Осмотрѣвъ всю позицію мѣста и самого непріятели, приказалъ я другому казачьему полку, находящемуся тогда верстахъ въ шести или восьми, оставя на своемъ мѣстѣ нужную для наблюденія непріятели команду, съ остальными явиться ко мнѣ, и донесъ о всемъ куда слѣдовало».

«Скоро послѣ сего прибылъ ко мнѣ князь Багратіонъ; осмотрѣвъ непріятели и позицію, ничего не предпринялъ и, нѣсколько

¹⁾ «Истор. войны 1799 г.» — Дм. Ал. Милютинъ, ч. III, гл. XXIV, и «Истор. Рос.-австр. камп.» г. Фукса, ч. I, стр. 107.

отодвинувъ свой авангардъ, остановился. На другой день прибылъ туда-жъ одинъ австрійской генералъ съ войсками и атаковалъ непріятеля такъ благоразумно и удачно, что Французы не смѣли вступить въ сраженіе и бѣжали въ горы. Всѣ сіи генералы съ ихъ войсками возвратились къ своимъ войскамъ, а я съ двумя полками, въ которыхъ, по раскомандированіи многихъ казаковъ, больныхъ и въ вагенбургъ оставшихся, не было и 500 человекъ (остался). Тогда я увидѣлъ себя въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что все сіе мѣсто было при подошвѣ высокихъ горъ и что, по малолюдству (моего отряда), нельзя было занять всѣ нужныя мѣста, но въ это время является ко мнѣ одинъ человекъ, называя себя сержантомъ когда-то бывшихъ вольныхъ войскъ. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги, и ежели я снабжу его ружьями, порохомъ и свинцомъ, то онъ соберетъ до 300 охотниковъ служить подъ моею командою противъ Французовъ. Обрадовавшись сему случаю, я рѣшился принять его, и какъ въ городѣ (Пиньеролѣ) Французами оставлено много было ружей, то и выдалъ ему оныя и всѣмъ нужнымъ снабдилъ. Въ короткое время явился онъ ко мнѣ съ дивизіею, отъ 350 до 400 человекъ состояющеюся. Всѣ они ничто болѣе были какъ бродяги, не знающіе ни правилъ военныхъ, ни анбиціи, ни порядку. Однако-жъ не одна праздная жизнь, какъ я примѣтилъ, къ тому направляла ихъ, а разница какая-то въ исповѣданіи вѣры главнѣйшимъ была побужденіемъ. Хотя ясно я видѣлъ, что на таковыхъ гигантовъ (?) худая надежда, но, дабы непріятеля удерживать въ осторожности и всѣ нужныя мѣста захватить, они необходимы мнѣ были; почему я и принялъ смѣлость тотчасъ, при осмотрѣ сихъ войскъ, господина сержанта поздравить капитаномъ, что онъ принялъ съ утѣшительностію и гордостію, и величаво командуя, пустился прямо въ горы къ французской границѣ. На другой или третій день его дивизія умножилась отъ 600 до 800, и дралась день и ночь дней нѣсколько, то есть, стоя на горѣ и примѣчая, когда чрезъ дефиле, на другой горѣ, человекъ или скотина (покажется), хотя горизонтально, но навѣрное не ближе версты, стрѣляли съ увѣрительною надеждою безъ промаха убить, и сами въ продолженіе недѣли или болѣе не имѣли убитыми и 10 человекъ, да и тѣ, полагать надо, разбѣжались».

«Съ французской стороны тоже, кажется, подобныя войска были, ибо часто таковымъ же образомъ отвѣчали, но я, оставаяся взади, былъ покойнѣе. Обо всемъ я лично донесъ фельд-маршалу, равно какъ и о производствѣ въ капитаны—что онъ милостиво выслушалъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Карповичъ! я сіе производство подтверждаю.

«Черезъ нѣсколько дней прибыло около 2-хъ тысячъ подъ командою подполковника австрійскихъ войскъ и оставлены въ мое распоряженіе, но я, избѣгая всякихъ соплетеній, на меня особенно часто падающихъ, поставилъ ихъ въ дефилѣ, впереди города, по дорогѣ въ недалеко находящейся крѣпости (С.-Марія?). Во все время былъ я только обезпеченъ однимъ нападеніемъ французскихъ войскъ на Австрійцевъ, которое кончилось скоро тѣмъ, что Французы, увидя осторожность нашу, бѣжали.»¹⁾

Между тѣмъ, какъ войска главной союзной арміи, расположенныя вокругъ Турина, готовились къ открытію осады цитадели туринской, а легкіе отряды, посланные въ горы, отбросили послѣдніе непріятельскіе посты за снѣговой хребетъ Альповъ и Суворовъ готовился преслѣдовать разстроенныя и отступавшія вой-

¹⁾ Денисовъ, въ донесеніи Суворову отъ 22-го мая, между прочимъ пишетъ: «Пиньероло имѣетъ много изъ жителей Якубиновъ, которые всѣ ружья, находящіяся в здешнемъ орсенале, разобрали по себѣ, не показывая не малейшаго виду сражаться оними противъ Французовъ, для чего приказалъ я начальству местечка собрать все в прежнее место, также учинилъ объявленіе жителямъ, въ горахъ находящимся, что-бы они, оставя противъ насъ вооруженіе, жили бы спокойно в своихъ домахъ, а в противномъ случаѣ притерпятъ жестокое наказаніе». Получивъ это донесеніе и другое, что находящійся у Фенетрелли непріятельскій генералъ Циммерманъ, съ 600 отрядомъ французской пѣхоты, считая себя окруженнымъ союзными войсками, объявилъ готовность положить оружіе, если противъ него выслана будетъ пѣхота, Суворовъ рѣшился послать туда кн. Багратиона и далъ ему слѣдующее предписаніе: «Блазь Петръ Ивановичъ! Вотъ вамъ милое письмо отъ походнаго атамана: никто лучше не выполнитъ желаемаго, какъ ваше с—во? Христось съ вами... ни мало не медля, извольте слѣдовать съ полкомъ вашимъ, соединясь съ Андрианомъ Карповичемъ,^{*)} и коли потребно будетъ, то можете взять къ себѣ къ тому и какія инныя подручныя войска въ скорости. Генералу Циммерману объявите мою дружбу, а его командѣ вольность, по силѣ которой и вы моимъ именемъ имъ можете дать на мѣстѣ безпечныя паспорта, но по мѣрѣ ихъ добровольной сдачи, а не обороны. Предаю все въ ваше благоразумное разсмотрѣніе».

(«Истор. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютинъ, ч. III, гл. XXIV, стр. 416).

Ад. Ч.

^{*)} Полковникомъ Денисовымъ.

ска Моро до самаго Генуэзскаго берега, онъ получилъ свѣдѣніе о прибывшемъ въ Геную значительномъ подкрѣпленіи непріятелю моремъ и изъ Франціи, а также, что и войска Мавдональда спѣшати изъ южной Италіи на соединеніе съ Моро. Все это заставило Суворова предпринять другія мѣры и расположить свои войска такъ, что куда бы ни вздумалъ устремиться непріятель, можно было въ два-три перехода сдвинуть къ угрожаемому пункту болѣе 30-ти тысячъ войска. Потомъ, сосредоточивая значительныя силы свои у Александріи, «Суворовъ вспомнилъ обо мнѣ», пишетъ Денисовъ, «и предписалъ, что-бъ я, оставя постъ мой (у Пиньероля) старшему, съ полкомъ моимъ явился къ нему. Увидѣвъ меня, его сіятельство изъявилъ мнѣ свои великія милости и какъ бы жаловался, что я его оставилъ; но когда (я) доказалъ, что это сдѣлано было не по моему желанію, то онъ два раза сказалъ:

— «Право я этого не зналъ».

«И подтвердилъ, что-бъ я нивогда далеко отъ него не отлучался».

Денисовъ поэтому находился при фельдмаршалѣ весь іюнь и іюль 1799 г. съ состоящими при главной арміи казаками.¹⁾

Въ концѣ іюля вся почти Италія была уже занята союзными

¹⁾ Въ это время, при выступленіи на встрѣчу 36-ти тысячной арміи Мавдональда, отданы Суворовымъ по войскамъ весьма любопытныя и оригинальныя приказъ и наставленіе:

I. Александрія, 5-го (16) іюня:

«1) Непріятельскую армію взять въ полонъ.

Взять твердо въ армію, что ихъ 26 тысячъ, изъ конхъ только 7 тысячъ Французовъ; прочіе всякій сборъ реквизиціонеровъ.

2) Казаки колотъ будутъ; но жестоко бы слушали, когда Французы кричатъ будутъ: «пардонъ», или бить «шамадъ». Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать: «балезармъ, пардонъ, жегелезармъ», и снмъ пользуйсь, кавалерію жестоко рубить и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

3) Казакамъ, коимъ удобно, испортить на р. Таро мостъ, и тѣмъ зачать отчаяніе. Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ, крѣпко бить въ барабаны; музыкѣ играть гдѣ случится, но особливо въ погонѣ, когда кавалерія будетъ колотъ и рубить, что-бы слышно было своимъ.

Ихъ генераловъ, особливо казаки, и прочіе, примѣчаютъ по вучкамъ оволо ихъ; кричать: «пардонъ», а ежели не сдаются, убивать».

II. С.-Джювани. Въ ночь съ 6-го (17) на 7-е (18) іюня:

«Остаетъ до р. Треббін 1¹/₂ мили; мила: оную хорошо пройдутъ.

«До непріятеля 1¹/₂ мили; всего 19—20 верстъ,— 6 часовъ.

«За полмили отъ непріятеля, или менѣе, выстраиваются.

войсками. Одна Ривьера Генуэзская оставалась еще во власти Французовъ, да гарнизоны ихъ держались въ крѣпости Кони, въ замѣтъ Тортонскомъ, въ небольшихъ фортахъ Гави и Серравалле. Со времени сдачи цитадели Александрійской, главная армія Суворова оставалась на равнинѣ между рр. Бормидой и Скривіей. Избранный новою французскою Директоріею главнокомандующимъ, Жуберъ прибылъ въ Корнеляно, близъ Генуи, и, рѣшась немедленно дѣйствовать наступательно на армію Суворова, сраженъ пулею въ самомъ началѣ битвы при Нови, 4-го (15) августа 1799 г. Денисовъ поставленъ былъ на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ, среди виноградниковъ, гдѣ находилась французская пѣхота, которая стрѣляла по казакамъ, а казаки по мѣстности не могли дѣйствовать, почему Денисовъ, съ позволенія генерала Дерфельдена, оставилъ это мѣсто и отправился искать болѣе удобное для дѣйствія казаковъ. Шедши съ небольшою командою между сражающимися сторонами и подходя къ какому-то каменному дому, онъ встрѣтилъ дежурнаго генерала Ферстера и князя А. И. Горчакова.

«Сей (последній) какъ бы съ дружественной стороны, но скоро спросилъ меня:

— Гдѣ ваша полкъ?

— «Назади», отвѣчалъ я.

— Какъ это жалко, — продолжалъ Горчаковъ, — нельзя-ли сдѣлать, что-бъ оной поспѣшилъ сюда?

— «Что-жъ бы тутъ могъ одинъ донскихъ казаковъ полкъ

«Линіи выстраиваются быстро. За полчаса передъ разсвѣтомъ раздвигаются»...

...«Тотчасъ его преслѣдуютъ кавалерія и казаки, поддерживаемые пѣхотою, которая тогда уже линією идти не можетъ, но колоннами, не теряя времени.

...«Кавалерія будетъ атаковать въ двѣ линіи по «шахматному»: интервалъ на эскадронъ, что-бы въ случаѣ, когда первая линія, рубясь, расширится—вторая линія могла бы сквозъ интервалы проскакивать.

...«Не употреблять команды: «стой»: это не на ученьи, а въ сраженіи: «атака, руби, коли, ура, барабаны, музыка»...

...«Казаки стоятъ будутъ за австрійскою кавалеріею и въ атакъ бросаются во флангъ неприятелю. Когда же оный будетъ сбить, то преслѣдуютъ его безпрестанно, и всѣхъ истребляютъ».

(«Ист. Рос.-австр. камп. 1799 г.»—Фукса и «Ист. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютина, ч. IV, гл. XXXI и XXXII).

Ад. Ч.

сдѣлать, когда такое количество пѣхоты не могло держаться?»
сказалъ я.

— Хотя немного ударьте, — отвѣчалъ Горчаковъ.

«Французская пѣхота стояла подъ вѣрными выстрѣлами съ вѣрности Нови, ядрами, съ пушею; опрокинувъ оную и подавшись нѣсколько впередъ—очутишься подъ картечами, а если доскакавъ до линіи непріятельской и не опрокинешь ее, (придется) ретироваться. Значить на одномъ и томъ же мѣстѣ надобно подвергнуть людей очевидному поражению. Когда я былъ въ семь размышленіи и что приказаніе ударить дѣлаеть старшій меня и ближней фельдмаршалу, всегда при немъ находящейся, увидѣли всѣ мы, что полкъ мой недалеко изъ-подъ горы идетъ.

— Вотъ и полкъ вашъ; велите поспѣшить ему и ударьте, — сказалъ Горчаковъ.

— Я знаю свое дѣло; я старый солдатъ».

«На сіе онъ не отвѣчалъ и поѣхалъ въ сторону и дежурный генералъ съ нимъ. Я остался одинъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, что несчастной случай привелъ найти другаго и такъ сильнаго врага. Офицеръ спрашивалъ уже у меня, что прикажу дѣлать полку, но я не скоро отсталъ отъ моего сужденія. Однако, оставя жестокую сію мысль, сообразилъ непріятельское положеніе и случившуюся исторію, приказалъ стать полку, — въ которомъ не болѣе 250 человекъ тогда на лицо было, — въ одну линію казачью, нѣсколько рѣдко, что и необходимо нужно было, дабы дѣйствовать дротивомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безопасно людямъ; я подвинулъ полкъ нѣсколько впередъ и сталъ. Французы, — тысячи полторы пѣхоты, — подвинулись во мнѣ и стрѣлки, выскочивъ напередъ, стрѣляли въ насъ, а изъ города пускали ядра. Я стоялъ ровно, въ линію, нѣсколько прочь съ праваго фланга. Лошадь моя, отъ близвѣихъ ударовъ въ землю ядеръ, три или четыре принуждена была сдѣлать сильныхъ во всѣ стороны прыжка и въ одинъ разъ такъ высоко взвилась на дыбы, что я едва могъ усидѣть. Офицеры убѣдительно просили меня, что-бъ съѣхалъ съ своего мѣста, говоря, что вѣрно непріятель замѣтилъ по знакамъ что я. Въ полку уже до 60 раненыхъ и убитыхъ упало; но полкъ въ молчаніи стоялъ. Я послалъ въ нашей пѣхотѣ въ первовстрѣтившемуся генералу просить, что-бъ приерылъ правой мой флангъ, и тогда я ударю. Посланной явился къ генералу Повало-Швей-

ковскому, которой, вмѣсто помощи, обѣщалъ самъ ко мнѣ пріѣхать, и того не выполнилъ. Тогда, заливаясь слезами о горькой участи невинно терпѣвшихъ казаковъ, приказалъ я оборотиться полку назадъ и шагомъ отступать. Офицеры и казаки съ видимымъ прискорбіемъ исполняли мой приказанія въ точности. Французы, не оставаясь довольными тѣмъ, подпрыгивая и безъ всякаго порядку, преслѣдовали и стрѣляли по насъ. Увидѣвъ сіе, я рѣшился имъ отмстить. Съ тѣмъ вмѣстѣ увидѣлъ недалеко человѣкъ до ста нашей пѣхоты, особо идущей въ лѣвой сторонѣ моего полку, и послалъ къ начальнику оной просить, что-бы остановился, пока я, атакуя, возвращусь. Это былъ маіоръ Владычинъ, мнѣ незнакомой, которой отвѣчалъ:

— «Съ Денисовымъ, хотя бы у него было и два человѣка въ командѣ, готовъ въ огонь и въ воду, а тутъ отъ васъ не отстану.

«Извѣстясь о семъ отвѣтѣ, я, не останавливаясь, собралъ всѣхъ офицеровъ и въ глазахъ полка приказалъ имъ, что-бы по первому знаку «ментомъ» (ментально?) оборотились, атаковали бы непріятеля, и конечно, что-бы врѣзались въ него, смѣшали, били, но, не преслѣдуя далѣе, во всѣ ноги возвращались бы назадъ. Казаки отъ горести столь ободрились, что какъ бы спорили обогнать одинъ другаго, влетѣли въ непріятеля, которой, симъ бывъ изумленъ, ни мало не подержался на мѣстѣ и побѣжалъ, а казаки, рѣдкой не убивъ одного или двухъ и не давъ непріятелю опомниться, очутились опять на своемъ мѣстѣ, при чемъ притянули до сорока плѣнныхъ. Маіоръ Владычинъ, по храбрости своей и усердію, очень далеко вдался впередъ и ежели-бы Французы могли скоро опомниться, то бы много потерпѣлъ. За сіе тутъ же прислалъ генераль Дерфельденъ меня благодарить, но велѣлъ сказать, что-бы впередъ не подвергалъ я донскихъ казаковъ такой опасности, что они въ другихъ случаяхъ необходимо нужны и что ихъ тогда нечѣмъ замѣнить. Я съ полкомъ остался на семъ мѣстѣ, потому что не имѣлъ новаго приказанія и, бывъ нездоровъ, еще больше отъ большаго движенія разстроился.

«Сраженіе до захожденія солнца продолжалось и уже въ ночь непріятель бѣжалъ. Генераль Повало-Швейковскій съ пѣхотою преслѣдовалъ онаго, но не могъ догнать. Я съ полкомъ былъ у непріятеля въ лѣвомъ флангѣ и хотя ровнялся съ нимъ, но, по

малому числу казаковъ, не могъ онаго атаковать; другіе же донскіе полки были подъ командою князя Багратіона. Видя, что непріятель уйдетъ и увезетъ артиллерію, которой что много, можно было по стуку колесъ угадать, я приказалъ лучшимъ офицерамъ — взять человекъ 100 казаковъ, заскакать стороною напередъ и показать Французамъ видъ, что ихъ дорога нашими захвачена; офицеры сіе сдѣлали весьма благоразумно. Переѣхавъ маленькою и кривою дорожкой большое болотистое луговое мѣсто, чрезъ которое по дорогѣ бѣжали Французы, — а дорога оная состояла изъ довольно возвышенной насыпи, — казаки мои передовыхъ Французовъ встрѣли выстрѣлами изъ пистолетовъ и военнымъ кликомъ, и тѣмъ таеъ ихъ испужали, что всѣ въ разныя стороны по болоту рассыпались, оставя 18 пушекъ съ запасными лафетами и всѣми артиллерійскими ящиками, всего болѣе 60 штукъ, но всѣхъ лошадей съ упряжью увели: плотина была висока и на нее должно было спущаться довольно круто чѣмъ вѣрно казаки и замедлили, да и наша пѣхота, дойдя до сего мѣста, остановилась. Получивъ донесеніе, что артиллерія попалась въ наши руки, я о семъ чрезъ офицера донесъ генералу Повало-Швейковскому, а самъ слѣзъ съ лошади и легъ на землю, чувствуя во всемъ корпусѣ боль. Офицеръ отъ Повало-Швейковского возвратился и сказалъ, что «генераль меня требуетъ къ себѣ и очень-де строго». Избѣгая и еще непріятностей, хотя и съ большимъ усиліемъ, но поѣхалъ къ нему и, явясъ, поздравилъ его съ побѣдою. Онъ рѣшительно приказалъ:

— Что-бъ сейчасъ всѣ пушки, лафеты и ящики вывезли казаки на гору, ко мнѣ.

— «Это невозможно, потому что упряжи и хомутовъ нѣтъ, — отвѣчалъ я, — а лошади (казачьи), не бывъ приучены, не могутъ, хотя бы и при упряжи, сего сдѣлать».

— Я не совѣтоваться васъ звалъ, а исполнять въ точности мои повелѣнія, — сказалъ Швейковскій.

— «Невозможнаго нельзя сдѣлать», доложилъ я безъ всякаго посторонняго умствования, и при томъ сказалъ, что «сзади нашей пѣхоты идетъ довольное число австрійскихъ войскъ, то не лучше-ли сдать имъ; пусть они потрудятся вывезть ихъ; а пушки взяты Россіянами и этого никто не отыметъ отъ нихъ».

Тогда его превосходительство возвышеннымъ голосомъ сказалъ:

— «Кто по тебѣ старшій въ полку?»

«Я сказалъ кто, и онъ послалъ за нимъ и, призвавъ, приказалъ принять отъ меня полкъ. Подумавъ нѣсколько и припомня старую пословицу: «терпи казавъ—будешь атаманъ», я взялъ одного казака и слугу и поѣхалъ, безъ всякой цѣли, назадъ. Слуга, видя мое положеніе и слабость здоровья, запасся двумя плащами, подъ которыми я, въ маленькомъ лѣсу, или саду, провелъ безъ сна ночь, и въ наставшей день не зналъ что начать. Ъхавши близъ войскъ, увидѣлъ подъ деревомъ сидящихъ нѣсколько особъ, недалеко которыхъ ординарцы держали лошадей, по сему заключилъ, что это кто-либо изъ генераловъ. Пришло мнѣ на мысль явиться прежде всѣхъ у генерала Дерфельдена, посему и послалъ узнать: не онъ-ли тамъ сидитъ? Посланной возвратился и сказалъ, что я угадалъ. Тогда я почувствовалъ что-то, чего не разумѣлъ: удовольствіе-ли или огорченіе, потрясшія меня. Подъѣхавъ ближе, я спелъ съ лошади, подхожу къ генералу Дерфельдену и вижу, что съ нимъ находился и генералъ Повало-Швейковскій. Отъ сего я такъ развлеченъ (разстроены) былъ, что не зналъ въ кому и что прежде сказать, — отчего не могъ скоро начать говорить. Генералъ Дерфельденъ, видя меня въ такомъ положеніи, весьма снисходительно спросилъ:

— Не имѣете-ли вы что мнѣ сказать?

— «Много имѣю, но не знаю какъ. Я не люблю искать чужой защиты въ собственной обидѣ, но обстоятельства принуждаютъ измѣнить характеръ».

«И объяснилъ вчерашній случай. Тутъ генералъ Повало-Швейковскій, вскоча, подбѣжалъ ко мнѣ, взявъ за руку, наговорилъ много пустыхъ извинительныхъ словъ: что это было въ горячности, что онъ не полагалъ, что я это приму за прямое дѣло, и просилъ забыть. Тогда генералъ Дерфельденъ сказалъ:

— Видишь, господинъ Денисовъ, что генералъ отказывается отъ своихъ словъ. Плюнь на сіе дѣло и съ Богомъ поѣзжай въ поле. Я видѣлъ твои дѣла: никто не можетъ тебя помарать.

«При семъ разѣ генералъ Дерфельденъ на генерала Повало-Швейковского съ презрѣніемъ смотрѣлъ».

«Я почти все сіе напередъ видѣлъ и одинъ другъ, съ которымъ я видѣлся передъ тѣмъ, совѣтовалъ не расширять сего дѣла, и что если я особо потребую отъ Повало-Швейковского благо-

родно личнаго удовольствія, то онъ отъ того откажется и будетъ жаловаться—тогда будетъ мнѣ еще хуже.¹⁾ И такъ, я повиновался генералу Дерфельдену тѣмъ болѣе, что благородно выговоренныя слова его ясно оправдывали меня. Потомъ я прїѣхалъ въ свой полкъ, которой весь на аванпостахъ находился, и къ нему два еще примкнули полка, которыми командовалъ полковникъ Грековъ. Непрїятельская армія, за глубокою и широкою долиною остановилась недалеко и непрїятельскіе форпосты по казакамъ стрѣляли очень часто. Получа нужныя свѣдѣнія, какъ и гдѣ стоитъ противъ насъ непрїятель, я нашелъ необходимымъ во многомъ сдѣлать перемѣны по занятой полками моими передовой цѣпи и отправилъ нѣсколько партій во фланги непрїятеля, и особливо къ небольшой крѣпости, называемой Серравалле. Въ сіе время донесли мнѣ, что фельдмаршалъ ѣдетъ ко мнѣ и уже недалеко. Я поскакалъ къ нему и донесъ обо всемъ словесно, а также и поздравилъ его съ побѣдою. Онъ весьма милостиво за все благодарилъ.

— «Что за строеніе я вижу? — спросилъ фельдмаршалъ.

«Это монастырь, и пустой», — отвѣчалъ я.

— «Я поѣду туда и тамъ отдохну.

«Но тамъ опасно и пули еще далѣе онаго летаютъ, а казаки не удержатъ, ежели непрїятель въ большихъ силахъ въ оной пустится», сказалъ я.

— «Карповичъ, они напуганы».

Суворовъ все-таки поѣхалъ къ монастырю «Видя, что фельдмаршалъ непремѣнно положилъ свое исполнить, послалъ я къ полковнику Грекову сказать, что-бы нарочито задразнилъ непрїятеля, что-бы тѣмъ заставить фельдмаршала удалиться. Стрѣльба довольно сильная началась; пули, когда подѣхалъ фельдмаршалъ къ монастырю, летѣли черезъ насъ, но графъ Суворовъ какъ-бы ихъ не слышалъ, вѣхалъ въ монастырь, приказалъ всѣмъ, кромѣ ординарцевъ, его оставить, и въ пустой горницѣ,

¹⁾ Здѣсь можно замѣтить, что рассказы современниковъ и сама Записки автора показываютъ, что А. К. Денисовъ былъ въ высшей степени раздражителенъ и, вообще, подозрителенъ: это объясняетъ и ничѣмъ не вызванную дерзость его предъ княземъ Горчаковымъ, и заносчивость его предъ генераломъ Пovalo-Швейковскимъ, и подозрѣніе о «злобѣ» на него князя П. И. Багратиона — личности, свѣтло-обрисованной нашею военною исторіею. А. Ч.

на соломя, легъ. Видя сіе, я послалъ сказать князю Багратиону, что-бъ поспѣшилъ прислать на защиту, въ случаѣ опасномъ, нужное число пѣхоты; а самъ я побѣжалъ къ казачьимъ полкамъ и приказалъ сколько можно болѣе усилить противъ того мѣста пикеты. Фельдмаршалъ спокойно, но немного отдохнувши, возвратился. За сіе, при Нови, сраженіе я былъ награжденъ алмазами украшеннымъ второй степени орденомъ св. Анны.¹⁾

XVII.

Движеніе русскихъ войскъ и съ ними казачьихъ полковъ изъ Италіи въ Швейцарію.— Переходы чрезъ Альпы.— Болѣзнь Денисова.— Выходъ изъ горъ, зимнія квартиры и обратный походъ на Донъ.

1799.

Выступивъ съ русскими войсками изъ Италіи въ Швейцарію и прибывъ 4-го сентября 1799 г. въ Таверно, Суворовъ узнаетъ тутъ, что обѣщанныхъ Австрійцами муловъ для поднятія обоза арміи не доставлено. Это чрезвычайно огорчило его, вынуждая отложить предположенную атаку непріятеля у С.-Готарда. Въ такомъ затруднительномъ положеніи пришла счастливая мысль великому князю Константину Павловичу — употребить подъ вьюки казачьихъ лошадей; въ горахъ Швейцаріи слѣпленные казаки могли даже быть полезнѣе, чѣмъ на коняхъ. Суворовъ обрадовался этой мысли, сердечно благодарилъ за нее великаго князя и велѣлъ немедленно приготовить до 1,500 казачьихъ лошадей подъ вьюки.²⁾ Денисовъ, подойдя къ Сенъ-Готарду, съ шестью, все время бывшими въ его командѣ донскими полками и съ двумя вновь прибывшими съ полковникомъ Курнаковымъ, оставленъ былъ тутъ впредь до повелѣнія; «взято только», — продолжаетъ писать онъ, — «500 человекъ изъ всѣхъ полковъ съ ружьями, пѣшіе. Наши русскія войска пошли впередъ. Простоявъ дня два, или три, я получилъ повелѣніе со всѣми полками своими присоединиться къ арміи, и немедленно пошелъ. Проходя чрезъ Сенъ-Готардъ и Чортовъ мостъ, я мыслилъ, что Французы очень испужены или совершенно не разумѣютъ военныхъ дѣйствій, что намъ позво-

¹⁾ Съ 20-го іюня 1799 г. А. К. Денисовъ былъ генералъ-маіоромъ. А. Ч.

²⁾ «Ист. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютинъ, ч. VI, гл. LII, стр. 205.

ляютъ идти въ такихъ мѣстахъ спокойно: по моему достаточно было бы 200 человекъ пѣхоты, что-бъ насъ прогнать или побить. Проходя далѣе, я увидѣлъ, что Французы нѣсколько поуменьли и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ намъ должно было проходить узкою долиною между горъ, за малымъ, но глубоко впавшимся, ручьемъ, засѣли и могли бы стрѣлкою изъ ружей нанести намъ великой вредъ, потому что, не подвергаясь сами никакой опасности, могли бы, прицѣливаясь, стрѣлять по насъ навѣрное; при томъ же они и лѣсомъ были прикрыты. Не доходя сего версты четыре или болѣе, я остановилъ свои полки и послалъ команду отборныхъ людей, на добрыхъ лошадахъ, съ тѣмъ, что-бъ непремѣнно доѣхали до перво-заднихъ войскъ, идущихъ впереди, и развѣдывали: не предстоитъ-ли намъ опасности. Когда они проѣзжали сказанное выше мѣсто, то Французы по нихъ зачали стрѣлять, гдѣ и дорога была узкая, и какъ сіе случилось при началѣ ночи, то офицеръ, какъ знающій должность партизана, по храбрости своей не остановился, а приказалъ командѣ ѣхать большою рысью, отчего и не потерялъ казаковъ, кромѣ четырехъ раненыхъ. Онъ послалъ о томъ мнѣ донести, а самъ поѣхалъ далѣе и въ 20-ти или около 30-ти верстахъ нашелъ генерала Мансурова съ 3-мя пѣхотными полками, оставленными для защиты насъ, — о чемъ также скоро донесъ мнѣ. Но я, по первому извѣщенію—что непріятель рѣшился насъ атаковать, созвалъ полковыхъ начальниковъ, распорядилъ кому впередъ идти и кому идти за которымъ полкомъ, приказалъ немедленно и въ ночь идти, рысью, въ два коня. Отъ сего распоряженія мы столь благополучно прошли, что непріятель, или полагая, что по темнотѣ неудобно стрѣлять, или что мы ночью не поидемъ, не успѣлъ нужные мѣста занять, а сдѣлалъ сіе уже при проходѣ заднихъ—что было уже на зарѣ. Я прибылъ къ генералу Мансурову и былъ тѣмъ весьма обрадованъ; а когда ему донесъ о всемъ, съ нами случившемся, то онъ мнѣ сказалъ:

— «За два часа предъ этимъ я былъ атакованъ и къ счастью Французы не знали нашей позиціи и сдѣлали большую ошибку, а иначе много бы я потерялъ, и Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось, потому что непріятеля было много.

• Въ тотъ же день генералъ Мансуровъ велѣлъ мнѣ съ казачьими полками слѣдовать далѣе къ арміи, а самъ съ пѣхотою

шелъ позади. Мы выступили до захожденія солнца по весьма узкой тропинкѣ, гдѣ только пѣшіе и могутъ ходить; съ нами были и мулы съ вьюками. Мы также не могли ѣхать на лошадахъ, а шли пѣшкомъ, ведя за собою лошадей, и одинъ за другимъ въ одиночку, и всю ночь взбирались на крутую гору. Предъ утреннею зарею я увидѣлъ внизу, какъ бы подъ ногами своими, звѣзду. Удивляясь сему, не могъ доразумѣть, что это значитъ; указывая на оную, я спросилъ идущаго подлѣ меня стараго казака, который пояснилъ — что это огонь, вѣрно-де заднія войска стоять на мѣстѣ, и не могутъ идти дальше, потому что казачьи полки, идя одни за другимъ, заняли большое пространство дороги, вотъ-де войска сіи остановились и огонь развели, а дорога очень узка и высока, а посему такъ и видъ дѣлается, что огонь звѣздою кажется. Въ сіе время я, по слабости здоровья, ѣхалъ кое-какъ верхомъ на лошади и, видя подъ собою такую пропасть, испужался, вообразилъ, что легко можетъ лошадь оступить и упасть въ ту пропасть, гдѣ я вижу огонь. Не зная что дѣлать, потому что сойти съ лошади по обыкновенному — на лѣвую сторону — упадешь въ пропасть, а съ праваго боку некуда сойти — тутъ гора стѣною, и лошадь близко къ ней держится, поворотить же, по тѣмъ же причинамъ, нивагъ нельзя было, — посему я рѣшился спуститься на задъ лошади и, держась за хвостъ ея, маршировалъ впередъ по тропѣ. Впереди меня ѣхалъ посланный отъ главнокомандующаго австрійскихъ войскъ, Меласа, къ фельдмаршалу Суворову офицеръ, который также сидѣлъ на лошади. Я ему объяснилъ — въ какой мы опасности и что надо сойти ему съ лошади тѣмъ же манеромъ, какъ и я сдѣлалъ. Когда онъ смогъ то сдѣлать, то тогда уже рассказывалъ мнѣ разные случаи, съ нимъ въ сей землѣ случившіеся, и самъ заливался слезами. При томъ онъ увѣрялъ, что ихъ кавалерія никогда не была въ такомъ критическомъ положеніи. Мы однако-жъ взшли на гору благополучно, хотя арьергардъ и былъ преслѣдуемъ Французами, но слабо, и сколько можно примѣтитъ они опоздали, или были очень первыми отъ російскихъ войскъ нападеніями такъ напужены, что не смѣли уже атаковать съ быстротою».

«На высотѣ была хорошая и пространныя плоскость, гдѣ всѣ войска наши остановились; отдохнувши, пошли далѣе. На другой

день, сентября 19-го 1799 г., въ долину, гдѣ находится женскій монастырь и небольшое, въ нѣсколько мужицкихъ простыхъ домовъ, селеніе, называемое Мутенталь, присоединились и мы, около 10-ти часовъ утра, къ корпусу, подъ командою генерала отъ инфантеріи Розенберга состоящему. Его высочпр — во при насъ вѣдиль на передовые форпосты, и я съ нимъ находился. Въ адъшнихъ мѣстахъ поставили казачьи пикеты. Долина сія, внизъ по ручью въ оной протекающему, отъ селенія имѣетъ изрядную ровную площадь, которая съ лѣвой стороны горъ пересѣкается небольшою, болотистою, покрытою лѣсомъ, дефиле; за оною, хотя также, на версту, узкая есть площадь, но всегда изрытая во множествѣ спадающими водами и завалена камнями. Первая площадь вся была загорожена въ пряслы на небольшое отдѣленіе. Разсматривая сіе мѣсто и слыша генерала Розенберга мнѣніе, что непріятель атакуетъ того же дня насъ, я доложилъ ему, что-бъ огорожи всё позволилъ принять и мѣсто очистить позволилъ, представляя, что непріятель, занявъ дефиле съ лѣсомъ, воспользуется и огорожею, а безъ оной и казаки могутъ при пѣхотѣ дѣйствовать, на что онъ согласился, и я приказалъ казакамъ огорожу принять и ямки позасыпать. На вечеръ Французы, прогнавъ пикеты, заняли вышесказанное дефиле, и какъ отъ лагеря оная едва и на-полторы версты отстояла, то наша пѣхота тотчасъ остановила оныхъ. Французы держались храбро; сраженіе больше часа продолжалось самое упорное, но наконецъ въ ночи наши вытѣснили ихъ и прогнали за другую площадь, въ густой лѣсъ, гдѣ горы сходятся и долина сія представляетъ непроходимую ущелину. Мы всю ночь не спали, потому что хотя сраженіе и выиграли, но и потеряли убитыми много, а раненыхъ и того больше было; да и ожидали, что вскорѣ и еще будемъ атакованы.

«Казаки при семъ случаѣ оставались только зрителями. По представленію моему, что въ такихъ критическихъ мѣстоположеніяхъ казаки не могутъ и мало непріятели задержать, хотя въ резервъ пикетовъ поставилъ я храбраго полковника Грекова, съ полкомъ,—генераль Розенбергъ командировалъ въ подвѣрженіе казаковъ пѣхотной полкъ.

«На другой день, около 9-ти часовъ, утромъ, непріятель въ превосходныхъ силахъ явился предъ нами, опровернувъ казачьи

пикеты и полкъ Грекова, принудилъ и пѣхотный полкъ ретироваться. Россійскія войска изъ лагеря выступили и стали нѣсколько впереди монастыря, въ ордеръ баталіи. Я для казаковъ не имѣлъ назначенія, почему, раздѣля ихъ на двѣ части, велѣлъ полковнику Курнакову,¹⁾ какъ старшему по мнѣ, стать съ одною частію по правую сторону пѣхоты, за ручьемъ, а съ другою стать самъ я по лѣвую сторону, при лѣсѣ, имѣя впереди очищенную мною плоскость. Ѣздилъ къ генералу, который по Розенбергѣ командовалъ пѣхотою, и условились съ нимъ, что-бъ дать свободу Французамъ пройти сказанное дефиле съ лѣсомъ. Французы, занявъ оную дефиле, нѣсколько медлили выходомъ; они имѣли нѣсколько пушекъ, которыми и начали сраженіе. При семъ случаѣ обязанностію поставляю сказать въ честь казаковъ, полки которыхъ стояли въ линію и при мнѣ бывшіе примыкали задомъ, какъ выше сказано, къ лѣсу. Одно не очень толстое, но высокое дерево прикрывало вѣтвями своими задній рядъ; ядро выше головъ попадаетъ въ оное и большой кусокъ съ боку отрываетъ. Дерево зачало колебаться, очень сильно хрустѣло и уже нагнулось нѣсколько, но казаки не оставили своихъ мѣстъ, хотя очевидно угрожала имъ опасность, все стояли покуда не приказалъ я двинуться впередъ.

«Французы построились, помнится, въ шесть густыхъ колоннъ и пошли на насъ; наша пѣхота, позволивъ онѣмъ приблизиться, быстро полетѣла на нихъ со штыками. Тогда и я далъ знакъ казакамъ атаковать, которые, какъ молнія, пригнувшись къ лошадямъ, полетѣли и, обогнавъ нашу пѣхоту, прямо врѣзались въ непріятельскія колонны и разорвали оня; пѣхота наша въ ту-же минуту ударила, и кто не успѣлъ уйти—на мѣстѣ убитъ или въ плѣнъ взятъ. Пробѣжавъ въ дефиле съ лѣсомъ, гдѣ оставался небольшой резервъ, остановились, произвели сильной огонь и немного подержались. При сей атакѣ, въ началѣ еще, упала подо мной лошадь и нѣсколько ушибся я; пересѣвъ на другую, подоспѣлъ я уже когда Французы держались въ дефиле. Пѣхота наша сильно ударила въ штыки и въ тотъ-же моментъ опрокинула и выгнала: Французы во всѣ ноги бѣжали по другой плоскости. Казаки за наваленнымъ камнемъ и малою дистанціею

¹⁾ Съ 21-го іюня 1799 г. Курнаковъ былъ генералъ-маіоромъ. А. Ч.

не могли заскакать напередъ и всѣхъ охватить, но, догоняя, убивали и брали въ плѣнъ. Подскакивая къ лѣсу, гдѣ горы сдвинулись и гдѣ непріятель густо бѣжалъ, встрѣчены мы были сильными залпами съ ружей, гдѣ одинъ нашъ полковой командиръ Позневъ (Паздѣевъ?) убитъ и много казаковъ его полка убито и ранено. Подо мной конь столь сильно въ шею раненъ былъ, что чрезъ полчаса не могъ уже сойти съ мѣста. Наша пѣхота, казалось, и на сажень отъ казаковъ не отставала; непріятель сквозь лѣсъ, по узкой дорогѣ, неоглядкою бѣжалъ, а пѣхота наша гналась и, догоняя толпы, брала въ плѣнъ. Я, полагая, что въ толь тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ три человѣка пѣшіе едва рядомъ могутъ проходить, невозможно казаками непріятеля преслѣдовать, остановилъ оныхъ; но Розенбергъ приказалъ мнѣ гнаться за оными. Собравъ на-скоро до 300, съ офицерами, приказалъ я полковнику Грекову—преслѣдовать непріятеля далѣе; а остальнымъ полкамъ собраться и ожидать повелѣнія. Самъ, видя, что за большими густыми вѣтвями, казаки принуждены лежа напередѣ сѣдла вѣхать, поскакалъ съ 4-мя или 5-ю казаками впередъ, за Грековымъ, осмотрѣть мѣстоположеніе. Проѣхавъ съ полверсты, увидѣлъ, что ручей столь глубоко по узкому провалу течетъ, что воды не видно, а только сильное слышно журчаніе, и гдѣ непременно за крутостію горы надо переходить по мосту на другую сторону провала. Мостъ въ ретирадѣ, Французы, вынувъ цѣлое звено досокъ, испортили. Полковникъ Грековъ, по храбрости своей, не останавливался у сего, но, положиа двѣ доски, съ большою опасностію перевелъ и людей и лошадей, и пустился, до меня еще, впередъ. Ужасаясь его положенію, что-бъ не погубить весь полкъ, рѣшаюсь догнать и поворотить его; перехожу самъ мостъ, перевозжу кое-какъ и лошадь свою и, пройдя нѣсколько шаговъ, вижу двухъ пѣшихъ солдатъ, несущихъ превеликую корзину сыра, а третьяго съ удивленіемъ глядящаго на вершину горы, которой на вопросъ мой— что его удивляетъ? — показываетъ на большую толпу вооруженныхъ Французовъ, стоящихъ надъ головами нашими, высоко, на малой отлогости горы, мимо которыхъ Грековъ проскакалъ подъ вѣрными выстрѣлами. Послалъ къ заднимъ сказать, что-бъ не входили въ лѣсъ, но не зналъ какъ воротить Грекова, дабы торопливостію не окуражить Французовъ, тогда навѣрное казаки будутъ всѣ побиты».

«Въ эту минуту является ко мнѣ австрійской службы офицеръ, ѣхавшій за нами изъ любопытства, а также скоро подъѣхалъ нашей службы офицеръ отъ егерей, которые оба говорили по французски. Воспользовавшись снѣгъ, послалъ я обоихъ по двумъ малымъ стѣпкамъ съ тѣмъ, что-бъ они платками дали Французамъ разумѣть, что они парламонтеры; а когда допущены будутъ, то предложили бы сдаться военно-плѣнными безъ малѣйшей отсрочки времени, и что, въ противномъ случаѣ, атакую ихъ и побью. Скоро посланные мои воротились, сказавъ, что генераль сдается безусловно. Сей генераль, котораго фамилію забылъ, вслѣдъ за ними явился, котораго просилъ я, съ учтивостію, что-бъ войско его, проходя мимо меня, въ порядкѣ, вдало бы свое оружіе, а его превосходительство оставался бы при мнѣ, — что все съ большою тихостію и было исполнено. Пропустя плѣнныхъ, возвратилъ я шпагу генералу и при офицерѣ просилъ явиться къ генералу Розенбергу, что и офицеру нашему приказалъ. Черезъ минуту послѣ сего прискакалъ ко мнѣ полковникъ Грековъ и всѣ казаки скакали во всѣ ноги за нимъ. Грековъ, проѣхавъ узкія мѣста, встрѣлся на обширной долинѣ съ свѣжими, сильными непріятельскими войсками, которыя хотѣли атаковать его и могли бы отрѣзать, тогда онъ принужденъ бы былъ сдаться; но онъ, не подвергая себя и казавовъ таковой опасности, ретировался по казачьему — во всѣ ноги».

«Я приказалъ казакамъ поспѣшно переходить черезъ опасный мостъ и далѣе ретироваться. Полковникъ Грековъ прицѣлилъ взятую у Французовъ пушку и распорядилъ такъ, что-бъ нѣсколькими выстрѣлами нанести большой Французамъ вредъ, которые и не замедлили явиться предъ нами. Я же хлопоталъ, дабы узкое мѣсто наши сворѣй прошли, ибо не можно было иначе отступить, какъ одинъ за другимъ. Въ минуту, когда я наиболѣе былъ занятъ, раздается близъ меня ужасный звукъ и трескъ, такъ что столгнуло духомъ сажени на двѣ меня съ мѣста; а когда я остановился, увидѣлъ, что полковникъ Грековъ кружился какъ кубъ, недалеко отъ меня, и что нѣсколько казавовъ опаленныхъ лежало на землѣ, но къ счастью всѣ оставались живы. Сіе случилось оттого, что полковникъ Грековъ приказалъ разбросанные заряды снести въ одно мѣсто и положили близъ и впереди пушки, которые при первомъ выстрѣ взорвало. Пола-

гать надо, что Французамъ досталось еще хуже, и они въ безпорядкѣ отступили. Мнѣ донесли, что первую пушку не могутъ протянуть чрезъ гѣсъ; почему приказалъ я сію бросить въ рѣчной провалъ, а съ остальными поспѣшилъ къ корпусу. Французы не смѣли преслѣдовать насъ, и мы благополучно возвратились».

«Генераль Розенбергъ отдалъ приказъ: на будущей день рано слѣдовать къ арміи; казаки должны идти впередъ—что и исполнено. На зарѣ мы потянулись по самой узкой тропинкѣ, пѣшие, ведя за собой лошадей, и одинъ за другимъ. Стоя на одномъ пригоркѣ, я смотрѣлъ, дабы уровнить лучше маршъ, но получилъ приказаніе поспѣшить мнѣ, лично, къ фельдмаршалу. Поѣхалъ я къ генералу Розенбергу доложить о томъ и испросить позволенія, котораго нашелъ впереди, на небольшой площади, со многими генералами и офицерами, сидящаго при огнѣ, въ сараѣ, гдѣ варились въ казанѣхъ (котелѣхъ) съ масломъ каша. Взойдя въ сарай, я ожидалъ, что его высокопревосходительство отдастъ мнѣ справедливость и скажетъ что-либо въ похвалу донскихъ казаковъ, но весьма обманулъ. Онъ просто спросилъ:

— «Зачѣмъ вы пріѣхали и идуть-ли казаки?»

«На что со всею учтивостію я ему обо всемъ донесъ, какъ и о полученной мною запискѣ.

— «Надо выполнить,—сказалъ Розенбергъ,—вы можете ѣхать, поручивъ полки старшему.

«При семъ случаѣ генераль-лейтенантъ, шефъ того полка, которой былъ въ подкрѣпленіи казачьихъ пикетовъ, котораго фамилію не припомню, всталъ, взялъ мою дружески руку и такъ сказалъ:

— А! мой милый донскихъ казаковъ начальникъ! Какъ я радъ, что вижу тебя здороваго. Вчера какъ ретировался и увидѣлъ, что твои полки становятся въ линію противъ непріятеля, подумалъ—что такое они затѣвають, да еще противъ пѣхоты регулярной? Слышу военные вѣлки, вижу—казаки летятъ на непріятеля, врѣзываются въ колонны онаго и не вѣрю глазамъ своимъ. Наконецъ вижу—Французы бѣжать. Я сталъ на колѣни, возвелъ очи къ Богу и молилъ Его, что-бъ вамъ помогъ, а самъ все еще не вѣрилъ успѣху.

«Разсказывая сіе, при всѣхъ, онъ плакалъ; но генераль Ро-

зенбергъ и тутъ ничего въ похвалу нашу не сказали, а другіе, какъ я замѣтилъ, и на сказаннаго выше генераль-лейтенанта восо смотрѣли. Я выпросилъ позволеніе быть участникомъ хорошей каши и, съѣвъ ложки двѣ, какъ ее мало и было, поѣхалъ далѣе.

«Я нашелъ фельдмаршала Суворова, прошедшаго чрезвычайно критическое мѣсто, между горою непреходимой высоты и большимъ глубокимъ озеромъ, гдѣ хотя весьма узкая дорожка была, но она завалена была вся величайшими камнями. Сіе мѣсто защищали Французы, но російскіе пѣхотные герои штыками опробовали непріятеля и прошли. Фельдмаршалъ весьма милостиво меня принялъ и благодарилъ какъ лично меня, такъ и всѣхъ чиновниковъ, и казаковъ, а всѣ другіе молча со мною встрѣвались, и я, чувствуя оскорбленіе, молчалъ. За отличіе въ дѣлахъ при селеніи Мутенталь я награжденъ орденомъ 1-го класса св. Анны».

«По соединеніи всѣхъ войскъ, велѣно мнѣ съ полками своими идти впередъ, по тропинкѣ очень узкой, по восточу проложенной. Я выступилъ при наступленіи ночи. Въ самое то время пошелъ снѣгъ и довольно сдѣлалось холодно. Дорожка очень осклизла, отчего, осклизаясь, лошади многія упали внизъ, въ пропасти, и всѣ тамъ убивались въ смерть. Казаки, отъ сожалѣнія о своихъ лошадяхъ, съ которыми они теряли и сѣдла и все, что имѣли запаснаго платья, сокрушенно терзались и нѣкоторые въ голосъ рыдали. А самъ я сталъ чувствовать себя чрезвычайно больнымъ; лошадь мою не могли вестъ за мною, и я всѣхъ ближнихъ во мнѣ, какъ собственныхъ моихъ людей, такъ и казаковъ, потерялъ изъ виду. Болѣзнію до того былъ доведенъ, что какъ бы (находился) въ забытіи. На одной малой равнинѣ, сворота въ сторону, я сѣлъ, ища глазами тихаго мѣста, дабы укрыться отъ вѣтра и стужи».

«Въ семъ положеніи увидѣлъ меня казакъ, представилъ свою лошадь, какъ очень смирную, что-бъ я, взявшись за хвостъ оной, шелъ далѣе, въ чемъ я и послушался его. Взобравшись на хребетъ горы, я сѣлъ на оную лошадь и поѣхалъ далѣе искать переднихъ своихъ, отъ которыхъ далеко я отсталъ. Я нашелъ, что всѣ передніе, собравшись въ бучу, стояли и почти всѣ плакались на участь свою: надо было спускаться съ превысокой горы, а не могли найти для сего удобнаго мѣста; всѣ же, отважившіеся

испытать, скатились внизъ и уже не возвращались, въ томъ числѣ былъ и полковникъ Грековъ. Ночь была очень темная, да къ тому же при большомъ холодѣ дула и большая мятель. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ изъ пѣхоты зашли сюда съ самыми передними; плѣнные Французы, которые весьма легко были одѣты, еще больше страдали и умирающимъ голосомъ вопили. Видя сіе, я долго затруднялся какъ бы участь нашу улучшить. Всѣ розысканія найти какую-нибудь возможность сойти съ горы — остались тщетны».

«Тогда я приказалъ связать лошадей одну въ другой головами плотно и составить изъ нихъ кругъ, въ середину котораго помѣстилъ людей, слабѣйшихъ въ средину, и такъ пробыли мы до свѣта, чѣмъ и себѣ много помогъ. Да и тутъ, ежели бы мой человекъ не запасся шубою и одѣяломъ, то бы я не вынесъ. Въ семь положеніи до разсвѣта мы оставались, и ни одного изъ Россіянъ не умерло, кромѣ того, что нѣкоторые поморозили члены, а изъ Французовъ, сколько помню, умерло три человека. И когда развидѣло уже, долго не находили мы возможности спуститься съ горы; но наконецъ нашли отъ ручья болотистое мѣсто, и не замерзлое, а какъ грязь не весьма топкая была, то только способствовала лошадямъ, хотя съ нуждою, сходить».

«Спустясь въ долину, мы отдохнули, да и сдѣлалось тепло, но теплота испортила болѣе тропинку, а надо было проходить весьма тѣсное мѣсто, которое, упавшимъ съ горы превеличайшимъ камнемъ, сдѣлалось почти непроходимымъ, ибо кто оскользнется, тотъ и упадетъ внизъ дефиле, глубины чрезвычайной. Особо опасно было для лошадей, изъ десяти которыхъ падало три и болѣе, и всѣ убивались. Сіе мѣсто я съ крайнею нуждою, по болѣзни своей, прошелъ, и когда увидѣлъ ровное мѣсто, что можно ѣхать на лошади, то сѣвши на одну казачью лошадь, потому что своей не нашель, поскакалъ съ тѣмъ воображеніемъ, что-бъ найти домикъ и тамъ дожидать уже смерти. Увидѣвъ маленькое селеніе, я столько обрадовался, что не знаю бывалъ-ли я когда въ такомъ утѣшеніи, и въ первой дворъ вѣхалъ; вошелъ во дворъ и встрѣтившагося старика спросилъ: могу-ли я найти мѣсто, гдѣ лечь и чѣмъ укрыться?»

«Въ сей моментъ отворяются въ боку другія двери, выходитъ человекъ и говоритъ ко мнѣ чистымъ французскимъ языкомъ, съ тономъ знакомаго. Я не угадываю его. Тогда онъ мнѣ

сказалъ, что онъ тотъ французскій генераль, котораго при Мутенталѣ я взялъ въ плѣнъ; при томъ сказалъ, что онъ видитъ меня больного и готовъ сдѣлать помощь; что у него приготовленъ хорошій горячій супъ, и совѣтовалъ мнѣ его выпить. Я это сдѣлалъ и, по его же попеченію легъ въ хорошую постель, укутавшись теплымъ одѣяломъ, отчего, когда я проснулся, нашелъ себя нѣсколько спотѣвшимъ. Тутъ мои люди нашли меня, и я, сѣвши на свою уже лошадь, доѣхалъ до одного хорошаго городка безъ всякаго припада, кромѣ того, что все оставался очень больнымъ. Я искалъ искуснаго лекаря, которой весьма мое здоровье улучшилъ, такъ, что безъ нужды я могъ сносить марши. При томъ сей лекарь увѣрилъ меня, что безъ помощи и благодѣянія препоттѣннѣйшаго моего плѣнника (французскаго генерала), едва-ли бы я доѣхалъ до его руки; за что всегда благодарю я его превосходительство, моего плѣнника, и считаю его моимъ отъ напрасной смерти избавителемъ».

Казачьи полки вообще дѣятельно участвовали во всемъ трудномъ движеніи войскъ Суворова чрезъ горы въ Альторфу, а также въ жестокихъ бояхъ съ непріателемъ въ долинѣ Муттентъ, у Швандена, Глариса, въ бѣдственномъ переходѣ чрезъ гору Рингенъ-Копфъ къ Паниксу, въ спускѣ къ Планцу и движеніи къ Фельдвирху;¹⁾ по соединеніи же всѣхъ русскихъ корпусовъ на

¹⁾ Донесеніе Суворова имп. Павлу I отъ 3-го (14) октября, изъ Фельдвирхена, (послѣ совершеннаго уже труднаго перехода чрезъ громады Альпійскихъ горъ):

«На каждомъ шагѣ, въ семь царствъ ужаса зіяющія пропасти представляли отверзтыя и поглотившія готовыя гробы смерти. Дремучія, мрачныя ночи, непрерывно ударающіе громаы, льющіеся дожди и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали сей трепеть. Тамъ является зрѣнію нашему Сень-Готардъ, сей величающійся волосъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ... Всѣ опасности, всѣ трудности преодолеваются войсками В. И. В., и при таковой борьбѣ со всѣми стихіями, непріатель, гнѣднѣйшійся въ ущелинахъ и въ неприступныхъ выгоднѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, не можетъ противостоять храбрости войска, являющагося неожиданно на семъ новомъ театрѣ: онъ всюду прогнанъ»... «Казачи, подъ командою генераль-маіоровъ Денисова и Курякова, много тутъ *) способствовали; послѣдній изъ нихъ, поразивъ и плѣнивъ непріателя на лѣвомъ флангѣ, бросился чрезъ рѣку Муттентъ въ бродъ и вплавъ, опрокинувъ по горамъ и въ гѣсу непріателя, засѣваго въ камень»

*) Битвы въ долинѣ Муттентъ.

берегахъ Боденскаго озера и казацкіе полки расположились, со всею русскою арміею, на зимнихъ квартирахъ, въ Баваріи.¹⁾ Къ восьми полкамъ Денисова присоединились еще два казацкихъ полка, съ войсками генерала Римскаго-Корсакова бывшіе. На обратномъ маршѣ въ Россію всѣ казаки разбиты были по корпусамъ, а Денисовъ съ тремя полками сопровождалъ фельдмаршала.

«Въ Прагѣ князь Суворовъ прожилъ нѣсколько недѣль, гдѣ дѣлали ему многія особы угощенія, въ которыхъ я также участвовалъ и пользовался фельдмаршала особымъ расположеніемъ. По выступленіи изъ Праги наши войска шли прямо на Краковъ, гдѣ со мной никакой не случилось замѣчательной встрѣчи. По входѣ въ Краковъ я сдѣлался боленъ такъ называемою болѣзнію гриппъ, и пролежалъ нѣсколько дней, но, благодаря Провидѣнію, избавился отъ оной, только оставался долго слабымъ, почему впервые принужденъ былъ ѣхать во время марша въ коляскѣ, къ тому-жъ холодная и снѣжная зима въ сіе время была. Я благополучно прибылъ къ предѣламъ Дона, бывъ въ непрерывномъ походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ два года».

Войсковой атаманъ, генералъ отъ кавалеріи, Василій Петровичъ Орловъ, принялъ Денисова съ большимъ отличіемъ и отдалъ по войску приказъ — не употреблять прибывшихъ съ Денисовымъ изъ похода казаковъ ни въ какія службы въ теченіи цѣлаго года. Съ тѣмъ вмѣстѣ атаманъ объявилъ, «что государь императоръ пожаловалъ войску донскому, за отличную службу въ Италіи донскихъ казаковъ, подъ командою моею бывшихъ, богатое знамя съ приличною надписью». По сдачѣ полковыхъ знаменъ и по роспускѣ въ дома казаковъ, Денисовъ прибылъ въ свою станицу.

(Проложеніе слѣдуетъ).

Сообщ. А. П. Чеботаревъ.

яхъ, вытѣснивъ спѣшными казаками; первый же, Денисовъ, пробрался съ лѣваго фланга чрезъ горы и лѣсъ, и продолжалъ непріятеля гнать пока мѣсто позволяло»... «казацкіе полки открывали разсѣяннаго непріятеля въ выгодныхъ для его мѣстахъ, мнящаго на нѣкоторое время удерживаться: купно съ иѣхотными били и брали въ полонъ».

А. Ч.

¹⁾ «Ист. войн. въ 1799 г.»—Д. А. Милютинна, ч. VI, гл. LVII—LXI.

КАЛІОСТРО,

его живнѣ и пребываніе въ Россіи.

Исторія предразсудковъ и заблужденій человѣка любопытна не менѣе исторіи развитія его ума, какъ съ теоретической стороны — въ различныхъ философскихъ системахъ, такъ и съ практической — въ примѣненіи научныхъ открытій и изобрѣтеній къ частному и общественному быту. Но съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ играть первенствующую роль на планетѣ, видѣвшей его въ первобытныхъ времена далеко не такимъ развитымъ существомъ, какимъ онъ явился въ послѣдующіе геологическіе періоды, послѣ продолжительной борьбы съ природою и тяжелыми условіями его существованія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вполнѣ созналъ себя, свои силы, значеніе своего ума, сдѣлался дѣйствительнымъ вѣнцомъ созданія, властелиномъ всѣхъ другихъ существъ, настоящимъ царемъ этого міра, который онъ узналъ и изучилъ, покоривъ себѣ его враждебныя, стихійныя силы, отыскавъ средства защищаться отъ нихъ, — міръ этотъ сдѣлался тѣснѣе для человѣка; силы природы, творящей въ опредѣленныхъ границахъ, казались ему недостаточными и онъ придумалъ себѣ другой, фантастическій міръ, населивъ его созданіями своего воображенія, сталъ отыскивать въ природѣ такія силы, какими она не обладала. Это недовольство настоящимъ, стремленіе расширить область знанія, желаніе измѣнить свойства своей собственной человѣческой натуры и было причиною появленія на ряду съ точными науками, какъ химія, астрономія, философія, такихъ ложныхъ наукъ, какъ алхимія, астрологія, магія. И чѣмъ дальше шелъ пытливый умъ человѣка въ изученіи тайнъ природы и естества, тѣмъ многочисленнѣе, страннѣе проявлялись заблужденія этого ума, тѣмъ упорнѣе держались они и приобрѣтали себѣ больше adeptовъ и фанатическихъ при-

верженцевъ. Казалось одинъ и тотъ-же законъ господствовалъ и въ сферѣ мышленія, какъ въ физической природѣ: сильное дѣйствіе въ одну сторону пробуждало реакцію, противодѣйствіе, умъ граничилъ съ безуміемъ, крайнее безвѣріе возбуждало нелѣпное суевѣріе. Этимъ свойствомъ чловѣка — бросаться въ крайности, увлекаться самыми рѣзкими контрастами, ученіями діаметрально противоположными одно другому. — объясняется появленіе въ нашъ положительный практический вѣкъ такихъ нелѣпостей, какъ спиритизмъ, а въ концѣ XVIII столѣтія, въ эпоху Вольтера, Дидеро, энциклопедіи — появленіе Каліостро, Сен-Жермена, месмеризма.

Мы назвали этого шарлатана и авантюриста, пользовавшагося въ свое время такою громкою извѣстностью, какою не достигали и знаменитые ученые. Каліостро, въ продолженіи чуть не двадцати лѣтъ, надувалъ умныхъ и даровитыхъ людей, являлся почти во всѣхъ странахъ Европы и вездѣ находилъ многочисленныхъ почитателей и приверженцевъ. Въ защиту и похвалу его написано много сочиненій; самъ онъ, хотя не умѣлъ написать правильно десяти словъ по французски, издалъ на этомъ языкѣ „Записки“, наполненныя самымъ невѣроятнымъ хвастовствомъ; объ немъ ходило столько преувеличенныхъ толковъ; романисты, какъ Дюма, сдѣлали изъ него идеальнаго героя одареннаго всѣми совершенствами; все это заставляетъ обратить на него вниманіе тѣмъ болѣе, что послѣдовавшія за его смертью политическія событія, измѣнившія положеніе всей Европы, отодвинули его на послѣдній планъ, принудили позабыть объ немъ — и такимъ образомъ значеніе его для многихъ осталось невыясненнымъ. А между тѣмъ ближайшее знакомство съ Каліостро любопытно для изученія эпохи, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Для насъ, русскихъ, онъ имѣетъ значеніе потому, что, подобно многимъ авантюристамъ, Каліостро думалъ эксплуатировать Россію, гдѣ провелъ почти полгода и сначала пользовался большимъ успѣхомъ (въ Митавѣ). Поэтому мы сочли не лишнимъ рассказать жизнь Каліостро, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній объ немъ, отбросивъ изъ многочисленныхъ, относящихся къ нему, сочиненій всѣ преувеличенія, провѣривъ, по запискамъ современниковъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, факты его жизни, во многомъ, впрочемъ, оставшіеся темными, по неимѣнію положительныхъ данныхъ. Думаемъ, что по возможности вѣрный очеркъ жизни и дѣятельности Каліостро будетъ прочтенъ не безъ интереса. Не приводя всѣхъ сочиненій, относящихся къ нашему предмету, мы упомянемъ, при ходѣ разсказа, тѣ изъ нихъ, на основаніи которыхъ изложимъ жизнь нашего героя, не дѣлая примѣчаній и ссылокъ на источники, изъ которыхъ

почерпнуты нами подробности его жизни. Можем только увѣрить читателей, что всѣ факты нашей статьи проверены критически и основаны по возможности на достовѣрныхъ данныхъ.

I.

О дѣтствѣ и молодости Каліостро мы имѣемъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній, но онѣ существуютъ и хранятся въ архивахъ Ватикана, и это подаетъ надежду, что онѣ когда-нибудь будутъ обнародованы. Въ 1790 году, когда начался процессъ авантюриста, схваченнаго въ Римѣ, іезуиты употребили все свое вліяніе, что-бы дѣлаться правды въ его показаніяхъ и собрать неопровержимые факты о его происхожденіи, поступкахъ и пребываніи въ разныхъ странахъ. Что они достигли своей цѣли, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, если мы вспомнимъ, какими могущественными средствами обладалъ этотъ орденъ, какихъ преданныхъ слугъ имѣлъ онъ во всѣхъ государствахъ, во всѣхъ слояхъ общества. Но всѣ подробности этого процесса, протоколы допросовъ, свидѣтельскія показанія — все это осталось тайною. Отцы іезуиты никогда не любили свѣта, а тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ были замѣшаны многіе изъ ихъ собратій, если не прямо помогавшіе обманщику, то нерѣдко извлекавшіе для себя пользу изъ его продѣлокъ. Самъ онъ, для своего оправданія, не въ этомъ процессѣ, а по дѣлу объ ожерельи королевы, о которомъ мы еще будемъ говорить, издалъ, въ 1786 году, въ Парижѣ, брошюру, подъ заглавіемъ: „Mémoire pour le comte de Cagliostro, accusé, contre M. le Procureur-Général accusateur“. Въ этомъ сочиненіи онъ рассказываетъ такіа невѣроятныя исторіи о своей молодости и своихъ похожденияхъ, что имъ съ трудомъ вѣрили даже самыя ревностныя изъ его приверженцевъ. Такъ онъ рассказывалъ, что дѣтство свое провелъ въ Медивѣ, у Муфти Салагаима, хотя былъ христіанскаго вѣроисповѣданія; что учителемъ его былъ мудрецъ Альতোащъ, возившій его потомъ въ Мекку, Египеть, на островъ Мальту, гдѣ этотъ турецкій мудрецъ превратился вдругъ въ мальтійскаго рыцаря и проч. Гораздо болѣе вѣрныя свѣдѣнія объ авантюристѣ мы находимъ не въ этомъ сборникѣ сказокъ, а въ брошюрѣ, появившейся въ Римѣ въ 1791 году, во время процесса Каліостро и написанной іезуитомъ Марчеллемъ, подъ названіемъ: „Compendio della vita e degli gesti di Guiseppe Balsamo, il dinominate conte Cagliostro“. Брошюра эта была переведена на всѣ европейскіе языки, несмотря на то, что

приверженцы авантюриста старались опровергнуть ее, о чем особенно заботился одинъ вѣнскій священникъ Каспаръ Чинкъ. Но факты, собранные Марчеллемъ, были такого рода, что ихъ нельзя было опровергнуть. Онъ доказалъ, что настоящее имя Калостро было — Бальзамо, хотя онъ прежде называлъ себя и другими именами: Тискио, Мелина, Бельмонте, Пеллегрини, Фениксъ, Анна, Гарать. Родился онъ въ Палермо, 8-го іюня 1743 года, отъ бѣдныхъ родителей: Пьетро Бальзамо и Феличии Бравоньери. Отецъ его былъ мелкій купецъ, по смерти котораго дядя мальчика съ матерней стороны далъ ему воспитаніе въ семинаріи св. Роха, въ Палермо. Молодой Джузеппе Бальзамо убѣгалъ не разъ изъ этого училища. Тринадцати лѣтъ онъ былъ порученъ генералу ордена Милосердныхъ братьевъ, который опредѣлилъ его послушникомъ въ монастырь Картаджироне. Тамъ онъ поступилъ помощникомъ къ аптекарю, у котораго научился первымъ основаціямъ химіи и медицины. Но въ то же время онъ велъ такую жизнь, что монахи часто были принуждены наказывать его. Тогда онъ бѣжалъ изъ монастыря въ Палермо, гдѣ, одно время, занялся рисованьемъ, что не мѣшало ему вести разгульную жизнь и участвовать во всѣхъ уличныхъ дракахъ и стѣчкахъ съ полиціей. Онъ поддѣлывалъ также театральные билеты и, живя у своего дяди, обокралъ его на довольно значительную сумму. Въ двоюродную сестру его влюбился одинъ синьоръ, и Джузеппе, передавая ей письма возлюбленнаго, увѣрялъ его, что она нуждается то въ деньгахъ, то въ часахъ и другихъ вещахъ, получалъ ихъ для нея и присвоивалъ себѣ. Занимаясь у одного нотаріуса, онъ поддѣлалъ завѣщаніе маркиза Мауриджи, лишивъ этимъ одно богоугодное заведеніе значительной суммы. Всѣ эти поддѣлки доказаны официальными протоколами.

Нѣсколько разъ молодой Бальзамо судился, сидѣлъ въ тюрьмѣ, но былъ выпускаемъ, то по недостатку уликъ, то по ходатайству родныхъ. Наконецъ онъ принужденъ былъ бѣжать изъ своего родного города за слишкомъ дерзкую поддѣлку съ однимъ ювелиромъ, котораго онъ обокралъ, увѣривъ его, что близъ городскихъ воротъ зарытъ кладъ. Бальзамо и другіе его товарищи одѣлись чертами, избили и обобрали довѣрчиваго простака. Слѣдствіемъ этой первой попытки—употребить въ дѣло таинственныя силы и колдовство—было, какъ мы уже сказали, бѣгство Бальзамо изъ Палермо.

Съ тѣхъ поръ началась странническая, полная приключеній, жизнь Калостро. Разыгрывая роли предсказателя, открывателя кладовъ, колдуна, вызывателя духовъ, онъ является въ Мессинѣ, Александріи, на островахъ Родосѣ, Сардиніи, Мальтѣ, въ Генуѣ, Неаполѣ, Римѣ. Въ этомъ городѣ онъ продавалъ прекрасные рисунки перомъ и красками

и здѣсь женился на молодой, хорошенькой служанкѣ Лоренцѣ Феличчани, помогавшей ему добывать средства къ существованію темными путями. Искусство рисованія служило ему для поддѣлокъ подъ разные почерки и составленія фальшивыхъ документовъ. Въ то время сошелся онъ близко съ двумя мошенниками, изъ которыхъ одинъ выдавалъ себя за прусскаго полковника, и пожаловалъ своему пріятелю патентъ на офицерскій чинъ, съ подписью Фридриха II, мастерски поддѣланнаго самимъ Калоетро. Но полковникъ и офицеръ вскорѣ поссорились и, боясь судебного преслѣдованія, Бальзамо бѣжалъ съ женою и товарищемъ въ Венецію, гдѣ занялся поддѣлкою государственныхъ бумагъ, векселей и рекомендательныхъ писемъ отъ именитыхъ лицъ: послѣднія служили средствомъ втираться въ богатія семейства и производить тамъ алхимическія и магическія комедіи.

Авантюристъ не засиживался на одномъ мѣстѣ, что совершенно понятно. Чуть начинали распространяться объ немъ невыгодные слухи, а плутни—обнаруживаться, онъ быстро переносилъ въ другой городъ свои подвиги. Такъ онъ покинулъ Италію и отправился съ женою въ Испанію, въ одеждѣ пилигримовъ, продавая по дорогѣ священныя амулеты, жизненные элексиры, симпатическія лекарства, бальзамы и тинктуры, возвращающіе молодость и красоту, философскій камень, превращающій въ золото неблагородные металлы. Бальзамо продавалъ все, не исключая своей жены. Послѣдняя торговля приносила ему болѣе значительный доходъ. Это происходило въ 1770 и 1771 году. Авантюристу было тогда 28 лѣтъ; но онъ недолго пробылъ въ Испаніи и, 3-го августа 1771 года, пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ провель больше года подъ своимъ настоящимъ именемъ, Джузеппе Бальзамо, въ большой нуждѣ и борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами. Онъ привезъ изъ Испаніи нѣсколько драгоценныхъ камней: топазовъ и другихъ, и поручилъ продажу ихъ своему пріятелю, сицилианцу Вивона, а тотъ укралъ вырученныя за камни деньги и бѣжалъ съ ними. Какія средства употреблялъ Калоетро для добыванія денегъ, видно изъ того, что онъ заманилъ къ себѣ одного квакера и, сведя его со своею женою, грозилъ обвинить его въ прелюбодѣйствѣ, если тотъ не заплатитъ сорока гиней. Квакеръ заплатилъ деньги, что-бы избѣжать скандала. Калоетро рисовалъ также картинки легкаго содержанія, которыя жена его носила продавать по тавернамъ, но все это приносило ему такъ мало, что его посадили въ тюрьму за неплатежъ хозяину ввартиры и выпустили только, когда одинъ великодушный англичанинъ уплатилъ за него долгъ. Познакомившись съ его женою въ церкви и узнавъ о его печальномъ положеніи, англичанинъ принялъ его въ свой домъ, поручилъ ему разри-

совать комнаты стѣнною живописью и не претендовалъ, когда тотъ не сумѣлъ этого сдѣлать. Бальзамо оплатилъ по-своему за благодареніе, соблазнивъ одну изъ родственницъ благодѣтеля. Выгнанный со стыдомъ, онъ рѣшился отправиться въ Парижъ. Всѣ эти лондонскія продѣлки описаны въ любольтной брошюрѣ: „Ma correspondance avec le comte de Cagliostro“, изданной 1786 года въ Гамбургѣ; она служитъ отвѣтомъ на сочиненіе самого Бальзамо: „Lettre du comte de Cagliostro au peuple anglais. Pour servir de suite à ses mémoires (1787 г., безъ означенія мѣста печатанія), въ которомъ авантюристъ смѣло увѣряетъ, что онъ первый разъ былъ въ Лондонѣ въ 1786-мъ году.

Заплативъ за проѣздъ черезъ Ламаншъ, Бальзамо нуждался на пакетботѣ въ самомъ необходимомъ. Но тамъ же случай свелъ его съ французомъ Дюплезиръ, управляющимъ имѣніями одного маркиза. Плененный любовью „маленькой графини“, Дюплезиръ помогать въ дорогѣ авантюристу и, по прибытіи въ Кале, предложилъ отвезти супруговъ въ Парижъ, въ своей каретѣ. Но такъ какъ въ ней было всего два мѣста, то супругъ долженъ былъ помѣститься на козлахъ и такимъ образомъ въѣхалъ въ Парижъ, гдѣ гостеприимный французъ предложилъ супругамъ квартиру и столъ въ своемъ домѣ. Бальзамо не пришлось однако долго пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ. Какой-то танцмейстеръ давалъ балъ и пригласилъ къ себѣ авантюриста, разыгрывавшаго роль графа и важной особы. Графъ благосклонно принялъ предложеніе, хотя къ осуществленію его встрѣтилось маленькое препятствіе: у его сіятельства не было порядочнаго платья, что-бы явиться на балъ. Такое обстоятельство не могло остановить находчиваго Бальзамо. Онъ послалъ за торговцемъ готовымъ платьемъ, взялъ у него напрокатъ три лучшія пары, условился заплатить назначенную сумму за то платье, которое онъ надѣнетъ, былъ на балу, а на другое утро послалъ за торговцемъ и, возвративъ ему всѣ пары платья, объявилъ, что не беретъ ни одного, такъ какъ они не довольно свѣжи и роскошны. Но торговецъ узналъ, что одно изъ платьевъ было надѣто и требовалъ уплаты. Графъ прогналъ его, но тотъ подвѣлъ шумъ на улицѣ и скандалъ произошелъ такой, что, Дюплезиръ, давно уже таготившійся поступками авантюриста, попросилъ его совсѣмъ очистить квартиру во избѣжаніе скандаловъ. Бальзамо долженъ былъ исполнить это требованіе, но при этомъ случилось еще обстоятельство, усложнившее и безъ того непріятныя сцены: когда жилецъ Дюплезира вздумалъ избираться на другую квартиру — со своею супругой — супруга его исчезла, неизвѣстно куда. Озадаченный супругъ отправился заявить объ этомъ въ полицію и объявилъ, что подозреваетъ въ похищеніи жены — своего домохозяина, Дюплезира.

Ясно, что онъ давно былъ убѣжденъ въ ихъ связи, но считалъ не нужнымъ открывать глаза до тѣхъ поръ, пока ему было это выгодно. При заявленіи въ полицію Бальзамо такъ плохо объяснился по-французски, что комисаръ долженъ былъ потребовать переводчика.

Прошло однако болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ полиція отыскала бѣгланку, въ уединенномъ домикѣ, живущую у одной прачки, гдѣ ее содержалъ Дюплезиръ. Мстительный итальянецъ настоялъ что-бы его жену заперли въ тюрьму Сент-Пелажи, гдѣ она пробыва три мѣсяца въ строгомъ заключеніи. Любопытно, что послѣ этого эпизода супруги опять соединились и стали жить по прежнему, повидимому, въ совершенномъ согласіи. Надумалась-ли на-досугъ графиня, что ей все-таки выгоднѣе держаться своего мужа, хотя и дурно съ нею обращавшагося, но смотрѣвшаго снисходительно на ея грѣшки, убѣдился-ли самъ Каліостро, что безъ помощи хорошенькой и ловкой женщины онъ не можетъ такъ удачно обманывать довѣрчивую публику,—какъ бы то ни было, но между ними снова водворилась полная гармонія. Бальзамо долженъ былъ, впрочемъ, вскорѣ же оставить Парижъ по требованію полиціи, которой принесъ жалобу одинъ банкиръ, обманутый авантюристомъ, продавшимъ ему за 500 лундировъ напитокъ, возвращающій молодость и едва не отравившій покупателя.

Три года затѣмъ Бальзамо странствовалъ по южной Франціи, Испаніи, Италіи и Мальтѣ, занимаясь преимущественно приготовленіемъ жизненнаго элексира и добываніемъ золота посредствомъ философскаго камня. Въ 1776 году онъ явился опять въ Лондонъ и началъ свои подвиги съ того, что распустилъ слухъ, будто онъ владѣетъ тайною, посредствомъ нѣкоторыхъ кабалистическихъ операцій, угадывать нумера, выходящіе въ лото и лотерею. Нашлись весьма образованные люди, повѣрившіе этому; въ числѣ ихъ были мистеръ Скоттъ и миссъ Фрей. Сношенія между ними кончились однако процесомъ. Они обвинили Бальзамо въ томъ, что онъ похитилъ у нихъ драгоценный браслетъ съ брилліантами, подъ предлогомъ, что возьметъ у нихъ этотъ браслетъ для того, что-бы посредствомъ таинственныхъ химическихъ манипуляцій увеличить вдвое вдѣланные въ него брилліанты. Бальзамо былъ арестованъ, браслетъ у него найденъ, но онъ увѣрялъ, что получилъ драгоценность въ подарокъ за то, что сообщилъ миссъ Фрей цифры нумеровъ, выигравшихъ ей въ лотерею значительныя суммы. Та, въ свою очередь, представила свидѣтелей, подтверждавшихъ ея показаніе, и Бальзамо, выпущенный между тѣмъ на свободу со вносомъ залога, видя, что дѣло его принимаетъ дурной оборотъ, бѣжалъ въ Брюссель. Въ своихъ

запискахъ, онъ, конечно, оправдываетъ себя въ этомъ процесѣ и обвиняетъ не только противниковъ, но свидѣтелей и судей.

Это вторичное пребываніе авантюриста въ Лондонѣ, во время котораго онъ принялъ окончательно имя графа Калиостро, принадлежавшее его теткѣ и крестной матери, Винченче Калиостро, было для него очень важно, потому что здѣсь онъ вступилъ въ масонскую ложу и познакомился со всѣми таинствами масонства. Очень многія ложи этого ордена занимались въ то время мистическими фокусами, посредствомъ которыхъ рассчитывали войти въ сношенія съ міромъ духовъ.

По этой теозофской системѣ, развившейся изъ ученія гностиковъ, міръ находился подъ властью духовъ высшей или нижней организаціи, имѣющихъ свою іерархію. Кромѣ этого полчища небесныхъ силъ, существуютъ другія, служація злему началу и находяціяся въ вѣчной борьбѣ съ ангелами изъ-за душъ человѣческихъ. Посредствомъ извѣстныхъ кабалистическихъ и алхимическихъ операцій, формулъ и манипуляцій съ крестомъ, трехугольникомъ и кругомъ, нѣкоторые добродѣтельные, избранные провидѣніемъ люди получили власть надъ этими духами, высшихъ или низшихъ ступеней, и могли, съ ихъ помощію, вызывать умершихъ, получали даръ ясновидѣнія и могли готовить первоначальное вещество, *materia prima*, изъ котораго произошли всѣ предметы на землѣ, — послѣднее давалось, впрочемъ, въ удѣлъ только лицамъ, достигшимъ высшей степени духовнаго совершенства. Они одни только могли превращать ртуть въ твердое вещество, изъ котораго получалось сначала серебро, потомъ золото. Въ него превращались и всѣ прочіе благородные металлы, съ помощію *materia prima*.

Къ такимъ людямъ причислялъ себя Калиостро и такое ученіе, смѣсь средневѣковой магіи и современнаго піетизма, проповѣдывалъ онъ людямъ, жадно стремившимся ко всему чудесному, сверхъестественному. Онъ назвалъ его „древнимъ египетскимъ масонствомъ“, основаннымъ Енохомъ и Изіею и назвалъ себя „великимъ Кофтою“. Послѣдователямъ своимъ обѣщалъ онъ достиженіе физическаго и моральнаго совершенства; но достигнуть его мужчина могъ только послѣ 50-ти лѣтъ, женщина — послѣ 36-ти. Готовиться къ возрожденію надо было сорокадневнымъ постомъ въ уединеніи, начиная съ майскаго полнолунія и принимая травы и капли, указанныя великимъ Кофтою. На 32-й день надб было пустить себѣ кровь: тогда начинались конвульсіи, лихорадка, обмороки, выпадали волосы и зубы, сводило кожу — но все это появлялось вновь послѣ принятія ванны съ растворомъ *materia prima*. Лѣтъ черезъ 50 слѣдовало повторять эту операцію, и тогда человѣкъ могъ жить 5,557 лѣтъ. Самъ Кали-

остро увѣрялъ, что онъ жилъ еще во время всемірнаго потопа и спасся вмѣстѣ съ Ноемъ, въ его ковчегѣ.

1777 и 1778 годы Каліостро провелъ въ Германіи, занимаясь тѣми же мистическими и алхимическими фокусами.

Въ Германіи господствовали тогда два разнородныя стремленія, рационализмъ и піэтизмъ. Представители перваго ученія: Николай Лессингъ, Мендельсонъ возставали противъ неясности, несообразности нѣкоторыхъ религіозныхъ доктринъ въ то время, когда приверженцы противоположнаго ученія впадали въ теозофическія бредни. Всеобщее недовольство современныиъ, дѣйствительно незавидныиъ, положеніемъ общества и государства увлекало самыя положительныя умы въ области фантазіи, въ мистико-спиритическія мудрствованія, въ алхимико-теологическія выдумки, въ особенности развиваемыя Сведенборгомъ и, впоследствии, Месмеромъ. Ихъ поддерживали даже такіе люди, какъ Лафатеръ, Гасснеръ, Шрёпферъ. Вся Германія была наполнена тайными обществами, клубами, масонами, розенкрейцерами, иллюмина-тами; все стремилось къ чудесному, къ трансцендентальному. Цѣлью всѣхъ стремленій было достиженіе извѣстной степени совершенства, которое приблизило бы созданіе къ Создателю; всѣ старались облагородить свое тѣло, свои животныя инстинкты, развитъ въ себѣ интеллектуальныя качества до такой степени, что-бы достигнуть сверхъестественныхъ способностей: излеченія болѣзней, возможности знать поступки и мысли отсутствующихъ, власти надъ окружающимъ міромъ, подчиненія себѣ силъ природы. Магнетическія манипуляціи играли важную роль во всѣхъ собраніяхъ; сомнамбулизмъ возвышался на степень догмата. Теорія ясновидѣнія, примѣненная на практикѣ Пюсегюромъ въ южной Франціи, перешла отсюда въ Швейцарію и черезъ Страсбургъ распространилась въ Германіи. Лафатеръ лечилъ предписаніями сомнамбулизма, усыпляя свою жену и заставляя ее писать рецепты въ магнетическомъ снѣ. Журналы, хотя и не имѣвшіе тогда такого вліянія, какое производятъ въ наше время, поддерживали эти странныя ученія и вѣрованія. Въ серьезномъ изданіи „Berliner Monatschrift“, докторъ Землеръ и придворный проповѣдникъ Штаркъ доказывали возможность дѣлать золото съ помощью сверхъестественныхъ вліяній. Вездѣ вызвали мертвецовъ, заклинали духовъ, отыскивали клады, вѣрили въ колдовство, шабашъ вѣдьмъ на Гарцѣ, превращеніе людей въ свиней и волковъ.

Мудрено-ли, что на такой, какъ-будто нарочно подготовленной для него, почвѣ, Каліостро явился человѣкомъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе, прославившимся между суевѣрными и довѣрчивыми людьми.

Анонимная брошюра: „Mémoire pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro (Strasbourg, 1786)“, рассказываетъ много чудесъ, совершенныхъ авантюристомъ въ Германіи. Мы не станемъ, конечно, приводить ихъ и упомянемъ только о томъ, что въ Гольштиніи онъ сошелся съ другимъ, подобнымъ шарлатаномъ, графомъ Сен-Жерменъ, основавшимъ тутъ родъ ложи, съ эротическою цѣлью — достиженія въ жизни высшаго наслажденія. Калиостро и его жена были приняты въ эту ложу съ особенною торжественностью. Не вездѣ однако встрѣчали его съ почетомъ и любопытствомъ. На родинѣ Канта, въ Кенигсбергѣ, приняли его холодно и недоувѣрчиво, о чемъ свидѣтельствуеетъ тамошній епископъ Боровскій, въ своей брошюрѣ (Кенигсбергъ, 1790 г.). Министръ и канцлеръ Корфъ утверждалъ, что это — переодѣтый лакей. Его считали даже эмиссаромъ іезуитовъ. По словамъ Боровскаго, онъ терзалъ много оттого, что не умѣлъ говорить проповѣдей, которыя такъ любилъ простой народъ. Тогда онъ вздумалъ избрать новую арену для своихъ фокусовъ: на востокъ лежала страна малозвѣданная, представлявшая обширное поприще для искуателей приключеній, гдѣ, повидимому, легко можно было достигнуть извѣстности, почестей, богатства. Калиостро отправился въ Россію.

II.

Въ февралѣ 1779 года Калиостро появился въ Митавѣ. О пребываніи его въ этомъ городѣ имѣемъ мы любопытную книгу, написанную г-жею фон-дер-Реке, рожденною графинею Медемъ: „Nachricht von des berichtigten Cagliostro Aufenthalt in Mitau im Jahre 1779“ (Берлинъ, 1787). Эта образованная и даровитая женщина оставила намъ интересное, съ мельчайшими подробностями, описаніе пребыванія шарлатана въ этомъ городѣ и всѣхъ его магическихъ операций. Мы гѣмъ болѣе можемъ вѣрить этой книгѣ, что сочинительница принадлежала сначала къ преданнѣйшимъ приверженцамъ Калиостро, какъ ее отецъ и дядя, оба масоны и алхимики, принадлежавшіе къ высшему курляндскому дворянству. Черезъ нихъ Калиостро втерся въ лучшее общество города. Выдавая себя въ Англіи и Испаніи за прусскаго полковника, въ Митавѣ Калиостро назвалъ себя испанскимъ офицеромъ. Онъ увѣрилъ семейство Медемовъ, что имѣетъ важное порученіе отъ масонскаго ордена въ сѣверныя страны. Его представили начальнику города фон-дер-Ховену и майору Корфу и они увлеклись имъ. Тогда и г-жа Реке, съ своею теткою, графинею Кейзерлингъ и кузиною, графинею Медемъ, захотѣли узнать его ближе. Обманщикъ дѣйствовалъ ловко и увѣрилъ ихъ, что онъ имѣетъ пол-

помощіе, какъ гроемейстеръ ордена, открыть масонскую ложу „Loge d'Adoption“, въ которую будутъ приниматься и женщины. Ложа была дѣйствительно открыта и въ нее вступило много образованныхъ лицъ: Это было тѣмъ удивительнѣе, что Калиостро самъ выказывалъ весьма поверхностное образование: онъ не только писалъ плохо, съ орфографическими ошибками, но и говорилъ неправильно: по-итальянски — съ отвратительнымъ сицилійскимъ акцентомъ, по-французски — съ самыми тривиальными выраженіями; манеры его были грубы и неулыбчивы. Эти недостатки приверженцы его оправдывали долгимъ пребываніемъ его между грубыми обитателями Медины и Египта. Что касается до образа жизни его, то надо сказать, что онъ былъ весьма воздержанъ и велъ себя примѣрно, толкуя постоянно о необходимости укрощенія страстей для достиженія совершенства. Само собою разумѣется, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали отъ него какого-нибудь магическаго опыта и онъ рѣшился показать имъ свое знаніе и могущество.

Съ этой цѣлью выбралъ онъ шестилѣтняго мальчика изъ семейства Медемовъ, помазалъ ему руку и тѣло „масломъ премудрости“, потомъ прочелъ надъ нимъ псаломъ. Когда ребенокъ былъ, такимъ образомъ, посвященъ „прозрѣнію“ (причемъ онъ сильно вспотѣлъ), Калиостро сдѣлалъ нѣсколько кабалистическихкихъ знаковъ на его головѣ и рукѣ и велѣлъ ему смотрѣть въ эту руку. Затѣмъ спросилъ онъ отца ребенка: „какое онъ хочетъ имѣть видѣніе?“ Тотъ просилъ магика, для того, что-бы не испугать мальчика, показать ему — его мать и сестру, которыя остались дома. Заклинаніе было повторено и минутъ черезъ десять мальчикъ сказалъ, что видитъ свою мать и сестру.

— „Что дѣлаетъ ваша сестра?“ спросилъ Калиостро.

— „Она положила руку на-сердце, какъ-будто оно болитъ у нея“, отвѣчалъ ребенокъ и прибавилъ немного спустя: „теперь она цѣлуетъ моего брата, который только что вернулся домой“.

Все это дѣйствительно случилось, но что-бы узнать все это прежде и научить мальчика повторять заранѣе заданный урокъ — стоило немного труда. И во всякомъ случаѣ это былъ весьма не хитрый опытъ очень скромной магіи.

Другой опытъ магическаго знанія Калиостро касался открытія кладовъ. Онъ объявилъ, что ему дано знать свыше о существованіи мѣста, гдѣ зарыты важныя магическія рукописи и драгоценности. Мѣсто клада было указано въ имѣніи графа Медема, недалеко отъ Митавы. Тамъ жилъ, по словамъ Калиостро, 600 лѣтъ тому назадъ, великій магикъ и спряталъ свои сокровища для блага человечества, но они должны достаться только добродѣтельнымъ людямъ,

хотя ихъ давно уже тщетно отыскиваютъ некромантики. Калиостро надѣялся, что ему удастся открыть ихъ, какъ ни опасна эта попытка и хотя кладъ стерегутъ злые духи. Но если онъ достанется приверженцамъ черной магіи — міръ ожидаютъ неисчислимыя бѣдствія. Поэтому всѣ должны были соединить свои молитвы съ молитвами Калиостро, что-бы ему даны были силы противудѣйствовать злымъ духамъ. Онъ описалъ подробно мѣсто и лѣсъ, гдѣ зарытъ кладъ, несмотря на то, что никогда не видалъ ихъ. Что-бы убѣдить всѣхъ въ существованіи клада, Калиостро опять прибѣгнулъ къ помощи мальчика, который, подъ его вліяніемъ, началъ говорить, что видитъ землю открытою и въ ней много золота, серебра и бумагъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этой сцены, онъ объявилъ, что теперь успѣлъ сковать злого духа, охранявшаго кладъ, и черезъ нѣсколько времени приступить къ открытію его. Этого однако не дождались довѣрчивые митавцы, такъ какъ до окончанія этого срока Калиостро уѣхалъ въ Петербургъ.

Еще другой „магическій опытъ“ произвелъ Калиостро въ домѣ графа Медема, въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ масонской ложи. Онъ спросилъ имена двухъ умершихъ членовъ семейства Медемовъ, написалъ ихъ на бумагѣ съ разными кабалистическими знаками, потомъ сжегъ эту бумагу, натеръ пепломъ ея голову того же мальчика, который помогалъ ему и при первомъ экспериментѣ, и ввелъ его въ сосѣднюю комнату, гдѣ онъ долженъ быть свидѣтелемъ важныхъ явленій. Заперевъ за нимъ дверь, Калиостро сказалъ присутствующимъ, что-бы они сѣли противъ двери и хранили глубокое молчаніе. Самъ онъ, съ обнаженной шпагой, сталъ передъ дверью, началъ махать ею, дѣлать разные знаки на двери, кривляться и бормотать разные слова, между которыми чаще всего слышались: „геліонъ, меліонъ, тетраграмматонъ“. Когда кто-то изъ присутствующихъ пошевелился, Калиостро закричалъ, какъ бѣшеный, что если кто-нибудь сдѣлаетъ хоть одно движеніе — всѣ они подвергнутся величайшей опасности. Послѣ этого онъ возобновилъ свои кривлянія, выкрикиваніе бессмысленныхъ словъ, снова обвелъ вокругъ присутствующихъ шпагой волшебный кругъ, говоря, что первый былъ уже нарушенъ и недействителенъ. Продолжая заклинанія, онъ требовалъ съвязъ запертую дверь, что-бы мальчикъ въ другой комнатѣ сталъ на колѣни и потомъ спросилъ, что онъ видитъ.

„Я вижу прекраснаго юношу, который мнѣ въ послѣдній разъ открылъ землю въ лѣсу“ (въ сценѣ съ открытіемъ клада), отвѣчалъ мальчикъ черезъ дверь.

— „Хорошо“, сказала Калиостро: „попросите юношу, что-бы онъ вамъ показалъ фонъ-NN, съ цѣпями на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ“.

„Я вижу господина фонъ-NN; онъ очень печаленъ и у него цѣпи на рукахъ, ногахъ и на шеѣ“ былъ отвѣтъ.

— „Что видите вы теперь?“

„Юноша затягиваетъ крѣпче цѣпь на шеѣ NN“.

Калиостро спросилъ потомъ: „гдѣ находится NN“ и мальчикъ назвалъ его имѣніе, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Шарлатанъ потребовалъ, что-бы мальчикъ попросилъ прекраснаго юношу удалить NN и показать брата кузины фон-дер-Реке. Мальчикъ отвѣчалъ, что братъ этотъ явился, что онъ въ красномъ мундирѣ и кажется очень доволенъ, кладетъ руку на сердце и ласково смотритъ. Фокусникъ спросилъ далѣе, не хочетъ-ли мальчикъ видѣть еще что-нибудь. Тотъ попросилъ увидѣть маленькую, хорошенькую дѣвочку, похожую на графиню Калиостро, и которую графъ показывалъ ему во время послѣднихъ заклинаній. Черезъ нѣсколько секундъ мальчикъ сообщилъ, что дѣвочка явилась. Калиостро приказалъ ему обнять и поцѣловать дѣвочку и попросить, что-бы она показала ему лѣсъ. Послышался изъ другой комнаты звукъ поцѣлуя, потомъ мальчикъ сообщилъ, что видитъ лѣсъ и въ немъ срубленное дерево; далѣе открылась земля, и мальчикъ увидалъ въ ней пять подсвѣчниковъ, золото, серебро, много бумагъ, красный порошокъ и желѣзные инструменты; потомъ, по приказанію Калиостро, все исчезло и мальчикъ сказалъ, что видитъ длиннаго красиваго мужчину, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, съ краснымъ крестомъ на груди. Калиостро приказалъ мальчику поцѣловать руку у этого видѣнія и, послѣ звука поцѣлуя, началъ просить, что-бы оно было покровителемъ мальчика; наконецъ, съ конвульсивнымъ движеніемъ растворилъ дверь и, выведя мальчика изъ другой комнаты, упалъ въ обморокъ. Приведенный въ чувство, онъ просилъ присутствующихъ сохранить, по прежнему, молчаніе и неподвижность, вышелъ самъ въ другую комнату, гдѣ былъ мальчикъ, заперъ за собою дверь и тогда въ комнатѣ слышались сначала невнятные слова, потомъ сильный шумъ и черезъ нѣсколько минутъ заклинатель вышелъ оттуда съ довольной миной и объявилъ, что NN былъ виноватъ передъ нимъ и онъ наказалъ его; завтра же всѣ должны узнать, что въ то время, когда мальчикъ видѣлъ NN съ цѣпями на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, онъ страдалъ сильной болью въ этихъ членахъ. Эти слова дѣйствительно оправдались на другой день. Но какъ пуста вся эта сцена заклинаній и явленій, въ сравненіи съ современными фокусами Девенпортовъ, спиритистовъ, спектровъ, фантазмагорій и т. п.! Госпожа Реке сама замѣ-

часть, что болѣзнь NN очень легко могла произойти оттого, что Калиостро обѣдалъ съ нимъ наканунѣ и далъ ему какого-то сладобя. Никакихъ другихъ „чудесъ“ Калиостро никогда не показывалъ и всѣ рассказы его панегиристовъ о вызываніи имъ духовъ, мертвецовъ — чистая выдумка, не подтверждаемая ни однимъ изъ современниковъ его, серьезно относившихся къ фокусамъ шарлатана. Только ослѣпленные и черезъ чуръ простодушные приверженцы Бальзамо могли не смѣясь присутствовать при такихъ грубыхъ продѣлкахъ и видѣть въ нихъ что-то сверхъестественное. Не поступки, а слова Калиостро должны были производить вліяніе на его современниковъ. Несмотря на свое невѣжество, онъ обладалъ дѣйствительно замѣчательною способностью по цѣлымъ часамъ приковывать къ себѣ вниманіе слушателей своими рѣчами, полными философскихъ и мистическихъ сентенцій, библейскихъ текстовъ, громкихъ фразъ, метафоръ и сравненій, повидимому глубокомысленныхъ, и это блестящее краснорѣчіе въ первый разъ ошеломляло бесѣдовавшихъ съ нимъ. Но и ему случалось при этомъ говорить такой вздоръ, нелѣпость котораго замѣчали даже самые наивные адепты его. Тогда онъ объяснялъ это тѣмъ, что въ эти минуты имъ овладѣвало вліяніе злыхъ духовъ черной магіи, вѣчно борющейся противъ такихъ свѣтлыхъ личностей, или что онъ нарочно испытывалъ своихъ учениковъ. Имъ оставалось тогда только преклониться передъ мудростью своего великаго учителя.

Главною цѣлью его пребыванія въ Митавѣ было, посредствомъ масонскихъ ложъ, въ которыхъ членами была курляндская аристократія, имѣвшая большія связи въ Петербургѣ, открыть себѣ доступъ и рекомендацію въ высшій кругъ петербургскаго общества и къ самой императрицѣ. Для достиженія этой цѣли онъ придумалъ взять съ собою въ столицу Россіи преданную ему госпожу Реке, гдѣ она будетъ основательницей особой масонской ложи, въ которую Калиостро хотѣлъ привлечь и Екатерину II. На русскій дворъ могло, конечно, произвести вліяніе — появленіе въ столицѣ Калиостро, въ сопровожденіи одной изъ представительницъ высшаго курляндскаго общества, а изъ братьевъ и сестеръ масонской ложи онъ могъ извлекать денежныя выгоды, которыми пользовался и въ Митавѣ, хотя жилъ въ домѣ графа Медема иа всемъ готовомъ. Это не мѣшало ему принимать цѣнные подарки отъ своихъ почитателей. Такъ фон-дер-Ховень подарилъ ему 800 червонцевъ и дорогой брилліантовый перстень. Онъ задумалъ даже приобрести болѣе значительный кушъ. Герцогиня курляндская носила великолѣпное ожерелье изъ огромныхъ жемчужинъ. Калиостро рассказывалъ, что онъ знаетъ этотъ жемчугъ и что самъ дѣлалъ его въ Голландіи для того, что-бы помочь одному обан-

кротившемуся соотечественнику, расплавивъ и увеличивъ мелкій жемчугъ, который носила его жена. Магикъ вызывался повторить эту операцію, что-бы еще болѣе увеличить цѣнность ожерелья герцогини, надѣясь, конечно, что ему поручатъ это черезъ посредство госпожи фон-дер-Реке, но она принесла къ нему прежде свой жемчугъ и просила, увеличивъ его, продать въ свою пользу, а ей выплатить только небольшую сумму, нужную для одной благотворительной цѣли. Бальзамо отказался подь тѣмъ предлогомъ, что для этой операціи ему нужно по крайней мѣрѣ шесть недѣль, а онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ, взять же съ собою жемчугъ онъ не согласился, отговариваясь незнаемъ, будетъ-ли у него для этого время въ русской столицѣ. Взять съ собою свою почитательницу ему также не удалось и по своей собственной винѣ и оплошности. Видясь съ нею очень часто и сообщая ей о своихъ открытіяхъ и познаніяхъ, объ умѣньи его обращать всѣ металлы въ золото, продолжать до безконечности челоуѣческую жизнь, дѣлать шелкъ изъ пеньки, онъ проговорился однажды, что имѣеть такую власть и надъ женщинами, что каждую изъ нихъ можетъ, своими чарами, заставить отдаться ему, даже противъ ея воли. Это вліяніе свое онъ имѣлъ глупость подтвердить нѣсколькими примѣрами. Кромѣ того, въ одной изъ своихъ бесѣдъ, въ присутствіи многихъ лицъ, онъ до того забылся, что нарушилъ всѣ приличія и сталъ говорить съ крайнимъ цинизмомъ о такихъ предметахъ, что оскорбилъ всѣхъ женщинъ; слушатели должны были остановить потокъ его грязнаго краснорѣчія и замѣтить ему, какъ возмутительно высказываемыя имъ сужденія. Онъ, по обыкновенію, объяснилъ слова свои тѣмъ, что хотѣлъ испытать своихъ слушателей. Но на строго-правственную госпожу Реке все это произвело такое сильное впечатлѣніе, что она стала отдаляться съ тѣхъ поръ отъ своего учителя и, не считая еще его обманщикомъ, объяснила его постыдныя убѣжденія тѣмъ, что онъ былъ въ эту эпоху подь вліяніемъ злыхъ духовъ черной магіи, съ которыми, по словамъ его, онъ находился въ вѣчной борьбѣ. Поэтому она на-отрѣзъ отказалась слѣдовать за нимъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ планы Бальзамо рушились и онъ долженъ былъ ѣхать одинъ.

III.

Понимая, что надо дѣйствовать осторожно, Калюстро явился въ русской столицѣ подь видомъ врача и полковника испанской арміи, принадлежащаго къ высшему кругу. Объ Испаніи въ то время въ Россіи имѣли весьма поверхностныя свѣдѣнія, но къ нему стали

являться какъ къ доктору. Онъ велъ себя чрезвычайно осмотрительно, вслушивалъ внимательно больныхъ, давалъ совѣты, лекарства, не принимая никакой платы, даже самъ раздавалъ деньги немущимъ. Расчетъ его былъ вѣренъ: эти поступки сдѣлали его скоро извѣстнымъ при дворѣ; не рассчитавъ онъ только одного, что при дворѣ былъ испанскій посланникъ, захотѣвшій поближе узнать своего соотечественника. Маркизъ Нормандесъ прежде всего замѣтилъ, что имени Калиостро нѣтъ въ числѣ испанской аристократіи и обратился за свѣдѣніями о немъ къ своему правительству. Отвѣтъ пришелъ, разумѣется, такой, что никакого графа Калиостро не было никогда въ испанской арміи. Посланникъ обнародовалъ это извѣстіе въ газетахъ. Это не помѣшало однако авантюристу найти здѣсь горячихъ приверженцевъ и даже между иностранными посланниками. Его приглашали въ извѣстные дома, посѣщали его самого въ его лабораторіи, гдѣ онъ работалъ въ присутствіи гостей. Къ сожалѣнію, въ запискахъ того времени не сохранилось подробностей о пребываніи Калиостро въ Петербургѣ. Ни Храповицкій, ни Грибовскій, ни Лопухинъ не упоминаютъ о немъ. Галаховъ въ своей „Исторіи литературы“, Араповъ—въ „Лѣтописи русскаго театра“ показываютъ даже ошибочно годъ его пребыванія въ нашей столицѣ (1777). А между тѣмъ онъ долженъ былъ произвести здѣсь вліяніе, если сама императрица сочла нужнымъ вывести его на сцену въ одной изъ своихъ пьесъ. Мы знаемъ также, что Потемкинъ посѣщалъ его, какъ свидѣлствуютъ „Mémoires authentiques“, о которыхъ мы уже упоминали. Правда, они прибавляютъ, что причиною частыхъ посѣщеній князя Тавриды былъ не Калиостро, а его хорошенькая супруга, которая здѣсь называлась уже не графиней, а принцессою Санта-Кроче.

Мемуары эти приводятъ о Калиостро слѣдующій рассказъ, которому нельзя вполнѣ довѣрять, какъ и вообще всему, что пишетъ авторъ ихъ. Мы приводимъ, однако, рассказъ этотъ, такъ какъ онъ объясняетъ отчасти причину недолгаго пребыванія Калиостро въ Петербургѣ и отъѣзда его изъ этого города, гдѣ ему не удалось осуществить свои планы и намѣренія.

Близкое знакомство Потемкина съ женою Калиостро возбудило, по словамъ мемуаровъ, неудовольствіе въ одной высшей особѣ и „принцесса“ согласилась прервать связь съ княземъ и уѣхать изъ столицы за извѣстную сумму отступного. Авантюристка получила будто бы тридцать тысячъ рублей, но при свиданіи съ княземъ сообщила ему объ этомъ, увѣряя его, что разлука для нея была бы слишкомъ тяжела и предлагая возвратить сумму, присланную ей для выѣзда изъ столицы, лишь бы только не покидать ее такъ скоро.

Всемогущій фаворитъ, польщенный такою безкорыстною привязанностью... къ Петербургу, отвѣчалъ, что она можетъ оставаться здѣсь сколько ей угодно, и возвратилъ тридцать тысячъ, конечно изъ своей кассы. Но и протекція князя не помогла, такъ какъ вскорѣ же произошли два случая, выставившіе Калостро въ непривлекательномъ свѣтѣ. Прусскій посланникъ, графъ Гёрцъ, представилъ въ судъ ко изысканію долговое обязательство авантюриста на довольно значительную сумму, выданное имъ въ Кадисѣ прусскому консулу. Въ то же время произошло слѣдующее происшествіе, подробно описанное въ брошюрѣ, вышедшей, въ 1786 году, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, подъ названіемъ: „Le charlatan démasqué“. Богатая русская дама, наслышавшись о чудесахъ Бальзама, явилась къ нему съ просьбою спасти ея маленькаго сына, лежавшаго при смерти. Тотъ обѣщалъ это и потребовалъ, что-бы ребенокъ былъ порученъ ему на нѣсколько недѣль. Она согласилась на это и Калостро, по прошествіи этого времени, возвратилъ ей ребенка совершенно здоровымъ, получивъ за это удивительное излеченіе двѣ тысячи. Но можно представить себѣ положеніе матери, когда она убѣдилась вскорѣ, что ей возвращенъ чужой ребенокъ. Она принесла жалобу на такой наглый обманъ. Въ то же время лейб-медики императрицы представили ей, что шарлатанъ, продавая лекарства, возвращавшія молодость и продолжавшія жизнь до безконечности, подрываетъ всякое довѣріе къ медицинѣ и приноситъ большой вредъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлому обществу. Тогда императрица приказала выслать Калостро изъ Петербурга. Это обстоятельство разсказано въ книгѣ: „Ephemeren der Freimauerei in Deutschland“ (1785 г., стр. 112). Въ брошюрѣ, „Le charlatan démasqué“ прибавлено, что передъ домогъ, гдѣ жилъ Калостро, произведена была враждебная демонстрація. Шарлатанъ прибѣгнулъ къ странному средству, что-бы доказать свое превосходство надъ врачами. Онъ предложилъ составить микстуру изъ сильнѣйшихъ ядовъ, съ тѣмъ, что онъ самъ и всѣ его противники должны выпить ее, и тогда останется живъ тотъ, кто правъ. Конечно, никто не согласился на это, и Калостро, въ апрѣлѣ 1780 г., оставилъ Петербургъ, говоря, что онъ заставилъ замолчать своихъ враговъ.

Но не мало оставилъ онъ и друзей въ нашей столицѣ — и это дало поводъ Екаторинѣ II, черезъ пять лѣтъ послѣ его отъѣзда, вывести его на сцену и осмѣять въ своихъ комедіяхъ его шарлатанство и ослѣпленіе публики, вѣрившей въ мнимыя чудеса мнимаго волшебника. Считаемъ нелишнимъ поговорить подробнѣе объ этихъ произведеніяхъ, такъ какъ они принадлежатъ женщинѣ, владѣвшей не только скипетромъ, но и перомъ, удивлявшей Европу не только под-

вѣтами своего царствованія, но и высокими мыслями, изложенными въ ея сочиненіяхъ.

IV.

Екатерина не любила ни масоновъ, ни мартинистовъ, ни мистиковъ, ни иллюминатовъ; обо всѣхъ этихъ ученіяхъ и тайныхъ обществахъ она отзывалась, какъ о вредныхъ для государства затѣяхъ; даже идеи энциклопедистовъ она считала приемлемыми только въ небольшому образованному классу, а не къ массамъ народа. Противъ теозофовъ она написала комедію: „Шаманъ Сибирскій“; объ иллюминатахъ писала въ Циммерману: „Это—секта слабыхъ умовъ и фанатиковъ“ (28-го мая 1788 г.). Немудрено поэтому, что въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ, въ „Былахъ и небылицахъ“, въ комедіяхъ она возставала противъ этихъ ученій. Вотъ что говоритъ она сама по поводу двухъ своихъ пьесъ, въ письмѣ къ Циммерману отъ 10-го января 1786 г. (въ книгѣ Zimmermann's Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II, von H. Marsgard, Bremen, 1803, стр. 725. Переписка Екатерины съ Циммерманомъ переведена Н. Степановымъ и издана въ Петербургѣ, въ томъ же году): „Относительно театра я должна вамъ сказать, что здѣсь появились двѣ русскія комедіи: одна, подъ названіемъ „Обманщикъ“, другая—„Обольщенный“. Первая представляетъ Калиостро (котораго я не видала также какъ и жену его, хотя они и были здѣсь) въ настоящемъ его видѣ, а другая изображаетъ обольщенныхъ имъ. Наша публика въ восторгѣ отъ этихъ пьесъ, которыя въ самомъ дѣлѣ забавны. Я это вамъ говорю для того, чтобы вы знали, какъ у насъ обращаются съ иллюминатами“. Циммерманъ, конечно, отвѣчалъ похвалами и просилъ императрицу перевести пьесы на нѣмецкій языкъ; она послушалась и „Обманщикъ“, написанный въ 1785 году, игранный 4-го января 1786 г., и въ томъ же году вышедшій изъ печати, былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Арндтомъ (Der Betrüger, ein Lustspiel, aus dem russischen übersetzt. St.-Petersburg, bei Karl Schnoor. 1786, 64 страницы). Переводчику, какъ упоминаетъ Храповицкій, — было пожаловано 300 рублей. Въ 1787 г. пьесу эту еще разъ издалъ, въ другомъ переводѣ, Фридрихъ Николай, берлинскій книгопродавецъ и другъ Лессинга. Ее играли и на нѣмецкой петербургской сценѣ. „Обольщенный“, тогда же написанный и напечатанный въ двухъ изданіяхъ, былъ также игранъ съ успѣхомъ и переведенъ Арндтомъ. Онъ помѣщенъ также въ 13-й части „Россійскаго Театра“. Обѣ пьесы принесли до 20,000 рублей сбора въ кассу театра. Расскажемъ ихъ содержаніе, приведенное въ нѣсколькихъ словахъ въ „Исторіи Литературы Галахова“ въ его же

разборъ „Былей и небылицъ“ („Отеч. Записки“ 1856 г., т. 10, стр. 43—85), въ статьѣ М. Н. Макарова: „Екатерина II на поприщѣ драматическомъ“ („Репертуаръ“ 1844 г., № 1) и М. Н. Лонгинова: „Драматическія“ сочиненія Екатерины II“ (Молва, 1857 г. № 3, 4и 5).—„Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины, II“ П. Пекарскаго. (Приложеніе въ III-му тому „Записокъ Академіи Наукъ“ 1863 г.) ни слова не говорятъ о ея пьесахъ, также какъ и „Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ“ П. Свинына („Сынъ Отечества“ 1836 г., кн. 1).

Въ первомъ дѣйствіи Додинъ, женихъ Софьи, спрашиваетъ у Марьи, служанки Самблиной, какимъ путемъ можетъ онъ познакомиться съ ея барыней. Марья отвѣчаетъ, что госпожа ея ни съ кѣмъ не знается, а баринъ видится, весьма потаенно, только съ людьми, которыхъ называютъ кажется „мартышками“. Эта незамысловатая насмѣшка надъ мартинистами встрѣчается и въ стихахъ Державина („Мартышки въ воздухѣ явились“, Ода на счастье). Является одинъ изъ первыхъ любимцевъ Самблина—Калифалжерстонъ; онъ ходитъ въ задумчивости, разсуждаетъ руками, будто декламируетъ, кланяется въ ту сторону, гдѣ никого нѣтъ, сначала не замѣчаетъ Додина, потомъ на вопросъ, кто онъ таковъ, называетъ себя, прибавляя, что познанія его обширны, какъ вселенная, искусство неизмѣримо, власть неограниченна, сила дѣйствуетъ повсюду, а „качества суть количества, аки девятое число въ исчисленіи“.—Сіе похоже на сумасшествіе, замѣчаетъ Додинъ.—Еще то ли услышишь, какъ узнаешь меня, отвѣчаетъ Калифалжерстонъ: я малые алмазы передѣлываю большими иногда для своей забавы. Напримѣръ: бездѣлушка, которая у тебя на рукѣ, перстень, буде мнѣ отдать, я тебѣ возвращу, величиной въ одинъ камень втрое противу того, какъ онъ теперь, лишь прибавь на сто червонныхъ чистаго золота“. Додинъ отдаетъ перстень, съ тѣмъ, что-бы онъ помогалъ ему. При входѣ Самблина, Калифалжерстонъ опять начинаетъ разговаривать самъ съ собою и объявляетъ, что бесѣдовалъ съ Александромъ Македонскимъ, котораго зналъ, когда тотъ отправлялся съ войскомъ завоевывать Персію. Александръ передалъ ему просьбу кормилицы своей Олимпіи—оказать покровительство ея потомку, Додину. Приходитъ слуга съ извѣщеніемъ, что госпожа Самблина лежитъ безъ памяти и не знаютъ, будетъ-ли жива. Калифалжерстонъ общается вылечить ее и, въ то же время, помочь Додину жениться на Софѣ. Первое дѣйствіе оканчивается.

Второе происходитъ въ комнатѣ Самблиной. Она въ обморокѣ, лежитъ на креслахъ. Вокругъ нея докторъ, лекарь и ея другъ Кварковъ. Лекарь совѣтуетъ пустить кровь, докторъ—дать напередъ про-

хладительнаго, потомъ очистительнаго, послѣ чего подрѣзительнаго, затѣмъ предупредительнаго. Калифалжерстонъ разспрашиваетъ у мадамъ Грибужъ, гувернантки Софьи, что дѣлала Самблина передъ тѣмъ, какъ упала въ обморокъ. Та отвѣчаетъ, что она играла на клавинодахъ, а Кварковъ не хотѣлъ пѣть, на что она разсердилась. Калифалжерстонъ понялъ, что они поссорились; заставляетъ Кваркова пѣть и Самблина приходить въ чувство. Самблина удивляется его искусству. Докторъ проситъ денегъ за визитъ, лекаръ — на извозчика. Первому Калифалжерстонъ говоритъ, что-бъ онъ приходилъ черезъ семнадцать дней, когда будетъ готово золото, которое уже три мѣсяца кипитъ на очагѣ; второму Додинъ даетъ денегъ — и они удаляются. Самблинъ въ восторгѣ отъ знанія своего друга; жена его и Кварковъ сначала подсмѣиваются надъ шарлатаномъ; потомъ, испуганные намеками его, что онъ откроетъ ихъ тайну, прославляютъ также его могущество. Всѣ уходятъ въ Софью, дочери Самблиныхъ.

Третье дѣйствіе — въ комнатѣ Софьи; туда приходятъ всѣ лица; Калифалжерстонъ продолжаетъ городить высокопарную чушь, находя въ сходствѣ дочери съ матерью „лучи, пламень, бытіе, количество, свойство съ сопротивностями“ и утверждая, что женихъ ея долженъ быть составленъ изъ семи коренныхъ цвѣтовъ. Является дворецкій съ докладомъ, что котель съ золотомъ — лопнулъ. Калифалжерстонъ утѣшаетъ Самблина тѣмъ, что остался еще другой котель, въ которомъ кипятъ алмазы, но что для успѣшнаго увеличенія ихъ, надо подложить алмазовъ еще покрупнѣе. Самблинъ беретъ для этого у жены ея складень и они идутъ производить операцію.

Въ четвертомъ дѣйствіи въ комнату Самблина приносятъ футляръ съ брилліантами; Калифалжерстонъ хочетъ вынимать камни и положить ихъ въ котель, но приходитъ Додинъ и гувернеръ сына Самблина, Роти. Додинъ отказывается отъ покровительства Калифалжерстона, упрекая его въ шарлатанствѣ; Роти ссорится съ нимъ и даже даетъ ему пощечину; Калифалжерстонъ замѣчаетъ только: „дерешься, братъ, больно“ и уходитъ варить алмазы, но вслѣдъ затѣмъ является дворецкій съ извѣщеніемъ, что и второй котель лопнулъ. Самблинъ отправляется съ Додинымъ получить обратно только что взятые у него брилліанты.

Пятое дѣйствіе начинается разсказомъ служанки, что Калифалжерстонъ ушелъ — и съ алмазами. Самблинъ подтверждаетъ это, но Додинъ возвращаетъ похищенное, рассказывая, что остановилъ у городскихъ воротъ коляску, въ которой бѣжалъ обманщикъ, увозя съ собою ожерелье и гувернантку, мадамъ Грибужъ. Самблинъ общается

впредь остерегаться обманщика. Дюдинъ оканчиваетъ пьесу слѣдующимъ монологомъ:

„Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новой, но едва не беретъ-ли онъ на себя по временамъ виды только разные; сіе отдаю я вамъ на размышленіе. Разуменъ тотъ изъ насъ, кто не всегда по модѣ слѣдуетъ предубѣжденію. Буде кто со мною въ семъ согласенъ, прошу изъяснить мнѣ сіе какъ-нибудь. Ежели молчаніемъ то разумѣю я уже... есть-ли, паче чаянія, заблагодарасудится — равномерно пріемлется и нѣсколько плесканія рукъ“. (*Поклонясь уходитъ*).

Комедія эта, конечно, очень навивна въ литературномъ и неулыбка въ сценическомъ отношеніи, но въ ней есть, хотя и слабо очерченныя характеры, а главное лицо изображено почти не въ карикатурѣ и съ весьма небольшими преувеличеніями. Понятно, что такая насмѣшка была смѣльнымъ подвигомъ въ эпоху, когда въ массахъ преобладала страсть къ чудесному и на Калиостро только не многіе, развитые люди смотрѣли, какъ на обманщика.

Во второй пьесѣ „Оболенный“ главное лицо—Радотовъ, бредящій сношеніями съ духами, считающій болѣзнь самымъ благимъ состояніемъ, выражающійся мистическими афоризмами; онъ „варитъ золото, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ невѣсть что; домогается имѣть свиданіе съ какими-то невидимками; голову ему свернули кабалистическія бредни; для разобранія какихъ-то цифровъ досталъ онъ еврейскаго учителя“. Дочь его видитъ также вездѣ духовъ; отецъ хочетъ выдать ее и свою племянницу за проходимцевъ, подлаживающихся подъ его идеи. Въ четвертомъ дѣйствіи есть сцена, напоминающая фокусы Калиостро. Протолюкъ заставляеть восьмилѣтняго ребенка смотрѣть въ свою руку, топать ногами и спрашиваетъ: что онъ видитъ? Дитя отвѣчаетъ: „ничего!“ Протолюкъ приписываетъ неудачу опыта присутствію недостойнаго человѣка. Въ пятомъ дѣйствіи, въ разговорѣ двухъ, вовсе не нужныхъ, по ходу пьесы, лицъ—Брагина и Бритягина, высказываются мысли, принадлежащія самой императрицѣ, и развитыя ею впоследствии въ „Былахъ и небывлицахъ“. „Они (мистики и мартинисты) въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и т. п. и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ. Дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?“ Пьеса оканчивается тѣмъ, что друзья-духовидцы обкрадываютъ Радотова, но возлюбленные его дочери и племянницы возвращаютъ украденное. Радотовъ раскрывается въ своемъ заблужденіи и Бритягинъ оканчиваетъ комедію слѣдующими словами: „По

умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ. Во обще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались. Надзираніе безспорно въ рукахъ начальства. Благодарить мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію“.

Эта комедія и по исполненію и по замыслу гораздо слабѣе „Обманщица“, но что и въ ней императрица хотѣла осмѣять Калиостро, его фокусы и ученіе — это очевидно. Еще разъ упоминаетъ она объ авантюристѣ въ письмѣ къ Циммерману, по поводу статьи его въ „Гамбургской газетѣ“, гдѣ возставая противъ магнетизеровъ, давшихъ свои сеансы въ Страсбургѣ, онъ сравниваетъ ихъ фокусы съ продѣлками сибирскихъ шамановъ, осмѣянными Екатериною въ третьей пьесѣ своей: „Шаманъ Сибирскій“ (1786 г.) „Ласкаюсь надеждой“, говоритъ императрица, что не замедлятъ выписать изъ Страсбурга занимающихся магнетизмомъ и въ тѣ земли, гдѣ показывается столь постоянная склонность къ подобнымъ шарлатанамъ; могу увѣрить напередъ, что они будутъ подешевле и удобнѣе обмануты, нежели Калиостромъ съ товарищи“. Еще прежде, въ письмѣ къ тому же лицу о той же пьесѣ, Екатерина замѣчаетъ: „Неглѣпости стойки. Большая часть нѣмецкихъ принцевъ думаетъ, что слѣбно предаваться всѣмъ снмъ. фиглярствамъ — принадлежать къ искусству жить въ свѣтѣ; они уже наскучили здравую философію... Но сіи новыя заблужденія принудили у насъ дурачиться такихъ людей, которые прежде сего не были дураками“ (Соч. Екатерины II-й, изданіе Смирдина, часть III, страница 448).

V.

Мы видѣли, что Калиостро обѣщалъ вернуться изъ Петербурга въ Митаву, что-бы заняться тамъ отысканіемъ знаменитаго клада въ имѣніи одного изъ своихъ почитателей, который онъ оставилъ подъ надзоромъ подвластныхъ ему духовъ. Но очевидно, что возвращеніе въ городъ, гдѣ всѣ продѣлки его могли обнаружиться — было невыгодно для шарлатана, и онъ неожиданно явился въ Варшавѣ, въ началѣ мая 1780 года. (Стало быть въ Петербургѣ онъ провелъ около полу-года). О пребываніи его въ этомъ городѣ есть любопытная и вполне добросовѣстная брошюра „Cagliostro démasqué à Varsovie ou relation authentique de ses opérations alchimiques“. Она издана безъ имени автора, но принадлежитъ графу Мощинскому и составляетъ отрывокъ изъ его дневника. Сужденіямъ автора придаетъ еще болѣе значенія то обстоятельство, что онъ самъ былъ замѣчательный ученный

и въ особенности — химикъ. И здѣсь, какъ вездѣ, Калюстро нашель покровителей въ лицѣ богатыхъ магнатовъ и поселился во дворцѣ одного изъ нихъ съ своею женою, выдавая себя за главу египетскаго масонства. И здѣсь повторилъ онъ свои магическіе опыты въ томъ же видѣ какъ въ Митавѣ, передъ дверью, завѣшанною чернымъ сукномъ, съ помощью восьмилѣтней дѣвочки, которой онъ наливалъ въ руку масло, заставлялъ ее цѣловаться съ ангелами, которые являлись ей, писалъ имя одного изъ присутствующихъ при опытѣ на бумажкѣ, сожигалъ ее и черезъ нѣсколько времени получалъ это-же имя, написанное на другой бумажкѣ съ масонскими знаками, которую ребенокъ просовывалъ ему изъ подъ двери другой комнаты. Но въ Варшавѣ были не такъ легковѣрны, какъ въ Митавѣ. Мощинскій и другой панъ принялись разспрашивать дѣвочку и выпытали отъ ребенка, что всѣ отвѣты его были заранѣе подсказаны ему шарлатаномъ и только заучены дѣвочкою. Калюстро, узнавъ объ этомъ, началъ производить свои опыты уже не съ ребенкомъ, который легко можетъ проболтаться, а съ шестнадцатилѣтнею дѣвушкою. Дѣло было устроено такъ ловко, что самъ Мощинскій поколебался въ недѣврїи къ фокуснику. Но черезъ нѣсколько дней къ нему явилась эта помощница Калюстро и объявила о томъ, что вмѣстѣ съ нимъ надувала зрителей. Открытіе это она сдѣлала, что-бы отмстить ему за оскорбительное обращеніе съ нею. Мощинскій сообщилъ объ этомъ почитателямъ Калюстро, но они ничему не хотѣли вѣрять.

Кромѣ вызыванія духовъ, Калюстро упражнялся еще въ разъясненїи таинствъ египетской магіи, сочинялъ рецепты для растопленїя янтара, для составленїя жемчуга и коралловъ, давалъ даже медицинскіе рецепты, но средства, прописываемыя имъ, или не находились въ аптекахъ или не производили никакого дѣйствїя; онъ не переставалъ также варить золото изъ ртути, и графъ Мощинскій описываетъ подробно въ своей брошюрѣ всѣ приемы алхимика, изъ которыхъ, конечно, ничего не выходило, кромѣ надувательства. При этомъ Калюстро выказалъ совершенное невѣжество и незнаніе основныхъ началъ химїи и, несмотря на это, когда черезъ нѣсколько времени вскрыли замазанный гипсомъ тигель, гдѣ варилась ртуть съ краснымъ порошкомъ, всыпаннымъ туда, въ тиглѣ найденъ былъ серебрянный сплавъ со слѣдами въ немъ золота. Это поразило даже Мощинскаго; не вѣрившаго обманщику, который улучилъ какъ-нибудь благоприятную минуту и поддѣвиль тигель. Это предположеніе подтвердилось впоследствии. Въ саду дворца, гдѣ жилъ алхимикъ, въ ямѣ нашли осколки тигля съ остатками химическихъ соединенїй ртути. Калюстро выкинулъ еще болѣе смѣлую штуку, обѣщая показать своимъ при-

верженцамъ верховнаго владыку египетской магіи, своего учителя, великаго Кофту, живущаго въ Египтѣ уже тысячу лѣтъ. На подмосткахъ, устроенныхъ въ глубинѣ залы, при слабомъ освѣщеніи двухъ свѣчей, показался старикъ съ бѣлой бородой, въ восточномъ турбанѣ и длинной бѣлой одеждѣ. Глухимъ, тихимъ голосомъ спросилъ онъ одного изъ присутствовавшихъ при этой сценѣ: кого видитъ онъ предъ собою? и тотъ, разсерженный такою глупою комедіею, отвѣчалъ, что видитъ Калиостро въ маскѣ съ подвязанною бородой. Старикъ въ негодованіи погасилъ свѣчи и скрылся во мракѣ. Мощинскій, описавъ эту сцену шарлатанства, удивляется, какъ могутъ находиться люди, вѣрующіе такимъ пелѣвнымъ явленіямъ, но чѣмъ же правдоподобіе явленія нашего времени, всѣ эти мадонны въ лурдскихъ гротахъ, ангелы, спускавшіеся къ Маріи Алазокъ и другія порожденія разстроенаго воображенія?

Въ кругу адептовъ магіка одинъ Мощинскій смѣялся надъ нимъ, не разъ упрекалъ его и обнаруживалъ его обманы. Тогда Калиостро прибѣгалъ къ краснорѣчію, произносилъ восторженныя тирады, увѣрялъ, что онъ преслѣдуетъ не земныя цѣли, а стремится къ достиженію высшаго, небеснаго блаженства, что онъ сдѣлаетъ людей счастливыми, несмотря на то, что они осыпаютъ его оскорбленіями; что онъ позволяетъ убить себя, если не исполнить своихъ обѣщаній. И ему опять вѣрили, и онъ опять пускался дѣлать свои фокусы, а жена его—принимать подарки и безъ вѣдома мужа продавать дорогою цѣною секретныя лекарства и тайныя снадобья, такъ какъ онъ, заботясь только о благѣ человѣчества, самъ не бралъ денегъ за свои спеціи. Вся его слава однако рушилась вдругъ съ открытіемъ въ саду тигля, о которомъ мы уже говорили, и въ одну ночь Калиостро скрылся изъ Варшавы, пробывъ въ ней менѣе двухъ мѣсяцевъ.

Проживъ нѣсколько времени во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, онъ остановился въ Страсбургѣ, гдѣ прославился въ особенности леченіемъ больныхъ, но въ ежемѣсячномъ журналѣ той эпохи: „Oberrheinische Manigfaltigkeiten“ (1781. т. VIII) говорится положительно, что на одного, выключенаго имъ, приходится по крайней мѣрѣ десять, которымъ онъ не только не помогъ, а еще усилилъ болѣзнь ихъ, употребляя при леченіи очень сильныя средства; журналъ называетъ нѣсколько такихъ лицъ и, между прочимъ, секретаря страсбургскаго коменданта, маркиза де-ла-Салль. Въ этомъ же городѣ встрѣтился съ нимъ профессоръ Норбергъ изъ Упсала и заговорилъ съ нимъ по-арабски, такъ какъ Калиостро увѣрялъ, что, проживъ 20 лѣтъ въ Египтѣ и Аравіи, знаетъ отлично этотъ языкъ. Оказалось однако, что

знаменитый чародѣй не понималъ даже, на какомъ языкѣ говорятъ съ нимъ.

Нѣсколько удачныхъ случаевъ леченія сдѣлали, однако, и адѣсь Калоетро предметомъ всеобщаго удивленія и поклоненія. Вельможи высшего круга, въ особенности дамы, прославляли его чудеса; маркизъ де-ла-Салль и принцъ Роганъ писали о немъ министрамъ. Только одна періодическая печать возставала противъ почти повальнаго ослѣпленія. Вотъ какъ описывалъ фокусника одинъ путешественникъ, дневникъ котораго появился въ журналѣ: „Berliner Monatschrift“ (1784 г., декабрьская книжка): „Сегодня представляли меня знаменитому графу Калоетро. Такого оригинальнаго, дѣракаго, обо всемъ отаивающагося съ презрѣніемъ, высоко поднимающаго носъ шарлатана en gros мнѣ еще никогда не приходилось встрѣчать. Это маленький, толстый, широкоплечій, коренастый парень, съ широкою, здоровою грудью, толстынкъ затылкомъ, круглою головою, съ черными волосами, низкимъ лбомъ, быстрыми, круглыми, блестящими глазами, безпояснымъ взглядомъ, широкимъ, слегка загнутымъ, носомъ, мясистыми, круглыми, всегда раскрытыми губами, краснымъ, жирнымъ, выдающимся подбородкомъ, крѣпкими челюстями, маленькими, тонкими ушами, маленькими, пухлыми руками, красивыми, маленькими ногами, полнокровный, съ темно-красноватымъ цвѣтомъ лица, сильнымъ, звучнымъ голосомъ... При взглядѣ на него дѣлается понятнымъ, отчего этотъ наглый хвостунъ такъ смѣло эксплуатируетъ людскую глупость и слабость“. Этотъ портретъ магика—хотя и не польщенъ, но очень схожъ съ оригиналомъ.

Несмотря на покровительство такихъ лицъ, какъ принцъ Роганъ, у котораго шарлатанъ выманилъ значительную сумму денегъ, какъ хранитель печати маркиза Миромениль, первый министръ графъ Вержень, военный маркизъ Сегюръ, Калоетро долженъ былъ скоро оставить Страсбургъ и отправиться въ Неаполь; но и тамъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ попыткахъ—основать масонскую ложу и вернулся во Францію, избравъ мѣстомъ своего пребыванія Бордо, гдѣ прожилъ одиннадцать мѣсяцевъ, сойдясь съ однимъ аптекаремъ, которому поручилъ продавать свои секретныя лекарства. Аптекаря этого собраты его хотѣли исключить изъ своего цеха, если онъ будетъ торговать подобными снадобьями, и союзъ поневолѣ долженъ былъ разстроиться. Большая неудача постигла также магика, вздумавшаго ухаживать за одной дамой, мужъ которой такъ отдѣлалъ за это любезника, что тотъ захворалъ разлитіемъ желчи, и за то, появившись къ своимъ друзьямъ послѣ продолжительной болѣзни, увѣрилъ ихъ, что провелъ все время въ магическомъ снѣ и имѣлъ таинственныя видѣнія. Въ

этой неудачѣ утѣшила его другая дама, вручившая ему 5,000 франковъ съ тѣмъ, что-бы онъ помогъ ей открыть кладъ въ ея имѣніи, о существованіи котораго ему сообщили подаластные духи. Съ этими деньгами Калиостро поспѣшилъ уѣхать въ Ліонъ, гдѣ основалъ масонскую ложу. При арестѣ Бальзамо, въ 1786 г., было найдено у него много патентовъ на званіе членовъ этой ложи съ слѣдующей, вступительной формулой:

„Честь, мудрость, единеніе. Благотворительность, благоденствіе! Мы, великій Кофта во всѣхъ восточныхъ и западныхъ частяхъ земли, основатель и гросмейстеръ великаго египетскаго масонства, даемъ знать всѣмъ“ и проч. На рамкѣ этого патента изображены рѣзанные на мѣди эмблемы масонства: трехугольники, семиугольники, лопатки, компасы, ватерпасы, молотки, мертвыя головы, зубы, отвѣсы, наугольники, фениксъ, глобусъ, храмъ и др. предметы и между ними масонскія сентенціи: *Odi profanum vulgus et arceo. Petite et accipietis. Querite et invenietis. Pulsate et aperietur vobis. In constanti lobore opes* и проч. Между этими девизами замѣчательнѣе всего были крестъ съ буквами *L. P. D.* вокругъ него. Калиостро не хотѣлъ сказать на допросѣ, что означаютъ эти буквы. Теперь извѣстно, что это начальныя слова фразы: „*Lilium pedibus destrue*“ (Попирай лиліи ногами).

VI.

Въ 1784 году Калиостро явился въ Парижѣ. Геродъ бредилъ тогда мистицизмомъ и животнымъ магнетизмомъ. Месмеръ привлекалъ высшій кругъ на свои магнетическіе сеансы. Немудрено, что семьдесятъ дѣтъ масонскія ложи, существовавшія въ то время въ Парижѣ, стремились видѣть основателя египетскаго масонства, войти съ нимъ въ сношенія. Калиостро имѣлъ тамъ особенный успѣхъ, болѣе всего у женщинъ. Принцъ кардиналъ Роганъ называлъ его богомъ. Графиня Ламоттъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что послѣ одной сцены съ дѣвочкой, къ которой, за дверью, завѣшенной чернымъ сукномъ, являлся ангель и, поцѣловавшись съ ней, возвѣстилъ ей, что беременность королевы окончится благополучно (все одѣ и тѣ же подробности, какъ и въ Митавѣ) кардиналъ бросился къ ногамъ магика и съ восторгомъ цѣловалъ его руки. Здѣсь Бальзамо поступалъ уже совершенно беззащитчиво. Такъ, разгласивъ сначала, что ему уже 300 лѣтъ (въ Страсбургѣ онъ давалъ себѣ только 150), онъ, потомъ, забывши это, серьезно утверждалъ въ одномъ обществѣ, что присутствовалъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и былъ свидѣтелемъ чуда превращенія воды въ вино. Даже двадцатилѣтняя—по виду—супруга

его увѣряла, что у нея сынъ сорока лѣтъ—капитаномъ на голландскомъ торговомъ кораблѣ и ей самой 70 лѣтъ. Записки того времени утверждаютъ, что онъ вызвалъ однажды на ужинѣ съ нимъ и кардиналомъ Роганъ, тѣмъ Даламбера, Вольтера, Дидеро, Шуазеля, Буазенона и Монтескье. Ослѣпленный фокусникомъ кардиналъ могъ видѣть еще и не то за своимъ столомъ, но страннѣе всего то, что французская пресса повторала эти нелѣпости. Калюстро, впрочемъ, умѣлъ расположить въ свою пользу и парижскихъ журналистовъ. Онъ основалъ тамъ также женскую масонскую ложу, въ которую принимались, съ весьма нескромными обрядами, дамы высшаго общества. Онъ продолжалъ также лечить прибѣгавшихъ къ нему довѣрчивыхъ людей, хоть это и не всегда удавалось ему. Такъ газеты называютъ двухъ дамъ Крамайель и Романье, умершихъ отъ лекарствъ, данныхъ имъ магиею. Несмотря на это онъ пользовался большимъ почетомъ, жилъ роскошно въ улицѣ Сен-Клодъ, держалъ ливрейныхъ слугъ, обшитыхъ галунами, давалъ блистательные балы и обѣды.

И все это рушилось вдругъ неожиданно. Утромъ, 22-го августа 1785 года, Парижъ узналъ съ изумленіемъ, что великій врачъ и магикъ, гротмейстеръ и чудотворецъ посаженъ въ Бастилію. Въ 8-мъ часовъ утра къ нему нагрянула полиція: его ликеры, бальзамы, элексиры были захвачены, бумаги опечатаны и самого его повели пѣшкомъ въ тюрьму, только на половинѣ дороги позволивъ сѣсть въ фіакръ. Шесть мѣсяцевъ просидѣлъ взаперти бѣдный Калюстро, не видя никого, не призываемый къ допросу. Тогдашнее правосудіе не торопилось производить слѣдствія и не церемонилось съ заключенными въ Бастилію. Жена Калюстро была также заключена въ темницу. Магикъ былъ замѣшанъ въ знаменитое дѣло объ ожерельи королевы, этомъ „величайшемъ обманѣ XVIII-го столѣтія“, какъ его называютъ Карлейль. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе этого любопытнаго процесса, возникшаго вслѣдствіе жалобы ювелировъ Бѣмера и Боссанжа на кардинала Роганъ, купившаго у нихъ для поднесенія королевѣ, черезъ графиню Ламоттъ, брилліантовое ожерелье, цѣною въ миллионъ шесть сотъ тысячъ франковъ, котораго она однако не получила и за которое не заплатила денегъ. Участіе Калюстро въ этомъ мошенническомъ дѣлѣ вѣроятно, но не доказано. Графиня Ламоттъ обвиняла его въ томъ, что онъ получилъ это ожерелье отъ кардинала де-Роганъ для того, что-бы, посредствомъ магическаго процесса, увеличить брилліанты, и утаилъ его. Но Ламоттъ, заклеянная по приговору суда, какъ воровка, гнала слишкомъ много во время процесса. Вѣроятно же всего, что камни изъ ожерелья были выломаны самою Ламоттъ и ея супругомъ и проданы въ Англію. Судъ

не нашелъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію Калиостро и 1-го іюня 1786 года онъ былъ выпущенъ изъ Бастиліи. Жену его освободили тремя мѣсяцами раньше.

Выпущенный изъ Бастиліи, Бальзамо обвинилъ арестовавшаго его полицейскаго комисара Шенона въ пропажѣ у него изъ квартиры, во время его заключенія, многихъ цѣнныхъ вещей. Генерал-прокуроръ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій, какъ бездоказательную, хотя авантюристъ продолжалъ настаивать на томъ, что его обокрала полиція. Когда онъ продолжалъ кричать объ этомъ во время своего пребыванія въ Лондонѣ, французское правительство предложило ему вернуться въ Парижъ и представить суду доказательства своей жалобы. Калиостро не рѣшился на это.

Несмотря на признаніе его по суду невиннымъ, Калиостро получилъ на другой же день освобожденія своего королевское повелѣніе—оставить Парижъ въ 24 часа, а Францію—въ теченіе трехъ недѣль и никогда въ нее не возвращаться.

VII.

Въ Лондонѣ, куда переселился Калиостро, онъ нашелъ также почву, подготовленную для его фокусовъ. У англичанъ былъ въ большой модѣ спиритизмъ. Ученіе Сведенборга было принято тамъ съ большимъ энтузіазмомъ и составилось даже общество для распространенія его ученія, перевода его сочиненій на всѣ языки и возможно дешевой продажи этихъ книгъ. Прежде всего магичъ занялся однако-же тѣмъ, что написалъ посланіе къ французскому народу, въ которомъ громилъ и упрекалъ французское правительство. Брошюра эта составляетъ большую библиографическую рѣдкость и объ ней упоминаетъ патеръ Марчель въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи. Марчель увѣряетъ, что въ брошюрѣ этой Калиостро предсказалъ, что Бастилія будетъ разрушена и на мѣстѣ ея учредится публичное гулянье; далѣе онъ предсказывалъ, что на престолъ взойдетъ принцъ, который уничтожитъ lettres de cachet, созоветъ генеральныя штаты и возстановитъ истинную религію. Такихъ предсказаній, наполовину сбывшихся, можно много встрѣтить въ сочиненіяхъ того времени.

Въ то время, когда Калиостро нашелъ въ Лондонѣ добродушныхъ покровителей, въ родѣ лорда Гордона, вѣрившихъ чудесамъ магика, встрѣтилъ онъ также опаснаго врага, зорко слѣдившаго за всѣми его продѣлками. Это былъ журналистъ Морандъ, издатель французскаго листка: „Courrier de l'Europe“, игравшій немаловажную роль и въ

исторіи кавалера д'Эона, о чемъ мы упоминали въ статьѣ нашей о жизни кавалера (см. „Русскую Старину“ 1874 г. книга 8-я). Морандъ узналъ, что Калиостро былъ уже прежде въ Лондонѣ, подъ именемъ Бальзамо, и явился къ нему для переговоровъ; тотъ принялъ его грубо и дерзко обошелся съ нимъ. Тогда журналистъ прямо назвалъ его, въ своемъ листѣ, шарлатаномъ и обманщикомъ. Въ особенности смѣялся онъ надъ хвастовствомъ Калиостро, обѣщавшимъ освѣтить Лондонъ морскою водою, которую онъ превратитъ въ масло, и надъ разсказомъ его, что свинью можно до того приучить ѣсть мышьякъ, что все тѣло ея пропитается этимъ ядомъ. Калиостро прибавилъ, что однажды онъ дѣлалъ этотъ опытъ въ Мединѣ и когда, зарѣзавъ эту свинью, оставилъ ее на ночь въ лѣсу, то на утро нашли около нея множество мертвыхъ львовъ, тигровъ и леопардовъ, поѣвшихъ ее мяса. Что-бы подтвердить свой разсказъ, Калиостро приглашалъ Моранда письмомъ, въ журналѣ „Advertiser“ на обѣдъ, за которымъ подадутъ имъ такую свинью, которую за часъ до обѣда онъ покажетъ живою и здоровою, но поѣвши которую, Морандъ отправится на тотъ свѣтъ, а Калиостро будетъ невредимъ. Журналистъ отвѣчалъ, что вмѣсто его, онъ можетъ пригласить на обѣдъ любое плотоядное животное. Въ листѣ своемъ онъ разсказалъ много случаевъ изъ прежней жизни авантюриста, но тотъ смѣло отрипалъ все и утверждалъ, что никогда не былъ въ Лондонѣ и не назывался Бальзамо. Отерптія Моранда дѣлались однако-же до того опасными, что Калиостро предпочелъ поскорѣе удалиться въ Швейцарію и такъ торопился отъѣздомъ, что уѣхалъ одинъ, безъ жены, которая соединилась съ нимъ въ Швейцарію уже впоследствии.

Магикъ остановился въ Базелѣ, гдѣ основалъ масонскую ложу, и работалъ съ Лафатеромъ надъ восстановленіемъ „Новаго Іерусалима“,— мистической системы такъ называемаго физическаго и моральнаго вторичнаго рожденія человѣка; въ системѣ этой сомнамбулизмъ и магнетическіе пассы вели къ спиритизму. Лафатеръ въ своихъ сочиненіяхъ отзывался вообще о Калиостро, какъ о великомъ человѣкѣ.

Въ слѣдующемъ году Калиостро былъ въ Эксѣ (въ Савойи), въ Туринѣ, изъ котораго, тотчасъ по прибытіи туда, получилъ приказаніе выѣхать, въ Генуѣ и Веронѣ. Въ Вѣнѣ его постигла та же участь какъ и въ Туринѣ. Вообще эти года (1786 и 1787) были самыми тяжелыми въ жизни авантюриста. Противъ него поднялось много голосовъ, стало являться множество обличій. Къ этимъ годамъ относятся пьесы Екатерины II, книга госпожи фон-дер-Реке, о которыхъ мы уже говорили и которыя произвели сильное впечатлѣніе на публику.

Въ обширномъ и прекрасномъ собраніи автографовъ Н. К. Вогушевскаго находится, между прочимъ, любопытное письмо Циммермана къ Элизѣ Реке (отъ 5-го сентября 1787 года), свидѣтельствующее о томъ впечатлѣніи, какое произвела ея книга. Приводимъ главныя мѣста этого письма: „Ваше почтеннѣйшее и пріятнее письмо“, говоритъ корреспондентъ императрицы, „отъ 11-го іюня, я получилъ въ Пирмонтѣ... Вы напрасно благодарите меня за то, что я писалъ къ русской императрицѣ, 12-го прошедшаго іюня, о васъ и о замѣчательномъ героическомъ сочиненіи вашемъ о Калиостро. Императрица часто изволитъ бесѣдовать со мною о предметахъ въ этомъ родѣ. Я зналъ напередъ, что такое сочиненіе, написанное такимъ перомъ, непременно заслужитъ вниманіе. Императрица отвѣчала мнѣ изъ Москвы 1-го іюля, но какъ письмо ея содержало въ себѣ много подробностей о большомъ путешествіи этой государыни и разныхъ другія сообщенія, къ тому-же статья о Калиостро, вѣроятно, не была еще получена, то объ этомъ предметѣ и не связало въ отвѣтъ ничего. Въ сущности лучше будетъ, въ чемъ и вы, по проникательности своей, убѣдитесь, если ваше сочиненіе о Калиостро попадетъ въ руки императрицы изъ чьихъ-либо третьихъ рукъ. Съ этою почтою я снова повторяю о томъ нашему другу Николаю... Сожалѣю, что вы снова заговариваете о слабости вашего здоровья. Едва-ли вы ее чувствовали, когда писали о Калиостро, обнаруживъ передъ свѣтомъ, съ какою силою и энергіею вы выбились изъ положенія, которое весьма было понятно и простиительно при слабости нервъ и тогдашней обстановкѣ“.

Въ 1788 году Калиостро былъ въ Тиролѣ. Объ этомъ пребываніи говоритъ вышедшая въ томъ-же году брошюра Ваннетти: „*Liber memorialis de Caleostro dum esset Roborati*“; кромѣ того, въ изданіи „*Journal von und für Deutschland*“ (7—12 стр.) помѣщена вѣрная оцѣнка фокусовъ магіка въ Ровередо, откуда его также вскорѣ выслали по приказанію правительства. Нѣмецкій путешественникъ описываетъ бесѣды Калиостро въ кругу своихъ поклонниковъ, удивляясь безстыдному хвастовству шарлатана и глухой довѣрчивости его слушателей. При немъ авантюристъ рассказывалъ, какъ онъ низвергнулъ министерство во Франціи и передалъ власть своему другу Некеру, какъ онъ отерылъ королю глаза, научилъ парламентъ исполнять свои обязанности; какъ однажды, въ большомъ собраніи, человекъ, осмѣлившійся упрекать его въ обманахъ, среди всѣхъ присутствующихъ, на половинѣ своей рѣчи, упалъ и умеръ; какъ, наконецъ, бывши въ Бернѣ, онъ предлагалъ правительственному совѣту, посредствомъ уксуса и селитры, расточить швейцарскіе ледники, что-бы добыть

скрытые въ горахъ золото и серебро. И слушатели благоговѣнно внимали этой галиматѣ и удивлялись неразумію бернского совѣта, не согласившагося на такое выгодное предложеніе магика. Только одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что совѣтъ имѣлъ основаніе не принять предложенія, такъ какъ растопившіеся ледники произвели-бы наводненіе въ Швейцаріи. На это логическое замѣчаніе Калиостро не нашелся ничего отвѣтить, кромѣ нѣсколько разъ повтореннаго: „ah non! non!“ и продолжалъ рассказывать о своихъ благодѣяніяхъ, удивительныхъ леченіяхъ, о томъ, какъ герцоги и принцы встрѣчали его съ уваженіемъ, по освобожденіи изъ Бастиліи, какъ всѣ знатные и даже владыки искали его благосклонности, какъ онъ отказался поцѣловать руку даже у русской императрицы, потому что не цѣлуетъ рукъ у женщинъ. Недолго пришлось ему, впрочемъ, рассказывать подобныя негѣности. Получивъ запрещеніе лечить больныхъ, онъ уѣхалъ въ Триентъ, но и тамъ остался недолго, говоря, что „маленькіе городки не созданы для великихъ людей“. На самомъ дѣлѣ Иосифъ II далъ строгое предписаніе—выслать шарлатана изъ австрійскихъ владѣній. Плохо приходилось ему: давно уже не велъ онъ роскошную жизнь, и если поношенный костюмъ его блестѣлъ сомнительными брилліантами, болѣе походившими на стразы, то драгоценные перстни на пальцахъ были еще сомнительнѣе. Онъ пробовалъ съѣздить въ Венецію, но и тамъ не имѣлъ удачи. Всѣ большіе города были ему закрыты, помощи было ждать не откуда. Онъ вздумалъ посѣтить Римъ, гдѣ, конечно, никто не могъ узнать въ графѣ Калиостро, бывшаго послушника монастыря Милосердныхъ братьевъ. Но для этого надо было отречься отъ масонства, считавшагося ересью въ Ватиканѣ. Авантюристъ разыгралъ роль кающагося грѣшника: взялъ духовника и сообщилъ ему, что желаетъ примириться съ своею совѣстью и просить отпущенія въ грѣхахъ, желая возвратиться въ лоно римской церкви. Патеръ донесъ о раскаявшемся триентскому епископу и тотъ одобрилъ его намѣреніе ѣхать въ Римъ и далъ ему рекомендаціи къ значительнымъ лицамъ курии. Это однако-же не послужило ни къ чему и Калиостро бѣдствовалъ въ Римѣ, не находя людей, которые приняли бы въ немъ участіе. Онъ дошелъ до того, что писалъ къ французскому національному собранію, прося у него позволенія вернуться во Францію въ виду услугъ, оказанныхъ имъ этой странѣ и свободѣ. Собраніе даже не обсуждало его просьбы, а перешло къ очереднымъ дѣламъ. Тогда онъ попробовалъ опять обратиться къ масонству: несмотря на угрозу страшнаго наказанія, въ Римѣ существовала также масонская ложа. Калиостро началъ переманивать членовъ ея въ свою египетскую ложу; двое изъ нихъ согласились на

это, но когда онъ потребовалъ съ нихъ вступительный денежный вносъ, они разсѣялись и оставили своего учителя.

Одинъ изъ этихъ масоновъ былъ, кажется, членомъ папской полиціи, и 27-го декабря 1789 года Калиостро былъ арестованъ въ своей квартирѣ и отведенъ въ замокъ св. Ангела. Въ овечатанныхъ бумагахъ его нашли обширную переписку и множество масонскихъ рукописей. Римская инквизиція опредѣляла смертную казнь за принадлежность къ масонству; вина Калиостро была очевидна, но этого было довольно для осужденія его Римомъ, а не остальнымъ свѣтомъ. Поэтому римскіе судьи нашли его виновнымъ въ оскорбленіи религіи своимъ мистическимъ ученіемъ, основаннымъ на чувственномъ скептицизмѣ и чрезмѣрномъ пиагизмѣ. Его обвинили также въ попыткѣ ниспровергнуть основы истинной религіи, но въ этомъ онъ не былъ несколько виноватъ, какъ и въ ниспроверженіи монархической власти: политика была совершенно чуждою авантюристу, заботившемуся только о наживѣ. Во время слѣдствія и процесса, длившагося пятнадцать мѣсяцевъ, Калиостро не разъ приносилъ полное раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и со слезами на глазахъ благодарилъ своихъ судей за то, что они дали ему возможность познать свои грѣхи и искупить ихъ покаяніемъ. Папскіе судьи не порадовались однако возвращенію блуднаго сына на путь истины, а приговорили его, 21-го марта 1791 года, къ смерти. Папа Пій VI, въ своемъ апостольскомъ милосердіи, измѣнилъ этотъ приговоръ на пожизненное заключеніе въ темницѣ. Рукопись его о египетскомъ масонствѣ опредѣлено было сжечь рукою палача.

Такъ кончился романъ авантюриста. Четыре года еще томился онъ въ папской темницѣ и умеръ въ 1795 году. Жена его, запертая въ монастырѣ св. Аполонія, умерла прежде него. Слава его умерла еще раньше, сильно потрясенная разоблаченіями его фокусовъ. Но нельзя не повторить, что Калиостро представлялъ все-таки замѣчательное явленіе своего времени. Имъ интересовались и были обмануты многіе изъ передовыхъ людей его эпохи. Если мы вспомнимъ, что даже Гёте написалъ пьесу изъ жизни Бальзамо, подъ названіемъ: „Великій Кофта“ (сюжетомъ ея служить то же дѣло объ ожерельи, и характеры гр. Ламотте и Калиостро хорошо развиты; онъ написалъ ее въ 1789 г. стихами, а въ 1792 г. переделалъ въ прозу и нарочно ѣздилъ въ Палермо собирать матеріалы для жизни своего героя; тамъ встрѣтилъ онъ мать и сестру Бальзамо съ дѣтьми и помогъ имъ), см. его *Italienische Reise 1814—1817 г.* 2-я часть), намъ становится понятнымъ, что и другія замѣчательныя лица, если не вѣрили магіку, то любопытствовали ближе узнать его. Нельзя не замѣтить,

что многіе, писавшіе о немъ, считаютъ его агентомъ іезуитовъ, какъ Боровскій, Элиза фон-дер-Реке, Мейнерсъ (*Reise durch die Schweiz*, 2-я часть, 1788). Въ брошюрѣ Мирабо: „*Lettre sur M. le comte Cagliostro et Lavater*“ (1786) приведена пространная полемика по этому предмету. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ іезуиты не выбирали своими агентами людей такой сомнительной честности и такого недалекаго образованія, да и папа Пій VI, несмотря на то, что предшественникъ его, Климентъ XVI, уничтожилъ орденъ іезуитовъ на вѣчныя времена, былъ самъ тайнымъ приверженцемъ и ученикомъ ихъ (что ясно доказалъ Губеръ въ своей „Исторіи Іезуитовъ“) и не подвергнулъ бы Калостро такому тяжелому наказанію.

На русскомъ языкѣ немного писано о Калостро. Въ 1786 году вышло въ Петербургѣ: „Оправданіе графа де-Калостро по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго склаважа во Франціи“ и „Возраженіе со стороны графини де-Валуа-ла-Моттъ на оправданіе графа де-Калостро“—двѣ брошюры по дѣлу объ ожерельи королевы, переведенныя съ французскаго. Въ собраніи иностранныхъ сочиненій, относящихся къ Россіи и изданныхъ нашею публичною бібліотекою въ 1873 году, подъ названіемъ „*Rossica*“ есть только одно сочиненіе о Калостро: „*Mémoires pour servir à l'histoire du comte Cagliostro*“.

Mundus vult decipi—ergo decipiatur, говоритъ латинская поговорка—и Калостро слѣдовалъ ей вполне. Мы видѣли, что онъ довольно скромно началъ свое поприще и, вѣроятно, остался бы такимъ же гулакой и мелкимъ мошенникомъ, какимъ былъ въ молодости, если-бы, при первыхъ попыткахъ—выдать себя за волшебника и чудотворца—не встрѣтилъ въ окружающей его, неразвитой и легковѣрной массѣ полного довѣрія къ своимъ словамъ. Онъ воспользовался только глупостью своего времени и былъ въ этомъ отношеніи продуктомъ, выраженіемъ своего вѣка, представителемъ среды, въ которой такъ легко быть обманщикомъ, потому что окружающія его лица жаждутъ быть обманутыми. Безъ всякаго образованія, безъ знанія основныхъ началъ какой-либо науки, онъ болѣе 20-ти лѣтъ эксплуатировалъ сильно вѣрившую ему массу, не видѣвшую, по недостатку научнаго образованія, разницы между чудесами науки (для незнакомаго съ наукою всякое явленіе ея составляетъ чудо) и чудесами сверхъестественными, нарушающими законы науки и природы. Для невѣжественныхъ и суевѣрныхъ людей разницы между возможнымъ и невозможнымъ не существуетъ и Гёте въ своемъ „*Великомъ Кофтѣ*“ справедливо замѣчаетъ, что отъ излишней фанатической вѣры люди легко переходятъ къ суевѣрію и тогда

еще сильнѣе вѣрятъ въ разныя нечѣности, потому что потребность вѣрованія въ нихъ не удовлетворяется разумнымъ сознаниемъ дѣйствительности. Понятно, что такая вѣра, не знающая границъ, порождаетъ и людей въ родѣ Каліостро, употребляющихъ въ свою пользу это стремленіе человечества къ сверхъестественному. Шиллеръ въ своемъ „Духовидцѣ“ доказалъ, что отъ мистицизма легко перейти къ мистификаціи. Въ малообразованномъ, слабохарактерномъ человѣкѣ всегда остается тайная боязнь неизвѣстнаго, которую могутъ эксплуатировать всякаго рода жрецы, становящіеся посредниками между человечествомъ и неизвѣданнымъ міромъ, недоступнымъ изслѣдованіямъ науки. Недовольный своимъ кратковременнымъ существованіемъ, часто соединеннымъ съ тяжелыми условіями и страданіями, человѣкъ стремится продолжить его за предѣлы возможнаго, создаетъ себѣ фантастическія понятія о жизни въ другихъ мірахъ, о существахъ въ другой формѣ, населяющихъ эти міры и имѣющихъ сношенія съ нашимъ міромъ, но не прямыя, а черезъ особыхъ посредниковъ, избранниковъ, въ пользу которыхъ могутъ нарушаться даже неизмѣнные законы природы. Стоитъ допустить только возможность этихъ сношеній и тогда являются Каліостро, Сведенборги, Месмеры, Сен-Мартены, мистики, некроманты, заклинатели и вызыватели духовъ, чудотворцы, спириты, жизненные элексиры, амулеты, философскіе камни, весь туманный міръ ясновидѣній, предсказаній, предзнаменованій — исчезающій только при свѣтѣ науки, какъ исчезаютъ при солнечномъ лучѣ всѣ ночныя, неясныя призраки, зарождающіеся не въ дѣйствительности, а въ нашемъ воображеніи.

В. Зотовъ.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

(Изъ воспоминаній о Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ).

1822—1826.

Въ ряду разныхъ бѣдствій и невзгодъ, перенесенныхъ русскимъ народомъ втеченіе тысячелѣтняго его существованія, не послѣднее, конечно, мѣсто занимаютъ военныя поселенія, оставившія по себѣ неизгладимые слѣды не только въ памяти значительной части населенія Россіи, но и въ его экономическомъ быту.

Какъ возникла злосчастная мысль объ учрежденіи у насъ военныхъ поселеній и какъ примѣнялось на практикѣ ея осуществленіе, — я не буду говорить, такъ какъ объ этомъ много уже было писано. Кромѣ весьма обстоятельно составленной книги «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія»,¹⁾ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ периодическихъ изданій помѣщено было нѣсколько статей и рассказовъ изъ исторіи и быта военныхъ поселеній, преимущественно Новгородскихъ.²⁾ Полной исторіи этихъ учрежденій у насъ еще нѣтъ, да таковая, разумѣется, еще и невозможна нынѣ, когда многое, что было бы въ состояніи пролить яркій свѣтъ на эпоху царствованія Благословеннаго, лежитъ пока

¹⁾ Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 годовъ. Матеріалы для новѣйшей русской исторіи. Изданіе редакціи «Русской Старины». Спб., 1871 г., въ 8-ю долю, 308 стр.

²⁾ Между прочимъ, редакціей «Русской Старины» была издана книга «Бытъ военныхъ поселеній въ 1831 году. Рассказы и воспоминанія очевидцевъ». Спб., 1870 г., въ 8-ю д., 282 стр.

А. Аркачѣевъ

Графъ Алексѣй Андреевичъ

АРАКЧЕЕВЪ.

1769 — 1834.

еще подъ спудомъ и, Богъ-вѣсть, когда выглянетъ на бѣлый свѣтъ. Между тѣмъ, учрежденіе и существованіе военныхъ поселеній представляютъ собою весьма крупное явленіе Александровской эпохи. Въ тѣхъ приемахъ, съ какими осуществлялось у насъ чуждое духу русскаго народа учрежденіе, видѣнъ характеръ тогдашняго времени; поэтому, я полагаю, что всякій фактъ изъ исторіи этой эпохи, — какъ бы ни казался онъ, съ перваго взгляда, незначителенъ, — на самомъ дѣлѣ никогда не будетъ лишнимъ, и — кто знаетъ? — быть можетъ пособить будущему историку представить правдивую картину нашего прошлаго.

Эти соображенія, а также и настоянія нѣкоторыхъ моихъ друзей побудили меня, стараго инвалида-поселенца, взяться за перо, припомнить давно минувшее и передать на бумагѣ тѣ, уцѣлѣвшіе въ моихъ воспоминаніяхъ, случаи изъ быта военныхъ поселеній, которые могутъ, отчасти, служить въ характеристикѣ того времени.

I.

20-го января 1822 года, я, — тогда еще 16-ти-лѣтній мальчикъ, — отправленъ былъ моимъ отцомъ на службу въ гренадерскій графа Аравчеева полкъ, поселенный въ Новгородской губерніи, по р. Волхову. Въ этомъ полку уже служилъ, въ чинѣ поручика, мой старшій братъ, и потому неудивительно, что отецъ, зная о всей строгости службы на глазахъ самого Аравчеева, что называется на-юру, рѣшился отдать меня туда: моя молодость и совершенная неопытность требовали, въ особенности на первое время, бдительнаго надзора и руководства со стороны человѣка болѣе или менѣе солиднаго и хотя нѣсколько помпезаннаго уже жизнью.

По поступленіи въ полкъ, несмотря на новостъ положенія и на кажущуюся свободу, какою пользовались тогда подпрапорщики и унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся, я сильно тосковалъ первое время и очень смущался нѣкоторыми, дикими для меня, сторонами военной жизни; мнѣ такъ и казалось, что будто-бы я попалъ въ какое-то механическое заведеніе, гдѣ каждое движеніе, каждый шагъ, каждое слово были заранѣе опредѣлены, размѣрены и отсчитаны.

На другой же день, по приѣздѣ моемъ въ полевой штабъ, братъ мой представилъ меня полковому командиру, полковнику фонъ-Фрикену, пользовавшемуся особенною благосклонностью Аракчеева и милостью Александра I.

На нѣмецкомъ языкѣ фонъ-Фрикенъ выразилъ свое удовольствіе принять меня къ себѣ въ полкъ и обѣщалъ содѣйствовать моему опредѣленію на службу. Дѣйствительно, когда, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1822 года, Аракчеевъ приѣхалъ въ полкъ, я былъ представленъ ему.

Фигура графа, котораго я увидѣлъ тогда впервые, поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми, какъ щетка, волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими, страшно холодными и мутными, глазами, съ толстымъ, весьма неизящнымъ, носомъ, формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видывалъ улыбки или усмѣшки; верхняя губа была чисто выбрита, что придавало его рту еще болѣе неприятное выраженіе. Прибавьте ко всему этому еще сѣрую, изъ солдатскаго сукна, куртку, надѣтую сверхъ артиллерійскаго сюртука,¹⁾ и вы составите себѣ понятіе о внѣшности этого человѣка, наводившаго страхъ не только на военныхъ поселенія, но и на все служившее тогда въ Россіи.

— Кто твой отецъ? — спросилъ меня графъ своимъ гнусливымъ голосомъ, такъ часто заставлявшимъ дрожать даже людей далеко нетрусливыхъ.

Надо замѣтить, что Аракчеевъ произносилъ сильно въ носъ, при чемъ еще имѣлъ привычку не договаривать окончанія словъ, точно проглатывалъ его.

Тренеща всѣмъ тѣломъ, я отвѣтилъ на вопросъ.

— Я принимаю тебя, — сказалъ Аракчеевъ, — но смотри, слушать хорошо. Шелопаевъ я терпѣть не могу!

Я былъ зачисленъ подпрапорщикомъ въ 4-ю фузелерную роту

¹⁾ Обмѣновено Аракчеевъ носилъ артиллерійскую форму; но при осмотрѣ работъ на военныхъ поселеніяхъ, онъ, сверхъ артиллерійскаго сюртука, надѣвалъ куртку изъ сѣраго солдатскаго сукна и въ такомъ нарядѣ бродилъ по полямъ, осматривалъ постройки и т. п. работы. Въ этой-то курткѣ я увидѣлъ его въ первый разъ.

гренадерскаго графа Аравчеева полка, и поступилъ въ полное распоряженіе капральнаго унтеръ-офицера Дмитрія Ефимовича Фролова, бывшаго первымъ моимъ наставникомъ въ военной премудрости.

Фроловъ, переведенный въ 1807 году, въ числѣ 800 чело-вѣкъ, изъ Архаровскаго полка въ Аравчеевскій, представлялъ собою совершеннѣйшій типъ капрала стараго времени. Геркулесъ сложеніемъ, 12-ти вершковъ роста, стройный и красивый, онъ былъ страшный службистъ, строгій къ самому себѣ и недаввшій пощады своимъ подчиненнымъ. Къ такому-то человѣку попалъ я въ опеку и онъ, своими безконечными дисциплинарными наставленіями, нерѣдко доводилъ меня до слезъ. Поставить, бывало, подъ ружье и начнетъ преподавать истинны рекрутской школы, о томъ — какъ долженъ стоять солдатъ, пересыпая эти пунетики и до-сихъ поръ непонятными для меня фразами:

— Никакого художества въ васъ я не замѣчаю; но только вы всѣми средствами подавайтесь впередъ и отнюдь на оныя не упирайтесь, да на лѣвый бокъ не наваливайтесь! Стыдно, стыдно плакать! Плачутъ однѣ бабы, а намъ, молодцамъ-гренадерамъ, не приходится!

II.

Въ томъ же 1822 году, въ іюль мѣсяцѣ (числа не упомяну), объявлено было, что императоръ Александръ Павловичъ посѣтитъ Новгородскія военныя поселенія. Для встрѣчи государя приказано было приготовиться той половинѣ полка, по району которой онъ долженъ былъ проѣхать.

На случай проѣзда государя установленъ былъ особый церемоніаль, который и соблюдался всегда во всѣхъ поселенныхъ полкахъ: поселяне-хозяева, съ своими женами и дѣтьми, становились, каждый, передъ домою своего номера; постояльцы каждаго хозяина помѣщались по лѣвую сторону его семейства; всѣ, какъ хозяева, такъ и постояльцы, были въ мундирахъ, фуражкахъ и въ штиблетахъ; женщины и дѣти также наряжались въ свои лучшіе праздничные костюмы. Ротные командиры находились на правыхъ флангахъ связей, т. е. у домовъ № 1-го, гдѣ и представляли рапорты о состояніи своихъ ротъ; полковою же командиръ встрѣчалъ государя на границѣ своего полка.

При въѣздѣ въ роту, государь останавливался, принималъ рапортъ и потомъ медленно ѣхалъ, отвѣчая привѣтливимъ поклономъ на громогласное «здравія желаемъ» гренадеръ.

Въ этотъ день я въ первый разъ увидѣлъ Благословеннаго. Онъ ѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, сидѣвшимъ по правую его руку. Иногда государь приказывалъ остановиться, входилъ въ домъ, осматривалъ житье-бытье поселенцевъ, пробовалъ кушанье, приготовленное въ этотъ день хозяевами (а въ этотъ день хозяева ухо острѣ держали!).¹⁾

За приемъ и угощеніе царя хозяйка дома получала въ подарокъ сарафанъ, очень нарядный, обшитый серебряною бахромой и усаженный такими же пуговицами. Объ этомъ подаркѣ объявлялось въ послѣдствіи въ приказѣ по полку, при чемъ объяснялось, что такая-то, за примѣрный порядокъ въ хозяйствѣ, всемилостивѣйше жалуется штофнымъ сарафаномъ въ 150 руб. (въ то время считали еще на ассигнаціи).

На другой день по приѣздѣ государя происходилъ смотръ полку графа Аракчеева и армейскимъ кадровымъ баталіонамъ. Эти баталіоны — несчастная жертва тогдашняго времени — приходили, иногда въ числѣ пятидесяти или шестидесяти, въ Новгородскія поселенія еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и были употребляемы въ разныя работы: вырубку лѣсовъ, расчистку полей, проведеніе дорогъ, выдѣлку кирпича и т. п. Обыкновенно, они оставляли свои бараки на поселеніяхъ и уходили на зимнія квартиры въ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской и смежныхъ съ нею губерній, въ сентябрѣ мѣсяцѣ; но иногда тѣ, изъ нихъ,

¹⁾ Что-бы выказать передъ государемъ удивительную степень благоденствія солдатъ-поселенцевъ, а въ то же время и себѣ заслужить похвалу и награду, поселенное начальство поднималось на разныя штуки. Читателямъ извѣстны, я думаю, рассказы о жареныхъ поросенкѣхъ и гусяхъ, переносимыхъ, по задворкамъ, изъ дома въ домъ, но мѣрѣ проѣзда государя, такъ что въ какой бы домъ дарю ни задумалось зайти, вездѣ, за обѣденнымъ столомъ хозяевъ, красовался или гусь, или поросенокъ, свидѣтельствующа о довольствѣ, въ какомъ живутъ солдаты-поселяне. Все это дѣйствительные факты, очень хорошо извѣстные во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ и обычные до того, что никто и не думалъ придавать имъ какое-нибудь особенное значеніе: слѣдовало представить свой товаръ, ну и представляли, разумѣется, съ казоваго конца; не показывать же было обиденныхъ заплачь и лохмотьевъ — ежедневныя пустыши и избитыя спины счастливыхъ поселянъ.

которые не успѣли выполнить опредѣленныхъ имъ рабочихъ уроковъ, оставлялись на работахъ, въ наказаніе, и на октябрь.

Царскій смотръ сошелъ благополучно; государь остался всѣмъ очень доволенъ и, по обыкновенію, благодаря Аракчеева за представленіе въ отличномъ видѣ подвѣдомственныхъ ему частей, обнялъ его и поцѣловалъ.

По отъѣздѣ государя, все, экстренно подтянутое, начало мало-по-малу приходить въ свое обычное состояніе, и поселенная жизнь потекла будничнымъ порядкомъ; только начальствующія лица все еще продолжали волноваться въ ожиданіи наградъ.

III.

Спустя недѣли двѣ послѣ высочайшаго смотра пріѣхалъ въ полкъ Аракчеевъ. На другой день назначенъ былъ разводъ съ церемоніей. Въ караулъ по полку—очередная рота; составъ развода слѣдующій:

1) Караульная рота; 2) караулъ военно-учительскаго института; 3) два караула отъ армейскихъ кадровыхъ баталіоновъ; 4) караулъ отъ фурштатской роты; 5) караулъ отъ рабочаго баталіона; 6) учителя военно-сиротскихъ отдѣленій; ¹⁾ 7) уланы Чугуевского и Херсонскаго поселеній; 8) парольные унтеръ-офицеры отъ всѣхъ баталіоновъ, и 9) унтеръ-офицеры и рядовые (при офицерѣ) отъ жандармскаго взвода и фурштатской роты, верхами, являшіеся ординарцами и вѣстовыми къ старшему при разводѣ.

Я нарочно привожу этотъ мозаичный составъ развода, что-бы читатель могъ составить себѣ понятіе о разводахъ былого времени.

Все готово. Всѣ подтянуты, выглажены и вылощены; всѣ съ трепетомъ ждутъ грознаго начальника. Тихо такъ, что слышно жужжаніе большихъ синихъ мухъ, ожесточенно нападающихъ на потныя лица и затылки гренадеръ и самого начальства... Старшіе офицеры, собравшіеся на правомъ флангѣ развода, разговариваютъ вполголоса, передавая другъ другу свои предположенія о томъ—кому какую дадутъ награду. Офицеры, находящіеся въ строю, проходятъ иногда по фронту, выравнивая ряды, поправляя на людяхъ аммуницію и кивера... Звуки подзатыльниковъ и зуботычинъ раздаются какъ-то очень глухо—бьютъ осторожно...

¹⁾ Учителя эти носили трехугольныя шляпы.

крѣпкое русское слово, въ обычное время неумолкаемымъ эхомъ перекатывающееся по плацу, теперь слышится иначе, мягко и сдержанно...

— Идетъ! полушопотомъ проносится по разводу, и дѣйствительно, онъ наконецъ появляется.

Встрѣченный барабаннымъ походомъ, графъ, послѣ обычнаго привѣтствія: «здорово гренадеры!» отправляется по фронту. Музыканты изо всѣхъ силъ надуваютъ привѣтственный маршъ, подъ звуки котораго его сіятельство обходитъ представляющіяся на разводѣ части, дѣлая по пути свои замѣчанія. Вотъ онъ останавливается передъ учителями въ трехуголкахъ и по плацу раздается его гнусливый голось:

— Вы, дураки! Не знаете какъ надо встрѣчать начальника! Вы должны были поднять лѣвую руку въ шляпѣ!

Затѣмъ, обращаясь къ полковнику фонъ-Фризену, графъ прибавляетъ:

— Обтесать этихъ болвановъ!

— Слушаю-съ, ваше сіятельство! — было отвѣтомъ исполнительнаго командира.

Подаривъ многихъ лицъ разными наименованіями, какъ-то: дуракъ, болванъ, нечесанный чурбанъ, Аракчеевъ подозвалъ къ себѣ полковаго адъютанта и отдалъ ему какое-то приказаніе; тотъ, взявъ съ собою двухъ офицеровъ и двухъ унтеръ-офицеровъ, отправился съ ними въ домъ шефа полка (Аракчеева), откуда вскорѣ и вынесли огромный, серебряный подносъ, покрытый красиво салфеткой, и понесли его по фронту. Во все время, пока продолжалось шествіе съ подносомъ, разводъ держалъ на караулѣ, а музыканты играли торжественный маршъ. Когда, наконецъ, подносъ былъ вынесенъ на середину, шаговъ на двадцать отъ фронта, подошелъ Аракчеевъ и, оторвавъ салфетку, взялъ бумагу и прочелъ, довольно громко, приблизительно слѣдующее:

— Государь императоръ, осмотрѣвъ такого-то числа вѣрныя мнѣ войска, изволилъ найти ихъ въ отличномъ состояніи, какъ по фронтовой, такъ, равно, и по хозяйственной части; почему, за ревностное и неусыпное стараніе нижепоименованныхъ начальствующихъ лицъ, представленныхъ отъ меня въ наградамъ, всемилоостивѣйше жалуетъ:

— Генералъ-маіоръ NN! — вызываетъ Аракчеевъ по списку.

Генералъ подходитъ и узнаеть, что государь, за усердную службу, жалуетъ его орденомъ св. Анны 1-й степени. Аракчеевъ беретъ съ подноса орденъ и надѣваетъ его на новаго кавалера, за что тотъ цѣлуетъ — сначала портретъ императора на груди у Аракчеева, а потомъ и самого Аракчеева, въ плечо, и отходитъ въ сторону; за нимъ подходятъ другіе, удостоенные награды. Когда очередь доходитъ до фонъ-Фрибена, голосъ Аракчеева возвышается и онъ громко провозглашаетъ:

— Имени моего полва командиръ, полковникъ фонъ-Фрибенъ!

Тотъ подходитъ, по привычѣ съ сжатыми вулаками, точно собираясь оттувить своего благодѣтеля. Графъ упоминаетъ о всей боевой (вулачной) службѣ своего фаворита и вручаетъ ему пожалованную золотую, осыпанную брилліантами, табатерку.

Надо замѣтить, что награды получали только генералы и штабъ-офицеры, командовавшіе отдѣльными частями; прочіе же смертные не были избалованы въ этомъ отношеніи, и Аракчеевъ обыкновенно говорилъ, что ихъ, т. е. младшихъ штабъ-офицеровъ и оберъ-офицеровъ, надо держать въ черномъ тѣлѣ, что только строгимъ съ ними обращеніемъ и можно заставить ихъ служить намъ слѣдуетъ.

По окончаніи церемоніи раздачи наградъ, графъ обращается къ остальнымъ предстоящимъ и объявляетъ:

— Государь императоръ поручилъ мнѣ изъяснить вамъ высочайшее его благоволеніе за вашу усердную службу (благоволеніе это потомъ и отпечатывалось въ приказѣ по военному поселенію).

Обращаясь затѣмъ къ разводу, Аракчеевъ провозглашаетъ:

— Государь благодаритъ гренадеръ за службу и проситъ передать такую же высочайшую благодарность всѣмъ ихъ товарищамъ.

Въ заключеніе графъ поздравлялъ получившихъ награды съ монаршею милостію и тѣмъ, обыкновенно, означивалась вся церемонія развода.

IV.

Начальство тогдашняго времени, въ обращеніи съ подчиненными вообще, не отличалось особенною деликатностью. Конечно, въ гвардіи, гдѣ служила преимущественно аристократическая

молодежь, богатая средствами и связями, соблюдались правила вѣжливости и общезитія; въ полкахъ армейской кавалеріи отношенія начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ офицерамъ были также болѣе или менѣе приличны, да иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ офицеры, служившіе въ гусарахъ, уланахъ и кирасирахъ, принадлежали, по большей части, къ средѣ состоятельныхъ, а нерѣдко и очень богатыхъ помѣщиковъ, и если шли на службу, то скорѣе изъ чести, какъ говорили тогда, а никакъ ужъ не ради тѣхъ скудныхъ средствъ, какія давала эта служба въ то время. Совсѣмъ иное дѣло было въ армейской пѣхотѣ. Здѣсь большинство офицеровъ существовало службою, т. е. тѣмъ, что отпускалось отъ казны: жалованьемъ, квартирою и прислугою въ натурѣ. Собственные средства были очень не у многихъ, да и то небольшія; поэтому, волей-неволей, приходилось держаться службы, и держаться тѣмъ крѣпче, что, по своему воспитанію, наше благородное военное сословіе вовсе не было подготовлено къ какой-либо иной дѣятельности и не могло, слѣдовательно, улучшить своего положенія переходомъ на другой родъ службы. Начальство наше очень хорошо, разумѣется, понимало все это и потому въ обращеніи съ подчиненными не слишкомъ-то стѣснялось. Аракчеевъ, напримѣръ, обращавшійся почти со всѣми одинаково грубо, почти всѣмъ говорилъ ты; эпитеты: «дуракъ», «болванъ», «оселъ» и т. п. такъ и сыпались, бывало, изъ сіятельныхъ его устъ, когда онъ осматривалъ какой-нибудь полкъ или команду. Всѣ наши поселенные генералы, а также командиры полковъ и баталіоновъ, слѣдуя примѣру своего главнаго начальника, были крайне грубы и дерзки, и въ отношеніи къ младшимъ офицерамъ нерѣдко позволяли себѣ такія неприличныя выраженія, что повторять ихъ не позволяеть одно уже чувство благопристойности.

Рѣдкіе, одиночные случаи протеста постоянно оскорбляемыхъ офицеровъ ни къ чему, разумѣется, не вели и дорого стоили самимъ протестующимъ; такъ называемыя жалобы скономъ имѣли тотъ же результатъ.

Въ 1822 году, въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ были выпущены изъ 1-го кадетскаго корпуса четыре офицера: Соллогубъ, Власовъ, Асосковъ и Дудитскій-Липинъ. Всѣ четверо,—могу смѣло сказать,—были образцовые офицеры: чест-

ные и очень серьезно относившіеся въ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Въ томъ же году, на ренетиціи царскаго смотра, полковой командиръ, вызвавъ прапорщика Соллогуба на середину поля, приказалъ ему учиться маршировать.

— Г. Полковникъ, — отвѣтилъ Соллогубъ, — въ уставѣ сказано, что если полковой или баталіонный командиръ найдетъ нужнымъ учить офицеровъ, то долженъ пригласить ихъ на свою квартиру или въ другое приличное мѣсто, а не дѣлать этого на плацу, передъ цѣлымъ полкомъ. Поэтому, г. полковникъ, я не могу исполнить вашего приказанія.

— Адъютантъ! — неистово возопилъ фонъ-Фризенъ. — Возьмите у него шпагу и отведите его на гауптвахту!

Юношу предали суду, по приговору котораго онъ былъ разжалованъ въ рядовые въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, и черезъ шесть лѣтъ, въ турецкую кампанію 1828 года, былъ убитъ.

Спустя нѣкоторое время, на баталіонномъ ученіи, баталіонный командиръ, подполковникъ Воронцовъ, своими неимовѣрно дерзкими выраженіями, вывелъ изъ верблюжьяго терпѣнія поручика Клейника, который наконецъ отказался отвѣчать на какой-то крайне грубый вопросъ своего начальника. Разумѣется, Клейникъ немедленно былъ отправленъ на гауптвахту, а на третій день увезенъ фельдъегеремъ Богъ-вѣсть куда; въ приказѣ же по полку было объявлено, что поручикъ Клейникъ исключается изъ списковъ полка.

Мы думали уже, что бѣднаго Клейника постигла такая же участь, какъ и Соллогуба; но, къ счастью, ему удалось отдѣлаться сравнительно дешево. Черезъ годъ послѣ его исчезновенія, одинъ изъ офицеровъ Аракчеевскаго полка встрѣтилъ Клейника въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, уже въ статскомъ платьѣ, и на вопросъ, гдѣ путешествовалъ? тотъ разсказалъ, что выси-дѣлъ годъ въ казематѣ, въ Шлиссельбургской крѣпости, и теперь, молъ, «свободенъ какъ птица».

Около того же времени случилось слѣдующее: фельдфебель 5-й фузелерной роты принесъ въ прапорщику Духонину приказаніе отъ ротнаго командира, написанное крайне безтолково и безграмотно. Прочитавъ, и не будучи въ состояніи добратъся до какого-нибудь смысла въ этомъ приказѣ, Духонинъ имѣлъ неосторожность выразиться вслухъ при фельдфебелѣ:

— Какой это дуракъ писалъ?

Фельдфебель повернулся на лѣво-кругомъ и, конечно, отпортовалъ объ этомъ ротному командиру, который, подъ вліяніемъ уязвленнаго самолюбія, не преминулъ, въ свою очередь, донести полковому командиру о такомъ неслыханномъ неуваженіи подчиненнаго къ своему непосредственному начальнику.

Духонинъ преданъ былъ суду, разжалованъ въ рядовые, въ тотъ же полкъ графа Аракчеева, въ польскую кампанію 1831 года получилъ знакъ отличія военнаго ордена и произведенъ былъ въ прапорщики.

Всѣ эти, а также и многіе другіе, подобныя имъ, случаи произвола не могли, конечно, не возмущать офицеровъ, которые постоянно подвергались, совершенно безнаказанно, различнымъ оскорбленіямъ со стороны ихъ начальства. Несмотря на суровость тогдашнихъ военныхъ законовъ и на всю силу временщика Аракчеева, сознавая вполнѣ всю беззащитность и беспомощность своего положенія, какъ мелкихъ подчиненныхъ, молодые офицеры рѣшились заявить государю, на предстоявшемъ тогда въ сбѣйшемъ смотрѣ, о невыносимой службѣ, грубомъ и дерзкомъ обращеніи съ ними ихъ начальства. Послѣ неоднократныхъ обѣщаній, они положили сдѣлать это такъ: когда государь, по окончаніи смотра, будетъ объѣзжать войска и благодарить за службу, то всѣмъ офицерамъ, — конечно участвовавшимъ только въ заговорѣ, — встать на колѣна и, обратя этимъ на себя вниманіе государя, выразить свою претензію. Но такъ какъ заговорщики не были вполнѣ увѣрены другъ въ другѣ и сомнѣвались, что каждый изъ нихъ не спасуетъ въ рѣшительную минуту и выполнитъ данное обѣщаніе, то и нашли необходимымъ связать себя взаимною присягою. Съ этою цѣлью, по окончаніи послѣдней репетиціи смотра, все общество собралось въ квартирѣ капитана Матвѣева, куда пригласили и младшаго полковаго священника, отца Тимофея Камчатова; но лишь только этотъ послѣдній успѣлъ надѣть епитрахиль и провозгласить: «мы, нижеподписавшіеся!!...», какъ вдругъ, о ужасъ! входитъ фонъ-Фрикенъ...

— Что здѣсь за сборище? — крикнулъ онъ. Почему ротные командиры пустили свои роты при однихъ фельдфебеляхъ?

Само собою разумѣется, что появленіе фонъ-Фрикена, кото-

раго офицеры называли «полковымъ воротилой», а солдаты — «Федоромъ Кулаковымъ», произвело на заговорщиковъ то же дѣйствіе, какъ паденіе бомбы, и разстроило всѣ ихъ предположенія.

Изъ всей собравшейся тутъ компаніи не потерялся, кажется, одинъ только поручикъ Евфимовъ, который вышелъ впередъ и объяснилъ грозному полководцу, что они собрались съ цѣлью отслужить общій молебенъ о благополучномъ окончаніи предстоявшаго высочайшаго смотра, для сего и пригласили «батюшку». Какъ ни казалось такое объясненіе естественнымъ, но фонъ-Фривенъ не обратилъ на него никакого вниманія и разогналъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ. Первымъ поспѣшилъ отретироваться отецъ Тимошей.

Въ это время Аракчеевъ осматривалъ работы по постройкѣ домовъ фурштатской роты, расположенной въ 7-ми верстахъ отъ полковаго штаба. Дали-ли ему знать о происходившемъ собраніи или онъ самъ подозрѣвалъ что-либо не совсѣмъ обыкновенное, но только, на возвратномъ пути, графъ, не забывъая, противъ обыкновенія, въ штабъ полка, проѣхалъ полевою дорогою въ свое имѣніе Грузино.

Собраться снова, что-бы осуществить свое намѣреніе — свершить замысль присягою — никто изъ офицеровъ теперь уже и не думалъ. Всѣ понимали, что дѣло не выгорѣло, пропало, и что начальству все извѣстно и оно не замедлитъ принять необходимыя мѣры... Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого, начальникъ штаба военныхъ поселеній, Клейнмихель (впослѣдствіи графъ и министръ путей сообщенія), потребовалъ къ себѣ капитана Иванова, штабсъ-капитана Титкова, поручика Евфимова и прапорщика Галкина (за что и за кого пострадалъ этотъ послѣдній, — невинная душа, — одинъ Богъ знаетъ) и объявилъ имъ высочайшую волю... Посадили ихъ, съ фельдъегеремъ, въ почтовыя тележки — и слѣдъ простылъ... только въ приказѣ отпечатали, что «такіе-то офицеры имени моего полка переводятся на службу въ дальніе сибирскіе гарнизоны»...

Надо, однако-жъ, замѣтить, что Клейнмихель, при прощаніи съ ссыльными, со слезами на глазахъ далъ имъ слово, что черезъ годъ они будутъ возвращены. Обѣщаніе это дѣйствительно было исполнено: Евфимовъ и Титковъ возвратились въ тотъ же полкъ, а двое другихъ — въ армію.

V.

Три раза въ годъ, а именно: въ первый день св. Пасхи, въ Рождество и въ день св. Апостола Андрея Первозваннаго, шефъ полка, графъ Аракчеевъ, приглашалъ къ себѣ на обѣдъ нижнихъ чиновъ своего полка, т. е., конечно, не всѣхъ, а по одному унтеръ-офицеру и рядовому отъ каждой роты, что составляло команду въ 24 человекъ. Приглашеніе это дѣлалось всегда собственноручною запискою Аракчеева слѣдующаго содержанія:

«Шефъ полка проситъ достойныхъ гренадеръ, въ такову-то числу, пожаловать къ нему и раздѣлить съ нимъ трапезу».

По полученіи въ полковомъ штабѣ такого приглашенія, сейчасъ же писались въ роты записки о назначеніи желающихъ, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ — о нарядѣ людей на шефскій обѣдъ.

Въ 1823 году, къ празднику Андрея Первозваннаго, 30-го ноября, получено было въ полку обычное приглашеніе. Я былъ тогда еще подпрапорщикомъ и, по заведенному въ полку порядку, исполнялъ службу наравнѣ со всѣми унтеръ-офицерами. Изъ любопытства-ли, или же изъ какаго-то, совершенно непонятнаго теперь для меня, честолюбія, я отправился къ ротному командиру, съ просьбою назначить меня на графскій обѣдъ.

Наряженный уже на эту службу унтеръ-офицеръ очень обрадовался, что нашелся таковой простота — охотникъ до шефскихъ обѣдовъ — и, конечно, съ удовольствіемъ уступилъ мнѣ свое мѣсто. Начались приготовленія — чистка аммуниціи, мундира и т. п. Все пригонялось, осматривалось, передѣлывалось и снова пригонялось и осматривалось, пока опытный глазъ командира не находилъ уже никакихъ погрѣшностей.

Сборнымъ пунктомъ нашей команды назначенъ былъ правый флангъ полка, т. е. во 2-й гренадерской ротѣ, откуда мы, 30-го ноября, раннимъ утромъ, подъ начальствомъ фельдфебеля, Якова Гавриловича Протопопова (любимца Аракчеева), и при одной конной подводѣ, отправились къ мѣсту торжества — въ с. Грузино. По прибытіи въ деревню Палички (въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ с. Грузино), вся команда одѣлась въ парадную походную форму: мундиры, краги, портупей и кивера въ чехлахъ.

Почтеннѣйшій Яковъ Гавриловичъ, до тонкости изучившій нравъ и требованія графа Аракчеева, во все время нашего путешествія читалъ намъ наставленія, какъ вести себя въ гостяхъ у графа, гдѣ молвить да, гдѣ—нѣтъ, а гдѣ и совсѣмъ промолчать.

— Но, смотрите, — прибавлялъ онъ, — при всякомъ отвѣтѣ величать графа отцомъ и благодѣтелемъ!

Наконецъ раздался благовѣстъ къ обѣднѣ и мы, подтянувшись и еще разъ оправившись, выстроились по-ротно по два въ рядъ, и отправились въ церковь. По окончаніи литургіи и молебствія, наша команда выстроилась передъ церковью, въ ожиданіи выхода великаго Могола военныхъ поселеній. Вышелъ, наконецъ, и онъ.

— «Здорово гренадеры!»

— Здравія желаемъ вашему сіятельству, — гаркнули мы всѣми легкими.

— «Здоровъ-ли вашъ полковой командиръ?» — спросилъ графъ.

— Слава Богу! Поручилъ намъ поздравить ваше сіятельство съ престольнымъ праздникомъ, — отвѣтилъ уже одинъ Яковъ Гавриловичъ.

— «Спасибо! Прошу васъ, молодцы, раздѣлить со мною трапезу», — сказалъ Аракчеевъ.

Намъ скомандовали на-право, и повели въ стройномъ порядкѣ, какъ на парадѣ, въ подвальный этажъ бельведера графскаго дома, гдѣ уже былъ накрытъ столъ человекъ на тридцать. Выстроившись въ столовой въ томъ же порядкѣ, какъ и по выходѣ изъ церкви, но уже безъ киверовъ, мы ожидали нашего шефа. Онъ вошелъ и еще разъ поздоровался съ нами. вмѣстѣ съ Аракчеевымъ въ столовую вошли: командиръ Архангельскаго порта — Миницкій, тверской помѣщикъ Волынский и еще какой-то статскій — какъ я узналъ послѣ — дѣйствительный тайный совѣтникъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ.

Обѣдъ начался тѣмъ, что лакей, въ либреѣ, обшитой басонами съ Аракчеевскимъ гербомъ, на которомъ красовался извѣстный девизъ: «безъ лести преданъ», внесъ подносъ съ небольшимъ графиномъ водки и крошечною, въ родѣ дамскаго наперстка, рюмкою синяго стекла. Сначала поднесли, конечно, графу, потомъ гостямъ, по старшинству ихъ чиновъ, а наконецъ

и намъ — гренадерамъ. Когда очередь дошла до меня, я, по молодости своей, пропустилъ мимо эту горькую чашу; другіе же выпили, съ желаніемъ здоровья шефу полка. Уморительно было смотрѣть, какъ неловко и съ какимъ страхомъ брали гренадеры графинъ, наливали дрожащею рукою рюмочку и, выпивая за-ключавшіяся въ ней нѣсколько капель водки, какъ-то удивленно поглядывали то другъ на друга, то на ливрейнаго лакея, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и серьезнѣйшею фізіономіею останавли-вавшася передъ каждымъ солдатомъ.

Послѣ этой церемоніи, всѣ присутствовавшіе, помолясь въ передній уголъ, усѣлись за столъ и начался не пиръ, а очень и очень скромный обѣдъ. Намъ, нижнимъ чинамъ, подали щи съ кислой капустой, пироги съ говяжьей начинкой, жареную говядину и какую-то кашу, а въ заключеніе обѣда по стакану кислѣйшаго бѣлаго вина, въ родѣ извѣстнаго русскаго кислаго кваса.

Когда стаканы были налиты этой кислотой, представитель нашъ, Яковъ Гавриловичъ Протопоповъ, всталъ съ своего мѣста (конечно, за нимъ поднялись и мы всѣ) и провозгласилъ тостъ за здоровье сіятельнаго хозяина. Послѣ этого всѣ гости поднялись и, помолясь Богу, обратились съ благодарностью къ Аракчеву, который въ отвѣтъ пробормоталъ что-то въ родѣ: «чѣмъ богать, тѣмъ и радъ».

Въ это время въ столовую явилась дама, съ извиненіемъ, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могла принять участія въ обѣдѣ. Дама эта, одѣтая, впрочемъ, очень просто, неволью обра-щала на себя вниманіе своимъ гренадерскимъ ростомъ, дебели-остью и черными, огненными глазами. Это была извѣстная тогда не только по военнымъ поселеніямъ, но и по всей Россіи — На-стасья Ѳеодоровна Шумская, занимавшая высокій постъ въ Гру-зино, въ качествѣ друга Аракчеева.

Когда мы, выстроившись фронтомъ, въ двѣ шеренги — унтеръ-офицеры въ первой, а рядовые — во второй, провозгласили:

«Благодаримъ покорнѣйше, ваше сіятельство, за хлѣбъ, за соль!» Аракчевъ проговорилъ:

— Спасибо и вамъ, господа гренадеры, что не забыли меня, старика Прошу и впредь меня помнить!

Въ эту минуту вошелъ официантъ съ подносомъ, на кото-ромъ лежали какіе-то бумажные свертки, въ видѣ небольшихъ

колбасикъ. Лакей подошелъ сперва къ Протопопову, а потомъ и ко всѣмъ намъ.

— Прошу принять отъ меня, на дорогу,—сказалъ графъ.

Мы, конечно, разобрали поднесенные намъ свертки и поблагодарили.

— Спасибо сказалъ еще разъ Аракчеевъ; передайте мой поклонъ Федору Карловичу (фонъ-Фрикemu) и попеняйте ему, что не удостоилъ меня, старика, своимъ посѣщеніемъ.

«Счастливо оставаться вашему сіятельству, благодаримъ покорнѣйше!»—прогремѣли мы всею командой и мѣрнымъ шагомъ, въ прежнемъ порядкѣ, отправились на свою квартиру, въ деревню Паличьи.

— Ну, что, молодцы? Хорошо-ли васъ угостили?—спросилъ насъ квартирный хозяинъ, лукаво улыбаясь.

«Всѣмъ довольны! отвѣчали мы, и помня наставленія Якова Гавриловича, прибавили:

«Это не начальникъ, а отецъ родной, истинный благодѣтель!»

Тотчасъ по приходѣ съ обѣда, мы переодѣлись, уложили вещи и тронулись въ обратный путь, и только когда прошли послѣднюю деревню почувствовали себя на свободѣ и обратились къ своей подводѣ, на которой, между мундирами и аммуниціею, у старыхъ солдатъ припрятаны были узелки съ хлѣбомъ. Изъ страха въ хозяину-графу и вслѣдствіе невыносимо тѣсныхъ мундировъ, мы очень плохо пообѣдали; поэтому теперь вся команда порядкомъ набросилась на сухой хлѣбъ. Потомъ мы полюбопытствовали—что заключается въ тѣхъ бумажныхъ колбасикахъ, которыми насъ угостили вмѣсто десерта. Оказалось, что въ поднесенныхъ намъ сверткахъ было по десяти мѣдныхъ пятаковъ, а въ сверткѣ Протопопова, какъ фельдфебеля, двадцать.

— Ничего!—проговорилъ одинъ солдатикъ.—Годится на банку и свѣчку, а не то, пожалуй, хватить и пропустить малую толику.

«Ну, братъ, — замѣтилъ старый усатый унтеръ, — лучше отслужи-ка молебеньъ царицѣ небесной, что вынесъ Богъ тебя цѣлаго, да что-бы не пришлось въ Рождеству опять отправляться за этими пятаками».

Молчаніе остальныхъ гренадеръ ясно свидѣтельствовало, что слова стараго служиваго выражали общее мнѣніе; даже самъ Яковъ Гавриловичъ не нашелся, что сказать въ защиту граф-

скаго обѣда, только нахмурилъ свои густыя брови, да какъ-то конфузливо врякнулъ.

VI.

Въ исходѣ 1824 года, Аракчеевъ, будучи въ нашемъ полку, осматривалъ строительныя работы, которыми остался очень доволенъ, и производителя работъ, инженернаго капитана Симкова, посадилъ лично самъ на гауптвахту, за рѣшетку, вмѣстѣ съ арестованными нижними чинами; при этомъ графъ, почти не помня себя отъ раздраженія, самъ заперъ дверь арестантской комнаты и ключъ положилъ въ себѣ въ карманъ.

Когда Аракчеевъ, ведя за собою несчастнаго Симкова, проходилъ мимо дома, занимаемаго холостыми офицерами, около этого дома можно было замѣтить мужика съ окладистой черною бородою и съ георгиевскимъ крестомъ на груди; это былъ голова села Грузино, Шишкинъ. Завидя графа, онъ скрылся за домъ, а когда процессія миновала, обратился къ одному изъ бывшихъ тутъ офицеровъ съ просьбою доложить полковому командиру, что ему необходимо переговорить съ нимъ, по секрету отъ графа. Фонъ-Фрикенъ подошелъ къ нему и спросилъ:

«Что надо?»

— У насъ, въ Грузино, ваше высокоблагородіе, неблагополучно, — проговорилъ Шишкинъ. Настасья Федоровна оченно больна.

Фонъ-Фрикенъ поблѣднѣлъ и, бросившись за Аракчеевымъ, дрожащимъ голосомъ передалъ ему извѣстіе, привезенное грузинскимъ головой.

Графъ вздрогнулъ, лицо его вдругъ какъ-то исказилось и онъ... зарыдалъ...

Видъ плачущаго Аракчеева представлялъ зрѣлище до того поразительное, что намъ всѣмъ, людямъ, болѣе или менѣе нерасположеннымъ къ нему, перенесшимъ отъ него много обидъ и оскорбленій, сдѣлалось, однако-жъ, какъ-то не-по-себѣ, стало жутко, стало даже жалко его. Намъ тяжело было видѣть неподдѣльное горе этого человѣка - звѣря, не знавшаго ни жалости, ни состраданія къ своимъ подчиненнымъ и подневольнымъ, хладнокровно, не содрогнувшись, подписывавшаго смертныя приговоры, — говорю смертныя, такъ какъ наказаніе шпицрутенами черезъ

1,000 человекъ три-четыре раза — несомѣнно та же смертная казнь, только медленная и потому гораздо мучительнѣйшая... Только въ эту минуту, — можетъ быть въ первый разъ во всю его жизнь, — проглянула въ Аракчеевъ человѣческая сторона, выказалось, что и онъ не былъ чуждъ человѣческаго чувства...

— Нѣтъ! она болѣе не существуетъ! — скорѣе прохрипѣлъ, чѣмъ проговорилъ онъ. — Лошадей! — крикнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ.

Черезъ пять минутъ коляска была подана. Аракчеевъ всочинилъ въ нее, посадилъ съ собою фонтъ-Фригена и полковаго доктора Миллера и понесся маршъ-маршемъ. Но въ Грузино Аракчеевъ не поѣхалъ: онъ послалъ туда фонтъ-Фригена и Миллера, а самъ остался въ селѣ Пшеничище, у помѣщика Путятина, въ семи верстахъ отъ Грузино.

Фонтъ-Фригенъ и Миллеръ, прибывъ на мѣсто преступления, сейчасъ же распорядились заковать, по рукамъ и по ногамъ, всѣхъ дворовыхъ людей графа, безъ разбора, какъ причастныхъ, такъ и непричастныхъ ровному дѣлу. Аракчеевъ пріѣхалъ домой только къ вечеру и немедленно потребовалъ къ себѣ злодѣевъ, которые и были приведены въ нему въ цѣпяхъ.¹⁾

По словамъ доктора Миллера, неистовству этого человѣка, потерявшаго женщину, къ которой онъ, какъ извѣстно, былъ искренно привязанъ, не было мѣры. Оборвавъ борты сюртука и обнаживъ грудь, онъ бѣгалъ по комнатамъ и кричалъ: «рѣжь меня, коли, злодѣй!» и наконецъ упалъ безъ чувствъ.

Пока все это происходило въ Грузино, бѣдный Симковъ оставался въ арестантской, ключъ отъ которой Аракчеевъ взялъ съ собою. Въ самомъ разгарѣ драмы, послѣдовавшей за убійствомъ Настасьи Федоровны, никто, разумѣется, не рѣшился подступить къ обезумѣвшему отъ горя графу и спросить его — какъ быть съ арестованнымъ инженернымъ капитаномъ; ближайшія власти сами уже рѣшились сломать замокъ и освободить его изъ-подъ ареста, а также дали возможность и другимъ арестантамъ удовлетворить необходимымъ естественнымъ потребностямъ.

Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что помѣщенный въ «Русской Старинѣ» (изд. 1872 г., т. VI, стр. 225 — 242; 547 — 558)

¹⁾ Подлинное дѣло объ убійствѣ Настасьи Шумской напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV, стр. 262 — 294; см. также т. III, стр. 241 — 244.

воспоминанія объ Аракчеевѣ почтеннаго и многоуважаемаго доктора Ивана Исааковича Европеуса, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ и любовью общества офицеровъ гренадерскихъ графа Аракчеева и короля Прусскаго полковъ, грѣшатъ нѣсколько, такъ сказать, въ топографическомъ отношеніи. Въ статьѣ этой, между прочимъ, сказано, что извѣстіе объ убійствѣ Настасьи Федоровны достигло Аракчеева тогда, когда онъ былъ въ Прусскомъ полку.

Присутствуя лично при томъ моментѣ, когда фонъ-Фрибенъ докладывалъ графу объ опасной болѣзни его любовницы, и будучи свидѣтелемъ отчаянія Аракчеева при этомъ извѣстіи, я думаю, что почтеннѣйшій Иванъ Исааковичъ, по давнему времени, ошибся въ опредѣленіи мѣста. Это случилось именно въ расположеніи гренадерскаго графа Аракчеева полка: исторія арестованія капитана Симкова въ солдатской арестантской и ключъ отъ двери этой арестантской, оставшіяся въ карманѣ Аракчеева, могутъ служить подтвержденіемъ приведеннаго мною разсказа.

Мщеніе Аракчеева убійцамъ его друга было безпощадно. Цѣлыя рѣки крови пролиты были въ память погибшей графской любовницы и въ назиданіе дворовыхъ и крестьянъ чуть-ли ни всей Новгородской губерніи. Описывать подробно всѣ кровавыя сцены, происходившія тогда на берегахъ Волхова, — сцены, которыхъ я, въ моему несчастію, былъ невольнымъ свидѣтелемъ, — я не берусь, не желая возмущать чувство человѣчности въ моихъ читателяхъ; да мнѣ и самому слишкомъ тяжело было бы переживать тѣ ощущенія, какія я тогда испытывалъ. Скажу только нѣсколько словъ о той обстановкѣ этихъ казней, какую ревнивые исполнители воли всемогущаго временщика постарались придать кровавому мщенію его за смерть возлюбленной.

Въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 г., — хорошо теперь не упомяну, — приказомъ по полку наша рота назначена была къ походу въ село Грузино. Рота приведена была на военное положеніе, людямъ розданы были боевыя патроны, по 60 на человѣка, и мы отправились въ резиденцію Аракчеева, куда, къ этому времени, привезены были изъ Новгорода и преступники. На другой день назначена была самая казнь правому и виноватому, безъ разбора.

Мѣстомъ казни была избрана обширная поляна по дорогѣ изъ деревни Палички въ село Грузино, противъ колоннады церкви

св. Андрея Первозваннаго. Въ 9 часовъ утра рота наша вышла съ квартиръ и оцѣпила лобное мѣсто. Сзади цѣпи солдатъ стояли собранные, почти со всего поселенія, крестьяне съ женами и дѣтьми, всего около четырехъ тысячъ человекъ. Посрединѣ оцѣпленнаго пространства вретъ былъ станокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, по случаю холоднаго времени, горѣли огни, а около нихъ прогуливались, въ ожиданіи дѣла, заплечные мастера, то и дѣло прикладывавшіеся къ огромной бутылѣ съ водою, поставленной, со ставаномъ, около станка. Распорядители казнью нашли, вѣроятно, необходимымъ обезпечить сердце палачей отъ опасности воспламениться тою искрою, которая зовется чело-вѣчностью, и хотѣли залить въ нихъ виномъ всякое чувство со-страданія въ несчастнымъ преступникамъ. А между тѣмъ, большинство этихъ «преступниковъ» и даже самъ убійца, заслуживали несравненно большаго участія, чѣмъ всѣ эти клеветы Аракчеева, проливавшіе горькія слезы о погибшей варваръ-женщинѣ...

Но набросимъ, читатель, покровъ на то, что происходило потомъ на этихъ мирныхъ поляхъ. Мнѣ, невольному свидѣтелю казни, при воспоминаніи объ этой трагедіи, и теперь еще слышатся рѣзкіе свистящіе звуки ударовъ вѣнча, страшные стоны и крики истязуемыхъ и какою-то глухой, подавленный вздохъ тысячной толпы народа, въ назиданіе котораго совершались эти истязанія...

Время Аракчеева—было время желѣзное, мрачное, по своей жестокости. Чуть-ли ни вся Россія стономъ стонала подъ ударами. Били въ войскахъ, въ шеолахъ, въ городахъ и деревняхъ, на торговыхъ площадяхъ и въ конюшняхъ, били и въ семьяхъ, считая битые какою-то необходимою наукою — ученіемъ. Въ то время дѣйствительно, кажется, вѣрили, что одинъ битый стоитъ двухъ небитыхъ, и что вѣрнѣйшимъ средствомъ не только противъ всякаго заблужденія и шалости, но даже и противъ глупости, чуть-ли не идиотизма — было битие. Вѣроятно вслѣдствіе этого убѣжденія, палка гуляла и по старому и по малому, не щадя ни слабости дѣтскаго возраста, ни сѣдины старости, ни женской стыдливости.

Въ поселенныхъ войскахъ битие процвѣтало въ особенности, обратилось въ дѣйствительную науку и даже выработало особыхъ

экспертовъ по этой части. Аракчеевъ, конечно, зналъ объ этомъ, и потому, вѣроятно, командиръ нашего полка, Федоръ Карловичъ фонъ-Фрибенъ, прозванный солдатами Федоромъ Кулаковымъ, и пользовался особенною его благосклонностью.

Если кто-либо изъ дворовыхъ людей Аракчеева имѣлъ несчастіе провиниться въ чемъ-нибудь, графъ обыкновенно писалъ нашему полковому командиру такую записку:

«Препровождаемаго при семъ Федота Аксенова прогнать черезъ пятьсотъ человекъ одинъ разъ, поручивъ исполненіе этого маіорамъ Писареву, или князю Енгальчеву».

Объ эти маіорскія личности славились въ Аракчеевскомъ полку своими боевыми качествами.

Вѣря въ назидательность публичности подобныхъ наказаній, Аракчеевъ, вмѣстѣ съ виновнымъ, присылалъ всегда и нѣсколько человекъ зрителей изъ своей дворни; эти послѣдніе, одѣтые въ парадныя ливреи, съ гербовыми басонами, шли всегда по той же зеленой улицѣ, по которой тащили и главное дѣйствующее лицо этой драмы, — непосредственно за нимъ. По окончаніи церемоніи, несчастнаго лакея, побывавшаго въ наукѣ у Писарева, или Енгальчева, отвозили, конечно, въ госпиталь, гдѣ онъ и оставался иногда цѣлые мѣсяцы, а невольные ливрейные свидѣтели ученія отправлялись обратно въ Грузино и, по прибытіи туда, должны были передать, во всѣхъ подробностяхъ, видѣнное ими своимъ товарищамъ.

VII.

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ Аракчеевщинѣ встаетъ цѣльная, полнолѣсная фигура маіора Федора Евфимовича Евфимова, личности далеко недюжинной по своему энергическому характеру и по той силѣ воли, съ какою онъ переносилъ разныя невзгоды своей служебной карьеры.

Евфимовъ, по формулярному его списку, значился изъ ямщиковъ Крестецкаго уѣзда, села Зайцева (Яжелбицы—то-жѣ), что на Московской дорогѣ. По сдачѣ въ рекруты, онъ поступилъ на службу въ Ростовскій мушкетерскій полкъ, переименованный въ 1807 году въ гренадерскій графа Аракчеева; отсюда, при реформированіи—не помню въ точности л.-гв. Волынскаго или Литовскаго полка,—Евфимовъ, въ званіи фельдфебеля, вмѣ-

стѣ со 2-ю гренадерскою ротою, подъ командою капитана Тимоѣева, поручика Самбурскаго и подпоручика Неѣлова, переведенъ былъ въ гвардію. По производствѣ, въ 1812-мъ году, въ подпоручики, онъ назначенъ былъ въ полкъ графа Аракчеева, гдѣ и продолжалъ свою службу съ равными превратностями до 1827 года.

Когда, въ 1817 году, 2-й баталіонъ Аракчеевскаго полка былъ отдѣленъ отъ полка и, подъ командою майора фонъ-Фрикена, ушелъ изъ С.-Петербурга, для основанія военнаго поселенія, то и капитанъ Евфимовъ, командовавшій тогда 2-ю гренадерскою ротою, назначенъ былъ въ число дѣятелей этого новаго великаго дѣла. Тутъ-то Ѳедоръ Евфимовичъ попалъ, что называется, въ свою волею и замѣтно выдвинулся изъ среды рьяныхъ исполнителей Аракчеевскаго замысла. Онъ первый наложилъ свою мощную руку на священную бороду мирнаго селянина, и не воображавшаго, до того, что его бобровая бородушка исчезнетъ подъ косою желѣзнаго времени и рукою Ѳедора Евфимовича, который, во всю свою ямскую мощь, старался исказить русскаго крестьянина и сдѣлать изъ него солдата-пахаря...

Совершенно безграмотный, съ большимъ трудомъ, и то только при помощи своего фельдфебеля, Лаптева, подписывавшій, какими-то невозможными каракулями, свою фамилію, деспотъ, съ желѣзною волею, грубый и неотесанный, Евфимовъ тяжелымъ гнетомъ давилъ все ему подначальное. Но, несмотря на всю грубость и дубоватость своей натуры, онъ былъ, однако-жъ, далеко неглупъ и ловко умѣлъ подлаживаться и подъ обстоятельства, и подъ характеръ людей, власть имѣющихъ. Въ особенности достойно удивленія было въ немъ одно качество — это какое-то чувство обонянія или предъугадыванія — нѣчто высшее инстинкта животныхъ: онъ, на примѣръ, всегда, и почти безошибочно, заранее зналъ, когда Аракчеевъ пріѣдетъ въ поле. Евфимовъ бралъ тогда нѣсколько человекъ изъ поселянъ-хозяевъ и, выйдя съ ними въ поле, прилегающее къ той дорогѣ, по которой, обыкновенно, ѣздилъ Аракчеевъ, начиналъ преподавать имъ практическій урокъ земледѣлства.

Современному читателю довольно трудно, я думаю, представить себѣ эту картину: штабъ-офицеръ, въ эполетахъ, идетъ по

полю за сохою, а за нимъ плетется цѣлое капральство солдатъ-поселянъ!...

Ѣдетъ графъ, видитъ эту интересную картину, умиляется, и, остановившись, спрашиваетъ:

— Что это ты, Федоръ Евфимовичъ, самъ безповоинись? могъ бы, кажется, заставить и помощника своего заняться этимъ дѣломъ.

Евфимовъ, вмѣсто отвѣта, привѣтствуетъ графа по-солдатски:

«Здравія желаемъ вашему сіятельству, и поздравляемъ съ прїѣздомъ, котораго совершенно не ожидали!»

Затѣмъ уже Евфимовъ объясняетъ, что личное его участіе въ землешествѣ вызывается тѣмъ, что многихъ хозяевъ надо еще учить какъ ходить за сохою.

Аракчевъ благодаритъ его за усердіе поцѣлуемъ и приглашаетъ къ себѣ въ коляску, объявляя, что Ѣдетъ къ нему пить чай.

Но Федоръ Евфимовичъ недолго, однако-жъ, красовался на своемъ пьедесталѣ. По неразвитости-ли, по свойственнымъ-ли, — вообще натурѣ русскаго человѣка нравственной распущенности, — самонадѣянности, и т. п. отечественнымъ добродѣтелямъ, но онъ не могъ удержаться на высотѣ того положенія, на которое его подняли фаворъ и капризъ всеильнаго временщика.

Въ 1823 году полковой командиръ дѣлалъ инспекторскій смотръ поселенному баталіону (т. е. 2-му), по-ротню, начавъ таковой со 2-й гренадерской роты.

На опросѣ нижніе чины этой роты заявили претензію на своего ротнаго командира, маіора Евфимова, жалуясь, между прочимъ, на то, что онъ, какъ ихъ самихъ, такъ и женъ ихъ, жестоко наказываетъ за малѣйшую неисправность; что деньги, отпускаемыя на продовольствіе кантонистовъ, Евфимовъ удерживаетъ у себя; что изъ слѣдующаго, ежегодно, въ раздачу поселянамъ, по случаю падежей рогатаго скота,¹⁾ лучшіе особи отбираются ротнымъ командиромъ и отправляются къ нему въ усадьбу, близъ города Валдая; то же самое дѣлается и съ овцами; по отчетамъ же, присвоенные себѣ Евфимовымъ быки и коровы, показываются павшими, а овцы — съѣденными волками.

¹⁾ Скотъ этотъ покупался въ Архангельской губерніи, преимущественно извѣстной холмогорской породы, и обходился казнѣ довольно дорого. А. Г.

Полковой командиръ, при всемъ своемъ расположеніи къ Евфимову и при всемъ желаніи не выносить сора изъ избы, не могъ, однако-жъ, замѣть это дѣло, такъ какъ заявленная 2-ю гренадерскою ротою претензія сдѣлалась извѣстною по всему поселенію; Аракчеевъ же, хотя и зналъ, конечно, о вѣровствѣ разнаго начальства и смотрѣлъ вообще на это свозъ пальцы, очень хорошо сознавая всю неизлечимость вѣковаго зла, но не любилъ что-бы объ этомъ говорили, и въ подобныхъ случаяхъ не шутилъ.¹⁾ Поэтому, дѣлать было нечего, пришлось нарядить слѣдственную комиссію, которая, кромѣ подтвержденія заявленныхъ ротою претензій, открыла и еще кое-какія злоупотребленія со стороны ротнаго командира.

По окончаніи слѣдствія, дѣло было представлено на разсмотрѣніе графа Аракчеева, который недолго думая, подтвердилъ такъ:

«По высочайшему повелѣнію имени моего полка маіоръ Евфимовъ лишается чина и орденовъ и записывается въ рядовые въ тотъ же полкъ графа Аракчеева».

Когда дежурный по полку, капитанъ Дядинъ, прочелъ Евфимову подтвержденіе и приказалъ ему надѣть солдатскую шинель, тотъ совершенно спокойно, съ полнѣйшимъ самообладаніемъ, снялъ съ себя свой сюртукъ съ эполетами и, принимая поданную ему сѣрую шинель, сказалъ:

— Здравствуй, моя старая знакомая! Опять намъ пришлось свидѣться съ тобой!

Надѣвъ шинель, Евфимовъ громко провозгласилъ:

— Здравія желаю ваше благородіе! Въ какую роту прикажете явиться?

¹⁾ Честность и безкорыстіе самого Аракчеева не подлежатъ никакому сомнѣнію: онъ берегъ казенную копѣйку, былъ очень скупъ на нее и строго разграничивалъ свои собственныя средства отъ казенныхъ. Если онъ былъ богатъ, то этимъ богатствомъ обязанъ исключительно щедротамъ своего царственнаго друга и той простотѣ и строгой бережливости, которыя онъ ввелъ въ свой образъ жизни и домашнее хозяйство. Всякое плутовство и мошенничество, какъ только онъ узнавалъ о нихъ, строго имъ преслѣдовались; если же онъ относился довольно равнодушно къ нѣкоторымъ явленіямъ полковой экономіи, то, кажется, единственно вслѣдствіе сознанія, что, при всемъ своемъ могуществѣ, онъ безсиленъ искоренить это зло, вошедшее, повидному, въ плоть и кровь служившаго тогда люда.

Будучи зачисленъ въ 1-ю фузелерную роту, которая занимала въ тотъ день караулъ при полковомъ штабѣ, онъ отправился въ кордегардію, отрехомендовался караулу и просилъ гренадеръ любить его и жаловать; по выходѣ съ гаунтвахты, онъ снялъ шапку передъ первымъ попавшимся ему унтеръ-офицеромъ, а при встрѣчѣ съ однимъ изъ юнѣйшихъ прапорщиковъ вытянулся во фронтъ. Затѣмъ явился въ фельдфебелю роты и капитальному унтеръ-офицеру и былъ помѣщенъ въ числѣ непоселенныхъ нижнихъ чиновъ (т. е. унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ), получилъ всю боевую сбрую, которую и привелъ собственноручно въ полный порядокъ. На четвертый день, по снятіи густыхъ эполетовъ, Евфимовъ шилъ уже башмаки, отправляя ихъ въ свою валдайскую усадьбу для дворни; въ этой же усадьбѣ жила и жена его, заправляя хозяйствомъ.

Ни отъ какихъ служебныхъ обязанностей Евфимовъ никогда не уклонялся и вездѣ былъ первымъ. Во фронтѣ онъ ни за-что не хотѣлъ встать въ заднюю шеренгу, говоря, что «съ возельямской телѣги поступилъ прямо въ первую»; когда же онъ бывалъ въ караулѣ, то всегда просилъ не назначать его на часы въ какое-нибудь теплое захоluste, а непременно у фронта, на платформѣ гаунтфахты. За то, когда онъ стоялъ на часахъ, караульный офицеръ могъ быть спокоеенъ, будучи увѣренъ, что караулъ во-время будетъ вызванъ для отдачи чести начальству, — а тогда караулъ выходилъ въ ружье при провѣдѣ и проходѣ всякаго начальства! Однимъ словомъ, Евфимовъ былъ до мозга костей лихимъ русскимъ солдатомъ стараго времени. Никто никогда не слышалъ отъ него ни одной жалобы на судьбу, хотя ему и было на что жаловаться, о чемъ пожалѣть: онъ все переносилъ безъ ропота, усердно молясь Богу...

Безпощадно суровый прежде въ своимъ подчиненнымъ, не знавшій, кажется, жалости при наказаніи провинившихся подначальныхъ ему людей, Федоръ Евфимовичъ теперь, словно, переродился, точно постигшее его несчастіе принесло для него какое-то отероженіе свыше о необходимости братской любви между людьми и милосердія къ нимъ... Каждый изъ его новыхъ сотоварищей-солдатъ, въ случаѣ какой-либо невзгоды или затрудненія, обращался къ нему и онъ, дѣйствительно, помогаль чѣмъ могъ — дѣломъ, словомъ, совѣтомъ, участіемъ... Глядя на этого

человѣка, одинадцать лѣтъ носившаго эполеты, пользовавшагося особенною любовью Аракчеева, не слышавшаго въ немъ, что называется, души; лично извѣстнаго государю, который всегда благосклонно и пріятливо относился къ этому фавориту своего друга, видя, съ какою душевною твердостью и силою воли онъ несъ выпавшій на его долю тяжелый крестъ, невольно удивлялся и жалѣлъ, что такая замѣчательная душа была зашита въ такую грубую оболочку...

Въ слѣдующемъ 1824 году государь смотрѣлъ нашъ полкъ и, при проѣздѣ мимо 2-го взвода 1-го баталіона, Аракчеевъ остановилъ государя и, указывая рукою на Евфимова, спросилъ:

— Узнаешь-ли, государь, этого гренадера?

— «Нѣтъ!» — отвѣчалъ государь.

— Это твой бывший любимецъ — Евфимовъ, — сказалъ Аракчеевъ.

Государь замѣтилъ, что графъ поступилъ съ нимъ слишкомъ жестоко; но Аракчеевъ, возвыся свой гнусливый голосъ, громко проговорилъ:

— Кто не умѣлъ дорожить высочайшимъ вниманіемъ и милостію царя, тотъ не заслуживаетъ никакой жалости!

Терновому поприщу Федора Евфимовича не суждено было, однако-жъ, кончиться обыкновеннымъ образомъ.

Онъ продолжалъ свою службу, по прежнему, ретиво и безпорочно; но въ 1825 году на него нашла новая туча.

2-я гренадерская рота, которою командовалъ когда-то Евфимовъ, при инспекторскомъ опросѣ полковымъ командиромъ, фонъ-Фрикеномъ, заявила какую-то претензію и на самого полковаго командира, при чемъ, въ смѣлыхъ выраженіяхъ, настойчиво и рѣшительно требовала для себя какихъ-то уступокъ и льготъ. Будучи заведены при опросѣ, на-право и на-лѣво, въ кружокъ, люди сплотились очень тѣсно и слишкомъ близко подвинулись къ фонъ-Фрикену, который, опасаясь какого-либо насилія, бросился въ толпу, пробился изъ круга, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Вслѣдъ ему раздавалось нѣсколько голосовъ, по всей вѣроятности, повторявшихъ заявленныя уже просьбы, но что, конечно, было противно установившемуся порядку службы и правиламъ строгой воинской дисциплины.

О происшествіи этомъ было тотчасъ же, разумѣется, доведено

до свѣдѣнія Аракчеева; но такъ какъ это случилось за два дня до праздника Пасхи, то графъ прїѣхалъ въ полкъ только на третій день Святой недѣли.

Поселенный баталіонъ былъ собранъ и началась расправа, о подробностяхъ которой лучше умолчу: это былъ по истинѣ, Шемякинъ судъ, — были и виноватыхъ и правыхъ, и послѣднимъ, какъ это подчасъ водится и донинѣ, досталось, пожалуй, еще больше чѣмъ первымъ.

Въ этотъ день я былъ въ караулѣ при полковомъ штабѣ и принималъ подъ арестъ нѣсколько десятковъ поселенъ-хозяевъ, въ томъ числѣ и фельдфебеля 2-й гренадерской роты. Послѣ всѣхъ, за усиленнымъ конвоемъ, при офицерѣ, привели Федора Евфимова и унтеръ-офицера Алфимова, съ приказаніемъ посадить ихъ въ темный казематъ, подъ замокъ, что, конечно, и было тотчасъ исполнено мною. Спустя часъ по приводѣ этихъ двухъ арестантовъ, явился и самъ Аракчеевъ, ведя на казнь главныхъ зачинщиковъ «возмущенія». Караулъ вышелъ въ ружье и отдалъ честь, съ пробитіемъ похода. Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Гдѣ Евфимовъ?

— По приказанію вашего сіятельства посаженъ въ темный казематъ».

— Показать мнѣ его! — повелительно крикнулъ графъ.

Я распустилъ караулъ и повелъ Аракчеева на верхъ, во второй этажъ, гдѣ былъ заключенъ несчастный страдалецъ.

Евфимова вывели... Аракчеевъ злобно посмотрѣлъ на него и скорѣе проскрипѣлъ, чѣмъ проговорилъ:

— Неблагодарный негодяй!... Желѣза! — неистово закричалъ онъ вслѣдъ затѣмъ...

Чего другаго, а этого добра, также какъ палокъ и розогъ, на нашей гауптвахтѣ всегда было въ изобиліи: поэтому кандалы сейчасъ же были принесены.

— Заковать на глухо! — крикнулъ графъ.

Кузнецъ былъ подъ рукой. Сняли съ несчастнаго Евфимова враги, которыя тогда еще носили, и надѣли на него «арестантскія шноры». Аракчеевъ оставался до самаго конца этой операціи, точно наслаждаясь униженіемъ своего бывшаго любимца, котораго онъ теперь ненавидѣлъ. Когда прозвучалъ послѣдній

ударъ кузнечнаго молота и все было кончено, Аракчеевъ толкнулъ Евфимова въ шею. Тотъ, съ непривычки къ оковамъ, едва было не упалъ отъ этого подзатыльника и, обернувшись къ графу, громко проговорилъ:

— «Ваше сіятельство; видитъ Богъ, невинно страдаю!»

— Поставить имъ ушать! дверь на замокъ, и что-бы всегда была запечатана! По два фунта хлѣба и ведро воды! — грозно крикнулъ Аракчеевъ, обратившись ко мнѣ.

Нечего и говорить, что приказаніе это свято исполнялось и переходило въ сдачу, при смѣнѣ караула.

Командира 2-й гренадерской роты, капитана Милюковскаго, перевели за эту исторію въ сибирскіе гарнизоны; фельдфебель той же роты разжалованъ былъ въ рядовые, а черезъ мѣсяць послѣдовалъ приказъ и о томъ, что «рядовой, изъ дворянъ, Ѳедоръ Евфимовъ переводится въ армейскій полкъ», куда, по снятіи съ него озовъ, онъ и былъ отправленъ по этапу.

За что пострадалъ несчастный Ѳедоръ Евфимовичъ, совершенно непричастный ко всему этому дѣлу, одинъ Богъ знаетъ! Вѣроятно личность этого служака, умнаго, смѣтливаго и при томъ коротко знакомаго со всѣми тонкостями ротнаго и полевого хозяйства былаго времени, мозолила глаза начальству, которое видѣло въ немъ лишняго и не совсѣмъ безопаснаго свидѣтеля своихъ продѣловъ по экономической части. Придраться къ Евфимову изъ-за какихъ-либо упущеній по службѣ — не могли: онъ былъ всегда исправенъ и велъ себя безукоризненно; оставалось одно — прищутать его какъ-нибудь къ скандальной исторіи и такимъ образомъ избавиться отъ него. Сочинили какія-то подстрекательства и вредное вліяніе, оказываемое Евфимовымъ на солдатъ той роты, которою онъ командовалъ прежде; но, кажется, и не подумали о томъ, что, вслѣдствіе жалобы именно этихъ-то людей, Евфимовъ и попалъ изъ маюровъ въ рядовые. Впрочемъ, не смотря на всю пристрастность произведеннаго надъ Евфимовымъ слѣдствія, виновность его въ дѣлѣ «возмущенія» 2-й гренадерской роты не была доказана, и онъ былъ удаленъ изъ полка, такъ называемымъ, административнымъ распоряженіемъ. Ни правительнаго слѣдствія, ни праведнаго гласнаго суда въ то время еще не было, и старая пословица: «у сильнаго всегда безильный виноватъ» ежедневно оправдывалась на дѣлѣ.

Прошло 12—13 лѣтъ, я почти и забылъ уже объ Евфимовѣ, считая его погибшимъ на службѣ царской, или умершимъ гдѣ-нибудь въ госпиталѣ, при безконечныхъ передвиженіяхъ нашихъ армейскихъ полковъ, какъ вдругъ, въ 1837 году, въ бытность мою въ Новгородѣ, встрѣчаю на постояломъ дворѣ этого валдайскаго богатыря. Онъ узналъ меня сразу, бросился на шею и чуть не задушилъ въ своихъ ямскихъ объятіяхъ.

Десятокъ, слишкомъ, лѣтъ боевой и походной жизни много измѣнили его: онъ посѣдѣлъ, порядочно сторбился и какъ-то весь осунулся; но прежняя солдатская выправка все еще видна была въ немъ; не угасла также въ немъ и та удивительная энергія, которая помогла ему вынести на своихъ плечахъ и суровую науку военнаго ремесла и тяжелую немилость грознаго начальства.

Слово за словомъ, мы съ нимъ разговорились и долго пробесѣдовали, вспоминая наше прежнее горькое житье-бытье.

О службѣ своей въ арміи Евфимовъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

— «Когда прибылъ я въ полкъ, то въ немъ формировалась въ то время маршевая рота, предназначенная на укомплектованіе войскъ кавказскаго корпуса. Спросили меня — не желаю-ли и я отправиться воевать съ Черкесомъ? Конечно, я не отказался, и затѣмъ — ранецъ за спину, ружье на плечо и пошли мы странствовать по бѣлому свѣту. По приходѣ на Кавказъ, меня назначили въ 13-й егерскій полкъ, который, въ началѣ 1827 года, выступилъ въ походъ противъ Персовъ. При штурмѣ какой-то крѣпостцы наша колонна немного посконфузилась и стала примѣтно упираться. Важу — дѣло плохо, — еще немного и, пожалуй, побѣгутъ молодцы, осрамятъ матушку Россію. Призвалъ я на помощь моего Творца, выбѣжалъ впередъ и крикнулъ: дѣти мои! вспомните присягу, данную вами Богу и Царю! впередъ, за мной! — Всѣ бросились — и крѣпость была взята. Когда, послѣ штурма, главнокомандующій, Паскевичъ, объѣзжалъ войска, то, подѣхавъ къ нашему полку, онъ остановился и спросилъ: «Живы-ли тѣ храбрецы, которые были первыми на стѣнахъ?» «Меня и еще одного солдатака ротный командиръ вывелъ впередъ. Паскевичъ поцѣловалъ насъ, поздравилъ унтеръ-офицерами и собственноручно надѣлъ намъ георгіевскіе кресты... По окончаніи кампаніи, меня уволили въ отставку, съ награжденіемъ чина

14-го класса, что, конечно, мнѣ очень не понравилось. Я побѣжалъ въ Петербургъ, явился къ военному министру и обратился къ нему съ просьбою о переименованіи меня въ прапорщики, сказавъ, что отъ роду не бывалъ въ 14-мъ классѣ, какинъ-то регистраторомъ. Просьба моя была уважена и вотъ — теперь я, Божьею и царскою милостью, отставной прапорщикъ!»

При этихъ словахъ Евфимовъ горько усмѣхнулся.

Послѣ этого свиданія мнѣ не пришлось уже болѣе встрѣтиться съ Федоромъ Евфимовичемъ и я не знаю, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ повончилъ свою жизнь, полную такихъ превратностей. А можетъ быть онъ живъ и доселѣ: при его закаленномъ здоровьи, богатырскомъ сложеніи и умѣренномъ, вообще, образѣ жизни, онъ могъ бы, кажется, прожить до преклонныхъ лѣтъ, несмотря на всѣ тѣ передраги, какія пришлось ему вынести на службѣ отечеству.

VIII.

О происхожденіи Шумскаго, слышнаго сыномъ Аракчеева, въ чемъ тотъ былъ, сначала, вполне убѣжденъ, — я слышалъ подробную повѣсть отъ родной его матери; но, не довѣряя слишкомъ розказнямъ словоохотливой деревенской бабы, — не рѣшаюсь повторять всѣ подробности обмана, жертвою котораго былъ всеильный временщикъ. Довольно того, что Аракчеевъ вѣрилъ въ близкое свое родство съ малымъ, который, въ свою очередь, также, кажется, не сомнѣвался въ томъ, что эта суровая, вѣчно угрюмая и ворчащая фигура, — дѣйствительно его отецъ.

Въ 1823 году, къ гренадерскому графа Аракчеева полку прикомандированъ былъ, для командованія 2-ю фузелерною ротою, флигель-адъютантъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Шумскій, — малый добрейшей души, что называлось тогда, — отличный товарищъ и несравненный собутыльникъ. Баловень слѣпой и подчасъ глупой фортуны, почти юноша — 22-хъ лѣтъ, красивый собой, съ блестящимъ, по тогдашнему времени, внѣшнимъ образованіемъ, гвардейскій офицеръ и вдобавокъ флигель-адъютантъ, — что тогда не такъ-то часто можно было встрѣтить, — Мишель Шумскій, при такой обстановкѣ, казалось бы, долженъ былъ далеко пойти: путь передъ нимъ былъ широкъ и гладокъ, заботливою рукой устранены всѣ преграды... но не тутъ-то было...

Нелѣпное баловство нарѣченной маменьки, Настасьи Федоровны, и не менѣе нелѣпное первоначальное воспитаніе, не выработавшее въ мальчиѣ никакихъ основъ нравственнаго характера, сгубили добраго молодца. Попади онъ въ другія руки — изъ него могъ бы выйти человекъ очень дѣльный и полезный для общества; при отличныхъ умственныхъ способностяхъ, въ немъ было много хорошихъ сторонъ: онъ былъ доброй и чувствительной души; трусость была ему чужда и смѣлость его граничила съ дерзостью, доходила, иногда, до безумія.

Въ 1824 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Александръ I, въ сопровожденіи принца Оранскаго, посѣтилъ Новгородскія военныя поселенія и смотрѣлъ нашъ полкъ. Когда государь, по въѣздѣ на плацъ, принималъ рапортъ полковаго командира, Шумскій, будучи несовсѣмъ въ трезвомъ видѣ, почему-то вообразилъ, что и онъ, по своему званію флигель-адъютанта, долженъ также отрапортовать о состояніи вѣренной ему 2-й фузелерной роты. Малый былъ вообще очень скоръ на рѣшенія и не привыкъ много задумываться надъ чѣмъ нибудь: вздумано — сдѣлано. Во весь карьеръ¹⁾ вынесся онъ изъ фронта, изъ занимаемаго имъ мѣста въ 5-мъ взводѣ; но, не доскакавъ шаговъ за десять до государя, потерялъ равновѣсіе, слетѣлъ съ лошади и растаялся на плацу, при чемъ переломилъ саблю и жестоко подшибъ себѣ лѣвый глазъ.

Государь, пораженный этимъ случаемъ, замѣтилъ ему:

— Шумскій! я тридцать лѣтъ ѣзжу и ни разу не падалъ съ лошади.

Сконфуженнаго и порядкомъ расшибленнаго Мишеля подняли съ земли и, подъ руки, отвели всторону, гдѣ онъ и оставался до окончанія церемоніальнаго марша.

На другой день полку производились малые маневры. Когда взводъ пришелъ къ квартирѣ шефа полка за знаменами, на крыльцѣ показался Аракчеевъ, а за нимъ бѣдный Мишель, украшенный огромнымъ фонаремъ подъ лѣвымъ глазомъ. Въ такомъ видѣ онъ и былъ представленъ государю.

¹⁾ На смотрехъ и ученіяхъ Шумскій всегда былъ верхомъ. Хотя въ то время, какъ и теперь, во фронтѣ были верхомъ только штабъ-офицеры, но Шумскому, вѣроятно вслѣдствіе особеннаго, привилегированнаго положенія его въ полку, не возбранялось гарцовать на конѣ, что, по правдѣ сказать, не очень то шло къ вашему пѣхотному строю.

— Государы!—сказалъ Аравчеевъ,—я съ жалобой къ тебѣ: твой флигель-адъютантъ шалить!

— Что хочешь, графъ, то съ нимъ и дѣлай,—отвѣчалъ государь, видимо недовольный этою сценою.

По отъѣздѣ государя изъ поселеній, въ приказѣ по полку было объявлено, что, по случаю болѣзни флигель-адъютанта, поручика Шумскаго, 2-ю фузелерную роту принять такому-то (фамиліи не упомяну), а Шумскому, по выздоровленіи, отправиться на службу къ своей бригадѣ.

Послѣ этого происшествія, никто въ полку уже не видалъ Шумскаго; но носились слухи, что, по прибытіи въ Грузино, Мишелью было отсчитано 150 горячихъ лозановъ и затѣмъ нанятъ былъ учитель шведскаго языка, для обученія нашего пріятеля.¹⁾ Что изъ него желали сдѣлать — право не знаю: второго-ли Карла XII-го, или же хотѣли подготовить его къ дипломатическому поприщу и пробудить въ немъ стремленіе къ солидности.

Спустя нѣкоторое время, мы узнали изъ высочайшаго приказа, что бывший нашъ сослуживецъ, Мишель Шумскій, съ лишеніемъ званія флигель-адъютанта, переводится, тѣмъ же чиномъ поручика, во Владикавказскій гарнизонный баталіонъ. Причиною ссылки этой, — какъ тогда рассказывали, — была слѣдующая выходка Шумскаго.

Во время одного ученія на Царицыномъ лугу, Шумскій, будучи, по своему обыкновенію, въ нетрезвомъ видѣ, надѣлъ шляпу не по формѣ, что въ то время считалось неважнымъ преступленіемъ. На замѣчаніе, сдѣланное ему за это генераломъ (кажется бригаднымъ командиромъ), онъ отвѣтилъ какою-то дерзостью. Взбѣшенный начальникъ, не мало уже терпѣвшій отъ проказъ безпутнаго Аравчеевскаго сына, замѣтилъ ему, что онъ не знаетъ правилъ вѣжливости, и при этомъ обозвалъ его *bâtard*'омъ. Слышалъ-ли Шумскій это словечко, или же ему передали услужливые пріятель — неизвѣстно; но только нанесенное ему оскорбленіе не было имъ забыто и онъ не замедлилъ отомстить за него, по-своему, очень оригинальнымъ образомъ.

Вскорѣ послѣ этого, захавъ однажды въ Большой театръ,

¹⁾ Всѣ остальные европейскіе языки были уже, кажется, извѣстны Шумскому.

гдѣ шло представленіе какого-то балета, Шумскій замѣтилъ сидѣвшаго впереди него своего обидчика, котораго, въ тому же, не трудно было узнать по громадной блестящей лысинѣ. По окончаніи перваго дѣйствія балета, Мишель отправился въ буфетъ, велѣлъ подать объемистый арбузъ, разрѣзать его по-поламъ и выбрать изъ одной половины середку. Захвативъ съ собою очищенную половину арбузной корки, онъ усѣлся на свое мѣсто, повади генерала, и, выждавъ поднятія занавѣса, надѣлъ этотъ импровизированный шлемъ на лысую голову своего начальника... Эффектъ былъ, конечно, удивительный; но Шумскому не удалось долго наслаждаться придуманнымъ имъ мщеніемъ: тотчасъ же къ нему подошелъ плацъ-адъютантъ, пригласилъ его слѣдовать за собою и отвезъ на казенную квартиру, т. е. на гауптвахту.

На другой день, утромъ, уже состоялся высочайшій приказъ о переводѣ Шумскаго на Кавказъ.

Такъ рассказывали эту исторію у насъ, въ полку, въ которомъ, конечно, болѣе или менѣе, интересовались участію Мишеля, какъ бывшаго сотоварища по службѣ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось прочесть въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ рассказъ объ этой выходкѣ Шумскаго нѣсколько варьированный; чтó вѣрнѣе — рѣшить не берусь.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1829 году мнѣ случилось прожить, около недѣли, въ Новгородѣ. Въ самый день отъѣзда изъ города, когда у меня все было уже уложено и я послалъ за лошадьми, оказалось необходимымъ сходить за-рѣчку, на Софійскую сторону, по какому-то забытому дѣлу. Возвращаясь около 4-хъ часовъ домой и переходя мостъ черезъ р. Волховъ, вдругъ слышу что кто-то, сзади меня, крикнулъ мою фамилію. Оборачиваюсь и вижу — подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ, въ статскомъ платьѣ, довольно небрежно одѣтый.

— Что! ты меня не узнаешь? — проговорилъ онъ.

Признаюсь, я былъ порядкомъ озадаченъ, увидя передъ собою какого-то — не то чиновника, не то помѣщика, въ воричневомъ, запущенномъ и позасаленномъ сюртукѣ и въ желтыхъ невыразимыхъ. Вглядываюсь пристальнѣе — лицо какъ-будто знакомое, съ красивыми когда-то чертами, но теперь опухшее, сильно загорѣлое и потасканное; вдобавокъ — черезъ всю лѣвую щеку идетъ широкій рубецъ.

— Не узнаешь? повторяетъ незнакомецъ, и при этомъ на меня такъ сильно пахнула струя спиртоваго запаха, что я невольно пошатнулся немного. Да, это онъ, думалъ я, про себя: его глаза, его голосъ, хотя и сильно осипшій, его запахъ даже... Однимъ словомъ, въ незнакомомъ-знакомцѣ я узналъ блестящаго когда-то, флигель-адъютанта — Мишеля Шумскаго.

— «Шумскій! Мишель!» вскричалъ я. — «Кавими судьбами! съ какой планеты свалился ты на нашу землю? Да что это — ты въ отставкѣ?»

— Ну, братъ, — отвѣчалъ Шумскій, — здѣсь не мѣсто рассказывать о моихъ подвигахъ — это цѣлая эпопея! Если хочешь узнать, что со мною случилось въ эти годы, то пойдемъ-ка въ гостинницу, — тамъ за бутылкой чего-нибудь, я все тебѣ разскажу.

Имѣя крайнюю необходимость выѣхать въ тотъ-же день и зная при томъ характеръ Мишеля и его несчастную страсть къ выпивкѣ, я отозвался невозможностью принять его приглашеніе.

— Ну, чортъ съ тобой! — крикнулъ онъ недовольный моимъ отказомъ. Такъ слушай же!

Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ, что, по ссылке его на Кавказъ, въ гарнизонѣ онъ оставался недолго, и вскорѣ, по приѣздѣ въ баталіонъ, былъ переведенъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, который, въ 1827 году, назначенъ былъ въ составъ арміи, дѣйствовавшей противъ Персіи. Въ этой кампаніи Мишель оказалъ чудеса храбрости, за что получилъ Анну съ бантомъ, рубецъ на лѣвой щекѣ и рану въ правую руку.

— Теперь же, — сказалъ Шумскій, — Аракчеевъ отдалъ меня подъ опеку къ такому же аспиду, какъ и самъ онъ — новгородскому вице-губернатору Зотову. Но, — прибавилъ онъ, — со мной шутить плохо! Я до всѣхъ ихъ доберусь!

И дѣйствительно добрался.

Въ Новгородѣ Шумскій былъ зачисленъ на службу въ казенную палату, куда постоянно являлся полупьяный. Замѣчанія и формальные выговоры, дѣлаемые ему вице-губернаторомъ,¹⁾ были для него, что называется, какъ горохъ о стѣну. Но однажды

¹⁾ Въ описываемое мною время, председателями казенныхъ палатъ были вице-губернаторы. А. Г.

Шумскій явился въ палату въ такомъ безобразномъ видѣ, что Зотовъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать ему строгое наставленіе. Вице-губернаторъ говорилъ очень много и очень краснорѣчиво; Шумскій слушалъ внимательно и, повидимому, съ должнымъ почтеніемъ, не дѣлая никакихъ возраженій, такъ что Зотовъ начиналъ уже думать, что порядкомъ пронялъ бутилу; но вдругъ Мишель схватилъ стоявшую на столѣ большую чернильницу и пустилъ ее въ вице-губернатора. Тотъ, по счастью, уклонился отъ этого ядра и чернильница, ударившись въ подножіе большого портрета, украсила чернильными брызгами нѣкоторыхъ членовъ присутствія, которые, вытираясь, еще больше растушевали свои фізіономіи.¹⁾

За выходку эту Шумскій былъ выведенъ изъ палаты сторожами; Зотовъ же обратился къ графу Аракчееву съ просьбою избавить его отъ тяжелой и не совсѣмъ безопасной обязанности опекуна его вѣзломшнаго сына.

Аракчеевъ, получивъ извѣстіе объ этомъ происшествіи, рѣшился еще попытаться обратиться на путь истинный блуднаго сына, и препроводилъ его къ извѣстному, въ Александровскую эпоху, архимандриту Юрьевского монастыря—Фотію, въ надеждѣ, что этотъ святоша сумѣетъ отчитать его отъ всѣхъ пороковъ. Но ожиданія бѣднаго чадолюбиваго отца и на этотъ разъ не оправдались.

Попавъ въ монастырь, Шумскій повелъ себя сначала очень скромно, усердно посѣщая всѣ утрени, обѣдни и вечерни, но, въ то же время, внимательно присматривался къ монастырскимъ порядкамъ и къ новой, довольно дивной для него, обстановкѣ жизни въ святой обители. Какъ опытный мастеръ скандальнаго дѣла, онъ постарался расположить въ свою пользу многихъ иноковъ, Богъ-вѣсть какими судьбами попавшихъ въ монастырь, и которые были не-прочь провести, въ глухую ночь, часокъ-другой за пріятельскимъ графиномъ. Начались сходки, съ каждою ночью дѣлавшіяся и многочисленныя и шумныя. Само собою разумѣется, что эти ночныя оргіи не могли долго оставаться тайными въ

¹⁾ О продолженіяхъ Шумскаго во время службы его въ казенной палатѣ и о выходкѣ его, которою онъ закончилъ свою службу по статскимъ дѣламъ, мнѣ рассказывали чиновники этой палаты и новгородскаго губернскаго правленія.

обители, гдѣ система шпіонства и доносовъ была организована почти съ такимъ же совершенствомъ, какъ и въ любомъ католическомъ монастырѣ. Скоро Фотій очень хорошо зналъ не только о томъ, гдѣ и кто именно собирается, но даже и то, что дѣлается и говорится на подобныхъ бесѣдахъ; но, по христіанской-ли добродѣтели—долготерпѣнію, по другимъ-ли какимъ-либо побужденіямъ, онъ долго сносилъ и ограничивался только одними увѣщаніями. Мѣра терпѣнія святаго отца, однако-жъ, переполнилась наконецъ, когда, на одной изъ ночныхъ сходовъ, Шумскій, сильно возбужденный виномъ, выразился:

— Не будь я Шумскій, если не вырву бороды у нашего архипастыря!

Угроза эта была тотчасъ же, конечно, доведена до свѣдѣнія отца архимандрита, который, не желая дожидаться выполненія ея на дѣлѣ, — за что, зная взысканный нравъ Мишеля, нельзя было поручиться, — посѣшилъ обратиться къ графу Аракчееву съ просьбою взять отъ него Шумскаго и принять какія-либо другія мѣры къ его исправленію; онъ же, Фотій, не можетъ долѣе терпѣть въ своемъ монастырѣ подобнаго господина, грозящаго разшатать всѣ основы монашеской дисциплины.¹⁾

Разумѣется, Аракчеевъ былъ глубоко огорченъ поведеніемъ своего милаго сына, и выразился, что попробуетъ еще разъ пристроить его. Съ этою цѣлью Шумскій былъ переведенъ въ другой монастырь—св. Саввы Вышерскаго, гдѣ архимандритствовалъ Малиновскій, бывшій прежде старшимъ священникомъ въ селѣ Грузинѣ и духовникомъ Аракчеева.

Какъ игумень, Малиновскій былъ личностью весьма замѣтною; съ твердымъ характеромъ и непреклонною волею, онъ умѣлъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ своихъ черноризцевъ. Но такъ какъ всѣ люди, даже и выдающіеся изъ общаго уровня, имѣютъ свои недостатки, то и отецъ Малиновскій не былъ чуждъ одной слабости, — весьма общей на святой Руси, — общей до того, кажется, что она и зовется-то только слабостью, а не порокомъ

¹⁾ Подробности жизни и походовъ Шумскаго, какъ въ Юрьевскомъ монастырѣ, такъ и въ монастырѣ св. Саввы Вышерскаго, сообщены были автору настоящихъ «воспоминаній» воспитанницею графа Аракчеева, племянницею извѣстной Настасьи Федоровны, Татьяною Борисовною, которая, по смерти Аракчеева, вышла замужъ за поручика Вл. Я. Андреева. А. Г.

или недостаткомъ—онъ любилъ позабавиться иногда около графина.

«Рыбакъ-рыбака — видить издалека», говоритъ пословица; такъ и Мишель — сразу догадался объ ахилесовой пяткѣ отца архимандрита, и потому не очень-то стѣснялся въ соблюденіи строгихъ монастырскихъ обычаевъ. Охотниковъ выпить,—да еще на чужой счетъ,—и въ этой обители было не мало, и Шумскій, проводя съ ними за стаканомъ свободное отъ церковной службы время, постоянно бывалъ, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Однажды онъ хлебнулъ не въ мѣру, и за общей трапезой вздумалъ въ неприличныхъ выраженіяхъ отзываться объ архимандритѣ и порицать его деспотическое управленіе монастыремъ. Присутствовавшій тутъ же Малиновскій замѣтилъ ему, что употребленныя имъ выраженія не соотвѣтствуютъ уставамъ монастырской жизни и монашеской подчиненности, и посовѣтовалъ ему быть поосторожнѣе.

— Что!?—вспыхнулъ пьяный Мишель, и прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ успѣлъ опомниться отъ этого окрига, онъ вскочилъ съ своего мѣста и, подбѣжавъ къ архимандриту, схватилъ его за бороду, крича: На-силу-то я добрался до тебя!

Озадаченная на мгновеніе братія, вскорѣ, однако-жъ, пришла въ себя и выручила своего пастыря изъ пьяныхъ рукъ Шумскаго, который и былъ выведенъ изъ трапезной.

Если-бы все это произошло наединѣ между архимандритомъ и Шумскимъ, то первый, изъ угожденія Аракчееву, можетъ быть и перенесъ бы оскорбленіе, не давая этой исторіи официальной огласки и дальнѣйшаго хода; но, къ несчастію Мишеля и въ особенности самаго Аракчеева, скандалъ случился при всей братіи, почти публично, и потому утаить шила въ мѣшкѣ было нельзя и пришлось выносить соръ изъ избы. О чрезвычайномъ происшествіи этомъ донесено было новгородскому архіерею, который, въ свою очередь, представилъ о случившемся святѣйшему Синоду.

Дѣло разыгралось скоро и при томъ далеко непуточно для Шумскаго: по воспослѣдовавшему, въ непродолжительномъ времени, высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь.

Трудно бы, казалось, надѣяться послѣ этого, еще разъ уви-

дѣтъ несчастнаго малаго, вся жизнь котораго была загублена баловствомъ и потворствомъ его мнимой матери и тою страшною любовью, какую сначала питаль въ нему Аракчеевъ, — этотъ по-истинѣ чугунный, безсердечный и безчувственный человѣкъ... Но судьба судила мнѣ еще разъ свидѣться съ Шумскимъ, и свиданіе это произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

Въ 1837 году, оставивъ Аракчеевскій полкъ, я перешелъ на службу въ 1-й округъ Новгородскихъ военныхъ поселеній.

Однажды, не упомяну уже въ которомъ именно году, послѣ обѣда, когда я расположился на диванѣ отдохнуть послѣ усиленной бѣготни по службѣ, въ сильную лѣтнюю жару, вижу — отворяется дверь и входитъ въ комнату человѣкъ въ синей, накинутаго на плечи, сибирякъ, въ плисовыхъ шараварахъ и въ красной кумачной рубахѣ, чуть ни половина которой прикрывалась овладистою темнорусою бородою. Быстро подошелъ онъ къ столу, стоявшему передъ диваномъ, и сталъ въ торжественную позу.

Признаюсь, я былъ очень удивленъ этою выходкою человѣка, повидимому, ямщика или деревенскаго разгульнаго парня.

— Что ты за человѣкъ? Что тебѣ нужно здѣсь? — спросилъ я, возвыся голосъ и привставъ съ дивана.

«А! и ты не узналъ стараго пріятеля! — укоризненно качая головой, проявнесь онъ. «Не узнаешь меня, Мишеля Шумскаго?» прибавилъ онъ.

Это былъ дѣйствительно Шумскій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сосланный въ Соловки и почти похороненный всѣми знавшими его.

При звукѣ его голоса мнѣ невольно вспомнилась моя молодость, лучшіе, по крайней мѣрѣ, беззаботнѣйшіе годы моей жизни. Я вскочилъ съ дивана и со слезами на глазахъ бросился обнимать стараго товарища.

— Утѣшься, мой другъ, — хладнокровно остановилъ онъ меня.

— Не будь такъ малодушень, не волнуйся слишкомъ. Смотри на меня! Ты знаешь, что на пути моей жизни я испыталъ всѣ превратности судьбы и капризы фортуны; однако-жь, изъ всей этой науки я ровно ничего не вынесъ путнаго и до сихъ поръ не измѣнился.

— Ты видѣлъ меня, — продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія, — въ мундирѣ флигель-адъютанта, а теперь полю-

буйся — каковъ я въ костюмѣ ямщика!... Не спрашивай меня, что я, откуда явился и гдѣ обрѣтаюсь теперь. Я бѣглець, бродяга, полумонахъ Соловецкаго монастыря, ушелъ, тайнымъ образомъ, съ Бѣлаго моря и добрался, пытаюсь по дорогѣ Христовымъ именемъ, до Соснинской пристани,¹⁾ къ знакомому мнѣ ямщику; сбросилъ свою ненавистную хламиду, облачился въ этотъ ухарскій армякъ и пошелъ странствовать по знакомымъ мнѣ мѣстамъ... Прихожу на старое пепелище, гдѣ, когда-то, жилось такъ весело, узнаю, что ты, старый дружище, обрѣтаешься здѣсь, и спѣшу предстать передъ твои ясныя очи...

Все это онъ проговорилъ не то торжественнымъ, не то шутковскимъ тономъ, видимо, однако-жъ, рисуясь... Но сквозь это напускное шутовство иногда прорывалось нѣчто совсѣмъ другое, хватающее за сердце, и тогда голосъ его дрожалъ, какъ надтреснувшее стекло.. Видно, воспоминанія о прошлыхъ счастливыхъ дняхъ, съ перспективой блестящей служебной будущности, не совсѣмъ еще исчезли изъ памяти вѣчно полупьянаго кутилы.

— Однако, братъ, — переменявъ тонъ, началъ опять Шумскій, — соловья баснями не кормятъ. Съомандуй-ка, пожалуйста, по-старинѣ, подать водки, у меня все горло пересохло.

Я вликнулъ деньщика и приказалъ подать водку и закуску, что не мало удивило моего личарда, не привыкшаго видѣть меня закусывающимъ въ такое необычное время, чуть ли тотчасъ же послѣ обѣда. Шумскій съ видимымъ удовольствіемъ выпивалъ одну рюмку за другою, пока не осушилъ всего графина.

— Вели-ка, братъ, еще подать; тутъ нѣтъ ужъ ничего, — обратился онъ ко мнѣ, показывая графинъ и съ какимъ-то презрѣніемъ разглядывая его на свѣтъ.

«Ну, мой милый, извини! Самъ я этимъ художествомъ не занимаюсь, и потому водки у меня держится немного, а посылать очень далеко».

— Ахъ, ты! видно все еще придержишься аракчеевщины! А еще пріятелями были! — Ну, да Богъ съ тобою! Прощай! Мнѣ пора и отправляться.

Мы простились и онъ, выходя уже изъ комнаты, остановился въ дверяхъ и сказалъ:

¹⁾ Волховская станція Николаевской желѣзной дороги.

— Вотъ, братъ, бѣда! потерялъ я свою шляпу ямскую, съ павлинымъ перомъ! Теперь придется такъ и путешествовать, точно на построение храма собираю!

«Возьми мою фуражку съ краснымъ околышкомъ, предложи я ему».

— Ну тебя къ чорту съ нею! Я давно ужъ ненавижу все красное; къ тому же она и не подходитъ къ моему армяку и бородѣ. Прощай; счастливо оставаться! крикнулъ онъ еще разъ и исчезъ.

Посѣщеніе Шумскаго произвело на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Въ особенности неприятно было видѣть въ немъ какое-то совершенно безучастное отношеніе ко всему, даже къ собственной особѣ. На все окружающее, какъ на людей, такъ и на предметы, онъ смотрѣлъ холодно и равнодушно; видно было, что въ этомъ человѣкѣ не живетъ уже болѣе никакого чувства: все въ немъ вымерло, выгорѣло въ томъ всероссійскомъ горнилѣ, которое называется запоемъ и въ которомъ гибнетъ столько человѣческихъ личностей, нерѣдко очень даровитыхъ... Только вино и, такъ называемая, кабацкая посуда пробуждали его вниманіе, оживляли его.

Въ тотъ же вечеръ, часу въ 9-мъ, мнѣ дали знать, что какой-то человѣкъ, въ безчувственно-пьяномъ видѣ, валяется у воротъ лазарета лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Когда я прибѣжалъ туда, то засталъ уже тамъ цѣлую процессію, съ Мишелемъ Шумскимъ въ серединѣ, котораго солдаты несли къ подводу. По распоряженію окружнаго командира, бѣднягу отправили на станцію Спасскую Полисть, къ становому приставу.

Съ тѣхъ поръ я ничего уже нивогда не слышалъ о Шумскомъ и не знаю, живъ-ли онъ теперь, или давно погибъ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, пропивъ всякое сознаніе и даже память о быломъ.

А. Е. Грѣбе,
отставной полковникъ.

Старая Русса.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Рассказы Очевидца.

1861 — 1864.

IV.')

Лидеръ.

„Камень, его же небрегоша аждудѣи—сей бысть во главу угла“.

Въ то время, когда въ бесплодной и безцѣльной борьбѣ кн. Горчакова съ крамолой осыпались, одинъ за другимъ, лавры съ его сѣвастопольскаго вѣнца, столь дорого имъ прибрѣтеннаго; когда Сухованецъ истощался въ усиліяхъ „произвести обаяніе“ на жителей Варшавы, а между тѣмъ ссорился съ Велепольскимъ, писалъ стихи, рисовался передъ г. Ильею Арсеньевымъ, разѣзжалъ съ своими Кубанцами съ одного военнаго праздника на другой, писалъ неслыханные приказы о дисциплинѣ и старался, избѣгая строгихъ мѣръ, сохранить свою прежнюю военную репутацію; когда Герштенцевейгъ пустилъ себѣ двѣ пули въ голову послѣ неудачнаго вмѣшательства не въ свое дѣло, а графъ Ламбертъ, изнеможенный въ борьбѣ — вся тягость которой, по равнодушію и неумѣлости его „по-

') См. первые три рассказа Очевидца о Польской смутѣ 1861—1862 гг. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 115—150; 339—356; 699—721.

Въ предъидущемъ рассказѣ Очевидца въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 706, по недосмотру типографіи, первая строка помѣщенная вверху текста первую—должна быть послѣднею на той-же страницѣ именно: (мали)-новый и желтый цвѣта преобладали. По воскресеньямъ они проходили)... и т. д. какъ на 707-й стр.

Кстати исправимъ опечатку: вверху 769-й стр., т. XI-го, напеч.: «императрица Анна Леопольдовна», читай: «императрица Анна Іоанновна».

мошниковъ", пала на него одного,—скрытно уѣхалъ изъ Варшавы; въ это время, близъ Одессы, на берѣгу Чернаго моря, жилъ ветеранъ — генералъ Александръ Николаевичъ Лидерсъ, забытый всѣми почти шесть лѣтъ, но имя котораго, двѣнадцать лѣтъ назадъ, приобрѣло громкую извѣстность во время Венгерской кампаніи и было памятно Россіи въ 1855 и 1856 гг., когда Лидерсъ былъ главнокомандующимъ крымскою арміею послѣ князя Горчакова.

Лѣта не ослабили энергіи Лидерса; вся его сплоченая фигура выражала безстрашіе, рѣшимость и отвагу; сѣдые длинные усы на его коложавомъ и открытомъ лицѣ и густыя черныя брови придавали особую пріятную выразительность его умной и привлекательной физиономіи, а каждое движеніе свидѣтельствовало, что обожаемый русскимъ солдатомъ герой сознавалъ свое достоинство, привыкъ къ начальствованію и, въ случаѣ надобности, умѣлъ приказывать, никогда не повторяя разъ отданнаго приказанія.

Солдаты боготворили своего молодца-генерала и по его слову были готовы идти въ огонь и воду, и дѣйствительно, Лидерсъ олицетворялъ собою типъ русскаго боеваго начальника, какимъ были: кн. Багратионъ, гр. Милорадовичъ, Петръ Паленъ, Остерманъ-Толстой; скажемъ болѣе: Венгерская кампанія доказала, что Лидерсъ имѣлъ таланты для самостоятельныхъ дѣйствій, какъ замѣчательный полководецъ; онъ могъ бы назваться двойникомъ французскаго маршала Слюсе, герцога Альбужерскаго.

Венгерская кампанія 1849 г. разомъ выдвинула Лидерса изъ ряда русскихъ генераловъ и сдѣлала его имя извѣстнымъ во всей Россіи. Въ то время, когда три русскіе корпуса (2-й, 3-й и 4-й), съ множествомъ боковыхъ отрядовъ, подвигались черепашимъ ходомъ къ Токаю, Лидерсъ, имѣя подъ командою всего 26 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 18 сотенъ казаковъ, при 56-ти орудіяхъ, а противъ себя 42,000 Венгерцевъ при 112-ти орудіяхъ, подъ командою одного изъ даровитѣйшихъ польскихъ генераловъ 1831 г.—Вема, Лидерсъ начинаетъ рядъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. Онъ взялъ съ боя Темешскій проходъ, въ Карпатскихъ горахъ, утвердился на сѣверной ихъ покатости, подаль руку двигавшимся въ Трансильванію отрядамъ: Гротенгельма, Устругова, Дааненберга, Гасфорта и Австрійцамъ Кламъ-Галласа; повсюду преслѣдовалъ Вема; предупреждалъ его покушенія на Кронштадтъ и Германштадтъ и, наконецъ, нанесъ ему рѣшительныя пораженія при Сегезварѣ и Мюлендорфѣ, принудилъ положить оружіе девятнадцать тысячъ непріятелей при 120-ти орудіяхъ,—и все это было сдѣлано въ два мѣсяца, съ 7-го іюня по 7-е августа 1849 г. Трансильванія была покорена: всѣ ея защит-

ники либо побиты, либо разсыяны, либо взяты въ плѣтъ, а раненный предводитель ихъ—Бемъ бѣжалъ въ Турцію.

Императоръ Николай I, при всей любви своей къ фельдмаршалу Паскевичу, отдалъ Лидерсу должное и выскзалъ милостями своего генерала.

Во время послѣдней войны, послѣ отбытія кн. Горчакова въ Варшаву, Лидерсъ, командуя крымскою арміею, съ 27-го декабря 1855 г. по день заключенія мира, успѣлъ привести въ порядокъ наши боевыя части, сильно пострадавшія при оборонѣ Севастополя, такъ что, по заключеніи перемирія, наши бывшіе непріатели удивлялись блистательному положенію крымской арміи.

Между тѣмъ съ самаго назначенія Сухозанета военнымъ министромъ, въ Петербургѣ начали ходить слухи о злоупотребленіяхъ, происходившихъ въ интендантствѣ крымской арміи; учреждена была слѣдственная коммиссія и наряженъ судъ; при этомъ дѣйстви слѣдственной коммиссіи нетолько огласились, но даже были напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ“. На это послѣдовалъ печатный отвѣтъ и завязалась полемика, тѣмъ болѣе любопытная, что главное лицо, о дѣйствіяхъ котораго коммиссія слѣдственная не пришла еще къ заключенію, нашлось вынужденнымъ защищаться публично и въ довершеніе, въ органѣ военнаго министерства—„Русскомъ Инвалидѣ“.

Исходъ этого дѣла извѣстенъ: русская военная литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными сочиненіями; но во время производства дѣла наброшена тѣнь на дѣйствія Лидерса; конечно это была молва, по, впрочемъ, скоро подтвердившаяся: 14-го августа 1856 г. Лидерсъ, прибывшій въ Москву по случаю правднествъ коронаціи, внезапно заболѣлъ и вскорѣ былъ уволенъ отъ командованія арміею.

9-го октября 1861 г. за Александромъ Николаевичемъ Лидерсомъ былъ посланъ изъ Ливадіи пароходъ, и старшій царскій слуга явился на призывъ монаршаго довѣрія и вниманія.

Герою, прославившему русское оружіе, не было надобности, какъ то говорить г. Бергъ: „ждать или не ждать погоды“; онъ ждалъ своего часа и часъ его пробилъ.

Лидерсъ понималъ всю трудность своего положенія; состояніе края далеко ухудшилось, а Лидерсъ не имѣлъ той власти, которая была дана Горчакову, Сухозанету и Ламберту. Его назначеніе было временное, потому-что хотѣли сдѣлать послѣ того еще одну рѣшительную попытку къ умиротворенію Польши,—надъ чѣмъ усердно работалъ, находившійся въ Петербургѣ, маркизъ Велепольскій; Лидерсъ былъ временно главнокомандующимъ арміею и исправлявшимъ долж-

ность намѣстника—ему приказано было стать грудью за все, что было ниспровержено въ теченіи бѣдственныхъ предшествовавшихъ девяти мѣсяцевъ безначалія, и Лидерсъ исполнилъ это назначеніе, онъ рѣшился— „стоять и умирать“ во славу государя и русскаго имени, не опустивъ глазь и не преклонивъ головы передъ всѣми ужасами давней распущенности, не знавшей до сихъ поръ предѣла своимъ неистовствамъ.

Генераль Сухозанетъ выслалъ двухъ своихъ приближенныхъ на встрѣчу, столь торжественно возвращавшемуся къ войскамъ, бывшему главнокомандующему крымскою арміею для того, что-бы ознакомить его съ ходомъ дѣлъ; но Лидерсъ не былъ новичкомъ въ дѣлѣ управленія и имѣлъ свой собственный планъ для дѣйствій.

Варшава приняла Лидерса печальнѣе, нежели Ламберта: костелы были заперты, не раздавалось привѣтнаго звона колоколовъ, управляющаго всею дневною жизнью истиннаго католика; ¹⁾ улицы были пусты; ихъ не оживляли толпы богомолковъ, спѣшившихъ съ молитвенниками въ костелы или изъ костеловъ; только угрюмыя мужскія фигуры, въ черномъ; сновали тамъ и сямъ, какъ бы для того, что-бы придать городу еще болѣе сумрачный видъ.

Лидерсъ прежде всего отвелъ душу среди войскъ, которыхъ давно и хорошо зналъ и умѣлъ на нихъ дѣйствовать. Подскакавъ къ фронту выведенныхъ на смотръ полковъ, главнокомандующій лихо съ ними поздоровался; обскакалъ ряды, благодарилъ за службу, надѣялся, что ихъ рвеніе и усердіе не ослабѣютъ, и приказалъ дать людямъ по чаркѣ водки, а потомъ объѣхалъ и осмотрѣлъ лагери на площадяхъ; сдѣлавъ распоряженіе объ устройствѣ печей въ палаткахъ и объявилъ, что войска оставить эти лагери только тогда, когда будетъ возстановленъ полный порядокъ.

Смотръ этотъ произвелъ на солдатъ самое благопріятное впечатлѣніе; молодецкая наружность главнокомандующаго, лихо ѣздившаго верхомъ, имъ необыкновенно понравилась, а его умѣнье приласкать и подбодрить нѣсколькими задушевными словами привело всѣхъ въ восторгъ. Солдатики, послѣ смотра сравнивая трехъ главнокомандовавшихъ: Сухозанета, Ламберта и Лидерса, перебивавшихъ въ Варшавѣ втеченіе полугода, отзывались такъ:

— „Одинъ все говорилъ, а водки не давалъ; ²⁾ другой — и не

¹⁾ Кромѣ благовѣста къ обѣднѣ и вечернѣ, втеченіе дня и ночи звонятъ на колокольняхъ, напоминая о наступившемъ часѣ молитвы, что строго исполняется.

Авт.

²⁾ Разъ Сухозанетъ, во время дожда, долго говорилъ съ солдатами и, уѣзжая, молилъ: «дать людямъ водки, если не проспится». Заблгнстало солнце и водки не дали.

Авт.

говорилъ и водки не давалъ; ¹⁾ а третій, какъ увидѣлъ безпардонную армейскую пѣхоту, сначала закричалъ: „молодцы, дать имъ по чаркѣ водки, а потомъ заговорить“.

Въ первомъ дневномъ приказѣ предписывалось, что-бы ежедневно, во время смѣны карауловъ, музыканты поочереди играли передъ замкомъ. Всѣ были необыкновенно этимъ довольны; замокъ перестали называть Гаэтою; все оживилось, потому что замокъ лежитъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ Варшавы, и почти каждый варшаванинъ и варшавянка не одинъ разъ перебиваютъ тамъ втеченіе дня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начался радъ мѣръ, по которымъ обратилось въ дѣло — слово и приказы прежнихъ намѣстниковъ. Лидеръ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ дѣятельности и распорядительности и варшавская администрація запрыгала, какъ разорванные члены изрубленной лагушки подъ вліаніемъ дѣйствія гальванизма; но потомъ ея дѣйствія приняли систематическій характеръ.

Осадное положеніе восстановлено во всей своей строгости; никто не былъ изъятъ отъ законнаго взысканія за малѣйшее уклоненіе отъ предписанныхъ правилъ, которыя, надобно сказать, были весьма строгительны, въ особенности въ вечернее и ночное время. Вечеромъ каждый долженъ былъ идти съ фонаремъ, что придавало городу фантастическій видъ, пріятный для зрителя, но не для дѣйствителя; послѣ полуночи движеніе прекращалось; ношеніе паловъ было мужчинамъ воспрещено; остановка болѣе чѣмъ трехъ на улицѣ — также, и полиція, столь спокойно почивавшая прежде, внезапно сдѣлалась бдительною и исполнительною.

Пѣніе у костеловъ передъ статуями Богоматери и святыхъ прервалось, потому что едва только толпы начинали собираться, на нихъ налетали казаки и безъ церемоній разогнали ревунговъ, а полиція хватала тѣхъ, которые бы вздумали упорствовать и барахтаться.

28-го октября ст. ст. 1861 г. приступлено къ аресту лицъ, наиболѣе выставившихся въ послѣднихъ безпорядкахъ; такъ взяты: Фердинандъ Новаковскій, фотографъ Бейеръ, еврейскій раввинъ Майзельсъ и три извѣстные еврейскіе проповѣдника. Все дрогнуло, чувствуя, что это только начало и первыя дѣйствія руки, твердо взявшей за кормило правленія.

А между тѣмъ намѣстникъ въ свободное время отъ дѣлъ ѣздилъ по городу одинъ, безъ конвоя, либо прогуливался пѣшкомъ, заходя въ магазины и очаровывая всѣхъ своею привѣтливостію.

¹⁾ Графъ Ламбертъ рѣдко являлся передъ войсками и не былъ говорливъ съ ними.

Первая острастка Варшавѣ была дана; манифестаціи прекратились; темные руководители мятежа попрятались, и, что-бы не сидѣть съ сжатými руками, принялись за сочиненія правильной организаціи для предстоящей открытой борьбы съ законною властію, при чемъ бѣлые и красные устраивали эти организаціи по своей фантазіи: дѣлили Польшу на воеводства; выбирали окружныхъ и повѣтовыхъ представителей; учреждали дирекціи и делегаціи—и все это быть можетъ осталось бы въ области мечтаній, если бы Лидерсъ довелъ до конца порученное ему дѣло.

Во главѣ делегаціи бѣлыхъ былъ варшавскій банкиръ, потомственный дворянинъ русской имперіи и кавалеръ ордена св. Владимира 3-й степени, Леопольдъ Кроненбергъ¹⁾; красные выставили противу него капитана Ярослава Домбровскаго, о которомъ слѣдуетъ разговориться.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ повстанскихъ личностей наиболѣе выдавались два человека — капитаны Сѣраковскій и Домбровскій; это былъ „двойной ядовитый орѣшекъ подъ одною скорлупою“. Домбровскій избралъ мѣстомъ дѣйствія Варшаву и Царство Польское; Сѣраковскій оставался въ Петербургѣ для вербованія начальниковъ повстанскихъ бандъ, на случай предстоящаго восстанія въ Польшѣ и Литвѣ.

О Сѣраковскомъ поговоримъ послѣ. Что-жъ до его товарища, то Ярославъ Домбровскій былъ малаго роста, отчего у товарищей слылъ подъ названіемъ „локтика“ (Lokietek). Наружность его была невзрачная; фizioномія необыкновенно подвижная, а блѣдно-сѣрые глаза и черныя нахмуренныя брови придавали лицу его свирѣпое выраженіе. Трудно себѣ представить что нибудь неприятели улыбки Домбровскаго; говорилъ онъ громко, при чемъ сильно размахивалъ руками. Еще въ Петербургѣ Домбровскій сдѣлался дѣятельнымъ агитаторомъ между знакомыми офицерами. Въ одномъ польскомъ домѣ, у полковника русской службы, долго жившаго въ Варшавѣ и совершенно ополячившагося, собиралась польская военная молодежь для чтенія книгъ и разныхъ трактатовъ. — Сѣраковскій, путешествовавшій за границую, поддерживалъ связь заграничныхъ поляковъ съ русскими неопитами. По рукамъ въ Петербургѣ ходила статья Сѣраковскаго, подъ названіемъ: „Польскій вопросъ“; самъ Сѣраковскій готовился быть адъюнктомъ-профессоромъ военно-уголовнаго права. Домбровскій былъ наиблѣжайшимъ Лепорелло этого Донъ-Жуана ре-

¹⁾ Кроненбергъ получилъ эти отличія по усиленному ходатайству генерал-фельдмаршала графа Барга.

волюціи, внушая легковѣрнымъ юношамъ, что будущее освобожденіе Польши — торжество прогресса и цивилизаціи.

Туже пропаганду взялъ на себя Домбровский въ Варшавѣ; кромѣ того, при сборѣ делегацій, онъ громче всѣхъ кричалъ о необходимости открытаго возстанія, рассчитывая на содѣйствіе (!!) русскихъ войскъ. Въ его помутившемся воображеніи баталіоны и полки клали оружіе, а крѣпости открывали ворота при появленіи нѣсколькихъ сотенъ повстанцевъ.

Какъ ни искусно и хитро дѣйствовалъ Домбровский, но онъ впоследствии былъ схваченъ и посаженъ въ политическую тюрьму Варшавской цитадели, извѣстную подъ названіемъ 10-го павильона.

Для того, что-бы не отвлекаться — доскажемъ, упреждая время, исторію этого поборника революціи.

У Домбровскаго была хорошенькая любовница, на квартирѣ которой, безъ ея вѣдома, онъ спряталъ бумаги, могшія его сильно компрометировать. Домбровскаго это очень озабочивало, потому что грезило петлею или разстрѣляніемъ, и вотъ онъ обращается къ одному изъ старшихъ начальниковъ (дѣйствительно доброму и честному человѣку) съ просьбою, въ которой излагаетъ всю силу своей любви къ молодой дѣвушкѣ и проситъ позволенія обвиняться съ нею. Получивъ это прошеніе, долго думалъ добрый старикъ: онъ имѣлъ еще горячее сердце, зналъ и понималъ любовь; по его ходатайству разрѣшено было обвинять Домбровскаго съ его невѣстою въ одной изъ комнатъ 10-го павильона, въ присутствіи смотрителя и сторожей; послѣ обряда, новобрачную тотчасъ-же должны были отвезти домой, а новобрачнаго отправить въ его номеръ. Все это было довольно романтически, но при этомъ Домбровский сыгралъ замѣчательную штуку съ своими благодѣтелями. Давая брачный поцѣлуй, онъ втиснулъ въ ротъ своей женѣ (заранѣе объ этомъ предувѣдомленной) записочку, съ привязаніемъ сжечь бумаги, хранившіяся въ подушкѣ дивана ея подруги Огоновской. Это было исполнено. Полиція прибыла какъ разъ въ то время, когда догоралъ послѣдній лоскутокъ. Сообщница Домбровскаго заперлась и отъ ней не добились ни слова, а потому, не имѣя явныхъ уликъ, выслали ее въ городъ Семеновъ Нижегородской губерніи.

Судъ надъ Домбровскимъ тянулся долго и наконецъ онъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылке въ Сибирь, въ каторжную работу. Домбровский былъ отправленъ по назначенію, но бѣжалъ въ Москвѣ, заѣхалъ въ Семеновъ за женою, окончательно бѣжалъ съ нею во Францію, напечаталъ извѣстное письмо редактору

„Московскихъ Вѣдомостей“ и погибъ въ Парижѣ, начальствуя коммунистами.

Судя по Домбровскому, можно опредѣлить, каковы были его сотоварищи. Это были люди безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію и безъ будущности. За нѣсколько кружекъ пива и нѣсколько злотушекъ (пятиалтынныхъ) готовы они были убить перваго встрѣчнаго. Но съ Лидерсомъ шутить было нельзя, еще менѣе возможно было открытое сопротивленіе, и вотъ вожди мятежа, для того что-бы показать революціонерамъ свою дѣятельность, принялись за составленіе списковъ, для будущаго открытаго возстанія. Однако всѣ эти подземныя интриги вѣроятно бы заглохли, если бы Лидерсу не помѣшали исполнить до конца свое назначеніе и не встрѣтилось бы препятствій его дѣйствіямъ отъ постороннихъ вліяній. Лидерсъ могъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ, потому что, вѣря въ свою силу, „бралъ, какъ говорится, вола за рога“ и управлялся-бы съ нимъ одинъ, если бы не являлись къ нему „помощники“, въ родѣ двоедушнаго архіепископа-митрополита Фелинскаго; а главное, если бы дѣйствія Лидерса не были превратно истолковываемы.

Вслѣдъ за арестомъ вожаковъ мятежа, Лидерсъ гровоно обратился къ капитулу и потребовалъ отчета, на какомъ основаніи были закрыты храмы въ Варшавѣ? Дерзкій отвѣтъ капитула повелъ за собою арестованіе администратора Бялобржесскаго и заключеніе его въ цитадель; а затѣмъ, несмотря на изворотливые отвѣты хитраго прелата, виновность его была обнаружена и военный судъ приговорилъ его, 9-го ноября ст. ст. 1861 г., „лишить духовнаго званія, ордена св. Анны 2-й степени и разстрѣлять“.

Намѣстникъ ограничилъ наказаніе Бялобржесскаго заключеніемъ въ Бобруйскую вѣршность на одинъ годъ.

Казалось бы, что эта строгая и справедливая мѣра должна была однако произвести окончательный разрывъ между папою и русскимъ дворомъ; въ этомъ влорядно увѣренъ былъ капитулъ, увлекавшійся личными страстями и совершенно позабывшій свое духовное призваніе; но не такъ отнесся къ этому глава католической церкви. Съ одной стороны—ему не хотѣлось разрыва, а съ другой — не могъ онъ не признавать преступности дѣйствій католическаго польскаго духовенства; сверхъ того, не менѣе ему прискорбно было, что храмы такого города, какъ Варшава, оставались нѣмы, осуждены были на запустѣніе, и съ высоты своихъ башенъ не разносили столь отраднаго для вѣрующихъ звона колоколовъ, а сами не оглашались службою Божіею.

Припомнимъ, что Лидерсъ пріѣхалъ въ Варшаву 24-го октября

ст. ст.; а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць, 21 ноября, не осталось и слѣдовъ печальнаго времени Сухозанета и Ламберта. Порядокъ былъ восстановленъ; власть приобрѣла прежнее уваженіе, потому что дѣйствовала твердо и послѣдовательно; партіи, сознавъ, временно, свое безсиліе, ограничивались мечтаніями, проектами и угрозами; все обѣщало въ будущемъ, что край успокоится и съ него будетъ сброшено столь долго тяготѣвшее надъ нимъ ярмо революціоннаго преобладанія.

Дѣятельно занимался этимъ новый намѣстникъ, работавшій съ неутомимою энергіею. Не ограничиваясь одною Варшавою, онъ послалъ довѣренныя лица въ губерніи, гдѣ общественное настроеніе, несмотря на разбѣды красныхъ и ихъ поджигательства, принимало видимо лучшій характеръ. Поле было готово, необходимо было засѣять его новыми, здоровыми сѣменами.

Но у Лидерса былъ антагонистъ, замаскировавшій свои честолюбивыя намѣренія усердіемъ къ пользѣ Россіи. Поэмоному въ Петербургѣ освоивались съ мыслию, что Лидерсъ, какъ мужественный, твердый и рѣшительный воинъ, успокоитъ Польшу и доведетъ дѣло до прежняго *statu quo*; но что у него нѣтъ тѣхъ высшихъ административныхъ способностей, которыя необходимы для коренныхъ преобразованій; при чемъ предполагалось дать краю извѣстную степень самоуправленія и сдѣлать нѣкоторыя необходимыя уступки современнымъ требованіямъ.

Мысль эту выразилъ, развилъ и поддерживалъ одинъ изъ именитѣйшихъ по рожденію, богатству и образованію людей Польши — маркизъ Велепольскій, графъ Гонзаго-Мышковскій, который (какъ то показали его послѣдующія дѣйствія) считалъ себя мужемъ Провидѣнія для устройства будущихъ судебъ Польши. Правда, во время послѣдней смуты не разъ обращалось къ нему правительство, какъ къ человѣку совѣта и опыта; но всякое внимательство Велепольскаго въ общественныя дѣла портило и останавливало ихъ, показывая величайшую непопулярность маркиза въ краѣ, гдѣ у него были тысячи личныхъ непріятелей. Говорили даже, что онъ потому и применулъ къ правительству, что свои его не хотѣли, тогда какъ графъ Андрей Замоискій пользовался общимъ сочувствіемъ.

Велепольскому не впервые приходилось выжидать. Послѣ неудачной поѣздки въ Лондонъ съ дипломатическою цѣлью, въ 1831 году, отъ тогдашняго революціоннаго правительства, — Велепольскій оставался за границею и ждалъ своей поры; потомъ вернулся въ свои польскія помѣстья, поселился въ Пинчовѣ, выигралъ множество тяжбъ и потомъ, поступивъ на службу, занялъ одно изъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, тогда какъ его товарищи — выходцы 1831 года, —

оставались за границею, не имѣя надежды когда-либо возвратиться въ отечество.

Съ начала послѣднихъ безпорядковъ Велепольскій сдѣлался приближеннымъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ князя Мих. Дм. Горчакова; онъ даже поселился въ замѣкъ, но дѣлѣ мало оттого выиграли; когда-же мѣсто Горчакова заняли Сухозанетъ, Ламбертъ и снова Сухозанетъ, значеніе Велепольскаго начало падать; начались его прерѣванія и ссоры съ Сухозанетомъ; Ламбертъ оставилъ маркиза совершенно въ тѣни, а по возвращеніи Сухозанета въ Варшаву, Велепольскій, заведшій уже знакомства въ Петербургѣ, выѣхалъ туда изъ Варшавы, чувствуя, что при настоящихъ обстоятельствахъ ему тамъ дѣлать нечего, тогда какъ въ Петербургѣ онъ имѣлъ всю цѣну новости.

Дѣйствительно, въ Петербургѣ открылись для Велепольскаго всѣ салоны; повсюду въ высшихъ сферахъ начали говорить о государственныхъ способностяхъ маркиза, знаніи имъ края, его популярности и вліяніи на всѣ сословія.

Эти слухи и мнѣнія были ошибочны.

Велепольскій, по характеру, былъ мелочень, гонялся за подробностями, упуская изъ виду цѣлое; любилъ видѣть около себя родню и пресмыкающихся приближенныхъ; былъ завистливъ къ каждому постороннему успѣху, а главное былъ полюбкомъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ смотрѣлъ на Россію, какъ на средство для возстановленія Польши, и фанатически былъ увѣренъ, что ему удастся это сдѣлать. При такихъ нравственныхъ качествахъ и такихъ тенденціяхъ трудно было заподозрить маркиза въ государственной мудрости; по крайней мѣрѣ повсюду государственные люди дѣлаются не изъ этого тѣста.

Что до знанія края, то событія показали, какъ Велепольскій мало зналъ свой край, современное положеніе дѣлъ и общее настроеніе; да и трудно ему было знать ихъ послѣ десятилѣтняго отсутствія и совершеннаго устраненія отъ общественной дѣятельности.

Велепольскій не только не имѣлъ популярности, но былъ ветерпимъ въ край и прежде всего за выигранные имъ семьдесятъ процесовъ, а главное за дѣло о библіотекѣ Свидзинскаго, которую онъ долго держалъ у себя вопреки волѣ завѣщателя и общаго желанія края.

Наконецъ Велепольскій не только не имѣлъ въ край какого-либо вліянія, но ему достаточно было пожелать что-нибудь или объявить себя въ пользу какого-либо начинанія, что-бы дѣло приняло неблагоприятный или несчастливый исходъ. Надменность и высокомеріе маркиза усугубляли общее къ нему нерасположеніе. Велепольскій былъ польскій магнатъ въ полномъ значеніи слова. Высокомерный и недо-

ступный для низшихъ, требовавший, что-бы, относительно къ нему, каждый, почти буквально, исполнял на дѣлѣ, что говорить всякій Полякъ при встрѣчномъ привѣтствіи: „падамъ до ногъ“, или „дѣлую ступки и подступки ясновельможнаго пана“ (т. е. упадаю къ ногамъ или дѣлую ступки и подошвы ясновельможнаго господина); съ высшими же лицами магнать польскій исполнить то же самое, только въ болѣе утонченной формѣ.—Оригинальность Велепольскаго въ Петербургѣ въ томъ именно болѣе всего и заключалась, что при своей медвѣжьей фигурѣ и наружности, напоминавшей цивилизованнаго Собакевича, онъ, ворча и какъ бы нехотя, склонялся передъ многими петербургскими авторитетами, стараясь и при этой напускной скромности сохранить народный оттънокъ; а какъ польскіе магнаты и польскіе придворные чины считались тогда рѣдкостными птицами въ Петербургѣ, то и маркизъ Велепольскій былъ тамъ замѣченъ, какъ рѣдкій звѣрь.

Съ 1848 года, т. е. съ начала своего сближенія съ правительствомъ, Велепольскій преслѣдовалъ одну идею — сдѣлать изъ Польши аристократически-консервативное государство съ необходимою автономією, для того, что-бы Польша, опираясь на Россію, была представительницею славянской цивилизаціи въ европейской семьѣ государствъ; русскіе же должны были помогать Велепольскому спокойно строить это зданіе, вынося на себѣ въ настоящее время всю ярость разбушевавшихся стихій будущей революціи.

Но, *erga humanum est*; какъ увидимъ послѣ, съ приѣзда Велепольскаго въ Варшаву, польское общество оттолкнуло его отъ себя; родственники и прихлебатели (*pieśniarze*) не могли замѣнить среды людей, отъ него отказавшихся; революціонеры рѣшились извести его и вскорѣ Велепольскій долженъ былъ ѣздить подъ конвоемъ жандармовъ. Обстановка, не соответствующая званію народнаго трибуна, какимъ думалъ быть гордый маркизъ.

Ненависть революціонеровъ къ Велепольскому была чисто личная; они вовсе не считали его опаснымъ для своихъ замысловъ; у нихъ неоставало рѣшимости — оставить его въ покоѣ, какъ сдѣлалъ знаменитый Валленштейнъ, взявъ, въ 1633 году, подъ Штейнау, въ плѣнъ графа Турна; онъ выпустилъ его на свободу и писалъ императору: „вѣрьте, ваше величество, что графъ Турнъ, начальствуя неприятельскими войсками, будетъ, по неспособности своей, намъ гораздо полезнѣе, нежели находясь въ заключеніи“.

Въ декабрѣ 1861 года Польша видимо начинала успокоиваться. Лидеръ дѣйствовалъ съ большимъ тактомъ, умно, твердо и рѣшительно; выслушивая благосклонно всѣхъ, онъ одинъ приводилъ въ

исполненіе зрѣло-обдуманнаго предначертанія, требуя отъ подчиненныхъ, что-бы каждый изъ нихъ былъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были довольны успѣхомъ порядка и законности, а потому и полагали, что теперь наступило для Царства Польскаго время коренныхъ преобразованій. Царскій братъ, облеченный полномочіемъ, долженъ былъ осуществить ихъ; мнѣніе же петербургскаго высшаго круга остановилось на маркизѣ Велепольскомъ, заслуги котораго, будто-бы не были достаточно оцѣнены предшествовавшими намѣстниками.

Необходима еще замѣтка о томъ, почему Велепольскій не могъ искренно служить интересамъ Россіи.

У каждаго народа есть свой типъ; представители его: Гамлетъ у Англичанъ, Донъ-Кихотъ у Испанцевъ, Баярдъ у Французовъ, Фаустъ у Нѣмцевъ, — каждая изъ этихъ личностей, выражая свой народъ, очерчиваетъ начало въ доблести, благородствѣ и торжествѣ истинны надъ увлеченіями и страстями. Идеаль Поляковъ имѣеть страстное и преступное начало: они возвели жмѣнну въ типъ высочайшей любви къ отечеству. У нихъ идеаль польскаго героя — Конрадъ Валенродъ, принятый рыцарями Литвинъ, который достигаетъ званія гроемейстера у меченосцевъ и ведетъ ихъ армію на погибель въ Литву, гдѣ она дѣйствительно и погибаетъ.

Вглядываясь въ характеръ большихъ и малыхъ дѣятелей въ послѣдней польской смутѣ, видимъ, что всѣ эти Огрызки, Сѣраковскіе, Домбровскіе и tutti quanti принадлежать къ одному пошибу и къ одной семьѣ... Ложно-понимаемая идея отечества оправдываетъ для нихъ всѣ средства.

Маркизъ Велепольскій, по уму и общественному положенію, былъ выше этой арой толпы, для которой не было ничего святаго; но плоть и кровь говорили въ немъ вопреки желанія; а духъ, Конрада Валенрода вѣялъ надъ правителемъ гражданской части въ Царствѣ Польскомъ. Еще прямая дѣятельность Велепольскаго не опредѣлилась, а эти вѣянія начали оказывать неблагоприятное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ.

Открытіе варшавскихъ костеловъ было насущнымъ вопросомъ: разрѣшеніе его было сдѣлано помимо графа Лидерса, единственно подъ вліяніемъ Велепольскаго.

Костелы предполагалось открыть новому архіепископу, долженствовавшему замѣстить умершаго Фіалковскаго. Выборъ лица для этого сана былъ дѣломъ величайшей важности. Въ Польшѣ, Литвѣ и Петербургѣ находились старые католическіе епископы, извѣстные своею преданностію правительству; но ихъ считали мало способными для управленія варшавскою паствою. Велепольскій начиналъ тогда

быть оракуломъ по дѣламъ Царства Польскаго — естественнѣе всего было спросить его мнѣнія, и онъ, подъ влияніемъ ревельскаго пробоща, а потомъ августовскаго епископа, графа Константина Лубенскаго,¹⁾ остановилъ вниманіе на профессорѣ католической академіи въ Петербургѣ—Сигизмундѣ Щенскомъ-Фелинскомъ, человѣкѣ молодомъ, доселѣ извѣстномъ своими повстанскими и романтическими похождениями и нѣкоторымъ знаніемъ богословскихъ наукъ и литературы. Извѣстности Фелинскаго много способствовало то, что любимый польскій поэтъ, Словацкій, былъ его другомъ и умеръ у него на рукахъ.

Фелинскій былъ чистокровный повстанецъ: отецъ его умеръ въ Сибири; мать побывала въ Березовѣ; изъ притязаній на славу у будущаго митрополита-архіепископа было одно наиважнѣйшее — дядя Фелинскаго написалъ „*Boże coś Polskę*“. Самъ Фелинскій, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, проѣздомъ въ Парижъ, присталъ въ 1848 году къ шайкѣ Мирославскаго, былъ раненъ палашемъ въ голову подъ Милославомъ и, по прибытіи въ Парижъ, завербовался въ число „золотой молодежи“, дурачился, писалъ любовные стихи, волочился и дѣлалъ всевозможныя эксцентричности; скоро однако пресыщеніе послѣдовало за этою кипучею и безпорядочною молодостію. Фелинскій усталъ, охладѣлъ къ удовольствіямъ свѣта, возвратился въ Россію и поступилъ въ житомирскую семинарію, а по окончаніи курса наукъ поступилъ въ петербургскую академію, гдѣ митрополитъ Головидскій, извѣстный іезуитъ и патриотъ, вывелъ его въ профессоры и духовники академіи.

Несмотря на университетское образованіе и жизнь за границею, а также посѣщеніе высшаго общества, Фелинскій не имѣлъ ни манеры, ни наружности, соответствовавшихъ его новому званію, и составлялъ рѣзкій контрастъ съ своимъ покровителемъ Головинскимъ, который могъ назваться красивѣйшимъ мужчиною, какъ-бы сошедшимъ съ картины Павла Веронеза „Бракъ въ Канѣ Галилейской“. Фелинскій былъ коренастъ, плечистъ, съ самою обыкновенною и, можно сказать, простоватою фізіономіею; носъ у него былъ „старопольскій“ — толстый, широкій и приподнятый кверху; вся фигура новаго архіепископа напоминала не верховнаго сановника церкви, а деревенскаго ксендза пробоща.

По словамъ Н. В. Берга: „Его (Фелинскаго) свѣтское, до извѣстной степени, повстанское прошедшее было болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ; равно былъ извѣстенъ всѣмъ и его повстанскій антуражъ“..... „Все это какъ-бы обѣщало повтореніе временъ Фіалковскаго, но Фіал-

¹⁾ Былъ высланъ въ Россію и умеръ послѣ дороги.

ковскаго съ талантами, умнаго, тонкаго, пережитрившаго всѣхъ старыхъ лисицъ въ фіолетахъ“.

При подобныхъ качествахъ Фелинскаго, выборъ Велепольскаго нельзя назвать счастливымъ.

Если, указывая на Фелинскаго, Велепольскій хотѣлъ угодить революціонной партіи, то онъ забывалъ, что революціонеры никогда не прощаютъ перебѣжчиковъ изъ ихъ лагеря.

Вѣлые могли имѣть на него плохую надежду, какъ на бывшаго повстанца, наслѣдовавшаго отъ отца и матери ихъ политическія близорукія убѣжденія.

Духовенство, оставшееся вѣрнымъ своему священному призванію, не могло сочувствовать другу Словацкаго и разгульному товарищу кружка „золотой молодежи“, увлекавшемуся до самозабвенія прелестями грѣховнаго міра; а революціонное духовенство находило Фелинскаго слишкомъ слабымъ и нерѣшительнымъ.

И такъ, первымъ дѣломъ непопулярнаго Велепольскаго была рекомендація непопулярнаго же Фелинскаго; влослѣдствіи этого не забыли маркизу.

Какъ бы то ни было Фелинскій былъ избранъ и утвержденъ папою; 14-го января ст. ст. 1862 года посвященъ въ архіепископы-митрополиты и отправился въ Варшаву окольною дорогою, черезъ Познань, для свиданія съ архіепископомъ Львовскимъ и принатія благословенія отъ архіепископа Пржилусскаго.

Фелинскій съ самаго начала хотѣлъ повести себя совершенно независимо отъ намѣстника, и не нашелъ нужнымъ ему представиться и согласиться о предстоящемъ образѣ дѣйствій; онъ объѣхалъ Варшаву и со стороны австрійской границы прибылъ въ Ченстоховъ 8-го февраля н. ст. 1862 года; совершилъ тамъ объѣдню и предполагалъ остаться тамъ долѣе для уединенія и молитвы. Но Лидерсъ понималъ къ чему ведутъ эти замедленія и 9-го февраля н. ст. послалъ ему „приглашеніе“ прибыть тотчасъ же въ Варшаву.

Это окольное путешествіе вокругъ Царства Польскаго, гдѣ прежде всего ожидали митрополита-архіепископа его прямыя обязанности, уже набрасывало тѣнь на его будущія отношенія къ власти. Затѣмъ съ перваго раза начался рядъ загадочныхъ дѣйствій архіепископа. Фелинскій, прибывъ въ Варшаву, не поѣхалъ прямо къ намѣстнику; но отправился къ себѣ домой, собралъ капитулъ и духовенство, далъ обѣщаніе объ освобожденіи Бялобржесскаго, назначилъ себѣ помощникомъ ксендза Ржевускаго, а потомъ прибылъ въ замокъ.

Намѣстникъ успѣлъ узнать въ средѣ варшавскаго католическаго духовенства ксендза Зволынскаго, какъ человѣка преданнаго

исполненію своего прямого долга, умѣвшаго поддержать достоинство религіи въ самое смутное время и ни разу не дозволившему осквернить свой костелъ на Прагѣ ревомъ революціонныхъ цѣсенъ. Лидерсъ предложилъ Фелинскому избрать въ помощники Зволинскаго ¹⁾ и спокойно принялъ извѣстіе о назначеніи въ ту же должность Ржевускаго. Твердо и рѣшительно объявилъ онъ митрополиту свою волю—объ открытіи костеловъ; устоялъ противу интригъ о признаніи профанаціи ихъ; объявилъ, что „безъ надобности“ ни войска, ни полиція не будутъ призваны, и, несмотря на волненія между красными, подбрасываемые памфлеты и каррикатуры, костелы открылись въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, несмотря на необозримыя толпы народа.... Торжество было бы полное, но архіепископъ испортилъ его своими рѣчами. Послѣ своего, долго сочиняемаго и плохо сказаннаго, слова „архіепископъ, какъ замѣчаетъ г. Бергъ, чувствовалъ, что онъ еще не архіепископъ, не пастырь для паствы; что между нимъ и паствой цѣлая пропасть!“

Дальнѣйшія дѣйствія Фелинскаго можно было предвидѣть. Не зная на какую ногу стать тверже, онъ началъ балансировать (да, именно балансировать) между своими обязанностями къ правительству, столь незаслуженно его высказавшему, и своими сочувствіями къ революціонерамъ: послѣ запрещенія пѣть гимны въ костелахъ, онъ разрѣшилъ молитвы за пять жертвъ; вошелъ въ переписку съ папою и огласилъ его письмо въ иностранныхъ гаветахъ; онъ даже хотѣлъ идти путемъ Фіалковскаго и Бялобржесскаго и осмѣлился грозить, что снова закроетъ костелы; но Лидерсъ былъ не такой человекъ, что-бы дозволить сдѣлать это. Угрозы остались выраженіемъ бессильной злобы новаго Конрада Валенрода въ епископской сутанѣ.

Все это, конечно, произошло отъ того, что царскому намѣстнику не было сообщено предварительно о выборѣ Фелинскаго, что самый этотъ выборъ совершился подъ вліяніемъ Велепольскаго, весьма холодно отнесшагося къ этому дѣлу; съ своей стороны Фелинскій возмечталъ, что, при поддержкѣ въ Петербургѣ, онъ можетъ дѣйствовать независимо отъ намѣстника.

Несмотря на эти препятствія и внезапно возникавшія трудности, отрадно было видѣть постоянство и настойчивость Лидерса въ дѣлѣ умиротворенія края. По открытіи костеловъ, онъ настойчиво принялся за преслѣдованіе революціонной партіи. Какъ ни неискусна и ни мало-свѣдуща была наша полиція, но рядъ репрессивныхъ мѣръ показы-

¹⁾ Доказательствомъ вѣрности выбора служить то, что, по удаленіи Фелинскаго и Ржевускаго изъ Варшавы, Зволинскій былъ назначенъ управлять варшавскою епархіею, и до сего дня исполняетъ съ честію эту должность.

валъ, что она нашла на истинный слѣдъ причины беспорядковъ. Запрещенъ былъ ввозъ заграничныхъ газетъ; открыты типографіи, гдѣ въ Варшавѣ печатались періодическіе революціонные листки; получено вѣрное свѣдѣніе о революціонной организаціи края; начали производиться домовые обыски, арестованы главнѣйшіе злоумышленники, а менѣе виновные, но подозрительные, вывезены изъ края.

Революціонеры дрогнули, сдѣлались тише, отказались отъ манифестацій, хотя все еще сознавали свою силу, но боялись энергическаго боеваго генерала, который прямо шелъ на всякую опасность и топталъ, какъ змѣй, всѣхъ, не повинующихся законной власти.

Карая виновныхъ и отнимая у мятежа всѣ средства, намѣстникъ пользовался всѣми случаями показать населенію, что мѣры строгости были мѣрами временными и то для непокорныхъ. Съ водворившимся порядкомъ облегчено осадное положеніе разрѣшеніемъ ходить безъ фонарей; пивныя лавки—эту жизненную потребность каждаго варшавскаго ремесленника—разрѣшено оставлять отпертыми до 10-ти часовъ вечера; 18-го февраля 1862 года помиловано 43 государственныхъ преступника и наконецъ прощенъ Бялобржесскій.

Эта блѣдная тѣнь безпѣтнаго Фіалковскаго имѣла минутное утѣшеніе отслужить обѣдню при необыкновенномъ стеченіи народа; попробовали при этомъ заревѣть революціонные пѣсни, но полиція не обратила на это вниманія.¹⁾

Въ разсказѣ Н. В. Берга встрѣчается выдержка изъ романа: „Swiatło i Cienie“ (Свѣтъ и тѣнь) о вербованіи шаекъ въ Варшавѣ; хотя этотъ романъ основанъ на историческихъ данныхъ, но въ сущности это—романъ и въ немъ много преувеличеній; безспорно одно, что революціонеры не оставляли своего дѣла и работали втайнѣ; они видѣли въ Лидерсѣ помѣху своимъ замысламъ; по увѣреніямъ Домбровскаго, они надѣялись найти сочувствіе въ нашихъ войскахъ въ случаѣ возстанія, а при неудачѣ—готовы были покуситься на жизнь Лидерса; но все это были только мечтанія и онѣ остались бы мечтаніями, но нѣкоторыя изъ этихъ фантазій осуществили обстояательства даже помимо воли Велепольскаго.

Лидерсъ былъ приглашенъ въ Петербургъ и принять весьма милостиво; онъ остановился въ Зимнемъ дворцѣ, пользовался высо-

¹⁾ Н. В. Бергъ говоритъ: «Намѣстникъ, подъ вліяніемъ архіепископа и нѣкоторыхъ указаній изъ Петербурга, гдѣ начинала уже сіять звѣзда Велепольскаго и ея лучи пробивались сквозь туманъ и непогоды, носившіеся надъ Варшавой, рѣшился испробовать введеніе кое-какихъ мягкихъ мѣръ».... Можемъ увѣрить, что Фелинскій не виѣлъ на Лидерса ни малѣйшаго вліянія,—все исходило прямо отъ намѣстника.

чайшимъ вниманіемъ и съ свойственною ему, какъ доблестному воину, простотою, принималъ всѣхъ его знавшихъ или служившихъ подъ его начальствомъ. Высшія правительственныя лица также вспомнили о бывшемъ главнокомандующемъ крымскою арміею; въ числѣ ихъ былъ и Сухованетъ; но при всей своей добротѣ Лидерсъ холодно принялъ бывшего намѣстника „ad interim“.

По возвращеніи Лидерса изъ Петербурга открыты были театры; въ началѣ ихъ мало посѣщали, боясь мести красныхъ; но вскорѣ страсть варшавянянъ и въ особенности варшавянокъ къ зрѣлищамъ взяла верхъ надъ угрозами „непримиримыхъ“; театры начали скоро наполняться публикою; да и можно-ли было отказаться отъ наслажденія видѣть геніальнаго Жуковскаго, неподражаемаго и незамѣнимаго Пончуковскаго, Круликовскаго, Рихтера, Островскаго и такую симпатичную артистку, какъ Бакаловичъ. Столь извѣстный варшавскій балетъ ожилъ; опера также; намѣстникъ, послѣ дневныхъ трудовъ, отдыхалъ въ театрѣ и въ антрактахъ дѣлалъ въ ложахъ визиты своимъ знакомымъ.

Между тѣмъ наступила ранняя весна, и рѣдко можно было наслаждаться такою чудесною, какъ весна 1862 года. Саксонскій и Красинскій сады были открыты для публики; въ концѣ марта и началѣ апрѣля всѣ городскіе сады и садики были постоянно полны „пирующихъ гостей“; всѣ какъ-будто желали вознаградить себя за потерянное время и насладиться настоящимъ. Въ замкѣ также освѣжили старинныя залы, едва очищенныя послѣ стоянки въ нихъ войскъ при князѣ Горчаковѣ. Вскорѣ Варшава узнала, что въ замкѣ готовится балъ, передъ которымъ будетъ спектакль любителей. Въ спектаклѣ принимали участіе: дочь намѣстника, двѣ его племянницы и адъютанты. Давали французскую и русскую пьесы. Число приглашенныхъ было громадное; тутъ находились и Русскіе, и Поляки. Въ русской пьесѣ, вмѣсто бывшихъ водевильныхъ куплетовъ, сочинены были новыя покойнымъ Аммосовымъ (бывшимъ адъютантомъ Лидерса), примѣненные къ современнымъ обстоятельствамъ.

Спектакль и балъ, подъ чарующіе звуки оркестра Левандовскаго, были чудесны и составили истинное событіе для Варшавы, погруженной до того въ мертвенную тишину; самый замокъ перестали называть Гаэтой, какъ окрестили его послѣ первыхъ манифестацій.

Варшава начинала принимать свой обычно-праздничный видъ, хотя революціонеры работали втайнѣ; никто не думалъ о какой-либо перемѣнѣ; положеніе намѣстника казалось вполне прочнымъ, какъ вдругъ, въ концѣ апрѣля 1862 г., разнеслась по Варшавѣ вѣсть, что изъ Петербурга прибыло довѣренное лицо для объявленія Ли-

дерсу, что вмѣсто него назначается Его Императорское Высочество Великий Князь Константинъ Николаевичъ, а начальникомъ гражданскаго управленія въ царствѣ будетъ маркизъ Велепольскій, прибывающій съ разными льготами для края.

Только бывшіе тогда въ Варшавѣ могутъ дать настоящее понятіе объ оживленіи города, при распространеніи слуха, что Полякъ Велепольскій станетъ во главѣ гражданскаго правленія. Власть намѣстника утратилась какъ бы волшебствомъ; все, что могло, старалось показать полиціи, что она перестала уже быть страшною; началось пѣніе патриотическихъ гимновъ передъ костелами; въ особенности многочисленно было собраніе на Лешно, и казакамъ пришлось разгонять пѣвцовъ; снова появились въ продажѣ запрещенныя карточки, а въ окнахъ магазина Гебетнера и Вольфа, на Краковскомъ предмѣстїи, была выставлена довольно большая картина, изображавшая маркиза Велепольскаго верхомъ на конѣ, съ сверткомъ въ рукахъ, въ положеніи статуи Іоанна Собіесскаго на мосту Лазенковскаго пруда. Подъ ногами поднявшейся на дыбы лошади Собіесскаго — Велепольскаго, лежали, вмѣсто двухъ Турокъ, директоры правительственныхъ комиссій Царства Польскаго К. и Г. Картины были литографированы, кажется, за границею.

Помнимъ разговоръ въ Варшавѣ передъ выставленною литографіею и передаемъ его буквально; говорили ремесленники и учитель какой-то народной школки:

— „Что это сдѣлалось съ нашимъ почтеннымъ королемъ Иваномъ? Вмѣсто шлема, онъ надѣлъ цилиндръ; вмѣсто вольчуги—фракъ и сидитъ на конѣ, какъ воробей на крышѣ?“

— Видишь, брацншку, отвѣчалъ школьный учитель—это какой-то баринъ усѣлся на королевскаго коня и общается краю новыя вольности.

— „Ишь какой хитрый — далеко ему до короля Ивана, какъ ласточкѣ до орла; ну а тѣ Турки, для чего они сдѣлались изъ Турокъ цивилинными?“

— Видишь, мое сердце, оттого, что они поступили въ русскую службу... Бѣдный король Иванъ, мало натерпѣлась его статуя при Станиславѣ Понятовскомъ.¹⁾

¹⁾ Станиславъ Понятовскій поставилъ этотъ памятникъ Собіесскому, израсходовавъ на то 100,000 польскихъ злотыхъ. Сумма ничтожная, потому что памятникъ былъ сдѣланъ изъ гипсу. Въ день открытія Станиславъ Понятовскій, во время обѣда, нашель у себя подъ салфеткою слѣдующіе стихи:

Sto tysięcy kosztuje, jab dwiestie dołożył

Zeb Stanisław skamieniał a Jan Sobiesky ożył.

(Онъ стоитъ сто тысячъ, я бы прибавилъ двѣсти, для того, что-бы Станиславъ окаменѣлъ, а Янъ Собіесскій ожилъ).

Авт.

Таково было послѣдствіе выставленія политической каррикатуры въ честь Велепольскаго.

Съ тою же покорностію, съ какою принялъ Лидерсъ свое назначеніе въ намѣстники, принялъ онъ извѣстіе о предстоящихъ измѣненіяхъ и 29-го мая (10-го іюня) 1862 г. объявилъ объ этомъ членамъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, а спустя три дня, передалъ прибывшему изъ Петербурга Велепольскому гражданское управленіе.

Велепольскій, съ перваго шага, показалъ, что онъ долго ждалъ своего часа и хочетъ насладиться властію. Онъ началъ съ Евреевъ вѣроятно потому, что они называли себя поляками, еврейскаго происхожденія — Евреи получили всевозможныя льготы; отношенія же свои въ Лидерсу выразилъ онъ въ рѣчи, произнесенной въ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, какъ рассказываетъ г. Бергъ, сказалъ между прочимъ: „Все, сообщенное мною теперь, раздѣляетъ имѣющей прибыть сюда Намѣстникъ, со дня на день съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ ожидаемый“.

Какъ въ этихъ словахъ видѣтъ надменный и самонадѣянный Велепольскій! Въ Варшавѣ находится еще царскій намѣстникъ, успокоившій, по возможности, край, твердо и мудро управлявшій имъ съ октября 1861 по іюнь 1862 года, т. е. восемь мѣсяцевъ; но для Велепольскаго — этотъ достойный воинъ — только русскій генералъ, безъ высшей административной интеллигенціи; генералъ, который долженъ отвѣчать за всякій беспорядокъ, предоставивъ маркизу всю власть по внутреннему управленію.

Маститый воинъ, сильный чувствомъ своего долга, желалъ передать новому намѣстнику край возможно упорядоченный и успокоенный. Не отступая ни на шагъ отъ своихъ обязанностей, онъ не хотѣлъ, даже и при концѣ своей власти, дѣлать поправки и мирволить кому бы то ни было.

14-го іюня 1862 г. Лидерсъ подписалъ смертный приговоръ офицеровъ 4-го¹⁾ стрѣльцоваго батальона Арнгольда и Сливницкаго и унтеръ-офицера Ростовскаго, пытавшіеся совратить рядовыхъ того-же батальона распространеніемъ между ними запрещенныхъ сочиненій. Солдаты отвергли эти наущенія, и потомъ, въ слѣдующемъ году, отлично дрались противу повстанцевъ.

На другой день, 15-го (27-го) іюня 1862 г., отдѣленіе Савсонскаго сада, гдѣ пьютъ минеральныя воды, было полно гуляющими. Лидерсъ прибылъ туда, по обыкновенію, въ 7¹/₂ часовъ утра, совершенно одинъ;

¹⁾ У г. Берга ошибочно сказано: 6-го стрѣльцоваго батальона.

полицейскіе, по его приказанію, держались далеко. Скрестивъ руки за спиною, Лидерсъ началъ обычную прогулку; онъ былъ задумчивъ; вдругъ привычный слухъ его поражаетъ щелканье взводимого курка и вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ — пуля пролетѣла по за-челюстью и остановилась въ передней ея части. Лидерсъ, къ ужасу и удивленію всѣхъ, не повернулъ головы; онъ только зажалъ рукою рану и громко сказалъ: „Подлецъ — стрѣлялъ въ спину“. Всѣ съ участіемъ бросились къ раненому (и этимъ только можно объяснить исчезновеніе преступника); но герой трансильванскій не принялъ ни отъ кого помощи, — какъ раненый левъ, перешелъ онъ одинъ весь Самсонскій садъ и улицу (около $\frac{1}{2}$ версты) и, войдя въ квартиру генерала Хрулева, гдѣ теперь охотничій клубъ, позволилъ сдѣлать себѣ первую перевязку; но какъ оставшаяся пуля производила страшную боль, то вызванъ былъ изъ Берлина докторъ Лаугенбекъ; пуля была имъ вынута, воспалительное состояніе миновалось и больной почувствовалъ себя легче.

Спустя много лѣтъ, намъ пришлось слышать разсказъ свидѣтеля, польскаго ветерана 1812 года, объ этомъ страшномъ событіи:

— „Лидерсъ“, говорилъ онъ, „получивъ рану, шелъ спокойно, неторопливымъ шагомъ, ровно, не ускоряя и не замедляя своего хода; кровь пробивалась у него между пальцами руки и текла ручьями по его сюртуку. Онъ былъ гровно-спокоенъ и чудесно-хорошъ въ это время. За нимъ, издали, двигалась толпа, не смѣвшая къ нему подступиться; женщины плакали; мужчины шли съ потупленными глазами; намъ всѣмъ было стыдно, что проливается благородная кровь высочестнаго и неустрашимаго человѣка... Кровь эта пала на насъ и дѣтей нашихъ“.

У насъ пишутъ для солдатъ разсказы изъ армейскаго быта, поясняя ихъ рисунками; желаемъ отъ души, что-бы даровитый художникъ воспроизвелъ благородныя черты нашего истинно-боеваго генерала Александра Николаевича Лидерса для того, что-бы память его жила въ русской арміи.

Подобные люди достойны жить въ памяти потомства:

Рука убійцы положила конецъ намѣстнической дѣятельности Лидерса; кровію запечатлѣлъ онъ свою любовь и преданность Государю и Отечеству, исполнивъ, сколько было въ его силахъ, возложенное на него порученіе, и доказавъ мощь Россіи и силу ея въ борьбѣ съ ея врагами.

Для того, что-бы вполне оцѣнить заслуги Лидерса, необходимо вспомнить, въ какомъ положеніи находилось Царство Польское со времени первой открытой манифестаціи, 8-го (20-го) февраля, по день прибытія Александра Николаевича Лидерса въ Варшаву, 24-го

октября (6-го ноября) 1861 года. Девять мѣсяцевъ край находился въ постоянномъ революціонномъ движеніи; законная власть была бессильна; красные деспотически управляли краемъ, посредствомъ террора; бѣлыя осмѣливались являться съ проектами и предложеніями; храмы въ Варшавѣ были закрыты; а совершившіе это — капитулы, Бялобржескій и духовенство безнаказанно торжествовали свою побѣду.

Царскіе намѣстники смѣнялись съ изумительною быстротою. Князь Горчаковъ не только втеченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 8-го февраля ст. ст. по 17-е мая 1861 г.) не могъ сладить съ варшавскою чернію, студентами и гимназистами, — но изнемогъ въ этой борьбѣ и далъ возможность мятежникамъ сознать свои силы. Мерхилевичъ (съ 16-го по 19-е мая), занявъ должность князя Горчакова, сдалъ черезъ три дня свою команду не въ должномъ порядкѣ, хотя и грозилъ разрушителямъ общественнаго спокойствія. Сухозанетъ, остававшійся около трехъ мѣсяцевъ (съ 14-го мая по 11-е августа), окончательно уронилъ значеніе русской власти и далъ возможность крамолѣ разлиться по всему царству. Графъ Ламбертъ (съ 11-го августа по 14-е октября), въ два мѣсяца сдѣлалъ многое для будущей организаціи края; вступилъ въ открытую борьбу съ революціею, но палъ жертвою соперничества и интригъ своихъ ближайшихъ помощниковъ. Для полнаго одержанія успѣха, нужно было, кромѣ способностей, закаленное въ бояхъ и лишеніяхъ войны желѣзное здоровье, а имъ не могъ похвастать Ламбертъ, имѣвшій, кромѣ того, нервическую и впечатлительную натуру. Послѣ него еще разъ промелькнула изможденная фигура Сухозанета, не имѣвшаго на этотъ разъ цѣны оригинальности; наконецъ, послѣ пяти намѣстниковъ, смѣнявшихъ одинъ другаго втеченіе девяти мѣсяцевъ, является, 24-го октября 1861 года, Лидерсъ и управляетъ Царствомъ Польскимъ по 15-е июня 1862 года, т. е. восемь мѣсяцевъ.

Любопытнѣе всего, что Лидерсъ имѣлъ подъ начальствомъ, какъ исполнителей, тѣхъ-же самыхъ людей, какіе были у его предшественниковъ, но онъ заставилъ ихъ безотговорочно исполнять свои приказанія и дѣйствовать единодушно. У него не было совѣтниковъ; его не смѣли переспрашивать объ одинъ разъ отданномъ приказаніи. Безстрашный Хрулевъ, столь говорливый съ прежними намѣстниками, сомкнулъ свои уста передъ Лидерсомъ и сдѣлался точнымъ исполнителемъ его приказаній.

Революціонеры видѣли, что Лидерсъ заслонилъ имъ дорогу и рѣшились на убійство.

Царская милость взыскала Лидерса — онъ былъ сдѣланъ графомъ. Варшава помнила, и, можемъ увѣрить, еще помнить молодца-гене-

рала съ юношескимъ лицомъ и сѣдыми усами, о которомъ можно было сказать, что въ дружеской бесѣдѣ

Любить онъ звонъ рѣчей,
Любить онъ блескъ очей;
Любить онъ ласки,
Нѣжные глаза.

Да, Лидерсъ былъ истинный военачальникъ по храбрости, находчивости и распорядительности, и достойный правитель по рѣшимости, постоянству и благоразумію. Опасности онъ не понималъ и даже старше польскіе эмериты-ветераны съ почтеніемъ рассказываютъ о томъ, какъ онъ штурмовалъ, въ 1831 году, Волю и первымъ взшелъ на ея укрѣпленія.

Не можемъ, однако, умолчать, что заслуги Лидерса не довольно остановили на себѣ вниманіе русскихъ людей, а исторія отозвалась о нихъ весьма поверхностно. Н. В. Бергъ, посвятившій самыя краснорѣчивыя, горячія страницы описанію достоинствъ и дѣйствій генерала Герштенцвейга, вскользь говорить о дѣятельности Лидерса, какъ-будто его пребываніе въ Варшавѣ не имѣло вліянія на существенное измѣненіе въ ходѣ дѣлъ, дозволившее приступить въ послѣдующіе годы къ попыткамъ къ умиротворенію края.

Даже въ некрологѣ, появившемся послѣ кончины Александра Николаевича Лидерса и написанномъ весьма сочувственно, сказано лишь нѣсколько словъ объ этой важной эпохѣ въ его жизни.

Лидерса нѣтъ на свѣтѣ. При жизни онъ имѣлъ враговъ и завистниковъ, но всегда держалъ голову высоко и не преклонялся подъ ударами судьбы. За нѣсколько лѣтъ передъ смертію удалось ему сослужить хорошую службу отечеству, и Россія должна съ благодарностью вспоминать Лидерса за всю его боевую службу, семдесятъ дѣлъ и сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, а въ особенности за Венгерскую кампанію и намѣстничество въ Царствѣ Польскомъ—два подвига, показавшіе, что Баярды являются, живутъ и дѣйствуютъ въ русской арміи.

Очевидецъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ).

I.

Сенатскій указъ 6-го сентября 1772 г. — Причины его подвига подлениа. — Неудобства первоначальнаго помѣщенія С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома. — Наводненіе 1777 г. — Пожертвованіе С.-Петербургскому Отдѣленію дома вн. Грузинскаго. — Построеніе церкви въ новомъ помѣщеніи Воспитательнаго Дома.

Воспитательный Домъ въ С.-Петербургѣ уже существовалъ *de facto* два года, но его юридическое положеніе все еще не было опредѣлено и утверждено въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ. Онъ производилъ свои дѣла подъ фирмою Московскаго Воспитательнаго Дома, какъ его органическая часть, какъ новое агентство для приема и пересылки дѣтей; но не пользовался *de jure*, въ сношеніяхъ съ другими присутственными мѣстами, правами особы и отдѣльнаго, хотя бы и подчиненнаго, существованія. Такое положеніе и такія права дарованы ему сенатскимъ указомъ отъ 6-го сентября 1772 года. Указъ послѣдовалъ за донесеніемъ Бецкаго, въ которомъ онъ, увѣдомляя Сенатъ объ открытіи С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома, требовалъ извѣстить о томъ всѣ присутственныя мѣста имперіи. Почему Бецкой, до 17-го августа 1772 года, не сообщалъ Сенату о своемъ новомъ распоряженіи, какъ бы находя возможнымъ обойтись и безъ санкціи этого высшаго государственнаго учрежденія? — Отвѣтъ на это заключается въ томъ огромномъ

полномочіи, которое дано было Бецкому, какъ основателю Воспитательнаго Дома, по силѣ Генеральнаго Плана, а также въ исключительномъ положеніи и довѣрїи, какими онъ пользовался, въ то время, при дворѣ. Въ 1772 г., по представленію Н. Панина, Э. Минниха и другихъ лицъ, разсматривавшихъ дополненіе къ тремъ частямъ Генеральнаго Плана, Бецкому предоставлена была власть, лично и безъ согласія Опекунскаго Совѣта, «отмѣнять, исправлять и дополнять» все, что признаеть онъ нужнымъ по Воспитательнымъ Домамъ — «власть, которой будущіе по немъ Главные Попечители, безъ общаго совѣта опекуновъ, имѣть уже не должны», при чемъ всѣ инструкціи и частныя наставленія, данныя отъ имени Бецкаго, получали, по выраженію подтвержденнаго доклада, «силу таковую же непоколебимости, каковая сему учрежденію дозволяется, а по немъ никакая бы власть, безъ особенной воли монаршей, отмѣнить того не могла.»¹⁾ При такихъ широкихъ полномочіяхъ, Бецкой производилъ самъ въ чинѣ до штабъ-офицерскаго класса; письма же его, адресованныя въ Опекунскіе Совѣты, «имѣлись навсегда при Генеральномъ Планѣ на столѣ.»²⁾ Эта особенная власть, предоставленная первому Главному Попечителю Воспитательнаго Дома, настолько превышала обычныя права начальниковъ отдѣльныхъ частей, что вызвала однажды серьезное столкновеніе съ Сенатомъ, окончившееся однако въ пользу Бецкаго. Дѣло происходило такимъ образомъ: Въ концѣ 1771 года, по случаю заразительной болѣзни въ Москвѣ, лишившей крова и пищи многихъ сотенъ дѣтей всякаго званія, Бецкой выхлопоталъ изустное высочайшее повелѣніе, которое состояло въ томъ, что всѣ уже призрѣнныя дѣти, равно какъ «и впредь всѣ сироты, кои за оставленіемъ ихъ родственниковъ или и другихъ какихъ-либо попечителей (подъ эту категорію подошли и вѣрностные, брошенные своими помещиками), въ разсужденіи малыхъ своихъ лѣтъ, не имѣя пропитанія, остаются шатающимися безъ всякаго попеченія, присмотра и призрѣнія», — зачислялись навсегда въ вѣдомство Воспитательнаго Дома. Это высочайшее повелѣніе сообщено было Бецкимъ Сенату при рапортѣ отъ 16-го іюня 1772 г. Но Се-

¹⁾ Собраніе учред. и предпис., т. I, стр. 300.

²⁾ Журналъ С.-Пб. Отдѣленія 1775 г., 8-го декабря, № 812.

нать, получивъ такой рапортъ, нацель, что Бецкой не въ правѣ объявлять ему словесныхъ высочайшихъ повелѣній, и 18-го іюля 1772 г. постановилъ поднести императрицѣ докладъ, гдѣ говорится, что указами постановлено: «изустныя высочайшія повелѣнія принимать и по онымъ непремѣнное исполненіе чинить отъ однихъ только сенаторовъ, генераль-прокурора, первыхъ трехъ коллегій президентовъ и отъ дежурныхъ Ея Величества генераль-адъютантовъ, да и то такія, которыя не касаются... до отъѣзду собственною Ея Величества рукою подписанныхъ конфирмацій и указовъ». Бецкой же, по мнѣнію Сената, «хотя и имѣеть дозволеніе по вѣреннѣмъ строеніямъ и прочимъ департаментамъ тѣмъ же самымъ порядкомъ изустныя Ея Величества указы въ дѣйствіе производить, однако-жъ на другія правительства, а болѣе паче на Сенатъ и все государство, такое данное ему дозволеніе нимаю не распространяется». Кромѣ того, Сенатъ находилъ, что объявленное ему повелѣніе противорѣчитъ прежнимъ указамъ и, вдобавокъ, неудобисполнимо, такъ какъ заключенія о бѣдности и заброшенности дѣтей «не инако основаны быть имѣють, какъ или на объявленіи того, кто взятъ будетъ, или по одному наружному виду того, кто такового призрѣнія достойнымъ покажется»; а отсюда могутъ произойти какъ злоупотребленія со стороны помѣщичьихъ крестьянъ и солдатъ, которые съ умысломъ станутъ приводить своихъ дѣтей въ Воспитательному Дому «подъ притворнымъ видомъ бѣдности, въ такой одеждѣ, которая-бъ жъ принятію ихъ не сумнительна была», такъ и ошибки со стороны Воспитательнаго Дома, куда могутъ попасть, подъ именемъ покинутыхъ, и такія дѣти, «которыхъ отцы и матери, хотя и отдавать не пожелаютъ, но самыя дѣти ихъ, по ребячеству своему, случайно сойдя со дворовъ и шатаясь по улицамъ, какъ не могущія дать о себѣ отвѣта, признаны будутъ за неимѣющихъ пропитанія и возьмутся въ Воспитательный Домъ, такъ что и сами ихъ родители, сродники и помѣщики не будутъ имѣть объ нихъ никакого свѣдѣнія». Эти возможныя ошибки и злоупотребленія Сенатъ формулировалъ, заключая свой докладъ, въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: «1) помѣщики не довольно что лишатся безвинно навсегда своихъ людей, но и подушныя деньги платить будутъ съ пуста, какъ за умершихъ; 2) служивыхъ людей (т. е. солдатъ) дѣти останутся безъ службы той, въ которую природа

ихъ опредѣляла; 3) прочіе-же отцы и матери плакать будутъ о лишеніи своихъ дѣтей противу ихъ желанія». Но этотъ докладъ, несмотря на свою видимую легальность, былъ остановленъ протестомъ генералъ-прокурора,¹⁾ и высочайшее повелѣніе, объявленное необычнымъ порядкомъ Сенату, вступило въ свою силу по Московскому Воспитательному Дому. Весьма вѣроятно однако, что кн. Вяземскій, прочитавъ претензію Сената, сообщилъ о ней частнымъ образомъ Бецкому, и Главный Попечитель, объявляя вскорѣ послѣ того объ открытіи Воспитательнаго Дома въ Петербургѣ, умолчалъ совсѣмъ о высочайшемъ повелѣніи, не желая, быть можетъ, возбуждать новаго вопроса о нарушеніи легальныхъ формъ. О фактѣ учрежденія совѣта изъ за-опекуновъ Бецкой донесъ Сенату, какъ о своемъ личномъ распоряженіи; торопиться же съ этимъ извѣстіемъ онъ не считалъ нужнымъ, очевидно потому, что его собственной власти и вліянія было совершенно достаточно, что-бы устроить и оградить, на первыхъ порахъ, жизнь новаго учрежденія.

Помѣщеніе, отведенное для С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома, оказалось, въ скоромъ времени, неудобнымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оно было очень удалено отъ центра города, и это обстоятельство сильно отражалось на увеличеніи смертности дѣтей, которыхъ приносили за нѣсколько верстъ по дурной дорогѣ и при извѣстныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ здѣшняго климата; во-вторыхъ, близость Дома къ рѣкѣ вывела за собою, кромѣ неизбежной сырости воздуха, — опять-таки отразившейся на здоровьѣ дѣтей, — частыя поврежденія берега и строеній, на немъ возведенныхъ, отъ разлива невиской воды весною и осенью. Съ этими капитальными неудобствами немало боролась администрація Воспитательнаго Дома: дорогу, ведущую къ нему, нужно было чинить, чтобы сообщеніе съ городомъ не прерывалось за распутицею, и запрещать возить по ней дрова, выгружаемыя въ огромномъ количествѣ для лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Коннаго полковъ, казармы которыхъ были

¹⁾ Матеріалы для исторіи Московскаго Воспитательнаго Дома, т. II. «Историческая записка о правилахъ приѣма», стр. 41—43. Приводимый докладъ Сената хранится въ архивѣ Министерства Юстиціи и сообщенъ составителю «Исторической Записки» директоромъ этого архива, г. Ивановымъ.

расположены по близости Дома; ¹⁾ размываемый берегъ приходилось укрѣплять свайными насадами съ достатою обшивкою, а въ поврежденныхъ водою строенияхъ появлялась между тѣмъ «великая сырость, и стѣны снаружи и внутри, въ зимнее время, обмерзали». ²⁾ Но еще сильнѣйшая опасность угрожала Дому въ случаѣ большаго наводненія, и эта бѣда разразилась надъ нимъ въ 1777 г. Передъ наводненіемъ, бывшимъ 10-го сентября этого года, буря шумѣла два дня сряду при западномъ и юго-западномъ вѣтрѣ; возвышеніе воды продолжалось до 9-ти часовъ утра, когда вѣтеръ началъ утихать; вода потомъ стекла такъ скоро, что въ 12 часовъ, т. е. въ самый полдень, берега уже не были покрыты водою. «Отъ сего наводненія — лишеть современнигъ этого событія — освобождены были тоюмо Литейная и Выборгская части города; въ частяхъ же, понятыхъ водою, оно и въ маловременномъ своемъ продолженіи причинило весьма великій вредъ. Суда были занесены на берегъ. Небольшой купеческій корабль переплылъ мимо Зимняго дворца, чрезъ каменную набережную; Любскій корабль, нагруженный яблоками, занесенъ былъ вѣтромъ на 10 сажень отъ берега въ лѣсъ, находящійся на Васильевскомъ острову, въ коемъ большая часть наилучшихъ и наивеличайшихъ деревъ отъ сея бури пропала. По всѣмъ почти улицамъ, даже и по Невской перспективѣ, ѣздили на маленькихъ плюмкахъ. Множество оградъ и заборовъ опрокинуты были; малые деревянные дома искривились отъ жестокаго сотрясенія, ими претерпѣннаго; даже нѣкоторыя самыя маленькія хижинки носились по водѣ, и одна изба переплыла на противоположашій берегъ рѣки. Буря не тоюмо препятствовала истеченію рѣчной воды въ море, но и самая морская вода стремились въ устья рѣки, какъ то и особливо примѣчено было при устьѣ Малой Невы. Сіе наводненіе случилось во время ночи, почему и множество людей и скотовъ пропало. Послѣ сего наводненія опредѣлено было отъ адмиралтейства: давать впередъ сигналы при случающихся чрезвычайныхъ возвышеніяхъ воды, для предостереженія людей отъ подобныхъ бѣдствій». ³⁾

Пострадалъ сильно отъ наводненія и Воспитательный Домъ, о

¹⁾ Журналъ 1772 г., 7-го апрѣля, № 6.

²⁾ Журналъ 1772 г., 7-го апрѣля, № 5.

³⁾ «Описаніе столичнаго города С.-Петербурга». Ч. I, стр. 41—42.

чемъ въ подробности сообщено было Бецкому официальнымъ рапортомъ. Вода залила всю площадь, занятую Домомъ, и ворвалась въ самыя зданія, гдѣ произвела много опустошеній: ею подмочены съѣстные припасы, надѣланныя карты (что обнаружилось при сдачѣ вещей комиссаромъ Кушнеревымъ), испорчена мебель и пр. и пр. вмѣстѣ съ прибылою водою, на лугу Воспитательнаго Дома наплыло многое множество чужихъ дровъ изъ разныхъ складовъ, лежавшихъ внизъ по рѣкѣ. Дрова эти, разбросанныя на значительномъ пространствѣ, понадобилось собирать и укладывать въ полѣнницы, а вскорѣ явились на нихъ и претенденты, изъ которыхъ каждый желалъ получить возможно большую часть. 21-го сентября 1777 г., изъ Академіи Художествъ получено отношеніе, въ которомъ говорилось, что «изъ состоящихъ при сей Академіи на берегу дровъ разнесло до 1,600 сажень; Академія же, увѣдомаясь, что тою погодою прибило къ Воспитательному Дому дровъ немалое количество, въ числѣ коихъ весьма вѣроятно, что и академическихъ дровъ имѣется довольно большая часть, просить, въ случаѣ возвращенія тѣхъ дровъ, не оставить ее безъ надлежащаго въ томъ удовольствія». Но еще прежде этого Бецкой, встрѣтясь во дворцѣ съ генераль-директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, сообщилъ ему о нанесенныхъ водою дровахъ, вслѣдствіе чего, 21-го же сентября, пришла и изъ Корпуса бумага о томъ, что изъ его складовъ разнесено дровъ до 1,080 сажень. Черезъ недѣлю такое же сообщеніе прислано изъ канцеляріи лейбъ-гвардіи Коннаго полка объ унесенныхъ 1,500 саженьяхъ, «которыхъ большая часть, по примѣчанію теченія тогда воды, расплылась по лугу и прибило ихъ къ самому Сиропитательному Дому». Изъ этого количества 900 сажень было уже разыскано вольными наемщиками; остальные же, по соображенію канцеляріи, сложены въ полѣнницы у Воспитательнаго Дома, почему она и просила о возвращеніи тѣхъ дровъ, обѣщаясь заплатить Отдѣленію за ихъ собраніе и укладку. Почти мѣсяць спустя послѣ заявленія полковой канцеляріи, петербургскій оберъ-комендантъ Андрей Гаврил. Чернышевъ извѣстилъ, съ своей стороны, о пропажѣ 2,300 сажень и, тоже предполагая, что «изъ тѣхъ разнесенныхъ-дровъ немалое число прибило къ Воспитательному Дому», просилъ распорядиться о «сохраненіи цѣлости казеннаго интереса и о нерастаскиваньи оныхъ дровъ

посторонними людьми». Наконецъ, 23-го ноября того же года, получено новое отношеніе изъ главной дворцовой канцеляріи, что у дровянаго поставщика, купца Никифора Карпова, разнесло дровъ, заготовленныхъ для двора «великое количество», и «немалое число принесло въ Воспитательному Дому, и собраны въ полѣнницы. Такимъ образомъ, отъ Воспитательнаго Дома, кромѣ «великаго количества дровъ» купца Карпова, было затребовано различными вѣдомствами 5,580 сажень; всего же принесено было водою на лугъ 1,311 сажень. Собственныхъ дровъ у Воспитательнаго Дома разнесло теченіемъ воды 130 однополѣнныхъ сажень. Въ виду многочисленности заявленныхъ требованій, Воспитательный Домъ отвѣтилъ, что «въ отпуску въ какия-либо мѣста дровъ приступить не можетъ» въ ожиданіи высшаго распоряженія; а самъ, тѣмъ временемъ, обратился къ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну за инструкціями. Въ концѣ 1777 года вышло высочайшее повелѣніе, «что-бъ каждому мѣсту разбираться по совѣсти». Извѣщая о назначеніи этого разбирательства с.-петербургскаго коменданта, Отдѣленіе выразилось въ такихъ словахъ: «Какъ Воспитательный Домъ, основанный на благодѣянн, чужимъ пользоваться не желаетъ, то за вычетомъ, вмѣсто разнесенныхъ отъ онаго Дома, полѣнныхъ 130 сажень, достальныя всѣ отдаетъ на полюбовный по совѣсти раздѣлъ повазаннымъ мѣстамъ и вашему превосходительству, почему и благоволите для того, съ своей стороны, прислать въ Отдѣленіе сего генваря 30-го числа (1778 г.), поутру въ 10 часовъ кому въ томъ повѣрено будетъ. И какъ съ прочими отъ означенныхъ мѣстъ повѣренными тотъ раздѣлъ послѣдуетъ, то всѣ тѣ повѣренныя должны будутъ подать въ Отдѣленіе, за общими руками, кому сколько достанется, реэстръ и, заплатя за сборъ и складку оныхъ дровъ, свезть съ луга отъ Воспитательнаго Дома въ непродолжительномъ времени, дабы тотъ лугъ къ будущей веснѣ совсѣмъ очищенъ былъ». Въ апрѣлѣ 1778 г. Воспитательный Домъ получилъ уже всѣ деньги (365 руб.), за сборъ и укладку цѣлой массы дровъ. Слѣды несчастія стали исчезать, но не забываться.

Наводненіе 1777 года было, кажется, послѣднею каплей, переполнившей чашу бѣдствій и неудобствъ, уже испытанныхъ Воспитательнымъ Домомъ въ его отдаленномъ помѣщеніи на бе-

регу бурливой рѣки. Черезъ полгода послѣ этого, а именно 20-го марта 1778 г., императрица Еватерина II пожаловала С.-Петербургскому Отдѣленію — вѣроятно, по ходатайству Бецеаго — домъ князя Грузинскаго, по Большой Милліонной, гдѣ нынѣ находятся казармы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Домъ кн. Грузинскаго, конфискованный за долги въ казну, занималъ большое пространство по Милліонной и Красной¹⁾ улицамъ въ 649 квадр. сажень, да по конфирмованному плану 1-й Адмиралтейской части, къ нему положено было присоединить по Милліонной улицѣ и по Аптекарскому переулку еще 724 квадрат. сажени. Окончательно онъ былъ сданъ въ вѣдомство С.-Петербургскаго Отдѣленія 16-го апрѣля 1778 г., въ весьма неисправномъ видѣ, такъ какъ контора конфискаціи не находила нужнымъ ремонтировать его и возлагала эту обязанность на жильцовъ на томъ основаніи, что передѣлки могли «коштовать великой суммой». Въ 1764 году въ немъ помѣщался польскій посланникъ, за котораго коллегія иностранныхъ дѣлъ выплачивала конторѣ конфискаціи по 200 р. въ мѣсяць. Но при обратномъ приемѣ дома въ свое вѣдомство, въ ноябрѣ 1765 г., контора конфискаціи нашла въ немъ «великія неисправности», состоявшія въ поврежденіи печей, дверей, замковъ и оконъ, и требовала отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ починки; но та отвѣчала коротко, что «никакой на то суммой не имѣеть». Такъ эти поврежденія и остались неисправленными, а впоследствии къ нимъ присоединились новыя — отъ небрежности жильцовъ. Домъ былъ въ два этажа («средній и верхній аппартаменты»), съ подвальной частью; въ среднемъ аппартаментѣ насчитывалось 26 покоевъ, включая сѣни и корридоры, въ верхнемъ — 25. Дворъ былъ вымощенъ дикимъ камнемъ.²⁾

14-го апрѣля 1778 г. С.-Петербургское Отдѣленіе отправило уже публикацію въ Академическія вѣдомости о вызовѣ къ торгамъ на каменные и плотничныя работы въ новомъ домѣ. Но со стороны главной аптеки, на прирѣзанной къ Воспитательному

¹⁾ На планахъ Петербурга 1738 и 1756 гг., показанъ Красный каналъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ мы видимъ замощенную часть Марсова поля, прилегающую къ Павловскимъ казармамъ. Въ 1777 г. на мѣстѣ канала значится Красная улица; въ планѣ 1796 г. стираются слѣды улицы и канала. А. П.

²⁾ Дѣло по Сиротск. Институту, по разн. предм. № 48, связка I.

Дому землѣ, находились пустой сарай, «жилая связь» и кузница инженернаго вѣдомства, мѣшавшія предназначеннымъ каменнымъ постройкамъ. По этому С.-Петербургское Отдѣленіе обратилось, 16-го апрѣля, къ генералъ-инженеру Мих. Ив. Мордвинову, съ просьбой — уступить за деньги Воспитательному Дому сарай, а «жилую связь» и кузницу снести на другое мѣсто, на что Мордвиновъ и согласился. 23-го апрѣля Бецкой предписалъ начать передѣлки въ домѣ для помѣщенія Ссудной Казны, при чемъ за вѣдываніе строительною частью возложено было на директора Моллера и за-опекуна Фелтена.¹⁾ Въ концѣ октября того-же года назначенъ уже былъ переѣздъ Сохранной и Ссудной Казенъ въ новое, приспособленное для нихъ, помѣщеніе.²⁾ Раздвоеніе Воспитательнаго Дома длилось, однако, недолго. 5-го января 1779 года Бецкой, новымъ письмомъ въ С.-Петербургское Отдѣленіе, предложилъ соединить опять подъ одной кровлею раздѣленные части своего учрежденія и перевести весь Воспитательный Домъ въ то помѣщеніе, которое было занято казнами — «въ разсужденіи лучшаго видимаго быть устройства и ради соблюденія нужной экономіи... тѣмъ наипаче, что и самое мѣстоположеніе, какъ среди города состоящее, весьма соотвѣтствуетъ желаемой удобности».³⁾ Что-бы тѣснота мѣста не препятствовала выполненію этого плана, Бецкой предлагалъ купить за 25 тысячъ р. домъ гр. Кир. Григ. Разумовскаго, смежный съ домомъ Грузинскаго, — и купить, не теряя времени, съ тѣмъ, что-бы дѣломъ можно было приступить къ перестройкѣ. Время, дѣйствительно, не было потеряно: 29-го января, по журналу засѣданія, положено уже было выдать деньги за купленный домъ, а 29-го мая рѣшено — означенный домъ, по надобности въ немъ нигдѣ, на первый случай, исправить починками». Всѣ эти починки, передѣлки, а также и мебель для новыхъ помѣщеній, обошлись, къ 18-му іюня 1779 г., въ 17,208 р. съ копейками.⁴⁾ Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Бецкой предписалъ уже перевести въ домъ гр. Разумовскаго дѣтское отдѣленіе изъ подъ Смольнаго. Но пе-

¹⁾ Дѣло по Сирот. Инст., по разн. предм. № 40, связка I. Также журналъ 1778 г., 24-го апр., № 146.

²⁾ Журналъ 1778 г., 20-го окт., № 353.

³⁾ Журналъ 1779 г., 5-го янв., № 7.

⁴⁾ Журналъ 18-го іюня 1779 г., № 268.

решѣеніе дѣтей произошло, повидимому, не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ, и только въ концѣ 1780 г., мы находимъ ясныя указанія на то, что, по крайней мѣрѣ, большая часть питомцевъ была уже переведена въ домъ гр. Разумовскаго, отдѣленный и приготовленный, къ тому времени, для ихъ пріема: 5-го ноября 1780 г., по журналу засѣданія, назначено выдавать штабъ-лекарю Книперу по 200 р. въ годъ квартирныхъ денегъ, такъ какъ, по переводѣ Воспитательнаго Дома, въ немъ не оказалось свободной квартиры, а между тѣмъ «лекарю необходимо жить или въ домѣ, или по близости», гдѣ нельзя было нанять квартиру дешевле этой цѣны. 4-го декабря понадобилось пригласить новыхъ священниковъ для крещенія младенцевъ и исправленія другихъ церковныхъ требъ, потому что духовенство Ново-дѣвичьяго монастыря, прежде занимавшееся исполненіемъ этихъ обязанностей, должно было, за дальностью разстоянія, совсѣмъ отказаться отъ нихъ. Рѣшено было, вслѣдствіе этого, пригласить священниковъ изъ ближайшихъ домовыхъ церквей: графини Марьи Андреевны Румянцевой и гр. Сергѣя Павл. Ягужинскаго, съ платою за трудъ по 10 р. въ мѣсяцъ. Хоронить младенцевъ начали, съ тѣхъ же поръ, по словесному приказанію членовъ Отдѣленія, вмѣсто Охты, на Волковомъ кладбищѣ, уплачивая тамошнему священнику по 25 р. въ годъ за погребеніе и наемъ людей для рытья могилъ. Съ переводомъ Воспитательнаго Дома въ Милліонную улицу, его прежнія строенія предположено было продать, и первая публикація о томъ отослана въ комисію при Академіи Наукъ 12-го апрѣля 1779 г. 9-го августа публикація вновь повторена въ такомъ видѣ: «продается именующійся Воспитательный Домъ... къ заведенію фабрики или завода весьма способный, при чемъ обширный лугъ, огороженный изъ побитыхъ свай полисадомъ; мѣрою-жъ земли длиною: по берегу Невы рѣки 274, отъ Невы, со стороны Ново-дѣвичьяго монастыря по каналу (этимъ каналомъ ¹⁾ обведенъ былъ лугъ) и со стороны-жъ мѣста лейбъ-гвардіи Коннаго полку по 198 сажень». Желающіе купить могли внести деньги въ разсрочку. Но покупатели изъ частныхъ лицъ или совсѣмъ не явились на торги, или предложили слишкомъ невыгодныя условія (въ дѣлѣ, которымъ мы пользуемся,

¹⁾ Журналъ 1772 г., 7-го апр., № 5.

объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній); только, въ промежутокъ времени съ апрѣля 1779-го по 11-е мая 1780-го года, старый Воспитательный Домъ оставался непроданнымъ, покуда не послѣдовалъ именной указъ, данный въ Нарвѣ, о покушѣ этого мѣста для магазиновъ С.-Петербургской Казенной Палаты, за 30 т. руб., и о выдачѣ этой суммы въ С.-Петербургское Отдѣленіе изъ средствъ Камеръ-Конторы. По журналу засѣданія 22-го мая 1780 г. положено деньги эти принять директору, статскому совѣтнику Моллеру. Но мѣсто это все-таки не досталось магазинамъ, ибо императрица Екатерина II, отмѣнивъ свою прежнюю волю, обратила его для помѣщенія богадѣльни Приказа Общественнаго Призрѣнія. 29-го апрѣля 1781 г., т. е. спустя два года спустя послѣ первой публикаціи о продажѣ, Домъ сданъ по описи экономомъ Чистяковымъ бухгалтеру Приказа Хаверману; съ того же времени снятъ и армейскій караулъ, находившійся при Домѣ. Изъ описи, составленной по этому поводу, видно, что, въ моментъ передачи, старый Воспитательный Домъ заключался въ деревянныхъ и каменныхъ строеніяхъ и что каменный его корпусъ состоялъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ сѣверная была о 2-хъ этажахъ и крыта желѣзомъ; остальные-же двѣ части—одно-этажныя и крыты деревомъ. Домъ внутри, почти во всѣхъ покояхъ, былъ оштукатуренъ, снаружи—нѣтъ. Всего въ каменномъ строеніи было 52 жилыхъ покая; кромѣ того, показаны при Домѣ погреба и конюшни. Домъ окруженъ былъ заборами и имѣлъ двѣ пристани на своей землѣ: одна изъ нихъ, съ плотомъ, назначалась для приѣма провіанта и съ этой стороны были «особыя ворота съ крѣпкимъ засовомъ»; другая пристань устроена, по контракту съ Воспитательнымъ Домомъ и за арендную плату (сто рублей въ годъ), купцомъ Иваномъ Гутуевымъ,¹⁾ съ амбарами и мѣстомъ для склада дровъ и досокъ. Къ Воспитательному Дому принадлежалъ большой лугъ, орошенный—какъ выше сказано—каналомъ; упоминается также въ описи садикъ, огороженный заборомъ.²⁾

По соображеніи всѣхъ этихъ данныхъ, за точность которыхъ мы можемъ вполне поручиться, не подлежитъ сомнѣнію, что

¹⁾ Журналъ 1774 г., 6-го іюля, № 171.

²⁾ Дѣло по Сиротск. Институту № 69, связка I.

Георги, относившій переселеніе Воспитательнаго Дома то къ 1784-му, то къ 1785-му году (См. «Описаніе Петербурга», стр. 74, 118 и 308), впалъ въ ошибку, которую повторили за нимъ всѣ позднѣйшіе изслѣдователи ¹⁾ Никакъ не позже 1781 года Воспитательный Домъ покончилъ всѣ свои счеты съ старымъ помѣщеніемъ, гдѣ, въ этомъ-же году, освящена и открыта богадѣльня Приказа Общественнаго Прізрѣнія, какъ это значится у самого Георги. Поводомъ-же къ ошибкѣ можно предположить долговременную, перестройку и возведеніе за-ново нѣкоторыхъ частей Воспитательнаго Дома, при чемъ питомцы могли быть пережѣщаемы, смотря по удобству, изъ одной части зданія въ другую. На этомъ основаніи мы готовы согласиться съ Георги, что въ 1784 г. помѣщеніе для дѣтей было отведено въ восточномъ флигелѣ Воспитательнаго Дома, на углу Милліонной и Аптекарскаго переулка, — тѣмъ болѣе, что свѣдѣніе это подтверждается и «Извѣстіями Воспитательнаго Дома» за 1784-й годъ. ²⁾

Черезъ нѣсколько лѣтъ по переселеніи въ Милліонную улицу, Воспитательный Домъ обогатился своею собственною домовою церковью, отсутствіе которой, вѣроятно, давало уже себя знать съ невыгодной стороны въ прежнемъ помѣщеніи. Но прежде, при отсылкѣ взрослыхъ дѣтей въ Москву и при меньшемъ количествѣ служащихъ въ Домѣ, неудобство это не могло быть ощутительнымъ въ такой мѣрѣ, въ какой оно ощущалось уже впоследствии, съ того времени, какъ прекращена была пересылка питомцовъ, а личный составъ служащихъ увеличился прибавленіемъ новыхъ лицъ и должностей. Населеніе Воспитательнаго Дома возрастало съ году на годъ, и признанная необходимость отправления въ самомъ Домѣ всѣхъ церковныхъ требъ побудила Опекунскій Совѣтъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему 7-мъ параграфомъ 1-й части, 1-й главы Генеральнаго Плана — имѣть свою домовую церковь. 17-го августа 1786 года Опекунскій Совѣтъ извѣстилъ с. - петербургскаго митрополита Гавріила о намѣреніи своемъ «построить церковь на особливомъ и отдѣленномъ отъ жилыхъ покоевъ мѣстѣ», при чемъ, испра-

¹⁾ Загѣчательно, что на страницѣ 313, Георги вѣрно указываетъ 1780 годъ и тутъ-же говоритъ объ открытіи богадѣльни въ старомъ зданіи Воспитательнаго Дома.

²⁾ «Собраніе учрежд. и предписаній», т. II, стр. 264.

шивая архипастырскаго благословенія, прилагалъ на разсмотрѣніе планъ и фасадъ предполагаемой церкви. Согласіе митрополита послѣдовало 31-го августа того же года, а 10 го сентября заложена церковь во имя рождества пророка и крестителя Іоанна Предтечи. Постройка церкви производилась подъ наблюдениемъ архитектора, за-опекуна Фелтена; иконостасная работа заказана была художнику Ивану Бѣльскому. При этомъ дѣло не обошлось безъ пожертвованій: 20-го апрѣля 1787 г. Опеунскій Совѣтъ выразилъ благодарность дворянину Андрею Родіоновичу Баталеву, приславшему съ своего завода бѣлыхъ желѣзныхъ листовъ для кровли новаго храма; 30-го октября 1788 г. (по открытіи церкви) казначей Николай Ивановъ представилъ 407 р. 80 к., пожертвованные разными лицами на построеніе ризъ. Но еще задолго до этого, въ іюль и октябрѣ 1771 года, переданы были, по высочайшему повелѣнію, изъ придворной церкви въ Воспитательный Домъ многіе образа, на престольныя одежды, пелены, воздухи, поручи, а также риза, эпитрахиль и стихарь: вѣроятно, всѣ эти священнослужебныя принадлежности или оставались безъ употребленія, или употреблялись, частью, во время малыхъ церковныхъ требъ, совершавшихся въ Домѣ.¹⁾

Церемоніаль открытія и освященія церкви Воспитательнаго Дома происходилъ 1-го октября 1788 года. Въ этотъ день съѣхались гг. опекуны и ожидали г. Главнаго Попечителя, который пріѣхалъ въ 9^{1/2} часовъ. Митрополитъ Гавріилъ прибылъ въ 10 часовъ и, встрѣченный Главнымъ Попечителемъ и опекунами, провожденъ былъ ими въ церковь, гдѣ, «при великомъ стеченіи обоего пола народа, началъ освященіе церкви». Въ священнослуженіи участвовали: духовникъ ея императорскаго величества, Иванъ Ивановичъ Памфиловъ, архимандритъ Свѣжскаго монастыря Веніаминъ, протоіерей и священникъ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, 2 іеромонаха, 2 протодіакона, 3 іеродіакона и церковный настоятель Андрей Лавровъ. «Дѣти, воспитывающіяся въ семъ Домѣ, стояли — по выраженію современнаго описанія — на своихъ мѣстахъ въ великомъ удивленіи, озирая невиданное благолѣпіе». По окончаніи освященія и литургіи, рѣчь говорилъ священникъ Лавровъ, а по возгласеніи многолѣтія два воспи-

¹⁾ Дѣло Канц. С.-П. Опекун. Сов., по разн. пред. № 66, связка 1.

танника поднесли митрополиту на блюдь золотую медаль и говорили краткую рѣчь. Также и духовнику ея величества поднесена была, за неимѣніемъ золотой, серебряная медаль, за которую онъ сдѣлалъ подаваніе Дому въ 200 р., а 5-го октября, когда была отвезена ему золотая медаль, подарилъ еще 300 р. Послѣ всей церемоніи, какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица, угощаемы были «лучшими винами и завтракомъ». ⁴⁾ Церковный причетъ Воспитательнаго Дома былъ сначала весьма не великъ: при священникѣ, получавшемъ 300 р. въ годъ жалованья (съ апрѣля 1790 г. ему прибавлено еще 100 р.) состоялъ только одинъ дьячекъ, съ жалованьемъ по 120 р.; діаконъ же былъ приглашаемъ лишь для торжественной службы, какъ напр., во время Пасхи, и получалъ особое, за каждый разъ, вознагражденіе.

Около того же времени, какъ Воспитательный Домъ переведенъ былъ изъ-подъ Смольнаго въ новое помѣщеніе на Миліонной улицѣ, правленіе его перестало называться Отдѣленіемъ, получивъ права и наименованіе Опекунскаго Совѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. П. Щаповскій.

⁴⁾ Дѣло по С.-Пб. Сиротск. Институту, по разв. предм. № 131, связка I.

ПОЪЗДКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВЪ СТОКГОЛЬМЪ

въ 1838 г.

Воспоминанія В. И. Фелькнера.

Въ 1836 г., въ городѣ Калишѣ, въ присутствіи императора Николая, происходили большіе маневры русскихъ и прусскихъ войскъ, вслѣдствіе выраженного королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III своему августѣйшему зятю желанія, еще разъ сблизить, уже на мирномъ поприщѣ, арміи обоихъ народовъ, которые, не далѣе какъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, дружнымъ союзомъ отразили общаго врага.

Авторъ настоящихъ «Воспоминаній», покойный генералъ-маіоръ В. И. Фелькнеръ († 25-го января 1871 г.)¹⁾, какъ офицеръ гвардейскихъ саперъ, участвовавшій въ калишскихъ маневрахъ, описалъ ихъ съ величайшею подробностью; при этомъ Фелькнеръ весьма обстоятельно знакомитъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ составомъ, численностью, наружнымъ видомъ и вообще съ достоинствами и недостатками прусской арміи тридцатыхъ годовъ.

Описаніе это, а равно путевыя впечатлѣнія автора по дорогѣ изъ Петербурга въ Калишъ, а въ другой разъ изъ Петербурга въ Пруссію моремъ, представляютъ мало замѣчательнаго; поэтому, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, мы ихъ опускаемъ, а даемъ мѣсто другому эпизоду изъ воспоминаній В. И. Фелькнера, относящемуся къ 1838 г.: это весьма интересный рассказъ о путешествіи Государя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора изъ Берлина въ Стокгольмъ, по окончаніи прусскихъ маневровъ, на которыхъ присутствовало нѣсколько русскихъ офицеровъ. Въ этой поѣздкѣ императоръ Николай Павловичъ участвовалъ некогнито. Ред.

.....24-го мая 1838 г. гвардейскіе товарищи мои и я оставили, рано утромъ, Берлинъ и, по отличному шоссе, отправились въ Штетинъ, ожидать тамъ прибытія Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. По дорогѣ, въ маленькомъ вра-

¹⁾ См. некрологъ Владиміра Ивановича Фелькнера въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. III, стр. 536. Ред.

сивомъ городѣ Шведтѣ, уже ожидали Его проѣзда и все населеніе толпилось на улицахъ. Со вѣздомъ въ Померанію, природа нѣсколько оживляется; аллеи каштановыхъ деревьевъ, насаженныхъ по сторонамъ шоссе, красивыя селенія, воздѣланныя поля и сады, ласкаютъ зрѣніе путешественника, утомленное однообразными и печальными видами песчаной Бранденбургіи. Въ 10-ть часовъ вечера прибыли мы въ Штетинъ и остановились въ Hôtel de Russie, гдѣ нашли генераль-адъютанта князя Меншикова, флигель-адъютанта графа Гейдена и капитанъ-лейтента Глазенана, ожидавшихъ прибытія Государя Наслѣдника.

На другой день утромъ отправились мы на прусскомъ пароходѣ „Die Kronprinzessin“, въ г. Свиномюнде, построенный на берегу Балтійскаго моря, при устьѣ р. Свины. Тамъ должны мы были пересѣсть на нашъ пароходъ „Геркулесъ“, назначенный для перевезенія Великаго Князя Наслѣдника и Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей въ Стокгольмъ. Время не позволило мнѣ осмотрѣть Штетинскую крѣпость, окруженную водяными рвами и таеъ постыдно сданную, въ 1806 году, Французамъ безъ сопротивленія, на капитуляцію. Полюбовавшись съ парохода красивымъ видомъ Штетина и его окрестностей, спустились мы по рукаву Одера въ Гафъ и прибывъ въ часъ пополудни въ Свиномюнде, торговый городокъ съ морскими купальнями, перешли тотчасъ же на большой, отличный пароходъ нашъ „Геркулесъ“.

26-го мая 1838 г. собрались на немъ многіе чины свиты Государя Наслѣдника: князь Ливенъ, попечитель Его Императорскаго Высочества В. А. Жуковскій, флигель-адъютанты Его Императорскаго Величества, полковники: князь В. А. Долгорукій, баронъ Ливенъ, Юрьевичъ и лейбъ-медикъ Енохинъ.

Государя Наслѣдника и Великихъ Князей ожидали къ вечеру.

Съ утра шелъ проливной дождь, почему мы не съѣзжали на берегъ, а провели весь день въ каютѣ, слушая занимательные рассказы В. А. Жуковскаго о многихъ эпизодахъ его литературной жизни и путешествіи Государя Наслѣдника по Россіи. Нетерпѣливое ожиданіе приѣзда высокихъ путешественниковъ продолжалось до поздняго вечера.

Въ 11 часовъ пароходъ „Проворный“, ожидавшій ихъ въ Штетинѣ, причалилъ, наконецъ, къ „Геркулесу“, и каковы были наше изумленіе и радость, когда первымъ взошелъ на бортъ Государь Императоръ въ сопровожденіи Государя Наслѣдника. Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей пронесли спящими въ ихъ каюту. Въ свитѣ Его Императорскаго Величества находились: генераль-

адъютанты: графы Орловъ и Адлербергъ, Кавелинъ и генералъ-майоръ Философовъ, флигель-адъютанты: Львовъ и Юрьевичъ и лейбъ-медикъ Н. Ѡ. Арендтъ.

Въ Берлинѣ было извѣстно, что Государь изъ Берлина изволить поѣхать въ Варшаву, но Его Величеству угодно было измѣнить это предположеніе и вмѣсто того неожиданно посѣтить престарѣлаго короля шведскаго, одновременно съ Государемъ Наслѣдникомъ. Къ часу пополудни все было готово къ отплытію. „Геркулесъ“, снявшись съ якоря, при очаровательномъ лунномъ сіяніи, и обогнувъ Свинемюндскій маякъ, быстро сталъ разсѣкать морскія волны, таща за собою, на буксирѣ, люгеръ „Ораніенбаумъ“.

Утро было пасмурное; мелкій дождь и густой туманъ встрѣтили насъ на палубѣ послѣ покойной ночи, проведенной въ каютѣ. Волненіе было довольно сильное; вѣтеръ свѣжѣлъ; качка увеличивалась и у многихъ неопытныхъ мореплавателей появлялись признаки морской болѣзни. При приближеніи нашемъ къ угрюмому острову Борнгольму качка еще болѣе увеличилась, но къ полудню вѣтеръ сталъ стихать; больные оправились и общая веселость и удовольствіе распространились между пассажирами, не сходящими съ палубы. По желанію Наслѣдника составилъ импровизированный хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ И. М. Толстаго, въ которомъ принималъ участіе и Его Высочество. За обѣденнымъ столомъ, накрытомъ на палубѣ, подъ тентомъ, Государь милостиво со всѣми разговаривалъ и очаровывалъ своею привѣтливостію. Погода продолжала хмуриться и волненіе совершенно не прекращалось; но пароходъ нашъ быстро продолжалъ свой ходъ, дѣлая по 6-ти узловъ въ часъ (6 итальянскихъ миль—10¹/₂ верстъ).

На другой день наступила отличнѣйшая погода и успокоившееся море представляло необозримую зеркальную поверхность.

Въ 11 часовъ утра, на высотѣ мыса Гоборга, южной оконечности острова Готланда, завидѣли мы нашу эскадру, состоящую изъ 9-ти фрегатовъ, 5-ти бриговъ, шкуны и люгера (3-я флотская дивизія, подъ начальствомъ вице-адмирала Платера). По поднятіи на „Геркулесѣ“ флага Государя Наслѣдника, суда эскадры салютовали ему 21-мъ выстрѣломъ. Государь, сигналомъ, приказалъ имъ произвести нѣсколько эволюцій, а затѣмъ поднять на „Геркулесѣ“ Императорскій штандартъ. Воспоследовалъ салютъ изъ орудій всѣхъ судовъ эскадры, кромѣ корабля „Нарва“, у котораго орудія не были заряжены, за что ему посланъ былъ съ пушкою выговоръ. Государь вообще изволилъ остаться флотомъ весьма доволенъ; изъявилъ гг. офи-

царствъ свое благоволеніе, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по рублю, по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка.

При конутномъ вѣтрѣ пароходъ быстро пошелъ впередъ, мимо острова Готланда, въ виду главнаго его города Визьби. Въ отдаленности синѣли берега острова Эланда. За обѣдомъ, на палубѣ, предметомъ разговоровъ было удивленіе, которое произведеть въ Стокгольмѣ неожиданное прибытіе Императора.

Его Величество оставался цѣлый день на палубѣ и очаровывалъ всѣхъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Могущественный Государь величайшей въ свѣтѣ монархіи являлся чадолубивымъ отцомъ семейства и кроткимъ повелителемъ, ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ своимъ, возбуждавшимъ около себя радость и удовольствіе.

Послѣ обѣда Государь довольно долго игралъ въ шахматы. По окончаніи игры, онъ подозвалъ къ себѣ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, заставилъ ихъ, по своей командѣ, продѣлать ружейные приемы и повороты и заключилъ ученіе, поцѣловавъ оныхъ воиновъ. Великіе Князья очень милы; генералъ Философовъ представилъ меня будущему генералъ-инспектору по инженерной части, а полковника Лутковскаго—будущему генералъ-фельдцейхмейстеру. Съ тѣхъ поръ Ихъ Высочества предпочтительно обращались къ намъ, какъ къ своимъ будущимъ подчиненнымъ.

„Вѣдь вы мой?“—спросилъ меня однажды Великій Князь Николай Николаевичъ, поднявшись поутру на палубу.

Вечеръ былъ тихій и теплый; всѣ пассажиры были веселы и счастливы и, по желанію Наслѣдника, составилъ опять хоръ пѣвчихъ, въ которомъ и Его Высочество принялъ участіе.

Государь, прогуливаясь вдоль по палубѣ, нѣсколько разъ подходилъ слушать наше пѣніе, а потомъ, до поздней ночи, разговаривалъ съ графомъ Орловымъ, облокотясь на бортъ парохода и глядя на синюю морскую даль.

29-го мая 1838 г., при тихой очаровательной погодѣ, показался рано утромъ, шведскій берегъ. Пароходъ у маяка Ландсортъ вошелъ въ шкеры. Такъ называются гранитные, обросшіе угрюмыми соснами, небольшіе острова, простирающіеся вдоль шведскаго материка до Стокгольма и даже Бдльшая часть островковъ этого скандинавскаго архипелага необитаема. Проходы между ними очень узки и извилисты, почему, безъ опытнаго лоцмана, судамъ проходить по нимъ не безопасно. При входѣ въ шкеры, увидали мы, стоящій на якорѣ, шведскій пароходъ, ожидавшій прибытія Наслѣдника.

„Геркулесъ“ остановился и вслѣдъ затѣмъ причалилъ къ нему баркасъ, съ котораго вошли на палубу парохода посланникъ нашъ

при шведскомъ дворѣ, графъ Потоцкій, съ двумя секретарями посольства, генераль-маіоръ графъ Сухтеленъ 2-й и посланные королемъ шведскимъ, для встрѣчи Государя Наслѣдника, генераль-адъютантъ его графъ Мёрнеръ и камергеръ графъ Пинеръ.

Его Высочество, принявъ на палубѣ всѣхъ прибывшихъ, пригласилъ ихъ сойти въ каютъ-компанію, гдѣ, къ величайшему ихъ удивленію, они были встрѣчены Императоромъ. Графъ Мерверъ, въ 1837 г., присутствовалъ на Вознесенскомъ смотрѣ и потому тотчасъ узналъ Государя, пригласившаго его оставаться на пароходѣ до прибытія въ Стокгольмъ. „Геркулесъ“ снялся съ якоря и, сопровождаемый шведскимъ пароходомъ „Гельфомъ“, на которомъ прибылъ графъ Мернеръ, продолжалъ свой ходъ между угрюмыми, утесистыми островками съ рыбачьими деревушками. Съ батарей, на островѣ Далеръ-Э, произведенъ былъ салютъ флагу Наслѣдника 28-ю выстрѣлами. У крѣпости, близъ мѣстечка Ваксгольмъ, состоящей изъ казематированной двухъярусной башни, обнесенной оборонительною стѣною, стояли на якорѣ два наши парохода: „Александрія“ и „Надежда“, послѣдовавшіе за „Геркулесомъ“.

Около 5-ти часовъ пополудни показались загородные дома и предместья Стокгольма, а затѣмъ и самый городъ, живописно разбросанный по островамъ и возвынавшійся мѣстами амфитеатромъ. Двѣ дивизіи канонерскихъ юлъ и форты Кастельгольмъ и Шепегольмъ салютовали флагу Государя Наслѣдника. Когда улегся пороховой дымъ, открылась, при яркомъ весеннемъ солнцѣ, прелестная панорама на городъ, набережныя котораго были усыяны толпами жителей, привѣтствовавшихъ пріѣздъ Наслѣдника Россійскаго престола громкими криками „ура!“ При входѣ въ стокгольмскій портъ, „Геркулесъ“, по мелководью фарватера, бросилъ якорь и, вслѣдъ затѣмъ, главный начальникъ порта, вице-адмиралъ Костъ, подъѣхалъ къ пароходу съ многочисленною свитою. Явившись съ рапортомъ къ Наслѣднику, онъ пригласилъ Его Высочество съѣхать на берегъ на королевскомъ катерѣ, поднявшемъ русскій флагъ и за нимъ, торжественнымъ поѣздомъ, потянулись другіе катера, въ которыхъ помѣстились всѣ особы свиты Императора и Наслѣдника. Толпы народа встрѣтили насъ на берегу и провожали до королевскаго дворца, построеннаго на возвышеніи, командуящемъ надъ всѣмъ городомъ. У входа во дворецъ Его Высочество былъ встрѣченъ наслѣднымъ принцемъ Оскаромъ. Когда катера шведскіе отчалили отъ парохода, Государь приказалъ спустить съ другого борта четырехвесельную гичку и, въ сопровожденіи одного только генерала графа Сухтелена, отлично знавшаго топографію Стокгольма, гдѣ отецъ его былъ очень долгое время

нашимъ посланникомъ, обогнавъ катера, вышелъ на берегъ у королевскаго сада, чрезъ который графъ Сухтеленъ провелъ его во дворецъ и прямо въ кабинетъ короля, смотрѣвшаго въ это время изъ окна на поѣздъ Государя Наслѣдника. Удивленіе короля, при видѣ подошедшаго къ нему русскаго Императора, было, говорятъ, чрезвычайно велико. Я слышалъ потомъ, что Государь привѣтствовалъ своего скандинавскаго, царственнаго сосѣда слѣдующими словами:

— „Sire, vous attendiez le fils et voilà le père devant vous“.

Когда Государь, стоя на гичѣхъ, въ казачьемъ, парадномъ, генеральскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи графа Сухтелена, быстро обогналъ поѣздъ королевскихъ катеровъ, то шведскій адмиралъ съ крайнимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на это нарушеніе морскаго этикета двумя русскими генералами. По прибытіи во дворецъ Наслѣдника и особъ Его свиты, Государь представилъ Его Высочество и всѣхъ насъ, русскихъ, королю, королевѣ и наслѣдной принцессѣ.

Король шведскій, Карлъ-Юаннъ XIV, бывшій наполеоновскій маршалъ Бернадоттъ, князь Понтекорво, несмотря на свои 75 лѣтъ, имѣлъ еще очень бодрый видъ; умное, выразительное лицо его было очень привлекательно и внушало глубокое уваженіе. Онъ невеликъ ростомъ, сухощавъ и во всѣхъ движеніяхъ его много живости и размажности. Королева—дочь марсельскаго банкира. Клари и сестра жены Юсифа Бонапарте, бывшаго короля испанскаго. Наслѣдный принцъ Оскаръ очень красивъ собою и блѣдное лицо его носитъ отпечатокъ южнаго происхожденія. Наслѣдная принцесса, рожденная принцесса Лейхтенбергская, высока ростомъ и очень граціозна.

Государю и Великимъ Князьямъ, съ Ихъ свитами, отведены были покои въ королевскомъ дворцѣ, внутренность котораго не соответствуетъ его величественному наружному виду. Онъ построенъ при Карлѣ XI и очень обширенъ, но дворцовыя комнаты весьма не роскошно меблированы, мрачны и не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго въ историческомъ и художественномъ отношеніяхъ.

Утромъ, 30-го мая 1838 г. Государь Императоръ и Великій Князь Наслѣдникъ, въ сопровожденіи наслѣднаго принца, осматривали казармы двухъ пѣхотныхъ и одного коннаго гвардейскихъ полковъ.

Въ присутствіи Государя гвардейцы фехтовали съ замѣчательною ловкостью, и дѣлали довольно отчетливо ружейные приемы. Государю понравился приемъ держанія ружья на изготовку, какъ у насъ держать на руку, потому что солдату въ этомъ положеніи легче прикладываться и отражать непріятеля штыкомъ. Шведскіе гвардейцы рослы, и имѣютъ бодрый и здоровый видъ, но недостаточно хорошо выправлены по стойкѣ на мѣстѣ и маршируютъ принужденно.

Изъ казармъ высокіе посѣтители отправились въ военный госпиталь, для чего надлежало имъ проѣхать почти весь городъ, улицы котораго были наполнены народомъ. Устройство госпиталя отличное; больные содержатся очень хорошо, даже роскошно. Въ одномъ изъ госпитальныхъ покоевъ сохраняется походная аптека короля Карла XII.

По возвращеніи во дворецъ, у главнаго входа въ который стояли: пѣхотный караулъ со знаменемъ, кавалерійскій пиветь и два орудія, я замѣтилъ въ немъ большое движеніе. Камергеры, адъютанты короля, придворные служители и скороходы суетились и по всему было видно, что пріѣздъ столь высокаго гостя былъ совершенно неожиданъ.

Въ залѣ драбантовъ, въ которой собираются ординарцы и вѣстные отъ гвардейскихъ полковъ, висятъ портреты Карла XI—верхомъ, Карла XII, Генриха IV, его министра Сюлли, короля Густава-Адольфа, Оксенштиерна, Баннера, Врангеля и другихъ героевъ 30-ти-лѣтней войны.

Въ 4^{1/2} часа пополудни былъ большой обѣденный столъ, въ тронной залѣ, украшенной портретами потомковъ Густава-Вазы, которымъ наследовалъ французскій маршалъ. Королева и наследная принцесса были очень внимательны къ русскимъ гостямъ, подходили и очень привѣтливо разговаривали съ каждымъ изъ насъ. Придворныя дамы явились всѣ въ черныхъ длинныхъ платьяхъ. Установленный придворнымъ этикетомъ черный цвѣтъ придаетъ двору траурный видъ, но выгодеи въ экономическомъ отношеніи. Изъ высшихъ придворныхъ чиновъ обращали на себя особенное вниманіе величавый рейхс-маршалъ графъ Браге, другъ короля, и сѣдовласый гофъ-маршалъ графъ Де-ла-Гарди, потомокъ шведскаго генерала, Гугенота того-же имени, опустошавшаго Россію мечемъ и огнемъ въ XVII столѣтіи. За столомъ я сидѣлъ подлѣ адъютанта короля, маіора барона Дюпейрона, отлично образованнаго офицера, который сообщилъ мнѣ много интересныхъ подробностей объ устройствѣ шведскаго войска и его управленіи.

Послѣ обѣда привезены были во дворецъ съ парохода „Геркулеса“ Великіе Князья Николай и Михайлъ Николаевичи, своею милостивою и граціею возбуждившіе при дворѣ общее восхищеніе. На нихъ были одѣты русскія, шелковыя рубашки, пунцоваго цвѣта, черныя, пуховыя, ямскія шляпы и они очень скоро сдружились съ четырьмя шведскими принцами, сыновьями наследнаго принца, изъ которыхъ старшему, герцогу Зюдерманландскому, было около 12-ти лѣтъ. Принцы также очень хороши собою и имѣютъ южные типы, черные волосы и прекрасные, огненные глаза.

Послѣ обѣда Государь Императоръ съ королемою, въ сопровожденіи Наслѣдника, членовъ королевской фамиліи и огромной свиты Русскихъ и Шведовъ, прогуливался, въ открытомъ экипажѣ, въ королевскомъ зѣвринцѣ (Diurgarden). Тѣнистый паркъ этотъ, со всѣми красотоми сѣверной природы: утесами, скалами, вѣковыми соснами и елями, былъ наполненъ зрителями въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ, встрѣчавшими появленіе монарховъ дружными криками „ура!“

Вечеромъ былъ чайный столъ (Thé) у наслѣдной принцессы, изъ покоевъ которой представляется прелестный видъ на море и городъ. Принцъ Оскаръ былъ очень внимателенъ ко мнѣ и моимъ гвардейскимъ товарищамъ, много разспрашивалъ насъ о нашихъ военныхъ учрежденіяхъ и сказалъ мнѣ, что въ слѣдующемъ году будетъ сформирована, при королевской гвардіи, одна рота гвардейскихъ пионеровъ.

Строенія Стокгольма очень живописно раскиданы по островкамъ или шкерамъ и, частію, на материкѣ, около устья озера Мелара. Въ старомъ городѣ, особенно на островѣ Стокгольмѣ, улицы кривы и узки, а средневѣковые дома очень высоки; въ новѣйшихъ же кварталахъ улицы шире, разбиты правильнѣе и въ нихъ много строеній прекрасной архитектуры. Королевскій дворецъ построенъ на возвышенности, вомандующей надъ городомъ, и изъ него открывается прекрасная панорама на городскія окрестности, шкеры и море. Противъ него, какъ и въ Петербургѣ, находятся адмиралтейство и верфь на адмиралтейскомъ острову, а на набережной,—бронзовая статуя короля Густава III. Въ Стокгольмѣ, въ 1838 г., было до 4,000 домовъ и 80,000 жителей. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось осмотрѣть въ подробности этотъ замѣчательный, во многихъ отношеніяхъ, городъ, такъ какъ представленія при дворѣ и смотры отнимали у меня все время.

31-го мая, въ 11 часовъ утра, Государь съ королемою шведскимъ, Наслѣдникомъ и многочисленною свитою, состоявшею изъ русскихъ и шведскихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, выѣхали изъ королевскаго замка, верхомъ, при восклицаніяхъ толпившагося около него народа, для осмотра войскъ стокгольмскаго гарнизона. Путь слѣдованія проходилъ чрезъ островъ Нордермальмъ, на которомъ находятся замѣчательнѣйшія городскія зданія: прекрасная церковь, построенная королемою Адольфомъ-Фредерикомъ, арсеналь, обсерваторія, опера, монументъ короля Густава-Адольфа и королевскій паркъ, съ колоссальною статуею короля Карла XII, которому наслѣдовалъ нынѣшній король. Улицы, до самой заставы, за которой долженъ былъ происходить смотръ, были наполнены народомъ, радостно привѣт-

ствовавшимъ Государей, а окна домовъ — зрителями и зрительницами, между которыми было много брѣнетовъ — доказательство ихъ готскаго происхожденія. Войска, выстроенныя за заставой, состояли подъ начальствомъ наслѣднаго принца изъ двухъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, одного баталіона 10-го Зюдерманландскаго поселеннаго полка, гвардейскаго коннаго полка (гусары), Упландскаго драгунскаго полка, одной батареи возимой (Fahr-artillerie) и одной конной артиллеріи. Всего на смотру было: 5 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и 16 орудій. Войска встрѣтили сѣверныхъ монарховъ громкимъ тоекратнымъ „ура!“ По объѣздѣ ими войскъ, общаго церемоніальнаго марша не было, а войска были поочередно осмотрѣны, по роду оружія, начиная съ пѣхоты. Ружейные приемы были дѣлаемы довольно живо и отчетливо; но построенія на полковомъ ученьи, близко подходящемъ къ нашему, производились, особенно при выстраиваніи фронта, не чисто и безъ стройности; ряды разрывались и взводы послѣ построеній не хорошо выравнивались. По окончаніи ученья, пѣхота проходила церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ четыре сапера, по французскому уставу, открывали шествіе. При прохожденіи взводами (всего по 11-ти рядовъ), люди жались другъ къ другу и выравнились не чисто. Я уже прежде упомянулъ, что у гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ одежда и аммуниція бѣлая, лосинная, по образцу нашихъ гвардейскихъ полковъ. Обмундированіе поселеннаго полка похоже на прусское: синяго сукна мундиры, бѣлая лосинная аммуниція, пригнанная по прусскому образцу, такіе же ранцы и тесаки. Люди ихъ красивы, бодры, въ военномъ образованіи мало уступаютъ гвардейцамъ и вооружены ударными ружьями.¹⁾

Послѣ смотра пѣхоты произведено было ученье кавалеріи. Гвардейскій конный полкъ имѣетъ очень красивый гусарскій мундиръ: бѣлые долманы и синія ментіи, обшитыя, у офицеровъ, золотыми, а у солдатъ шнурками изъ желтаго гаруса; кивера на подобіе отрѣзаннаго конуса, съ небольшимъ бѣлымъ волосянымъ султаномъ. Мундиръ поселенныхъ драгунъ похожъ на мундиръ прусскихъ драгунъ. Лошади въ обоихъ полкахъ разношерстныя, туземной породы, не рослы, но хорошихъ статей и крѣпкія на видъ. Посадка офицеровъ и нижнихъ чиновъ некрасива.

Построенія кавалеріи дѣлала не довольно быстро и отчетливо.

¹⁾ Въ 1864 г. положено ввести въ шведско-норвежской арміи ружья, за-
ряжающіяся съ казенной части, на манеръ прусскихъ игольчатыхъ и введено
полное однообразіе въ снаряженіи солдатъ, какъ шведскихъ, такъ и норвеж-
скихъ, которое близко подходитъ къ снаряженію прусскихъ войскъ. (1865) г.

Артиллерійское ученіе производилось не довольно живо. Снятіе съ передковъ и накладываніе орудій исполняется далеко не такъ преворно, какъ въ нашей артиллеріи. Орудія въ шведской артиллеріи 6-ти и 12-ти фунтовія, чугуныя, и возятся на лафетахъ, выкрашеннхъ черною краскою. ¹⁾ Упряжь воинская тяжела и некрасива; лошади артиллерійскія на видъ сносныя, но не красивыхъ статей. Въ каждой батареи по восьми орудій. Артиллеристы носятъ драгунскія каски и аммуницію изъ желтой лоснивой кожи.

Весь смотръ войскамъ продолжался до двухъ часовъ пополудни, при сильномъ жарѣ и несносной пыли. При отсутствіи всякой военной и городской полиціи, толпы народа, стекшагося изъ города на учебное поле, часто мѣшали движеніямъ войскъ, пробираясь кучами между ними и свитами Государей.

Должно было удивляться бодрости и вѣрности силъ 75-ти-лѣтняго короля, впродолженіе почти трехчасоваго смотра войскъ не слѣзавшаго съ своего небольшого, бѣлаго коня, осѣдланнаго французскимъ сѣдломъ, съ малиноваго бархата чепракомъ, шитымъ золотомъ.

Личность маститаго короля въ высшей степени замѣчательна и возбуждаетъ справедливое удивленіе высокому уму и отличнымъ дарованіямъ монарха, вознесшагося изъ ничтожества до королевскаго сана. Уроженецъ Лангедона, онъ, въ молодыхъ лѣтахъ, вступилъ въ военную службу рядовымъ въ Байонскій пѣхотный полкъ, и до французской революціи былъ переведенъ въ гвардейскій пѣхотный полкъ, (*régiment des gardes françaises*) при Людовикѣ XVI. Когда императоръ Павелъ I, будучи еще наслѣдникомъ престола, пріѣзжалъ въ Парижъ, подъ именемъ графа Сѣвернаго, рядовой Бернадотъ, стоявшій на часахъ у дверей комнаты великаго князя, получилъ въ подарокъ отъ него золотые часы. Республиканскій генераль, маршалъ имперіи, князь Понтекорво, наслѣдннй принцъ Шведскій по выбору самихъ Шведовъ, оцѣнившихъ его высокой умъ и доблестный характеръ, и наконецъ, съ 1818 года, король шведскій. Какое блистательное поприще, какое высокое назначеніе! Если сравнить его судьбу съ судьбою узника св. Елены, то должно признать, что высокой умъ, справедливость и умѣренность часто ведутъ обладающаго этими качествами далѣе и болѣе упрочиваютъ его славу, чѣмъ великаго генія, когда послѣдннй не въ силахъ владѣть своими страстями и увлекается необузданнымъ славолюбіемъ.

¹⁾ Съ 1864 года въ шведско-норвежской артиллеріи введены чугуныя наръзныя орудія, 3-хъ и 6-ти фунтовія, заряжающіяся съ казенной части.

Послѣ смотра сѣверныя монархи, съ ихъ свитами, отправились завтракать въ небольшой загородный королевскій дворецъ Rosendahl, окруженный звѣринцемъ и построенный на возвышеніи, съ котораго открывается прелестный видъ на окрестности и городъ.

Въ этотъ же день былъ большой обѣденный столъ у наслѣднаго принца, половина котораго въ королевскомъ дворцѣ отдѣлана въ изящномъ вкусѣ и наполнена тропическими растеніями и цвѣтами, разливавшими за столомъ пріятное благоуханіе. Мнѣ пришлось сидѣть подлѣ перваго камергера короля, графа Левенгаупта, потомка генерала Карла XII, разбитаго на-голову и взятаго въ плѣнъ фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ въ сраженіи при Лѣсномъ. Графъ говорилъ мнѣ о всеобщемъ восхищеніи, возбужденномъ въ Шведахъ прибытіемъ Императора въ Стокгольмъ, и что личность Его Величества возбуждаетъ въ нихъ общее удивленіе. Графъ называлъ мнѣ имена нѣкоторыхъ шведскихъ придворныхъ сановниковъ, присутствовавшихъ за столомъ; между ними было много носившихъ историческія фамиліи, какъ-то: баронъ Оксенштиерна, графы Реншильдъ, Дела-Гарди и др.

Въ 10 часовъ вечера былъ у королеви блестящій балъ, окончившійся для насъ, Русскихъ, уже въ половинѣ двѣнадцатаго часа, ибо въ это время было намъ приказано возвратиться на пароходъ, куда послѣ полуночи прибылъ и Государь въ сопровожденіи короля, наслѣднаго принца и Наслѣдника. Пробывъ короткое время на пароходѣ, король простился съ своими высокими гостями и, при салютѣ со всѣхъ нашихъ пароходовъ, возвратился на берегъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда короля Наслѣдникъ, со слезами на глазахъ, простился съ своимъ августѣйшимъ родителемъ и всѣми нами и возвратился въ Стокгольмъ, продолжать свое путешествіе по Швеціи.

Государь Императоръ съ палубы парохода долго слѣдилъ за удалившимся ватеромъ своего возлюбленнаго сына.

По отбытіи короля, посланникъ нашъ при шведскомъ дворѣ, графъ Потоцкій, передалъ отъ имени его величества пожалованные имъ особамъ свиты Императора, въ томъ числѣ и мнѣ, кресты ордена Меча разныхъ степеней.

Въ часъ пополудни, при лунномъ сіяніи, пароходъ снялся съ якоря и, при громѣ орудій съ стокгольмскихъ фортовъ и всѣхъ, стоявшихъ въ порту, военныхъ кораблей и пароходовъ, пошелъ между угрюмыми шкерами по направленію въ Петербургъ. Стокгольмъ сталъ исчезать въ синей дали, какъ мимолетное видѣніе, оставляющее послѣ себя пріятное воспоминаніе, и скоро на пароходѣ водворилась совершенная тишина, прерываемая только плескомъ волнъ, дробимыхъ

колесами парохода. Всѣ пассажиры его отдыхали послѣ трехъ послѣднихъ, очень интересныхъ, но вѣсть съ тѣмъ довольно утомительныхъ дней, проведенныхъ ими въ Стокгольмѣ.

1-го июня, на зарѣ, „Геркулесъ“ у маяка „Гронскоеръ“ вышелъ изъ шверъ въ открытое море. Утро было ясное; погода теплая и тихая, необозримая, зеркальная поверхность Варяжскаго моря съ шумомъ разсѣкалась нашимъ прекраснымъ пароходомъ, несшимъ насъ быстро къ берегамъ Невы. „Геркулесъ“, самый большой и сильнѣйшій пароходъ нашего флота, имѣетъ 175 футовъ длины, 60 футовъ ширины и силу 240 лошадей. Машины его отличны; орудія, вооруженіе, снасти на немъ превосходны; каюты отдѣланы великолѣпно. Государь въ нихъ однако-жъ никогда не оставался, а ночевалъ и занимался дѣлами съ графомъ Адлербергомъ въ домикѣ, построенномъ на палубѣ, такъ какъ пребываніе въ каютѣ было для него неприятно. Большую часть дня Государь проводилъ на открытой палубѣ, прогуливаясь вдоль по ней или разговаривая съ своими приближенными, болѣе всего съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ.

Около полудня, Государь, собравъ насъ, гвардейцевъ, около себя, долго говорилъ съ нами о шведскомъ войскѣ и шведскихъ военныхъ учрежденіяхъ, хвалилъ шведскихъ солдатъ, но при этомъ замѣтилъ, что общее образованіе ихъ далеко не безукоризненно и что военная организація имѣетъ обветшалыя основанія, хотя въ экономическомъ отношеніи и представляющія неоспоримныя выгоды. Обратившись ко мнѣ, Государь изволилъ сказать: „По нашей части ничего не было“, разумѣя подъ этимъ, что піонеровъ или саперовъ не было на смотру. Собственно инженерныхъ войскъ въ шведской арміи до сего времени (1838 г.) никогда и не было. Солдаты, нужные для производства инженерныхъ работъ, командуются для нихъ въ мирное время отъ линейныхъ войскъ; въ военное же, составляя особенныя команды, подъ начальствомъ инженерныхъ офицеровъ, замѣняютъ саперовъ и піонеровъ.

1-го июня, за обѣдомъ на палубѣ, Государь, замѣтивъ, что за столомъ сидѣло 13 человекъ, для избѣжанія вліянія этого зловѣщаго числа, приказалъ позвать лейтенанта князя Гагарина. Въ 7 часовъ пополудни показался вдали Даггерортскій маякъ на островѣ Эзелѣ, а затѣмъ сдѣлался на морѣ совершенный штиль. Образовались зеркальныя, такъ называемыя, штилевныя полосы; солнце при заходѣннн своемъ великолѣпно отражалось въ прозрачныхъ волнахъ моря и сквозь легкій туманъ распространяло багродный свѣтъ. Въ 9 часовъ вечера вторично повстрѣчался намъ нашъ флотъ. Государь хотѣлъ произвести ему морское ученье, но совершенное без-

вѣтріе сдѣлало это невозможнымъ. Корабли не могли, за всѣми усиліями, сдвинуться съ мѣста; паруса вѣло бились объ мачты и жалъ было смотрѣть на бездѣйствіе морскихъ исполнновъ, парализованныхъ штилемъ, между тѣмъ какъ „Геркулесъ“ гордо продолжалъ свой быстрый ходъ по морской пучинѣ. Отраженіе кораблей на зеркальной поверхности моря рисовало ихъ величественные и красивые силуэты и легкія серебристыя облака дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ, коими эскадра салютовала императорскому штандарту, носились надъ этою прелестною морскою картиною. При проходѣ парохода близъ самаго корабля „Лѣсное“, Государь привѣтствовалъ моряковъ нашихъ, и громкое „ура!“ огласило воздухъ при громѣ орудій. Вскорѣ мы потеряли изъ виду нашъ флотъ и на морѣ воцарилась совершенная тишина.

2-го іюня, рано утромъ, при ясной и тихой погодѣ, показался вдали маякъ на островѣ Наргинѣ, предъ Ревелемъ, а затѣмъ и колокольня церкви св. Олая. Миновавъ маякъ Кокшаркъ, встрѣтили мы нѣсколько купеческихъ судовъ, которымъ съ парохода приказано было показывать свои національные флаги. Одинъ упрямый американецъ долго не хотѣлъ этого исполнить, но пущенное съ парохода, по морскому положенію, ядро заставило его образумиться. За обѣдомъ Государь изволилъ милостиво со мною разговаривать, хвалилъ гвардейскихъ саперовъ за ихъ отличную службу во время Турецкой и Польской войнъ и во всей подробности разсказалъ при этомъ сидѣвшему за столомъ подлѣ него графу Орлову о дѣлѣ подъ Нуромъ, въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ 2-я минерная рота, подъ командою штабсъ-капитана Назимова, отбилась отъ наступавшаго на гвардейскій корпусъ 10-ти тысячнаго польскаго отряда Лубинскаго и успѣла уничтожить мостъ на р. Нурѣ.

Попутный вѣтеръ, подувшій къ вечеру, ускорилъ еще ходъ парохода и мы быстро приближались къ Петербургу.

Государь былъ веселъ, много разговаривалъ и игралъ въ шахматы. Н. О. Арендтъ разсказывалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о прошлогоднемъ, 1837 г., путешествіи Государя на Кавказъ и чудесномъ спасеніи Его, когда испуганныя почтовые лошади бѣшено понесли коляску, въ которой сидѣлъ Государь съ графомъ Орловымъ, внизъ по весьма крутому спуску съ высокой горы, близъ Тифлиса.

Въ 1840 году я видѣлъ это мѣсто, у Тифлискаго предмѣстья Вера, и удивлялся спасенію Государя, котораго видимо хранилъ Промыслъ Божій. Во время начальствованія на Кавказѣ генерала Головина, на томъ мѣстѣ, гдѣ понесли лошади императора Николая

Павловича, поставленъ изящный памятникъ изъ разноцвѣтнаго Кавказскаго порфира.

3-го іюня 1838 г., въ 9 часовъ утра, показался на горизонтѣ Финляндскій берегъ и Толбухинъ маякъ. При приближеніи парохода къ Кронштадту съ крѣпости салютовали поднятому на немъ флагу князя Меншикова и катеръ, съ начальникомъ порта, присталъ къ пароходу.

Государь отправился на немъ въ Кронштадтъ въ сопровожденіи генералъ-адъютантовъ: князя Меншикова, графа Орлова, Адлерберга и флигель-адъютанта графа Гейдена, а пароходъ остановился у почтовыхъ воротъ — ожидать возвращенія Его Величества.

Государь возвратился черезъ часъ; пароходъ тронулся и черезъ $\frac{1}{4}$ часа бросилъ якорь предъ Петергофскимъ дворцомъ.

Вскорѣ послѣ того прибылъ къ „Геркулесу“, на люгерѣ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ для встрѣчи своихъ меньшихъ братьевъ, не зная, что на „Геркулесѣ“ прибылъ и его августѣйшій родитель. Государь, милостиво простившій съ нами, съѣхалъ съ Великими Князьями на берегъ, куда, вслѣдъ за нимъ, послѣдовали и всѣ пассажиры „Геркулеса“, который, при благопріятнѣйшей погодѣ, въ 56 часовъ, примчалъ насъ изъ Стокгольма въ Петергофъ, оставивъ о пребываніи на немъ пріятнѣйшія воспоминанія.

Владиміръ Фелькеръ.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

Письма князя А. С. Меншикова къ кн. М. Д. Горчакову.

1853 — 1855.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ еще слишкомъ близокъ къ нашему времени, что-бы можно было составить о немъ окончательное сужденіе. Многія изъ его дѣйствій до сихъ поръ еще не разъяснены исторіей, но во всякомъ случаѣ личность его такъ замѣчательна, и онъ игралъ такую значительную роль въ свое время, что всякія свѣдѣнія о немъ, будутъ; конечно, встрѣчены съ живымъ интересомъ, тѣмъ болѣе его, вполне принадлежащія исторіи, письма 1853 — 1855 гг., которыя мы представляемъ читателямъ «Русской Старины».

Свѣтлѣйшій князь, праннукъ знаменитаго любимца Петра Великаго, генералиссимуса Александра Даниловича, — адмиралъ, генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, кавалеръ всѣхъ высшихъ русскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ, шефъ полка своего имени (бывшаго пѣхотнаго старо-Ингерманландскаго), князь Александръ Сергѣевичъ родился 11-го сентября 1787 года, въ Петербургѣ, и въ службу вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ 1805 году, окончивъ курсъ въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Причисленный сначала къ берлинскому, потомъ къ лондонскому посольству, Меншиковъ въ 1809 году оставилъ дипломатическое поприще и вступилъ въ военную службу подпоручикомъ гвардейской артиллеріи; въ этомъ чинѣ онъ участвовалъ въ походѣ противъ Турокъ, и былъ при занятіи Туртукая, осадѣ Силистріи и Шумлы, при штурмѣ Рушука, при осадѣ Журжи и взятіи Никополя; подъ Рушукомъ раненъ пулею въ правую ногу. Назначенный въ 1811 г. флигель-адъютантомъ, въ слѣдующемъ — онъ переведенъ въ Преображенскій полкъ и сдѣланъ квартирмейстеромъ 1-й гренадерской дивизіи, съ которою участвовалъ въ тѣхъ сраженіяхъ 1812 года, въ которыхъ дѣйствовала эта дивизія. Въ 1813—1814 гг. кн. Меншиковъ находился при Александрѣ I во многихъ сраженіяхъ, и подъ Парижемъ былъ раненъ въ лѣвую ногу. Въ Россію онъ вернулся подковникомъ; въ 1816 году назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба; въ томъ же году сдѣланъ генералъ-майоромъ, а въ слѣдующемъ — генералъ-адъютантомъ съ переводомъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части. Въ должности генералъ-квартирмейстера онъ сопровождалъ Александра I въ его путешествіяхъ по Россіи и заграницей (1816 — 1819 гг.), въ тоже время онъ былъ назначенъ членомъ военнаго комитета и комитета о военныхъ конныхъ заводахъ. Въ 1823 году

Меншиковъ снова перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а въ концѣ 1824 г. вышелъ въ отставку. Вторично вступилъ кн. А. С. Меншиковъ на службу уже въ новое царствованіе, и въ 1826 году назначенъ посланникомъ въ Персію, гдѣ, на короткое время, былъ задержанъ плѣнникомъ въ Эриванской крѣпости. Освобожденный вскорѣ же, участвовалъ въ сраженіи противъ Персіянъ и получилъ вторично званіе генералъ-адъютанта.

Въ 1828 году князь былъ переименованъ контръ-адмираломъ, и ему было поручено начальство надъ десантнымъ отрядомъ, для осады Анапы; за покореніе этой крѣпости сдѣланъ вице-адмираломъ, начальникомъ морскаго штаба и членомъ комитета министровъ. Командуя войсками при осадѣ Варны, онъ былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги ядромъ, что заставило его оставить театръ войны. По сдачѣ кр. Варны, онъ получилъ, въ память этого событія, одну изъ пушекъ крѣпости и Георгія 3-й ст. Въ 1830 г. Меншиковъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, а въ слѣдующемъ—финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, и въ этомъ званіи оставался до 1853 г. Въ 1853 г. онъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь.....

Назначенный 30-го сентября 1854 г. главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами въ Крыму, онъ состоялъ въ этомъ званіи до 28-го февраля 1855 г. Эта эпоха въ жизни князя, полная важныхъ событій, далеко еще не разъяснена исторіей. Много обвиненій пало на него въ неприятіи и мѣры противу вторженія непріятеля въ Крымъ, въ потерѣ сраженія при Альмѣ, въ неукрѣпленіи Севастополя; обвиненія эти нашли отголосокъ во многихъ сочиненіяхъ, относящихся къ эпохѣ восточной войны и въ Разныхъ матеріалахъ для исторіи обороны Севастополя, но, повторяемъ, участіе его во всѣхъ этихъ событіяхъ еще недостаточно выяснилось. Уволенный отъ управленія морскими вѣдомствами, которымъ онъ завѣдывалъ продолженіе 26-ти лѣтъ, князь былъ назначенъ кронштадтскимъ генералъ-губернаторомъ и въ этой должности находился до 6-го апрѣля 1856 г. Въ 1855 г. ему подаренъ каменный домъ въ Петербургѣ, на Англійской набережной. Въ 1866 г., по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его службы въ генеральскомъ званіи, получилъ портретъ Государя, украшенный алмазами, для ношенія на Андреевской лентѣ. Въ 1868 г. онъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за LX лѣтъ и умеръ 19-го апрѣля 1869 г., оставивъ по себѣ память высоко-образованнаго человѣка, отличавшагося рѣдкимъ остроуміемъ. Оцѣнка его административныхъ и воинскихъ заслугъ принадлежитъ исторіи, а важнѣйшимъ матеріаломъ при этой оцѣнкѣ должны, безъ сомнѣній, служить его собственноручныя письма и замѣтки: таковыя документы, въ особенности относящіеся къ роковой и въ то же время славной для русскаго народа борьбѣ 1853—1855 гг., во многомъ освобождаютъ память кн. Александра Сергѣевича Меншикова отъ безчисленныхъ нареканій и обвиненій пристрастныхъ современниковъ.

Представляемая нами письма кн. Меншикова, за весьма немногими исключениями, писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Мы печатаемъ эти документы въ переводѣ.

Читатели, конечно, замѣтятъ, что въ печатаемыхъ нами письмахъ Меншикова нѣтъ ни одной строки, относящейся до частныхъ дѣлъ князя; напротивъ, каждое слово принадлежитъ администратору, полководцу, дипломату, короче сказать эти документы суть полное достояніе исторіи и являются важнымъ для нея матеріаломъ.

Ред.

Одесскій рейдъ, 7-го іюня 1853 г.

Любезный князь, отправляю къ вамъ курьеромъ моего адъютанта, подполковника Сколкова, который передастъ вамъ дошедшія до меня вчера изъ Константинополя извѣстія, между прочимъ и отказъ Порты на предложенныя нами условія. Секретарь миссін, Балабинъ, возвратился изъ этой столицы сегодня утромъ вмѣстѣ съ архивами. Онъ оставилъ Турокъ, готовыхъ твердо выждать занятіе княжествъ. Займете-ли вы ихъ, спрашиваю я себя со вчерашняго дня, съ минуты полученія петербургской почты?

Сколкову даны отъ меня еще словесныя порученія къ вамъ. Преданный вамъ Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 9-го іюня 1853 г.

Любезный князь, въ отвѣтъ на вашу вопросъ я вамъ скажу мое убѣжденіе, что Турки не атакуютъ васъ, а, согласно съ вашимъ выраженіемъ, останутся по той сторонѣ Дуная въ созерцательномъ положеніи. Такъ совѣтовалъ имъ лордъ Редклифъ, говоря: „Не мѣшайте занятію княжествъ, оставайтесь спокойны и выжидайте: Европа вмѣшается въ дѣло и вы выиграете его“.

Очень жалѣю, любезный князь, что у васъ подъ командой ученикъ Куруты—Даненбергъ и генералы 5-го корпуса, въ которомъ еще не угасъ духъ Литовскаго корпуса.

Говорятъ, будто людей этого 5-го корпуса худо кормятъ и обкрадываютъ начальники ихъ; это особенно относится къ полку, командиръ котораго братъ генерала Лидерса, и въ которомъ болѣе всего насчитываютъ больныхъ. Однако все сказанное здѣсь не касается начальника штаба Непокойчицкаго, человѣка не безъ состоянія и честнаго.

Я далъ Озерову рекомендательное на имя ваше письмо. Онъ можетъ быть вамъ полезенъ по части редакціи дипломатическихъ бумагъ по дѣламъ Востока, который ему знакомъ; но за то онъ мало свѣдуецъ въ общей и европейской политикѣ. Его самолюбіе нѣсколько пострадало, когда, по прибытіи посла, ему пришлось играть второстепенную роль; и можетъ быть отзывы его о константинопольскихъ переговорахъ поэтому не будутъ чужды нѣкотораго раздраженія.

Что касается до г. С...., то это отличный переписчикъ, неспособный ни къ какому другому дѣлу.

Это письмо будетъ отправлено на почту завтра, по отъѣздѣ моемъ въ Николаевъ. Въ Одессу возвращусь 16-го, во дню прибытія поч-

тогого порохода изъ Константинополя, и я поспѣшу передать вамъ полученныя извѣстія.

Будьте такъ любезны, сообщайте мнѣ какія получите приказанія, если только они не будутъ составлять государственной тайны. Также весьма обяжете, давъ знать черезъ курьера о вашемъ вступленіи въ княжества, такъ какъ это свѣдѣніе будетъ для меня существенно важно.

Я призываю адмиралу Мессеру, командиру флотилии, явиться къ вамъ, какъ только онъ займетъ свой постъ. Я мало его знаю, но только то мнѣ извѣстно, что онъ..... какъ Ушаковъ Измаильскій. Весь вашъ Меншиковъ.

11-го іюня 1853 г.—Николаевъ.

(Весьма секретное). Любезный князь, ваше письмо изъ Петербурга отъ 31-го мая я получилъ только 12-го сего мѣсяца. Будьте увѣрены, что я постараюсь какъ можно поспѣшнѣе сообщить вамъ все, что только узнаю касательно настоящихъ обстоятельствъ. Мнѣ не были сообщены данныя вамъ инструкціи, но я полагаю, что онѣ основаны на программѣ, начертанной императоромъ и раздѣленной на три эпохи возможныхъ случайностей; копія съ нея была и мнѣ сообщена для руководства, нѣсколько дней тому назадъ. Вотъ что я предвижу и заключаю, или предполагаю: Турки спокойно допустить занятіе княжествъ; не будутъ ни вызывать, ни первые начинать враждебныя дѣйствія, полагаясь на обѣщанное лордомъ Редклифомъ вмѣшательство великихъ державъ. Въ случаѣ открытой войны, планъ ихъ, повидимому, будетъ состоять въ томъ, что-бы какъ можно болѣе удерживать насъ при осадѣ крѣпостей, не принимать сраженія, и при отступленіи сосредоточить всѣ силы защиты вокругъ столицы съ помощью иностранныхъ эскадръ. Безъ поддержки арміи нападеніе на Босфоръ было-бы дѣломъ рискованнымъ, да и невозможнымъ въ виду англо-французскаго флота, стоящаго въ Дарданелахъ. Невѣроятно, что-бы Австрія раздѣляла наши виды касательно мирнаго занятія части турецкой территоріи, развѣ-бы ей обѣщали долю въ дѣлѣхъ. Впрочемъ, занятіе Сербіи не можетъ обойтись безъ пролитія крови, такъ какъ турецкій гарнизонъ пяти крѣпостей не сдастъ ихъ безъ боя. Блокада Востора привела-бы только къ раззоренію помѣщиковъ нашихъ южныхъ губерній, отнявъ у нихъ возможность вывоза мѣстныхъ произведеній. Спросъ на пшеницу изъ-за границы очень значителенъ, такъ что его приходится удовлетворять втеченіе всей навигаціи.

Возстаніе славянскихъ племенъ—дѣло возможное, но у нихъ нѣтъ оружія. Греки не такъ легко подымутся, а что касается до духовен-

ства, включая сюда и патриарховъ, я полагаю, что они предпочтутъ турецкое господство, какъ допускающее имъ самыя вопіющія злоупотребленія. Яблоко еще не настолько созрѣло, что-бы можно было раздѣлить его между желающими; услужливые и заинтересованные въ дѣлѣ посредники не допустятъ до кровавой войны, въ тому-же бездѣльной. Надобно поэтому ожидать мирнаго разрѣшенія спора, и оно окажется въ чести нашей, если мы не понизимъ тона.

Знакомый уже вамъ Сколковъ вручить вамъ записку на счетъ возможнаго употребленія флотиліи. Одобрите-ли вы мои мысли, хотя-бы съ нѣкоторыми измѣненіями, все же не лишне будетъ послать кого-нибудь на мѣсто для объясненія начальникамъ различныкъ отрядовъ, какъ имъ поступать. Поэтому предлагаю вамъ отправить Сколкова въ Измаиль съ такими приказаниями, какія вы признаете необходимыми. Онъ можетъ затѣмъ возвратиться къ вамъ съ донесеніемъ объ исполненіи ихъ. Я отдаю его вамъ въ полное распоряженіе и особенно рекомендую его. Преданный вамъ Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 25-го іюня 1853 г.

Любезный князь, я получилъ вчера въ Николаевѣ ваше письмо изъ Леово (?) отъ 22-го числа. Я получилъ также ваши отношенія касательно флотиліи и плана вашего похода.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ вы мнѣ говорили, что не понимаете, отъ чего-бы судамъ флотиліи не вѣти на веслахъ? Они могутъ это сдѣлать, но противъ теченія это будетъ и медленно и трудно; это не балтійскія іолы. Ваши канонирскія лодки, палубныя суда, мореходныя, и по величинѣ равныя коммерческимъ судамъ среднихъ размѣровъ; разница только въ томъ, что онѣ очень низки. Въ итогъ— это пловучія батареи, которымъ нужно дать въ распоряженіе легкія суда для развѣдокъ, для дозора и ведеть; всѣ эти мѣры выполнять шлюпки Федорова.

Мы не можемъ отпустить ни единого человѣка для пополненія личнаго состава флотиліи, и мнѣ кажется, что въ настоящую минуту нѣтъ въ томъ и надобности, такъ какъ я не предвижу, что-бы потребовались за разъ всѣ ея 27 судовъ, развѣ-бы они понадобились въ замѣнъ понтоннаго моста для переправы черезъ Дунай, въ случаѣ поврежденія Бухмейерсваго моста.

Когда вы распорядились постановкой караульной дѣпи на водѣ и на сушѣ для охраны Дуная, въ то время положеніе дѣлъ было еще неизвѣстно. Я только что объѣхалъ весь берегъ до Галаца. Въ Четсѣ, Летсѣ и св. Георгія іолы потоплены. Карантинныя посты отчасти разрушены, караулни другихъ залиты водой, грозя ежеминутно

потопить находящихся тамъ 300 человекъ; и если Туркамъ вздумается ихъ захватить, то они легко увезутъ или вырѣжутъ ихъ на баркасѣ съ помощью 10 человекъ. Я только кое-гдѣ замѣтилъ шлюпки при этихъ караулахъ, отступление которыхъ возможно только съ двухъ концовъ линіи, простирающейся на 60 верстѣ, и эти-то два конца существенно важно охранять. Сторожевая канонирская лодка у оконечности дельты, образуемой Сулиномъ и св. Георгія, не можетъ быть подкрѣплена карауломъ на сушѣ, такъ какъ по близости нѣтъ сухаго мѣста, все подъ водою, и въ ночное время ее легко взять на абордажъ.

Изъ этого описанія вы поймете, любезный князь, что первоначальный проектъ диспозиціи требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій. Я обозначилъ ихъ предварительно въ Измаилѣ, а здѣсь сговорюсь съ Лидерсомъ, какъ поступить, такъ какъ вы дозволили ему дѣйствовать вполне согласно съ обстоятельствами.

Въ Измаилѣ я нашелъ всѣхъ въ тревогѣ по поводу предпринимаемаго будто-бы Некрасовцами нападенія на мостъ, съ 600 гребными судами, по 2 человекъ на каждомъ. Это нелѣпость. Имъ пришлось-бы проплыть 120 верстѣ для того, что-бы производить свои грабежи подъ огнемъ крѣпости, въ которой 2 т. человекъ гарнизона, да 20 канонирскихъ лодокъ въ засадѣ. Жители Тульчи и Исагчи могли-бы еще рѣшиться на морской разбой, но страхъ возмездія, которымъ такъ легко ихъ наказать, помѣшаетъ имъ предпринять что-либо внѣ пушечныхъ выстрѣловъ.

Увѣряли, будто гдѣ-то на берегу Дуная строятся батареи; я дважды проѣзжалъ мимо, и могу увѣрить, что до 21-го числа сего мѣсяца на всемъ пространствѣ не вскрыто ни пади земли. Только одинъ явный воинственный признакъ — это кавалерійскій пикетъ выше Тульчи, съ двумя полевыми орудіями и внѣ пушечныхъ выстрѣловъ рѣки. Весь лагерь состоитъ изъ одиннадцати палатокъ и 60 или 70-ти лошадей на коновязи.

Турецкій фрегатъ и бригантина крейсируютъ, встрѣчаясь съ нашими. Завидятъ другъ друга и сторонятся.

Завтра придетъ изъ Константинополя почтовый пароходъ. Я дождусь его и вмѣстѣ съ извѣстіями, которыя онъ привезетъ, отправлю и это письмо. Искренно вашъ Меншиковъ.

Потрудитесь прислать мнѣ экземпляръ вашихъ прокламацій, я ихъ не читалъ.

P. S. Я забылъ вамъ сказать, что мнѣ кажется лишнимъ это безпрерывное движеніе пароходовъ по всей линіи. Они и такъ будутъ нужны для буксировки, для перевозки провіанта, назначаемаго для

флотилии, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для наблюдений и рекогносцировки.

Сулинская гавань zagrożена купеческими судами, которыя не могутъ еще проходить мелководный баръ. Эти суда поставлены въ 5 и 6 рядовъ и занимаютъ пространство въ двѣ съ половиною версты. Ихъ должно быть отъ 300 до 400. Ихъ присутствіе служить охраною для самой гавани, такъ какъ экипажи этихъ судовъ, изъ коихъ нѣкоторыя вооружены, не позволяютъ нашимъ перебѣжчикамъ, съ противоположнаго берега, безнаказанно ограбить себя.

Берегите пароходы для важныхъ случаевъ; плохо будетъ, если они пострадаютъ, такъ какъ намъ нельзя будетъ замѣнить ихъ другими, которые глубже сидятъ въ водѣ.

Я только что прочелъ военныя распоряженія Θ — а касательно караульной цѣпи, вдоль по Дунаю. Это чистый вздоръ; нѣтъ никакой возможности содержать на этомъ берегу отряды въ 50 человекъ, потому что имъ негдѣ размѣститься. Эту линію можно оберегать только съ двухъ концовъ.

26-го іюня, въ 8 ч. утра. Сейчасъ пришелъ изъ Галаца пароходъ, командиръ котораго сообщаетъ мнѣ, что упомянутый мною кавалерійскій пикетъ близъ Тульчи исчезъ вмѣстѣ съ лагеремъ своимъ. Пароходъ австрійскаго Ллойда, 23-го числа, простоялъ два часа въ Галацѣ въ ожиданіи депешъ князя Гиви къ Портѣ. Слѣдовательно о занятіи вами княжествъ въ Константинополѣ узнали 25-го числа. Ожидаемый нами сегодня почтовый пароходъ долженъ былъ отплыть изъ этой столицы 24-го числа, такъ что мы при этомъ случаѣ не узнаемъ, какое впечатлѣніе произвело занятіе.

Въ 8 часовъ вечера. Прилагаю при семъ всѣ извѣстія и свѣдѣнія, дошедшія до меня втеченіе дня съ приходомъ почтовыхъ пароходовъ изъ Константинополя и Галаца. *М.*

Одесскій рейдъ, 27-го іюня 1853 г.

Сегодня утромъ получилъ ваше письмо, любезный князь, равно какъ и отношеніе отъ 25-го числа, которыя такимъ образомъ разбѣжались съ моимъ вчерашнимъ посланіемъ. Оказывается, что послѣднимъ я заранѣе отвѣтилъ на то, что вы мнѣ пишете сегодня.

Я сговорился съ Лидерсомъ на счетъ рѣчныхъ распоряженій, въ которыхъ онъ и дастъ вамъ отчетъ. Я нахожу, что они не только достаточны, но и лишни относительно Измаила, охраняемаго двумя батальонами, четырьмя канонирскими лодками близъ моста, который, впрочемъ, можно будетъ развести и двадцатью канонирскими лодками, скрытыми подъ валами крѣпости. За то необходимо вооружить

эту крѣпость, и я полагаю, что о томъ уже дано приказаніе. Надобно смотрѣть на рукава Дуная, какъ на длинныя дефилеи, не имѣющіе поперечныхъ сообщеній и требующіе охраненія съ обоихъ концовъ, изъ которыхъ можно будетъ выходить, и мѣры уже приняты. Въ крейсертвѣ большихъ канонирскихъ лодокъ нѣтъ надобности, но необходимо снабдить ихъ шлюпками для патрулей и для аванпостовъ большихъ рѣчныхъ карауловъ. Для этого годятся шлюпки Федорова, и онѣ-то собственно будутъ крейсировать. Я полагаю, вы можете вполне успокоить военное министерство относительно нижняго Дуная.

Въ Галацѣ понадобится брандвахта для полицейскаго надзора за купеческими судами. Объ этомъ я сговорюсь съ Лидерсомъ.

Озеровъ здѣсь; онъ отправитъ ваше письмо къ Решидь-пашѣ. Искренно вашъ Меншиковъ.

Р. С. Я отправляюсь въ Севастополь и Николаевъ, откуда буду періодически возвращаться для прихода и отхода почты въ Константинополь. Она приходитъ въ Одессу 6-го, 16-го и 26-го чиселъ каждаго мѣсяца, а отходитъ 10-го, 30-го и 31-го.

По вторичномъ прочтеніи вашего письма, любезный князь, я напелъ вопросъ: можно-ли будетъ имѣть подѣ Измаиломъ двѣ канонирскія лодки для стрѣльбы по морскимъ разбойникамъ. Ихъ тамъ 22, считая и тѣ, которыя расположены у моста, и изъ нихъ можно бы составить еще резервъ изъ двухъ дивизионовъ, которыхъ пароходъ отводилъ бы на помощь постовъ, случайно нуждающихся въ нихъ. (Дивизионъ состоитъ изъ 4-хъ лодокъ и дѣлится на 2 взвода).

Извините за несвязное изложеніе этого письма.

Николаевъ, 9-го іюля 1853 г.

Любезный князь, по вашему приказанію, Лидерсъ спрашиваетъ меня, нельзя-ли послать въ Браиловъ двѣ канонирскія лодки въ обезпеченіе вашихъ сообщеній черезъ Текучи, на случай нападенія партій съ того берега Дуная? Нѣтъ-ли во всемъ этомъ недоразумѣнія?

Привалъ къ берегу непріятельской партіи на разстояніи 80-ти верстъ отъ коммуникаціонной линіи, безъ помощи кавалеріи, чего и предполагать нельзя, былъ бы напрасенъ, и вышелъ-бы одинъ разбой, если-бъ допустилъ до этого Браиловскій гарнизонъ, или имѣющійся тамъ, вѣроятно, мѣстный казацкій пикеть.

Отвѣчаю Лидерсу, что на всякій случай:

1) Я согласенъ часть флотилии, назначенной въ Галацъ, отрядить въ воды Браилова и поставить обсерваціоннымъ постомъ противъ устья Мачинскаго рукава, этого единственнаго пути, по кото-

рому неприятель можетъ пройти водою, не будучи замѣченъ издали. Нельзя предполагать появленіе его по большому рукаву, такъ какъ отъ Силистріи пришлось бы неприятелю открыто плыть нѣсколько дней вгладу.

2) Я также не прочь оставить въ Галацѣ брандвахту для полицейскаго надзора по рѣкѣ и за купеческими судами, хотя эта гавань не слабо защищена постами, расположенными ниже ея; а выше, гавань будетъ защищена постами, которые разставятъ близъ Браилова.

Я возвратился сюда больной, страдая мочевымъ пузыремъ и оттого съ трудомъ могъ написать эти строки, и то не сказавъ всего, что хотѣлось бы передать. Прощайте. Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 16-го іюля 1853 г.

Не примите меня, по сходству, за вѣчнаго жида, получая отъ меня письма съ разныхъ концовъ. Я прибылъ сюда для полученія, или, лучше сказать, для прочтенія извѣстій изъ Константинополя, такъ какъ я нахожусь вѣ дипломатической области.

Озеровъ передастъ вамъ то, что онъ получилъ официальнаго, а мои извѣстія состоятъ въ прилагаемомъ при семъ рапортѣ командира нашего парохода и въ томъ, что посвященные въ дѣло люди пишутъ, будто Австріи удалось заставить Порту принять редакцію требуемой нами отъ нея ноты, но съ условіемъ, что-бы и съ нашей стороны была нота съ увѣреніемъ, что мы не имѣемъ намѣренія посягнуть на достоинство и верховную власть султана.

Въ Эрзерумѣ Турки успѣли собрать 10 т. человекъ пѣхоты, а Воронцовъ извѣщаетъ меня, что, въ случаѣ столкновенія, онъ можетъ противопоставить имъ только три баталіона. Онъ старается разставить вдоль границы мѣстное ополченіе.

Такъ какъ вы занимаете все теченіе Дуная, то вамъ легко будетъ, любезный князь, узнать, есть-ли у Турокъ вооруженная флотилія? Говорили, будто въ Видинѣ стоятъ нѣсколько канонирскихъ лодокъ, но я никакъ не могъ провѣрить, такъ-ли это, и прошу васъ на этотъ счетъ меня извѣстить. Прощайте. Меншиковъ.

На дорогѣ изъ Николаева въ Одессу, 25-го іюля 1853 г.

Любезный князь, я получилъ ваши отношенія, какъ рускія, такъ и французскія, касательно отвѣта Решида-паши и назначенія въ вашъ штабъ морскаго офицера. Я могу извѣстить васъ официально только по-русски, ибо не имѣю никого, кто бы могъ писать на-чисто по-французски.

Я назначилъ къ вамъ въ штабъ лейтенанта 29-го флотскаго эки-

пажа, лейтенантъ Граве. Онъ малый понятливый, и я надѣюсь вы останетесь имъ довольны.

Я приказалъ ему, проѣздомъ въ Бухарестъ, побывать въ Измаилѣ, Галацѣ и Браиловѣ, для осмотра флотиліи и положенія ея отрядовъ.

Что касается до принятыхъ вами мѣръ къ воспрещенію военнымъ судамъ подыматься выше устья Прута, то это заставитъ думать о какомъ-то особенномъ снисхожденіи къ Туркамъ. Рѣчная стража есть мѣра нераздѣльная съ занятіемъ гавани, находящейся на самой этой рѣкѣ, а разъ—тутъ стража, то очень понятны ея сношенія съ мѣстностями, снабжающими ее провіантомъ; между тѣмъ эти мѣстности и ихъ магазины находятся внѣ выстрѣловъ турецкихъ крѣпостей, такъ что, по мнѣ, наши пароходы могутъ смѣло идти вверхъ по теченію до Браилова.

Кромѣ того, можно воспользоваться и флагомъ. „Ординарецъ“ можетъ спрятать свои орудія, которыя у него небольшого калибра, въ трюмъ и поднять транспортный флагъ, а не то почтовый, подъ которымъ ходятъ русскіе пароходы, идущіе въ Галацъ, или наконецъ поднять купеческій флагъ. Также можетъ поступить и „Сулинъ“.

Мнѣ кажется, что отвѣтъ Решид-паши требуетъ возраженія, съ которымъ можно бы обратиться къ Омеръ-пашѣ, или къ сераскиру, въ Силистрію. Сказать, что въ отвращеніе всякаго столкновенія или недоразумѣнія между вооруженными силами обѣихъ странъ, наши суда не станутъ подходить къ району турецкихъ крѣпостей; но что занятіе обѣихъ входовъ въ княжество, находящихся тоже внѣ этого района, необходимо требуетъ и рѣчной стражи, или аванпостовъ, какъ слѣдствія занятія, безъ чего это занятіе будетъ неполное; а если Порта, не терпящая отъ насъ помѣхи въ своихъ сообщеніяхъ, вздумаетъ воспрепятствовать нашимъ ниже Браилова, то мы съумѣемъ не допустить ее до этого.

При этомъ случаѣ вы припомните, любезный князь, извѣстное сообщеніе канцлера, допускающее свободное плаваніе турецкихъ судовъ подъ военномъ флагомъ.

Замѣтьте также, что, начиная отъ Исакчи до Гирсово, на большомъ рукавѣ Дуная съ турецкой стороны, нѣтъ ни единого жилья, и слѣдовательно, если съ одной стороны некому грозить, то и съ другой точно также не приходится угрожать. Очевидно Решидъ-паша имѣлъ въ виду главнѣйше Силистрію, когда онъ ссылался на тракаты, теперь уже недействительный въ виду занятія княжествъ.

Я высказываю вамъ эти мысли, любезный князь, какъ старому товарищу, который и въ такомъ случаѣ не осердится, если онъ покажется ему бредомъ.

Я отправлюсь на день въ Одессу, на два — въ Севастополь, а съ 1-го на 2-е ч. августа возвращусь въ Николаевъ. Мочи нѣтъ болѣе отъ ожиданія, скуки и зноя. Искренно вашъ Меншиковъ.

P. S. Сообщите, что знаете, или провѣдаете, о константинопольскихъ переговорахъ. Нахожусь въ полномъ невѣдѣннн, подобно корреспондентамъ моимъ въ Перѣ, которые сообщаютъ мнѣ только мало-интересныя новости.

Одесскій рейдъ, 27-го іюля 1853 г.

Изъ константинопольскихъ газетъ видно, что 23-го іюля Порта, чрезъ посредство Австріи, отнеслась въ нашему кабинету съ нотой, или только съ проектомъ ея, составленнымъ сообща представителями четырехъ великихъ державъ.

Вотъ переводъ этой бумаги, хотя не ручаюсь за вѣрность содержанія; по мнѣ она не можетъ быть принята. Собирая ея съ турецкимъ манифестомъ, подписаннымъ 60-ю сановниками (вы, вѣроятно, прочли его въ газетахъ), съ отвѣтомъ Рещидъ-паши на ваше письмо и съ отозваніемъ господарей (если только это правда); я вижу мало надежды на соглашеніе, и я держусь упорно мысли, что вамъ слѣдовало-бы дать турецкимъ властямъ отвѣтъ въ строгомъ смыслѣ.

Онѣ ждутъ изъ Петербурга въ 1-му (12) августа, или около этого времени, рѣшительнаго да или нѣтъ. Изъ военной официальной газеты вамъ придется первому узнать окончательное рѣшеніе нашего кабинета, и я надѣюсь, что вы мнѣ его сообщите.

Мы снимаемся съ якоря и отплываемъ въ Севастополь. Прощайте. Меншиковъ.

Николаевъ, 4-го августа 1853 г.

Благодарю васъ, любезный князь, за письмо отъ 29-го іюля (11-го августа), въ которомъ сообщаете ходъ константинопольскихъ переговоровъ.

Вы просите меня прислать вамъ перекладины и настилку для устройства моста изъ канонирскихъ лодокъ. У насъ ничего этого нѣтъ, а что имѣется въ этомъ родѣ, было сдѣлано единственно для опыта переправы черезъ рѣку посредствомъ подобныхъ судовъ.

Мнѣ кажется, что, отозвавъ господарей, Порта поступила необдуманно; она такимъ образомъ добровольно отдастъ намъ въ руки управленіе княжествами.

Если въ числѣ дипломатовъ вашей главной квартиры находится юрисконсультъ, то потрудитесь справиться у него, для моего личнаго свѣдѣнія, о слѣдующемъ: если консулъ спустилъ свой флагъ, то должно-ли или можно-ли смотрѣть на него, какъ на отказавшагося отъ своей должности и отъ своихъ правъ, и если послѣ этого онъ вступаетъ въ

число частныхъ путешественниковъ или мѣстныхъ обывателей, то можно его и выслать изъ страны, безъ уваженія къ его званію консула, какъ-бы уже снятому имъ съ себя? Этотъ вопросъ занималъ меня въ прежнее время, а теперь мнѣ его напомнили консулы союзниковъ султана.

Я не нахожу неудобства въ обращеніи небольшого военного парохода въ портовое или въ транспортное судно, если разоружить его. Такъ бывало дѣлали. Такимъ образомъ провели мы черезъ Дарданелы и Босфоръ, заказанные въ Англии, четыре паровые фрегата; такъ поступимъ впередъ и мы, или, вѣрнѣе, Англичане, когда они подвезутъ намъ еще два, заказанные у нихъ, винтовые корвета. Впрочемъ, всякое судно, вооруженное, или не вооруженное, и подъ какимъ бы ни было флагомъ можетъ идти безбоязненно въ Галацъ, дома котораго видны съ устья Прута и изъ Ренни. Простирающійся между этими двумя городами турецкій берегъ—ничто иное, какъ болото, на которомъ не отыщется квадратной сажени твердой почвы для постройки не только батареи, но даже простого жилья. А молдаванскій берегъ все равно что не существуетъ, такъ какъ оба названные города раздѣляетъ огромное пространство воды.

Примите, любезный князь, увѣреніе въ моей старинной и искренней дружбѣ. Меншиковъ.

P. S. Довольны-ли вы лейтенантомъ Граве?

Николаевъ, 12-го августа 1853 г.

Сегодня вечеромъ только, любезный князь, я получилъ ваше письмо отъ 7-го числа съ обыкновенной почтой, а какъ она вслѣдъ затѣмъ отходила, то я успѣлъ лишь приложить къ письму моему къ Озерову пресловутый и неудовлетворяющій европейскій ультиматумъ, для передачи вамъ, если вы не получали его непосредственно отъ канцлера, который прислалъ мнѣ его съ сегодняшнею-же почтою.

Прилагаю списокъ нашимъ судамъ въ Черномъ морѣ, а вскорѣ пришлю также списокъ англійскимъ и французскимъ судамъ, стоящимъ въ Безикѣ.

За неимѣніемъ случая отправить къ вамъ это письмо изъ Николаева, я вышлю его изъ Одессы, куда сейчасъ отправляюсь. Искренно вашъ Меншиковъ.

Распечатываю письмо, что-бы сказать вамъ, любезный князь, что эти строки вручить вамъ тотъ фельдъегерь, который мнѣ привезъ ваше письмо отъ 10-го (22) числа. Новаго ничего не имѣю сообщить.

Завтра, 14-го числа, буду въ Одессѣ.

Николаевъ, 13-го августа.

Николаевъ, 21-го августа (2-го сентября) 1853 г.

Любезный князь, отвѣчаю на ваше письмо отъ 15-го (27) числа, доставленное мнѣ Поповымъ.

У насъ нѣтъ достаточно средствъ для выполненія всѣхъ со- оруженій, и потому принуждены были взять въ помощь подрядчика. Только ему возможно будетъ построить желаемыя вами казацкія лодки. Онъ предупредилъ меня, что возьмется ихъ поставить по 800 рублей за штуку, или болѣе или менѣе. Въ такомъ случаѣ адмиралтейство доставить 3-хъ фунт. фальконеты со станками, приборниками, бан- никами и боевыми снарядами. По морской смѣтѣ эти канониры обхо- дятся въ 870 р. каждая.

На Кавказѣ такія лодки строятся на счетъ корпуса Воронцова. Въ концѣ-концовъ остается только выдать деньги или вашимъ ин- тендантствомъ, или-же военнымъ министерствомъ, смотря по желае- мому вами числу лодокъ. Николаевское адмиралтейство пусть заклю- чаетъ контрактъ съ подрядчикомъ, наблюдаетъ за постройкой, во- оружить лодки и потомъ на буксирѣ отведетъ ихъ въ Дунай. Кон- чится война, или военное положеніе, тогда можно будетъ сдать эти суда или въ кавказскій корпусъ, или вѣрному войску и въ каран- тины Федорова. А флоту онъ не нужны.

Что касается до пароходовъ, то я могу отпустить вамъ „Ме- теоръ“, вооруженный четырьмя 18-ти фунт. пушками, а въ Сулинѣ у васъ есть „Сулинъ“, въ вѣдѣніи Федорова, для портовыхъ работъ, но онъ долженъ быть, конечно, въ вашемъ распоряженіи на всевоз- можные крайніе случаи.

Если вслѣдствіе какого-либо новаго оборота въ турецкомъ вопросѣ дойдутъ до васъ изъ Петербурга новыя приказанія, или изъ Вѣны какія-либо свѣдѣнія, то я васъ прошу сообщить мнѣ ихъ. А я, съ своей стороны, тѣмъ же вамъ услугу. Прощайте, любезный князь. Меншиковъ.

Николаевъ, 21-го августа (2-го сентября), вечеромъ.

Я писалъ вамъ сегодня утромъ, любезный князь, и письмо мое было уже отправлено, когда я получилъ ваше, черезъ Лидерса, отъ 18-го числа.

Благодарю васъ очень за всѣ сообщенія. Не могу скрыть отъ васъ моего удивленія тому, что Мейендорфъ считаетъ перемѣны въ лек- ствѣ незначущими; напротивъ, я нахожу ихъ и значительными, и дерзкими. Если онъ будутъ приняты, то намъ придется молчать отно- сительно религіознаго вопроса въ Константинополь, тѣмъ болѣе, что этотъ баронъ, по неосторожности, ... согласился на уступку свѣт-

скихъ преимуществъ греческаго духовенства, ссылаясь на редакцію ультиматума. Тамъ говорится только о духовныхъ правахъ, т. е. о правѣ служить обѣдню, а намъ воспрещается протестовать противъ вымогательствъ, которыми станутъ притѣснять всю православную духовную іерархію, и противъ предполагаемаго ограбленія нашихъ епископовъ въ пользу Армянъ католическихъ.

Предъ отплытіемъ изъ Константинополя, я формально протестовалъ противъ частной гарантіи чисто-духовныхъ правъ, потому что чрезъ это были бы утверждены и остальные права духовенства, какъ вы это усмотрите изъ прилагаемой копии, если только вамъ еще неизвѣстно ея содержаніе. Искренно вашъ Меншиковъ.

Копія ноты на имя Рашидъ-пашы.

9-го (21) мая 1853 г., изъ Бузудере.

„Въ минуту отплытія изъ Константинополя, нижеподписавшійся русскій посоль узналъ, что Высокая Порта обнаруживаетъ намѣреніе объявить гарантію духовныхъ правъ духовенства восточной церкви, гарантію, ставящую такимъ образомъ въ сомнѣніе права его на прочія преимущества, которыми оно пользуется.

„Не вникая въ причины такой мѣры, нижеподписавшійся считаетъ себя обязаннымъ довести до свѣдѣнія его превосходительства, г. министра иностранныхъ дѣлъ, что всякаго рода актъ, которымъ объявлялась бы неприкосновенность духовныхъ правъ православнаго вѣроисповѣданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ умалались бы прочія права, преимущества и льготы его духовенства, неотъемлемныя у него съ древнѣйшихъ временъ по сей день, будетъ принятъ императорскимъ кабинетомъ за дѣйствіе, враждебное Россіи и ея религіи.“

Р. С. Къ вчерашнему письму.

Я только что прочелъ корреспонденцію изъ Константинополя, въ которой говорится, будто Фуадъ-эфенди, въ бывшемъ 13-го (25) числа совѣтѣ, предлагалъ объявить вамъ чрезъ Омеръ-пашу, что-бы вы очистили княжества въ двухнедѣльный срокъ, а въ противномъ случаѣ оружіе рѣшить вопросъ. Ну, не хвастуны-ли они?

На берегу противъ Сатуново равняють мѣстность, вѣроятно для батарек, но еще не видать насыпи для парапета.

Лидерсъ передалъ мнѣ ваше письмо изъ Бузео, отъ 13-го и 14-го сего мѣсяца, такъ какъ и франконскую ноту. Я очень вамъ благодаренъ за эту посылку, потому-что едва-ли получу ее изъ Петербурга.

Эта нота была уже извѣстна въ Константинополь, когда отходилъ послѣдній пароходъ, и газеты уже потрудились истолковать ее

какъ произнесенный надъ нами приговоръ. Я очень доволенъ тѣмъ что текстъ у меня полный, тогда какъ въ газетахъ онъ помѣщенъ съ пропусками.

Я не думаю, что-бы эта нота повела къ новой complication; обмѣнятся по поводу ея посланники въ Парижъ и Петербургъ разными намеками и сдадутъ въ архивъ, а константинопольскіе переговоры пойдутъ своимъ чередомъ, независимо отъ ноты этой обычной принадлежности положенія дѣлъ.

Я полагаю, что всѣ желаютъ мира, не именно ради его, а потому, что не готовы къ войнѣ. Но если это положеніе продлится до будущаго года, и Наполеонъ еще благополучно процарствуетъ, тогда война неизбежна.

Ваше письмо разбѣжалось съ моимъ, въ которомъ я распространяюсь о флотиліи и о мостѣ. Искренно вашъ Меншиковъ. Возвращаюсь въ Николаевъ.

Одесскій рейдъ, 17-го (27-го августа?) 1853 г.

2-й Р. С. Лидерсъ только что прочелъ мнѣ отношеніе Долгорукаго къ вамъ; тамъ не говорится собственно о крейсертвѣ, но о занятіи и окончательныхъ мѣрахъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, о которыхъ мы сговорились съ генераломъ.

Я составилъ счетъ людямъ, остающимся на судахъ по отдѣленіи канонирскихъ лодокъ, вышедшихъ въ Сулинь и къ Чатальскому мысу и дополненныхъ другими лодками, и оказывается, что на послѣднихъ только по 14 человекъ. Необходимо поэтому усилить экипажи, а именно: можно-бы туда послать людей изъ таможенной стражи и казаковъ, бесполезныхъ при ней, если вы не можете дать пѣхоты или гарнизонныхъ канонировъ.

Николаевъ, 4-го сентября 1853 г.

Любезный князь, если я вамъ нѣкоторое время не писалъ, то по причинѣ множества занятій. 26-го августа я получилъ приказаніе—принять начальство надъ 13-ю дивизіею и прибрежною линіею Чернаго моря, независимо отъ Воронцова, и вторгнуться въ Натуххай: выгнать оттуда жителей, а на Адагумъ поставить кордонъ укрѣпленныхъ карауловъ.

Я уже дѣлалъ сборы къ походу, какъ послѣдовала отиѣна приказанія и сдѣланы другія распоряженія.

Мнѣ поручаютъ за-разъ перевести въ Сухумъ-Кале 16 баталіоновъ 13-й дивизіи съ артиллеріею и со всѣмъ ея обозомъ, 1,660 лошадей, запасъ фуража на 26 дней, въ незавоеванные предѣлы Грузіи, и 2 тысячи четвертей овса; и въ то же время отправить изъ Одессы въ Севастополь одну бригаду 14-й дивизіи съ двумя батаре-

ями. Все это во время осенняго равноденствія. Не стану распростра-
няться объ этой новѣйшей армадѣ, но вы поймете, какъ отяготи-
тельна частная переписка; моя же канцелярія состоитъ изъ одного
унтеръ-офицера—писаря.

Воронцовъ написалъ мнѣ ужасающее письмо, требуя безотлага-
тельно выслать означенную выше дивизию на случай грозящей войны.
По немъ Турки очень сильны; у него же для отраженія ихъ только
четыре баталіона; ими онъ долженъ пополнить гарнизоны крѣпо-
стей, а „предмѣстья ему нечѣмъ защитить“.

Но объ этомъ ни слова, такъ заключаю письмо. Прощайте. М.

Николаевъ, 8-го (20) сентября 1853 г.

Любезный князь, я получилъ вчера въ одно время оба ваши
письма, отъ 1-го и отъ 4-го сентября. Сейчасъ же принималъ фельдъ-
егера, привезшаго приказаніе—немедленно отправить 13-ю дивизию
въ Сухумъ. Я начинаю сбиваться съ толку, и имѣю только время
увѣдомить васъ о полученіи вашихъ писемъ и сообщить вамъ, что
флотъ не въ состояніи снабдить васъ якорями и тѣмъ несмѣтнымъ
количествомъ снастей, котораго требуетъ Бухмейеръ. Требованія
этого ..... инженера просто непозволительны: какъ требовать изъ
Николаева сваебойной машины, когда въ инженерной командѣ въ
Измаилѣ должны быть лишнія?

Пароходы „Андіа“ и „Дарго“ перевозятъ почту, и не зависятъ
отъ меня, хотя экипажи и взяты изъ матросовъ морского штата. Но,
въ случаѣ надобности, я могу вамъ дать „Дунай“, послѣ перевозки
13-й дивизіи въ Сухумъ-Кале.

Прощайте, любезный князь, иду хлопотать съ своей дивизіей.
Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 13-го сентября 1853 г.

Я здѣсь мимоходомъ и на самое короткое время, любезный князь,
тороплюсь въ Севастополь сажать на суда 13-ю дивизию.

Возвратился изъ Бреста посланный мною туда курьеромъ одинъ
изъ моихъ адъютантовъ. Онъ выѣхалъ оттуда 8-го числа. Суть но-
востей та, что Австрія дала Портѣ десять дней сроку, для принятія
ультиматума безъ измѣненій. Если Турки не уступятъ ему, то вѣн-
скій кабинетъ прекратитъ свое посредничество и приметъ энерги-
ческія мѣры (?), смотря по обстоятельствамъ. Въ Брестѣ ожидали
отвѣта черезъ недѣлю.

Я обращаю ваше вниманіе на чрезмѣрные прошедшія и настоящія
требованія Бухмейера для существующаго и для будущаго мостовъ.

Количество требуемых от флота снастей составляет 28,945 сажень! Этим можно оснастить цѣлый флотъ.

Между прочими предметами требуютъ отъ адмиралтейства такихъ, которые можно добыть на мѣстѣ, какъ то:

Шлюпочные вьюки. Подумаешь, въ Валахиі не отыщешь шестовъ! Оковать же ихъ могутъ кузнецы-цыгане въ Бухарестѣ, въ одинъ сутки.

Горбыли для отпора льдинъ отъ канатовъ. Это простые куски дерева, все равно какой формы, которые прикрѣпляются веревками къ канату. Для этого годится всякое полѣно, всякій обрубокъ бревна, даже связки хворосту. Стоитъ-ли это перевозки?

Буйки. Для этого годится всякій пловучій обрубокъ. У насъ ихъ не было никогда на мостахъ съ 1810 г.

Каперъ. Въ инженерной командѣ, въ Измаилѣ, должны быть и обязательно имѣть такіа.

Я такого мнѣнія, что если есть время до весны, то хорошо было бы на частныхъ херсонскихъ верфяхъ построить, втеченіе зимы по подряду, необходимые понтоны, съ настилкою и всѣмъ такелагомъ, на мѣсто никуда негоднаго моста, построеннаго вашимъ главнымъ инженеромъ.

Наши морскіе запасы истощены, такъ что мы можемъ пожертвовать вамъ, въ случаѣ нужды, только старыя бракованныя снасти.

Прощайте, недосугъ. Меншиковъ.

1-го октября 1853 года.

Милостивый государь, князь Михаилъ Дмитріевичъ,¹⁾ получивъ извѣстіе о скорой и неизбѣжной войнѣ, и полагая, что вы, съ своей стороны, получили уже требованіе Омеръ-паши—вывести войска изъ княжествъ, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство сообщить мнѣ то, касательно военныхъ дѣйствій вамъ вѣроятно предстоящихъ, и вами предположенныхъ, что вы почтете за нужное, что-бы мнѣ имѣть для своихъ соображеній.

Отвѣтъ вашего сіятельства не благоугодно-ли будетъ передать мнѣ чрезъ квартирмейстера 14-й пѣхотной дивизіи, подполковника Залѣскаго, котораго съ этою цѣлью къ вамъ посылаю.

Прошу васъ принять увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и совершенной преданности. Меншиковъ.

P. S. Нѣтъ-ли вѣстей, любезный князь? Я въ совершенномъ невѣдѣніи всего; слышалъ только объ отъѣздѣ императора въ Берлинъ.

¹⁾ Оригиналъ этого письма писанъ по-русски, прочихъ-же писемъ—по-французски.

23-го числа 13-я дивизія уже высадилась въ Редуть-Кале. При мнѣ нѣтъ ни адъютанта, ни курьера, всѣ въ разсылѣ, вотъ почему посылаю подателя этого письма.

Одесса, 7-го октября 1853 г.

Сейчасъ узнаю, любезный князь, что Озеровъ отправляетъ къ вамъ курьера съ вѣстями изъ Константинополя; поэтому не стану объ нихъ распространяться, а только отвѣчу вамъ на вопросъ вашего послѣдняго письма отъ 2-го (14) числа. Вы спрашиваете: „Какъ намѣрены вы поступить въ случаѣ объявленія войны?“ На это скажу, что я не желаю ничего предпринимать втеченіе зимы, которая только причинитъ изъязъ экипажамъ и судамъ, если-бъ имъ пришлось крейсировать; но я не прочь отъ нападенія на Батумъ, если сочтутъ его нужнымъ. А пока, до зимы, я назначу 4 корабля, 2 фрегата и одинъ паровой фрегатъ, въ крейсерство между берегами Крыма и Анатолиі, поближе къ послѣдней, для того, что-бы, при открытіи враждебныхъ дѣйствій, эскадра имѣла возможность пресѣкать сообщенія Турокъ и ихъ каботажъ.

Я позабочусь о старательномъ сооруженіи вашихъ патрульных лодокъ для Дуная, и вы можете положиться на мое усердіе во всему, что можетъ клониться къ вашей пользѣ и удобствамъ.

Весьма меня обяжете сообщеніемъ новыхъ предложеній съ цѣлью соглашенія, сдѣланныхъ Туркамъ вслѣдствіе Олмюцскихъ переговоровъ. Я нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи того, что тамъ происходило. Искренно вашъ, любезный князь. Меншиковъ.

Одесса, 12-го октября 1853 г.

Любезный князь, вчера вечеромъ я получилъ ваше письмо отъ 7-го числа, такъ какъ и отношеніе отъ того же числа.

Письмо содержитъ въ себѣ три просьбы: прислать въ Измаилъ два парохода; устроить крейсерство для защиты устьевъ Дуная, и наконецъ, сообщить вамъ, что я намѣренъ предпринять съ нашимъ флотомъ.

На послѣднее я не отвѣчу, а сошлюсь на то, что я говорилъ вамъ въ письмѣ посланномъ третьяго дня.

Касательно пароходовъ я вамъ скажу, что, узнавъ два дня тому назадъ (ибо здѣсь все знаютъ), что хотятъ перевести изъ Измаила въ Браиловъ восемь канонирскихъ лодокъ на буксирѣ, я счелъ полезнымъ послать пароходъ въ первый изъ этихъ городовъ, такъ, на всякій случай, и я поручилъ генералу Фодорову отправить „Сулинъ“, который, я думаю, завтра же придетъ къ мѣсту своего назначенія.

Генералу Лидерсу я отдалъ также въ распоряженіе „Метеоръ“,

находящійся въ Николаевѣ, куда я намѣренъ отправиться завтра. Не могу вамъ отсюда сказать, можно-ли будетъ на это судно поставить орудія большого калибра.

Что касается защиты устьевъ Дуная, то она возможна только на сушѣ, съ подерѣвленіемъ рѣчныхъ канонирскихъ лодокъ. Устье св. Георгія можетъ быть защищено только со стороны оконечности дельты, по направленію въ Тульчѣ. Сулинское же устье можетъ удобно быть защищено редутомъ на лѣвомъ берегу, на вдающемся въ море мысу, откуда можно обстрѣливать морской берегъ, противоположный берегъ рѣки и самое ея теченіе. Въ этой самой мѣстности стояла нѣкогда турецкая батарея. Этотъ пунктъ, по мнѣ, можетъ сдѣлаться неприступнымъ, если занять его двумя ротами, изъ которыхъ одна оставалась-бы въ редутѣ, а другая, между тѣмъ, отдыхала бы въ карантинныхъ строеніяхъ. Это войско было бы вполне защищено отъ нечаяннаго нападенія, такъ какъ ихъ раздѣляла бы вся ширина Дуная, а отступление его было бы обезпечено неприступностью острова Лети со стороны моря, и также удобнымъ сообщеніемъ съ Килиєю.

Занимаясь укрѣпленіемъ этого пункта, генераль Лидерсъ просилъ меня отпустить ему семь пушекъ. Я распорядился о доставленіи ихъ генералу съ офицеромъ, который можетъ обучить таможенную или карантинную стражу, какъ заряжать и дѣйствовать орудіями. На здѣшней биржѣ распространился было слухъ, будто вы намѣрены оставить это мѣсто, и возбудилъ здѣсь нѣкоторое смятеніе, потому что Сулинъ мѣстечко съ тысячею жителей, церковью и маякомъ, и боялись, что-бъ не попался въ руки Турокъ. Въ мѣстечкѣ, расположенномъ на правомъ берегу, есть хорошенькіе дома, но обыватели рѣшились защищаться, что и возможно съ помощью брандвахты, двухъ канонирскихъ лодокъ, которыхъ вы тамъ имѣете, и редута, поставленнаго на другомъ берегу.

Нападеніе не можетъ состояться ни большими, ни малыми военными судами, развѣ появились бы съ рѣки самія мелкія суда, но это кажется мнѣ невѣроятно. Стало быть слабымъ пунктомъ была бы сторона, обращенная къ сушѣ, противъ острова св. Георгія; но ее можно укрѣпить прорѣзомъ почвы и защищать огнемъ съ помянутаго, расположеннаго на противоположномъ берегу, редута, да съ сторожеваго судна и съ канонирскихъ лодокъ.

Слѣдовательно крейсерство мало принесетъ пользы въ защиту устьевъ Дуная, но такъ какъ важно не допускать туда появленія непріятеля, то я велю эскадрѣ изъ трехъ большихъ пароходовъ или фрегатовъ стать въ виду Одессы, что-бъ ей оттуда заглядывать въ этотъ уголокъ Чернаго моря, отдаленный отъ нашихъ портовъ.

Фельдъегерь, отправившійся изъ Петербурга 3-го числа, привезъ мнѣ только рескриптъ, съ выраженіемъ удовольствія за быстрый перевозъ 13-й дивизіи въ Редуть-Кале. Почта отъ 4-го числа тоже не принесла ни вѣстей, ни инструкцій на случай, которые можетъ породить настоящее положеніе. Между тѣмъ, 1-го октября въ Петербургѣ было уже извѣстно рѣшеніе Порты—заставить насъ очистить княжества.

Потрудитесь, любезный князь, сообщить мнѣ какія получите приказанія, равно и о томъ, что вы предпримите, а я отплачу вамъ тѣмъ же, съ полнымъ довѣріемъ и по дружбѣ. Меншиковъ.

Въ Ньюлавѣ, 15-го октября 1853 г.

М. г. князь Михаилъ Дмитриевичъ.¹⁾ Происшедшая на Дунаѣ битва произвела во мнѣ недоумѣніе: почитать-ли ее началомъ военныхъ дѣйствій, или только исполненіемъ угрозъ Омеръ-пашы, въ случаѣ прохода нашихъ судовъ мимо турецкихъ крѣпостей, и сіе недоумѣніе останавливаетъ меня дать приказаніе морскимъ силамъ нашимъ, при встрѣчѣ съ Турками, нападать на нихъ ежели сами не будутъ атакованы.

Поэтому обращаюсь къ в. пр. съ просьбою. Когда вы получите повелѣніе почитать войну дѣйствительно начавшеюся, или ее сами признаете таковою, по вашимъ инструкціямъ, не оставьте меня безъ соотвѣтственнаго обстоятельства увѣдомленія.

Для скорѣйшаго полученія сего извѣстія, отправляю къ в. с. 32-го экипажа лейтенанта Попова, котораго не угодно-ли вамъ будетъ, въ свое время, прислать обратно ко мнѣ курьеромъ, съ тѣмъ, что вы признаете нужнымъ сообщить, а также и передать черезъ сего офицера словесно. Примите, м. г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Его сіятельству князю М. Д. Горчакову.

До сихъ поръ ни слова не знаю о нашемъ политическомъ положеніи; ужъ не ждутъ-ли результата какого-нибудь новаго предложенія?

А между тѣмъ въ Кронштадтѣ и по берегамъ Финляндіи и Эстляндіи принимаютъ окончательныя мѣры. Меншиковъ.

15-го октября.

¹⁾ Подлинникъ письма писанъ по-русски; прочіе писемъ—по-французски.

Севастополь, 2-го ноября 1853 г.

Я положительно не знаю, любезный князь, на каких данных основана надежда на перемирие; если вамъ что извѣстно, то сообщите мнѣ.

Въ этомъ отношеніи мнѣ ничего не открыли ни циркуляръ канцлера отъ 19-го октября, только что полученный мною, ни его депеша ко мнѣ отъ 24-го числа.

Ваша програма, какъ мнѣ кажется, строгое оборонительное положеніе, моя же—нападать на непріятеля всюду, гдѣ только онъ встрѣтится на морѣ, но крѣпостей не трогать. Я располагаю для этого двумя эскадрами, но едва-ли онѣ встрѣтятъ въ морѣ кого-либо, кромѣ транспортовъ и пароходовъ, которые постараются укрыться въ гаваняхъ.

Взятіе форта св. Николая произвело дурное впечатлѣніе, приводя въ смутеніе прибрежное населеніе.

Жду въ тревогѣ вѣстей о предпріятіи Серебрякова, планъ котораго изложенъ въ приложеніи.¹⁾

Воронцовъ очень боленъ, и Бебутовъ слегъ въ постель отъ лихорадки, а между тѣмъ ему поручено начальство надъ дѣйствующими войсками.

По письмамъ изъ Петербурга можно заключить о путешествіи государя въ скоромъ времени на югъ. Искренне вашъ Меншиковъ.

Севастополь, 2-го декабря 1853 г.

У меня только и времени, что-бы сказать вамъ два слова. Тороплюсь отправить къ вамъ фельдгегера съ депешами отъ Воронцова извѣщающими о пораженіи Абди-паши, анатолийскаго сераскира.

Оффиціальныя отвѣты готовы и я отправляю ихъ съ этимъ фельдгегеремъ, но вашего курьера удержу до завтрашняго утра, пока напишу отвѣтъ на ваше конфиденціальное письмо отъ 23-го ноября. Меншиковъ.

Сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 28-го числа, вмѣстѣ съ копіей извѣщеній Мейендорфа о положеніи переговоровъ. Мы ничего не слышали объ англо-французскихъ пароходахъ, брейсирующихъ, какъ сказываютъ, но я что-то не вѣрю этому.

Севастополь, 5-го декабря 1853 г.

Я вполне согласенъ съ вами, любезный князь, что не худо бы найти мѣсто для переправы чрезъ Дунай выше Рущука. По мнѣ

¹⁾ Серебрякову приказано было отнять у Турокъ фортъ св. Николая.
Ред.

этимъ мѣстомъ могъ-бы быть Никополь, такъ какъ Ольта могла бы вась снабдить запасными судами, и потому что этотъ городъ, сколько мнѣ помнится, можно окопать и образовать изъ него тетъ-де-понъ, съ господствующимъ центромъ тамъ, гдѣ находилась нѣкогда римская цитадель. Другое его преимущество то, что онъ служитъ исходною точкою дорогъ, ведущихъ въ центръ болгарскаго населенія: Плевну, Сутчу, Турнова и въ Балканскіе проходы, съ обходомъ Шумлы, если-бы понадобилось, или если-бы хотѣли возбудить опасенія непріятели. Тутъ могло-бы быть сборное мѣсто болгарскихъ инсургентовъ и центръ оборонительно-наступательныхъ дѣйствій по обѣ стороны рѣки.

Если-бъ подобное предпріятіе должно осуществиться, то мое мнѣніе было-бы придвинуть лѣвое крыло, что-бъ не терять изъ виду Силистрію и Рушукъ во время операціи, предоставляя себѣ потомъ сдѣлать демонстрацію переправы подъ Сатуновомъ, чѣмъ никого не обманешь, такъ какъ Туркамъ, конечно, извѣстно, что главное наше войско находится въ Валахія.

Что касается прохода на буксирѣ канонирскихъ лодокъ подъ выстрѣлами крѣпостей, то я не считаю его невозможнымъ, разумѣется съ потерей; его можно совершить въ ночное время, поставить вдали огни для указанія рулевымъ. Но что будетъ съ судами, когда они, пройдя, не найдутъ защиты противъ подвижной батареи на противоположномъ берегу, посланной ихъ преслѣдовать, и какъ исправить причиненныя ядрами поврежденія паровыхъ машинъ?

Послѣ испытанныхъ поражений и неудачъ Турки посвоятъ свое высокомеріе, и если вамъ удастся разгромить ихъ въ Калафатѣ посредствомъ сильнаго огня артиллеріи, которую вы замаскируете эподементами или редутами, то надобно надѣяться, что они сдѣлаются уступчивыми.

Вотъ мой романъ, любезный князь. Вамъ лучше знать, выйдетъ-ли изъ него дѣйствительная исторія, или онъ останется сказкою. Если до тѣхъ поръ вамъ будутъ дѣлать предложенія перемирія, то дайте мнѣ знать о томъ для моего руководства. Искренній привѣтъ. Меншиковъ.

P. S. Я только что получилъ рапортъ отъ нашего крейсера у береговъ Абхазіи. Фортъ св. Николая былъ еще занятъ Турками. Хотѣли выгнать ихъ оттуда 12-го числа, направивъ атаку на Кинтрики, главную квартиру наши.

Перечитывая свое письмо, я нахожу въ немъ и упущенія, и повторенія,—будьте снисходительны. Зрѣніе мое такъ ослабло, что даже сильныя очки на него не дѣйствуютъ.

Севастополь, 7-го (19) января 1854 г.

Любезный князь, я получил почти въ одно время ваше конфиденціальное письмо отъ 27-го и отношеніе отъ 29-го октября, за № 278.

Искренно поздравляю васъ съ прекраснымъ дѣломъ подѣ Четати; это можно почесть началомъ тѣхъ значительныхъ результатовъ, которые поведетъ за собою соединеніе вашихъ силъ въ малой Валахіи.

Мнѣ сообщили содержаніе записки, которую вы представили двору съ предложеніемъ измѣнить отчасти данный вамъ планъ похода; и мнѣ пріятно было видѣть, что мы сошлись съ вами въ мысляхъ насчетъ общихъ дѣйствій и касательно мѣстности Никополя.

Со времени входа въ Черное море соединенныхъ флотовъ, въ виду нашихъ береговъ не появлялись ни восточные, ни западные непріатели. Я жду съ нетерпѣніемъ вѣстей изъ Петербурга; желалъ бы я знать, какъ смотрятъ тамъ на наше стѣсненное превосходными силами двухъ морскихъ державъ положеніе, и я спрашиваю себя, можетъ-ли въ такомъ случаѣ наша національная гордость допустить принятіе мирныхъ предложеній? Мое самолюбіе говоритъ мнѣ: будемъ драться не на животъ, а на смерть, хотя бы съ пожертвованіемъ береговъ, которыхъ мы не въ силахъ отстоять.

Весь флотъ возвратился въ Севастопольскую гавань, за исключеніемъ двухъ фрегатовъ и двухъ корветовъ, засѣвшихъ въ засадѣ въ Сухумъ-Кале, подѣ выстрѣлами двухъ береговыхъ батарей, поставленныхъ, впрочемъ, довольно низко.

Какъ пишутъ мнѣ, Воронцовъ просилъ и получилъ шести-мѣсячный отпускъ за границу, въ Теплицъ. На время своего отсутствія, онъ представилъ Реада. Я не имѣю понятія о военныхъ способностяхъ этого человѣка, встрѣчалъ его только мелькомъ въ обществѣ. Прощайте, любезный князь. Весь вашъ Меншиковъ.

Правда-ли, что братъ вашъ Петръ просился снова въ службу?

XL ЛѢТЬ

артистической дѣятельности

В. В. САМОЙЛОВА.

1835—1875.

14-го января 1875 г. исполнится сорокъ лѣтъ со дня поступленія на сцену С.-Петербургскаго русскаго театра Василя Васильевича Самойлова.

Многимъ изъ любителей отечественнаго театра памятно торжество празднованія тридцатилѣтія службы артиста, котораго, по всей справедливости, можно назвать гордостью и украшеніемъ русской сцены. Въ послѣдующіе десять лѣтъ, художественнымъ исполненіемъ многихъ новыхъ ролей, созданиемъ почти изъ каждой роли живого типа, В. В. Самойловъ доказалъ, что талантъ, подобный его таланту, неистощимо разнообразный, многогранный—если можно такъ выразиться—не старѣетъ, неизмѣнно сохраняя свой блескъ и силу творчества.

Художественное поприще В. В. Самойлова, по прошествіи сорока лѣтъ, можно раздѣлить на два періода. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ артистъ шель тернистымъ путемъ, преодолевая преграды и затрудненія, на что требовалось не мало энергіи и силы воли. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, сценической артистъ былъ поставленъ въ условія, не столь благоприятныя, какъ нынѣ. Отъ произвола ближайшаго начальства зависило „дать ходъ“ бездарности, отодвигая истинный талантъ въ тѣнь, на послѣдній планъ Самое радушное сочувствіе публики къ ея любимцу не въ состояніи было извлечь его изъ окружающей толпы посредственностей и только вниманіе императора Николая Павловича, покровителя отечественнаго театра, спасло талантъ Самойлова отъ законсѣнія вслѣдствіе обидной холодности, а иногда и зложелательства театральной администраціи.

Дѣленіе труппы на „амплуа“ напоминало табель о рангахъ; роль, однажды назначенная актеру, почиталась его собственностью; допустить комику сыграть драматическую роль, или, наоборотъ, трагикю — роль комическую, почиталось нарушеніемъ законовъ искусства и посягательствомъ на права собственности. Понятно, что чѣмъ талантъ былъ разнообразнѣе, тѣмъ враждебнѣе относился къ нему закулисный міръ. Наконецъ, кому неизвѣстенъ взглядъ петербургскаго общества на артистовъ, четверть вѣка тому назадъ? В. В. Самойловъ, съ самаго начала своего подрища, принадлежалъ къ числу немногихъ избранныхъ, сценическихъ артистовъ, принятыхъ въ хорошемъ кругу; но эта любезность относилась болѣе къ офицерскому чину, который онъ смѣнилъ на званіе артиста. Подобныя отношенія общества къ сословію актеровъ, въ талантливѣйшихъ изъ нихъ, развивали чувства справедливаго негодованія, заставляя ихъ гордостью, даже заносчивостью, отвѣчать надменности и презрѣніемъ—высокомѣрію. Барство бывшихъ временъ, удостоивая актеровъ своею благосклонностью, не возвышало ихъ до себя, но снисходило до нихъ, требуя съ ихъ стороны нѣ котораго самоуничиженія.

Чествуя въ лицѣ В. В. Самойлова представителя отечественной сцены; въ полной увѣренности, что имя его займетъ блестящую страницу въ исторіи русскаго театра въ ряду первоклассныхъ, знаменитыхъ артистовъ, позволяемъ себѣ сдѣлать краткій обзоръ его артистической дѣятельности съ указаніемъ на тѣ роли, въ которыхъ нашъ артистъ-художникъ имѣлъ возможность въ полномъ блескѣ выказать свой разнообразный талантъ.

I.

Съ 1834 по нынѣшній 1875 г. В. В. Самойловымъ исполнено до пятисотъ ролей въ водевиляхъ, комедіяхъ, операхъ, драмахъ и трагедіяхъ. Изъ этихъ ролей значительно большая часть принадлежитъ къ числу имъ созданныхъ.

5-го октября 1834 г. В. В. Самойловъ дебютировалъ партією Іосифа въ оперѣ Мегюля „Іосифъ Прекрасный“; въ январѣ слѣдующаго 1835 г. онъ поступилъ на службу, играя попеременно въ операхъ и водевиляхъ. Молодой, съ пріятною наружностью, отличаясь изящными манерами, онъ занялъ неблагодарное амплуа первыхъ любовниковъ, которымъ тогда почти нераздѣльно владѣлъ покойный Максимовъ; въ роляхъ комическихъ главенствовалъ Дюръ — достойный любовищецъ публики; П. И. Григорьевъ съ успѣхомъ игралъ свѣтскихъ лю-

дей и военных; Сосницкій—былъ въ полномъ блескѣ таланта, въ Мартыновѣ его наставникъ, П. А. Каратыгинъ, уже угадывалъ задатки громаднаго дарованія... Всѣ эти артисты, бывшіе воспитанники театральной школы, любимые публикою, переносовали въ новыхъ водевиляхъ, занимая роли, для нихъ написанныя; къ Самойлову, какъ къ новичку, авторы и переводчики относились съ понятнымъ недоверіемъ; публика, благоволя любимцамъ, еще не выказывала артисту своего сочувствія. Теноровыя партіи въ операхъ занимали тогда Леоновъ (Шарпантъ), Шемаевъ и Петръ Рамазановъ; съ ними чередовался В. В. Самойловъ. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ (1834—1837) имъ было сыграно только двадцать семь новыхъ ролей и въ этомъ числѣ—девять партій въ операхъ и опереткахъ (между прочими Максъ въ „Волшебномъ Стрѣльцѣ“). Не будемъ далеко отъ правды, если изъ ролей, особенно удачно сыгранныхъ Самойловымъ, назовемъ: Алинскаго (Хороша и дурна), Вецкаго (Жена кавалериста) и Саранскаго (Елена). Неподдѣльное чувство, прекрасное пѣніе куллетовъ, умѣнье съ достоинствомъ держаться на сценѣ обратили на молодаго артиста вниманіе публики. Въ то же время онъ сблизился съ товарищами по службѣ; многіе изъ нихъ полюбили Самойлова за веселый нравъ и обходительность, которыми онъ тогда отличался. Этому не мало способствовали прізнанныя отношенія артистовъ оперныхъ и драматическихъ къ его отцу В. М. Самойлову, человѣку радушному, хлѣбосольному, умѣвшему ладить съ закулиснымъ міромъ и пользовавшимся уваженіемъ сослуживцевъ. Несчастная его кончина (11-го іюля 1838 г.)¹⁾ пробудила искреннее сочувствіе къ его семейству и въ артистахъ, и въ публикѣ. Последняя какъ-будто почтила въ его сынѣ преемника талантливаго отца и съ 1839 г. молодой Самойловъ уже могъ назваться любимцемъ публики. Съ кончиною Н. О. Дюра къ нему перешли нѣкоторыя роли изъ обширнаго репертуара покойнаго. Въ каждой изъ этихъ ролей Самойловъ явился самостоятельнымъ создателемъ новаго типа; вслѣдствіе этого не могло быть сравненій между новымъ исполнителемъ и артистомъ, уже сошедшимъ съ своего поприща, но еще жившимъ въ памяти публики. Въ роли Эдуарда (водевиль: Артистъ) Дюръ былъ неподражаемъ: въ этой роли его преемникъ, Самойловъ, былъ въ своемъ родѣ, превосходенъ, какъ въ одной изъ первыхъ ролей съ перерожденіями, въ которыхъ Василій Васильевичъ достигъ совершенства. Талантливый рисовальщикъ, острый карикатуристъ, наблюдательный

¹⁾ Онъ утонулъ близъ Сергіевской пустыни во время страшнаго урагана, разразившагося надъ Финскимъ заливомъ, въ день особаго праздника въ Петергофѣ, по случаю бракосочетанія Великой Княгини Маріи Николаевны.

Самойловъ почти не имѣлъ и не имѣеть соперниковъ въ искусствѣ гримироваться; никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, поразительно вѣрно изобразить типы: поляка, нѣмца, англичанина, чухонца, итальянца, грека, татарина, еврея и т. д. Подмѣтивъ это драгоцѣнное свойство таланта Самойлова, тогдашніе водевилисты (П. И. Григорьевъ, Н. А. Коровкинъ, П. С. Федоровъ, Ф. А. Кони, Н. И. Куликовъ, Д. Т. Ленскій, Н. А. Некрасовъ и др.) принялись писать и переводить пьесы съ ролями, исключительно принаровленными въ прекрасной его способности. Почти всѣ эти водевили, замѣтимъ, были такъ связаны вынесены Самойловымъ на плачахъ; имѣли успѣхъ, благодаря его неподобной игрѣ (Двѣ станціи; Макаръ Алексѣвичъ Губкинъ; Хочу быть актрисой; Актеръ; Комедія съ дядюшкой; Нашествіе иноплемениныхъ; Бѣда отъ сердца и т. д.).

Мѣнять свой огромный талантъ на мелочь, пришло Самойлову лѣтъ десять (1838—1848) въ періодъ наводненія александринской сцены водевилями-оригинальными и переводными, изъ которыхъ, за исключеніемъ пьесъ П. А. Каратыгина, Ленскаго и нѣкоторыхъ, Григорьева — большая часть фабриковалась для Мартынова, Максимова или Самойлова. Между тѣмъ талантъ послѣдняго мужалъ, созрѣвалъ; ему прискучили передѣлки съ французскаго, тяжелы были фарсы, въ которыхъ приходилось играть даже роли старухъ; однако-же и при тогдашнемъ театральномъ репертуарѣ судьба послала на его долю нѣсколько ролей, достойныхъ его таланта. Почти всѣ онѣ памятны любителямъ театра. Въ роли гуляки студента (Ломоносовъ, Полеваго) Самойловъ затмилъ Максимова, особенно въ предпоследнемъ актѣ, въ которомъ студентъ, тридцать лѣтъ тому назадъ поступившій въ солдаты за своего товарища, является заслуженнымъ генераломъ. Въ драмѣ: Наслѣдство онъ создалъ роль ростовщика „Водрильяна“, въ Брачномъ Свидѣтельствѣ (Nacht und Morgen) былъ безукоризненно хорошъ въ роли Гавтрея; въ мелодрамѣ Вѣчный Жидъ былъ настоящимъ „Роденомъ“; въ Монте-Кристо — „Андреа Кавальеанти“ и т. д. Всѣ эти роли, въ исполненіи ихъ Самойловымъ, были живыми типами; при этомъ, что-бы вполнѣ понять трудности, которыя приходилось преодолевать артисту при исполненіи этихъ ролей, необходимо вспомнить, что французскіе драматурги, коверкая исторію, влагаютъ въ уста личностей историческихъ нелѣпости и риторическую мишуру собственного издѣлія, заставляютъ ихъ нести высокопарную дичь, которую бѣдный сценическій художникъ обязанъ задалбливать отъ доски до доски. Таковъ Ришелье въ плохой мелодрамѣ Серафима Лафайль... Что создать изъ этой роли талантливому Самойлову, кромѣ внѣшно-

сти? А между тѣмъ, при исполненіи имъ этой роли, театръ гремитъ отъ рукоплесканій.

Къ исходу сороковыхъ годовъ наша сцена нѣсколько поосвободилась отъ переводныхъ бульварныхъ мелодрамъ. Еще въ декабрѣ 1845 года, въ роли Юродиваго (Смерть Ляпунова), Самойловъ явился артистомъ самобытнымъ, создавъ изъ нея типъ — намъ родной. За этой ролью слѣдовали типы: старика Пузыречкина (Отставной театральнй музыкантъ); Пехтерьева (Завтракъ у Предводителя); графа Любина (Провинціалка); Чаркина (Богатая старушка); Тимоея Леонтьевича (Деньщикъ); Ицки (Марьянтантъ); Любима Торцова (Бѣдность не порокъ); Агаѳона (Не такъ живи, какъ хочется); Иванова (Въ чужомъ пиру похмѣлье); Кречинскаго (Свадьба Кречинскаго); Кузовкина (Однодворецъ); Станціоннаго Смотрителя (Станціонный Смотритель); Ивана Миронича (Легкая надбавка); Архипа (Грѣхъ да бѣда); Бурцова (Пасынокъ); Петра (Не такъ живи, какъ хочется); Дорси (Гуверперъ); Кременчугова (Свѣтъ и его тѣни); Шалыгина (Воевода); Тарабаева (Паутина); Имшина (Самоуправцы); Ладупкина (Говоруны); Васанинъ-Васанскаго (Пробный камень); Ростаконскаго (Ревизоръ); Оомы Оомича (Семейныя тайны); роль въ пьесѣ: Шутники — (соч. Островскаго) Фрола Скабѣева (Фроль Скабѣевъ); Ополъева (Старый баринъ); Ястребова (Ангель доброты и невинности); Шмерца (Мужья одолѣли); Труханскаго (Закинутыя тенета); Балавина (Роговой шагъ); Графа Говорлина (Говорлинъ); Берестова (Старое старится) и мног. другія.

Перечень далеко не полный, такъ какъ изъ всѣхъ ролей, сыгранныхъ Самойловымъ, въ особенности въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, каждая была его торжествомъ. Но отъ группы ролей характерныхъ, типичныхъ, мы перейдемъ къ ролямъ историческимъ, и, во-первыхъ, къ тѣмъ, въ которыхъ В. В. Самойловъ воскресилъ русскихъ дѣятелей былыхъ временъ. Располагаемъ ихъ не въ хронологическомъ порядкѣ, въ смыслѣ историческомъ, но только въ послѣдовательности обширнаго репертуара нашего артиста: Третьяковскій (Русскій Фаустъ); Кулибинъ (Кулибинъ); Костровъ, (Ермилъ Костровъ); Сусанинъ (Костромскіе лѣса); Дмитревскій (13 января 1807 года); Сумароковъ (30 августа 1756 г.); Дмитрій Самозванецъ (Дмитрій Самозванецъ — Чаева и Борисъ Годуновъ — Пупкина); Иванъ Грозный (Василиса Мелентьева: Островскаго; Князь Серебряный, Смерть Юанна Грознаго — графа А. К. Толстаго); Волынскій (Ледяной домъ). Изъ историческихъ личностей иностранныхъ Самойловъ олицетворилъ неподражаемо: Ришелье (Ришелье);

Кромвеля (Смерть Кромвеля); Нерона (Неронъ); Людовика XI (Заколдованный домъ).¹⁾

Репертуаръ ролей В. В. Самойлова въ трагедіяхъ Шекспира ограничивается тремя ролями: Лиръ (1859); Шейлоуъ (1860); Гамлетъ (1863). Не вдаваясь въ разборъ игры В. В. Самойлова въ роли короля Лира, замѣтимъ только, что онъ выступилъ въ ней на состязаніе съ сильнымъ соперникомъ. Зимой 1858—1859 годовъ, въ Петербургъ прибылъ прославленный въ Европѣ африканскій трагикъ Айра Ольдридждъ,²⁾ негръ, талантъ-самородокъ, созданный, такъ сказать, для роли Отелло, въ которой былъ совершенствомъ.

Блестящій успѣхъ Айра въ этой роли на всѣхъ европейскихъ театрахъ побудилъ африканца заняться изученіемъ и прочихъ типовъ созданныхъ Шекспиромъ. „Отелло“ преобразился въ „Шейлока“ и „Лира“; темно-оливковый обликъ мавра, скрытый подъ слоемъ бѣлизны, напоминалъ зрителямъ триумфальную роль Айры и его осмысли рукоплесканіями, снисходя къ недостаткамъ исполненія. Существеннѣйшимъ изъ нихъ была именно наружность негра и невозможность мимики на лицѣ, покрытомъ чуть не маскою. Но какъ европейскіе критики, такъ разумѣется и наша публика, очарованные игрою „Отелло“, были черезъ чуръ снисходительны къ „Лиру“.

Эта роль созрѣла въ артистической душѣ Самойлова, онъ взлелѣялъ ее въ своемъ сердцѣ и рѣшился сыграть короля „Лира“ въ бытность Айры Ольдриджда въ Петербургѣ. То было благородное состязаніе русскаго артиста съ европейскою знаменитостью—и Самойловъ вышелъ побѣдителемъ. Уступая въ этой роли русскому артисту-сопернику, Айра Ольдридждъ, сознавая себя побѣжденнымъ, выказалъ себя, какъ человѣкъ, вполне благороднымъ и достойнымъ соперникомъ Самойлова. На другой же день представленія „Короля Лира“, въ которомъ онъ видѣлъ Самойлова, Айра Ольдридждъ написалъ ему слѣдующее письмо, прилагаемое нами въ переводѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ:³⁾

¹⁾ Между многими авторитетными отзывами объ артистической дѣятельности В. В. Самойлова особенно интересны отзывы В. Г. Бѣлинскаго, отдававшего полную справедливость дарованію этого артиста. Ред.

²⁾ Онъ умеръ, немного лѣтъ тому назадъ, въ бѣдности, въ Кіевѣ. Разборъ его художественной игры въ одной незначительной комедіи превосходно составленъ графомъ Ѳ. П. Толстымъ и напечатанъ въ «Русской Старинѣ». (См. изд. 1873 г., томъ VII, стр. 135—136). Ред.

³⁾ Еще въ 1870 году, въ первый годъ нашего изданія, мы обращались къ В. В. Самойлову съ просьбою ознакомиться съ его архивомъ. Василій Васильевичъ съ радушіемъ исполнилъ нашу просьбу и мы тогда же сняли копии съ разныхъ писемъ, стиховъ и съ отрывковъ изъ записокъ артиста... Это собраніе бумагъ невелико, такъ какъ, къ сожалѣнію, В. В. Самойловъ не берегъ

Hôtel de-Paris. Суббота утромъ.

„Мой дорогой сэръ и другъ! Я счелъ бы себя не довольно вѣжливымъ, если бы не посѣщилъ выразить мой восторгъ по поводу вашего вѣрнаго, художественнаго представленія стараго короля. Ваша игра доставила мнѣ великое удовольствіе. Многія мѣста, которыя были для меня нѣсколько темны, вы окончательно разъяснили; относительно другихъ, вашъ великій талантъ утвердилъ меня въ моемъ собственномъ, прежде усвоенномъ пониманіи ихъ. Живите долго, что-бы украшать искусство, котораго вы служите такимъ блистательнымъ представителемъ; вотъ истинное желаніе африканскаго трагика, истинно преданнаго вамъ Айра Олдриджа“.¹⁾

II.

Если соперникъ отдавалъ нашему артисту должную справедливость, то публика, само-собою, не могла безучастно отнестись къ успѣху Самойлова. Кромѣ букетовъ и вѣнковъ, которыми осыпали русскаго артиста, ему было прислано нѣсколько писемъ отъ зрителей съ выраженіемъ восторга и признательности за поддержку „славы русскаго искусства...“ „Вы не побоялись г-на Олдриджа“,—писалъ В. В. Самойлову одинъ изъ многочисленныхъ его почитателей, совершенно ему незнакомый — „и смѣло ступили твердою ногою на трудное исполненіе. Ожиданія публики сбылись, и она вчера (8 декабря 1858 г.) именно ликовала за васъ, нашего гражданина, нашего роднаго трагика. Заранѣе многіе говорили, что вы не возьмете на себя роли не обдумавши; не приметесь за дѣло не свое, и мы вчера въ томъ убѣдились. Вы истинно пожали лавры на трудномъ поприщѣ и отъ души васъ поздравляю, нашъ русскій Гаррикъ, съ новою славою, покрывшею васъ вчера...“

переписки, и если кое что уцѣлѣло, то совершенно случайно. Въ настоящей статьѣ мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя изъ копій, снятыхъ съ этихъ бумагъ, прося извиненія у В. В. Самойлова въ нашей нескромности: его дѣятельность, какъ артиста, есть достояніе высоко-почитающаго его талантъ—русскаго общества.

Ред.

¹⁾ «Hôtel de Paris. Saturday Morning. My dear Sir and friend. I should deem myself depicient in respect did et delay endeavsuring to express my admiration for your thruthful, and artistic sedesing of the Old King wich is wittnessed with so much pleasure. Many passages that were to me somewhat obscure you decided, and in others your great talent confirmed me in my own, previously adopted conception; mau you long livé to adorn that profession of wich you are so distinguished an ornament is the sincere wish of your truly Jra Aldregde African Tragedian».

В. В. Самойлову.

Съ тобой Самойловъ несравненный
 Всѣ эти дни живу душой,
 И жду побѣды несомнѣнной
 И лавръ вѣнчающихъ твой бой.

Ты цѣлый день передо мною
 Съ твоимъ восторженнымъ лицомъ,
 Съ твоей трепещущей слезою
 И дивнымъ творчества огнемъ.

Нѣтъ, за тебя нельзя бояться
 И въ ратоборствѣ трепетать;
 Кто за тебя могъ опасаться
 Тебя не можетъ сознать.

Нѣтъ, не уступить Лирѣ нашъ новый
 Чужому Лиру никогда,
 Тамъ, гдѣ душа игры основой,
 Побѣда вѣрная всегда.

Одинъ лишь споръ я допускаю
 Между натурой и тобой!...
 Другихъ соперниковъ не знаю,
 Нашъ Гаррикъ дивный и родной!

N. N.

Почти съ самаго начала своей службы на сценѣ, В. В. Самойловъ, приступая къ изученію новой роли, рисовалъ акварелью задуманный типъ и такимъ образомъ въ теченіе сорока лѣтъ составилъ чрезвычайно любопытный альбомъ акварелей—нѣсколько томовъ. Въ немъ, между прочимъ, мы нашли стихотворенія нѣкоторыхъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей, въ томъ числѣ графини Е. П. Ростопчиной и Д. Т. Ленскаго. Приводимъ ихъ стихотворенія:

Смотрю на бѣгле листы,
 На эти всѣ изображенья,
 Гдѣ живо видно проявленье
 Артиста творческой мечты:
 Какъ много типовъ разнородныхъ,
 Смѣшныхъ, печальныхъ, важныхъ лицъ,
 Фантазій, фарсовъ, небылицъ,
 И идеаловъ благородныхъ!...
 Гдѣ простофили глупый смѣхъ,—
 Гдѣ злой провін улыбка,—
 Здѣсь заблужденье или ошибка,
 Тамъ хитрость, и порокъ, и грѣхъ...
 Уже-ли мысль одна и та-же

Ихъ поняла, ихъ создала,
 И, средь толпы, всегда на стражѣ,
 Ихъ пестрый рядъ подстерегла?...
 И всѣ живутъ! И всѣ трепещутъ
 Своею истинной для насъ!
 Всѣ яркой краской рѣзко блещутъ
 Одинъ другому на показъ.
 Хвала, художникъ и мыслитель,
 Хвала тебѣ за дивный трудъ!
 Твои созданья не умрутъ.
 Имъ человечество цѣнителъ
 Въ нихъ вѣрно схваченъ человекъ,
 Въ нихъ отразился свѣтъ и вѣкъ.
 Протей,—ты жизнью многосложной,
 Многостороннею живешь;
 Сегодня—старецъ осторожный,
 А завтра—юноша тревожный,
 Ты самъ себя возсоздаешь!

Москва, 20-го мая 1852 г.

Графиня Евдокія Ростопчина.

Остроумный Д. Т. Ленскій по достоинству цѣнилъ талантъ Самойлова. Вотъ что написалъ Ленскій въ помянутомъ выше альбомѣ артиста:

Здѣсь вижу я наследника артиста,
 Который всей семьѣ талантъ свой завѣщалъ...
 Какъ на Руси у насъ молва ни голосиста,
 Но все отецъ и сынъ награду себѣ не зналъ!
 А ежели когда, кому-нибудь другому,
 Не русскому, покажутъ сей альбомъ,
 Увидитъ, можетъ быть, по этому альбому,
 Чѣмъ былъ отецъ и сынъ въ отечествѣ своемъ!
 Отецъ и сынъ — въ душѣ артисты оба;
 Но все-таки отецъ скончался въ свой чередъ,
 А сынъ и за дверями гроба
 Въ альбомѣ этомъ не умереть!

Москва, 30-го апрѣля 1852 г.

Ленскій.

Вотъ еще два стихотворенія даровитаго Ленскаго, написанныя имъ экспромтомъ, подъ живѣйшимъ впечатлѣніемъ игры Самойлова:

В. В. Самойлову.

(въ пьесѣ «Старички»).

Художникъ истинный! что сдѣлалъ ты со мною?...
 Ты усладилъ меня—и вмѣстѣ огорчилъ:

Вчерашній день твоей естественной игрою
Ты мнѣ на сценѣ быть формально запретишь.

Д. Ленскій.

(въ пьесѣ «Ермилъ Костровъ»).

Еще одинъ листокъ
Въ побѣдный твой вѣнокъ
Ты, милый Гаррикъ, вплелъ: —
Костровъ не умиралъ, —
Былъ пьянъ, полъ вѣка спалъ, —
Проснулся — къ намъ пришелъ.
Предъ зрителемъ вертится
И духъ его и языкъ!
Ну какъ не убѣдиться,
Что Гаррикъ нашъ великъ!

Ленскій.

Игра В. В. Самойлова, обаятельно дѣйствуя на зрителей, вдохновляла многихъ изъ нихъ и они стихами выражали свой восторгъ гениальному артисту. Нѣкоторыя стихотворенія (на русскомъ и на французскомъ языкахъ) написаны были дамами. Перебирая стихотворенія и письма, въ разное время полученные В. В. Самойловымъ отъ публики, мы остановились на слѣдующемъ, вполне проникнутомъ чувствомъ. Оно поднесено В. В. Самойлову 25-го октября 1874 г., при выходѣ его на сцену послѣ болѣзни, въ драмѣ „Роковой шагъ“:

Привѣтъ тебѣ, художникъ вдохновенный;
Привѣтъ тебѣ, любимецъ дорогой!
Божественнымъ лучемъ, какъ гений, озаренный,
Ты — украшенье музъ страны родной!

Я не поэтъ, моя безгласна лира,
Что-бы воспѣть искусства идеаль,
Не мнѣ воспѣть любимаго кумира
Кому восторгъ толпы лишь пьедесталь!

И что тебѣ призывъ, рукописканья?
Мольеръ и Кинъ, Шекспиръ... все, все въ тебѣ;
Ты полонъ весь высокаго сознанья,
Съ печатью дара славы на челѣ!

Что для тебя, что въ душу тм вливаешь
Нѣчто отрадное и теплое порой;
То веселишь, то слезы извлекаешь
Художника искусною игрой!

Но подари мой скромный стихъ вниманьемъ,
Восторга частаго дай высказать привѣтъ,
Наутствовать тебя позволь желаньемъ:
«Да здравствуетъ Самойловъ много лѣтъ!»

Поклонница вашего таланта N. N.

Кромѣ привѣтствій въ стихахъ, было множество привѣтовъ въ прозѣ, въ формѣ писемъ. Приводимъ на выдержку слѣдующее:

«Почтеннѣйшій г. Самойловъ! Давно уже мнѣ не случилось быть въ русскомъ театрѣ. Опера, такъ какъ я большой аматеръ пѣнія, влекла меня почти каждый день въ Большой театръ, но вчера, т. е. въ среду 28-го декабря, я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на Михайловскомъ театрѣ въ роли «Станціоннаго зрителя», которую вы такъ неподражаемо-хорошо исполнили, что я еще сегодня не могу вытѣснить впечатлѣнія, произведенное вами вчера на меня. Душа моя плакала и безсонница тревожила меня всю ночь. Я видѣлъ много печальныхъ пьесъ, но никогда не былъ тронутъ такъ до глубины души, какъ вчера! Это ваша очаровательная игра! Я воспользуюсь краткимъ временемъ, которое мнѣ еще остается проводить здѣсь, въ Петербургѣ, что-бы по чаще видѣсь васъ, г. Самойловъ». Гр. Н. Н.

Таковы отношенія публики къ ея любимцу. Не менѣе справедливо къ нему большинство авторовъ пьесъ, успѣхъ которыхъ нерѣдко зависитъ отъ его участія. Позволяемъ себѣ привести слѣдующее письмо даровитаго писателя, пьеса котораго, обладая несомнѣнными, самостоятельными достоинствами, блестящимъ и многолѣтнимъ своимъ успѣхомъ много обязана Самойлову:

«Милостивый государь Василій Васильевичъ!..... Хотя и поздно, но я хочу повторить вамъ мою признательность и мое глубокое сочувствіе къ вашему свободному и творческому таланту. «Кречинскій» явился въ васъ не только типомъ, а живую конкретную личность, къ которой вы, какъ самостоятельный артистъ, имѣли полное право придать всякія дифференціальныя особенности выговора, костюма, позъ, движеній и прочаго — это ваша воля и ваша свобода, и потому пусть упрекаютъ васъ за польскій акцентъ другіе — а не я.... Примите, Василій Васильевичъ, мой кубокъ на добрую память о томъ днѣ, когда явился предо мною «Кречинскій» въ плоти и крови; если день этотъ будетъ памятенъ для русской сцены, то вышейте его до дна за будущность искусства на Руси и да здравствуетъ все прекрасное! Жму вашу руку и остаюсь навсегда вамъ душено-преданный Александръ Сухово-Кобылинъ. Москва, 27-го августа 1856 года».

Въ заключеніе настоящей статьи помещаемъ на страницахъ „Русской Старины“ нѣсколько страницъ изъ „Воспоминаній“ В. В. Самойлова; этотъ отрывокъ переноситъ насъ, за сорокъ лѣтъ назадъ, къ началу художественной дѣятельности высоко даровитаго артиста русскаго петербургскаго театра.

Ред

ВОСПОМИНАНІЯ В. В. САМОЙЛОВА.

Первые годы артистической дѣятельности.

Расскажу нѣкоторые эпизоды изъ моей жизни, предполагая, что они будутъ довольно любопытны для читателей, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые интересуются сценическимъ искусствомъ и артистическою жизнью его дѣятелей.

О частной жизни моей умолчу, не находя ее интересной для читателей; но жизнь каждаго актера, собственно на театральныхъ доскахъ, должна быть общимъ достояніемъ и исключительно принадлежать лѣтописямъ театра.

Я никогда не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ, хотя отецъ мой принадлежалъ къ театру и былъ извѣстный пѣвецъ. На сцену я попалъ почти случайно.

Какъ-то разъ, покойный императоръ Николай Павловичъ, встрѣтись съ отцомъ моимъ, спросилъ: отчего онъ ни одного изъ своихъ сыновей не опредѣлитъ на сцену?

— Развѣ ни одинъ изъ нихъ не наследовалъ твоего таланта?— спросилъ при этомъ Государь.

„Таланты есть“,—отвѣчалъ отецъ,—„но всѣ сыновья мои на службѣ, и каждый изъ нихъ обязанъ десять лѣтъ отслужить за свое образованіе, которое получилъ отъ покойнаго императора Александра.

— А если таланты есть,—возразилъ Государь,—то давай ихъ къ намъ, на сцену. Офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ—нѣтъ!

Покойный отецъ, говоря съ увѣренностью о талантахъ своихъ дѣтей, имѣлъ основаніе, потому что самъ видалъ ихъ на сценѣ. Я, и два брата мои, получили образованіе въ Горномъ корпусѣ. Въ двадцатыхъ годахъ этотъ корпусъ былъ образцовымъ учебнымъ заведеніемъ. Воспитанники оканчивали курсъ на правахъ университет-

скихъ и, кромѣ наукъ, тамъ старались развивать любовь къ изящнымъ художествамъ. Тамъ преподавали: живопись, музыку, пѣніе, фехтованье и танцы; въ корпусѣ былъ свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ и ученики постоянно, предъ многочисленнымъ обществомъ, авлялись на сцену пробовать свои силы. Отецъ мой, какъ известный пѣвецъ и актеръ, почти всегда былъ приглашаемъ присутствовать при подобныхъ спектакляхъ и здѣсь — то самъ имѣлъ возможность видѣть дарованіе своихъ сыновей. Я, въ бытность мою въ корпусѣ, постоянно отказывался играть на сценѣ: я былъ недуренъ собою и, къ несчастію, на мою долю постоянно доставались роли молодыхъ дѣвушекъ, играть которыя я считалъ обиднымъ для моего самолюбія. Такимъ образомъ, отцу ни разу не пришлось видѣть меня на сценѣ. Но у меня былъ хорошій голосъ, теноръ, и отецъ часто говаривалъ, что жаль, если подобный голосъ пропадетъ безъ всякой пользы для сцены. Вѣроятно и послѣ „разговора съ императоромъ“ эта мысль побудила отца остановить свой выборъ на мнѣ.

Въ то время я былъ офицеромъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ къ отцу. Онъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ государемъ и объявилъ о своемъ желаніи. Хотя оно и не совсѣмъ согласовалось съ моимъ, но я не хотѣлъ идти противъ воли отца. Дебютъ мой былъ назначенъ въ оперѣ Мегюля: „Іосифъ Прекрасный“, въ роли Іосифа. Партію со мною проходилъ Далл’окка, отецъ знаменитой пѣвицы Шобердехнеръ. До моего дебюта меня никто не слышалъ. Только однажды случилось, что актеръ М. С. Щепкинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, посѣтилъ моего отца. Разказалъ ему отецъ о своемъ намѣреніи — отдать меня на сцену и предложилъ ему послушать мой голосъ. Хотя отецъ былъ почти увѣренъ въ моемъ успѣхѣ, но въ его родительскомъ сердцѣ невольнo пробуждались сомнѣніе и боязнь за сына, тѣмъ болѣе, что поприще, на которое я готовился вступить, было мнѣ указано почти имъ однимъ. Невольный страхъ — подвергнуть меня неудачѣ — тревожилъ его и ему желательно было услышать отъ другого подтвержденіе, что онъ въ своемъ рѣшеніи не ошибается.

По приказанію отца, я пропѣлъ арію изъ Іосифа. Насколько мое пѣніе было хорошо и удачно — я самъ о томъ не могъ судить отъ сильнаго волненія, но, по окончаніи аріи, я замѣтилъ, что отецъ былъ доволенъ мною, а на глазахъ Щейкина виднѣлись слезы.

— Пожалуйста, не торопись увлекаться первымъ своимъ успѣхомъ, успѣшилъ сказать отецъ. Во-первыхъ, Михаилъ Семеновичъ слишкомъ снисходителенъ, а во-вторыхъ, ужъ слишкомъ чувствителенъ: онъ отъ всего плачетъ... видно, ужъ у него глаза на мокромъ мѣстѣ.

Несмотря, однако-жь, на свою шутку, въ которой какъ-бы слы-

шалось недовѣріе къ оцѣнкѣ Щепкина и боязнь, что-бы я не слишкомъ много возмечталъ о своемъ голосѣ послѣ искреннихъ и горячихъ похвалъ заслуженнаго артиста, самъ отецъ, видимо, остался доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвело на Щепкина мое пѣніе, но не желалъ этого выказать ни предъ нимъ, ни передо мною.

Вскорѣ былъ назначенъ день моего дебюта. Я готовился къ нему безъ особеннаго волненія. Меня никто не училъ сценаріизму: на репетиціяхъ отецъ, видя во мнѣ задатки сценическаго дарованія, не хотѣлъ давать мнѣ своихъ совѣтовъ, что-бы не сбивать меня и не мѣшать развитію таланта. Онъ зналъ по опыту, что часто даваемые совѣты не прививаются и не усваиваются, но въ то же время и по этой самой причинѣ своя манера выражаться исчезаетъ, утрачивается, и бываетъ такъ, что актеръ на сценѣ все время остается въ замѣшательствѣ, припоминая, чему его учили и не забылъ-ли онъ чего.

Насталъ день моего дебюта: 3-е октября 1834 года.

Я пріѣхалъ въ Большой театръ вмѣстѣ съ отцомъ, который въ той же оперѣ исполнялъ роль Симеона. Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть, съвозъ занавѣсъ, на публику. Зала была полна народомъ; я увидѣлъ множество моихъ товарищей по корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ дрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я какъ-будто только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я, а не кто другой. Голова закружилась отъ множества мыслей, одна—другой грознѣе, одна—другой неутѣшительнѣе, вихремъ закрутившихся передо мною. Неизвѣстность: чѣмъ все кончится, неувѣренность въ себѣ, боязнь явиться передъ такой многочисленной публикой, въ особенности, какой-то ложный стыдъ—показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и знакомыхъ; мысль о совершенной неудачѣ, о томъ, что чрезъ какой-нибудь часъ ужъ будетъ поздно возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю... однимъ словомъ, я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что я дѣлаю, я бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ заостюмированнымъ и рѣшительно объявилъ ему, что играть не буду и на сцену ни за что не выйду!

Отецъ испугался, началъ меня урезонивать; а между тѣмъ уже сыграли увертюру и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понялъ, что въ эту минуту никакія убѣжденія на меня не подѣйствуютъ и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: схватилъ меня за руку и насильно втолкнулъ на сцену.

Мгновенно я былъ ослѣпленъ свѣтомъ рампъ и множества огней. Въ первую минуту меня совсѣмъ ошеломила такая неожиданность,

но вмѣстѣ съ тѣмъ мелькнуло въ головѣ сознание, что первый шагъ сдѣланъ и возврата нѣтъ.

Оркестръ подалъ мнѣ аккордъ. Почти ничего не вида предъ собою, скрѣпя сердце, съ какой-то отчаянной смѣлостью я началъ пѣть. Не смотрѣлъ ни на кого въ залѣ, боясь встрѣтиться съ знакомымъ взоромъ... Подъ конецъ арія, возбуждивъ въ себѣ какую-то поддѣльную смѣлость, я началъ серьезно входить въ свою роль. Это было непродолжительно. Покуда я еще былъ одинъ на сценѣ, я могъ забыться; могъ вообразить себѣ, что я—настоящій Іосифъ, что рассказываю не по театральнымъ подмосткамъ, а попираю ногами настоящую землю египетскую; что я окруженъ роскошными растениями богатой природы, а не намалеванными кулисами, изображающими деревья. Давъ волю фантазіи и увлеченію, я-бы еще долго могъ вообразать себя неподдѣльнымъ сподвижникомъ фараона египетскаго, если-бы не явился на сцену новый актеръ (Ефремовъ), отличавшійся, какъ нарочно, плохимъ и, въ особенности, ненатуральнымъ исполненіемъ своихъ ролей. Когда онъ выступилъ изъ-за кулисъ, по старой методѣ, съ долгими паузами послѣ каждаго шага, замахалъ руками, взвылъ нечеловѣческимъ голосомъ—я точно свалился съ неба въ преисподнюю. Увидѣлъ я, что я—не Іосифъ Прекрасный, а онъ—далеко не приверженецъ мой, и что оба мы, въ настоящую минуту, потѣшаемъ публику. Тутъ вся моя прежняя робость возвратилась ко мнѣ еще съ новою силою; отъ волненія я началъ дрожать всѣмъ тѣломъ, такъ что всѣ блестящіе моего роскошнаго костюма заходили ходнемъ, выдавая тѣмъ мой страхъ и смущеніе. Весь первый и слѣдующій за нимъ речитативъ я пропѣлъ въ пол-тона выше, чѣмъ слѣдовало.

Все же мой первый дебютъ былъ очень удаченъ; повтореніе дебюта—тоже. Послѣ этихъ двухъ представленій, въ которыхъ я порядкомъ поизмучился и поволновался, я сильно захворалъ и слегъ; такъ что въ третій разъ явился на сцену, спустя уже порядочное время, въ бенефисъ отца, въ оперѣ „Сандрильона“ (роль Рамира). Послѣ этихъ двухъ ролей меня приняли на сцену, на жалованье двухъ съ половиною тысячъ руб. ассигнаціями.

Если я съ первыхъ же дней пошелъ такъ быстро впередъ и началъ трудиться серьезно, то обязанъ этимъ единственно тому, что былъ очень несчастливъ на сценѣ. Не мало притѣсненій и гоненій пришлось испытать мнѣ. Благодаря сильному и твердому моему характеру, я не упалъ духомъ; не чуждый самолюбія—не хотѣлъ оставаться послѣднимъ по таланту. Быть можетъ, при иныхъ обстоятельствахъ, при другой, болѣе благоприятной, обстановкѣ, мое дарованіе и не такъ-бы скоро развилось. Но, во всякомъ случаѣ, не дай

Богъ никому такой цѣною покупать себѣ славу и благосостояніе: До сихъ поръ (уже слишкомъ тридцать лѣтъ ¹⁾) съ ужасомъ припоминаю о томъ, что мнѣ довелось переживать. Тогдашняя театральная администрація, благоволя и повровительствуя питомцамъ театрального училища, неприязненно относилась къ лицамъ, поступавшимъ на сцену не изъ этого рассадника талантовъ. Не я одинъ испытывалъ послѣдствія подобныхъ отношеній администраціи къ артистамъ невоспитанникамъ: Асенкова, А. Я. Воробьева (супруга О. А. Петрова), обѣ сестры мои и многія другія не были счастливѣе меня. Особенно памятенъ мнѣ одинъ случай изъ моей жизни, относящійся ко времени, отдѣленному нѣсколькими годами отъ моего дебюта. Тогда изъ оперы я уже перешелъ въ драматическую труппу, такъ какъ послѣ неожиданной и несчастной смерти моего отца опера почти разстроилась; въ Александринскомъ же театрѣ мой голосъ могъ быть полезенъ въ разныхъ опереткахъ, которыя тамъ ставились довольно часто. Я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Жалованья, которое я получалъ (500 руб. по нынѣшнему счету на серебро), далеко не доставало не только на содержаніе семьи, но и на самое необходимое, и я принужденъ былъ заниматься частною работою. Болѣе всего меня выручала живопись: я работалъ, по заказу, небольшія картинны масляными красками, карандашомъ, и только благодаря способности моей къ рисованью, могъ кое-какъ существовать. Я не ропталъ на то, что получалъ малое жалованье, понимая очень хорошо, что прибавка возможна только за заслуги, болѣе или менѣе блестящія и признанныя. Но для этого надобно было играть роли хорошія, видныя, а мнѣ ихъ не давали; за тѣ же роли, которыя я игралъ, плата, по мнѣнію администраціи, была достаточная. Я просилъ давать мнѣ роли труднѣйшія, въ которыхъ я могъ бы выказывать свое дарованіе, а не роли въ родѣ „Гильденштерна“ — въ Гамлетѣ, выпадавшія исключительно на мою долю. Мнѣ отвѣчали, что онѣ вполне соотвѣтствуютъ моему дарованію. Я предложилъ переиграть попеременно всѣ мужскія роли въ драмѣ: „Материнское благословеніе“ (La Nouvelle Fanchon), бывшей тогда въ большой модѣ; предложилъ это съ условіемъ, что если я хоть въ одной роли буду хуже тѣхъ, которые играли до меня, то подвергаюсь штрафу, какой угодно будетъ назначить. Согласія не послѣдовало. Наконецъ я заявилъ администраціи, что готовъ служить даромъ цѣлый годъ (какъ мнѣ это ни тяжело съ большою семьею), то есть не получать разовыхъ, а

¹⁾ Писано въ 1865 году.

довольствоваться однимъ убогимъ жалованьемъ, съ тѣмъ, что бы въ теченіе театральнаго сезона мнѣ дали двѣ-три хорошія роли.

Это предложеніе было принято.

Съ жаромъ принялся я за свою частную работу; не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, что-бы наверстать тѣ рубли, отъ которыхъ отказался. Меня поддерживала мысль, что наконецъ бѣдствіи мои прекратятся и дорогое, святое для меня искусство будетъ исключительнымъ моимъ занятіемъ. Но время уходило, а иныхъ ролей, кромѣ самыхъ ничтожныхъ, почти „выходныхъ“, мнѣ не давали. Я выбивался изъ силъ, но все еще надѣялся...

Сезонъ окончился и отъ администраціи былъ мною полученъ слѣдующій отвѣтъ: „Ролей мнѣ не давали, считая это лишнимъ, разовыхъ же мнѣ не выдадутъ, такъ какъ я же самъ вызвался служить даромъ“.

Все пошло прахомъ; всѣ мои надежды и мечты рушились! Не тернія, не камни, но цѣпля скалы увидѣлъ я на пути, по которому мнѣ предстояло шествовать. Мною овладѣло отчаяніе; натура моя не выдержала и я захворалъ; у меня разлилась желчь. Я былъ въ отчаянномъ положеніи, но молодость свое взяла. Я поправился; и когда всталъ съ постели, то почувствовалъ себя какъ бы новымъ человекомъ, и духомъ, кажется, сильнѣй прежняго. Меня возмущали и несправедливость, и деспотическій произволъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла моя будущая артистическая участь. Готовый ко всему, я рѣшился бороться до послѣднихъ силъ и, при всемъ сознаніи своей слабости, ни разу не подумалъ сложить оружіе. Началъ терпѣливо выжидать... чего? и самъ не знаю; какого-нибудь счастливаго случая. Я выжидалъ — долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ, и наконецъ-таки выждалъ удобнаго случая.

Былъ назначенъ бенефисъ режиссера К—ва, господина весьма мнѣ недоброжелательнаго. Должна была идти драма покойнаго Ефимовича: „Отставной театральннй музыкантъ и княгиня“; главная роль музыканта была назначена Мартынову и роль — отличная. Это было въ началѣ сезона, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; отложить бенефисъ было невозможно, а между тѣмъ Мартыновъ еще не возвращался изъ отпуска, да и многихъ другихъ артистовъ не было на-лицо. Кромѣ меня этой роли играть было некому, но все же К—въ противился, и только, благодаря настояніямъ автора, роль была мнѣ прислана. Насталъ день, такъ давно мною ожидаемый. Мнѣ бросилъ его случай, одинъ слѣпой случай; я зналъ это и мнѣ надобно было имъ воспользоваться во что-бы то ни стало, иначе пришлось-бы еще десять лѣтъ дожидаться подобнаго случая. Не хочу хвалиться, но, кажется,

никогда я еще не игралъ такъ удачно, какъ въ этотъ вечеръ. На моея астіе покойный императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ тотъ вечеръ Александринскій театръ и именно пожаловалъ на представленіе пьесы, въ которой я игралъ главную роль. Игра моя понравилась государю, и когда онъ вышелъ изъ ложи, велѣлъ позвать меня:

— „Спасибо, Самойловъ“, сказалъ онъ мнѣ, и прибавилъ шутя: „только смотри, ты своею игрою заставилъ плакать меня, а я тебѣ этого даромъ не прощу!“

Я ничего не могъ отвѣтить государю, у меня сердце переполнилось радостью и благодарностью... Немногими, но воистинѣ отъ сердца сказанными словами, Государь вознаградилъ меня за десять лѣтъ терпѣнія и страданія. Бываютъ минуты въ жизни, когда у человѣка сердце преисполняется величайшаго счастья и я пережилъ именно подобную минуту. Когда государь возвратился въ ложу, тогдашній директоръ, быстро проходя мимо меня, поздравилъ съ подаркомъ, который былъ мнѣ назначенъ государемъ изъ кабинета. Боже! у меня едва хватило силъ перенести мое счастье! Мнѣ — подарокъ, мнѣ — вознагражденіе, мнѣ — до сихъ поръ загнанному, запертому? Я торжествовалъ, блаженствовалъ; эта первая монаршая милость была для меня тѣмъ-же, чѣмъ бываетъ для воина георгіевскій крестъ.

Со дня этого спектакля администрація измѣнила ко мнѣ свои прежнія, непріязненные отношенія. Мнѣ положили поспешательную плату: два съ половиною рубля сер. и я началъ играть, чаще появляясь иногда въ главныхъ роляхъ.

Тогда во дворцѣ очень часто давались русскіе спектакли, отъ участія въ которыхъ меня отстраняла та же администрація. Это длилось нѣкоторое время. Тогдашній секретарь директора, А. Л. Н—вичъ, передалъ мнѣ, что государь не разъ спрашивалъ, почему онъ не видѣлъ меня ни разу на дворцовыхъ спектакляхъ вмѣстѣ съ другими; но ему отвѣчали обыкновенно, что я боленъ, или занятъ въ другомъ спектаклѣ, на которомъ-нибудь изъ городскихъ театровъ. Дѣйствительно, въ тѣ дни, когда играли во дворцѣ, меня постоянно назначали играть въ городѣ. И тутъ счастливый случай помогъ мнѣ.

Однажды государь выразилъ желаніе непременно видѣть меня въ дворцовомъ спектаклѣ и въ тотъ же самый вечеръ. Это случилось за два часа до представленія и, какъ нарочно, въ то время дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Тотчасъ же были посланы нарочные въ Петербургъ, за нотами, костюмами и артистами, участвовавшими въ назначенной пьесѣ. Всѣ они, по счастью, были на-лицо и одинъ только покойный П. И. Григорьевъ былъ занятъ въ Александринскомъ театрѣ и игралъ второе дѣйствіе какой-то пьесы. Представле-

нѣ пришлось приостановить и Григорьевъ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ капельмейстеромъ, В. М. Кажинскимъ, посѣщилъ въ Царское Село. Пьесу доигралъ за Григорьева другой актеръ. Графъ М. Ю. Вѣльгорскій, находившійся постоянно при особѣ его величества, говорилъ мнѣ, что послѣ этого спектакля государь выразилъ желаніе, что-бы впредь я постоянно участвовалъ въ спектакляхъ во дворцѣ и монаршей воли никто не смѣлъ ослушаться.

Государь любилъ веселыя пьесы и потому во дворцѣ игрались преимущественно небольшія комедійки и водевили. Помню, разъ играли водевилъ: „Бѣда отъ сердца и горе отъ ума“, въ которомъ я исполнялъ роль фокусника-итальянца. Передъ спектаклемъ государь, смѣясь, сказалъ:

— Вотъ, Самойловъ, какъ ты сегодня будешь фокусникомъ; устрой намъ какой-нибудь фокусъ съ кѣмъ-нибудь изъ зрителей.

Я просилъ государя назначить то лицо, какое ему будетъ угодно, и его величество, подумавъ, назвалъ лейбъ-медика Маркуса, а для содѣйствія мнѣ въ этой шуткѣ назначилъ флигель-адъютанта Паткуля, такъ какъ одному мнѣ невозможно было осуществить задуманнаго мною плана.

Начался спектакль; зала была наполнена зрителями, разумѣется, придворными особами. Государь, повидимому, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и съ улыбкою, искоса, поглядывалъ на Маркуса, зная заранѣе, что тотъ, волей-неволей, скоро сдѣлается изъ зрителя дѣйствующимъ лицомъ и сверхъ всякаго чаянія. Маркусъ, ничего не подозревая, сидѣлъ въ шестомъ ряду креселъ, съ самымъ серьезнымъ лицомъ и съ достоинствомъ, приличнымъ его званію, слѣдилъ за ходомъ пьесы. При взглядѣ на тучную фигуру, на блестящую лысину, на строгое выраженіе лица почтеннаго лейбъ-медика становилось еще смѣшнѣе при мысли, что государь избралъ именно его быть причастнымъ въ задуманной шуткѣ.

Сюжетъ водевила приблизительно заключался въ томъ, что одинъ итальянецъ-шарлатанъ, влюбившись въ молоденькую дѣвушку, является къ ея отцу просить согласія на ихъ бракъ; отецъ не соглашается и итальянецъ, что-бы понравиться и очаровать его своею ловкостью, показываетъ ему всякіе фокусы: дѣлаетъ яичницу въ шляпѣ, вынимаетъ изъ его локтя апельсинныя и яблочки; наконецъ, беретъ его золотую табатерку и со словами: „ein, zwei, drei!“ бросаетъ ее вверхъ и она исчезаетъ въ воздухѣ. Несмотря, однако же, на всѣ таланты, выказанные итальянцемъ, отецъ все-таки не соглашается имѣть такого подозрительнаго зятя, и безъ церемоніи гонитъ его вонъ, требуя прежде обратно свою золотую табатерку... Табатерки на-лицо не

оказывается: ее ищутъ вездѣ, начиная съ кармановъ фокусника — но ни въ нихъ, ни въ мебели, ни на полу ея нѣтъ. Отецъ объявляетъ, что этой покражи не допустить и хочетъ задержать фокусника. Послѣдній объявляетъ, что онъ въ залѣ не одинъ: она съ народомъ, за что же ему отвѣчать за всѣхъ? „Пускай всѣхъ обыскиваютъ!“

При этихъ словахъ по залѣ пробѣжалъ гулъ смѣха; государь смѣялся громче всѣхъ. Даже самъ солидный лейбъ-медикъ удостоилъ улыбнуться... только, увы! улыбка была непродолжительна. Между тѣмъ на сценѣ отецъ говорилъ фокуснику: „такъ какъ табатерка пропала изъ вашихъ рукъ, то ужъ вы и потрудитесь искать ее сами!“ Фокусникъ, т. е. я, недолго думая, съ поклономъ обращаюсь ко всей почтеннѣйшей публикѣ, сидящей справа, и слезно убѣждаю ее отдать табатерку и тѣмъ вывести меня изъ сквернаго положенія. При этомъ хохотъ зрителей прекратился, за то смѣхъ государя слышался еще громче, искреннѣе, неудержимѣе. На кого изъ зрителей я ни посмотрю вопросительно (а мнѣ съ возвышенія сцены видны были всѣ лица), тотъ сейчасъ же наклоняется, прячется за сосѣда, однимъ словомъ, старается исчезнуть... Едва-ли кому изъ зрителей было пріятно въ эту минуту. Не получая отвѣта справа, я, съ той же рѣчью, обращаюсь влѣво: та же исторія... За то съ правой стороны, по минованіи опасности, послышался ропотъ негодованія на дерзкую фамильярность съ особами, столь высоко-поставленными...

Не получивъ, разумѣется, ни отсюда отвѣта, я заявилъ публикѣ, что я самъ, безъ ея помощи, отыщу табатерку; что я — физиономистъ и что похититель драгоценной вещи отъ меня не укроется. Медленно окинувъ всѣхъ пытливымъ взглядомъ, которымъ, можетъ быть, многимъ не совсѣмъ по вкусу пришелся, я, наконецъ, съ увѣренностью указываю на Маркуса и утвердительно говорю, что табатерка должна быть у него. Всѣ взоры обратились на лейбъ-медика и съ нимъ случилось то, что всегда бываетъ. За минуту передъ тѣмъ, каждый, опасаясь за себя, находилъ эту шутку неумѣстною; теперь же, когда ея жертвою оказалось одно лицо — всѣ смѣялись и какъ-будто радовались. Никому не пришло въ голову, хотя на одно мгновеніе, поставить себя на мѣсто бѣднаго лейбъ-медика, а не случай-ли спасъ cadaго изъ нихъ отъ того же непріятнаго положенія?

При моемъ обвиненіи на лицѣ Маркуса выразилось непритворное негодованіе. Онъ сейчасъ же вскочилъ съ мѣста, быстро опустил руки въ карманы и, къ крайнему своему удивленію и всеобщему веселому хохоту, собственноручно вытащилъ исчезнувшую со сцены табатерку, которую я, во время игры, ловко успѣлъ передать стояв-

шему за кулисами флигель-адъютанту Патеулю; тотъ же, съ своей стороны, занимая кресла сзади Маркуса, и того ловче опустил ее въ карманъ лейбъ-медика, занятаго представленіемъ. Долго раздавались всеобщій смѣхъ и шумъ и мы подъ этотъ говоръ окончили нашъ водевиль.

Государь остался очень доволенъ и пришелъ на сцену благодарить насъ.

— „Я въ одномъ только убѣжденъ, ваше величество“, сказала я шутя, — „что какъ-бы опасно я ни захворалъ, но, ужь конечно, никогда не обращусь за помощью къ Маркусу.“

Между тѣмъ, въ послѣдствіи, мнѣ приходилось не разъ встрѣчать почтеннаго лейбъ-медика въ обществѣ. Изъ его памяти, конечно, не могло совершенно изгладиться непріятное воспоминаніе о спектаклѣ, въ которомъ и ему пришлось играть незавидную роль, хотя я, въ этомъ случаѣ, былъ простое орудіе и исполнитель монаршей воли. Но какъ человѣкъ придворный, привыкшій управлять собою и своими опущеніями, Маркусъ никогда ни словомъ, ни намекомъ не напоминалъ мнѣ о прошломъ, будучи со мною всегда одинаково вѣжливымъ и любезнымъ. Мы часто встрѣчались съ нимъ у постели моего хорошаго пріятеля, нашего знаменитаго живописца Карла Брюлова. Брюловъ уже давно хворалъ біеніемъ сердца и болѣзнь его приняла, наконецъ, очень опасный оборотъ. Онъ уже не покидалъ постели. Маркусу, какъ придворному медику, было поручено отъ императора, ежедневнo навѣщать больного и сообщать о состояніи его здоровья. Онъ, разумѣется, не ограничивался своею оффиціальною обязанностью и съ своей стороны давалъ совѣты дорогому больному, какъ и тѣмъ поддерживать свое здоровье. Между прочимъ, убѣждалъ Брюлова говорить какъ можно менѣе:

— „Вы помните, знаменитый и славный нашъ Карлъ Павловичъ, что самое ничтожное волненіе для васъ теперь—ядъ“, какъ то говорилъ Маркусъ. „Вы должны молчать, иначе все погибло. Каждое сказанное лишнее слово потребуетъ лишняго визита доктора; такъ имѣйте же въ виду хоть то, что ваше слово теперь имѣетъ стоимость червонца... не разоряйте себя!“

Затѣмъ разговоръ незамѣтно принялъ другое направленіе и, мало по малу, между Маркусомъ и Брюловымъ завязался споръ. Послѣдній, со свойственными ему горячностью и увлеченіемъ, началъ отстаивать свои убѣжденія...

— Помилуй, Карлъ, да замолчи ты, ради Бога! крикнулъ я Брюлову — вѣдь ты губишь себя... Ты вспомни, что говоритъ докторъ: твое слово—червонецъ!

„Не мѣшай, не мѣшай! отвѣчалъ со смѣхомъ Брюловъ, — „я хочу васъ оводотить“.

Бѣдный другъ! Ему было суждено не вставать уже болѣе съ постели.

Много хорошихъ часовъ проводили мы въ его обществѣ въ былое время, и тѣ, которые еще остались въ живыхъ изъ того кружка, конечно, не забыли объ артистическихъ вечерахъ у Брюлова. Онъ тогда занималъ въ академіи огромную мастерскую, съ казеннымъ освѣщеніемъ, которымъ мы и пользовались — надо признаться — въ весьма широкихъ размѣрахъ во время нашихъ ужиновъ. Угощенія и закуски бывали настолько богаты и вкусны, насколько и разнообразны: каждый, по своему усмотрѣнію, приносилъ съ собою что попало. За то именно освѣщеніе и убранство мастерской были великолѣпны, изящны, роскошны. Вся она была убрана картинами самого хозяина, и отъ первой до послѣдней, каждая картина отдѣльно освѣщалась съ одинаковымъ тщаніемъ и рѣдкимъ искусствомъ. Иному гостю приходилось сидѣть рядомъ со своимъ портретомъ, тутъ-же находившимся, и, по ошибкѣ, въ пылу разговора, иногда обращались къ копии, вмѣсто оригинала. Много горя, боли и всякихъ невгодъ забывалось въ этой искренней бесѣдѣ за незатѣйливой трапезой. Тутъ Несторъ Кукольникъ, бывший тогда въ большой модѣ, вдохновлялся и увлекалъ насъ своими стихотвореніями; Михаилъ Глинка вызывалъ слезы у присутствующихъ пѣніемъ своихъ задушевныхъ романсовъ. У него былъ теноръ не очень сильный, но чрезвычайно пріятный, и никто не умѣлъ пѣть его романсовъ съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ онъ пѣлъ ихъ самъ. Кромѣ того, онъ былъ замѣчательно хорошей піанистъ. Впослѣдствіи я сблизился съ нимъ. Онъ страстно любилъ театръ и даже оставилъ по себѣ маленькую память на Александринской сценѣ, написавъ куплетъ для переводнаго водевиля: „Купленный выстрѣлъ“. Въ этой пьескѣ я исполнялъ роль англичанина и въ концѣ мнѣ приходилось пѣть длиннѣйшій куплетъ, который былъ скомпанованъ Глинкою. У меня хранится партитура для оркестра, написанная вся его рукою, и я берегу ее, какъ дорогое воспоминаніе объ этомъ великомъ талантѣ.

.....
 ....за неуваженіе къ закулиснымъ властямъ, я долженъ былъ расплачиваться — и расплачивался щедро и широко: ничто мнѣ не извинялось и не прощалось. Не дешево покупалъ я себѣ право не гнуться и не лѣстить. Хотя и теперь время произвола еще не совсемъ миновало, но уже отрадно и то явленіе, что рассказы о несправедливостяхъ, возможныхъ въ былое время, возбуждаютъ него-

дованіе и, вмѣстѣ, недovѣріе къ рассказчику, такъ какъ передаваемые имъ факты кажутся невозможными. Но чего ни творилось въ мое время! Нынѣ шагъ къ самостоятельности сдѣланъ большой. Артисты стоятъ на ступени людей свободныхъ и независимыхъ и ими нельзя помыкать, какъ это было въ прежнее время. Помню, какъ талантливую пѣвицу А. Я. Воробьеву (Петрову), заставили пѣть партію Арзаса, въ оперѣ „Семирамида“, въ тотъ самый день, когда у нея скончалась мать. Въ другой разъ начальство разгнѣвалось на ту же самую пѣвицу, артистку съ замѣчательнымъ голосомъ и дарованіемъ, и, въ видѣ поучительнаго наказанія, причислило ее къ опернымъ хорамъ, въ которыхъ она и пѣла въ теченіе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда случаи подобнаго самоуправства никого не удивляли. Произволь и капризъ замѣняли нашему театральному начальству и законъ и здравый смыслъ, какъ при опалахъ, такъ и при милостяхъ. Нѣкто актеръ Аванасьевъ, по своему дарованію, не имѣвшій никакого значенія на сценѣ, разъ, какъ-то, въ театрѣ выпилъ лишнюю рюмку и что-то набуянилъ. Объ этомъ былъ составленъ и поданъ, куда слѣдуетъ, рапортъ; во избѣжаніе могущаго повториться скандала слѣдовало оштрафовать виновнаго, но рѣшеніе послѣдовало иное: „дать актеру Аванасьеву бенефисъ, такъ какъ, конечно, онъ пьянъ напился съ горя“. И Аванасьеву дали бенефисъ... Какъ послѣ этого не вѣрить пословицѣ: „не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!...“

Спб., 1865 г.

В. В. Самойловъ.

Замѣтки къ разсказамъ Очевидца о Польской смутѣ.

I.

Послѣ похвалы прошедшей службѣ генералъ-адъютанта графа Ламберта и весьма неелестной характеристикѣ генералъ-адъютанта Герштенцвейга, обвиняемаго въ соперничествѣ, на весьма для насъ мало убѣдительныхъ основанiяхъ, несходствiя въ воззрѣнiяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ воинской администраціи,—составитель разсказовъ о послѣдней Польской смутѣ рисуетъ яркую, но весьма печальную картину русскаго общества въ Варшавѣ и, между прочимъ, замѣчаетъ, будто графъ Ламбертъ, не найдя никого,—рѣшительно никого,—въ варшавскомъ русскомъ обществѣ, имѣя давнія причины не довѣрять Герштенцвейгу и не видя ни одного способнаго человѣка въ средѣ русскихъ генераловъ и высшихъ чиновъ,—смѣло принявъ вызовъ и рѣшился дѣйствовать одинъ.

Не буду останавливаться на мрачной картинѣ русскаго общества въ Царствѣ Польскомъ. Пришлось бы согласиться, что мастерскою кистью отмѣченъ весьма яркими красками нѣкоторыя темныя черты печальныхъ послѣдствiй исключительнаго положенiя нашего среди враждебнаго намъ народа. Справедливо-ли слишкомъ строго относиться къ малой горсти отверженныхъ, отъ населенiя и образованнаго общества, людей, предъ которыми, въ букввальномъ смыслѣ слова, на-глухо заперты были всѣ двери и для которыхъ исключительно доступны оставались только входы въ мѣста, гдѣ соблазнъ и искушенiя манили къ себѣ, жаждавшую развлечения, молодежь. Я далеко оправдывать то, что непохвально само по себѣ и предосудительно въ тѣхъ случаяхъ, когда на насъ обращено вниманiе недоброжелателей нашихъ, и въ мѣстахъ, гдѣ мы были представителями всего побѣдившаго народа; но случаи, присущiе всѣмъ временамъ, встрѣчающiеся всегда и вездѣ оплакиваемые, какъ частности, не могутъ вести къ безусловному осужденiю; а потому неумолимый приговоръ Очевидца о цѣломъ обществѣ, на которое онъ обрушивается и всю вину постигшихъ насъ злополучiй и графа Карла Карловича Ламберта несчастiй, позволительно считать столько же незаслуженнымъ, какъ и несправедливымъ.

Не въ одной же Варшавѣ и Польшѣ были смуты и мятежи. Не въ каждомъ ли обществѣ есть люди, которыхъ можно въ чемъ-либо упрекнуть? Большiй или меньшiй упадокъ нравственнаго достоинства отдѣльныхъ личностей, если бы составлялъ исключительную принадлежность одного только варшавскаго русскаго общества, въ чемъ однако позволительно сомнѣваться,—то и въ такомъ случаѣ это печальное положенiе не могло бы окончателно повлiять на успѣхи рѣшительною волею предпринятыхъ мѣръ. Вспомнимъ, что дѣлалось въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ въ то время, когда началось въ Варшавѣ революціонное броженiе умовъ и удичные безпорядки, а затѣмъ появились и шайки. И изъ Вильны доходили къ намъ неотрадныя вѣсти,—и тамъ дѣла наши шли не лучше польскихъ. И тамъ мятежь раздувалъ пламя и угрожалъ опасностiю. Явился человѣкъ съ твердою волею и съ непоколебимою рѣшимостiю. Онъ объявилъ чего хочетъ; указалъ что дѣлать, ободрилъ всѣхъ,—и напавъ люди, съумѣвшiе выполнять его предначертанiя; и наши дѣла немедленно

приняли счастливый оборотъ. Мятежъ подавленъ, и, когда водворилось спокойствіе, тогда началось умиротвореніе.

Неужели въ самомъ дѣлѣ въ русскомъ варшавскомъ обществѣ не нашлись люди, какъ въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ, готовые положить и самую жизнь для исполненія своего долга? Подобное предположеніе противорѣчило бы всей исторіи русскаго народа. Люди, которые въ сознаніи своего долга и во исполненіе неоднократныхъ напоминаній одного за другимъ слѣдовавшихъ намѣстниковъ, умѣли владѣть собою, подавлять въ себѣ порывы возмущеннаго чувства обиженной чести и съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, чувствуя силу въ своихъ рукахъ, переносили кровныя обиды, безнаказанно имъ наносимыя, обезумѣвшими мятежниками;—такіе люди, конечно, обладаютъ нѣкоторыми добродѣтелями, ради которыхъ заслужили бы смягченія жестокаго надъ ними приговора Очевидца. Если-бы военнoслужащіе (я говорю только о военномъ варшавскомъ обществѣ) не обладали этими, присущими русскому человѣку, добродѣтелями, то Варшава и вся Польша давно бы обагрились кровью, и умиротвореніе края, поглощавшее всѣ думы намѣстниковъ, отъ этого сдѣлалось бы недоступнѣе, а нашъ споръ съ Польшею не могъ бы оставаться на той почвѣ, на которой мечтали удержать его люди, которымъ ввѣрена была судьба рѣшенія.

Не знаю, какую, по мнѣнію Очевидца, силу опоры и степень сопротивленія можетъ искать начальникъ въ своихъ подчиненныхъ? Это ближе всего можетъ опредѣлить нуждающійся въ опорѣ; а потому трудно сказать, въ какихъ именно людяхъ нуждался покойный намѣстникъ, гр. Ламбертъ. Нѣтъ сомнѣнія, что опоры съ сопротивленіемъ графъ Ламбертъ никогда въ русскомъ варшавскомъ обществѣ не встрѣтилъ бы. Были же среди этого общества люди, весьма близко къ графу поставленные, — люди, и теперь занимающіе видныя государственныя должности, управляющіе краями, въ которыхъ имя ихъ произносится съ признательностію. Не забудемъ, что рѣчь идетъ о царскомъ намѣстникѣ, облеченномъ всею силою монаршаго довѣрія и не нуждающемся въ посторонней опорѣ; не забудемъ также, что у насъ не начальникъ, а подчиненный, въ своемъ безсиліи, нуждается въ поддержкѣ, а въ простыхъ понятіяхъ солдата безусловная и точная его исполнительность есть вѣрнѣйшая опора силы и власти начальства. Не давали же въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ подчиненные покойнаго Муравьева ему свои непрошенные совѣты. Они, съ готовностію исполнить его распоряженія, неустрашимо пошли въ лѣса и болота, и тамъ сокрушили мятежъ.

Что происходило въ кабинетѣ намѣстника, какія думы занимали его и какіе пути умиротворенія избралъ онъ имъ,—все это сошло для насъ въ преждевременную могилу вмѣстѣ со смертію графа Ламберта. Мы оставались въ прежнемъ мучительномъ ожиданіи; переносили, по прежнему, дерзкія обиды и по прежнему довѣрили.

Мы были только свидѣтелями начавшихся перемѣщеній лицъ, занимавшихъ среди насъ въ арміи самыя почетныя мѣста. Графъ-намѣстникъ, уполномоченный обширною властію, въ сознаніи своего права и необходимости призвать къ себѣ людей, способныхъ приводить въ исполненіе созрѣвавшіе въ головѣ его планы, не стѣснялся широкимъ употребленіемъ дарованной ему власти. Кто изъ современниковъ не помнитъ того безпокойства, какое охватило всѣхъ, когда, чуть-ли не каждый день, приносили отозваніе одного за другимъ и замѣщеніе ихъ новыми лицами, не ознакомившимися еще съ происходившими въ

Польшѣ дѣлами. Чувствительно было для войскъ 2-го армейскаго корпуса назначеніе генерала отъ инфантерій Липранди членомъ военнаго совѣта въ такую минуту, когда въ воздухѣ носился запахъ пороха. Генералъ Липранди былъ человѣкъ твердой воли, пользовавшійся извѣстностью, въ бояхъ приобретенною. Присутствіе его при войскахъ въ Варшавѣ имѣло особое значеніе. Украшавшій грудь его орденъ св. Георгія 3-й степени, полученный имъ еще въ чинѣ полковника въ 1831 году, во главѣ Елецкаго полка, при штурмѣ Варшавы, служилъ Полякамъ живымъ напоминаніемъ ихъ же прошедшаго и краснорѣчивою угрозой, что рано-ли, поздно-ли, а все-таки русское мужество подавить мятежъ. За генераломъ Липранди послѣдовалъ генералъ-лейтенантъ Веселитскій, а вслѣдъ за нимъ другія смѣщенія и новыя назначенія. Перечислять ихъ слишкомъ долго: ихъ было весьма довольно, чтобъ обновить составъ командировъ частей.

Неужели Очевидцу, который знакомъ съ малѣйшими подробностями послѣдней Польской смуты, неизвѣстны эти перемѣщенія, обновившія личный составъ арміи и давшія графу-намѣстнику лицъ по его избранію? Неужели Очевидцу, черпавшему свои свѣдѣнія изъ самаго источника дѣлъ, неизвѣстно, кѣмъ замѣщенъ былъ генералъ отъ инфантерій Липранди и кто именно былъ призванъ гр. Ламбертомъ занять мѣсто ближайшаго своего сотрудника — постъ корпуснаго командира? Трудно повѣрить, что-бы Очевидецъ не зналъ, что на мѣсто Липранди поступилъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, тотъ самый храбрѣйшій Степанъ Александровичъ Хрулевъ, про кого го Очевидецъ писалъ, что графъ Ламбертъ зналъ давно Хрулева и имѣлъ свои причины не спрашивать его совѣтовъ; тотъ самый Хрулевъ, о которомъ за его храбрость и проч. и проч. Очевидецъ, уважая изрѣченіе древнихъ: «о мертвыхъ или хорошо, или ничего», — великодушно полагаетъ, лучше вовсе не упоминать. Назначеніе Хрулева, портило-ли оно дѣло или служило ему, но, во всякомъ случаѣ, оно, какъ личный выборъ намѣстника, выражаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ степень опоры и мѣру сопротивленія, какія, повидимому, желалъ найти гр. Ламбертъ въ избираемыхъ имъ людяхъ.

Пока мы ожидали съ терпѣніемъ вѣрующихъ, Поляки не дремали и не бездѣйствовали. Они, какъ народъ искусившійся въ крамолахъ, прозрѣли, въ наступившей тишинѣ и кабинетной работѣ, преуготовавшуюся имъ опасность и пораженіе ихъ грезъ. Они, какъ испытанные въ народныхъ смутахъ, подавили на минуту разъединявшіе ихъ раздоры, сплотились въ одно тѣло, управляемое одною невидимою волею, и понимая, что каждая выигранная минута есть лучшій союзникъ въ ихъ невѣрномъ дѣлѣ, — возстали съ новою дерзостію, превосходившею все предшествовавшее.

Мы также ожили; но вскорѣ опять сокрушились сердечно.

Не согласовавшіеся съ благородными намѣреніями графа-намѣстника удары, вынужденно направленные имъ поразить мятежъ въ самомъ его корнѣ, разстроившіе всѣ мирныя подготовленія, принимавшіеся къ возвращенію края путями добра и терпѣнія къ долгу и вѣрности, погасившіе въ графѣ-намѣстникѣ тлѣвшую еще въ душѣ его слабую искру надежды умиротворенія, — убійственно отразились на немъ самомъ. Графъ изнемогъ подъ собственными ударами, не перенесенными его добрымъ сердцемъ... и онъ палъ благородною жертвою самоотверженія, еще въ Петербургѣ пророчившаго ему, что въ Варшавѣ онъ сломитъ себѣ голову.

Александръ Ганъ.

II.

Авторъ статьи «о послѣдней Польской смутѣ», отвѣчая на мою замѣтку о генералахъ Герштенцвейгахъ, укоряетъ меня въ незнаніи дѣла, о которомъ говорю, и въ искаженіи истины.

По поводу кавалерійской академіи онъ говоритъ, что этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ 1852 году генераль-лейтенантомъ Броневскимъ, т. е. гораздо ранѣе указаннаго мною времени или окончанія восточной войны.

На это опроверженіе отвѣчу слѣдующее: генераль-лейтенантъ Броневскій предложилъ въ 1850 году (но не 1852 году) учредить для спеціальнаго образованія кавалерійскихъ офицеровъ школы при дивизіяхъ этого рода оружія. Предложеніе генераль-лейтенанта Броневского разсматривалось, по высочайшему повелѣнію въ особомъ комитетѣ, признавшимъ болѣе цѣлесообразнымъ—учредить одну общую школу для кавалерійскихъ офицеровъ, но не академію. Съ пользою имѣющей произойти отъ подобнаго заведенія не согласился графъ Никитинъ, бывшій инспекторъ резервной кавалеріи. Позднѣе, по поводу записки флигель-адъютанта Тетенборна, вопросъ этотъ снова разсматривался другимъ комитетомъ при штабѣ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Восточная война была причиною прекращенія всякаго дѣлопроизводства по сему предмету.

Въ мартѣ 1856 года, т. е. по окончаніи восточной войны, князь Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ представилъ записку о состояніи нашей кавалеріи, которая была препровождена, по Высочайшему повелѣнію, на заключеніе гр. Ридигера. Послѣдній, выражая свое мнѣніе по сему поводу, впервые возбудилъ вопросъ о кавалерійской академіи, въ маѣ того же 1856 г., письмомъ на имя воен. министра для всеподданнѣйшаго доклада. Позднѣе, баронъ Оффенбергъ предложилъ учредить кавалерійское офицерское училище въ Елисаветградѣ, что удостоилось окончательнаго Высочайшаго утвержденія на основаніи доклада по инспекторскому департаменту. Всѣ эти и другія, относящіяся къ вопросу, данныя, подробно изложены въ статьѣ, помѣщенной, по желанію А. Д. Герштенцвейга, въ «Военномъ Сборникѣ» за 1858 годъ, № 3, подъ заглавіемъ: «Объ учрежденіи офицерскаго кавалерійскаго училища въ Елисаветградѣ». На эту статью я ссылаюсь въ своей замѣткѣ, говоря о кавалерійской академіи; слѣдовательно, я зналъ о проектѣ генераль-лейтенанта Броневского.

Относительно юнкерскихъ школъ должно сказать, что вопросъ былъ возбужденъ равномѣрно графомъ Ридигеромъ и представленны имъ черезъ военнаго министра главныя основанія положенія для этихъ заведеній были дѣйствительно Высочайше утверждены 1-го мая 1856 года. Разработка вопроса, получившаго такимъ образомъ только Высочайше одобренное направленіе, была поручена комитету подъ предсѣдательствомъ графа Ридигера; членами комитета были назначены: министръ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Норовъ; генераль-адъютанты: Ростовцевъ, Котеницъ, графъ Барановъ, графъ Ламбергъ, генераль-лейтенанты: баронъ Энгельгардтъ, Бѣлявскій, свиты Его Величества генераль-маіоръ Милютинъ, полковники Карцевъ и Лебедевъ (послѣдній былъ членомъ-редакторомъ). Комитетъ въ этомъ составѣ имѣлъ одно только засѣданіе 13-го мая 1856 года, и конечно, не могъ признать главныхъ основаній положенія достаточно обра-

ботанными для приведенія въ исполненіе. Для доказательства выпишываю три параграфа изъ этихъ основаній, копія которыхъ у меня сохранилась.

«§ 7. Юнкерскія школы при легкыхъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальниковъ дивизій, завѣдуются начальниками дивизионныхъ штабовъ.

«§ 8. Для командованія юнкерами въ сихъ школахъ избираются: одинъ штабъ-офицеръ, которому въ помощь назначается по одному офицеру изъ каждаго полка (изъ штатнаго числа офицеровъ той же дивизіи).

«§ 30. Преподающимъ въ школахъ опредѣляется вознагражденіе соразмѣрное съ ихъ трудами. Въ школахъ при пѣхотномъ корпусѣ (предполагались слѣдующіе преподаватели):¹⁾

Преподаватель тактики и устава, два его помощника, преподаватель военныхъ законовъ, его помощникъ, преподаватель исторіи, преподаватель географіи, преподаватель русскаго языка, помощникъ его, преподаватель математики, его помощникъ, преподаватель артиллеріи и фортификаціи, преподаватель топографіи (при съемкахъ въ помощь ему назначаются корпусные топографы). Два преподавателя французскаго и нѣмецкаго языковъ. Учитель гимнастики, помощникъ, учитель фехтованія, помощникъ, а на всѣхъ этихъ лицъ предполагалось къ ежегодному по штату отпуску — всего 4,525 р.

«Всего же для школъ гренадерскихъ и 6 армейскихъ и кавалерійскихъ корпусовъ 36,200 р.

«Для школъ при кавалерійскомъ корпусѣ, вмѣстѣ учителя гимнастики и его помощника, назначается берейторъ — 300 р.

«Учителю вольтижированія и его помощнику 250 р. Черезъ это потребуются для школы при кавалерійскомъ корпусѣ 4,600 р. Для школъ въ Финляндіи при оренбургскомъ и сибирскомъ корпусахъ по 3,725 р. для каждаго, а для трехъ 11,175 р. При семи легкыхъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, въ коихъ число юнкеровъ, вѣроятно, не будетъ превышать 40 человекъ, можно ограничиться однимъ учителями безъ ихъ помощниковъ, что составитъ для каждой школы 3,560 р.»

Изъ этой выписки изъ главныхъ основаній положенія о юнкерскихъ школахъ, оказывается, что по выведенному выше разсчету на 40 кавалерійскихъ юнкеровъ приходилось имѣть одного завѣдывающаго (начальникъ штаба дивизіи), 7 командующихъ (одинъ штабъ-офицеръ и по одному оберъ-офицеру изъ 6-ти полковъ дивизіи) и 13 преподавателей и учителей, а всего 20 человекъ или по одному на двухъ юнкеровъ.

Вскорѣ послѣ засѣданія комитета 13-го мая, въ которомъ были только распределены занятія членовъ, гр. Ридигеръ умеръ; генераль-адъютантъ Катенинъ и свиты его величества генераль-маіоръ Милютинъ получили новыя назначенія, недозволившія имъ принимать участіе въ дальнѣйшихъ трудахъ комитета.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 г. предсѣдателемъ комитета, на мѣсто гр. Ридигера, былъ назначенъ генераль-адъютантъ Плаутинъ. Послѣдній представилъ военному министру проектъ положенія о юнкерскихъ школахъ со штатами и программами при рапортѣ отъ 20-го мая 1857 г. за № 31. По этому проекту полагалось имѣть 42 школы для 2,990 юнкеровъ, а командующихъ,

¹⁾ Мы опускаемъ суммы, предложенныя каждому изъ этихъ чиновниковъ, а помѣщаемъ общую лишь сумму по проекту штата. Ред.

преподавателей и учителей содержать отъ 16-ти до 20-ти человекъ для каждой школы, всего около 750 человекъ. Раздѣливъ на это число, показанное выше, количество юнкеровъ, или 2,990, получится немного менѣе 4-хъ юнкеровъ на одного командующаго или наставника; слѣдовательно, говоря, что по проекту приходилось имѣть на трехъ юнкеровъ одного командира или наставника, моя ошибка была не такъ груба, какъ ее выставляетъ Очевидецъ, потому что отношенія трехъ, или трехъ съ дробью, къ одному не составляютъ въ данномъ случаѣ особой разницы.

При разсмотрѣннн въ инспекторскомъ департаментѣ представленнаго проекта и приложенныхъ къ нему штатовъ, оказалось:

а) Что изчисленная суммы, какъ потребныя для осуществленія дѣла, недостаточны. б) Что прислать начальниковъ и преподавателей для корпусныхъ школъ было возможно; но прислание лицъ, вполнѣ соответствующихъ этому предназначенію для дивизионныхъ школъ (т. е., для большинства проектируемыхъ), было не только затруднительно, но даже невозможно. в) Что случаи передвиженія войскъ обуславливающіе закрытіе, иногда на долгое время, школъ не были приняты въ соображеніе комитетомъ; между тѣмъ подобныя случаи могли вредно отзывать на успѣхъ какъ преподаванія, такъ и всего дѣла. г) Что отводъ помѣщеній для школъ, ихъ отопленіе и освѣщеніе требовали установленія новаго налога на земство; подобное мѣропріятіе вызвало обсужденіе и разрѣшеніе вопроса въ законодательномъ порядкѣ черезъ государственный совѣтъ (статья 9 я и 11-я, т. IV Зак. Гражд. Устава о Земскихъ повинностяхъ). д) Что учрежденіе школъ, обуславливающее производство юнкеровъ и вольноопредѣляющихся по мѣрѣ ихъ научныхъ успѣховъ, вызвало пересмотръ и измѣненіе коренныхъ законовъ о службѣ этихъ лицъ сообразно съ ихъ правами по происхожденію.

Всѣ эти условія, имѣвшія неоспоримо важное значеніе, обуславливали необходимость болѣе подробнаго изученія веѣхъ вопросовъ, относящихся къ дѣлу, со стороны дежурнаго генерала, обязаннаго привести его въ исполненіе и отвѣчающаго за послѣдствія.

По представленіямъ А. Д. Герштенцвейга для содержанія существовавшей уже юнкерской школы при 4-мъ корпусѣ, была отпущена необходимая сумма и въ смѣту военнаго министерства была вносима на 1858 и 1859 гг. къ условному отпуску, сумма для предполагавшихся къ учрежденію юнкерскихъ школъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ инспекторскомъ департаментѣ разрабатывался новый проектъ положенія для сихъ заведеній.

Изъ этого краткаго изложенія историческаго хода дѣла, ясно видно, что дѣло объ юнкерскихъ школахъ при А. Д. Герштенцвейгѣ не лежалъ подъ сукномъ какъ то продолжаетъ увѣрять Очевидецъ въ XII-й книгѣ «Русской Старины» изд. 1874 г.

М. Золотаревъ.

Поправка. Въ статьѣ «Калиостро», на стр. 82-й, по ошибкѣ, показано въ каталогѣ: Russica не то сочиненіе, которое въ немъ находится: «Confessions, avec l'histoire de ses voyages en Russie» ect. Caire, 1787, par le C-te de Calioistro».

МОДЫ ВЪ РОССІИ ВЪ 1791 ГОДУ.

23-го апрѣля 1791 года въ № 33 „Московскихъ Вѣдомостей“ было напечатано объявленіе объ изданіи моднаго журнала подъ заглавіемъ: „Магазинъ Англинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ новыхъ Модъ“, имѣющаго выходить ежемѣсячно книжками изъ 4-хъ печатныхъ листовъ текста съ приложеніемъ 3-хъ, а иногда и 4-хъ, гравированныхъ на мѣди и иллюминированныхъ модныхъ картинокъ, рисунковъ мебели, экипажей и т. д. Независимо отъ прямого назначенія „Магазина“ знакомить русскую публику съ иностранными модами, издатели обѣщали сообщать на его страницахъ — „для живущихъ въ отдаленіи отъ сей столицы особъ“ — отъ времени до времени и по крайней мѣрѣ черезъ всякіе 3 мѣсяца, „извѣстія о господствующемъ и здѣсь въ Москвѣ, въ разсужденіи уборовъ, платья, экипажей и проч. вкусѣ“. Сверхъ того въ „Магазинѣ“ должны были печататься извѣстія о заграничныхъ театрахъ, публичныхъ и частныхъ увеселеніяхъ и времяпрепровожденіи; разсказы „отличающіеся остроуміемъ и пріятностію слога и новостію предмета“, и разныя мелкія статьи.

Такова была программа перваго въ Россіи журнала, дѣйствительно трактовавшего о модахъ.¹⁾

Внѣшность изданія, посвященнаго всему изящному, далеко не соответствовала внутреннему содержанію „Магазина“. Иначе, впрочемъ, быть не могло при томъ незавидномъ состояніи, въ которомъ находились наши типографіи и бумажныя фабрики восемьдесятъ четыре года тому назадъ. „Магазинъ“ печатался въ малую восьмушку, на грубой сѣрой бумагѣ (въ университетской типографіи В. Окоркова); модныя картинки, гравированныя на мѣди и иллюминированныя, отчасти напоминали лубочныя, какъ по рѣзцу, такъ и по окраскѣ.

Весьма обстоятельное обзорѣніе трехъ частей „Магазина“ напечатано въ составленномъ А. Н. Неустроевымъ: „Описаніи русскихъ повременныхъ изданій и сборниковъ“, каковое описаніе скоро выйдеть въ свѣтъ. Изъ самого журнала „Магазинъ“ 1791 г., весьма обязательно сообщеннаго А. Н. Неустроевымъ, заимствуемъ нѣсколько любопытнѣйшихъ статей и рисунковъ.

¹⁾ «Модное ежемѣсячное изданіе» 1779 года только по названію было модное; въ немъ, кромѣ рисунковъ, все остальное составлялось изъ литературныхъ статей. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 583, изд. 1874 г. т. IX, стр. 206.

МОДЫ ВЪ РОССІИ

1791 г.

голов. уборъ пчелиный улей.

à la Triomphe.

по-крестьянски.

роба на манеръ королевиной.

à la Reine.

голов. уборъ верховаго платья.

Сообщенія о заграничныхъ модахъ печатались въ формѣ писемъ изъ Лондона, изъ Парижа, или изъ Берлина. Письма эти, разумѣется, или переводились изъ иностранныхъ журналовъ или составлялись издателями. Въ письмѣ изъ Парижа отъ 6-го января 1791 года находимъ нѣсколько любопытныхъ сообщеній:

„Парижскіе наши жители поютъ и танцуютъ, а парижанки наши убираются опять по-щегольски; это есть уже хорошее предвѣщаніе. *Rapem et Circenses!* т. е. хлѣба и зрѣлищъ требовали нѣкогда древніе Римляне. И то и другое имѣемъ мы теперь здѣсь, и тѣмъ довольны, хотя многія колеса въ государственной нашей машинѣ скрыпять, а нѣкоторыя и совсѣмъ не вертятся. На національномъ нашемъ театрѣ (прежде называвшемся *Théâtre français*) представлена была третьяго дня новая драма „*La liberté conquise*“ (завоеванная свобода), коею публика наша упоена была до чрезвычайности; и такъ какъ англичанинъ поетъ иногда въ своемъ театрѣ пѣсню: „*God save the king*“ (Богъ да помилуетъ короля), такъ и Французы пѣли тутъ вышедшую по случаю революціи новую водевилъ: „*ça ira, ça ira, ça ira...*“

Магазинъ: мѣсяцъ май. Парижъ 4-го марта 1791 г. Въ этомъ письмѣ обстоятельно разсказывается о новѣйшей модѣ—носить карманное оружіе: кинжалы, пистолеты и трости съ саблями и шпагами (стр. 111—112). Особенно любопытенъ (въ выноскѣ) разсказъ о событіи 28-го февраля 1791 г. въ Тюльерійскомъ дворцѣ:

... 28-го февраля сего 1791 г., собралось во дворецъ къ королю, подъ предлогомъ, что жизни его величества предстоить не малая опасность, нѣкоторое необыкновенно великое число дворянъ, или такъ называемыхъ аристократовъ, и когда дошло сіе до свѣдѣнія начальниковъ народныхъ войскъ, то они, прибывъ во дворецъ, доложили о томъ королю, присовокупивъ, что имъ заподлинно извѣстно, что помянутые кавалеры всѣ вооружены потаеннымъ оружіемъ; почему король, вышедъ въ переднія комнаты, объявилъ, что онъ не имѣетъ на сей разъ нимагой нужды въ оборонѣ сихъ кавалеровъ и повелѣваетъ имъ выложить изъ кармановъ своихъ всѣ пистолеты и кинжалы. Какъ скоро сіе повелѣніе излетѣло изъ королевскихъ устъ, то народныя войска бросились обыскивать и отбирать потаенное оружіе, и провозать изъ дворца пинками и толчками сихъ, можетъ быть, и вѣрнѣйшихъ государю своему особъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе тому противившихся, отвели подъ стражу въ тюрьму, гдѣ они и понынѣ стенаютъ и имѣютъ причину прославлять французскую вольность“.

На слѣдующихъ страницахъ журнала (123—129) напечатаны:

Общія замѣчанія объ употребительнѣйшихъ платьяхъ, уборахъ и нарядахъ прекраснаго пода и кавалеровъ въ здѣшней столицѣ.

Москва, 20-го мая 1791.

„Употребительнѣйшее платье здѣшнихъ господъ раздѣлить можно на три слѣдующіе сорта:

„1) Для баловъ въ торжественные дни и для выѣздовъ въ знатные почтенные дома, носятъ дамы: Русскія платья изъ обѣрей, двойныхъ тафтъ и изъ разныхъ, какъ англійскихъ, такъ и французскихъ матерій, шитыя шелками, или каменьями, съ юпками одинакой матеріи, или другого цвѣту; рукава бывають одинакаго цвѣта съ юпкою; пояса носятъ по корсету, шитыя шелками или каменьями, по приличію платья; на шеѣ носятъ околки, или родъ косыночъ на вздержкѣ, или съ складками изъ блондъ или изъ кружева; на грудь на дѣвають закладку или рубашечку, изъ итальянскаго или и изъ простаго флеру на вздержкѣ, а по вздержкѣ пришиваютъ блонды или кружева; рукавчики, въ два ряда, изъ блондъ, или изъ кружева, складками, перевязываются лентами, по пристойности, къ платью; голова причесывается буклями большими и маленькими, по желанію; виски же отбираются и подрѣзываются наравнѣ съ ушами; шиньонъ гладкой и конецъ его завивается буклемъ или шиньонъ называемый: „les cheveux pendants et bouclés“ (то есть распущенные и буклями завитые волосы); на волоса накалываютъ ленты съ перьями и цвѣтами, или флеромъ бѣлымъ или цвѣтнымъ, съ перьями же и цвѣтами, также гирлянды изъ цвѣтовъ; ленты же и перья употребляются по приличію къ цвѣту платья.

„2) Для выѣздовъ на партикулярные балы, на свадьбы и тому подобн. употребляются: сюртуки безъ фраговъ, флеровые и тафтяные полосатые съ цвѣточками и одинакихъ тафтъ разныхъ цвѣтовъ, также шитыя шелками, какъ по флеру, такъ и по тафтѣ, съ бѣлыми флеровыми юпками, какъ съ шитыми, такъ и съ простыми, и съ налейкою бѣлою и цвѣтною съ фалбалами; на шеѣ платки и рубашечки съ мужскими воротниками, флеровыя и линовыя бѣлыя и шитыя цвѣтными шелками; рукавчики такіе-жъ, какъ и къ русскому платью; пояса изъ лентъ съ концами и съ бантами, и пряжки къ поясамъ стальные, или съ каменьями; голова убирается также буклями, а на оной носятъ тюрбаны, разныхъ цвѣтовъ изъ цвѣтныхъ флеровъ, какъ полосатыхъ, такъ и одинакихъ съ перьями и цвѣтами, также и разные накладки.

„3) Для выѣзду въ клубъ и въ воксаль употребительнѣйшія

платья суть: сюртуки съ фраками, съ высокими воротниками, узенькими и короткими и родъ турезовъ: 1) ситцевые, тафтяные и флеровые; рукавчики расшурованы ленточками; лацконы также расшурованы оными и на пуговицахъ съ пряжками стальными и съ каменьями; юбки изъ лино и по лину шитыя, какъ цвѣтными шелками, такъ и бѣлыми нитками; 2) кисейные на подкладѣ и безъ оной; 3) канифасные, шитые шелками и простые, обшиваемые кружевами, или бахромочкою, съ юлкою изъ таковой-же матеріи съ фалбалами и безъ оныхъ; 4) шемизы съ фалбалами и съ рубцами; на шеѣ платки изъ лино и рубашечки съ мужскими воротниками и обобранныя кружевомъ; пояса по пристойности платья или изъ лентъ, или нарочно тканые, шелковые, полосатые, писанные и по кисей печатные кушаки; на головѣ шляпка à la cloche (на подобіе колокола) изъ тафты и флеру, или изъ полосатой и тонкой матеріи разныхъ цвѣтовъ; къ краю вокругъ шляпы пришиваются черныя или бѣлыя блонды; другія-же употребляютъ шляпки à la Bergère (по поступечки), кои надѣваются на волосы на одинъ бокъ, съ гирляндами изъ цвѣтовъ и изъ лентъ и съ перьями“.

„Магазинъ новыхъ модъ“ 1791 г., кромѣ прозы, печаталъ и стихи. Вотъ обращикъ:

Красавицы не тщитесь
 За модой въ слѣдъ бѣжать,
 Искусствомъ не учитесь
 Натуру украшать.
 Повѣрьте, и безъ шляпокъ,
 Безъ тафты, и безъ парчей,
 Безъ лентъ, цвѣтовъ и касокъ,
 Безъ толстыхъ обручей,
 Она въ простомъ варядѣ
 Умѣетъ духъ плѣнать,
 Въ пріятномъ скромномъ взглядѣ
 Всю прелесть сохранять.

Примѣчаніе издателей: «Сіи стихи сообщены издателямъ «Магазина» отъ нѣкоторой почтенной особы».

Вотъ еще обзорніе столичныхъ модъ въ Россіи въ 1791 году:

„Кавалеры здѣшніе (въ Москвѣ и въ Петербургѣ) носятъ суконные фраки разныхъ цвѣтовъ съ длиннымъ лифомъ и со стальными пуговицами; по нынѣшнему-же, весеннему времени въ употребленіи также для фраковъ шелковыя, полосатая матеріи и англійскія полусука; на шеѣ косыночки изъ лино, батисту или кисей, обшитыя кружевомъ, или вышитыя по краямъ разными шелками, повязываются онѣ бантомъ напередѣ съ распущенными концами; жилеты шитыя по канифасу бѣлымъ и разноцвѣтными шелками; изподнее платье изъ англійской шелковой или нитаной матеріи съ узенькими полосочками, по сторонамъ онаго ставятся только по три пуговицы.

„Прическа головы обыкновенная есть: въ три булки на сторонѣ, одна возлѣ другой и широкой алевержетъ.

„Платья къ фракамъ круглыя, остроконечныя, перевязанныя лентами.

„На сихъ дняхъ появились здѣсь шелковыя половинчатыя чулки, на подобіе сапожковъ, до половины икры темнаго цвѣта, а отъ икры до колѣна бѣлыя“.

„Магазинъ Модъ“: мѣсяцъ іюнь. Въ письмѣ изъ Парижа отъ 5-го апрѣля 1791 г. корреспондентъ „Магазина“ осыпаетъ восторженными похвалами мадамъ Тейллярдъ — модную магазинщицу въ Пале-Роялѣ, изобрѣтательницу модъ для всей аристократіи. Къ прилагаемому рисунку дамскаго головного убора (представляемъ его нашимъ читателямъ въ точномъ снимкѣ съ тогдашняго рисунка), сдѣлана слѣдующая замѣтка:

„Плате и прекрасной головной уборъ срисовалъ я за нѣсколько дней передъ симъ съ Королевы (Маріи Антуанеты), въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Она была тогда одѣта весьма прекрасно. Черная лента на головѣ и на груди была бархатная, осыпанная брилліантами. Вьсть походить на нее нѣсколько“.

„Магазинъ Модъ“: мѣсяцъ августъ. Парижъ, 8-го іюня 1791 г. Рисунокъ № 13 изображаетъ новомодный уборъ и платье à la raузаппе, (по-крестьянски) поелику все уже должно сообразоваться одно другому. А именно составляютъ его: 1) чепецъ à la раузаппе (по-крестьянски) бѣлаго лино-гофре съ маленькими круглыми складками, убранной пунцовою лентою; 2) прическа головы à la cavalière (по мужскому) съ весьма толстымъ шиньономъ и мужскими локонами; 3) большія, круглыя, золотыя серьги; 4) на шеѣ бѣлый, флеровый, пышный, однако-жъ полуоткрытый, платокъ; 5) коротенькій піеро изъ бѣлаго лино à jouг (безъ поделадки) съ маленькими клиньями и бѣлыми флеровыми рукавами; все сіе обшито пунцовою лентою; 6) юпка такая-же, какъ и піеро, и 7) пунцовыя башмачки. Вотъ новѣйшее модное неглиже нашихъ молодыхъ дамъ, которое нравится по причинѣ крайней простоты своей. (См. рисунокъ).

„Пунцовый цвѣтъ есть все еще господствующій для всякой обшивки и ему соперникомъ теперь есть одно только золото, коимъ какъ малый уборъ, такъ и дамское платье, обшивается. Недавно появилась-было здѣсь новая мода, то есть обшивать платье чернымъ и желтымъ цвѣтомъ и оная наименована à la contre révolution (на манеръ контръ-революціи); но, по причинѣ близости ея къ фонарному столбу, была оная немножко опасна, а потому скоро опять исчезла“.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г.¹⁾

1-го генваря. Любопытная и забавная повѣсть мнимаго крестьянина, произшедшаго отъ графской знатной фамилии, переводъ съ итал. языкъ, 2 части, продается въ книжныхъ лавкахъ, противъ Зеркальной линіи, подъ № 18 и 22, у Зотова, и противъ воротъ Ассигнаціоннаго банка, у книгопродавца Изота, безъ перес. по 1 руб., обѣ части; ежели же кто взять пожелаетъ большое количество, тому сдѣлана будетъ нарочитая уступка. (№ 1).

— Продаются книги: Цвѣтъ пчеламъ, медъ женамъ, а соръ дуракамъ, въ бум. 70 коп. Несчастные любовники, или истинныя приключенія графа Коминжа, наполненныя событій весьма жалостныхъ и нѣжныя сердца чрезвычайно трогających, въ бум. 60 коп. (Тамъ же).

— Въ Большой Коломнѣ, на берегу Екатерининскаго канала, въ каменномъ домѣ, подъ № 285, продается мальчикъ, знающій чесать волосы, и добная корова (тамъ же).

— Лучшія моськи продаются противъ Мяснаго ряду, идучи въ Ямскую, въ домѣ Селиванова, подъ № 210. (Тамъ же).

— Недавно привезены сюда двѣ механическія фигуры изъ Лондона, изъ кабинета г. Куна. Одна представляетъ торжество императора великаго Могола, и сдѣлана изъ бронзы, вывощена и украшена драгоценными камнями. и дѣлаетъ многія механическія, весьма удивительныя, движенія. Другая представляетъ двухъ статуй въ человѣчeskій ростъ, играющихъ на флейтѣ разныя аріи поодиночкѣ и вмѣстѣ, посреди конхъ находится мальчикъ, бьющій въ барабанъ и такты ногою, и кланяющійся зрителямъ по окончаніи каждой аріи. Фигуры сіи можно видѣть ежедневно съ 3-хъ часовъ полудня до 7-ми вечера у г. Ліона, содержателя маскарала. Входъ туда изъ воротъ, что на каналѣ, подъ № 48. За входъ платитъ имѣетъ каждый по 1 рублю, а знатныя особы по произволению. Равнымъ образомъ г. механикъ Тевенетъ предлагаетъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190; 589—590; 784—788: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1797 г.

почтенной публикѣ услуги свои въ поправленіи механическихъ, физическихъ и математическихъ инструментовъ. (Тамъ же).

— Желашіе у себя въ домѣ видѣть духовной вертепъ, въ которомъ изображена вся священная исторія Р. Х. въ лицахъ, могутъ спросить въ 7-й линіи, въ первой заочкѣ. (Тамъ же).

5-го генваря. По выс—шему повелѣнію тайн. сов. Трошинскій объявляетъ подполковнику Денисову, просившему 7 тысячъ десятинъ земли, что онъ къ такому награжденію никакого права не имѣетъ. Выключенному изъ службы капитану Тернеру, просившему объ опредѣленіи его паки въ оную, что поведеніе его, по коему онъ изъ службы исключенъ, недостойно уваженія. Войсковому товарищу Яновскому, просившему о пожалованіи пропитанія, — что онъ въ службѣ никакихъ отличностей не оказалъ, за которыя бы достоинъ былъ просимаго награжденія. Гарнизоннаго Сандберга полку рядовымъ Замахаеву и Томилину, которые, будучи изъ церковниковъ, просили освобожденія отъ воинской службы, — что таковыя просьбы ихъ признаны вздорными. Выключенному изъ службы капитану Ушакову, просившему о пропитаніи, — что онаго, подобнымъ ему, не дается. Коллежскому секретарю Алтарнацкому, который просилъ объ опредѣленіи его въ малороссійской губерніи при нижнихъ земскихъ судахъ комиссаромъ или засѣдателемъ, а естли тамъ нѣтъ мѣста, то о назначеніи ему какой-либо должности въ казенныхъ имѣніяхъ съ дачею ему земли и крестьянъ, — что онъ многого просить, а ничего не заслуживаетъ. Состоящему въ Бѣлицкомъ повѣтовомъ судѣ регентомъ губернскаго регистратору Серафимовичу, просившему о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ, — что награжденіе чинами не выпршивается, а дается по заслугамъ и представленіямъ отъ начальства. (№ 2).

8-го генваря. Приказъ, отданный при паролѣ Е. И. В.—мъ е. и. высочеству, наследнику всероссійскому въ Санктпетербургѣ, генваря 4-го, всем—вѣйше пожалованы: генерал-лейтенантъ графъ Ферзенъ и Голенищевъ-Кутузовъ въ генералы отъ инфантеріи. (№ 3).

16-го генваря Е. И. Вел.—во всемп.—ше пожаловать соизволилъ венгерскаго дворянина Монастерли, бывшаго въ своемъ отечествѣ губ. совѣтникомъ и по желанію его выѣхавшаго со всеімъ семействомъ въ здѣшнюю имперію, поселившагося въ Новороссійской губерніи и на вѣчно Е. В. подданною присягу učinившаго—въ чинъ надворнаго совѣтника; сына его Петра Монастерли, бывшаго въ Маленцѣ почтмейстеромъ, — въ титул. совѣтника, и 2-хъ племянниковъ, Николая Симича и Василья Іоанновича, — въ коллежскіе переводчики. (№ 5).

— Ежели кто для расхода при выс—шемъ Е. И. В. дворѣ ставить и ниже просимыхъ цѣнъ взять желаетъ, а именно: за живые гуси 1 р. 50 коп. за cadaго, за индѣйки 2 р. 25 коп., за утки 85 к., за куры 65 к. за каждую, за цыплятъ, въ зимнихъ мѣсяцахъ съ поября по май, 2 р., за голуби молодые 1 р. 30 к. за пару, тѣ люди, съ узаконенными о залогахъ свидѣтельствами и одобреніями отъ присутственныхъ мѣстъ или съ поручительствомъ, въ придворную канцелярію во всякіе дни, кромѣ праздничныхъ, являться могутъ, а безъ таковыхъ о залогахъ увѣреній къ торгу допущены не будутъ. (Тамъ же).

— Черезъ сіе объявляется, что ревельскаго мушкатерскаго полку поручикъ Мейендорфъ находится въ бѣгахъ. (Тамъ же, прибавленіе).

— Издава книга подъ названіемъ: «Любовь—книжка золотая. Люби меня хотя слегка, но долго». Твореніе сіе вообще такого рода, каковаго еще на на-

шесть языкъ поннѣ не было. Такъ отозвались, и при томъ назвали «золотою книжкою» въ одно слово, какъ-бы сѣгласясь, двое знатоки словесности, читавшіе оную въ рукописи до изданія. Книжка сія почти вся, а паче первые листы ея состоятъ изъ притчей (иносказательнаго содержанія). И такъ, дабы уразумѣть прямой смыслъ, который, впрочемъ, весьма забавенъ и любопытенъ, необходимо нужно читать ее не скорохватою, не борзаясь, какъ обыкновенно читаются романы, или какъ нѣкоторые мелютъ дычьи, что ни сами себя, ни слушатели ихъ не понимаютъ. И такъ, читай и внимай. Впрочемъ, любо—читай, а не любо—не читай. Ты и самъ, читатель, думаю, той вѣры, что на всѣхъ угодить и критики избѣжать—мудрено. Чеговѣкъ есть такое животное, которое любить надъ другими смѣяться, и само подвержено равно насмѣшкамъ. (Тамъ же).

19-го генваря. По высочайшему повелѣнію статскій совѣтникъ Нелединской-Мелецкой объявляетъ академикъ и профессору Шуберту, просившему дозволенія поднести проектъ о новомъ штигѣ, отказывается потому, что введеніе новаго штиля съ обрядами и численіемъ церковнымъ несообразно. Представленіе иностранца Вицмана о замѣнѣ кофе какимъ-либо россійскимъ провѣрастевіемъ оставляется безъ уваженія, тѣмъ паче, что провѣрастевіе, конимъ оны замѣнить кофе предполагаетъ, не наименовано. Просившему о принятіи въ службу подпоручику Григорьеву, исключенному изъ оной за болѣзнію, отъ коей бывъ лишенъ ума, находился 3 мѣсяца въ домѣ сумасшедшихъ, отказывается по неблагонадежности его выздоровленія. Мѣщанинъ Натальѣ Хотунцовой, имѣющей желаніе сходить, по обѣщанію, въ городъ Баръ для поклоненія св. угоднику Николѣю Чудотворцу и просившей на проходъ паспорта, отказывается по дальности и опасности пути. (№ 6).

— Желающіе купить, подъ № 32, близъ Казанской церкви, въ домѣ В. М. Ребиндера, одно гнѣздо большихъ цыплятъ, могутъ о цѣнѣ узнать отъ служителя Самойлы Аписимова. (Тамъ же).

— Снѣмъ объявляется, что привезенные недавно иностранные живые звѣри все еще показываются ежедневно отъ 9-ти часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, въ Шуленовомъ домѣ, что у самаго Анничковского моста. Они суть: большой африканской левъ чрезвычайной красоты, леопардъ, барсъ, африканская гіена, большой солнечный орелъ, пеликанъ знатной величины, мандриль, ара бразильская, какаду, двѣ перуши и проч. За входъ платятъ, въ 1-мъ мѣстѣ, по 1 р., во 2-мъ—по 50 коп., въ 3-мъ—по 25 коп., а господа—по произволѣнію. Желающіе смотрѣть ихъ когда ѣдутъ, соблаговолить приходите въ шестомъ часу вечера. При семъ содержатель сихъ звѣрей извѣщаетъ, что оны не только продаютъ ихъ, но и самъ покупаетъ подобныхъ, ежели у кого есть продажна. (Тамъ же).

22-го генваря. Маіору Дружинину, утруждавшему Е. И. В. просьбою своею объ опредѣленіи его судьбою въ воронежскій уѣздный судъ, отказывается, поелки, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ни способности его, ни образъ поведенія не соотвѣтствуютъ пренесянію сего званія. (№ 7).

— Отставному унтеръ-офицеру Рогожину, который, желая вступить въ иноческій чинъ, просилъ пожаловать ему запустѣлое мѣсто бывшаго близъ Володимира Феодоровскаго монастыря для построенія часовни и кельи, и о повелѣніи допускать къ нему безвозбранно посѣтителей и желающихъ жить съ нимъ въ уединеніи, объявляется, что ему въ сей просьбѣ, коея существо есть вздорное, отказано. (Тамъ же).

— Отставному корнету Кобылянскому, просившему о пожалованіи въ Новороссійской губерніи 1,500 десятинъ земли, объявляется, что ему дать оной не за что. (Тамъ же).

— Зыбковского посада купцу Губареву, просившему, что-бы виленское гражданство удовлетворило его 18-ю тысячами рублей, кои у сына его на дорогѣ ограблены въ 1794 г. матежническою партією, объявляется, что нѣтъ никакой справедливости взыскивать съ виленскихъ гражданъ то, что ограблено матежниками. (Тамъ же).

— Выключенному изъ Нижегородскаго мушкетерскаго полку прапорщику Штемпелю, просившему объ опредѣленіи его въ черноморской гребной Кобле баталіонъ, отказано за прихоти. (Тамъ же).

— Служащему при генералѣ отъ инфантеріи Беллешовѣ въ пограничномъ штатѣ кол. рег. Логинову и находящемуся въ подольскомъ губернскомъ правленіи кол. рег. Скачкову, просившимъ объ опредѣленіи ихъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ дѣстровской дивизіи, отказано потому, что перемѣщеніе изъ службы въ службу не вѣстны, и за таковую ихъ дерзость рѣзно сдѣлать имъ выговоръ. (Тамъ же).

— Тобольской епархіи Абацацкаго монастыря вдовому священнику Зудиллову, просившему о возвращеніи изъ военной службы сына его, объявляется, что того сдѣлать нельзя. (Тамъ же).

— Е. И. высочество государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ объявляетъ, что естли кто желаетъ взять на себя постройку лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку съ своимъ матеріаломъ и рабочими людьми пяти солдатскихъ казармъ и одного офицерскаго дома и взять ниже просимыхъ цѣнъ, тѣ бы явились для окончательнаго торгу къ полковнику и адъютанту его Путилову, живущему въ томъ же полку. (Тамъ же).

— Петръ Магію, привелигированный, берейторъ цесарскаго, испанскаго и другихъ европейскихъ дворовъ, имѣетъ честь увѣдомить, что онъ, открывая манежъ свой 24-го числа сего мѣсяца, будетъ показывать свои экзерциціи въ верховой ѣздѣ восемь дней сряду, обѣщая при томъ стараться дабы удостоиться благоволенія почтенныхъ зрителей. Зрѣлище, выстроенное и украшенное наилучшимъ образомъ, находится по Фонтанѣ между Обуховымъ и Семеновскимъ мостами, въ домѣ его пр—ва г. генералъ-лейтенанта Денисова, возлѣ градской больницы. За входъ платать: за ложу въ 1-мъ ярусѣ по 15 р., во 2-мъ—по 10 р., амфитеатра въ 1-хъ мѣстахъ по 1 р., въ 2-хъ—по 50 коп., въ парадисѣ по 25 коп. Билеты можно получать ежедневно въ квартирѣ его, въ городѣ Любежѣ, между Большой Мѣщанской и Кукушкинымъ мостомъ, подъ № 138. (Тамъ же).

29-го генваря. Сего генваря 28-го, въ три часа съ половиною пополудни, во всеобщей радости, разрѣшилась благополучно отъ бремени Ея И. Вел—во, приумноживъ императорскую фамилію великимъ княземъ, нареченнымъ на молитвѣ Микаиломъ Павловичемъ. По окончаніи молитвы, духовникъ Е. И. Вел—ва съ соборомъ отправилъ въ большой придворной церкви благодарное Всемогущему Богу моленіе. Нѣсколько времени спустя сего возвѣщено было народу сіе столь радостное для Россіи происшествіе съ крѣпости и адмиралтейства 201-мъ пушечнымъ выстрѣломъ и выставленіемъ штандарта. Въ 10 часовъ того-жъ утра съѣхались во дворецъ обоюбого пола особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, а въ 11 часовъ—чужестранные министры, дамы въ робахъ, а кавалеры въ праздничныхъ кафтанахъ. Въ половинѣ двѣнадца-

таго часа соизволилъ выдти изъ внутреннихъ апартаментовъ Е. И. Вел.—во въ провожаніи ихъ и. выс.—въ великихъ князей, великихъ княгинь и великихъ князей и изволилъ шествовать установленнымъ порядкомъ со всѣми своими придворнымъ штатомъ въ большую придворную церковь, въ которой, по окончаніи божественной литургіи и благодарнаго Всевышнему моленія, соизволилъ принять поздравленіе отъ членовъ свѣтѣйшаго правительствующаго синода и отъ прочихъ особъ знатнаго духовенства. Возвращаясь изъ церкви, въ кавалергардской комнатѣ подносили поздравленія Е. И. Вел.—ву чужестранные министры, а въ дежурной кавалерской обоюга пола знатныя придворныя особы, государственныя чины и прочія особы, имѣющія входъ за кавалергардовъ. Сего вечера весь городъ былъ иллюминированъ. (№ 9).

— Всемилюстивѣйше произведенъ изъ подполковниковъ въ полковники войска донскаго Денисовъ 6-й. (Тамъ же, приказъ 23-го генваря).

— Отставнаго капитана Лоде прошеніе о личномъ съ Е. И. В.—мъ свиданіи для открытія тайны, состоящей въ излеченіи нѣкоторыхъ болѣзней, оставлено безъ уваженія. (Тамъ же).

— Въ прошедшемъ 1797 г., въ здѣшнемъ столичномъ городѣ, родилось младенцевъ 7,203, въ томъ числѣ мужеска полу 3,676, а женска 3,527; умерло 8,050 человекъ, въ томъ числѣ 4,853 мужеска и 3,197 женска пола. Число найденныхъ въ семъ году мертвыхъ уменьшилось противу прежняго до 147 человекъ: 131 мужескаго и 16 женскаго пола. Вниманія публики заслуживаетъ то, что младенцевъ, менѣе 2-хъ лѣтъ имѣющихъ, померло 2,029, въ томъ числѣ 1690 мужескаго и 339 женскаго пола, да 342 отъ природной оспы. Число родившихся мертвыми простиралось до 26. Сочетавшихся бракомъ 1,422 пары. (Тамъ же).

— Продается книга: «Россійская Памела, или исторія Марин, добродѣтельной поселянки»,—соч. г. Львова, въ пер. 1 руб. 50 коп. (Тамъ же).

— Продается дѣвка 25-ти лѣтъ, кухарка и прачка, и всякую домашнюю работу знающая за сходную цѣну, добраго поведенія; во увѣреніе-же отдается она покупателю на 3 дня разсмотрѣть, о которой спросить на Петербургской сторонѣ, близъ Сытнаго рынку, противъ Пискунова питьянаго дому, на углу, въ первомъ домѣ—мѣщанина Александра Третьякова. (Тамъ же).

2-го февраля. Приказъ, отданный при паролѣ Е. И. Вел.—мъ е. и. выс.—ву, наследнику всероссійскому въ Санктпетербургѣ 28-го генваря. Богъ даровалъ Е. И. Вел.—ву сына его высочество Михаила Павловича, которому и быть фельдехмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона. (№ 10).

— Во всѣхъ странахъ и во всѣ годы, славою и удовольствіемъ себѣ поставляя имѣть нѣчто, могущее приводить намъ на память любимую нами особу. Всѣ старались учинить сіи памятники какъ можно пріятнѣе. Валяніе, гравированіе, живопись и шитье къ тому способствовали, и привели въ такое совершенство, что казалось какъ-будто пожелать болѣе ничего не оставалось. Однако надѣмся, что способъ его гораздо совершеннѣе всего того, что доселѣ было изобрѣтаемо. Онъ дѣлаетъ изъ витыхъ волосъ вензели для перстней, табатерокъ, медаліоновъ, браселитовъ и другихъ галантерейныхъ вещей. Вензели же сіи величиною сходны съ рисунками ему посылаемыми будутъ. Онъ также вьетъ волосы для литеръ, которыми можно писать какими угодно почерками. Каждая литера, составленная изъ плетеныхъ волосъ, отличается отъ грунта и отдѣлена отъ другой. Такъ же дѣлаетъ вензели побольше, для наколокъ и другія вещи для головнаго убора. Дамы, отличающіяся вкусомъ и разборчи-

востію своею, могутъ выдумать все то, что имъ угодно для наряда и прислать ему рисунки; онъ надѣется все то въ скоромъ времени изъ волосъ сработать. Г. Блехъ всегда одинъ будетъ работать въ семь новомъ родѣ искусства, и для того онъ надѣется, что изобрѣтеніе его обыкновеннымъ не сдѣлается, и всегда будетъ имѣть свою цѣну. Онъ будетъ доставлять свою работу за 3 или 4 тысячи верстъ въ такомъ же хорошемъ состояніи какъ и здѣсь, если только присланъ будетъ ему рисунокъ и волосы, и сказано изъ какихъ волосъ каждая литера должна быть сдѣлана. Особы, желающія, видѣть и покупать его работу, могутъ найти его въ домѣ Дѣвкина подъ № 293, въ верхнемъ этажѣ, у Екатерининскаго канала, близъ церкви Казанской Богоматери. (Тамъ же).

5-го февраля. По высочайшему повелѣнію, генераль-квартирмейстеръ, баронъ Аракчеевъ, уволенъ въ отпускъ до излеченія, которому однако-жъ отправлять должность генераль-квартирмейстера. (№ 11).

— Выключенному изъ Великолукскаго мушкетерскаго полку, прапорщику Шафоростову, просившему опредѣленія въ полки московской дивизіи, по высочайшему повелѣнію, объявляется, что онъ, будучи одинъ разъ выключенъ изъ службы за лѣнь, болѣе нигде опредѣленъ быть не можетъ. (Тамъ же).

— Отставному прапорщику Марцынкевичу, просившему объ опредѣленіи пакъ въ службу, объявляется, что онъ, будучи отставленъ по его собственному прошенію, долженъ оставаться въ томъ состояніи, какое самъ себѣ добровольно избралъ. (Тамъ же).

— Могилевскому еврею Бениовичу, приносившему жалобу на жителей города Гадаца, ограбившихъ его въ прошломъ 1797 году, объявляется, что какъ городъ Гадацъ находится подъ владѣніемъ турецкимъ, то и представляется самому ему искать своего удовлетворенія у турецкаго правительства. (Тамъ же).

— Отставному капитану Вельяминову, просившему позволенія носить мундиръ, объявляется, что какъ онаго ему при отставкѣ не дано, то при томъ и остаться онъ долженствуетъ. (Тамъ же).

— Выключенному изъ Тамбовскаго мушкетерскаго полку подпоручику Волкову, просившему объ опредѣленіи въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, отказано за прихоть. (Тамъ же).

— Выключенному за лѣнь и нерадѣніе изъ службы прапорщику Оглобину, который просилъ о принятіи его по прежнему въ службу, отказано для того, что въ оной лѣнныя и нерадивыя терпимы быть не могутъ. (Тамъ же).

— Въ пансіонѣ Августа Вицмана, въ Погенполевожъ домѣ близъ Синяго моста подъ № 106, продается новая книга, подъ названіемъ «Золотая книжка или собраніе новыхъ, доказанныхъ, легкихъ, рѣдкихъ и любопытныхъ хозяйственныхъ опытовъ и искусныхъ дѣйствій въ пользѣ и удовольствію каждаго... № 55. Узнать сколько въсю въ быкъ, не свѣсивши его. № 56. Способъ вырашивать морковь толщиною въ руку, а длиною въ аршинъ. Выучить вошку въ одну минуту писать на 3-хъ или на 4-хъ языкахъ». Сія книжка продается по 5 руб. и кто купитъ ее по 1-е мая сего года, тотъ 2-ю часть получитъ безденежно; для чего при покупкѣ 1-й части будутъ розданы билеты. Кто же до истеченія сего времени ее не купитъ, тотъ не прогибается, есть-ли и за вторую часть принужденъ будетъ заплатить столь же дорого. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Первое изданіе ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ напечатано было въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (всего 500 экз. по 6-ти рублей сер. каждый), ибо естественно предполагалось, что эта книга понадобится специалистамъ, бібліотекамъ учебныхъ заведеній и, пожалуй, любителямъ старины. Съ 1843 года, т. е. года 1-го изданія многое измѣнилось. Преподаваніе церковно-славянскаго языка включено въ программы всѣхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, гражданскихъ и военныхъ, увеличилось количество бібліотекъ, расширился кругъ цѣнителей старинныхъ памятниковъ отечественной письменности. Не только русскими учеными и педагогами языкъ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ принять за основаніе при изученіи *церковно-славянскаго языка* и для лучшаго уразумѣнія формъ *русскаго языка*, но и иностранными учеными (успѣвшими уже два раза переиздать отдѣльныя евангелія, хоть и по своему), въ лицѣ учениковъ Авг. Шлейхера, прямо заявившими, что, по ихъ разумѣнію, основательное изученіе церковно-славянскаго языка сводится главнымъ образомъ къ знанію текста ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ. Поэтому стало необходимымъ имѣть ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ подъ рукою, а между тѣмъ отъ 1-го изданія осталось *одинъ-два* экземпляра, за которые одинъ петербургскій книгопродавецъ *требуетъ по 75 р. с.*

Приступивъ къ переизданію ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ, мы долгомъ считаемъ заявить, что 1) во 2-мъ изданіи удерживается расположеніе и порядокъ 1-го, хотя по формату своему книга будетъ болѣе удобною для пользованія; 2) палеографическія особенности написанія тщательно провѣрены по подлиннику рукописи (XI в.) и изготовлены новые снимки; 3) грамматическія объясненія собственно къ тексту ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ будутъ расширены до степени полноты, обнимающей почти всѣ этимологическія и синтаксическія случаи и примѣры, встрѣчающіеся въ изданныхъ памятникахъ церковно-славянскаго языка, 4) словарь будетъ обработанъ вновь соотвѣтственно словарю Фр. Миклошича.

Издержки на напечатаніе такой книги, какъ **ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ**, по самому характеру изданія значительны; поэтому, при печатаніи ограниченнаго количества экземпляровъ, пришлось бы назначить *цѣну въ 6 р. с.* за экзempl., но мы не рѣшаемся на это въ интересахъ распространенія научнаго знанія и удовлетворенія педагогической потребности и назначаемъ *подписную*

цѣну въ 3 руб. сер.

въ увѣренности, что такое изданіе заслуживаетъ полнаго сочувствія цѣнителей отечественнаго образованія.—Для окончившаго уже свое школьное образованіе и посвятившаго себя практической дѣятельности человѣка такая ученая и учебная книга, пожалуй, что и не нужна; но у каждаго изъ насъ есть близкіе въ лицѣ обучающагося въ учебныхъ заведеніяхъ юношества, объ образованіи которыхъ весьма рачительны прилагаются попеченія; въ околудѣ мѣстожителства каждаго изъ насъ есть церковно-приходское, городское или сельское училище—вотъ для нихъ-то такая книга, представляющая энциклопедію при изученіи церковно-славянскаго языка, принесенная благожелательнымъ ревнителемъ народнаго образованія въ даръ, будетъ цѣннымъ, заслуживающимъ благодарности приобрѣтеніемъ.

Настоящее изданіе печатается *по подпискѣ и въ томъ только количествѣ* экземпляровъ, какое необходимо для раздачи *подписавшимся* заблаговременно, и *затѣмъ въ отдѣльную продажу не будетъ выпущено ни одного экземпляра ни въ какомъ случаѣ ни за какія деньги.* Если подписной суммы будетъ недостаточно даже для покрытія типографскихъ расходовъ, то и 2-го изданія **ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ** не будетъ, а внесенныя подписавшимися деньги будутъ возвращены каждому по принадлежности сполна; если же окажется хоть какой-нибудь излишекъ, то послѣдній пойдетъ на улучшеніе изданія до того совершенства и изящества, которыхъ заслуживаетъ этотъ драгоценный памятникъ, составляющій національную гордость и славу нашей старинной русской письменности.

Всякаю рода корреспонденцію просимъ адресовать такъ: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію 2-го изданія Остромирова Евангелія.

Адресъ Редакціи Почтамту извѣстенъ.

Желающіе получить *подъ бандеролью* печатную квитанцію (изъ шнуровой книги) въ полученіи нами денегъ благоволятъ прилагать *два* почтовыхъ марки по 1 к. с., а нуждающіеся въ какихъ-либо разъясненіяхъ могутъ для отвѣта прилагать установленную для закрытыхъ иногородныхъ писемъ *марку.* Отвѣтъ не замедлится.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и Э. К. Опочинина. Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ—рисунокъ академика В. А. Гартмана; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (большую частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разные эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, учебномъ или литературномъ.

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, полицій-мейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-бригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г. и 1873 г., стола разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе), можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 82 экземпляровъ). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1874 г.—12 книгъ. (Осталось 85 экзempl.). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками—8 руб. съ пересылкою.

О НОВОМЪ ИЗДАНИИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года.

Издание **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библиографическою рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаютъ отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіе четырехъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г., редакція готова приступить къ новому ея изданію, въ томъ случаѣ, если къ 1-му маю 1875 г. въ редакцію поступитъ не менѣе 500 заявленій о готовности приобрести „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г.

Новое изданіе выйдетъ съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Болотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Свряковымъ съ рисунковъ Болотова, виньетокъ.

Цѣна новаго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ.

Водозовова приводит до 300 названий книг, на всех языках, послуживших ей источниками при составлении предлагаемого публики сочинения. Значение этих цитируемых книг, конечно, различно и многими из них автор пользовался, вероятно, и сам с большим интересом; поэтому во труд его мы не встретили места, которые заставляли бы сомневаться в правдивости описаний. Автор начинает с Турции, причем представляет картину Константинополя, затем следует: Албания с Аеоном и Метеорскими монастырями, Черногория, Сербия, Румыния, Греция, Италия, Испания, Португалия, Франция и Швейцария. При описании этих стран автор больше всего обращает внимание на то, чтобы представить всестороннюю картину жизни народа, а не одних привилегированных и образованных классов, обряды и обычаи народа, их увеселения и суевѣрія, занятия и характер. На природу страны обращено внимание там, где она имеет влияние на жизнь народа; не забыты и исторические свѣдѣнія, так как прошлое народа во многом объясняет его настоящее. Одним словом, в книге Е. Н. Водозовой читатель найдет полную картину страны, с которой он хотя бы познакомиться. Особенно полезно труд этот лицам, не имѣющим возможности прочесть в подлинник много томных и часто дорого стоящих описаний отдельных стран. В этом отношении книга Е. Н. Водозовой — не замѣнима и она, без сомнѣнія, будет иметь многолѣтний и вполне заслуженный успѣх в русском читающем и учащемся обществе.

Публичная лекция Ореста Миллера. Русская литература послѣ Гоголя (за исключениемъ драматической) 190 стр.

Десять лекцій этих были с большим успѣхом прочтаны в петербургском собраніи художников и теперь вышли отдельною книгою. Труд уважаемаго профессора представляет весьма приятное явленіе, какъ разработка литературной эпохи, о которой у насъ вѣтъ еще полного изслѣдованія, хотя впрочемъ, сочиненіе г. Миллера далеко не исчерпываетъ предмета, о которомъ говорить. Авторъ объясняетъ неполноту книги тѣмъ, что о некоторыхъ писателяхъ, какъ о Тургеневѣ и Д. Толстомъ, онъ уже говорилъ, а о другихъ будетъ еще говорить. Но, несмотря на неполноту книги, въ ней весьма много вѣрныхъ и вѣткихъ указаний и правдивой оцѣнки лицъ и произведеній.

Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1769—1774 годъ составлена преимущественно по неизвѣстнымъ до настоящаго времени рукописнымъ матеріаламъ генеральнаго штаба полковникомъ А. Пет-

ровымъ. Томъ III, 322 стр., т. IV—234 и 157 стр., т. V—210 стр.

В архивъ нашего генеральнаго штаба хранится множество любопытныхъ матеріаловъ, относящихся къ нашей военной исторіи. Обработка ихъ, конечно, принадлежитъ ближе всего офицерамъ этого штаба. Намъ кажется, что распредѣливъ между тѣми изъ нихъ, которые извѣстны уже своими литературными трудами разработку малоизвѣстныхъ эпизодовъ и вѣховъ нашей военной исторіи, можно было бы скоро пополнить пробѣлы по этой части. Этому могутъ помѣшать только вседневныя, текущая занятія офицеровъ, повидимому довольно сложныя, такъ какъ и авторъ разбираемой нами книги издавъ еще в 1866 году первые два тома ея, заключающее въ себѣ описаніе военныхъ дѣйствій в 1679 и 1770 г., только по прошествіи семилѣтъ могъ окончить свой вполне добросовѣстный и чрезвычайно полезный трудъ. Сочиненіе А. Н. Петрова заслуживаетъ вниманія не только военнаго чловека, но и всякаго, интересующагося исторіей Россіи. Въ этихъ четырехъ томахъ, обнимающихъ военныя событія четырехлѣтъ, заключаются, между прочими, тѣя событія, которые имѣютъ громадное значеніе въ исторіи Россіи: покореніе Крыма, компанія Румянцева на Дунаѣ, Суворовъ въ Польшѣ, взятіе Бозорджика, разбитіе Турокъ у Туртукая, Кучукъ-каинарджскій миръ. Все эти событія разсказаны живымъ литературнымъ языкомъ. Къ книгѣ приложено много плановъ и чертежей сраженій и передвиженія нашихъ войскъ.

Буковинско-русскій календарь, съ иллюстраціями, на 1875 годъ, издавъ обществомъ «Русская Бесѣда», въ Черновѣцѣ, 116 стр.

Обращаемъ вниманіе лицъ интересующихся западными славянами на календарь, вышедшій въ главномъ городѣ Буковины — Черновѣцѣ. Кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, начинающихся лѣтописью событій, относящихся къ Буковинѣ, всего 98 лѣтъ тому назадъ присоединенной къ Австріи и получившей конституцію въ 1861 году, въ книгѣ есть еще «Часть поучительная и забавная», содержащая въ себѣ стихотворенія и разсказы, также статьи изъ естественной исторіи и статистическое описаніе воеводства Буковины. Изъ послѣдняго мы узнаемъ, что въ ней, въ настоящее время, на прострѣанствѣ 189,91 квадрат. географической мили, населеніе простирается до 513,404 жителей, между которыми 376,946 православыныхъ и 16,901 уніатъ. Къ сожалѣнію, статьи календаря написаны тяжелымъ языкомъ, смѣсь малороссійскаго жаргона съ польскими оборотами рѣчи. Къ календарю приложено нѣсколько политипажей и рисунокъ костюмовъ русскихъ крестьянъ въ Буковинѣ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1875 г.

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, — двѣнадцать книгъ, три большаго тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургѣ и въ Москвѣ — **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почте **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородній — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч., въ д. Трута, кв. № 12.

Статьи, которыя будутъ напечатаны въ «РУССКОЙ СТАРИНѣ» 1875 года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній. — IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч. — VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, народніи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в. — Курьезныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки «Русской Старины». — VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв. — Стихи и пѣсни духовныя и раскольничьи. — Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа. — VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческ. книгъ. — IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи «Русской Старины» принимаетъ постоянное участіе М. И. Семеvскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

ФЕВРАЛЬ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Довскаго втамана Адриана Карповича Денисова: главы XVIII—XIX; 1800—1807 гг. Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.	237	X. Листки изъ записной книжки «Русской Старина»: 1) Статуетка: Петръ Великій. Сообщ. г. Мажковъ. (401). 2) Могила княгини Д. М. Мещниковой. Сообщ. П. В. (395) 3) Понарь Халбля 1741 г. Сообщ. А. Подвысоцкій. (396). 4) Челобитная 1747 г. Сообщ. П. Вавиловскій. (397). 5) Продажа женщинъ въ 1760 г. Сообщ. Адинцовъ. (399). 6) Промыслы крестьянъ 1790 г. Сообщ. Н. П. Дуровъ. (402). 7) Фельдмаршалъ М. Ѳ. Каменскій 1806 г. (406). 8) Генералъ Костенецкій. 1780—1831 гг. Сообщ. Я. И. Костенецкій. (407). 9) Исторія Россіи подъ цесаремъ Крессовскаго. 1836 г. (436). 10) Псаломъ и пѣсня о Сепастополи. 1855 г. Сообщ. П. В. Шейнъ и М. И. Венюковъ. (442).	
II. Федоръ Васильевичъ Каразинъ: его жизнь и походы въ старомъ и новомъ свѣтѣ. 1745—1812 гг. Сообщ. Н. П. Дуровъ.	272	XI. Предсказатель монахъ Авель.	414
III. Чарты сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ. Рассказъ Н. И. Костомарова	381	XII. Памятники Западной Россіи	447
IV. Императрица Екатерина II: собственноручныя ея замѣтки	384	XIII. Родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго дома	458
V. Пугачевщина Новые матеріалы. 1774 г. Сообщ. Н. Чупинъ.	390	XIV. О новомъ изданіи «Русской Старина»: изд. 1870 г.	
VI. С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ Н. Н. Вещкаго. Историческое послѣдованіе А. П. Пятковскаго. Гл. II	359	XV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ (на оберткѣ).	
VII. Василій Назаровичъ Каразинъ. Основаніе Харьковскаго университета. 1803 г.	329		
VIII. Оборона Сепастополя: кн. А. С. Мещиковъ въ 1854—1855 гг.	298		
IX. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: автобіографія и переписка. 1813—1869 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ и В. Г. Кастріото-Скандербежъ	339		

При этой книгѣ приложены: I. Рисунокъ статуетки: Петръ Великій. II. Два чертежа изъ сочиненія предсказателя Авеля (см. стр. 428—429). III. Родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго Дома. Составилъ П. П. фонъ-Генцъ.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна за 12 книгъ 8 р. съ пересылкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ тринадцатый. Спб., 1874 г., III, 471, въ 8 д. л.

Въ составъ XIII тома Сборника вошли исключительно донныя нгдѣ не напечатанныя бумаги, относящіяся къ первымъ тринадцати годамъ царствования Екатерины II (съ 1762 по 1775 гг.) въ числѣ 336 записокъ, писемъ, черновыхъ рескриптовъ, указовъ и манифестовъ, писанныхъ императрицею собственноручно. Почти каждый изъ этихъ документовъ важенъ для характеристики великой монархини и можетъ служить матеріаломъ для истории ея царствования. Изъ частной переписки императрицы съ иностранцами, ей лично известными, особенно любопытны письма: къ Фальконе (Фальконету), къ г-жѣ Билеке, къ Вольтеру, Димсделю и д'Аламберу. Изъ сподвижниковъ Екатерины находимъ ихъ всѣхъ; всѣ ея письма къ нимъ относятся къ достопамятѣйшимъ эпохамъ ея царствования; эти эпохи: первая турецкая кампанія, московская чума, раздѣлъ Польши и пугачевщина. Особенно много документовъ касательно чумы и пугачевщины. Въ большей части писемъ Екатерины къ иностранцамъ, о событіяхъ въ Россіи, встрѣчаемъ историческую черту, свидѣтельствующую о ревнивой заботливости государыни къ огражденію своего царства отъ напастей, на него возводимыхъ, и къ опроверженію распространяемыхъ о немъ нелѣпныхъ слуховъ. Заботливо скрывая темныя стороны нашего тогдашняго быта, иногда и промахи администраціи, Екатерина уменьшала степень опасности или мрачности нѣкоторыхъ событий, сообщая о нихъ Вольтеру, или г-жѣ Билеке; такъ напримѣръ, при появленіи чумы въ Москвѣ, императрица въ письмахъ своихъ называла ее «горячкою съ пятнами», досада на превеличныя о ней слухи въ чужихъ краяхъ. Точно также съ шутливымъ презрѣніемъ отзывалась о Пугачевѣ въ самый разгаръ мятежа и т. п.

Хронологическое оглавленіе всѣхъ бумагъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ» съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія и алфавитный указатель именъ (по примѣру предъидущихъ томовъ), даютъ читателю справку въ случаѣ надобности.

Важный, значительный трудъ приведенія всѣхъ этихъ писемъ въ надлежащій порядокъ и добавленіе этого драгоценнаго собранія письмами Екатерины II на французскомъ языкѣ принадлежитъ почтенному академику Я. К. Гроту; менѣе нежели половина этихъ матеріаловъ собрана покойнымъ П. П. Пекарскимъ. Въ протоколѣ чрезвычайнаго собранія Императорскаго русскаго историческаго общества

(25 ноября 1873 года), напечатанномъ на первыхъ страницахъ Сборника, особенно достойна вниманія рѣчь академика А. Ѳ. Бычкова о трудахъ Екатерины II по русской исторіи.

Фритиофъ, скандинавскій вѣтъ—поэма Тегнера. Съ шведскаго перевелъ Яковъ Гротъ. Второе исправленное изданіе. Воронежъ, 1874 г., IV, 170 и 29, въ 8-ю д. л.

Первое изданіе (1841 г.) принадлежитъ къ числу библиографическихъ рѣдкостей и только изъ повременныхъ изданій сороковыхъ годовъ, по отзывамъ тогдашнихъ рецензентовъ—въ томъ числѣ Бялинскаго—донныя можно было видѣть, что «Фритиофъ» принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій нашей переводной литературы.

«Фритиофъ»—прекраснѣйшее изъ всѣхъ поэтическихъ произведеній шведскаго поэта—Исаи Тегнера (род. 2-го (13) ноября 1782 + 2-го (14) ноября 1846 г.)—переложеніе древне-исландской саги (быльни) относящееся, однако, къ своему оригиналу, какъ вычеканенная изъ золота медаль относится къ куску руды. Потому эта появилась въ 1825 г. и, по словамъ переводчика, была «вѣнцомъ славы» Тегнера: ее читала съ восторгомъ вся Швеція; она была переведена на всѣ образованные языки Европы; Гете привѣтствовалъ ее своимъ одобреніемъ и она распространилась по обѣ стороны Атлантическаго океана. Въ Тегнерѣ воскресъ древній скальдъ; каждая строфа его поэмы—картина, живьемъ выхваченная изъ быта скандинавовъ VIII вѣка. Перевести подобную поэму на иностранный языкъ—задача немаловажная, однако же весьма счастливо разрѣшенная а. Я. К. Гротомъ. Плавный, легкій стихъ, подражая благородной простотѣ подлинника, не испещренъ выраженіями прозаическими. Въ иноземной былинѣ слышится намъ нѣчто родное: скандинавскій скальдъ не подражалъ русскому бояну, но въ ихъ пріемахъ что-то общее — и «Плачь Вигеборга» (пѣснь IX, стр. 93) живо напоминаетъ нашу родную «Ярославу» въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Помимо литературнаго достоинства, переводъ г. Грота заслуживаетъ мѣста и въ библиотекѣ любителя исторіи потому, что переводчикъ снабдилъ его любопытнымъ «Очеркомъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ» (X главъ, стр. 3—26), безъ чего и самая поэма не была бы вполне понятна для русскихъ читателей.

Исторія русской церкви, Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго. Томъ VII, 258 стр.

Къ шести уже вышедшимъ томамъ этого важнаго труда нашего почтеннаго ученаго іерарха присоединился въ 1874 году по-

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1870 года.

Изданіе **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библиографическою рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаются отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г., редакція готова наконецъ приступить къ новому ея изданію, въ томъ случаѣ, если къ 1-му мая 1875 г. въ редакцію поступитъ не менѣе **500** заявленій о готовности приобрести „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г.; засимъ новое изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. будетъ напечатано только въ томъ числѣ экземпляровъ сколько поступитъ до означеннаго срока заявленій о желаніи приобрести это изданіе и будетъ разослано лицамъ подписавшимся.

Новое изданіе выйдетъ съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Болотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Сѣряковымъ съ рисунковъ Болотова, виньетокъ.

Цѣна новаго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и Э. К. Опочинина. Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ—рисунокъ академика В. А. Гартмана; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (большую частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ.

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, полицій-мейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кримъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г. и 1873 г., стола разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе), можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 79 экземпляровъ). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1874 г. — 12 книгъ. (Осталось 9 экзempl.). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. продолжается. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763 — 1841.

XVIII.¹⁾

Занятія съ дочерью.—Забота о средствахъ къ жизни.—Вызовъ въ войсковую канцелярію.—Генералы Рѣпинъ, Кожицъ и князь Горчаковъ.—Увольненіе отъ должности.—Формированіе полковъ для экспедиціи въ Индію,—походъ съ ними за Волгу и возвращеніе.—Назначеніе депутатомъ въ Петербургъ.—Поездка въ Москву.—Беклеповъ, Архаровъ, Баклановскій, Татищевъ и Любчанинновъ.—Назначеніе войсковымъ навазнымъ атаманомъ.—Свадьба дочери.

1800 — 1806.

«Въ домѣ я нашелъ моихъ родителей въ добромъ здоровьи и милую мою дочь, которую взяли уже изъ опеки моихъ благодѣтелей, гг. Циммермановъ, хотя нѣсколько рано, но я весьма былъ утѣшенъ успѣхами ея въ наукахъ. Она очень хорошо и правильно говорила по-французски и даже переводила съ русскаго на французской хорошія исторіи, умѣла вышивать и разное вязать — что все конечно нужно благородной дѣвицѣ. Усмотрѣвъ сіе и, какъ отецъ, утѣшаясь, я посвятилъ себя сколько разумѣлъ, чтобъ улутчить ея воспитаніе и напоминать изученное, но видѣлъ себя много незнающимъ. Тогда я обратился съ покорнѣйшею просьбою къ почтеннѣйшей матери моей, дабы научила ее по части экономіи, въ чемъ мать моя, хотя и безъ знанія наукъ, была очень свѣдома. Она не отказала мнѣ, и хотя по старости лѣтъ была согбенна уже, но повела всюду внуку свою

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641; изд. 1875 г., т. XII, стр. 27—49.

сама, и всѣ части хозяйства изъясняя, внушала ей что нужно и что и какъ должно предупреждать и сберегать».

«Успѣхи дочери моей и по сей части привязывали меня болѣе и болѣе ее любить. Тогда только я зачалъ разсуждать о моемъ состояніи, т. е. какія средства имѣю къ жизни, и познавать, что отецъ мой, и въ соединеніи всего его имѣнія, небогатъ, а раздѣля на двѣ части, — такъ какъ я имѣю роднаго брата, почти однихъ лѣтъ, — я весьма выхожу недостаточнымъ въ средствахъ къ жизни, и милому и единому моему дитяти не сдѣлаю большой помощи къ счастью, почему я рѣшился просить родителей, дабы отдѣлили меня отъ брата, съ которымъ хотя пробыли донинѣ мы друзьями, но какъ у насъ съ нимъ общее имѣніе, то не могъ я что-либо предпринимать особо и съ отважностію улутчить доходъ».

«Но я не долго оставался свободенъ и въ домѣ своемъ: войсковой атаманъ Орловъ потребовалъ меня въ городъ Черкасскъ, по прибытіи куда я получилъ повелѣніе — занять мѣсто втораго члена войсковой канцеляріи, что я и исполнилъ».

«Въ это время были присланы государемъ императоромъ на Донъ, для ревизаціи дѣлъ атаманскихъ и войсковой канцеляріи, генералы Рѣпинъ и Кожинъ — что умножило въ войсковой канцеляріи дѣлъ столько, что хотя всѣ члены оной и трудились каждый день, отъ утренней зари до ночи, но не успѣвали всѣхъ дѣлъ приводить въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что генераль Рѣпинъ, занимая въ войсковой канцеляріи первое мѣсто, самъ, по малому знанію порядка судопроизводства, не могъ улутчить и облегчить нашихъ дѣйствій. Вскорѣ онъ, неизвѣстно мнѣ по какимъ резонамъ, былъ смѣненъ генераломъ княземъ Горчаковымъ, которой хотя и показывалъ на словахъ большое познаніе, но также дѣйствіями своими — излишне-ли повелительными или рѣшительными, а часто входя и въ излишне мелочныя дѣла — только увеличивалъ наши труды, а можетъ и потому, что излишне былъ привязанъ къ пріятностямъ жизни».

«Будучи безъ рождыха принужденнымъ трудиться по общимъ войсковымъ дѣламъ, я часто забывалъ о милыхъ моихъ родителяхъ и дочери, стараясь объ одномъ только, чтобы въ точности была исполняема воля государева и чтобы облегчать участь несчастныхъ. Рвеніе и усердіе мое огорчало князя Горчакова, ко-

торой, по честолюбію своему, хотѣлъ, чтобы онъ одинъ только былъ видимъ, и злобился на меня. Онъ искалъ скрытымъ образомъ сдѣлать меня несчастнымъ, чего не найдя, писалъ, — какъ мнѣ извѣстно сдѣлалось послѣ, — къ высшему правительству, что будто я повровительствую старообрядцовъ, а посему и велѣно было меня изъ членовъ войсковой канцеляріи исключить». ¹⁾

«Господинъ войсковой атаманъ Орловъ, зная невинность мою и неуспѣшную дѣятельность, а также уважая и военныя мои заслуги, далъ мнѣ повелѣніе — чтобы я, оставя постъ въ войсковой канцеляріи, спѣшилъ бы въ назначенныя станицы и, составя изъ военныхъ казаковъ тѣхъ станицъ полки, спѣшилъ бы съ оными къ городу Саратову, что на Волгѣ, куда и онъ, со всѣми войска донскаго казаками, слѣдовалъ, что было въ началѣ 1801 г.» ²⁾

«Сдѣлавъ посему нужныя въ сказанныя станицы предписанія и отправивъ оныя изъ города Черкаска съ нарочными, самъ я поспѣшилъ въ домъ свой, въ Нижнюю Чирскую станицу, гдѣ хотя и нашель родителей моихъ и милую дочь въ добромъ здоровьи, но объявленіемъ, что я долженъ спѣшить въ походъ, привелъ ихъ въ трепетъ и чувствительную горестъ; тѣмъ болѣе они сокрушались, что послѣ дальнева и долгаго бытія моего въ Италиі, видѣли меня едва нѣсколько недѣль и должны провожать въ неизвѣстный край».

«Пробывъ тогда дома не болѣе восьми или десяти дней, и какъ отецъ мой имѣлъ домъ въ Нижней Чирской станицѣ, въ которой я нашель готовыми около 1,000 военныхъ казаковъ, то, составя изъ нихъ полкъ, отправилъ его въ назначенный путь, а самъ, простясь съ милыми моему сердцу родителями, дочерью и всѣми родственниками, спѣшилъ въ другія станицы, гдѣ находя всѣхъ уже готовыми, составлялъ полки и отправлялъ одинъ за другимъ. Потомъ поспѣшилъ въ послѣднюю войска донскаго станицу, на р. Бузулугѣ состоящую, дабы тамъ, черезъ которую должны всѣ полки проходить, оныя еще осмотрѣть и обривизовать».

¹⁾ Денисовъ засѣдалъ въ канцеляріи съ 25-го августа 1800 г. по 3-е февраля 1801 года.

Ад. Ч.

²⁾ Полки назначались для экспедиціи въ Индію. См. «Письма императора Павла къ атаману Орлову» въ «Рус. Стар.» изд. 1873 г., т. VIII. стр. 409.

Ад. Ч.

16*

«Такимъ образомъ, составя 11 полковъ и приведя оныя въ возможной, по скорости, порядокъ, я спѣшилъ съ оными, безъ роздыха, къ рѣкѣ Волгѣ, въ Саратовской губерніи. Въ этотъ годъ въ оныхъ мѣстахъ снѣга были довольно велики, а въ сіе время зачали оказываться оттепеди; маленькіе логи составляли изрядныя рѣчки отъ растаившаго снѣгу, и мы болѣе брели въ водѣ, нежели видѣли хорошую дорогу, ибо и снѣгъ былъ наполненъ водою».

«Продолжая такимъ образомъ походъ, я нигдѣ съ полками не останавливался, какъ только на ночлеги; дошелъ до рѣки Волги и недалеко отъ города Вольска остановился въ одномъ большомъ казенномъ селеніи, съ тремя передовыми полками, уже поздно. Въ этотъ весь день шелъ небольшой дождь, отчего я боялся, чтобы Волга-рѣка не открылась отъ льда, чѣмъ бы и затруднила помы въ переправѣ. Я приказалъ полкамъ быть готовымъ рано къ переправѣ, а старостѣ селенія приказалъ, чтобы всѣ мужеска пола люди, которые могутъ дѣйствовать, были готовы, съ веревками, которыхъ и нашлось до 300 человекъ».

«Проснувшись рано, до свѣта, первою надобностію я счелъ спросить часоваго—нѣтъ-ли морозу, которой отвѣчалъ, что нѣтъ и дождь идетъ. Тогда вскоча, послалъ съ повелѣніями ардинарцовъ, чтобы помы тотчасъ же выступили къ переправѣ и самъ, потребовавши лошадей, поскакалъ къ онымъ, куда первый и явился. Въ ту-жъ минуту явились ко мнѣ и полковые командиры».

«Тутъ, въ глазахъ нашихъ, не разрываясь, ледъ тронулся и на нѣсколько саженой подался внизъ, однако остановился. Я приказалъ: несмотря на этотъ ненадежный ледъ пробовать идти чрезъ Волгу; мужиковъ, съ веревками, поставить чрезъ всю Волгу, по пяти человекъ вмѣстѣ, придавъ онымъ нѣсколько казаковъ, съ тѣмъ, чтобы ежели близъ оныхъ лошадей или человекъ провалится, давали бы помощь. Человекъ сорокъ, или и болѣе казаковъ, разными мѣстами повелі на ледъ лошадей, которыя всѣ недалеко отъ берега провалились; но какъ были взяты всѣ предосторожности, то ни одна не утонула: всѣ лошади были вытянуты и возвращены на берегъ».

«Казаки смотрѣли на меня въ сокрушеніи и ужасѣ, а я, задумавшись, разсуждалъ: какимъ бы образомъ, не останавливаясь, переправиться? Я видѣлъ, что и по сдѣланнымъ предосторожно-

стамъ многія лошади будутъ проваливаться и, хотя навѣрное полагають, что будутъ вынуты, но ужасала меня мысль, что ежели когда будетъ казаковъ много на льду и оной тронется, то могутъ потонуть и казаки многіе. Въ этотъ моментъ приводятъ во мнѣ моихъ лошадей, которыя были и рослѣе и тучнѣе казачьихъ. Зная, что весною тѣмъ далѣе отъ берега, особливо на большихъ рѣкахъ, тѣмъ крѣпче бываетъ ледъ, и надѣясь на это, приказалъ я вестъ моихъ лошадей впередъ, съ тѣмъ, что ежели изъ нихъ которая и провалится, то чтобы вытягивали и продолжали вести впередъ.

«Лошади мои, хотя ихъ было и болѣе десяти, провалились, а нѣкоторыя проваливались по нѣсколько разъ, но были всѣ вытянуты, и когда доведены были до глубины, то ледъ оказался довольно крѣпокъ. Тогда я приказалъ — съ лутчею отважностію вестъ оныхъ рысью, держась недалеко отъ поставленныхъ мужиковъ, и когда увидѣлъ я, что онѣ пробѣжали уже половину рѣки, и хорошо, тогда приказалъ и полкамъ исполнить то-же, что и сдѣлано было. На другомъ берегу потерпѣли многія лошади тоже, такъ что въ 3-хъ полкахъ было провалившихся болѣе 700 лошадей, но ни одна изъ нихъ не утонула. Только одинъ казакъ нечаянно упалъ и зашибъ себѣ голову, отчего нѣсколько часовъ былъ безъ чувствъ, но скоро приведенъ въ чувство и сдѣлался здоровъ. Всѣ полки часовъ въ четыре, и много въ пять, переправились черезъ Волгу».

«Тогда, расположа оныя три полка по ближайшимъ селеніямъ на квартиры, я сдѣлалъ нужныя предписанія сзади идущимъ полкамъ, чтобы они слѣшили идти къ рѣкѣ Волгѣ и старались до открытія оной ото льда перейти черезъ нее, которые и выполнили въ точности и перешли рѣку безъ всякаго бѣдствія, а самъ я, съ передовыми полками, дошелъ до одного старообрядческаго монастыря, на р. Иргизѣ находящагося, гдѣ вдругъ получаю повелѣніе учинить присягу со всѣми полками принявшему державу, великому государю нашему Александру Павловичу — что въ то-же время и немедленно было исполнено».

«Скоро, въ самой тотъ-же день, получилъ я и другое повелѣніе: возвратиться со всѣми полками въ дома ихъ, о чемъ въ тоже время предписано было мною командирамъ возвратиться къ Волгѣ и находить способы къ обратной переправѣ черезъ оную. Самъ

я остался на квартирѣ, съ моею канцеляріею, для окончанія письменныхъ распоряженій, нужныхъ какъ по донесенію объ учиненной присягѣ, такъ и по распоряженію о будущемъ слѣдованіи полковъ на Донъ. Исполнивши все сіе, я на другой день поѣхалъ догонять полки и нашелъ оныя при переправѣ чрезъ Волгу по одной, можно сказать, льдинѣ. Большая крига, шириною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ полуверсты и менѣе, крѣпко уперлась въ оба берега, а выше и ниже рѣка ото-льду была уже открыта: казаки, отъ удовольствія, что возвращаются въ дома, отважились по одной кригѣ перейти».

«Хотя тогда было уже менѣе 10-й части не переправленныхъ казаковъ, но считая, что такая переправа была очень опасна, я сдѣлалъ за такую отважность строгой выговоръ полевымъ командирамъ, но когда начали меня просить всѣ остальные казаки чтобъ позволилъ тѣмъ-же способомъ переправиться, то я принужденъ былъ рѣшиться выполнить ихъ желаніе, и самъ по тому же льду перешелъ. Сей опасный мостъ, какъ бы нарочито къ переходу нашему судьбою устроенный, чрезъ 3, а много чрезъ 5-ть часовъ, быстротою воды былъ уничтоженъ. На другой день, рано, принеся Всевышнему, при собраніи всѣхъ полковъ, благодареніе, полки, по назначеннымъ маршрутамъ, пошли къ донскимъ предѣламъ».

«Скоро послѣ сего, не упомню въ которой день, получилъ я повелѣніе отъ г. войсковаго атамана, Орлова, чтобъ распорядить такъ, дабы всѣ полковые командиры, войдя съ полками въ предѣлы донскіе, распустили казаковъ, при офицерахъ, въ ихъ дома и сами бы тожъ отправились въ свои дома; а я явился бы къ нему въ Качалинскую станицу; куда прибывъ, нашелъ уже Орлова въ сказанной станицѣ со всѣми бывшими въ походѣ войска донскаго господами генералами.»¹⁾

«Здѣсь, на третій день, узналъ я, что войсковою атаманъ Орловъ назначаетъ меня депутатомъ для принесенія императору Александру I поздравленія отъ войска Донскаго съ восшествіемъ на престоль. Мнѣ не позволено даже повидаться съ родными, но разрѣшено послать въ домъ. (200 версть отъ Качалинской ста-

¹⁾ По формулярному списку эта командировка завяла время съ 21-го февраля по 15-е апрѣля 1801 года. Всѣхъ Донскихъ полковъ отправлялось въ Индію—20.

ницы) нарочнаго за всѣмъ, что мнѣ нужно для пути въ столицу. На четвертый или пятый день, я, съ двумя другими депутатами, (полковниками: Грековымъ и Иловайскимъ) отправился въ Петербургъ».

«Я пріѣхалъ безъ всякаго особеннаго приключенія; явился по командѣ, какъ слѣдовало, и былъ представленъ къ государю императору. Послѣ, всѣ надобности войска донскаго объяснилъ бывшему тогда генераль-прокурору, Александру Андреевичу Беклешову, которыя государь императоръ рѣшилъ, по представленію войсковаго атамана, въ пользу войска донскаго, о чемъ (я) немедленно увѣдомилъ войсковаго атамана, а самъ, отправивши бывшихъ при мнѣ вышесказанныхъ гг. полковниковъ къ войску (на Донъ) и испрося позволеніе, остался въ С.-Петербургѣ, и нѣсколько мѣсяцовъ неравлучно жилъ въ одномъ домѣ съ дядею моимъ, графомъ Федоромъ Петровичемъ Денисовымъ».

«Когда же государь императоръ предпринялъ короноваться и всѣ чины двора и прочія, должныя тамъ быть, лица начали отправляться въ Москву, дядя мой, графъ Денисовъ, отъѣхалъ въ деревни свои съ предположеніемъ быть тоже при коронаціи въ Москвѣ. И я отправился въ Москву-жъ, куда дядя и я прибыли почти въ одно время».

«Тутъ, бывши на свободѣ, я занимался обсужденіемъ собственнаго моего положенія: видя небогатое состояніе отца моего и что самъ я, возвышаясь въ чинахъ, могу болѣе и болѣе терпѣть недостатокъ и соскучася такое продолжительное время жить внѣ дома своего, рѣшился я искать отставки съ награжденіемъ хотя малаго пенсіона. Я просилъ о семъ тогда бывшаго президента военной коллегіи, г. Лампа, которой хотя милостиво выслушалъ меня и обѣщаль ходатайствовать, но чрезъ короткое время объявилъ мнѣ, что государь императоръ желаетъ, чтобъ я продолжалъ службу и совѣтоваль, чтобъ я не присидя въ отставку, чему я и послѣдовалъ. Однако, объясняя ему небогатое мое состояніе, просилъ, чтобъ во время, когда я буду находиться при домѣ, было производимо мнѣ, по чину моему, жалованье, что онъ обѣщаль искодатайствовать по возвращеніи въ С.-Петербургъ. Оставаясь въ сей надеждѣ, я, послѣ коронаціи, поѣхалъ домой, гдѣ нашель родителей моихъ и дочь здоровыми».

«Видя себя въ уединеніи, не имѣющимъ никакихъ средствъ и

будучи во всемъ зависимъ отъ родителей моихъ, терпя во многомъ недостатокъ и не находя свободы все то улутчить, я искалъ съ должною сыновнею покорностию, чтобъ родители меня отдѣлили, давъ сколько имъ заблагорассудится изъ имѣнія ихъ».

«Я былъ счастливъ, что имѣлъ такихъ родителей, которые умѣли воспитывать дѣтей и снисходить на ихъ нужды; но, по нѣкоторому разсужденію, такъ какъ братъ мой былъ еще не женатый, и ихъ желаніе было, чтобъ мы жили нераздѣльно, чѣмъ бы домашнее изобиліе наше было лутче, наконецъ они рѣшились и раздѣлили насъ, отдавъ намъ все имѣніе недвижимое и скотоводство».

«Получа такое милостивое отъ родителей моихъ награжденіе и видя, что наслѣдница моя, какъ дѣвица и бывъ въ совершенной еще юности, не можетъ управлять съ должною выгодною скотоводствомъ, а я, оставаясь еще въ военной службѣ, могъ быть скоро и внезапно отлученъ отъ дома, рѣшился, не теряя времени, улутчить свое состояніе: всѣ стада—конныя и скотскія—послалъ на ярмонки продать. Черезъ это я собралъ тысячъ 30 денегъ и, испрося позволеніе, поѣхалъ въ Москву. Бывъ въ Тамбовѣ у моего благодѣтеля, г. Циммермана, я совѣтовался съ нимъ—какимъ бы образомъ лутче купить недвижимое имѣніе, по наставленію котораго искалъ и нашель такое имѣніе, которое купить за 75 тысячъ—510 душъ по ревизской сказкѣ, а со вновь родившимися нашель 570 душъ.¹⁾

«Хотя по числу людей оное имѣніе пришло мнѣ недорого, но по доходамъ, тогда бывшимъ, и въ разсужденіи того что я сдѣлался долженъ до 50 тысячъ, имѣніе сіе причиняло мнѣ большое затрудненіе и столько отягощало, что я рѣшился уже продать половину онаго, а улутчить оное я не былъ свѣдущъ въ экономіи и не имѣлъ времени, тѣмъ болѣе, что, возвратясь изъ Москвы, не могъ больше имѣть времени 3-хъ или 5-ти дней, чтобы принять только оное въ мое владѣніе и слѣшилъ опять въ Тамбовѣ—взять у моихъ благодѣтелей дочь мою, которая, какъ я находился въ Москвѣ, была отпущена къ нимъ (Циммерманамъ) родителями моими, по настоянію самихъ гг. Циммермановъ, любившихъ ее какъ родную свою дочь».

¹⁾ По формулярному списку за 1818 годъ значится у Денисова 837 душъ въ Землѣ Войска Донскаго и въ Воронежской губерніи. Ах. Ч.

«Я все это сдѣлалъ, и уже когда снѣга растаяли, весною, возвратился домой. Дождавъ лѣтней дороги, я одинъ поѣхалъ опять въ мое имѣніе, которое есть Воронежской губерніи, Павловскаго уѣзда, недалеко отъ предѣловъ донскихъ, называемое «хуторъ Елизаветовской», а нынѣ переименованъ мною: «слободка Елизаветовка», гдѣ я пробылъ не болѣе 2-хъ мѣсяцовъ и, нѣсколько улутча, оставаясь довольнымъ и тѣмъ, а особо, что тогда же отъ продажи нѣкоторыхъ вещей приобрѣлъ тысячъ до пяти денегъ, возвратился опять въ домъ свой, гдѣ бытность моя была необходима въ разсужденіи малолѣтства дочери моей. Но я не могъ наслаждаться покоемъ въ разсужденіи долговъ, изъ которыхъ половинную часть слѣдовало мнѣ заплатить въ срокъ, чрезъ годъ».

«Слѣдуя всегдашнимъ моимъ правиламъ, чтобъ слово мое было исполняемо всегда въ точности, я искалъ тѣхъ людей, которые были бы денежны и повѣрили бы мнѣ съ отсрочкою на большее время».

«Тутъ я нахожу удобнѣйшимъ мѣстомъ сдѣлать извѣстнымъ случившееся со мною при покупкѣ крестьянъ, въ Москвѣ, гдѣ былъ тогда генераль-губернаторомъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, которымъ, когда я явился, принять былъ благосклонно и тотъ же день прошенъ у него отобѣдать, а когда объявилъ я ему, что я пробуду въ Москвѣ долго, то онъ просилъ, чтобы я бывалъ у него и часто. На третей или четвертый день, (онъ) пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ общее благородное собраніе, по входѣ въ которое встрѣлись мы съ особою большого роста, видною собою и орденами украшенною. Генераль-губернаторъ обошелся съ нимъ какъ съ знакомымъ. Тогда оная особа, обернувшись ко мнѣ, отозвалась какъ знакомая; но я былъ принужденъ признатца, что оную не угадываю. Тогда онъ мнѣ припомнилъ время и Новгородъ. Тутъ я вспомнилъ, что имѣю счастье видѣть Ивана Петровича Архарова и засвидѣтельствовалъ ему должное мое почтеніе. При семъ онъ взялъ меня за руку и связалъ:

— «Я очень радъ, что васъ вижу въ Москвѣ. Я живу здѣсь съ женою и съ дѣтьми, имѣю собственной домъ, и когда вы ко мнѣ пожалуете, всегда буду радъ. Въ особенности прошу бывать у меня въ обѣду и въ вечеру».

«Я не упустилъ это сдѣлать, и на другой день явился у его

высокопревосходительства съ моимъ почтеніемъ, гдѣ и былъ от-
рекомендованъ супругъ его и дочкамъ. Своро послѣ того, на тре-
тей или четвертой день, я имѣлъ случай съ супругою его, Ека-
териною Александровною, играть въ обыкновенную мою, малень-
кую игру, бостонъ, при какомъ разѣ сія препотеннѣйшая дама
начала меня спрашивать съ материнскимъ вниманіемъ о мно-
гихъ обстоятельствахъ, до меня относящихся. Когда дошла матерія
о случаѣ, по которому я пріѣхалъ въ Москву, и когда я ей въ
томъ объяснялся, то она мнѣ сказала:

— «Да, я слышала отъ мужа моего, что вы пріѣхали поку-
пать крестьянъ, и вѣрно съ деньгами?»

«Это правда», — отвѣчалъ я.

— «Вы стоите въ трактирѣ, гдѣ людей много, а деньги не
въ большой шкатулѣ, которую, ежели злодѣй не захочетъ ло-
мать, можетъ, и весьма удобно, унести».

«Другого способа не имѣю ихъ хранить», — отвѣчалъ я.

— «Какъ же ты, котораго мужъ мой полюбилъ какъ друга,
не отдашь мнѣ твоихъ денегъ на сбереженіе, которыя бы я по-
ставила тамъ, гдѣ хранятся мои лутчія сокровища и гдѣ ежели
мое имѣніе будетъ цѣло, то и ваши деньги не будутъ украдены».

«Видя таковое отъѣнное одолженіе, я благодарилъ ее самымъ
чувствительнымъ образомъ и просилъ кончить нашу игру и поз-
волить (мнѣ) ѣхать за моею шкатулкой. Не теряя минуты, по-
скакалъ я въ мою квартиру и возвратился поспѣшно съ шкатул-
кою, которую, представя, просилъ поворнѣйше — приказать по-
ставить гдѣ ей заблагоразсудится, что она, призвавъ управляю-
щаго доможъ, и сдѣлала».

«Его высокопрев-ство Иванъ Петровичъ (Архаровъ), при по-
купкѣ мною крестьянъ, совѣтами своими и наставленіями сдѣ-
лалъ мнѣ очень много таже одолженія. Когда уже я сторговалъ
то имѣніе, которое купилъ, и уже написана была договорная,
вышелъ у насъ съ продавцомъ отъ недоразумѣнія споръ: я, ос-
таваясь ему должнымъ 22 или 24 тысячи, полагалъ обезпечить
оня залогомъ тѣхъ же купленныхъ мною крестьянъ, а прода-
вецъ хотѣлъ, чтобъ я представилъ ему изъ московскихъ жителей
вѣрныхъ поручителей и, конечно, не соглашался на мои пред-
ставленія. Не имѣя ни родства, ни короткой дружбы съ кѣмъ-
либо изъ московскихъ жителей и чтобъ не упустить покупкою

того имѣнія, я, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, принужденъ былъ открыться его высокопрев-ству Ивану Петровичу Архарову—на что онъ съ благосклонностію показалъ свою готовность. Но продавецъ, когда я ему объявилъ о томъ, отказался, представляя, что онъ такъ великую особу не смѣетъ принять за моего поручителя».

«Не зная, что въ такомъ случаѣ дѣлать, я открылъ о сихъ моихъ затрудненіяхъ очень мнѣ знакомому, генераль-маіору Михаилу Алексѣевичу Баклановскому, который женатъ на дочери полковника Жукова, съ которымъ былъ я также знакомъ и часто бывалъ въ домѣ его».

«Въ одинъ вечеръ, бывъ въ домѣ у г. Жукова, пріѣхали туда-жъ два незнакомые мнѣ господина, которые съ хозяевами обошлись какъ свои. Занимаясь бостонною игрою, я долго не былъ внимателенъ къ пріѣзжимъ симъ особамъ; наконецъ увидѣлъ, что они съ генераломъ Баклановскимъ что-то въ особенности говорятъ и поглядываютъ на меня. Когда-жъ кончили мы игру, то генералъ Баклановскій познакомилъ меня съ ними. Тутъ я узналъ, что это господа Татищевы, дядя съ племянникомъ; послѣдній гораздо моложе былъ, среднихъ лѣтъ, очень ловкая и стройная особа, и мнѣ весьма понравился. Это былъ отставной гвардіи поручикъ, Александръ Алексѣевичъ. По окончаніи игры, какъ я былъ свободенъ, я мысленно занимался моимъ дѣломъ и сдѣлался задумчивъ. Въ эту минуту сказалъ мнѣ генералъ Баклановскій:

— «Не думай много, генералъ; все будетъ хорошо».

«Съ этимъ я и поѣхалъ на свою квартиру. На другой день гг. Татищевы и Баклановскій пожаловали ко мнѣ. Александръ Алексѣевичъ Татищевъ просилъ меня къ нему тотъ же день на обѣдъ, представляя, что супруга его хочетъ въ особенности со мною познакомиться; въ чемъ, конечно, я ему и не отказалъ. Пріѣхавъ, я былъ принятъ хозяевами ласково, и даже дружественно, и когда сѣли, до обѣда еще, играть въ бостонъ, хозяйка дома, которая также участвовала въ игрѣ, сказала супругу своему, примѣтивъ конечно что я былъ нѣсколько задумавшись, чтобъ онъ мнѣ открылъ то, что вознамѣрился сдѣлать; при чемъ онъ объяснилъ такъ: что, вчера, узнавши отъ генерала Баклановскаго, что я покупаю имѣніе и имѣю большое затрудненіе въ поручительствѣ по нѣкоторымъ сдѣлкамъ съ продавцомъ.

слишкомъ на 20 тысячъ рублей, онъ былъ въ тотъ же день у тестя своего, въ отставѣ бригадира, г. Любочанинова, и разсказалъ ему исторію мою, касающуюся до покупки имѣнія. На это послѣдній сказалъ: «какъ же это можетъ быть, что благородной человѣкъ, дослужась въ полкъ за отечество до генеральскаго чину, пріѣхалъ за добрымъ дѣломъ и въ матушкѣ Москвѣ не находитъ себѣ помощи? Поѣзжай завтра къ нему рано и скажи — что я поручкою, а въ случаѣ ежели бы продавецъ не согласился на это, то заплачу наличными деньгами, въ годъ, безъ процентовъ. Александръ Алексѣевичъ на эти слова ему отвѣтилъ, что онъ старъ, а замѣнить его онъ самъ. Г. бригадиръ согласился и подтвердилъ ему, чтобы онъ непремѣнно исполнилъ, и — онъ былъ уже у продавца, говорилъ съ нимъ о семъ дѣлѣ и согласилъ его на оное».

«Слышавъ все сіе, я былъ не то что обрадованъ, но даже удивленъ такимъ благороднымъ поступкомъ, благодарилъ его чувствительнѣйшимъ образомъ и просилъ его, чтобы онъ поѣхалъ со мною къ г. Любочанинову. По пріѣздѣ къ нему, по короткомъ объясненіи, также я его благодарилъ и просилъ ихъ обоихъ, чтобы они сдѣлали законное со мною обязательство о принятіи въ залогъ купленныхъ мною крестьянъ. Они однако отъ того отказались, сказавши: «мы вѣримъ вашему честному слову». Считаю поступокъ сей какъ рѣдкую добродѣтель, поставилъ я себѣ въ долгъ въ подробности объяснить оной и вѣчно остаюсь за него благодарнымъ».

«И такъ, живя дома займомъ въ долгъ столькой суммы, которую слѣдовало мнѣ чрезъ годъ уплатить, я въ срокъ отправилъ оную куда слѣдуетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, чрезъ письма, благодарилъ моихъ благодѣтелей и увѣдомилъ, что сумма, въ которой они обязались за меня, мною уплачена».

«Между тѣмъ, занимаясь всегда улутченіемъ воспитанія моей дочери, которая, по моему положенію и молодости своей, требовала неотлучнаго моего присутствія, среди сихъ домашнихъ заботъ моихъ, въ 1805 году, неожиданно и сверхъ желанія моего, получилъ отъ г. войсковаго атамана, Матвѣя Ивановича Платова, предписаніе — прибыть къ нему въ Черкасскъ и принять должность войсковаго наказнаго атамана, а его превосходительство отправился въ С.-Петербургъ».

«Вступивъ на такъ высокой, многотрудной и совсѣмъ мнѣ незнакомой постъ, я былъ принужденъ какъ бы вновь учиться грамотѣ, занимаясь ежедневно множествомъ письменныхъ дѣлъ, нарядомъ на службу войскъ и инспектированіемъ отходящихъ на службу и приходящихъ съ оной полковъ, и съ особымъ вниманіемъ я долженъ былъ наблюдать войсковой канцеляріи за вторымъ членомъ, г. генераломъ Курнаковымъ, котораго, по общему всѣхъ жителей донскаго войска заключенію, разумѣлъ я хитрымъ, лукавымъ и сребролюбивымъ. Стараясь, чтобы дѣйствія мои были согласны съ правилами законовъ и сколько можно лучше, я не имѣлъ уже времени заниматься имѣніемъ моимъ, и еще не получая никакихъ денежныхъ для жизни своей подкрѣпленій болѣе какъ только по чину генераль-маіора жалованья, а на жизнь принужденъ былъ издерживать по своему должностному положенію болѣе нежели состояніе мое позволяло, хотя удалялся не только роскоши, но часто и нужнаго не имѣлъ, чѣмъ и умножилъ мои долги нѣкоторою суммою».

«Но дочь мою я однако же не могъ забыть: положеніе ея, при больной матери и при находящейся въ глубокой старости бабушкѣ, дѣлало ее какъ-бы осиротѣвшею. Поэтому, вдовствующую сестру мою убѣдилъ я поворнѣйшею просьбою, чтобы она съ нею ко мнѣ пріѣхала, въ чемъ она, по добродушію своему, и не отказалась. По пріѣздѣ ихъ ко мнѣ, скоро явился отставной полковникъ Егоровъ, съ предложеніями, чтобы я выдалъ за него въ замужество дочь мою, которая также объявила мнѣ, что она готова повиноваться моей волѣ, ежели я согласенъ выдать ее за него. Я исполнилъ ихъ обоюдное желаніе и обручилъ, а потомъ отправилъ ее съ теткою въ домъ мой, въ бабушкѣ, прося покорнѣйше мать мою изготовить все нужное для такого случая; самъ же я остался при своемъ постѣ, а нареченный зять поѣхалъ къ себѣ въ домъ, состоящій въ Орловской губерніи, съ тѣмъ, чтобы въ назначенное время пріѣхать ко мнѣ».

«Къ большому моему утѣшенію я не долго оставался въ семъ затруднительномъ положеніи: г. войсковой атаманъ, Платовъ, въ 1806 году, марта 27-го числа, возвратился на Донъ въ Черкасскъ.¹⁾

¹⁾ Денисовъ занимать должность наказнаго атамана съ 8-го октября 1806 по 26-е марта 1806 года.

И донесъ ему о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и сдѣлавъ во всемъ вѣрный отчетъ, просилъ его объ увольненіи меня въ домъ и чтобы за время нахождения моего были мнѣ отпущены слѣдующія столовыя деньги. На первое Платовъ скоро согласился; касательно же денегъ, хотя я и убѣждалъ его моими представленіями, но получилъ рѣшительной отказъ и принужденнымъ нашелся кредиторовъ своихъ удовлетворить векселями. Я поспѣшилъ въ домъ мой, куда и прибылъ безъ всякаго приключенія. Скоро послѣ сего и полковникъ Егоровъ ко мнѣ пріѣхалъ, и какъ уже соглашеніе наше было сдѣлано и всѣ надобныя вещи были приготовлены, то непродолжительно и бракосочетаніе ихъ было исполнено.¹⁾

«Видя дочь мою въ такомъ пристроенномъ положеніи, я оставался болѣе уже свободнымъ заняться моимъ хозяйствомъ и потому располагался ѣхать по моимъ имѣніямъ, но, сверхъ чаянія моего, дочь моя сдѣлалась больна, чѣмъ и остановила меня въ моихъ намѣреніяхъ. Я никакъ не могъ принудить себя оставить ее при слабомъ здоровьи и былъ неразлучно съ нею, чрезъ что хотя и былъ въ затрудненіяхъ что лишаюсь я случаевъ улучшить мое состояніе, но находилъ и утѣшеніе, бывъ неразлучно съ дѣтьми».

«Вдругъ получаю отъ г. войсковаго атамана вторичное повелѣніе явиться къ нему для занятія того же наказнаго атамана поста, куда хотя съ большимъ сокрушеніемъ я явился и убѣдительноше его превосходительство просилъ—отъ сего, хотя, впрочемъ, многотитупнаго поста, уволить меня, представляя, что ежели нельзя меня оставить свободнымъ хотя на годъ, то бы повелѣлъ ѣхать въ дѣйствующую армію, гдѣ я совершенно знаю мою должность и болѣе любезному моему отечеству могу быть полезнымъ, но всѣ мои убѣжденія не были уважены. При семъ разѣ просилъ я его, чтобы столовыя деньги мнѣ были выдаваемы, но и въ томъ мнѣ отказано было съ обнадеживаніемъ, впрочемъ, въ безгласныхъ, какихъ-то милостивыхъ награжденіяхъ. Я также

¹⁾ Иванъ Аванасьевичъ Егоровъ былъ одинъ изъ офицеровъ гатчинской команды гвардейскихъ донскихъ казаковъ; онъ, по примѣру другихъ товарищей своихъ, былъ пожалованъ императоромъ Павломъ I вотчиною въ 100 душъ крестьянъ въ Орловской губерніи; въ этой вотчинѣ и проживалъ Иванъ Аванасьевичъ до кончины своей, въ 1843 году.

просилъ, чтобы была мнѣ отведена земля сообразно тѣмъ (участкамъ), каковыя имѣютъ равные мнѣ генералы, въ чемъ хотя и не отказывалъ, но не столько чтобы уравнить меня и съ младшими генералами, а сколько земли дается нижнимъ чинамъ. По усиленному моему настаиванію Платовъ хотя и прибавилъ (земли), но весьма въ уменьшительномъ видѣ, какъ равные мнѣ имѣли оной. Не любя всегда спорить и жаловаться, а особо на моихъ начальниковъ, я остался и при томъ».

«Принявъ опять должность и вступивъ въ командованіе войскомъ донскимъ, скоро, по отбытіи войсковаго атамана, я получилъ обще ко всѣмъ сынамъ отечества написанный манифестъ, что Бонапартъ съ большими силами стремится вторгнуться въ любезное наше отечество, а потому, чтобы всѣ начальники, воины и каждый въ особенности членъ, были готовы къ отраженію онаго, и принесеніемъ изъ своего имѣнія жертвовали по возможности».

«Видя изъ манифеста важность предстоящей войны, немедленно предписалъ я по всему войску донскому, чтобы всѣ военные чиновники и казаки, отставные и подростки, могущіе переносить военные труды, изготовили бы себя всѣмъ нужнымъ къ выступленію противъ общаго врага, призвалъ все наше дворянство и тѣхъ изъ казаковъ, которые составляютъ часть торгующихъ въ г. Черкасскѣ, и предложилъ имъ собрать изъ свободнаго пожертвованія каждаго отъ себя часть суммы, нужной въ такомъ случаѣ. Они съ большимъ усердіемъ и охотою составили болѣе 100,000 рублей; о чемъ, какъ и о самомъ усердіи, я его императорскому величеству, когда слѣдовало, равно и г. войсковому атаману донесъ. Въмѣсто благодарности, г. атаманъ далъ мнѣ разумѣть, что онъ недоволенъ таковымъ моимъ дѣйствіемъ, но почему — не сказалъ, а послѣ уже я дознался, потому, что я не къ одному ему сдѣлалъ донесеніе».

«Видя, что злоба его и недоброжелательство ко мнѣ, хотя и никакой къ тому причины не подавалъ, не уменьшаются, а еще увеличиваются, и опасаясь, что въ нахожденіи моемъ наказнымъ атаманомъ, по обширности письменныхъ дѣлъ и въ особенности по хитрости непремѣннаго члена Курнакова, могу я быть невинно обвиненъ въ упущеніяхъ какихъ-нибудь по должности, я рѣшился отъ оной удалиться и просилъ государя императора, чтобы повелѣно было постъ наказнаго атамана занять другому,

а мнѣ бы позволено явиться въ дѣйствующую армію. Просьбу мою его императорское величество милостиво уважилъ, и г. генералу-лейтенанту Мартынову велѣно было принять атаманскій постъ, которому сдать всѣ дѣла 1807 г. января 30-го, отправился я, весьма при слабомъ здоровьи, въ домъ мой».¹⁾

«Здѣсь пробылъ я немного и, не приведя себя еще въ лучшее здоровье, отправился почтою въ дѣйствующую противъ Французовъ армію, тогда бывшую въ Пруссіи. Въ сей дорогѣ ничего не случилось, кромѣ что отъ Чернигова до расположенія арміи, которая стояла около рѣки Але (Алле), такой недостатокъ видѣлся въ хлѣбѣ, что въ самыхъ трактирахъ онаго для дороги нельзя было достать».

XIX.

Въ Пруссіи.—Участіе въ войнѣ съ Французами.—Бенингсенъ и Платовъ.—Дѣло при Гутштадтѣ.—Свиданіе съ Платовымъ послѣ Гутштадтскаго дѣла.—Графъ Строгановъ.—Дѣло при Пассаргѣ, Земерсфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ.—Отступленіе къ Тильзиту.

1807.

«Приѣхавъ въ главную квартиру, явился я у главнокомандующаго г. Беникссона (Беннигсена), который зналъ меня прежде и весьма милостиво принялъ, и чрезъ дежурнаго генерала велѣлъ мнѣ сказать, что онъ знаетъ, что войсковою атаманъ Платовъ не съ лучшей стороны къ Денисовой фамилии расположенъ, а потому, буде я пожелаю, то онъ дастъ мнѣ въ команду донскіе полки, въ отдѣльномъ корпусѣ находящіеся. Но какъ я всегда считалъ себя правымъ передъ моимъ начальникомъ, то разсудилъ, что лучше ѣхать къ нему прямо, дабы тѣмъ не дать ему повода къ большей ненависти, что и объяснилъ г. Беникссону. Онъ одобрилъ такое мнѣніе, увѣрилъ въ своемъ покровительствѣ и отправилъ меня къ атаману. Когда же я прибылъ къ Платову, то онъ меня принялъ съ довольнымъ уваженіемъ, изъ котораго однако же я видѣлъ, что мнѣ должно быть осторожнымъ. На другой день (Платовъ) объявилъ, что онъ мнѣ дастъ хорошій полкъ храбраго полковника Карпова, предъ тѣмъ незадолго убитаго въ сраженіи. Какъ въ это время одинъ офицеръ съ командою

¹⁾ Въ этотъ разъ Денисовъ исправлялъ должность атамана съ 20-го декабря 1806 по 30-е января 1807 года.

изъ онаго полка находился при немъ, Платовъ, то и привязано было ему явиться ко мнѣ въ команду. Ожидая терпѣливо, что я получу полкъ, и еще нѣсколько (времени) не видя онаго, между тѣмъ нерѣдко примѣчалъ я, что его превосходительство, атаманъ, находилъ случай въ разговорахъ своихъ мнѣ сдѣлать неприятность. Не любя ни насколько лести, я всегда безъ грубости отвѣчалъ ему съ должною благородному человеку стойкостью, а въ одинъ разъ, какъ помню, сказалъ ему откровенно, что его превосходительство не такъ разумѣетъ мой прїѣздъ въ армію, что я хочу быть его правою рукою и служить со всегдашнею моею честію и усердіемъ. Тогда онъ сказалъ:

— «Я въ томъ увѣренъ и дамъ вамъ три полка».

«Если вы хотите видѣть во всемъ блескѣ славу донскихъ казаковъ», сказалъ я, «то подчините мнѣ тридцать полковъ».

«Этимъ, какъ видно было изъ лица и словъ его, онъ былъ весьма доволенъ и при томъ сказалъ:

— «Я столько полковъ не имѣю, а при томъ и другіе генералы есть, которымъ также надобно вѣрить полки».

«Но все это не помогло мнѣ, и я болѣе мѣсяца прожилъ у него безъ всякой команды, въ которое время и наша армія оставалась безъ дѣйствія. Наконецъ, теряясь въ надеждѣ получить сколько-либо въ команду мою полковъ, я откровенно доложилъ г. атаману, что ѣду къ государю и буду просить объ увольненіи въ домъ.

— «Вѣрно потому, — сказалъ Платовъ, — что не видите у себя команды. Но я въ этомъ не виноватъ: я требовалъ полки изъ другихъ корпусовъ».

«И тутъ же своему письмоводителю приказалъ писать въ три полка повелѣніе, чтобъ оныя явились въ мою команду немедленно. На другой или третьей день оныя повелѣнія выполнены, а на завтра послѣ того получилъ я повелѣніе — слѣдовать впередъ, къ неприятелю. Платовъ также со всѣми полками своими, и вся армія двинулась къ укрѣпленному мѣстечку Гутштадту. Я шелъ съ тремя своими полками отдѣльно, по особой дорогѣ, къ назначенному пункту. Мѣстоположеніе, закрытое лѣсами, совершенно было мнѣ неизвѣстно; равно и полковые командиры едва мнѣ вѣдомы были по общему домашнему жилищу нашему, отчего я былъ почти на всякомъ шагѣ въ затрудненіи».

«По выступленіи въ сей походъ, на другой день — 24-го мая 1807 г., я подошелъ къ рѣкѣ Алле и нашелъ, что берега оной были такъ болотисты, что совершенно препятствовали переправѣ и, по всѣмъ развѣдываніямъ, отъ начальниковъ полковъ и казаковъ сдѣланнымъ, въ томъ мѣстѣ и близъ онаго удобной переправы не было. Тогда я, взявъ полковыхъ командировъ, поскакалъ самъ въ даль, по берегу рѣчки, дабы лучше оную рассмотреть. Одно мѣсто показалось намъ возможнымъ къ переправѣ, но оно было прикрыто нарочито сдѣланными отъ Французовъ шанцами, изъ которыхъ и движеніе войска нашего было Французами примѣчено».

«Разсуждая о моемъ положеніи, что буде я донесу что не имѣю возможности переправиться, а оная окажется по строгому разсужденію возможною, то я буду виноватъ и конечно претерплю несчастье,—рѣшился я занять шанцы штурмомъ и произвелъ сіе такъ: отобравъ изъ полковъ всѣхъ казаковъ, ружья имѣющихъ, которыхъ и нашлось около 150 человекъ, подчинилъ ихъ храброму полковому командиру, Василью Ефремову, съ нужнымъ числомъ офицеровъ, и приказалъ полкомъ сближаться къ рѣкѣ и стрѣлять въ шанцы, а 60-ти человекамъ, также при офицерахъ, выбравъ самыхъ храбрѣйшихъ, приказалъ, чтобы они, раздѣвшись до-нага, по данному знаку быстро переплывъ рѣчку, ударили бы на шанцы, съ одними дротивами, что и было съ отличнѣйшею храбростію и своростію исполнено въ точности».

«Храбрый полковой начальникъ Ефремовъ, безъ ордера, изъ одной храбрости и усердія, когда казаки кинулись въ воду, пустился за ними на быстромъ своемъ конѣ, который по добротѣ своей, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, добился чрезъ болото до рѣки и чрезъ оную его перенесъ, но выходя изъ рѣки потонулъ въ болотѣ и не могъ болѣе идти. Тогда Ефремовъ крикнулъ на казаковъ, чтобы переплыли чрезъ рѣку и схвата за что можно лошадей тянули бы чрезъ болото на боку, а самъ пустился за нагими казаками, которые уже летѣли къ шанцамъ и, соединясь съ ними, завладѣлъ оными. При чемъ взято въ плѣнъ болѣе 10 Французовъ и столько же убито, а другіе, устрасясь такого храбраго дѣйствія, бѣжали. Ободрясь симъ, я приказалъ выпесказаннымъ маѣромъ переправить лошади три или четыре и изслѣдовать близъ лежащій лѣсъ—какъ силенъ находится въ ономъ не-

пріятель? Самъ занялся разсмотрѣніемъ: не можетъ-ли тутъ быть переправа, но нашель, что за болотистыми берегами нельзя оной было сдѣлать».

«Въ эту минуту увидѣлъ я, что регулярной корпусъ въ той же рѣкѣ подшелъ и вѣрно имѣеть понтонной мостъ; послалъ одного офицера узнать о томъ и просить генерала того корпуса позволенія—впередъ мнѣ съ полками переправиться. Это былъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, съ корпусомъ, которой весьма благосклонно на то согласился. Получа о томъ донесеніе, я поспѣшилъ, и когда пришелъ, то мостъ былъ уже готовъ, и я переправился и потянулся на-лѣво къ назначенному мнѣ мѣсту, куда прибывъ, послалъ къ войсковому атаману одного офицера съ словеснымъ обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ донесеніемъ и съ вопросомъ — что отъ него мнѣ велѣно будетъ далѣе дѣлать?»

«Въ это время, вправо отъ меня, за Гутштадтомъ, слышны были пушечные выстрѣлы, почему я видѣлъ, что сраженіе уже началось. Офицеръ мой возвратился и донесъ, что г. войсковой атаманъ дѣйствіями моими доволенъ и далѣе оставляетъ мнѣ на волю, по усмотрѣнію, производить оныя. Тогда, имѣя предъ собою большой лѣсъ, приказалъ я полку Ефремова, рассыпавшись и занимая сколь можно болѣе мѣста, идти впередъ и нѣсколько на-право, и обо всемъ нужномъ мнѣ доносить, а съ остальными двумя полками, по маленькой дорожкѣ, потянулся за полкомъ Ефремова. Пройдя лѣсъ, мы шли чрезъ довольно обширную поляну, гдѣ и маленькая деревушка находилась, а подойдя къ другому лѣсу, прискакалъ ко мнѣ полковникъ Ефремовъ и донесъ, что недалеко находится изъ пѣхоты и конницы сильной непріятель. Тогда я Ефремову приказалъ, чтобъ онъ наблюдалъ за движеніемъ сего непріятели. И самъ я шелъ туда-жъ, и встрѣлъ въ ту-жъ минуту атаманской полкъ, бывший подъ командою графа Строганова, препровождающій сзади всего Горчаковскаго корпуса непріятельскій вагенбургъ, которой онъ (гр. Строгановъ) успѣлъ отрѣзать и плѣнить. Графъ Строгановъ¹⁾ весьма желалъ съ полкомъ онымъ ко мнѣ присоединиться, но по множеству повозокъ,

¹⁾ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, тайный совѣтникъ, другъ дѣтства и юности Александра I—служилъ въ войну 1807 г. волонтеромъ въ арміи.

которые требовали большого прикрытія, не могъ. И такъ я двинулся съ одними моими тремя полками къ видимому непріятелю».

«Перейдя лѣсъ, я увидѣлъ непріятеля, стоящаго въ открытомъ полѣ, за широкою и довольно углубленною долиною; на пушечный выстрѣлъ отъ деревни къ Гутштадту стояла пѣхота на нѣкоторомъ возвышеніи при другой долині, въ линію обращенная къ Гутштадту, гдѣ часто раздавались пушечные выстрѣлы, а ко мнѣ флангомъ, примѣрно тысячи до полторы или болѣе. Въ деревнѣ видна была также пѣхота, но какъ за домами нельзя было усмотрѣть, то и не можно было исчислить оную глазомѣрно; но сколько могъ замѣтить, то она не составляла большого количества, а между тою и другою пѣхотою, на срединѣ, въ два отдѣленія, стояла колоннами конница, около тысячи человекъ. Осмотрѣвъ все сіе, я рѣшился атаковать всѣми тремя полками одну конную непріятельскую колонну, ближайшую къ пѣхотѣ, на возвышеніи стоявшую, полагая, что ежели она, будучи опрокинута, отступить къ пѣхотѣ, то въ такомъ случаѣ, не теряя времени, всѣ полки мои въ отрѣзъ ударятъ на другую, стоявшую ближе къ деревнѣ, колонну, и оную поразятъ».

«По сему моему плану отдавъ всѣ нужныя приказанія, я подтвердилъ, чтобъ оное мое распоряженіе внушено было каждому офицеру и казаку, и, не теряя минуты, двинулся впередъ. Прибывъ въ самой низъ долины, я нашелъ между имѣющимися тамъ небольшими кустарниками, какъ бы рукою человекъ сдѣланной, широкой ровъ, и довольно глубокой, чрезъ которой потребна большая осторожность переѣзжать конному. При видѣ сего я боялся, что, въ случаѣ неудачи, могутъ многія лошади при своромъ переѣздѣ упасть и попадутся въ руки непріятелю, почему и приказалъ нѣкоторымъ офицерамъ и на лучшихъ лошадяхъ казакамъ—въ рысь переѣзжать оной, для одной только пробы. Наконецъ и самъ тоже сдѣлалъ, и увидя, что возможно, хотя и съ затрудненіемъ, приказалъ полкамъ переходить и тутъ же устроилъ оные въ лаву. При этомъ случаѣ нѣсколько минутъ замедлилъ, а непріятельская конница, какъ примѣтно было, желая предупредить меня атакою, двинулась гораздо впередъ, и сама дала мнѣ удобнѣйшій случай атаковать оную, что я исполнилъ въ тотъ же моментъ и съ быстротою».

«Казакъ полетѣли на назначенную колонну, но, наскочавъ

въ самую близкую дистанцію, только огарнули (обхватили?) ее вокругъ, но не ударили какъ слѣдовало бы храбрымъ, однако же съ большою отважностію держались на тѣхъ мѣстахъ. Видя это, я бросился въ то мѣсто, гдѣ болѣе видѣлъ казаковъ, и крикнулъ: — «Ребята-молодцы, въ дротики!»

«Въ сей моментъ казаки, которые мало меня или вовсе не видали, какъ бы желали испытать меня, а усмотрѣвъ начальника своего между ими, съ отличнѣйшею храбрію врѣзались въ непріятельскую колонну, изъ которой навѣрное можно положить, что пятая часть упала, а остальные въ безпорядкѣ стремительно побѣжали, а казаки, казалось, каждый желалъ сколоть нѣсколько челоуѣвъ. Я въ эту минуту увидѣлъ, что другая колонна твердо еще и непоколебимо стояла на своемъ мѣстѣ и тутъ же примѣтилъ, что и она струсилла нашего дѣйствія, ибо имѣла хотя минутной, но, выгодной для себя, случай нанести намъ жестокой ударъ, когда мы были заняты первой колонной, и упустила оной. Я, заскакавъ въ средину гнавшихъ непріятеля казаковъ, большую часть оныхъ остановилъ и, указавъ на стоявшаго на мѣстѣ непріятеля, пустился со оными на него. Казаки всѣ исполняли приказанія мои въ точности и летѣли къ непріятелю какъ орлы, а непріятель, еще болѣе испугавшись такового дѣйствія, опроретью пустился бѣжать. Казаки врѣзались въ онаго, скакали за нимъ, и смѣшавшись съ нимъ, убивали Французовъ. Храбрый полковникъ Ефремовъ, всегда находясь впереди и давая примѣръ казакамъ, своеручно разилъ непріятеля безъ пощады. Непріятель, къ счастью нашему, бѣжалъ въ срединѣ между пѣхотою и деревнею, интерваломъ, отчего казаки и не такъ много потерпѣли, какъ бы это могло быть, но со всѣмъ тѣмъ многіе были ранены пулями, каковая участь постигла и храбраго полевого начальника, Степана Сулина, которой былъ раненъ пулею въ ногу, отъ которой раны, страдая нѣсколько недѣль, и померъ. Также и всѣ офицеры отличную храбрость въ семъ дѣлѣ показали, особо Агаповъ и Агѣевъ».

«Я, проскакавъ нѣсколько вмѣстѣ съ полками и уже поровнявшись съ пѣхотою, съ частью казаковъ возвратился и, немного отѣхавъ, принужденъ былъ отъ упадка силъ своихъ сойти съ лошади и лечь на землѣ, а полковникъ Ефремовъ продолжалъ гнаться, пока истребилъ обѣ колонны до основанія. Что французскія лошади весьма слабѣ нашихъ, то самое и плѣнные

казывали тѣмъ, что не болѣе какъ человекъ 15 или 20 спаслись. При семъ случаѣ взято въ плѣнъ: полковникъ, подполковникъ, два майора, три или четыре офицера и до 100 рядовыхъ, всѣ болѣе или менѣе раненые. Французскій генераль, бывшій тутъ же, упалъ отъ многихъ ранъ и хотя былъ живъ, но не могъ уже вѣхать за нами верхомъ, почему и былъ оставленъ на мѣстѣ живымъ. Полковникъ Ефремовъ, съ болѣею частію плѣнныхъ, принужденъ былъ объѣхать сказанную деревню, чтобъ возвратиться ко мнѣ, потому что въ интервалъ проѣзжать было уже опасно. Я обо всемъ этомъ дѣйствиі ту-же минуту донесъ г. войсковому атаману, при томъ приказалъ посланному доложить, что ежели онъ со всѣмъ корпусомъ своихъ войскъ прибудетъ на то мѣсто гдѣ я находился, то можно и болѣе нанести вредъ неприятелю, или чтобы онъ меня нѣсколькими полками усилилъ. Къ нему же, г. войсковому атаману, я и плѣнныхъ всѣхъ отправилъ. Также послалъ одного офицера въ главную армію, къ сражающимся впереди генераламъ, донести, что неприятель въ тылу не имѣетъ сильныхъ ресурсовъ. Всѣхъ сихъ моихъ дѣствий былъ очевидный свидѣтель — полковникъ аглицкой службы, Вильсонъ или Мильсонъ».¹⁾

«Собравъ всѣхъ моихъ казаковъ, увидѣлъ я, что конвоемъ плѣнныхъ и присмотромъ раненыхъ казаковъ я чувствительно мою бригаду ослабилъ, которая и безъ того не болѣе составляла какъ отъ 800 до 900 (человекъ), а неприятеля передъ собою видѣлъ — пѣхоту, и втрое сильнѣйшую. Къ тому же, самъ я находился въ большой разслабленности силъ и не могъ ничего болѣе предпринять, а ожидалъ прибытія сивурса и повелѣнія атамана Платова. Черезъ нѣсколько часовъ донесли мнѣ, что нѣсколько полковъ Платова корпуса сближаются ко мнѣ; по дальнѣйшей же выправкѣ, оказалось что это донесеніе несправедливо. Все сіе время я видѣлъ, что отъ стороны Гутштадта сильной неприятель, — пѣхота, — ретировался, будучи преслѣдуемъ нашею пѣхотою же, и когда оный приближался къ этой пѣхотѣ, которая противъ меня держалась, то наша пѣхота остановилась, а Французы соединились. Изнемогая отъ сильной слабости и вида, что

¹⁾ Изъ формулярнаго списка видно, что за дѣло при Гутштадтѣ Денисовъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

далеко удалился отъ своихъ, и что уже ночь сближается, я, безъ ордера, потянулся съ полками своими къ мѣсту нахождения г. войскового атамана. Я нашелъ его въ маленькомъ домикѣ и уже при свѣтѣ, что (то) писавшаго; на словахъ вкратцѣ донесъ о случившемся со мною, что я съ полками возвратился къ нему и испрашиваю приказанія—что мнѣ съ оними дѣлать. Его превосходительство видно весьма важною занятъ былъ бумагою, что на все ни одного слова мнѣ не сказалъ. Уважая, какъ начальника, я, въ молчаніи, въ отдалъ его сѣлъ на стулъ, въ которомъ положеніи и пробылъ болѣе получаса. Въ это время вошелъ въ ту же горницу графъ Строгановъ съ однимъ или двумя чиновниками и зачалъ докладывать войсковому атаману, что изъ плѣнныхъ, мною взятыхъ, есть одинъ или двое знатной фамиліи и что они говорятъ съ необычайною похвалою о храбрости тѣхъ казаковъ, которые имѣли съ ними дѣло».

«Тогда атаманъ Платовъ слабымъ голосомъ благодарилъ меня и поподчивалъ чаемъ, а ежели хочу и пуншемъ, на что я отвѣчалъ, что я весьма слабъ здоровьемъ, а потому и просилъ, чтобъ онъ рѣшилъ меня—что мнѣ съ полками дѣлать и что мнѣ покой необходимъ, каковымъ я, расположась съ полками, могу воспользоваться. И какъ онъ велѣлъ близъ корпуса его расположиться лагеремъ, то я, засвидѣтельствовавши ему низайшее почтеніе и вышелъ. Отдавъ приказъ полкамъ идти на мѣсто, самъ я по дорогѣ взшелъ на квартиру плѣннаго мною полковника, гдѣ нашелъ и подполковника и, поговоря съ ними немного въ утѣшеніе ихъ, поѣхалъ въ полки свои. Здѣсь, по усердію моихъ людей, нашелъ чай и казачью кашницу готовыми и, выпивши нѣсколько чаю, отдалъ приказъ, чтобы заботились о подерѣвленіи лошадей. Самъ, свернувшись, легъ на землѣ, но никакъ не могъ уснуть, чему причиною былъ болѣе раненый полковникъ Сулинъ, которой недалеко отъ меня былъ и стоналъ отъ необычайной боли ноги. Къ тому-жъ, скоро пополудни, непріятель, пробравшись лѣсомъ къ нашимъ пикетамъ, произвелъ по онимъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, отчего во всемъ корпусѣ произошла небольшая тревога».

«Съ наступленіемъ дня получилъ весь корпусъ повелѣніе—быть во всей готовности къ походу, а часа чрезъ полтора или два весь корпусъ двинулся впередъ и, пройдя версты три или

четыре, остановился. Во все это время слышны были на сторонѣ, гдѣ непріятель остановился, рѣдкіе пушечные выстрѣлы. Простоявъ немного, весь нашъ корпусъ скорымъ маршемъ двинулся впередъ, а мнѣ дано отъ г. войсковаго атамана дозволеніе вновь дѣйствовать по моему усмотрѣнію. Я дѣлалъ съ моими полками такое направленіе, чтобы зайти непріятелю въ тылъ — что отъ казачей службы больше и требуется. Достигая своей цѣли, я пришелъ къ рѣчкѣ Пасаргѣ, но нашелъ, что оная также имѣетъ берега, неудобные къ переходу чрезъ нея, что полагать надобно и Французы знали, ибо хотя многіе казачьи полки прибыли къ тому же мѣсту, куда и я пришелъ, но Французы, находящіеся по ту сторону рѣчки, весьма въ близкой отъ насъ дистанціи, (безъ) всякой особой осторожности спѣшили разными небольшими отдѣленіями къ своему корпусу, которой Россіяне тѣснили; наконецъ, даже и два эскадрона ихъ кавалеріи, шли, бывъ довольно удалены отъ другихъ войскъ ихъ. Видя такое препятствіе и какъ бы непріятельское къ намъ пренебреженіе, я рѣшился казачьимъ отважнымъ манеромъ ихъ проучить: приказалъ отъ 30-ти до 40 выбрать изъ полковъ храбрѣйшихъ казаковъ и, опредѣля къ каждому по пяти и болѣе пѣшихъ, съ двумя офицерами, чтобы были во всей готовности при берегѣ рѣчки, и какъ-будто просто стояли бы тамъ безъ всякаго военнаго намѣренія, чтобы непріятель не потревожился видя ихъ, но чтобы они, по данному отъ меня знаку, всѣ раздѣлись до рубахъ и съ лошадей снявъ сѣдло, одинъ бы на рукахъ переносилъ оное, а всѣ другіе вели лошадей, а которыя изъ нихъ загрузнуть въ тигъ рѣчки и упадутъ, то чтобы таковыхъ тянули хотя бы на-боку; выпедши же на берегъ, въ минуту бы осѣдали лошадей и ближайшаго непріятели быстро бы атаковали; а самъ я замѣчалъ движеніе непріятели, и когда увидѣлъ, что одинъ эскадронъ, какъ бы нарочито, ближе другихъ къ намъ и въ довольномъ разстояніи удалясь отъ всѣхъ шелъ, даль знать сему, приготовленному мною отряду, дѣйствовать. Офицеры и казаки исполнили все съ такою точностію и храбростію, что я прослезился отъ умиленія. Эскадронъ былъ опрокинутъ и навѣрное онъ половину людей своихъ потерялъ убитыми; плѣнными доставлено мнѣ пять или семь человекъ, не упомяну. Отрядъ сей возвратился ко мнѣ бывъ преслѣдуемъ сильнымъ непріателемъ, и какъ въ защиту моихъ мо-

лодцовъ въ нужныхъ мѣстахъ поставлены были стрѣльи, а для успѣшной переправы нужное число казаковъ, то, не потерявъ ни одного, всѣ они соединились со мною. Въ такомъ положеніи мы простояли остатокъ того дня и слѣдующую ночь.¹⁾

«На другой день вся російская армія потянулась мимо Гутштадта къ Гейльсбергу. Непріятель, собравшись въ большихъ силахъ, слѣдовалъ за нами. Войсковой атаманъ Платовъ, съ казачьими полками, гдѣ и я находился, составлялъ арьергардъ. Часу въ десятомъ, девятомъ или одиннадцатомъ получилъ я повелѣніе — съ четырьмя казачьими полками идти назадъ, въ бою непріятелю, держать вправо и стать между французскою арміею и російскимъ корпусомъ графа Каменскаго, слѣдуемымъ отъ Гданска на соединеніе съ нашею арміею. Достигнувъ назначеннаго пункта, я остановился въ глазахъ всей французской арміи, въ небольшой прѣкрасной рощицѣ, при деревняхъ Земерсфельдъ и Аренсдорфъ. Отсюда послалъ я, при одномъ урядникѣ съ небольшою командою, мой рапортъ его сіятельству графу Каменскому, донося ему обо всемъ, что нужно. Какъ казаки, всѣ вообще, не имѣли совершенно ничего съ собою хлѣба, то по необходимости приказалъ я взять въ ближайшихъ селеніяхъ штукъ нѣсколько коровъ, зарѣзать оныя и роздать казакамъ, чтобы мясо оныхъ, какъ не въ чемъ сварить, спекли на угольяхъ и подкрѣпили бы себя пищею».

«Съ захожденіемъ солнца посланная команда возвратилась и графъ Каменской увѣдомилъ меня, что онъ съ корпусомъ не въ опасности, что онъ надѣется въ приходящую ночь соединиться съ арміею и чтобы я также возвратился къ оной. Почему, дож-

¹⁾ Изъ «Исторіи Донскаго войска» — г. Броневскаго (часть II, стр. 174) видно, что «казаки генераль-маіора Денисова, несмотря на защищаемые артилеріею и пѣхотою окопы, и на болотистыя мѣста, переправились черезъ Алле вплавъ и, зашедъ въ тылъ непріятельской арміи, разогнали тамъ нѣсколько отрядовъ по гѣсамъ», а также, что въ этотъ и слѣдующіе дни (24-го и 25-го мая 1807 г.), Донскими казаками совершено при рѣкѣ Пасаргѣ нѣсколько отважныхъ подвиговъ: такъ полкъ Иловайскаго 9-го, переправясь черезъ Пасаргу, схватилъ непріятельскую пушку съ 76-ю артиллеристами; такъ, въ виду непріятельскихъ баталіоновъ, есаулъ Тараринъ перешелъ рѣку съ нѣсколькими удалцами, арканомъ вытащилъ изъ цѣпи 6 волтижеровъ и доставилъ ихъ на нашу сторону; такъ и маіоръ атаманскаго полка, Балабинъ, переплывъ съ 200 казаковъ черезъ Пасаргу и прокравшись въ тылъ Французовъ, подорвалъ у нихъ 46 палубъ, наполненныхъ гранатами и картечными снарядами.   Ад Ч.

давъ ночи и полагая, что въ темнотѣ безопаснѣе могу пройти, ибо непріятельскіе отряды были уже впереди меня, я разложилъ нарочито большіе огни, пошелъ и на пути встрѣлся съ двумя небольшими командами французской кавалеріи, которыя, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ и не сдѣлавъ намъ вреда, бѣжали. Потомъ наѣхалъ я на передовые пикеты наши, казачьяго Селиванова полку, отъ которыхъ и узналъ прямую мою дорогу. Прибывъ къ тому отряду, я видѣлся съ начальникомъ онаго, генераломъ,—фамилии его не упомяну,—гдѣ пробылъ немного. Хотя оный генералъ и просилъ у меня два полка въ подкрѣпленіе себѣ, но я, не видя въ томъ точной надобности, не далъ, предлагая ему, что ежели онъ знаетъ важнѣйшія обстоятельства этой надобности, болѣе важныя нежели какъ я вижу, то чтобы мнѣ объяснилъ, съ тѣмъ, что буде онѣ важны, то я останусь при томъ отрядѣ со всѣми четырьмя полками. Онъ на то не согласился, какъ полагать надобно не желая быть подъ ордеромъ моимъ, какъ старшаго. Тогда, раскланявшись съ нимъ, я потянулся далѣе къ арміи и, пройдя версты двѣ, для растаха остановился.

«На другой день, при восхожденіи солнца, были слышны ружейные выстрѣлы на передовыхъ постахъ того корпуса, почему и полагалъ я, что непріятель идетъ за нами. Для лучшаго уясненія послалъ офицера узнать вѣрнѣе о томъ и, не удаляясь отъ такъ важнаго случая, какъ полагалъ, что вѣрно произойдетъ сраженіе и, найдя лучший для лошадей кормъ, передвинулся для подкрѣпленія лошадей. Здѣсь я ожидалъ—что вышесказанный авангардъ предприметъ, генералъ котораго, соображаясь по обстоятельствамъ и видя конечно весьма сильнѣйшаго предъ собою непріятеля, положилъ отступить къ нашей арміи, почему и отправилъ напередъ къ оной свою артилерію. Я послалъ также узнать о мѣстѣ нахождения атамана Платова и всей нашей арміи, а на ведущей къ авангарду отъ арміи большой дорогѣ поставилъ противу полковъ пикетъ, съ тѣмъ, чтобы извѣстилъ меня ежели будетъ ѣхать по оной изъ арміи кто изъ генераловъ».

«Ружейная пальба усиливалась; около половины дня пикетъ, поставленной на дорогѣ, извѣстилъ меня—что нѣсколько генераловъ ѣдутъ впередъ, къ которымъ я и послѣшилъ и нашелъ оныхъ остановившихся и всѣхъ мнѣ незнакомыхъ, рассуждающихъ о будущемъ сраженіи. Какъ на мнѣ была простая куртка,

которая прикрывала всѣ знаки отличія, имѣющіеся у меня, то они меня сочли не болѣе какъ какаго-либо казачьяго офицера. Какъ я, слыша ихъ сужденіе, объяснилъ имъ и мое заключеніе, то при семъ случаѣ они спрашивали другъ у друга на французскомъ языкѣ: кто я таковъ? Слыша то, я имъ объявилъ о себѣ и просилъ мнѣ показать того генерала, которой командуетъ передовымъ корпусомъ; они мнѣ сказали, что командуетъ генералъ Львовъ, которой сюда ѣдетъ и скоро сюда долженъ быть. Почему я и поѣхалъ искать онаго, съ которымъ скоро встрѣлся и нашелъ въ немъ давно мнѣ знакомаго, а какъ онъ былъ старшій, то я ему объяснилъ — по какому случаю я тутъ нахожусь, и что ежели могу я быть полезенъ въ начинающемся сраженіи, то чтобы указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ находиться. Львовъ, благодаря меня за сіе, приказалъ, чтобы я находился съ полками своими на самомъ краю съ праваго фланга. Получивъ сіе повелѣніе, я поѣхалъ къ моимъ полкамъ, приказалъ онымъ изготавиться и при семъ разѣ увидѣлъ уже во многихъ мѣстахъ скачущихъ казаковъ, тѣснимыхъ непріателемъ, и поспѣшно отступающій нашъ авангардъ.

•Я также съ полками моими отступилъ и сталъ на одной выгодной для конницы равнинѣ, въ ордеръ-баталіи. Непритель наступалъ скорымъ маршемъ и сильная кавалерія шла прямо ко мнѣ. Въ ту-же минуту, вправо отъ меня, я увидѣлъ во множествѣ скачущихъ казаковъ: угадывая, что то казачьи полки, находящіеся на аванпостахъ, я послалъ къ начальникамъ оныхъ офицера, съ приказаніемъ, что бы всѣ они явились подъ мою команду. Всѣхъ таковыхъ нашлось до пяти, хотя весьма неполныхъ, полковъ, изъ которыхъ состава въ видѣ сивурса отдѣльную линію и не теряя времени, я атаковалъ непріятельскую кавалерію, которая ко мнѣ уже сближалась: всю кавалерію сію опровинувъ, гналъ ее до находящагося, въ тылу ихъ, возвышеннаго мѣста (какъ бы небольшой горки), которое было все покрыто лѣсомъ. Тутъ я узналъ, что на семъ возвышеніи, въ лѣсу, оставленъ былъ нашъ пѣхотной егерскій полкъ, подъ командою полковника Змѣева, которому я и послалъ сказать, чтобы онъ, какъ уже отрѣзанъ отъ російской арміи, спѣшилъ бы лѣсомъ удалиться во флангъ и поскорѣе бы присоединился къ арміи. Казаки же, по сильному французской артилеріи дѣйствию, не могли держаться, да и свѣ-

жая ихъ конница, подоспѣвъ на помощь къ гонимой нами и опрокинувъ мои полки, въ свою очередь оныя гнала. Проскакавъ нѣсколько, и не болѣе версты, я успѣлъ остановить свои полки. Полковникъ Ефремовъ, по отличной его храбрости, съ своимъ полкомъ гналъ непріятеля далѣе всѣхъ другихъ и даже проскакалъ сказанное возвышенное мѣсто, такъ, что принужденъ былъ, принявши въ бою, уже чрезъ лѣсъ возвратиться ко мнѣ. Когда я собралъ всѣхъ своихъ казаковъ и привелъ ихъ въ должной порядокъ, вижу, что соединившіеся и умножившіеся Французы сближаются ко мнѣ; тогда я атаковалъ оныхъ въ другой разъ и, опять опрокинувъ, гналъ до прежняго пункта. При семъ случаѣ мы отбили двѣ пушки».

«По вышесказаннымъ сильнымъ дѣйствіямъ французской артилеріи, мы не могли далѣе преслѣдовать непріятельскую кавалерію, не могли даже увезти и отбитыхъ пушекъ, и остались на мѣстѣ, а потомъ насъ гнали какъ и прежде. Въ семъ случаѣ, со всею должною признательностію и откровенностію долженъ сказать, что полковые командиры, офицеры и рядовые казаки оказали отличную храбрость, а Ефремовъ успѣлъ тожъ сдѣлать, какъ и прежде, за что благодаря его, я однако счелъ нужнымъ приказать, что бы онъ старался, подавая примѣръ храбрости, равняться съ другими полками. Отретировавшись къ поставленному мною на всякій случай подерѣвленію, я еще три раза атаковалъ ту же кавалерію, которая, хотя въ пять разъ была противу полковъ, подъ мою команду состоящихъ, сильнѣе, но всегда, по храбрости казачьей, была опрокинута. Мѣсто, на которомъ полки, подъ мою команду бывшіе, дѣйствовали, отдѣлено болотистымъ и заросшимъ лѣсомъ, и какъ я оставался безъ всякаго другого подерѣвленія, а непріятель всегда усиливалъ свои войска, то принужденъ я былъ податься назадъ, и, перейдя одинъ весьма малой, но нѣсколько болотистой, ручей, близъ онаго на возвышеніи сталъ, въ прежнемъ порядкѣ. Послалъ еще дознать—гдѣ егерскій полкъ, бывшій, какъ сказано выше, въ лѣсу и велѣлъ сказать начальнику онаго, чтобъ непременно ретировался лѣсомъ, ежели еще тамъ находится. Французская кавалерія оставалась въ своей позиціи. При семъ случаѣ, хотя я не могъ видѣть дѣйствія всей нашей арміи, за высокимъ лѣсомъ, въ самой близкой дистанціи отъ меня находящейся, но

по вликамъ и звукамъ пушечной пальбы понималъ, что происходитъ сраженіе весьма упорное, а потому отрядилъ къ оной три казачьи полка, съ тѣмъ, что бы они явились къ первому встрѣтившемуся съ ними генералу и дѣйствовали бы по приказаніямъ старшихъ. Самъ я остался и замѣчалъ за дѣйствіемъ находящейся противъ меня кавалеріи. Вдругъ, въ крайнему моему удивленію и даже недоразумѣнію, вижу, что двѣ части кавалеріи, не болѣе какъ 2 эскадрона, отдѣльно одинъ отъ другого, съ большою смѣлостію подошли къ сказанному маленькому ручью, который былъ отъ насъ на вѣрной ружейной выстрѣль. Я былъ весьма въ недоумѣніи, что оныя предпринимаютъ, какъ услышалъ, что казаки, указывая на оныхъ, довольно громко повторяли: «латники! латники!» Взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ, что это кирасиры, покрытые желѣзомъ. Тутъ я понялъ, что они предпринимаютъ дерзкое намѣреніе врѣзаться въ казачьи полки и разстроить оныя. Не теряя времени я приказалъ Ефремову—съ его и съ другимъ полкомъ, когда кирасиры перейдутъ ручей, отрѣзать ихъ отъ онаго, а другимъ двумъ полкамъ приказалъ ударить въ лицо. Со всею моею поспѣшностію не могъ я еще успѣть мое распоряженіе привести въ порядокъ, какъ тѣ кирасирскіе эскадроны, перейдя ручей, въ разсыпную стремительно пустились на насъ и въ минуту врѣзались въ казачьи полки, но ни опровинуть, ни разстроить оныхъ не успѣли, хотя и сдѣлали большое замѣшательство. Казаки съ отмѣнною храбростію били ихъ въ дротики, но дротики, одни ломались, а другіе гнулись. Я сказалъ всюду гдѣ надобность показывала быть моему присутствію, и подвергалъ себя большой опасности, что ежели бы не доброй слуга,—собственной мой человекъ Василій Яковлевъ,—то я бы неминуемо былъ палашами заволонъ или изрубленъ. Казаки, видя вѣрность кирасирскаго одѣянія, сбивали съ головъ ихъ дротиками шишаки, а послѣ того, били въ открытые головы и сбивали съ лошадей. Кирасиры, видя свою неудачу, опроретью скакали назадъ, а казаки, преслѣдуя по возможности, оныхъ убивали. Изъ сихъ непобѣдимыхъ всадниковъ менѣе третьей части ушли, а всѣ прочіе пали на мѣстѣ».¹⁾

¹⁾ «Генералъ-маіоръ Денисовъ, 29-го мая 1807 г., въ соединеніи съ регулярною кавалеріею, не разъ встрѣчался съ французскими кирасирами и всегда находилъ средство узвѣить ихъ. Какъ скоро сіи тяжелые всадники по какому-

«Французы, несмотря на то, что были гонимы нами, и что столько потеряли своихъ, увидя, что остатокъ егерскаго полка нашего бѣжить въ безпорядкѣ изъ лѣса, прежде мною связаннаго, напали на егерей и нѣсколько успѣли поразить, а послѣ сего и вся кавалерія, бывшая противъ меня, въ стройномъ порядкѣ придвигалась ближе и ближе; лѣсъ-же, отдѣляющій меня отъ арміи, занимала пѣхота. Когда я подался назадъ и, обойдя оной лѣсъ, двинулся къ арміи, и когда къ фронту оной сближался, прискакалъ одинъ или два (не упомню), прусской кавалеріи полка (помнится драгунскіе), подъ командою одного генерала,— котораго фамилію запомнилъ, но онъ былъ хорошаго росту, рябоватъ, продолговатаго лица, носъ большой имѣлъ, и на ономъ старой, какъ бы отъ раны, шрамъ,—съ которымъ я увидѣлся, и какъ его превосходительство говорилъ по-французски, то мы и условились атаковать вмѣстѣ стоящую предъ нами кавалерію—что въ минуту и произвели».

«Храбрость прусскихъ полковъ и нашихъ казаковъ взяла поверхность надъ многочисленною непріятельскою кавалерією, которую въ минуту мы опрокинули, смѣшали и погнали въ безпорядкѣ, но не долго, потому что пѣхота, зашедшая въ лѣсъ, къ которому казаки справа уже примыкали, производила сильную стрѣльбу, чѣмъ и остановила насъ. Отретировавшись на прежнее мѣсто, въ порядкѣ, мы остановились; тогда еще я видѣлся съ генераломъ прусскимъ, рассказалъ ему мое мнѣніе, что ежели бы не французская пѣхота удержала казаковъ, то непріятель былъ бы пораженъ гораздо сильнѣе, и предлагалъ ему занять мѣсто ближе къ лѣсу, а я бы сталъ съ казаками на его мѣсто, и тогда мы въ другой разъ бы атаковали, представляя ему, что регулярные могутъ лучше выдержать огонь, производимый непріателемъ, но онъ на сіе не согласился. Однако совѣтовалъ мнѣ учинить общую, подобную первой, атаку—что хотя и было сдѣлано, но весьма уже слабо, и только нѣсколько, самые передовые французскіе посты, были опрокинуты. Мы ретировались опять къ прежнему пункту, а Французы отступили назадъ; прусскіе

нибудь случаю приходили въ разстройство, они тотчасъ дѣлались жертвою казаковъ. Сія неповоротливые кавалеристы, слабо держащіеся въ сѣдлѣ, отъ удара пика, какъ бездушные трупы, валялись на землю». («Истор. Донскаго войска» — г. Броневскаго, часть II, стр. 175).
Ал. Ч.

полки также двинулись ближе къ центру арміи. Я съ полками оставался на своемъ мѣстѣ, но весьма немного, потому что французская артилерія катала насъ ядрами и брандсугелями, градомъ, отчего я приказалъ казакамъ рассыпаться и отступать. Будучи въ этомъ положеніи, когда уже совершенно настигла ночь, увидѣлъ я прибывшаго къ намъ войскового атамана Платова, въ какомъ положеніи мы и еще отступили и когда уже не слышно было никакого бою, то и остановились».

«Простоявъ въ семъ положеніи ночь, на разсвѣтѣ дня мы увидѣли, что французская армія немного далѣе пушечнаго выстрѣла отъ насъ находится».

«Скоро, по взохожденіи солнца, войсковою атаманъ Платовъ приказалъ мнѣ съ 3-мя казачьими полками идти въ лѣвому непріятельскому флангу и недалеко отъ онаго назначить пунктъ гдѣ остановиться. При семъ разѣ я осмѣлился его превосходительству доложить:

— «Разѣ приказано начать сраженіе?»

— Нѣтъ; но этотъ пунктъ надобно занять.

— «Французы никакъ того не потерпятъ и, по приходѣ моемъ, конечно, въ минуту меня атакуютъ»,—доложилъ я съ почтеніемъ.

«Атаманъ ничего на это не сказалъ; тогда сѣвъ на лошадь, двинулся я съ полками. Французы, увидя насъ, приближавшихся и остановившихся, двинули противъ насъ большой отрядъ, болѣе изъ пѣхоты составленной. Видя превосходство непріятеля, я началъ шагомъ отступать, а они меня преслѣдовать. Въ такомъ положеніи я дошелъ до одного ручья, которой не всюду можно свободно переѣхать; отъ ручья сего находился и самъ атаманъ Платовъ не въ дальнемъ разстояніи. Тутъ получилъ я отъ него приказаніе—не переходя оный ручей съ полками, держаться, и хотя разумѣлъ я, что отважность его превосходительства чрезчуръ велика, но, исполняя въ точности повелѣніе моего начальника, съ полками остановился и, призвавъ полковыхъ командировъ, объявилъ имъ оное повелѣніе. При томъ рѣшилъ ихъ тѣмъ, что какъ не имѣемъ мы артилеріи, а у непріятеля насчитывали оной до 10-ти или болѣе пушекъ, то я за лучшее считаю самимъ намъ атаковать Французовъ, что и они, хотя видѣли невозможнымъ побѣдить непріятеля, за лучшее почли».

«Непріятель, подходя къ ручью, отрядилъ до 1,000 человекъ

пѣхоты въ лѣсъ, которыми она могла зайти мнѣ во флангъ, а половина того числа пѣхоты оставалась на открытомъ полѣ, съ артилерією, и до 200 или 300 кавалеріи. Не зная— что въ такомъ положеніи дѣлать и вида, что ежели мнѣ всѣми полками ударить на непріятеля, стоявшаго на открытомъ полѣ, то бывшая въ лѣсу пѣхота нанесетъ казакамъ большой вредъ, а самъ непріятель едва-ли что можетъ потерпѣть, приказалъ я храброму полковнику Ефремову съ полкомъ его ударить на непріятеля, на полѣ стоявшаго, а полковнику Астахову—стать съ своимъ полкомъ лавою, противъ лѣса. Съ третьимъ полкомъ остался я самъ, въ резервѣ, дабы, въ случаѣ гдѣ нужда потребуетъ, дать помощь. Сіи два полка двинулись по назначенію. Непріятельская кавалерія, вѣроятно разумѣя намѣреніе наше и пренебрегая нашимъ малолюдствомъ, фронтомъ двинулась впередъ, чѣмъ Ефремовъ воспользовавшись, атаковалъ ее, смаялъ, опровернулъ и гналъ за пѣхоту. Казаки Ефремова такъ увлеклись храбростью, что при-нуждены были разными дорожками и поодиночѣвъ возвращаться къ своему мѣсту, обскакивая пѣхоту непріятельскую. Въ тожъ самое время, находящаяся въ лѣсу противъ Астахова полка непріятельская пѣхота, фронтомъ выходила изъ лѣсу и, какъ только выдвинулась на чистое поле, то полковникъ Астаховъ пустился съ полкомъ въ атаку на оную, а Французы, не дожидаясь ихъ удара, вбѣжали въ лѣсъ. Видя все сіе, не постигалъ я—какимъ образомъ остаюсь побѣдителемъ, разумѣя, что при всѣхъ моихъ распоряженіяхъ нельзя было ожидать и малѣйшей надъ непріятелемъ поверхности. Ясно видѣлъ я, что сіе произошло отъ единой благодати Всевышняго Творца къ намъ, милосердіе котораго и во всю жизнь мою, при важныхъ случаяхъ, управляло мною; за что, слезши съ коня и упавъ на колѣни, приносилъ предъ Всевышнимъ Творцомъ мою благодарность и молилъ его вести меня къ дальнѣйшимъ добрымъ дѣланіямъ».

«Г. войсковою атаманъ все сіе лично видѣлъ и, въ самое критическое дѣйствіе моихъ полковъ, велѣлъ нѣсколькимъ другимъ казачьимъ полкамъ скакать къ мѣсту сраженія влѣво отъ меня, какъ бы во флангъ непріятелю, а зятя своего, Харитонова,¹⁾

¹⁾ Полковникъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ), Константинъ Ивановичъ Харитоновъ, былъ женатъ на старшей дочери атамана Платова, Аннѣ Матвѣевнѣ.

прислалъ меня словесно благодарить. Послѣ сего непріятель въ порядѣ отступилъ, а мнѣ вѣдно было—оставаться на томъ же мѣстѣ до дальнѣйшаго повелѣнія».

«Скоро пополудни узналъ я, что армія наша чрезъ Гейльсбергъ отступаетъ. Тогда я послалъ спросить у атамана — что мнѣ должно дѣлать, но, конечно, за темнотою ночи посланные отъ меня не нашли его. Какъ уже заря занялась, аванпосты мои донесли, что непріятельская армія двинулась впередъ и посланные увѣдомили, что чрезъ Гейльсбергъ, по мосту, никакъ невозможно отъ тѣсноты пройти, а посланные осмотрѣть рѣку Алде—нѣтъ-ли гдѣ по ней бродовъ,—дали знать, что одинъ, хотя и весьма неудобной, найдень, къ которому я и потянулся, уже когда разсвѣлось. Перейдя рѣку, я принуждёнъ былъ дать на одинъ часъ растахъ полкамъ, потому что, прошедши трое сутокъ, были лошади голодны, почти ничего не ѣвши. Я послалъ отыскивать, гдѣ слѣдуетъ, нашу армію и моего начальника и, по возвращеніи посланныхъ, успѣшилъ соединиться съ атаманомъ Платовымъ. За всѣ сіи дѣйствія мои при Гейльсбергѣ получилъ я золотую саблю, алмазами украшенную, съ надписью: «за храбрость».¹⁾

«Бывъ при своемъ начальникѣ, я много успокоился и, хотя весь день находились мы на маршѣ, но никакой встрѣчи, насъ затрудняющей, мы не видѣли. На другой день мы также спокойно слѣдовали за арміею; какъ вдругъ услышали впереди насъ сильную пушечную стрѣльбу при Фридландѣ, куда атаманъ Платовъ со всѣмъ своимъ корпусомъ послѣшилъ скорымъ маршемъ, и куда прибывъ, мы увидѣли, что вся наша армія сильно сражается. Генералъ Платовъ пошелъ впередъ. Минуя нашу армію, въ самой близкой отъ ней дистанціи и на виду оной, увидѣли мы, что небольшія разныя французскія команды какъ бы стремятся зайти намъ впередъ, противъ которыхъ тотчасъ и были посланы казаки, и хотя оныя остановили Французовъ, но не могли ихъ опровернуть, потому, что за рѣкою нельзя было посланныхъ казаковъ усилить бѣльшимъ отрядомъ».

«Армія наша по долгомъ сраженіи отступила по той же до-

¹⁾ Дѣла при Земерсфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ 28-го . 29-го мая 1807 г. Денисовъ въ запискахъ своихъ называетъ послѣдній городъ Гейльсбергомъ, Эльсбергомъ и Эсбельромъ.

рогѣ, по которой мы шли, и дойдя до одного мѣстечка, которое я запомнилъ (т. е. котораго забылъ названіе), и взявъ небольшой роздыхъ, рано на зарѣ отступила далѣе по дорогѣ къ Тильзиту. Тутъ г. Платовъ съ корпусомъ своимъ остался въ арьергардѣ и хотя отступалъ повсюду, гдѣ нужно было самъ успѣвалъ быть и храбро отражалъ непріятеля, которой за ними стремился».

«При семъ случаѣ разсматривая движенія непріятеля, я искалъ возможность нанести непріятелю вредъ, для чего приказалъ полковнику Ефремову осмотрѣть замѣченное мною мѣсто; куда онъ съ двумя казаками и поскакалъ. И примѣтивъ одного французскаго всадника, нѣсколько отдалившагося отъ своего фронта и стоящаго въ задумчивости, стремительно ринулся на него одинъ и, подскакавъ, схватилъ за поводъ лошадь того всадника и требовалъ прощенья, а тотъ, конечно, испужавшись нечаянному налету, молча поѣхалъ за Ефремовымъ. Это былъ французской майоръ, который мнѣ признался, что онъ не понимаетъ—какимъ образомъ въ плѣну, потому, что онъ былъ среди своего батальона, которымъ командуетъ».

«Черезъ весь тотъ день всѣ казачьи полки имѣли небольшія спшибки съ непріятелемъ, но принуждены были отступать; на другой и третій день мы имѣли такую же участь какъ равно 3-го іюня 1807 г. при Эйлау, 4-го іюня при рѣкѣ Прегель и до самаго Тильзита. Такое положеніе, какъ для насъ, такъ и для лошадей нашихъ, (было) весьма утомительно; но со всѣмъ тѣмъ всѣ вообще казачьи полки исполняли свою обязанность въ такой точности, что непріятель не осмѣливался ихъ сильно атаковать и отражалъ насъ артилеріею».

«Господинъ войсковой атаманъ (Платовъ) можно почти сказать не сходилъ съ лошади и гдѣ нужда требовала всегда безъ упущенія времени тамъ являлся. При семъ должностью почитаю, отдавая всю справедливость казакамъ (сказать), что въ одинъ день, когда непріятель сильнымъ наступленіемъ принудилъ нѣкоторые полки отступать рысью, сильной отрядъ съ артилеріею поскакалъ прямо на мою бригаду. Видя это и опасаясь, чтобъ непріятель не обратилъ казаковъ въ бѣгство, чѣмъ бы могъ сдѣлать замѣшательство и всему нашему корпусу, я приказалъ Астахову полку двинуться налѣво въ находящійся тутъ рѣдкой лѣсъ,

дабы таковою диверсією остановить непріятеля. Непріятель, видя то, остановилъ пушки и началъ изъ оныхъ по этому полку палить и первыми выстрѣлами было убито въ немъ вдругъ до десяти лошадей или болѣе—не упомню; но онъ полкъ, не оказавъ ни малѣйшей трусости и не сдѣлавъ замѣпательства, въ молчаніи оставался на мѣстѣ и тѣмъ непріятель былъ остановленъ. Тогда я, отступя нѣсколько далѣе, приказалъ слѣдовать ко мнѣ одному полку».

«Весь корпусъ генерала Платова подошелъ къ городу Тильзиту тогда уже, когда вся російская армія чрезъ рѣку Нѣманъ, тутъ протекающую, по мосту перешла, что и нашъ корпусъ, не останавливаясь, сдѣлалъ и мостъ прекрасно на нарочито сдѣланныхъ для того судахъ (устроенный), былъ зажженъ. Перейдя рѣку, на правомъ берегу, близъ оной господинъ Платовъ расположилъ свой корпусъ».

«Въ тотъ же день явились французскіе парламентары и (своро) заключенъ былъ миръ».¹⁾

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.

¹⁾ За отличія въ этой войнѣ А. К. Денисовъ награжденъ отъ короля прусскаго орденами—Краснаго Орла и pour le mérite.

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАРЖАВИНЪ

род. 1745, ум. 1812.

О Федорѣ Васильевичѣ Каржавинѣ не имѣется почти никакихъ печатныхъ свѣдѣній; имя его встрѣчается въ книжныхъ каталогахъ, потому что онъ напечаталъ нѣсколько сочиненій и переводовъ, да въ „Исторіи Троицко-Лаврской семинаріи“—С. Смирнова, въ числѣ преподавателей, упоминается Федоръ Каржавинъ, коллежскій актiаріусъ, какъ преподаватель французскаго языка въ 1767—1768 гг. Сочиненія Каржавина прошли незамѣтно; онъ не попалъ ни въ одинъ „Словарь Русскихъ писателей“, да онъ и самъ, какъ видно, не придавалъ имъ особаго значенія; онъ вообще мало говоритъ о нихъ въ письмахъ къ женѣ, отцу и другимъ лицамъ и если позволяетъ себѣ прихвастнуть иногда, такъ это тѣмъ, что онъ человѣкъ бывалый, много видѣвшій на своемъ вѣку. „Я объѣхалъ $\frac{3}{4}$ свѣта,— пишетъ онъ своему отцу,—знаю гдѣ 5-я часть свѣта, вамъ еще неизвѣстная; я прошелъ сквозь огонь, воду и землю“.

Сочиненія свои Ф. В. Каржавинъ подписываетъ то псевдонимомъ „Русскій Американецъ“, то „бывшій переводчикъ на Мартиниѣ“ и т. п.; и точно жизнь его, съ ранней молодости до 45-ти лѣтъ, полна самыхъ разнообразныхъ приключеній. Гордится онъ также тѣмъ, что въ теченіе всей своей жизни не искалъ ни чьей милости: „пусть ищутъ милости тѣ, кто того недостойны,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,—я же заслужилъ своимъ достоинствомъ, своими трудами, своею наукою“. Дѣйствительно, съ нравственной стороны личность Каржавина интересна по оригинальности нравственнаго склада вообще и своеобразности убѣжденій, которыя онъ не только усвоилъ, но и проводилъ въ жизни, хотя онъ часто шли въ разрѣзъ съ понятіями окружавшей его среды, борьба съ которой подъ-часъ тяжело на немъ отъзывалась.

Помѣщаемая автобіографическая записка знакомитъ съ внѣшней фактической стороною жизни О. В. Каржавина и похождениями его въ старомъ и новомъ свѣтѣ.¹⁾ Вслѣдъ за этой запиской мы постараемся обрисовать нѣкоторыя стороны его жизни, возстановивъ по письмамъ его и другимъ документамъ наиболѣе типичныя черты ея.

Н. П. Дуровъ.

I.

Записка О. В. Каржавина о своей жизни.

(1788 г.)

„Родился я въ Санктпетербургѣ, 20-го генваря 1745 г., отъ купца 1-й гильдіи Василія Каржавина, который началъ учить меня самъ на 6-мъ году російской и латинской грамотѣ, также географіи и вродилъ во мнѣ охоту къ наукамъ; вслѣдствіе чего въ 1752 г. онъ повезъ меня съ собою черезъ Пруссію въ Данцигъ, а оттуда въ Лондонъ, изъ котораго города переслалъ мени въ Парижъ,²⁾ гдѣ вступилъ въ университетъ въ 1755 г., опредѣленъ студентомъ здѣшней иностранной коллегіи въ 1760 г. и продолжалъ ученіе свое, служа при Російскихъ посольствахъ до 1765 года; въ которое время возвращень въ Россію и, убѣжденный отцемъ моимъ, получилъ въ 1766 г. увольненіе отъ оной коллегіи вовсе, съ чиномъ коллежскаго актиаріуса, но какъ желаніе отца моего, при увольненіи моемъ изъ коллегіи, было такое, чтобы сдѣлать меня купцомъ, а чинъ офицерской не позволялъ уже мнѣ быть таковымъ, того ради старался я сдѣлать себя полезнымъ, по знанію моему, при тогдашнемъ архимандритѣ, нынѣшнемъ московскомъ митрополитѣ, Платонѣ, и жилъ въ Троицкой Лаврской семинаріи учителемъ два года (съ 1767 по 1769). Черезъ которое время я изъ учениковъ своихъ приготовилъ многихъ къ должности учителей французскаго языка по разнымъ російскимъ епархіямъ, такъ что съ 1769 г. должно считать начало преподаванія французскаго языка въ Великоросійскихъ духовныхъ училищахъ. Но какъ при семинаріяхъ офицеру награжденіе получить трудно, то на концѣ упомянутаго 1769 года, по требованію г-на оберъ-архитектора артилеріи капитана, что нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Василія Ивановича Баженова,³⁾ принять я въ вѣдомство Кремлевской экспедиціи архитекторскимъ помощникомъ второго класса; т. е. въ чинѣ подпоручика, и разныя должности, на меня возложенныя, исполнялъ ко удовольствію начальниковъ моихъ. Между тѣмъ, какъ въ

1771 годѣ случилась въ университетѣ вакансія на мѣсто французскаго учителя высшаго класса по смерти француза де-Лави⁴⁾ и публикованъ былъ конкурсъ, на который много Французовъ явилось, а ни единый Русскій не смѣлъ показаться; я же, узнавъ о томъ, явился въ конференцію, выдержалъ экзаменъ и получилъ верхъ надъ всѣми кандидатами; но какъ двухъ должностей исполнять не могъ, то университетъ наградилъ меня привилегіей на содержаніе публичной школы.⁵⁾ Въ 1773 году, по слабости здоровья моего, уволенъ я до выздоровленія моего отъ экспедиціи съ одобрительнымъ аттестатомъ и для повышенія чина отправился вторично на своемъ иждивеніи въ Европу съ паспортомъ, даннымъ мнѣ отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го іюня.⁶⁾ 15-го августа пріѣхалъ я въ Амстердамъ, гдѣ исправилъ комисію, данную мнѣ отъ господина Демидова,⁷⁾ въ разсужденіи внука его Кириллы Станиславскаго, посланнаго со мною къ профессору Аламану и большого собранія натуральныхъ російскихъ и сибирскихъ рѣдкостей, повѣреннаго мнѣ для кунсткамеры принца Оранжскаго. Получивъ награжденіе г-на Демидова черезъ купца Іовія, въ октябрѣ (1773 г.) поѣхалъ изъ Амстердама сухимъ путемъ черезъ Голландію и Фландрію; пріѣхалъ въ 10 дней въ Парижъ; тутъ, проживши нѣкоторое время, препровождая оное въ слушаніи разныхъ курсовъ, принадлежащихъ до медицинской и физической науки, нашелъ я себя лишеннымъ вовсе надежды возвратиться въ Россію, по причинѣ родительскаго ко мнѣ неблаговоленія и вздумалъ суровость жребія своего умягчить женитьбою въ началѣ 1774 года; но и въ брачномъ состояніи не нашелъ я истиннаго спокойствія; ибо вскорѣ узналъ, что расходы умножились по мѣрѣ нуждъ, а законы тогдашніе, во угожденіе уроженцамъ, пресѣкали мнѣ, иностранному человѣку, живущему въ вѣдомствѣ російскаго министра, полученіе доходовъ по гражданской линіи: того ради забравъ заранѣе остатки моего капитала, пристроилъ я жену къ мѣсту, къ воспитанію и ученію благородныхъ дѣтей,⁸⁾ а самъ съ французскимъ паспортомъ поѣхалъ, въ сентябрѣ 1776 года, на французской островъ Мартинику,⁹⁾ куда прибылъ благополучно въ 36 дней и, посредствомъ рекомендательныхъ писемъ изъ Парижа, вступилъ въ одно училище (въ г. св. Петра) помощникомъ,—дабы денегъ напрасно въ трактирѣ не проѣсть. Скоро я сталъ извѣстенъ всему дворянству; товары свои, состоящіе въ отиѣнныхъ книгахъ, картинахъ и рѣдкостяхъ, продалъ съ удовольствіемъ и, желая удвоить свой капиталъ, по тогдашнимъ критическимъ обстоятельствамъ ново-англицкою торговлею, вступилъ я въ товарищество съ однимъ креоломъ (M-r Lasserre), отправляющимъ большое судно въ Америку; положилъ въ него свою

сумму и самъ на ономъ суднѣ поѣхалъ. Въ 13-е число апрѣля 1777 года, съ даннымъ оному судну паспортомъ отъ адмиралтейства яко бы на французскій островъ Микелонъ, что въ заливѣ св. Лаврентія, дабы намъ способнѣе было вдоль американскихъ береговъ ѣхать безъ подозрѣнія Англичанъ, имѣвшихъ уже тогда войну съ своими колонистами. Разныя обстоятельства по военнымъ страхамъ принудили насъ къ перепутію на островъ Порторико, подлѣ котораго англійскій фрегатъ осматривалъ насъ, паспортъ и товары съ подозрѣніемъ, послѣ чего мы были поневолѣ въ сраженіи между однимъ англичкимъ каперомъ, гдѣ и боть свой мы потеряли. Наконецъ у самыхъ береговъ Виргинскихъ королевскій англійскій фрегатъ насъ взялъ и повелъ было въ свой портъ Галифаксъ, но удалось намъ отъ него, въ густомъ туманѣ, уйти и въ Виргинію безъ вреда, по 26-ти дневномъ плаваніи въ томъ же туманѣ, вѣхать. Въ Виргиніи (1778 г.), разѣзжая по разнымъ рѣкамъ, (мы) торговали въ селеніяхъ и городахъ около 22-хъ мѣсяцевъ,¹⁰⁾ и наконецъ, при самомъ выѣздѣ изъ Виргиніи, въ февралѣ 1779 года, съ богатымъ грузомъ, Англичане наѣхали на нашъ корабль, людей нашихъ высадили надъ мелью на ледъ, недалеко отъ береговъ, а корабль и на немъ мое имѣніе, на что была вся моя надежда, повели въ Новый Йоркъ. Однако, думая сыскать помощь въ Бостонѣ, исполненъ русскимъ не унывающимъ духомъ, къ удивленію всѣхъ знакомыхъ, пустился я пѣшій въ путь съ сумою на плечахъ, питаюсь солдатскимъ казеннымъ хлѣбомъ по билету, яко военно-плѣнникъ пострадавшій отъ Англичанъ, и дошелъ въ 23 дни съ паспортомъ министра и консулей французскихъ до Бостона, гдѣ пробылъ только 2-е сутокъ, и не заставъ того мартиниканца, отъ коего я надѣялся получить помощь, возвратился я въ 19-ть дней въ Филадельфію, претерпѣвъ величайшую нужду, бывъ два дни слѣпъ отъ преломленія солнечныхъ лучей на снѣгомъ покрытыхъ поляхъ и въ опасности какъ отъ Англичанъ, такъ и отъ самихъ Американцевъ, которые меня почли шпиономъ на заставахъ, потому что я весьма малое время пробылъ въ Бостонѣ, имѣлъ на себѣ пакеты письменные какъ изъ Филадельфіи въ Бостонъ, такъ и изъ Бостона въ Филадельфію, и шелъ я не по большой фурманной дорогѣ, но по линіи, раздѣляющей ихъ отъ непріятеля, и съвозъ Вашингтонову армію.

„По возвращеніи моемъ въ Виргинію, 29-годня апрѣля (1779 г.), дѣла принудили меня на утро идти въ Сѣверную Каролину, откуда успѣлъ возвратиться въ столицу Виргинскую, къ тому времени какъ Англичане, подъ предводительствомъ Гадриджа, прибыли въ Шесназову губу и поднялись по всѣмъ рѣкамъ на грабежь и раззореніе. Въ оной столицѣ французскому купцу Венелю помогалъ я отвезти водою товаръ

въ дальніе лѣса, гдѣ мы скрывались до тѣхъ поръ, пока уѣхалъ непріатель; тогда возвратились и мы въ столицу, гдѣ я жилъ при лавкѣ онаго купца, отлучаясь только для разноса мелочнаго товару по лѣсамъ, какъ для его, такъ и для моей пользы, и въ оноу промышлѣ въ 8 мѣсяцевъ я нажилъ до 3,000 рублей бумажныхъ, которые я въ Россію вывезъ яко монументъ общаго банкротства американскаго неосновательнаго и безвластнаго правленія. 1780 года января въ 25-й день, по рекомендаціи и съ паспортомъ французскаго консула, сѣлъ я на 74-хъ пушечный французскій корабль въ маломъ Іоркѣ, и въ 20-ть дней мы прибыли въ Мартинику, претерпѣвъ при вѣздѣ въ гавань пальбу цѣлаго англискаго флота; онымъ кораблемъ командовалъ маркизъ де-Водриоль (de Vaudrieull). Тутъ, не имѣя денегъ и не зная что зачать, химія и латинскій языкъ рекомендовали меня помощникомъ главному королевскому аптекарю Дюпрату при госпиталѣ; а правительство, имѣя во мнѣ нужду по тогдашнимъ военнымъ случаямъ, опредѣлило меня королевскимъ россійскимъ и славянскимъ переводчикомъ при адмиралтействѣ. Жилъ я около 11-ти мѣсяцевъ у аптекаря съ тѣмъ, что онъ, будучи слабъ здоровьемъ, поѣдетъ во Францію и оставить свою аптеку мнѣ и прожектировалъ уже я выписать жену въ Мартинику; но въ ночи 16-го октября (1780 г.) море, взволнованное внутренними подьдонными вѣтрами, поднялось горою, вышло изъ своихъ предѣловъ, и, повалившись на городъ, 155 дворовъ съ аптекой и съ моею надеждою смыло долой и я отъ разореннаго аптекаря, въ мартѣ 1781 г., отошелъ и принялся за табачное мастерство; но такъ какъ я былъ въ лавкѣ, фабрикѣ и работѣ одинъ, табакъ произвелъ такое дѣйствіе въ моей головѣ, груди и желудкѣ, что въ пять мѣсяцевъ походилъ болѣе на мертвеца, вставшаго изъ гроба, нежели на человека живого; и такъ фабрику бросаю и началъ по морю ѣздить прикащикомъ на провіантскомъ суднѣ купца Далтона съ сентября 1781 года, по февраль 1782 года, въ кое время онъ судно продалъ; а я въ 20-е число февраля-жъ, сѣлъ съ товаромъ на американской корабль, ѣдущій въ Виргинію, взявъ отъ правленія отпускъ на 6 мѣсяцевъ, а на себя имя россійскаго доктора и офицера Ивана Баха, имѣющаго паспортъ отъ мартиниканскаго россійскаго переводчика Каржавина; но въ 5-й день подѣ Порторивомъ англицкій 22-хъ пушечный каперъ Амазонъ пересѣкъ намъ дорогу и принудилъ насъ взять отъ него провожатыхъ въ Антигу, куда мы прибыли по 17-ти дневномъ плаваніи. На островѣ Антигѣ Англичане читали паспортъ Ивана Баха, смотрѣли на его патентъ, спрашивали о причинѣ имѣющагося въ Мартиникѣ переводчика россійскаго, жалѣли, что русскій вояжиръ попался между ихъ непріателями подѣ военную судьбину,

опредѣлили ему по 3 гривны на день королевскаго жалованья, дали казенную квартиру и волю ходить въ городъ и за городъ на одну милю, по праву данному парольнымъ военно-плѣнникамъ; между тѣмъ, на похищенномъ кораблѣ весь Каржавина багажъ разграбленъ, а остались однѣ книги и лекарства по моему счастью. Черезъ двѣ недѣли жалованье мнѣ отказано и получилъ я паспортъ вольной ѣхать куда захочу, безъ денегъ, въ военное время, съ неизвѣстнаго мнѣ острова и безъ корабля. На ту пору стоялъ въ гавани Гишпанскій парламентарный корабль, на которомъ имѣлось много больныхъ; корабельщику понадобились мои лекарства и моя рука, ланцетъ и пластыри, и онъ взялъ меня съ собою въ должность лекаря.

„17-го дня апрѣля (1782 г.) поѣхали мы въ Новый Йоркъ, куда прибыли въ 25 дней; тутъ покусился я сыскать себѣ пропускъ на американскій берегъ рѣки Гудсона, въ силу англичскаго вольнаго паспорта; но адмиралъ Дигбай (Digby) онаго паспорта меня лишилъ и принудилъ остаться съ Гишпанцами безъ вида. 11-го іюня Гишпанцы, окончивши разныя плѣнниковыя съ Англичанами, отправились въ море, и въ 37-мь дней пріѣхали на островъ Санъ-Доминго, въ городу Сар (Капъ) съ репортомъ къ гишпанскому главному генералу Галвесу, который велѣлъ меня спросить, по рекомендаціи гишпанскихъ корабельныхъ офицеровъ, не вступлю-ли въ должность полкового лекаря въ его арміи по ваканціи умершаго одного Француза; но я пожелалъ продолжать путь до Гаванны и тамъ быть вольнымъ. 6-го дня августа мы поѣхали въ море, 11-го дня пріѣхали въ Мантасанъ на островѣ Кубѣ, а оттуда въ однѣ сутки въ Гаванну по прошествіи нѣсколькихъ дней. Въ Гаваниѣ и околечныхъ мѣстахъ прожилъ я 23 мѣсяца (всѣхъ 28 мѣсяцевъ съ Гишпанцами) и сыскивалъ себѣ хорошее пропитаніе своимъ знаніемъ, а именно: лечилъ больныхъ, составлялъ медикаменты для аптекарей, дѣлалъ разныя водки для питьевыхъ лавокъ и домовъ и училъ по-французски.

„По заключеніи мира велѣно всѣмъ иностранцамъ выѣхать изъ гишпанскихъ селеній въ силу кастильскихъ законовъ, и данъ мнѣ паспортъ отъ губернатора въ Новой Орлеанъ—Мисисипи тожъ и поѣхалъ я, августа 5-го дня 1784 года, изъ Гаванны на ново-орлеанскомъ кораблѣ, а 4-го дня сентября очутился въ Новомъ Йоркѣ; откуда черезъ Филадельфію добрался я до Виргиніи, и до самаго того мѣста, гдѣ я въ прежнемъ моемъ вояжѣ ходилъ въ американскую школу у города Смитфеля. Тутъ я началъ посѣщать больныхъ, что продолжалось 7-мь мѣсяцевъ, но усмотрѣвъ, что Американцы потерявъ свою честь и совѣсть при бумажной монетѣ—оныхъ не нашли при серебряныхъ деньгахъ—поѣхалъ я, по прошествіи зимы, въ сто-

лицу виргинскую, въ Вильямсбургъ, гдѣ я живаль у Венеля. Французскій купецъ Лакруа, имѣвъ нужду побывать во Франціи, поручилъ мнѣ въ маѣ свой домъ и торгъ, а французскій консулъ г-нъ Остеръ опредѣлилъ меня своей канцеляріи переводчикомъ для французскихъ и американскихъ дѣлъ. Съ онымъ купцомъ Лакруа послалъ я о себѣ извѣстіе въ Парижъ г-ну статскому совѣтнику Хотинскому, который, привыкши по доброй своей душѣ имѣть обо мнѣ попеченіе со времени моего воспитанія при посольствѣ российскомъ, не преминулъ исходатайствовать здѣсь, челоувѣколюбивымъ стараніемъ г-на коллежскаго совѣтника Николая Павловича Кондоидіа, отъ моихъ сродниковъ помощь для моего возвращенія изъ толь отдаленной страны.

„Въ началѣ 1787 года получивъ желаемый отвѣтъ изъ Европы, поѣхалъ я изъ Виргиніи въ Мартинику съ паспортомъ и атестатомъ консульскимъ, для сложенія съ себя званія российскаго переводчика и получивъ въ августѣ отъ команды увольненіе съ атестатомъ, оставилъ сей островъ 6-го ноября и, по двумѣсячномъ плаваніи, пріѣхалъ во Францію 5-го января сего 1788 года,¹¹⁾ а въ іюлѣ мѣсяцѣ отправился я изъ Парижа въ Россію съ помощію г-на Хотинскаго съ живописцемъ, отданнымъ подѣ мое смотрѣніе, бывшимъ его императорскаго высочества пенсіонеромъ Иваномъ Ермѣевымъ,¹²⁾ коего я благополучно въ Россію привезъ“.

Примѣчанія Н. П. Дурова.

1) Записка Θ. В. К. носитъ офидіальный характеръ и потому въ ней почти ничего не говорится объ отношеніяхъ Каржавина къ отцу и женѣ и другихъ болѣе или менѣе интимныхъ сторонахъ его жизни, а потому въкоторыя пропуски и недомолвки мы пополняемъ по имѣющейся у насъ перепискѣ его и по другимъ документамъ.

2) Въ Парижѣ молодой Каржавинъ былъ отданъ на попеченіе дяди Ерофея Каржавина, который жилъ во Франціи болѣе 10-ти лѣтъ; подробности о пребываніи Ерофея Каржавина во Франціи изложены въ запискѣ о немъ, поданной отъ 23-го августа н. ст. 1756 года, профессоромъ политической исторіи Жанъ-Льв Барбо де-ла-Брюеръ д'Ельваръ королю Людовику XV, и которую мы сообщаемъ въ приложеніи. Когда Ерофей Каржавинъ возвратился въ Россію, Федоръ Васильевичъ былъ отданъ подѣ надзоръ профессора греческаго языка Горисана. Съ поступленіемъ на службу при посольствѣ нашемъ, онъ переселился въ домъ посланника кн. Голицына; тутъ онъ познакомился и сблизился съ Николаемъ Константиновичемъ Хотинскимъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, Каржавинъ поступилъ въ колегію Ликсіе (Lixieux) и какъ показываютъ сохранившіеся школьные атестаты его, атестовался каждый годъ первымъ ученикомъ. Изъ этой колегіи 11-ти лѣтній Каржавинъ писалъ письма къ отцу и матери на русскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Изъ колегіи Ликсіе Каржавинъ поступилъ уже въ Парижскій университетъ.

3) Съ извѣстнымъ архитекторомъ нашимъ Василиемъ Ивановичемъ Баженовымъ (1737 † 1799), Каржавинъ познакомился на пути изъ Парижа въ Рос-

сію, въ 1765 году, и пользовался дружбой его до самой кончины Василія Ивановича. Послѣ смерти его онъ хлопоталъ по дѣламъ его вдовы.

4) Генрихъ де-Лави былъ въ теченіе 40 лѣтъ домашнимъ учителемъ въ Россіи. Съ 1765 г. онъ читалъ лекціи французскаго языка въ Московскомъ университетѣ. Умеръ въ октябрѣ 1770 года.

5) Этой привилегіей Каржавинъ воспользовался и открылъ школу въ Москвѣ. Въ числѣ учениковъ его были купеческіе сыновья Москвитинъ, которые впослѣдствіи принятии Каржавина, когда мать изгнала его изъ своего дома. Въ 1790 г. Каржавинъ и жена его были приняты въ домѣ Москвитинъ какъ родные.

6) Въ тетрадѣ, сохранившейся между бумагами Каржавина и озаглавленной Voyage d'Hollande en 17¹⁶/_{VII}73, вывѣдъ его изъ Россіи описать подробнѣе: «Рѣшившись ѣхать въ чужіе края искать счастья, при помощи Демидова, я взялъ отпускъ подъ предлогомъ болѣзни въ концѣ апрѣля 1773 года. Въ началѣ іюня я выѣхалъ изъ Москвы со своимъ багажемъ... Пара лошадей отъ Москвы до Петербурга стоила мнѣ 12 рублей, со мной было 4 пуда багажу. Мы провели 12 дней въ дорогѣ и на 12-й день, утромъ, я доѣхалъ счастливо до Петербурга. Въ Петербургѣ я остановился у Солодовникова, которому Демидовъ поручилъ отправить меня въ Голландію вмѣстѣ съ сыномъ Г. М. Станиславскаго Кирилломъ Сергѣевичемъ. Въ тотъ же день былъ у сестры Елисаветы (Елисавета Васильевна была замужемъ за Гавриломъ Игнатьевичемъ Козловымъ, профессоромъ живописи) и нѣсколько дней спустя былъ у другой сестры Евдокіи (Евдокія Васильевна была замужемъ за Анапьевскимъ).

«25-го іюня (1773 г.) я получилъ мой паспортъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ черезъ посредство Баженова и Шарапова.

«На другой день я засвидѣтельствовалъ его въ адмиралтействѣ и въ полиціи. Въ Кронштадтѣ я поѣхалъ со Станиславскимъ 8-го іюля на шлюпкѣ; по пріѣздѣ, мы отправились на голландскій двухъ мачтовый галіотъ «Johanna en Pieter», управляемый капитаномъ Рейну Лоренсомъ, чтобы условиться съ нимъ въ переѣздѣ въ Голландію. 9-го іюля я засвидѣтельствовалъ мой паспортъ въ кронштадтской полиціи и адмиралтейской конторѣ, и когда 10-го числа я собирался явиться на кронштадтской биржѣ, меня задержалъ отецъ, пріѣхавшій въ Кронштадтъ изъ Ораніенбаума съ зятемъ Анапьевскимъ; онъ остановилъ меня и я, подѣ конвоемъ одного солдата, былъ отправленъ въ адмиралтейскую коллегію при рапортѣ контръ-адмирала Снявина (Николай Ивановича), въ которомъ значилось, что я собирался бѣжать за границу съ фальшивымъ паспортомъ и, по удостовѣренію отца, обокралъ его и даже покушался на его жизнь. Меня держали подѣ арестомъ адмиралтейской коллегіи 11—12-го іюля; въ этотъ день меня переслали въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; тамъ меня посадили, и г-нъ Курбатовъ привезъ меня къ Козлову. 13-го—я получилъ отъ него мой паспортъ съ приказаніемъ тотчасъ-же ѣхать въ Кронштадтъ.»

Послѣ этого Ѡ. В. удалось выбраться изъ Россіи; въ этомъ разсказѣ Каржавинъ умалчиваетъ о томъ, какъ Снявинъ предлагалъ обиженному отцу его услуги своихъ матросовъ и большой выборъ кошекъ, (родъ плетей) на случай если бы отецъ захотѣлъ поучить своего сына. Въ письмѣ за границу къ Ѡедору Васильевичу отецъ напоминаетъ ему объ этомъ и о томъ, что онъ не воспользовался обязательнымъ предложеніемъ Снявина.

7) Извѣстнаго Прокопія Акинѣевича Демидова.

8) Каржавинъ официально назначаетъ день своей свадьбы 15-е февраля

1774 г., но въ публикаціи, по которой онъ розыскивалъ вѣдѣнія о женѣ своей, онъ говоритъ, что женился въ 1776 году. Каржавинъ былъ женатъ на бѣдной сиротѣ, дѣвицѣ Шарлотѣ Рамбургъ, бывшей въ ученіи у модистки Гульямъ и учившейся убирать и чесать волосы у г-жи Дюбургъ. Жена его, во время отсутствія его изъ Парижа, сперва занималась шитьемъ, потомъ жила въ услуженіи и, задумавъ посвятить себя воспитанію дѣтей въ Россіи, занималась теоретическимъ изученіемъ французскаго языка и географіи. Сравнивая письма ея къ мужу въ первое время и потомъ, видно, что она сдѣлала большіе успѣхи въ грамотахъ.

9) Каржавинъ жилъ въ Парижѣ и ухаживалъ изъ него подъ фамиліей Лами (Lamy). Настоящей причиной выѣзда его изъ Парижа была размолвка съ женою. Во время пребыванія въ Парижѣ онъ подготовилъ 4 перевода съ русскаго для изданія: 1) Voyage du Spitsberg, 2) Instructions Chrétienness, 3) Mythologie Russo-Slavonne и 4) Pierre d'achoppement. Не знаемъ удалось-ли ему напечатать свои переводы; въ каталогахъ не встрѣчается книгъ съ такими заглавіями; что же касается до оригиналовъ, съ которыхъ сдѣланы имъ эти переводы, то 1-й кажется, переводъ: «Приключенія 4-хъ россійскихъ матросовъ, къ острову Шпитсбергену бурей принесенныхъ». Спб. 1772 г., въ 12°; 2-й — «Правила христіанскія, руководствующія къ истинному образованію ума и сердца». М. б. ozn. года въ 8°; 3-й вѣроятно переводъ «Русско-славянскаго баснословія» — Чулкова, изд. въ М. 1762 г., въ 8°; и 4-й — «Камень соблазна или историческое изъясненіе о началѣ разединенія церквей восточной и западной», соч. Ильи Минятинъ. Книга эта была издана позже въ 1783 г., но можетъ быть переводъ сдѣланъ съ рукописнаго русск. перевода или съ греческаго; другихъ книгъ съ подходящими заглавіями мы не нашли у Сошкова, Смирдина и Плавильщикова.

10) Въ письмѣ къ отцу, отъ 1-го сентября 1785 года, Каржавинъ пишетъ: «Лѣтъ тому 6 или 7 будетъ, какъ я жилъ на коштѣ виргинскаго правительства мѣсяцевъ 6 въ Вильямсбургѣ, гдѣ намѣревался быть посланнымъ къ россійской государинѣ отъ американскаго конгресса съ публичнымъ характеромъ въ то время, какъ тѣ (американцы) отправили доктора Франклина къ королю французскому полномочнымъ министромъ; но обстоятельства военныя и нѣкоторые перевороты въ американскихъ дѣлахъ, памятуяще, что я былъ у васъ не въ милости и страхъ отъ россійскаго министра Панина, ежели-бъ я, русскій человѣкъ, посланъ былъ ко своей государинѣ въ публичномъ званіи отъ иностранной короны и проч., причинили мнѣ предпочесть возвратиться въ Мартинику...»

11) По приѣздѣ въ Парижъ, Каржавинъ тотчасъ началъ розыскивать жену; для этой цѣли онъ отнесся къ полицейскому управленію тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ ожидалъ найти ее, и когда эта попытка оказалась безуспѣшной онъ сдѣлалъ публикацію, по которой и розыскалъ ее. Поживъ съ нею, онъ отправился на родину. Изъ писемъ видно, что жена не хотѣла за нимъ слѣдовать въ Россію, такъ что онъ рѣшился, устроивъ свои дѣла по наслѣдству, выхлопотать себѣ мѣсто при посольствѣ или при консульской конторѣ, что бы ѣхать самому за границу, но дѣла задержали его въ Россіи.

12) Ермѣневъ надѣлалъ много хлопотъ Каржавину: онъ пьянствовалъ, заводилъ ссоры и былъ замѣчанъ во многихъ скандальныхъ исторіяхъ. По приѣздѣ въ Петербургъ, свѣдали о его проказахъ и онъ лишился покровительства в. кн. Павла Петровича; полагая, что Каржавинъ и Хотинскій распустили худую молву объ немъ, Ермѣневъ всячески вредилъ Федору Васильевичу, ссорилъ его съ родными и т. п.

Н. Д

II.

Помѣщенная выше автобіографическая записка Каржавина написана имъ для того, чтобы представиться въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ о мѣстѣ при посольствѣ или при консульскихъ конторахъ за границей. Ѳеодоръ Васильевичъ полагалъ что связи, приобретенныя имъ въ Россіи, помогутъ ему принести пользу на этомъ поприщѣ, и имѣлъ въ виду сойтись въ тоже время съ женой, которая, повидимому, не рѣшалась еще ѣхать въ Россію.

Мы прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу Каржавина по письмамъ его къ женѣ за границу и по другимъ его бумагамъ; но предварительно считаемъ необходимымъ оговориться, что справедливость разсказа Каржавина о его приключеніяхъ подтверждается паспортами его, атестатами и другими документами, имѣющимися у насъ въ подлинникѣ.

Мы говорили, что Каржавинъ собирался, при первой возможности, поступить на русскую службу и искалъ мѣста въ Россіи, но дѣла по наслѣдству задержали его въ Петербургѣ и онъ, тотчасъ по пріѣздѣ, увидѣлъ, что присутствіе его здѣсь необходимо; такъ отъ 25-го августа 1787 года онъ пишетъ женѣ:

„Будьте здоровы другъ мой, цѣлую васъ отъ всего сердца, цѣлую портретъ вашъ! Съ какою радостью я расцѣловалъ бы васъ самихъ на родной землѣ, въ кругу родныхъ, передъ старухой матерью. Вы—моя жена и она, во всякомъ случаѣ, должна признать васъ дочерью; впрочемъ я думаю, что она встрѣтила-бы васъ какъ дочь родную, а не какъ жену сына; она искренне желаетъ видѣть васъ подлѣ себя, чтобы вы утѣшили ее на старости лѣтъ... Мать и родные встрѣтили меня радушно; они видимо были огорчены, что я пріѣхалъ безъ васъ и обманулъ ихъ ожиданія; они думали встрѣтить меня съ женой и съ полу-дюжиной ребятъ. Братъ мой давно имъ извѣстенъ; они видѣли вашъ портретъ и допрашивали объ васъ Ермѣнева; я воюю съ ними по поводу обручальнаго кольца, однако жъ до сихъ поръ ничего не говорилъ имъ о нашей свадьбѣ. Они поговариваютъ, что нехорошо намъ жить на два дома, потому что это влечетъ за собою лишніе расходы; кромѣ того, они ожидаютъ, что я, при первой возможности, уѣду къ вамъ, тогда какъ желали бы, напротивъ того, видѣть васъ здѣсь; они полагаютъ, что мы могли бы поселиться у матушки, съ тѣмъ, что бы я взялъ на себя веденіе ея дѣлъ, которыхъ ей поручить рѣшительно некому. Братъ мой слишкомъ молодъ, ему всего 20-й годъ, но онъ, по необходимости, со смертію

отца и за мои́мъ отсутствіемъ, завѣдуетъ всѣмъ; онъ купилъ домъ въ 80 т. ливровъ, говоря, что приобретае́тъ его для меня, но записалъ его на свое имя. Мать, по старости своей, не имѣетъ силъ съ нимъ справиться и онъ дѣлаетъ что хочетъ; сами посудите, какія это можетъ имѣть послѣдствія. Въ результатѣ оказывается, что я живу у брата, хотя всѣ величаютъ меня хозяиномъ. Я знаю, что существуетъ какое-то духовное завѣщаніе, составленное за два часа до смерти отца, написанное и подписанное священникомъ, но не самимъ отцемъ; оно составлено въ ихъ пользу и не въ моихъ интересахъ, нигдѣ не засвидѣтельствовано и мнѣ бо́ятся показать его, говорятъ, что отецъ ничего не оставилъ (ходятъ слухи, что онъ имѣлъ капиталъ въ 300,000), тогда какъ на моихъ глазахъ купленъ домъ, я вижу лошадей, экипажи; вижу, что сорять деньгами и право не знаю чѣмъ все это кончится“.

Покуда устраивались его дѣла, Каржавинъ жилъ съ матерью, которая оказалась скупая, полу-помѣшанная старуха; его опутали дрызгами, перессорили съ замужними сестрами и онъ рѣшился наконецъ взять отъ матери, что она дастъ и ѣхать за границу; былъ готовъ уже паспортъ и онъ совсѣмъ собрался въ дорогу, но родные заповдрили его, что онъ взялъ отъ матери болѣе чѣмъ ему слѣдовало и начали дѣло, что и задержало его въ Россіи. По проискамъ родныхъ, онъ поссорился съ матерью, которая выгнала его изъ дому, такъ что онъ принужденъ былъ переѣхать къ бывшему ученику своему, купцу Москвину.

Въ 1791 году, 26-го августа, мать Каржавина была убита; подозрѣніе падало на брата его, но по суду онъ былъ оправданъ; убійцами оказались люди, жившіе въ услуженіи. По смерти матери возникаетъ новый процессъ о наслѣдствѣ; покуда онъ тянется, дѣла покойной остаются на рукахъ его брата, который, находя это выгоднымъ для себя, старается запутывать и тянуть дѣло по наслѣдству сколько можетъ; такъ что Каржавинъ отказывается уже отъ мысли ѣхать въ чужіе края, тѣмъ болѣе, что къ этому времени пріѣхала жена его въ Петербургъ. Во все время премея пребыванія ея въ Парижѣ, Каржавинъ высылалъ ей изъ Россіи по 1,200 франковъ ежегодно, пересылая сверхъ того что могъ. Она пріѣхала въ Петербургъ 31-го іюля 1791 года, но и здѣсь имъ не суждено было сойтись; неизвѣстно что помѣшало имъ жить вмѣстѣ, жена-ли по прежнему не захотѣла оставаться съ нимъ или средства не позволяли имъ обзавестись своимъ домомъ, только изъ писемъ видно, что она жила въ Москвѣ въ гувернанткахъ у Ивана Петровича Архарова, бывшаго при императорѣ Павлѣ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ.

Далѣ мы нашли въ бумагахъ подорожную, выданную ей въ 1801 году на проѣздъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, и официальное извѣщеніе о смерти ея, изъ котораго видно, что она умерла въ 1807 году, въ Курскѣ, и похоронена у церкви Успенья Богородицы въ этомъ городѣ.

Рѣшившись остаться навсегда въ Россіи, Каржавинъ искалъ себѣ занятій, и когда со смертью Екатерины II, Баженовъ вошелъ въ силу при Павлѣ Петровичѣ, онъ выхлопоталъ ему, въ 1797 году, мѣсто переводчика въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; этою должностію кажется и закончилась служебная карьера Ѳедора Васильевича. Спустя три года послѣ смерти первой жены, Каржавинъ женился на Надеждѣ Никитичнѣ Барановой, отецъ которой служилъ въ дирекціи императорскихъ театровъ. Вторая жена пережила Ѳедора Васильевича. Онъ умеръ въ 1812 году, какъ значитса въ замѣткѣ Сулакадзева, которому достались всѣ бумаги Каржавина.

III.

Автобіографическая записка, какъ мы предупреждали, не вполне знакомитъ съ оригинальной личностію Каржавина, которая гораздо рельефнѣе и живѣе рисуется въ перепискѣ его съ отцомъ и женою. При ближайшемъ знакомствѣ съ интимной стороною его жизни по этимъ письмамъ, гдѣ онъ высказывается съ полною откровенностію, мы прежде всего замѣчаемъ въ немъ много чисто народныхъ особенностей, присущихъ русскому человѣку, которыя сохранились въ немъ, несмотря на заграничное воспитаніе. Ѳедоръ Васильевичъ не терается въ самыя трудныя минуты жизни, и, выражаясь его словами: „преисполненный русскимъ неунывающимъ духомъ“ находитъ исходъ. Увѣренный, что, благодаря многосторонней образованности и природной русской смѣтлѣ, онъ нигдѣ не пропадетъ, Каржавинъ, если ему не везетъ въ Россіи, ѣдетъ во Францію; тамъ не поладилось—отправляется на Мартинику, въ Америку, идетъ на самыя рискованія предпріятія, словомъ, вездѣ найдется и выйдетъ цѣлымъ изъ всѣхъ жизненныхъ передригъ, не измѣнивъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Онъ, когда того потребуетъ судьба, является попеременно учителемъ, архитекторомъ, докторомъ, аптекаремъ, служитъ при консульской конторѣ или занимается табачной фабрикаціей. Необходимость работать изъ-за куса насущнаго хлѣба гонитъ его отъ одной дѣятельности къ другой, не давая времени остановиться на чемъ-нибудь и заставляя его тратить на мелочи разнообразныя познанія, которыя онъ приобрѣлъ долгимъ ученіемъ и которыя, при дру-

гихъ условіяхъ, могли быть употреблены производительнѣе. Такимъ образомъ въ результатѣ его лихорадочной дѣятельности выходитъ то, что онъ имѣлъ полное право, въ письмѣ къ отцу, говоря о томъ, что онъ не ищетъ ни чьей милости, сказалъ про себя: „я заслужилъ (ее) своими достоинствами, своимъ трудомъ, своею наукою“, потому что онъ, чуждаясь всякихъ замискиваній, дѣйствительно сумѣлъ приобрести уваженіе и полное довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло и вообще сталкивался въ жизни. При всемъ этомъ онъ не можетъ подняться надъ общимъ уровнемъ, несмотря на несомнѣнные дарованія и натуру, далеко не дюжинную. Заботы о насущномъ хлѣбѣ и о томъ, чтобы скорѣе вырваться изъ этого тяжелого положенія, при которомъ гибнуть его познанія и силы, и поскорѣе обезпечить свое существованіе и судьбу любимой имъ жены, заботы эти поглощаютъ всю его энергію.... чувствуя это, онъ съ горечью говорить въ письмѣ къ отцу: „я видѣлъ разные народы, знаю ихъ обычаи, ихъ промыслы, я измѣрилъ пучины и глубины иногда съ рискомъ моей жизни; но все то для кого и для чего? все то было напрасно! лучше было мнѣ быть багачникомъ, нежели учиться и терять мою жизнь напрасно. Съ 3,000 руб. я жилъ по милости Демидова 12 лѣтъ и живу теперь, хотя потерялъ 2 корабля и былъ дважды въ плѣну, и теперь еще имѣю 3,000 рублей въ карманѣ бумажной американской монеты, но за границей (Америки) она полущки не стоитъ....“

Желая утишить въ себѣ потребность другой лучшей дѣятельности, вызванную образованіемъ и сознаніемъ, что и онъ, подобно другимъ, способенъ къ ней, онъ съ комичной важностью сравниваетъ себя съ Колумбомъ. „Я считаю себя не меньше Христофора Колумбуса, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — различіе только то, что онъ имѣлъ милость отъ своего государя, а же не имѣю ни отъ кого, и не желаю имѣть“ или съ желчью относится къ заслугамъ тѣхъ, кто успѣлъ дать лучшее направленіе своей дѣятельности. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоря о томъ, что тѣло человѣка послѣ смерти разлагается на составные элементы, которые соединяются съ другими однородными въ природѣ, онъ прибавляетъ: „химія то мнѣ доказала, хотя я въ школѣ у Ломоносова не былъ, ибо безъ Ломоносова химикомъ быть можно; подите въ московскую аптеку, тамъ Ездель въ одну недѣлю болѣе опытовъ сдѣлаетъ, чѣмъ Ломоносовъ въ годъ, а я въ Мартиниканской госпитали болѣе выучился въ одинъ годъ, нежели какъ могъ бы выучиться въ 10 лѣтъ въ Московской госпитали“.

Каржавинъ сумѣлъ, благодаря честности своихъ убѣжденій, находить себѣ друзей и сохранять ихъ до конца жизни, несмотря на

всѣ жизненные невзгоды. Одинъ изъ нихъ, совѣтникъ посольства нашего въ Парижѣ, Николай Константиновичъ Хотинскій, знавшій Каржавина съ дѣтства, пересылаетъ Николаю Павловичу Кондоиди письмо Каржавина къ матери и проситъ передать его по назначенію чрезъ Гаврилу Игнатьевича Козлова (зятя Каржавина); при этомъ онъ прибавляетъ: „не знаю, въ какомъ духѣ и слогѣ она (т. е. мать Каржавина) ему писала, а буде въ сходственныхъ съ расположеніями, въ каковыхъ нашли вы ее, когда просили ее, чтобы она прислала къ сыну денегъ,¹⁾ то, можетъ, осторожиѣ поступилъ бы Гаврила Игнатьевичъ, если бы вскрылъ то письмо, яко къ нему написанное, и, смотря по содержанію, показавъ бы оною матушѣ его или бы объ ономъ совсѣмъ утаилъ. Господинъ Каржавинъ бывалъ очень горячъ, онъ все напрымиѣ говаривалъ, а какъ и теперь изъ письма его увидите, что индо проскакиваетъ, какъ онъ твердъ въ образѣ своихъ мыслей, то предосторожиѣ будетъ, еслибъ Гаврила Игнатьевичъ разсматрѣлъ, нѣтъ-ли чего въ ономъ оскорбительнаго матушѣ г-на Каржавина или памяти покойнаго его отца, которою легко статочною съ его стороны невоздержанностью могъ бы иногда дѣла свои испортить“.

Изъ приведенной выше автобіографической записки видно, что самая первая невзгода, выпавшая на долю 23-хъ-лѣтняго Каржавина, была ссора съ отцомъ его. Эта ссора, какъ видно изъ переписки, и побудила его главнымъ образомъ оставить Россію. Отецъ его, купецъ 1-й гильдіи, Василій Никитичъ Каржавинъ, былъ, повидимому, человѣкъ образованный; онъ зналъ языки настолько, что могъ самъ учить сына латинскому языку, и, какъ говоритъ Ѡ. В. Каржавинъ, сумѣлъ развить въ немъ любовь къ наукамъ; но выросшій въ понятіяхъ о безусловной власти родителей надъ судьбою дѣтей ихъ и надѣленный отъ природы твердымъ и деспотичнымъ характеромъ, онъ не могъ простить сыну его „неповиновенія волѣ родительской“.

Въ примѣчаніи къ запискѣ Ѡ. В. Каржавина, описывая подробности вѣзда его изъ Россіи, мы видѣли, какъ отецъ былъ твердъ въ намѣреніи заставить сына исполнить свою волю; эта твердость и стойкость въ разъ принятыхъ рѣшеніяхъ перешла по наслѣдству къ Федору Васильевичу.

Для того, чтобы выяснитъ себѣ отношенія между отцомъ и сыномъ, надо припомнить что Федоръ Васильевичъ съ 11-ти лѣтъ воспиты-

¹⁾ Въ это время отецъ Каржавина умеръ и ему слѣдовало получить наслѣдство. Деньги просили у его матери для того, чтобы дать ему средства возвратиться изъ Америки въ Россію.

вался внѣ дома родительскаго и связь его съ семьей поддерживалась только перепиской, которая мало по малу изъ интимной переходитъ въ дѣловой тонъ. Отецъ его, какъ человекъ богатый, не жалѣлъ средствъ для воспитанія сына; по отъѣздѣ дяди, Ерофея Каржавина, въ Россію, Ѳедоръ Васильевичъ былъ отданъ подъ надзоръ профессора греческаго языка Герисона, который получалъ отъ отца Каржавина ежемѣсячно по 1,000 франковъ. Герисонъ былъ человекъ семейный и небогатый; изъ боязни потерять выгоднаго пансіонера, онъ старался внушить отцу Каржавина опасенія за нравственность его сына, выставилъ передъ отцомъ разныя дурныя наклонности, подмѣченныя будто-бы въ молодомъ Каржавинѣ, и необходимость своихъ попеченій о немъ. Отецъ не имѣлъ возможности провѣрить его, и, вслѣдствіе постоянныхъ наговоровъ Герисона, довѣріе его къ сыну колебалось; это конечно отразилось въ перепискѣ и охладило къ нему сына; этимъ недовѣріемъ, которое особенно тяжело для человека правдиваго, объясняется та рѣзкость и сухость отношеній Ѳедора Каржавина къ отцу, которая развилась еще болѣе послѣ ссоры между ними въ Петербургѣ, имѣвшей такое роковое вліаніе на судьбу Каржавина.

Съ отъѣздомъ его за границу между сыномъ и отцомъ завязывается переписка, и въ письмахъ его къ отцу, съ особенной рѣзкостью, высказываются его убѣжденія.

Во время своихъ странствованій Каржавинъ заболѣлъ и болѣзнь приняла-было такой серьезный характеръ, что онъ, опасаясь за свою жизнь, рѣшается примириться съ отцомъ и пишетъ ему: „прошу васъ слезно предать забвенію досады, которыя могъ я вамъ причинить, и не уносить съ вами въ гробъ память таковыхъ вещей, которыя должны оставаться на поверхности земли и происходить часто отъ несносности (т. е. невыносливости) и нетерпѣливости молодого, отъ вольной крови рожденнаго, человека. Да какая бы вамъ радость (была), что за утѣха, если бы вы узнали во мнѣ рабскій духъ и подлость человека, рожденнаго подъ игомъ холопства? Я никогда не удалялся отъ почтенія, которое я имѣю къ родившему меня; но удаляясь отъ ударовъ и угрозъ того человека, между коимъ и мною долженствовалъ быть сладчайшій любви союзъ—дошелъ я до того, (что) выпрвался изъ таковой опасности; не захотѣлъ я, чтобы отецъ своею свирѣпостью подвергъ себя суду законному; спасся я бѣгствомъ въ чужіе края отъ его угрозъ; обиды я ни въ единой полумкѣ ему не причинилъ, и тѣмъ сталъ-ли я виноватъ, что не подложилъ своей головы подъ поднятое уже надъ нею полѣно; весьма чудное было бы и смѣху достойное сыновнее повиновеніе, когда бы сынъ подвергъ

себя отцовскому свирѣпству и допустилъ бы его быть сыноубійцею Спасъ человѣкъ свою жизнь и тѣмъ виноватъ! Авраамъ, проснувшись, говорить сыну, что Богъ ему во снѣ приказалъ заколоть его, и сынъ шею свою протянулъ на бревно, потому что онъ долженъ не только повиноваться отцу, но и любить его, когда онъ ему шею хочетъ перерѣзать; чудный законъ! чудная любовь! во дни Авраама людямъ все то грезилось, а во дни Екатерины людямъ не грезится, но они видятъ и просвѣщаются свѣтомъ, изліяннымъ на ихъ разумъ изъ престола того, кто былъ, есть и будетъ источникомъ всякаго просвѣщенія! И такъ, милостивый родитель, прости бѣднаго Исаака, что онъ шею свою отъ вашего ножа скрылъ, по волѣ и по опредѣленію Божества, а не по своей непокорности, ибо его покорность была бы вамъ самимъ вредна и безчестна“.

Отецъ при своемъ твердомъ характерѣ не могъ не уважать въ сынѣ своемъ той же твердости, и хотя самолюбіе его было затронуто непочтительнымъ поведеніемъ сына, такъ что онъ сыплетъ на него сперва проклятія и ругательства, но потомъ гнѣвъ его стихаетъ и онъ ищетъ своего сына, чтобы примириться съ нимъ, но поиски его были безуспѣшны; онъ такъ и умеръ — 17-го марта 1786 г.—не видавъ сына Ѳедора.

Религіозныя убѣжденія Каржавина тоже, для того времени, вполне своеобразны; онъ, какъ видно изъ приведенной выписки, признавалъ Божество какъ источникъ свѣта, просвѣщающаго разумъ людской, какъ источникъ истиннаго просвѣщенія, которое не дозволяетъ торжествовать неправдѣ въ жизни и вѣрилъ въ силу его, подъ покровомъ котораго истинное достоинство и правда не нуждаются въ покровительствѣ сильныхъ міра, но пролагаютъ дорогу сами... Онъ яснѣе высказывается въ этомъ смыслѣ въ отвѣтѣ на письмо отца, въ которомъ тотъ посылаетъ ему проклятіе: „Всемогущій Богъ,—ишетъ ему въ отвѣтъ Каржавинъ,—не можетъ быть свидѣтелемъ творимаго человѣку зла и Его именемъ оное творить есть оскверненіе имени Божьяго, злое употребленіе Его всемогущества. Да желаніе, чтобъ источникъ доброты сдѣлался источникомъ зла, есть грѣхъ противу Бога; не Его именемъ, но призваніемъ дьявола творятся такіа дѣла, а понеже дьявола нѣтъ иного, кромѣ угрызенія совѣсти въ человѣкѣ, слѣдовательно все то вѣтеръ“.

При такихъ понятіяхъ Ѳедоръ Каржавинъ отвергалъ внѣшніе обряды; на вопросъ жены, какъ желаетъ онъ крестить ребенка: по католическому или по православному обряду, онъ отвѣчаетъ: „Дѣтей крестили еще до христіанства, крестины—омываніе новорожденнаго; мнѣ рѣшительно все равно какъ умоютъ моего ребенка, по католи-

ческому или по православному обряду. Въ обѣихъ церквахъ католическихъ одинъ Богъ и одинъ законъ Божественный и одни крестины. Если бы я былъ съ вами, я зналъ бы какъ поступить въ подобныхъ обстоятельствахъ, а если ты съ ребенкомъ въ Парижѣ, то и дѣлайте такъ, какъ у васъ тамъ принято“. На опасеніе жены, какъ примутъ его бракъ съ католичкой, онъ отвѣчаетъ: „Въ Россіи полная вѣротерпимость; у насъ можно жениться на католичкѣ, лютеранкѣ, хоть на магометанкѣ — для брачныхъ наслажденій нужна любимая женщина, а не религія“. ¹⁾

Бракъ его окруженъ какою-то таинственностью. Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ онъ пишетъ: „Можетъ быть мнѣ представится скоро случай писать къ Хотинскому и можно будетъ вложить въ конвертъ письмо на твое имя. Можетъ случиться, что при видѣ твоего адреса онъ полюбопытствуетъ взглянуть на тебя; это маленькій человекъ, вѣжливый до утонченности, въ выраженіи лица его проглядываетъ тонкость и въ глазахъ его много проницательности; онъ одѣвается скромно и носитъ крестъ въ петличкѣ. Если онъ придетъ къ тебѣ, прими его прилично, какъ жена русскаго офицера, и будь осмотрительна въ разговорахъ. Помни же день нашей свадьбы — 15-е февраля 1774 г., — отецъ Симеонъ ²⁾ благословилъ нашъ бракъ у насъ на квартирѣ передъ двумя свидѣтелями, одинъ изъ нихъ умеръ, другой или не знакомъ тебѣ, или уѣхалъ изъ Парижа. Впрочемъ, такія подробныя объясненія наврядъ потребуются, можетъ быть ты не встрѣтишь ни одного русскаго, но слѣдуетъ всегда быть готовымъ на случай...“

Въ семейной жизни Каржавинъ былъ несчастливъ; жена его, какъ видно изъ писемъ, вскорѣ послѣ того какъ сошлись они, почувствовала къ нему охлажденіе, но онъ былъ искренно привязанъ къ ней до конца жизни. Высказывая въ своихъ письмахъ искреннюю и предупредительную привязанность къ женѣ и всегдашнюю готовность сойтись съ нею, Θ. В. Каржавинъ никогда не навязываетъ ей своихъ чувствъ и не требуетъ отъ нея взаимности; въ трудныя минуты жена обращается къ нему, предлагаетъ сойтись и жить вмѣстѣ; тогда онъ, понимая настоящее значеніе такихъ порывовъ, еротно и осторожно высказываетъ ей это; вотъ на примѣръ какъ отвѣчаетъ онъ женѣ изъ Мартиники на письмо ея, въ которомъ она вызываетъ его въ Парижъ:

„Въ письмѣ вашемъ, отъ 25-го мая 1777 г., вы совершенно не

¹⁾ Каржавинъ переписывался съ женой на французскомъ языкѣ, такъ что выдержки изъ писемъ его къ ней приводятся въ русскомъ переводѣ. Н. Д.

²⁾ Отецъ Симеонъ Матіевъ, служившій при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Н. Д.

заслуженно упрекаете меня; вы пишете, что вы всегда видѣли во мнѣ не только друга, но почитали меня какъ отца и смотрѣли на меня какъ на мужа вашего; вы знаете, другъ мой, былъ-ли я имъ, и, не въ упрекъ вамъ говоря, еслибы вы только захотѣли, я никогда не расстался бы съ вами и не подвергалъ себя опасностямъ; вы имѣли бы тогда удовольствіе видѣть теперь подлѣ себя мужа и друга Лами. (Вымышленная фамилія, подъ которой жилъ Каржавинъ во Франціи). Капризъ вашъ былъ причиною выѣзда моего изъ Парижа... я, по крайней мѣрѣ не знаю другой причины отъѣзда своего... Благодарю васъ, другъ мой, за тѣ чувства, которыя вы мнѣ высказываете, но онѣ вѣдь проявились только тогда (когда?) я живу на разстояніи 1,800 лѣ отъ васъ. Тотчасъ послѣ отъѣзда моего вы уже ожидаете моего возвращенія и обѣщаетесь дать мнѣ согласіе, котораго я такъ тщетно ожидалъ отъ васъ, давно пора! но по пословицѣ укусомъ не приманишь мухъ; не забудьте, что мнѣ уже 36 лѣтъ, а не 18, вѣдь для того, чтобы возвратиться въ Парижъ, надо заплатить за одинъ переѣздъ 600 франковъ, а если счесть всѣ дорожные расходы, то путешествіе это обойдется мнѣ въ 1,000 франковъ, чѣмъ же мы тогда будемъ жить съ вами? Конечно, жить подлѣ васъ, другъ мой, большое счастье, но оно не должно быть отравлено нуждой. Согласіе, о которомъ вы пишете въ письмѣ вашемъ, само собою разумѣется, дороже для меня всякаго богатства; но человѣкъ вѣдь животное, которое не можетъ жить однимъ воздухомъ: безъ хлѣба и вина любовь хладѣетъ и мерзнетъ, говоритъ латинская пословица. Я потерялъ три года, 2 корабля и все, что имѣлъ въ новой Англии, болѣе 20 разъ въ теченіе этого времени я рисковалъ жизнью и послѣ всего этого я поставленъ теперь въ необходимость жить у другихъ, и обогащать ихъ своимъ трудомъ и впереди мнѣ не видно исхода изъ этого тяжелаго положенія; изъ-за чего все это? все изъ-за одного рокового нѣтъ, связаннаго той, которая хотѣла быть дѣвицей Лами и не соглашалась сдѣлаться мадамъ Каржавиной; но, прочь всѣ гордыя мечты о счастьи! Помни бѣднякъ Лами, что ты надолго потѣрялъ ея гордое сердце; что ты больше ничего какъ несчастный аптекаръ и вари свои лекарства для храбрыхъ солдатъ, которые отомстятъ врагамъ твоимъ Англичанамъ за твое раззореніе; не мечтай же о счастьи, которое не для тебя существуетъ на свѣтѣ; ты думалъ заслужить его...¹⁾ и нѣжностью, но всѣ твои усилія были безплодны подлѣ нея, а теперь, когда ты уѣхалъ за 1,500 лѣ, можешь-ли ты

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ бумага истлѣла и нельзя разобрать одного слова.

повѣрить въ возможность этого счастья? вмѣсто того, чтобы лѣтъ по первому призыву за нимъ и по прїѣздѣ встрѣтить можетъ быть новый отказъ, который убьетъ тебя, живи въ покоѣ, да дѣлай свои пластыри, оно вѣрнѣе, не основывая несбыточныхъ надеждъ на словахъ, которыя можетъ быть вырвались въ трудную минуту, были вызваны минутнымъ порывомъ, который пройдетъ безъ слѣда... Что бы вы ни думали обо мнѣ, вѣрите одному, что пока хотя капля крови течетъ въ моихъ жилахъ я не могу быть покойнымъ, пока не буду имѣть впереди надежды видѣть васъ покойной и счастливой; не думайте, чтобы я говорилъ съ вами въ эту минуту не отъ чистаго сердца; повѣрите, все, что я написалъ вамъ, вылилось у меня прямо отъ души. Знаете какъ я люблю себѣ представлять васъ: воображеніе мое рисуетъ мнѣ васъ, живущей покойно въ Парижѣ, довольной необходимыми въ жизни, безъ суетныхъ желаній. Вотъ если бы при этихъ условіяхъ услышать отъ васъ то согласіе, о которомъ вы пишете и потомъ умереть у ногъ вашихъ, это было бы большое счастье. Я столько разъ встрѣчался лицомъ къ лицу со смертію и столько безотраднато видится мнѣ впереди, что жизнь становится въ тягость; я, правда, не терплю нужды, да и хорошаго-то ничего не вижу въ жизни, чтобы особенно дорожить ею...“

Въ дальнѣйшей перепискѣ, когда Каржавинъ сошелся на короткое время съ женой, но она не пожелала слѣдовать за нимъ въ Россію, видно, что онъ примирился со страннымъ положеніемъ своимъ относительно жены, которая то призываетъ его, то вновь отталкиваетъ. Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому времени, онъ пишетъ:

„У меня нѣкогда и въ помышленіи не было заставлять васъ страдать изъ-за меня, хотя мнѣ и было бы отчасти простиительно быть немного злопамятнымъ, но я всегда и безъ ропота подчинялся волѣ того, кто создалъ капризныхъ женщинъ...“

Отношенія ихъ становятся болѣе покойныя и дружественныя: онъ повѣряетъ женѣ свои планы о будущемъ, свои мысли, свои дѣла какъ доброму и надежному товарищу; затѣмъ, если онъ и даетъ ей совѣты, то не менторскимъ тономъ, а какъ равный равному; мы отмѣчаемъ эту черту, какъ особенность, рѣдко встрѣчающуюся въ то время. Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ позволяетъ себѣ немного „злопамятствовать“ и вспоминая прежнія увлеченія жены, относится къ нимъ иногда цинично, но всегда добродушно.

IV.

Сочиненія и переводы **Ө. В. Каржавина.**

1) „Сравненіе древней архитектуры съ новою и собраніе десяти главныхъ авторовъ, которые писали о пяти чинахъ архитектурныхъ: а именно Палладіо и Скамоци, Серліо и Виньола, Барбари и Катанео, Альберти и Віола, Біолланъ и Делормъ—снесены между. Три чина греческой архитектуры: Дорическій, Ионическій и Коринфическій составляютъ первую часть сего сочиненія. Два чина латинской архитектуры Тосканской и сложенный дѣлають вторую часть онаго; съ фигурами и съ прибавленіемъ особливыхъ десяти досокъ, представляющихъ въ большомъ видѣ стулъ троянскаго столба, что въ Римѣ“.

Съ французскаго языка перевелъ при экспедици строеній въ Москвѣ новаго дворца архитекторскій помощникъ **Өедоръ Каржавинъ**, 1770. Рукопись въ листъ (въ моей библиотекѣ).

2) „Сокращенный Витрувій или совершенный архитекторъ, сочин. **Каюдъ-Перо**, переводъ съ французскаго **Өедора Каржавина**. М., 1789, въ 8° (въ библиотекѣ Института инженеровъ Путей Сообщенія); у Сопникова и Плавильщикова нѣтъ, у Смирдина № 534, стр. 417.

3) *Description d'un poux vue en microscope (en français et en russe)* par **Theodore Karjavine**, m—e de pension de l'université de Moscua avec figures a Carouge de l'Impr. de Jean Thomas imprimeur du roi 1789, 4°, 2 нн. (посвящено à m-re Bellini professeur à l'université de Williamsbourg en Virginie) и 20 стр. съ изображеніемъ виши на большомъ листѣ; по кат. Черткова, новаго изд. № 263, вып. 2-й, стр. 508; по кат. Плавильщикова ошибочно показанъ **Ө. Каржавинъ** переводчикомъ, а не сочинителемъ и указано петербургское изданіе, котораго намъ не случилось видѣть; см. на стр. 30 его каталога № 364. Тоже у Соп. ч. 4, стр. 52, № 7540; у Смирдина нѣтъ.

Сочиненіе это хорошо знакомо библиографамъ, потому что русскій переводъ его набранъ русскимъ шрифтомъ въ Каружѣ, который былъ тогда небольшой деревней; они не могутъ объяснить себѣ появленія русскаго шрифта въ этомъ мѣстѣ; вопросъ этотъ тѣмъ болѣе для нихъ любопытенъ, что другого подобнаго изданія въ этомъ мѣстѣ до сихъ поръ неизвѣстно. Письмо Каржавина къ жегѣ разъясняетъ эту загадку; онъ пишетъ ей говоря о Томасѣ, черезъ котораго онъ ей переслалъ деньги: „говорятъ даже, что онъ, въ отсутствіе типографика и безъ его вѣдома, захватилъ ящикъ съ пувсонами для русскаго шрифта, который онъ повабылъ возвратитъ при отъѣздѣ въ Парижъ, къ тому же онъ на одномъ изданномъ имъ листѣ при-

своимъ себѣ титулъ типографщика ея величества, титулъ, на который онъ не имѣетъ никакого права, потому что онъ былъ здѣсь факторомъ типографіи (Императорской) и былъ подъ началомъ у директора... Жена его изъ Женевы переѣхала въ Ліонъ и нанялась къ прачкѣ Берtrandъ...“

4) Описаніе хода купеческихъ и другихъ каравановъ въ степной Аравіи, съ показаніемъ порядка, какой турецкіе, армянскіе, греческіе купцы, еврейскіе промышленники, также многіе христіанскіе, но большей части англійскіе торговцы, наблюдаютъ въ переѣздѣ черезъ большую и малую степь, на пути отъ Балсора до Алепа, перев. съ англійскаго. О. К. Спб., 1790, въ 8°. Въ кат. Смирдина, на стр. 173, № 2,323, имени переводчика не обозначено; по кат. Плавильщикова № 2,438 стр. 202, у Сопикова № 7,733, ч. 4, стр. 82, при этомъ обозначена полная фамилія переводчика.

5) Марка Витрувія Полліона объ Архитектурѣ, съ примѣчаніями Перо; съ французскаго, архитекторъ Василій Важеновъ и помощникъ его Ѳеодоръ Каржавинъ. Спб., 1790—1797, 10 частей, въ 4°. (У Плавильщикова № 844, стр. 72 (по ошибкѣ Важеновъ названъ Бажановымъ); у Сопикова ч. 2, стр. 37, № 2,065; у Смирдина № 5,341, стр. 416. Въ послѣднемъ—фамилія Каржавина не значится и переводъ приписывается одному Важенову. Соч. это до сихъ поръ продается въ Акад. Наукъ, за исключеніемъ 3-хъ первыхъ частей, всѣ экземпляры которыхъ распроданы).

6) Ахухамукхама Талымъ Набы, или книга богословія Магометовой во увеселеніе меланхоликовъ, перев. съ французскаго Ѳеодоръ Каржавинъ. М., 1783, въ 8°. (У Соп. ч. 2, стр. 40, № 2,087; у Плавильщикова стр. 139, № 1,611; у Смирдина стр. 69, № 890).

7) *Remarques sur la langue russe et sur son alphabet avec des piéces relatives à la connaissance de cette langue publiées et augmentées par Theodore Karjavine, ancien interprete pour le roi à la Martinique, à St.-Pb. 1791 г., въ 8° на 210 нн. стр.* (есть въ Публичной библиотекѣ). Въ этой книгѣ напечатаны 3 сочиненія: 1) *Remarque sur l'alphabet russe*, сочиненіе Ерофея Каржавина, написанное еще во время пребыванія его въ Парижѣ. 2) *Précis historique sur l'introduction des lettres en Russie*, сочиненіе Ѳеодора Каржавина. (Введеніе письма Кирилломъ и Меѳодіемъ, начало книгопечатанія и введеніе новаго (гражданскаго) шрифта, краткія замѣтки, и 3) *Mémoire d'observations sur quelques lettres russiennes à rendre exactement en français présentée à l'académie française par le professeur d'histoire et de politique J. L. Barbeau de la Bryère d'Elvar, en Mars 1762, revue et augmenté par l'editeur en 1789.*

8) Новоявленный вѣдунъ, повѣдающій гаданія духовъ; невинное упражненіе во время скуки для людей не хотящихъ лучшимъ заниматься. Спб. 1795, 8°; у Смирдина стр. 432, № 5,519 (безъ имени автора); у Плавильщикова стр. 86, № 985 (имя автора обозначено буквами *Θ. К.*); у Сол. нѣтъ. Подъ объясненіемъ употребленія книги подпись: „Русскій Американецъ“. Книжка составлена также какъ и нынѣ составляются подобные оракулы. Извѣстно, что Александръ Сумароковъ издалъ тоже „Любовную гадательную книжку“ въ томъ же родѣ.

9) Фокусъ-покусъ или собраніе любопытныхъ, рѣдкихъ, удивительныхъ и забавныхъ ручныхъ искусствъ, новое изданіе съ прибавленіемъ многихъ полезныхъ хитростей и рѣдкихъ составовъ. Спб., 1795, въ 12°, книга посвящена Маріѣ Ивановнѣ Архаровой въ благодарность оказываемыхъ родителями ея милостей женѣ автора; у Смирдина стр. 430, № 5,488; у Плавильщикова стр. 89, № 1,022.

Въ предисловіи авторъ поясняетъ цѣль изданія своей книги: она предостерегаетъ юныхъ и неопытныхъ людей отъ удивленія такимъ забавамъ, которыя объясняются проворствомъ рукъ. Здѣсь есть задачи, разрѣшаемыя на основаніи наукъ, которыя входятъ въ планъ ученія дѣвицы Архаровой; въ ней, кромѣ забавнаго, есть и полезное. Въ самой книжкѣ сначала идутъ описаніе фокусовъ, основанныхъ какъ на проворствѣ рукъ, такъ и на законахъ физики, химіи и др. наукъ, но законы большею частью не объяснены. Въ приложеніяхъ задачи въ родѣ слѣд.: Взвѣсить дымъ (возъ сѣна вѣситъ 500 ф., по сгараніи сѣна остается пеплу 50 ф., значитъ дымъ вѣситъ 450 ф.), измѣрить окружность земли, узнать по пальцамъ число дней въ мѣсяцѣ, опредѣлить вѣсъ земли, несгораемая рубашка (разсказъ о горномъ льнѣ) и т. п.

10) Французскіе, русскіе и нѣмецкіе разговоры въ пользу начитателей, съ прибавленіемъ изъ сочиненій Крамера и Геллерта, *Θ. Каржавина*. Спб., 1807, въ 8°. (У Плавильщикова стр. 317, № 3,706; у Смирдина подъ № 5,890, на стр. 463 показано новое изданіе этой книги въ 1818 г.; у Сошкова показаны 1-е изданіе разговоровъ безъ имени автора. Спб., 1784, въ 8°). 2-е изданіе, исправленное *Θ. Каржавинымъ*. Спб. 1791, въ 8°, см. №№ 9,474 и 9,475, ч. 4, стр. 277; въ каталогѣ иноязычныхъ сочиненій о Россіи, находящихся въ Публичной библиотекѣ, показано еще одно изданіе этой книги въ 1816 г.

Кромѣ этихъ соч. и переводовъ, Каржавинъ перевелъ: какой-то романъ, который въ рукописи хранится въ библиотекѣ П. Н. Петрова. *Θ. В. Каржавинъ*, по порученію книгопродавцевъ, просматривалъ также и исправлялъ переводы архитектурныхъ книгъ. Изъ переписки его

съ женой видно, что онъ помогалъ извѣстному Брату въ составленіи карты Балтійскаго моря, указывая правильное письмо собственныхъ именъ русскихъ Москва вмѣсто Moscou, Pskowe вмѣсто Pleskof и т. п., мнѣ неизвѣстно была-ли издана эта карта.

V.

Ерофей Никитичъ Каржавинъ.

Записка, поданная проесоромъ Барбо-де-ла-Брюеръ-д'Ельваръ граву д'Аржансону объ Ерофеевѣ Никитичѣ Каржавинѣ (переводъ съ французскаго).

Графу д'Аржансону, государственному министру и покровителю наукъ. *Russia supplicantes*. Записка о г-нѣ Каржавинѣ, уроженцѣ московскомъ.

Положеніе Франціи, въ виду ожидаемаго союза между дворами нашимъ и русскимъ, оказывается столь благопріятнымъ въ отношеніи русскаго подданнаго Ерофея Каржавина, уроженца московскаго, проживающаго около 10-ти лѣтъ въ Парижѣ, что одному изъ друзей его пришло на мысль представить королю и его министрамъ, что было бы весьма полезно ученому міру (и можетъ быть даже министерству) воспользоваться трудами г-на Каржавина, если его величество, по примѣру своихъ славныхъ предшественниковъ, удостоитъ принять его подъ свое покровительство, пользуясь правомъ возмездія и правомъ обмѣна и поручить это дѣло своему посланнику.

Его величество можетъ уступить ея царскому величеству одного изъ своихъ подданныхъ, дозволивъ ему ѣхать въ Россію и поселиться тамъ. Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ были полезны въ Россіи, между ними баронъ Чуди (Tschoudy). Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что было бы весьма полезно воспользоваться этимъ, упрочивъ положеніе г-на Каржавина, на котораго (равно какъ и на брата его, живущаго въ Петербургѣ) смотрятъ въ Россіи какъ на преступниковъ, единственно потому, что Ерофей Каржавинъ, подвигнутый ревностью почерпнуть познанія у источника ихъ, пріѣхалъ 10 лѣтъ тому назадъ во Францію безъ дозволенія своего правительства. Около двухъ лѣтъ тому назадъ братъ его, съ дозволенія русскаго двора, пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ тайно передалъ на попеченіе Ерофея Каржавина 8-ми-лѣтняго сына своего Федора, для того, чтобы дать ему основательное познаніе во всѣхъ наукахъ и научить его французскому языку. Онъ пользовался съ тѣхъ поръ помощію брата, получая отъ него средства къ жизни; 8 мѣсяцевъ тому назадъ онъ лишился этой поддержки.

Ерофей Каржавинъ выѣхалъ изъ Россіи, получивъ дозволеніе тор-

говать въ Польшѣ. Тамъ у него украли всѣ его деньги и книги и онъ былъ бы лишенъ возможности осуществить свои похвальные стремленія, если бы ему не удалось продать все, что у него еще осталось и отправиться черезъ Данцигъ въ Амстердамъ; тамъ онъ встрѣтилъ одного Поляка, который, сжалившись надъ его затруднительнымъ положеніемъ, принялъ его подъ свое покровительство и привезъ во Францію. По пріѣздѣ въ Парижъ Каржавинъ лишился своего спутника и покровителя, но цѣль, къ которой онъ такъ долго стремился, была достигнута. Всевозможныя лишенія и затрудненія, съ которыми онъ столкнулся на первыхъ порахъ, не помѣшали ему исполнить свои задушевные желанія — заняться своимъ образованіемъ. Побуждаемый желаніемъ употребить съ пользою свои дарованія, которыми надѣлила его природа, и которыя онъ развилъ своими научными занятіями въ нашемъ отечествѣ, онъ около года занимался сочиненіемъ, въ которомъ разъясняетъ характерныя особенности русскаго языка и изслѣдуетъ отношенія его къ языку греческому, желая этимъ содѣйствовать обогащенію нашей литературы. Сочиненіе его заслужило похвалу нѣкоторыхъ министровъ и литераторовъ нашихъ, которые нашли его очень интереснымъ и полнымъ любопытныхъ подробностей.

Онъ думаетъ заняться русскими древностями и древнѣйшей исторіей Россіи, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще основательныхъ свѣдѣній, и желаетъ сдѣлать точный переводъ русскихъ лѣтописей, чтобы дать возможность ученымъ сравнить эти источники съ исторіей сосѣднихъ народовъ, какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ и прослѣдить отношеніе западной Европы къ Россіи въ древнѣйшія времена.

При знакомствѣ съ славянскимъ и русскимъ языкомъ, начало котораго уже положено трудами Каржавина (королевская типографія легко можетъ быть снабжена новымъ и изящнымъ русскимъ шрифтомъ, который можно выписать изъ Россіи вмѣстѣ съ лучшими книгами и интереснѣйшими рукописями), — можно будетъ, между прочимъ, разъяснить средневѣковую исторію народовъ, которые, начиная отъ Эльбы и Венеціанскаго залива до предѣловъ нынѣшней Россіи и за ними, были извѣстны подъ именемъ Славянъ. У насъ являются уже предположенія, что русскія ученныя изслѣдованія бросятъ новый свѣтъ на тѣ малыя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о древнѣйшей исторіи Европы, и откроютъ въ Россіи слѣды переселенія народовъ, такъ какъ она, находясь между землями, служившими колыбелью азіатскимъ государствамъ и государствамъ новѣйшимъ, должна была сохранить ихъ. Польза, которую можно извлечь при этомъ, сама по себѣ велика,

но это еще не все. Прекрасный и древний языкъ славянскій или русскій, который былъ вовсе незнакомъ намъ до этихъ поръ, можетъ быть также полезенъ для болѣе яснаго уразумѣнія священнаго писанія; это мнѣніе поддерживаетъ въ особенности ученый аббать Вильфроя, королевскій профессоръ еврейскаго и армянскаго языковъ.

Ерофей Каржавинъ рѣшается остаться во Франціи подѣ покровительствомъ его величества, чтобы посвятить себя вполне пользамъ нашей литературы, и той обширной научной области, которая едва обозначена въ предшествовавшемъ слабомъ очеркѣ. Онъ уже пробовалъ образовывать учениковъ, которые собираются около него и онъ пойдетъ далѣе въ своихъ научныхъ трудахъ, если великій монархъ, предъ лицо котораго онъ еще не имѣлъ счастья предстать и видѣть его, но дѣла котораго такъ краснорѣчиво говорятъ о добротѣ душевной, удостоятъ его своимъ вниманіемъ, приметь его съ семейою подѣ свою высокую защиту и исходатайствуетъ имъ, передъ ея царскимъ величествомъ, дозволеніе остаться во Франціи на правахъ обмѣна, переводчикомъ его съ русскаго языка.

Г-нъ Каржавинъ слишкомъ глубоко сознаетъ насколько онъ обязанъ Франціи и Россіи, чтобы онъ могъ когда либо забыть, что одной изъ нихъ онъ обязанъ жизнію, другой—своими познаніями, которыя онъ думаетъ усовершенствовать. Составитель настоящей записки, не побуждаемый къ составленію ея ниѣмъ и ничѣмъ кромѣ научной и общественной пользы, чуждый всякаго личнаго интереса въ этомъ дѣлѣ, имѣлъ возможность настолько узнать Ерофея Каржавина въ теченіе 4 или 5 лѣтъ, что беретъ на себя смѣлость ручаться въ томъ, что сердцу его будутъ всегда близки слава и согласіе двухъ націй, которыя соединены кровнымъ союзомъ въ лицѣ нашихъ королей, начиная съ Генриха I-го, внука Гюга-Капета и Анны, княжны русскаго его супруги, внуки Владимира, перваго христіанскаго великаго князя—правителя русскаго, сопричисленнаго русскою церковью къ числу святыхъ русскихъ и почитаемаго Апостоломъ въ ихъ церкви.

Ерофей Каржавинъ готовъ преклонить колѣна предъ престоломъ императора (?) французскаго вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, который въ теченіе полутора годовыхъ занятій, сдѣлалъ блестящіе успѣхи въ латинской и французской грамматикѣ и въ экспериментальной физикѣ; послѣднею онъ занимался подѣ руководствомъ ученаго аббата Нолле, въ то время какъ онъ проходилъ 6-й курсъ въ коллегіи Ляксіе, гдѣ онъ атестовался постоянно первымъ, какъ это удостовѣряется аттестатами его профессора, и гдѣ онъ еще недавно получилъ первую награду за переводъ, т. е. за передачу на французскомъ языкѣ латинскаго текста, и подарокъ, назначенный за вторую по достоинству

тему, или сочиненіе на латинскомъ языкѣ: Этому ребенку 10 лѣтъ 10 мѣсяцевъ.

Кровь Людовика Великаго и духъ Кольберга царятъ еще надъ нами, и потому мы питаемъ надежды, которыя оживотворяли нашихъ предковъ въ прошедшемъ столѣтіи. Жанъ-Людовикъ-Барбо-де-ла Брюеръ д'Ельваръ“.

23-го августа 1756 г.—Парижъ.

Е. Н.

Между бумагами Ерофея Каржавина не сохранились другіе документы, такъ, что мы не могли добиться свѣдѣній о времени его рожденія и смерти.

Въ каталогѣ Плавильщикова указанъ переводъ Ерофея Каржавина:

„Путешествій Гуливеровыхъ 4 части, содержащія въ себѣ путешествіе въ Бродинагу, въ Лапуту, въ Бальнибары, въ Глубдубриду, въ Лугнагу, въ Японію и въ Гуйнгемскую страну, соч. Свифта, съ французскаго перевелъ Е. Каржавинъ. М., 1772—1773 и 1780 въ 8^о, стр. 385, № 4755; у Смирдина на стр. 665, подъ № 9323, показано 2-е изданіе этой книги 1780 г. какъ переводъ съ англійскаго Ерофея Каржавина; у Сопикова ч. 4, стр. 253, №№ 9255 и 9256—указаны два изданія этой книги: первое Спб. 1772—1773, второе М. 1780 какъ переводъ съ французскаго.

Сочиненіе Ерофея Каржавина о русскомъ языкѣ издано его племянникомъ въ Спб. 1791 г. съ другими статьями. См. выше перечень соч. и переводовъ Федора Васильевича Каржавина, № 7.

Н. П. Дуровъ.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

Письма князя А. С. Меншикова къ кн. М. Д. Горчакову

1853—1855. ¹⁾

Севастополь, 9-го января 1854 г.

Любезный князь, я послалъ въ Николаевъ нарочнаго съ приказаніемъ подрядчику поспѣшить заготовкой казацкихъ лодокъ, заказанныхъ для Дуная; но, въ случаѣ войны съ Англо-Французами, я не предвижу возможности отправить ихъ къ вамъ. Безсрочно-отпускные, назначенные для пополненія экипажей вашей флотилии, являются сюда одинъ за другимъ; до сихъ поръ ихъ набралось у меня только 600 человекъ, которыхъ и отвозимъ завтра въ Одессу на пароходахъ, такъ какъ, въ виду непріятельскихъ крейсеровъ, мы не рискуемъ отправить ихъ прямо въ устья Килии, тѣмъ болѣе, что петербургскія вѣсти отъ 1-го января заставляютъ ожидать близкаго разрыва, о которомъ узнають (или уже знаютъ) въ Константинополѣ раньше здѣшняго.

Еще не успѣли вполнѣ обмундировать этихъ людей, но они берутъ съ собою запасъ всего необходимаго для этого, и могутъ окончить свою экипировку въ Измаилѣ, куда я прошу Сакена ихъ направить.

Главное теперь, высадить этихъ людей, куда есть еще возможность, и какъ можно ближе къ мѣсту ихъ назначенія. Весь вашъ Меншиковъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. т. XII-й, стр. 174—196. Помѣщаемая въ этой книгѣ письма кн. Меншикова, также какъ и въ предыдущей, есть точный переводъ съ французскаго; весьма немногія изъ этихъ писемъ въ подлинникѣ писаны по русски.

Севастополь, 16-го января 1854 г.

Любезный князь, въ одномъ изъ отношеній, которыя вы получите въ одно время съ этимъ письмомъ, вы усмотрите всѣ затрудненія, представляемыя теоріей запруженіемъ рукава св. Георгія. Даже поперегъ рѣки оно невозможно, по причинѣ глубины ея; и если баръ, расположенный въ открытомъ морѣ, не имѣетъ особеннаго и узкаго фарватера, то опять невозможно загородить его цѣлымъ рядомъ потопленныхъ судовъ.

Вслѣдствіе вашего требованія и уже давно, капитану надъ Сулинскимъ портомъ, поручено было какимъ либо-способомъ отыскать средство для препятствія плаванія въ означенномъ рукавѣ; но приказаніе это, даже и по повтореніи его, осталось безъ отвѣта, оттого-ли что за неправильнымъ сообщеніемъ порученіе это не могло попасть въ мѣсто своего назначенія, или капитанъ не успѣлъ еще измѣрить глубины воды, угрожаемый съ непріятельскихъ береговъ. Для разъясненія этого вопроса я посылаю въ Сулинь своего адъютанта, барона Веллебрандта; а оттуда онъ явится къ вамъ дать отчетъ въ результатъ даннаго ему порученія и сказать, что сдѣлано или что еще остается сдѣлать.

У Турокъ на Чатальскомъ мысу былъ редуть, который могъ загородить плаваніе по Дунаю. Мѣсто его обозначено на австрійской картѣ Турціи, листъ 6-й. Мнѣ кажется, можно бы возстановить этотъ редуть; его поддерживали бы какъ близость Измаила, такъ и канонирскія лодки, а этихъ, въ свою очередь, подкрѣплялъ бы редуть.

Одно дѣйствительное средство препятствовать плаванію это—занять противоположный берегъ, главное, что намъ нужно.

Приняты мѣры, чтобы строящіяся въ Николаевѣ казацкія лодки были готовы въ половинѣ февраля. Ихъ вооружать 8-ми фунт. каронадами, но вопросъ въ томъ: будетъ-ли возможность отправить ихъ къ вамъ на баръ въ виду непріятельскихъ крейсеровъ?

Четатское дѣло приносить большую честь бывшему въ дѣлѣ войску; но самое то дѣло кажется мнѣ нечаянностью, слѣдствіемъ недостаточныхъ мѣръ со стороны Анрепа для поддержки его разобщенныхъ отрядовъ.

Пять военныхъ судовъ, отчасти паровыя, но неизвѣстно турецкія-ли, или европейскія, привезли подкрѣпленія и запасы въ Батумъ и Кинтрики; но они не появлялись передъ фортомъ св. Николая, который и близокъ оттуда, и занятъ Турками, къ стыду нашему.

Письмо къ Воронцову, привезенное вашимъ фельдъегеремъ, я отправилъ сегодня же. Прощайте любезный князь. Меншиковъ.

Севастополь, 7-го (19) января 1854 г.

(Секретно). По вашему желанію, любезный князь, я даю Мессеру товарища, будто бы для того, чтобы его ничто не отвлекало отъ его административной должности, которая не позволяетъ ему управлять военными операціями флотиліи, и назначаю для этого контръ-адмирала Кувнецова, только что пожалованнаго этимъ чиномъ послѣ того, что онъ командовалъ кораблемъ въ Синопскомъ дѣлѣ. ¹⁾

Онъ немедленно отправится въ путь и, побывавъ въ Измаилѣ и Галацѣ, явится въ Бухарестъ для принятія вашихъ приказаній.

Если вы хотите, чтобы эта флотилія принесла пользу въ важной переправѣ на противоположный берегъ, то не допускайте Лидерса употреблять ее такъ неразумно, какъ онъ это дѣлаетъ. Эти лодки заставляютъ обстрѣливать земляные брустверы съ цѣлью ихъ уничтожить, но вѣдь извѣстно, что даже осадной артиллеріи рѣдко удается достичь этого результата надъ землянымъ валомъ.

Понади только одно ядро въ машину „Прута“, и судно это станетъ негоднымъ на все время войны, за немѣнимъ средствъ къ исправленію. А между тѣмъ этотъ пароходъ каждый день подвергаютъ ядрамъ безъ всякой основательной причины. Слѣдовало бы сберегать и боевые припасы и топливо къ тому времени, когда вамъ понадобятся всѣ силы флотиліи.

Черезъ двѣ недѣли будутъ готовы въ Николаевѣ канониры; но „Бугъ“ и „Ингуль“, пожалуй затретъ еще льдомъ, такъ какъ въ настоящую зиму онъ крѣпче обыкновеннаго. Послѣ оттепели, если неприятельскіе крейсера не покажутся въ виду нашихъ береговъ, то я велю пароходу взять наши суда на бусирь съ Днѣпра до устья Килии.

Такъ какъ Дунай столько же русская, сколько турецкая рѣка, то я боюсь блокады ея Англо-Французами, даже въ случаѣ еще не объявленной морскимъ державамъ войны. А объявится война, тогда надобно ожидать нападенія на Сулину.

Отчего бы не предпринимать частныхъ экспедицій и высадокъ для разворенія прибрежныхъ батарей, или для заклепыванія пушекъ? То есть, отчего не подражать Туркамъ, которые безпрестанно и въ большомъ числѣ рыщутъ вдоль лѣваго берега? Но для этого, конечно, надо выказать то умѣнье, котораго не хватило у генераловъ, предпринявшихъ обѣ экспедиціи противъ Мачина.

Я очень сожалѣю, любезный князь, что у васъ такіе плохіе помощники, и будущее просто пугаетъ меня.

¹⁾ Кораблемъ «Ростиславъ».

Пересчитывая всё имена, я нахожу, что С. . . . одинъ такой начальникъ, изъ котораго вы могли бы еще извлечь пользу, несмотря на его неданство. Онъ приобрѣлъ опытъ въ предыдущей своей дѣятельности. Что касается до начальника вашего штаба, то я не знаю достаточно его прошлаго и потому не могу судить о его способностяхъ; но мнѣ всегда казалось, что онъ принадлежитъ къ категоріи Нейдгардта и Гурко.

Ожидаемые Омеръ-пашею четыре маленькіе парохода изъ Константинополя вѣроятно будутъ конвоированы посредственными силами союзниковъ, какъ дѣлаютъ они съ турецкими транспортами, идущими въ Анатолію. Мы не имѣемъ возможности поставить имъ препятствія. Впрочемъ, если Турки не предупредятъ насъ устройствомъ батарей противъ устья Прута, то находящіяся тамъ суда нашей флотиліи могли бы загородить путь этимъ турецкимъ пароходамъ.

Переправа черезъ Дунай положить конецъ плаванію неприятеля по рѣкѣ, но переправа-то необходима!

Въ мѣстахъ, удобныхъ и не укрѣпленныхъ, я думаю достаточно было бы экипажей вашихъ палубныхъ судовъ для первоначальной переправы, причѣмъ скрыть понтоны въ виду противоположнаго берега, до удобнаго часа.

Конечно, не генералу Б* можно поручить постановку этого моста, но за то при васъ, вѣжеться, находится Шильдеръ, человекъ энергичный и способный, хотя подъ часъ и чудакъ.

По коммерческимъ извѣстіямъ, Киселевъ выѣхалъ изъ Парижа, но Брунова удержали для новыхъ предложеній. Вамъ лучше знать, такъ-ли это? Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду курьера, который долженъ привезти мнѣ извѣстіе: въ войнѣ-ли мы, или только во враждебныхъ отношеніяхъ къ западу?

Извините, любезный князь, эту, можетъ быть, неумѣстную и неизвѣренную болтовню. Писалъ я откровенно и довѣрчиво старому другу. Прощайте. Меншиковъ.

Р. С. При удобномъ случаѣ, выпросите чинъ для флигель-адъютанта по флоту, Голицына. Это добрый и честный малый, котораго перегнали всё его товарищи, оставшіеся при мнѣ адъютантами.

Севастополь, 24-го марта 1854 г.

Любезный князь, Крюднеръ вручилъ мнѣ ваше письмо отъ 15-го числа изъ Браилова съ описаніемъ переправы; я искренно поздравляю васъ съ этимъ дѣломъ. По вашему желанію, я съ курьеромъ отправилъ къ Реаду какъ эту реляцію, такъ и прочіе пакеты главной вашей квартиры, адресованные въ кавказскій главный штабъ.

Есть у васъ возможность немедленно приступить къ осадѣ Силистріи? Это было бы желательно, покуда турефилы не мѣшаютъ.

Мнѣ сказывали, будто Шильдеръ выстроилъ какія-то необыкновенныя батареи, которыя превосходятъ устроенныя имъ подъ Русукомъ. Потрудитесь прислать мнѣ чертежъ съ профилею. Вы не можете себѣ представить, сколько приходится мнѣ бороться съ тугоуміемъ здѣшнихъ инженеровъ, которые воздвигаютъ брустверы не выше роста двѣнадцатилѣтняго ребенка.

Не вѣрю, чтобы Мессеръ могъ запрудить Дунай у св. Георгія. 3 или 4 рыбацкія лодки не могутъ пресѣчь теченія такой широкой рѣки, и съ первою прибылью воды ихъ снесетъ теченіемъ; однако не мѣшаетъ заставить вѣрить въ прочность этой запруды.

Выпросите у Великаго Князя повышенія для Крюднера, и, въ отвращеніе справокъ, скажите, что вы уже снесли со мною. Вы могли бы даже такимъ же образомъ сдѣлать прямое представленіе государю. Но не забудьте при этомъ Голицына.

Послѣднія вѣсти изъ Петербурга относятся къ 14-му числу. Тамъ только что узнали о прибытіи Непира въ Копенгагенъ съ 17 судами.

Желаю вамъ, любезный князь, отъ всего сердца здоровья, счастья и успѣха въ дѣйствіяхъ. Прощайте. Меншиковъ.

Какія у васъ данныя относительно положенія Австріи? Говорятъ, будто она намѣрена заключить съ Пруссіею трактатъ о вооруженномъ нейтралитетѣ. Это значило бы воротиться къ предложеніямъ графа Орлова? Прилагаю записку о службѣ Голицына и Крюднера.

Севастополь, 25-го марта 1854 г.

Любезный князь, я располагалъ отправить съ обыкновенною почтою прилагаемое письмо, какъ пріѣхалъ отъ васъ курьеръ Шишовъ съ отношеніемъ, въ которомъ сообщаете присланную отъ Мейендорфа вѣсть объ объявленіи войны морскими державами, и теперь отвѣчаю вамъ съ этимъ же курьеромъ. Долгорукій прислалъ мнѣ тоже вѣсти изъ Парижа. Тамъ, между прочими военными планами, говорятъ о проектѣ Сентъ-Арно, вызывающагося немедленно занять Бабадай съ помощью дивизіи, которую двинетъ вплоть до Мачина, и также (занять) Дунай съ помощью всѣхъ легкіхъ судовъ эскадры, направляя ихъ на Браиловъ.

Если это не вздоръ, хотя и похоже на то, то для васъ представится прекрасный случай побить этихъ хвастуновъ.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ, и изъ Грузіи не получаю вѣстей. Прощайте. Меншиковъ.

Севастополь, 30-го мая 1854 г.

Любезный князь, мы здѣсь въ совершенномъ невѣдѣніи того, что дѣлается въ княжествахъ и на Дунаѣ. Мы только изъ нѣмецкихъ газетъ узнали, что вы пришли подъ Силистрію. Посылаю моего адъютанта Грейга, котораго вамъ рекомендую, съ этими письмами къ вамъ, единственно съ цѣлью узнать, что вы дѣлаете.

Съ 8-го мая непріятельскіе флоты не показывались въ нашихъ окрестностяхъ. И крейсера наши, дошедшіе 27-го (апрѣля) до Синопъ, не встрѣтили ни одного военного судна.

Вашъ братецъ отягощается своимъ неловкимъ положеніемъ здѣсь, и мнѣ это тягостно, потому что не имѣю поручить ему какое-либо начальство, развѣ уступить свое собственное. Я представлялъ его конфиденціальнымъ образомъ военному министру, говоря, что онъ гораздо болѣе способенъ командовать армейскимъ корпусомъ, или быть во главѣ военного управленія, нежели большинство генераловъ, занимающихъ подобныя мѣста.

На прощанье, любезный князь, прошу васъ убѣдительно не оставлять насъ безъ вѣстей о происходящемъ. До насъ или ничего не доходить, или только одесскіе искаженные слухи. Весь вашъ Меншиковъ.

31-го мая.

P. S. Вчера вечеромъ, въ сумерки, въ виду Севастополя показались три непріятельскіе парохода. Я велѣлъ преслѣдовать ихъ, но посланныя за ними суда не успѣли нагнать ихъ. Возвратясь въ 8 ч. утра, они убѣдились, что то былъ не авангардъ, а отдѣльныя суда.

Севастополь, 22-го іюня 1854 г.

Любезный князь, Грейгъ передалъ мнѣ ваши письма, за которыя весьма благодаренъ. Я чрезвычайно любопытствовалъ знать послѣднія происшествія.

Я посылаю своего сына къ фельдмаршалу (Паскевичу) съ письмомъ соболъзнованія о полученной имъ ранѣ. Но интереснаго ничего не имѣю ему сообщить. Непритель ограничивается наблюденіями за нами на большихъ пароходахъ; но надобно полагать, что онъ попытается направить экспедицію въ Крымъ, потому что враждебныя дѣйствія Австріи позволяютъ ему успокоиться относительно Дуная.

Войско мое хорошее, но въ артилеріи недостатокъ. У насъ 4 съ половиной легкія батареи, а нѣтъ ни одного батарейнаго орудія, которое я могъ бы противопоставить непрителю.

Если Австрія вступятъ въ Валахію, не нападаая на наши вой-

ска и не касаясь нашей территории. станете-ли вы их атаковать или же примете оборонительное положение? Разъясните мнѣ это.

Для очищенія княжествъ нашлась бы стратегическая причина, а это повело бы къ соглашенію съ Нѣмцами.

Выигравъ съ этой стороны, можно бы перенести войну въ Азію и порядочно насолить тамъ Туркамъ, заманивая одновременно союзниковъ въ Анатолию.

Закрываю свою мечту, любезный князь. Прощайте. Меншиковъ.

Севастополь, 30-го іюня 1854 г.

(Весьма секретно). Любезный князь, изъ Петербурга, Варшавы и Вѣны меня извѣщаютъ, что главныя силы Англо-Французовъ направляются противъ Севастополя, какъ въ главной цѣли войны, состоящей въ намѣреніи истребить здѣшнее адмиралтейство и уничтожить черноморскій флотъ.

И приказаніе и долгъ повелѣваютъ мнѣ защищать ихъ до послѣдней капли крови, но вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу, что буду раздавленъ, и безъ успѣха, если непріятель высадится въ числѣ 50-ти или 60-ти тысячъ человекъ, не включая сюда Турокъ и Тунисцовъ.

Слѣдовательно главная забота должна быть о томъ, чтобы не допустить непріятеля съ такими силами до Крыма, или же дать мнѣ равносильное подкрѣпленіе. Вы можете, любезный князь, содѣйствовать и тому и другому.

Мнѣ кажется, что если сдѣлать въ Карасу демонстрацію по направленію къ Варнѣ, да явно обнаруживать приготовления экспедиціи въ эту сторону, то это можетъ заставить союзниковъ не удалаться отъ этой крѣпости.

Что касается до подкрѣпленія, то мнѣ хотѣлось бы, что бы 16-я дивизія воротилась въ Крымъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что нашъ отвѣтъ на предложенія Австріи замедлитъ операціи этой державы, и въ такомъ случаѣ вы можете обойтись и безъ этой дивизіи.

Такъ какъ непріятелю понадобятся нѣсколько недѣль для организации экспедиціи въ большихъ размѣрахъ, то дивизія успѣетъ прибыть, и тѣмъ помѣшать Англичанамъ въ одной изъ главныхъ цѣлей войны.

Если у васъ есть полномочіе на передвиженіе этого войска къ Перекопу, то я умоляю васъ сдѣлать это; если-жъ нѣтъ, то постарайтесь испросить позволеніе, а между тѣмъ, разставьте полки по направленію предстоящаго имъ пути.

Я настаиваю въ Петербургѣ на необходимости подкрѣпленія, и

прошу васъ, любезный князь, принять мою просьбу въ серьезное соображеніе. Если нашъ флотъ уничтожатъ, то вѣдь мы на двадцать лѣтъ потеряемъ всякое вліяніе на Востокъ, который со всѣхъ сторонъ, и съ моря и со стороны княжествъ, будетъ для насъ не приступень.

Съ нетерпѣніемъ буду поджидать возвращенія этого курьера съ вашимъ отвѣтомъ. Искренно вашъ Меншиковъ.

Вашъ братецъ не пишетъ вамъ сегодня ничего. Онъ здоровъ. Новаго ничего не имѣю сообщить.

(9-го сентября 1854 г.).

(Справка). Генераль-адъютантъ князь Меншиковъ въ отзывѣ своемъ къ военному министру сообщилъ о дѣйствіяхъ генерала отъ инфантеріи князя Горчакова, въ альминскомъ сраженіи слѣдующее:

„Генераль князь Горчаковъ, видя рѣшительный натискъ на нашъ центръ, между тѣмъ какъ противу праваго фланга не было усиленныхъ дѣйствій, сдѣлалъ распоряженіе о подкрѣпленіи центра праваго фланга..., гдѣ такимъ образомъ огонь нашъ усилился. Англичане, не взирая на убійственный картечный огонь 28-ми орудій, вырывавшій цѣлые ряды, стали переходить черезъ рѣку Альму, вездѣ удобопроеходимую. Генераль князь Горчаковъ бросился впередъ и повелъ самъ въ штыки баталіоны егерскаго е. и. в. вел. кн. Михаила Николаевича полка, но жестокой штуцерной огонь въ самое короткое время лишилъ войска всѣхъ почти начальниковъ... и потому атака въ штыки не могла имѣть той стройности, которая обыкновенно предшествуетъ успѣху... Въ бою 8-го сентября изъ числа войскъ заслужили особенную похвалу всѣ дѣйствующая на полѣ артилерія и Владимірскій пѣхотный полкъ... Этотъ же полкъ водилъ въ штыки генераль князь Горчаковъ, подъ которымъ убиты двѣ лошади... Справедливымъ долгомъ считаю сказать, что генераль отъ инфантеріи князь Горчаковъ былъ во все время сраженія неутомимымъ дѣятелемъ и явилъ истинное самоотверженіе, подавая примѣръ храбрости“.

9-го сентября 1854 г.

Любезный князь, я только что получилъ черезъ Мезенцова ваше письмо, а какъ сообщенія мои ненадежны, то я сошлюсь на то, что онъ вамъ скажетъ въ отвѣтъ на ваши вопросы ко мнѣ, равно какъ и на то, что я сверхъ того сообщу ему словесно. Всѣмъ сердцемъ вашъ Меншиковъ.

Севастополь, Сѣверное укрѣпленіе, 20-го сентября 1854 г.

Любезный князь, посылаю вамъ Щербатова обратно.

Вотъ моя позиція: такъ какъ непріятель заключенъ въ простран-

ствѣ между Балаклавой, Чоргунскими дефилеями, Севастополемъ и моремъ, то я занимаю сѣверный берегъ рейда, недоступный для неприятельскаго флота, потому, что мы загородили форватерь, потопивъ нѣсколько старыхъ судовъ. Такимъ образомъ всѣ мѣры защиты направлены на сушу.

Союзники высадили въ Балаклавѣ тяжелую артилерію и укрѣпляютъ городъ. Намъ видно на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ Севастополя, какъ они копаютъ землю, и намъ не миновать бомбардировки.

Я не побоялся бы такого рода нападенія, но гораздо болѣе страшить меня — штурмъ.

Гарнизонъ состоитъ изъ 8-ми резервныхъ баталіоновъ 13-й дивизіи, изъ трехъ полковъ 17-й и изъ всего личнаго состава флота; но за то какъ велика и окружность, которую надо защищать! Приступаемъ къ приведенію домовъ въ оборонительное состояніе на случай штурма. Внутренняя война начинается.

Моя обязанность — приходить на помощь крѣпости, а можетъ быть придется мнѣ и напасть на правый флангъ неприятеля. Но какъ мнѣ трудно пробраться къ нему черезъ Чоргунскіе дефилеи, такъ и ему ко мнѣ. А съ моей стороны это затрудненіе значительнѣе, по причинѣ меньшаго числа и особенно худшаго качества войскъ.

Евпаторія занята и укрѣпляется Турками, къ которымъ придетъ еще на помощь кавалерія. У меня же нѣтъ ни одного всадника, котораго бы могъ имъ противопоставить, и я съ нетерпѣніемъ жду прихода дивизіи улановъ Корфа, которыхъ и направляю на тотъ пунктъ.

Хомутовъ отвелъ обратно часть посланнаго имъ ко мнѣ подкрѣпленія, вслѣдствіе объявленія военнаго министра, будто турецкій экспедиціонный корпусъ въ 15 т. человекъ собирается напасть на Θεодосію.

Изъ всего сказаннаго, любезный князь, вы видите, что намъ только и нужно, что войска. войска и войска!

Ради Бога, поторопите сюда то, которое вами назначено. Весь вашъ Меншиковъ.

Р. S. По словамъ одного шпиона, въ Балаклавѣ высадилась турецкая кавалерія; и въ Евпаторіи поджидаютъ такую же. Первая назначена всполошить побережье и горы, а вторая — мѣшать нашимъ сообщеніямъ.

На бивуакѣ между Инкерманомъ и Бельбекомъ, 29-го сентября 1854 г.

Любезный князь, вы прислали ко мнѣ графа Орлова-Денисова узнать о взятіи неприятелемъ Севастополя, которое вы полагали близкимъ. Но событіе это еще отдаленно.

Отпускаю этого офицера обратно къ вамъ, чтобы не задерживать его здѣсь по-пустому.

Кумани привезъ мнѣ отъ васъ письмо. Онъ выѣдетъ отсюда черезъ два дня.

Со времени привезенныхъ вамъ княземъ Щербатовымъ извѣстій не произошло никакой перемѣны во взаимномъ положеніи нашемъ съ непріателемъ; одно только, что два дня тому (назадъ) союзники получили подкрѣпленіе въ 10 т. человекъ, а чтобы вамъ равняться съ ними, 12-й дивизіи далеко недостаточно.

До сихъ поръ непріатель ограничился копаніемъ траншеи впереди одного изъ своихъ лагерей, но, по отдаленности ея отъ крѣпости, она не можетъ быть параллелью, а скорѣе ложементомъ для застрѣльщиковъ аванпостныхъ ведетовъ.

Стараніями Тотлебена Севастопольскія укрѣпленія значительно усилены въ теченіе этого мѣсяца, и вамъ я благодаренъ какъ за величайшую услугу, за то, что послали мнѣ сюда Тотлебена.

Крѣпостной гарнизонъ къ завтрашнему дню составитъ свыше 37 т. человекъ, включая сюда 11 т. матросовъ, раздѣленныхъ по баталіонно; потомъ есть возможность освѣжать гарнизонъ корпусомъ, стоящимъ въ полѣ.

Вы видите изъ этого, любезный князь, что Севастополь снабженъ достаточными способами защиты, и паденіе его едва-ли близко. Если-жъ бы крѣпость была взята, то надобно будетъ все-таки отнять ее у непріателя, и не допускать его до зимовки въ Крыму, или до завоеванія края. Вся суть дѣла въ томъ, чтобы удержать край за собою: давайте только побольше войска.

Не знаю, какъ ужъ благодарить васъ за все ваше попеченіе объ насъ, за всѣ мѣры, принятыя вами для удовлетворенія нашихъ нуждъ. Я еще и лично благодаренъ вашему братцу за то, что онъ принялъ на себя должность помощника начальника надъ войсками, и слѣдовательно, исполненіе всѣхъ второстепенныхъ распоряженій, чѣмъ и помогаетъ мнѣ какъ добрый старый другъ.

Вѣрите, любезный князь, моею старинной и постоянной преданности. Меншиковъ.

На бивуахъ между Инкерманомъ и Бельбекомъ, 1-го октября 1854 г.

Любезный князь, отправляю къ вамъ обратно, по желанію вашему, г. Кумани, пробывшаго здѣсь два дня.

Со времени отъѣзда графа Орлова-Деисова ничего не случилось, о чемъ бы нужно было васъ извѣстить. Взаимное положеніе одинаково: непріатель забавляется рытвемъ траншей, повидимому,

съ цѣлью обороняться, а не осаждать, такъ какъ это не апроши. Намѣревается-ли онъ бомбардировать насъ, или повести правильную осаду, то во всякомъ случаѣ непріятель дѣйствуетъ медленно, что однако не устраняетъ намѣреніе со временемъ овладѣть Севастополемъ.

Наше дѣло здѣсь—не допускать до этого, было бы только у насъ достаточно войска; но какъ его нѣтъ, то мы должны ограничиться усиліями замедлить это взятіе всѣми возможными мѣрами, и для этого всего успѣшнѣе будетъ беспокоить тылъ непріятельскій.

Я употребляю съ этою цѣлью генерала N. N.,¹⁾ котораго вы откомандировали ко мнѣ съ 12-ою дивизією, если только нельзя къ нему примѣнить латинскую поговорку: „timeo danaos dona ferentes“.²⁾

Въ случаѣ чего новаго, я потороплюсь, любезный князь, извѣстить васъ о томъ съ нарочнымъ. Меншиковъ.

На бивуакѣ между Инкерманомъ и Бельбекомъ, 7-го октября 1854 г.

Благодарю васъ, любезный князь, за ваше дружеское письмо отъ 3-го числа, привезенное мнѣ вашимъ племянникомъ; благодарю за всѣ совѣты и указанія, равно какъ и за обѣ посланныя дивизіи. Я тороплю ихъ маршъ насколько возможно, разсаживая ихъ по подводамъ, и имѣю еще средства отвратить паденіе Севастополя, ударивъ во флангъ непріятеля чрезъ занятіе дефилеесъ Черной и Балаклавы, гдѣ у Англичанъ хранятся склады.

5-го числа бомбардировали Севастополь съ суши и съ моря, и съ необыкновенною силою; наши батареи также энергично отвѣчали. Сегодня канонада возобновилась, хотя противники наши ничего отъ этого не выиграли. Потеря въ людяхъ не такъ велика, но важно то, что адмиралъ Корниловъ смертельно раненъ: пушечнымъ ядромъ ему оторвало ногу у самаго бедра.

Во время бомбардированія съ моря дымъ былъ такой густой, что невозможно было разглядѣть, насколько пострадалъ французскій флотъ, такъ какъ большею частію его линейныя суда насъ атаквали; кажется, одно изъ этихъ судовъ потеряло свои мачты, а другое—загорѣлось во время битвы. Слышенъ также былъ взрывъ, и, судя по прибитымъ волненіемъ обломкамъ внутреннихъ частей судна, надо полагать, что одно изъ судовъ взлетѣло на воздухъ. Но достовѣрнаго на этотъ счетъ нѣтъ ничего.

Наши 400 береговыхъ пушекъ на батареяхъ такъ много потребляютъ пороку, что я пишу во всѣ концы о доставкѣ сюда нѣкотораго количества.

¹⁾ Фамилія написана крайне неразборчиво.

²⁾ Боюсь грековъ приносящихъ подарки.

Корфъ продолжаетъ блокировать Евпаторію. Изъ гарнизона конные Татары каждый день выходятъ на стычки съ уланами, и смѣются надъ ихъ неловкостью и неумѣньемъ драться.

Байдарскую долину я занялъ временнымъ уланскимъ полкомъ, а Чургунскіе дефилеи—бригадою Семьякина, изъ 12-й дивизіи; это распоряженіе очень стѣсняетъ непріятеля, за недостаткомъ у него фуража.

Со стороны Феодосіи и Керчи, все спокойно. Впрочемъ, подходит время замерзанія Азовскаго моря, такъ что едва-ли непріятель въ этомъ году предприметъ экспедицію противъ этой части Крыма.

Вручитель этого письма — адъютантъ генерала Жабокрицкаго, нѣкто Воскобойниковъ, который, по домашнимъ дѣламъ, долженъ побывать въ Кишеневѣ. Потрудитесь отправить его потомъ ко мнѣ обратно. Весь вашъ. Меншиковъ.

Бельбекъ, 15-го октября 1854 г.

Любезный князь, спѣшу возвратить вамъ вашего племянника съ извѣстіемъ о доблестномъ дѣлѣ 12-й дивизіи.

Третьяго дня, 13-го октября, Липранди атаковалъ и взялъ отдѣльный непріятельскій лагерь, укрѣпленный четырьмя редутами, которые защищали отчасти Турки въ обезпеченіе сообщеній англійскаго корпуса съ Балакловою, мѣстомъ его складовъ. Какъ только составлена будетъ объ этомъ реляція, я пришлю вамъ копію съ нея. Сегодня я объ этомъ не распространюсь. Вашъ племянникъ, какъ очевидецъ, расскажетъ вамъ всѣ подробности по картѣ.

До сихъ поръ Англичане ограничили возведеніемъ противъ Липранди новыхъ траншей, какъ бы для сопротивленія нашему дальнѣйшему движенію, и повидимому не намѣрены начинать первые; въ такомъ случаѣ мы это сдѣлаемъ какъ скоро придутъ 10-я и 11-я дивизіи. Послѣ завтра жду голову колонны.

Севастополь держится, благодаря геройскому мужеству морскихъ экипажей, которые служатъ при пушкахъ, и весело подвергаютъ себя смерти: это для нихъ праздникъ. Тотлебенъ — удивительный человекъ: противъ каждой новой непріятельской батареи онъ умѣетъ воздвигнуть новую у себя, да еще съ большимъ числомъ орудій, въ ущербъ непріятеля. Искренно вашъ Меншиковъ.

Прошу васъ передать Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ мое глубочайшее почтеніе.

25-го октября 1854 г.—близъ Севастополя.

Великіе Князья пріѣхали третьяго дня, и вчера участвовали въ большой вылазкѣ, подъ командою Даненберга. Намѣреніе наше было засѣсть на высотахъ противъ праваго непріятельскаго крыла,

и съ нашего лѣваго; но мы никакъ не могли удержаться на этомъ пунктѣ.

Карабины-минье и застрѣльщныи съ самаго начала выбили у насъ изъ строя: Соймонова, Охтерлопи, Вильбоа, пять полковыхъ командировъ и многихъ офицеровъ. Раненыхъ безъ малаго 2 т. И непріятель значительно пострадалъ отъ огня нашей артилеріи. Но въ концѣ-концовъ гораздо болѣе вѣроятности въ успѣхъ имѣеть непріятель.

Недосугъ сегодня что-либо къ этому прибавить. Меншиковъ.

Соймоновъ умеръ. Число раненыхъ доходить до 3,600, изъ нихъ 109 офицеровъ. Дайте мнѣ возможность защищать Крымъ, если Севастополь падеть. Нѣтъ-ли для меня еще дивизіи въ вашемъ распоряженіи? Во всякомъ случаѣ, распространяйте слухъ о большомъ движеніи войска въ Крымъ.

Близъ Севастополя, 26-го октября 1854 г.

Въ третьягоднишней вылазкѣ мы страшно много потеряли. Не считая убитыхъ, однихъ раненыхъ поступило въ госпитали до 6 т.; но къ чести войска могу сказать, что дѣло это, вмѣсто унынія, напротивъ, наполнило ихъ еще болѣею бодростью.

Потеря непріятели должна быть также значительна. Огонь его противъ крѣпости замѣтно ослабъ; но зато саперы все ближе подходятъ. Нѣсколько непріятельскихъ судовъ ушли, вѣроятно за подкрѣпленіемъ. По словамъ плѣнныхъ, изъ Марсели идетъ 6-я дивизія.

Численное превосходство пѣхоты у непріятели поставитъ насъ въ еще худшее положеніе. Моя многочисленная кавалерія годится только для занятія равнины и для демонстрацій передъ выходами изъ горъ, занимаемыми Англичанами и укрѣпленными ими на подобіе Торесъ-Ведраса.

Я призвалъ сюда изъ Херсона два баталіона Камчатскаго полка, которые оставлены были тамъ 11-ю дивизіею. Постарайтесь поддержать меня, насколько вамъ будетъ возможно. Не прикажете-ли вы занять Николаевъ (не подвергающійся въ этомъ году еще никакой бѣдѣ) какими-нибудь сосѣдними войсками, а мнѣ — прислать тамошніа?

И госпитали, и всѣ мѣста, куда только можно было помѣстить раненыхъ, переполнены. Число послѣднихъ увеличивается каждый день отъ одной до трехъ сотенъ. Они размѣщены въ полѣ подъ защитою корабельныхъ парусовъ. Ради Бога, пришлите намъ хирурговъ и фельдшеровъ. У насъ только по одному на 400 человекъ

раненныхъ, такъ что многіе съ 24-го числа остаются безъ перевязки, за немѣннѣемъ ружь исполнить это.

Примите, любезный князь, увѣреніе въ моей искренней и дружеской преданности. Меншиковъ.

Сѣверная, 27-го октября 1854 г.

Вы требовали отъ меня Граве; а такъ какъ онъ въ настоящее время при васъ, то и оставьте его у себя.

Соймоновъ умеръ. Генераль Вильбоа и пять полковыхъ командировъ выбыли изъ строя. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нѣтъ ни одного штабъ-офицера и ими командуютъ капитаны. Я положительно не знаю, кѣмъ замѣнить выбывшихъ; а недостатокъ въ старшихъ офицерахъ такъ великъ, что я буквально не имѣю никого, кому поручить заботу о тылѣ арміи и объ отставшихъ, и вообще для соблюденія порядка; также надъ госпиталями некого поставить, потому что у меня нѣтъ штаба, какому слѣдуетъ быть при главной квартирѣ.

Очень вамъ благодаренъ за порохъ: его подвозятъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, но карабинные патроны вышли всѣ, и въ паркахъ ихъ нѣтъ; оттого я васъ очень прошу распорядиться о присылкѣ ко мнѣ патроновъ какъ можно поспѣшнѣе. Преданный вамъ. Меншиковъ.

Р. S. Нѣсколько дней тому капитанъ Фалькмутъ лишился руки; ему очень худо.

Я измученъ трудами и заботами, и не вижу выхода изъ своего положенія; утѣшительнаго ничего, а зато сплетень—гибель!!

Канцелярія начальника главнаго штаба, № 7318.

По генеральному штабу, 31-го октября 1854 г.

М. г., князь Михаилъ Дмитріевичъ. Плѣнные показываютъ, что на пароходахъ флота должны прибыть къ нимъ изъ Тулона 6-я и 7-я пѣхотныя дивизіи, которыя, по словамъ ихъ, уже отплыли, независимо отъ англійскихъ войскъ, ожидаемыхъ изъ восточной Индіи. Такимъ образомъ непріятель потери свои постоянно вознаграждаетъ и даже усиливаетъ (войска). Между тѣмъ какъ мы, теряя ежедневно людей въ Севастополь и въ сраженіяхъ, какъ напр. 24 числа, подкрѣпленія въ виду не имѣемъ и становимся численностью слабѣе противниковъ нашихъ.

Обстоятельство это вынуждаетъ меня обратиться къ в. с. съ покорнѣйшею просьбою, подкрѣпить меня войсками, которыя составляли бы резервъ мой, двинувъ для сего немедленно усиленными переходами на подводахъ войска, расположенныя въ Николаевѣ, съ

тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ другими войсками, въ вѣдѣніи вашемъ состоящими. Кавалерією мы значительно сильнѣе, но непріятель находится на мѣстности, гдѣ нельзя ее употребить иначе, какъ прорвавъ его линію, весьма сильно укрѣпленную.

Примите, в. с., увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности. Меншиковъ. На сѣверной сторонѣ Севастополя, 26-го (sic) октября 1854 г.

Его сіятельству князю М. Д. Горчакову.

Сѣверная, Севастополь, 2-го ноября 1854 г.

Любезный князь, отвѣчаю на ваше письмо отъ 25-го октября, привезенное мнѣ Сергпутовскимъ. Онъ же вручить вамъ и мое.

Уже нѣсколько дней, какъ осадныя работы непріятеля прекратились, а превосходство нашего огня помѣшало ему вооружить большую батарею передъ бастіономъ № 4-го, какъ увидите на прилагаемомъ планѣ. Теперь онъ занятъ сооруженіемъ контрвалационной линіи, снабжая ее сильными редутами, начиная отъ Инкерманской долины до моря, и онъ уже укрѣпилъ всѣ высоты за Черною Рѣчкою до Балаклавы. Положеніе его непреступное.

Эти укрѣпленія имѣютъ цѣлью обезпечить или отплытіе, или зимнія квартиры непріятеля. Послѣднее оправдывается разными приготовленіями и ожиданіемъ досчатыхъ балагановъ, въ родѣ нѣсколькихъ присланныхъ уже изъ Константинополя.

Севастополь падеть въ обоихъ случаяхъ: если непріятель, усиливъ свои средства, успѣетъ занять бастіонъ № 4-й, и также если онъ продлитъ осаду, заставляя насъ издерживать порохъ. Пороху у насъ хватаетъ только на нѣсколько дней, и если не привезутъ свѣжаго, придется вывести гарнизонъ.

Весь, назначенный для крѣпостной артилеріи, порохъ вынешетъ, за исключеніемъ 1,200 пудовъ, ожидаемыхъ черезъ недѣлю изъ Новочеркасска, и 4 т. пудовъ, высылаемыхъ изъ Вѣны; но когда эти получатся, неизвѣстно.

Овладеетъ-ли непріятель Севастополемъ, или продлитъ осаду, намъ слѣдуетъ блокировать его армію въ теченіе зимы; а въ такомъ случаѣ, любезный князь, невозможно будетъ возвратитъ вамъ ваши войска. Если же непріятель отплыветъ, тогда я немедленно возвращу вамъ 4-й корпусъ драгуновъ и улановъ Корфа: послѣднихъ впрочемъ только, если Евпаторія будетъ очищена, и если для блокады ея достаточно будетъ прочаго войска.

Между тѣмъ, у меня потеря людей такъ значительна, что необходимо подкрѣпленіе пѣхотою, которая могла бы служить сильнымъ

резервомъ въ случаѣ, что непріятельскій корпусъ вздумаетъ прорѣзать блокадную линію.

Плѣнный французскій капитанъ увѣряетъ, будто недавно высажены на берегъ 6-я дивизія и одна бригада 7-й дивизіи; стало быть, силы непріятельскія значительноѣ того, что мы полагали. Онъ же сказывалъ, что 24-го числа убитъ адъютантъ Наполеона, генераль Делурмелъ. Въ тотъ же день Англичане лишились лорда Каткарта, и еще одного генерала. Герцогъ Кембриджскій кажется контужень въ ногу.

Я полагаю, что Лавровъ, котораго вы требовали къ себѣ, уже нѣсколько дней находится при васъ. Всѣмъ сердцемъ вашъ. Меншиковъ.

Сѣверная, Севастополь, 10-го ноября 1854 г.

Я получилъ ваше собственноручное письмо отъ 30-го октября черезъ г. Попова, котораго отправляю къ вамъ обратно. Отъ всего сердца благодарю васъ за это письмо: я узналъ въ немъ друга молодости и привязанность стараго сослуживца, котораго чувства лѣта не охладили и чьи совѣты принимаю съ благодарностью.

Всѣ работы непріятеля клонятся къ укрѣпленію въ большихъ размѣрахъ контрвалационной линіи позади траншей, для прикрытія своей зимней стоянки.

Неприступность его позиціи даетъ ему возможность высаживать на всякомъ пунктѣ берега, по ту сторону нашей блокадной линіи, Турокъ, Египтянъ, Тунисцевъ. А какъ я поддержу эту блокаду тѣмъ, что остается у меня сверхъ гарнизона? Кавалерію этого нельзя сдѣлать, ей нуженъ фуражъ, а разсѣянную пѣхоту побьютъ отдѣльными частями.

Позиція Липранди все еще занята войскомъ подъ непосредственнымъ начальствомъ вашего брата, но онъ принужденъ будетъ приберегать ее, держась все-таки Черной Рѣчки. Онъ отправилъ драгунъ и гусаръ въ Бахчисарай; по причинѣ испорченныхъ дорогъ, сѣно не подвозить.

Севастополь будетъ держаться до тѣхъ поръ, покуда не сожгутъ нашего флота; еслибъ послѣднее случилось, то надобно будетъ стараться вывести изъ крѣпости гарнизонъ: иначе онъ погибнетъ. Только стикіи могутъ содѣйствовать нашему успѣху, если поглотятъ провіантъ нашихъ противниковъ, а голодъ заставитъ ихъ уйти. Все это приводитъ меня въ отчаяніе.

Здоровье вашего брата плохо, а мое и того плоше. Можетъ случиться, что мы оба одновременно не въ состояніи будемъ управлять операціями, тогда начальство должно перейти въ руки Даненберга,

но это было бы истинное несчастье. Я обратилъ вниманіе военнаго министра на это обстоятельство. Можно бы было замѣнить корпусъ Даненберга корпусомъ Сакена.

Обнародованная въ Петербургѣ реляція Альминскаго сраженія была составлена въ министерствѣ на основаніи однихъ слуховъ, до полученія моея, и въ ней о братцѣ вашемъ ничего не сказано, что, конечно, его оскорбило. Между тѣмъ, вотъ что я сказалъ о немъ въ своемъ рапортѣ (см. стр. 305). Прощайте, любезный князь, еще разъ благодарю за письмо ваше. Меншиковъ.

Офенбергъ только что вручилъ мнѣ ваше письмо отъ 6 ч. Нечего и говорить, какое впечатлѣніе произвела на меня измѣна Пруссіи. А на счетъ Омера-паша, я надѣюсь, что ваши войска побьютъ его; онѣ спасутъ Севастополь.

Сѣверная, 16-го ноября.

Любезный князь, отправляю къ вамъ обратно барона Офенберга: онъ расскажетъ вамъ о нашемъ положеніи.

Непріятель возобновилъ свои осадныя работы; онъ возводитъ и вооружаетъ нѣсколько батарей, предназначенныхъ, кажется, для обстрѣливанія бастионовъ №№ 3, 4 и 5. Если ему удастся заставить замолчать нашу артилерію, тогда всѣ преимущества будутъ на его сторонѣ, развѣ случится что-нибудь необыкновенное. Меншиковъ.

Сѣверная, Севастополь, 21-го ноября 1854 г.

Очень вамъ благодаренъ, любезный князь, за присылку англо-французскихъ бюлетеней о вылазкѣ 24-го октября, вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ отъ 11-го сего мѣсяца.

Вы повторяете однажды уже высказанное вами мнѣніе о несвоевременности покуда рѣшительнаго наступательнаго движенія съ моей стороны. Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, но въ Петербургѣ не то думаютъ. Тамъ хотятъ, чтобы я правымъ крыломъ сдѣлалъ такое же движеніе, какое оказалось столь неудачнымъ съ лѣвымъ, и на которое мнѣ указывали два раза выше, но на этотъ разъ я буду настаивать на невозможности, развѣ формально прикажутъ идти напроломъ.

Какъ ни ужасна погода, а торговыя суда каждый день приходятъ со свѣжими припасами для непріятеля. Не могу еще распознать, что онъ замышляетъ. Похоже на намѣреніе выждать подерѣвленіе, а тамъ съ новою силою возобновить дѣйствія. Газеты пишутъ о посылкѣ дивизій Дюлака и Сала, входившихъ въ составъ южнаго корпуса; а англійскія линейныя суда снялись съ якоря 16-го ч. и направились къ востоку. Изъ 21-го линейнаго корабля, какъ французскихъ, такъ и англійскихъ, стоявшихъ въ октябрѣ на якорѣ передъ Севастополемъ,

осталось теперь только 9: 4 английскихъ и 5 французскихъ. Грозная линия контрвалаціонныхъ редутовъ безпрестанно совершенствуется, а со стороны Англичанъ производятся апроши, съ цѣлью занять пункты, откуда можно будетъ бомбардировать рейдъ, что вынудитъ насъ подерживать огонь и издерживать много пороху.

За исключеніемъ стрѣльбы изъ нѣсколькихъ мортиръ, батареи ихъ молчатъ. У непріятеля устроено много новыхъ въ траншеяхъ; но онѣ не демаскированы. Если всѣ онѣ вооружены (въ чемъ я не увѣренъ), то намъ придется отвѣчать на 200 орудій какъ французскихъ, такъ и английскихъ.

Тотлебенъ нашелъ возможнымъ употребить съ этою цѣлью 198 орудій; онѣ произведутъ свое дѣйствіе, если только хватитъ у насъ пороха. Я страшусь этой канонады, потому что она похититъ изъ нашего гарнизона до 1,500 или до 2,000 человекъ.

Съ другой стороны не замѣтно, что бы подвигались наступательныя траншеи противъ пунктовъ атаки; каждый день мы видимъ, какъ артилерія и багажъ направляются къ пристанямъ. Отъ всѣхъ этихъ мѣръ — и за и противъ — я въ недоразумѣніи.

Государь полагаетъ, что непріятель высадится въ значительномъ числѣ въ Евпаторію, съ цѣлью дѣйствовать на Перекопъ и на наши сообщенія. Поэтому онъ приказалъ мнѣ направить туда драгунъ для соединенія ихъ съ дивизіею Корфа и отдать все подъ начальство генерала Врангеля. Исполняя этотъ приказъ, я размѣщаю драгунъ по квартирамъ на Альмѣ и Бугунакѣ. По мнѣ, такое предпріятіе непріятеля кажется невѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ нынѣшнюю зиму.

Спрошенные дезертиры увѣряютъ, будто въ непріятельскихъ войскахъ стали роптать, но начальники собрали каждый своихъ людей и объявили имъ, что Омеръ-паша высадился въ Крыму, въ тылу нашемъ; что мы принуждены будемъ отступить, а затѣмъ они расположатся на зимнихъ квартирахъ въ Севастополѣ.

Изъ доставленныхъ вами сухарей одна партія положительно никуда не годится; но какъ между счетчиками магазина съ одной стороны и полковыми съ другой произошла стачка, то мнѣ пришлось бросить розыски. Всѣмъ сердцемъ вашъ Меншиковъ.

Прошлою ночью непріятель провелъ дагѣ лѣвую паралель противъ бастіона № 5-й.

Съ этимъ письмомъ отправляю къ вамъ обратно Бобринскаго. Если вы пришлете мнѣ сюда еще кого-нибудь, то я весьма буду вамъ обязанъ, только бы это не былъ Л*.

Сѣверная, Севастополь, 27-го 28-го ноября 1854 г.

Любезный князь, я получилъ вчера ваше дружеское письмо отъ 21-го числа, и весьма за него благодаренъ. Вы навели мысли мои на такія мѣры, которыя почти не приходили мнѣ въ голову. Мои физическія силы не соотвѣтствуютъ возложенной на меня обязанности; штабъ мой принужденъ предвидѣть и исполнять одинъ столько дѣлъ, что у меня не хватаетъ на это ни времени, ни способностей.

Войска мои безъ генераловъ. Соймоновъ умеръ; Вильбоа и Октерлони не способны служить; Павловъ, о которомъ отзывались, какъ о храбрецѣ, исполнился такой паники, что я, въ предупрежденіе перехода ея на другихъ, долженъ былъ удалить его изъ Севастополя. Липранди безпеченъ до-нельзя, и всегда находитъ препятствіе какому-нибудь энергичному дѣлу. 6-й корпусъ брата вашего въ Чургуиѣ не можетъ похвастать лучшимъ состояніемъ. Моллера, неспособнаго долѣе дѣйствовать въ Севастополь, я замѣстилъ Сакеномъ.

Письмо Штапельберга кажется мнѣ извлеченіемъ газетныхъ извѣстій, и, какъ вы замѣтили, надобно порядочно сбавить цифру высылаемыхъ въ Крымъ войскъ. Англійское подкрѣпленіе изъ Пирея уже прибыло сюда, а численность французскихъ дивизій едва-ли превышаетъ 17 или 18 т. человекъ; если эти войска высадятъ на берегъ, гдѣ-нибудь сѣвернѣе Севастополя, то ихъ удержать наша многочисленная кавалерія, буде не разобьютъ или ослабятъ ихъ наши войска, стояція въ полѣ. Но гораздо вѣроятнѣе, что это подкрѣпленіе присоединится къ осаждающимъ на Херсонесскомъ мысу.

Вчера, 27-го числа, я началъ письмо, а сегодня (28-го числа) кончаю. Прощайте. Преданный вамъ Меншиковъ.

P. S. Изъ Петербурга прибылъ курьеръ. Мною недовольны, требуютъ атаки; вы можете себѣ представить и вѣрнѣе то, что я испытываю.

Наше взаимное положеніе съ непріателемъ все тоже: онъ облегаетъ, но не приближается къ крѣпости, а мы противопоставляемъ ему ложементы съ стрѣлками.

Сѣверная, 29-го ноября 1854 г.

Любезный князь, отправляю къ вамъ обратно вашего курьера Бибикова съ этимъ письмомъ и весьма нужнымъ письмомъ отъ вашего брата.

Послѣ того, что я написалъ вамъ вчера съ Долгорукинымъ, мнѣ мало остается къ этому прибавить. Корфъ и Врангель рапортуютъ, что Евпаторію сильно укрѣпляютъ, вооружая ее артилерією, кото-

рую неприятель свозить съ двухъ 80-ти пушечныхъ линейныхъ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе въ виду города во время бури, бывшей 2-го числа. Говорятъ, что уже поставлено 40 орудій на батареи. Сегодня мы видѣли буксируемый паромомъ англійскій большой транспортъ, шедшій отъ Херсонесскаго мыса въ Евпаторію съ войскомъ.

26-го числа сего мѣсяца два неприятельскія судна дѣлали промѣръ Перекопскаго залива; извѣстно, что крайній уголь этого залива не судоходенъ и часто замерзаетъ.

Сакецъ принялъ начальство надъ Севастополемъ; особеннаго тамъ ничего не произошло въ теченіе дня. Прощайте, любезный князь. Меншиковъ.

Сѣверная, 2-го декабря 1854 г.

Любезный князь, вчера вечеромъ я получилъ ваши письма отъ 26-го и 27-го ноября. Отложу отвѣтъ на нихъ до другаго раза; теперь тороплюсь отправить обратно Крузенштерна съ извѣстіемъ, что такъ какъ императрица очень худо, то великіе князья завтра уѣзжаютъ отсюда въ Петербургъ, съ тѣмъ, что бы послѣ возвратиться. Ихъ экипажи и часть ихъ свиты остаются въ моей главной квартирѣ.

Сюзинки отправили въ Евпаторію нѣсколько судовъ съ турецкимъ войскомъ, вѣроятно съ цѣлью обезпечиванія города, какъ пристанью для поджидаемаго изъ Тулона подкрѣпленія. Нѣсколько военныхъ судовъ показалось въ Перекопскомъ заливѣ. Тамъ господствуетъ паника, дѣйствія которой опасаясь для своихъ транспортовъ. Для успокоенія людей посылаю соединенную кавалерійскую бригаду Рыжова, какъ ненужную мнѣ и дорого мнѣ обходящуюся, которая займетъ мѣстность между Перекопомъ и Краснымъ; присоединяю къ нимъ конную и пѣшую батареи въ подкрѣпленіе стоящихъ тамъ двухъ резервныхъ баталіоновъ.

Въ то же время я велѣлъ придвинуть одинъ изъ полковъ Корфа къ южному берегу залива.

Третьяго дня, на небольшой вылазкѣ, мы взяли изъ французской траншеи три 20-ти фунт. кугорновы мортиры на нашъ вѣсъ. Намъ продолжаютъ тѣснить съ ихъ лѣваго крыла. Всѣмъ сердцемъ вашъ Меншиковъ.

Сѣверная, 7-го декабря 1854 г.

(Весьма секретно). Я только что получилъ заразъ, отъ Государя и отъ военнаго министра, копии трехъ прилагаемыхъ при семъ телеграфическихъ депешъ; изъ нихъ вы увидите, что меня здѣсь ожидаетъ. Въ письмѣ своемъ отъ 27-го ноября Государь говоритъ:

„Комплектованіе буду стараться подвигать; резервные баталіоны

10-й, 11-й и 12-й дивизій, резервные бригады 16-я и 17-я будутъ теперь же посланы въ Херсонъ и Николаевъ, на черный день. Хотя кавалеріи у тебя много, и тѣмъ тѣлѣ твоей много обезпеченъ, но часть пѣхоты и я бы полагалъ, именно резервную бригаду 12-й дивизіи, хорошо бы оставить у Перекопа“.

Поэтому мнѣ остается рассчитывать на подкрѣпленіе только резервовъ 10-й и 11-й дивизій, изъ коихъ два баталіона уже находятся здѣсь, т. е. на нѣсколько тысячъ необученныхъ людей, въ жизнь свою не заряжавшихъ ружье, даже на учени, и все это подъ командою неопытныхъ офицеровъ. А изъ другого мѣста въ государственномъ письмѣ я долженъ заключить, что и это подкрѣпленіе подойдетъ не ранѣе весны.

Средства тамъ, гдѣ есть способныя въ битвѣ войска и генералы, а у меня нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Въ довершеніе хлопотъ, не могу справиться съ устройствомъ провіантныхъ транспортовъ. Три транспорта сухарей изъ вашего продовольствія оказались попорченными и сгнившими до того, что даже при недобросовѣстной сортировкѣ ихъ нельзя употребить въ дѣло. Плутъ N. N. заставилъ принять этотъ транспортъ, задержавъ съ намѣреніемъ остальные. Потомъ и эти были задержаны непроходимыми дорогами; такъ мы живемъ изо дня въ день, къ крайнему моему огорченію. Предвидя возможность оставить мою позицію, чтобы идти на встрѣчу непріятелю, я, понятно, долженъ позаботиться о доставкѣ провіанта въ Севастополь, а между тѣмъ ни откуда нѣтъ привоза. Торопить присылкою провіанта тоже положительно некого. Я писалъ въ Петербургъ о присылкѣ интенданта, но когда, и кого еще пришлютъ? Я принужденъ самъ вести счетъ припасамъ, какъ ни изнемогаю отъ усталости и заботы.

Нѣтъ-ли у васъ, любезный князь, для присылки въ Перекопъ смѣшленнаго человѣка для этого дѣла? Я просилъ покуда Анненкова поручить адъютанту его Ходневу разъѣзды по дорогѣ изъ Перекопа въ Севастополь, для наблюденія за подвозомъ мѣстными средствами и также за починкою мостовъ и исправленіемъ рытвинъ.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ дней огонь нашихъ застрѣльщиковъ и картечный такъ хорошо былъ направленъ, что непріятель не могъ ни на шагъ далѣе подвинуть свои траншеи, которыми онъ обложилъ бастионъ № 5-й. Онъ продолжаетъ перевозить въ Евпаторію Турокъ и кавалерію, и каждый день получаетъ подкрѣпленія, хотя и въ маломъ числѣ.

Англійскіе дезертиры то и дѣло перебѣгаютъ къ намъ, говоря, что имъ не въ силу отъ стужи и сплина.

Велите сдѣлать для насъ большую закупку провіанта на случай вынужденнаго отступленія. Не можете-ли вы также поручить кому-нибудь постройку крѣпостцы на Перекопѣ, для обезпеченія этого поста и успокоенія властей и гарнизона.

Вы мнѣ писали, что представляли о посылкѣ сюда подкрѣпленія; отвѣчали-ли вамъ? Я предпочитаю 8-ю дивизію резервнымъ баталіонамъ. Всѣмъ сердцемъ вашъ, любезный и добрый князь, Меншиковъ.

Р. С. Сейчасъ получилъ письмо отъ Государя, отъ 29-го ноября; Его Величество пишетъ мнѣ, что отношенія наши къ Австріи очень худы. Здоровье Императрицы поправляется.

Сѣверная, 17-го декабря 1854 г.

Любезный князь, ваши дружескія и поучительныя письма отъ 3-го и 5-го декабря переданы мнѣ Рудановскимъ и Столыпинимъ. Не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ совѣты и указанія. Я всегда буду за это признателенъ.

Чрезвычайно тревожить меня критическое состояніе, въ которомъ нахожусь относительно запаздывающаго продовольствія.

Лошади походныхъ магазиновъ измучены, а отдыха имъ дать не могу, и нечѣмъ ихъ замѣнить. Въ такомъ же положеніи лошади полковыхъ обозовъ, а война истребила послѣднія немногочисленныя мѣстные подводы.

Что касается Севастополя, то непріятель угощаетъ его нещадно бомбами, и денно и ношно, но не производитъ большого вреда. Мы отвѣчаемъ ему картечью изъ мортиръ, тревожа его этимъ не мало, особенно 8 фунт. гранатами; жаль только, что изготовленіе послѣднихъ затруднительно.

Судя по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, Французы подкапываются по направленію къ бастиону № 4-й. Устье ихъ галереи находится во рву, въ 70 саженьяхъ отъ бастиона, и работа тихо подвигается. Тотлебенъ проводитъ на встрѣчу имъ тайныя галереи, однако до сихъ поръ непріятельскаго подкопщика не слышать.

По словамъ дезертировъ, генералы требуютъ по 30 волонтеровъ съ роты, ко дню приступа, назначеннаго на 1-е января, т. е. на 21-е декабря по нашему стилю, въ понедѣльникъ. Я этому плохо вѣрю, хотя, по словамъ перебѣжчиковъ и дезертировъ, войско дѣйствительно требуетъ штурма, чтобы чѣмъ-нибудь покончить.

Уже нѣсколько дней къ ряду, непріятельскіе пароходы перевозятъ войска изъ Евпаторіи къ Херсонесскому мысу и обратно. Русскіе, которымъ удалось бѣжать изъ Евпаторіи, рассказываютъ, что туда при-

ведены турецкіе полки въ самомъ жалкомъ положеніи съ 6-ю орудіями и малымъ числомъ кавалеріи; но что провіанта и пресованнаго сѣна, взятаго ими съ собою, не надолго хватитъ. Начальникъ этого войска Тефיקъ-паша, ренегатъ, и, какъ сказываютъ, зять Омера-паши; послѣднаго тоже ждуть.

Французскія подкрѣпленія безпрестанно подходятъ, но полки 7-й дивизіи (Дюлака), повидимому, еще въ пути.

Я чрезвычайно нуждаюсь въ офицерахъ генеральнаго штаба, хотя нѣсколько способныхъ. Находящіеся при мнѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, совершенныя пѣшвы; къ такимъ принадлежитъ N. N.; не могу вамъ сказать, до какой степени онъ неспособенъ исполнять должность оберъ-квартирмейстера.

Урусовъ принялъ начальство надъ 10-ю дивизією, которой нуженъ энергичный командиръ. Генераль Баумгартенъ уже не тотъ, что былъ полковникомъ при Четати. Хрулева оставляю при себѣ, на случай экспедиціи, къ которой могутъ вызвать движенія непріятеля.

Поручаю это письмо Рудановскому. Прощайте, добрый князь. Меншиковъ.

Сѣверная, 21-го декабря 1854 г.

Сейчасъ получилъ отъ Государя письмо, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ:

— Великіе князья возвратятся сюда къ Крещенію, выѣхавъ изъ Петербурга 26-го числа.

— Узнавъ, что солдаты въ разныхъ пунктахъ сдали свои ранцы, Государь приказываетъ: „Неукоснительно и безотговорочно привести ранцы, и ни подъ какимъ предлогомъ не позволять солдатамъ покидать ихъ“.

— Такъ какъ въ крымской арміи завелись разные фантастическіе костюмы, то велѣно строго соблюдать форму.

Вообще въ тонѣ письма замѣчается скрытое неудовольствіе, смягченное нѣсколькими милостивыми словами.

Такъ какъ дезертиры говорили, что непріятель располагалъ въ день ихъ новаго года начать приступъ крѣпости, то мы всю ночь были насторожѣ.

Корсаковъ ничего не пишетъ мнѣ о дивизіи Урди, ни о 6 казацкой сотнѣ, которую сравниваютъ съ пеструшками. Что слышали вы на этотъ счетъ?

Еслибъ вамъ вздумалось написать вашему братцу, то пришлите съ письмомъ Столыпина, а я отправлю его обратно послѣ завтра.

Вы не повѣрите, сколько я обязанъ вашему братцу, не говоря

уже о томъ, что онъ добровольно сдѣлалъ въ пользу нашего крымскаго корпуса. Онъ и мнѣ приходитъ на помощь своими указаніями, совѣтами, своею опытностью въ дѣлѣ начальствованія и управленія арміею, словомъ всѣмъ, къ чему только подвигаетъ его дружба ко мнѣ. Я чрезвычайно ему благодаренъ. Искренно вашъ, любезный князь. Меншиковъ.

Сѣверная, 22-го декабря 1854 г.

(Секретно). Кланяюсь вамъ въ ноги, любезный и искренній другъ, за готовность прислать вашего генералъ-интенданта. Жду его, какъ Мессію. А за подрѣзленія, которыя вы направляете къ Крыму, вся Россія будетъ вамъ благодарна.

Въ одно время съ вашимъ отношеніемъ касательно маршрута войскъ, я получилъ письмо отъ Государя, которое связываетъ меня заключающимися въ немъ повелѣніями. Я прилагаю здѣсь извлечение изъ этого письма, также копію моего письма къ военному министру.

По рѣшительному приказанію Государя, я приостановилъ на Перекопѣ всю 8-ю дивизію; но еслибы вы получили согласіе на представленную вами во дворѣ и вполне разумную диспозицію новыхъ подрѣзленій, то дайте мнѣ знать о томъ немедленно. Герштенцевейгъ имѣетъ что-то сообщить мнѣ; я не знаю, въ чемъ дѣло, но говорятъ, что его распоряженія болѣе развяжутъ мнѣ руки, нежели сколько позволяетъ письмо Государя.

Относительно резервныхъ бригадъ и баталіоновъ 11-й дивизіи и резервовъ въ корпуса я нахожусь въ невѣдѣніи; не знаю, гдѣ они находятся, и кто ихъ начальники. Въ Уральскомъ казацкомъ полку лошади никуда не годятся и совершенно испорчены, столько же по причинѣ безпечности командира, сколько и по безденежью (какъ и во всѣхъ крымскихъ войскахъ). Сумма задержанныхъ платежей страшная, а выданный капиталъ не покроетъ ее, несмотря на настойчивыя просьбы, обращенныя въ министерство.

Соединенная кавалерійская бригада Рыжова можетъ замѣнить этихъ казаковъ на сѣверѣ Перекопа, гдѣ уже находится одинъ изъ полковъ этой бригады, а другому, за недостаткомъ фуража, велю двинуться къ Дибіру. Рыжову можно будетъ поручить начальство надъ отрядомъ, который вы располагаете сформировать. Это человѣкъ со смысломъ, но ему надобно бы еще хорошаго офицера генеральнаго штаба.

Хрулевъ былъ бы, пожалуй, еще лучше, но онъ въ чинѣ моложе Рыжова; къ тому же, я желалъ бы его оставить при себѣ на такой случай, гдѣ понадобится употребить всю силу войска; а такой случай можно ожидать только въ половинѣ февраля; до тѣхъ поръ непріа-

тель едва-ли въ состояніи предпринять что-либо значительное. Его подкрѣпленія убываютъ вслѣдствіе болѣзней, и я надѣюсь, что еще и январскія мятели подбавятъ къ нимъ своего.

У меня здѣсь 4 т. больныхъ и раненыхъ, и, за недостаткомъ средствъ, я могу вывозить ихъ отсюда только небольшими партіями, однѣ за другими, и то, подвергая ихъ опасности замерзнуть на дорогѣ. Это тѣмъ болѣе хлопотно, что госпитали находятся внѣ укрѣпленій, и придется ихъ бросить, если я буду вынужденъ оставить свою позицію и идти на встрѣчу неприятелю, который можетъ высадиться между Севастополемъ и Перекопомъ. Дороги изъ Симферополя сюда въ такой степени разбиты, недостатокъ въ фуражѣ таковъ, что никто, ни возчики, ни кулаки, даже за баснословныя цѣны не рѣшаются взять на себя перевозку сюда чего-либо. Я вынужденъ отправить кавалерію и часть артилеріи во внутрь страны; а именно артилерію поставить въ вагенбургъ, устроенный мною на Салгирѣ, при устьѣ Зоніи, и укрѣпляемый. Я поставлю его подъ защиту двухъ резервныхъ баталіоновъ Подольскаго полка, стоящихъ теперь въ Перекопѣ. Они не входятъ въ счетъ вашихъ диспозиціонныхъ исчисленій, и отъ нихъ можно отрядить двѣ роты для защиты Чонгорскаго моста. Вотъ вкратцѣ, любезный князь, что я рѣшилъ:

1) Если принять будетъ въ Петербургѣ представленный вами планъ дѣйствія, то я одну изъ бригадъ 8-й дивизіи двину къ центру Крыма, предоставляя себя придвинуть и другую, если бы неприятель высадился на югѣ Перекопа.

2) Резервные баталіоны 10-й дивизіи и два баталіона Дибировскаго полка 12-й дивизіи, присланные отъ васъ, я присоединю къ соответствующимъ имъ полкамъ, соблюдая нужныя при этомъ измѣненія.

3) Просить васъ отдать остальному войску прямя отъ себя приказанія, согласныя или съ положеніемъ, или съ желаніемъ Государя. Если бы я между тѣмъ получилъ изъ Петербурга еще послѣднія приказанія, то я не замедлю сообщить ихъ вамъ.

4) Если вы полагаете Рыжова неспособнымъ командовать сѣвернымъ перекопскимъ отрядомъ, а между тѣмъ найдете, что онъ старше Богушевскаго, то нѣтъ ничего проще, какъ послать перваго съ полкомъ въ резервъ на Дибирь, а другой полкъ оставить при арміи.

Теперь скажу о Севастополѣ. Взаимное положеніе не измѣнилось. Неприятель усовершенствуетъ свои траншеи, а мы увеличиваемъ наши оборонительные рвы, какъ въ ширину, такъ и въ профиль. Наши небольшія вылазки сильно его беспокоятъ: заставляютъ лагери братья за оружіе и утомляютъ войско. Огонь его мортиръ такъ чувствите-

лень, что мы ежедневно теряемъ отъ 15-ти до 30-ти человекъ. Я думаю, что и противникамъ нашимъ не легче, потому что выстрѣлы наши очень мѣткі.

Мы очистили равнину со стороны Балаклавы, за неимѣніемъ фуража для кавалеріи; Чоргунскій выходъ занятъ бригадою 17-й дивизіи, а входъ въ Байдарскую долину нѣсколькими казаками. Непріятельскіе отряды дважды подходили рекогносцировать нашу позицію. При этомъ случаѣ видѣли вновь прибывшую кавалерію, которая преслѣдовала казаковъ. Вашъ братецъ говорилъ мнѣ, что кавалерія эта отличная и очень смѣлая.

Примите, добрѣйшій князь, увѣреніе въ моей глубочайшей признательности и искренней дружбѣ. Меншиковъ.

Забылъ вамъ сказать, что великіе князья Николай и Михаилъ выѣзжаютъ изъ Петербурга сюда 26-го. Вручитель письма Столыпинъ.

Сѣверная, 28-го декабря 1854 г.

Благодарю васъ еще разъ, любезный князь, за присылку Затлера, который и прибылъ сюда. Изъ собранныхъ имъ по дорогѣ свѣдѣній, онъ понялъ вполнѣ мое положеніе, и вслѣдъ за пріѣздомъ представилъ мнѣ записку, ясно излагающую способы продовольствія. Онъ предложилъ мнѣ немедленно назначить генералъ-интендантомъ Вунша, директора моей канцеляріи. Послѣдній уже былъ предупрежденъ имъ объ этомъ представленіи. Я поспѣшилъ утвердить это назначеніе, хотя оно и не понравится въ Петербургѣ, потому что тифлисскіе прославили его взяточникомъ. Я думаю, это клевета; по крайней мѣрѣ я не слышалъ ничего такого, что заставило бы меня думать противное.

Затлеръ основательно полагаетъ, что кавалерія не въ состояніи будетъ удержаться въ Крыму болѣе двухъ мѣсяцевъ, и что къ веснѣ она будетъ никуда не годна. Онъ желалъ бы, чтобы 8-я пѣхотная дивизія расположилась въ окрестностяхъ Евпаторіи, взамѣтъ части, а если можно, такъ и всей кавалеріи, блокирующей этотъ пунктъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями эта мѣра была бы самая дѣльная, но она не согласна съ волею Государя, и я могу только доложить о ней двору. Понову — приказу подчиниться генералу Богусhevскому, а послѣднему велю съ Поповымъ идти на помощь Корфу или Врангелю, еслибъ непріятель въ большомъ числѣ выступилъ изъ Евпаторіи. Въ случаѣ, что не будетъ приказаній отъ васъ, Богусhevскій долженъ будетъ слѣдовать тѣмъ, которыя я ему дамъ.

Многое хотѣлъ бы я вамъ сказать, о многомъ спросить, любезный

князь, да поручаю все это Затлеру, который скоро къ вамъ будетъ. Сегодня ограничусь этимъ посланіемъ, которое вручить вамъ наименѣе прыткій изъ вашихъ курьеровъ.

У насъ тутъ были жестокія мятели, отъ которыхъ не мало пострадалъ непріятель. По словамъ дезертировъ у множества солдатъ отморожены ноги, которыя пришлось отнять. Но со времени моего послѣдняго письма ничего не измѣнилось въ нашемъ обоюдномъ положеніи.

Примите, любезный князь, увѣреніе въ моей старинной и искренней дружбѣ. Меншиковъ.

Р. С. Ни военный министръ, ни Государь не извѣщаютъ меня о маршрутѣ резервовъ 16-й и 17-й дивизій, такъ что я уже не могу направлять ихъ путь; пожалуй, встрѣчусь съ распоряженіями, которыя вамъ раньше прикажутъ сдѣлать, и выйдетъ путаница.

Сѣверная, 1-го января 1855 г.

Любезный князь, поздравляю васъ съ новымъ годомъ, не распространяясь о всѣхъ пожеланіяхъ вамъ по этому случаю, счастья и благоденствія; старинная дружба и признательность моя говорятъ объ этомъ лучше всего.

Ваше письмо отъ 24-го декабря прибавило новый поводъ къ благодарности моей къ вамъ.

Въ окрестности Симферополя пришли первые баталіоны резерва; по приказанію Государя, я отряжаю отсюда кадры въ Николаевъ.

Послѣ этой операціи, наличность подкрѣпленія, доставляемаго этими баталіонами, ограничится приблизительно 2,500 человекъ, не включая сюда нѣсколькихъ сотенъ людей, выписанныхъ изъ госпиталей и причисленныхъ къ баталіонамъ.

22-го декабря Омеръ-паша пришелъ въ Евпаторію; пробывъ тамъ нѣсколько часовъ, онъ отправился въ лагерь союзниковъ. Въ настоящее время, говорятъ, онъ въ Балаклавѣ. Люди, прибывшіе изъ Евпаторіи, увѣряютъ, будто онъ, уѣзжая, объявилъ, что онъ намѣренъ переговорить со мною о заключеніи мира.

Прилагаю при семъ небольшой бюлетень извѣстій.

О своемъ положеніи не стану говорить. Затлеръ, бывшій здѣсь, представитъ вамъ его въ незавидномъ свѣтѣ.

Вы меня пугаете, любезный князь, объявленіемъ, что графъ . . . . . вамъ понадобится. Вѣдь безъ руководителя Врангель и Корфъ только (ошибокъ) надѣлаютъ, а откуда мнѣ взять для нихъ наставника?

Въ частныхъ письмахъ изъ Петербурга, люди всевѣдущіе сооб-

щаютъ, будто бы въ Вѣнѣ уже приступили къ переговорамъ, а принцъ прусскій начинаетъ измѣнять чувству пристрастія къ западу!

Въ моей настоящей лачужкѣ такой холодъ, что пальцы у меня окоченѣли, и я принужденъ покончить это письмо. Прощайте. Меншиковъ.

Жабокрицкій вручитель этого письма.

Сѣверная, Севастополь, 3-го января 1855 г.

Любезный князь, сейчасъ съ Мавросомъ получилъ ваше письмо отъ 24-го декабря, и, по желанію вашему, спѣшу отправить къ вамъ фельдъегеря съ извѣстіемъ, что отдаю М...ина въ ваше распоряженіе. Это человѣкъ способный и дѣятельный, но чувствительный въ личному уваженію. Нѣсколько лестныхъ словъ его особѣ, и онъ пойдетъ для васъ въ огонь и воду.

Прибывшій изъ Петербурга курьеръ привезъ мнѣ повелѣніе—передать 8-ю дивизію князю Урусову; и такъ я отправлю его въ Перекопъ. Но какъ Поповъ старше его, то я успокою его объявленіемъ, что для него есть въ виду другое неизвѣстное мнѣ назначеніе. Можетъ быть, вы найдете возможнымъ дать ему куда исправлять должность коменданта въ Херсонѣ за смертію генералъ-лейтенанта Краббе.

Отъѣздъ великихъ князей въ Крымъ отложенъ до 2-го января.

Ваши вѣнскія извѣстія возмущаютъ меня; сила обстоятельствъ заставитъ Пруссію послѣдовать за Австрію; а какъ выпутаемся мы при нашихъ истощенныхъ финансахъ, если не вывезетъ насъ какое-нибудь чрезвычайное событіе? Намъ приходится разсчитывать на однѣ случайности!

7-я французская дивизія навѣрное пришла; но кажется, что ея пополнили потери шести прочихъ дивизій; впрочемъ, я въ этомъ не увѣренъ.

Ничего не знаю о пребываніи Омера-паши въ лагерѣ союзниковъ. Мы продолжаемъ дѣлать ночныя вылазки, которыя вообще удаются. Одна только вылазка, произведенная Тобольскимъ полкомъ, вслѣдствіе даннаго ей Баумгартеномъ направленія, вышла неудачна.

Закрываю письмо, любезный князь, чтобы не задерживать фельдъегеря, готового ѣхать. Всѣмъ сердцемъ вашъ. Меншиковъ.

Сѣверная, Севастополь, 12-го января 1855 г.

Любезный князь, по вашему желанію, я возвращаю вамъ вашего зятя, отозваннаго мною съ батареею его въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы онъ, посмотрѣвъ что тамъ дѣлается, передалъ бы вамъ.

Со дня отсылки моего послѣдняго письма здѣсь не случилось ничего достойнаго упоминанія. Сегодня, любезный князь, я ничего къ этому не прибавлю, по причинѣ болѣзни, которая не позволяетъ мнѣ бесѣдовать съ вами. Но я надѣюсь распространиться о разныхъ предметахъ въ будущемъ письмѣ. Преданный вамъ Меншиковъ.

P. S. Сейчасъ получилъ съ ординарцемъ вашимъ, Коцебу, ваше любезное письмо.

Чтобъ не задерживать болѣе нежели нужно вашихъ курьеровъ, я возвращаю вамъ Мавроса и Столыпина; а останутся при мнѣ этотъ маленький Коцебу и Сухтеленъ; послѣдній раненъ въ животъ, хотъ и не опасно, въ одну изъ ночныхъ нашихъ вылазокъ, которыми мы тревожимъ неприятеля.

Молодые великіе князья съ 7-го на 8-е число ночевали въ Харьковѣ. Я жду ихъ сюда черезъ два или три дня.

Сѣверная, 21-го января 1855 г.

Благодарю васъ, любезный князь, за письма, привезенныя Красовскимъ и Коцебу, и за всѣ умныя и основательныя мысли, которыми я и воспользуюсь.

Продовольствіе начинаютъ подвозить сюда; сѣверная часть Севастополя укрѣпляется, но окопать лагерь отъ моря до фермы Мекензи,—сущая невозможность.

Пришлось бы, слѣдуя за всѣми извилинами почвы, обнять разстояніе въ тридцать верстъ.

Въ настоящемъ положеніи вотъ какія можно бы принять мѣры: если неприятель выступитъ у верхняго теченія Черной, то занять высоты Мекензи; если же онъ, выйдя изъ Евпаторіи, пойдетъ берегомъ, то поставить его между почтовою станціею Бельбека и Инкерманскимъ мостомъ на дорогѣ къ Бахчисараю. Это въ такомъ случаѣ, если бы не представлялась возможность опрокинуть его на Евпаторію, или къ морю, идучи о бокъ съ нимъ тою же дорогою.

Туже позицію слѣдуетъ взять, съ нѣкоторыми измѣненіями, если бѣ неприятель рѣшился пробиться чрезъ Инкерманскій дефилай, что не легко, если у насъ будутъ войска для его защиты.

Въ двухъ письмахъ отъ Государя, полученныхъ въ промежуткѣ трехъ дней, мнѣ предписываются слѣдующія двѣ операціи:

Первая—постараться съ помощью сильнаго огня отнять Евпаторію. Это и возможно и полезно, если я могу располагать всею 8-ю дивизіею.

Вторая—выступить изъ Севастополя и атаковать осаждающихъ. Положимъ, что мы выступимъ и возьмемъ одинъ или два англійскіе

редута съ большою потерей людей; но удержимся-ли мы тамъ противъ 90-ти т. человекъ, не включая сюда Турокъ? Вотъ главный вопросъ!

По этому предмету — совѣтуются подъ рукою съ людьми, можетъ быть болѣе меня способными рѣшить затруднительный вопросъ; тогда я буду вынужденъ собрать военный совѣтъ, который заставить (всѣхъ) громко выразить свое мнѣніе.

Фельдмаршалъ (Паскевичъ) порядочно очернилъ меня въ Петербургѣ.

Генералъ Поповъ просился у меня въ Кишиневъ. Я полагаю, что онъ уже тамъ.

Не знаю, какъ быть съ Молеромъ; онъ самый старшій изъ генералъ-лейтенантовъ. Не можете-ли вы, чтобы скрыть намѣренное удаленіе, потребовать его у меня для инспекціи 2-й бригады его дивизіи, находящейся въ Одессѣ, и потомъ оставить его тамъ подъ начальствомъ Шабельскаго?

Мы напали на слѣдъ непріятельскаго минера въ 28-ми сажняхъ отъ контрэскарпа бастіона № 4-й. Сегодня или завтра зададимъ ему камуфлетъ.

Прощайте, добрѣйшій князь. Меншиковъ.

Сѣверная. 9-го февраля 1855 г.

Въ сидячемъ положеніи мнѣ очень трудно оставаться; могу написать вамъ, любезный князь, только нѣсколько строчекъ, чтобы познакомить васъ съ моимъ военнымъ положеніемъ.

Я поручилъ Хрулеву атаковать Евпаторію, но одинъ изъ нашихъ польскихъ дезертировъ предупредилъ непріятеля, которымъ и вызваны въ время подрѣзленія изъ осаждающей арміи, да свезены на берегъ корабельныя пушки. При такихъ обстоятельствахъ Хрулевъ не рисковалъ приступить, и хорошо сдѣлалъ. Прилагаю при семъ копію его рапорта.

Нынче ночью выступаю на гору Салунъ для устройства подъ непріятельскимъ огнемъ редута за Киленбалкой.

Это будетъ исходною точкою для дальнѣйшихъ подступовъ, если Богъ дастъ, и мѣстомъ ежедневныхъ битвъ пѣхоты, подкрѣпляемой нашими пароходами, а потомъ и войскомъ съ сѣверной стороны.

Я располагаю нѣкоторое время удержать вполне всѣ 8 резервныхъ баталіоновъ 16-й дивизіи, а на Перекопѣ удержать 4 баталіона 17-й дивизіи, чтобы не стѣснять дѣйствій 8-й. Считаете-ли вы удобнымъ, чтобы Врангель-Баязетскій командовалъ этими 4 баталіонами, или оставить ихъ у Богусhevскаго? Въ послѣднемъ случаѣ, это войско, пожалуй, въ крайнихъ обстоятельствахъ будетъ стоять безъ дѣла.

Я не высылалъ улановъ за Перекопъ, пока не выяснились намѣренія Омера-паши.

Недавно открыли подкопъ французскаго минёра, направлявшаго двѣ галереи къ двумъ угламъ бастіона № 4. Мы готовимъ два камуфлета.

Я боленъ, любезный князь, такъ что принужденъ заключить письмо. Прощайте. Меншиковъ.

У Хомутова только 4 баталіона: 2 кавказскіе линейные, и 2 пѣшіе казацкіе; что касается до меня, то мнѣ нельзя будетъ дѣйствовать иначе, какъ съ помощію 24 т. птыковъ, чтобъ удержаться въ полѣ (не включая сюда резервныхъ баталіоновъ 16-й дивизіи и 8-й, занятыхъ блокадою Евпаторіи).

Сѣверная, 16-го февраля 1855 г.

Любезный князь, вотъ бюлетень нашего положенія въ Крыму, и копія одного изъ послѣднихъ моихъ рапортовъ государю, изъ которой увидите мой взглядъ на вещи.

Здоровье мое до того ослабло, что я не въ силахъ удержать за собою начальство: я просилъ сдать его. Я ужасно страдаю отъ боли въ мочевомъ пузырьѣ, мочусь кровью, и голова какъ не своя. Не могу ни на лошадь сѣсть, ни серьезно заняться дѣломъ. Это заставитъ меня, наконецъ, сдать начальство Сакену куда до отвѣта изъ Петербурга. Прощайте, любезный князь. Меншиковъ.

Сухтеленъ, пріѣхавъ, вѣроятно сообщилъ вамъ, что я далъ ему саблю за храбрость.

Р. С. — узнали, что доктора посылаютъ меня въ Симферополь лечиться; поэтому сдаю начальство Сакену. — поручено мнѣ передать вамъ, любезный князь, что по ихъ мнѣнію, вамъ надобно будетъ немедленно прибыть сюда и къ настоящему вашему начальству присовокупить начальство надъ крымскимъ войскомъ и управлять военными операціями. Они полагаютъ даже, что это будетъ согласно съ извѣстными имъ видами Императора (Николая Павловича), и просятъ васъ, если вы согласитесь прибыть сюда, то дать знать о томъ тотчасъ же Его Величеству.

Я только передаю вамъ приказанія — но съ своей стороны прибавлю, что, взявъ на себя управленіе военными операціями на полуостровѣ, вы окажете существенную услугу нашему отечеству, чего я, къ несчастію, не въ состояніи сдѣлать. Меншиковъ.

16-го февраля 1855 г.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ

основатель Харьковскаго университета.

1803.

Въ 1873-мъ году Харьковскій университетъ, празднуя семидесяти-лѣтній свой юбилей, совпавшій съ столѣтіемъ, прошедшимъ со дня рожденія виновника его существованія въ Харьковѣ, Василія Назаровича Каразина, предположилъ почтить послѣдняго, вещественнымъ знавомъ своей признательности — постановкой ему памятника передъ зданіемъ университета. Не имѣя, однакожь, свободныхъ суммъ, правленіе университета рѣшило прибѣгнуть въ общей на этотъ предметъ подпискѣ, при чемъ, желая, чтобы жители Харьковской губерніи первые откликнулись на его заявленіе, отнеслось въ городскую думу, въ дворянское депутатское собраніе и въ губернскую земскую управу съ вопросомъ: пожелаютъ-ли они принять участіе въ подпискѣ? Въ концѣ минувшаго года нѣкоторыя изъ газетъ извѣстили, что харьковское губернское земское собраніе не только изявило готовность участвовать въ подпискѣ, но и ассигновало изъ своихъ суммъ на памятникъ Каразину 5,000 р. и на стипендію, имени его, въ университетѣ, 6,000 р. Харьковская городская дума и дворянское депутатское собраніе выразили также полную готовность участвовать въ подпискѣ. Ожидается теперь только разрѣшенія на это высшаго начальства.

Считаю не безынтереснымъ для общества знать нѣкоторыя подробности учрежденія въ Харьковѣ университета — единственнаго въ Россіи начатаго на общественныя суммы, — я представляю на страницахъ «Русской Старины» нѣсколько воспоминаній о томъ, что я слышалъ объ этомъ предметѣ какъ отъ самого

В. Н. Каразина († 1842 г.), такъ и отъ другихъ харьковскихъ старожиловъ.

Не безъизвѣстно уже, что Каразинъ, въ началѣ царствованія Александра I-го, пользовался особеннымъ благоволеніемъ императора, поводомъ къ чему послужила записка, въ которой излагались надежды русскаго на юнаго монарха. ¹⁾ В. Н. Каразинъ такъ рассказывалъ мнѣ про незабвенныя для него минуты, когда онъ позванъ былъ въ первый разъ къ императору. «Когда я вошелъ въ кабинетъ государя, онъ держалъ въ рукахъ мою записку (она была анонимная). Взглянувъ на меня и поздоровавшись движеніемъ головы, онъ спросилъ: «вы написали это?» Я отвѣчалъ: «виноватъ, государь!..» И хотѣлъ продолжать извиненіе, но онъ не далъ мнѣ кончить и сказалъ: «Не только не виноваты, но, напротивъ, вы доставили мнѣ большое удовольствіе. Я желалъ бы имѣть побольше людей, которые бы такъ думали, какъ вы, и говорили мнѣ такую правду»,—и выговоривъ эти слова, подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку съ чувствомъ, обнялъ, и прибавилъ: «продолжайте всегда говорить со мною такъ откровенно». Я не помнилъ себя отъ восторга, бросился къ нему въ ноги, обнялъ его колѣни и, рыдая, проговорилъ: «клянусь, государь, никогда не скрывать правды передъ вами...» Вслѣдъ затѣмъ его величество, указавъ мнѣ на стулъ у его письменнаго стола, сказалъ: «садитесь, мнѣ нужно побесѣдовать съ вами: вы коснулись въ вашей бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать съ чего начать работу». Оправившись отъ внутренняго волненія, я отвѣчалъ: «конечно, ваше величество, съ образованія народнаго». Онъ возразилъ, что по этому предмету императрица Екатерина сдѣлала уже такъ много, что остается только продолжать начатое ею. Я осмѣлился замѣтить, что у насъ нѣтъ еще отдѣльнаго вѣдомства, которое бы самостоятельно могло распоряжаться столь важною частію государственной жизни, и что мнѣ кажется необходимымъ привести въ исполненіе ту мысль, которая изложена въ запискѣ моей относительно представленія воспитанія народнаго сословію «блюстителю законовъ». Разговоръ объ этомъ продолжался довольно долго и на-

¹⁾ Записка эта напечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ IV-й, стр. 68—76, къ сожалѣнію съ нѣкоторыми пропусками, впрочемъ, не отъ редакціи завясѣвшими.

конецъ государь, вставъ и отпуская меня, выразилъ желаніе, чтобъ я обработалъ подробнѣе мысль мою о народномъ образованіи.

В. Н. Каразинъ поспѣшилъ исполнить высочайшую волю: представилъ записку въ цѣлую тетрадь о народномъ воспитаніи. Но въ послѣдствіи государю угодно было учредить министерства и повелѣно было Каразину измѣнить его проектъ, что и было приведено въ исполненіе Каразинимъ, назвавшимъ вновь проектированное вѣдомство «Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія». Какую важность придавалъ онъ этому министерству, можно видѣть изъ письма его къ доктору Реману, 1810 года.¹⁾ На дѣлѣ оказалось, увы! не совсѣмъ такъ: въ указѣ отъ 24-го января 1803 г. оно поставлено послѣднимъ!.. Каразинъ переставалъ уже, въ то время, пользоваться прежнимъ высочайшимъ благоволеніемъ! Предначертанныя имъ министерство и «Правила Народнаго образованія» были, однакожъ, утверждены, и онъ радовался. Его назначили правителемъ дѣлъ въ новомъ «Главномъ Правленіи Училищъ», которое, подѣ предѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, графа Петра Завадовскаго, и имѣя членами Петра Свистунова, Михаила Муравьева, Адама Чарторьскаго, Северина Потоцкаго, Николая Новосильцева, Степана Румовскаго, Николая Озерецковскаго и Николая Фуса, сдѣлалось средоточіемъ всѣхъ министерскихъ распоряженій.

Но я хотѣлъ говорить о Харьковскомъ университетѣ, а говорю о министерствѣ. Возвращаюсь къ университету.

Въ апогеѣ царской къ нему довѣренности, до учрежденія министерствъ, Каразинъ, желая доказать его величеству, что провинціи наши вполнѣ сочувствуютъ благодѣтельнымъ его заботамъ о народномъ образованіи, отпросился въ отпускъ на родину свою, Слободско-Украинскую губернію, подѣ предлогомъ домашнихъ своихъ надобностей, и тамъ, собравъ дворянъ и горожанъ, до которыхъ дошелъ уже слухъ о царскомъ къ нему благоволеніи, выразилъ предъ ними мысль о пользѣ учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища и нашелъ въ нихъ совершенную готовность къ приведенію этой мысли въ исполненіе. Но она оста-

¹⁾ Письмо это сообщено намъ, въ числѣ прочихъ бумагъ В. Н. Каразина, достоуважаемымъ его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ, и будетъ напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 года.

лась на тотъ разъ утвержденною только въ принципѣ, подробности же предоставили ему выработать впоследствии. Онъ уѣхалъ изъ Харькова только съ увѣренностію, что встрѣтилъ не бесплодную почву для сѣянiя просвѣщенiя народнаго. Дорогой, онъ успѣлъ обдумать планъ высшаго училища и предположилъ его въ грандіозныхъ размѣрахъ, не принимая въ расчетъ мѣры щедрости жертвователей. Онъ мечталъ объ училищѣ, достойномъ названiя всеобъемлющаго (университета); думалъ, что желающіе въ немъ образовываться будутъ считаться не десятками, не сотнями, а тысячами; что весь югъ Россіи будетъ имъ пользоваться, что наконецъ сама Греція станетъ посылать въ него своихъ любознательныхъ сыновъ и, такимъ образомъ, Россія воздастъ ей наконецъ за тотъ свѣтъ, которымъ она озарила ее тысячу лѣтъ назадъ, познакоивъ съ ученіемъ Христовымъ. Съ такими мыслями онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, при первой аудіенціи у императора, рѣшился доложить, что украинцы хотятъ учредить у себя университетъ, который былъ бы достоинъ его августѣйшаго покровительства. Государь изволилъ выразить полное одобреніе и совершенное свое удовольствіе. Тогда только Каразину представилась мысль: а что если Украинцы поскупятъ и не дадутъ средствъ на учрежденіе такого громаднаго, всеобъемлющаго училища, о которомъ онъ мечталъ и уже доложилъ государю?!.. И дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Страхъ его продолжался не мало времени, пока наконецъ нашелъ онъ случай отправиться вновь въ Харьковъ для рѣшенiя своего «быть», или «не быть?» Имѣлъ онъ, правда, въ рукахъ нѣкоторое ручательство въ томъ, что Украинцы, изъ одной уже благодарности, согласятся на значительныя пожертвованiя на университетъ, потому что онъ везъ имъ высочайшее разрѣшеніе на ихъ просьбу о продленіи нѣкоторыхъ льготъ, которыми пользовалась Малороссія,—льготъ довольно важныхъ, относившихся до ея внутренняго благосостоянiя; но могло легко случиться, какъ и бываетъ часто, что, получивъ желанное, окажутся равнодушными въ будущемъ, въ туманѣ еще представляющимся пользамъ, и тогда... adieu mon plaisir! Посыпятся на него укоры со всѣхъ сторонъ за поспѣшность, съ какою онъ дерзнулъ увѣрить монарха въ готовности ихъ на большія денежные жертвы, и онъ долженъ будетъ со срамомъ возвратиться въ Петербургъ! Въ такихъ скорбныхъ мысляхъ пріѣхалъ онъ на

родину. Но тутъ, переговоривши предварительно съ нѣкоторыми харьковскими дворянами и купцами, онъ имѣлъ утѣшеніе услышать отъ нихъ обнадеженія въ готовности на значительныя пожертвованія и даже въ одномъ частномъ собраніи дворянъ, 20-го августа 1803 года, одобрено было его предначертаніе университета и состоялась подписка на сто тысячъ рублей сер. Но предстояло еще окончательное рѣшеніе этого предначертанія на общемъ собраніи, назначавшимся на 31-е августа. Къ этому дню онъ приготовилъ слѣдующую рѣчь, которую и произнесъ предъ всѣми рѣшителями его судьбы:

«Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О, ежели бы я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею.

«Пріятно возвращеніе въ свою отчизну: и дымъ отечества сладокъ!—Если дикій Гренландецъ, не бывъ прельщенъ цвѣтущими полями Европы, ни великолѣпными ея зданіями, ни блескомъ роскоши, съ восторгомъ лобызаетъ замерзшій морской берегъ, который есть его отечество; ежели жестокость природы не могла его отвратить отъ климата, его воспитавшаго, то каково должно быть удовольствіе человѣка, возвратившагося подъ благотворный небосклонъ, который былъ свидѣтелемъ игръ и утѣхъ его дѣтства, исторгнувшася изъ шума столицъ, коего мирное его сердце всегда ужасалось, въ страну, которую привязъ онъ почитать здемомъ — обиталищемъ невинности и дружбы и споконья? ...Таковы были мои чувствованія, милостивые государи, таковы бывають онѣ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены онѣ обстоятельствами нынѣшняго времени! Я имѣю счастье быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнаѣшаго изъ монарховъ. Мнѣ позволено сказать его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ ему; что онъ, съ свойственною ангельской душѣ его милостію, ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ ему, обѣтовъ государству. Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ приемомъ,

котораго вы меня удостоили въ первое собраніе, когда я представилъ вамъ предначертаніе того учрежденія, коимъ вы хотите украсить свою страну—отличить ее въ пространной Россіи. Позвольте, м. г., изъявить вамъ глубочайшую и совершенную мою благодарность. Не увѣраю васъ, что умѣю ее чувствовать и цѣнить ваше благоволеніе. Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ. Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности; ибо чувствованія, признаться должно, ослабѣваютъ по мѣрѣ обширности предметовъ. По слабости человѣческой природы ищутъ онѣ стѣснить кругъ, который обнять имъ должно. Сверхъ того, кто я, чтобы смѣть мнѣ вообразить, будто дѣятельность моя когда-либо можетъ имѣть примѣтное вліяніе на все обширное мое отечество? Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполнинской Россіи. Такъ, м. г., я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство вязности и просвѣщеніе. Она можетъ быть для Россіи то, что древніе Аѣины для Греціи. Мѣстное положеніе дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній—сіе богатство, котораго, по недостатку водяныхъ путей, не можемъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, — призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единосемцевъ нашихъ: въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, удобенъ прельстить самыхъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода: науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ вспомнятъ священную для нихъ Грецію, которая начально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ; онѣ въ забвеніи восторга скажутъ: «Греція, отечество наше, намъ возвращена!» Я полагаю, м. г., что отъ насъ имперія бу-

дети заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и нравахъ; что мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными со-вмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія, что отъ насъ изыдутъ витии, стихотворцы прославить добродѣтель и благословенное княжѣшнее правленіе; что мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; что мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе въ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; что ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться. Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ и зависящіе отъ него: наполнить ихъ всѣми утѣхами, свойственными просвѣщенному обществу; что богатства всѣхъ краевъ Россіи польются къ намъ рѣкою; что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное прибѣжище; что мы прославимся въ единоземцахъ, друзьяхъ, чадахъ нашихъ; что мы покажемъ собою примѣръ, который воспламенитъ къ подражанію; что благодарность, — должная дань сердецъ нашихъ высокому нашему благотворителю, — воздвигнетъ памятникъ, несравненно тверже мрамора и мѣди, — памятникъ свѣтозарный, на который всегда съ признательнымъ удивленіемъ будетъ взирать потомство. Благодарность, — сіе чувство, предметъ моего слова, — обязываетъ насъ къ засвидѣтельствуванію ея предъ лицомъ свѣта. И чѣмъ можемъ мы достойнѣе воздать оную ангелу щедротъ и милостей, который нынѣ владѣетъ нами? Самъ онъ въ нѣкоторой части пожертвовалъ намъ возвращеніемъ правъ, которыя время начало уже заглаждать, — которыхъ паденіе въ пользу сокровищъ его столько разъ было близко. И мы-ли не вознаградимъ его? Мы-ли дадимъ поводъ всей сѣверной Россіи возопить: «неблагодарные! свудны поля наши; мразъ воспрещаетъ у насъ произрастать плодамъ Цереры; въ потѣ лица денноночно трудясь, приносимъ мы государству дань, отъ которой вы свободны, — и вы, которыхъ лелѣетъ природа; вы, которымъ даетъ она всѣ средства превзойти насъ, — вы не хотите и сравняться съ нами; вы отрицаетесь воспользоваться счастливымъ вашимъ положеніемъ, драгоценнѣйшимъ взоромъ монарха, обращеннымъ на васъ вниманіемъ столицъ, кои, внявъ намѣренію вашему, ожидали событія!»

«Простите, м. г., дерзновеніе мое: самыя сіи мысли, подерѣпленныя убѣжденіями, занятыми отъ надежды, которую я имѣлъ на благородное наше общество, обнаружилъ я и предъ августѣйшимъ монархомъ. Исполнители его челоуѣволюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украину средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя губерніи. Высокопочтенное собраніе! неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моея питалъ я о странѣ нашей? неужели найдете вину мою въ смѣломъ изъясненіи готовности благонамѣреннаго, всегда усердіемъ отличавшагося, сословія, въ кругу котораго имѣю честь говорить теперь? Воля ваша, изображенная въ отзывахъ, которыхъ я былъ удостоенъ, не должна-ли была уполномочить меня дѣйствовать предварительно? Не долженъ-ли я былъ съ удостовѣреніемъ предстать предъ отцевъ семейства, когда я имъ сказать могъ, что желаніе благотворительнѣйшаго монарха сходствуетъ съ ихъ желаніемъ, предъ друзей своего края, чувствующихъ въ полной мѣрѣ все его достоинство? Представляю-ли вамъ еще, что я не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ блага отечественнаго и выгодъ нашей земли, кромѣ славы благороднаго сего общества предъ лицомъ просвѣщеннѣйшаго изъ владыкъ земныхъ, поставившаго просвѣщеніе народа одною изъ первыхъ своихъ обязанностей, славы въ очахъ пространной Россіи, въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство Слободской губерніи! Представляю-ли вамъ, что я не столько низко въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, въ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество?

«Отъ васъ зависитъ теперь, высокопочтенное собраніе, оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника».

Едва ораторъ произнесъ послѣднія слова, какъ со всѣхъ сторонъ послышались восклицанія: «друга! друга!» и бросились его обнимать. Тутъ же рѣшено было внести изъ дворянскихъ имѣній четыреста тысячъ рублей, о чемъ и составилъ протоколъ. 1-го сентября 1803 г. протоколъ этотъ былъ подписанъ. Впослѣдствіи сумма была дополнена еще частными подписками со

стороны купцовъ и мѣщанъ и составила всего 618 т. руб. сер. Вотъ содержаніе протокола дворянскаго (купеческій подписанъ былъ особо):

«Слободско-украинское дворянство, исполненное чувства вѣрно-подданической благодарности къ его императорскому величеству, увѣрено бывъ, что оно ничѣмъ достойнѣе и торжественнѣе изъяснить оную не можетъ, какъ ревнуя содѣйствовать мудрому и человеколюбивому его промыслу о народѣ своемъ, подобному промыслу Всевышняго; дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди природнаго изобилія, на представляемыя имъ удобства къ заведеніямъ разнаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе, и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліаніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, опредѣлено увѣковѣчить неопцннима къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ. Сей университетъ долженъ вмѣщать въ себѣ девять отдѣленій, какъ-то: отдѣленіе общихъ познаній, которое есть приуготовительное къ прочимъ, и соединенное съ нимъ отдѣленіе пріятныхъ искусствъ, отдѣленіе богословское, отдѣленіе гражданскихъ познаній, разумѣя въ томъ числѣ экономію и комерцію, отдѣленіе военныхъ познаній, отдѣленіе врачебныхъ познаній, отдѣленіе гражданскихъ искусствъ, отдѣленіе высшихъ наукъ и отдѣленіе изящныхъ художествъ. Такимъ образомъ всѣ роды познаній соединены быть имѣютъ въ семъ высшемъ училищѣ, и слѣдовательно будетъ оно готовить людей по всѣмъ родамъ государственнаго и общественнаго служенія. Оно должно имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ и двѣ школы для людей низшихъ состояній: именно же школу сельскаго домоводства и школу ремеслъ и рукодѣлій. Какъ расположеніе сихъ школъ, такъ и вообще образованіе плановъ университета, сходственно предначертанію, представленному 20-го августа, вѣрено будетъ комисіи университета, которая составитъ, немедленно по избранію дворянства, на первой случай изъ трехъ членовъ. Для положенія основанія сему университету и во обезпечиваніе содержанія его навсегда, слободско-украинское дворянство полагаетъ внести, изъ дворянскихъ имѣній сей губерніи, четыреста тысячъ рублей, разумѣя въ семъ числѣ опредѣленную уже ко взносу и частію собранную сумму

сто тысячъ рублей, расположивъ остальные триста тысячъ рублей (въ числѣ коихъ шестьдесятъ шесть тысячъ девятьсотъ рублей должны почитаться принадлежащими къ наличнымъ на шесть лѣтъ».

Восторгу В. Н. Каразина не было предѣловъ; это были счастливѣйшія минуты въ его жизни. Но вскорѣ радость его превратилась въ горе, причиною которой былъ, отчасти, тотъ же Харьковскій университетъ.

Воспитанникъ Харьковскаго Университета
1820-хъ гг.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813 — 1869.

До сихъ поръ публикѣ нашей было очень мало извѣстно подробностей о жизни и личности Даргомыжскаго, несмотря на то, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ значительныхъ нашихъ художниковъ. Теперь этотъ крупный пробѣлъ перестанетъ существовать. Мы имѣемъ наконецъ возможность представить русской публикѣ цѣлую массу важныхъ документовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на личность Даргомыжскаго, и дающихъ возможность оцѣнить съ разныхъ сторонъ этого замѣчательнаго человѣка. Онъ слишкомъ долго оставался неузнаннымъ и непризнаннымъ. Въ настоящую минуту наступаетъ и для него пора.

Въ прошломъ году редакція „Русской Старины“ получила отъ стариннаго друга и товарища Даргомыжскаго, Владиміра Георгіевича Кастріото-Скандербека, все собраніе писемъ, писанныхъ къ нему Даргомыжскимъ въ періодъ времени отъ 1843 до 1847 года. Получивъ приглашеніе редакціи разобрать эти письма, привести ихъ въ порядокъ и опредѣлить время тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ не стояло года, мѣсяца и числа, я съ удовольствіемъ исполнилъ эту задачу, но подумалъ, что было бы хорошо поискать у родныхъ и знакомыхъ Даргомыжскаго еще другихъ его писемъ и свѣдѣній о его жизни. Усилія мои не остались тщетными: сестра его, Софья Сергѣевна Степанова, сама вызвалась сообщить мнѣ все, извѣстное ей о покойномъ братѣ ея, и вмѣстѣ прислала мнѣ очень много писемъ его, писанныхъ: во-первыхъ, къ отцу ихъ, Сергѣю Николаевичу Даргомыжскому, изъ путешествія 1844 — 1845 года, и во-вторыхъ, къ ней, изъ Парижа и Брюсселя въ 1864 и 1865 гг.; близкіе знакомые

Даргомыжскаго, и всегдашніе участники въ его музыкальныхъ собраніяхъ, Владиміръ Тимоѣевичъ Соколовъ и Михаилъ Романовичъ Шиглевъ также передали мнѣ письма Даргомыжскаго изъ Брюсселя, начала 1865 г.; наконецъ, пріятель его, Константинъ Николаевичъ Вельяминовъ отдалъ въ мое распоряженіе письма къ нему Даргомыжскаго отъ 1856 по 1868 г. Ко всему этому я приложилъ нѣсколько небольшихъ записокъ и ко мнѣ, отъ 1857 по 1868 г.

Не удовольствуясь этимъ матеріаломъ, уже и такъ богатымъ, я попросилъ Модеста Петровича Мусоргскаго, въ продолженіе многихъ лѣтъ бывшаго въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Даргомыжскимъ, написать свои воспоминанія о немъ. Сверхъ того, я счелъ необходимымъ перепечатать вновь „автобіографическую записку“ Даргомыжскаго, написанную весной 1866 г., и напечатанную сначала, въ извлеченіи, въ „Нувеллистѣ“ (1866, № 6, іюнь), а потомъ, съ значительными пропусками въ журналѣ Сѣрова: „Музыка и театр“ (іюль 1867 г., № 9-й). Еще въ 1869 г. я печатно заявлялъ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 24-й) объ этихъ пропускахъ, но Сѣровъ ничего не отвѣчалъ на мои жалобы, и ничего не объяснилъ о причинахъ своихъ урѣзокъ—онъ, который въ своихъ статьяхъ никогда не терпѣлъ никакихъ сокращеній. Я возстановляю теперь автобіографію Даргомыжскаго въ настоящемъ ея видѣ, а въ примѣчаніяхъ къ ней сообщаю еще нѣсколько свѣдѣній о жизни Даргомыжскаго, которыя перевозжу изъ „Biographies des musiciens“ — Фетиса (т. II, изданіе 1861 г., стр. 430): Даргомыжскій самъ сообщилъ эти свѣдѣнія своему пріятелю Фетису.

Со своей стороны, я представлю также и нѣсколько своихъ собственныхъ воспоминаній о Даргомыжскомъ: онѣ относятся къ годамъ отъ 1855 по 1869 г., т. е. къ періоду самой сильной музыкальной дѣятельности Даргомыжскаго и самаго могучаго развитія и разцвѣта этой необыкновенной личности.

Въ заключеніе мнѣ остается желать, чтобъ и остальные знакомые Даргомыжскаго сообщили въ печати то, что имъ извѣстно о немъ, или напечатали бы уцѣлѣвшія у нихъ письма этого столько своеобразнаго художника.¹⁾

В. В. Стасовъ.

¹⁾ Редакція «Русской Старины» къ этой просьбѣ своего уважаемаго сотрудника присоединяетъ и свою просьбу: страницы нашего изданія всегда открыты для статей, замѣтокъ и матеріаловъ, относящихся къ біографіи одного изъ сильнѣйшихъ отечественныхъ талантовъ, какимъ былъ А. С. Даргомыжскій.

Ред.

I.

Автобіографія Даргомыжскаго.

Я родился въ 1813 году¹⁾ въ деревнѣ.²⁾ Имѣніе отца моего и матери, урожденной княжны Ковловской, находится въ Смоленской губерніи.

Въ 1817 году³⁾ я былъ перевезенъ въ Петербургъ. По модѣ тогдашняго времени я воспитывался дома, и въ 1819 году началъ брать уроки на фортепяно у дѣвицы Луизы Вольгеборнъ, а въ 1821 году у весьма хорошаго музыканта, Андріана Трофимовича Данилевскаго. Въ 1822 году началъ учиться на скрипкѣ у П. Г. Воронцова, скрипача изъ оркестра г-на Юшкова.⁴⁾

Страсть и прилежаніе мое къ музыкѣ были такъ сильны, что я, несмотря на многочисленныя уроки, которые долженъ былъ готовить для приходящихъ русскихъ и иностранныхъ учителей, на 11-мъ и 12-мъ году моего возраста уже сочинялъ самоучкой разныя фортепянныя пьески и даже романсы. Забавно, что Данилевскій не любилъ поощрять меня къ сочиненіямъ, и уничтожалъ мои рукописи. Однако нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли, и понынѣ еще хранятся у меня. Окончательное образованіе мое въ фортепянной игрѣ поручено было извѣстному ученику Гуммеля и отличному музыканту, Шоберлехнеру, а первоначальныя правила вокальнаго искусства и нѣкоторыя свѣдѣнія объ интервалахъ передалъ мнѣ учитель пѣнія Цейбихъ.⁵⁾

Въ 1830-хъ годахъ я былъ уже извѣстенъ въ петербургскомъ обществѣ какъ сильный піанистъ. Шоберлехнеръ называлъ меня

¹⁾ 2-го февраля.

В. С.

²⁾ Въ деревнѣ Тульской губерніи, во время отступленія Французовъ. Онъ началъ говорить только 5-ти лѣтъ: до тѣхъ поръ, родители думали, что онъ будетъ нѣмой.

В. С.

³⁾ Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1817 г.

В. С.

⁴⁾ Съ самаго дѣтства онъ обнаруживалъ рѣшительную склонность къ искусствамъ, и въ особенности къ театру. Онъ самъ устраивалъ маленькіе кукольные театры, и сочинялъ для нихъ нѣчто въ родѣ водевилей. Семь лѣтъ отъ роду ему дали фортепяннаго учителя, съ которымъ онъ вѣчно спорилъ, потому что больше занимался сочиненіемъ малѣйшихъ сонатъ и рондо, чѣмъ изученіемъ механизма фортепянной игры.

В. С.

⁵⁾ Пятнадцати и шестнадцати лѣтъ отъ роду (1828—1829 г.) онъ сочинялъ нѣсколько дуэтовъ для фортепяно и скрипки, а также нѣсколько квартетовъ.

В. С.

первымъ своимъ ученикомъ. Ноты читалъ я какъ книгу, и участвовалъ во многихъ любительскихъ концертахъ. Въ квартетахъ я исполнялъ вторую скрипку и альтъ, можно сказать, безукоризненно. Лучшіе артисты, какъ-то: Бемъ, Мейнгардтъ, Ромбергъ, оставались мною довольны.

Въ то время, то-есть на 18-мъ и 19-мъ году моего возраста, написано было мною, конечно не безъ ошибокъ, множество блестящихъ сочиненій для фортепьяно и скрипки, два квартета, кантаты и множество романсовъ; нѣкоторые изъ этихъ сочиненій были тогда же изданы, а нѣсколько романсовъ того времени и теперь еще въ ходу между любителями пѣнія.¹⁾

Въ 1833 году познакомился я съ М. И. Глинкой. Одинаковое образованіе, одинаковая любовь къ искусству тотчасъ сблизили насъ, несмотря на то, что Глинка былъ 10-ю годами старше меня. Мы въ теченіе 22-хъ лѣтъ сряду были съ нимъ постоянно въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Дружба наша не поколебалась даже и въ послѣдніе года жизни Михаила Ивановича, когда нашлись, по обыкновенію, пріатели, старавшіеся всѣми силами возбудить между нами артистическое соревнованіе; образованность Глинки и искреннее мое уваженіе къ его таланту превозмогли надъ сплетнями.²⁾

Примѣръ Глинки, который тогда (въ 1834 году) съ помощью моею и капельмейстера Юганниса, дѣлалъ оркестромъ князя Юсупова первыя репетиціи оперы своей «Жизнь за царя», и дѣльные совѣты Н. В. Кукольника заставили меня серьезнѣе заняться изученіемъ теоріи музыки. Глинка передалъ мнѣ привезенныя имъ изъ Берлина теоретическія рукописи профессора Депа. Я списалъ ихъ собственною рукою, скоро усвоилъ себѣ мнимыя премудрости генераль-баса и контрапункта, потому что съ дѣтства былъ къ тому практически подготовленъ, и занялся изуче-

¹⁾ «О ma charmante», «Дѣва в роза», «Ты хорошенькая», «Какое дядя», «Камень тяжелый», «Голубые глаза», «Владико дней моихъ», «Баба старая».

²⁾ Восемнадцати лѣтъ (1831 г.) Даргомыжскій поступилъ на службу въ министерство двора (по контрольной части, при чемъ ему дана была работа по отдѣленію императорскихъ театровъ). Въ отставку онъ вышелъ въ 1835 г., съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Къ этому я прибавлю, что отецъ Даргомыжскаго былъ большой пріатель тогдашняго директора театровъ, Ал. Мих. Геденова, и по его личной просьбѣ, составилъ проектъ (тогда же утвержденный) положенія о театрахъ 1828 г.

ніемъ оркестровки. Первые опыты мои въ оркестровкѣ были сдѣланы для концертовъ, которые мы, вмѣстѣ съ Глинвою, устраивали съ благотворительною цѣлію; опыты были удачны.

Понятно, что тогда возгорѣлось во мнѣ желаніе приняться за трудъ болѣе широкій. Составивъ планъ французской оперы («Лукреція Борджіа»), я написалъ нѣсколько нумеровъ; но, по совѣту В. А. Жуковского, скоро оставилъ этотъ невозможный, въ то время для Россіи, сюжетъ и началъ писать музыку на французское либретто Виктора Гюго «Эсмеральда». Работа шла быстро! Въ 1839 г. опера была окончена, переведена на русскій языкъ, и представлена мною въ дирекцію театровъ. Несмотря на одобреніе ея капельмейстерами театровъ, несмотря на всѣ постоянныя мои хлопоты, старанія и просьбы поставить ее на сцену,—«Эсмеральда» пролежала у меня въ портфель цѣлыя восемь лѣтъ. Вотъ эти-то восемь лѣтъ напраснаго ожиданія, и въ самые кипучіе года жизни, легли тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность.

Въ 1844—1845 годахъ ѣздилъ я за границу, гдѣ лично познакомился съ Оберомъ, Мейерберомъ и другими европейскими композиторами, но ближе всѣхъ сошелся съ Фетисомъ въ Брюссель, и Галеви въ Парижѣ. Хотя я за границей не являлся какъ композиторъ ни въ какихъ публичныхъ концертахъ, но исполненіе разныхъ моихъ сочиненій на частныхъ вечерахъ въ Брюссель, Парижѣ и Вѣнѣ вызвало лестныя одобренія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, удалось мнѣ выхлопотать себѣ, въ видѣ милости, дозволеніе на поставку «Эсмеральды» въ Москвѣ. Она дана была въ первый разъ, съ большимъ успѣхомъ, на московскомъ театрѣ, 5-го декабря 1847 года. Полагаю, что отзывы обо мнѣ иностранныхъ газетъ не мало содѣйствовали къ дозволенію со стороны дирекціи поставить оперу мою въ Россіи.

Еще въ 1840-хъ годахъ, во время тягостнаго ожиданія постановки «Эсмеральды», набросаны были мною нѣсколько нумеровъ небольшой, но довольно широко задуманной, лирической оперы «Торжество Ваха», на текстъ Пушкина. Кончать ее мнѣ не хотѣлось, не слыхавъ еще на сценѣ и въ оркестрѣ и первой моей оперы. Ободренный успѣхомъ въ Москвѣ, успѣхомъ насто-

ящимъ, потому что, живя постоянно въ Петербургѣ, я не имѣлъ въ Москвѣ ни единой знакомой души, а въ 1848 году поспѣшилъ окончить «Торжество Вакха» и представилъ его въ дирекцію театровъ. Но дирекція положительно отказала мнѣ въ постановкѣ этой оперы на сцену, не объявивъ даже причины этого отказа.

Въ 1851 году «Эсмемральда» дана была, въ бенефисъ Петрова, здѣсь, въ Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ. Несмотря на совращеніе многихъ нумеровъ музыки, на замѣнъ написаннаго мною блестящаго балета вставною венгерскою полькой, и на скудную, даже жалкую монтировку, опера имѣла успѣхъ. Извѣстный итальянскій пѣвецъ Тамбурины хлопоталъ о дозволеніи ему поставить «Эсмемральду» для своего бенефиса, на итальянской сценѣ, но ему въ этомъ было отказано.

Драматическое творчество мое охладѣло; я началъ писать множество отдѣльныхъ вокальныхъ пьесъ: романсы, пѣсни, арии, дуэты, тріо, квартеты, изъ коихъ почти половина (числомъ болѣе 100) изданы здѣсь, въ Петербургѣ. Притомъ, обращаясь постоянно въ обществѣ пѣвцовъ и пѣвицъ, мнѣ практически удалось изучить какъ свойства и изгибы человѣческихъ голосовъ, такъ и искусство драматическаго пѣнія. Могу смѣло сказать, что не было въ петербургскомъ обществѣ почти ни одной извѣстной и замѣчательной любительницы пѣнія, которая бы не пользовалась моими уроками, или по крайней мѣрѣ моими совѣтами (Билибина, Бартенева, Шиловская, Бѣленицына, Гирсъ, Павлова, кн. Манвелова и десятки другихъ, менѣе извѣстныхъ).

Однако, отказы дирекціи поставить на сцену «Торжество Вакха» и дать «Эсмемральду» въ приличномъ видѣ на итальянской сценѣ, не могли еще совершенно заглушить во мнѣ стремленіе къ творчеству музыки драматической, и я приступилъ къ составленію плана и собиранію матеріаловъ для оперы «Русалка». Впрочемъ я началъ писать ее безъ всякой опредѣленной цѣли, для собственнаго удовольствія, для удовлетворенія неутомонившейся еще моей фантазіи. Работа шла медленно и не предвзначалась на судъ публики.

Въ 1853 году князь В. Ѳ. Одоевскій и А. Н. Карамзинъ предложили мнѣ дать концертъ въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ. Концертъ этотъ состоялся 9-го апрѣля, въ залѣ Дво-

рянскаго Собранія.¹⁾ Блистательный и неожиданный успѣхъ этого концерта далъ новый толчокъ моему дѣятельности, и опера «Русалка» была окончена въ 1855 году, а въ маѣ 1856 г. поставлена на Театръ-циркѣ (нынѣ Маріинскій театр).²⁾

«Русалка» въ публикѣ имѣла успѣхъ, а иностранными артистами, успѣвшими познакомиться съ нею, и даже нѣкоторыми знатоками музыки изъ русскихъ, она признана за произведеніе замѣчательное. Къ сожалѣнію, репертуарное начальство, капельмейстеръ и режисеръ считаютъ ее оперою неудачною, въ которой, по выраженію ихъ, нѣтъ ни одного мотива. Вслѣдствіе этого опера исполняется второстепенными артистами, дается рѣдко, кое-какъ, въ лѣтніе мѣсяцы, а зимой вовсе не дается. Въ 1858 г. «Русалка» поставлена была на московскомъ театрѣ, для бенефиса г-жи Семеновоѣ.³⁾ Въ 1866 г. «Русалка» стала даваться съ тою же обстановкою, но съ невѣроятнымъ, загадочнымъ успѣхомъ: дѣло времени.

Въ 1859 г. возобновлена была здѣсь, на Александринскомъ театрѣ, для бенефиса Булахова, опера моя «Эсмеральда», съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. На Маріинской сценѣ опера эта не возобновлялась.

Я не ошибусь, если отнесу нерасположеніе театральнаго начальства къ простому убѣжденію въ недостаточности моего таланта, въ сравненіи съ другими русскими композиторами, которыхъ оно старалось, и нынѣ старается, поддерживать всѣми зависящими отъ него средствами. Не буду входить въ справедливость или неосновательность его убѣжденій, но, во всякомъ случаѣ, нахожу благоразумнымъ съ моей стороны уступить въ этой неравной 20-ти-лѣтней борьбѣ и, пока еще есть время, обратить артистическую свою дѣятельность къ другимъ цѣлямъ.

Послѣ оперы «Русалка» написалъ я много отдѣльныхъ вокальныхъ пьесъ и началъ-было русскую волшебную-комическую оперу; но, теряя надежду на поддержку, я бросилъ писать оперу,

¹⁾ Въ этомъ концертѣ ему былъ поднесенъ великолѣпный капельмейстерскій жезлъ («Новеллистъ», 1866 г., іюнь, стр. 42). В. С.

²⁾ Въ бенефисъ г-жи Булаховоѣ, очень не въ блестящемъ видѣ. (Тамъ же).

³⁾ Въ декабрѣ 1865 г. «Русалка» была вновь поставлена, въ бенефисъ г. Коминиссаржевскаго, на Миринскомъ театрѣ («Новеллистъ» 1866 г., іюнь, стр. 42).

и обратился къ сочиненіямъ симфоническимъ, которыя со временемъ могутъ быть исполнены за границей.

II.

Письма Даргомыжскаго къ отцу.¹⁾

(Парижъ.—Декабрь 1844).

.... Мейерберъ — въ драмѣ не силенъ. Сюжетъ «Роберта» — преданіе, фантастическая сказка средняго вѣка, и онъ совершенно впадаетъ въ колею призванія Мейербера. Въ «Гугенотахъ» — религиозный фанатизмъ и сильная драма: неистовство народное и злоба католицизма выражены — превосходно; въ нихъ есть нѣчто сатаническое, сродное перу Мейербера, но драматическія сцены — шумны, замысловаты, а куда какъ далеки отъ природы! Сидя въ оперѣ, я держалъ въ рукахъ либретто: каждую драматическую сцену я зналъ впередъ, и слушая музыкальную идею вслѣдъ затѣмъ, не нашелъ ни одной идеи, писанной по увлеченію. Мастерство и умъ — неимовѣрные, но никакое мастерство и никакой умъ не поддѣляются подъ сердце человѣческое. Самый высокій художникъ не есть еще поэтъ. О «Жидовкѣ» писать нечего: вы знаете и музыку, и лошадей въ золотыхъ попонахъ. Стало быть мнѣ остается сказать вамъ нѣсколько словъ объ исполненіи.

Французскую большую оперу можно сравнить съ развалинами превосходнаго греческаго храма. Видя обломки этого храма, художникъ можетъ заключить о величествѣ и изяществѣ самого храма, а между тѣмъ храма уже не существуетъ. Такъ точно, слышавши Falson, Duprez, и полный, стройный оркестръ Большой оперы, я могу себѣ вообразить, что это было въ цвѣтушіе годы! Могу вполне убѣдиться, что французская опера могла сравниться и превзойти всякую итальянскую; но все-таки сузу по однимъ обломкамъ. Теперь — исполненіе почти средственное. Ensemble не тотъ, который долженъ былъ быть. Оркестръ не вездѣ ровень, хотя всегда въ строгомъ смыслѣ вѣривъ. Douz-Gras — пѣвица съ умомъ и толкомъ. Огня мало, но благородства и оконченности довольно. Duprez хотя не съ сильнымъ, звучнымъ голо-

¹⁾ Даргомыжскій поѣхалъ за границу 23-го сентября 1844 г., а воротился въ Петербургъ въ концѣ апрѣля или началѣ марта 1845 г.

сомъ, но высокій артистъ, въ полномъ смыслѣ слова. Мудрено речитативы говорить отчетливѣе и благороднѣе Duprez. Въ широкомъ пѣньѣ и драматическомъ, онъ, какъ говорится, не *laisse rien à désirer*. Вотъ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, но не забудьте, что это второй томъ Пасты, которая въ бытность свою въ Петербургѣ¹⁾ не всѣхъ восхищала, а нѣкоторыхъ. Чтобъ цѣнить Duprez, какъ я цѣню его, надо умѣть отдѣлать средства голоса человѣка отъ мастерства артиста-пѣвца. Прочіе пѣвцы и пѣвицы, исключая *Baroillet*, котораго я еще не слыхалъ, но, не исключая даже извѣстнаго *Levasseur*—болѣе или менѣе плохи, а не испортили бы нашей «Аскольдовой могилы».

На итальянской оперѣ слышалъ я «*Linda di Chamouni*»—Донизетти. Объ этой музыкѣ говорить нечего. Во-первыхъ, вы услышите ее въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, когда медаль или монета отчеканены и описаны, надо-ли еще описывать слѣдующія за ними медали или монеты, которыя чеканятся по той же формѣ и тою же машиною? Пѣли: *Persiani*, *Magio*, *Brambilla* (контральтъ) и *Fognasagi*. Какъ пѣвица, *Persiani* безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ первокласснымъ пѣвицамъ. Голосъ, хотя не свѣжій, но гибкій и обработанный. Вкуса и граціозности—бездна. Но она поетъ партіи *mezzo-soprattore*. *Magio*, теноръ въ лучшей порѣ, съ приятнымъ, свѣжимъ голосомъ, но не сильнымъ, такъ хорошъ, что много напомнилъ мнѣ Рубини, которому онъ, впрочемъ, явно ищетъ подражать. Онъ еще не оконченный артистъ, но я полагаю, что онъ долженъ подняться очень высоко. *Brambilla*, съ отцвѣтшимъ, сиповатымъ голосомъ, ивобличаетъ бывшую порядочную пѣвицу итальянской школы. *Fognasagi* хочеть тоже протереться въ артисты, да вѣзется и остается при своемъ хотѣньи. Ансамбль весьма удовлетворителенъ.

Стѣны театра, подъ названіемъ *Gymnase dramatique*, трещать ежедневно отъ прилива парижскаго *tiers-état* смотрѣть водевилъ въ русскихъ нравахъ: «*Ivan le moujik*». Надо вамъ сказать, что я теперь покуда живу парижаниномъ, т. е. въ 9 ч. утра надѣваю шляпу, пальто и иду въ ближайшій кофейный домъ пить кофе и читать журналы. Не интересуясь политикой, я чи-

¹⁾ Въ 1840 году.

таю обыкновенно «Le Corsaire», «Le Charivari», «Le Tintamarre», и тому подобные, которые наполняются глупою, но часто смѣшною бранью, на всѣхъ и на все безъ разбора. И такъ, во всѣхъ этихъ журналахъ прочесть я похвалу помянутому водевилю «Ivan le moujik», но каждый изъ журналовъ начинается разсказъ свой разнымъ именемъ. «Corsaire» пишетъ Shépiloff, seigneur russe и проч. «Charivari» пишетъ Shouvaloff, seigneur russe, «Journal des Débats», который тоже хвалить водевиля, пишетъ Balishoff, seigneur russe и проч. Это возбудило мое любопытство. Я заплатилъ 6 франковъ и отправился смотрѣть «Ivan le moujik». Первое, что я увидѣлъ въ афишкѣ, было: Vachouloff, seigneur russe. По этимъ бездѣлицамъ можно судить о безвозможности французскихъ журналистовъ. Во-первыхъ, зала театра и публика совершенно въ родѣ франкфуртскихъ, которыхъ я описалъ вамъ въ письмѣ изъ Брюсселя. Теперь, вотъ водевиля (слѣдуетъ описаніе очень нелѣпаго водевиля въ томъ самомъ родѣ, въ какомъ множество писалось въ 1840-хъ годахъ во Франціи, и мы приведемъ здѣсь одно только окончаніе, котораго совершенно достаточно для охарактеризованія покаяній автора о Россіи. Дѣло происходитъ на балѣ у помѣщика Башулова)... Seigneur Vachouloff, чтобъ унижить Ивана-мужика, велитъ ему взять поднось и подносить питье гостямъ. Иванъ-мужикъ (крѣпостной Башулова, но уже знаменитый пѣвецъ) бросаетъ поднось на полъ. Башуловъ велитъ кнутовать Ивана-мужика. Гости выходятъ въ другія комнаты, а на мѣсто ихъ является крѣпостной казакъ въ видѣ knoutier en chef, и при немъ еще два knoutiers и одинъ sous-knoutier. Приносятъ кнутъ, совершенно такой, какъ наши кучерскіе кнуты. Я того и глядѣлъ, что разложить бѣднаго Ивана-мужика; но вышло совсѣмъ наоборотъ. Ольга (невѣста Ивана-мужика) перехватила какую-то вольную оду, положенную на музыку г. Башуловымъ во время немилости его auprès du tsar, и явилась какъ разъ тутъ съ этой музыкой, писанной рукою Башулова. Иванъ-мужикъ стращаетъ господина, что покажетъ эту оду и музыку великому князю, который, не забудьте, тутъ же на балѣ (въ нелѣпомъ фантастическомъ какомъ-то костюмѣ), и Башуловъ съ испуга пишетъ вольную Ивану-мужику и Ольгѣ, которые ованчиваютъ водевиля словами: «Au diable la Russie — allons-nous en en France, le pays

de la liberté et des arts!» А я, выходя изъ театра, подумалъ: «Au diable le théâtre du Gymnase, allons-nous en au café où l'on prend du chocolat». .... Театры я нахожу разворительными. Но и въ нихъ часто ходить надобѣсть. Сижу часто дома за своими фортепьянами и маракъ бумагу.... Alexandre.

(Парижъ. — Январь 1845).

На этой недѣлѣ слышалъ я новую оперу «Marie Stuart», сочиненія Нидермейера. Писано и правильно и гладко, а выходить и пасквильно и гадко. Шутки въ сторону, «Marie Stuart» напоминаетъ стилемъ своимъ духъ Плейелей и Дуссековъ: какая-то старинная жидкость разлита въ жилахъ инструментовки; драма является въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ назади. Развѣ промелькнуть два или три мѣста, похожія на новый, живой стиль нашего времени. Эта опера, ежели и не совсѣмъ дурна, то никакъ не можетъ быть въ нашемъ вѣкѣ удовлетворительна. Поставили ее по проскамъ m-me Stolz, которая выбрала ее для того, чтобъ явиться въ публику въ 8-ми разныхъ бархатныхъ и атласныхъ костюмахъ: и сдѣлала очень хорошо, потому что при ея отвратительной фizioноміи и писеливомъ пѣньѣ, надо брать хоть костюмами. Въ этой же оперѣ дебютировалъ новый теноръ Gordoni, молодой человекъ съ хорошими голосомъ и съ талантомъ. Онъ поетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отпѣваетъ свой голосъ. Усилія его такъ сверхъестественны, что онъ долженъ скоро перекричать его. Эта гортанная метода пѣнья сильно укоренилась на французской оперѣ. Извѣстный Vagoilhet и самъ ей слѣдуетъ, и другихъ по ней учить.

До сихъ поръ описаніе мое изящнаго здѣшняго міра весьма не льстиво; но чтобъ не быть несправедливымъ, должно сказать, что нѣкоторые парижскіе театры замѣчательны и актерами и пьесами. Есть родъ театральныхъ пьесъ, который родился во Франціи, это водевиль. Не воображайте, что вы видите водевиль на петербургской французской сценѣ, — неправда! Мы видали львовъ и тигровъ въ влѣткахъ, сонныхъ, усталыхъ, но тѣ-ли это львы и тигры, которые рычатъ въ Африкѣ, въ степи? Такъ точно и французскіе водевили на нашей сценѣ: зубы у нихъ подпилены, а беззубый водевиль хуже беззубой женщины! Надо видѣть, сколько ума и остроты въ здѣшнихъ водевиляхъ. Надо

слышать эти болкія насмѣшки надъ литераторами, новыми пьесами, министрами и проч.

Théâtre des Variétés имѣетъ сюжетовъ отличныхъ: Vernet—высокій буфъ. Lafont, Hyacinthe—отличные актеры, а самаго знаменитаго изъ нихъ, Bouffé, я еще не видалъ. Théâtre du Vaudeville—волеть не въ бровь, а прямо въ глазъ. Что бѣдный Eugène Sue отъ него терпитъ, такъ даже жаль его. Чѣмъ болѣе я приближаю Французовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что они не могутъ не смѣяться надъ всѣмъ, что только существуетъ подъ луною. Они ругаютъ насъ, и Англичанъ, и Нѣмцевъ, но за то и себя не щадятъ. Грызутъ другъ друга такъ — qu'il doit n'en rester que les deux queues.

Вечеръ 11 часовъ. Сейчасъ воротился я съ великаго музыкальнаго торжества. Весь Парижъ собранъ былъ въ Théâtre des Italiens слушать сочиненія Félicien David, новаго французскаго композитора, котораго всѣ здѣшніе журналы провозгласили заранѣе вторымъ Бетговенемъ. Главнѣйше привлекала всѣхъ симфонія съ хорами и солами, съ арабскими словами и чтеніемъ французскихъ стиховъ, подъ названіемъ «Le Désert». Вы прежде всѣхъ получите свѣдѣнія объ этомъ концертѣ, и можете передать ихъ всѣмъ нашимъ любителямъ. Я насилу досталъ билетъ, и то за 17 франковъ. Французы бѣсновались отъ восхищенія, но мы смотримъ другими глазами. Нельзя отказать Давиду въ нѣкоторомъ талантѣ, но онъ столько же Бетговенъ, сколько мой вукишъ — Вандомская колонна. Первая его симфонія очень не дурна, но съ промахами, изобличающими ученика. Лучше всего понравился мнѣ финаль этой симфоніи, который много — въ родѣ Обера. Потомъ пѣли разные его романсы, мелодіи и хоріки. Это просто нигуда негодно. Ежели парижане имъ аплодируютъ, то должны Мазини¹⁾ монументъ воздвигнуть. Наконецъ является знаменитая симфонія, «Le Désert»: Тутъ слышна степь, видно пѣнье Аравитянъ. Тутъ буря, ночь, восходъ солнца и многое еще другое. Вообще музыка писана правильно и является довольно мыслей, хотя не оригинальныхъ. Но, несмотря на то, что Давидъ ѣздилъ на Востокъ за мелодіями для этой симфоніи, я въ ней нашелъ такъ мало арабскаго духа, и столько

¹⁾ Мазини—извѣстный сочинитель плохихъ романсовъ.

французскаго пуха, что ее надо назвать «Les boulevards de Paris». А арабская пѣсня въ этой симфоніи ужасно напомнила мнѣ пѣсню «Ивана-мужика».

Не жалѣя расходовъ вашихъ за тяжеловѣсность письма моего, посылаю вамъ еще экземпляръ Брюссельской газеты «L'Émancipation», и письмо Фетиса къ Шлезингеру, напечатанное въ «Gazette Musicale» № 52, 29 Décembre 1844. Alexandre.

Парижъ, 6-го (18) января (1845).

Прошломъ воскресенье, отправивъ письмо мое къ вамъ, я самъ отправился въ концертъ консерваторіи. Играли симфонію Мендельсона, симфонію Бетговена, пѣли хоры изъ «Идоменей»—Моцарта, хоры изъ «Афинскихъ развалинъ»—Бетговена. Это оркестровое исполненіе до такой степени совершенно, что я уже не могъ восхищаться, а мнѣ просто было смѣшно! Ежели я когда-нибудь, читая оркестровую партитуру, вмѣстѣ съ тѣмъ воображалъ слышать оркестръ въ полномъ его совершенствѣ, то въ концертѣ консерваторіи этотъ оркестръ осуществился въ ухахъ моихъ. Это волшебство, превосходящее всякое описаніе! Тутъ не то, что совершенная вѣрность, не то что неподражаемый ensemble, но вы слышите 150 человѣкъ музыкантовъ, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, одною и тою же мыслью, и въ одинъ и тотъ же мигъ! Вы слышите 50 скрипокъ, сливающихся въ одинъ густой звукъ: этотъ звукъ усиливается, утихаетъ и выполняетъ оркестровые рисунки съ такою точностью, какъ будто бы онъ зависѣлъ отъ одного токмо человѣка. Этого мало: даже глаза ваши поражены согласнымъ движеніемъ смычковъ вверхъ и внизъ. Они напомнили мнѣ маршировку нашей гвардіи на парадѣ, и я подумалъ: «ахъ вы, Французы! Мы ногами дѣйствуемъ не хуже, какъ вы руками!»¹⁾ И чтожь вы думаете? Лучшее парижское общество не ѣздитъ въ эти концерты! C'est bon pour les canailles, qu'on nomme artistes! а общество ѣздитъ слушать одного только Доницетти.

¹⁾ Глинка иначе оцѣнялъ оркестръ парижской консерваторіи. Говоря про одинъ концертъ той же самой зимы, онъ пишетъ: «Играли 6-ю симфонію Бетговена, исполненіе было превычурное, такъ что я симфонію Бетговена не узналъ и тогда же сказалъ: on m'a escamoté la symphonie. Кромѣ того, духовые иногда срывались, въ особенности валторны и кларнеты». (Записки М. И. Глинки, изд. «Русской Старины», Спб., 1870 г., стр. 151.

Новый годъ встрѣтилъ я, ежели не очень весело, то по крайней мѣрѣ очень живо. Я былъ на балѣ у Глинки. Милыя ученицы его, съ примѣсю нѣкоторыхъ возвратившихся изъ Петербурга маскарадныхъ французенокъ, выпили съ нами пуншину и шампанскаго. Танцы были очень анимированы. Кавалеры были болѣею частью пожилые русскіе господа. Надо вамъ сказать, что пожилые люди съ деньгами наслаждаются въ Парижѣ, какъ боги на Олимпѣ. Француженки увѣряютъ ихъ, что они въ самой лучшей порѣ жизни, разодѣнутъ ихъ въ лаковые сапоги, модное платье, напялятъ на руки бѣлыя перчатки и таскаютъ ихъ по кофейнамъ и театрамъ. А тѣхъ, которые очень щедры, даже ревнуютъ. Между прочими дамами была на балѣ Глинки Désirée Mayer, которая была у насъ и актриса и маскарадная дама. Она въ восхищеніи отъ Россіи, какъ я отъ концерта консерваторіи, превозноситъ русскихъ, и поетъ русскія пѣсни. Мы съ ней съ большимъ эффектомъ танцевали русскую пляску: я самъ судить не могу, но говорятъ, что очень было трогательно. Я возвратился домой въ 2 часа ночи. Это еще въ первый разъ въ Парижѣ: обыкновенно я уже дома прежде 12-ти часовъ. Не можете себѣ представить, сколько я хожу пѣшкомъ, непременно въ день выхожу верстъ около 8-ми или 10-ти. По большей части, когда шатаюсь по Парижу, то шатаюсь не одинъ, а съ княземъ Багратиономъ. Мы съ нимъ полагаемъ выѣхать изъ Парижа въ одно время, онъ—въ Лондонъ, а я—въ Брюссель: до того, съ 25-го января, будемъ жить вмѣстѣ въ Hôtel de Bruxelles, rue Richelieu, 47.

Парижъ, 20-го января (1 февраля) (1845).

Второй концертъ консерваторіи состоялъ изъ симфоніи Бетговена (*Symphonie héroïque*), концерта Моцарта, сцены Lully, и хоровъ Бетговена изъ ораторіи «*Jésus sur le mont des olives*». Совершенство исполненія одинаково съ первымъ. Мудрено вообразить себѣ что-либо удовлетворительнѣе. Многіе иностранные артисты удивляются, что я могъ изучить музыку въ варварской Россіи; но я болѣе ихъ удивляюсь, что Французы, которые, по моему мнѣнію, самый антимузыкальный народъ, которые не знаютъ—и никогда знать не будутъ,—что такое звучный, ритмованный стихъ, потому что ихъ стихи не имѣютъ никакихъ ритмовъ, могутъ довести исполненіе музыки Бетговена до такого высокаго

совершенства. Впрочемъ, мнѣ говорили, что въ теченіе 15-ти лѣтъ они всякій годъ учатъ и играютъ одѣ и тѣ же симфоніи....¹⁾

(Парижъ.—Февраль 1845).

На этихъ дняхъ мы съ Ник. Ив. Гречемъ перебивали во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ. Онъ былъ такъ добръ, что досталъ отъ президента *Cour d'assises* позволеніе присутствовать при процессахъ въ *tribune réservée* (слѣдуютъ пространные рассказы о судахъ, адвокатахъ и отдѣльныхъ процессахъ)... Я водилъ Греча къ Бориспольцу,²⁾ который почти кончилъ свой образъ. Образъ отлично хорошъ. Гречь обѣщаль привезти къ нему *Hogase Vernet*, и напечатать отзвѣвъ сего послѣдняго въ «Сѣверной Пчелѣ». Борисполець написалъ и мой портретъ. Мастерства очень много и кажется похожъ. Я привезу его съ собой.³⁾

За симъ цѣлую ваши ручки, у мамы тожь. Ирму, Сою, Николаю обнимаю.⁴⁾ Въ пятницу буду въ Брюсселѣ. *Alexandre*.

Что опера Львова⁵⁾ — какъ принята? Я радъ за него — что добился своего!

III.

Письма Даргомыжскаго къ Вл. Георг. Кастриото-Скандербеку.

С.-Петербургъ, 10-го августа 1843 г. ⁶⁾

Любезный другъ Кастриотъ, твое неожиданное письмо обрадовало меня такъ, что и рассказать нельзя: во-первыхъ, какъ доказательство памяти твоей о человѣкѣ, который все по прежнему тебя любитъ, а потомъ, какъ начало интересной переписки съ лицомъ, питающимъ къ изящнымъ искусствамъ такую истинную любовь, какая у тебя есть къ музыкѣ. Ты думаешь, что

¹⁾ Слѣдующая здѣсь нижняя половина первой страницы письма отрѣзана.

²⁾ Платонъ Тимосеевичъ Бориспольцъ, живописецъ, ученикъ К. П. Брюлова, пріятель Глинки и Даргомыжскаго В. С.

³⁾ Этотъ портретъ принадлежитъ теперь А. П. Опочнину. В. С.

⁴⁾ Ирма и Соля — сестры Даргомыжскаго: Эрминія и Софья Сергѣевны; Коля — Ник. Алекс. Степановъ, мужъ послѣдней, извѣстный нашъ карриатуристъ, издатель «Искры» и «Будильника». В. С.

⁵⁾ Опера на итальянскій текстъ «*Bianca e Gualtiero*», исполненная на Большомъ театрѣ итальянскими артистами: Рубини, Тамбурини и Виардъ.

⁶⁾ Первая половина этого письма писана по-французски. В. С.

долго не дождешься отъ меня отвѣта? Нѣтъ, не отгадалъ. Только что получилъ я твое письмо, и вотъ уже сижу съ перомъ въ рукѣ, отвѣчаю тебѣ. Ты говоришь, любезный другъ, что со времени выѣзда твоего изъ Петербурга ты почти ничего не сдѣлалъ? Значить, на этотъ разъ ошибся я въ своей догадкѣ: я былъ твердо убѣжденъ, что тебѣ не устоять противъ твоего таланта. Что касается терпѣнія и твердости характера, о которыхъ ты говоришь, вѣрно то, что всѣ испытываемыя художникомъ неудачи, прежде чѣмъ толпа успѣетъ понять его, были бы въ состояніи истощить въ конецъ его терпѣніе, если бы природа не одарила талантливаго человѣка утѣшительною способностью: вполне уединяться въ продолженіе долгихъ часовъ и забывать про толпу людскіе и даже про существованіе прочихъ людей, для того, чтобъ предаваться неизъяснимой склонности, влекущей его производить на свѣтъ различныя, одолеваяющія его, ощущенія. Я думаю, что главный двигатель у художника въ труду — это его любовь къ искусству, а потомъ уже идетъ наслажденіе передавать другимъ нить собственныхъ своихъ идей.

Ты спрашиваешь меня, любезный другъ, что я сдѣлалъ хорошаго послѣ твоего отъѣзда, и что подѣлываетъ моя «Эсмеральда»? «Эсмеральда» уже около двухъ лѣтъ вполне окончена. Несмотря на всѣ бури, поднятыя противъ этой несчастной дѣвочки, которой вся вина въ томъ только, что она явилась на свѣтъ непрощеная, она была принята театральною дирекціею, которая, однако же, до сихъ поръ все находитъ препятствія сдѣлать ее публичною, къ чему она назначена¹⁾. Я съ своей стороны вооруженъ терпѣніемъ и жду! Можно, кажется, по всей справедливости пропѣть мнѣ французскій романсъ: «*Beau chevalier attendras longtemps!*» (Добрый молодецъ, жди-пожди!) Намедни, когда Брюловъ спрашивалъ меня, какіе у меня виды относительно моего труда, я отвѣтилъ ему, что сравниваю первую славу съ молодою дѣвушкою, хорошенькою, но капризною, которой хочешь сдѣлаться любовникомъ, но которая тебя еще не любитъ. Вообрази себѣ, сколько надобно употребить для этого обольщеній; какъ она противится, плачетъ, и уступаетъ только силѣ.

¹⁾ Игра словъ по-французски: «*Cette pauvre fille... pour en faire une fille publique, chose à laquelle elle est destinée.*»

За то, каковой потомъ рядъ наслаждений, когда... когда наконецъ она начинаетъ тебя любить!...

Но, какъ бы тамъ ни было, не подумай, что я все это время оставался въ праздности. Не считая большого числа музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ мною для любительскихъ спектаклей, для музыкальныхъ альбомовъ и особенно для серенадъ, которыя я въ прошломъ году давалъ на Черной Рѣчкѣ, я написалъ большую кантату, съ хорами и тремя партіями для пѣнія соло, содержащую 5 большихъ музыкальныхъ нумеровъ. Я взялъ текстъ у нашего безсмертнаго Пушкина: «Торжество Вакха». Я ничего не измѣнилъ въ этой поэмѣ, вакхической и сладострастной отъ начала и до конца. Я еще не давалъ пробовать мою кантату и никому не игралъ ее; но если ты хочешь знать, что я самъ про нее думаю, то я тебѣ скажу, что, мнѣ кажется, я никогда ничего лучше этого не напишу. Впрочемъ, я можетъ быть ошибаюсь.

Что касается моихъ мелкихъ пьесъ для пѣнія, которыя ты изъ дружбы ко мнѣ желаешь имѣть, то скоро ты получишь ихъ всѣ: нѣкто Ли (Lee), хозяинъ музыкальнаго магазина, взялся напечатать ихъ всѣ (числомъ 30); это составитъ полное собраніе, въ 5-ти частяхъ, по 6 пьесъ въ каждой. Изданіе начато, но подвигается медленно. Оттого я былъ бы очень радъ, если бы нѣсколько лицъ изъ провинціи написали издателю про мои романсы; это заставило бы его поторопиться. А я самъ ничего тутъ не могъ подблать, потому что по условію съ нимъ я имѣю право вступаться въ продажу моихъ романсовъ только спустя полгода по выходѣ ихъ въ свѣтъ. И такъ, любезный другъ, обратись къ нему; пусть онъ высылаетъ тебѣ каждый выпускъ по мѣрѣ выхода его.

Вотъ его адресъ: «Въ музыкальный магазинъ Ф. Ли, бывшій Пеца, въ Большой Конюшенной, противъ Демутова трактира, и пиши ему по-французски.

1) Много у меня есть мелкихъ сочиненій, которыхъ ты еще не знаешь. Жаль, что тебя такъ долго здѣсь нѣтъ! попѣли бы мы! и поиграли, и пописали!... Впрочемъ, неужели ты зимой не пріѣдешь слушать итальянскую оперу? Рубини и Тамбурины бу-

1) Отъ сихъ поръ начинается русскій текстъ.

дутъ на нашей сценѣ. Приѣзжай непременно, хоть на три мѣсяца. Слухъ прошелъ здѣсь, что будто ты женился, я-было порадовался за тебя, но, видно, пустяки. Пиши мнѣ, что ты дѣлаешь, а оркестра не заводи, не хорошо будетъ! У меня въ головѣ новая опера,¹⁾ но плохо осуществляется. Ботаника меня отвлекаетъ. Прощай; не забывай меня!

16 нумеровъ «Руслана», т. е. все, что есть напечатаннаго, съ пересылкою стоитъ 15 руб. серебромъ, тутъ уже съ уступкою для меня. Вотъ славная вещь, которая не достигла своей цѣли! а сколько надо таланта и труда, чтобы написать ее! Много есть нумеровъ, которыми я отъ души восхищаюсь.

21 janvier (1844).

Je ne vous écris que quelques mots, mon cher Castriot, car vous ne saurez croire combien il m'est survenu d'occupations de tout genre à la fois.

Ты можешь быть считаешь меня получестнымъ человѣкомъ потому, что я, получивъ твои деньги, не давалъ тебѣ по сіе время отвѣта. Причина тому очень проста и ты ее угадываешь, а именно: Ля задержалъ въ печати 3-ю тетрадь моихъ романсовъ. Теперь посылаю тебѣ 3 первые части; когда выйдутъ остальные, тотчасъ же пришлю. Пой куда поется и вспоминай насъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, романсы мои до такой степени поются, что и мнѣ надобли. Однако все еще изрѣдка пишу новенькіе. Я взялся быть дирижеромъ Музыкальнаго общества, собирающагося разъ въ недѣлю. Въ командѣ у меня оркестръ изъ 20-ти человѣвъ любителей и хоръ изъ 25-ти любителей. Работы мнѣ очень много, но идетъ понемногу; послѣдній разъ пробоваъ я съ ними танцы «Трюановъ» изъ оперы.²⁾ Не можешь себѣ представить, какъ въ оркестрѣ странно и ново выходить. Жаль, что тебя нѣтъ, а дѣлать нечего.

До свиданія. Даргомыжскій.

Варшава, 30-го марта (11-го апрѣля) (1845).

Какъ встрѣча наша въ Вѣнѣ, такъ и разставаніе съ тобою были неожиданны, душа моя, Кастріотъ. Съ пріятностію вспо-

¹⁾ «Руслана».

В. С.

²⁾ «Эсмeральды».

В. С.

минаю о нашихъ съ тобою походахъ по великому граду сему. Мчавшись уже по желѣзной дорогѣ въ Лейпникъ,¹⁾ вспомнилъ я, что остался твоимъ должникомъ на 2¹/₂ гульдена. При первомъ свиданіи поквитаюсь; покуда благодарю за угощеніе.

Сегодня я выѣзжаю изъ Варшавы на Ковно. Видѣлъ я маменьку твою и былъ у нея 2 раза, Любить она тебя такъ — какъ только лишь одні матери любить могутъ. Я рассказалъ ей о нашемъ житьѣ въ Вѣнѣ и о твоихъ проектахъ и намѣреніяхъ. Кажется она съ удовольствіемъ слушала меня; она видѣла во мнѣ человека, который точно любить тебя, хотя и находить въ тебѣ нѣкоторыя несообразности. Увѣренъ, что доброе твое сердце и благородныя качества рано или поздно всѣ эти несообразности уничтожатъ.

Теперь идутъ мои къ тебѣ просьбы. Первая — писать ко мнѣ, изъ какой бы то страны ни было: въ Петербургъ, на Моховую, домъ Есакова. Вторая — прислать мнѣ адресъ, на который Мюльгоферъ²⁾ просилъ меня писать къ нему, а его потерялъ. Третья — собирать рукописи какъ говорено. Четвертая — любить меня по прежнему. За симъ прощай. Надѣюсь, по приѣздѣ въ Петербургъ, найти и письмо твое, и article Мюльгофера, и нѣкоторыя вѣнскія новости.

Прощай душа, добрый мой Кастріотъ!

С.-Петербургъ, 19-го мая 1845 г.

Я еще прежде тебя, другъ Кастріотъ, узналъ здѣсь о кончинѣ сестры твоей³⁾ въ Варшавѣ, и подумалъ о тебѣ, зная твое

¹⁾ Лейпникъ — Лейпцигъ.

В. С.

²⁾ Лѣтъ тридцать тому назадъ я поселился въ Вѣнѣ съ музыкальною цѣлью; у меня было множество знакомыхъ, такъ какъ я состоялъ членомъ артистическаго общества подъ названіемъ Concordia; въ этомъ обществѣ членами и посѣтителями могли быть только композиторы, живописцы и литераторы. Въ то время Даргомыжскій проѣзжалъ чрезъ Вѣну, остановился у меня на квартирѣ и пробылъ недѣлю съ двѣ; я познакомилъ его со многими лицами, жителями Вѣны, въ томъ числѣ и съ Мюльгоферомъ; но о семъ послѣднемъ я ничего особеннаго не знаю и не помню. Кажется онъ писалъ журнальныя статьи, и Даргомыжскій просилъ его доставлять ему въ Петербургъ какія-то свѣдѣнія; но въ чемъ онѣ заключались — не помню.

В. Кастріото-Скандербекъ.

³⁾ Вѣра Георгіевна Кастріото-Скандербекъ, въ замужествѣ за генераломъ отъ инфантеріи А. К. Ушаковымъ, председателемъ Главнаго Военнаго Суда.

доброе, способное къ привязанности, сердце. Ты нѣкоторое время колебался — пускаться-ли въ дальній путь или воротиться въ нашу Россію. Но видно рѣшился продолжать свое путешествіе. Во всякомъ случаѣ увѣдомь меня навѣрное о твоихъ намѣреніяхъ.

Благодарю тебя отъ души за присланные тобою газетные листки. Я и первый изъ нихъ получилъ, но не знаю почему, а получилъ я его очень поздно, и усомнился-было въ твоей акуратности.

Несмотря на то, что весьма желалъ бы видѣть тебя здѣсь, у насъ въ Петербургѣ, въ постоянныхъ со мною музыкальныхъ занятіяхъ, я все-таки исполнилъ порученіе твое: былъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и справлялся о твоёмъ паспортѣ. Узнавъ, что о немъ нѣтъ еще никакого свѣдѣнія, я былъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ тоже еще ничего не получено. Напрасно ты не написалъ поакуратнѣе, когда и за какимъ № писано изъ Вѣны; я еще справлюсь немного погодя. Если просьба твоя придетъ, то похлопочу о тебѣ и постараюсь, чтобъ не задерживали.

Я еще, по возвращеніи, ничего нужнаго не дѣлаю: однако лѣтомъ, когда мои переѣдутъ на дачу, буду обдумывать новую оперу. Многіе здѣсь смѣются и не понимаютъ: изъ чего я бьюся. Но ты понимаешь, и знаешь, дѣло-ли я дѣлаю или нѣтъ. «Вакханки»¹⁾ начинаю инструментовать.

Я очень радъ, что ты не бросаешь музыку и пишешь; но не знаю, дѣльно-ли ты написалъ? Совѣтую тебѣ пропататься по Европѣ до осени; а къ зимѣ пріѣзжай къ намъ въ Питеръ. Вмѣстѣ послушаемъ Итальянцевъ и сами себя дадимъ послушать. А шестимѣсячнаго путешествія для тебя довольно будетъ, чтобъ убѣдиться, что нѣтъ въ мірѣ народа лучше русскаго, и что ежели существуютъ въ Европѣ элементы поэзіи, то это въ Россіи. А раны Россіи когда-нибудь да залечатся, покуда зачѣмъ смотрѣть на нихъ. Прощай, другъ, цѣлую тебя также вѣрно, какъ и люблю. Alexandre.

Сообщ. В. В. Стасовъ и В. Г. Кастріото-Скандербергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ «Горжество Вакха», кантата.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ).¹⁾

II.

Устройство Опекунскаго Совѣта Воспитательнаго Дома. — Права и обязанности Почетныхъ Благотворителей и Опекунѳвъ. — Административная и педагогическая роль Главнаго Надзирателя. — Особенности въ управленіи С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома и постепенное ихъ устраненіе. — Учрежденіе при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ Опекунскаго Совѣта на подобіе Московскаго. — Новое законоположеніе 1780 г. и мотивы, побудившіе Бецкаго къ измѣненію прежнихъ порядковъ.

По Генеральному Плану, примѣненному вполнѣ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, управленіе дѣлами Дома поручалось Опекунскому Совѣту, который долженъ былъ состоять изъ шести «знатныхъ персонъ», не ниже чиномъ коллежскаго совѣтника.²⁾ Эти лица назывались опекунами, или «совѣтниками опекунства», и принимали службу безъ всякаго вознагражденія «единственно изъ любви къ отечеству и по христіанскому сожалѣнію о бѣдныхъ». Они пользовались значительными привилегіями, исчисленными въ уставѣ. Безвозмездность опекунской службы подтверждена была, въ 1767 г., во 2-й части Генеральнаго Плана (глава I, § 12), и, два года спустя, камергеръ Бредихинъ, добивавшійся жалованья на опекунскомъ мѣстѣ, получилъ въ

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1875 г., т. XII, стр. 146—159.

²⁾ Генер. Планъ, ч. I, гл. 6, § 9.

томъ отказъ отъ имени государыни императрицы.¹⁾ Съ теченіемъ времени, это условіе было признано, однако, неудобнымъ, такъ какъ оно являлось препятствіемъ къ поступленію на службу людей достойныхъ, но не имѣвшихъ возможности обойтись безъ вознагражденія за труды, почему въ Дополненіи къ Генеральному Плану, подтвержденномъ въ 1772 году (20-го ноября), мы встрѣчаемъ уже постановленіе, что каждый опекунъ, сверхъ прежде дарованныхъ привилегій, «получать можетъ изъ экономической суммы Дома жалованья до 1,000 р. въ годъ, болѣе или менѣе, по устанавливаемому въ Совѣтѣ порядку». Въ то же время и требованіе ранга, обязательнаго для опекуна, было убавлено до перваго штабъ-офицерскаго чина, при чемъ производство въ слѣдующіе чины до коллежскаго совѣтника полагалось, за выслугу лѣтъ, черезъ каждые три года. Надъ опекунами, по силѣ Генеральнаго Плана, стояла власть Главнаго Попечителя, который характеризовался уставомъ, какъ «знатная и въ особливой милости у ея Императорскаго Величества состоящая особа». Преемника себѣ Главный Попечитель заблаговременно выбиралъ самъ; въ случаѣ же, если бы подобный выборъ не состоялся, «паче чаянія», до его смерти, то Опекунскій Совѣтъ обладалъ правомъ представлять ея величеству достойныхъ кандидатовъ на это мѣсто, изъ которыхъ она утверждала одного.²⁾ Въ 1772 году и этотъ порядокъ былъ измѣненъ. Между Главнымъ Попечителемъ и Опекунскимъ Совѣтомъ возникаетъ—по предложенію лицъ, разсматривавшихъ Дополненіе къ Генеральному Плану³⁾—новая власть Почетныхъ Благотворителей, которые должны были, «какъ патріоты, почтенные знатными достоинствами въ государствѣ, охранять отъ всякаго вреднаго прикосновенія твердость и непоколебимость» цѣлаго учрежденія, а также принимали на себя ходатайство по дѣламъ Воспитательнаго Дома, рѣшавшимся въ сенатѣ, синодѣ или въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Изъ числа этихъ лицъ, «яко извѣстныхъ уже хранителей всего утвержденнаго постановленія», положено было избирать балотировкою преемника Главному Попечителю, который могъ бы сейчасъ же, и безъ осо-

¹⁾ Письмо Гл. Попеч. въ Моск. Оп. Совѣтъ, отъ 24-го ноября 1769 г.

²⁾ Генер. Пл., ч. I, гл. 6, § 8.

³⁾ Дополненіе къ Генер. Плану разсматривали: гр. Н. Панинъ, гр. Э. Милникъ, кн. А. Голицынъ, гр. Ив. Чернышевъ и Григорій Тепловъ. А. П.

баго утвержденія, вступить въ его должность, какъ только откроется вакансія. Въ 1778 г. права и преимуществъ Почетныхъ Благотворителей были точнѣе опредѣлены Бецкимъ въ 7-ми пунктахъ, въ силу которыхъ эти лица, узнавъ о «присвоеніи себѣ излишней власти» опекунами, вооружались полномочіемъ—«удерживать ихъ своеводіе, которое въ наглости своей, если заблаговременно не ощутить силы обуздывающей руки, возможетъ наконецъ опровергнуть священнѣйшія преграды». Въ такомъ крайнемъ случаѣ, Почетные Благотворители, по приглашенію Опекунскаго Совѣта или «хотя по сокровенному представленію доброжелательныхъ членовъ», немедленно вступали въ засѣданіе съ опекунами, стараясь «разстроенные гласы Совѣта, съ приличною кротостію, соединить въ силу узаконенныхъ учрежденій, для соблюденія всѣхъ правъ, а паче кредита Воспитательнаго Дома». ¹⁾ Что власть Почетныхъ Благотворителей надъ членами Опекунскаго Совѣта была не пустою фикціею,—это доказывается прѣмъромъ московскаго опекуна Дурново, отрѣшеннаго отъ должности (впрочемъ, совершенно несправедливо, какъ мы разъясимъ ниже) Почетнымъ Благотворителемъ, оберъ-камергеромъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Вообще Почетные Благотворители избирались въ средѣ самыхъ сильныхъ вельможъ, и званіе это носили напр. такіа крупныя личности, какъ ин. Потемкинъ, гр. Кириллъ Разумовскій, графы Захаръ и Иванъ Чернышевы, гр. Никита Панинъ, князь Александръ Вяземскій, фельдмаршалъ князь Голицынъ, князь Николай Репнинъ, графъ Безбородко, гр. Яковъ Александровичъ Брюсъ и мн. др. ²⁾ Изъ Почетныхъ Благотворителей, жившихъ въ Москвѣ, большое участіе въ дѣлахъ Дома принималъ, кромѣ упомянутаго оберъ-камергера Голицына, князь Яковъ Петровичъ Шаховской, ³⁾ ав-

¹⁾ «Извѣстія имп. Воспит. Дома на мѣсяцъ январь 1778 г.»

²⁾ Списокъ Почетн. Благотворителей, съ обозначеніемъ времени ихъ избранія, помѣщенъ въ I-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи Моск. Воспит. Дома». (См. отдѣлъ: «Разныя историческія свѣдѣнія», стр. 43—44). Но въ этомъ списокѣ пропущенъ духовникъ Екатерины II-й, Ив. Ив. Памфиловъ принятый въ Поч. Благотворители въ октябрѣ 1788 г. (См. Архивъ Моск. Опек. Совѣта, Бархатную книгу, № 2, и дѣла по канцеларіи Слб. Опек. Совѣта № 984, связка 10, и № 975—10)

А. П.

³⁾ Кн. Шаховской (такъ-же какъ и графы Н. Панинъ и Э. Мннихъ) до избранія своего въ Почетн. Благотворители, носилъ званіе Попечителя Воспит. Дома. (Арх. Моск. Оп. Сов., Барх. кн., № 2).

А. П.

торь извѣстныхъ историческихъ мемуаровъ († 1777 г.), бывший одно время генераль-прокуроромъ сената послѣ князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. Въ дѣлахъ же С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта замѣтно участіе кн. Николая Решнина, гр. Безбородко и гр. Николая Салтыкова. Бюстъ Шаховскаго, сдѣланный изъ мрамора, былъ поставленъ, по смерти князя, въ парадной залѣ Московскаго Воспитательнаго Дома, и такая же почестъ должна была воздаваться, по положенію 1778 г.,¹⁾ всѣмъ Почетнымъ Благотворителямъ, «отмѣнившимъ противу прочихъ достойными благодѣяніями Дому—посредствомъ-ли старанія своего, приносящаго великую пользу или какимъ другимъ, сокровеннымъ или явнымъ, превосходнымъ благодѣтельствомъ». Кромѣ того, положеніемъ Воспитательнаго Дома предписывалось: о попеченіяхъ и благодѣяніяхъ Почетныхъ Благотворителей вести при Опекунскихъ Совѣтахъ особые журналы, и изъ этихъ записокъ, по смерти Благотворителя, «сочиня похвальное слово, чрезъ искуснаго человѣка въ краснорѣчїи, со исчисленіемъ его благотвореній и полезныхъ обществу дѣлъ, предать его имя потомству въ память напечатаніемъ таковой рѣчи». Изъ одного дѣла видно, что Бецкой, въ особомъ докладѣ императрицѣ, просилъ или намѣревался просить ее о предоставленіи Почетнымъ Благотворителямъ и таковой, между прочимъ, привилегїи, чтобы—«имѣніе ихъ, хотя-бъ и не отданное въ Сохранную Казну, но уже какъ священное ихъ должностію, пребыло-бъ, на основаніи права Сохранной Казны, неприкосновенно отъ всякой конфискаціи, пока въ ономъ званіи состоятъ будутъ; исключая неправильное присвоеніе чуждаго, которое остается нерушимымъ отъ общественнаго права».²⁾ Но мы не знаемъ, какая именно участь постигла это ходатайство Бецкаго: было-ли оно заблаговременно отклонено императрицею, какъ могущее повести къ различнымъ злоупотребленіямъ, или же, внесенное въ докладъ, оно было исключено оттуда, не получивъ высочайшаго утвержденія? По крайней мѣрѣ, этотъ пунктъ проектированнаго доклада Бецкаго не появился въ печати, тогда какъ всѣ остальные были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Воспит. Дома за мартъ 1778 г.» И безъ того, однако,

¹⁾ «Извѣстія Воспит. Дома на мѣсяцъ мартъ 1778 г.»

²⁾ Дѣло по Канц. Сиб. Оп. Сов., по разн. предм., № 202, связка 2. А. II.

положеніе Почетныхъ Благотворителей было достаточно лестно и пріятно для честолюбія тогдашнихъ вельможъ, такъ что они, однажды выбранные въ это званіе, почти никогда не отказывались отъ него. Гр. Захаръ Чернышевъ, въ 1776 г., заявилъ письменно Бецкому, что «въ разсужденіи отдаленной, вѣрренной, по должности губернатора, въ его правленіе губерніи (Вѣлоруссіи) не можетъ требуемымъ исправленіемъ званія Почетнаго Благотворителя принести Воспитательному Дому удовольствія», и потому былъ уволенъ отъ этого званія;¹⁾ но въ 1778 г. мы снова находимъ его Почетнымъ Благотворителемъ. Безусловно и навсегда отказался отъ почетнаго благотворительства только одинъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ письмомъ отъ 22-го марта 1778 года; при этомъ имъ были выставлены такія сильныя и убѣдительныя причины для отказа, что въ искренности его словъ едва-ли возможно сомнѣваться. «По моему совершенному несчастію — писалъ гр. Панинъ — дряхлость отъ увѣчной моей болѣзни, продолжающаяся во мнѣ болѣе тридцати лѣтъ, принудила меня испросить увольненіе изъ всѣхъ званій службы ея императорскаго величества и моего отечества за всеконечнымъ истощеніемъ душевныхъ и тѣлесныхъ моихъ всѣхъ силъ, возложивъ на себя въ тоже время обѣтъ, чтобъ остатки дряхлой жизни моей окончить внѣ всякаго служенія, да и по самой истинѣ, какъ вынудило меня изъ службы, такъ и теперь еще все во мнѣ продолжается тоже: что не могу я никакъ углубляться ни въ какія размышленія безъ приведенія въ волнованіе летучихъ подагрическихъ во мнѣ всегдашнихъ болей и чтобъ онымъ не втянуть ихъ въ грудь и въ голову съ утрашеніемъ пресѣчь безвременно мою жизнь, а, по счастью или по несчастію, поставляя я и нынѣ не поставлять не могу за непростительный и за величайшій грѣхъ того, чтобъ принятое на себя званіе и служеніе государю и отечеству нести мимоходомъ, а не исполнять его съ углубленіемъ размышленій и трудовъ моихъ по всей естественной силѣ и возможности. Въ разсужденіи сего и ненарушенія собственно возложеннаго на себя обѣта, который будетъ противъ тѣхъ добродѣтелей и вѣры, на коихъ самое установленіе Воспитательнаго Дома учреждено, теперь я, съ надежнѣйшею довѣренностью о

¹⁾ Дѣло по канц. Сиб. Совѣта № 202, связка 2.

невоспріятіи негодованія, извиняюсь въ самой невозможности удостоить мнѣ себя вступленія въ участники общества, мною весьма почитаемаго, и въ званіе благотворителя тому Дому, которому я желаю и готовъ вспомошествовать и служить приватнымъ образомъ по всей моей силѣ и возможности и котораго сохраненіе въ безвредности лежало, конечно, на моемъ сердцѣ, при бывшемъ внутреннемъ восколебаніи сего города, между главнѣйшими возбужденіями къ представленію себя на служеніе для пресѣченія онаго.¹⁾

Если въ этихъ строкахъ и проглядываетъ кое-гдѣ язвительная иронія, возбужденная въ гр. Панинѣ прежними неудачами его служебной карьеры, которая постоянно держала его въ ряду недовольныхъ во все царствованіе Еватерины II, то не Воспитательный Домъ, конечно, былъ ихъ причиною.

Число Почетныхъ Благотворителей простиралось до 12-ти, не включая сюда 2-хъ знатнѣйшихъ лицъ изъ духовнаго званія. Приглашались они первоначально по усмотрѣнію Главнаго Попечителя,²⁾ а затѣмъ выборъ ихъ производился въ генеральномъ собраніи Почетныхъ Благотворителей. Въ 1785 г. Бецкой предписалъ, въ случаѣ отъѣзда Главнаго Попечителя, выбирать ему другого преемника изъ Почетныхъ Благотворителей, «ибо первоначальный заступаетъ мѣсто Главнаго Попечителя, потому же полагается и на преемниково мѣсто, на время отлучки, другой».³⁾ Но это дополнительное правило, кажется, ни разу не приводилось въ исполненіе, такъ какъ Бецкой, съ того времени, постоянно находился при отправленіи своихъ обязанностей. Первымъ преемникомъ Главнаго Попечителя былъ выбранъ, 28-го апрѣля 1778 г., генераль-фельдмаршалъ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ. Выборъ этотъ произведенъ былъ по предложенію Главнаго Попечителя, «дабы отъ непредвидимыхъ какихъ заключеній, въ случаѣ его отбытія отъ сей должности, не могло пресѣчься теченіе полезныхъ обществу дѣлъ Воспитательнаго Дома и тѣмъ самымъ не была-бъ ослаблена твердость благонамѣрен-

¹⁾ Письмо Гл. Попечителя въ Моск. Оп. Совѣтъ 9-го апрѣля 1776 г.

²⁾ Имена первыхъ приглашенныхъ, а также и отзывы ихъ, напечатаны въ I томѣ «Собранія учрежденій и предписаній» на стр. 473.

³⁾ Архивъ Спб. Оек. Совѣта: «Тринадцать копій съ предложеній Гл. Попечителя» и дѣло по Канц., по разн. предметамъ, № 923. А. П.

ныхъ учреждений». Въ избраніи участвовали, кромѣ Почетныхъ Благотворителей, всѣ Опекунны, за-Опекуны и Попечители, находившіеся въ то время въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, но избирательный листъ подписанъ одними лишь Почетными Благотворителями съ Главнымъ Попечителемъ во главѣ ихъ. На томъ же листѣ росписался и князь Голицынъ въ принятіи на себя возложеннаго званія, въ слѣдующихъ словахъ: «Преисполненъ будучи чувствительнѣйшею благодарностью за благосклонность, съ каковою Почетные Благотворители удостоили меня избрать въ Преемники Главнаго Попечителя, я за долгъ себѣ всегда постав-лять буду наирачительнѣйше соответствовать возложенному на меня столь лестному званію и довѣренности». ¹⁾ Но кн. Голицыну (род. въ 1718 † 1783 г.) не пришлось вступить въ должность Главнаго Попечителя: Бецкой пережилъ его также, какъ и второго своего Преемника, кн. Александра Алексѣевича Вяземскаго (род. въ 1727 † 1793 г.), утвержденаго въ этомъ званіи по докладу императрицѣ 9-го апрѣля 1785 г. ²⁾ За то третій Преемникъ, гр. Христофоръ Сергѣевичъ Минихъ, — о которомъ у насъ будетъ рѣчь впереди, — еще при жизни Бецкаго сдѣлался фактически главнымъ начальникомъ Воспитательныхъ Домовъ, по личному выбору императрицы, не только мимо генеральнаго собранія Почетныхъ Благотворителей, но даже и не принадлежа къ ихъ числу. Впослѣдствіи званіе Почетныхъ Благотворителей, не бывъ отмѣнено формальнымъ порядкомъ, перестало существовать на самомъ дѣлѣ: оно сдѣлалось излишнимъ съ учрежденіемъ, въ 1797 г., званія Почетныхъ Опекуновъ.

Обязанность Опекунскаго Совѣта, при Бецкомъ, состояла въ томъ, чтобы защищать Домъ во всѣхъ нуждахъ по представленіямъ Главнаго Надзирателя, хранить казну, свидѣтельствовать счета приходовъ и расходовъ, и наблюдать, въ особенности, чтобы никто не нарушалъ привилегій Воспитательнаго Дома, а также не злоупотреблялъ ими, ибо подобное злоупотребленіе могло бы «подать причину къ уменьшенію привилегій, либо къ отнятію нѣкоторой части оныхъ». При договорахъ и обязатель-

¹⁾ «Извѣстія Имп. Воспит. Дома на апрѣль и май 1778 г.» (II томъ «Собранія извѣстій», стр. 71—72).

²⁾ Архивъ Моск. Опек. Совѣта, бархатная книга, въ нарчевой отдѣлкѣ, подъ названіемъ: «Въ память потомству».

ствахъ, Опекунскій Совѣтъ долженъ былъ наиточнѣйше наблюдать, чтобы его словесныя обѣщанія также свято исполнялись, какъ и письменныя. «Вѣрность и постоянство — говорилось по этому поводу въ уставѣ — хотя бы вездѣ исчезли, въ нашемъ Домѣ непремѣнно быть должны. Мы всегда больше выиграемъ терпя нѣсколько, нежели причиняя другимъ досаду; того для, при всякомъ случаѣ, когда распря, и наипаче въ маломъ дѣлѣ, послѣдуетъ, — лучше уступать, нежели обоюдное утверждать право; только бы чрезъ то привилегіямъ ущерба не было. Таковыми поступками сыщемъ, безъ сомнѣнія, у всего общества повѣренность, любовь и почтеніе къ порученному намъ мѣсту. Съ нашей будутъ стороны всѣ честные люди (курсивъ въ подлинникѣ), и въ случаѣ нужды могутъ поддерживать и защищать сей Домъ, въ которомъ сколь правила жизни безпорочны, столь и нравы безпристрастны. Избѣжимъ многихъ судовъ и споровъ, да и польза сего мѣста отъ насъ необходимо требуетъ всячески остерегаться оныхъ». Вообще Бецкой находилъ, что такъ какъ члены Опекунскаго Совѣта, при широкихъ правахъ, имъ предоставленныхъ, «никакимъ почти другимъ, какъ только естественнымъ подвержены законамъ, то и всѣмъ ихъ поступкамъ по праву естественному и по чело-вѣколюбію происходить должно». «Неподвижнымъ правиломъ и примѣромъ — говорилъ онъ — надлежитъ намъ себѣ установить, чтобы всѣмъ людямъ безъ изыятія таковую же воздавать справедливость, какой бы мы себѣ въ подобныхъ случаяхъ отъ другихъ требовали, и чтобы собственная наша совѣсть строгимъ была надъ нами судью». По этимъ гуманнымъ и логическимъ соображеніямъ, всѣ «приказные обряды», всякая формальная и казуистическая постановка вопросовъ съ цѣлю не рѣшить ихъ, а только запутать, — строго осуждались Бецкимъ, какъ въ его уставахъ, такъ и въ письмахъ къ опекунамъ. Обыкновенныя собранія опекуновъ полагались сначала по одному разу въ недѣлю или, смотря по дѣламъ, два раза въ мѣсяць — въ первый понедѣльникъ и въ послѣднюю субботу. Но и сверхъ этихъ собраній каждый опекунъ, по требованію устава, «налагалъ на себя особый долгъ отъ душевспасительной ревности неусыпно стараться обо всемъ, что служить можетъ къ приращенію кредита и благополучію сего заведенія». «Не ипаче сіе произвести можно — объяснялось далѣе въ уставѣ — какъ питая всегда въ сердцѣ

своемъ истинное человеколюбіе и собогѣзнованіе, отвращая звѣрскія злодѣянія и худые толки, кои происходятъ отъ людей, непорядочно живущихъ, и отъ заблужденныхъ сердець, преклоняя ихъ съ любовію къ милосердію, къ великодушному призрѣнію, къ жалости, къ щедротамъ, къ вспомошествованію бѣдствующему ближнему и невиннымъ младенцамъ, всякой помощи лишеннымъ.»¹⁾ Съ увеличеніемъ дѣлъ Опекунскаго Совѣта по воспитанію дѣтей и по финансовымъ оборотамъ Сохранной и Ссудной Казны, должно было увеличиваться и число присутственныхъ дней, а въ 1780 г. Бецкой предписалъ уже держаться такого правила: «Хотя и надлежало бы гг. членамъ имѣть присутствіе всякій день до обѣда и послѣ обѣда ...но дабы оставить усердію лучше дѣйствовать и сверхъ узаконеннаго, нежели предписанное, въ разсужденіи многихъ причинъ, почитать тягостнымъ, и полагается ежедневное собраніе до обѣда отъ 8-ми часовъ до второго часа; въ ломбардныя-жъ и аукціонныя дни хотя и разумѣется, чтобъ собираться послѣ обѣда, но то также, какъ выше сказано, предоставляется самоизвольному усердію гг. членовъ; но въ случаѣ какого важнаго дѣла, не терпящаго отлагательства, непременно съѣзжаться послѣ обѣда или, и не выѣзжая изъ присутствія, окончатъ оное». При отлученіи опекуновъ изъ города, уставъ заботился о томъ, чтобы въ Совѣтѣ оставалось не менѣе 3-хъ, т. е. не менѣе повиннаго числа засѣдающихъ членовъ.»²⁾

Подъ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ Опекунскаго Совѣта происходили всѣ служебныя дѣйствія старшаго лица въ Домѣ — Главнаго Надзирателя. «Мужъ честный, трудолюбивый, въ воспитаніи дѣтей искусный, тако-жъ знающій силу въ нужнѣйшихъ мастерствахъ, руководѣніяхъ и домостроительствѣ (т. е. домашнемъ хозяйствѣ)», — Главный Надзиратель управлялъ одинъ — по выраженію устава — «какъ отецъ въ Домѣ», и всѣ остальные служащіе состояли въ его власти. «Онъ обо всемъ вѣдаетъ, отъ него одного и отвѣта требовать должно». Опекунскій Совѣтъ ему одному, а не подчиненнымъ его даетъ приказанія и наблюдаетъ, чтобы въ исполненіи Генеральнаго Плана и данной Главному Надзирателю инструкціи ничего упущено не

¹⁾ Генер. Планъ, ч. I, гл. I, § 2; ч. II, гл. I, §§ 1 и 10, и гл. 2, §§ 3—8.

²⁾ Генер. Планъ, ч. I, гл. I, § 2.

было.¹⁾ Поэтому предписано было, безъ важной причины, не требовать въ Совѣтъ подчиненныхъ Главнаго Надзирателя, — а того меньше допускать бѣгать въ дома къ членамъ Совѣта или ходить къ нимъ съ представленіями, ибо изъ того слѣдуютъ непорядки, упущенія въ должности и причины наказаній, коимъ они себя подвергаютъ, какъ непокорные». Уставъ не требовалъ, чтобы Главный Надзиратель былъ непременно ученый человѣкъ, еще меньше желалъ Бецкой, чтобы это было знатное лицо со связями во вліятельной средѣ: «потребенъ — по словамъ Генеральнаго Плана — человѣкъ, разумъ имѣющій, здравыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, мысли вольныя, нравъ къ работѣ непреклонный; говорить долженъ какъ думаетъ, а дѣлать — какъ говоритъ; отъ неправды и притворства, при всякомъ случаѣ, убѣгать (долженъ) какъ отъ самыхъ мерзкихъ дѣлъ» (курсивъ въ подлинникѣ).²⁾ Что же касается до обращенія его съ подчиненными, то инструкція гласила, «чтобы онъ съ чиновными обходился, какъ съ друзьями, а съ нижними служителями, какъ съ людьми; слѣдовательно приводилъ бы ихъ любовью и дружескими поступками къ исполненію должности: скорѣе достигнетъ онъ до намѣренія своего симъ способомъ, нежели повелительнымъ видомъ, что законамъ учрежденія нашего совсѣмъ противно; выискивать долженъ сокровенныя сіи средства, кои заставляютъ подчиненныхъ съ любви къ командиру своему бояться и почитать его».

Существеннѣйшая забота Главнаго Надзирателя должна была простирается на дѣтей, вѣранныхъ его надзору: ихъ нравственное образованіе, обученіе и выборъ ремесла, соотвѣтственно природнымъ склонностямъ каждаго питомца, составляли какъ бы центръ тяжести въ обязанностяхъ администратора Воспитательнаго Дома. «Въ юношахъ — говорится въ инструкціи — Главный Надзиратель весьма внимательно испытывать долженъ склонности, душевныя и тѣлесныя ихъ силы, и какія точно науки каждому изъ нихъ приличествуютъ. Ни къ какому не принуждать ихъ искусству, ибо чрезъ то совершенными мастерами никогда не будутъ. Отечество наше и весь свѣтъ наполнены, и безъ того, не-

¹⁾ Инструкція Главн. Надзирателю напечатана во 2-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи Моск. В. Дома».

²⁾ Генер. Планъ, ч. I, гл. I, § 4; ч. II, гл. 3, § 6—12.

искусными художниками, которыхъ въ Домѣ нашемъ и умножать не надобно. Однакожь надзирателямъ должно обращать благо-разумно склонности въ своихъ питомцахъ, чтобъ каждый выбралъ себѣ ремесло, приличное душевнымъ и тѣлеснымъ своимъ силамъ, непримѣтно воспрещать немѣющимъ достаточнаго смысла опредѣлять себя къ изящнымъ искусствамъ, ибо таковыя всегда прерзительными будутъ художниками. Кто крѣпкаго отъ природы сложенія, тому не слѣдуетъ быть портнымъ или парикмахеромъ; напротивъ того, склонности тѣхъ, кои слабы отъ природы; вести должно такъ, чтобъ кузнечнаго мастерства себѣ никогда не выбирали. Благоразуміе Главнаго Надзирателя важному сему дѣлу наибольше способствуетъ». Кроткія мѣры, ласковое и полное любви отношеніе къ дѣтямъ положены были въ основу ихъ моральнаго воспитанія, и Главный Надзиратель стоялъ на стражѣ этого благодушнаго и истинно-педагогическаго направленія дѣла. «Единожды навсегда — предписано въ уставѣ — ввести въ сей Домъ неподвижный законъ и строго утвердить: никогда и ни за что не бить дѣтей, ибо не удары въ ужасъ приводятъ, но страхъ умножается въ нихъ отъ рѣдкости наказаній, что есть самое дѣйствительное средство къ ихъ поправленію, да и по физикѣ доказано, что бить дѣтей, грозить имъ и бранить, хотя и причины къ тому бываютъ, есть существенное зло. Кромѣ того, что сіе дѣлаетъ пережвну въ ихъ здоровьѣ, слѣдовательно, и въ живости естественной, становятся чрезъ то мстительны, притворны, обманщики, угрюмы и нечувствительны. Сердца ихъ ожесточаются, въ нравахъ лишаются кротости, которая есть мать человѣчеству». «Когда обходиться стануть — продолжаетъ патетически уставъ въ другомъ мѣстѣ — съ питомцами, какъ съ рабами, — не только вкоренять въ нихъ то же, что рабамъ прилично, но чрезъ то ввергнуть ихъ въ погубель толь великую, что можно уже тогда сказать справедливо: «о коль бѣдны сіи созданія! для чего не сдѣлано имъ лучшаго, для чего не оставлены судьбинѣ, которая бы, можетъ быть, предала ихъ звѣрямъ на терзаніе?»¹⁾ Уставъ запрещалъ тѣлесныя наказанія «и надъ самыми нижними служителями, дабы юношество не приобучить къ суровости». Изъ этого правила не исключались и

¹⁾ Генер. Планъ, ч. 3, гл. XI и XII.

крѣпостные люди, принятые на службу въ Домъ: «необходимость требуетъ—по словамъ Генеральнаго Плана—чтобы всѣ господа начальники поступали съ ними пріятно, ласково и съ учтивствомъ, дабы такое обхожденіе поверженный ихъ духъ возвышало и чрезъ то бы въ благополучіе себѣ вмѣняли быть въ семъ Домѣ». ¹⁾ Кромѣ воспитательно-административной части, Главный Надзиратель завѣдывалъ также хозяйствомъ Дома и ежемѣсячно представлялъ въ Опекунскій Совѣтъ провѣренныя и подписанныя имъ счетныя книги эконома. Эти счета, «ежели найдутся вѣрны и исправны», утверждались членами Совѣта. Въ Опекунскомъ Совѣтѣ Главный Надзиратель не присутствовалъ постоянно, но «только по однимъ своимъ совѣтамъ и представленіямъ, касающимся до онаго Дома», и въ такомъ случаѣ пользовался голосомъ на правахъ члена. Постоянное присутствіе въ Совѣтѣ Главнаго Надзирателя отвлекало бы его, по мнѣнію Бецкаго, отъ исполненія прямыхъ обязанностей по Дому, вслѣдствіе чего, предписывая однажды Главному Надзирателю Московскаго Воспитательнаго Дома, Эссигу, принять ближайшее участіе въ засѣданіяхъ Опекунскаго Совѣта, по недостатку положеннаго числа опекуновъ, Бецкой и тутъ сдѣлалъ оговорку: «чтобъ приглашаему быть ему (Эссигу) тогда, когда, по важности дѣла, потребуется надобность въ чемъ-либо съ большимъ количествомъ персонъ разсужденія или же и во время свободности отъ упражняющихся по должности его дѣлъ, дабы одно другому не могло препятствовать». ²⁾ Приказанія Главному Надзирателю давались только отъ имени дѣлаго собранія Опекунскаго Совѣта, но никто изъ членовъ Совѣта не имѣлъ права «одинъ, самъ собою» предписывать что-нибудь къ исполненію. Даже по отношенію къ предписаніямъ коллегіи Опекунскаго Совѣта, Главный Надзиратель пользовался правомъ протеста, если они оказывались противны плану или инструкціи, «либо явно вредительны» Воспитательному Дому: о такихъ предписаніяхъ Главный Надзиратель

¹⁾ Генер. Пл., ч. 1, гл. V, § 10 и ч. 3, гл. VIII.

²⁾ Письмо Гл. Попечителя въ Моск. Опек. Совѣтъ отъ 2-го авг. 1776 г.—Но 15-го септ. 1777 г., по выборѣ новыхъ опекуновъ, Бецкой писалъ объ увольненіи Эссига отъ обязательнаго присутствія въ Совѣтѣ. Такимъ же образомъ, по случаю отъѣзда 3-хъ опекуновъ въ деревню, приглашаемъ былъ временно къ засѣданію въ Моск. Совѣтѣ Гл. Надзиратель С. Н. Насоновъ. (Дѣло по Канц. Сиб. Опек. Сов., № 31—1).

немедленно доводилъ до свѣдѣнія Главнаго Попечителя, которому и предоставлялось разрѣшить спорный вопросъ. Вторымъ лицомъ въ Домѣ, послѣ Главнаго Надзирателя, была Главная Надзирательница, которой принадлежало «смотрѣніе за всѣмъ женскимъ поломъ во всемъ Домѣ и за воспитаніемъ младенцевъ обоого пола до 6-ти и 7-ми лѣтъ». Главный Надзиратель слѣдилъ за ея дѣйствіями и, во всѣхъ случаяхъ, подавалъ ей полезныя совѣты, такъ какъ «отъ общаго ихъ дружелюбія похвальное домостроительство учреждается». Опекунскій Совѣтъ не опредѣлялъ Главной Надзирательницы безъ согласія Главнаго Надзирателя, но и послѣдній не принималъ никого въ надзирательницы или воспитательницы въ Домѣ безъ ея утвержденія. Затѣмъ, въ іерархическомъ порядкѣ администраціи, слѣдовалъ (по предписанію 2-й части Генеральнаго Плана) помощникъ Главнаго Надзирателя, носившій также названіе цензора. Ему поручалось преимущественно наблюденіе за воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей съ предписаніями Генеральнаго Плана: онъ обязанъ былъ устранять худыя примѣры, проистекающіе отъ порочной жизни воспитателей или служителей и «изяснять узаконенные способы» къ наставленію дѣтей. Онъ же отправлялъ, «когда надобно», должность контролера. Четвертымъ начальникомъ въ Домѣ былъ экономъ,¹⁾ пятымъ — экспедиторъ, производившій письменныя дѣла при Совѣтѣ или, лично, при Главномъ Надзирателѣ, по его требованіямъ.

Въ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, при откритіи его подъ именемъ Отдѣленія, Главному Надзирателю соотвѣтствовалъ Директоръ съ тою, впрочемъ, разницею, что послѣдній постоянно присутствовалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и руководилъ, главнымъ образомъ, дѣлами. Мѣсто Главной Надзирательницы заняла просто Надзирательница, получавшая «полезныя совѣты и повелѣнія» отъ Директора и, вообще, поставленная къ нему въ болѣе подчиненныя отношенія, чѣмъ Главная Надзирательница къ Главному Надзирателю. Подъ ближайшимъ начальствомъ надзирательницы находился весь женскій персоналъ Дома—на первое время только кормилицы, няньки и служительницы. Когда же, съ увеличеніемъ штата Дома, появились и воспитательницы, то онѣ по-

¹⁾ Генер. Планъ, ч. I, § 5 и 6; ч. II, § 12 — 17.

лучили свою особую инструкцію. (Приложенія № 1 и 2). Инструкція эта, судя по тому, что въ ней упоминается должность Оберъ-Директора, установленная въ 1780 г., возникла, вѣроятно, около этого времени. Въмѣсто Опекунъ, мы встрѣчаемъ въ Спб. Отдѣленіи за-опекунъ — званіе, которое не упоминается еще ни въ первой, ни въ послѣдующихъ частяхъ Генеральнаго Плана, но внесено въ Дополненіе къ нему, какъ предварительная ступень къ опекунству, оставаясь на которой за-опекунъ уже пользовался привилегіями опекуна, хотя бы и не несъ еще никакой дѣйствительной службы. Фактически же званіе это—если не считать единственнаго случая принятія его въ 1766 г. капитаномъ Дурново¹⁾ — утвердилось съ 1770 г., т. е. со времени открытія Спб. Воспитательнаго Дома, и утвердилось одновременно въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. Изъ за-опекунъ положено было, въ Дополненіи къ Генеральному Плану, замѣщать опекунскія вакансіи, а такъ какъ за-опекунъ могъ быть ниже чиномъ коллежскаго совѣтника, то вскорѣ цenzъ этотъ былъ пониженъ и для дѣйствительныхъ членовъ Опекунскаго Совѣта. Какъ за-опекуну, такъ и Опекуну — по силѣ того-же Дополненія къ Генеральному Плану—стали подвергаться ежегодному балотированію «во увѣреніе обществу о исправномъ отправленіи ихъ должности». Въ балотировкѣ участвовали и ей же подвергались, вмѣстѣ съ Опекунами, Главные Надзиратели, — а съ 1778 г. и Главныя Надзирательницы²⁾ должны были ввѣрять свою судьбу избираемой уриѣ на томъ основаніи, что и онѣ, наравнѣ съ Главными Надзирателями, принадлежали къ числу лицъ, которыхъ «поведеніе и обхожденіе» могло имѣть большое вліяніе на развитіе или упадокъ заведенія. Двѣ трети бѣлыхъ шаровъ утверждали балотируемаго въ его званіи, двѣ трети черныхъ — исключали изъ него. Къ произнесенію приговора посредствомъ балловъ приглашались, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, Почетныя Благотворители и нѣкоторые изъ попечителей, имѣвшіе штабъ-офицерскій чинъ.³⁾ Попечителями назывались — по опредѣленію 1-й части Генеральнаго Плана—такія лица, которыя предлагали свои услуги для сбора подаваній на Воспитательный Домъ, а «особ-

¹⁾ Архивъ Моск. Опек. Совѣта, бархатная кнѣга. № 1.

²⁾ Письмо Гл. Попечителя въ Моск. Оп. Совѣтъ, 19-го окт. 1778 г.

³⁾ Собраніе учрежд. и предписаній, томъ I, стр. 367, примѣчаніе.

живо-жъ для защищенія вышедшихъ изъ онаго Дома обоего пола дѣтей». Этимъ же званіемъ облакались и благотворители, принявшіе на себя обязанность воспитывать до извѣстнаго возраста незаконнорожденныхъ дѣтей и отсылать ихъ затѣмъ въ Московскій или Петербургскій Воспитательный Домъ. Попечители получали «благодарный видъ» отъ имени Опекунскаго Совѣта, имена ихъ публиковались въ вѣдомостяхъ, а если они, при томъ, назначали отъ себя крупное пожертвованіе, то и портреты ихъ выставлялись въ Домѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ II-й ГЛАВѢ.

I.

Инструкція Надзирательницѣ С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Воспитательнаго Дома.

Главнѣйшимъ предметомъ почитается не удалаться челоуѣколюбія; тѣмъ болѣе оноо нужно, что смотрѣніе поручаемое клонится къ сохраненію безгласныхъ младенцевъ и къ соблюденію отъ погнбелн беременныхъ женщннъ. И потому:

1) Приносныхъ въ оный Домъ младенцевъ, которые чрезъ привратника по данной ему инструкціи принимаемы бываютъ, относятся въ крестильную палату, гдѣ ни мало медля, освидѣтельствовавъ бабушкой, содержать здоровыхъ до крещенія въ оной, а прочихъ сообщать съ другими въ одну залу, а слабыхъ, буде найдутся, въ больницу; если же въ какой-либо опасной болѣзни, то отдѣлять тѣхъ особо, приставивая, какъ въ здоровымъ, такъ и другимъ, кормилицъ.

2) О пищѣ, какою оныхъ содержать, которыхъ кормилицъ доставать не будетъ и какъ съ тѣми поступать, слѣдуя предписанію, назначенному въ 3-й части 2-му оглавленію, сдѣлать съ общаго согласія съ директоромъ единственно навсегда учрежденіе и потому исполнять.

3) Если-жъ изъ приносныхъ младенцевъ случится не крестить и въ томъ обстоять будетъ надобность, то, призвавъ священника, по силѣ Генеральнаго Плана, части I, гл. 2, § 3, исполнить должное.

4) Всѣмъ дѣтямъ сущію должна быть матерью, ежечасно смотрѣть на обхожденіе кормилицъ и нянекъ: въ свое-ль время оными кормлены бываютъ и спать кладутся, не дѣлають-ли въ томъ принужденія какого или въ забавахъ запрещенія, что весьма препятствовать можетъ ихъ здоровью и отъ того отвращать. Почему:

5) Нужно, чтобъ кормилицы и няньки всегда въ веселомъ духѣ обращались, грусти и унынія отнюду не имѣли; оттого лучше надѣяться можно, что и присмотръ надлежащій съ пристойнымъ стараніемъ прилагаемъ будетъ, и дѣти оскорбленія не почувствуютъ.

6) Но не одна лица и присмотръ жизнь младенческую содержать, а нужна

для тѣхъ чистота и опрятность, которая не только наблюдается въ одеждѣ и въ содержаніи ихъ, но и въ самыхъ комнатахъ съ менышнимъ присмотромъ исполняется, отчего разныхъ многихъ болѣзней избѣжать будетъ можно. И для того:

7) Каждое утро всѣхъ ребятъ (кромя грудныхъ) купать въ холодной водѣ, выключая вспотныхъ, неотвѣнно; въ загѣ и во всѣхъ покояхъ чтобъ всегда былъ свѣжій воздухъ, а въ случаѣ надобности, отъ худого воздуха въ покояхъ избавляться и что нужно къ тому употреблять, поступаая по назначенному въ 3-й части, 2-му оглавленію, а особливо «Физическимъ примѣчаніямъ»¹⁾ во всемъ непремѣнно.

8) Всякое дѣтское платье, бѣлье и прочее нужное, получая отъ экономства записывать въ данную книгу въ приходъ и распределяя оное нянькамъ, смотрѣть, чтобъ на дѣтяхъ всегда чистое было и не утрачено и сохранено въ порядкѣ.

9) Приносимое съ дѣтьми платье содержать особо и, отобравъ годное, употреблять, а изъ оныхъ шапочки и платица хорошихъ матерій надѣвать по воскреснымъ днямъ на тѣхъ дѣтей, съ коими принесены.

10) Злоупотребленіе-же, какъ вредное обществу, отвращать и не допускать вкореняться оному; въ нужныхъ же распоряженіяхъ, принадлежащихъ до своей должности, получая полезныя совѣты и повелѣнія отъ директора, неуспшно стараться о благосостояніи Дома и чрезъ общее дружелюбіе составлять похвальное домоуправленіе.

11) Въ ея власти состоятъ кормилицамъ и нянькамъ, и всѣмъ женскаго пола служительницамъ, которыхъ, по усмотрѣнію своему въ тѣхъ надобности, принимать, а излишнихъ или зачѣмъ-либо неспособныхъ отпускатъ; въ томъ числѣ разумѣется и о тѣхъ, которыя при Родильномъ Госпиталѣ.

12) А какъ при семъ Домѣ открыта Госпиталь, въ которую роженицы входятъ по показанію привратника безъ всякаго спрашиванія кто онѣ таковыя, то опредѣленная къ тому бабка оныхъ принимаетъ и между ими осматриваетъ съ великою осторожностію; подлинно-ль пришедшая беременна? наблюдая, чтобъ подъ тѣмъ предлогомъ другія никто войти не могли, дабы изъ того не учинилось, чрезъ оплошность, какого-либо несчастнаго случая, и таковыя, если найдутся, прстойнымъ образомъ высылаемы бывають, въ чемъ, такжеже, какъ и во всемъ, (надзирательница) спомоществуетъ согласнымъ порядкомъ въ пользу тѣхъ и другихъ.

13) Надзирательница сколь должна быть разсудительна, столь человѣколюбива; ея добраго сердца знакомъ быть имѣють кротость и великодушіе. Она всѣхъ принимаетъ благосклонно,²⁾ все нужное приготовляетъ, покоить и пи-

¹⁾ Въ «Физическихъ примѣчаніяхъ» говорится: «Стараться должно, чтобы дѣти были на вольномъ и свѣжемъ воздухѣ, который бы всегда въ покояхъ перемѣнялся могъ... не допускать ихъ быть долго тамъ, гдѣ воздухъ не довольно перемѣняется (§ 13 и 78). Въ 3-й части Генеральнаго Плана предписано: «Не допускать въ одной комнатѣ или въ одной спальнѣ, гдѣ всѣ двери и окна затворены, спать большому числу дѣтей съ приставниками, ибо воздухъ оттого ночью заражается. Весьма пужно разбирать количество людей по пространству мѣста и по количеству воздуха». (Собраніе учрежд. и предписаній, т. I, стр. 209).

А. П.

²⁾ Въ «Генеральномъ Планѣ» читаемъ: «Ни единой бѣдной женщины кормилицы или служанки унѣ что жать, ниже подмыи и презрѣнія достойными

щедо довольствуется, обходясь честно, не жагѣя требуемаго; по представленіямъ же бабки и по согласію съ оною, отмѣляеть лишніа и ненадобныа издержки.

14) Если-жѣ потребуется по крайней и необходимой надобности лекаръ или священникъ, то тѣхъ, обще съ бабкою, вводитъ въ Родильную Госпиталь съ крайнею осторожностію, чтобъ онымъ другіхъ усмотрѣть было не можно.

15) Свято хранить вѣрнѣю ей тайность, не открывая оной кому не надлежитъ; въ прочемъ имѣеть поступать безпристрастно, по чистой совѣсти, не ища користи и оказывая всѣмъ сколько можно человеколюбіе и благопристойность, какъ долгъ честнаго человѣка и Домъ сей необходимо требуютъ, давая своими похвальными поступками и подчиненнымъ примѣръ. Въ противномъ же случаѣ отвѣтствовать и мѣста своего лишена быть имѣеть.

16) Но при всемъ своемъ управленіи всегда памятовать должна, что Домъ сей содержится отъ подаяніа благотворительныхъ особъ, почему и стараться должно во всемъ наблюдать похвальную экономію, нужнаго не оставлять, а излишняго—не употреблять. Въ прочемъ же во всемъ основаніемъ принимая Генеральный Планъ, состоящій въ трехъ частяхъ, и «Физическіа примѣчанія», онымъ безъ упущенія слѣдовать.

Если-жѣ, по усмотрѣнію обстоятельство, что потребуется къ дополненію сей инструкции, то предписываемое отъ засѣданія и сообщаемое отъ г. директора въ равной силѣ содержать и исполнять. Иванъ Бецкой.

Генваря 1-го числа 1772 г.

(Дѣло по Канц. Спб. Опек. Сов. по разн. предм. «Объ учрежденіи Спб. Отдѣленія» № 66, связка 1).

II.

Наставленіе воспитательницамъ Отдѣленныхъ дѣтей обоего пола.

(Черновая, безъ означенія года, писана рукою Я. Б. Княжнина. Документъ этотъ совершенно выцвѣлъ отъ сырости).

1) Поутру въ 6 часовъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, каждая воспитательница имѣеть здоровыхъ дѣтей со всякою кротостію пробуждать отъ сна и во время холодной погоды приказывать приставницамъ обувать тѣхъ, кои сами не могутъ; прочіе же, которые въ состояніи, должны сами обуваться, только надлежитъ наблюдать, чтобъ оное съ надлежащимъ порядкомъ происходило, дабы сами дѣти порядку научались. Во время теплой погоды, лѣтомъ, должны они ходить босые, въ одной рубашкѣ, только съ передникомъ, въ чемъ вся ихъ одежда должна состоять.)

признавать ей (надзирательницѣ) не должно, ибо и самаго нижняго чина люди, содѣйствующіе общему благополучію, великой цѣны (курсивъ въ подлинникѣ) достойны. Кто презираеть ихъ, тотъ самъ, какого бы рода ни былъ, недостойнъ начальствовать оными». (Ч. 2, гл. 3, § 13).

А. П.

1) На счетъ одежды и обуви дѣтей въ «Генеральномъ Планѣ» предписано: «Всѣ тугія завязки и узкая обувь дѣтямъ вредительны, препятствуютъ свободному теченію крови и слѣдовательно тѣло въ слабость приводятъ. У дѣтей отъ природы больше жару, нежели у взрослыхъ; для того надобно быть одѣванію легкому, чтобы ихъ не горячдо». (Ч. 3, гл. 2).

А. П.

2) Должно весьма наблюдать, чтобъ каждое дитя поутру лицо и руки мыло, ротъ чистило, полоскало,¹⁾ зубы чистою мокрою губкою вытираю, высушало, и послѣ-бъ вычесано было; чтобъ ногти на рукахъ и ногахъ, когда выростутъ, были обрѣзаны, а потомъ, если нужно, одѣвать ихъ или только передники при-вязывать.

3) Послѣ того всѣхъ ихъ выводить на молитву. Въ мальчикамъ долженъ взрослый мальчикъ, а въ дѣвочкамъ взрослая дѣвочка приходить, которымъ утреннюю молитву съ «Отче нашъ» и съ прочими приличными молитвами по книгѣ прочитывать. Воспитательница должна смотрѣть, чтобъ все, сколько возможно, съ подлежащею пристойностію происходило, какъ того такое святое дѣло требуетъ. Почему надлежитъ имъ самимъ, какъ и приставницамъ, подавать въ томъ добрый примѣръ. Послѣ одѣванья и молитвы попарно выводить ихъ въ хорошую погоду²⁾ на дворъ, а въ дурную—въ залъ, гдѣ производить имъ дѣтскія игры, состоящія въ прыганьи, бѣганьи и въ прочемъ, что служить къ укрѣпленію ихъ членовъ.

4) Въ 7 часовъ давать имъ завтракъ; оный состоитъ въ хорошемъ, сытномъ, свѣжмъ масломъ помазанномъ, хлѣбѣ. По воскреснымъ днямъ давать имъ пшеничный хлѣбъ, а иногда свѣжее молоко съ теплою отварною водою и съ хлѣбомъ.

5) Послѣ завтрака, въ хорошую погоду, должны дѣти быть на дворѣ, гдѣ они безпрепятственно начинаютъ опять свои дѣтскія игры. Только воспитательницамъ должно то наблюдать, чтобъ въ тѣхъ играхъ не случилось поврежденія тѣлу. Впрочемъ, замки и двери въ Домѣ такъ учреждены, что всѣ дѣти свободны, если того захотятъ, выйти на дворъ, несмотря на то мекрала-ль или холодная погода, ибо такіа дѣти сами собою охотно лучше въ залѣ быть пожелаютъ, когда ихъ погода беспокоитъ.

6) Воспитательницы имѣютъ, каждое утро, слабыхъ и больныхъ дѣтей от-

¹⁾ Въ «Генер. Планѣ» читаемъ: «Ежели у дѣтей рубашки и прочая одежда нечиста, буде голова не вытерта, ноги и руки не мыты ежедневно,—слѣдуютъ разныя болѣзни отъ гнилости, которая умножается, чѣмъ больше дѣтей въ одномъ мѣстѣ находится. Оттого-жъ, по примѣчаніямъ испытателей природы, приключаются короста, цынга, болѣзни въ головѣ, въ очахъ, въ ушахъ и пр.» (Ч. 3, гл. 2).

А. П.

²⁾ Въ «Физическихъ примѣчаніяхъ» сказано: «Классъ дѣтей спать ранѣе, и поутру, на зарѣ, выводить на свѣжій воздухъ, когда только возможно. Наблюденіе сего правила, какъ для прохладженія крови, такъ и для укрѣпленія тѣла, весьма нужно и полезно». О дѣтскихъ играхъ выражено такое мнѣніе: «Въ прыганіи и въ увеселеніи должно проходить дѣтскимъ лѣтамъ. Забавамъ пренятствовать отнюдь не должно и не только не принуждать дѣтей быть въ покоѣ противъ ихъ склонности, но надобно вымышлять и изыскивать перемѣнное упражненіе ихъ тѣлу и духу, ибо, если вдалутся въ уныніе, то весь свой вѣкъ будутъ слабѣть и сохнуть»... «приучать дѣтей въ обыкновенныхъ играхъ дѣйствовать обѣими руками, напр. играть въ кегли, бросать далеко камнями въ цѣль, бороться и пр. (§§ 80 и 82). Кромѣ того, въ 3-й части Генеральнаго Плана, во 2-й главѣ, рекомендуется для дѣтей стрѣланіе изъ лука, которое «много здоровьемъ способствуетъ, приводитъ въ движеніе всѣ мышцы въ рукахъ, въ плечахъ, въ груди и въ спинѣ, расширяетъ грудь, отчего раздается и легкое, помогаетъ обращенію крови и пр.»

А. П.

правлять въ лазаретъ и оныхъ, чрезъ приставницу, надзирательницѣ лазарета отдавать, при чемъ должно кратко словесно увѣдомлять, что при болѣзни примѣчено.

7) Какъ скоро дѣти изъ своей спальни выдутъ, то надлежитъ окна дѣтотъ и осенью открывать, соломенные матрацы ¹⁾ выколачивать, комнаты вычищать, пыль съ оконъ, печей, панелей стирать, умывальники чистить и полотенца положить. Тогда класть простыни и покрывала на матрацы, и чтобы цѣлый день окна были открыты или, когда погода того не дозволяетъ, то нѣсколько оныхъ открывать, дабы тѣмъ движенію воздуха способствовать.

8) Обѣду быть въ 11 часовъ. Паче всего воспитательницы должны наблюдать, чтобы были сохраняемы: при молитвѣ — благопристойность; чистота и порядокъ — при кушаньѣ.

9) При всякомъ случаѣ помы должны быть разлучаемы, и каждый помы долженъ между собою особо по-парно ходить. Сіе надлежитъ такъ точно исполнять, чтобы сей порядокъ съ ихъ возвышающимся возрастомъ сдѣлался привычкою.

10) Какъ между дѣтей бываютъ многія лѣнныя и тяжелыя, ²⁾ коп покой и сонъ любятъ, то воспитательницы и приставницѣ имѣютъ прилежно наблюдать, чтобы таковыми, шутивыми и бодрими играми или вожденіемъ ихъ, способствовать къ возбужденію. Паче всего примѣчено быть, что послѣ кушанья они дѣлаются сонными.

11) Въ 4 часа пополудни давать имъ поѣсть; тогда пища ихъ должна состоять въ хлѣбѣ съ зрѣлыми или вареными плодами.

12) За ужиной (sic), что должно быть въ 6 часовъ, наблюдать ту же чистоту и порядокъ, какъ за обѣдомъ.

13) Ночью такъ, какъ и днемъ, должно всѣ внутреннія двери открыты держать и, если погода позволитъ, окна за рѣшетками, въ удобныхъ мѣстахъ на всю ночь отворять. Въ холодную весну, осень и зиму должны, по величинѣ комнаты, по крайней мѣрѣ маленькія окошечки открыты быть.

14) Приставницы имѣютъ наблюдать, чтобы дѣти съ кроватей не упали, и для того должно имъ средину постели вдавливать и смотрѣть за лежаніемъ дитя (т. е. дитяти), дабы, если оное приблизится къ паденію, то отвращать перемѣною лежанія.

15) Осенью и зимою, когда свѣчи нужны, свѣчамъ горѣть въ фонаряхъ, докуда дѣти лягутъ; тогда свѣчи въ фонаряхъ гасить, а вмѣсто ихъ, въ пристойныхъ мѣстахъ, зажигать ночники.

16) Если приставницы имѣютъ работу для себя или для Дома, то тремъ или четверемъ работницамъ за однимъ столомъ дается свѣча, которую ставятъ имъ въ большой плоскій подсвѣчникъ и имѣть щипцы: сниманіе нагорѣлой свѣтлыни пальцами и бросаніе оной на полъ должно имъ запрещено быть.

17) Спальни топить въ холодное время не прежде, какъ дѣти изъ оныхъ

¹⁾ Въ «Физич. примѣчаніяхъ» приводится для руководства мнѣніе Локка, который совѣтовалъ: «чтобы дѣти спали на тугой постели, т. е. на соломенномъ, волосяномъ или шерстяномъ тюфякѣ». (§ 108). А. П.

²⁾ Такія дѣти подходятъ подъ разрядъ флегматиковъ, о которыхъ въ «Физическихъ примѣчаніяхъ» сказано: «Надлежитъ ихъ поощрять къ тѣлодвиженіямъ нѣсколько труднымъ, ибо онѣ склонности къ тому не имѣютъ, удалять ихъ отъ покоя, который имъ всего пріятнѣе». (§ 112). А. П.

выдуть. Дрова будутъ служителями въ ящикахъ приносимы и въ сѣни поставлены; послѣ того берутъ оныя приставницы и несутся обо всемъ топлениі печей. Дѣвка должна такъ долго при печи быть, доколѣ всѣ дрова въ угли преобразятся, дабы какого несчастія не произошло.

18) Ни въ какой комнатѣ, гдѣ дѣти находятся, не позволять въ печи варить, жарить или разогревать, дабы тѣмъ воздуха не наполнить нечистотою. Также должно рачительно за тѣмъ смотрѣть, чтобъ не было на печи и заслонкахъ жиру или сала.

19) Каждый вечеръ свѣжую воду въ чисто-выполосканныхъ бутылкахъ въ спальню приносить для успокоенія нуждъ дѣтскихъ. Также и умывальныя рукомойники каждое утро выполаскивать и чистою холодною водою наполнять.

20) Дѣтей съ сыпьями отдавать приставницѣ класть въ одну линію кровати, чтобъ здоровыя отъ нихъ не заразились. Также дѣти, у конкѣ на головѣ нечистота, должны имѣть особую приставницу, которая должна головныя ручными щетками чистить. Сія щетки должны быть хорошо спрятаны, чтобъ ихъ съ другими не перемѣшать. Такъ каждое дитя должно имѣть свою особую губку для чашенія зубовъ.

21) Крайне примѣчать, чтобъ дѣти не перемѣшались платьями, дабы платья дѣтей съ нечистыми секами не достались здоровымъ, а чрезъ то здоровыя не заразились.

22) На каждое дитя полагается четыре рубашки, четыре пары чулокъ, двѣ пары башмаковъ, четыре передника, четыре простыни и на двухъ одно полотно. Приставница каждый вечеръ перемѣняетъ чулки, и за день предъ тѣмъ носимые, весьма вывѣтренные, вытертые и выколоченные, на стулья дѣтямъ кладетъ. Также перемѣняетъ она и башмаки ежедневно.

23) Каждому дитяти давать перемѣнять въ недѣлю двѣ рубашки, двѣ пары чистыхъ чулокъ, двѣ простыни и два передника. Чулки должны быть хорошо надѣты и умѣренно завязаны. Порядокъ и чистота должны быть всеобщимъ для дѣтей примѣромъ.

24) Соломенные матрацы и подушки должны каждый мѣсяцъ быть однажды выколочены и каждые два мѣсяца новою соломой набиты.

25) Каждую недѣлю должно ихъ въ баню водить ¹⁾ и дважды въ недѣлю мыть ноги.

26) Послѣ обѣда и ужины (sic) должны дѣти себѣ ротъ выполаскивать и вечеръ, какъ и поутру, мыть лицо водою, а руки и мыломъ.

27) Воспитательницѣ всякій разъ черное бѣлье считать, имѣть оному роспись и господѣ кастеляншѣ отдавать. По той же самой росписи получаетъ она вымытое вазадѣ.

28) Какъ бѣлье зимою трудно мыть, и дѣти менѣ случая тогда къ замаранію оного имѣютъ, то можно тогда не такъ часто оное перемѣнять.

29) Воспитательницы имѣютъ преимущественнѣе всего наблюдать, чтобъ дѣти отъ приставницъ или отъ кого другого не были ничѣмъ ни обижаемы

¹⁾ О баняхъ «Физич. примѣчанія» отзывались такъ: «Всѣмъ извѣстно, что чистота способствовать здоровью и предостерегаетъ отъ болѣзни, а понеже бани российскія въ своемъ существѣ не что иное, какъ бани парныя, того для всѣмъ необходимо нужно мыться въ оныхъ всякую недѣлю». При этомъ предписывались нѣкоторыя предохранительныя правила: такъ напр. запрещалось ходить въ баню послѣ кушанья, пить въ ней холодное и пр. (§ 120). А. II.

ни огорчаемы. Грубая шутка, непристойныя рѣчи и бранныя слова не должны быть совсѣмъ въ Домѣ терпимы. Если приставницы между собою неблагопрістойно поступать станутъ, то воспитательница должна, то прекращая, дружескими и свисходительными увѣщаніями имъ, ихъ поступки представить и дать имъ уразумѣть, что какъ сердца дѣтей подобны воску, то легко дурныхъ примѣровъ могутъ получить впечатлѣнія. *) Если же которая приставница, послѣ такого увѣщанія, своего поведенія не перемѣнитъ, то воспитательница имѣетъ свою жалобу оберъ-директору предложить. Воспитательницы должны сами своими поступками любовь дѣтей и уваженіе отъ приставницъ приобрѣсти и оказывать себя дѣтямъ истинною матерью. Какъ сердца дѣтей еще никакимъ порокамъ не причастны, то надлежитъ со всевозможною осторожностью примѣчать, чтобъ онѣ о кражѣ, джи и проч. порокахъ и по названію не слышали; краткими и дружескими привѣтствіями должны сердца дѣтей къ повиненію, къ благодарности и пр. добродѣтелямъ быть обращаемы. Если дѣти въ игрѣ другъ противъ друга проступаютъ, то обидчикъ у обиженнаго долженъ прощенія просить, при чемъ ему коротко сказать: какъ бы ему непріятно было, еслибъ ему сдѣлали такую обиду.

30) Непослушныхъ и своенравныхъ дѣтей замѣчать и показывать оберъ-директору.

31) Бываютъ между дѣтей, а особливо въ такомъ множественномъ числѣ, нечистоплотныя, кои свою постель ночью мараютъ. Такихъ дѣтей поручать испытанной приставницѣ, которая ихъ въ разныя времена ночью пробуждаетъ и принуждаетъ къ нужному испражненію. Если такая приставница дитя отъ сего отвадить, то экономъ Дома имѣетъ дать ей за то награжденіе.

32) Пола въ спальнѣ, лѣтомъ и осенью, каждую недѣлю мыть однажды; но зимою только каждыя двѣ недѣли. При мытьѣ стараться, сколько можно, меньше воды наливать для отвращенія гнилости. Пола вытирать только мокрыми тряпичами. Воспитательницамъ смотрѣть, чтобъ стулья, употребляемые для испражненія, были безъ вони и для того чаще перемѣнять и вывѣтривать. Также надлежитъ и пузники въ чистотѣ содержать.

33) Воспитательницамъ стараться, чтобъ приставницы сами себя въ чистотѣ держали, совѣтовать имъ, чтобы онѣ себѣ чесали головы, мылися и въ порядкѣ платя свои имѣли.

34) Воспитательницамъ держать для себя также роспись дѣтямъ, отправленнымъ отъ нихъ въ лазаретъ: какъ ихъ зовутъ, какой имѣютъ номеръ и котораго числа отосланы. Ихъ любовь къ больнымъ, ихъ попеченію препорученнымъ, изъ того будетъ видна, если онѣ ипогда ставятъ ихъ посѣщать, ободрять и утѣшать.

35) Посѣщенія родственниковъ и друзей не могутъ воспитательницы въ своихъ комнатахъ принимать; только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ нижнемъ этажѣ, въ одной изъ классныхъ комнатъ, поутру отъ 8 до 11-ти

*) Это предписаніе находится въ связи съ основнымъ педагогическимъ правиломъ Бецкаго: «Все принадлежащее къ воспитанію должно дѣтямъ приобрѣтать слухомъ и зрѣніемъ, т. е. подражая добрымъ примѣрамъ, которые бы имъ побудительны были и привлекали ихъ къ себѣ... Бude начальники Дома хотять, чтобы дѣти научились добродѣтели, должно имъ прежде всего учителей и приставниковъ учинить добродѣтельными и примѣра достойными» (Генер. Пл., ч. 3, гл. 8).

часовъ, постъ обѣда отъ 2 до 6-ти часовъ; выключая сего времени, Домъ долженъ быть свободенъ отъ входа постороннихъ обоого пола людей.

36) Какъ надлежитъ весьма рачительно смотрѣть, чтобы никакой здоровый не былъ между больными, то сіе само по себѣ разумѣется, что занемогшая воспитательница должна выйти въ лазаретъ, гдѣ особливая для нея приготовленная комната со всѣми принадлежностями будетъ. Ея же мѣсто заступаетъ другая воспитательница и исполняетъ ея должность до выздоровленія ея.

37) О выѣздахъ своихъ въ церковь и для другихъ потребностей должны оныя (воспитательницы) прежде оберъ-директору объявлять, дабы между тѣмъ другая ея должность занять могла.

38) Садыкъ Дома открытъ къ удовольствію каждой воспитательницы; однако въ оныя никого изъ чужихъ обоого пола не впускать, ибо обстоятельства Дома того не позволяютъ.

(Дѣло по канц. Спб. Онек. Сов., по разн. предм., № 66, связка 1).

А. П. Пятковский.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чарты оопротивленія власти при Петрѣ Великомъ.

Жестокость и крутость Петра Великаго болѣе всего поясняется чертами упорства и сопротивленія его волѣ, его намѣреніямъ и повелѣніямъ. Такихъ чертъ очень много, и чѣмъ болѣе будетъ ихъ собрано, тѣмъ понятнѣе стануть для историка и характеръ эпохи Петра, и его личность, и свойства того народа, изъ котораго вышелъ могучій дѣятель, и съ которымъ велъ такую упорную, нравственную борьбу. Зная, какъ безжалостно каралъ Петръ непослушаніе, страннымъ покажется, какъ мало дѣйствовали на Русскихъ карательныя мѣры и жестокіе примѣры; но способы, какими иногда выказывалось при Петрѣ неповиновеніе его власти и указамъ, еще болѣе изумляютъ насъ. Въ этомъ отношеніи, надѣмся, не лишнимъ будетъ указать на одно дѣло, прочитанное нами въ бумагахъ государственнаго архива.

При Петрѣ, какъ извѣстно, ради пополненія казны съ цѣлю веденія войны противъ Карла XII, не было въ Россіи ни одного промысла, ни одного ремесла безъ отяготительныхъ налоговъ. Но, кромѣ платежей, жителей отягощали разными порученіями въ видахъ государственныхъ интересовъ, и это было въ свое время едва-ли не болѣе несносною тягостью, чѣмъ всякіе платежи.

Для сбора налоговъ съ рыбныхъ ловель существовала ингерманландская канцелярія рыбныхъ дѣлъ. Въ 1706 году, отправленный по этого рода дѣламъ переписчикъ, стольникъ Иванъ Кобяковъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ потребовалъ нѣсколькихъ отставныхъ дворянъ для доставки собранной казны въ канцелярію. Отправленный Кобяковомъ подъячій Григорій Гридинъ, вмѣстѣ съ служилыми, пріѣхалъ за однимъ изъ этихъ дворянъ Иваномъ Вельяминовымъ; но Вельяминовъ куда-то спрятался, а люди его сказали, что ихъ господинъ въ Москвѣ.

Гридинъ поѣхалъ къ другому дворянину, Михайлѣ Потулову, жившему въ деревнѣ Корѣлиной, въ Каменномъ стану, съ тѣмъ, чтобы взять этого господина и привезти его къ Кобякову.

Этотъ Гридинъ доносилъ, что „Потуловы съ людьми стоятъ на дворѣ съ дубьемъ, запершись, и во дворъ не пускали и за ними бросали, и сами себя взять въ городъ не дали, а про Михайла говорили, что онъ на Москвѣ“.

16-го февраля 1706 года, тотъ же Кобяковъ отправилъ подъячихъ Дениса Духина и Бориса Карцова съ двумя служилыми людьми взять отставныхъ дворянъ Ивана Вельяминова, Михайла Потулова и Василя Дуванова.

Этимъ подъячимъ удалось взять Ивана Вельяминова въ деревнѣ Слободной; съ нимъ вмѣстѣ поѣхали они въ деревню Корѣлину за Потуловымъ. На этотъ разъ Потуловъ допустилъ посланныхъ къ себѣ, но, „выслушавъ (говорится въ показаніи Карцова и Духина), указъ, закричалъ людямъ своимъ: суды! суды! (сюда! сюда!) а люди его, собрався многолюдствомъ, насъ, подъячихъ и служилыхъ людей, смертнымъ боемъ били; и сказали мы ему, Михайлѣ, указъ великаго государя, чтобъ онъ, Михайло, съ нами ѣхалъ въ городъ Переяславль-Рязанскій и явился на съѣзжемъ дворѣ передъ стольникомъ Кобяковымъ, и онъ великаго государя указу учинился непослушенъ, а намъ, посыльнымъ людямъ, силенъ“.

На подъячихъ и на служилыхъ оказались боевые знаки. У Карцова „подъ лѣвымъ глазомъ подшибено синя, да на лѣвой рукѣ, выше локтя, и на плечѣ синя же и багрова; на Духинѣ, на правомъ плечѣ, синя и багрова, и на лѣвомъ боку тоже“. У служилыхъ на тѣлѣ также оказались слѣды побоевъ.

14-го мая того же года тотъ же стольникъ Иванъ Кобяковъ отправилъ подъячаго, Ивана Леонтьева, съ десятью служилыми, взять Михайла Потулова и доставить къ себѣ. Но „Михайло заперся въ хоромахъ, а дочери его, дѣвки Татьяна и Стефанида, вышли изъ хорома со многими жонками съ дубьемъ, и ихъ, посыльныхъ людей, отъ хорома отбили и его, Михайла, взять не дали“.

Такимъ образомъ на этотъ разъ подвигъ насильственнаго сопротивленія властямъ совершаютъ особы женскаго пола, да еще и дѣвицы. Но оказывается, что эти дѣвицы дѣйствуютъ не первый разъ; онѣ отличились и ранѣе, когда къ Потулову пріѣзжали Карцовъ съ товарищи. Далѣе въ томъ же дѣлѣ, изъ котораго мы сообщаемъ эти извѣстія, говорится:

„И прежде еще пріѣзжалъ Борисъ Карцовъ, и онѣ, Татьяна и Стефанида, сами говорили, что онъ отъ нихъ битъ поѣхалъ“.

Слѣдовательно, дѣвицы Потуловы играютъ главную роль во всей этой трагедіи.

Иванъ Леонтьевъ и товарищи остались побѣжденными въ битвѣ

съ прекраснымъ поломъ, однако, успѣли взять въ плѣнъ и увести въ Переяславль-Рязанскій двороваго челоуѣка Терентья Евсевьева и жонку Ирину Богданову, но эти плѣнники отдѣлывались незнаемъ, и ничего любопытнаго не сообщили.

Не знаемъ, что было потомъ съ Михайломъ Потуловымъ и съ его воинственными дочерьми. Но, какъ ослушникъ царской воли, Потуловъ былъ не одинъ въ своемъ околоткѣ; изъ того же дѣла видно, что многіе помѣщики того же уѣзда были подъячихъ и служилыхъ, посылаемыхъ съ нимъ во дворы съ указами. Ослушниковъ велѣно привозить въ Москву, а въ случаѣ не отыщутъ помѣщика—братъ его людей и крестьянъ. И это не легко исполнялось. Къ одному такому ослушнику прибыли служилые: его дома нѣтъ, людей его и крестьянъ тоже нѣтъ; все пусто!

Другого, Ивана Еропкина, удалось найти и привезти въ приказную избу. Третій, Венюковъ, и самъ не поѣхалъ и людей своихъ не далъ. Четвертаго, Сухарева, не было дома, но люди и крестьяне безъ него отбились, взять себя не дали—учинились сильны.

Н. И. Костомаровъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Покойный А. Ф. Гильфердингъ сообщилъ намъ задолго до своей кончины между прочими историческими бумагами, нѣсколько отрывковъ и черновыхъ замѣтокъ — копій съ собственноручныхъ бумагъ Екатерины II. Такъ какъ каждая строка Великой государыни имѣетъ интересъ и значеніе, то мы считаемъ необходимымъ помѣстить ихъ на страницахъ нашего изданія. Къ сожалѣнію, ни на одномъ изъ этихъ драгоценныхъ отрывковъ нѣтъ года и мы предоставляемъ будущимъ издателямъ всего, что начертала рука Екатерины II, опредѣлить время, къ которому относятся приводимыя здѣсь замѣтки и наброски.

Ред.

I.

Отрывокъ собственноручнаго черноваго проекта манифеста Екатерины II о престолонаслѣдіи.

Божіею милостію, мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр. Чудный промыслъ о насъ Всевышняго, который вручилъ намъ самодержавство сей имперіи образомъ человѣческимъ предвѣдѣніемъ непостижимымъ, заставляетъ насъ нерѣдко помышлять о исполненіи бремени на насъ Творцомъ всея твари наложеннаго. Испытавъ сердце наше нашли мы во глубинѣ оного твердое и всегдашнее желаніе исполнять первую статью Наваза, даннаго нами комисіи о составленіи проекта новаго уложенія.

Сія статья гласитъ тако: законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно. Изъ сего правила выходить должны всѣ части законодательства нашего, которому мы съ 1766 г. благополучное начало положили открытіемъ комисіи объ уложеніи; но первый и начальнѣйшій законъ сего самодержавнаго

владычества долженъ, по существу своему, данъ и начертанъ императорскою нашею рукою, то есть непоколебленность престола и твердость въ наслѣдіи онаго. Не токмо російскія лѣтописи и исторіи, но и всѣхъ прочихъ въ свѣтѣ государствъ книгохранилищныя наполнены великихъ всенародныхъ бѣдствій, кои происходили отъ колебленности престола и наслѣдства даже до того, что государства были отъ того подвержены раздѣленію на части и наконецъ самому варварскому нашествію и игу и совершенному истребленію. Таковой примѣръ живѣе прочихъ представляетъ намъ Греческая восточная имперія, которой бѣдствія церковь наша, по единовѣрію нашему, и нынѣ оплакиваетъ.

Описавъ причины предпринимаемаго нами узаконенія, приступимъ нынѣ наискорѣе къ твердому онаго положенію и для того повелѣваемъ, узаконяемъ и хотимъ самодержавною нашею властію слѣдующей статьи:

- 1) Называть сей законъ императорскою статьею Екатерины Второй.
- 2) Императорской престоль не можетъ быть порожень.
- 3) По смерти моей, сынъ мой наслѣдуетъ.
- 4) По сынѣ моемъ, если старшему сыну его двадцать одинъ годъ миновало, то сей старшій сынъ наслѣдуетъ; если же онъ менѣе двадцати лѣтъ съ родомъ, то короновать мать его, пока да царствуетъ во всю жизнь ея; ибо отъ малолѣтства самодержца имперія бы было опасно.
- 5) Если бы мужское колѣно пресѣклось, то старшая дочь.
- 6) . . . . . (Продолженія нѣтъ).

II.

Собственноручная записка Екатерины II объ ограниченіи винокуренія. ¹⁾

Не полезно-ли будетъ положить число хлѣба въ каждой провинціи сколько въ годъ на винокуренье употребить, соображая съ нынѣшнимъ виннымъ доходомъ; въ каждой же провинціи чрезъ что разъ навсегда прекратилось (бы?) умноженіе числа пьяницъ и менѣе истребилось (бы?) лѣса и хлѣбный торгъ умножился бы болѣе, чѣмъ нынѣ, гдѣ всякой только старается для собственной прибыли умножить свой винокуренный заводъ истребленіемъ хлѣба, лѣса и умноженіемъ пьяницъ.

¹⁾ Писано, кажется, къ Григорью Теплову.

III.

Собственноручное Екатерины II росписание губерній и въ нихъ губернаторовъ.

Примѣрное росписание губерній:

1. Московская. Г. князь Вас. Мих. Долгорукий.	} Я.
2. Санктпетербургская, въ	
3. ней приписать, Выборгская.	
4. Тверская.	} Г. графъ Брюсъ.
5. Новгородская.	
6. Псковская.	} Князь Репнинъ.
7. Смоленская.	
8. Могилевская.	} Ф. Графъ З. Чернышевъ.
9. Полоцкая.	
10. Орловская.	} Г. п. князь Прозоровскій.
11. Курская.	
12. Харьковская.	} Г. п. Щербининъ.
13. Воронежская.	
14. Тамбовская.	} Г. п. Каменскій.
15. Рязанская.	
16. Тульская.	} Г. п. Кречетниковъ.
17. Калужская.	
18. Ярославская.	} Т. д. с. Мелгуновъ.
19. Вологодская.	
20. Володимирская.	} Г. гр. Воронцовъ.
21. Нижегородская.	
22. Костромская.	} Г. п. Ступишинъ.
23. Вятская.	
24. Пермская.	} Г. п. Кашкинъ.
25. Тобольская.	
26. Колыванская.	} 1)
27. Иркутская.	
28. Оренбургская.	} Г. п. Якобій.
29. Казанская.	
30. Симбирская.	} Г. п. в. Мещерскій.
31. Пензенская.	
32. Саратовская.	} Г. в. Потемкинъ.
33. Астраханская.	

1) Губернаторомъ Колыванской и Иркутской губерній былъ написанъ императрицею «Г. П. Якобій», но потомъ зачеркнутъ.

34. Азовская.	}	Ф. гр. Румянцовъ.
35. Новороссійская.		
36. Кіевская. ¹⁾		
37. Малороссійскія.		
38. Малороссійская тоже.		
39. Рижская.		
40. Ревельская.		

IV.

Собственноручное повелѣніе Екатерины II Академіи Наукъ.

Академіи приказать, чтобъ Санктпетербургской губерніи городовъ, да и Выборгской, вышѣшнимъ лѣтомъ еще сняты были какъ широта, такъ и долгота, а именно городовъ: Санктпетербурга, Шлиссельбурга, Софійска, Ораніембаума, Кронштата, Рожественска, Ямбурга, Нарвы, Новой Ладоги, Луги, Гдова; Выборгской губерніи: Выборга, Вилманстранда, Давыдова, Кексгольма, Фридрингсгама.

V.

Собственноручное требованіе Екатерины II о доставленіи Академію Наукъ свѣдѣній о лучшихъ учебникахъ.

(Переводъ). Спрашиваю у Академіи, для начинающихъ какая есть лучшая книга: основаній ариѳметики, основаній алгебры, основаній геометріи, теоріи вѣроятностей, законовъ движенія и паденія тѣлъ и о силахъ, о механикѣ, о гидравликѣ, о сферѣ, о глобусахъ, объ астрономіи, о гномоникѣ, основанія естественной исторіи; оптика, диоптрика, катоптрика, (начатки) химіи, анатомія, ботаника, минералогія, экспериментальная физика, логика, мораль, риторика; критика, общая толковая грамматика, греческій языкъ, латинскій языкъ.

(Подлинникъ). Je demande à l'Académie pour les commençans: Quel est le meilleur livre d'Elemens d'Arithmétique. Elemens d'Algèbre. Elemens de Géométrie. De calcul de probabilités. Des Loix du mouvement de la chute des corps et des forces. De la Mécanique. De l'hydraulique. De la Sphère. Des globes. De l'Astronomie. De la gnomonique. Institutions d'Histoire naturelle. Optique, Dioptrique, Catoptrique. De la Chymie. L'Anatomie. Botanique. Mineralogie. Phisique experimentale. Logique, Morale, Rhetorique, Critique, Grammaire générale raisonnée. La langue Grecque. La langue Latine.

¹⁾ Написана была сначала Кіевская, но потомъ зачеркнута, а просто написано: 36 и 37 (губерніи) Малороссійскія.

VI.

Собственноручная замѣтка Екатерины II о попыткѣ кн. Долгорукихъ въ 1730 г. ограничить власть самодержавія.

(Переводъ). Если бы кто былъ настолько сумасброденъ, чтобы сказать: вы говорите мнѣ, что величина и пространство российской имперіи требуетъ, чтобы государь ея былъ самодержавенъ; я ни мало не забочусь объ этой величинѣ и объ этомъ пространствѣ Россіи, лишь бы каждое частное лицо жило въ довольствѣ; пусть лучше она будетъ поменѣе; такому безумцу я бы отвѣчала: знайте же, что если ваше правительство преобразится въ республику, оно утратитъ свою силу, а ваши области сдѣлаются добычею первыхъ хищниковъ; не угодно-ли съ вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды Татаръ, и подъ ихъ игомъ надѣетесь-ли жить въ довольствѣ и пріятности. Безразсудное намѣреніе Долгорукихъ, при восшествіи на престолъ императрицы Анны, неминуемо повлекло бы за собою ослабленіе — слѣдственно и распаденіе государства; но къ счастью намѣреніе это было разрушено здравымъ смысломъ большинства. Не привожу примѣра дѣленія (на удѣлы) Владиміра и послѣдствій, которыя оно повлекло за собою: онъ слишкомъ глубоко врѣзанъ въ память каждого, мало-мальски образованнаго человѣка.

VII.

Указъ нашему гофъ-маршалу во время ваканцій оберъ-камергерскихъ.

Мы вамъ поручаемъ смотрѣть съ твердостью и неослабно, чтобы дневальные кавалеры наблюдали прилежно свою должность и впредь

(Подлинникъ). S'il y avoit quelqu'un d'assez extravagant, pour dire, Vous me dites que la grandeur et l'étendue de l'Empire de Russie demande que le maitre en soit Souverain, moi je me soucie peu de cette grandeur et étendue de la Russie pourvu que chaque particulier vive à son aise. J'aime autant qu'elle soit moins grande; je repondrai à cet incensé: apprenez donc que si Votre gouvernement se changera en république il diminuera de sa force et que Vos provinces deviendront la proie du premier qui voudra s'en saisir, voyés donc si Vous voulés devenir avec Vos principes la victime de quelque horde de tartares et si sous eux Vous vous prometés une vie aisé et agréable. Le projet inconsideré des Dolgourouki a l'avènement de l'Imperatrice Anne auroit entraîné infailliblement l'affaiblissement et par conséquent la ruiné de l'état; mais heureusement le gros bon Sens de la multitude le renversa. Je ne citerai pas l'exemple du partage de Waladimer et les suites qu'il entraîna, il est trop profondément gravé dans l'esprit de quiconque a quelque connaissance.

не дерзнули, въ противность нашего повелѣнія и почтенія намъ должнаго, отлучаться во время своего дневанія ни днемъ, ни ночью изъ дворца, и чтобъ во время нашего изъ покоевъ выхода, они-бъ конечно за полчаса въ передней находились, гдѣ ихъ должность есть неотлучно насъ ожидать, бывъ для того удостоены тѣми чинами, кои имѣютъ и не имѣвъ другаго дѣла, дневальнымъ смѣну ихъ ожидать во дворцѣ и приходить имѣютъ сказать, что одни смѣнились, а другіе, что пришли на смѣну. Кто же изъ нихъ сего не исполнить, свои часы просмотрить и во дворцѣ не будетъ ночевать, съ тѣхъ повелѣваемъ вамъ за первый разъ вычесть изъ ихъ жалованья сто рублей, за второй—половинное жалованье вычесть изъ получаемаго имъ жалованья, а за третій—вычеркнуть ихъ изъ списка дѣйствительныхъ двора нашего кавалеровъ и жалованья имъ не производить, запрета имъ казаться при дворѣ нашемъ. Вы имѣете по сему поступать подь опасеніемъ нашего гнѣва.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Новые матеріалы для исторіи Пугачевщины.

Печатаемые здѣсь матеріалы заимствованы мною изъ хранящихся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ старыхъ дѣлъ тамошней канцеляріи главнаго заводоу правленія (которая завѣдывала всѣми уральскими горными заводами) оренбургскаго горнаго начальства и екатеринбургской судной и земской конторы. Командиру горной канцеляріи, полковнику Василю Федоровичу Бибикову, въ 1774 г., по указу сената и распоряженію генераль-аншефа Александра Пльича Бибикова, поручена была защита тамошняго края отъ злодѣевъ; съ этой цѣлью въ его полную команду отданы были казаки, набранные на то время изъ мастеровыхъ и приписныхъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ крестьянъ и части войскъ, присланные отъ генераловъ Декалонга и Чичерина (тобольскаго губернатора); къ нему посылались для допросовъ и производства слѣдствій участники мятежа изъ заводоу и подзаводскихъ селеній. Къ сожалѣнію, переписки самого Бибикова и письменныхъ распоряженій его нѣтъ въ Екатеринбургѣ: вѣроятно эти бумаги либо остались у самого Бибикова, либо отосланы въ секретную комисію о Пугачевѣ. За всѣмъ тѣмъ въ архивѣ сохранилось не мало любопытныхъ документовъ, относящихся къ Пугачевскому бунту. Нѣкоторые изъ нихъ предлагаю теперь вниманію публики. При всей своей отрывочности они важны тѣмъ, что, во-первыхъ, пополняютъ нѣкоторые пробѣлы въ извѣстныхъ донинѣ описаніяхъ походовъ самозванца и его сподручника Бѣлобородова; во-вторыхъ, указываютъ сѣверныя и сѣверовосточныя границы распространенія мятежа, и въ-третьихъ, знакомятъ съ полезной дѣятельностью Башмакова, защитника западной части нынѣшней Пермской губерніи.

Къ документамъ я присоединилъ географическія и историческія примѣчанія. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ этихъ приведены отрывки изъ другихъ документовъ, не заслуживающихъ печатанія ихъ вполне.

Н. Чулковъ.

I.

О разореніи Вознесенскаго жѣднаго завода.¹⁾

Въ государственную бергъ-коллегію изъ оренбургскаго горнаго начальства.²⁾ Рапортъ.

3-го числа октября сего 1774 года въ оренбургское горное начальство при проеморіи изъ уфимской провинціальной канцеляріи присланы Вознесенскаго завода, съ даннымъ изъ бугульминской зем-

ской конторы билетомъ, явшіеся во оный собою мастеровые люди, а именно: кирпичный мастеръ Терентій Плотниковъ, кузнецъ Павелъ Лебзинъ, плотникъ Василій Васильевъ, да приписной къ тому же заводу села Кубасова крестьянинъ Петръ Кожевниковъ и разнаго званія женки, съ тѣмъ, чтобъ ихъ, по минованіи отъ злодѣевъ опасности, доставить куда слѣдуетъ; которыхъ, равно и явившихся въ оренбургское горное начальство 17-го числа ноября сего-жъ года того же Вознесенскаго завода, съ данными отъ рѣченной же бугульминской земской конторы билетами: плавильнаго мастера Семена Пономарева, плотника Якова Петрова,—учиненными въ начальствѣ опредѣленіями велѣно допросить въ слѣдующемъ: 1) Какъ давно они на Вознесенскій казенный заводъ и откуда присланы, какихъ они мастерствъ и есть-ли у нихъ жены и дѣти? для чего, не потребовавъ прежде повелѣнія, съ завода отлучились, оставя безъ всякаго присмотра и кто-бъ причиною былъ разоренія завода, еслибъ собственно они по присяжной должности ея императорскому величеству, до послѣдней капли крови защищая? 2) Какъ при ономъ заводѣ были командиры, главный оберъ-гиттенфервалтеръ Галбрехтъ, а по немъ и другіе, то гдѣ оные тогда находились и теперь находятся, и какимъ образомъ могли они безъ воли и своихъ командировъ отлучиться? 3) Теперь при заводѣ точно-ль ихъ командиры остались, равно и какихъ именно припасовъ въ цѣлости при заводѣ осталось же, то есть денежной казны, выплавленной мѣди, черной и чистой, равно руды, угля, дровъ, провіанта и прочаго потребнаго къ дѣйствию завода, и кто тамъ хранителемъ остался-жъ? По которому спрашиваны и показали:

1) Что они на оный Вознесенскій заводъ присланы изъ Екатеринбургa, при указахъ изъ канцеляріи главнаго заводоу правленія каждый къ своей должности, и при ономъ у коихъ должностей каждый по званіямъ своимъ и обращались 1773 года до сентября мѣсяца. А во ономъ мѣсяцѣ, какъ подъ Оренбургъ самовванецъ Пугачевъ подступилъ, тогда при Вознесенскомъ заводѣ главнаго командира оберъ-гиттенфервалтера Галбрехта не находилось, а предъ тѣмъ съ завода отбылъ въ Оренбургъ для отдачи въ казну за соль денегъ, гдѣ и понынѣ находится. А при отбытіи его, Галбрехта, Вознесенскій заводъ въ смотрѣніе порученъ отъ него поручику Савѣ Орлову и берггешворену Василью Соколову. И пріѣхавъ-де въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ отъ самозванца Пугачева на означенный Вознесенскій заводъ, того Вознесенскаго завода бѣжавшіе къ нему, Пугачеву, приписные крестьяне Андрей Тихановъ, Иванъ Лаврентьевъ, до города Екатеринбургa находящіеся на казенныхъ Вознесенскаго завода рудникахъ, бѣжавшіе къ Пугачеву рудокопщики Иванъ Осиповъ, Иванъ

Андреевъ Крислибъ, объявили, что прислалъ ихъ государь на тотъ заводъ съ указомъ, чтобъ всѣ заводскіе мастеровые люди, приписные и вольнонаемные крестьяне склонились служить ему. Почему всѣ, какъ вышепомянутые оставшіе послѣ капитана Галбрехта, командиры Орловъ и Соколовъ, равно мастеровые люди и крестьяне собраны были въ заводѣ, и тотъ указъ читанъ былъ Вознесенскаго завода копейстомъ Орловымъ. И по прочтеніи-де поручикъ Сава Орловъ всѣмъ мастеровымъ и крестьянамъ сказалъ, что оный не государь, а самозванецъ Пугачевъ и просилъ всѣхъ, чтобъ къ нему не склоняться. Потому мастеровые люди склонны и не были; а приписные къ тому заводу и вольнонаемные крестьяне согласились служить ему, Пугачеву, коихъ съ завода и уѣхало къ нему со 150 человекъ, и увезли имѣющуюся при томъ заводѣ чугунную пушку съ порохомъ (а сколько его было — не знаютъ). Затѣмъ оставшимъ мастеровымъ людямъ со оными злодѣями въ отпорѣ стоять было нечѣмъ. А поручика-де Орлова, что онъ не склоненъ былъ служить Пугачеву и увѣрялъ всѣхъ о Пугачевѣ; заподлинно не государь, и (а) разбойникъ донской казакъ, за то берггешворенъ Соколовъ заковалъ его въ ножные желѣза, съ заводу отправилъ съ вышепомянутымъ копейстомъ Орловымъ и приписными крестьянами Иваномъ Филатовымъ и Иваномъ Богомолковымъ къ самозванцу Пугачеву. О которомъ, по возвратѣ отъ Пугачева, крестьянинъ Богомолвъ объявилъ, что оный Орловъ Пугачевымъ патеренъ. А ихъ онъ, Соколовъ, увѣрялъ, якобы оный Пугачевъ подлинно государь. Почему-де какъ онъ, Соколовъ, такъ и всѣ обыватели находились въ его, плута Пугачева, власти. Однако, они, Плотниковъ съ товарищи, во время Вознесенскаго завода въ злодѣйскомъ вѣдѣніи ни у какого дѣла не находились и обращались при томъ заводѣ.¹⁾

3) Какъ же рѣченный самозванецъ Пугачевъ прибывшими подъ Оренбургъ военными корпусами разбитъ, то оный Пугачевъ ирѣхалъ на Вознесенскій заводъ съ командою, Яицкими, Сакмарскими казаками, Калмыками и Башкирцами, на примѣръ въ 300 человекъ,²⁾ и при ономъ заводѣ имѣющуюся въ конторѣ денежную казну взялъ себѣ всю безъ остатку (а сколько ея было—они не знаютъ), а дѣла всѣ сожегъ, и взявъ съ собой берггешворена Соколова, унтеръ-шихт-мейстера Ив. Рихтера, копейста Александра Сѣдачева, мастеровыхъ людей Ив. Парфенова съ товарищи 9 человекъ, да приписныхъ крестьянъ не малое число, съ завода уѣхалъ, а куда—неизвѣстно.³⁾

¹⁾ Послѣ 1-го пункта отвѣтовъ сейчасъ же слѣдуетъ 3-й; но очевидно, что тутъ пропуска нѣтъ, а только пункты отвѣтовъ невѣрно обозначены цифрами.

А они-де, Плотниковъ съ товарищи, оставлены имъ, Пугачевымъ, при томъ заводъ за болѣзнію; а иные—за старостію.

4) Послѣ онаго Пугачева, пріѣхавъ на оный заводъ изъ башкирцовъ называющійся есаулъ, а какъ зовутъ—о себѣ не сказалъ, да и имъ спрашивать его было опасно, во 100 человекѣхъ Башкирцовъ же, и при заводѣ имѣющіяся фабрики, контору и мастеровыхъ и прочихъ людей дома выжгли, а только оставили церкву, казенный командирскій домъ, магазейну о четырехъ покояхъ, въ которой имѣлась для заводскихъ мастеровыхъ и крестьянъ ржаная мѣла (а сколько ея было—Башкирцы всю безъ остатка разграбили), да три двора крестьянскихъ; а обывателей съ того завода всѣхъ, какъ мужеска, такъ и женска полу людей, не оставлявая ни одного человекѣа, выгнали, почему они сюда въ городъ Уфу и поѣхали. Ёхавшій-жъ съ ними съ того Вознесенскаго завода кузнецъ Феклисъ Никоновъ въ городъ Уфу не поѣхалъ, а остался въ кошахъ старшины Кутлугильды, а земь (а зачѣмъ)—не знаютъ.

5) Послѣ выжженія завода въ припасномъ амбарѣ осталось половогого и брусчатого желѣза, а сколько точно пудъ—не знаютъ.

А означенный плавильный мастеръ, сверхъ ихъ, въ допросѣ изъяснилъ, что при томъ Вознесенскомъ заводѣ осталось мѣди черной 350, чистой—750 пудъ безъ всякаго присмотра; угля же, дровъ и прочаго потребнаго къ дѣйствию завода ничего не имѣется; разные-жъ заводскіе инструменты Башкирцами, кои заводъ выжгли, разграблены.

И по указу ея импер. в—ва въ оренбургскомъ горномъ начальствѣ опредѣлено съ прописаніемъ выше-писаннаго обстоятельства въ государственную бергъ-колегію и въ канцелярію главнаго заводоу правленія отрепортовать. Государственной бергъ-колегіи оренбургское горное начальство симъ почтенно и репортуеть; а о томъ же и въ канцелярію главнаго заводоу правленія репортовано: Яковъ Желѣзниковъ, Гиттенфервалтеръ Петръ Чернышевъ. Въ должности протоколиста—канцеляристъ Ив. Сурнинъ, подканцеляристъ Андрей Солнопековъ.⁵⁾

Декабря 23-го дня 1774 г.

(Рапортъ этотъ, въ копіи, присланъ въ апрѣлѣ 1775 г. изъ бергъ-колегіи въ Екатеринбургъ, въ канцелярію главнаго заводоу правленія при указѣ, которымъ требуются дополнительныя свѣдѣнія о раззореніи Вознесенскаго завода).

Н. Ч.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Вознесенскій мѣдиплавильный заводъ, нынѣ уже не существующій, построенъ былъ въ 1755 г. графомъ Сиверсомъ на рѣчкѣ Ирғизы, у самаго вла-

денія ея (съ лѣвой стороны) въ р. Бѣлую, въ разстояніи около 200 верстъ отъ Оренбурга и около 300 верстъ отъ Уфы, и въ 1763 г. купленъ въ казну, во владѣніи которой и состоялъ во время Пугачевского бунта. При постройкѣ завода къ нему приписано было, для работъ, 7,319 душъ изъ Казанской губерніи.

2) Оренбургское горное начальство, находившееся въ Уфѣ, завѣдывало заводами и рудниками Оренбургской губерніи. Вознесенскій заводъ, по взятіи въ казну, не былъ однакожъ подчиненъ ему, а зависѣлъ непосредственно отъ екатеринбургской канцеляріи главнаго заводовъ правленія.

3) Пугачевъ въ показаніи своемъ (напечатанномъ въ «Чтеніяхъ Импер. Общества Истор. и Древн.» 185 г.), говорить, что послѣ разбитія его Голицынымъ при Каргалѣ (татарская слобода въ 18-ти верстахъ отъ Оренбурга) онъ «бѣжалъ со 100 человѣками Яицкихъ казаковъ, да Башкиръ ста три, въ Башкирію на Киргизлинскій заводъ; и тутъ, стоявъ одинъ сутки, взялъ нѣсколько человѣкъ и пошелъ на Авзяно-Петровскій заводъ». Киргизлинскаго завода никогда не бывало; безъ сомнѣнія надо читать Иргизлинскій, то есть Вознесенскій, построенный на рѣчкѣ Иргизлѣ. На Уралѣ многіе заводы и селенія, въ особенности названные по храмовымъ праздникамъ, въ народѣ извѣстны подъ другими именами, заимствованными или отъ названія рѣчки, либо горы. Такъ напр. въ Оренбургской губерніи Вознесенскій заводъ называется Торъ, Преображенскій—Зилаиръ, Верхній и Нижній Троицкій—Верхній и Нижній Кидашъ, Богоявленскій—Усолка (по рѣчкамъ); Златоустовскій заводъ (нынѣ городъ Златоустъ) назывался прежде также Косотурскимъ, отъ горы Косотуръ.

4) Пугачевъ говоритъ, что изъ Киргизлинскаго завода онъ пошелъ въ Авзяно-Петровскій. Тутъ былъ сутки же; забравъ человѣкъ 200, пошелъ на Бѣлорецкій заводъ. «Тутъ жилъ я три недѣли; и взявъ людей не помню сколько пошелъ подъ Магнитную крѣпость». Авзяно-Петровскій заводъ, во 100 верстахъ отъ Вознесенскаго, вверхъ по р. Бѣлой, построенъ былъ въ 1755 г. графомъ П. П. Шуваловымъ, а въ 1773 г. принадлежалъ дворянину Евдокиму Демидову. Еще до Пугачевщины было нѣсколько серьезныхъ волненій между работавшими на немъ крестьянами, которые не довольны были припискою ихъ къ заводу изъ отдаленныхъ мѣстъ¹⁾ и поступками съ ними заводоуправленія.

5) Этими бѣдствіями Вознесенскаго завода не окончились. Въ 1777 г., когда заводъ началъ снова отстроиваться, въ ночь на самую Пасху напала на него многочисленная шайка вооруженныхъ разбойниковъ, которые ограбили контору, домъ управителя Гильбрехта, казенный магазинъ и дома жителей (всего было тогда только 16 обывательскихъ домовъ). Большая часть жителей находилась тогда верстахъ въ 12-ти отъ завода въ лѣсу за рубкою бревенъ для казенныхъ построекъ.

Н. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Графу Шувалову въ 1755 г. отданы были для работъ на Авзяно-Петровскомъ заводѣ 1,920 душъ государственныхъ крестьянъ Казанской губерніи. Пѣ-которя, приписаны къ заводу селенія находились отъ него въ 600, 660 и даже 688 верстахъ. И изъ такого дальняго разстоянія ежегодно должны были приходить на заводъ, чтобы зарабатывать свой подушной окладъ. Бѣлорецкій заводъ на р. Бѣлой, еще выше Авзяно-Петровскаго, принадлежалъ тогда Твердишеву и Мясникову.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Могила княгини Дарьи Михайловны Меншиковой.

1728.

Въ 12-ти верстахъ отъ Казани, въ Свияжскомъ уѣздѣ, на правомъ утесистомъ берегу кормилицы-Волги, живописно раскинулось государственное село Верхній Услонъ. Въ Казани Услонскія горы видны съ вѣршинного бульвара, находящагося на краю города; весною, во время разлива Казанки и Волги, эти горы представляютъ великолѣпный ландшафтъ.

Верхній Услонъ—село довольно большое: въ немъ считается 262 дома, жителей 1,609 человекъ обою пола, большинство котораго придерживается „древняго благочестія“. Церковь въ Услонѣ каменная, во имя Сергія Радонежскаго чудотворца, замѣчательная тѣмъ, что въ страшный пожаръ 9-го мая 1861 г., когда выгорѣло все село, она одна осталась невредимою. Въ историческомъ отношеніи Верхній Услонъ пользуется нѣкоторою извѣстностью какъ мѣсто, въ которомъ скончалась и погребена княгиня Дарья Михайловна Меншикова, рожденная Арсеньева, супруга злополучнаго временщика князя Александра Даниловича Меншикова, сосланнаго въ Березовъ. Слѣдуя за мужемъ въ ссылку, Дарья Михайловна захворала въ дорогѣ, и тихо скончалась въ Услонѣ 10-го мая 1728 г. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ событіи Г. В. Есиповъ въ статьѣ о ссылкѣ князя Меншикова:¹⁾ „10-го мая 1728 г. караванъ ссыльныхъ, причаливъ къ Услону, въ 12-ти верстахъ отъ Казани, принужденъ былъ остановиться: несчастная княгиня Дарья Михайловна не могла ѣхать далѣе. Больною вывезли ее изъ Рансбурга; ѣзда на телегѣ, безъ шубы, скудная арестантская пища, отсутствіе медицинскаго пособія привели

¹⁾ «О. З.» 1861 г., кн. I, стр. 84—85.

ее къ смерти. Любимица Петра и Екатерины скончалась въ крестьянской избѣ на рукахъ семейства своего, окруженнаго солдатами. Ее похоронили въ селѣ Услонѣ, возлѣ сельской церкви“. По рассказамъ услонскихъ старожиловъ, надъ прахомъ княгини была сооружена церковь, давно сгорѣвшая, а потомъ, взамѣнъ ея, поставленъ надгробный камень, который можно было видѣть еще въ началѣ 1860-хъ годовъ. Отъ времени плита памятника почернѣла и до того истрескалась, что изъ надписи, на ней значащейся, едва можно было разобратъ: „Здѣсь лежитъ раба Божія Д...“

Въ такомъ запустѣніи эта историческая могила находилась до 1863 г.; въ этотъ годъ правнукъ сподвижника и друга Петра Великаго, генералъ-адъютантъ, адмиралъ, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, виѣсто надгробной плиты, выстроилъ надъ могилою Дарьи Михайловны часовню.

Видъ часовни крестообразный, въ четыре аршина вышины и два ширины. Снаружи часовня окрашена коричневою краскою, а внутри бѣлою. На лицевой и задней стороны золотыми буквами написано:

„Въ память княгини Дарьи Михайловны Меншиковой, скончавшейся здѣсь на пути въ ссылку. Построилъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ въ 1863 г.“

Внутри часовни, слабо освещаемой четырьмя полукруглыми окнами, возвышается исклотою бутовой камень, означающій мѣсто могилы почившей княгини. Прямо противъ входа, на стѣнѣ, виситъ плохой работы образъ св. Дарьи, а предъ нимъ лампада, изрѣдка зажигаемая. Вообще вся часовня отличается простотою постройки. Мѣсто, занимаемое часовней, принадлежит услонскому крестьянину Бобылеву.

Казань.

П. В.

Поваръ Халябля.

1741г.

Указъ нашей архангелогородской губернской канцеляріи. Всемиловѣйше указали мы бывшаго при дворѣ матери нашей, блаженныя и вѣчно достойныя памяти ея императорскаго величества государыни Екатерины Алексѣевны, кухнѣ-мейстера Халябля, который обрѣтается въ Кольскомъ острогѣ, изъ ссылки немедленно свободить и, давъ ему подводы и прогонныя деньги, отпустить въ Санктъ-Петербургъ; и повелѣваемъ нашей архангелогородской губернской канцеляріи учинить по сему нашему указу. „Елисаветъ“.

Примѣчаніе. Замѣчательно, что указъ этотъ написанъ безъ означенія числа, мѣсяца и года, а также и мѣста, гдѣ данъ. Но на оборотѣ его слѣдующая, сдѣланная въ Архангельскѣ, помѣта: <полученъ съ почтою декабря 20 дня 1741 году>.

Сообщ. А. Подвысоцкія.

Челобитная императрицы Елисаветы.

1747.

(Писано на герб. листь, ц. 1 к. По титуль):

Бьетъ челомъ каргополець, кушечкой человекъ, Иванъ Васильевъ сынъ, Сухихъ - Голяницъ, на каргопольца, посадскаго человекъ, Ивана Стефанова сына, Киприянова, а о чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты:

1) Въ прошломъ 1746 г., въ июнѣ мѣсяцѣ, отдалъ я низайшій дочь свою, дѣвицу Оеклу Иванову, по закону Божию въ замужество вышеименованнаго Ивана Киприянова, за сына ево Василя Иванова. Къ сей

2) И въ бытность ея въ домѣ означеннаго Киприянова, онъ, сынъ Киприянова, ее, дочь мою, а свою невѣстку, сначала ея въ домѣ ево житья, повседневно оскорбляетъ и бранитъ всякими, неподобными, скарденными словами и называетъ канальею и Иудю, и бьетъ своими руками и палкою безвинно, приказываетъ ей, что-бъ она свекровѣ своей, а ево женѣ, Акулинѣ Ивановѣ дочери, въ ноги кланялася, и когда она, по его приказу, то чинитъ, въ то время лежащую ее, ногами безчеловѣчно топчетъ и таковыми безчеловѣчнымъ и мучительскимъ своимъ поступкомъ и озлобленіемъ, ее, дочь мою, лишилъ здравія и привелъ въ тѣлесное изнуреніе. челобитной

3) Сверхъ того онъ, Киприяновъ, поступаетъ съ нею, дочерью моею, въ домѣ своемъ непорядочно и чинитъ ей явное ругательство и непотребности, а именно, называя оную дочь мою, какъ выше объявлено, канальею и Иудю, призываетъ ее стоять предъ собою днемъ и ночью безъ сна, а самъ онъ, Киприяновъ, либо ходя по горницѣ, либо лежа на постели, велитъ ей, дочери моей, отворить ротъ и

мокроты руками и ничѣмъ другимъ обтереть не приказываетъ и не даетъ. А иногда онъ, Киприяновъ, для тѣлесной своей нужды.

и держать свѣчу, отчего она, дочь моя, отъ таковаго стыда, что ей то чинитъ непристойно и зазорно, отговаривается, но онъ, Киприяновъ, яко мучитель, за то бьетъ ее безчеловѣчнымъ битьемъ; иногда же онъ, Киприяновъ, со стола взявъ съ блюда ложкою горячей рыбной уха, приказываетъ ей стоять отворя ротъ, а самъ ту горячую уху бросаетъ ей въ отворенный ротъ и въ лицо. Иванъ

4) А сего октября къ 9 числу, въ ночи и днемъ, онъ, Кипріяновъ, ее, дочь мою, паки руками по щекамъ и по тѣлу палкою билъ немилостиво и безчеловѣчно, отъ которыхъ его побой на тѣлѣ ея раны и битыя мѣста имѣются, о которомъ его битыѣ и о всѣхъ вышеписанныхъ непорядочныхъ поступкахъ, я нижайшій того-жъ дня на него, Кипріянова, просилъ словесно въ Каргопольскомъ магистратѣ. А понеже мужъ ея, а мой зять, Василій Ивановъ сынъ, Кипріяновъ, нынѣ пишется въ отлученіи изъ Каргополя въ поморскія волости, а ей, дочери моей, онымъ свекромъ своимъ, Иваномъ Кипріяновымъ, въ домѣ его, за вышеобъявленными его, ею нестерпимыми, оскорбленіями и прочими непотребными поступками жить невозможно, въ такой опасности, дабы онъ, Кипріяновъ, надъ нею, дочерью моею, смертнаго убійства не учинилъ, понеже и то бывало, что онъ, Кипріяновъ, захватя ее одною рукою за горло, а другою, ударяя противъ груди, едва не задавилъ и не предалъ смерти. Сухихъ.

5) Дабы в — шимъ В. И. В. указомъ повелѣно было — вышеименованную дочь мою, женку Иванову, за неимѣніемъ въ домѣ мужа ея, для такова, непотребнаго свекра ея, житья и побой, пока онъ, мужъ ея, въ домъ возвратится, изъ онаго ево, Кипріянова, дому взять и до прибытія мужа ея отдать для содержанія и охраненія въ домъ мнѣ нижайшему, дабы онъ, Кипріяновъ, по вышеписаннымъ ево непотребнымъ поступкамъ и ругательствамъ ее, дочери моей, съ жестокими, безвинно, побоями не лишилъ живота, понеже онъ, Кипріяновъ, въ домъ къ себѣ для свиданія съ дочерью моею, невѣдомо для чего меня нижайшаго и домашнихъ моихъ не впускаетъ, можетъ быть для того, что-бы оныя его, чинимыя надъ дочерью моею, непотребности, не были явны, да и вышепредписанный мужъ ея, а мой зять, Василій Кипріяновъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Каргополя, призывалъ ей, женѣ своей, а моей дочери, въ небытность его, изъ онаго отцовскаго дому выдти и жить у меня нижайшаго, вѣдая его, отца своего, надъ нею всякія чинимыя непотребности и побои безмѣрные. А о тѣхъ его непотребностяхъ и обо всемъ вышеписанномъ его, Кипріянова, въ магистратѣ допросить и отъ такова ево, дочери моей, побой и ругательства, каковаго едва гдѣ слыхано, оборонить и учинить рѣшеніе по указамъ В. И. В. А битымъ мѣстамъ и ранамъ на тѣлѣ дочери моей учинить осмотръ и записать, и для того осмотру послать кого пристойно и егда по сему моему челобитію надлежащее слѣдствіе и разсмотрѣніе учинено будетъ, то повелѣно-бы было, для предбудущаго опасенія, чтобъ онъ, Кипріяновъ, по прежнему своему къ ней, дочери моей, неблагопріятству, а наипаче по нынѣшней съ нимъ письменной приказной ссорѣ, не чинилъ наивящ-

шаго озлобленія и оскорбленія, обязать его крѣпкою подпискою и поруками, съ надлежащимъ подтвержденіемъ. Голяницъ.

В—шая Г., прошу В. И. В. о семь моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Сентября — дня. 1747 г. Писалъ сію челобитную каргополецъ Андрей Поповъ. Поданію надлежитъ въ Каргопольскій магистратъ. руку приложилъ.

Рѣшено: Челобитые сіе записать въ книгу. Отвѣтчика Кипріянова сыскать въ магистратъ. Изъ сего челобитья, по формѣ суда, со срокомъ, что-бъ явился къ суду, дать копію и о всемъ вышеписанномъ допросить обстоятельно. А что-бъ вышепрописанный отвѣтчикъ Кипріяновъ оной невѣсткѣ своей, какъ выше сего въ челобитной написано, такихъ же озлобленій не чинилъ, до прибытія въ домъ мужа ея, а ево сына, Василия Кипріянова, велѣтъ оной невѣсткѣ ево жить въ домѣ отца ея, означеннаго челобитчика Сухихъ-Голенищъ, дабы таковыхъ же непотребностей отъ отца Кипріянова и ссоръ далѣе не воспослѣдовало. А битня мѣста и раны на тѣлѣ ея осмотрѣтъ и записать; для правильнаго осмотра послать городского старосту и съ нимъ купецкихъ добрыхъ людей двое или трехъ человекъ. А для осмотра-жъ у оной, челобитчика Сухихъ-Голенищъ дочери, а онаго Кипріянова невѣстки, на тѣлѣ битыхъ и кровяныхъ мѣстъ, взять ему, старостѣ, изъ женска пола кого пристойно и о томъ записку съ руками подать въ магистратъ. Сентября 10 дня 1747 г. Бургомистръ Василій Прибытковъ. Ратманъ Яковъ Кульяниновъ. Ратманъ Данило Мишанинъ. Ратманъ Иванъ Митусовъ. Въ (книгѣ подъ) № 68.

Сообщ. П. Вашловскій.

Продажа людей.

1760.

Лѣта тысяча семьсотъ шестидесятаго, декабря въ девятыйнадцать день, отставной капралъ Никифоръ Гавриловъ сынъ Сипягинъ въ родѣ своемъ не послѣдній, продалъ я, Никифоръ, маіору Якову Михѣеву сыну Писемскому старинныхъ своихъ, Галицкаго уѣзда, Корежской волости, изъ деревни Глобенова, крестьянскихъ дочерей, дѣвокъ: Соломаниду, Мавру, да Ульяну Ивановыхъ дочерей малолѣтнихъ на вывозъ. А взялъ я, Никифоръ, у него, Якова Писемскаго, за тѣхъ проданныхъ дѣвокъ денегъ три рубли. И вольно ему, Якову, и женѣ, и дѣтямъ, и наслѣдникамъ его, тѣми дѣвками съ сей купчей владѣтъ вѣчно, продать и заложить и во всякія крѣпости укрѣпить. А напредъ сего оныя дѣвки отъ меня иному никому не проданы и не заложены и ни въ какихъ крѣпостяхъ ни у кого не укрѣплены; а

ежели въ тѣхъ дѣвохъ станетъ кто вступаться по какимъ крѣпостямъ и мнѣ, Никифору, и дѣтамъ, и наслѣдникамъ моимъ, его, Якова Писемскаго, и жену, и дѣтей, и наслѣдниковъ его отъ тѣхъ вступщиковъ очищать и убытка никакого въ томъ не доставить. А о написаніи договорной цѣны безъ утайки, Правительствующаго Сената прошлаго тысяча семьсотъ пятьдесятъ втораго года, указъ мнѣ, продавцу и покупщику при сей купчей объявленъ. Къ сей купчей капитанъ Алексѣй Андреевъ сынъ Нелидовъ, вмѣсто напрала Никифора Гаврилова сына Сипягина, что онъ дѣвохъ Соломаниду, Мавру, да Ульяну Ивановыхъ дочерей маіору Якову Писемскому продалъ и денегъ три рубли взялъ, по его прошенію; да свидѣтели: Маіоръ Спиридонъ Ивановъ сынъ Борсуковъ, отставной сержантъ Михайла Алексѣевъ сынъ Телепневъ руки приложили. Писалъ подъ-канцеляристъ Иванъ Праснецовъ. Пошлинъ отъ письма десять копѣекъ, съ цѣны тридцать копѣекъ, отъ записки въ книгу десять копѣекъ, на расходъ четверть копѣйки пошлинъ принялъ и совершилъ надсмотрщикъ Андрей Рудомазинъ. Декабря въ 19 день 1760 г. Записано подъ № 917.

Примѣчаніе. Документъ этотъ напечатанъ съ подлинника 1760 г.

Галичъ.

Сообщ. Адмировъ.

Участники въ дѣлѣ Лопухиной.

Замѣтка.

Въ томъ XI-мъ „Русской Старины“ изд. 1874 г. (стр. 1—42; 191—235) во всей подробности изложено подлинное розыскное дѣло о мнимомъ заговорѣ статсъ-дамы Натальи Ѳедоровны Лопухиной и о кровавой судьбѣ, постигшей какъ ее, такъ и всю семью, друзей и ближнихъ злополучной женщины.

При изложеніи этого дѣла мы не имѣли, однако, точныхъ данныхъ о времени окончанія ссылки, а также о времени смерти нѣкоторыхъ изъ осужденныхъ по этому дѣлу. Нынѣ эти данныя сообщены намъ однимъ изъ изслѣдователей отечественной исторіи. Вотъ онѣ:

Сынъ Н. Ѳ. Лопухиной, Иванъ Степановичъ Лопухинъ, собственноручнымъ указомъ императора Петра III отъ 6-го марта 1762 г. возвращенъ изъ Охотска съ разрѣшеніемъ жить у матери въ деревняхъ.

Князь Иванъ Путятинъ умеръ въ Кецеѣ, — мѣсто его ссылки, — 29-го октября 1752 г.

Александръ Зыбинъ, обер-штеръ-кригскомисаръ, также умеръ въ ссылкѣ, въ Кузнецкѣ, 20-го іюня 1760 г.

Камергеръ Лиліенфельдъ умеръ въ Томскѣ 12-го апрѣля 1759 г. Его женѣ, Софіи Васильевнѣ, уже имѣвшей разрѣшеніе жить въ дерев-

ПРОЕКТЪ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

ВЪ XVIII В.

Доволено цензурою. С.-Пб., 20 января 1875 г.

Типографія В. С. Балашева, В. Сзд., № 49—2.

няхъ, дозволено императрицей Екатериной II, 1-го августа 1762 г., жить въ Москвѣ, или гдѣ пожелаетъ.

Графиня Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина умерла въ Якутскѣ 14-го апрѣля 1751 г.

Статуетка: Петръ Великій.

Въ имѣніи „Дукоры“, въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, приобрѣтена мною довольно оригинальная бронзовая статуетка императора Петра Великаго. Проводя лѣто 1871 г. въ моемъ имѣніи, въ верстахъ отъ „Дукоры“, я часто бывалъ тамъ, и однажды, осматривая старый господскій домъ, обратилъ вниманіе на бронзовую небольшую фигуру Петра I. При первомъ взглядѣ на нее меня поразила тождественность основной мысли художника съ памятникомъ Фальконета. Тотъ же скачущій на скалу конь, таже простертая рука всадника. Современность статуетки съ эпохою Фальконета не можетъ подлежать сомнѣнію. Но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что она исполнена другимъ художникомъ.

Приобрѣтая эту, по моему мнѣнію, рѣдкую художественную вещь, я пытался собрать и свѣдѣнія о ея происхожденіи. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти очень не полны. Имѣніе Дукоры находилось прежде во владѣніи Ошторвта, бывшаго долгое время минскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Ошторвтъ давно умеръ, утонувъ въ р. Свислочи, а Дукора перешла, по наслѣдству, къ дочери его, г-жѣ Сяноженской, владѣющей имѣніемъ этимъ и въ настоящее время. До 1871 г. статуя стояла въ большомъ господскомъ домѣ въ гостинной, носящей названіе „Царской“. Въ этой комнатѣ помѣщены только изображенія царственныхъ особъ, въ числѣ коихъ находятся также портреты во весь ростъ императоровъ Павла I¹⁾ и Александра I. Описываемая мною статуетка Петра Великаго была привезена Ошторвтомъ изъ Вильно, гдѣ онъ получилъ ее въ подарокъ отъ виленскаго генераль-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова, который управлялъ сѣверо-западнымъ краемъ съ 23-го марта 1831 г. по 13-е марта 1840 г. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могу сообщить о статуѣ Петра Великаго, воспроизведенія которой я, по крайней мѣрѣ, никогда не встрѣчалъ ни въ рисункахъ, ни въ скульптурѣ. Тоже утверждаютъ и многіе любители отечественной старины и искусствъ, которымъ я показывалъ находящійся у меня оригиналь.

¹⁾ Императоръ Павелъ I изображенъ освобождающимъ Костюшко изъ заключенія.

Отдѣлка орнаментовъ на латахъ, шлемѣ и вообще всей фигурѣ всадника тщательна до мелочности. Пьедесталь изъ бѣлаго мрамора. Имени художника нѣтъ. Вышина отъ нижняго края пьедестала до верхней точки шлема 11³/₄ верш., длина коня 8 верш.

Спб.

Сообщ. Мажовъ.

Прошеніе экономическихъ крестьянъ орловскаго намѣстничества генералъ-губернатору орловскаго и курскаго намѣстничествъ, Александру Андреевичу Балашеву.¹⁾

1790-хъ гг.

Карачевской округи, села Бутырь, отъ экономическаго крестьянина Ивана Говорухина съ товарищи прошеніе:

Оглянись, государь Александръ Андреевичъ, на наши горькія слезы, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ, какъ они насъ раззоряютъ, вѣдь намъ, г-рь, не вмочь стало; просить некого, кромѣ тебя, г-рь, нигдѣ суда не сыщешь, хоть лобъ взрѣжь, всѣ у нихъ на жалованьи; просили капитанъ-исправника, да онъ отказался, просили ревизора, тотъ сказалъ: „не мое дѣло“. Наставили, г-рь, выставокъ,²⁾ въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ, да и споили ребятъ (такъ), что доимки и податей платить некому, такъ что и бабы спились, все хозяйство пропили; а воры тому и рады, все берутъ въ закладъ, а вино держутъ доброе, да продаютъ его по 60-ти алтынъ за ведро; такъ не хотя пьешь. У насъ Ванька, да Мишка славные были колесники да.....³⁾ и въ ротъ не брали, ну такъ этихъ споили и доимки взять не съ кого, вотъ какое наше раззореніе. Мѣстахъ въ 20-ти у насъ въ округѣ наставили выставки; думали просить ревизора какъ онъ у насъ былъ, такъ повѣренный воръ видно купилъ (?) ему что-то въ горло, такъ и сказалъ: „не мое дѣло“. Наши ребята ходили къ нему въ Карачевъ, недѣлю цѣлую мучились; какъ придуть, такъ холопъ выйдетъ, да скажетъ: не время — либо спать, (либо) хмѣлень; а вѣдь, г-рь, (не) съ голыми руками (идти) къ нему; да и холопъ-отъ безъ полтины не доложитъ. Спросите у головного старосты Василія Кондратьевича, онъ мужикъ добрый, души не сломитъ: что-де ты

¹⁾ Беклешовъ Александръ Андреевичъ (1743—1808) былъ генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ съ 1790 по 1796 годъ. Онъ, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, оставилъ по себѣ память добраго и честнаго начальника, былъ обходителенъ со всѣми и строгъ, когда надобность того требовала. См. «Словарь дост. люд.» т. I, стр. 117—121.

²⁾ Для продажи вина.

³⁾ Точками обозначены не разобранныя слова.

Н. Д.

Кондратьевичъ заплатилъ въ лавку за наитки-то? за ревизора?... Скажеть небось ста полтора, да съ судьи слупилъ ста четыре (такъ-то) не боюсь, г-рь, онъ тебѣ скуи (?) надѣлалъ, а все-то повѣренный съ исправникомъ его пошли, да вскружили ему голову (такъ что) какъ шальной, сказываютъ, по городу бродить. Какъ ѣздилъ ты, г-рь, по городамъ, такъ мы хотѣли тя просить, чтобъ ты воражъ-то велѣлъ согнать отъ насъ выставки, такъ насъ въ то время исправникъ въ.... да и посадилъ подъ караулъ, пока ты пробкалъ; для того онъ вѣдь отъ нихъ, воровъ, получаетъ по 300 рублей въ годъ, да винца и водки что выпьетъ! Такъ они и живутъ, раздуй ихъ, душа въ душу; правды не сыщешь ни на алтынъ, — а просить некого; вотъ каково наше житье! Намъ сказали, что прѣехалъ (ты) на житье (вѣроятно въ Орелъ), а то мочи нѣтъ къ тебѣ въ Курскъ-то идти; такъ спасибо, надоумилъ кумъ мой приказный, чтобъ послать тебѣ просьбу на почтѣ, такъ я и послалъ. Умилосердись, г-рь, прикажи, чтобъ насъ воры-повѣренные не разорали, намъ же не вмочь терпѣть отъ нихъ (коть) околѣть, (если ты), государь, не вступишься, такъ они кровь изъ насъ высосуть. Миѣ Бориско нашъ говорилъ: „пойдемъ въ Питеръ, попросимъ генерала Самойлова,¹⁾ такъ онъ за насъ и царикѣ доложитъ, что насъ воры совсѣмъ съѣли“; и онъ намъ, правда, съ руки: бачка его Николай Борисовичъ въ Брянскѣ у насъ воеводою, такъ съ нашими стариками хлѣбъ-соль важивалъ, да и Бориско-то работалъ у него на кольцовомъ заводѣ, такъ онъ за насъ, хоть бы гдѣ, такъ слово замолвить, али къ тебѣ напишетъ. Всякъ насъ знаетъ, бѣдныхъ, а просить (законнымъ порядкомъ) поди, такъ пропадешь вмѣсто собаки, бросятъ въ острогъ, такъ и умрешь съ голоду; вѣдь у нихъ, у воровъ, во всѣхъ судахъ судьи, сказываютъ, подкуплены; ужъ на кого нападутъ, такъ суда нѣтъ, такъ и быть такъ; то и Теклова, даромъ, что зубастъ, да съ твоею милостью, зацѣпи, поймали съ набатомъ, да и подставили вина чанъ; не что едѣлалъ! хлопочи! а его же всѣ ругали да дразнили, а наше братъ попадись, такъ разомъ съѣдятъ. Еще, г-рь, не помучь, выслушай: былъ оногдась у меня изъ Кричева экономическій Оожка Морченновъ, такъ бѣдныхъ обидѣлъ (судья Володимеровъ); они вѣдь имѣли землю лѣсную и планъ и межевую книгу выходили, а вѣдь не за даромъ-то доставали, твою милость вѣдаетъ, какъ межевня дѣла водятся, ну такъ нынѣ съ нимъ какую фигуру выкинули: въ ихъ-то дачу, да пустила Орловская па-

¹⁾ Самойловъ Александръ Николаевичъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ генераль-прокуроромъ; ему поручалось вѣдать тайную, казначейства и экспедици. По матери онъ приходился роднымъ племянникомъ Потемкину.

лата другихъ мужиковъ, села Лины, да Бережекъ. Байковой изъ Бережка за тѣмъ, что ..... судья Володимеровъ посадилъ въ палату въ секретари Андрея Жигальцева, Антошкинова сына, такъ онъ взялъ съ Ливскихъ по 100, да съ Бонновскихъ по 500 рублей, кромѣ сахару и водки; да и пустилъ въ чужую дачу; ихъ раззоряютъ, грабятъ бѣдныхъ невинно, а гдѣ просить? суда не слыщеть; даромъ что иные кажутся набожные судья, да псалтирь съ акафистами читаютъ, а правды въ нихъ нѣтъ ни на алтынъ, и за воровъ - откупщиковъ такъ рады и на крестъ пойти. Небось г-рь Александръ Андреевичъ въ господскихъ-то деревняхъ воры-то съ выставками не суются, тѣ (господа) и сами къ тебѣ дорогу найдутъ, да что? полно, сами шинкуютъ: у насъ въ округѣ такъ въ пятеромъ вмѣстѣ господа-то продаютъ ..... тамъ опузатѣль отъ вина—ему любо, а то еще у Теплова, да у Зиновьева, да у Панина, да у Ржевскаго, а исправникъ не смотрѣлъ для того, что они ему кто лошады, кто денегъ даютъ, такъ онъ и молчитъ. Да что, полно, подь Орломъ-то они на гати у Цирькова въ городищѣ (построили заводъ), то-то ужъ пожгутъ дровъ, и прошедшую зиму ведеръ съ 100,000 накурили и все по вонторскимъ развезли. Все-то орловская хохлятая голова (?) завнается, вездѣ воры есть, сгинь ихъ голова! Пошли-ко, г-рь, потихоньку кого провѣдать, пересчитать ставки, небось ста три насчитаетъ, скажешь мнѣ спасибо, что не солгалъ, а коли солгалъ, то провались я въ таргарары и выйди изъ меня душа безъ покаянія; знаешь что мнѣ лихо пришло, некому противъ нихъ топорщиться, разомъ съѣдятъ. Умилостивись, г-рь, заступи за насъ, сиротъ, а коли не вступишься, то намъ пропасть; придетъ наша-то жизнь вотъ какова: поплачешь, да за обидѣвнаго свѣчку поставишь, а имъ, ворами, ничего не дѣлается. Какъ ты изволилъ ѣздить по Окѣ на ихъ воровской лодкѣ, такъ хороше на кормѣ-то стоялъ налить, вотъ они, воры, только пузатѣютъ, шкура съ нихъ долой! а когда попадетъ къ нимъ нашъ братъ съ винишкомъ (т. е. корчемникъ), такъ мучаютъ, мучаютъ, да за ведро рублевое сто сдерутъ; аномнся попался парень нашъ съ осьмушкой, купилъ у Панина на хуторѣ, такъ они съ него анбаръ (?), да мерина слупили, рублей въ 17; такіе воры, ужъ никто противъ нихъ не смѣй топорщиться. У насъ сосѣдъ изъ господъ также, да баринъ какой честный, прямо какъ христіанинъ, никого не обижаетъ, Федоръ Ивановичъ ..... овъ, тоже сбился деньжонками, да сгородилъ себѣ заводецъ, думалъ также какъ и богатые винишкомъ побарышевать, ну! такъ воры подвели милаго и теперь живота не надышетъ, и заводецъ опустѣлъ, и долгу себѣ на шею наколбалъ, а парень-то, парень, какой добрый, да смышленный, только

оплошалъ тѣмъ, что не далъ ничего исправнику, такъ и пропалъ, за-
скудѣлъ такъ и подумать не можно; правда, у насъ исправникъ цѣ-
лая собака! Нынѣ, передъ страстной, послалъ своего холопа, Оедьку,
по нашимъ экономическимъ селамъ собрать къ празднику ветчины,
барановъ, куръ, еще яйца, масла, сметаны, сыру (творогу), а инне,
вѣдаешь, глупые люди, и навлали ему воза два, а онъ, воръ, почти
все продалъ, а господину-то развѣ десятая доля попала; да я, спа-
сибо, самъ отвезъ къ его милости кадочку меду, барашка, да три
осьмины овса, такъ ко мнѣ хорошъ сталъ: изъ своихъ ручекъ ча-
рочку винца (поднесъ); однако я боюсь, г-рь Александръ Андреевичъ,
у меня два парня, взрослые ужъ ребята, такъ чтобъ онъ, какъ бу-
детъ наборъ рекрутскій, такъ бы не упеталъ (?) сына моего въ сол-
даты, да полно, я къ твоей милости въ тогдашнее время добреду, а
ты, г-рь, тогда помилуй Богомъ и собой, да не сердись же, г-рь, на
мой глупыя рѣчи, что тебѣ насучилъ, да заступись за насъ: не вели
насъ ворами-то обижать. Я къ тебѣ, г-рь, давно послалъ бы грамотку,
да у насъ и написать-то некому, а спасибо попался холопъ Толбу-
гина, такъ онъ написалъ ему (?) грамотку, а мы вѣдъ люди стало-
быть не смысленные и не знаемъ, что онъ намъ написалъ; на празд-
никъ подошелъ ко мнѣ, такъ я ему помолился, да далъ денегъ
алтынъ, да за бумагу ему 10 яицъ. Да коли воры насъ не переста-
нутъ обижать, такъ я къ тебѣ опять напишу грамотку, или самъ при-
волокусь въ Коренную (т. е. во время Коренной ярмарки)¹⁾, помо-
литься Божіей Матери; ты, чай, самъ будешь на ярмаркѣ. Ужъ не лю-
бить-же тебя, г-рь, они, воры, и бранять, и чортъ знаетъ какъ! у насъ
давно повѣренный проговорился: „и того чтобъ-де не станеть и твою
милость съ мѣста сжить, наши-де хозяева и съ большими-те боярами
знакомы“, то (смотри), чтобъ они, воры, не подыскались и надъ тобой,
ужъ спасибо, что ты на нихъ добрая вѣса. За симъ кланяюсь, продли
тебѣ Господи живота и вѣку. Иванъ Говорухинъ съ товарищи.

Примѣчаніе. Копія съ этой «грамотки», переписанная разными руками,
очень неразборчива и безграмотна; заимствована изъ одного рукописнаго сбор-
ника моей бібліотеки; въ сборникѣ переплетены вмѣстѣ рукописи прошлаго
и начала нынѣшняго столѣтія; кромѣ настоящей «грамотки», тамъ встрѣчаются
списокъ извѣстной повѣсти о зачатіи и рожденіи Петра I-го—Креکشина, це-
ремоніалы погребенія Потемкина, стихи и рѣчи на его кончину; указы импе-
ратора Павла за 1-е годы его царствованія (запрещеніе носить платья извѣст-
наго покроя) и проч.

Н. П. Дуровъ.

¹⁾ Коренной Рождественскій монастырь курской епархіи, въ 27-ми верстѣ
отъ Курска по Орловской дорогѣ, основанъ въ честь найденной тамъ иконы
Знаменія Божіей Матери на корнѣ одного дерева, почему и названа эта чуд-
творная икона Коренною. При монастырѣ бываетъ однажды въ годъ ярмарка,
начинающаяся за недѣлю передъ девятою пятницею по Пасхѣ. Н. Д.

Фельдмаршалъ М. Ѡ. Каменскій.

1866.

Въ 1806 году, когда необходимо было избрать главнокомандующаго для нашей арміи, предназначенной для дѣйствія противу Наполеона, голосъ цѣлой Россіи указалъ на маститаго вождя времени Екатерины, сподвижника Суворова, графа Михаила Ѡедотовича Каменскаго.

Назначеніе его было радостно привѣтствуемо всѣми; Петербургъ и Москва ливовали, Державинъ привѣтствовалъ героя одою; императрица Елисавета Алексѣевна, несмотря на болѣзнь, приняла его въ постели; все было полно надеждъ и увѣренности въ успѣхъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій — и пришли эти извѣстія, доказавшія, что мечъ Екатерины позаржавѣлъ отъ долгаго пребыванія въ ножнахъ.

Дѣйствительно, послѣ сумасбродныхъ споровъ за старшинство и самовольнаго принятія начальства надъ арміею, дѣйствовавшею противу Турокъ (послѣ смерти князя Потемкина) въ 1791 году, Каменскій былъ уволенъ отъ службы и снова принятъ императоромъ Павломъ I 24-го ноября 1796 года; възвысанъ его милостями въ 1797 году; награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго, чиномъ генералъ-фельдмаршала и возведенъ въ графское достоинство, а 25-го декабря того же года уволенъ отъ службы за слабостію здоровья.

Двѣнадцать лѣтъ бездѣйствія и отвычки отъ командованія арміею были сознаны старикомъ тотчасъ по прибытіи въ армію. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его письма, отъ 18-го декабря 1806 года къ императору Александру Павловичу: ¹⁾

„Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ получилъ садну (ссадину) отъ сѣдла, которая, сверхъ прежнихъ перевязокъ моихъ, совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ ѣздить верхомъ и командовать такой обширной арміею...“. „При томъ откровеннымъ сердцемъ передъ государемъ открываюсь, что, по нынѣшнему короткому пребыванію при арміи, нашелъ себя нескожимъ на себя: нѣтъ той резолюціи, нѣтъ того терпѣнія къ трудамъ и ко времени, а болѣе всего нѣтъ прежнихъ глазъ, а безъ нихъ полагайся должно на чужіе рапорты, не всегда вѣрные...“. „Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ из-

¹⁾ Мих.-Данил. «Описаніе войны 1806 и 1807 г.», стр. 100—101.

бранъ. Всемилостивѣйшаго дозволенія вашего о томъ ожидать буду здѣсь при госпиталѣ, дабы не играть ролю писарскую, а не командирскую — при войскѣ“.

Намъ удалось собрать подлинныя бумаги, относящіяся до этого курьезнаго эпизода кампаніи 1806 года (въ томъ числѣ 25 собственноручныхъ писемъ Каменскаго). Бумаги эти, съ необходимымъ объясненіемъ, мы со временемъ сообщимъ на страницахъ „Русской Старины“; теперь же, въ видѣ образчика, помѣщаемъ одно изъ писемъ фельдмаршала графа Каменскаго къ графу Вусгевдену. Мы позволяемъ себѣ, при святѣи копіи съ письма, восстановить ореографію:

„Милостивый государь мой, графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ. Что у васъ дѣлается — извѣстите меня, прошу; остаетесь-ли, и въ такомъ случаѣ подрагаться надо и отогнать, или всѣхъ отвести далѣе, на сытое мѣсто ¹⁾ въ Пруссію-жъ, и вернуться нѣсколько отъ Наревы направо. Есть-ли драка будетъ дней черезъ пять, то я волонтеромъ быть могу. Рана еще не зажила; но въ тому времени подживетъ. Я волонтеромъ радъ быть, но не командиромъ. Посылаю сіе черезъ нарочнаго. Покорный слуга графъ М. Каменскій“.

На оборотѣ: „Сдѣлайте рѣшеніе о больныхъ и раненныхъ на Остроленкѣ. z.

Василій Григорьевичъ Костенецкій.

1780 — 1831.

Читая въ „Русской Старинѣ“ весьма интересныя Записки Жиркевича,²⁾ въ которыхъ онъ, между прочимъ, рассказываетъ, о шуткѣ съ нимъ въ сраженіи подъ Бауценомъ въ 1813 году генерала Костенецкаго, командовавшаго тогда всею гвардейскою артилеріей, мнѣ пришли на мысль многіе, слышанные мною въ свое время, анекдоты объ этомъ генералѣ, который, въ числѣ великихъ подвижниковъ нашей отечественной войны, славенъ былъ многими блистательными военными подвигами, о которыхъ рассказалъ нѣчто Михайловскій-Данилевскій въ своемъ „Описаніи портретной галереи генераловъ 1812 года“.

Этотъ генералъ Костенецкій былъ мой двоюродный дядя, имѣлъ имѣніе въ одномъ со мною селеніи, въ которомъ по временамъ проживалъ, гдѣ я иногда его видѣлъ еще въ моемъ дѣтствѣ, и слышалъ объ немъ множество самыхъ оригинальныхъ рассказовъ, которые, если не всѣ,

¹⁾ Т. е. не тронутое реквизиціонными сборами.

²⁾ «Русская Старина» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—241; т. X, стр. 633—666; т. XI, стр. 411—450, 642—664.

быть можетъ, справедливы, но все же они правдоподобны, и такъ какъ обрисовываютъ одну изъ самыхъ достопримѣчательныхъ личностей, уже прославленныхъ исторіей, то я считаю не бесполезнымъ сдѣлать ихъ извѣстными.

По семейнымъ преданіямъ фамилія Костенецкихъ, въ до-Петровскія времена, жила въ задѣпровской Малороссіи, гдѣ владѣла значительными имѣніями, крѣпко держалась православія и за это претерпѣвала много гоненій отъ своихъ собратій, ополячившихся и перешедшихъ въ католичество помѣщиковъ. Одинъ изъ этой фамиліи, за свою непоколебимость въ православіи, послѣ всевозможныхъ притѣсненій и гоненій, наконецъ былъ казненъ въ Варшавѣ, и изъ груди его было вырвано палачемъ сердце, изображеніе котораго, пронзенное двумя стрѣлами, сдѣлалось потомъ гербомъ фамиліи Костенецкихъ. Вдова казеннаго бѣжала съ двумя малолѣтними сыновьями на эту сторону Днѣпра, и гетманъ Малороссіи Скоропадскій, уже въ царствованіе Петра I, далъ ей во владѣніе нѣсколько помѣстій въ Конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ и теперь проживаетъ эта фамилія, и гдѣ генераль Костенецкій имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ имѣніе, состоявшее по прежнему опредѣленію величины имѣній, изъ четырехъ сотъ душъ крестьянъ, и проживалъ въ селеніи Веревкѣ, рядомъ съ бывшею усадьбой моего отца.

Генераль Костенецкій былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ стройный и красивый мужчина съ самымъ добрымъ и привѣтливымъ лицомъ и обладалъ необыкновенною физическою силою. Характера былъ добраго, имѣлъ нѣжное сердце, но вспыльчивъ въ высокой степени; твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не умѣлъ гнутья предъ начальствомъ, съ трудомъ переносилъ подчиненность, и вообще былъ человѣкъ съ сильными страстями, любилъ женщинъ, а еще болѣе былъ любимъ ими, но никогда не былъ женатъ. Онъ былъ очень образованъ; какъ артилеристъ любилъ математику, любилъ русскую исторію и историческія древности, былъ патриотомъ въ высшей степени и человѣкомъ въ полномъ смыслѣ военнымъ. Ему вѣчно хотѣлось сражаться и онъ готовъ былъ покорить Россію всю Европу. Онъ хорошо зналъ французскій языкъ, и изъ патриотизма, часто въ шутку, утверждалъ, что этотъ языкъ происходитъ отъ русскаго языка. „Вотъ, напримѣръ, говорилъ онъ, слово cabinet происходитъ отъ русскаго слова какъ бы нѣтъ, domestique, слуга, отъ словъ: домъ мести, кому же какъ не слугѣ прилично домъ мести“, и проч. — анекдотъ извѣстный цѣлой Россіи.

Много говорили о необыкновенной физической силѣ генерала Костенецкаго. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго

о томъ, какъ этотъ Костенецкій, въ одномъ изъ сраженій съ Французами, кажется въ 1809 году, когда на батарю, которою онъ командовалъ, бросились польскіе уланы, перебили всю прислугу, и, разумѣется, взяли бы батарею, но Костенецкій, схвативши баннигъ, началъ ваять имъ Поляковъ направо и налѣво, многихъ перебилъ, прогналъ всѣхъ и не допустилъ ихъ овладѣть батареей. Послѣ этого, когда государь Александръ Павловичъ благодарилъ его за такой подвигъ, онъ сказалъ государю, что надобно бы ввести въ артилерію, вмѣсто деревянныхъ, желѣзные банники. Государь возразилъ ему: „Мнѣ не трудно ввести въ артилерію желѣзные банники, но гдѣ найти такихъ Костенецкихъ, которые могли бы владѣть ими!“ Не знаю, откуда именно Михайловскій-Данилевскій взялъ этотъ рассказъ, но объ этомъ событіи, еще до появленія его въ печати, я слышалъ отъ сослуживцевъ генерала Костенецаго; что онъ разгибалъ подковы, сгибалъ серебряные рубли—это было всѣмъ извѣстно. Однажды, говорятъ, въ Кіевѣ, въ одномъ обществѣ, въ которомъ, въ числѣ гостей былъ генералъ Костенецкій, дамы, желая подшутить надъ нимъ, поднесли ему на тарелкѣ очень искусно сдѣланную каменную грушу, и просили его скушать. Костенецкій, замѣтя обманъ, взялъ грушу въ руку и, какъ бы нечаянно раздавивши ее, воскликнулъ: ахъ! какая она мягкая.

Проживая однимъ лѣтомъ въ имѣніи своемъ, въ Беревѣ, шелъ онъ по плотинѣ, мимо водяной мельницы, принадлежавшей отцу моему, возлѣ которой лежалъ большой мельничный жерновъ, и мельникъ съ нѣсколькими рабочими силились поднять его и везти въ мельницу.— „Что вы это дѣлаете?“ спросилъ ихъ генералъ Костенецкій.— „Да отъ, добродію, хочемо укутыть у млинъ оцей каминь, да не ахъ не сможемо“, отвѣчалъ мельникъ.— „Эхъ вы, слабѣе какіе, возразилъ генералъ, давайте, я вамъ помогу“. И съ этими словами подложивъ руку подъ жерновъ, поставилъ его на торчъ, и потомъ самъ, одинъ, везилъ его въ мельницу, къ удивленію собравшейся по этому случаю толпы людей.

Жизнь велъ онъ необыкновенно оригинальную: одѣвался въ длиннополый военный сюртукъ и носилъ какую-то необыкновенно высокую, форменную фуражку. Комнаты зимою никогда не топилъ, и ему въ нихъ не было холодно, но каково же было иногда посѣщавшимъ его гостямъ! Когда и мнѣ приходилось бывать у него, то бывало дрожишь, какъ въ лихорадѣ. Возлѣ крыльца дома была всегда наметана большая куча снѣгу, и онъ, какъ только поутру встанетъ съ постели, то есть, съ жесткаго кожаного дивана съ такой же головной подушкой, безъ простыни и одѣяла, тотчасъ же отправляется

голымъ въ эту кучу снѣга и въ ней барахтается, и когда потомъ войдетъ въ комнату, то паръ идетъ съ него, какъ послѣ бани. Чай пилъ онъ тоже не по обыкновенному: онъ обходился безъ чайника, влялъ чай прямо въ стаканъ, наливалъ его горячей изъ самовара водой, и когда чай настаивался, тогда онъ пилъ его безъ сахара и потомъ жевалъ чайные листья. Пища его была сама простая: борщъ, каша и изрѣдка жаркое. Водки и вина не пилъ вовсе, но для гостей имѣлъ превосходныя наливки, которыя по нѣскольку лѣтъ хранились въ погребѣ, въ боченкахъ и бутылкахъ. Еще была у него одна необыкновенная странность. Съ крестьянами своими онъ обращался очень милостиво, но не любилъ своего прикащика П*... , который и крестьянъ угнеталъ и его обманывалъ, и въ каждый его пріѣздъ въ имѣніе, этому прикащику доставалось переносить отъ него много и брани и побоевъ. Семейство этого прикащика составляло и его прислугу, и какъ онъ со всѣми ими обращался строго, то и боялся ихъ мщенія, чтобы они его когда-нибудь не отравили. Чтобы предупредить такую опасность, онъ хотѣлъ приучить себя не бояться никакой отравы, и для этого онъ носилъ всегда въ карманѣ кусокъ мышьяку, который ежедневно поутру лизалъ языкомъ по нѣскольку разъ, каждый день постепенно увеличивая количество лизаній, и такимъ способомъ довелъ себя до того, что уже довольно значительный пріемъ мышьяка, который былъ бы смертельнымъ для всякаго другого человѣка, на него не производилъ никакого вреднаго дѣйствія.

Знавшіе этого генерала артиллеристы, или служившіе подъ его командой, рассказывали о немъ какъ о добромъ и снисходительномъ начальникѣ, честномъ, справедливомъ и въ высшей степени безкорыстномъ человѣкѣ; а объ его артиллерійскихъ свѣдѣніяхъ относились даже какъ о необыкновенныхъ для своего времени. Онъ не могъ терпѣть тѣхъ медленныхъ маневровъ нашей пѣшей артилеріи, какіе въ ней употреблялись въ его время, когда всѣ движенія съ орудіями производились не иначе какъ шагомъ, и вводилъ въ своихъ батареяхъ собственно свои, совершенно особые и быстрые маневры, на полныхъ рысяхъ или даже карьерѣ лошадей, при какихъ движеніяхъ прислуга садилась на лафеты,—маневры, которые потомъ, гораздо позже, введены въ нашей пѣшей артилеріи уже при государѣ Николаѣ Павловичѣ.

Извѣстно, что цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ тоже обладалъ значительною физическою силою, которую онъ, разумѣется, уважалъ и во всякомъ другомъ силатѣ, и поэтому, да и по другимъ причинамъ, онъ очень любилъ генерала Костенецкаго и былъ съ нимъ друженъ. Когда отъ англійскаго двора были привезены двѣ

превосходнѣйшія сабли въ подарокъ, одна — государю Александру Павловичу, съ золотой на полосѣ буквой А, а другая — Константину Павловичу съ буквой К, то государь подарилъ свою саблю Аракчееву, а Константинъ Павловичъ — Костенецкому. Такъ кстати подошли начальныя буквы фамилій ихъ любимцевъ къ вензелямъ на подаркахъ. Саблю эту я видѣлъ у генерала Костенецкаго еще въ моемъ дѣтствѣ, которая, по смерти его, какъ и все очень цѣнное имущество генерала, погибла въ пожарѣ.

Въ царствованіе Александра Павловича, послѣ отечественной войны, начало въ Костенецкомъ сильно проявляться чувство національнаго достоинства и, съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличилось нерасположеніе къ русскимъ и иностранцамъ, которые съ давнихъ временъ вторглись въ нашу высшую іерархію, и, занимая высшія должности, покровительствовали своимъ одноземельцамъ, пренебрегали русскими и, часто вовсе незаслуженно, получали награды и милости преимущественно предъ ними. Извѣстенъ анекдотъ про Ермолова, который будто бы, когда государь Александръ Павловичъ, желая его наградить за что-то, спросилъ, какую бы онъ желалъ получить награду, отвѣчалъ: „Государь! сдѣлайте меня нѣмцемъ!“ давая знать этимъ, что стоитъ только быть нѣмцемъ, такъ всѣ награды посыплются уже сами собою. Но эту ненависть къ нѣмцамъ, или вообще къ иностранцамъ, никто не питалъ въ такой высокой степени, какъ генералъ Костенецкій, который, по пылкости своего характера, никакъ не могъ скрывать такого своего къ нимъ нерасположенія, и очень часто его обнаруживалъ, иногда къ лицамъ, гораздо выше его стоящимъ въ служебной іерархіи, а это и было причиной, что служебная его карьера тянулась очень медленно: его обходили чинами, орденами, и только что терпѣли на службѣ. Еще въ 1812 году онъ былъ уже генералъ-майоромъ, командовалъ всею артилеріей гвардейскаго корпуса, но по окончаніи войны, оставался все время въ томъ же чинѣ и только государь Николай Павловичъ произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Онъ имѣлъ орденъ Владимира второй степени, и когда за какое-то отличіе слѣдовало наградить его высшимъ орденомъ или чиномъ, то ему, какъ бы въ насмѣшку, дали въ другой разъ тотъ же самый орденъ, такъ что онъ и въ титулѣ своемъ именовалъ себя кавалеромъ ордена Владимира 2-й степени, двухъ пожалованій — случай едва-ли ни единственный въ лѣтописяхъ нашей арміи! — и послѣ командованія гвардейской артилеріей сдѣлали его бригаднымъ командиромъ полевой нѣшей артилеріи...

Чувствуя себя недостойно гонимымъ по службѣ, Костенецкій не могъ равнодушно сносить такого нерасположенія къ себѣ началь-

ства, но по своему упрямому характеру, а также и сознанию собственного достоинства, онъ не такого не старался предъ нимъ смириться, но при всякомъ случаѣ, гдѣ только онъ чувствовалъ себя правымъ, никому не спускалъ и ни предъ кѣмъ не унижался. Въ то время начальникомъ артилеріи 1-й арміи былъ князь Яшвилъ, татаринъ по происхожденію. Уже одного только не русскаго происхожденія князя Яшвила было достаточно, чтобы возбудить къ себѣ нерасположеніе генерала Костенецкаго, но, кромѣ этого, князь, какъ говорятъ, былъ недальняго ума, въ артилеріи понималъ очень немного, требовалъ исполненія одного только тогдашняго артилерійскаго устава, и поэтому онъ очень не одобрялъ всѣ тѣ нововведенія Костенецкаго, которыя послѣдній вводилъ въ пѣшемъ артилерійскомъ ученіи. И вотъ изъ-за этихъ-то разныхъ взглядовъ на артилерійскую службу, да и изъ-за многихъ другихъ личностей, между Костенецкимъ и Яшвилемъ возродилась непримиримая вражда. Не проходило ни одного смотра безъ того, чтобы князь не наговорилъ Костенецкому своихъ начальническихъ замѣчаній и распеканій, и чтобы Костенецкій ни отвѣчалъ ему или доказательствами своей правоты, или же и разными колкостями и шутками, обнаруживавшими незнаніе Яшвила.

Такія непріязненные отношенія между княземъ Яшвилемъ и генераломъ Костенецкимъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, разумѣется, не могли нравиться прочему высшему начальству, а эти лица, будучи расположены къ тому и другому, старались ихъ примирить. Однажды, бывшій тогда главнокомандующій первой арміи графъ Остенъ-Сакенъ, на обѣдѣ у себя, на которомъ былъ князь Яшвилъ и генералъ Костенецкій, началъ склонять ихъ къ миру и уговаривать Костенецкаго оставить свое, нетерпимое въ службѣ, неуваженіе къ начальнику; когда Костенецкій приводилъ въ свое оправданіе такія доказательства, съ которыми нельзя было не согласиться, то Сакенъ наконецъ сказалъ ему:

— Все это, положимъ, справедливо, генералъ, но я васъ прошу, оставьте всѣ эти непріятности, и для меня, если вы меня любите, помиритесь съ княземъ!

— Да кто вамъ сказалъ, в. с., возразилъ Костенецкій, что я васъ люблю? Я васъ терпѣть не могу!

— Какъ, генералъ, воскликнулъ удивленный Сакенъ. Да за что же вы меня не любите?

— Вы — нѣмецъ! отвѣчалъ Костенецкій; тѣмъ и кончилось это примиреніе.

Наконецъ, ненависть Костенецкаго къ князю Яшвилю дошла до крайняго предѣла и кончилась вотъ какимъ происшествіемъ: князь

пріѣхалъ сдѣлать смотръ бригадѣ Костенецкаго и для этого, съ вечера, былъ отданъ приказъ, чтобы завтрашній день, во столько-то часовъ, бригада собралась бы для смотра на такомъ-то мѣстѣ. Въ назначенный часъ князь Яшвилъ выѣзжаетъ на указанное мѣсто..... и не видитъ ни одной пушки и ни одного артиллериста!.. Удивленный этимъ, онъ посылаетъ адъютанта своего къ генералу Костенецкому спросить, что значить, что до сихъ поръ не явилась на смотръ бригада? Адъютантъ пріѣзжаетъ къ генералу Костенецкому, говоритъ ему, что до сихъ поръ нѣтъ бригады на плацу, что князь очень сердится, и приказалъ ему спросить у его превосходительства, что это значить?

— „Скажите князю, отвѣчалъ адъютанту Костенецкій, что бригада скоро явится на смотръ, а я не поѣду, мнѣ некогда: я сейчасъ иду въ церковь править молебень объ изгнаніи изъ Россіи послѣднихъ Татаръ!“

Адъютантъ передалъ отвѣтъ Костенецкаго князю Яшвилу.

Послѣ такой выходки Костенецкій былъ удаленъ отъ командованія артиллерійской бригадой съ оставленіемъ по артилеріи, и въ продолженіи всего царствованія Александра Павловича не получалъ уже никакого служебнаго назначенія.

Костенецкій жилъ большею частію въ Петербургѣ. По вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ день 14-го декабря, генералъ явился на Сенатскую площадь, все время находился при государѣ, и говорить, первый совѣтовалъ употребить въ дѣло пушки. При общихъ наградахъ, по случаю восшествія государя на престолъ, Костенецкій былъ пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта, но долго и отъ Николая Павловича не получалъ никакого командованія; наконецъ, въ 1831 году онъ былъ назначенъ начальникомъ артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, но не успѣлъ уже воспользоваться этимъ лестнымъ для него назначеніемъ. 6-го іюля 1831 года онъ умеръ въ Петербургѣ отъ холеры, лѣтъ пятидесяти отъ рожденія.

Я. И. Костенецкій.

Скибенци.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ МОНАХЪ АВЕЛЬ.

1757—1841.

Александръ Михайловичъ Каховскій, братъ по матери Алексѣя Петровича Ермолова, въ царствованіе императора Павла проживалъ спокойно въ своей деревнѣ Смолевичи, находящейся въ 40 верстахъ отъ Смоленска. Независимое положеніе Каховскаго, любовь и уваженіе, коими онъ вездѣ пользовался, возбудили противъ него зависть и ненависть смоленскаго губернатора Тредьяковскаго, который заключилъ по этому случаю дружескій союзъ съ извѣстнымъ въ то время доносчикомъ Линденеромъ. Каховскій и всѣ его ближайшіе знакомые были схвачены и посажены въ разныя крѣпости, подѣ тѣмъ предложено, что будто бы они что-то умышляли противъ правительства. Приказано было арестовать и А. П. Ермолова, проживавшаго въ то время въ Несвижѣ. Хотя вскорѣ послѣдовало изъ Петербурга высочайшее повелѣніе о прощеніи арестованныхъ, такъ какъ извѣтъ на нихъ не подтвердился, однако Линденеръ, донося государю объ исполненіи его воли, изъявилъ сожалѣніе, что его величество помиловалъ шайку разбойниковъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого приказано было представить Ермолова совсѣми его бумагами въ Петербургъ. Здѣсь не оказалось за нимъ ни какой вины, кромѣ той, что онъ — братъ Каховскаго и что оба они „изъ одного гнѣзда и одного лука“. Ермоловъ посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость, изъ которой, черезъ три мѣсяца, былъ отправленъ къ костромскому губернатору, для отсылки въ лѣса Макарьева на Унжѣ. По просьбѣ губернаторскаго сына, бывшаго сотоварища Ермолова по ученью, губернаторъ донесъ въ Петербургъ, что, въ видахъ лучшаго наблюденія за присланнымъ государственнымъ преступникомъ, онъ предпочелъ оставить его въ Костромѣ. Такое распоряженіе было одобрено, и Ермоловъ оставался здѣсь довольно долго.

„Въ это время,—разсказывалъ впоследствии А. П. Ермоловъ,—проживалъ въ Костромѣ нѣкто АVELЬ, который былъ одаренъ способностью вѣрно предсказывать будущее. Находясь однажды за столомъ у губернатора Лумпа, АVELЬ предсказалъ день и часъ кончины императрицы Екатеpины съ необычайной вѣрностью. Простившись съ жителями Костромы, онъ объявилъ имъ о намѣреніи своемъ поговорить съ государемъ Павломъ Петровичемъ, но былъ, по приказанію его величества, посаженъ въ крѣпость, изъ которой однако скоро выпущенъ. Возвратившись въ Кострому; АVELЬ тоже предсказалъ день и часъ кончины императора Павла. Все предсказанное АВЕЛЕМЪ буквально сбылось. Этотъ АVELЬ находился въ Москвѣ во время коронаціи императора Николая“.¹⁾

Кто же былъ этотъ прорицатель АVELЬ?

Мы имѣемъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ располагаемъ документами, относящимися къ личности Авеля. Документы эти слѣдующіе:

1) Двѣ тетради, въ малую 8-ю долю, написанныя по-славянски; на первой страницѣ этихъ „книжекъ“ изображены разные кружки, литеры славянской азбуки и точки треугольникомъ, среди которыхъ написано: „печать Господа Бога и Христа его“. Въ этихъ тетрадкахъ содержатся: а) „Житіе и страданіе отца и монаха Авеля“; б) „Жизнь и житіе отца нашего Дадамія“; в) „Сказаніе о существѣ, что есть существо Божіе и Божество“; г) „Бытія книга первая“. Въ одной изъ этихъ тетрадокъ, на 28-ми страницахъ, находятся разные символическіе круги, фигуры съ буквами славянской азбуки и счета, при нихъ находится краткое толкованіе.

2) Тетрадка (въ 16-ю д.) въ двухъ экземплярахъ, озаглавленная: „Церковныя потребности монаха Авеля“; въ ней сокращенно изложена „Книга Бытія“, помѣщенная въ первыхъ двухъ тетрадкахъ.

3) 12 писемъ Авеля къ графинѣ Прасковѣ Андреевнѣ Потемкиной, писанныя то по-славянски, то обыкновеннымъ почеркомъ; всѣ письма относятся къ 1815 и 1816 гг.; и

4) Письмо Авеля къ В. О. Ковалеву, управляющему фабрикой гр. П. А. Потемкиной въ Глушковѣ (1816 г.).

Всѣмъ этимъ матеріаломъ мы нашли болѣе удобнымъ воспользоваться такимъ образомъ, что сначала помѣщаемъ жизнеописаніе Авеля въ подлинникѣ, съ измѣненіемъ только самыхъ крупныхъ орфографическихъ неправильностей и съ пропускомъ нѣкоторыхъ мистическихъ

¹⁾ «Чтенія Имп. общ. исторіи и древностей російскихъ», 1863 г., книга IV. Смѣсь, стр. 217—222.

измышленій; затѣмъ обращаемъ вниманіе на статьи Авеля, заключающіяся въ упомянутыхъ тетрадкахъ, наконецъ говоримъ о письмахъ его. Изъ всѣхъ послѣднихъ документовъ мы выписываемъ лишь нѣкоторыя, наиболѣе характерныя мѣста.

Ред.

1. ЖИТІЕ И СТРАДАНІЕ ОТЦА И ЖИНАХА АВЕЛА.

ЧАСТЬ И ЗАЧАЛО ПЕРВАЕ.

2. Сей отецъ Авель родился въ сѣверныхъ странахъ, въ Московскихъ предѣлахъ, въ Тульской губерніи, Алексенской округи, Соломенской волости, деревня Акулова, приходъ церкви Ильи
3. пророкъ. Рожденіе сего монаха Авеля въ лѣто отъ Адама семь тысячъ и двѣсти шестьдесятъ и въ пять годовъ, а отъ Бога Слова—тысяча и семьсотъ пятьдесятъ и въ семь годовъ. Зачатіа
4. ему было и основаніе мѣсяца іюня и мѣсяца сентября въ пятое число; а изображеніе ему и рожденіе мѣсяца декабря и марта въ самое равноденствіе: и дано имя ему, якоже и всѣмъ чело-
5. вѣвомъ, марта седьмага числа. Жизни отцу Авелю, отъ Бога положено, восемьдесятъ и три года и четыре мѣсяца; а потомъ плоть и духъ его обновится, и душа его изобразится яко Ан-
6. гелъ и яко Архангелъ. И воцарится . . . . . на тысячу годовъ, ... царство возстанеть; когда отъ Адама будетъ семь тысячъ и триста и пятьдесятъ годовъ, въ то убо время
7. воцарятся . . . . . вси избранниче его и вси святые его. И процарствуютъ съ нимъ тысячу и пятьдесятъ годовъ, и будетъ въ то время по всей земли стадо едино и пастырь въ
8. нихъ единъ: въ нихъ же вся благая и вся преблагая, вся святая и вся пресвятая, вся совершенная и вся пресовершенная. И процарствуютъ тако . . . . ., какъ выше сказано, тысячу
9. и пятьдесятъ годовъ; и будетъ въ то время отъ Адама восемь тысячъ и четыреста годовъ, потомъ же мертвые возстануть и живые обновятся; и будетъ всѣмъ рѣшеніе и всѣмъ раздѣленіе: которые воскреснутъ въ жизнь вѣчную и въ жизнь безсмертную,
10. а которые предадутся смерти и тлѣнію и въ вѣчную погибель; а прочая о семъ въ другихъ книгахъ. А мы нынѣ возвратимся
11. на первое и окончаемъ жизнь и житіе отца Авеля. Его жизнь достойна ужаса и удивленія. Родители его быша земледѣльцы, а другое у нихъ художество коновальная работа; научили тому жъ

12. своего отрова отца Авеля. Онъ же о семъ мало внимаша, а больше у него вниманіе о Божествѣ и о божественныхъ судьбахъ; сіе желаніе ему отъ юности его, еще отъ чрева матери
13. своея: и совершися то ему въ нынѣшніе года. Нынѣ ему отъ рожденія девять на десять годовъ. И пойдя онъ съ сего года въ южныя страны и въ западныя; потомъ въ восточныя и въ
14. прочіе грады и области: и хождаша тако странствуя девять годовъ. Наконецъ же сего пришелъ въ самую сѣверную страну, и вселился тамъ въ Валаамскій монастырь, который Новгородской и Санктпетербургской епархій, Сердобольской округи.
15. Стоитъ сей монастырь на острову на Ладожскомъ озерѣ, отъ міра весьма удаленъ. Въ то время въ немъ былъ начальникъ
16. игуменъ Назарей: жизни духовной и разумъ въ немъ здравый. И принялъ онъ отца Авеля въ свой монастырь какъ должно, со всякою любовію; далъ ему келью и послушаніе и вся потребная; потомъ же приказалъ ему ходить, вкупе съ братією, въ церкви и въ трапезу, и во вся нужная послушанія. Отецъ же АVELЬ пожилъ въ монастырѣ токмо единъ годъ, вникая и присматривая всю монастырскую жизнь и весь духовный чинъ и
18. благочестіе. И видя во всемъ порядокъ и совершенство, какъ въ древлѣ было въ пустынныхъ монастыряхъ, и похвали о семъ Бога и Божію Матерь.

ЗАЧАТО ВТОРОЕ.

1. Посему-жъ отецъ Авель взялъ отъ игумена благословеніе и отиде въ пустыню; которая пустыня на томъ же острову недалеко отъ монастыря: и вселился въ той пустынѣ единъ и со-
2. единнымъ. А въ нихъ же и между ихъ, самъ Господь Богъ Вседержитель; вся въ нихъ исправляя, и вся совершая, и всему полагая начало и конецъ и всему рѣшеніе: ибо Онъ есть вся
3. и во всѣхъ и вся дѣйствуя. И началъ отецъ Авель въ той пустыни прилагать труды ко трудамъ, и подвигъ къ подвигу; и явися отъ того ему многія скорби и великія тяжести, душев-
4. ныя и тѣлесныя. Попусти Господь Богъ на него искусы, великіе и превеликіе, и едва въ мѣру ему понести; посла на него темныхъ духовъ множество и многое: да искусятся тѣми искусами
5. яко злато въ горнилѣ. Отецъ же Авель, видя надъ собою таковое приключеніе, и нача изнемогать и во отчаяніе приходитъ; и рече въ себѣ: „Господи помилуй и не введи меня во искушеніе
6. выше силы моея“. Посему жъ отецъ Авель нача видѣть темныхъ духовъ и съ ними говорить, спрашивая ихъ: кто ихъ послалъ

- къ нему? они же отвѣщавашу къ нему и рекоша: „насъ послалъ въ тебѣ тотъ, кто и тебя въ сіе мѣсто послалъ“. И много у нихъ было разговора и спора, но ни что же ихъ усилъ, а токмо то въ срамоту себѣ и на поруганіе: отецъ АVELЬ показался надъ
8. ними страшный воинъ. Господь же видя раба своего таковуу брань творяща съ безплотными духами и рече къ нему, связывая ему тайная и безвѣстная, и что будетъ ему и что будетъ
  9. всему міру: и прочая таковая многая и множество. Темныя же духи ощутили сіе, яко самъ Господь Богъ бесѣдуетъ со отцемъ Авелемъ; и бысть вси невидимы во мгновенія ока: ужасошася
  10. и бѣжаша. Посему-жѣ взяли отца Авеля два духа... (Далѣе составитель житія Авеля рассказываетъ какъ онъ отъ высшихъ сихъ получилъ великой даръ прорицанія судьбы будущаго)... и рекоша ему: „буди ты новый Адамъ, и древній отецъ Дадамей,
  20. и напиши яже видѣлъ еси: и скажи яже слышалъ еси. Но не всѣмъ скажи и не всѣмъ напиши, а токмо избраннымъ моимъ; и токмо святымъ моимъ; тѣмъ напиши, которые могутъ вмѣстити наши словеса и наша наказанія. Тѣмъ и скажи и напиши. И прочая таковая многая къ нему глаголаша.

ЗНАЧЕНО ТРЕТІЕ.

1. Отецъ же АVELЬ пришедъ въ себя, и нача съ того время писать и сказывать, что вмѣстно человекъ; сіе ему видѣніе было въ тридесатое лѣто жизни его и совершилось въ тридесать
2. годовъ. Странствовать онъ пошелъ двадцати годовъ, на Балаамъ пришелъ двадцати и осьми годовъ; тотъ годъ былъ отъ Бога Слова—тысяча и семьсотъ восемьдесятъ и пять, мѣсяць октябрь,
3. по солнечнымъ первое число. И случися сіе ему видѣніе; дивное видѣніе и предивное одному въ пустынь—въ лѣто отъ Адама семь тысячъ и двѣсти девяносто и въ пятомъ году, мѣсяца
4. ноября по солнечнымъ въ первое число, съ полунощи и продолжалася какъ не меньше тридесати часовъ. Съ того убо время началъ писать и сказывать что кому вмѣстно. И велѣно ему
5. выйти изъ пустыни въ монастырь. И пришелъ онъ въ монастырь того-жѣ года, мѣсяца февраля въ первое число и вшелъ въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы: И сталъ посредѣ
6. церкви весь исполненъ умиленія и радости, взирая на красоту церковную и на образъ Божія Матери..... (Далѣе рассказывается новое видѣніе, будто бы осѣнявшее Авеля, при чемъ
7. будто бы необъяснимая сила)..... видя во внутренняя его; и соединился съ нимъ, якобы единъ .... человекъ. И нача въ

8. немъ и имъ дѣлать и дѣйствовать, якобы природнымъ своимъ естествомъ; и дотогѣ дѣйствовала въ немъ, дондеже всему его изучи и всему его научи . . . . . и вселися въ сосудъ, которъй на то уготованъ еще издревле. И отъ того время отецъ Авель сталъ вся познавать и вся разумѣвать: (невѣдомая сила)
9. наставляя его и вразумляя всей мудрости и всей премудрости. Посему-жъ отецъ Авель вышелъ изъ Валаамскаго монастыря, тако ему велѣно дѣйствомъ (той силы); сказывать и проповѣдывать тайны Божіи и судьбы его. И ходилъ онъ тако по разнымъ монастырямъ и пустынямъ девять годовъ; обошелъ многія страны и грады: сказывалъ и проповѣдовалъ волю Божию и страшный судъ Его. Наконецъ же того время, пришелъ онъ на рѣку Волгу. И вселился въ монастырь Николая Чудотворца, званіемъ той монастырь Бабайки, Костромской епархіи. Въ то время настоятель въ той обители былъ именемъ Савва, жизни простой; послушаніе въ той обители было отцу Авелю: въ церковь ходить и въ трапезу, и въ нихъ пѣть и читать, а между тѣмъ писать и слагать, и книги сочинять. И написалъ онъ въ той обители книгу мудрую и премудрую, ... въ ней же написано о царской фамилии. Въ то время царствовала въ Россійской землѣ.
10. Вторая Екатерина; и показалъ ту книгу одному брату, имя ему отецъ Аркадій; онъ же ту книгу показалъ настоятелю той обители. Настоятель же собралъ братію, и сотвориша совѣтъ: ту книгу и отца Авеля отправить въ Кострому, въ духовную консисторію; и бысть тако отправленъ. Духовная же консисторія: архимандритъ, игумень, протопопъ, благочинный и пятый съ ними секретарь — полное собраніе, получили ту книгу и отца Авеля. И спросили его онъ-ли ту книгу писалъ? И отъ чего взялъ писать, и взяли съ него сказку, его дѣло то и отчего онъ писалъ; и послали ту книгу и при ней сказку ко своему архіерею. Въ то время въ Костромѣ былъ архіерей-епископъ Павель. Егда-жъ получилъ епископъ Павель ту книгу и при ней сказку,
11. и приказалъ отца Авеля привести предъ себя; и сказалъ ему: „сія твоя книга написана подъ смертною казнію“. Потомъ повелѣлъ его отправить въ губернское правленіе и книгу его съ нимъ. И бысть тако отправленъ отецъ Авель въ то правленіе, и книга его съ нимъ, при ней же и рапортъ.

ЧАСТЬ II. ЗНАЧЕНО ІУ.

1. Губернаторъ же и совѣтники его приняли отца Авеля и книгу его и видѣша въ ней мудрая и премудрая, а наипаче напи-

- сано въ ней царскія имена и царскіе секреты. И приказали его на время отвезть въ востромской острогъ. Потомъ отпразднили отца Авеля и книгу его съ нимъ на почтовыхъ въ Санктпетербургъ въ сенатъ; съ нимъ же для караула прапорщикъ и солдатъ.
3. И привезенъ бысть прямо въ домъ генерала Самойлова; въ то время онъ былъ главнокомандующій всему сенату. Приняли отца Авеля господинъ Макаровъ и Крюковъ. И доложили о томъ самому Самойлову. Самойловъ же разсмотрѣлъ ту отца Авеля книгу, и нашель въ ней написано: якобы государыня Вторая Екатерина, лишится скоро сей жизни. И смерть ей приключится скоропостижная, и прочая таковая написано въ той книгѣ. Самойловъ же видя сіе, и зѣло о томъ смутился; и скоро призвалъ къ себѣ отца Авеля. И рече къ нему съ яростію глагола:
  6. „како ты злая глава смѣла писать такіе титулы на земнаго бога!“ и удари его трикраты по лицу, спрашивая его подробно: кто его научилъ такіе секреты писать, и отчего взялъ такую премудрую книгу составить? Отецъ же АVELЬ стояша предъ нимъ весь въ благости, и весь въ божественныхъ дѣйствахъ. И отвѣщавая къ нему тихимъ гласомъ и смиреннымъ взоромъ; рече: меня научилъ писать сію книгу тотъ, кто сотворилъ небо и землю; и вся яже въ нихъ: тотъ же повелѣлъ мнѣ и всѣ секреты составлять. Самойловъ же сіе слыша, и вмени вся въ юродство; и приказалъ отца Авеля посадить подъ секретъ въ тайную; а самъ сдѣлалъ докладъ самой государынѣ. Она же спросила Самойлова, кто онъ (АВЕЛЬ) такой есть и откуда? потомъ приказала отца Авеля отправить въ Шлюшенбургскую крѣпость,— въ число секретныхъ арестантовъ, п бытъ тамо ему до смерти живота своего. Сіе дѣло было въ лѣто отъ Бога Слова—тысяча и семь сотъ и девяноста въ шестомъ году, мѣсяца февраля и марта съ первыхъ чиселъ. И бысть тако заключенъ отецъ АВЕЛЬ въ ту крѣпость, по иманному повелѣнію государыни Екатерины. И былъ онъ тамъ всего время—десять мѣсяцевъ и десять дней. Послушаніе ему было въ той крѣпости: молиться и поститься, плавать и рыдать и къ Богу слезы проливать, сътовать и въздыхать и горько рыдать; при томъ же ему еще послушаніе, Бога и глубину его постигать. И проводи тако время отецъ АВЕЛЬ, въ той Шлюшенской крѣпости, до смерти государыни Екатерины. И послѣ того еще содержался мѣсяць и пять дней. Потомъ же егда скончалась Вторая Екатерина, а вмѣсто ей воцарился сынъ ея Павелъ; и нача сей государь исправлять что ему должно; генерала Самойлова смѣнилъ. А

16. вмѣсто его поставленъ князь Куракинъ. И нашлась та книга въ секретныхъ дѣлахъ,— которую написалъ отецъ Авель; нашель ее князь Куракинъ и показалъ ту книгу самому государю Павлу.
17. Государь же Павелъ скоро повелѣлъ сыскать того человѣка, который написалъ ту книгу и сказано ему: тотъ человѣкъ заключенъ въ Шлюшенской крѣпости, въ вѣчное забвеніе. Онъ же немедленно послалъ въ ту крѣпость самого князя Куракина разсматрѣть всѣхъ арестантовъ; и спросить ихъ лично, кто за что заключенъ, и снять со всѣхъ желѣзныя оковы. А монаха Авеля взять въ Петербургъ, къ лицу самого государя Павла. И бысть тако. Князь Куракинъ вся исправилъ и вся совершилъ: съ тѣхъ
20. со всѣхъ арестантовъ снялъ желѣзныя оковы, и сказалъ имъ ожидать милость Божию; а монаха отца Авеля представилъ во дворецъ къ самому его величеству императору Павлу.

ЗНАЧЕНІЕ ПАТРОС.

1. Императоръ же Павелъ принялъ отца Авеля во свою комнату, принялъ его со страхомъ и съ радостію и рече къ нему: „Владыко отче благослови меня и весь домъ мой: дабы ваше благословеніе было намъ во благое“. Отецъ же Авель на то отвѣща къ нему: „Благословенъ Господь Богъ всегда и во вѣки вѣковъ“. И спросилъ у него (царь), что онъ желаетъ: въ монастырь
3. ли быть монахомъ, или избери родъ жизни какую другую. Онъ же паки къ нему отвѣщаль и глагола: „Ваше величество, всемилостивѣйшій мой благодѣтель, отъ юности мое желаніе быть
4. монахомъ, и служить Богу и Божеству его“. Государь же Павелъ поговорилъ съ нимъ еще что нужно и спросилъ у него по секрету: что ему случится; потомъ тому-жъ князю Куракину приказалъ отвезти (Авеля) въ Невскій монастырь, въ число братства. И по желанію его облечь въ монашество, дать ему покой и вся необходимая; приказано сіе дѣло выполнить митрополиту Гавриилу отъ самаго государя Павла, чрезъ князя Куракина. Митрополитъ же Гавриилъ видя такое дѣло, и со страхомъ удивися вкупе же и ужасеся. И рече ко отцу Авелю: будетъ вся
7. исполнено по вашему желанію; потомъ облечѣ его въ черное одѣяніе и во всю славу монашества, по иманному повелѣнію самаго государя; и приказалъ ему митрополитъ вкупе съ братією
8. ходить въ церковь и въ трапезу, и на вся нужная послушаніе. Отецъ же Авель пожилъ въ Невскомъ монастырѣ токмо единъ годъ; потомъ паки и абіе пошелъ въ Валаамскій монастырь, по
9. докладу (т. е. съ разрѣшенія государя) Павла, и составилъ тамъ

- другую книгу, подобную первой, еще и важнѣе, и отдалъ ее игумену отцу Назарію; онъ же показалъ ту книгу своему казначею и прочимъ братіямъ и сотвориша совѣтъ послать ту книгу въ
10. Петербургъ митрополиту. Митрополитъ же получилъ ту книгу, и видя въ ней написано тайная и безвѣстная, и ничто же ему
  11. понятна; и скоро ту книгу послалъ въ секретную палату, гдѣ совершаются важные секреты, и государственная дугаменты. Въ той палатѣ начальниѣкъ господиѣ генералъ Макаровъ. И
  12. видя сей Макаровъ ту книгу, и въ ней написано вся ему непонятная. И доложилъ о томъ генералу, который управляетъ весь сенатъ; той же доложи самому государю Павлу. Государь же
  13. скоро повелѣлъ взять съ Валаама отца Авеля, и заключить его въ Петропавловскую крѣпость. И бысть тако. Взяли отца Авеля изъ Валаамскаго монастыря, и заключили въ ту крѣпость. И былъ
  14. онъ Авель тамъ, дондеже государь Павелъ скончался, а вмѣсто его воцарился сынъ его Александръ. Послушаніе отцу Авелю было въ Петропавловской крѣпости тожъ самое, что ему было
  15. въ Шлюшенбургской крѣпости, тожъ самое время и сидѣлъ тамъ: десять мѣсяцъ и десять дней. Егда-жъ воцарился государь Александръ, и приказалъ отца Авеля отправить въ Соловецкой монастырь: въ число оныхъ монаховъ, но токмо за немъ имѣтъ
  16. присмотръ; потомъ и свободу получилъ. И былъ онъ на свободѣ единъ годъ и два мѣсяца, и составилъ еще третію книгу: въ
  17. ней же написано, какъ будетъ Москва взята и въ который годъ. И дошла та книга до самаго императора Александра. И приказано монаха Авеля абіе заключить въ Соловецкую тюрьму, и быть
  18. тамъ ему дотолѣ, когда сбудутся его пророчества самою вещію. И былъ отецъ Авель всего время въ Соловецкой тюрьмѣ десять годовъ и десять мѣсяцъ; а на воли тамъ жилъ—единъ годъ и
  19. два мѣсяца: и того всего время онъ препроводилъ въ Соловецкомъ монастырѣ ровно двѣнадцать годовъ. И видѣлъ въ нихъ добрая и недобрая, злая и благая, и всяческая и всякая: еще-жъ такія были искусы ему въ Соловецкой тюрьмѣ, которые и описать нельзя. Десять разъ былъ подъ смертію, сто разъ приходилъ во отчаянія; тысячу разъ находился въ непрестанныхъ подвигахъ, а прочихъ искусовъ было отцу Авелю число многочисленное и число безчисленное. Однако благодатию Божіею, нынѣ онъ, слава Богу, живъ и здоровъ, и во всемъ благополученъ.

ЗАЧАТО ШЕСТОЕ.

1. Нынѣ отъ Адама семь тысячъ и триста и двадцатый годъ, а отъ Бога Слова тысяча и восемь сотъ и второй на десять. И слышимъ мы въ Соловецкомъ монастырѣ, яко бы южный царь
2. или западный, имя ему Наполеонъ, плѣнить грады и страны и многія области, уже и въ Москву вшелъ. И грабить въ ней и опустошаетъ всѣ церкви и вся гражданская, и всякъ взывая:
3. Господи помилуй и прости наше согрѣшеніе. Согрѣшихомъ предъ Тобою, и нѣсть достойны нарекатися рабами Твоими; попустилъ на насъ врага и губителя, за грѣхъ нашъ и за беззаконія наша!
4. и прочая таковая взываху весь народъ и вси людіе. Въ тожъ самое время, когда Москва взята, вспомни самъ государь пророчество отца Авеля; и скоро приказалъ князю Голицыну, отъ
5. лица своего написать письмо въ Соловецкой монастырь. Въ то время начальникъ тамъ былъ архимандритъ Иларіонъ; написано письмо такимъ образомъ: „монаха отца Авеля выплудить изъ
6. числа колодниковъ, и влючить его въ число монаховъ, на всю полную свободу“. Еще-жъ приписано: „ежели онъ живъ и здоровъ, то ѣхалъ бы къ намъ въ Петербургъ: мы желаемъ его
7. видѣть и съ нимъ нѣчто поговорить“. Тако написано отъ лица самаго государя, а архимандриту приписано: „дать отцу Авелю на прогонъ денегъ, что должно до Петербурга и вся потребная“.
8. И пришло сіе имянное письмо въ Соловецкой монастырь въ самый Покровъ, мѣсяца октября въ первое число. Архимандритъ же егда получилъ таковое письмо, и видя въ ней тако написано,
9. и зѣло тому удивися, вкупе же и ужасеся. Зная за собою, что онъ отцу Авелю многія дѣлалъ пакости и во одно время хотѣлъ его совершенно уморить,—и отписалъ на то письмо князю
10. Голицыну, такимъ образомъ:—„нынѣ отецъ Авель боленъ и не можетъ къ вамъ быть, а развѣ на будущій годъ весною“, и прочая таковая. Князь же Голицынъ егда получилъ письмо отъ
11. Соловецкаго архимандрита, и показалъ то письмо самому государю. Государь же приказалъ сочинить имянной указъ святѣйшему Синоду, и послать тому жъ архимандриту: что-бы непре-
12. мѣнно монаха Авеля выпустить изъ Соловецкаго монастыря, и дать ему паспортъ во всѣ російскіе города и монастыри; при томъ же, что бы онъ всѣмъ былъ доволенъ, платьемъ и день-
13. гами. И видя архимандритъ имянной указъ, и приказалъ съ него отцу Авелю написать паспортъ, и отпустить его честно со всякимъ довольствомъ; а самъ сдѣлался боленъ отъ многія

14. печали: порази его Господь лютою болѣзнію, тако и скончался. Сей Иларіонъ архимандритъ уморилъ невинно двухъ колодниковъ, посадилъ ихъ и заперъ въ смертельную тюрьму, въ которой не токмо человѣку жить нельзя, но и всякому животному невмѣсно: первое въ той тюрьмѣ темнота и тѣснота паче мѣры, второе—голодъ и холодъ, нужда и стужа выше естества;
15. третіе дымъ и угаръ и симъ подобная; четвертое и пятое въ той тюрьмѣ—скудностію одеждъ и въ пищи, и отъ солдатъ истязаніе и руганіе, и прочая таковая ругательство и озлобленіе многое и множество. Отецъ же АVELЬ вся сія слыша и вся сія видя. И нача говорить о томъ самому архимандриту, и самому офицеру, и всѣмъ капрадамъ, и всѣмъ солдатамъ, рече къ нимъ и глагола: „дѣти, что тако дѣлаете негодная Господу Богу, и совсѣмъ противная Божеству Его? Аще непрестаните отъ злаго таковаго начинанія, то вскорѣ вси погибните злою смертію и память ваша потребится отъ земли живыхъ, чада ваша осиротѣють, и жены ваши останутся вдовицами!“ Они же сія слышаху отъ отца Авеля такіа рѣчи; и зѣло на него возропташа и сотвориша между собою совѣтъ уморить его. И посадили его въ тѣжъ самыя тяжкія тюрьмы. И былъ онъ тамъ весь великій постъ, моляся Господу Богу и призывая имя Святое Его; весь въ Бозѣ и Богъ въ немъ; покры его Господь Богъ благодатию Своею, и Божествомъ Своимъ отъ всѣхъ враговъ его. Постѣ же того вси погибоша враги отца Авеля и память ихъ погибѣ съ шумомъ; и остался онъ единъ и Богъ съ нимъ. И нача отецъ АVELЬ пѣть пѣснь побѣдную и пѣснь спасительную, и прочая таковая.

ЧАСТЬ III. ЗАЧАТО VII.

1. Посему-жъ отецъ АVELЬ взялъ паспортъ и свободу, во всѣ Россійскіе города и монастыри, и въ прочія страны и области. И вышелъ изъ Соловецкаго монастыря мѣсяца іюнія въ первое
2. число. Годъ тотъ былъ отъ Бога Слова—тысяча и восемьсотъ и третій на десять. И пришелъ въ Петербургъ прямо ко князю Голицыну, имя ему и отчество Александръ Николаевичъ, гос-
3. подинъ благочестивъ и боголюбивъ. Князь же Голицынъ видя отца Авеля, и радъ бысть ему до зѣла; и нача вопрошать его о судьбахъ Божіихъ и о правдѣ Его; отецъ же АVELЬ началъ ему
4. сказавать вся и обо всемъ, отъ конца вѣковъ и до конца, и отъ начала временъ и до послѣднихъ; онъ же слыша сіа и ужасеся и помысли въ сердде другое; потомъ послалъ его къ митропо-
5. литу явиться ему и благословиться отъ него: отецъ же АVELЬ

- сотворилъ тако. Пришелъ въ Невскій монастырь, и явился митрополиту Амвросію; и рече ему: „благослови владыко святыи раба своего и отпусти его съ миромъ и со всякою любовію“. Митрополитъ же увидѣлъ отца Авеля, и слыша отъ него такія рѣчи и отвѣщаль къ нему; „благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти сотвори избавленіе людемъ Своимъ и рабу Своему монаху Авелю“. Потомъ благослови его и отпусти, и рече къ нему, „буди съ тобою во всѣхъ путехъ твоихъ Ангель Хранитель;“ и прочая таковая изрече и отпусти его съ великимъ довольствомъ. Отецъ же АVELЬ, видя у себя паспортъ и свободу во всѣ края и области, и потече изъ Петербурга къ югу и къ востоку, и въ прочія страны и области. И обшедь многая и множество. Былъ въ Цареградѣ и во Іерусалимѣ, и въ Афонскихъ горахъ; оттуда же пакы возвратился въ Россійскую землю: и нашель такое мѣсто, гдѣ вся своя исправилъ и вся совершилъ. И всему положилъ конецъ и начало, и всему начало и конецъ; тамъ же и жизнь свою всю скончалъ: пожилъ на земли время довольно, до старости лѣтъ своихъ. Зачатіа ему было мѣсяца іюнія, основанія сентября; изображенія и рожденія, мѣсяца декабря и марта. Жизнь свою скончалъ мѣсяца генваря, а погребенъ февраля. Тако и решился отецъ нашъ АVELЬ. Новый страдалецъ... Жилъ всего время — восемьдесятъ и три года и четыре мѣсяца. Въ дому отца своего жилъ девять на десять годовъ. Странствовалъ девять годовъ, потомъ въ монастыряхъ девять годовъ; а послѣ того еще отецъ АVELЬ проводилъ десять годовъ и семь на десять годовъ: десять годовъ проводилъ въ пустыняхъ и въ монастыряхъ, и во всѣхъ пространствахъ; а семь на десять годовъ отецъ АVELЬ препроводилъ жизнь свою — въ скорбяхъ и въ тѣснотахъ, въ гоненіяхъ и въ бѣдахъ, въ напастяхъ и въ тяжестяхъ, въ слезахъ и въ болѣзняхъ, и во всѣхъ злыхъ приключеніяхъ; еще-жь сіа жизнь ему была семь на десять годовъ: въ темницахъ и въ затворахъ, въ крѣпостяхъ и въ крѣпкихъ замкахъ, въ страшныхъ судахъ, и въ тяжкихъ испытаніяхъ; въ томъ же числѣ былъ во всѣхъ благостяхъ и во всѣхъ радостяхъ, во всѣхъ изобилствахъ и во всѣхъ довольствахъ. Нынѣ же отцу Авелю дано пребывать во всѣхъ странахъ и во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ селахъ и во всѣхъ городахъ, во всѣхъ столицахъ и во всѣхъ пространствахъ, во всѣхъ пустыняхъ и во всѣхъ монастыряхъ, во всѣхъ темныхъ лѣсахъ, и во всѣхъ дальнихъ земляхъ; ей тако и дѣйствительно: а умъ его нынѣ находится и разумъ — во всѣхъ твердыхъ ..... во

19. всѣхъ звѣздахъ и во всѣхъ высотахъ, во всѣхъ царствахъ и во
 всѣхъ государствахъ . . . . . въ нихъ ликуя и царствуя, въ
 20. нихъ господствуя и владычествуя. Сіе вѣрное слово и дѣйстви-
 тельное. Посему-жъ и выше сего, духъ Дадамей и плоть его
 Адамія родится существомъ . . . . . И будетъ тако
 21. всегда и непрестанно и тому не будетъ конца, ей тако. Аминь.

Прочитывая жизнеописаніе Авеля, нельзя не замѣтить, что, какъ въ этомъ жизнеописаніи, такъ и въ приведенномъ въ началѣ настоящей статьи разсказѣ А. П. Ермолова, монахъ АVELЬ является въ качествѣ предсказателя смерти Екатерины II и императора Павла разница только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Затѣмъ, что касается до другихъ обстоятельствъ жизни Авеля, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить вниманіе на написанное Авелемъ „жitie“ какого-то отца Дадамія, о которомъ упоминается и въ самой биографіи Авеля. Объ этомъ Дадаміи весьма подробно разсказывается, что „онъ находится во всѣхъ твердыхъ и во всѣхъ небесахъ, во всѣхъ звѣздахъ и во всѣхъ высотахъ, въ самомъ существѣ въ нихъ ликуя и царствуя, въ нихъ господствуя и владычествуя и проч.“ По челоуѣчеству, всей жизни назначено Дадамію 83 года и 4 мѣсяца (т. е. столько, сколько и Авелю); послѣ этого онъ „воцарится на тысячу годовъ“, и будетъ тогда „по всей земли стадо едино и пастырь въ нихъ одинъ, потому мертвые воскреснутъ“ и т. д.; Дадамій посѣтилъ невѣдомые міры и т. д., и т. д. повторены тѣже фантастическія сказанія объ отцѣ Дадаміи, которыя мы встрѣчаемъ и въ житіи Авеля. Поэтому можно, кажется, сказать, что Дадамій и АVELЬ въ сущности одно лицо; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что одно изъ писемъ Авеля къ графинѣ П. А. Потемкиной озаглавлено такимъ образомъ:

„Ея сіятельству Прасковѣ Андреевнѣ, всемилостивѣйшей моеи благодѣтельницѣ и сущей благотворительницѣ, отъ монаха отца Авеля и отъ отца Дадамія“.

Все это приводитъ къ тому вѣроятному предположенію, что „жitie“ Авеля было написано имъ самимъ, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ близкихъ почитателей Авеля, хорошо знакомымъ съ собственными сочиненіями послѣдняго, въ числѣ которыхъ было и „жitie Дадамія“.

Изъ другихъ мистическо-литературныхъ произведеній отца Авеля не лишено интереса сочиненіе его „Книга бытія“. Здѣсь высказываются такія понятія о твореніи міра и челоуѣка, какія встрѣчаются въ апокрифахъ, или въ легендахъ и духовныхъ стихахъ нашего на-

рода, изъ которыхъ весьма многія уже изданы, и которыя заключаютъ въ себѣ смѣсь библейскихъ сказаній съ вымышленными. Вотъ, напри- мѣръ, какъ повѣствуетъ Авель о сотвореніи міра и человѣка. „Въ на- чалѣ сотворены тверди и тверди, міры и міры, державы и державы, царствы и государства,“) а потомъ и протчая вся: и творяша тако и размышляша девять годовъ сущихъ и два-десять и единъ духовныхъ. Въ сущихъ годахъ вся размысли и вся расположи, а въ духовныхъ вся сотвори и вся утверди, и всему положи мѣру и границу и всему исчис- леніе. Потомъ сотвори человѣка и человѣка и выша человѣка и выша во всякомъ мѣрѣ человѣка; и число всѣхъ сотворенныхъ человѣкъ, елико есть число всѣхъ мировъ: сотвори Богъ-человѣка по образу сво- ему и по подобію. Сотвори ихъ мужа и жену, имя имъ положи: гогъ и магогъ, Адамъ и Ева; гогъ и Адамъ мужъ есть: а магогъ и Ева жена его; гогъ и магогъ прежде сотворенъ: а потомъ Адамъ и Ева сотворены. Гогъ и магогъ и сѣмя ихъ до Адама жили на земли три тысящи и шесть сотъ годовъ; гогова земля и всего рода его вся старая Америка и вся новая Америка. Адамова земля и всего

“) Все это, равно какъ и высшія силы изображаются въ тетрадахъ Авеля разными символическими кругами и фигурами, къ коимъ приложено «толкова- ніе». Далѣе (428 и 429 стр.) мы печатаемъ какъ образчикъ двѣ табличы изъ одной «зѣло прешрашной книжки» Авеля, какъ отзывался онъ о своихъ трудахъ. Вся тетрадка въ малую восьмушку, 64 страницы; въ ней одна треть занята разными табличами и символическими знаками сдѣланными перомъ отъ руки, довольно тщательно. Текстъ «толкованій» и проч. мистическихъ неудобопонятныхъ из- мышленій, писанъ славянскимъ полу-уставомъ. Мы печатаемъ два чертежа Авеля, а вотъ и «краткое толкованіе» изъ той же «книжки»: «на сей стра- ницѣ изображенъ весь сей видимый міръ и въ немъ изображена тьма и земля, луна и солнце, звѣзды и всѣ звѣзды, и всѣ тверди, и прочая таковая, и проч. Сей міръ величествомъ тридцать милліонъ стадей, окруженію девяносто мил- ліонъ стадей; земля въ немъ величествомъ со всю третію твердь; солнце— со всю вторую твердь; луна—со всю первую твердь, тьма—со всю мѣту. Земля сотворена изъ дебелихъ вещей и въ ней и на ней—воды и лѣса и протчія вещи и вещество. Солнце сотворено изъ самаго сущаго существа. Такжеже и звѣзды сотворены изъ чистаго самаго существа, воздухомъ не окружаемы; величина звѣздамъ не меньше луны и не меньше тьмы. Луна и тьма сотво- рены изъ воздуха, тьма вся темная, а луна одинъ бокъ темный, а другой— свѣтлый и проч. таковая».

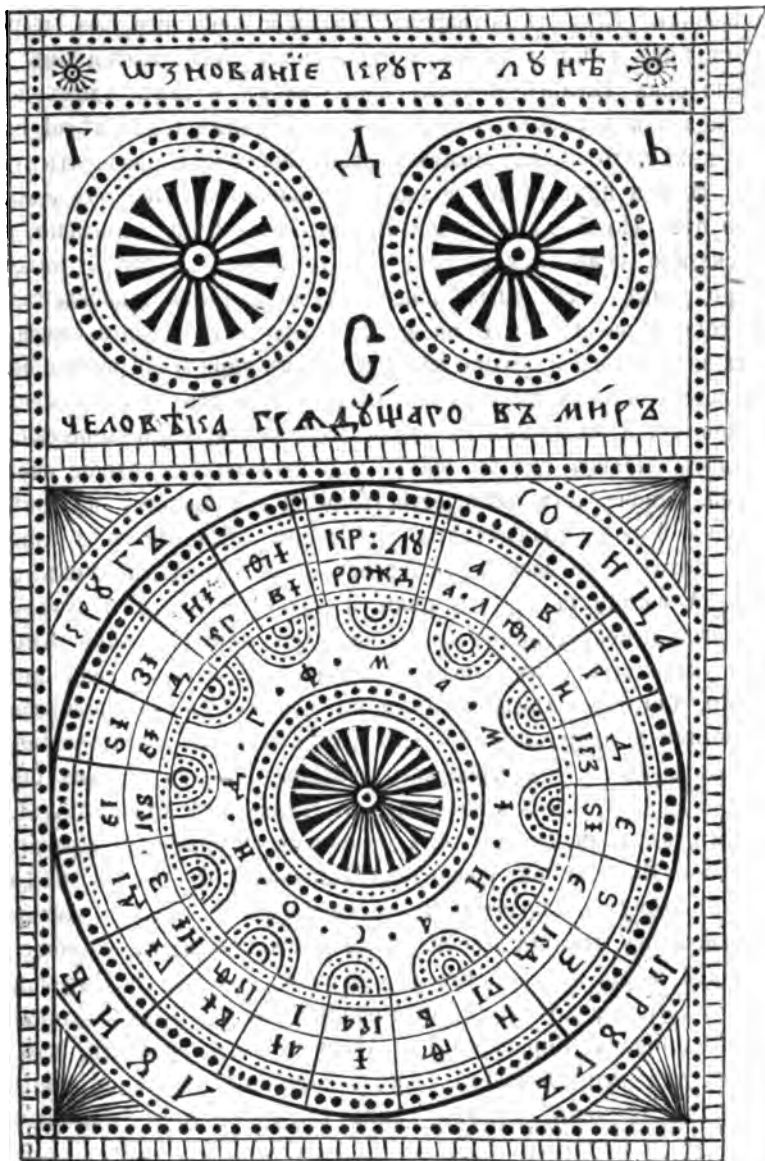
Дѣйствительно далѣе идетъ все въ этомъ же родѣ. Несомнѣнно, что эта книжка, одна изъ тѣхъ, которыя, по выраженію Костромскаго владыки въ 1796 г., писаны Авелемъ «подъ смертною казнію» и за которую довелось ему посидѣть и въ Соловецкой тюрьмѣ и въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Въ «книжкѣ», между другими табличами, есть таблица «Планетъ человѣческой жизни», «Годы отъ Гага», «Годы отъ Адама», «времена всей жизни», «рай радости, рай сладости» и т. п.

Ред.

Г
Д

рода его вся Азія и вся Европа и вся Африка—сія убо земля; три тысячи и шесть сотъ годовъ не было на ней человѣка, акромѣ скотовъ и звѣрей; и вся была зарастивши травами и лѣсами, и прочими вещами. Егда-жъ сотворенъ Адамъ и жена его Ева, и родились отъ нихъ сыны и дщери и отъ сыновъ сѣны: жизни имъ всей положено осмь тысящъ и четыре ста годовъ; а самъ Адамъ и Ева жилъ на земли девять сотъ и тридесать и одинъ годъ; дѣтей всѣхъ было у нихъ сто и два десять и два сына; сто и двадесать и двѣ дщери. И вси пришли въ полное совершенство, сѣи суть адамовы дѣти и отъ дѣтей дѣти, и жизни имъ отъ Бога положено, какъ выше сказано, осмь тысящъ и четыреста годовъ; а гогу и магогу и всему роду ихъ всей жизни положено двѣнадцать тысящъ годовъ. Самъ гогъ и магогъ жилъ на земли всѣхъ лѣтъ живота своего четыреста и два года и четыре мѣсяца, потомъ умре и погребенъ бысть. Дѣтей всѣхъ было у нихъ сто и двадесать и два, полъ мужескъ и полъ женскъ; и жили они на земли всей жизни, какъ выше сказано, двѣнадцать тысящъ годовъ: житіе ихъ простое, на подобіе скотовъ и звѣрей. Законъ имъ данъ естественный, вся твориху по совѣсти: но токмо сей родъ просвѣтятся при концѣ вѣка вѣрою и благочестіемъ. Потомъ же весь родъ гоговъ и весь родъ адамовъ скончаются. А востанутъ другіе вѣки и другіе роды, и будутъ тако жить всегда и непрестанно, и тому не будетъ конца, ей таво. Аминь.“

Всѣ указанныя и имъ подобныя „книжки“ отецъ Абель писалъ, вѣроятно, для тѣхъ лицъ, которыя интересовались его мистическими толкованіями и пророчествами. Изъ разсказа А. П. Ермолова видно, что Абель обѣдалъ у востромскаго губернатора;—по словамъ біографіи Авеля, онъ принятъ и обласканъ въ Петербургѣ княземъ А. Н. Голицынымъ, былъ знакомъ и велъ переписку съ графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной, рожденная Закревская (р. 1763 † 1816 г.)¹⁾ и т. д. Поэтому съ вѣроятностію можно сказать, что лица, которымъ предназначались писанія Авеля, принадлежали къ высшему обществу; по крайней мѣрѣ, это несомнѣнно по отношенію къ гр. Потемкиной. Изъ-подъ Курска, во время пребыванія у нѣкоего „господина Никанора Ивановича Переверзева“, Абель пишетъ графинѣ, что онъ сочинилъ для нее нѣсколько книгъ, которыя и обѣщается выслать въ скоромъ времени; „онихъ книгъ со мною нѣту, — объясняетъ

¹⁾ Съ Прасковьей Андреевной Потемкиной мы встрѣтимся еще въ другой статьѣ, но увидимъ ее въ эпоху блестящей красоты, влюбившую въ себя великолѣпнаго «князя Тавриды», словомъ, когда она еще не водилась съ пущосветами и не слушала и не зачитывалась «книжками» подвижниковъ, подобныхъ Авелю. Ред.

Авель,—а хранятся въ сокровенномъ мѣстѣ; оныя мои книги удивительныя и преудивительныя, тѣ мои книги достойны удивленія и ужаса, и читать ихъ токмо тѣмъ, кто уповаеть на Господа Бога и на пресвятую Божию Матерь. Но только читать ихъ (должно) съ великимъ разумѣнiемъ и съ великимъ понятiемъ“. Впрочемъ, онъ обѣщается помочь графинѣ въ разузнанiи таинственныхъ его книгъ при личномъ съ нею свиданiи. Видно также, что гр. П. А. Потемкина интересовалась и предсказанiями Авеля, который, по этому случаю, въ одномъ письмѣ говоритъ: „Я отъ васъ получилъ недавно два письма и пишите вы въ нихъ: сказать вамъ отъ пророчества то иго. Знаете-ли что я вамъ скажу: мнѣ запрещено пророчествовать именованнымъ указомъ. Такъ сказано: ежели монахъ Авель станетъ пророчествовать въ слухъ людямъ, или кому писать на хартияхъ, то брать тѣхъ людей подъ секретъ и самого монаха Авеля и держать ихъ въ тюрьмахъ или въ острогахъ подъ крѣпкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или проворливство, — въ тюрьмахъ-ли лучше быть или на воли, размысли убо: Я огласился нынѣ лучше ничево не знать, да быть на воли, а нежели знать, да быть въ тюрьмахъ и подъ неволiй. Писано есть: будите мудры яко змии и чисты яко голуби; то есть буди мудръ, да больша молчи; есть еще писано: догублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну и прочая таковая и проч.; видится вотъ мы до чего дошли съ своею премудростию и съ своимъ разумомъ. Итакъ я нынѣ положился лучше ничего не знать, хотя и знать, да молчать“.

Слѣдуетъ уомянуть еще, что во всѣхъ почти письмахъ отца Авеля къ гр. Потемкиной встрѣчаются мистическiя разсужденiя; кромѣ того, въ одномъ сполна приведена молитва „Отче нашъ“, въ другомъ выписаны разныя наравоученiя изъ евангелiя; въ третьемъ приведена молитва собственнаго сочиненiя Авеля и т. п.

Но, кромѣ всего этого, въ рассматриваемыхъ письмахъ затрогиваются и другiе предметы, отличающiеся уже чисто житейскимъ характеромъ. Разставшись съ графиней въ Петербургѣ, отецъ Авель отправился на ея суковную фабрику въ Глушково (недалеко отъ Москвы). Проживши здѣсь два мѣсяца, онъ „обшелъ, и вся видѣлъ, и всѣхъ начальниковъ позналъ“. Отецъ Авель нашелъ все въ отличномъ порядкѣ, только жалованья управляющему, его помощнику и нѣкоторымъ изъ мастеровъ положено было, по его мнѣнiю, мало, — почему онъ и просилъ графиню, жалованье этимъ лицамъ увеличить, особенно же управляющему фабрики В. Ковалеву. Ходатайствуя передъ графиней за фабричныхъ, Авель просилъ еще денежннкъ подавнiй для монашествующей брагii, а встати и для себя. Надобно

замѣтить, что въ это время онъ собирался совершить путешествіе въ Царьградъ, въ Іерусалимъ и на Аѳонскую гору. Собирался отецъ Абель цѣлыхъ два года, и все-таки не уѣхалъ. Между тѣмъ, такое дальнее путешествіе требовало значительныхъ денежныхъ средствъ, особыхъ лошадей и повозки, хорошаго сукна и проч. Всѣмъ этимъ управляющій Ковалевъ, по приказанію графини, снабжалъ Авеля. По прїѣздѣ на фабрику, послѣдній писалъ Потемкиной: „Въ вашемъ письмѣ написано: дать мнѣ триста рублей на мою нужду, и еще двѣсти рублей—іерусалимскимъ монахамъ, и я вся сія получилъ, поворнувшись благодарю за ваше такое великое благодѣяніе. А тѣ деньги, которыя вы дали мнѣ въ Петербургѣ, такожде двѣсти рублей тѣмъ же іерусалимскимъ монахамъ, но они уже посланы въ прошломъ году вмѣстѣ съ воздухами: еще-жъ я выпрашалъ у вашего управителя шпенскаго сукна на расу и на подрясникъ двѣнадцать аршинъ, которое сукно цѣною онъ мнѣ сказывалъ по семи рублей аршинъ, и за вся данная мнѣ воздастъ вамъ Господь Богъ, что онъ самъ восхочетъ. При семъ же стоялъ я въ самую Троицу литургію и вечерню въ новой вашей церкви, а на вечерню и всенощную въ старой церкви“. Черезъ нѣсколько времени Абель опять пишетъ: „Вы пишете въ своемъ письмѣ ко мнѣ: я писала къ моему управителю, что какъ отецъ Абель возвратится и будетъ на моей фабрикѣ, то что вамъ будетъ угодно взять изъ рукодѣлія и возмите, а управитель мой онымъ бы вамъ служилъ, и еще триста рублей денегъ вамъ дать на ваши надобности и протчая таковая пишете. Но токмо съ тѣмъ вы пишете дать сіи триста рублей денегъ и сукна, что мнѣ угодно, когда я возвращуся изъ Ерусалима; однако поворно я васъ прошу, Прасковія Андреевна, сіи деньги нѣтъ мнѣ (дать) на дорогу; понеже путь дальній, а денегъ у меня мало, и напишите о семъ управителю своему, чтобы онъ отдалъ сіи деньги триста рублей нѣтъ. И я буду ихъ ждать въ курсныхъ предѣлахъ. Еще жъ я васъ прошу Прасковія Андреевна, всемилостивѣйшая моя благодѣтельница, напиши къ своему управителю Василю Ковалеву, чтобы онъ мнѣ купилъ или нѣтъ-ли своихъ одну лошадь и повозку. Какъ не больша лошадь и повозка ста рублей, понеже ежели у меня лошадь и повозка своя, то я воленъ куды нибудь заѣхать, ибо многіе господа желаютъ меня видѣть. А я пѣшій не могу ходить, понеже много вещей надавали мнѣ, при томъ же уже и старъ и ноги болятъ; и дасть вамъ за сіе Господь многое и множество, сторицею больше и въ тысячу кратъ. А когда я возвращуся изъ Ерусалима, и прїѣду на вашу фабрику, то вы прикажите, при Божіей помощи и во славу св. Троицы, еще дать сто рублей на мою потребу и сто рублей на нищую братію. И еще

прикажете управителю своему дать мнѣ сукна, котораго самаго лучшаго мнѣ на ряску и на подрясникъ. Въ томъ же числѣ на панталоны и на жилетъ, какъ не больше пятнадцать аршинъ". Вскорѣ послѣ этого Авель извѣщаетъ свою благодѣтельницу, что получила отъ нея деньги: пять сотъ „на свою нужду“ и пять сотъ „монахамъ,“ послѣдніе онъ обѣщается роздать „гдѣ Господь повелитъ и Пресвятая Божія Матерь“.

Отецъ Авель принималъ участіе и въ семейныхъ дѣлахъ графини Прасковьи Андреевны Потемкиной. Сынъ графини, Сергѣй Павловичъ, какъ видно, не особенно почиталъ свою матушку; вслѣдствіе этого у нихъ возникло дѣло объ опеку надъ фабрикой. Сначала отецъ Авель старался помирить ихъ и съ этого дѣлю писалъ графинѣ: „Я вамъ хочу предложить пунеть самый важной; вы пишете въ своихъ письмахъ такимъ образомъ: государя дома нѣтъ, какъ мое дѣло рѣшится, въ мою-ли пользу или не въ мою. Если послушаешь меня, то въ твою пользу дѣло рѣшится. Я тебѣ совѣтую, при помощи Божіей, безо всякаго сумнѣнія помириться съ сыномъ своимъ; какъ можно сія старайся, то и будетъ вамъ во всемъ благо и во всемъ щастіе, и опекунства не будетъ. Будь къ нему чадолюбива и во всякой любви, и признавай его къ себѣ, лобзай его и ласкай со всякою простотою“. Но когда гр. С. П. Потемкинъ не дружелюбно сталъ обращаться съ отцемъ Авелемъ, то послѣдній, въ свою очередь, сталъ отзываться о немъ передъ матерью крайне не лестно; о примиреніи матери съ сыномъ нѣтъ уже и рѣчи. Письмо, въ которомъ высказалъ Авель свои мысли относительно молодого графа, представляется наиболѣе характернымъ; поэтому мы приводимъ его здѣсь почти вполнѣ. ¹⁾ „Богъ Господь явился намъ благословенный грядеть и кто стерпитъ гнѣвъ его. Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое его. Послушайте ваше графское сіятельство Прасковьи Андреевна, что я вамъ хочу написать объ нашемъ сынѣ, какой онъ есть житіемъ лживый и неправедный и едва въ немъ есть часть добрыхъ дѣлъ... Я, ваше графское сіятельство Прасковьи Андреевна, совѣтовалъ тебѣ помириться съ сыномъ твоимъ и дать ему родительское благословеніе; но онъ нынѣ омадался ложный и лживый, неправедный и непослушливый. Вы писали мнѣ, что сынъ вашъ гордъ и щеславенъ, тако и дѣйствительно есть; при томъ-же онъ еще не радивъ и непослушливъ и житіемъ развратенъ, и я его нынѣ на-

¹⁾ По времени, письмо это относится къ 30-му іюля 1816 г., т. е. оно послѣднее изъ всей имѣющейся у насъ переписки отца Авеля съ Потемкиной; въ томъ же, 1816 г., графиня Прасковья Андреевна скончалась. Ред.

шоль хвальшивая монета, а не истовая, и онъ, я думаю, товарищъ развратникамъ и причастникъ самыхъ распутныхъ людей и протчая таковая и протчая. Во-первыхъ, обѣщался (онъ) на фабриѣ отдать мнѣ долгъ свой двѣ тысячи и триста и шестьдесятъ рублей, но то не исполнилъ, а солгалъ, а всякая ложь происходитъ отъ сатаны и отъ дьявола, и нѣсть въ томъ свѣта, а тѣма, и прелесть и леть, ибо одолжился мнѣ онъ оними деньгами въ Москвѣ и дажъ мнѣ свое-ручное письмо къ Василью Федорову Ковалеву, чтобы ему отдать мнѣ тѣ деньги; но сынъ твой, когда мы съ нимъ приѣхали на фабрику и взялъ у меня опять свое письмо и сказалъ мнѣ: я тебѣ, отецъ Абель, самъ отдамъ деньги, и тако лстимъ мнѣ три седмицы, съ тѣмъ тако и остался, не взялъ я съ него деньги; но прошу покорно васъ, Прасковья Андреевна, напишите Ковалеву, чтобы онъ мнѣ деньги тѣ двѣ тысячи и триста и шестьдесятъ рублей прислалъ гдѣ я буду въ Россіи, и егда я ихъ получу, тогда къ вамъ и поѣду и вся вамъ тайная и сокровенная возвѣщу. Второе, сынъ твой въ Москвѣ со мною обращался какъ братъ родной и какъ ангелъ Божій, а нынѣ я вижу егъ со мною обращается какъ чужеземецъ и какъ самый противникъ. Сіе дѣло таковое вышло отъ того, что ты ему не позволила жениться; ¹⁾ я ему сказалъ не малое число божественныхъ таинъ и открылъ ему глубину премудрости и онъ вся сія ни во что вмѣнилъ, но сія моя благое не дала плода въ сердцѣ его, понеже камень сухъ влаги не имѣа; еще-жъ я ему сказалъ: судъ Божій при дверяхъ и пришествіе Господне уже близъ есть, бдите и молитесь да не выидите въ напастъ, тогда скажетъ Господь всѣмъ живымъ: я не вѣмъ васъ, идите отъ мене, всякъ лстинный и ложный нѣсть отъ Бога и память ихъ потребится отъ земли; а впротчемъ я всѣмъ желаю спасеніе и божественнаго благословенія. Третье, когда я жилъ въ Москвѣ и часто хаживалъ къ сыну вашему и видѣлъ я у него стоять всегда нанятые дрошки и карета для гордости и щеславія, платилъ имъ за то каждый день дватцать пять рублей, хотя буды ѣздить или не ѣздить, а всегда платить имъ каждый день двадцать пять рублей! на что больше этого гордости и щеславія! И такъ которые ты ему повелѣла взять деньги съ фабрици нятнатцать тысячъ рублей и онъ ихъ всѣ проводилъ въ Москвѣ, которые вытребовалъ и съ фабрики, которые отдалъ въ коренной арморкѣ, а мнѣ и не выплатилъ свой долгъ. Егдажъ мы приѣхали на фабрику и пришло ко мнѣ твое письмо, написано въ ней по

¹⁾ Графъ Сергій Павловичъ Потемкинъ женился впоследствии на княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Трубецкой.

моей прозбѣ, вы ему положили каждый годъ давать по пятнадцати тысящъ рублей, и я ему про это сказалъ, и онъ мнѣ на то отвѣщаль, отъ своей гордости такъ сказалъ: я ей буду давать по пятнадцати тысящъ рублей, когда буду я опекуномъ, и еще сказалъ, мнѣ надо ей положить по шестидесяти тысящъ. Сіе слово замѣчательно, онъ хочетъ, чтобы сдѣлали его опекуномъ надо всею фабрикою и дарить дарами всѣхъ фабричныхъ властей, чтобы его одобряли во опекуны; не дай Господи такому быть опекуномъ, сей опекунъ разоритель, а не попечитель, спаси Господи и помилуй отъ сего опекуна! Впрочемъ же писать больше нечего, а когда я самъ въ вамъ приѣду, тогда вся подробну вся вамъ скажу. И сіе письмо, милостивая моя государыня Прасковья Андревна, чтобы только вы знали и я. Спаси Господи рабу свою Прасковію тутъ же и меня съ нею и всѣхъ православныхъ вѣрующихъ во святую церковь твою и вся христіаны, тако буди и буди“.

(Изъ бумагъ графини Потемкиной).

ИСТОРИЯ РОССИИ

подъ цензурою Александра Ивановича Красовскаго.

1836 г.

Въ 1836 году напечатана въ Венеціи „Сокращенная Россійская Исторія“ на армянскомъ языкѣ. Одинъ экземпляръ этой книги привезенъ былъ изъ-за границы жителемъ города Шуши Хачатуровымъ. „Сія исторія російскаго государства,—такъ отозвался объ ней чиновникъ, которому было поручено ее перевести для ценсурнаго просмотра,—объемлетъ время отъ Рюрика до 1830 года. Въ ней представлены въ рѣзкихъ чертахъ великіе перевороты, совершившіеся въ Россіи, пороки и добродѣтели мужей, правившихъ ея судьбою, еще въ ея младенчествѣ, и подвиги благодѣтельныхъ монарховъ, призвавшихъ ее къ гражданственности; въ отношеніи же ясности изложенія и красоты слога сія исторія можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями сего рода“.

При Александрѣ Ивановичѣ Красовскомъ, во дни его председательства въ комитетѣ иностранной цензуры, сія сокращенная російская исторія, на армянскомъ языкѣ, поступила на просмотръ къ нему и въ ней найдены нѣкоторыя мѣста рѣзкими, а потому вся книга была безусловно запрещена цензурою.

Вотъ мѣста, подавшія поводъ достопамятному А. И. Красовскому запретить армянскую исторію Россіи:

Александръ Михайловичъ Тверской.

„Послѣ него остались три сына и двѣ дочери: Марія и Юлія. Отъ Юліи, вступившей въ супружество съ шведскимъ королемъ, происходитъ династія російскихъ императоровъ Петра III и проч.“.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

„Разсказываютъ о двухъ слѣдующихъ любопытныхъ случаяхъ, бывшихъ въ Москвѣ, и доказывающихъ простоту тогдашнихъ нравовъ русскихъ“:

а) „Однажды царь Алексѣй, будучи боленъ, обѣщалъ большія награды тому изъ своихъ медиковъ или изъ частныхъ лицъ, кто вылечитъ его. Искусства и старанія врачей остались безплодными. Но жена одного вельможи, недовольная свирѣпымъ правомъ мужа своего, донесла Ильѣ, тестю царя, что мужъ ея знаетъ цѣлебное для царя лекарство, но не кочетъ открыть его. Вельможа, призванный къ Ильѣ, изумляется вопросу о таинственномъ лекарствѣ и, по упорномъ отрицаніи приписываемаго ему знанія, наказывается тѣлесно и заключается въ тюрьму, гдѣ, узнавъ о зломъ дѣйствіи жены своей, клянется, по освобожденіи, отомстить ей. Царь, извѣщенный о его поступкѣ, велитъ высѣчь вторично скривателя лекарства, какъ врага особы царской“.

Напрасно заключенный увѣряетъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія ни о медицинѣ, ни о фармаціи; ему не внемлютъ. Наконецъ, лишенный надежды на оправданіе противъ возведенной на него клеветы и предвидя неминуемую смерть, ожидающую его подъ розгами, рѣшается на хитрость и объявляетъ: „Точно, я зналъ одно лекарство, но, не будучи увѣренъ въ его спасительномъ дѣйствіи, не смѣлъ предложить: дайте мнѣ пятнадцать дней времени, я составлю его“.

„Получивъ свободу, онъ отправляется къ берегамъ Оки, изъ собранныхъ тамъ благоуханныхъ травъ дѣлаетъ ванну для царя, котораго случайное отъ того внадорвленіе еще болѣе убѣждаетъ всѣхъ, что означенный мужъ дѣйствительно зналъ лекарство, но, по недоброжелательству, скрывалъ его: за что царь велитъ высѣчь его болѣе перваго и втораго раза; а потомъ, пожаловавъ ему въ награду деньги и десять рабовъ, приказываетъ возвратиться къ себѣ домой и отнюдь не негодовать на жену свою“.

б) „Казначей герцога Литовскаго, родомъ Полякъ, находившійся во дворцѣ Алексѣя въ числѣ прочихъ военноплѣнныхъ, чувствуя себя нездоровымъ, проситъ врача. Царь посылаетъ къ нему одного итальянскаго медика, который, разспросивъ больнаго, совѣтуетъ ему принять Креморъ-Тартаръ. Русскій офицеръ, бывший при этомъ разговорѣ, беретъ названіе лекарства за Крымскихъ Татаръ, непризнанныхъ тогда къ Русскимъ, и доноситъ о томъ Ильѣ, который, зная дружескія сношенія Поляковъ съ Крымскими Татарами, предполагаетъ, со всею вѣроятностію, что докторъ вмѣстѣ съ больнымъ замышляютъ противъ русскаго государства. Онъ призываетъ къ себѣ доктора, упрекаетъ его, какъ предателя, и, въ порывѣ гнѣва, восклицаетъ: „Скажи, что ты говорилъ съ больнымъ о Крымскихъ Татарахъ, непріятеляхъ Русскихъ?“ Изумленный врачъ, вспомнивъ о лекарствѣ Креморъ-Тартаръ, открываетъ грубую ошибку офицера, и тѣмъ

спасается отъ предстоявшаго ему великаго наказанія. За этимъ за-
прещается ему пользоваться впередъ чужестранцевъ". (Стр. 211—212).

Петръ Великій.

„Петръ Великій, во время пребыванія своего въ Парижѣ, на-
вѣстивъ общество Сорбонскихъ богослововъ, предложилъ имъ изы-
скать средства къ соединенію русской церкви съ римской". (Стр. 266).

„Говорятъ, что царевичъ Алексѣй, по прочтеніи ему смертнаго
приговора, упалъ въ обморокъ и, вскорѣ послѣ того, умеръ отъ удара.
Одни сказываютъ, что, будто бы, Петръ своеручно отсѣкъ сыну сво-
ему голову; другіе, что эта казнь совершена постороннимъ лицомъ,
а по словамъ третьихъ, Алексѣй умеръ отъ яду. Извѣстно, одна-
кожь, что Петръ Первый сдѣлалъ ему великолѣпное погребеніе и
потомъ приступилъ къ наказанію многихъ соумышленниковъ Алексѣя.
Велѣлъ: казнить Авраама Лопухина, брата Евдокии, матери Алексѣя;
Александра Кикина; епископа Ростовскаго; Пустыннаго, оберъ-свя-
щенника Евдокинъ; — повѣсиль: военачальника Глѣбова, приверженца
Евдокии, и отсѣчь вокругъ висѣлицы головы пятидесяти пяти свя-
щенниковъ и монаховъ, соучастниковъ Алексѣя. Сверхъ того нѣко-
торые были по этому же примѣру казнены, а другіе сосланы въ за-
точеніе. Евдокиа же, по высѣченіи ея ровгами, чрезъ посредство
двухъ довѣренныхъ лицъ, заключена въ монастырь въ Новой Ла-
догѣ". (Стр. 272).

„Однакоже угрызненіе совѣсти не замедлило тревожить его. Смерть
Петра, сына отъ Екатерины, соединясь съ воспоминаніемъ о смерти
Алексѣя, сына первороднаго, потрясли крѣпость его духа: онъ рѣ-
шился умереть голодною смертію и, запершись въ комнату, запре-
тилъ входъ къ себѣ подъ смертною казнью. Но Долгорукій, мужъ
доблестный, не взирая на это, приходитъ, стучится въ двери. Царь
грознымъ голосомъ кричитъ ему: „отсѣку тебѣ голову, если отва-
жишься показаться мнѣ!" и проч., и проч. (Стр. 273).

„Послѣ этихъ событій настали для Петра Великаго дни скорби.
Чрезмѣрные труды, которымъ онъ предавался съ самаго начала своего
царствованія, разстроили физическія его силы: кончина Петра, сына
его, еще болѣе усугубили тѣлесныя его недуги, онъ охладѣлъ и къ
супругѣ своей".

Въ присовокупленномъ къ этой исторіи статистико-топографиче-
скомъ взглядѣ на Россію, въ которомъ разсматривается Россія въ
отношеніи физическомъ, политическомъ, нравственномъ, ученномъ и
комерческомъ, въ статѣ

Вѣроисповѣданіе.

„Сорбонскіе богословы, главою которыхъ былъ знаменитый Людовикъ Албертъ, по изъявленіи Петромъ Великимъ въ Парижѣ желанія—соединить Россійскую церковь съ Римскою, представили ему исповѣданіе св. римской церкви, съ подробнымъ изъясненіемъ главныхъ догматовъ вѣры, съ которыми соглашались и сами Русскіе, смягчая при томъ и вопросъ о происхожденіи Св. Духа и духовной власти іерарха римскаго. Предложеніе ихъ весьма понравилось Петру Великому и онъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, передалъ оное своимъ епископамъ на разсмотрѣніе, требуя ихъ мнѣнія“.

„Епископы, подъ предлогомъ встрѣчаемыхъ ими многихъ затрудненій, дотошъ замедлили отзывомъ своимъ, пока военныя приготовленія противъ Шведовъ и Персіянъ совершенно озаботили Петра Великаго, а потомъ архіепископъ рязанскій и митрополитъ Теофанъ, любимецъ Петра, отзывомъ, писаннымъ въ духѣ лютеранизма, противъ православной римской вѣры, положили преграду этому дѣлу“.

„Впослѣдствіи времени папа Бенедиктъ XIV, писалъ по этому предмету къ императрицѣ Елисаветѣ, но она отвѣчала, что русская церковь не можетъ ничего предпринять безъ одобренія патріарховъ восточныхъ. За этимъ вопросъ о соединеніи церквей былъ оставленъ навсегда“.

Изъ царствованія Александра I и Николая I сія исторія довольствуется однимъ только описаніемъ нѣкоторыхъ доблестей этихъ государей.

(Изъ бумагъ А. И. Рыжова).

Псаломъ и пѣсня о Севастополѣ.

I.

Въ 1871 году въ Вильнѣ было напечатано стихотвореніе—священника Дорошкевича, одно изъ лучшихъ, какое намъ случилось читать по поводу геройской обороны Севастополя. Такъ какъ стихи эти прошли почти незамѣченными, то почтенный авторъ вѣроятно не посѣтуетъ, если мы перепечатаемъ нѣсколько строфъ его произведенія на страницы „Русской Старины“.

Ред.

Возставъ отъ сна, иди ко сну,
Въ молитвѣ, сердцемъ умленный,
Что — день тебя вспоману,
Многострадалецъ нашъ священный!

Десница, ты забвенна будь,
Забвень будь весь составъ мой бранный,
Когда забуду вспомануть
Тебя, на-вѣки незабвенный!

Изъ ада молній и громовъ,
Изъ пещи, триста кратъ разженной,
Гдѣ пали тысячи бойцовъ,
Богохранимо изведенный, —

Я, какъ съумѣю, пропою,
Въ походъ готовая замогильный, —
Пѣснь лебединую мою,
Тебѣ на славу, витязь сильный!

Изъ ничего родясь, ты взросъ,
Огнемъ и жупеломъ крещенный;
Младенецъ въ пеленахъ — колосъ,
Разилъ толпы враговъ надменныхъ!

Возникъ изъ праха, а стоялъ
Скалой-грозою неодолимой;
Что часъ горѣлъ и не старалъ,
Нашъ адамантъ несокрушимый!

Самсона сильного сильтѣй,
Средь безпрерывныхъ битвъ вилучихъ,
Ты вынесъ честь Россіи всей,
Одинъ на раменахъ могучихъ!

Что день стригомый, обростаеь
 Черезъ ночь власами новой силы;
 Громимый, громы самъ металлъ
 И субстатамъ рыть могли!

Ты не стѣнами охраняеь
 Святой залогъ, — его хранили
 Грудь богатырская Славянъ,
 Отчизна, Царь и Божьи силы!

Героевъ дивныхъ породилъ
 Въ своихъ твердыхъ скороспѣшныхъ;
 Европу, мѣрь весь удивилъ
 Величьемъ подвиговъ чудесныхъ!

Многострадаельный, изнемогъ
 Въ борьбѣ жестокой, безпримѣрной;
 Но — великанъ нашъ! — ты не легъ,
 Не палъ, какъ Мецъ, Седанъ презрѣнный!

Нѣтъ! древнимъ предкамъ подражая,
 Достойный вѣкъ богатырей,
 Ты легъ костью и, погибая,
 Не посрамилъ земли своей!

И сохранять бытописанья,
 Потомкамъ дальнимъ въ образецъ,
 Твои геройскія страданья,
 Равно — геройскій твой конецъ!

Грядущій родъ вспоманеть
 Тебя крестомъ, мольбой, — а новый,
 Нашъ юный родъ, уже плететь
 Вѣнецъ безсмертія лавровый!

Сообщ. П. В. Шейнъ.

II.

Помѣстивъ проникнутое высокимъ чувствомъ стихотвореніе въ память многострадаельнаго героическаго Севастополя, мы едва-ли погрѣшимъ, если позволимъ себѣ привести и шутку-пѣсенку, сложившуюся еще боко-о-бокъ со смертью и разрушеніемъ на бастіонахъ того же Севастополя въ 1855 году: эта пѣсенка извѣстна всей Россіи, облетѣла ее во множествѣ списковъ, да едва-ли ни была-ли уже и напечатана; кто ея авторъ — мы не знаемъ, да это и неважно; но любопытно, что въ ней высказалась прямо народная черта русскаго человѣка — его способность въ самыя тяжкія минуты шутить, смѣяться. Приводимъ пѣсню по списку, весьма обязательно сообщенному извѣстнымъ писателемъ и ученымъ М. И. Венюковымъ.

Ред.

Какъ четвертаго числа¹
 Насъ нелегкая несла
 Горы обирать!
 Горы обирать!
 Баронъ Вревскій—генералъ
 Къ Горчакову приставалъ,
 Когда подъ шофе,
 Когда подъ шофе:
 «Князь возьми ты эту гору,
 Не входи со мною въ ссору:
 Не то донесу,
 Не то донесу!»¹)
 Собирались на совѣты
 Всѣ большія эполеты,
 Даже плацъ-Беконъ... (2)
 Полицмейстеръ плацъ-Беконъ
 Никакъ выдумать не могъ,
 Чтò ему сказать!.. (2)
 Долго думали-гадали,
 Топографы все писали
 На большомъ листу!... (2)
 Гладко писано въ бумагѣ,
 Да забыли про овраги,
 А по нимъ ходить!... (2)
 Выѣзжали князья-графы,
 И за ними топографы
 На большой редуть.... (2)
 Князь сказалъ: «ступай, Липранди!»
 А Липранди: «нѣтъ-съ атанде,
 Молвилъ,—не пойду!... (2)
 «Туда умнаго не надо;
 «Ты пошли туда Реала,
 «А я посмотрю!...» (2)
 Глядь Реадъ возьми да съ просту
 И повелъ насъ прямо къ мосту
 Ну-ка на ура!... (2)
 Мартенау умолялъ,
 Чтòбъ лезертовъ обождалъ:
 «Нѣтъ ужъ пусть идутъ!...» (2)
 На ура! мы зашумѣли
 Да лезерты не поспѣли,
 Кто-то перевралъ!... (2)

¹) 4-го августа 1855 г. сраженіе на рѣкѣ Черной.

¹) Баронъ П. А. Вревскій, бывшій директоръ канцеляріи военнаго министерства, находясь въ Крыму, дѣйствительно побуждалъ князя Горчакова дать рѣшительную битву союзникамъ, атаковавъ ихъ позиціи на югъ и на востокъ отъ Севастополя.

А Бѣлевцовъ генералъ
 Крѣпко знамя потрясалъ:
     Вовсе не къ лицу!... (2)
 На Фёдохины высоты
 Намъ пришло всего три роты,
     А пошли поля!... (2)
 Наше войско небольшое,
 А Француза было втрое,
     И секурсу тьма!... (2)
 Ждали, выйдеть съ гарнизона
 Намъ на выручку колонна,
     Подали сигналъ!... (2)
 А тамъ Н. Н. генералъ
 Все акафисты читалъ
     Богородицъ!... (2)
 И пришлось намъ отступать...
 .....
     Кто туда водилъ!... (2)

Примѣчаніе М. И. Венюкова. „Въ 1854—1856 гг. я находился въ Академіи Генеральнаго Штаба для слушанія военныхъ наукъ и здѣсь получилъ изъ Крыма, съ театра военныхъ дѣйствій, отъ одного изъ моихъ прежнихъ товарищей по батарее, Ив. Вас. Аносова, офицера 14-й артилерійской бригады, списокъ приведенной выше пѣсни. Объ авторѣ этой остроумной шутки-пѣсни Аносовъ мнѣ писалъ, что общій голосъ арміи приписываетъ ее нашему талантливому писателю графу Льву Николаевичу Толстому;¹⁾ „но ты понимаешь, — писалъ Аносовъ: — что объ этомъ предметѣ говорить съ точностью невозможно, хотя-бы для того, чтобы не надѣлать бѣды Толстому, если сочинитель дѣйствительно онъ“.

„Такъ какъ я передалъ пѣсню или, вѣрнѣе, стихотворную легенду 1855 года, то присоединю отрывокъ одного стихотворенія, изъ эпохи, непосредственно предшествовавшей Севастопольскому погрому. Оно написано почти тѣмъ же народнымъ складомъ и, дѣйствительно, было отголоскомъ многихъ русскихъ думъ весною и лѣтомъ 1854 года. Говорили, что сочинилъ его одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ поэтовъ, другъ Жуковскаго и Пушкина; но я не ручаюсь за это. Сопоставляя эти двѣ пѣсы да еще стихи 1853 г. Опочинина:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
 Воевода Пальмерстонъ.... и пр.

каждый увидить, какъ русское народное самосознаніе еще въ 1853—1854 годахъ, склонное къ самообольщенію, начало уже пробуждаться въ 1855 г. Для меня въ этихъ трехъ стихотвореніяхъ цѣлая эпопея

¹⁾ Гр. Л. Н. Толстой, если не ошибаюсь, дѣйствительно служилъ въ 14-й бриг. М. В.

знаменитой борьбы, за которую въ Россіи наступила новая эра—именно—освобожденіе крестьянъ, новыхъ судовъ, земскихъ учреждений и пр.*

Оцѣнилась Европа
За побѣду у Синопа
На Святую Русь,
И кричать, что стало глотки:
«Вотъ теперь-то до красотики
Я ужъ доберусь!»
Англичане и Французы,
Мамелюки, Турки, Друзы
И Венгерскій сбродъ—
Все шумить, кричить, хлопочеть,
Ружья чистить, сабли точить:
Все на Русь идти и т. п.

Далѣ рѣчь идетъ о хвастовствѣ союзниковъ побѣдами еще не-
одержанными. Хвастовство это и относительное положеніе Россіи жи-
вописуются слѣдующими стихами:

Прогреми, протрубили,
Что-де Турки истребили
Весь російскій флотъ,
И со славой послѣ бою
Привели въ Стамбулъ съ собою
Русскій пароходъ;
Воронцова въ пухъ разбили
И все войско изрубили
Въ мелкую лапшу,
И въ газетахъ объявили,
Что въ Тифлисѣ посадили
Управлять пашу.
Что-жь Россія? неужели
Такъ и сгибла въ самомъ дѣлѣ
Отъ лихихъ людей?
Нѣтъ-съ; хвативши удалую:
«За царя и Русь святую!»
Да поѣвши шей;
И смскавъ въ углу дубину,
Коей въ тяжкую годину
Билъ отецъ волковъ,
Завалилась на печь бокомъ,
И хоть слышать издалека
Вой голодныхъ псовъ,
«Ну да, думаетъ, для встрѣчи
Стань чертовой мнѣ съ печи
Лезть совсѣмъ не складъ,
А прійдутъ когда къ порогу, —
Палкой батькиной дорогу
Укажу назадъ».

Сообщ. М. И. Венюковъ.

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ СТАРИНЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Предъ нами только что вышедшая книга: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, издаваемые по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ, выпускъ шестой“: текстъ къ 18 рисункамъ. (Спб. 1874 г., въ 6. четвертку въ 2 столбца 200 стр.) и при этой книгѣ роскошный, въ большой листъ, альбомъ изъ восемнадцати хромофотографическихкихъ рисунковъ; въ этотъ альбомъ вошли виды: развалинъ зѣмка князей Литовскихъ и Замковой горы въ Вильнѣ, развалинъ Троцкаго зѣмка, Лидскій замокъ и виленская церковь времени Ольгерда, Малоожейковская церковь начала XV вѣка въ Лидскомъ уѣздѣ, рисунки надгробныхъ плитъ, церковной утвари, рукописныхъ памятниковъ, матеріаловъ для западно-русской старопечати. Объясненія къ этимъ рисункамъ составлены Членомъ Археографической Комисіи П. А. Гильтебрандтомъ, знаткомъ исторіи и древностей западной Россіи. Кромѣ того, въ этомъ выпускѣ помѣщено окончаніе большой статьи профессора В. Г. Васильевскаго „Очеркъ исторіи города Вильны“ (отъ 1610 по 1795 годъ). Въ приложеніи помѣщенъ любопытный перечень произведеній западно-русской старопечати и указатель. Изданіе текста и въ особенности альбома роскошно и изящно. Цѣна (пять рублей) баснословно дешева.

Въ виду драгоценнаго подарка, который получаетъ русское общество въ вышедшемъ изданіи и важности его для исторіи и археологіи западной Руси, считаемъ не лишнимъ подѣлиться нѣкоторыми свѣдѣніями изъ исторіи церковно-строительнаго дѣла въ западной Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ обстоятельствами, вызвавшими изданіе этихъ памятниковъ. Свѣдѣнія эти мы отчасти заимствуемъ изъ замѣтокъ, полученныхъ отъ покойнаго В. Р., живо интересовавшагося всѣмъ, что относится до западной окраины нашего отечества.

Послѣ польскаго мятежа 1831 г. императоръ Николай Павловичъ, проѣздомъ, въ 1832 году, по Волынской губерніи былъ пораженъ бѣдностью и разрушеннымъ видомъ православныхъ церквей въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, и тогда же приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ поддержанію бѣдствующихъ храмовъ и къ постройкѣ новыхъ въ тѣхъ особенно селеніяхъ, гдѣ находятся благоустроенные костелы. Вслѣдствіе этого помѣщики были обязаны подписками исправить на собственный ихъ счетъ церкви, и о ходѣ этого дѣла министерство доводило до свѣдѣнія государя. Все это, однако, на практикѣ расплодило лишь переписку министерства до колоссальныхъ размѣровъ, а въ сущности не привело ни къ какому полезному практическому результату: помѣщики, — поляки и католики, — какъ и надо было ожидать, постоянно и упорно противодѣйствовали устройству православныхъ церквей и дѣлали это отчасти по религіозному и политическому фанатизму, а отчасти по весьма естественному нежеланію употреблять собственныя денежные средства на такія церкви, которыя имъ чужды по исповѣданію. По воссоединеніи, въ 1839 году, уніатовъ, патронатство, коимъ пользовались помѣщико-католики въ церквахъ уніатскихъ, было упразднено, а съ нимъ прекратилась прежняя, хотя и незначительная, помощь, которую помѣщики оказывали уніатамъ. Съ этого времени православныя церкви, съ бѣдными прихожанами, состоявшими изъ сплошнаго крестьянскаго, крѣпостнаго люда, все болѣе и болѣе разрушались. Ни центральная власть, ни синодъ, а тѣмъ менѣе мѣстное епархіальное начальство, не оказывали имъ никакой поддержки со времени воссоединенія.

Такъ шло до 1857 года, несмотря на весьма энергическія представленія бывшаго кievскаго генералъ-губернатора кн. Васильчикова, который, говоря о небрежности помѣщиковъ-инобѣрцовъ въ устройствѣ православныхъ церквей и бесполезности дѣлаемыхъ увѣщаній и побужденій, предлагалъ отнести устройство церквей къ имѣніямъ, а не къ владѣльцамъ. Съ этою цѣлью онъ предлагалъ образовать специальныйъ церковно-строительный капиталъ путемъ взиманія особаго поземельнаго сбора. Въ томъ же, 1857 году, одинъ изъ губернаторовъ (Витебскій, Колокольцовъ) подалъ высшей власти докладную записку, въ которой самыми мрачными красками описалъ положеніе православныхъ церквей и бытъ духовенства и прихожанъ въ своей губерніи. Въ этой запискѣ онъ коснулся причинъ упадка, изъ коихъ главная, по его мнѣнію, была непримиримая ненависть помѣщиковъ и особенно ихъ женъ, нафанатизированныхъ ксендзами и католическими монахами противъ православія. Пропаганда явно и осо-

бенно тайно была направлена къ обращенію въ латинство бывшихъ уніатовъ, еще не окрѣвшихъ въ православіи.

Записка Колокольцова, замѣчательная по изложенію и ярко очерченными въ ней фактамъ, вызвала внимательный пересмотръ дѣлъ, производившихся въ министерствѣ о церквахъ въ западной Россіи.

Изъ разсмотрѣнія дѣла, которое было разбросано по разнымъ департаментамъ министерства, оказалось, что весьма многія церкви въ девяти западныхъ губерніяхъ были закрыты по совершенной ихъ ветхости, что во многихъ не имѣлось утвари и книгъ, что въ большинствѣ воссоединенныхъ церквей богослужебныя книги были уніатскія; что вслѣдствіе этого недостатка, а также и по совершенной ветхости храмовъ, служба не производилась въ продолженіе 15-ти и болѣе лѣтъ, а прихожане посѣщали костелы. Почти повсемѣстно помѣщики и арендаторы имѣній оказывали сопротивленіе къ обновленію и поддержкѣ храмовъ; противодѣйствіе это было явное: помѣщики давали исправникамъ подписки слѣдующаго, напримѣръ, содержанія: „обязуюсь окрасить полъ чрезъ 10 лѣтъ“, или: „починю церковь (писано въ 1853 г.) чрезъ 4 года, начиная съ 1869 года“, или: „устрою церковь чрезъ 25 лѣтъ“, и т. п. При подобномъ ходѣ дѣла предвидѣлось весьма скорое обращеніе обитателей края въ католицизмъ, другими словами: окончательное ополяченіе края, издревле русскаго. Предвидѣлось, что все, что съ такими усиліями и политическимъ тактомъ было сдѣлано Еваториною II и Николаемъ I къ поддержанію православія въ краѣ, неминуемо будетъ уничтожено, — и это почти наканунѣ шляхетско-ксендзовской смуты 1863 года.

О дѣйствительномъ состояніи церквей въ западныхъ епархіяхъ была составлена, по порученію министра Ланскаго, П. Н. Батюшковымъ ¹⁾ особая записка и къ ней присоединена другая о польской религіозной пропагандѣ. Въ этихъ запискахъ были указаны мѣри къ дѣйствительному исправленію дѣла. Первымъ условіемъ успѣха было немедленное отстраненіе помѣщиковъ-католиковъ отъ всякаго участія и вмѣшательства въ дѣло постройки церквей въ ихъ имѣніяхъ. Затѣмъ испрашивалась надлежащая сумма на новыя церкви и на переустройство и поддержку ветхихъ, и наконецъ, предлагалось ознакомить общество съ положеніемъ церквей, духовенства и прихожанъ, чтобы вызвать общественное сочувствіе и благотворительность, такъ какъ, по мнѣнію составителя записки, однѣ правительственныя

¹⁾ Бывшій въ концѣ пятидесятыхъ годовъ вице-директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

средства и распоряженія, безъ содѣйствія общества, недостаточны для успѣха дѣла.

Записка была доведена до высочайшаго свѣдѣнія гр. Ланскимъ и, вслѣдъ затѣмъ, министерство приступило къ дѣйствительному устройству храмовъ въ западной Россіи, на которое изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1860 года, отпускается ежегодно, до полумиліона рублей. Августѣйшіе члены Императорскаго дома и русское общество, — особенно столичное, — обезпечили пожертвованіями церковной утвари, богослужебныхъ книгъ и др. предметовъ, западнорусскіе православные храмы, которые долго остались бы безъ помощи, если бы русское общество, какъ въ прежніе годы, было въ невѣдѣніи о ихъ нуждахъ и о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для ихъ устройства.

Въ тоже время, чтобы имѣть, возможно полныя свѣдѣнія о состояніи православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, туда были командированы — сначала въ Бѣлорусскія, а потомъ въ юго-западные губерніи — особыя довѣренныя лица, болѣею частью офицеры генеральнаго штаба, съ цѣлю не только осмотрѣть церкви и составить смѣты на ихъ обновленіе, но и проникнуть въ положеніе прихожанъ и духовенства, а также составить церковную смѣту по губерніи, обращая вниманіе на тѣ мѣстности, которыя болѣе другихъ нуждались въ немедленной помощи (такъ напр., мѣста, гдѣ возлѣ убогихъ православныхъ церквей возвышались великолѣпные костелы). Офицеры эти, при осмотрѣ церквей, должны были доставлять завѣдовавшему церковно-строительнымъ дѣломъ, П. Н. Батюшкову точныя данныя по племенному и вѣроисповѣдному составамъ населенія, что и было ими исполнено. Эти свѣдѣнія, полученныя еще до начала польскаго мятежа, дали возможность составить „Вѣроисповѣдный Атласъ Западнаго края“, оказавшій въ свое время весьма важную услугу правительству и обществу разъясненіемъ многихъ темныхъ сторонъ польской интриги.

Въ дополненіе къ „Вѣроисповѣдному Атласу“, найдено было нужнымъ обратить вниманіе и на древніе, русскіе монументальные памятники, находящіеся въ предѣлахъ западной Россіи, а потому г. Батюшковъ испросилъ чрезъ П. А. Валуева въ 1866 году высочайшее соизволеніе на изданіе особаго сборника древняго русскаго зодчества въ западныхъ губерніяхъ. Древніе памятники нагляднѣе всего доказываютъ ту неоспоримую истину, что западный край былъ искони русской, вопреки живымъ показаніямъ и таковымъ же свидѣтельствамъ польскихъ и иностранныхъ писателей, которые, пользуясь нашимъ невѣдѣніемъ собственной страны, ея исторіи и древностей, старались отуманить взглядъ правительства и общества. Сборникъ этотъ предназначался и къ услугамъ церковно-строительнаго

дѣла. Знакома публикѣ съ церковными постройками въ западной Россіи, когда еще о латинствѣ, а тѣмъ менѣе о Польшѣ, и помину не было, это изданіе, съ другой стороны, должно было представлять и другіе древніе русскіе памятники, большинство которыхъ относится къ той же эпохѣ.

Первые шесть выпусковъ Памятниковъ старины въ Западной Россіи — изяществомъ и тщательностью выполненія рисунковъ, а также обиліемъ представленнаго ими научнаго, весьма важнаго археологическаго и историческаго матеріала обратили на себя вниманіе всѣхъ русскихъ людей, интересующихся памятниками и историческою судьбой ихъ въ нашемъ отечествѣ. Польза, скажемъ болѣе—существенная необходимость этого изданія несомнѣнна; поэтому мы положительно недоумѣваемъ, читая въ предисловіи заявленіе издателя, что настоящимъ выпускомъ оно прекращается; но если дѣло возобновленія и сооруженія православныхъ храмовъ въ Литвѣ, Бѣлороссіи и на Волыни, будетъ продолжаемо, то совершенно необъяснимо прекращеніе изданія, которое является важнымъ подспорьемъ какъ для этого дѣла на мѣстѣ, такъ и для распространенія въ Россіи наглядныхъ свѣдѣній о состояніи русской святыни въ западныхъ ея окраинахъ. При ежегодномъ отпускѣ до 700 т. рублей на церковно-строительное дѣло въ этой странѣ, какія-нибудь 7 или 8 тысячъ на изданіе „Памятниковъ“ являются расходомъ совершенно ничтожнымъ и ужь разумѣется въ высшей мѣрѣ производительнымъ.

Кто знаетъ: явись это изданіе за нѣкоторое время до печальныхъ событій 1863 года, обрати оно вниманіе правительства и общества на наши западнорусскія окраины, тогда, быть можетъ, и не потребовалось бы тѣхъ десятковъ миліоновъ чрезвычайнаго государственнаго расхода, которые пошли на покрытіе издержекъ по усмирению мятежа.

Ред.

Обѣдъ въ Севастополѣ.

1856.

Между читателями „Русской Старины“, быть можетъ, найдутся такіе, для которыхъ любопытно будетъ узнать, что стоили у Французовъ въ Крымскую войну вина и кушанья. Въ этомъ предположеніи привожу здѣсь точный списокъ со счета, полученнаго, мною въ пресловутомъ Камышѣ ¹⁾ въ трактирѣ, 22-го апрѣля 1856 г. При расплатѣ по немъ, отъ насъ приняли русскую десятирублевую бумажку и дали, сколько слѣдовало, сдачи французскими деньгами. Послѣ обѣда, за который мы расплачивались и который споровенъ былъ для четырехъ насъ, русскихъ, Французомъ, приставшимъ къ намъ на улицѣ къ качествѣ комрада и участвовавшимъ также въ обѣдѣ, мы встали изъ-за стола болѣе голодны, чѣмъ сыты. Предлагаемый счетъ написанъ на клочкѣ толстой синеватой бумаги, очевидно оторванномъ отъ какого-то форменнаго предписанія, отношенія или рапорта, потому что на оборотной его сторонѣ, кромѣ двухъ такихъ же отдѣльныхъ счетцевъ, находится размашистый писарской руки конецъ адреса: „и Кавалеру Примо“. Вотъ этотъ счетъ:

Pour 5.	
Potage	3 fr. —
Saucisson	1 > 75 s.
Thon marine	3 > — >
Entrée boeuf	4 > 50 >
Thon marine	3 > — >
1 Carafon cognac	2 > — >
2 B-lles de vin	2 > 50 >
2 pains	2 > — >
	21 fr. 75 s.

т. е. 21 франкъ 75 сантимовъ или русскими деньгами 5 р. 43³/₄ коп.

Н. Федоровъ.

Г. Гельсингфорсъ.

¹⁾ Деревянные бараки, построенные въ видѣ маленькаго городка Французами въ Крымскую войну на южной сторонѣ Севастополя, у бухты, известной подъ названіемъ «Камышовой».

Н. Ф.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г.¹⁾

— Сегодня, пополудни, въ 5 часовъ, въ Куселевомъ домѣ, дастъ, прѣѣхавшей сюда изъ Штокгольма, съ 9-ти-лѣтнимъ своимъ сыномъ, камермузыкантъ Бервальдъ, концертъ. Билеты для ложъ, кресель и проч. мѣстъ, можно получить у Демута, подъ № 36, у г. Бервальда. (№ 11).

— Его И. Вел-во, между многими отеческими попеченіями о благоденствіи своихъ вѣрноподанныхъ, простирая милосердіе свое и на жителей селеній безлѣсныхъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ, открывшейся Новороссійской губерніи, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, каменный уголь ввести въ болѣе обыкновеніе къ употребленію; почему симъ и извѣщается: 1) что уголь означенной весьма удобовъ не только къ употребленію на винокуренныхъ и кирпичныхъ заводахъ, къ жженію извести и къ исправленію всѣхъ хозяйственныхъ нуждъ, а потому 2) есть-ли кто для означенныхъ надобностей имѣть его пожелаетъ, тотъ можетъ получить въ означенномъ уѣздѣ при казенномъ селеніи, называемомъ Третья рота, заплатя на мѣстѣ по 4 коп. за пудъ. (Тамъ же, при объявленіи).

9-го февраля. Сего февраля 6-го въ назначенный день, по высочайшему Е. И. Вел-ва повелѣнію, для сятаго крещенія е. и. выс-ва новорожденнаго государя великаго князя Михаила Павловича, съѣхались, въ 10 часовъ утра, въ Зимній дворецъ члены святѣйшаго правит. синода, знатное духовенство, чужестранные министры и прочія обоего пола особы, имѣющія прѣѣздъ ко двору, дамы въ робахъ, а кавалеры въ праздничныхъ кафтанахъ. Въ половинѣ одинадцатаго часа перенесенъ былъ новорожденной гос. вел. кн. въ одинъ изъ внутреннихъ и императорскихъ покоевъ, а кормилица и прочія, назначенныя для служенія новорожденному, отправлены были въ большую придворную церковь, гдѣ и отведено было имъ особенное мѣсто, оставленное ширмами. Чужестранные министры также заблаговременно введены были въ церковь однимъ изъ императорскихъ церемоніймейстеровъ и поставлены были въ приличное для нихъ мѣсто. Первенствующіе придворные чиновники, члены учрежденнаго при императорскомъ дворѣ совѣта и всѣ придворные кавалеры собрались во внутренней тронной залѣ и т. д.

[Слѣдуютъ подробности церемоніала—выхода въ церковь и обряда крещенія. Новорожденнаго несла штатсъ-дама Ливенъ, ассистентами ея были фельд-маршалы гр. Салтыковъ и кн. Репнинъ. Въ началѣ обряда императоръ «ретировался» въ ближнія комнаты, откуда пришелъ въ церковь по окончаніи обряда. Воспріемниками были в. к. Александръ Павловичъ, в. кнжн. Александра Павловна и ея кор-ское высоч. Фридерика-Доротея-Софія, вдовствующая герцогиня Виртембергъ-Штуттардская. Во время молебствія, съ болѣе преклоненіемъ, былъ салютъ—301 выстрѣлъ; на обѣдѣ присутствовалъ дворъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190; 589—590; 784—788: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1797—1798 гг., т. XII, стр. 231—236.

и особы первых двух классовъ. Во время стола играла вокальная и инструментальная музыка. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ].

12-го февраля. Всѣмъ-ше произведенъ изъ генералъ-майоровъ въ генералъ-лейтенанты войска донскаго Орловъ. (№ 13).

— Санктпетерб. купцу Лапшину, изъявляющему о понесенномъ имъ въ торгѣ салынными свѣчами убыткѣ и просившему состоящую на должникахъ его сумму выѣннить въ милостыню для поминовенія покойныхъ государей, а его оною наградить изъ казны, по высочайшему повелѣнію отказывается, яко ни малаго права о семъ просить не имѣющему. (Тамъ же).

— Въ Малой Коломвѣ, въ Дровяной улицѣ, подъ № 66-мъ, у отъѣзжающей продаются дворовые люди: дѣвка 18-ти лѣтъ, которая умѣетъ шить цвѣтами и бѣлье чистить; изъ крестьянъ: мужикъ 40 л., женщина 35-ти л., сынъ 14-ти и дѣвка 16-ти л.; всѣ они хорошаго поведенія; сѣрой попугай, которой говоритъ чисто по-русски и пѣсни поетъ, да гнѣдой рысакъ, а о цѣнѣ спросить въ ономъ домѣ у хозяина. Тутъ же отдается лакей съ женою въ услуженіе, лакей—портной, а жена—хорошая прачка и шьетъ въ тамбуръ цвѣтами и блонды плететъ; оба хорошева поведенія. (Тамъ же).

16-го февраля. По высшему повелѣнію балтійскаго карабельнаго флота дивизіи краснаго флага мичманъ Симаковъ, за порядочной привозъ изъ Костромы рекрутской партіи, такъ что во время слѣдованія его съ оной ни бѣжавшихъ, ни больныхъ не было, произведенъ въ лейтенанты. (№ 14).

— Изъ Лондона, отъ 30-го января. Мунго-Паркъ, посланный отъ африканскаго общества въ Африку для учиненія тамъ дальнѣйшихъ открытій, возвратился въ Лондонъ. Ни одинъ европеецъ не былъ такъ далеко внутри Африки, какъ сей странствователь. Онъ подтверждаетъ извѣстіе другихъ путешественниковъ о существованіи города Гуссага, лежащаго при рѣкѣ Тумбуктое, и который вдвое многочисленъ Лондона. (Тамъ же).

23-го февраля. Исключенному изъ службы поручику Параная, просившему о призрѣніи его съ сестрами, объявляется, что какъ онъ исключенъ за просрочку, то и нынѣшнему своему состоянію самъ онъ виновенъ. (№ 16).

— Тульскому купцу Сидневу, просившему объ опредѣленіи его къ таганрогскому порту браковщикомъ ладава, отказано яко въ такой просьбѣ; которая до разсмотрѣнія Е. И. В. не принадлежитъ. (Тамъ же).

— Бывшей польской службы поручику Ивану Понатовскому, просившему о произвожденіи ему того пенсіона, которой онъ получалъ отъ покойнаго короля польскаго, отказано потому, что здѣшняя казна подобныхъ пенсіоновъ давать не обязана. (Тамъ же).

— Продается книга: «Способъ отгадывать имена, кто кого любитъ или о комъ задумаетъ», 15 коп., «Аранскій кабалистикъ, прорицающій будущая и предсказываетъ судьбу каждаго человѣка», 20 коп. (Тамъ же).

2-го марта. Изъ Берлина, отъ 17-го февраля. Г. профессоръ Боде объявилъ недавно въ собраніи королевской академіи наукъ, съ надлежащими на то доказательствами, что всеобщій слухъ о скоромъ появленіи кометы совершенно не основателенъ. (№ 18).

— Продаются недавно привезенные сюда тульскіе, курскіе и новосильскіе соловьи, синицы, ученныя свистать полукурантами, скворцы-говоруны, которые свистятъ курантами и пѣсни поютъ, также гуси арзамаскіе и жаворонки ученныя. Спросить въ Чернышевомъ переулкѣ. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго императорскаго дома.

Всѣмъ извѣстно, что генеалогія служитъ важнымъ пособіемъ исторіи, такъ что безъ ея помощи иногда трудно объяснить нѣкоторыя историческія событія; особенно для дипломатіи важны точныя свѣдѣнія о родственныхъ связяхъ царствующихъ династій. Между тѣмъ генеалогіей у насъ почти не занимаются, не такъ какъ въ прошломъ вѣкѣ, когда ея болѣе интересовались. Всѣмъ занимающимся историческими науками извѣстны изданныя въ 1725 г. генеалогическія таблицы Губнера. Онѣ имѣютъ достоинства, но не вездѣ выдерживаютъ историческую критику; не говоря уже о встрѣчающихся въ нихъ историческихъ и хронологическихъ промахахъ, Губнеръ, какъ и большая часть генеалоговъ, съ цѣлью польстить тщеславію нѣкоторыхъ владѣтельныхъ лицъ, выводитъ, на основаніи невѣрныхъ преданій происхождение ихъ отъ Карла Великаго, или Витекинда, т. е. относитъ начало династій къ такой эпохѣ, отъ которой не осталось историческихъ документовъ. Еслибъ въ этомъ обстоятельствѣ и не заключалось ничего невѣроятнаго, то все-таки критика не можетъ отнестись къ нему серьезно.

Генеалогическій трудъ, который мы представляемъ нынѣ любителямъ историческихъ изслѣдованій, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенными генеалогіями. Обыкновенная генеалогія касается одной только династіи, и перечисляетъ всѣхъ принадлежавшихъ и принадлежащихъ къ ней какъ владѣтельныхъ, такъ и частныхъ лицъ; между тѣмъ предлагаемая родословная касается многихъ главнѣйшихъ династій въ Европѣ, указывая между ними только владѣтельныхъ лицъ, состоящихъ предками нашего императорскаго дома. Въ нашей таблицѣ, подъ рубрикою дома Романовыхъ, не показаны императоры Петръ II и Александръ I, императрицы Анна и Елисавета, а подъ

рубрикою дома Вазы не показаны Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII, подъ рубрикою дома Гогенцолерна не показанъ Фридрихъ Великій, — и все это потому, что помянутые монархи и монархини не были предками августѣйшаго русскаго дома. Вообще фактъ происхожденія владѣтельнаго лица только тогда имѣетъ историческій интересъ, когда его можно прослѣдить по непрерывной линіи отъ одного владѣтельнаго лица къ другому, также владѣтельному. Въ нашей таблицѣ мы начинаемъ домъ Вазы съ перваго по времени короля этой фамиліи, т. е. съ Густава Вазы, а родословную Романовыхъ начинаемъ съ Михаила Федоровича, перваго царя этой династіи.

Въ родствѣ по женской линіи заключается иногда большой политическій интересъ. Въ двухъ важнѣйшихъ государствахъ (Россіи и Австріи) царствуетъ женская линія, вслѣдствіе пресѣченія мужеской. Въ другихъ странахъ, гдѣ мужеская линія хотя и не пресѣклась въ боковыхъ вѣтвяхъ, женщины вступили на престолъ въ силу мѣстныхъ законовъ о престолонаслѣдіи (Англія, Испанія, Португалія). Въ смыслѣ человѣческомъ нельзя отрицать кровныхъ связей, такъ напримѣръ, отецъ моей матери точно также приходится мнѣ дѣдомъ, какъ отецъ моего родителя, и матери нашихъ дѣдовъ одинаково наши пробавки, и т. д.

Изъ царствующихъ династій, четыре самыя древнія: Габебургская, Лотарингская (слитыя нынѣ въ одну), Гессенская (потомки старинныхъ Брабантскихъ герцоговъ) и Гвельфская (Брауншвейгская).¹⁾ Рюриковичи царствовали въ Россіи болѣе семи столѣтій безъ перерыва. Между ними выдаются великіе историческіе дѣятели какъ напримѣръ: Владиміръ Святой, Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій, Іоаннъ III Великій и друг.; тѣмъ не менѣе Россія при Рюриковичахъ поднала подъ иго татаръ, подъ которымъ влчила жалкую жизнь болѣе двухъ вѣковъ, пока наконецъ не сбросалась съ силами и свергла иго; во время своего порабоженія и въ смутное время Россія потеряла лучшія области, примкнувшія къ Литвѣ и Польшѣ. Романовы, въ теченіе не полныхъ трехъ столѣтій, не только воротили все потерянное, но значительно расширили предѣлы Россійскаго государства. Они ввели Россію въ семью европейскихъ державъ, какъ одно изъ сильнѣйшихъ государствъ, голосу котораго Европа не можетъ не внимать. Безъ Россіи европейское равновѣсіе погибло бы отъ воинственныхъ захватовъ Наполеона I-го. Романовы внесли просвѣщеніе въ Россію и распространили народное образованіе, о кото-

¹⁾ Понятно восклицаніе Наполеона I: «Я хотѣлъ бы быть своимъ внукомъ».

ромъ Рюриковичи мало заботились Романовы развили источники богатствъ страны, они водворили общее благосостояніе, словомъ — они дали Россіи настоящій ея видъ и политическое значеніе.

Пытались производить домъ Романовыхъ отъ Рюриковичей на основаніи брака Никиты Романовича Захарьина-Юрьева съ княжною Евдокією Шуйскою-Горбатовою; этотъ фактъ однако недостаточно доказанъ. Достоверно только то, что жена Ѳедора Никитича (патріарха Филарета) была рожденная Шустова, не знатнаго происхожденія. Но если бы жена Никиты Романовича и была княжна Шуйская-Горбатова, то это не представляло бы никакого историческаго интереса. Хотя Шуйскіе-Горбатовы и происходили отъ древнихъ Суздальскихъ князей, но они уже за два вѣка предъ тѣмъ лишены были удѣловъ и перестали быть владѣтельными князьями. Несомнѣнно однако, что Романовы, если не первые изъ нихъ, то настоящіе, по прямой линіи владѣтельныхъ лицъ, дѣйствительно происходятъ отъ дома Рюрика, будучи потомками великаго князя Александра Михайловича Тверскаго, котораго дочь Юліана Александровна была въ замужествѣ за великимъ княземъ Ольгердомъ Литовскимъ, однимъ изъ предковъ нашей царствующей династіи. Сестра Юліаны, Марія Александровна, была замужемъ за великимъ княземъ Симеономъ Гордымъ, и по случаю этого брака впервые въ исторіи появляется имя Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника Захарьинныхъ и Романовыхъ, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ.¹⁾

Удивительно, что еще ни одинъ историкъ не замѣтилъ, что русскій императорскій домъ въ числѣ предковъ своихъ считаетъ не однихъ только великихъ князей Литовскихъ, но и древнихъ польскихъ королей какъ изъ дома Піаста,²⁾ такъ и изъ дома Ягеллоновъ. Это обстоятельство, повидимому, было совершенно неизвѣстно нашимъ государственнымъ людямъ во время раздѣла Польши. Иначе можно бы было объяснить жителямъ перешедшихъ къ Россіи провинцій, что впредь надъ ними будутъ царствовать потомки ихъ древнихъ наслѣдственныхъ королевскихъ династій.

Разсматривая вѣтви различныхъ династій, показанныхъ въ родословной, отъ которыхъ происходитъ Монархъ Россіи, мы находимъ, что къ его державѣ принадлежатъ нѣкоторыя страны, бывшія нѣкогда во владѣніи его предковъ изъ другихъ династій. Таковы: ве-

¹⁾ «Той-же весны (въ 1347 г.) оженплъ князь великій, приведоша ему со Тфери княжю Марию дчерь Александрову Михайловича Тферскаго князя; а ѣздилъ по нее Андрей Кобыла...» Ист. Карамзина, т. IV, примѣч. 365.

²⁾ Большая часть русскихъ историковъ пишутъ Пястъ, но Карамзинъ придерживается ортографіи Піастъ.

ликое княжество Литовское и большая часть бывшего королевства Польскаго. А изъ тѣхъ странъ, которыя нѣкогда принадлежали династии Вазы, продолжающейся до нынѣ въ единственной ея отрасли—Россійскомъ императорскомъ домѣ, Монархъ Россіи владѣетъ великимъ княжествомъ Финляндскимъ и герцогствами Эстонскимъ, Лифляндскимъ и Ингерманландскимъ. Что касается до герцогства Шлезвигъ-Гольштейнъ-Готторнскаго, которымъ императоръ Петръ III владѣлъ по праву наслѣдія, то императрица Екатерина II, во время несовершеннолѣтія сына своего, великаго князя Павла Петровича, владѣтельнаго герцога, уступила это герцогство Давиу, въ обмѣнъ Ольденбургскаго, во владѣніе коего вступилъ ближайшій родственникъ Гольштейнъ-Готторнскаго дома.

При составленіи родословной таблицы съ показаніемъ одновременно нѣсколькихъ династій, какъ царствующихъ, такъ и угасшихъ, приходится преодолевать немалыя трудности, особенно въ отношеніи хронологіи. Извѣстно, что относительно нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ въ актахъ историческихъ встрѣчаются противорѣчія, а потому ошибки неизбѣжны. Приведемъ одинъ примѣръ: годъ смерти великаго князя литовскаго Гедемина въ точности неизвѣстенъ. По справкѣ съ литовскими и польскими лѣтописцами оказывается, что они противорѣчатъ другъ другу, или же одинъ ссылается на другого; съ помощью однако исторической критики можно придти къ заключенію, что Гедеминъ умеръ въ теченіе зимы 1340—1341 гг. Въ нашей родословной показанъ послѣдній годъ, и это будетъ вѣрно, если Гедеминъ умеръ послѣ дня новаго года; ошибка же будетъ тогда, если можно доказать, что онъ умеръ до новаго года.

Сообщ. П. П. фонъ-Гецъ.

Примѣчаніе. Родословная таблица, представляемая нынѣ читателямъ «Русской Старины», была налитографирована въ Петербургѣ въ 1863 г., но въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Наше изданіе — напечатано съ исправленіями и дополненіями, сдѣланными почтеннымъ составителемъ этого замѣчательнаго, вполне интереснаго труда.

Ред.

СОФІЯ ДОРОТЕЯ
Принцесса Великобританская,
род. 1687 † 1757.

ФРИДРИХЪ Е.
Король
род. 168

АВГУСТЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ
Принцъ Прусскій, род. 1722 † 1758, женат
ЛУИЗЪ АМАЛИ, Принцессъ Брауншвейгской, род. 1

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II
Король Прусскій, род. 1744 † 1797, женат
ФРИДЕРИКА ЛУИЗЪ Принцессъ Гессенъ-Дармштатской,

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ III
Король Прусскій, род. 1770 † 1840, женат
ЛУИЗЪ АВГУСТЪ ВИЛЬГЕЛЬМИНА АМАЛИ
Принцессъ Мевленбургъ-Стрелицкой, род. 1776

АЛЕКСАНДРА ВЕОДОРОВН
Императрица Всероссийская, род. 1798 † 1
(Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина. Принцес

НИКОЛАЙ
Цесаревичъ,
род. 8 Сентября 1843 † 1865.

АЛЕ
Наслѣдникъ Цесаря
Цесаревна **МА**
(Марія Софія Фридерик
род. 14

НИКОЛАЙ
Великій Князь, род. 6 Мая 18

Изданіе ред. журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“.

i

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ 4-я КНИГА ПОПУЛЯРНАГО
ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА

„ПРИРОДА“

издаваемого подъ редакцію проф. С. А. Усова и Л. П. Сабанъева.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 4 р.

Въ 1875 года сборникъ «Природа» будетъ выходить по той же программѣ, 4 раза въ годъ, книгами около 25-ти печатныхъ листовъ, на веленовой бумагѣ, съ 6—8 таблицами, частью хромолитографіями и полиטיפажамъ въ текстѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 12 руб., съ перес. и дост. 13 руб. 50 коп.

По подпискѣ на 1875 г. лица, требующія одновременно (изъ редакціи) и 1874 г., получаютъ оба года за 24 р., съ книгами 1873 г. высылаютъ 30 р.

Подписка въ разсрочку по соглашенію съ редакціей.

1-я книга, сборника за 1875 годъ печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПР. ПОДПИСЧИКАМЪ 6-я КНИГА ЗА 1874 г.

„ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ“

издаваемого Императорскимъ Обществомъ размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты

(съ фотолитографіями на стеклѣ, таблицей и 6 полт.).

«Журналъ Охоты» выходитъ ежемѣсячно (со 2-го полугодія 1874 г.) книгами до 5-ти печатныхъ листовъ, на веленовой бумагѣ, съ хромолитографической или ксилографической таблицей въ каждой книгѣ и полиטיפажамъ въ текстѣ. Первый № журнала за 1874 г., по независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ, вышелъ въ концѣ октября. 1-й № журнала за 1875 г. выйдетъ въ концѣ января.

Подписная цѣна на годъ 8 р., съ перес. и дост. 9 р., на $\frac{1}{2}$ г. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. (съ 1-го іюля 1874 г. по 1-е января 1876 г. 12 р., съ пер. 13 р. 50 к.).

Подписка на сборникъ «Природа» и «Журналъ Охоты» принимается въ Москвѣ, въ редакціи обоихъ журналовъ (Петровка, д. Самаринной, противъ монастыря), у Соловьева, Васильева, Глазунова, Кашкина, Салаева и въ Центральномъ Книжномъ Магазины; въ Петербургѣ: у Базунова и Черкесова; въ Кіевѣ, въ Южно-русскомъ Книжномъ Магазины. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію.

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы продается:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. О. ЩЕРБИНЫ.

С.-Петербургъ, 1874 г., 450 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Содержаніе книги: Стихотворенія.—Пѣсни о природѣ.—Ямбы и Элегія.—Пѣсни русскаго на чужбинѣ.—Эпиграммы.—«Сонникъ Русской Литературы»: шуточные характеристики русскихъ писателей 1840—1860-хъ гг. Доморощенные наброски русскаго глѣннича и ипохондрика у себя и за границей.—Сатирическая глѣтопись: ямбы, всенія, шутки и эпиграммы.—Школьничество одного пожилого коллежскаго ассесора въ Чухонскихъ Аянахъ и проч. и проч.

Цѣна съ пересылкой 2 руб.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ИЗДАНІЯ

учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію

г. министромъ народнаго просвѣщенія

ПОСТОЯННОЙ КОМИСИИ

по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и ея окрестностяхъ.

Слава на земли Господа нашего Иисуса Христа—Свящ. С. И. Опатовича.

Съ 5-ю раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

Чему учили люди Господь нашъ Иисусъ Христосъ—Свящ. С. И. Опатовича.

Съ 5-ю раскрашенными картинами. Ц. 10 к.

Уничженіе на земли Господа нашего Иисуса Христа—Свящ. С. И.

Опатовича. Съ 5-ю раскрашен. картинами. Ц. 10 к.

Жизнь Вождей Матери. Праздники въ честь Ея: Рождество Богородицы.

Введеніе во Храмъ, Благовѣщеніе, Успеніе, Покровъ Ея и праздники въ

честь Ея иконъ: Владимірской, Смоленской, Знаменія (Новгородской),

Тихвинской, Казанской и Всѣхъ скорбящихъ Радость—Свящ. М. И. Со-

колова. Съ 7-ю раскрашен. картинами. Ц. 15 к.

Жизнь Святаго Николая Чудотворца (въ связи съ церковными событіями

его времени)—Свящ. М. И. Соколова. Съ 10 раскрашен. картинами. Ц. 15 к.

О Богослуженіи Православной Церкви: Всенощное бдѣніе и Божествен-

ная литургія:—проскомидія, литургія оглашенныхъ и вѣрныхъ—Свящ.

М. И. Соколова. Съ 8-ю раскрашен. картинами. Ц. 20 к.

Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Русь—Свящ.

С. И. Опатовича. Съ 15-ю раскрашен. картинами. Ц. 25 к.

Святые мѣста земли Русской:

1) Соловецкій Монастырь—С. Максимова. Съ 10-ю раскр. картин. Ц. 15 к.

2) Троице-Сергіевская Лавра—С. М. Съ 10-ю раскр. картинами. Ц. 15 к.

3) Святини Кіева—Свящ. С. И. Опатовича. Съ 8-ю раскр. картин. Ц. 15 к.

Буликовская битва—С. Е. Рождественскаго. Съ 8-ю раскр. карт. Ц. 15 к.

ПОДПИСКА НА 2-е ИЗДАНІЕ

ОСТРОЖНОВА БИБЛІЯ

отъ городскихъ подписчиковъ принимается въ Департаментѣ
Министерства Народнаго Просвѣщенія (у Чернышева мо-
ста) ежедневно, отъ 12-ти до 4-хъ часовъ пополудни, у
экзекутора деп-та Андрея Иванов. Курта, или у его по-
мощника Игнатія Ивановича Воронина.

вый томъ. Первые три тома вышли еще въ 1857 году и были перепечатаны вторымъ, исправленнымъ изданіемъ въ 1868 г. Шестой томъ появился въ 1860 году. Медленность выхода въ свѣтъ этого весьма замѣчательнаго труда, объясняется, конечно, кромѣ важности содержанія, требующаго подготовительныхъ работъ и тщательныхъ изысканій, еще и общественно-духовными, многосложными занятіями архипастыря. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, если не скорого окончанія, то, по крайней мѣрѣ, болѣе частаго появленія томовъ этого сочиненія, составляющаго эпоху въ исторіи нашей церкви, какъ и «Православно-догматическое богословіе» того же автора. Нынѣ вышедшій томъ объемлетъ почти полтораста лѣтъ, эпоху усиленія московскаго государства и окончательнаго сверженія монгольскаго ига; въ этомъ томѣ разсказана исторія монастырей (которыхъ было тогда болѣе 400) и разобраны сочиненія, относящіяся къ духовной литературѣ того времени до борьбы съ иудействующими во время ея, при Максимѣ Греки, митрополитахъ Давидѣ и Макаріи. Тутъ, кромѣ чисто-духовныхъ сочиненій, представлена весьма замѣчательная характеристика и свѣтскихъ произведеній Серба Пахомія Логовета, «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ» гостя Василія, Максима Грека, Серба Льва Филолога, попа Сильвестра и его «Домостроя», наконецъ «Путешествіе ко св. мѣстамъ купца Трифона Коробейникова». Въ эти характеристики вносятся богатый вкладъ въ исторію русской литературы.

Исторія воссоединенія Руси. Соч. П. А. Кулиша 2 тома, 363 и 456 стр.

Имя автора этой любопытной книги давно известно въ нашей литературѣ, хотя въ последнее время онъ рѣдко напоминаетъ о себѣ новыми произведеніями. Начиная съ романа «Михайло Черрышенко или Малороссія 80 лѣтъ назадъ», вышедшаго еще въ 1843 г. и до послѣдней «Исторіи», авторъ пробовалъ силы свои во всѣхъ родахъ словесности и приобрѣлъ известнаго писателя трудолюбиваго, талантливаго, хотя часто увлекающагося и мнѣющаго свои историческія и литературныя усужденія. Онъ писалъ и романы, какъ «Алексѣй Однорогъ» и «Черная рада» и историко-литературныя, біографическія, этнографическія и критическія сочиненія, и «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Дмитріи Самозванцѣ» и «Исторію испанской литературы» (по Тиктору), и «Записки о жизни Гоголя»; но болѣе всего писалъ онъ о Малороссіи, ея исторіи, литературѣ, языкѣ, писаніяхъ, преданіяхъ и т. п. Мы не причисляемъ сюда его произведеній на малороссійскомъ нарѣчій, для котораго онъ составилъ и свое правописаніе, и особую азбуку, кулишовку, отъ которой, впрочемъ, отрелся впоследствии. Отрелся онъ,

впрочемъ, въ своей жизни отъ многого, даже отъ Шевченки и Гоголя, а въ своей «Исторіи воссоединенія Руси», отрелается отъ Н. И. Костомарова, хотя иногда и пересказываетъ тѣже самые факты, которые изслѣдовалъ и передалъ намъ почтенный историкъ. Выводы изъ этихъ фактовъ г. Кулишъ дѣлаетъ, конечно, свои и довольно оригинальные, съ которыми не всегда можно согласиться, какъ напримеръ съ его мнѣніемъ о значеніи казачества и исторіи южной Россіи. Всего любопытнѣе, что въ послѣднемъ сочиненіи своемъ г. Кулишъ отрелается даже отъ исторіи, которую началъ писать. Такъ, разсказавъ въ первомъ томѣ исторію Кіево-Галицкой Руси со времени опустошенія ея Татарами до начала войны казаковъ со шляхтою и сознавшись въ предисловіи (которое онъ называетъ «предупрежденіемъ»), что самъ видитъ непонятную своей книги, эскизность нѣкоторыхъ частей и несоразмѣрность между ними, онъ въ «заявленіи» ко второму тому, гдѣ разсказъ доведенъ до 1620 г., эпохи возстановленія православія въ Кіевѣ, говоритъ, что остановится на этомъ томѣ и, вмѣсто продолженія исторіи, издастъ «Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси», то есть сырой матеріалъ вмѣсто критически-обработанной исторіи. Сверхъ того онъ общается еще выпустить въ свѣтъ особый сборникъ, подъ заглавіемъ «Критика бібліографической работы для исторіи воссоединенія Руси» и приглашаетъ всѣхъ доставлять ему обзоры сочиненій, относящихся къ этому предмету. Наконецъ на оберткѣ втораго тома «Исторіи» общается скорымъ выпускѣ еще третьяго сочиненія «Хуторская философія и удаленная отъ свѣта поэзія». Все это не общается скорого окончанія «Исторіи», о чемъ нельзя не пожалѣть. Несмотря на ея недостатки и памфлетическій тонъ разсказа, она читается весьма легко, написана человекомъ безспорно талантливымъ и факты, переданные въ ней, весьма любопытны.

Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ. Составилъ Ю. Иверсень, 36 стр., въ большую четвертку.

Изданіе это — оттискъ изъ трудовъ Археологическаго общества — представляетъ, по словамъ самаго автора, собраніе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ матеріалы, интересныя для нумизматовъ и могущіе послужить основаніемъ будущихъ трудовъ по этой части. Словарь составленъ весьма тщательно на основаніи главнѣйшихъ нумизматическихъ коллекцій: «Собраніе русскихъ медалей» — изданіе Археологической комисіи, «Каталогъ польскихъ монетъ и медалей» гр. Чапскаго на французскомъ языкѣ, «Медали на дѣянія Петра Великаго», изданныя авторомъ словаря; серія медалей великихъ князей, изданная въ XVIII в. и пр.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1875 г.

ВЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, — двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-петербургъ и въ Москвѣ — **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Бедерова Бабунова (Невской Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаниемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКОЙ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Надеждинская, д. Трута, № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщены въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ 1875 г., относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспомнанія. — II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній. — IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч. — VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старинѣ“. — VII. Народная русская словесность: историческія, бытовія и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв. — Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи. — Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа. — VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческ. книгъ. — IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старинѣ“ принимаетъ постоянное участіе **М. И. Семеvскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

МАРТЪ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Донскаго атамана Адриана Карповича Демисова: главы XXI—XXII; 1811—1824 гг. Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.	457	копии автора. Сообщ. Т. А. Сосновскій	575
II. Князь Григорій Александрович Потемкинъ. Очеркъ его жизни и переписка. Гл. I—III, 1739—1779 гг.	481	IX. Адамъ Мицкевичъ. Какъ писался «панъ Тадеушъ». Статья Н. В. Верга.	592
III. Тайны Канцелярія къ царствованію императрицы Елисаветы Петровны, 1741—1761 гг.	523	X. Последняя Польская смута, 1861—1864 гг. Разказы Очевидца: Польша въ июнѣ 1862 г.	600
IV. Пугачевщина 1774 г. Сообщ. Н. К. Чулкинъ.	540	XI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Указъ Петра I, 1711 г. (627). 2) Письмо Мязепа. (627). 3) Письмо Павла, 1787 г. Сообщ. С. Г. Воборыкинъ. (628). 4) Примѣры гласности 1802 и 1809 гг. Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій. (629). Контузія Паскевича 1854 года. (634). 6) Кн. А. С. Меншиковъ (638). 7) Пѣсня 1855 г. Сообщ. С. П. Сысоевъ. (653). 8) Каржавины. Сообщ. Н. П. Дуровъ. (655). 9) М. Каченовскій, Н. А. Полевой и Н. Ф. Павловъ. (660).	
V. Генерал-лейтенантъ Кюми-Фон-Илугенау. Очеркъ военныхъ событій на Кавказѣ, 1818—1850 гг. Гл. VIII—IX, экспедиціи 1833—1835 гг.	544	XII. Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ Петербургѣ въ 1798 г.	663
VI. Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Нѣсколько о немъ припоминовеній. Сообщ. акад. И. И. Срезневскій.	555	XIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
VII. Александръ Сергѣевичъ Даргомыскій: переписка 1845—1857 гг. Сообщ. В. Г. Кастрійотъ Скандербекъ	565		
VIII. Александръ Федоровичъ Воейковъ: 1) Воспоминаніе о немъ. 2) «Домъ сумасшедшихъ» по ру-			

ПРИЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ прилагаются портреты атамана Адриана Карповича Демисова и А. Воевова, автора «Домъ сумасшедшихъ».

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна за 12 книгъ 8 р. съ пересылкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Собрание узаконеній русского государства, изданіе Е. П. Карновича. Томъ I, царствование Александра Михайловича (1649—1676 гг.), XV, стр. 1024 столб. и 112 стр. указателей. 1874 г.

Излишне было бы доказывать необходимость для русскаго человека «Полнаго собранія законовъ». Вышедшее въ 1830 г. оно сдѣлалось давно уже библиографическою рѣдкостью и его нѣтъ вполнѣ даже во многихъ присутственныхъ мѣстахъ. Поэтому новое изданіе этого монументальнаго сорокапятитомнаго историческаго и юридическаго памятника въ высшей степени необходимо. На эту необходимость мы уже указывали (Вибл. листокъ «Рус. Ст.» 1873 г., кн. XII). Нынѣ въ названной выше книгѣ мы имѣемъ первый томъ новаго монументальнаго изданія полнаго собранія законовъ; книга издана весьма тщательно и не только вполнѣ замѣняетъ соответствующій ей первый томъ прежняго изданія, который является въ перепечаткѣ буивальной, безъ всякихъ поправокъ, даже съ сохраненіемъ прежней нумерации, стр., но, кромѣ того, къ книгѣ проложены шесть указателей: предметовъ, именъ, мѣстностей, старинныхъ словъ, поправокъ и годовъ, а также приложены: перечень содержания I-го тома, гдѣ тексты названій указовъ, грамотъ и т. п. не перепечатаны слово въ слово какъ въ оглавленіи «Полнаго собранія законовъ», а составленъ издательскій, кратко и съ указаніемъ только на главный предметъ указа. Начиная съ «Соборнаго Уложения» 1649 г., въ этотъ томъ вошло 618 различнаго рода узаконеній по 1675 г. включительно. Въ послѣдующихъ томахъ г. Карновичъ обѣщаетъ еще много улучшеній и дополненій и намъ остается только пожелать, чтобы ему удалось выпустить въ свѣтъ хотя еще нѣсколько томовъ, относящихся къ нашему старинному законодательству, — такъ какъ для изданія всего «Собранія» не достанетъ силъ одного лица. Обращаемъ вниманіе на дешевизну изданія: пять рублей за подобный томъ (до 80-ти листовъ, въ большую четверку) весьма немного.

Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи, составленный Н. Чупинымъ. Выпускъ 1—4; 1873—74 гг. Приложение къ «Сборнику Пермскаго земства».

Наши провинціальныя изданія обращаютъ на себя, въ послѣднее время, вниманіе не одной журналистики, но и всей образованной публики. Каждый чувствуетъ съ каждымъ годомъ все болѣе развивающуюся необходимость самостоятельной дѣятельности нашихъ земствъ и провинцій. Поэтому мы не можемъ не встрѣчать съ

полнымъ сочувствіемъ всякое изданіе, появляющееся въ типографіяхъ нашихъ губернскихъ городовъ; тѣмъ болѣе если такое изданіе имѣетъ, кромѣ своего частнаго, провинціального, и общее значеніе, какъ словарь нашего даровитаго и неутомимаго изслѣдователя отечественной старины Н. К. Чупина. Известно, что изъ всѣхъ нашихъ земствъ, особенно дѣятельностью отличается пермское, стоящее едва ли не на первомъ мѣстѣ даже въ ряду такихъ прогрессивныхъ земствъ, какъ Ярославское, Херсонское и др. Издаваемый Пермскими сборникъ отличается полнотою сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній и, кромѣ обычныхъ статей, относящихся до интересовъ земства, къ нему, съ 1873 г., прилагается выпусками подробный и весьма тщательно составленный словарь всѣхъ замѣчательныхъ, въ географическомъ и статистическомъ отношеніи, мѣстностей Пермской губерніи. Нечего и говорить о томъ, какъ быстро подвинулось бы у насъ впередъ изученіе русской географіи и статистики, если бы и другія земства послѣдовали примѣру пермскаго, особенно если дѣятеля другихъ губерній будутъ также внимательно относиться къ этому дѣлу, какъ Н. К. Чупинъ. Намъ остается только пожелать этого. Что касается до «Пермскаго словаря», то предъ нами пока его только начало, 224 страницы, въ которыхъ не кончена буква Б. Между статьями есть много обширныхъ и весьма обстоятельно обработанныхъ, какъ «Богословскій горный округъ Благодатъ, Бисерскій заводъ и другія.

Путешествіе посадскаго человека Матвѣя Гаврилова Печалева въ Иерусалимъ (1719—1720 гг.). Изданіе Н. Барсова, Варшава, 1875, 36 стр.

Почтенный составитель замѣчательнаго «Историко-географическаго словаря Россіи» (IX—XIV вѣка) подъ приведеннымъ выше названіемъ издалъ, по рукописи, находящейся въ Петербургской Публичной библиотекѣ, любопытное сочиненіе: «Книга хожденіе во святый градъ Иерусалимъ Толкавской Слободы посадскаго человека Матвѣя Гаврилова сына Печалева». Хотя рукопись эта неполна и многія мѣста искажены переписчикомъ, а замѣчанія автора весьма кратки — когда не относятся къ главной цѣли его странствованія, и весьма риторичны, — когда онъ говоритъ о духовныхъ предметахъ, тѣмъ не менѣе въ путешествіи много любопытнаго. Уступая въ интересѣ извѣстному «хожденію» игумена Даниїла, священника Іоанна Лукьянова (1710 г.), не говоря уже о Трионѣ Коробейниковѣ и другихъ лицахъ, посѣщавшихъ Иерусалимъ въ допетровскую

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года.

Изданіе **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библіографическою рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаютъ отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г., редакція готова наконецъ приступить къ новому ея изданію, при чемъ оно будетъ напечатано только въ томъ числѣ экземпляровъ, сколько поступитъ до 1-го мая сего 1875 г. заявленій о желаніи приобрести это изданіе и будетъ разослано лицамъ подписавшимся.

Новое изданіе выйдеть съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Болотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Сѣряковымъ, съ рисунковъ автора Записокъ, виньетокъ.

Цѣна новаго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣтелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ф. В. Опочнина**. Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана**; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніи напечатаны (большою частію впервые) подлинныя снимковъ, какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣтелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученномъ или литературномъ.

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, полицій-мейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кригсъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г., 1873 г. и 1874 г. стома разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе), можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 75 экземпляровъ). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. продолжается. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.

Атаманъ Аѳанасій Денисовъ

Атаманъ Войска Донскаго

А. К. ДЕНИСОВЪ.

1763—1841.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

.1763 — 1841.

XXI.¹⁾

Знамя и похвальная грамота войску Донскому. — Предложеніе Платова Денисову. — Просьба Яловайскаго. — Походъ казаковъ на турецкую границу. — Рымникъ. — Дѣйствія русскихъ войскъ за Дунаемъ. — Платовъ. — Ваграціонъ. — Милорадовичъ. — Ланжеронъ и Сергѣй Каменскій. — Отъездъ Денисова изъ арміи въ Петербургъ. — Барклай-де-Толли.

1808—1811.

Въ продолженіе всей первой, войны Россіи съ французами, въ Пруссіи, донскіе казаки принимали весьма дѣятельное участіе и оказывали блистательные подвиги, за что императоръ Александръ I, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ донскому войску знамя при похвальной грамотѣ, въ которой подтверждены всѣ дарованныя этому войску права и преимущества и выражены слѣдующія замѣчательныя слова: «врожденная бдительность донскихъ воиновъ ограждала спокойствіе нашей арміи, а главнокомандующему служила вмѣсто недремлющаго ока». ²⁾

Въ то самое время, когда російскія войска боролись съ французами въ Пруссіи, *Наполеонъ успѣлъ возстановить турецкаго султана противъ Россіи, и войска наши, готовясь къ войнѣ съ Турціею, заняли всѣ лежація на лѣвомъ берегу Дуная турецкія области. Войсковою атаманъ, Платовъ, получилъ также повелѣ-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 27—49; 257—271.

²⁾ «Истор. Донскаго войска», В. Броневскаго, часть II, стр. 178.

ніе—слѣдовать, съ своими 15-ю донскими полками, изъ Пруссіи въ молдавскую армію нашу. Денисову онъ предложилъ на выборъ: или идти съ нимъ, или остаться на прусской границѣ. Денисовъ рѣшился на послѣднее изъ не желанія сталкиваться съ Платовымъ, отношенія съ которымъ принимали болѣе и болѣе непріязненный видъ; но въ минуту этого предложенія, и когда Денисовъ задумался что дѣлать—идти-ли въ Молдавію или оставаться въ Пруссіи, въ комнату Платова вошли донской генерал-майоръ Николай Васильевичъ Иловайскій и съ нимъ полковые командиры тѣхъ донскихъ полковъ, которые назначались въ Молдавію. Иловайскій спросилъ Денисова:

— Точно-ли правда, дядя, что вы хотите остаться на границѣ?

(Иловайскій не былъ родственникомъ Денисову и называлъ его такъ по привычкѣ). Адріанъ Карповичъ подтвердилъ, что хочеть остаться на границѣ Пруссіи.

— Сдѣлай милость, дядя, уважь просьбу всѣхъ, идущихъ въ Молдавію. А я въ особенности прошу: не оставь насъ и иди съ нами. Мы всѣ васъ любимъ и почитаемъ.

Адріанъ Карповичъ былъ тронутъ, а Платовъ, какъ замѣтилъ Денисовъ, остался этою сценою недоволенъ. «Но меня сіе не остановило и я, съ должнымъ почтеніемъ, просилъ атамана, что, буде можно, чтобы отмѣнилъ мое согласіе и причислилъ къ полкамъ, слѣдующимъ въ Молдавію».

— Какъ же вы такъ скоро переменяете ваши мысли?—сказалъ Платовъ.

Денисовъ сослался на то, что происходило въ глазахъ атамана.

— Хорошо,—продолжалъ Платовъ,— вы пойдете въ Молдавію.

Иловайскій обнялъ Денисова и благодарилъ; тоже сдѣлали и прочіе командиры. Денисовъ получилъ одинъ полкъ, названный его именемъ. Казаки шли скоро. Адріанъ Карповичъ чувствовалъ себя больнымъ; въ Винницѣ онъ совѣтовался съ докторомъ и запаса леварствами. По приходѣ къ Днѣстру, казачьи полки расположились лагеремъ, а на зиму заняли кантонир-квартиры. Полкъ Денисова стоялъ въ Тульчинѣ, гдѣ онъ познакомился съ домомъ графовъ Потоцкихъ. Лѣтомъ 1808 г. Денисовъ перешелъ въ мѣстечко Атаки и сталъ лагеремъ. Такъ какъ военныхъ дѣйствій не происходило, то Адріанъ Карповичъ, съ позволенія главнокомандующаго, генерал-фельдмаршала кн. Прозоровскаго,

сѣздалъ на два мѣсяца на Донѣ. Найдя родителей своихъ крайне слабыми, онъ хотѣлъ уже подать въ отставку, но отецъ повелительно сказалъ, чтобъ я этого не дѣлалъ предъ начинающею кампаніею, чтобы я окончилъ свои подвиги съ такою же ревностію, какъ оныя началъ и продолжалъ, и что я, находясь при нихъ, не могу продолжить ихъ жизни». По возвращеніи изъ отпуска въ армію, Денисовъ нашелъ свою бригаду уже въ Молдавіи, въ мѣстечкѣ Текучь, откуда осенью казаки перешли въ селеніе Мартинешти, а потомъ къ мѣстечку Рымнику и далѣе къ р. Дунаю, недалеко отъ Браилова. Денисовъ описываетъ рѣку Рымникъ: «Я ее видѣлъ, что она течетъ не болѣе какъ небольшою ручей, чрезъ которой можно челобѣку перепрыгнуть. И мнѣ-жъ случилось видѣть, что меньше чѣмъ въ сутки, рѣка сія выступила изъ береговъ, наполнила всю окрестную дистанцію и низменные мѣста съ такимъ стремленіемъ, что волюи, лисицы и зайцы многіе потонули, которыхъ, по сбытіи воды, я самъ видѣлъ».

По истеченіи лѣта, Денисовъ, съ 7-ю или 9-ю полками, пошелъ за Днѣстръ въ Ярышевъ, оттуда къ Пяти-горамъ, а потомъ въ Умань. Весною 1809 г. полки Денисова опять перешли Днѣстръ и Прутъ, стояли въ Бузео и въ селеніи Привалы, недалеко отъ Галаца. 28-го мая армія наша перешла Дунай. Денисовъ и два другихъ донскихъ генерала (Нив. Вас. Иловайскій и Дм. Еф. Кутейниковъ) посланы были впередъ собирать свѣдѣнія о неприятелѣ. Денисовскіе казаки схватили курьера, посланнаго отъ визира въ Браиловъ. Для удобства и большаго успѣха въ дѣйствіяхъ генералы Иловайскій и Кутейниковъ сами подчинили себя Денисову, какъ старшему. Казаки захватили у турокъ большое количество скота и снабдили имъ всю армію. Потомъ Денисовъ, вмѣстѣ съ Платовымъ, занялъ Бабадахъ и оттуда они пошли на Гирсово и далѣе на Сатискую и другія татарскія селенія. Жители ихъ разбѣжались, а неприятель показался не ближе уже Черноводъ, въ числѣ 4 тысячъ. Въ Кюстенджи стоялъ паша съ войскомъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ, а близъ Дуная, при селеніи Россевата, находился сераскиръ съ 7—10-ю тысячами. Стычки были незначительны. Армія наша двигалась на Сатискую и Кюстенджи. Денисовъ посланъ былъ впередъ съ казаками и двумя драгунскими полками, которыми командовалъ генерал-маіоръ

гр. Паленъ. Съ этими небольшими силами Денисовъ долженъ былъ стать у Кюстенджи и не выпускать неприятеля. Подъ проливнымъ дождемъ и сопровождаемая громомъ и молніею шли войска къ мѣсту назначенія. «Темно было такъ, что нѣго не могъ видѣть шерсти своей лошади»; въ темнотѣ колонны сталкивались. Это побудило Денисова соединить войска въ одну колонну. Несмотря на темноту и отсутствіе проводниковъ, полковникъ Ефремовъ, шедшій впереди, привелъ Денисова прямо къ Кюстенджи. Здѣсь онъ оставался нѣсколько дней, а драгуны и часть казачьихъ полковъ вытребованы были въ армію, которою за смертію фельдмаршала, кн. Прозоровскаго, командовалъ кн. Багратіонъ.

«Какъ мое нахожденіе было близко отъ главной арміи, которая обложила уже крѣпость Кюстенджи, то я самъ поѣхалъ къ войсковому атаману, Платову, для полученія приказаній и узнанія о будущихъ дѣйствіяхъ нашихъ. Платова нашелъ я близъ самой крѣпости, у кладбища, на землѣ спящаго, почему, не обезпокоивая его, поѣхалъ къ новому главнокомандующему, кн. Багратіону, котораго также нашелъ недалеко находящагося, на курганѣ, при окончаніи его завтрака. Онъ весьма милостиво меня принялъ и даже обласкалъ снисходительнымъ и уважительнымъ своимъ разговоромъ и привазалъ подерѣпить меня остатками завтрака и виномъ. Побывъ тутъ нѣсколько, я возвратился къ атаману Платову, которому обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и донесъ. Въ тотъ же день, при захожденіи солнца, получилъ я повелѣніе: съ 4-мя донскими полками поспѣшно слѣдовать къ Дунаю, къ Черноводамъ, въ подерѣпленіе генералу Милорадовичу. которой тамъ, съ особымъ корпусомъ, стоялъ и наблюдалъ движеніе сераскира. Мнѣ дано было такое отъ Платова словесное приказаніе, чтобы, подойдя къ войскамъ Милорадовича и не доходя до нихъ, остановился особымъ лагеремъ и исполнялъ бы приказанія Милорадовича, но всегда бы отдѣльно стоялъ отъ его корпуса. На что я принужденъ былъ откровенно ему, атаману, доложить, что я таковаго повелѣнія, тѣмъ болѣе словеснаго, не могу выполнить, почему онъ ту жъ минуту привазалъ точно въ такомъ смыслѣ написать мнѣ ордеръ, который, подписавъ, и вручилъ мнѣ, а потомъ, сдѣлавъ мнѣ нужныя приказанія и наставленія, отпустилъ».

«Я немедленно выступилъ съ тѣми полками въ походъ. Скоро по наступленіи ночи, нашла на насъ, подобная же прошедшей, туча; дождь лилъ съ громомъ и молніею нѣсколько часовъ, но какъ намъ мѣста были уже знакомы и мы шли прямою дорогою, то и не были въ большомъ затрудненіи. Однако всѣ доведены были до изнеможенія. На утренней зарѣ достигли мы вершинъ Черноводъ и какъ уже зачало быть нѣсколько свѣтло, приказалъ я близъ воды остановиться полкамъ для отдохновенія. Почему наряженные для передовыхъ пикетовъ при офицерахъ казаки и отправлены были впередъ, которые весьма скоро, и такъ что мы еще не успѣли какъ должно стать, донесли мнѣ съ разныхъ пунктовъ, что большія толпы турокъ идутъ прямо на меня. Зная по прежнимъ донесеніямъ и показаніямъ пѣвчихъ, что въ силъ мѣстахъ находился одинъ паша, имѣющій отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ войска, а четыре казачьи полка, бывшіе у меня, не составляли и 1,500 человекъ, да и тѣхъ лошади были доведены до большой усталости я былъ въ большомъ затрудненіи, — почти, такъ сказать, не зная что и начать, но рѣшился не бѣжать, а биться. Я поставилъ три полка подъ небольшою, крутою горою, закрыто, съ тѣмъ, чтобы нечаяннымъ ударомъ воспользоваться, а четвертому полку, Сысонова,¹⁾ идти на непріятеля смѣло.

«Сысоновъ, по всегдашней его отиѣнной и похвальной храбрости, съ бодрымъ духомъ пустился на непріятеля и, сблизясь въ оному, всѣмъ своимъ полкомъ сдѣлалъ ударъ, а въ полку его едва-ли было болѣе 300 чел. Всѣ Сысонова казаки съ большою отважностью пустились на турокъ, но, не доскакавъ и не вступая въ бой, остановились при видѣ такого сильнаго непріятеля. Самъ непріятель, какъ полагать надобно, удивившись необычайной бодрости такъ малаго числа казаковъ и боясь нѣтъ-ли сильныхъ засадъ, не атаковалъ ихъ. Сысоновъ, пробывъ около получаса передъ непріятелемъ на мѣстѣ, возвратился назадъ таковымъ же порядкомъ, не показавъ и виду боязни, чѣмъ я оставался весьма доволенъ и также пошелъ немедленно къ назначенному мнѣ мѣсту».

«На другой день, предъ полуднемъ, достигъ я корпуса генерала Милорадовича и, остановя при водѣ полки свои, самъ

¹⁾ Впослѣдствіи павѣстный храбростію и заслугами, донскаго войска генерал-лейтенантъ.

явился къ сему генералу, подаль ему о числѣ своего войска рапортъ, донесъ обо всемъ нужномъ, равно и о томъ повелѣніи отъ атамана Платова — чтобы не соединяться съ его корпусомъ, а быть нѣсколько отдѣльно отъ онаго. На послѣднее Милорадовичъ мнѣ сказалъ:

— «Хорошо; будьте же вы съ полками тамъ, гдѣ остановились.

«На лицѣ его ясно было видно большое неудовольствіе, и хотя я, въ оправданіе моеѣ невинности, доложилъ ему, что я далеко нахожусь отъ атамана Платова, что я вступилъ уже въ его, Милорадовича, команду и потому за долгъ поставляю всѣ его приказанія исполнять въ точности; но, и за всѣмъ тѣмъ, Милорадовичъ оставался хладнокровенъ и весьма мало со мною говорилъ. Я возвратился къ своимъ полкамъ. Какъ въ эти послѣдніе годы я часто чувствовалъ припадки нездоровья, то и въ это время чувствовалъ большую въ себѣ слабость, и хотя укрѣплялъ себя купаньемъ въ холодной водѣ, но чаще былъ боленъ, нежели здоровъ»

«На тотъ же день, въ вечеру, толпы турокъ изъ лагеря сѣраскира сближались къ передовымъ моимъ казачьимъ пикетамъ, съ которыми мы и вступили въ перестрѣлку. Генерал-маіоръ Иловайскій, имѣя начальство надъ донскими казачьими полками, въ корпусѣ Милорадовича состоящими, подкрѣпилъ мои передовые пикеты и также перестрѣлкою удерживалъ непріятеля. Потомъ я, съ своими полками, двинулся впередъ закрытымъ мѣстомъ, остановился и ожидалъ приближенія непріятеля, дабы вступить съ нимъ въ бой, но турки, продолжая перестрѣлку съ часъ времени, остались и тѣмъ довольны, и возвратились въ свой лагерь. По великой усталости лошадей и изнуренію самыхъ людей, я не преслѣдовалъ оныхъ и самъ возвратился въ лагерь».

«На другой или третій, послѣ того, день, главнокомандующій, князь Багратионъ, прибылъ со всею арміею къ корпусу генерала Милорадовича и, сколько припомню, на другой день, въ ночь, двинулся къ сѣраскиру-пашѣ, стоящему при Рассеватѣ, близъ Дуная. Я явился въ команду войсковаго атамана, Платова, который приказалъ мнѣ слѣдовать отдѣльно, на небольшую дистанцію, съ лѣваго флангу. Когда мы приблизились къ непріятелю, гдѣ было довольно широкихъ дефилей, имѣющихъ не малые кустарники, по которымъ невозможно было полкамъ проходить, а обходя ихъ, нельзя было соблюсти назначенную мнѣ ди-

станцію, атаманъ прислалъ ко мнѣ полковника, князя Мадатова, съ словеснымъ приказаніемъ, чтобы я шелъ съ полками по его направленію (указанію?). Когда я сказалъ Мадатову, что это совершенно противно военнымъ, особливо казачьимъ, правиламъ, то онъ отвѣчалъ, что имѣетъ точныя на это приказанія. Я повиновался, но когда Мадатовъ мнѣ показалъ одно для занятія позиціи мѣсто, подобное кургану, которое въ половину по высотѣ было много заросшее кустарниками, то я остановился и требовалъ отъ князя Мадатова, чтобы онъ поскакалъ въ атаману и донесъ бы ему, что это мѣсто совершенно не удобно. Мадатовъ, по возвращеніи, сказалъ, что онъ точно ошибся и показалъ впереди другое подобное же мѣсто, болѣе возвышенное, но кустарниками не заросшее и на которое, по крутости онаго, съ трудомъ казаки могли вѣзжать. Я видѣлъ, что и сіе мѣсто весьма неудобное, но повиновался начальнику моему, взшелъ и остановился въ боевомъ порядкѣ. Атаманъ потребовалъ отъ меня Сысоевъ полкъ, тогда я остался съ тремя полками и получилъ словесное приказаніе отъ атамана, а послѣ и прямо отъ главнокомандующаго, чтобы наблюдалъ слѣва, куда мною и были уже двѣ партіи посланы, да и самъ я съ занятаго мною высокаго мѣста на большую дистанцію могъ все видѣть. Вторично войсковою атаманъ мнѣ приказалъ—наблюдать движеніе его бунчуга,¹⁾ и тогда, когда я увижу его въ движеніи, то, по направленію онаго, сѣвшилъ бы съ полками на непріятеля».

«Армія наша была вблизи отъ меня и въ виду моемъ; началась атака пальбою изъ пушекъ. При семъ случаѣ турки вида, что я на высотѣ и не имѣю удобства скоро сойти съ оной и имъ вредить, стали—конные и пѣшіе—сблжаться въ моимъ полкамъ, открыли стрѣльбу изъ ружей и ранили болѣе 10-ти казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые отъ тяжелыхъ ранъ скоро и померли. Наша армія пошла впередъ, на непріятеля, и турки, не дожидаясь приближенія оной, побѣжали: вся пѣхота вверхъ по Дунаю, по самому берегу, а конница—по разнымъ направленіямъ. Тогда я, хотя и не могъ видѣть атаманскаго бунчуга, пустился съ горы, но, по крутизнѣ оной, съ большимъ затруднені-

¹⁾ Атаманское знамя, которое всегда развѣвалось у ставки войскового атамана,

емъ, такъ, что казаки большею частію принуждены были сойти съ лошадей и пѣшіе спускались. Тогда предстояла мнѣ другая гора, на которую не только невозможно было поспѣшно въѣзжать, но лошади съ большимъ затрудненіемъ и шагомъ всходили. Взойдя на гору, я увидѣлъ, что непріятель опередилъ мои полки и многіе казаки въ разсыпную преслѣдуютъ онаго. Тогда я приказалъ и полковнику Осипу Иловайскому также въ разсыпную преслѣдовать непріятеля, а самъ, съ моимъ полкомъ и съ полкомъ генерал-маіора Николая Иловайскаго, снѣшилъ догнать непріятельскую пѣхоту, заскакавъ ей напередъ, но, по неудобности мѣстоположенія, не могъ оной атаковать ни съ фланговъ, ни съ тылу, а спереду безъ артилеріи не могъ остановить, о чемъ и донесъ тотъ часъ атаману Платову и предлагалъ, что ежели угодно принудить сію турецкую пѣхоту къ сдачѣ или побить, то чтобы прислалъ двѣ пушки и нѣсколько драгунъ, а самъ я продолжалъ идти во флангъ турокъ и не отставалъ отъ нихъ; тутъ еще ко мнѣ присоединились; при одномъ штаб-офицерѣ, два или четыре эскадрона (хорошо не припомню) чугуевскихъ казаковъ».

«Я выжидалъ удобное мѣсто, дабы атаковать непріятеля съ разныхъ сторонъ. Мѣсто таковое недалеко и предстояло — большая равнина, но болотистая. Тутъ прискакалъ ко мнѣ совершенно одинъ, даже и безъ одинаго казака, генерал-маіоръ Павелъ Иловайскій и, какъ старшій, требовалъ отъ меня остановить непременно непріятеля. Я ему отвѣчалъ:

— «Это невозможно и я уже дѣлалъ такое испытаніе».

«Онъ, какъ бы не повѣря сему, потребовалъ чугуевскій эскадронъ и часть казаковъ и поставилъ оныхъ впереди. Турки сгустили себя, шли бодро и производя сильную пальбу многихъ переранили казаковъ, а остальные разсыпались. Въ это время сюда же прискакалъ генералъ Милорадовичъ безъ войска, проѣхалъ мимо меня, поговорилъ съ генераломъ Павломъ Иловайскимъ и, не приказавъ мнѣ ничего, оба они поѣхали въ сторону, къ арміи. Ночь сближалась; непріятель спѣшилъ въ бѣгство своею и былъ уже отъ меня не близко. Боясь наткнуться на засады, я отрядилъ двѣ или три большихъ партій неотступно преслѣдовать непріятеля далѣе, а самъ съ генерал-маіоромъ Николаемъ Иловайскимъ дожидался послѣдствій движенія сихъ партій, которыя,

по возвращеніи, привели ко мнѣ болѣе 10-ти человекъ плѣнныхъ и 3-хъ или 4-хъ турецкихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ былъ одинъ бим-паша. Тогда я, возвратившись съ находившимися при мнѣ казаками къ арміи, послалъ въ разныя стороны небольшія партіи собирать казаковъ, увлекшихся преслѣдованіемъ турокъ».

«Армія отъ мѣста сраженія двинулась впередъ и остановилась, и я съ полками нѣсколько двинулся впередъ, гдѣ мнѣ было показано. На другой день узналъ, что атаманъ Платовъ, въ томъ, что мало неприятелей побито и взято въ плѣнъ, винитъ меня, и очень недоволенъ. Я нарочито былъ у главнокомандующаго, чтобы раскрыть въ чемъ меня винять и объяснить ему нужное въ оправданіе свое: Онъ въ одобреніе мнѣ ничего не сказалъ, но весьма милостиво принялъ. Во все сіе время я терпѣлъ боль въ головѣ и, какъ видѣлъ, что я болѣе и болѣе дѣлаюсь нездоровъ, то и принужденъ былъ подать рапортъ, чтобы мнѣ позволено было удалиться отъ командованія полками, дабы принять нужныя мѣры къ восстановленію своего здоровья, въ чемъ мнѣ и не было отъказано».

«Между тѣмъ армія выступила въ походъ къ Силистріи и, подойдя къ оной крѣпости, обложила оную почти безъ сраженія. Тогда при арміи и я находился по собственному желанію, дабы видѣть всѣ дѣйствія и операціи и познать болѣе военныхъ оборотовъ. Пробывъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, по волѣ начальства и по моему желанію, я удалился въ мѣстечко Бузео, что въ Валахіи, и тамъ перѣдко занимался съ моими крѣпостными людьми, которыхъ, по небогатству моему, весьма было мало,— два или три человека,— псовой охотою, а иногда, особо въ вечеру, съ немногими познакомившимися со мною, занимался и игрою въ бостонъ отъ 5 до 10-ти коп. призь. Я былъ въ полномъ увѣреніи, что, по вступленіи арміи въ квартиры, буду отпущенъ въ домовый отпускъ до излеченія, о чемъ главнокомандующаго много разъ просилъ и всегда былъ обнадеживаемъ,— какъ вдругъ, уже во время большихъ холодовъ, получаю чрезъ нарочнаго повелѣніе—явиться въ армію къ главнокомандующему. Повинуясь оному, я на почтовыхъ явился въ его сіятельству и нашель его сидящимъ въ коляскѣ, который мнѣ сказалъ:

— Явитесь къ атаману Платову; онъ все знаетъ и вы получите отъ него рѣшеніе.

«По слуху я зналъ, что войска, особенно казачьи полки, въ худомъ положеніи, и потому я догадывался, что призванъ командовать тѣми полками донскими, которые останутся за Дунаемъ, почему просилъ поворнѣйше главнокомандующаго отпустить меня въ домъ, что необходимо было нужно для слабаго моего здоровья, причеиъ я сказалъ, что это приму за большое награжденіе. На это онъ мнѣ отвѣчалъ:

— «Я очень васъ знаю и все будетъ хорошо.

«Князь Багратионъ приказалъ своему кучеру ѣхать, а я пошелъ къ Платову и доложилъ ему, что былъ у главнокомандующаго и что ~~онъ мнѣ~~ ~~сказалъ~~. Платовъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ ничего болѣе не знаетъ, какъ вручить въ мое командованіе всѣ казачьи полки, за Дунаемъ остающіеся, и тутъ же приказано подать мнѣ отъ главнокомандующаго на мое имя повелѣніе, которое о томъ же гласило. Признательно сказать—тогда потерялъ я равнодушіе и огорченіе заставило меня прослезиться; но одно меня утѣшало, что симъ корпусомъ будетъ командовать почтенный, благоразумный и добрый генералъ, гр. Ланжеронъ, котораго я хорошо зналъ. Атаманъ Платовъ скоро отправился за главнокомандующимъ на зимнія квартиры. Я явился къ гр. Ланжерону, получилъ нужныя повелѣнія и наставленія и принялъ въ вѣдѣніе мои казачьи полки».

Шесть донскихъ казачьихъ полковъ, оставленныхъ подъ начальствомъ Денисова при корпусѣ гр. Ланжерона, занимали линію отъ Дуная до Чернаго моря. Лошади казачьи были сильно изнурены, «да и самые казаки были худо одѣты: мундиры всѣ излатаны, а у нѣкоторыхъ и того не доставало. О фуражѣ и думать было нечего». Къ счастью казавовъ зима была теплая, снѣгу совершенно не было, и лошади могли поправиться подножнымъ кормомъ. 5-го октября гр. Ланжеронъ объявилъ Денисову, что онъ ожидаетъ на мѣсто свое другаго генерала. Его замѣнилъ гр. Сергѣй Михайловичъ Каменскій, требовавшій отъ Денисова движенія на непріятеля и пораженія его. Адрианъ Карповичъ представлялъ невозможность этого, вслѣдствіе изнуренія лошадей и доносилъ, «что казаки не только что не могутъ исвать и поражать непріятеля, но съ большою нуждою могутъ ретироваться въ полеу, ежели будутъ атакованы на пиветахъ». Спустя послѣ того полтора или два мѣсяца, когда лошади поправились, Денисовъ доложилъ Каменскому, «что теперь можно

уже сдѣлать хотя недалнюю экспедицію». Съ согласія Каменскаго Денисовъ выбралъ до 1,000 годныхъ лошадей изъ всѣхъ полковъ и взялъ въ экспедицію всѣхъ полковыхъ командировъ. Отъ Черноводъ онъ отправилъ впередъ храбрыхъ офицеровъ, Андріянова и Сулина, съ сильною партією. «Они прогнали изъ 3-хъ селеній непріятельскихъ фуражировъ и нѣсколько взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ двухъ или трехъ чиновниковъ, чѣмъ я, при холодной погодѣ, а также по недостатку провіанта и по слабому положенію казачьихъ лошадей, остался доволенъ и возвратился». Гр. Каменскій благодарилъ Денисова за этотъ набѣгъ и, по представленію его, Денисовъ былъ награжденъ алмазными знаками св. Анны 1-й степени.

Послѣ этого всѣ войска наши оставались спокойными до весны. Главнокомандующимъ, вмѣсто Багратіона, назначенъ гр. Николай Михайловичъ Каменскій. Корпусъ гр. Сергѣя Михайловича Каменскаго былъ усиленъ. Съ казачьими полками, двумя регулярными, и полуротою артилеріи, Денисовъ командированъ былъ къ Сатисю и къ Черноводамъ.

«Здѣсь я пробылъ нѣсколько недѣль безъ всякаго дѣйствія, кромѣ того, что казачьи партіи были посылаемы для развѣдыванія непріятеля, которыя нигдѣ не встрѣчались съ онымъ, но почти всегда возвращались съ добычею скота. Изъ этого скота я давалъ весьма мало и только самое нужное войскамъ, въ моей командѣ состоящимъ, а все безъ остатку (отправлялъ) въ корпусное дежурство, за исполненіемъ чего самъ наблюдалъ. Въ одинъ таковой разъ я дозналъ, что одинъ офицеръ регулярнаго полку, имѣя подъ своимъ смотрѣніемъ казенныхъ воловъ, по нечаянности, изъ нихъ утратилъ двухъ, которому я приказалъ выдать оныхъ изъ добычныхъ и показать отданными на порціи. Это его сіятельству, гр. Сергѣю Михайловичу Каменскому, показалось излишнимъ и онъ настоятельно требовалъ отъ меня въ присылку тѣхъ двухъ быковъ. Такое требованіе принудило меня изъ бывшей добычи утаить двухъ быковъ и послать въ замѣну прежнихъ. Съ того времени я примѣтилъ, что его сіятельство на меня смотритъ неравнодушно, чему, конечно, была другая причина, чтобъ казаковъ не употреблялъ въ разводы и меньше бы приказывалъ имѣть ихъ въ дежурствѣ своемъ».

Потомъ отношенія между Денисовымъ и гр. Сергѣемъ Михайловичемъ Каменскимъ ухудшились изъ-за майора Попова, котораго Каменскій находилъ виновнымъ въ томъ, что онъ будто бы упустилъ непріателя и не преслѣдовалъ его, а Денисовъ совершенно оправдывалъ этого офицера. Когда затѣмъ Денисовъ узналъ, что регулярные казачьи полки и артилерія, бывшіе подъ его начальствомъ, получили помимо его повелѣніе—возвратиться къ корпусу, а ему приказано съ однимъ его полкомъ занять двойную цѣпь, «что составляло болѣе 100 верстъ», и держаться твердо въ случаѣ атаки, то Денисовъ испросилъ увольненія въ армію до излеченія.

Любя всегда правду и слѣдуя ей правиламъ, я партикулярнымъ письмомъ объяснилъ главнокомандующему все, и даже что удаленію моему отъ командованія главная причина есть дѣйствіе корпуснаго командира, и просилъ о позволеніи остаться партикулярно при арміи—что онъ и позволилъ и далъ мнѣ знать о томъ словесно чрезъ дежурнаго.

Оставаясь при арміи безо всякой подначальственной части, Адрианъ Карповичъ находился при взятіи Силистріи и движеніи арміи на Шумлу. Потомъ онъ оставилъ армію и съ генерал-лейтенантомъ Раевскимъ поѣхалъ въ Валахію. Въ Бухарестѣ Денисовъ прожилъ до возвращенія туда главнокомандующаго, графа Николая Михайловича Каменскаго, и, по болѣзни своей, долженъ былъ прибѣгать къ совѣтамъ докторовъ; получивъ же дозволеніе удалиться изъ арміи, Денисовъ переѣхалъ въ Яссы, тамъ сдать полкъ свой, и въ началѣ 1811 г. отправился въ Петербургъ для испрошенія отставки отъ службы. На просьбу объ этомъ, военный министръ, Барклай-де-Толли, передалъ ему, что: «государю императору угодно, чтобы я оставался въ службѣ и что въ опытныхъ въ войнѣ генералахъ его величество предвидитъ надобность. И я слышу,—прибавилъ отъ себя Барклай-де-Толли,—что можетъ быть такая надобность и скоро послѣдуетъ». На сіе я ему доложилъ, что

— «Основательнаго ничего не знаю, но о замыслахъ Наполеона говорятъ много,—что я готовъ на границахъ Россіи или внутри отечества пролить кровь мою и умереть, но прошу только за границу меня не употреблять».

Войсковой атаманъ Платовъ, которому Денисовъ передалъ разговоръ свой съ Барклай-де-Толли, сказалъ:

— «Я сему радъ, потому что наказной атаманъ, генерал-лейтенантъ Кирѣевъ.¹⁾ жалуется на слабость здоровья и просить увольненія. Я вручу вамъ въ управленіе войско донское.

«Должность сію я уже предъ симъ два раза занималъ и зналъ, что пользы въ оной содѣлать (можно много), но и подъ отвѣтственность легко можно попасть, и что у Платова я не найду милости», поэтому Денисовъ просилъ военнаго министра отелонить предложенное Платовымъ назначеніе, «въ чемъ онъ меня и обнадежилъ».

XXII.

Возвращеніе на Донъ.—Назначеніе наказнымъ атаманомъ.—Дѣйствія Денисова въ 1812 г.—Назначеніе войсковымъ атаманомъ послѣ смерти гр. Платова.—Предположенія Денисова объ улучшеніи законоположеній войска донскаго.—Несогласія съ Чернышевымъ.—Отставка отъ должности войсковаго атамана.

1811—1821.

Въ исходѣ марта 1811 года Адриянъ Карповичъ Денисовъ выѣхалъ изъ Петербурга чрезъ Тверь, Москву и Воронежъ на Донъ, гдѣ нашелъ «единственное мое дитя съ двумя малыми ея дочерьми, оставленное, или яснѣе сказать — брошенное мужемъ». Денисовъ посвятилъ себя имъ и своему хозяйству. Въ 1812 году Денисовъ поѣхалъ пользоваться кавказскими минеральными водами, гдѣ принималъ горячія ванны и пилъ воды, но среди леченія получилъ повелѣніе принять должность наказнаго атамана и управлять войскомъ.²⁾ Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ леченіе водами, какъ вдругъ получилъ два извѣстія: одно—объ остановкѣ дѣлъ въ войсковой канцеляріи, другое—о вторженіи Наполеона въ Россію.

Тогда Денисовъ немедленно отправился въ Новочеркасскъ и

¹⁾ Платовъ былъ войсковымъ атаманомъ войска донскаго, а въ отсутствіе его съ Дона отправлялъ эту должность временно назначаемый генералъ, съ званіемъ «Наказнаго атамана». Такъ было до 2-го октября 1827 г.; въ этотъ же день послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора; съ того времени донскимъ войсковымъ атаманомъ присвоено названіе «Войско-вой наказный атаманъ».

Ад. Ч.

²⁾ По формулярному списку значится, что онъ вступилъ въ эту должность 29-го іюля 1812 г.

Ад. Ч.

тогчасъ же приступилъ къ формированію новыхъ донскихъ полковъ для арміи, а также пригласилъ всѣхъ донскихъ жителей къ пожертвованіямъ для защиты отечества. Онъ собралъ наличное донское дворянство и объявилъ, что будетъ стараться составить «сколько можно болѣе изъ отставныхъ казаковъ и малолѣтцовъ, могущихъ управлять оружіемъ и лошадыю, столько полковъ, сколько только возможно, и къ командованію ими употребить всѣхъ отставныхъ генераловъ, штаб- и обер-офицеровъ но, какъ таковыхъ возрастовъ казаки не всѣ имѣютъ годныхъ на службу лошадей, то, чтобы дворянство пожертвовало оныхъ, на что всѣ дворяне наши охотно согласились, и что непременно они выставятъ 1,500 лошадей, — что и было ими исполнено». Сословіе донскихъ торговцевъ (купцовъ) Денисовъ согласилъ пожертвовать на нужды донскихъ полковъ 100 тысячъ рублей; а всѣ вообще жители войска донскаго были приглашены къ помощи войсковому начальству оружіемъ, сѣдлами и другими военными принадлежностями. Въ короткій срокъ Денисовъ сформировалъ 26 полковъ, опредѣлилъ къ нимъ командировъ и отправилъ полки съ шестью орудіями конной донской артилеріи въ армію. Все это донское ополченіе шло къ Москвѣ безъ роздыховъ, не менѣе 60 верстъ въ день и явилось въ Тарутинскій лагерь, имѣя въ однихъ и тѣхъ же рядахъ и убѣленныхъ сѣдиною дѣдовъ и юныхъ внуковъ ихъ¹⁾. Денисовъ самъ пытался вступить въ армію и просилъ объ этомъ войскаго атамана, но Платовъ отвѣчалъ ему письмомъ, «что ежели-бъ Денисовъ не былъ при войскѣ (на Дону), то онъ въ таковыхъ обстоятельствахъ принужденъ бы былъ запретить войсковую канцелярію и оставить безъ присутствія». Отправивъ въ армію донское ополченіе, Денисовъ предпринялъ поѣзду по всѣмъ донскимъ станицамъ, «дабы въ оныхъ поселить хотя нѣкоторое утѣшеніе, потому что оставшіе — сущіе старики, жены и дѣти — наполняли воздухъ стонаніемъ и воплемъ».

Немного однакожь станицъ могъ посѣтить Денисовъ: войсковая канцелярія просила его поскорѣе прибыть въ Новочеркасскъ «для важнаго дѣла». Дѣло это заключалось въ поимкѣ наполеоновскаго шпіона, изъ поляковъ, который, по мнѣнію Де-

¹⁾ См. полное собраніе сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго; т. V, стр. 93 и 94.

нисова, былъ сумасшедшимъ. Онъ отправилъ его къ фельдмаршалу Кутузову. Потомъ, когда завѣдующій военнымъ министерствомъ, князь Горчаковъ, прислалъ 117 тысячъ рублей на покупку донскихъ лошадей для арміи, то Денисовъ, купивъ требовавшееся число лошадей, употребилъ на это менѣ половины присланной суммы, а остальные деньги отправилъ обратно. За труды по формированію донскаго ополченія и за всю дѣятельность по отправленію должности наказнаго атамана въ 1812 году, Денисовъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, а въ слѣдующемъ 1813 году, при содѣйствіи уже фельдмаршала князя Кутузова, онъ награжденъ чиномъ генерал-лейтенанта.¹⁾

По изгнаніи Наполеона на островъ Эльбу и по восстановленіи на престолѣ французскомъ Бурбоновъ, Адріанъ Карповичъ просилъ увольненія отъ должности наказнаго атамана и замѣненъ бывшимъ его военнымъ товарищемъ, генерал-лейтенантомъ Николаемъ Васильевичемъ Иловайскимъ.²⁾ Въ это время Денисовъ потерялъ дочь, оставившую трехъ дѣтей: двухъ дѣвочекъ и мальчика. Адріанъ Карповичъ выпросилъ у зятя внучекъ, повезъ ихъ на Донъ и приставилъ къ нимъ гувернантку — Клару Фейгантъ.

Въ 1818 году скончался, въ донскомъ имѣніи своемъ, Еланчинскомъ, войсковой атаманъ гр. Платовъ, и Денисовъ призванъ былъ къ должности войскового атамана.

Исполняя волю моего государя, я вступилъ въ сію новую мою обязанность. Прилагая попеченія мои, чтобы выкнутъ во всѣ принадлежащія вѣдѣнію моему дѣла, я неуспынно старался разузнать — откуда произошли разнообразія въ нарядахъ казаковъ на службу, въ составленіи полковъ, какъ въ походахъ, такъ и особенно въ дѣйствіяхъ противъ непріятели, чему былъ, по всегдашнему моему нахожденію въ оныхъ, очевидцомъ. И ясно увидѣлъ, что, не имѣя твердыхъ и утвержденныхъ государями и военною коллегіею правилъ, а примѣняя оныя различно войсковые и полковые начальники, одни изъ нихъ самыя лучшіе, храбрые и усердѣйшіе, бывъ управляемы однимъ или двумя случаями, дѣлали каждый свои предложенія и заключенія, другіе же, не бывъ руководимы сими по-

¹⁾ Указъ о производствѣ Денисова въ ген.-лейт. состоялся мая 21-го, 1813 г.

²⁾ Денисовъ уволенъ 1815 г., апрѣля 4.

лезными правилами и слѣдуя одному лишь честолюбію, измѣняли оныя, дѣлали свое противное тѣмъ заключенію и весьма нерѣдко ошибочное, что все произвело такое разногласіе, что многіе не знали даже и того—для чего принято имѣть всегда впереди полковъ полевые знамена, а также, что одни называли казачьи сотни—эскадронами, другіе—ротами; одни строили полки—во фронтъ, другіе—въ линію, казаки же, приученные строиться лабою, не понимали значенія фронта или линіи, не знали, что считать лучшимъ, сожалѣли и смущались, что не по древнему обычаю ими управляютъ. Къ тому-жъ еще я видѣлъ, что требовались отъ казачковъ разными полковыми начальниками, а можетъ быть и другими, вытяжка и узкіе мундиры, а какъ казаки, въ военное время, не то что по нѣскольку дней, а иногда и по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ, во всякое время года, при ненастной и холодной погодѣ, бывають въ непрестанныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ и что таковое исполненіе сверхъ силы человѣческой, да и кромѣ того, съ сокрушеніемъ сердца я удостоверился, что очереди казачьи на службу не чисто ведутся, да и земли войсковыя захватываются людьми сильными въ войскѣ,—то по всему этому рѣшился я всеподданнѣйше представить всемилостивѣйшему государю моему о позволеніи: составить комитетъ, рассмотреть всѣ оныя дѣянія, изложить что есть нужное и лучшее для блага войсковыхъ жителей, и то, что пользамъ оныхъ противное, и, по рассмотрѣніи въ комитетѣ, представить на всевысочайшее рѣшеніе. Все сіе нужно было и потому, что даже и все внутреннее положеніе казачковъ—въ самыхъ ихъ жилищахъ, требовало рассмотрѣнія и твердаго положенія. Государь императоръ милостиво принялъ мое мнѣніе, повелѣлъ составить просимый мною комитетъ и прикомандировалъ къ оному членомъ своего генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Чернышева. Между тѣмъ я, до составленія сего комитета, бывъ уже войсковымъ атаманомъ, и усматривая крайнюю бѣдность войсковой казны, отдалъ, обще съ войсковою канцелярією, горячіе напитки на откупъ, на четырехгодичное время, соединивъ во оный всѣ отрасли донскихъ обитателей, какъ то: станицы и помѣщичьи селенія, гдѣ горячее вино было употребляемо. И хотя подобныя откупы и прежде того существовали, но не уравнительно, ибо въ оныя входили только казачьи селенія, такъ-называемыя станицы, а помѣщичьи селенія исключи-

тельно оставались на произволѣ ихъ владѣльцевъ. Этимъ помѣщики весьма остались недовольны мною, когда члены войсковой канцеляріи, изъ тѣхъ же помѣщиковъ избранные, находили такое мое предложеніе о причисленіи къ откупу и помѣщичьихъ имѣній справедливымъ и даже необходимымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя сыскныя начальства ¹⁾ находились собственно въ помѣщичьихъ селеніяхъ, ибо содержаніе земской полиціи, по примѣру губернскихъ, называемой на Дону: «сыскныя начальства», относимо было на войсковые доходы, а доходы войсковые отъ откупа происходили. Къ тому-жъ требовались большія суммы на общія войсковыя строенія, на содержаніе почтъ, на исправленіе по дорогамъ мостовъ, отчего нерѣдко вовсе не доставало на расходы собираемой въ войсковую казну суммы.

«Комитетъ составленъ былъ подъ моимъ предсѣдательствомъ изъ генерал-адъютанта Чернышева, генерал-лейтенанта Карпова, генерал-маіора Черевкова, полковника Андріанова, подполковника Шамшева и статскаго совѣтника Болгарскаго. Начали разсуждать о существующихъ для войска положеніяхъ и дѣйствіяхъ, причемъ нерѣдко доходило до противурѣчій, что помоему и должно было быть. Хотя по волѣ всемилостивѣйшаго государя моего я былъ предсѣдателемъ, но охотно позволялъ всѣ споры, дабы видѣть все справедливѣе и лучше, и самъ я, — желая исполнить въ точности волю моего государя, и мое ходатайство предъ его величествомъ въ точности выполнить, дабы всѣми средствами положеніе войска донскаго, какъ въ домашнемъ его нахожденіи, такъ и въ походахъ и въ особенности въ военныхъ обстоятельствахъ, содѣлать лучшимъ, — часто въ противность всѣхъ другихъ мнѣній говорилъ откровенно — чѣмъ, полагаю, и поставилъ всѣхъ членовъ противъ себя. А какъ помѣщики всѣ вообще давно уже мною по откупу были недовольны и даже были отъ нихъ доносы, будто откупъ былъ основанъ на интересахъ и несправедливъ, то комитетъ занялся изслѣдованіемъ откупа. Противъ чего, какъ дѣло касалось уже до меня, я вначалѣ молчалъ, но когда увидѣлъ, что очень часто и почти каждое засѣданіе комитетъ занимался однимъ только откупомъ, нѣсколько разовъ словесно предлагалъ, чтобъ таковое дѣло, не касающееся

¹⁾ То, что въ губерніяхъ назывались — земскіе суды.

до комитета, передано было въ сенатъ, а комитетъ занимался бы предворящею ему обязанностію».

«Между тѣмъ, еще при начальномъ вступленіи моемъ въ должность, крестьяне нѣсколькихъ донскихъ господъ оказали неповиновеніе и дошли до буйства, но я ихъ, однако, скоро усмирить и привелъ въ должное повиновеніе, а въ 1820 г. вновь, во многихъ донскихъ селеніяхъ, крестьяне оказали неповиновеніе и буйство. Я принялъ мѣры для прекращенія онаго и донесъ главному начальству о томъ и о моемъ предположеніи, и послалъ чрезъ нарочнаго, который возвратился безъ отвѣта и доложилъ мнѣ словесно, что онъ, по приказанію полиціи, принужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ самое короткое время. Генерал-адъютантъ Чернышевъ, въ маѣ мѣсяцѣ того же (1820) года, препроводилъ ко мнѣ именное повелѣніе, коимъ неповиновеніе крестьянъ поручено прекратить ему, а я чтобы дѣлалъ ему зависящее отъ меня во всемъ пособіе. Въ это самое время у меня были готовы казачьи полки на перемѣну находящихся на кавказской линіи, которые я, по требованію генерала Чернышева, отдалъ въ полную его команду. Съ этими полками онъ и отправился на лѣвую сторону Дона, въ неповинующееся гг. Орловыхъ имѣніе. Я предвидѣлъ, что таковое дѣйствіе можетъ долго продлиться и предложилъ войсковой канцеляріи заготовить въ нужныхъ мѣстахъ провіантъ: догадка моя оправдалась событіемъ. Въ это же время на правой сторонѣ Дона, верстѣ за 200 отъ имѣнія Орловыхъ, другіе крестьяне отказались повиноваться. Я увѣдомилъ о томъ ген.-ад. Чернышева, который просилъ меня принять свои мѣры въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ и помочь ему. Имѣя въ сборѣ большую часть полка, по древнему обыкновенію называемаго «атаманскимъ», которымъ тогда командовалъ отличный полковникъ, Кирсановъ, приказалъ я ему спѣшить къ главному скопищу бунтующихъ людей, въ селеніе гг. Мартыновыхъ, Голодаевку, такъ какъ бунтующіе крестьяне расположились въ самой близкой дистанціи отъ онаго селенія лагеремъ, и ежели бы кто изъ крестьянъ осмѣлился оказать что противное своимъ помѣщикамъ, таковыхъ брать подъ караулъ. Распорядившись въ скорости умножить посланное мною наскоро число казаковъ изъ ближайшихъ казачьихъ селеній, я приказалъ принять всю оную команду извѣстному по храбрости и расторопности генерал-маіору Иловайскому, что и было ис-

полнено немедленно и въ точности, но на другой или на третій послѣ того день явился ко мнѣ находящійся при генерал-адъютантѣ Чернышевѣ, генерал-маіоръ Богдановичъ, съ сообщеніемъ, что Чернышевъ вручаетъ ему, Богдановичу, эту часть казакѡвъ и чтобы я на это согласился—что не находя противнымъ, я исполнилъ въ точности. Генерал-маіоръ Богдановичъ, по прибытіи къ своему мѣсту, и какъ старшій уже генераль, неизвѣстно мнѣ почему, со всею оною командою отступилъ отъ селенія Голодаевки за нѣсколько верстъ, а генераль Чернышевъ, усмиря въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ находился, крестьянъ, переправился чрезъ Донъ со всѣми полками, спѣшилъ къ селенію Голодаевкѣ, присоединилъ къ нимъ гвардейскій казачій эскадронъ, роту артилеріи и пѣхотный регулярный полкъ, окружилъ главныхъ зачинщиковъ и усмирилъ оныхъ. Хотя и въ другихъ разныхъ селеніяхъ, и даже въ сосѣдственной губерніи обазались-было неповиновенія крестьянъ, но все это было имъ генерал-адъютантомъ Чернышевымъ, прекращено. Таковыми скорыми дѣйствіями всѣхъ полковъ, бывшихъ въ усмиреніи крестьянъ, такъ казачьи лошади изнурились, что къ дальнѣйшему употребленію были уже неспособны, почему поля и были распущены по домамъ, по окончаніи всѣхъ сихъ дѣйствій.

«Генераль Чернышевъ изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ, какъ сдѣлалось мнѣ извѣстно, составилъ комисію, сокрыто отъ меня, и нашли меня въ этихъ неурядицахъ. буйствахъ и неповиновеніи крестьянъ виноватымъ, а почему? я и донныя не знаю. Комитетъ собрался и члены онаго зачали заниматься не должностію, а болѣе откупомъ, отерывъ, что генерал-лейтенантъ Карповъ и генерал-маіоръ Черевковъ имѣютъ участіе въ откупѣ, которые въ томъ и не таились; но оныя члены участвовали въ откупѣ только тѣмъ, что помогали откупщику деньгами и залогами. Объ этомъ было представлено генерал-адъютантомъ Чернышевымъ государю императору, почему и было повелѣно гг. Карпова и Черевкова исключить изъ членовъ комитета, а вмѣсто ихъ опредѣлены генерал-маіоръ Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, бывшій послѣ того вскорѣ атаманомъ, и генерал-маіоръ Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ,¹⁾ которые въ засѣданіяхъ не дѣлали ни возраженій

¹⁾ Впослѣдствіи генераль отъ кавалеріи и войсковой наказный атаманъ съ 1827 по 1836 г.

и не высказывали своихъ предположеній, а молчали и подписывали журналы. Чернышевъ уже рѣдко сталъ согласоваться съ моимъ мнѣніемъ, а я, вида въ немъ нетверднѣя познанія, какъ бытности казаковъ въ домахъ, такъ и въ военныхъ ихъ дѣйствіяхъ, принужденъ былъ оставаться при моихъ мнѣніяхъ. Я утверждался въ нихъ тѣмъ, что родился отъ казака, прожилъ многіе годы въ жилищахъ казаковъ, въ военныхъ дѣйствіяхъ начальствуя ими заслуживалъ нерѣдко похвалы отъ моихъ главныхъ начальниковъ и даже удостоился оной чести еще отъ генерал-фельдмаршала князя Потемкина; великая государыня Екатерина знала меня по реляціямъ, что мнѣ сдѣлалось вѣдомо чрезъ ближнихъ ея вельможъ, какъ я находился еще въ чинѣ подполковника; князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, отдавая, по дѣйствіямъ моимъ, справедливость, часто называлъ меня «гетманомъ» и, по возвращеніи изъ Италіи, я его видѣлъ въ Польшѣ, больного, въ послѣдній разъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ обыкновенное слово: «Карповичъ! Карповичъ! Я тебя не такъ наградила, какъ слѣдуетъ, а ты меня не забывай». Гордясь всѣми сими одобреніями и тѣмъ, что всѣ донскіе герои именovali меня «учителемъ военныхъ правилъ», а также по истинной преданности моеи царямъ россійскимъ и отечеству моему, которымъ я служилъ вѣрно и усердно, и что я самъ предложилъ объ устройствѣ казачьихъ положеній и дѣйствій,—то по всему сему почиталъ за грѣхъ измѣнить въ чемъ-либо мое мнѣніе и предположеніе. Отъ сего до того изнемогался, что сдѣлался опасно боленъ, пролежалъ нѣсколько недѣль въ постели въ ожиданіи смерти, не бывалъ въ комитетѣ, и когда сдѣлалось мнѣ нѣсколько легче, получилъ изъ Лайбаха,—гдѣ генерал-адъютантъ Чернышевъ въ это время находился,—именное высочайшее повелѣніе, что я отставленъ, а вмѣсто меня назначенъ наказнымъ войсковымъ атаманомъ, генерал-маіоръ Алексѣй Васильевичъ Иловайскій. Въ повелѣніи сказано, что это государемъ сдѣлано по доносу Чернышева, что я будто часто останавливалъ дѣйствія комитета и за злоупотребленія въ рыбныхъ ловляхъ.

«Рыбная ловля по Дону есть самая древняя привилегія донскихъ казаковъ. Всѣ казаки при ловлѣ рыбы обязаны не задерживать оную и не запираеть рѣки Дона сѣтми чрезъ всю ширину рѣки сей. Селеніе казачье—станица Старо-Черкасская, было ближайшее

къ Азовскому морю, отъ онаго около 60-ти верстѣ. Рыба, войдя изъ моря въ рѣку, проходила всякой годъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ по рѣкамъ Дону, Хопру и Медвѣдицѣ въ самыя верхнія казачьи станицы, чѣмъ и доставляла хорошее изобиліе казакамъ. Въ недавнія времена станица Старо-Черкасская приписала подъ именемъ «приписныхъ», но не военныхъ, изъ малороссійскихъ, нѣсколько тысячъ человекъ, и когда правительство, узнавъ объ ономъ. обратило въ казаки, то оныя и населили станицы: Аксайскую, Гниловскую, Елисаветовскую и другія, ниже и ближе къ морю лежащія отъ Старо-Черкаска. По многолюдству своему они такъ сѣтями запирали Донъ, что весной, въ вышеозначенные мѣсяцы, едва рыба проходила въ маломъ количествѣ за 200 верстѣ отъ моря; въ другое же время она изъ моря вовсе не выходитъ. Этимъ и были по крайней мѣрѣ изъ 5-ти четыре части казаковъ лишены прежняго изобилія. Зная это, я предложилъ войсковой канцеляріи рассмотреть, а войсковая канцелярія.—находя справедливымъ, чтобы всѣ вообще донскіе казаки могли пользоваться рыбою, тѣмъ болѣе, что новопрішельцы оною пользуются до обогащенія себя, а старожилы того лишены,—сдѣлала распоряженіе о свободномъ проходѣ рыбы по всему Дону, не обижая другихъ, за чѣмъ и досмотръ былъ сдѣланъ. За это отъ нѣкоторыхъ казачьихъ селеній, называемыхъ станицами, я получилъ благодарность. Таковое однакожь распоряженіе мое въ-рескриптѣ поставлено мнѣ въ вину».

«Но, исполняя волю моего государя, я тотчасъ приказалъ всѣмъ (моимъ подчиненнымъ) со всѣми бумагами, въ ихъ вѣдѣніи находящимися, явиться къ новому начальнику по своимъ обязанностямъ».

«Дежурный штаб-офицеръ, бывшій при мнѣ, полковникъ Черевковъ, знающій хорошо свое дѣло, съ каковымъ познаніемъ мало кто и есть по войску, полагать надобно еще за нѣсколько мѣсяцевъ до моей отставки, отъ опасенія быть въ отвѣтственности, столь сдѣлался пьянъ, что заболѣлъ и не былъ въ силахъ продолжать своей обязанности, почему принужденъ я былъ его смѣнить другимъ подполковникомъ, мало свѣдущимъ въ грамотѣ. Хотя я около трехъ годовъ находился войсковымъ атаманомъ и въ три раза прежде наказнымъ атаманомъ, но не имѣлъ въ городѣ Новочеркасѣ своего дома, проживалъ въ оное время въ чужихъ

домахъ, то и сей случай (отставка) меня нашелъ въ такомъ же положеніи. Хозяинъ онаго дома тотчасъ потребовалъ отъ меня, чтобы я очистилъ его домъ — чего прежде не предлагалъ. Я имѣлъ въ виду другой, извѣстный мнѣ домъ, хотя и не столь удобный, и перешелъ въ него, но и сей хозяинъ тожь требовалъ отъ меня очистить оный. Тогда принужденъ я былъ перейти въ собственной домъ, купленный готовымъ у одного казака, которой болѣе походилъ на пустыню или велью, въ которомъ отъ скуки и сокрушенія былъ я вседневно боленъ и просилъ наказнаго атамана о позволеніи мнѣ выѣхать въ ближайшее мое имѣніе, но мнѣ въ сей просьбѣ не было удовлетворенія. Я принужденъ былъ состоять подъ вѣдѣніемъ полиціи; имѣніе мое, все, даже бѣлье и необходимой столовой приборъ, которые были весьма малоцѣнны, были описаны».

«Наконецъ, по сильному моему убѣжденію, одинъ чиновникъ, подполковничьяго чина, позволилъ мнѣ, за хорошую цѣну, перейти въ его домъ, что однакожь я счелъ за большое одолженіе. Всѣ прежде бывшіе при мнѣ знакомые и даже одолженные мною — оставили меня совершенно и, проѣзжая иногда или проходя, не хотѣли или не смѣли даже и взглядывать на тотъ домъ, гдѣ я находился. Я былъ въ городѣ совершенно чуждый человекъ и видѣлъ при себѣ только моихъ слугъ. Въ такомъ (тяжеломъ и обидномъ) положеніи прожилъ я всю весну и лѣто и уже въ глубокую осень, съ строгимъ обязательствомъ, позволено мнѣ выѣхать въ мое имѣніе съ тѣмъ, чтобы нигуда не выѣзжать изъ онаго и, по первому призыву, являться въ войсковую канцелярію, или къ атаману».

По смѣнѣ съ атаманства, Денисовъ не занималъ никакой должности до самой смерти. Ходатайства его о дарованіи донскому войску положительныхъ правилъ осуществились изданнымъ въ 1835 г. законѣ, подъ именемъ: «Положеніе объ управленіи войска донскаго». Это положеніе дѣйствуетъ до сихъ поръ, но подверглось многимъ измѣненіямъ и дополненіямъ; оно послужило образцомъ для отдѣльныхъ положеній каждому изъ прочихъ казачьихъ войскъ, которыя и издавались въ послѣдующіе годъ послѣ 1835, разновременно для того или другаго войска. Нынѣ существуетъ при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ «комитетъ для пересмотра всѣхъ казачьихъ законополо-

женій» и для начертанія новыхъ, современныхъ. Въ комитетѣ этомъ членами-представителями отъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Получивъ отставку отъ службы, Денисовъ занялся воспитаніемъ внучекъ и улучшеніемъ своихъ имѣній, до крайности разстроенныхъ и обремененныхъ долгами. Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ займу, обращался ко многимъ, но ни въ комъ не нашелъ помощи, исключая родного брата своего — генерал-маіора Логина Карповича Денисова, «но и тотъ помогъ въ половину». Гувернантка внучекъ, вдова чиновника, Клара Фейгангъ, оставила домъ Денисова и онъ взялъ престарѣлую французенку съ дочерью, 20-ти лѣтъ. Въ первый годъ дѣло воспитанія внучекъ шло хорошо, но потомъ гувернантка стала капризничать и требовала удвоить жалованье, несмотря на то, что получала почтенную цифру, 1,500 рублей въ годъ, такъ что Денисовъ принужденъ былъ ей отказать. Вслѣдъ затѣмъ посѣтилъ его генерал-маіоръ Любецкій, съ сыномъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ, и началъ сватать за сына старшую внучку Адрияна Карповича. Бракъ состоялся. Потомъ и младшая внучка его выдана въ замужество за хорунжаго донскаго войска, Ниванора Авимовича Машлыгина.¹⁾

Въ началѣ разсказа Денисовъ упомянулъ, что онъ всю жизнь свою лечился. Служебныя огорченія послѣдняго времени еще болѣе разстроили его здоровье. По прибытіи изъ Ново-Черкаска въ имѣніе его, онъ рѣдко когда могъ заснуть. «Каждую ночь», — говоритъ онъ, — «я почти можно сказать совершенно не сплю». По слабости здоровья, Денисовъ не могъ принять участіе и въ свадьбѣ своей младшей внучки, почему просилъ родную сестру свою, жившую въ замужествѣ за 400 верстъ отъ него,²⁾ «принять на себя попеченіе выдать сію послѣднюю; и такъ бракъ сей совершился, котораго я и не видѣлъ», говоритъ онъ.

Здѣсь оканчиваются Записки Адрияна Карповича Денисова.

¹⁾ У Денисова былъ еще внукъ отъ той же дочери, Адрианъ Ивановичъ Егоровъ. О немъ въ Запискахъ Адрияна Карповича не упоминается, вѣроятно потому, что внукъ воспитывался у отца въ Орловской губерніи. Впослѣдствіи внукъ этотъ наследовалъ все имѣніе дѣда — Адрияна Карповича. Ад. Ч.

²⁾ Варвару Карповну, бывшую въ замужествѣ за донскимъ полковникомъ, Петромъ Захаровичемъ Сычовымъ. Ад. Ч.

Славный атаманъ войска донскаго, сподвижникъ Суворова, столь любезный ему витязь «Карповичъ» прожилъ послѣ удаленія отъ службы еще 20 лѣтъ и умеръ 78 лѣтъ отъ роду, въ 1841 г., въ деревнѣ своей Анастасіевѣ, на Дону, въ Міусскомъ округѣ. Кажется онъ имѣлъ ордена: св. Александра Невскаго, полученный въ бытность войсковымъ атаманомъ, и св. Георгія 3-й степени, но когда эти ордена ему пожалованы — въ запискахъ не упоминается.¹⁾ Потомства мужскаго пола у него не было. Ближайшимъ родственникомъ его въ настоящее время есть — отставной гвардіи полковникъ, Илья Васильевичъ Денисовъ, потомокъ прадеда Адриана Карповича — Денисова-Батыря, отъ втораго сына послѣдняго, Федора Денисовича (Адрианъ Карповичъ былъ внукъ перваго сына Дениса-Батыря, Петра Денисовича). Въ этой второй отрасли Дениса-Батыря, была также замѣчательная личность: внукъ его, бригадиръ Илья Федоровичъ. Боевые подвиги Ильи Федоровича въ прусскую войну награждены въ 1755 г. императрицею Елисаветою Петровною большою золотою медалью съ ея портретомъ, а потомъ такими же медалями отъ Екатерины Великой и отъ австрійской императрицы Маріи-Терезіи. Въ рескриптѣ на его имя отъ императрицы Екатерины II значитъ: «Я собственноручно возложила на васъ орденъ св. Владиміра 3-й степ.», а изъ актовъ военной коллегіи видно, что всѣ несовершеннолѣтнія сыновья Ильи Федоровича, за службу отца, произведены въ войсковые старшины, тогда какъ послѣдній изъ этихъ сыновей, Авксентій (дѣдъ нынѣ живущаго полковника Ильи Васильевича Денисова); былъ еще въ колыбели.

Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.

¹⁾ Въ формулярномъ спискѣ за 1818 г. показанъ онъ кавалеромъ: св. Анны 1-й ст., св. Владиміра 2-й ст. и св. Иоана Іерусалимскаго. Сверхъ того онъ имѣлъ золотую саблю, алмазами украшенную и прусскіе ордена: Краснаго Ора и за военныя достоинства (pour le merite).

Ад. Ч.

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ

1739—1791.

Исполнительная личность Потемкина резко выдѣляется изъ сонма сподвижниковъ Екатерины II. Его умъ, дарованія, способности, разнообразная дѣятельность во всѣхъ правительственныхъ сферахъ, гигантскіе замыслы и подвиги, наконецъ самый складъ характера, сотканнаго изъ противорѣчій,— все своеобразно и необычайно въ этомъ баловнѣ счастья. Почти двадцать лѣтъ (1773 — 1791) Потемкинъ — по выраженію Державина — „былъ наперсникомъ сѣверной Минервы“ и этотъ періодъ былъ самымъ блестящимъ ея царствованія. Смерть застигла Потемкина въ цвѣтѣ мужества, но сразила его кстати, въ то время, когда звѣзда его уже достигла своего поворотнаго круга. Потемкинъ не пережилъ своей славы: смерть въ степи, близъ Новороссійскаго края, призваннаго въ жизни княземъ Таврическимъ, достойно завершила земное поприще человѣка, которому въ близкомъ будущемъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, грозила опала, можетъ быть даже ссылка... Опала разразилась надъ гробницею Потемкина; злоба и ненависть заровняли могильную насыпь надъ его останками, но не такъ легко было истребить память о немъ, и время оправдало вѣщія слова Державина:

Въ пылу героевъ попирають!
Героевъ? Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрава и вѣковъ блистають!

Отдавая Потемкину должную справедливость, Екатерина, однако же, не увѣковѣчила подвиговъ князя Таврическаго памятникомъ въ Петербургѣ, или въ Царскомъ Селѣ,— ни при его жизни, ни послѣ смерти — но, при всемъ томъ, подобно Суворову, Потемкинъ живетъ въ памяти народной и долго будетъ жить въ преданіяхъ русской

земли. Донныѣ у насъ еще нѣтъ надлежащей біографіи Потемкина, точно также какъ и исторіи Екатерицы. Потемкину еще не отведено мѣсто по заслугамъ въ отечественной исторіи и всѣ его біографіи, до сихъ поръ напечатанныя, можно назвать только болѣе или менѣе неудачными попытками. „Жизнь и дѣянія князя Потемкина-Таврическаго“. Спб., 1811 г. 2 части; также „Жизнь Потемкина“ описанная его племянникомъ, гр. Самойловымъ, — восторженный панегирикъ; біографіи, составленныя Бантышъ-Каменскимъ, — формулярные списки, подцвѣченные риторикой. За симъ слѣдуютъ статьи біографическихъ словарей: сборники анекдотовъ, до крайности избитыхъ, если они правдивы, и болшею частью вымышленныхъ, если только въ нихъ находится что-нибудь новое. Существуетъ множество отрывчатыхъ свѣдѣній о Потемкинѣ, разбросанныхъ по журналамъ и газетамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Не говоримъ о сочиненіяхъ иностранцевъ: за исключеніемъ Гельбига и Массона — онѣ болшею частью переполнены клеветами и напраслинами, либо носятъ на себѣ отпечатокъ памфлета, или пасквиля.

Разработка отечественной исторіи XVIII столѣтія началась у насъ не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Смягченія ценсурнаго гнета вызвали изъ-подъ спуда множество архивныхъ документовъ и способствовали обнародованію фактовъ, донныѣ сохранявшихся въ болѣе или менѣе искаженныхъ устныхъ преданіяхъ. Стремленіе публики къ изученію исторіи, помимо обнародованія воспоминаній, записокъ, дневниковъ, вызвало нѣсколько повременныхъ историческихъ изданій, посвященныхъ собиранію и разработкѣ отечественныхъ историческихъ матеріаловъ. Изъ нихъ, кн. Потемкина — выпала значительная доля: такъ напримѣръ, въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества и въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи, будущій біографъ князя Таврическаго найдетъ много важныхъ, первичныхъ свѣдѣній. Вообще число обнародованныхъ данныхъ къ жизнеописанію Потемкина значительно и болѣе увеличивается.

Не задаемся мыслію составленія біографіи Потемкина, но, приступая къ печатанію значительнаго собранія разнообразныхъ документовъ, до него относящихся, признаемъ необходимымъ представить эти матеріалы въ рамкѣ изъ фактовъ его жизни, съ указаніемъ, по мѣрѣ возможности и надобности, на противорѣчія и нѣкоторыя погрѣшности біографовъ. Документы, печатаемые нами, знакомятъ, какъ съ нѣсколькими новыми сторонами государственной дѣятельности Потемкина, такъ и съ нѣкоторыми нравственными его чертами и отношеніями къ современникамъ. Въ этихъ бумагахъ, впервые нами обнародуемыхъ, видны проблески высокихъ свойствъ и оттѣнки слабостей, присущихъ человѣку, но въ тѣхъ и въ другихъ видна мощная, ши-

рокая натура человѣка необыкновеннаго. Повторяемъ, нашъ біографическій очеркъ служить только нитью, связующею документы въ хронологической послѣдовательности.¹⁾

Ред.

I.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, въ собственномъ пензенскомъ помѣстьи, сельцѣ «Маншина», проживалъ отставной армейскій подполковникъ Александръ Васильевичъ Потемкинъ.²⁾

Одинъ изъ его предковъ, Петръ Ивановичъ, окольникій двора царя Ѳедора Алексѣевича и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей, въ 1668—1681 гг. былъ нашимъ посланникомъ въ Мадридѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Копенгагенѣ. Внукъ Петра Ивановича не выдѣлился изъ ряда посредственностей, а отецъ князя Таврическаго, Александръ Васильевичъ, современникъ и годами почти ровестникъ Петра Великаго, зоркаго на-

¹⁾ Приступая къ нашему очерку, считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ свѣдѣніяхъ о кн. Г. А. Потемкинѣ, которыя были напечатаны въ «Русской Старинѣ» въ теченіе ея перваго пятилѣтія:

Фамильныя свѣдѣнія (1872 г., т. V, стр. 463—468). Отношенія Потемкина къ его матери (1871 г., т. III, стр. 40). Письма къ нему Румянцова, 1774—1779 (1873 г., т. VIII, 720—722). Письма А. А. Безбородко (т. VIII, 732, 733, 887—889). Участіе въ войнѣ, 1784. Месть Денисову за дядю (т. X, 19—22, 34—35). Разказы о Потемкинѣ (X, 153, 154, 157). Приказъ по войскамъ. Письмо къ Екатеринѣ II и записка объ одеждѣ и вооруженіи силъ, 1783 (т. VIII, 722—728). Письмо П. С. Потемкина (1870 г., т. II, 403—404). Отзывъ о Потемкинѣ кн. М. М. Щербатова (1871 г., т. III, 678—681). Устроенные ямъ въ Бѣлорусскіи заводы (1872 г., т. IV, 106). Ссора съ З. Г. Чернышевымъ (IV, 116—117). Разказъ о Потемкинѣ (VII, 262—263). Покровительство П. Б. Пассеку (IV, 218, 219). Покровительство кн. А. И. Горчакову (1872 г., т. V, 144). Основаніе Херсона (т. V, 223). Выговоръ отъ императрицы (т. V, 142). Переписка съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (т. VIII, 666, 668, 864—866). Кончина Потемкина (1870 г., т. II, 129—130). Кромъ того, любопытныя о немъ свѣдѣнія въ «Запискахъ Волотова» (т. IV, въ приложеніи, часть XXIII. Письма 235—240; томъ VIII, часть XXVII. Письма 213—232, анекдоты о Потемкинѣ) и въ Запискахъ Добрынина 1780 г. (Рус. Ст. т. IV, стр. 114—118 о пребываніи Екатерины II въ Могилевѣ).

²⁾ Съ шервыхъ же строкъ нашего очерка приходится указывать на различія біографовъ Потемкина. Бантышъ-Каменскій («Биографіи генералисимусовъ» и т. д. Спб., 1840 г., часть II стр. 56) называетъ отца Потемкина отставнымъ гарнизоннымъ майоромъ; то же и у Гельбига (Russische Günstlinge, Та-

ходчика и цѣнителя способныхъ людей, не обратилъ на себя особеннаго его вниманія, такъ какъ, за исключеніемъ личной храбрости, иными дарованіями не отличался; онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, бывалъ раненъ и, при всемъ томъ, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ едва дослужился до чина арміи подполковника. Безуспѣшность служебнаго поприща Александра Потемкина объясняется отчасти его характеромъ: онъ былъ человѣкъ тяжелый и своенравный. Желая подать въ отставку за ранами, Потемкинъ, согласно узаконеніямъ того времени, явился въ военную коллегію на освидѣтельствованіе. Снимая мундиръ, онъ, въ числѣ предсѣдательствовавшихъ членовъ, узналъ унтер-офицера, когда-то служившаго у него въ ротѣ, въ бытность его въ капитанскомъ чинѣ. Эта встрѣча возмутила Потемкина и онъ, указывая на бывшаго своего подчиненнаго, сказалъ:

— Какъ? И онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я сего не перенесу и останусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки мои раны.

И послѣ того пробылъ на службѣ еще два года.

По выходѣ въ отставку, Потемкинъ поселился въ деревнѣ и жилъ однообразно, полудикую жизнью помѣщика стараго времени. Все его состояніе ограничивалось тремя стами душъ въ разныхъ губерніяхъ и о тѣхъ велись неизбѣжныя и нескончаемыя тяжбы. Донныя еще не обрѣтены достовѣрныя свѣдѣнія о первой женѣ Александра Потемкина, извѣстно только, что жили они разво (онъ—въ пензенскомъ, она—въ смоленскомъ имѣніи), и что дѣтей у нихъ не было.

Случайно проѣзжая село «Большое Скуратово», на кievской дорогѣ, Потемкинъ увидѣлъ проживавшую тамъ, у родныхъ покойнаго своего мужа, молодую вдову Дарью Васильевну Скуратову, рожденную Кондыреву; влюбился въ красавицу и, выдавъ себя за вдовца посватался и обвѣнчался. Обманъ открылся послѣ свадьбы двоеженца, когда молодая его жена была уже

bingen, 1809, in 8°, 502 s., vidi s. 386). Графъ А. Н. Самойловъ (Жизнь и дѣянія кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго изд. 1812 г.,—также см. въ «Р. А.» 1867 г.) говоритъ, что отецъ Потемкина былъ отставной подполковникъ арміи (стр. 588); тоже находимъ и въ «Фамильныхъ извѣстіяхъ о кн. Потемкинѣ» («Русская Старина» 1872 г., т V, стр. 463—468). Между тѣмъ, существуетъ еще преданіе, будто отецъ Потемкина былъ смоленскій протоіерей (?). См. «Р. А.» 1866 г.: Письма и записки кн. Италійскаго гр. А. В. Суворова-Рымникскаго, предисловіе, стр. 929.

беременная.¹⁾ Потребовавъ у мужа свиданія съ его первою, повиною супругою, Дарья Васильевна тронула ее своими мольбами и довела до благороднѣйшаго самопожертвованія: Потемкина пошла въ монастырь, вскорѣ постриглась и этой смертью для свѣта узаконила второй бракъ своего мужа. Все это не пошло въ прокъ Дарьѣ Васильевнѣ. Слѣдствіемъ неравенства лѣтъ (мужъ былъ тридцатью годами ея старѣе) была съ его стороны ревность: онъ держалъ взаперти молодую жену и деспотическимъ обхожденіемъ довелъ почти до слабоумія и безъ того недалнюю Дарью Васильевну. Первые ихъ дѣти были дочери.²⁾ Во второй или въ третій, разъ беременная Потемкина видѣла странный сонъ: прямо съ неба на нее катилось солнце и она пробудилась отъ страха.

Вскорѣ послѣ того, 16-го сентября 1739 г., у нея родился сынъ—Григорій.³⁾

Потемкины проживали тогда въ селѣ «Чижевѣ» (Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда). Рожденіе сына не только не порадовало старика Потемкина, но почему-то возбудило въ немъ подозрѣніе въ его законности и вслѣдствіе этого было причиною ухудшеніе и безъ того незавиднаго быта Дарьи Васильевны. Защитникомъ бѣдной матери и ея ребенка былъ двоюродный братъ Потемкина—Григорій Матвѣевичъ Козловскій, президентъ камер-колегіи. Принимая самое родственное участіе въ малолѣтнемъ Григоріи, своемъ крестникѣ, онъ, по просьбѣ Дарьи Васильевны,

¹⁾ Въ примѣчаніи къ біографіи Потемкина, составленной графомъ А. Н. Самойловымъ («Р. А.» 1867 г.), показано: «родомъ Скуратова, въ первомъ бракѣ за Кондыревымъ». Мы придерживаемся «Фамиліныхъ извѣстій о кн. Потемкинѣ» («Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 465).

²⁾ Марья и Марья, см. ниже родословіе семьи Александра Васильевича Потемкина.

³⁾ Въ показаніи года рожденія Потемкина у его біографовъ находимъ разнорѣчія и цифра колеблется между 1736 и 1742 годомъ. Въ біографіи, сочиненной графомъ А. Н. Самойловымъ, на одной страницѣ показанъ 1740 г., на другой—1742 г. Въ запискахъ А. Н. Энгельгардта (Москва, 1868 г., стр. 40) показанъ 1736 годъ. По нѣкоторымъ сообщеніямъ мы останавливаемся на 1739 г. Что же касается до числа, нами показаннаго (тавъ какъ въ біографіяхъ говорится глухо: «родился въ сентябрѣ»), мы имѣли въ виду слѣдующее обстоятельство: въ старину строго соблюдался обычай давать новорожденному имя святаго, празднуемаго черезъ двѣ недѣли отъ дня рожденія. Потемкинъ праздновалъ день именинъ 30-го сентября (св. муч. Григорія епископа Арменіи, св. Михаила перваго митрополита кievскаго и преподобнаго Григорія).

взялъ его по пятому году къ себѣ на воспитаніе. Послѣ сына у Потемкиныхъ были еще дѣти—дочери; но сумасбродное по-дозрѣніе не угасало въ душѣ старика Потемкина, въ особенности благодаря навѣтамъ его двоюроднаго брата, Сергѣя Дмитріевича Потемкина. Желая воспользоваться имѣніемъ Александра Васильевича, онъ всячески клеветалъ на Дарью Васильевну и наконецъ довелъ старика до того, что тотъ подалъ челобитную, опровергавшую брачный союзъ. Г. М. Козловскій, призвавъ А. В. Потемкина въ присутствіе, настоялъ на возвращеніе ему челобитной обратно, съ надписью.

Александръ Васильевичъ умеръ въ 1746 г. и вдова его, съ пятью дочерьми, оставшись при весьма ограниченнѣхъ средствахъ, переселилась въ Москву.

Гриша Потемкинъ, или Гриць, какъ его называлъ крестный отецъ, росъ и воспитывался у него въ домѣ, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ его сыномъ и своимъ ровестникомъ—Сергѣемъ. Способности мальчика были необыкновенныя и предвѣщали ему великую будущность. Крестный отецъ говаривалъ о немъ: «Грицу моему, либо быть въ чести, либо не сносить головы». До поступленія въ университетъ, Григорій Потемкинъ и Сергѣй Козловскій посѣщали учебное заведеніе Литгена, въ Нѣмецкой слободѣ.

30-го мая 1755 года молодой Григорій Потемкинъ былъ записанъ въ конную гвардію рейтаромъ; 15-го августа 1757 года произведенъ въ капралы; 31-го декабря 1758 года въ гефрейт-капралы, а 19-го іюня 1759 года — въ каптенармусы. Всѣми этими повышеніями Потемкинъ былъ удостоенъ, не состоя на дѣйствительной службѣ, числясь въ Московскомъ университетѣ и продолжая посѣщать лекціи. Кромѣ добраго крестнаго отца, въ воспитаніи Потемкина принималъ большое участіе родственникъ его матери, генерал-поручикъ Александръ Артемьевичъ Загряжскій. Былъ у него и еще одинъ милостивецъ—баронъ Строгановъ, къ которому Потемкинъ, по приказанію матери, хаживалъ на поклонъ въ праздничные дни.

Характеръ Потемкина-юноши представлялъ странную смѣсь любознательности и легкомыслія, склонности къ ученымъ трудамъ и лѣни, въ особенности же набожностью, не соотвѣтственною возрасту. Онъ любилъ бесѣдовать съ лицами духовнаго званія: посѣщалъ іеродіакона греческаго монастыря Дороея и прилежно

занимался у него греческимъ языкомъ; часто бесѣдовалъ о священномъ писаніи и о духовныхъ обрядахъ съ умнымъ священникомъ приходской церкви Николая чудотворца. Постоянный посѣтитель этого храма, Григорій Потемкинъ прислуживалъ священнику въ алтарѣ, раздувалъ кадило и вынашивалъ свѣчи предъ евангеліемъ и святыми дарами. Но изъ-подъ личины искренной или напускной набожности, нерѣдко пробивалась наружу ребяческая шаловливость. Такъ, однажды, при посѣщеніи крестнаго отпа Потемкина грузинскимъ преосвященнымъ, молодой Григорій, надѣвъ на себя полное его облаченіе, выпелъ къ гостямъ, что заставило Козловскаго съ сердцемъ сказать:

— Доживу до стыда, что не умѣлъ воспитать тебя, какъ дворянина!

Въ университетѣ Потемкинъ особенно прилежно занимался науками, необходимыми для духовнаго лица, но не всегда умѣлъ обуздать свою кипучую натуру и, порядочно владѣя стихомъ, писалъ сатиры и эпиграмы на начальниковъ. Не скрывая отъ товарищей цѣли своихъ намѣреній и желаній, онъ говаривалъ имъ: «буду министромъ или архіереемъ», либо: «начну военной службой, а не такъ, то стану командовать попами».

Въ іюнѣ 1757 г. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго университета, приказалъ выбрать двѣнадцать достойнѣйшихъ учениковъ и прислать ихъ въ Петербургъ, какъ представителей успѣховъ образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Россіи. Въ числѣ избранныхъ былъ Григорій Потемкинъ, въ минувшемъ 1756 г. удостоенный золотою медалью за успѣхи въ наукахъ. Изъ всѣхъ студентовъ онъ вполне соответствовалъ видамъ Шувалова. Прибывшіе въ Петербургъ студенты были благосклонно приняты въ гостинныхъ первѣйшихъ вельможъ столицы и иностранныхъ министровъ; каждое ихъ представленіе важнымъ особамъ соответствовало экзамену. Потемкинъ заслужилъ особенныя похвалы своею находчивостью и остроуміемъ. Наконецъ онъ, съ товарищами, былъ представленъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Свѣдѣнія Потемкина въ эллиногреческомъ языкѣ и въ богословіи обратили на него вниманіе Шувалова и, по его докладу, Потемкинъ произведенъ въ капралы конной гвардіи.

По возвращеніи въ Москву, Потемкинъ принялся за ученіе

*

далеко не съ прежнимъ стараніемъ, предпочитая университету бесѣды съ монахами Греческаго и Законоспасскаго монастырей. Нерадѣніе Потемкина въ наукамъ низвело его на степень послѣднихъ учениковъ университета, изъ которыхъ онъ, наконецъ, въ 1760 г. былъ выключенъ: «за лѣность и нехождение въ классы». Достоинно замѣчанія, что той же участи вмѣстѣ съ Потемкинымъ подвергся Николай Ивановичъ Новиковъ (р. 1744 † 1818 г.). Карьера молодого человѣка была, повидимому, испорчена; если бы духовный санъ былъ истиннымъ призваніемъ Потемкина, въ такомъ случаѣ поступленіе въ монахи могло открыть ему прямой путь въ желанной цѣли. Но духовное званіе уже утратило тогда въ его глазахъ прежнюю привлекательность и не соответствовало болѣе видамъ молодого человѣка. Онъ рѣшился вступить въ дѣйствительную строевую службу; о намѣреніи своемъ Потемкинъ сообщилъ преосвященному Амвросію Зертисъ-Каменскому († 1771 г.) архіепископу крутицкому и можайскому. Выразивъ Потемкину свое одобреніе, святитель далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей. Впослѣдствіи времени, уже на высотѣ почестей, князь Таврическій часто вспоминалъ объ этомъ долгѣ, обѣщая съ лихвою возвратить его наслѣдникамъ преосвященнаго; однако же долгъ такъ и остался неуплаченнымъ.

Прибывъ въ Петербургъ, Потемкинъ прилежно занялся изученіемъ строевой службы и, въ чинѣ вице-вахмистра, взятъ былъ на ординарцы къ принцу Георгу Голштинскому, любимому дядѣ императора Петра III.¹⁾ Тонкости строевой службы дались Потемкину въ такомъ же совершенствѣ, какъ и догматскія свѣдѣнія года два-три тому назадъ. Рослый, статный юноша, отличный наѣздникъ, онъ обратилъ на себя вниманіе принца, которому императоръ уступилъ чинъ полковника конной гвардіи; вице-вахмистръ Потемкинъ былъ ординарцемъ принца Георга и мѣсяцъ черезъ два произведенъ въ вахмистры.

Между тѣмъ дѣло овозшествова на престолѣ Екатерины II было тогда

¹⁾ Принцъ Георгъ Голштинскій, вмѣстѣ съ супругою и значительною свитою, прибылъ въ Петербургъ 21-го марта 1762 г. по приглашенію императора Петра III, который пожаловалъ ему званіе генерал-фельдмаршала; 28-го іюня 1762 г. принцъ Георгъ былъ арестованъ, а 12-го іюля выѣхалъ въ свое отечество. Скончался 7-го сентября 1763 года.

въ полномъ разгарѣ: душа заговора—Григорій Орловъ,¹⁾ тогда цалмейстеръ артилеріи, вербуя въ свою партію гвардейскую молодежь, обратилъ вниманіе и на Потемкина. Нѣтъ сомнѣнія, что Потемкину были извѣстны замыслы Орловыхъ и онъ былъ ревностнымъ ихъ приверженцемъ, содѣйствуя, по мѣрѣ силъ, къ осуществленію ихъ плана. Соудѣйствіе это ограничивалось подготовкою нижнихъ чиновъ къ ближнему перевороту, къ отреченію отъ недавней присяги Петру III и принесенію новой—императрицѣ Екатеринѣ II. Впрочемъ, точная степень участія Потемкина въ заговорѣ и причины щедрыхъ наградъ, которыми онъ былъ удостоенъ императрицею (наравнѣ съ прочими второстепенными дѣятелями, по представленію Григорія Орлова) доннынѣ еще не разъяснены и біографы рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Бантышъ-Каменскій, а съ его словъ и многіе другіе, говорятъ, будто Потемкинъ, 29-го іюня 1762 года, обратилъ на себя вниманіе Екатерины тѣмъ, что подалъ ей темлякъ съ своей шпаги, замѣтивъ, что на ея шпагѣ темляка не было. Графъ А. Н. Самойловъ опровергаетъ это преданіе, и весьма справедливо, тѣмъ доводомъ, что у вахмистра на шпагѣ не могло быть офицерскаго темляка. Митрополитъ Платонъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, рассказывая о быстромъ повышеніи Потемкина съ первыхъ же дней восшествія на престолъ Екатерины, говорилъ, что будущій князь Таврическій былъ имъ обязанъ своему умѣнью поддѣлаться подъ чужой голосъ, чѣмъ весьма часто забавлялъ Григорія Орлова. Послѣдній сообщилъ объ этомъ Екатеринѣ и она пожелала видѣть забавника. Потемкинъ, о чемъ-то спрошенный Екатериною, отвѣчалъ ей ея же голосомъ и выговоромъ, чѣмъ насмѣшилъ ее до слезъ.²⁾ Изъ этого рассказа видимъ, однако, что

¹⁾ Григорій Григорьевичъ Орловъ, второй изъ пяти братьевъ Орловыхъ, родился 6-го октября 1734 г., скончался въ помѣшателствѣ 13-го апрѣля 1783 г.

Изъ болѣе любопытныхъ свѣдѣній о Григоріи Орловѣ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», можемъ указать на слѣдующія: Записки Болотова (приложеніе къ III тому 1871 г. Томъ второй, часть VIII, письма 88—94 и часть IX, письма 95—100). Характеристика кн. Г. Г. Орлова («Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 676—678). Участіе въ переворотѣ 1762 г. (т. VIII, 693—696). Отношенія къ нему Екатерины II (т. VIII, 700—701). Вражда кн. Е. Р. Дашковой (VIII, 705). Порученіе усмирить мятежъ 1771 г. (VIII, 828). Рассказъ о медали, выданной въ его честь (V, 132). Сожалѣніе Екатерины II о его смерти (V, 139).

²⁾ «Р. А.» 1872 г., стр. 459.

Потемкинъ былъ тогда уже офицеромъ гвардіи и вопросъ о причинахъ его производства изъ вахмистровъ въ подпоручики и о его награжденіи 400-ми душъ ¹⁾ остается неразъясненнымъ. 30-го ноября того же 1762 г. онъ былъ пожалованъ въ камер-юнкеры.

Желая оригинальными выходками обратить на себя вниманіе, или вслѣдствіе прямизны характера, но Потемкинъ, съ перваго же дня при дворѣ, не подчинился требованіямъ этикета. Однажды, за столомъ, императрица обратилась къ нему съ вопросомъ на французскомъ языкѣ; Потемкинъ отвѣчалъ ей по-русски. Кто-то изъ сановниковъ замѣтилъ ему, что это неприлично. «А я, напротивъ того, думаю,—отвѣчалъ молодой смѣльчакъ,—что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ можетъ вѣрнѣе мысли свои объяснять». Въ другой разъ императрица играла въ карты съ Григоріемъ Орловымъ: Потемкинъ, подойдя къ столу, оперся на него рукою и смотрѣлъ въ карты государыни. Орловъ шепнулъ ему, чтобы отошелъ:

— Оставьте его, возразила Екатерина, онъ вамъ не мѣшает!

Потемкинъ не только не скрывалъ восторженныхъ своихъ чувствъ къ императрицѣ, но всячески старался ихъ выказывать и государыня снисходительно смотрѣла на выходы, почти сумасбродныя. ²⁾

Гельбигъ (*Russische Günstlinge*, 387), Л. Н. Энгельгардтъ (*Записки*, стр. 42) и Бантышъ-Каменскій (*Ч. II*, стр. 58) къ первому году восшествія на престолъ Екатерины относятъ отправку Потемкина въ Швецію съ дипломатическимъ порученіемъ; однако же изъ біографіи, составленной гр. А. Н. Самойловымъ, можно заключить, что это случилось годами тремя, или четырьмя позже, т. е. въ 1765 или 1766 г. До того времени Потемкинъ состоялъ при дворѣ и проживалъ въ Петербургѣ безотлучно. Милости, оказанныя ему императрицею, въ годъ восшествія ея на престолъ, еще не возбуждали ни зависти, ни подозрѣній его недоброжелателей.

¹⁾ Въ Сборникѣ Русскаго Ист. Общества (т. VII, стр. 108—115) напечатано черновое росписаніе Екатерины II о наградахъ по случаю ея восшествія на престолъ и въ немъ показано производство Потемкина въ камергеры. Таково было первоначальное намѣреніе императрицы, измѣненное, однако, можетъ быть по совѣту Григорія Орлова.

²⁾ См. «Русская Старина» 1872 г., томъ V. Семейныя извѣстія о князѣ Потемкинѣ, стр. 465.

II.

Знакомство Потемкина съ постановленіями церкви и бытомъ духовенства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе императрицы доставить ему случай выказать свои способности, имѣли слѣдствіемъ назначеніе его въ синодъ помощникомъ обер-прокурора Ивана Ивановича Мелиссино, бывшаго впоследствии кураторомъ Московскаго университета. Въ указѣ 19-го августа 1763 г. значилось: «Повелѣли мы въ синодѣ, непрерывно при текущихъ дѣлахъ, а особливо при собраніяхъ, быть нашему камер-юнкеру Григорію Потемкину и мѣсто свое имѣть за обер-прокурорскимъ столомъ, съ тѣмъ, дабы онъ слушаніемъ, чтаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что онъ къ пользѣ своей за потребное найдетъ, навывкалъ быть искуснымъ и способнымъ къ сему мѣсту для отправленія дѣлъ, ежели впредь, смотря на его успѣхи, мы благоусмотримъ его опредѣлить къ дѣйствительному по сему мѣсту упражненію».

Цѣлю назначенія Потемкина, въ новую, для него созданную должность, было, во-первыхъ, наблюденіе за дѣйствіями членовъ св. синода и направленіе ихъ согласно съ видами государыни при отобраніи въ казну крестьянъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ; во-вторыхъ, надзоръ за управленіемъ синодальнымъ. Въ инструкціи, данной Потемкину (4-го сентября 1763 г.), ему были предоставлены довольно обширныя права.

Занятіе этой должности, въ первый разъ въ 1763 году, было непродолжительно. Вторично онъ присутствовалъ за обер-прокурорскимъ столомъ святѣйшаго синода въ 1766 году; въ исходѣ же 1763 г. его постигло несчастіе, имѣвшее важное вліяніе на всю послѣдующую участь. Онъ заболѣлъ горячкою. Не полагаясь на докторовъ, онъ довѣрилъ свое леченіе мужичку-знахарю, нѣкому Ероѣенчу (давшему свое имя водочной звѣробойной настойкѣ), еще недавно вылечившему Алексѣя Орлова.¹⁾ Лекарь-самоучка

¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій (род. 1737 † 1808 г.).

Его участіе въ переворотѣ (т. I изд. второе, стр. 99—101, VIII, 694—697). Предупрежденіе заговора Хитрова и Рославлева (I, стр. 118). Присутствіе при кончинѣ Петра III (т. II, 195). Отношенія къ Шванвичу (IV, 387). Письмо къ брату послѣ чесменскаго боя (VII, 708). Арестованіе Тарахановой (X, 773—775). Разсказъ о наказаніи его Павломъ I (VI, 89—90) и проч.

посоветовалъ Потемкину обвязывать голову и глаза какой-то припаркой. Больной вполнину исполнилъ это предписаніе и обвязалъ только одинъ глазъ. Жестокій жаръ въ головѣ и въ обвязанномъ глазу заставилъ его сорвать повязку, и тогда на глазу онъ замѣтилъ нарость, застилавшую зрѣніе; онъ имѣлъ неосторожность сорвать ее булавкою—и окривѣлъ.

Увѣще, постигшее Потемкина, едва не лишило его разсудка. Покинувъ дворъ, онъ уединился въ особомъ домѣ, близъ коннаго полка; на службу не являлся, отпустилъ себѣ бороду, и оставался безвыходно дома, изучая богослужебные обряды по чину архіерейскому. Это отшельничество Потемкина продолжалось восемнадцать мѣсяцевъ. ¹⁾ Наконецъ, братья Орловы, внезапно пріѣхавъ въ затворнику, насильно привезли его во дворецъ и представили императрицѣ. По другимъ сказаніямъ, Екатерина, проѣзжая съ Григорьемъ Орловымъ мимо дома Потемкина, приказала своему любимцу навѣстить его, и пригласить въ дворъ. ²⁾ Ласковый приемъ, оказанный Потемкину и дозволеніе посѣщать дворцовыя собранія, далеко не согласовались съ умыслами противниковъ Потемкина. Къ удаленію его отъ Екатерины, они измыслили новый способъ и убѣждали императрицу принять участіе въ сватовствѣ Потемкину фрейлины, графини Елисаветы Кирилловны Разумовской. ³⁾ Сватовство не состоялось. Потемкинъ, не связанный узами супружества, былъ постояннымъ посѣтителемъ собраній у императрицы и любимѣйшемъ ея собесѣдникомъ. Благоволеніе государыни къ молодому искателю счастья возбудило недоброжелательность къ нему, тогда могучаго графа Никиты Ивановича Панина. Его вліяніе на Екатерину въ первые годы ея царствованія простиралось почти до руководства ея поступками, она какъ-бы находилась подъ его опекою. Съ другой стороны, дѣя-

¹⁾ Графъ Самойловъ: Жизнь и дѣянія и пр. глава 2-я. Слѣдовательно съ 1764 до половины 1765 года.

²⁾ Фамиліи извѣстія о кн. Потемкинѣ. «Русская Старина» 1872 г. т. V, стр. 466.

³⁾ Родилась 15-го декабря 1749 г., скончалась въ 1802 г. Вторая дочь графа Кирилы Разумовскаго. Замужество ея съ графомъ Петромъ Федоровичемъ Апраксинымъ (р. 6-го августа 1728 + 5-го февр. 1811 г.), при живой его женѣ, навлекло на нее гнѣвъ Екатерины: лишенная фрейлинскаго званія, графиня Апраксина постриглась въ монахини. (См. «Русская Старина» 1871 года томъ IV, стр. 379).

тельные участники въ государственномъ переворотѣ 28-го іюня 1762 года, братья Орловы, ограждая императрицу, по возможности, отъ вліянія Панина, вмѣстѣ съ тѣмъ самовластно полагаги предѣлы ея благосклонности къ каждому новому лицу, появившемуся при дворѣ. Опека Панина и попечительство Орловыхъ стали наконецъ тягостны для Екатерины; въ Потемкинѣ она угадывала своего избавителя отъ того и другого. Сознавая услуги Орловыхъ, государыня не могла не слѣдовать ихъ внушеніямъ, но въ тоже время, отдавая справедливость уму и способностямъ Потемкина, не всегда могла скрывать свое къ нему расположеніе. Вотъ разгада шаткости положенія Потемкина въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ царствованія Екатерины. Благосклонность къ нему императрицы смѣнялась холодностью, близость—внезапнымъ удаленіемъ. Такъ, вскорѣ по возвращеніи ко двору изъ своего добровольнаго заточенія, Потемкинъ, накануне удостоенный особеннымъ вниманіемъ императрицы, получилъ на слѣдующій день повелѣніе отправиться немедленно въ Стокгольмъ съ какимъ-то неважнымъ дипломатическимъ порученіемъ. При самомъ производствѣ въ чины, съ 1765 по 1768 годъ, на Потемкина возлагались должности, державшія его въ почтительномъ разстояніи отъ двора, несмотря на званіе камер-юнкера. 19-го апрѣля 1765 года произведенный въ поручики, Потемкинъ правилъ казначейскую должность и надзиралъ за шитьемъ новыхъ мундировъ; 19-го іюня 1766 года назначенъ командиромъ 9-й роты; въ 1767 году, съ двумя ротами своего полка, былъ командированъ въ Москву, во время комисіи объ уложеніи. Только въ 1768 году, произведенный въ секунд-ротмистры, Потемкинъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры (22-го сентября), а безъ малаго черезъ два мѣсяца (11-го ноября), по волѣ императрицы, отчисленъ отъ конной гвардіи, какъ состоящій при дворѣ. Однако же это отчисленіе было весьма кратковременно: послѣ объявленія войны съ Турціею Потемкинъ испросилъ у императрицы дозволеніе служить волонтеромъ въ первой арміи, предводимой княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ.¹⁾ Переименованный изъ камергеровъ въ соотвѣтствующій военный

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (род. 17-го ноября 1718 + 11-го октября 1783 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 472, 686; 1872 г., томъ V, 218.

чинъ генерал-маіора, за «оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣлахъ», Потемкинъ, до перехода главнаго начальства надъ арміею отъ князя Голицына къ графу Петру Александровичу Румянцеву ¹⁾ (16-го сентября 1769 года), участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, прославившихъ наше оружіе, командуя бригадою конныхъ полковъ, чѣмъ снискалъ вполне лестный о себѣ отзывъ въ представленіи императрицѣ главнокомандующаго: «непосредственно рекомендую мужество и искусство, которое оказалъ въ семь дѣлъ (пораженіе Молдаванджи-паша 29-го августа 1769 года) генерал-маіоръ Потемкинъ; ибо кавалерія наша до сего времени еще не дѣйствовала съ такою строгостію и мужествомъ, какъ въ сей разъ, подъ командою вышеозначеннаго генерал-маіора». Лестный отзывъ главнокомандующаго былъ однако же оставленъ императрицею безъ вниманія. Враги Потемкина успѣли довести до ея свѣдѣнія, будто молодой генералъ позволяетъ себѣ насмѣшки надъ престарѣлымъ главнокомандующимъ.

Недовольная медлительностью князя Голицына, императрица, весьма милостивымъ рескриптомъ отъ 13-го августа 1769 года, отозвала его отъ арміи, назначивъ на его мѣсто гр. Петра Александровича Румянцева. До сдачи главнаго начальства надъ арміею своему преемнику (16-го сентября 1769 г.) кн. А. М. Голицынъ еще не успѣлъ блистательнымъ подвигомъ завершить свое ратное поприще: 29-го августа онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ верховнымъ визиремъ Молдаванджи-пашею и крымскимъ ханомъ; 9-го сентября русскія войска заняли опустѣлый Хотинъ и вступили въ Яссы. Въ сраженіи 29-го августа отличился лично храбростью и распорядительностью — Потемкинъ, командовавший отрядомъ конницы. Согласно его прошенію, онъ былъ назначенъ состоять подъ начальствомъ генерал-поручика Штофельна, командированнаго въ Молдавію. Несмотря на су-

¹⁾ Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій (родился 1725 † 8-го декабря 1796 г.). Кромѣ многочисленныхъ упоминаній о немъ, см. въ «Русской Старинѣ», т. I, 15; II, 465, 473. Донесеніе Петру III о приготовленіи датчанъ къ войнѣ (III, 306). Пребываніе въ Могилевѣ (IV, 114). Разказы о немъ (V, 131, 132, 242, 243, 771). Письма къ Екатеринѣ II (VIII, 717—720)—къ Потемкину (VIII, 720—722)—къ гр. В. А. Зубову (VIII, 722). Народная о немъ пѣсня (VIII, 816—817) и проч. и проч.

ровое зимнее время и на чуму, обнаружившуюся въ нашихъ войскахъ въ началѣ 1770 г., Румянцевъ скоро ознаменовалъ себя славнѣйшими подвигами.

По отзыву иностранныхъ писателей, (между прочимъ и Гельбига: *Russische Günstlinge*, стр. 387—388) Потемкинъ въ арміи Румянцева до того былъ бесполезенъ, что главнокомандующій воспользовался случаемъ отправить его въ Петербургъ съ важными вѣстями; однако же военная дѣлопись первой турецкой войны въ царствованіе Екатерины служить самымъ основательнымъ опроверженіемъ этому обвиненію. Командуя небольшимъ отрядомъ конницы и пѣхоты, Потемкинъ (4-го января 1770 г.), вмѣстѣ съ генерал-маіоромъ графомъ Подгоричани, въ окрестностяхъ Фощанъ, разбилъ двѣнадцатитысячный ¹⁾ турецкій корпусъ, предводимый Солиманъ-пашею и сераскиромъ Румели-Валаси; при этомъ отнялъ пять орудій и два знамя. Черезъ мѣсяць (4-го февраля) Потемкинъ много содѣйствовалъ Штофельну въ овладѣніи Журжею; 7-го іюня участвовалъ въ разбитіи турокъ Румянцевымъ у Рябой-Могилы. Въ битвѣ при Ларгѣ (7-го іюля) Потемкинъ находился уже въ корпусѣ князя Николая Васильевича Репнина ²⁾ и за отличіе получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса. Въ вагульской битвѣ (21-го іюля) онъ не участвовалъ, охраняя отъ нападенія крымскаго хана нашу подвижную магазинъ. Препоручая Потемкину обезпеченіе продовольствія всей нашей арміи, Румянцевъ сказалъ ему:

— Григорій Александровичъ, доставьте намъ пропитаніе наше на концѣ шпаги вашей.

Взятіе Репнинымъ Измаила (26-го іюля) и покореніе Килин (18-го августа) доставили имени Потемкина почетное мѣсто на ряду съ именами отличившихся. Приостановка военныхъ дѣйствій по случаю зимняго времени дала возможность Потемкину испросить отъ фельдмаршала дозволеніе на отпускъ въ Петербургъ. Въ рекомендательномъ письмѣ отъ Румянцева къ императрицѣ,

¹⁾ Такъ показываетъ графъ А. Н. Самойловъ, но у Бантыша-Каменскаго число турокъ показано въ десять тысячъ.

²⁾ Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 11-го марта 1734 † 12-го мая 1801 г.). Кромѣ мелкихъ замѣтокъ см. о немъ: «Русская Старина»: командованіе корпусомъ въ 1789 г. (т. X, стр. 38—45); отправленіе въ Берлинъ 1798 г. (т. X, 576—578); щедрость его (т. V, 767—769). и проч.

исчислялись заслуги Потемкина и, между прочимъ, значилось: «Сей чиновникъ, имѣющій большія способности, можетъ сдѣлать о землѣ, гдѣ театръ войны состоялъ, обширныя и дальновидныя замѣчанія, которыя по свойствамъ своимъ заслуживаютъ быть удостоенными высочайшаго вниманія и уваженія, а посему и вѣрю ему для донесенія вашему императорскому величеству многія обстоятельства, въ пользѣ службы и славы имперіи относящіяся».

Во время пребыванія Потемкина въ дѣйствующей арміи произошли немаловажныя перемены при дворѣ въ Петербургѣ: братья Орловы, достигнувъ вершины могущества, особенно послѣ чесменской побѣды Алексѣя (26-го іюня 1770 г.) возбудили дѣятельное себѣ противодѣйствіе въ партіи Панина, а въ самой императрицѣ не остыло возникшее уже желаніе отдалить отъ себя Орловыхъ.

Григорій Орловъ, какъ членъ военнаго совѣта, учрежденнаго въ то время при петербургскомъ кабинетѣ, имѣя въ немъ первый голосъ, былъ, можно сказать, главнымъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ. Онъ первый выразилъ мысль о присоединеніи къ русской державѣ христіанскихъ народовъ востока, и Греческій проектъ, объ осуществленіи котораго впоследствии такъ старался Потемкинъ, можно назвать въ сущности созданиемъ Григорія Орлова. Турція, какъ бы въ отплату Россіи за ея намѣренія, сообщила ей чуму, въ концѣ 1770 года занесенную въ наши предѣлы. Весною 1771 года зараза стала распространяться по Россіи съ ужающей силой; наконецъ явилась въ Москвѣ.

Потемкинъ, въ концѣ 1770 года прибывшій въ Петербургъ засталъ Орлова еще главенствующимъ въ совѣтѣ. Императрица приняла его довольно благосклонно; однако Потемкинъ созналъ, а приверженцы обѣихъ партій, Орловыхъ и Панина, дали ему достаточно понять, что дальнѣйшее пребываніе его при дворѣ совершенно неумѣстно. Онъ возвратился въ армію. Должно замѣтить однако, что еще до своего отъѣзда въ дѣйствующую армію въ 1769 г., Потемкинъ успѣлъ склонить на свою сторону двухъ лицъ, приближенныхъ къ Екатеринѣ: ея бібліотекаря Петрова ¹⁾

¹⁾ Василій Петровичъ Петровъ (родился въ 1736 † 4-го декабря 1799 или 1800 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 65; томъ V, 466, 610, 618; 1874 г., томъ XI, 46, 242, 243.

и Ивана Перфильевича Елагина;¹⁾ оба эти приверженца стояли многочисленной партіи, такъ какъ первый, воспѣвая подвиги Потемкина, напоминалъ о немъ императрицѣ, а чрезъ второго, онъ получилъ дозволеніе государыни имѣть съ нею переписку.

Къ удаленію Григорія Орлова изъ Петербурга, осенью того же 1771 года, представился самый благовидный случай. Москва являла тогда картину совершеннаго безначалія: главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ,²⁾ объятый ужасомъ, бѣжалъ изъ Москвы въ свое помѣстье; его примѣру послѣдовали чиновники и дворянство. Чернь предалась грабежу и всякимъ неистовствамъ, умертвила архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго (17-го сентября) и пыталась овладѣть Кремлемъ: рѣшительныя мѣры, принятыя Еропкинымъ,³⁾ удержали мятежъ, грозившій принять страшные размѣры. Тогда въ совѣтѣ императрицы былъ поднятъ вопросъ объ отсылкѣ въ Москву «довѣренной особы, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ отъ совершенной гибели». Особою этой былъ Григорій Орловъ.

Благодаря его геройской отвагѣ и разумной распорядительности, мятежъ былъ усмирень, чума утихла. Черезъ два мѣсяца, въ досадѣ всѣхъ искавшихъ его гибели,—Орловъ здравый и невредимый возвратился въ Петербургъ. Въѣздъ его въ столицу былъ подобенъ шествію древняго триумфатора. Признательная въ заслугамъ и подвигамъ героя, императрица въ честь его приказала воздвигнуть въ Царскомъ Селѣ триумфальные ворота и выбить медаль. Ворота эти на гатчинской дорогѣ существуютъ понынѣ. Въ надписи, со стороны дворцоваго парка, упомянуто, что

¹⁾ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, сенаторъ и обер-гофмейстеръ, собственный секретарь Екатерины II. (род. 1725 † 22-го сентября 1793 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 679, 571; 1872 г., 466; 1873 г., томъ VII, 285; томъ VIII, 887; 1874 г., томъ X, 541—542; томъ XI, 489.

²⁾ Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ (род. 1700 † 1772 г.); неудовольствие противъ австрійскихъ главнокомандующихъ въ семилѣтнюю войну («Рус. Стар.» т. III, 41, 279); бѣгство его изъ Москвы во время мятежа 1771 года; увольненіе отъ должности (VIII, 828) и проч.

³⁾ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, (род. 1724 † 1805 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 46; 1872 г., томъ V, 679—680; 1873 г., томъ VIII, 228, 886—887.

Григорій Орловъ «по его просьбѣ получивъ повелѣніе», поѣхалъ въ Москву.

Съ другой стороны (къ Гатчинѣ), на фронтонѣ воротъ, стихъ изъ оды В. И. Майкова:

«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва».

На золотой медали, выбитой въ честь гр. Орлова, съ одной стороны былъ изображенъ его портретъ, съ другой Курцій бросающійся въ пропасть. Первоначальная надпись была: «такового сына Россія имѣеть»; но, принимая медаль, герой сказалъ Екатеринѣ... «прикажи переимѣнить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества» — и медаль была перечеканена, съ надписью: «И Россія таковыхъ сыновъ имѣеть». ¹⁾

Между тѣмъ Потемкинъ, находившійся въ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ, ознаменовавъ свое участіе блестящими успѣхами: отразилъ нападеніе турокъ на Крайовъ и вытѣснилъ ихъ изъ Цимбры; переселилъ нѣсколько сотъ христіанскихъ семействъ изъ этого города на берега Дуная; сжегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ и провіантскихъ магазиновъ; на походѣ къ рѣкѣ Ольтѣ обратилъ въ бѣгство четырехтысячный турецкій отрядъ (17-го мая 1771 года); блокировалъ крѣпость Турну, а осенью, производя рекогносцировку на правомъ берегу Дуная, подходилъ къ Силистріи. Въ концѣ года опасно заболѣлъ горячкою, но самъ себя использовалъ холодною водою. По выздоровленіи, Потемкинъ занялся наблюденіемъ Силистріи, имѣя въ своемъ вѣдѣніи резервный корпусъ. Въ маѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Яссы Григорій Орловъ для предстоявшихъ конференцій съ турецкими послами, но переговоры открылись въ Фокшанахъ только черезъ два мѣсяца. По словамъ гр. А. Н. Самойлова, Потемкинъ во все пребываніе Орлова былъ на конгрессѣ фокшанскомъ; Бантышъ-Каменскій, напротивъ говоритъ, что Потемкинъ, провелъ это время большею частію въ плафрокѣ, или лежа на софѣ, или погруженный въ размышленіе. Переговоры тянулись два мѣсяца и не привели ни къ чему; а этимъ време-

¹⁾ См. «Р. С.» 1872 г., т. V, стр. 132. Весьма обстоятельный очеркъ жизни Г. Г. Орлова составленъ А. П. Барсуковымъ, «Р. А.» 1873 года.

немъ затмилась звѣзда счастья Орлова при дворѣ: партія графа Никиты Ивановича Панина, пользуясь удаленіемъ любимца, успѣшно воспользовалась всѣми средствами къ его низверженію. Лица, ненавистныя Орлову, приблизились къ императрицѣ; она удостоила особеннымъ вниманіемъ молодого поручика военной гвардіи, Александра Семеновича Васильчикова,¹⁾ чуждаго всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, человѣка скромнаго и въ душѣ благороднѣйшаго. Въ короткое время Васильчиковъ былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго камергера и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Ему покровительствовали, имъ руководили, кромѣ графа Н. И. Панина, графы Захаръ и Иванъ Григорьевичъ Чернышевы²⁾ и князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Барятинскій и всѣми мѣрами поддерживали расположеніе къ нему императрицы.

Фокшанскій конгрессъ не привелъ къ благопріятному концу и Григорій Орловъ отправился обратно въ Петербургъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ Яссахъ. Ровно за годъ передъ тѣмъ, съ торжествомъ привѣтствуемый Орловъ, теперь, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ столицы, былъ встрѣченъ курьеромъ, вручившимъ ему письмо отъ Еватерины, приблизительно слѣдующаго содержания: Вамъ нужно выдержать карантинъ, и я предлагаю вамъ избрать для временнаго пребыванія вашъ гатчинскій дворецъ.³⁾ Орловъ повиновался. Его удаленіе отъ двора продолжалось до конца декабря 1772 года. Въ день рождественскаго сочельника, въ присутствіи Елагина и И. И. Бецкаго, онъ представился императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу; былъ за всюнощной въ дворцовой церкви; на другой день, въ Рождество, былъ на дворцовомъ собраніи. «Екатерина», говоритъ прусскій посланникъ графъ Сольмсъ (въ донесеніи отъ 25-го декабря 1772 года), «какъ будто бы старалась не замѣчать его». Въ первыхъ числахъ января 1773 г. Орловъ выѣхалъ въ Ревель; возвратился въ мартѣ; часто являлся ко двору, гдѣ былъ постоянно встрѣчаемъ ласково, но съ пол-

¹⁾ См. «Русская Старина» 1872 г., томъ V, стр. 466.

²⁾ Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (р. 1722 † 29-го августа 1784 г.), графъ Иванъ Григорьевичъ (род. 1726 † 1729 г.). Первый изъ нихъ былъ своимъ гр. Н. И. Панина.

³⁾ Helbig: Russische Günstlinge, s. 272.

нѣйшимъ равнодушіемъ; до мая мѣсяца, подъ предлогомъ болѣзни, онъ не вступалъ въ отправленіе прежнихъ должностей. Въ теченіи пяти мѣсяцевъ звѣзда временщика еще мерцала послѣдними лучами; наконецъ померкла. Какъ бы въ напоминаніе Еватеринѣ о своемъ пособничествѣ при возведеніи ея на престолъ—Григорій Орловъ поднесъ ей въ день ангела (24-го ноября) огромный алмазъ для украшенія скипетра. Панинъ и Чернышевы торжествовали; благосклонность императрицы къ Васильчикову не ослабѣвала, никто изъ нихъ не ожидалъ, кто однимъ ударомъ разобьетъ ихъ возни и порветъ сѣть интригъ, такъ искусно сплетенную при дворѣ.

Потемкинъ, 21-го апрѣля 1773 года, произведенный въ генерал-поручики, усердно продолжалъ свою службу въ дѣйствующей арміи какъ бы забытый императрицею и ея вельможами. Даже отличія, оказанныя имъ въ теченіи кампаніи 1773 года, остались безъ вознагражденія, хотя онѣ были не маловажны. 7-го іюня онъ принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи Османа паши подъ стѣнами Силистріи; разбилъ семитысячный корпусъ конницы, предводимый Черкестъ-пашею; осенью, по приказанію фельдмаршала гр. Румянцева, успѣшно возвелъ батареи на островѣ противъ Силистріи. Въ концѣ декабря 1773 г. Потемкинъ успѣшилъ испросить отъ главнокомандующаго отпускъ въ Петербургъ, гдѣ, повидимому, отъ не могъ надѣяться на особенно благосклонный приѣмъ. Причиною успѣшнаго его отъѣзда было однако же слѣдующее письмо, полученное имъ отъ императрицы:

«Господинъ генерал-поручикъ и кавалеръ, вы, я чаю, столь упражнены глазнѣемъ на Силистрію, что вамъ нѣвогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предупѣла-ли ваша бомбардирада, но тѣмъ не меньше я увѣрена, что все то, что вы сами предприимлетѣ, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію ко мнѣ персонально и вообще къ любезному отечеству, котораго службу вы любите. Но какъ съ моей стороны я желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то васъ прошу по пустому не вдаваться въ опасности. Вы, читавъ сіе письмо, можетъ-статься здѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобъ вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей

въ васъ; ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна. Екатерина, декабря 4 числа 1773 г. Скажите и бригадиру Павлу Потемкину ¹⁾ спасибо за то, что онъ хорошо турокъ принялъ и угостилъ, когда они пришли за тѣмъ, чтобъ у васъ батарею испортить на острову». (Адресъ рукою же императрицы): «Григорію Александровичу Потемкину» ²⁾

Это письмо — подорожная Потемкина на его пути въ почестямъ—служить вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіемъ его отъ всякихъ подозрѣній въ какихъ-либо проискахъ противъ многочисленныхъ недоброжелателей.

Прибывъ въ Петербургъ въ началѣ января 1774 г., когда дворъ находился въ Царскомъ Селѣ и общественный къ нему доступъ былъ не свободенъ, Потемкинъ обратился къ (внязю) Григорію Орлову съ просьбою доложить императрицѣ о его приѣздѣ. Соизволеніе послѣдовало и онъ представился государынѣ на слѣдующій день въ пять часовъ пополудни. Черезъ нѣсколько дней дворъ возвратился въ Петербургъ и Потемкинъ получилъ приглашеніе посѣщать комнатныя и эрмитажныя собранія. Благоволеніе императрицы къ Потемкину возбудило тревожныя опасенія въ партіи графа Панина и въ покровителяхъ Васильчикова; но всякое противодействие было тщетно. Къ тому же, находясь при дворѣ, Потемкинъ умѣлъ такъ держать себя, что и не вызывалъ Панина на борьбу, хотя въ тожѣ время враждебно относился къ Орловымъ. Наконецъ, ободренный милостивымъ обхожденіемъ императрицы, Потемкинъ, 27-го февраля 1774 года, обратился къ ней съ письмомъ, въ которомъ «принялъ дерзновеніе, павъ во священныхъ стопамъ В. И. В. просить, ежели служба моя достойна, вашего благоволенія, и когда щедрота и высокомонаршая милость ко мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня въ генерал-адъютанты В. И. В.»

¹⁾ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ (впослѣдствіи графъ, род. 1743 † 1796 г.)

Въ «Русской Старинѣ» П. С. Потемкину и его непривлекательной личности посвящены многія страницы. Назначеніе губернаторомъ въ Тверь (т. I, 317);— главнокомандующимъ въ Казань (II, 226). Распоряженія во время Пугачевщины (II, 335, 345). Допросъ Пугачева (351—353). Инструкція данная Екатериною (400—402). Донесеніе (402—404). Биографическія свѣдѣнія о немъ (IV, 574—577). Письма къ И. И. Шувалову (V, 346) и проч.

²⁾ Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общества, т. XIII, стр. 373.

Отвѣтъ не замедилъ. Просьба была исполнена. ¹⁾

7-го марта 1774 г. письмо Екатерины къ А. И. Бибикову о мѣропріятіяхъ противъ свирѣпствовавшей пугачевщины начиналось слѣдующими словами:

«Александръ Ильичъ! Во-первыхъ, скажу вамъ вѣсть новую. Я прошедшаго марта 1-го числа Григорья Александровича Потемкина, по его просьбѣ и желанію къ себѣ, взяла въ генерал-адъютанты; а какъ онъ думаетъ, что вы, любя его, тѣмъ обрадуетея, то сіе къ вамъ и пишу. А кажется мнѣ, что по его во мнѣ вѣрности и заслугамъ, немного для него сдѣлала, но его о томъ удовольствіе трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу». ²⁾

Черезъ недѣлю (15-го марта) Потемкинъ былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка; а въ 20-му числу того-же мѣсяца А. С. Васильчиковъ былъ удаленъ отъ двора въ Москву, осыпанный милостями. Гельбигъ, отзываясь объ этомъ мимолетномъ фаворитѣ съ величайшею похвалою, говоритъ: ³⁾ ... «Васильчиковъ, менѣе чѣмъ въ два года, получилъ, по печатнымъ извѣстіямъ, деньгами и вещами слѣдующее: 100 тысячъ рублей наличными деньгами, семь тысячъ душъ крестьянъ, дававшихъ по меньшей мѣрѣ 35,000 ежегоднаго дохода; бриліантовъ на 60,000 руб.; серебряный сервизъ въ 50,000 рублей; пенсію въ 20,000 руб. ежегодно; великолѣпно меблированный домъ въ Петербургѣ, на дворцовой площади, противъ оконъ императрицныхъ покоевъ. Этотъ домъ былъ выстроенъ по собственному начертанію императрицы повелѣвшей, чтобы по величинѣ не было ему равнаго во всемъ Петербургѣ. Но такъ какъ домъ этотъ отстроился уже въ то время, какъ Васильчиковъ былъ въ Москвѣ, Екатерина купила его у отсутствующаго хозяина за сто т. руб. Вскорѣ по удаленіи своемъ отъ двора, Васильчиковъ женился и былъ очень счастливъ въ супружеской жизни своей. Часто говорилъ онъ потомъ: «дѣйствительныя заслуги государственныя

¹⁾ Оба письма напечатаны Бантышъ-Каменскимъ (Словарь изд. 1836 г. Часть IV, стр. 201, и Біографіи генералисимусовъ 1840 г. Часть II, стр. 61—62).

²⁾ См. «Р. А.» 1866 г., стр. 396, и Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1874 г., томъ XIII, стр. 395.

³⁾ Russische Günstlinge, s.s. 384—385.

никогда не дали бы мнѣ тѣхъ богатствъ, какія приобрѣлъ я, благодаря слѣпому случаю».

Между тѣмъ повышеніе Потемкина возрастало съ каждымъ днемъ: 19-го апрѣля (наканунѣ Свѣтлаго праздника) король польскій Станиславъ-Августъ пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла; 21-го апрѣля, въ день рожденія императрицы, онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Бантышъ-Каменскій рассказываетъ, будто вскорѣ послѣ этого Потемкинъ внезапно удался въ Александро-Невскую лавру, отпустилъ бороду, надѣлъ монашеское платье. Но нашъ почтенный историкъ перемѣшалъ года, и событія 1764 г. отнесъ къ 1774 г. Въ теченіе 1774 г. Потемкинъ ни на одинъ день не отлучался отъ двора, принимая дѣятельнѣйшее участіе въ распоряженіяхъ правительства о преслѣдованіи Пугачева и его сообщниковъ. Довѣріе и благоволеніе государыни къ Григорію Александровичу было тогда неограничено. Такъ въ томъ же апрѣлѣ 1774 г. она писала къ нему:

«Хочется мнѣ весьма всѣ произвожденія сегодня кончить, какъ гвардейскія, такъ и армейскія; но не вѣдаю, успѣю-ли и изъ сего мнѣ ожидать потомъ будетъ много недовольныхъ людей и лицъ, вторыхъ всѣхъ, чаю, сегодня же, или завтра увижу и таковыя дни для меня такъ пріятны, какъ пилюли принимать. Фу! какъ хорошо быть на моемъ мѣстѣ! Allons, encouragez moi avec quelque chose (ободрите же меня чѣмъ-нибудь). Вѣдь Павлу Сѣргѣевичу (Потемкину) достается въ генерал-маіоры; изволишь-ли это вѣдать? Велю ему ѣхать къ Бибикову. Объ ласкѣ моей упомянуть нечего: ты самъ видѣлъ; какова я была вчерась, такова и сегодня. Еслибъ ты мнѣ пожаловалъ три дни сроку еще, я-бъ все съ большимъ порядкомъ устроила и приготовила, а черезъ то ничего потеряно не было бы. Прощай, сударикъ».¹⁾

Въ исходѣ апрѣля 1774 г. Потемкину было отведено помѣщеніе въ покоехъ дворца; весну и лѣто, до поздней осени онъ безотлучно находился при императрицѣ; былъ непремѣннымъ ея совѣтникомъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ; онъ принялъ на себя посредничество, чтобы чрезъ графа Никиту Ивановича убѣдить его брата, графа Петра Ивановича Панина,²⁾ принять

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. Об. т. XIII, стр. 403.

²⁾ Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (р. 1721 † 1789 г.). См. Біографическій очеркъ («Русская Старина», т. VIII, 339—345); его дѣйствія въ низовомъ

на себя великій трудъ окончательнаго истребленія пугачевщины; способствовалъ къ скорѣйшему заключенію мира съ Турціею (10-го іюля); обратилъ вниманіе императрицы на опасность, угрожающую тогда Россіи съ юго-запада: духъ пугачевщины, проникнувъ въ казакамъ-запорожцамъ, могъ охватить мятежемъ побережья Днѣпра, по этому Потемкинъ подалъ Екатеринѣ мысль объ уничтоженіи Сѣчи Запорожской. Въ указѣ, данномъ Потемкину (отъ 21-го іюля 1774 года) о прекращеніи беспокійствъ и замѣшательства въ земляхъ Новороссійскихъ, съ Сѣчею Запорожскою, онъ былъ наименованъ «Новороссійской губерніи генерал-губернаторъ». Въ декабрѣ 1774 г. Потемкинъ былъ генерал-аншефомъ, вице-президентомъ военной коллегіи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

III.

Первое полугодіе 1775 г. было посвящено Потемкинымъ важному дѣлу — уничтоженію Сѣчи Запорожской. Согласно его распоряженіямъ и данной имъ инструкціи, генерал-поручикъ Петръ Авраамовичъ Текеллій, съ сильнымъ отрядомъ войскъ явился на Запорожье. Дѣло обошлось безъ кровопролитія, довольно мирно. Сѣча, или главное мѣсто казаковъ (Екатеринославской губерніи и уѣзда, близъ мѣстечка Никополя, нынѣ село Покровское), было занято; войсковыя регалии (бунчуки, булавы и проч.) при депутаціи были отосланы въ Петербургъ, а 3-го августа 1775 г. послѣдовалъ манифестъ о включеніи земли Запорожской въ составъ Новороссійской губерніи. Съ выборными атаманами, прибывшими въ Петербургъ нужна была особая дипломатика: подъ личиною простоты они были не прочь похитрить, полукавать, выговорить кой-какія льготы и привилегіи. Но Потемкинъ побѣдилъ наивныхъ хитрецовъ ихъ же оружіемъ: простота и привѣтливость его обхожденія, умѣнье польстить простодушнымъ воякамъ очаровали ихъ и батько Грыцко (такъ запорожцы прозвали Потемкина), усилить русскія войска присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ храбрыхъ и вѣрныхъ

краѣ въ 1774 г. (т. II, 117, 226, 227, 330, 331, 334, 336, 356, 357); письма къ нему архіепископа Веніаміна (II, 413—414)—къ Д. И. фонъ-Везину (VIII, 907—909) и проч.

черноморцевъ. Хотя вѣковое сочувствіе запорожцевъ въ Россіи было до нѣкоторой степени порукою за ихъ покорность, однако же, въ виду недавнихъ мятежей яицкихъ (уральскихъ) и участія въ пугачевщинѣ донскихъ казаковъ, присоединеніе Запорожья было дѣломъ, требовавшимъ много ума и отважности, которыя и были выказаны Потемкинымъ.

Милости и щедроты Екатерины къ ея любимцу, превосходившія его заслуги, продолжались и въ теченіе 1775 года. 10-го іюля, въ день празднованія мира съ Портою Оттоманскою, Потемкинъ былъ возведенъ въ графское достоинство російской имперіи «за споспѣшествованіе миру добрыми совѣтами», получилъ золотую шпагу, осыпанную алмазами: «за храбрыя и неутомимыя труды»; портретъ императрицы, осыпанный брилліантами, для ношенія на груди на андреевской лентѣ: «въ знакъ монаршаго благоволенія». Въ ноябрѣ того же 1775 г., гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ, какъ старшій кавалеръ ордена св. Георгія, поднесъ императрицѣ объясненіе о службѣ гр. Потемкина, удостоивая его въ 1-й классъ военнаго ордена. Однако же Потемкинъ отклонилъ отъ себя незаслуженную награду, довольствуясь орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Въ образѣ жизни своей новый вельможа являлъ причудливую смѣсь роскоши съ крайнею простотою, дѣятельности—съ праздностью. Живя въ отведенныхъ для него покоехъ Зимняго дворца, онъ, посѣщая эрмитажныя собранія, удивлялъ присутствующихъ пышностью наряда и нецеремонностью обхожденія, не стѣсняясь въ привычкахъ.¹⁾ Иногда по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей комнаты: сидѣлъ въ комнатѣ, босой, не чесанный, не мытый, грызя ногти. Тѣже странности проявлялись и въ его вкусѣ: затѣливыя блюда изящной кухни и самыя простонародныя яства смѣнялись у него за столомъ, въ угоду страннымъ причудамъ и прихотямъ; отъ ананасовъ или персиковъ баловень счастія переходилъ къ рѣдкѣ или клюквѣ. Во всякомъ удовольствіи—возможное и исполнимое не привлекало его желаній. И въ нравственномъ и

¹⁾ Въ шутиломъ уставѣ для посѣтителей эрмитажныхъ собраній, собственноручно написанномъ Екатериною II, третій параграфъ относился къ Потемкину: «быть веселымъ, однако-жъ ничего не протить, не ломать и ничего не грызть».

въ физическомъ отношеніяхъ пресыщеніе было во всю жизнь Потемкина его неизлечимымъ недугомъ.

Новый 1776 г. начался для него подь самыми благопріятными предзнаменованіями. Государыня пожаловала ему въ присоединенной отъ Польши, Бѣлоруссіи, воеводство Кричевское, заселенное 14,000 душъ; подарила ему Аничковъ дворець и 100,000 рублей на его поправку и мебелировку; пожаловала Потемкина поручикомъ кавалергардскаго корпуса; исходатайствовала ему княжеское достоинство римской имперіи съ титуломъ свѣтлѣйшаго; удостоила званія статс-дамы его родительницу, Дарью Васильеву; приблизила ко двору его сестерь и племянницъ. Могущество Потемкина заставило многихъ европейскихъ государей искать въ немъ и, такимъ образомъ, онъ получилъ ордена: прусскій—Чернаго Орла, датскій—Слона, шведскій—Серафима. При всей наружной безпечности и самоувѣренности, Потемкинъ однако же зорко слѣдилъ за недавними врагами и за лицами, которые могли бы преградить ему путь на поприщѣ ненасытнаго честолюбія. Еще въ 1775 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, государынѣ представлялся генерал-поручикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ:¹⁾ Тридцати шести лѣтній вдовецъ,²⁾ красавецъ собою, умный, превосходно образованный, одинъ изъ недавнихъ побѣдителей Пугачева—онъ обратилъ на себя особенное, но справедливое вниманіе императрицы. Рассказываютъ, будто чувство зависти до такой степени овладѣло Потемкинымъ, что онъ рѣшился на поступокъ, приличный итальянскому герцогу XVI вѣка, но не русскому вельможѣ XVIII столѣтія. Увѣряють, будто бы онъ уговорилъ Петра Ампліевича Шепелева,³⁾ изъ-за ничтожной причины придратъся къ кн. Голицыну и вызвать его на поединокъ. Петръ Ампліевичъ Шепелевъ исполнилъ желаніе своего покровителя—и 11-го ноября 1775 г. убилъ кн. Голицына на поединкѣ «измѣнническимъ образомъ». Достойною наградою Шепелева за этотъ подвигъ впослѣдствіи была рука племянницы

¹⁾ Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ (р. 15-го декабря 1738 † 11-го ноября 1775 г.).

²⁾ Женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Долгорукой (р. 15-го ноября 1745 † 26-го марта 1770 г.).

³⁾ Петръ Ампліевичъ Шепелевъ р. 29-го іюня 1737 † 8-го ноября 1828 г. (См. «Русская Старина», т. IV, стр. 390).

Потемкина, Надежды Васильевны Измайловой, рожденной Энгельгардъ,¹⁾ женщины до того безобразной, что вельможный дядя самъ называлъ ее: «Надежда-безнадежная».²⁾

Въ декабрѣ 1775 года, въ бытность въ Москвѣ, императрица просила фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева, рекомендовать ей двухъ молодыхъ людей для занятія секретарской должности при ея кабинетѣ. Румянцева представилъ ей, какъ способнѣйшихъ, двухъ уроженцевъ Украйны, пользовавшихся особеннымъ покровительствомъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.³⁾ То были — Петръ Васильевичъ Завадовскій⁴⁾ и Александръ Андреевичъ Безбородко.⁵⁾

Этотъ выборъ былъ неприятенъ Потемкину. Покровительство, оказываемое молодымъ людямъ Румянцевымъ и Разумовскимъ, расположеніе къ нимъ князя Григорія Орлова, — все это заставило могучаго любимца опасаться происковъ обоихъ новыхъ кабинет-секретарей. Государыня, до времени, въ равной степени награждала ихъ усердіе; однако же въ маѣ 1776 года ея особенная благосклонность къ Завадовскому не укрылась отъ Потемкина, тѣмъ болѣе, что императрица, благоволя кабинет-секретарю, начала оказывать Потемкину нѣкоторую холодность. Чувство оскорбленнаго самолюбія заглушило въ Потемкинѣ самую осторожность и онъ подалъ прошеніе императрицѣ объ увольненіи его въ отпускъ въ Новгородъ для инспекціи войскъ. На этотъ отпускъ государыня соизволила. Отсутствіе Потемкина поспособство-

¹⁾ Она овдовѣла въ 1791 г.; вышла за Шепелева въ 1783 г.

²⁾ См. «Русская Старина», т. IV, стр. 390.

³⁾ Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (родился 1728 † 9-го января 1803 г.). См. «Русская Старина», т. I, 18, 216, 233, 234 (изд. второе: 44, 99, 116, 117); т. II, 106, 194, 197; т. III, 594, 596; т. IV, 60, 67, 379, 385, 693; т. V, 130; т. VIII, 706; т. XI, 244.

⁴⁾ Петръ Васильевичъ Завадовскій (впослѣдствіи графъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ, министръ народнаго просвѣщенія и предсѣдатель департамента законовъ, род. 1733 † 10-го января 1812 г.). См. «Русская Старина», т. IV, 390; т. V, 245, 246; т. VII, 491; т. VIII, 739; т. X, 781; т. XI, 54.

⁵⁾ Александръ Андреевичъ Безбородко (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, великій канцлеръ россійской имперіи, родился 14-го марта 1747 † 6-го апрѣля 1799 г.). См. «Русская Старина», т. III, 47; т. IV, 308, 571; т. V, 771; т. VI, 406, 413, 420, 421, 424, 425; т. VIII, 732—733, 887—889; т. X, 45, 772—773; т. XI 241—242.

вало Завадовскому занять мѣсто довѣреннаго лица при Екатеринѣ и на него посыпались обильныя милости. Гельбигъ ¹⁾ приводитъ въ книгѣ своей нѣкоторыя цифровыя данныя денежныхъ наградъ, полученныхъ Завадовскимъ въ бытность его въ милости. Въ маѣ 1776 года ему было пожаловано три тысячи душъ въ Малороссіи; при удаленіи отъ двора (1777 г.) восемьдесятъ тысячъ рублей, одновременно, пять тысячъ пенсій; тысяча восемьсотъ душъ крестьянъ въ Россіи и двѣ тысячи крестьянъ въ Польшѣ. Наконецъ, ему подарили серебряный сервизъ въ 80,000 руб. Пользуясь выгоднымъ своимъ положеніемъ при дворѣ, Завадовскій, присоединяясь къ партіи, враждебной Потемкину, имѣлъ самонадѣянность отважиться на попытку поколебать довѣріе къ нему императрицы. Онъ рассчитывалъ на содѣйствіе Григорія Орлова; но съ опальнымъ вельможею произошла тогда важная перемѣна: страстно влюбленный въ двоюродную свою сестру, фрейлину Екатерину Николаевну Зиновьеву, ²⁾ онъ отдался отъ всякаго вмѣшательства, какъ въ дѣла правительственныя, такъ и придворныя. Въ слѣдующемъ 1777 году (вѣрнѣе, въ томъ же 1776) Орловъ на ней женился, изъ-за чего, какъ извѣстно, въ совѣтѣ императрицы возникло цѣлое дѣло, рѣшеніе котораго угрожало Орлову расторгеніемъ брака. Однако же императрица, признательная къ его заслугамъ, не только признала бракъ законнымъ, но; щедро одаривъ новобрачныхъ, назначила молодую княгиню Орлову въ статсъ-дамы. Потемкинъ возвратился въ Петербургъ вскорѣ послѣ этой свадьбы. ³⁾

Съ возвращеніемъ Потемкина въ Петербургъ всѣ возни его недоброжелателей разсѣялись прахомъ: 8-го іюня 1777 г. Завадовскому данъ былъ отпускъ въ Малороссію, откуда онъ возвра-

¹⁾ Helbig: Russische Günstlinge, 397—398.

²⁾ Екатерина Николаевна Зиновьева, по мужу княгиня Орлова, родилась 1752 + 1782 г. См. «Русская Старина», томъ IV. 312.

³⁾ О продолжительности отсутствія Потемкина въ отпуску встрѣчаемъ противорѣчія. Державинъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 112) говоритъ: Въ половинѣ 1776 года случилось, что кн. Потемкинъ, бывшій любимецъ, впасть при дворѣ въ немилость и долженъ былъ проживать нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Гр. А. Н. Самойловъ говоритъ, что дозволеніе ѣхать въ отпускъ дано ему было съ условіемъ и чтобы время отпуска изъ Петербурга не продолжалось болѣе какъ три недѣли, («Р. А.» 1867 г., стр. 1207). Въ примѣчаніи 12 къ статьѣ «Случайные люди въ Россіи, («Р. А.» 1865 г., стр. 405) сказано, что князь Орловъ женился въ іюнѣ 1776 года и въ тоже время Потемкинъ опять явился

тился въ маѣ слѣдующаго года. Къ чести Потемкина замѣтимъ, что онъ, признавая въ недавнемъ своемъ противникѣ, несомнѣныя способности, не препятствовалъ ему, личными своими заслугами, пролагать себѣ путь къ повышеніямъ.

Не распространяясь о дѣятельности Потемкина въ 1777 г. (посвященной преимущественно заботамъ о Новороссійскомъ краѣ, важнымъ преобразованіямъ въ казачьихъ войскахъ и мѣропріятіямъ къ осуществленію «греческаго проефта»), остановимся на документахъ, знакомящихъ съ нравственнымъ складомъ его характера.

Извѣстно, что благосклонность императрицы Екаторины къ Потемкину распространилась и на его родственницъ: мать его, Дарья Васильевна, была пожалована въ статс-дамы (1776); племянницы Потемкина и дочери сестры его, Мары Александровны, удостоены были званія фрейлинъ: Александра (10-го іюля 1775 г.; камер-фрейлина 24-го ноября 1777 г.; статс-дама 12-го ноября 1787 г.; обер-гофмейстерина 1-го января 1824 г.)¹⁾ Варвара (въ 1777 году). Надежда (въ 1777 году). Екатерина (1776 г.); статс-дама 17-го августа 1786 г.; кавалерственная дама ордена св. Екаторины 1-го класса 18-го апрѣля 1809 г.; гофмейстерина 1-го января 1824 г. Татьяна (11-го декабря 1781 г.). Стараніями Потемкина деревенскія барышни получили самое блестящее образованіе и были украшеніемъ двора Екаторины. Александра и Варвара были любимицами вельможнаго дяди. Всѣ племянницы Потемкина отличались красотою и существуетъ преданіе, что каждый разъ, когда онъ его посѣщали, онъ дарилъ имъ по червонцу, а Екаторинѣ Васильевнѣ — бриліанты. «Старшая изъ нихъ — говоритъ Вигель въ своихъ «Запискахъ»²⁾ — уже неспособна была къ принятію блестящей образованности екатерининскаго двора; но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась

въ Петербургъ. Наконецъ въ біографіи князя Григорія Григорьевича Орлова («Р. А.» 1873 г., стр. 134) сказано, что онъ, вѣнчался въ іюнѣ 1777 года; — на стр. 135 говорится, что въ 1777 году онъ съ женою ѣздилъ въ Швейцарію. Если признать точность этой цифры, то окажется, что отсутствіе Потемкина изъ Петербурга продолжалось съ мая 1776 года, что едва ли могло быть.

¹⁾ См. «Русская Старина», томъ II, стр. 474—475.

²⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, томъ I, стр. 45—47.

въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія... Она не роза, но жила близъ нея и отпечатокъ величія Екаторины долго еще блисталъ на ней».

Характеръ второй племянницы Потемкина, Варвары Васильевны, вполне обрисовывается въ нижеслѣдующей ея перепискѣ. Она по-своему любила дядю, но терзала его ревностью, капризами, непостоянствомъ и безпрестанными просьбами о пожалованіи мѣстъ и чиновъ ея друзьямъ и знакомымъ. При всемъ желаніи угождать избалованной племянницѣ, Потемкинъ нерѣдко былъ поставляемъ въ необходимость отказывать ей. Выйдя замужъ за князя Сергѣя Ѳеодоровича Голицына (въ январѣ 1779 года), Варвара Васильевна была примѣрною женою, матерью и хозяйкою. Изъ десяти сыновей ея, девять занимали видныя мѣста и имѣли почетную дѣятельность. Сама княгиня Голицына любила литературу, занималась ею,¹⁾ соединяла вокругъ себя артистовъ и литераторовъ, и постояннымъ посѣтителемъ этого кружка, въ числѣ прочихъ, былъ И. А. Крыловъ. Ее воспѣвалъ Державинъ (пять послѣднихъ строфъ стихотворенія: «Осень во время осады Очакова») называя «златовласою Пльнирою». Еще въ 1780 году (когда Варварѣ Васильевнѣ было двадцать три года) бардъ екатерининскаго вѣка сказалъ о ней:

«Благопріятный нравъ, черты твои прекрасны
Обворожаютъ всѣхъ въ единый мигъ тобой:
Безъ разсужденія сердца тебѣ подвластны
И съ разсужденіемъ всѣмъ плѣнъ пріятель твой!»

Въ пяти строфахъ оды: «Осень во время осады Очакова» (см. Сочиненія Державина изд. 1864 г., въ 4 д. л., томъ I, стр. 227—230), написанной Державинымъ въ Тамбовѣ и посвященной кн. С. Ѳ. Голицыну, супруга котораго проживала въ своемъ селѣ Зубриловкѣ, находимъ нѣкоторые намекы на отеческія отношенія Потемкина къ племянницѣ:

Твоя супруга златовласа,
Пльнира сердцемъ и умомъ.
Давно желаннаго ждеть гласа,
Когда ты къ ней прійдешь въ домъ;

¹⁾ Княгиню В. В. Голицыною сочиненъ романъ: «Заблужденія отъ любви или письма отъ Фанелін къ Мильфурту». 2 части. Тамбовъ. 1790 г., 8° (у Сопкина № 4.136. у Смирдина 8.815).

Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ,
На матеръ нѣжны взоры вскинешь
И въ радости не смѣнешъ словъ:

Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь,
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь:
Геройскія дѣла расскажешь,
Ея ты дяди и отца,
И духъ и умъ его докажешь
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

.....
Она къ тебѣ вседневно пишетъ,
Твердить то славу, то любовь;
То жалостью, то нѣгой дышетъ;
То страхъ ея смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви;
Мятеся, борется, вѣщаетъ:
Коль долгъ велить, ты лавры рви!

Вигель, лично знавшій княгиню Варвару Васильевну Голицыну, говорить къ своихъ запискахъ:¹⁾

«Когда я началъ знать ее, такое названіе («Плѣнника сердцемъ и умомъ») уже ей не было прилично, хотя черты ея были неподобныя и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія, она нивогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе... «Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ (Михаила) и терпѣть не могла противорѣчій, а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать».

Но мы не видимъ надобности приводить дальнѣйшихъ отзывовъ о характерѣ княгини Варвары Васильевны Голицыной, представляя переписку, въ которой, тогда еще двадцатилѣтняя, племянница Потемкина выказываетъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны своего нрава. Замѣтимъ только, что Потемкину въ годъ его

¹⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, томъ I, стр. 130—132.

переписки было уже тридцать восемь лѣтъ; въ этомъ возрастѣ человѣку должны быть чужды юношескія увлеченія химерической любовью, особенно такому человѣку, каковъ былъ Потемкинъ. Но этотъ исполинъ царствованія Екатерины, какъ истый сынъ своего вѣка, былъ покорнымъ данникомъ духа времени. Пресыщенный любовью, не встрѣчая отказа страстнымъ своимъ желаніямъ и въ самыхъ непреклонныхъ красавицахъ, онъ искалъ вдохновенія для души въ полу-идеальной, полу-страстной любви молоденькой дѣвушки, близкой родственницы. Въ чувствахъ своихъ къ Варварѣ Энгельгардтъ Потемкинъ соединилъ чистую нѣжность отца, страстность влюбленнаго и покорность слабохарактернаго мужа. Любопытно, что въ одинъ и тотъ же годъ (1777) Григорій Орловъ, очарованный своею двоюродною сестрою, женился на ней, а Потемкинъ писалъ нѣжные письма въ своей племянницѣ. Характеристическая черта нравовъ того времени.

Эта переписка относится къ 1777—1779 годамъ и составляетъ одинъ изъ романическихъ эпизодовъ въ жизни Потемкина.

Варвара Энгельгардтъ — Потемкину.

„Я никакъ бы не думала, что вы, осердясь, ушли вчера отъ меня. Хорошо, бабушка, положимъ, что я вамъ досадила; да вѣдь вы знаете, когда я разосплюсь, то сама себя не помню; къ тому же, прежде, я получила письмо отъ бабушки, которое меня взбѣсило, то можно-ль уйти?... За это теперь я вижу, что вы меня ничего ¹⁾ не любите. Когда-бъ вы знали, чего мнѣ стоила эта ночь, душа злая моя, ангелъ мой, невзыщи пожалуста, мое сокровище безцѣнное; приди, жизнь моя, ко мнѣ теперь, ей-Богу грустно, моя душа, напиши хоть строчку, утѣшь свою Вариньку.

„Виновата я предъ вами, только Бога ради несердись, прости, бабушка; цѣлую миллионы разъ и думаю, какъ вы теперь на меня сердиты, то вамъ это непріятно.

Потемкинъ — Варварѣ Энгельгардтъ.

„Варинька, душа моя, ворожея твоя дура; она ничего не знаетъ. Немного было угадать, что ты письмо, пріѣхавши, получишь; а того она, дура, не узнала, что я самъ, сегодня, буду тебя цѣловать. Прости, моя жизнь милая, ангелъ мой, улыбочка моя милая.

1) Нисколько.

„Моя божественная Варинька, ты видишь, сколько я имѣю заботы; мнѣ твоя болѣзнь тяжелѣе собственной жизни. Послушай меня, а больше государыню, которая приказала весьма милостиво тебѣ сказать, чтобы ты пила спа-вассеръ, и повуда будешь пить, не ѣсть горячихъ пироговъ, ни хлѣба теплаго. Она увѣрять изволить, что ты, выпивши стакановъ пять, будешь здорова и хандры не будетъ, да при этомъ движеніе должно имѣть.

„Прости, mon amour, mon âme, mon tout ce que j'aime (моя любовь, моя душа, мое все, что я люблю).

„Варинька, когда я тебя люблю до безконечности, когда мой духъ не имѣетъ, oprичъ тебя, другой пищи, то если ты этому даешь довольную цѣну; мудроно-ли мнѣ вѣрить, когда ты обѣщала меня любить вѣчно. Я люблю тебя, душа моя, а какъ?... Такъ какъ еще никого не любилъ... Не дивись, ежели ты видишь меня иногда въ грусти. Бываютъ движенія невольныя, и я чувствую очень, что нѣтъ резона; токмо владѣть собою не могу. Прости мое божество милое; я цѣлую всю тебя.

„Варвара Васильевна, развѣ такъ ты должна встрѣчать мою ласку? Что ты думаешь, я неувѣренъ въ твоемъ безкорыстіи? А я думаю мнѣ вы позволите поступать по моей иногда волѣ съ вами, а особливо въ вещахъ, которыхъ гораздо больше у меня, нежели у васъ. Знайте и то, что я всѣхъ васъ дарю, и впередъ хочу, въ иманины, прилагать нѣчто и денегъ. Потому что вамъ жить надобно сходственно съ моею знатностію. Вы меня огорчили, встрѣтивши мою ласку сердечную такъ грубо.

„Для чего выключать;¹⁾ до воскресенья еще далеко, можетъ быть, дастъ Богъ здоровья, и какъ мнѣ играть государыней. Она положила вамъ быть въ кадрили; вѣдь это не дежурство, что одна за другую ходятъ. Я, Варвара Васильевна, самъ не могу, а ты вѣрно была бы здорова, ежели бы слушалась меня.

„Не забылъ я тебя, Варинька, и не забуду никогда, а каковъ я вчера былъ, оставшись, то тебѣ расскажетъ Зомеръ,²⁾ да и теперь не могу такъ, что не могъ остаться сидѣть у государыни. Я еще, душенька,

¹⁾ Говорится о кадрили на придворномъ балѣ, въ которой должна была танцовать Варвара Васильевна.

²⁾ Повѣренный свѣтлѣйшаго, разносившій его сердечныя письма.

въ первый разъ вижу, что ты разсудила отвѣсть мою душу, когда я въ превеличайшей грусти. Я, какъ ни слабъ, но приду къ тебѣ... Жизнь моя, ни что мнѣ такъ не мило, какъ ты.

„Варинька, жизнь моя, ангелъ мой; пріѣзжай, голубушка, сударга моя, коли меня любишь. Государыня сама изволила приказать, чтобъ ты была завтра на ужинѣ у Льва Александровича (Нарышкина?) а Надеждѣ Васильевнѣ безъ тебя нечего дѣлать... Сударга, одѣнься хорошенько и будь хороша и мила; ангелъ мой, цѣлую тебя крѣпко.

„Ангелъ мой, твоя ласка столько же мнѣ пріятна, какъ любезна. Другъ безцѣнный, сочти мою любовь къ себѣ и увидишь, что ты моя жизнь и утѣха, мой ангелъ; я тебя цѣлую безъ счета, а думаю еще больше. Прости, твой вѣрнѣйшій по смерть П.

„Голубушка, Варинька, душа моя, ежели это твой портретъ, то онъ не схожъ, а похожъ онъ на твою Грушку. Прости, мои губки сладкія, приходи обѣдать, я и сестеръ звалъ.

„Варинька, Варюшечка, душа моя, я посылаю Зомера къ вамъ, онъ мнѣ сказалъ, что у тебя голова болитъ; жаль мнѣ, душа моя; однакожъ будь весела и съ пріятной твоей улыбочкой. Ангелъ мой, естлибъ знала, сколько я тебя люблю. Adieu mon ангелъ.

„Матинька Варинька моя, другъ мой, жизнь моя, я тебя цѣлую. Завтра, послѣ концерта, буду самъ; я бы и ранѣе пріѣхалъ, но никакъ нельзя. О гофмейстеринѣ просилъ и пріѣхавши тебѣ расскажу. Кажется хорошо.

„Прости, мой ангелъ, посылаю тебѣ дынь.

„Матушка, Варинька, душа моя; жизнь моя. Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я, идучи отъ тебя, тебя укладывалъ и разцѣловалъ, и одѣлъ шлафракомъ и одѣяломъ, и перекрестилъ.

„Мнѣ, душенька, легче, я желаю, чтобъ тебѣ было веселѣе безъ меня, нежели мнѣ безъ тебя, и чтобъ ты помнила обо мнѣ, какъ я о тебѣ. Александръ Васильевичъ (Энгельгардтъ) легче; мнѣ, моя душа милая, скучно, что я тебя не увижу. Мой ангелъ, Варинька, кто тебя можетъ любить столько, какъ я. Мой другъ, губки мои любезныя, матушка, сокровище мое. Я въ субботу буду въ тебѣ, а для того тебѣ сюда ѣхать не совѣтую. Прости, моя жизнь, цѣлую тебя.

„Завтра пойду въ баню.

„Варинька, другъ мой сердечный, спасибо за два письма, только для чего ты мнѣ ничего не приказала съ Ниволаемъ Петровичемъ; онъ сегодня пріѣхалъ. Варинька, моя милая, я тебя люблю, какъ душу... Посылаю тебѣ огурцовъ; о купцѣ еще неладится; буду еще просить; ему было отъ (государыни) отказано прежде еще. Теперь сказала, что послѣ еще со мной поговорить; стараться всячески стану, всячески просить.

„Прости, мой ангелъ, цѣлую тебя.

„Варенька, ты дурочка и каналья неблагодарная; можно-ли тебѣ сказать: Варинька не можетъ, а Грипинька ничего не чувствуетъ? Я за это, пришедши, тебѣ уши выдеру. Матинька, пожалуй, не будь докторомъ сама себѣ; кровь пустить не мѣрено, только можно этимъ худо сдѣлать.

„Льва Александровича я сегодня увижу и скажу.

„Варинька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, моя душа, что ты меня любишь, отъ этого я буду здоровъ, веселъ, счастливъ и покоенъ; моя душа, я весь полонъ тобою, моя красавица. Прощай, цѣлую тебя всю.

„Красавица, ангелъ; тебѣ-ли остается мнѣ изъяснить, что ты достойна любви моей. Душа моя, любовница нѣжная. Побѣда твоя надо мною и сильна, и вѣчна. Если ты меня любишь — я счастливъ, а ежели ты знаешь, сколько я тебя люблю, то не остается тебѣ желать чего-либо больше. Другъ, я тебѣ вѣчно преданъ...

„Сударка, я очень мучился во всю ночь головою; теперь получше; приду уже тебя цѣловать.

„Матушка, жизнь моя. Не забуду, конечно, говорить объ локоняхъ, тѣмъ больше, что это тебя утѣшаетъ. Я не смѣлъ къ тебѣ писать; мнѣ казалось, что я подъ гнѣвомъ; потому что вчера съ Зомеромъ весьма сухо приказала, что ты такъ хочешь. Ты мнѣ, мой ангелъ любезной, вчера приказала, чтобъ я о тебѣ вспомнилъ. Красавица моя; могу-ли я забыть когда-нибудь душу свою. Варинька любезная, ты живешь въ моемъ сердцѣ и будешь тамъ вѣчно. Цѣлую тебя, жизнь моя.

„Государыня сегодня изволила кровь пустить, и потому не встаети ее беспокоить. Что голова болитъ, о томъ жалѣю, а еще больше, что цѣлый день тебя не видалъ. Пойду къ государынѣ и послѣ къ вамъ зайду.

„Жизнь моя, Варинька; у меня такъ болѣла грудь, что я отъ роду этакова мученья не имѣлъ, завтра буду въ городѣ; прости, моя душенька; пріѣзжай ко мнѣ въ лѣтній (дворецъ) обѣдать.

„Варинька, голубушка; я, какъ собака, не могу;¹⁾ всю ночь не могъ уснуть и за столъ не пойду. Какова ты, жизнь моя? Завтра, послѣ обѣда, буду. Прости, душа милая. Цѣлую тебя.

„Варинька, жизнь моя, ангель мой. Я завтра буду въ городѣ, и теперь хочу знать, какова ты, жизнь моя? Отпиши, голубушка, гдѣ ты завтра будешь у меня—въ Аничковѣ или во дворцѣ. Прости миленькая, цѣлую тебя.

„Варинька, душенька; я пріѣхалъ и голова такъ закружилась, что насилу дошелъ до комнаты. Я чрезвычайно хилъ сталъ. Государыня вышла и все вверху, а я одинъ лежу. Моя жизнь, прости, цѣлую тебя, сударка моя, душенька моя; посылаю тебѣ мое благословеніе и Надеждѣ Васильевнѣ.

„Варюшечка, душа моя, не смѣй не мочь;²⁾ я за это высѣку. Сударушка моя, я видѣлъ тебя во снѣ; очень хорошо. Ужо одѣнусь и приду тебя цѣловать.

„У меня, голубушка, голова болитъ и грудь не такъ, какъ вчера. Прости, сударка, я тебя цѣлую безъ счету.

„Можно-ли, Варинька, ты сегодня не вспомнила меня и не пришла провѣдать?

„Варинька, мой другъ безцѣнной, душа моя, какова ты?.. а я за немогъ вчера; все тошно мнѣ, да голова болитъ; сегодня думаю входить. Прости, моя жизнь, цѣлую тебя.

(1778).

„Варинька, жизнь моя, здорова-(ли); съ Новымъ годомъ, будь здорова и люби меня такъ, какъ я тебя люблю, жизнь моя, другъ безцѣнной; цѣлую тебя.

¹⁾ Нездоровъ.

²⁾ Быть нездоровой.

„Варинька, жизнь моя, что вчера было-ли что—скажи мнѣ, куколка моя; цѣлую тебя 22 миллиона разъ.

„Варинька, другъ мой любезный, жизнь моя, красавица, хочется цѣловать тебя. Голубушка, пишу къ тебѣ для того, что мнѣ пріятно заниматься тобою; ручки мои безцѣнные. Для чего я не могу ихъ имѣть всегда при себѣ?

„Матинька; я спѣшу одѣваться и къ тебѣ зайду.

„Варинька, душа моя, я слабъ чрезвычайно; приди мой ангелъ. Пушкина указъ подписанъ.

„Варинька, душа моя, Наталья Кирилловна прислала меня просить Христомъ Богомъ, чтобъ я пріѣхалъ на минуту. Она имѣетъ комисію весьма важную отъ отца до меня. Какъ прикажешь?

„Голубушка моя, Варинька, я не думаю, чтобы государыня стала сегодня слушать, потому что пошла къ великой княгинѣ. Душа моя, жизнь моя; я тотчасъ приду къ тебѣ.

„Голубушка, у меня голова очень болитъ; къ Барятинскому пошлю; Пушкина письмо отдамъ, а тебя люблю, какъ душу.

„Варинька, матинька, лучше проходиться; послушай меня, приди, мой другъ, ко мнѣ.

„Варюшенька, мой ангелъ, приди ко мнѣ въ шубкѣ, и, когда будетъ время, я за тобой пришлю.

„Голубушка, душа моя, В(аря), я не очень хорошо спалъ; однакожь теперь получше. Я пойду провѣдаю; выдетъ-ли государыня и тебѣ скажу. Жизнь моя, цѣлую тебя безъ счету.

„Матушка, жизнь моя В(аринька) безцѣнная. Когда ты хочешь выйти? поутру или послѣ обѣда. Ежели къ вечеру, то я выйду, а теперь не думаю, чтобы поспѣлъ.

„В(аринька), душа моя, мнѣ упомянуть имя твое пріятно. Красавица моя любезная; цѣлую тебя всю съ ногъ до головы. Мой ангелъ, для чего шуба счастливиѣ меня!

„Ангель мой безцѣнной, я недавно проснулся и здоровъ; приду цѣловать тебя, моя душа, любезная В(аринька), ты мое здоровье и жизнь.

„Матушка милая, божественная Варюшка. У меня будешь кушать, коли стола (придворнаго) не будетъ и поѣдемъ на гостиную дворъ. Сударка, какъ я тебя люблю; ежелибъ ты могла знать.

„Милушка, жизнь моя; здорова-ли ты, красавица моя. В(аринька) душенька, люблю тебя безъ мѣры.

„Матушка, ангель мой, душа моя, я такъ заспался, что только теперь лишь опомнился. О государынѣ узнать теперь еще нельзя. а какъ скоро можно будетъ, то спрошу и тебѣ скажу. Мой ангель, щечки мои румяныя; цѣлую тебя, мою любезную.

„Варинька, жизнь моя, я ночью чуть не умеръ. Однакожъ черезъ силу выйду и ежели тебя, мой ангель, увижу также авантажна, какъ вчера, то буду радъ. Голубушка моя, все ты на умѣ.

„Матушка, жизнь моя В(аринька), божество мое, я бы чрезвычайно радъ былъ, еслибъ ты завтра вышла и была бы такъ авантажна, какъ сегодня. Прости, мой ангель, я тебя столько цѣлую, сколько люблю.

„В(аринька), ангель мой, душенька моя. Улыбнись, красавица; люблю тебя до безконечности и цѣлую безъ счету.

Варвара Энгельгардтъ — Потемкину.

(Весьма нечетко и торопливо). „Папа, жизнь моя, очень благодарю за подарокъ и письмо, которое всегда буду беречь. Ахъ, мой другъ папа, какъ я этому письму рада! Жизнь моя, приѣду ручки твои цѣловать.

„Жизнь моя, я очень о васъ беспокоюсь; Христа ради скажите мнѣ, есть-ли вамъ легче? я все ждала отъ васъ, какъ вы сами мнѣ обѣщали прислать, но недождалась, то посылаю къ вамъ. Бога ради,

жизнь моя, напишите ко мнѣ. Прощай, мой любезный ангелъ, буду ждать съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта, а между тѣмъ, прости еще, мой любезный другъ; въ мысляхъ тебя цѣлую миллионы разъ; пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ, если ты здоровъ, а ежели нѣтъ, то не ѣзди, мое сокровище, а прикажи мнѣ къ себѣ быть. Прости, душенька. еще тебя цѣлую.

„Ради Бога. батюшка, князь Григорій Александровичъ, зайдите на минуту; я не ѣду безъ того, чтобы съ вами непомириться; Богъ съ вами, я, можетъ быть, однимъ словомъ досадила, а вы вспомните, что цѣлымъ письмомъ меня разругали, да въ прибавокъ сказали: „чортъ съ вами“, то, какъ это слово пріятно; придите, голубчикъ, ради Бога, мнѣ пора ѣхать.

„Напрасно вы меня такъ ласкаете, я уже не есть та, которая была; еще бы вы больше меня дурачили сегодня, въ угодность кому-нибудь. Послушайте, я теперь вамъ серьезно говорю, если вы помните Бога, если вы, когда нибудь, меня любили, то, прошу васъ, забудьте меня на вѣки, а я ужъ рѣшилась, чтобы оставить васъ. Желаю, чтобы вы были любимы тою, которую имѣть будете; но, вѣрно знаю, что никто васъ столь же любить не можетъ, сколько я дурачилась понапрасно; радуюсь, что въ одну минуту узнала, что я только была обманута, а не любима вами; знайте, что я, разставшись съ вами, не забываю; но еще чувствительнѣе мнѣ въ тысячу разъ съ вами разстаться.

„Къ чему вы меня просите, чтобы я съ вами помирилась; я никогда не выйду изъ благопристойности; буду съ вами такъ, какъ я вчера сказывала, только не такъ, какъ прежде, и сколько я вами ни огорчена—я все забываю. Богъ съ вами; не думайте, чтобы вы не вспомнили когда-нибудь меня; а я желаю вамъ всегда, чтобы вы были покойны и веселы; чтобы вы нашли ту же любовь отъ тѣхъ, къ кому вы такъ привязаны, какъ я разсмотрѣла. Простите, Богомъ васъ еще прошу, забудьте меня, а я никакъ уже не перемѣню того, что сказала.

Изъ этого письма можно было предполагать, что причиною размолвки былъ отъѣздъ Потемкина въ Новороссійскій край. Такъ думала и императрица, видя холодныя отношенія дяди къ недавно милой племянницѣ. Принимая въ ней участіе, государыня писала Потемкину:

„Слушай, голубчикъ, Варинька, очень не можетъ: si c'est votre départ qui en est cause, vous avez tort (если отъѣздъ вашъ тому при-

чиною — вы не правы); уморишь ее, а она очень мнѣ мила становится; ей хотятъ кровь пустить“.

На самомъ же дѣлѣ Барвара Васильевна радовалась случаю прервать съ дядею прежнія, слишкомъ дружелюбныя сношенія обративъ всю вину на него же самого. Обоюдныя клятвы въ «вѣрности до гроба», въ особенности со стороны двадцатилѣтней красавицы сорокалѣтнему мужчине, оказались несостоятельными. Барвара Энгельгардтъ увидѣла другого, молодого красавца — князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына — плѣнилась имъ, какъ и онъ ею. До времени сохраняя въ тайнѣ свою любовь, племянница Потемкина не хотѣла лицемѣрить и обманывать дядю и въ то же время желала остаться правою въ его глазахъ. Эта мысль еще яснѣе проявляется во второмъ ея письмѣ — слѣдующаго содержания:

„Ну, теперь уже все кончилось; ожидала я этого всякую минуту. съ мѣсяцъ назадъ, какъ я примѣчала, что вы совсѣмъ не таковы противъ меня, какъ были прежде. Что же дѣлать, когда я такъ несчастлива? Не скажу я вамъ, чтобы мнѣ это было легко; самъ Богъ все видитъ, и пускай онъ насъ съ вами разбираетъ; тѣмъ больше оно мнѣ чувствительно, что отъ васъ я столько огорчена; я не думаю, чтобы вы этимъ утѣшались. Пускай любви вашей ко мнѣ нѣтъ, да по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь, честь въ васъ останется. Пошлю къ вамъ всѣ ваши письма, а васъ прошу, если помните Бога, то пришлите мои; я не думаю, чтобы вы этого для меня не сдѣлали. и въ самое то время, когда я не чувствовала, что меня обманываютъ, а судя по себѣ, считала, что я равно любима, то и тогда видѣла, что они для васъ не такъ нужны были, то пожалуста пришлите: вмѣстѣ съ тѣмъ, какое вамъ удовольствіе, если ихъ всѣ читать будутъ? Я не думаю, чтобы вы до того противъ меня были дурны, чтобы захотѣли сказать, какъ о томъ, что прежде было; впрочемъ, какъ хотите, я васъ о нихъ не прошу. Я очень чувствую, что дѣлаю дурно, только вспомните, кто этому причиною? Прощайте, батюшка, повѣрьте, что я всегда вамъ желаю всего хорошаго; это со мною на вѣки останется, только прошу васъ, и сама стану стараться васъ обогатить; да можетъ быть, по существу вашему, вы скоро меня не увидите: дай Богъ вамъ веселиться столько, сколько я буду плавать. Не забудьте про письма — я ихъ жду. Прощайте, жизнь моя, это въ послѣдній разъ вы получите отъ меня, больше я уже васъ безо-

контъ не буду; впрочемъ, будьте увѣрены, что я не забуду во весь мой вѣкъ, что я вами несчастлива. Простите“.

Потемкинъ однако же не сдѣлался жертвою мистификаціи хитрой дѣвушки; при всемъ ея стараніи отъ него не уврылась тайна ея сердца, но въ данномъ случаѣ сорокъ лѣтъ его возраста и глубокое знаніе женскаго сердца принесли свою пользу. Недавно страстный обожатель отнесся къ дѣлу съ спокойствіемъ благоразумія и въ ея письму въ своемъ архивѣ «приобщилъ» слѣдующее посланіе, писанное къ Варварѣ Васильевнѣ ея женихомъ — княземъ С. Θ. Голицынымъ:

„Отдай, душенька, Варвара Васильевна, письмо, приложенное къ сему, к(нязю) Григорію Александровичу.

„Хочется, душенька, одинъ разъ въ жизни, испытать мнѣ опытомъ дружбу твою ко мнѣ. Въ субботу выйдетъ армейская перемяна, (т. е. производствомъ, сколько мнѣ извѣстно, то нѣкоторое число и полковниковъ поступать въ генерал-майоры. Я письмомъ просилъ вчера съ князя, чтобы онъ вошелъ въ мое состояніе и исходатайствовалъ мнѣ чинъ бригадира, изъявляя при томъ ему и то, что ежели я останусь при со-вѣтѣ, то переименованіе меня въ чинъ армейскій зависти и досады сдѣлать не можетъ. Судьба моя быть несчастливою, или потому, что другіе того же хотятъ, чего и я, или я самъ не знаю почему. Михайло Сергѣевичъ ¹⁾ былъ въ ровномъ со мною положеніи, но соизволеніе князя Григорія Александровича измѣнило состояніе его. Надобно для моего счастья, чтобы к(нязю) Григорій столько же захотѣлъ сдѣлать мнѣ милость, сколько онъ обыкновенно хочетъ въ то время, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь. Но на сіе я не столь счастливъ, чтобы самъ собою могъ довести. Чѣмъ преданность моя къ нему болѣе стремится, тѣмъ меньше можетъ быть примѣчается она.“

„Отдавъ письмо, приложенное, ему; употреби свою просьбу обо мнѣ столько же, сколько ласка твоя и любовь ко мнѣ тебѣ позволить; я сегодня въ вечеру въ городъ буду и тебя увижу; увижу также и то, что въ правду-ли ты любишь меня или нѣтъ“.

Свадьба Варвары Васильевны Энгельгартъ съ княземъ С. Θ. Голицынымъ была въ январѣ 1779 года. Досада Потемкина была непродолжительна: онъ постоянно благоволилъ имъ, покровительствовалъ мужу, исполнялъ по возможности просьбы о протек-

¹⁾ Потемкинъ.

ціяхъ — жены, а 28-го февраля 1783 года былъ воспріемникомъ сына ихъ Сергѣя. Изъ слѣдующаго письма княгини Варвары Васильевны Голицыной видно, что она воротила даже всю прежнюю пріязнь къ себѣ своего дяди:

„Папа, жизнь моя, душа моя, я проѣхала 8 дней: дорога не хороша, снѣгу множество; здѣсь (въ Могилевѣ) ночевала и обѣдала тутъ; ѣду въ Кричевъ. Я три письма къ тебѣ писала, не знаю получили-ли ты нельзя? сказать, чтобъ я лучше была; пріѣзжай, дружокъ, скорѣй, мнѣ безъ тебя ужасъ какъ скучно; я здорова, цѣлую ручки твои; прошу тебя, папа, чтобъ ты меня помнилъ; не знаю отчего мнѣ кажется, что ты меня забудешь — жизнь моя, папа, совровище мое, цѣлую ножки твои, дочка твоя — кошечка Гришинькина“.

„Папа, не забудь, жизнь моя, ты обѣщала къ себѣ взять сына Николая Богдановича въ адъютанты. Они меня просили васъ попросить; да не забудь, миленькой, пожалуйста, жизнь моя: я думаю онъ сдѣланъ, ты самъ мнѣ сказалъ, а я ему сказала; то они будутъ думать, что я лгуныя. Прости душа моя“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ

въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

1741—1761.

Въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи XVIII столѣтія сохранился весьма важный матеріалъ для характеристики русскаго народа и его отношеній къ тѣмъ или другимъ распоряженіямъ правительства или къ лицамъ, стоявшимъ у кормила правленія. Мы говоримъ о тѣхъ толкахъ народныхъ, которые вызвали страшный крикъ: „слово и дѣло!“ и были поводомъ къ привлеченію неосторожныхъ говоруновъ въ Тайную—подъ розыскъ, и затѣмъ подъ кнутъ и въ ссылку. Значеніе этихъ дѣлъ въ ряду прочаго историческаго матеріала давно уже указано, какъ въ историческихъ монографіяхъ пишущаго эти строки,¹⁾ такъ затѣмъ въ трудахъ гг. Соловьева, Щебальскаго, Есипова и др.

Въ настоящей статьѣ мы представляемъ обзоръ дѣлъ, произво-дившихся въ Тайной Канцеляріи за время царствованія Елизаветы Петровны (1741—1761). Къ сожалѣнію, обзоръ этотъ не полонъ; онъ основанъ на выпискѣ только изъ ста девяти дѣлъ,—выпискѣ составленной, какъ можно полагать, для императора Петра III, или даже для императрицы Екатерины II—по ея воцареніи.²⁾ Находящаяся передъ нами копія, очевидно, составляетъ лишь отрывокъ изъ нашего обзора всей дѣятельности Тайной Канцеляріи за двадцать лѣтъ (1741—1761); несмотря, однако, на неполноту, отрывокъ все-таки имѣетъ значительный интересъ: въ немъ ярко отражаются тѣ событія, кото-

¹⁾ «Народные толки о Петрѣ Великомъ», «Слово и дѣло» и проч. рассказы напечатанные въ журналахъ 1860—1863 гг. Ред.

²⁾ Что выписка составлена уже послѣ 1761 г. видно изъ того, что объ импе- Ред.
ратрицѣ Елизаветѣ упоминается какъ о покойной.

рыя производили особенное впечатлѣніе въ русскомъ народѣ. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ; впечатлѣнія эти высказывались, большею частію, весьма своеобразно, въ самыхъ дикихъ, нелѣпныхъ, и тѣмъ не менѣе весьма характеристичныхъ толкахъ.

Ред.

I.

Первую и самую обширную группу изъ дѣлъ, о которыхъ говорится въ экстрактѣ 1762 г., представляютъ дѣла по преступленіямъ противъ личности императрицы Елизаветы Петровны. Разнообразны эти преступления: здѣсь есть и злоумышленіе „къ поврежденію высочайшаго ея И. В. здравія“ и непочтительные о ней отзывы; здѣсь выражаются народные толки и взгляды на то или другое событіе изъ жизни императрицы Елизаветы, на то или другое распоряженіе правительства ея времени.

Вотъ бѣглый солдатъ, скитающійся по разнымъ городамъ и всякъ обширнаго своего отечества, пойманъ былъ во время бѣгства его изъ Польши. Солдата привели въ Сыскной Приказъ, отсюда переслали въ военную коллегію, изъ которой препроводили обратно въ Приказъ, гдѣ онъ и сказалъ за собою „слово и дѣло, по первому пункту“: вслѣдствіе этого онъ отправленъ въ Тайную канцелярію. Здѣсь солдатъ „ложно-вымышленно показывалъ, что якобы, по побѣгѣ его изъ Оренбурга, въ бытность его въ Польшѣ, польскій есендзъ Радзивиль Іеронимъ, подскарбій онтовскій, научилъ его учинить злое дѣло къ поврежденію высочайшаго ея И. В. здравія, и далъ ему для того порошки; и говорилъ, чтобъ оныя, гдѣ государыня шествіе имѣтъ будетъ, высыпать на землю; и будто-бы онъ, для учиненія онаго злаго намѣренія, наряжаясь въ офицерское платье, ходилъ во дворецъ и ѣздилъ въ Царское Село. тоюмо-де того злаго своего намѣренія не учинилъ онъ отъ страху, а высыпая одинъ порошокъ для апробаціи подъ курицами; и какъ-де тѣ куры на тотъ порошокъ нашли, такъ-де у нихъ ноги оторвало, а другой (порошокъ) бросилъ въ воду“.

Вмѣсто смертной казни, солдатъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Рогервикъ, въ вѣчную каторжную работу.

Дворовый человекъ статскаго совѣтника Ивана Бахметева получилъ отъ артилерійскаго подпоручика два письма „въ пакетѣ, на которомъ надписано было: секретъ, тайно ея И. В. единой про себя прочесть, не давать сиклиту“. Означенныя письма „единой ея И. В. были секретны, и на тайную-де и на многія подозрительныя въ смерт-

номъ злодѣйствѣ, на здравіе ея И. В. и наслѣдника ея И. В.“ Дворовый человѣкъ Бахметева не только не донесъ объ этихъ письмахъ, но имѣлъ намѣреніе лично подать ихъ императрицѣ. Съ этою цѣлью самъ онъ написалъ письмо, которое и подалъ статс-дамѣ Корфовой. Въ письмѣ писалъ онъ весьма продерзко, чтобъ „она, г-жа Корфова, представила его скоро всѣмъ государынямъ, что-де онъ имѣетъ объявить тайный секретъ ея величеству, а именно-де о смертномъ злодѣйствѣ, токмо-де никому и вѣрнымъ объявить не изволите“.

Двороваго человѣка наказали, вмѣсто кнута, плетью и сослали въ Оренбургъ „на службу, въ какую онъ способенъ явиться“.

Въ Тайной Канцеляріи много производилось дѣлъ по ложному сказыванью слова и дѣла по первымъ двумъ пунктамъ; въ экстрактѣ изъ этихъ дѣлъ почти не упоминается, въ чемъ именно состояли эти измышленія кривуновъ слова и дѣла? Производство этого рода дѣлъ почти одинаково. Приведутъ колодника въ Тайную Канцелярію и начнутъ „съ розыску“ спрашивать; при этомъ окажется, что никакого слова и дѣла за нимъ нѣтъ. Накажутъ виновнаго кнутомъ или плетью и сошлютъ въ какой-нибудь отдаленный городъ. Если же ложный окрикъ „слова и дѣла“ окажется во второй и третій разъ, то наказаніе увеличивается.

Но вотъ, между другими, цѣлый рядъ дѣлъ по поводу непочтительныхъ отзывовъ объ императрицѣ, выраженныхъ „въ непристойныхъ словахъ“ и „неудобьсказуемыхъ поношеньяхъ“.... Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ виновными являются, главнымъ образомъ, бѣглецы солдаты и матросы, нѣсколько разъ наказанные за ложное сказыванье слова и дѣла, за убійства, грабежи, поддѣлку паспортовъ и за разные другія преступленія. Затѣмъ встрѣчаются крестьяне, дворовые люди, однодворцы, фабричные, колодники разныхъ приказовъ и канцелярій, вообще люди, принадлежащіе къ низшимъ слоямъ населенія. Горькая доля, особенно же желаніе какъ-нибудь избавиться отъ наказанія за совершенные проступки, или по крайней мѣрѣ отдалить срокъ его исполненія, заставляеть этихъ людей оговаривать себя и другихъ лицъ въ небывалыхъ преступленіяхъ. Цѣль оговоровъ не достигается: они оказываются „ложно-измышленными“. Тѣмъ не менѣе любопытно, въ чемъ состоятъ оговоры и вымыслы? На чемъ останавливалось вниманіе лицъ, попадавшихъ въ розыскъ Тайной Канцеляріи.¹⁾

Вотъ, напримѣръ, матросъ адмиралтейскаго вѣдомства, который

¹⁾ Розыскъ почти всегда сопровождался пыткой. Описаніе «обряда како обвиненный пыгается — документъ времени императрицы Елизаветы Петровны напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 58—59.

былъ неоднократно наказанъ за ложное сказыванье слова и дѣла; однако же не имѣлъ онъ „отъ тѣхъ своихъ продерзости воздержанія“ и еще разъ сказалъ за собою слово и дѣло. Матроса приговорили къ наказанію; въ это время произнесъ онъ троекратно слова такія: 4) ... всемилостивѣйшая-де государыня до насъ грѣшныхъ не милостива“. Матроса повели къ учиненію наказанья кнутаомъ; „тогда онъ сталъ поносить бранными словами Николая чудотворца и государыню“. И за то за все, вмѣсто смертной казни, учинено ему наказаніе кнутаомъ, и съ вырѣзаніемъ поздрей, сосланъ въ Оренбургъ въ работу вѣчно.

Или вотъ другой матросъ, того же адмиралтейскаго вѣдомства; „онъ бывалъ въ неоднократно ложныхъ сказываніяхъ слова и дѣла и въ другихъ продерзостяхъ, за что и гонянь шпиц-рутенами, въ разныя времена, сквозь баталіонъ, 61 разъ и множественное число бить кошками“; кромѣ того, этому матросу, „по указу изъ адмиралтейско-колегіи, за другія его вины велѣно учинить наказанье шпиц-рутенами, чрезъ полкъ, 42 раза“. Такой-то человѣкъ оговорилъ одного изъ своихъ товарищей, который будто бы однажды сказалъ ему: „поди-де ты на меня донеси караульному обер-офицеру, что-де я браню Бога и вс-йшую государыню“.

По наказаніи кнутаомъ, съ вырѣзаніемъ поздрей, матросъ сосланъ въ Рогервикъ, въ каторжную работу вѣчно.

Между писцомъ сызранской воеводской канцеляріи Зоринимъ и колодникомъ Кроминцовымъ происходилъ, по словамъ послѣдняго, слѣдующій разговоръ: „якобы онъ, Кроминцовъ, спросилъ того Зорина: не слыхаль-ли-де ты обо мнѣ чего, и когда-де меня, бѣднаго человѣка, выпустятъ? и на то будто бы онъ Зоринъ сказалъ: какъ-де тебя выпустить, тебѣ-де надобно еще голову рубить, и якобы онъ, Кроминцовъ, на то оному Зорину говорилъ: „Господь-де меня помилуетъ“; и онъ Зоринъ на то будто бы сказалъ: помилуеть-де тебя свинья; и якобы, онъ, Зоринъ, на то сказалъ: да и великая-де государыня не велитъ намъ головы рубить, и жалуетъ-де животомъ. И онъ Зоринъ на то якобы ему, Кроминцову, говорилъ слова такія: кто-де васъ жалуетъ и того бы кнутаомъ. За этотъ „ложновымышленный“ разговоръ, опредѣлено по наказаніи кнутаомъ, сослать Кроминцова въ вѣчную каторжную работу въ Рогервикъ.

Солдаты Бѣлогородскаго гарнизоннаго полка оговорилъ пять человѣкъ и въ томъ числѣ своего прапорщика, который будто бы

4) Здѣсь, равно какъ и въ слѣдующихъ мѣстахъ, точки означаютъ опущенныя нами слова. какъ неудобныя для печати.

однажды сказалъ, „что-де недостойно въ нашемъ великороссійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть“.

Одинъ фабричный обвинялъ хозяина своей фабрики въ томъ, будто тотъ говорилъ, что „у государыни-де ума нѣтъ“.

Дворовый человѣкъ, проживая съ своимъ помѣщикомъ въ городѣ Архангельскѣ, слышалъ будто бы разговоры, въ которыхъ знакомые помѣщика „вс-йшую государыню Елисавету Петровну называли не природною“. А бѣглый солдатъ лейб-гвардіи Измайловскаго полка на-сказалъ на своего прежняго сослуживца, будто послѣдній доносилъ въ Тайную Канцелярію на одного подъячаго, „въ говореніи имъ словъ такихъ, что неподлежитъ-де вс-йшей государынѣ, на царствѣ сидѣть,— она-де не природная и незаконная государыня, императора Петра Великаго дочь“.

Солдатскій сынъ Никита Алексѣевъ написалъ одному бѣглому врасиру „воровской паспортъ“, за что и былъ „розыскиванъ въ полиціи трижды“. Потомъ „за перемѣну своего имени и за игру съ подозрительными людьми въ зернь и за укрывательство отъ ревизіи учинено ему наказаніе кнутомъ и въ каторжную работу вѣчно“. Отсюда Алексѣевъ бѣжалъ и попалъ въ Тайную Канцелярію. Здѣсь онъ показалъ, что однажды разговаривалъ съ вахмистромъ полиціймейстерской канцеляріи и при этомъ замѣтилъ, что „при первомъ-де государѣ императорѣ накладывалась на нашу братью на двухъ человѣкъ одна цѣпь, а чтобъ-де такія большія цѣпи, какая на немъ есть, носить одному человѣку, указовъ такихъ не имѣется“. На это вахмистръ будто бы сказалъ: „у насъ-де свои указы“. При этомъ же онъ, Алексѣевъ, „на себя показывалъ, что будто бы онъ, будучи пьяный, въ умѣ своемъ поносилъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыню императрицу Елисавету Петровну“. Алексѣева наказали кнутомъ и сослали опять въ вѣчную каторжную работу. Отсюда онъ „паки“ бѣжалъ, и за новыя „продерзости“ наказанъ по прежнему. Но, не имѣвъ отъ тѣхъ своихъ продерзостей воздержанія, говорилъ онъ, Алексѣевъ, слова такія: „я-де бранилъ Бога и поносилъ всемилостивѣйшую государыню“. Когда же Алексѣева попросили объясниться яснѣе, то онъ „показалъ, что-де онъ въ умѣ своемъ разсуждалъ, что для чего-де на него, Алексѣева, Богъ прогнѣвался и всемилостивѣйшая государыня его не смилуетъ, что-де онъ часто находится въ наказаніяхъ, и притомъ же въ умѣ своемъ онъ Бога избранилъ и всемилостивѣйшую государыню поносилъ, а какими словами—не упомнить“.

За всѣ такія преступленія было одно наказаніе: битье кнутомъ и ссылка въ вѣчную каторжную работу. Это же наказаніе при-

мѣнялось и за проступки, состоящія въ неуважительномъ обращеніи съ портретами государыни, въ бросаніи монетъ и бумагъ съ изображеніями императрицы и т. п.,—впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда виновныя лица наказываемы были въ неоднократномъ ложномъ сказываніи слова и дѣла, въ грабежахъ, и вообще, когда они являлись во многихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ.

II.

Вторую группу дѣлъ въ обозрѣваемомъ экстрактѣ 1762 года составляютъ дѣла, въ которыхъ выражаются толки и взгляды на отношенія Елисаветы Петровны къ нѣкоторымъ дѣятелямъ ея царствованія, преимущественно къ двумъ братьямъ—Разумовскимъ.

Положеніе при императрицѣ старшаго изъ нихъ, Алексѣя Григорьевича, особенно поражало современниковъ; въ народныхъ сужденіяхъ или толкахъ о немъ замѣшивается иногда и Кирилль Григорьевичъ. Малороссъ, сынъ простого бѣднаго казака, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, первоначально взятъ былъ въ придворные пѣвчіе; затѣмъ, со времени восшествія Елисаветы на престолъ, онъ быстро прошелъ придворныя должности, будучи награждаемъ въ тоже время высшими военными чинами. Пожалованіе разныхъ наградъ и отличій скоро сдѣлало бывшаго пѣвчаго знатнѣйшимъ сановникомъ въ имперіи. За что же такія милости? Какія заслуги и доблести явилъ въ своей дѣятельности Разумовскій? Лица, быстро возвышавшіяся, были и прежде,—особенно ихъ много было между „птенцами“ Петра Великаго. Но то были люди необыкновенныхъ дарованій; заслуги ихъ государству были очевидны для всѣхъ современниковъ. Между тѣмъ объ А. Г. Разумовскомъ нельзя сказать ни того, ни другого. Алексѣй Разумовскій, по отзыву историка, былъ человекъ безъ способностей и безъ энергіи, слѣдовательно и ждать отъ него было нечего. Вотъ это-то обстоятельство, въ связи съ необыкновеннымъ возвышеніемъ Разумовскаго, и поражало народъ, который высказывалъ о немъ своеобразные толки и сужденія.

Всѣ эти толки имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, то, что Елисавета Петровна слишкомъ милостива къ Разумовскому, что онъ силенъ единственно расположеніемъ къ нему государыни; что временщикъ вовсе недостойнъ тѣхъ наградъ, которыя ему жалуются; что императрица запросто обращается съ своимъ фаворитомъ; что все это недолжно быть и неминуемо кончится съ воцареніемъ Петра Феодоровича. . . . . Послушаемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ неосторожныхъ говоруновъ.

Вотъ два пріятеля—капраль „кадетскаго шляхетнаго корпуса“ и дворцовый служитель—толкуютъ о томъ, что „ежели лѣтній дворецъ, что на Фонтанкѣ, совсѣмъ состроится, то-де можетъ быть отданъ будетъ Разумовскому, потому что государыня изволила сазать Разумовскому: „Ну, Алексѣй Григорьевичъ, пока я жива, то и ты веселись,— а когда-де я не буду, такъ-де и ты скорѣе умирай“; и ежели-же государыни не станеть, то-де его императорское высочество тому Разумовскому первый злодѣй будетъ, для того, что-де онъ, Разумовскій, теперъ въ силѣ, и его-де императорское высочество оный Разумовскій, можетъ сыскать у государыни, что наслѣдія лишить.....; и какъ-де онъ (Разумовскій) былъ прежде при ея дворцѣ, какъ она, государыня, была цесаревною, то-де онъ .... проивведенъ былъ въ камер-юнкеры; а онъ-де, Разумовскій, былъ поповичъ ....!..“. По случаю болѣзни Разумовскаго два пріятеля говорятъ, „что-де онъ былъ боленъ, а государыня-де его весьма жалуетъ и въ превеликой своей милости содержитъ; и когда-де онъ бываетъ боленъ, и государыня-де изволитъ съ кавалерами кушать, то-де и оный Разумовскій тогда съ государынею, въ плафрокѣ, кушаетъ .....“. Пріятелей наказали, вмѣсто кнута, плетью и послали одного въ оренбургскій, а другого въ казанскій гарнизонъ, въ солдаты.

Бѣглый солдатъ новоучрежденнаго кабардинскаго баталіона оговорилъ своего поручика, который будто бы молвилъ: „знаю-де я, почему государыня Разумовскихъ жалуетъ,—мать-де ихъ, вѣдьма кривая, обворожила всѣшюю государыню, и она-де ихъ потому жалуетъ“.

Или вотъ, по случаю пожалованія Разумовскаго въ обер-егермейстеры, одинъ дворцовый человѣкъ показалъ на свою помѣщницу, что она, по поводу этого случая, будто бы выразилась: „оный-де титулъ не въ его мѣрѣ, —общали-де ему плаху да топоръ“. Другой дворцовый человѣкъ, находящійся въ бѣгахъ, прибылъ въ Польшу и здѣсь нѣкому мѣщанину рассказывалъ: „вотъ-де у насъ въ С.-Петербургѣ есть Царское Село, и въ томъ-де селѣ строится дворецъ; а близъ-де Петербурга строится дѣвичій монастырь, и тотъ-де монастырь будетъ, по здѣшнему званію, на милю или болѣе. И оны-де дворецъ и монастырь, съ зачатія ихъ, строеніемъ окончатся лѣтъ черезъ шесть; и какъ скоро тотъ монастырь окончится, то-де всѣшшая государыня наша будетъ сама въ томъ монастырѣ постригаться, а государь-де великій князь Петръ Ѳеодоровичъ на Разумовскаго сердить, что уже-де про того Разумовскаго и топоръ купленъ, и хотѣлъ-было-де государь и великій князь Петръ Ѳеодоровичъ того Разумовскаго шпагой заколотъ, но только-де всѣшшая государыня до того не-

допустила". Бывшій лейб-гвардіи Семеновскаго полка солдатъ, въ откровенной бесѣдѣ съ товарищемъ своимъ — колодникомъ, повѣствоваль, между прочимъ, слѣдующее: „когда-де во дворцѣ нашиваль я кушанье, и тогда-де я видалъ, что государь великій князь Петръ Ѳеодоровичъ за тотъ столъ, гдѣ Разумовскій кушаетъ, не садится, и знатно-де по всему, что оный Разумовскій временщикъ, у насъ-де и при каждомъ государѣ временщики, только-де тому Разумовскому знать до тѣхъ поръ и жить, доколѣ государь великій князь Петръ Ѳеодоровичъ государства не приметъ“.

Храбрый казакъ разговариваль съ однимъ малороссомъ. Во время этого разговора послѣдній замѣтилъ: „я-де слышалъ, что въ Аничковскомъ домѣ живетъ разумовскаго племянникъ, капитанъ, и Разумовскіе-де люди знатные“. На это замѣчаніе казакъ говорилъ слова такіа: „ежели-де государь сядетъ на царство, то-де онъ ихъ всѣхъ переберетъ, а то-де баба нажаловала, баба-де царствуетъ, такъ и войны нѣтъ; какая-де это служба? а какъ бы-де была война, то бы я наострилъ свою саблю на этихъ генераловъ. Вотъ-де государыня ѣздитъ, да гуляетъ, она-бъ-де ѣздила въ колѣги, да дѣла дѣлала, а то-де ѣздитъ все за охотою ..., какъ ей и на царствѣ сидѣть? Разумовскіе-де прежде тапливали печи, а нынѣ баба бабски нажаловала, и что-де за нея Богу молить, хотя-бъ ее и не было“. Послѣ этого малороссъ сказалъ: „вотъ-де ты говоришь, что службы нѣтъ, а служба-де есть, и нынѣ-де солдаты работаютъ во дворцѣ, такъ и тутъ государыня платитъ имъ деньги“, — и на это онъ, казакъ, говорилъ: „какая-де эта служба, это-де каторга, и сталь-ли бы-де я такъ работать?“ Малороссъ высказаль мнѣніе: „вотъ-де и турка подтвердительную грамоту привезъ, чтобъ утвердить миръ, и потому-де войны не будетъ“. Казакъ представилъ на это такіа свои соображенія: „Они-де говорятъ, что до того времени только войны не будетъ, пока дѣвица сидитъ на царствѣ, и какъ-де она ихъ завоюетъ, такъ-де имъ будетъ стыдно; а кабы-де война была, тобъ-де перестала она жаловать генераловъ по 10,000 на день, а какъ-де государь сядетъ на царство, то-де будетъ война и все-де будетъ не такъ, а будетъ-де жаловать своихъ любимыхъ, а кого государыня жаловала, то онъ будетъ всѣхъ растригать“.

Всѣ эти разговоры не проходили даромъ: болтуновъ нещадно били кнутомъ и ссылали въ отдаленные города.

III.

Дѣлъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о преступленіяхъ противъ великаго князя Петра Ѳеодоровича — въ нашемъ „экстрактѣ“ немного. Въ

толки о немъ припутывались народомъ и розказни объ императорѣ Петрѣ II, содержащемся будто бы „за моремъ“, подъ стражею.

Преступленія противъ личности великаго князя состоятъ въ злоумышленіи на его жизнь, въ непочтительныхъ о немъ отзывахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ проступкахъ.

Такъ, напримѣръ, крестьянинъ приписнаго къ Троицко-Сергіевой лавры, — Свіязскаго монастыря, Свіязскаго-жъ уѣзда, села Калдѣева, деревни Федяевой, ложно показалъ на строителя того монастыря, іеромонаха Варфоломея, будто онъ признался своему брату въ умыслѣ отравить Петра Ѳедоровича: „Вотъ-де я, — рассказывалъ крестьянинъ о строителѣ, — имѣю намѣреніе его и. в. государя великаго князя Петра Ѳедоровича чрезъ отраву умертвить; и къ тому-де умершвлению приготовлена у него, Варфоломея, заморенная въ горшкѣ трава-черемица, да не знаю-де какимъ случаемъ, и гдѣ и чрезъ кого ту отраву его высочеству дать; а нынѣ-де придумалъ онъ ту отраву въ кушаньѣ, или въ какомъ напиткѣ его высочеству, сыскавъ случай дать тогда, когда пришествіе его и. в. будетъ въ Троицкую лавру. И на то будто бы оный братъ его сказалъ, что-де это хорошо“. Крестьянинъ нещадно битъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу.

Бывшій подканцеляристъ юстиц-конторы получилъ отъ содержащагося въ Сыскномъ Приказѣ колодника шесть „цидулокъ“ и не донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ; между тѣмъ въ цидулкахъ этихъ написано было такъ: „всероссійственной имперіи уповаемый держатель, великій князь Петръ Ѳедоровичъ, — за ваше высочество много пострадахъ, и на Тайную Канцелярію, по разнымъ дѣламъ, имѣю показать подозрѣніе, зане же ищутъ злое время ваше высочество погубить“. Но мало того, что подканцеляристъ не донесъ объ этихъ цидулкахъ, онъ роздалъ ихъ двумъ своимъ знакомымъ съ тѣмъ, чтобы они доставили ихъ наслѣднику престола.

Въ этомъ поступкѣ Тайная Канцелярія усмотрѣла, что подканцеляристъ своихъ пріятелей „привелъ къ учиненной важной продерзости и возмущенію“. Къ тому же, одинъ изъ знакомыхъ подканцеляриста, будучи въ Ораниенбаумѣ, помянутыми цидулками „караульныхъ солдатъ привелъ къ послушанію команды и къ немалой продерзости“. А самъ подканцеляристъ, „какъ отираваемъ былъ изъ Тайной Канцеляріи въ Шлиссельбургскую крѣпость для содержанія, то кричалъ всенародно тако: „слышите-де! графъ Александръ Шуваловъ хочетъ погубить государя великаго князя, о чемъ-де и письма есть!“

Подканцеляриста сослали въ одинъ изъ сибирскихъ остроговъ на пожизненное заключеніе.

Непочтительные отзывы о великомъ князѣ были, напримѣръ, та-

кѣ, что его называли „незаконнымъ“ наслѣдникомъ, „антихристомъ“, что онъ „добытъ гайдукомъ“ и проч. Но вотъ гренадеръ глузскаго гарнизоннаго полка поступилъ иначе. Гренадеръ этотъ за неоднократное ложное сказыванье слова и дѣла наказанъ былъ шпирутенами, но не унижался. Однажды провизнесь передъ солдатами, „съ крикомъ“, такіе слова: „міръ, народъ Божій, слушай! я — царевичъ“.

Самозванца наказали кнутомъ и, съ вырѣзаниемъ ноздрей, сослали въ Оренбургъ, въ вѣчную работу.

Что же касается до разсказовъ о заточеніи Петра II „въ другіе государствахъ, за моремъ“ и о возвращеніи его въ Россію, то всѣ эти разсказы, весьма въ то время въ народѣ распространенные, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ подробностей, совершенно одинаковы, несмотря на то, передаетъ-ли ихъ какой-нибудь колодникъ, или солдатъ, пощъ-растрига, или ссыльный въ Оренбургъ. Поэтому мы приводимъ здѣсь только одинъ разсказъ этого рода, какъ наиболѣе полный и характерный

„Скоро придетъ всѣмъ воскресеніе, — повѣствовалъ сосланный въ 1749 г. въ Оренбургъ, — и всѣ-де мы воскреснемъ скоро; ѣздилъ-де одинъ купецъ за море, и било-де его на морѣ погодою нѣсколько дней, и прибило его къ нѣкоторому городу; и тотъ-де купецъ, вышедъ изъ того судна, раздавалъ въ томъ городѣ нищимъ милостыню, и раздавъ милостыню, шелъ по прежнему на корабль; и стоящіе-де у одной палатки часовые оному купцу говорили, что-де онъ всѣмъ нищимъ милостыню подавалъ, а своему-де російскому не подалъ; и оный-де купецъ пришелъ въ ту палатку, для подаванія тому человѣку милостыни, и содержащійся-де въ той палаткѣ человѣкъ говорилъ тому купцу: знаешь-ли-де ты меня? И оный-де купецъ далъ тому человѣку милостыню и сказалъ: что-де я его не знаю! и оный-де человѣкъ тому купцу сказалъ: знаешь-ли-де ты, что я вашъ монаръ — второй Петръ, и стражду-де здѣсь долговременно? и теперь-де мнѣ писемъ ему, купцу, давать невозможно, что-де увидать вараульни; и чтобъ-де онъ пришелъ поутру, для подаванія ему милостыни, а онъ-де ему приготовить отъ себя видъ. И оный-де купецъ, не говоря тогда ничего, изъ этой палатки вышелъ, а потомъ на другой день оный же купецъ въ ту же палатку ходилъ; и оный-де содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ далъ ему сапоги, и приказывалъ, чтобъ онъ, купецъ, тѣ сапоги отдалъ сестрѣ его, милостивой государниѣ, и она-де тѣ сапоги распоретъ, и можетъ-де его узнать. И потому-де уповательно, что уже туда для свидѣтельства того человѣка давно уже полки посланы“. Когда же одинъ изъ слушателей возразилъ, что

онъ самъ помнить, „какъ второму императору погребеніе было въ Москвѣ, и какъ-де этому можно сдѣлаться“, то расскажишь отвѣчалъ „что-де это сдѣлали князя Долгорукіе, и мертвое тѣло, вмѣсто государя, подложили другое, а его-де, государя, званно выняли, такъ же, какъ нынѣ всемілостивѣйшую государыню хотѣли-было увести подъ карауломъ“.

За такіе рассказы говоруновъ нещадно били кнутомъ и ссылали въ Сибирь.

IV.

Злополучная судьба Брауншвейгской фамиліи тоже нашла себѣ отголоски въ народныхъ толкахъ и взглядахъ; въ имѣющемся у насъ эстрактѣ объ этомъ—два-три дѣла. Какъ видно, въ этомъ случаѣ вниманіе останавливалось особенно на бывшемъ малолѣтнемъ императорѣ Иоаннѣ Антоновичѣ.

Вотъ, напримѣръ, крестнаго монастыря Каргопольскаго уѣзда, Карошинской волости, деревни Лапинской, крестьянинъ Иванъ Михайловъ сочинилъ „таблицу, въ коей написано было тако: я—Иоаннъ, императоръ и самодержецъ всероссійскій, а Елисавету императрицу и наслѣдника ея свержу съ престола; и нынѣ я подъ скрытіемъ нахожусь въ Негренской пустыни казначеемъ, въ томъ и подписуюсь своеручно я, Иванъ Михайловъ“. За такую таблицу—сверхъ бывшаго розыска (пытки), вмѣсто смертной казни, по учиненіи наказанія кнутомъ, и съ вырѣзаніемъ ноздрей, Михайловъ сосланъ въ Рогервикъ па вѣчныя работы.

Или вотъ сибирскій купецкій человѣкъ, содержащійся въ Тайной Канцеляріи колодникомъ, рассказываетъ караульщикамъ его солдатамъ, что онъ „бѣжалъ изъ-подъ караула въ Польшу; а изъ Польши-де пошелъ въ Пруссію, и былъ у прусскаго короля, и вмѣстѣ съ нимъ онъ обѣдывалъ, и ѣздилъ въ каретѣ, и тѣмъ-де прусскимъ королемъ пожалованъ онъ былъ въ его войско полковникомъ; и видѣлъ-де онъ у того короля бывшаго въ россійской службѣ адъютантомъ Манштейна; и онъ-де король далъ ему видѣ, чтобъ ему ѣхать къ Ивану Антоновичу Ульриху, чтобъ ему быть по прежнему въ Россіи на царствѣ; и съ тѣмъ-де видомъ поѣхалъ онъ въ Польшу къ старовѣрамъ для согласія, чтобъ Ивана Антоновича посадить по прежнему въ Россіи на царство: и у тѣхъ-де старовѣровъ онъ былъ; и какъ-де онъ отъ тѣхъ старовѣровъ пошелъ, то-де попался онъ подъ караулъ, и сказывалъ-де онъ слово и дѣло, и въ томъ-де онъ присланъ въ Тайную Канцелярію“.

Купецкій человѣкъ битъ кнутомъ и сосланъ въ работы.

Въ описываемомъ документѣ есть одно дѣло, которое рѣзко выдается изъ другихъ въ томъ отношеніи, что высказанныя въ немъ сужденія и взгляды объемлютъ цѣлый рядъ выдающихся правительственныхъ лицъ, политическихъ фактовъ и обстоятельствъ елисаветинскаго царствованія.

„Канцелярїи отъ строеній поручикъ Астафій Зимнинскій, магазинъ-вахтеръ Иванъ Седестромъ, которые произносили важныя, непристойныя слова такія, а именно: Зимнинскій: государыня-де императрица Елисавета Петровна насъ, когда желала принять престолъ россійскій, такъ оболестила, какъ лисица, а нынѣ-де такъ ни на кого не хочеть смотрѣть; про пѣвчихъ ея И. В. и генерально обо всѣхъ малороссіянахъ, что напредъ-де сего оны пѣвчіе и прочіе малороссіане, которые подлаго воспитанія, хаживали убого и напивали на себѣ убогое платье и сапоги по осьминѣ, а нынѣ-де вышли всѣ по Разумовскомъ, и носятъ-де богатое платье съ позументами; да и самъ-де онъ, Разумовскій, изъ малой Россіи прїѣхаль въ убогомъ платьѣ и дядю инспектора Стеллиха разувываль; да и всѣмъ-де намъ отъ государыни милости-то немного. Вотъ-де и нынѣ государыня болѣе милостива къ малороссіянамъ, а не такъ-де какъ къ намъ. Архіереи-де живутъ сластолюбно, а не къ душевному спасенію; и нарекаль о томъ болѣе на переяславскаго архіерея Арсенія;—когда-де во время службы въ церквахъ на эктеніяхъ поминается имя государынино, то-де и народъ во время того ни одинъ не перекрестится; знатно-де, что и народъ ее не любитъ; не очень-де въ лѣтній новыи домъ пускають, для того, что по два человѣка не велеть ходить въ томъ мнѣніи, что противное совѣщаютъ и шепчуть; про государыню гурвориль-же: всегда-де во трусости находится, третій-де садъ для того устроенъ, — хорошо, что прикащики, то-де не худо, а хозяйнѣ-де нынѣ молится у соловецкихъ чудотворцевъ, авось-либо услышана будетъ молитва отъ Бога; и притомъ употребилъ онъ, Зимнинскій, евангельскую притчу: бѣги-де во Египеть, и буди тамо, дондеже рекути; да сватый-де Іоаннъ предтеча написалъ: мнѣ-де подобаеть молиться ему, въ принцу Іоанну; что означенный лѣтній домъ застроенъ еще при немъ, и желаніе его, Зимнинскаго, было, чтобъ по прежнему быть оному принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ императоромъ, потому что оному принцу Іоанну имѣются въ свойствѣ датскій, прусскій и англійской короли и венгерская королева; и ежели бы они онаго принца Іоанна съ матерью и съ отцомъ, его какимъ образомъ могли-бы изъ того монастыря взять въ свои земли, то, по свойству, войною могли-бы они, по прежнему, онаго принца Іоанна на россійскій престолъ возвести императоромъ, а государыню-бъ императрицу съ престола

свергнуть, и его-бъ и. выс-тво отъ наслѣдства всероссійскаго престола отрѣшнить; а то его (Зимнинскаго) желаніе было въ такомъ мнѣніи, что ежели-бъ оному принцу Іоанну возведеніе заподлинно учинилось, то думалъ онъ тогда о томъ своемъ желаніи тому принцу Іоанну объявлять; за что онъ уповалъ себѣ отъ онаго принца Іоанна получить немалое награжденіе; сожалья онаго принца Іоанна говорилъ же онъ, что ежели-де онъ принцъ Іоаннъ придетъ въ возрастъ, и прекратится жизнь ея И. В. и его и. выс-тва, то кромѣ-де онаго принца Іоанна на Россійскомъ престолѣ императоромъ быть некому: я-де чаю, что для того и въ свою землю ихъ отпускать государыня не дозволяетъ;— вотъ-де въ оперномъ домѣ серебряныя паникадилы, а въ иныхъ-де церквахъ и деревянныя паникадилы, я чаю, нѣтъ; за что-де за этотъ оперный домъ издержано суммы 70,000, а на церковь-де и двухъ тысячъ жалъ дать, такая-то дескать богомолица. Какъ пріѣхала-де изъ Москвы, такъ ни однажды въ церкви не бывала, только-де всегда упражняется въ комедіяхъ. А я-бъ дескать взялъ пушекъ пять, и поставилъ-бы тутъ, и, зарядя ихъ дробью, разстрѣлялъ ее нарочно.

Увидя онъ, Зимнинскій, переяславскаго архіерея у іермонаха Никанора костыль съ серебряною оправою, говорилъ онъ тому Никанору: помѣняемся-де съ моею тростью; и Никаноръ сказалъ, что тотъ-де костыль пожалованъ ему отъ государыни; и онъ, Зимнинскій на то сказалъ: у васъ-де и быть. Принца Іоанна, онъ, Зимнинскій, выхвалялъ, что онъ въ поступкахъ своихъ уменъ; и сожалья онаго принца Іоанна, отца и мать его, говорилъ: вотъ-де уже ихъ въ третье мѣсто перевели, и не знаютъ-де куда ихъ дѣвать; не такъ-де какъ нынѣшній нашъ трусъ наслѣдникъ: вотъ-де какъ — аномеднись ѣхалъ онъ мимо солдатскихъ гвардіи слободъ, верхомъ на лошади, и во время-де обученія солдатъ была изъ ружья стрѣльба; то-де тогда онъ той стрѣльбы испужался, и для того-де онъ запретилъ, чтобъ въ то время, когда онъ проѣдетъ не стрѣляли“.

..... „Лейб-компаніи о гренадерахъ говорилъ онъ, Зимнинскій: я-де думалъ, что я одинъ ихъ не люблю, а какъ-де послушу, такъ-де и многіе ихъ ненавидятъ; а ненавидитъ-де онъ ихъ за то, что отъ нихъ съ престола сверженъ принцъ Іоаннъ. О новостроющейся тогда здѣсь Троицкой церкви говорилъ онъ: вотъ-де прожектъ былъ при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, чтобъ оную церковь строить каменную. И смѣтою-де на построеніе той церкви требовано не малой суммы; и какъ-де рисунокъ принесли къ государынѣ, и донесено, въ какую сумму она церковь стать можетъ, то-де тогда государыня отказала, а указала-де строить деревянную церковь. Вотъ-де какъ на строеніе каменной церкви, такъ жалъ денегъ дать; а брату-де Разумовскому

который-де поѣхалъ за море, не жалъ было и сто тысячъ дать. Да и тѣ деньги уже онъ прожилъ, а нынѣ-де и еще требуетъ. Когда бы-де мнѣ Петровский островъ отдали, тобъ-де я построилъ тутъ домъ, или бы-де сдѣлалъ пустыню, и жилъ бы-де на уединеніи не такъ, какъ нынѣшніе архіереи живутъ; и ежелибъ-де тѣхъ архіереевъ отдать мнѣ на три дни въ руки, тобъ-де я ихъ перебралъ. Про принца Іоанна говорилъ же онъ: дай-де Богъ страдальцамъ нашимъ счастье и для того-де многіе партіи его держать. Вотъ-де и князь Никита Трубецкой и гвардіи нѣкоторые маіоры партію его держатъ же; въ воскресенье сѣхали-было во дворецъ господа видѣть его высочество: а онъ-де, сидючи на ошкѣ, стрѣлами забавляется, одинъ-де подаетъ, а другой-тѣ стрѣлы подбираетъ; Богъ-де знаетъ, чтобъ ожидать въ немъ толку. Пѣвчіе-де ея И. В., которые пожалованы дворянами, и у старыхъ дворянъ старшинство отнимуть. Про принцессу Анну (Леопольдовну) про мужа и про сына ея говорилъ же онъ, Зиминскій, какъ бы-де они не уѣхали за море, для того, что-де близко города Архангельскаго, а у нихъ-де не безъ друзей. Здѣсь первый-де князь Никита Трубецкой, да и всѣ-де господа-то партію держатъ, также и лейб-компаніи большая половина, а особливо старое дворянство въ голову; случилось-де мнѣ въ лѣтнемъ саду у государыни на часъ стоять, поставилъ-де меня Разумовскій, и никого не велѣно пропускать и ниго-де не ходилъ, а только-де государыня въ тотъ садъ въ бесѣду пошла, самъ третей съ Разумовскимъ, да съ Чернышевымъ; и я-де всѣхъ ихъ изъ-за шпалеръ видѣлъ. Одинъ-де изъ генералитета, съ голубою лентою, при Разумовскомъ представлялъ, что не изволить-ли указать, чтобъ псовую охоту убавить, для того, что-де ея очень много. И на то-де государыня изволила сказать: инде той охоты убавить; на что-де Разумовскій сказалъ: ежели-де изволите приказать той охоты убавить, то-де я прошу вашего величества, чтобъ меня отъ двора уволить. И государыня-де изволила сказать: инде на что убавлять, можно-де и еще прибавить."

„Седестромъ говорилъ выше объявленные про пѣвчихъ ея И. В. и о всѣхъ малороссіянахъ и о Разумовскомъ слова; онъ же говорилъ: когда-де Гринштейнъ и прочіе лейб-компанцы къ государынѣ пришли въ милость и тогда-де, ходя они по домамъ и по кабакамъ, народъ обольщали, что государыня милостива; а бывшую принцессу Анну (Леопольдовну) и сына ея принца Іоанна во овлобленіе приводили. Когда-де государыня приняла престолъ россійскій, тогда-де читали манифесты о шведской войнѣ; а сочинены-де оныя манифесты прежде принятія престола фальшиво, яко бы шведская война за то была, что государыня не на престолѣ,—а послѣ принятія престола тѣхъ манифестовъ мы уже не ви-

дали, а шведская-де война не для того имѣлась, что государыня не на престолѣ была, но по сожалѣнію о принцѣ Іоаннѣ, и объ отцѣ его, что они въ ссылкѣ. Говорилъ онъ, Седестромъ: вотъ-де у нихъ имѣется свойство съ датскимъ и англійскимъ королями, и венгерскою королевою, и могутъ-де они какъ-нибудь всякими мѣрами ихъ принца Іоанна, мать и отца его изъ Риги выручить, и войною по прежнему онаго принца Іоанна возвести на всероссійскій престолъ императоромъ; и нынѣ-де и войско прусскаго короля для выручки ихъ стоитъ 60,000; дай-де Боже, чтобъ, по прежнему, оному принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ быть императоромъ, понеже-де мать и отецъ его, принца Іоанна къ народу весьма были милостивы, и челобитныя-де принимали и резолюціи были скорыя; а нынѣ-де государыня челобитныя не принимаетъ и скорыхъ резолюцій нѣтъ; и для того желалъ онъ (Седестромъ) больше быть на всероссійскомъ престолѣ императоромъ принцу Іоанну. И ежели бы-де у меня много вина было, тобъ-де я могъ много добра сдѣлать; у насъ-де россійскій слабый народъ, только-де его напой, а онъ-де и не вѣсть что сдѣлаетъ. Лейбъ-де компанію ненавидитъ онъ (Седестромъ) за то, что отъ нихъ съ престола сверженъ принцъ Іоаннъ. Разсуждая онъ, Седестромъ, съ помянутымъ Зимнинскимъ о бывшей въ 1744 году звѣздѣ, говорилъ: читывалъ онъ-де въ книгѣ Златый Бисеръ, что эта звѣзда—знакъ худой: либо не хлѣбородный годъ будетъ, или повѣтріе какое, или война, или другая какая перемѣна.

И за тѣ, произнесенныя оними Зимнинскимъ и Седестромъ, слова, сверхъ бывшихъ имъ розысковъ т. е. пытокъ, вмѣсто смертной казни, учинено имъ наказаніе кнутомъ и посланы: Зимнинскій—въ дальніе сибирскіе города на житіе вѣчно, Седестромъ—въ Оренбургъ, въ опредѣленію въ нерегулярную службу, въ каковую способенъ явиться“.

V.

Кромѣ упомянутыхъ нами дѣлъ въ описываемомъ документѣ содержатся такія дѣла, которыя касаются преступленій по должности, по составленію равныхъ подозрительныхъ именъ и тетрадокъ; но они не представляютъ никакого интереса.

Затѣмъ есть дѣла, которыя важутся особенно странными. Такъ напримѣръ: маіоръ, да бывший архивариусъ сибирскаго приказа съ московскимъ купцомъ „писали челобитную для подачи ея И. В. на господъ сенаторовъ и на всѣхъ присутствующихъ въ подозрѣніи; и въ той челобитной кн. Никиту Трубецкаго называли воромъ, а Ивана Черкасова и прочихъ тою челобитною бранили . . . . . Во время сочи-

ненія той челобитной совѣтовались ѣхать въ прусскую землю и съ собою взять книгу: „Правду воли монаршей“; и ту-де книгу хотѣли, закупоря, поставить въ дехтарную бочку и налить дегтемъ и чрезъ заставы проѣхать тайно, а проѣхавъ бы-де въ Пруссію, оную книгу объявить прусскому королю и учинить противъ Россіи возмущеніе, понеже-де здѣсь въ Россіи правды не стало“.

Всѣмъ этимъ злоумышленникамъ вмѣнены въ наказаніе „бывшіе розньки (пытки)“ и сосланы на вѣчное житіе въ Оренбургъ.

Наконецъ въ экстрактѣ 1762 г. содержатся дѣла по расколу, въ которыхъ развиваются религіозно-политическія возрѣнія послѣдователей древняго благочестія. Какъ образецъ этого рода дѣлъ, мы представляемъ здѣсь „важныя, злодѣйственныя, непристойныя разсужденія и толкованія“ с.-петербургскаго купца, содержавшагося колдунникомъ въ Тайной Канцеляріи. Купецъ толковалъ, „что-де нынѣ въ церкви несправедливое ученіе, потому что прежде-де литургію служили на семи, а нынѣ-де служатъ на пяти просвирахъ и прежде-де крестились двуперстнымъ сложеніемъ, а нынѣ-де крестятся триперстнымъ сложеніемъ; и которые-де люди въ нынѣшней церкви причащаются, тѣ-де недостойныя,—и отъ нынѣшней церкви побѣжали въ пустыни для того, что она не потребна, и въ нынѣшней-де церкви образа новыя и убраны жемчугомъ, а старыя вынесены, и архіереи-де и попы настоящаго ученія, по правиламъ св. апостолъ и св. отцевъ, нынѣ не имѣютъ; нынѣшніе-де архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ: нюхаютъ табакъ, бранятся матерно, и, приходя въ церковь, разговариваютъ о собакахъ. И нынѣ-де въ церкви не такое гнѣіе, какъ прежде было; а люди-де брѣютъ бороды, и церковь-де всѣмъ любодѣйцамъ и мерзостамъ и грѣхамъ земскимъ мать, понеже-де нынѣ при церкви ученія не имѣется, и тѣхъ-де, которые крестятся двуперстнымъ сложеніемъ и содержатъ старую вѣру, пытаются и убиваютъ, которые-де страдаютъ за старую вѣру, и потому-де они святы. И первый-де императоръ (Петръ Великій) старовѣровъ мучилъ и которые-де замучены—всѣ святы, и билъ Ладожское озеро кнутомъ, и сына своего за христіанскую вѣру казнилъ, и тѣмъ заповѣди Божіи преступилъ, и потомъ умеръ. И при государьнѣ-де Елисаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ отъ несохраненія старейшей вѣры; и государь-де Петръ Великій былъ антихристъ; и государь-де великій князь Петръ Ѳеодоровичъ послѣдній царь и антихристъ, и будетъ-де только царствовать полчетверти года, и десять генераловъ нмутъ область, яко цари, и единъ часъ примутъ со звѣремъ, т. е. съ антихристомъ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ будутъ имѣть одну волю. Оны-жъ-де генералы съ великимъ

княземъ будутъ одну волю и силу имѣть; и тому государю великому князю тѣ генералы отдадутъ государство российское; и онъ-де, по простествіи полчетверти года, съ Богомъ брань сотворить, то есть правовѣрныхъ станеть мучить. И за то-де и Богъ побѣдитъ его, и тогда-де будетъ кончина свѣту, и Богъ-де сойдетъ съ небесъ и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И государыню-де императрицу Елизавету Петровну десять генераловъ возненавидятъ, и сожгутъ-де ее огнемъ, то есть плоть ея снѣдятъ. И послѣ-де ея государство российское оныя генералы отдадутъ государю великому князю Петру Оedorовичу; и во время-де царствованія его приклонятся всѣ цари и орды, ... а купцы земстїи отъ силы пищи ея (Елисаветы Петровны), разбогатѣша, понеже-де она, государыня, богатыхъ купцовъ награждаетъ, а мизерные отъ того разоряются; и на нее-де за непоостоянство мира гнѣвъ Божій, и отъ десяти генераловъ сожжена будетъ огнемъ; и когда-де ея, государыню, будутъ жечь, и тогда означенные царіе земстїи оное запаленіе издалеча увидятъ, а купцы богатые, которыхъ государыня изволила награждать, будутъ о ней, государынь, сожалѣть“.

Безумецъ и фанатикъ, а также слышавшіе и не донесшіе о его явно-безумныхъ бредняхъ нещадно биты кнотомъ и разосланы въ ссылку.

Этимъ мы заключаемъ обзоръ имѣющейся у насъ копїи съ обзора дѣлъ Тайной Канцелярїи февраля 1741—1761 года.

ПУГАЧЕВЩИНА

Новые материалы для истории Пугачевщины.

II.

Раззореніе заводовъ Твердышева и Мясникова.

Въ оренбургское горное начальство мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ отъ директора Якова Твердышева Доношеніе.¹⁾

1) Извѣстно оному оренбургскому горному начальству: имѣли мы обще съ зятемъ моимъ, колежскимъ ассесоромъ Ив. Мясниковымъ, въ Оренбургской губерніи подъ вѣдомствомъ онаго начальства вододѣйствующихъ двѣнадцать заводовъ, въ томъ числѣ 6 мѣдиплавильныхъ и 4 доменныхъ, одинъ молотовой и одинъ лѣсопильный; а именно Воскресенскій, Преображенскій, Богоявленскій, Архангельскій, Верхотурскій и Покровскій; желѣзные доменные: Катавъ и Юрезль-Ивановскіе, Симскій и Бѣлорѣцкій, молотовой Устья-Катавскій, лѣсопильный Симскій.²⁾ При тѣхъ всѣхъ заводахъ и шести деревняхъ по послѣдней ревизіи имѣлось въ поселеніи купленныхъ нашихъ крѣпостныхъ мастеровыхъ и работныхъ людей мужескаго пола 7,269 душъ, да отданныхъ указомъ правительствующаго сената въ прошломъ 1757 г. изъ платежа подушныхъ денегъ въ заводскія работы изъ непомятыхъ родства и помѣщиковъ мужескаго полу 135 душъ.

2) А нынѣ, по приведенію въ усмиреніе Башкирцовъ, оказалось, что во время извѣстнаго государственнаго злодѣя Емельки Пугачева и его сообщниковъ, Башкирцами вышеозначенные наши мѣдные и желѣзные заводы не только раззорены, при разграбленіи на нихъ состоявшаго наличнаго капиталовъ въ заводскихъ материалахъ и въ разныхъ припасахъ, мѣдь, желѣзо и наличныя деньги, и крестьянскую всю пожить, скоть и хлѣбъ, при мѣдныхъ: при Воскресен-

скомъ, Преображенскомъ, Архангельскомъ, Верхоторскомъ, Покровскомъ, при желѣзныхъ: при Симскомъ, Юрезянскомъ, Вѣлорѣцкомъ, Усть-Катавскомъ и лѣсопиломномъ Симскомъ фабрики, вешняки и въ плотинахъ слань, магазейны, пыльные и все заводское строеніе и крестьянскіе дома и съ имѣющимися при тѣхъ заводахъ деревнями: Ромодановкою, Куганиномъ, Зилимомъ, Ераломъ, Орковкою и Арскою до основанія пожжены. Остались хотя также разграбленными, но непожженными два завода: мѣдный—Богоявленскій, а желѣзный—Катавскій. А при всѣхъ тѣхъ заводахъ, что извѣстно рѣченному оренбургскому горному начальству, имѣлися при каждомъ обыкновенныя заводскія конторы. При развореніи разграбленіи и сожженіи тѣхъ, имѣющихся въ тѣхъ конторахъ всякія письменныя дѣла и получаемые изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ указы, данныя на записку выплаваемой мѣди и чугуна шнуровыя за печатями книги, такъ и конторскія, по которымъ со многими разнаго званія людьми имѣлись разсчеты въ дачѣ денегъ, въ поставкѣ разныхъ матеріаловъ и припасовъ, вексели, росписки и съ вольнонаемными людьми домовые контракты и договоры, безъ остатку пожжены-жъ. А какъ злодѣй государственный Пугачевъ къ городу Оренбургу подошелъ прошлаго 1773 г, въ послѣднихъ (числахъ) сентября мѣсяца, и во-первыхъ напавъ на мѣдные наши каргалинскіе рудники,³⁾ а потомъ на ближніе заводы, состоящіе ко Оренбургу; потому при всѣхъ нашихъ заводахъ на нѣкоторыхъ въ послѣднихъ—сентября, а на нѣкоторыхъ въ первыхъ октября какъ плавка мѣди, такъ и выплавка чугуна остановилась, и нинѣ не производится.

3) А по послѣднимъ тѣмъ заводамъ изъ заводскихъ конторъ присланнымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1773 г. письменнымъ извѣстіямъ показано, что при тѣхъ заводахъ состояли въ заводскомъ капиталѣ, въ наличныхъ во всѣхъ заводахъ матеріалахъ и припасахъ, въ томъ числѣ при мѣдныхъ—наличная мѣдь и наличныя деньги, а при желѣзныхъ—чугунъ, желѣзо, и въ магазейнахъ приготовленный для мастеровыхъ и рабочихъ людей наличный разный хлѣбъ, кромѣ заводскаго строенія и плотинъ и употребленныхъ на то строеніе матеріаловъ, а именно: при Воскресенскомъ и Верхоторскомъ—на 63,592 р. 50 к., при Преображенскомъ—на 33,995 р. 86 к., при Богоявленскомъ—на 104,515 р. 6 к., при Архангельскомъ—на 28,310 р. 19 к., при Покровскомъ—на 2,350 р. 17 к., при желѣзныхъ при Катавѣ-Ивановскомъ—на 105,039 р. 99 к., при Юрезянскомъ—на 36,194 р. 52 к., при Симскомъ—на 52,464 р. 12 к., при Вѣлорѣцкомъ—на 77,942 р., при Усть-Катавскомъ—на 18,744 р. 52 к. при Симскомъ лѣсопиломномъ—на 2,671 р. 7 к., при Каргалинскихъ мѣд-

ныхъ рудникахъ разнаго инструмента, хлѣба, на вольнонаемныхъ работниковъ одолженія—на 11,439 р. 23 к., на желѣзныхъ Буланскихъ рудникахъ въ припасахъ—на 554 р. 72 к., а при всѣхъ выписанныхъ заводахъ заводскихъ припасовъ и матеріаловъ и наличныхъ денегъ, мѣди и желѣза, по показанію отъ заводскихъ конторъ, по цѣнѣ въ наличности имѣлось на 537,813 р. 95 к. А изъ того наличнаго при заводахъ капитала, какъ денегъ, такъ мѣди и желѣза въ августѣ мѣсяцѣ, даже и въ сентябрѣ, отпуску нигуда не имѣлось; потому всей вышеозначенной суммѣ въ матеріалахъ и въ припасахъ, мѣди и желѣзу, и деньгамъ по день раззоренія заводовъ наличнымъ и быть долженствуетъ.

4) А какіе при которомъ заводѣ для выплавки при мѣдныхъ—мѣди, а при желѣзныхъ для выплавки чугуна, выковки разныхъ сортовъ и дѣла листового желѣза имѣлись въ построеніи фабрики, въ нихъ мѣди-плавленныя печи, доменъ и молотовъ, и при которыхъ имѣлись пильныя для пиленія лѣсу, о томъ изъ посылаемыхъ отъ конторы Воскресенскій полугодовыхъ вѣдомостей какъ государственной бергъ-колегіи и канцеляріи главнаго заводовъ правленія, такъ и рѣчному оренбургскому горному начальству извѣстно.

5) Но нынѣ, по раззореніи и сожженіи тѣхъ заводовъ, въ какомъ они точно состояніи находятся, имѣется-ль при которомъ заводѣ въ сожженныхъ въ остаткѣ сколько припасовъ и матеріаловъ, мѣди, желѣза и платины при каждомъ, въ сущемъ-ли раззореніи или остались цѣлыми, или требуютъ какого поправленія до наступленія будущей весны, а на оставшихъ двухъ заводахъ при мѣдномъ Богоявленскомъ и при желѣзномъ Катавскомъ, а при Богоявленскомъ колкое число свезенной со всѣхъ заводовъ въ наличности состоитъ мѣди, а въ желѣзномъ чугуна и желѣза, также сколько на нихъ припасовъ и матеріаловъ, годныхъ ко употребленію заводскаго производства, осталось,—всему тому, для донесенія государственной бергъ-колегіи и канцеляріи главнаго заводовъ правленія, отъ присутственнаго мѣста потребно свидѣтельство и подробное описаніе. А притомъ со всѣхъ выписанныхъ пожженныхъ заводовъ крестьяне, по сожженіи заводовъ и по разграбленіи ихъ крестьянскаго имѣнія, всѣ, какъ мужскъ, такъ и женскъ полъ, взяты были Башкирцами въ ихъ башкирскія вочевья, и при раззореніи заводовъ не малое число тѣхъ крестьянъ мужскаго пола Башкирцами побиты, а женскъ полъ обруганы; и находились тѣ всѣ крестьяне у тѣхъ Башкирцовъ въ разныхъ работахъ съ іюня по октябрь, а другіе—по ноябрѣ мѣсяцѣ. А по возвращеніи отъ тѣхъ Башкирцовъ военными командами, тѣ крестьяне въ таковомъ бѣдственномъ состояніи не только никакого имѣнія при

себѣ, но и къ покрытію наготы тѣла одежнаго ничего не имѣютъ, и отъ голоду весьма истощенные, которые, не имѣя у себя не только къ пропитанію, но и для покрытія наготы никакой одежды; почему тѣ всѣ крестьяне, безъ снабженія ихъ одежею, хлѣбомъ, лошадьми, никакихъ заводскихъ работъ производить не въ состояніи.

Того ради, оренбургскому горному начальству представа о раззореніи и пожженіи нашихъ заводовъ, покорнѣйше прошу, дабы повелѣно было чрезъ кого надлежитъ всѣ вышесписанные наши заводы и рудники освидѣтельствовать и какое онимъ послѣдовало раззореніе и истребленіе и осталось-ли въ наличности на тѣхъ пожженныхъ мѣстахъ мѣди, желѣза и другихъ матеріаловъ, и сколько погибло людей, учинить тому опись и узнать, въ какомъ бѣдственномъ состояніи, лишась своего имѣнія, находятся заводскіе крестьяне; а по свидѣтельству и описанію что окажется, представить то свидѣтельство и описаніе къ свѣдѣнію государственной бергъ-колегіи и въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, и о семъ моемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе и резолюцію. Генваря 5-го дня 1775 г. Къ сему доношенію Яковъ Твердышевъ руку приложилъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ 1744 г., по ходатайству начальника Оренбургскаго края Нешлюева, отданъ былъ симбирскому купцу Ив. Твердышеву (впослѣдствіи пожалованному въ коллежскіе ассесоры) находившійся у пригорода Табынска казенный мѣдиплавильный заводъ и казенные мѣдные рудники того края. Заводъ построенъ былъ еще Кирилловымъ въ 1736 и 1737 гг., но вскорѣ потомъ оставленъ безъ дѣйствія. Твердышевъ, вмѣсто возобновленія его, построилъ на болѣе удобномъ мѣстѣ новый заводъ Воскресенскій, въ 90 верст отъ Табынска, на р. Торѣ, впадающей въ Бѣлую. Потомъ Твердышевъ, принявши къ себѣ въ компанію зятя Мясникова, вмѣстѣ съ нимъ устроилъ въ разныхъ мѣстахъ Оренбургскаго края еще десять мѣдныхъ, чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. При этихъ заводахъ и въ окрестностяхъ ихъ Твердышевъ и Мясниковъ посылали купленныхъ ими, съ разрѣшенія правительства, и переведенныхъ изъ внутренней Россіи крестьянъ; кромѣ того, приписано къ ихъ заводамъ небольшое число работниковъ изъ бродягъ и непомятыхъ родства. Земли и лѣса къ заводамъ Твердышевъ и Мясниковъ пріобрѣтали отъ Башкирцевъ, по добровольнымъ договорамъ. Какъ извѣстно, Башкиры въ то время уступали за самую ничтожную плату огромныя пространства земель, въ чемъ потомъ сами раскаявались. Въ Пугачевщину они стремились захватить эти земли обратно себѣ.

2) Покровскій заводъ послѣ Пугачевского бунта уже не былъ возобновляемъ.

3) Въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Оренбурга на правомъ берегу съ Сакмары простирается, съ запада на востокъ по берегамъ рѣчекъ Верхней и Средней Каргалы и Янгиза, притоковъ Сакмары, возвышенная мѣстность, чрезвычайно обильная мѣдной рудой. Многочисленные находящіяся тутъ рудники

разныхъ владѣльцевъ называются Каргалинскими и доселѣ снабжаютъ рудою большую часть мѣдныхъ заводовъ Оренбургскаго края.

4) Въ концѣ 1774 г. требовались отъ заводскихъ начальствъ въ бергъ-колегію свѣдѣнія объ убыткахъ, причиненныхъ пугачевскими шайками казеннымъ и частнымъ заводамъ и жителямъ ихъ. Такія вѣдомости доставлены были со всѣхъ заводовъ въ главную екатеринбургскую канцелярію. Иныя изъ нихъ кратки; другія же до мелочности подробны и занимаютъ листовъ по 20-ти, такъ что ни одна изъ разграбленныхъ вещей не пропущена и каждой вещи показана цѣна, часто весьма неумѣренная. Такъ напримѣръ въ вѣдомости о похищенномъ имуществѣ изъ господскаго дома и изъ конторы въ Суксунскомъ Демидова заводѣ значится между прочимъ:

Отъ дверей кривовъ и петель 20 паръ—на 20 р., задвижекъ и скобъ 40—на 6 р., подсвѣчниковъ желѣзныхъ 11—на 2 р. 70 к., двѣ влюки (кочерги) желѣзныя—на 1 р., вьюшка чугунная одна—на 1 р., замковъ вислячихъ 4—на 2 р., рамы деревянные, цѣна 2 р., ухватовъ 3, цѣна 1 р. 50 к., сковородниковъ 2—50 к., сковородъ 6—1 р. 60 к.

Приказчики Нижне-тагильскихъ заводовъ въ вѣдомости своей въ число убытковъ заводчика ввеличили слѣдующія двѣ статьи:

За отлученіемъ мастеровыхъ и работныхъ людей и отъ остановки фабрикъ и за неприготовленіемъ угля, желѣза не додѣлано и впредь, отъ недоставки угля и остановокъ не додѣлается, и оттого не дополучится 63,447 р. 41¹/₄ к.

Съ заводовъ во время сраженія со злодѣями убито людей десять человекъ, по 250 рублей каждый на 2,500 руб.

Начальствовавшій въ канцеляріи главнаго правленія полковникъ Бибиновъ возвратилъ нѣкоторыя вѣдомости для передѣлки, потому что въ нихъ показаны были излишніе убытки, такъ, по его мнѣнію не слѣдовало класть въ счетъ сколько прибыли заводы могли бы получить отъ выплавки металловъ, если-бъ не случилось остановки ихъ дѣйствія во время бунта. «Сіе не есть убытокъ, потому что руды и матеріалы остались имъ (заводчикамъ) на будущее время. Да и самый убытокъ во многихъ мѣстахъ послѣдовалъ отъ собственнаго заводскихъ жителей зла, которые не токмо отъ бунтовщиковъ не оборонялись, но еще ихъ къ себѣ призывали, презирая помощь отъ здѣшней стороны (т. е. Екатеринбурга) и предательствуя защищающихъ ихъ людей!» «Иные,—говоритъ Бибиновъ,—и самымъ убитымъ при сраженіяхъ людямъ не стыдились поставить цѣну!»

Сообщ. Н. К. Чупинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТЪ КЛЮКИ-ФОН-КЛУГЕНАУ.

Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ

1818 — 1850.

VIII. ¹⁾

Положеніе Дагестана при Гамзат-бекѣ.—Алперонскій полкъ въ 1834 г.—Дѣйствія Гамзат-бека въ Аваріи.—Истребленіе аварскихъ хановъ.—Гибель Гамзат-бека.—Шамиль—имамъ Дагестана.—Генералъ Ланской.—Гимры.

1833—1834.

Въ продолженіе 1833 г. спокойствіе въ сѣверномъ Дагестанѣ не было нарушено. Опустошеніе Чечни, штурмъ Гимровъ и смерть Казимуллы заглушили на время фанатизмъ горцевъ; они съ недовѣрчивостью внимали воззваніямъ новаго имама, возбуждавшаго ихъ къ возстанію противъ русскихъ и къ непріязненнымъ дѣйствіямъ для спасенія и славы исламизма; вообще сначала весьма мало явилось охотниковъ слѣдовать коварнымъ внушеніямъ возмутителя. Пользуясь такимъ благоприятнымъ положеніемъ дѣлъ, Кругенау дѣятельно занялся улучшеніемъ обороны Темир-хан-шуръ, а между тѣмъ слѣдилъ за дѣйствіями Гамзат-бека. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что только съ прочнымъ обладаніемъ Аварією могло быть удержано спокойствіе въ Дагестанѣ, чего не трудно было достигнуть, воспользовавшись немедленно тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое приобрѣтено было нами успѣхами прошлаго года; но не имѣя власти распоряжаться, Кругенау долженъ былъ ограничиться однимъ наблюденіемъ. Дѣйствительно, послѣдствія нашего бездѣйствія не замедлили обнаружиться. Гамзат-бекъ успѣлъ приобрести новыхъ приверженцевъ;

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 131 — 152; 497 — 515.

число его сообщниковъ быстро увеличивалось. Поддерживаемый вліяніемъ белоканскаго муллы Мухаммеда, возмутитель разослалъ воззванія къ койсубулинкамъ, гумбетовцамъ, андійцамъ и карахцамъ, которые поспѣшили присоединиться къ нему въ Новый Годатль. Такъ какъ отряды наши въ Дагестанѣ были распущены, то противъ Гамзат-бека посланы были Шахмаль тарковскій, Ахмед-ханъ махтулинскій и азушинскій кадій, съ достаточнымъ числомъ милиціи, но онъ, одержавъ надъ ними поверхность: подъ Гергебилемъ заставилъ отступить, а самъ вторгнулся въ Андалаль и, разбивъ андалальское ополченіе на горѣ Хахилаб-Циго, принудилъ ихъ признать надъ собою его власть. Потомъ, присоединивъ къ себѣ андалальцевъ, онъ самъ пошелъ, съ частью своего скопища, въ общества Хидатль и Ахвахъ, а другую, подъ предводительствомъ перваго своего мюрида, Шамиля, отправилъ къ богулальцамъ, джамальцамъ, калальцамъ и технусальцамъ; предпріятіе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и Гамзат-бекъ вскорѣ увидѣлъ себя повелителемъ значительнаго скопища. Такимъ образомъ, спустя годъ послѣ взятія Гимровъ, дѣла въ Дагестанѣ приняли прежній видъ.

Въ началѣ 1834 г. послѣдовало преобразование пѣхоты кавказскаго корпуса; полки, состоявшіе до того времени изъ трехъ баталіоновъ, получили пятибаталіонный составъ; въ передвиженіяхъ баталіоновъ по новому назначенію въ приемъ однихъ и сдачѣ другихъ прошла большая часть года и потому нельзя было принять рѣшительныхъ мѣръ къ разрушенію замысловъ новаго имама.

Клугенау назначенъ былъ командиромъ старѣйшаго изъ кавказскихъ полковъ, апшеронскаго пѣхотнаго, по новому составу и съ нимъ долженъ былъ водвориться для постояннаго квартированія въ укрѣпленіи Шурѣ, а бывшій ввѣренный ему куринскій полкъ, переведенный въ кр. Грозную, передать другому.

Между тѣмъ, покуда приводились въ исполненіе эти преобразования, Гамзат-бекъ дѣятельно стремился къ осуществленію своего желанія—овладѣть Хунзахомъ, который одинъ только изъ всего аварскаго ханства не признавалъ его власти. Въ августѣ 1834 г. онъ подступилъ къ этому пункту съ огромнымъ скопищемъ, обложилъ его со всѣхъ сторонъ и послалъ преданныхъ ему мюридовъ къ матери аварскаго хана, Паху-бикѣ, для переговоровъ съ предложеніемъ, чтобы она со всѣми своими подвластными приняла новое ученіе мюридизма, прервала всякія сношенія съ русскими и заставила своихъ синовей дѣйствовать противъ невѣрныхъ. Устрашенная огромными силами противника и не ожидая ни откуда скорой помощи, ханьша рѣшилась послать къ возмутителю въ аманаты младшаго сына своего

Булат-хана, который тогда же былъ отправленъ въ Гочатль, но, видя непреклонность и настойчивость требованій Гамзат-бека, имѣла неблагоразуміе послать къ нему для переговоровъ и остальныхъ сыновей своихъ, сначала Умма-хана, а послѣ Абу-Нуцал-хана, но оба они были умерщвлены возмутителемъ, извѣнническимъ образомъ, и Хунзахъ покорился ему безъ сопротивленія.

По истребленіи аварскихъ хановъ, Гамзат-бекъ занялся упроченіемъ своей власти въ Аваріи и осуществленіемъ дальнѣйшихъ своихъ предположеній. Главнѣйшія изъ нихъ заключались въ покореніи акушинскаго и цудахарскаго обществъ и мехтулинскаго ханства, онъ даже замышлялъ о завоеваніи Дербента, Кубы, Шемахи и вообще всего Дагестана и потому дѣятельно занимался заготовленіемъ большого количества пороку и разослалъ главныхъ мюридовъ своихъ во всѣ общества, признававшія его власть, съ требованіемъ, чтобы жители ихъ, вооружась поголовно, шли въ Хунзахъ; но среди этихъ приготовленій возмутитель былъ убитъ въ мечети во время богослуженія партией недовольныхъ хунзахцевъ, въ отмщеніе за умерщвленіе всей ханской фамиліи. Первый его мюридъ Шамиль принялъ на себя званіе имама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленіе всѣхъ его плановъ. Прибывъ съ отчаянными мюридами въ Гочатль, онъ немедленно потребовалъ награбленное Гамзат-бекомъ имущество и, овладѣвъ единственнымъ наслѣдникомъ аварскаго ханства, Булат-ханомъ, находившимся тамъ въ аманатахъ, приказалъ убить его, а тѣло бросить съ высокой скалы въ аварское Койсу.

Всѣ эти происшествія обратили наконецъ на себя вниманіе корпуснаго командира. Для поддержанія преданныхъ намъ владѣній и для остановленія дальнѣйшихъ успѣховъ всеобщаго возстанія горскихъ племенъ, въ началѣ августа направлены были, для усиленія войскъ, постоянно находившихся въ Дагестанѣ, изъ Грузіи 3 баталіона пѣхотнаго князя Варшавскаго полка, донской казачій № 7-й полкъ и 21-й артилерійской бригады 16 орудій; начальство надъ всѣми войсками, собранными въ Дагестанѣ, поручено было г.-м. Лаискому, ко-ему разрѣшено потребовать туда же 2 баталіона тифлискаго и 2 баталіона Мингрельскаго егерскихъ полковъ, находившихся на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, для удержанія въ спокойствіи салатавцевъ, чеченцевъ и другихъ горцевъ, приведенныхъ въ волненіе успѣхами Гамзат-бека. Извѣстіе о слѣдованіи нашихъ войскъ ободрило преданныхъ намъ владѣльцевъ въ Дагестанѣ; они съ большею смѣлостью и твердостью приступили къ принатію рѣшительныхъ мѣръ противъ возмутителей. Дагестанскому отряду предстояло приступить сперва къ наказанію гимринцевъ, дабы, овладѣвъ Гимрами, обезпечить дальнѣй-

шее движеніе въ Аварію и освободить ее отъ бѣдствій, причиняемыхъ мюридами.

Клугенау, зная хорошо край, въ особенности Гимры, съ окрестностями, находилъ неудобнымъ вступить въ Аварію чрезъ это селеніе, и поэтому положено было сдѣлать только набѣгъ на Гимры, съ цѣлью разорить этотъ вертепъ мюридовъ и наказать ихъ за нарушеніе данной ими въ 1832 году присяги, послѣ истребленія Казимуллы.

Отрядъ, порученный Клугенау, состоялъ изъ 10-ти ротъ Апшеронскаго полка, 10-ти ротъ пѣхотнаго князя Варшавскаго, одного баталіона Мингрельскаго егерскаго, 200 донскихъ и 80 линейныхъ казаковъ, 4-хъ горныхъ единороговъ, 4-хъ кегорновыхъ мортирокъ и 500 чел. пѣшей и конной шамкальской и мектулинской милиціи.

13-го сентября 1834 г. отрядъ выступилъ изъ Шуры вечеромъ, чтобы скрыть свое движеніе, и до разсвѣта прибылъ на Эрпелійскій спускъ; отсюда нужно было спускаться внизъ въ страшную гимринскую тѣснину. По чрезвычайной крутизнѣ дороги, извивавшейся короткими зигзагами, отрядъ шелъ въ одинъ рядъ медленно и осторожно; у людей дрожали и подгибались колѣни; нужно было непрерывно отдыхать, лошади съ трудомъ спускались на хвостахъ, а артилерію тащили на рукахъ, и такимъ образомъ едва къ полудню отрядъ сошелъ на дно ущелья, пройдя въ 12 часовъ не болѣе 8 верстъ. Тогда только непріятель открылъ движеніе нашего отряда, ибо всѣ дороги, ведущіе къ Гимрамъ, предварительно за нѣсколько дней были заняты нашими пикетами.

Гимринцы и жители окрестныхъ ауловъ, полагая, что отрядъ нашъ намѣренъ слѣдовать въ Аварію, рѣшились не допустить его перейти на другую сторону Койсу и двигаться по дорогамъ на Унцукуль и Ашильту и для этого засѣли въ укрѣпленномъ по обѣимъ сторонамъ длинными завалами мосту, находящемуся предъ самою деревнею, и хотя Клугенау не имѣлъ намѣренія переходить на ту сторону, но необходимо было уничтожить мостъ, чтобы прервать непріятелю сообщеніе съ этою стороною и чрезъ то безопасно отступить отъ Гимровъ. Съ этою цѣлью онъ повелъ лично двѣ роты Апшеронскаго пѣхотнаго и Мингрельскаго егерскаго полковъ, подъ командою храбраго капитана Тарасевича (убитаго въ 1839 г. на штурмѣ Ахульго), приказавъ ему безъ выстрѣла броситься на завалы въ штаны. Горцы, встрѣтивъ роты дружнымъ залпомъ, побѣжали чрезъ мостъ, осыпаемые пулями нашихъ стрѣлковъ, и не успѣли еще занять устроенныхъ на противоположномъ берегу заваловъ, какъ были настигнуты капитаномъ Тарасевичемъ и окончательно прогнаны съ большимъ урономъ. Тогда Клугенау, отозвавъ роты на нашъ берегъ, приказалъ зажечь мостъ и

приступилъ къ истребленію Гимровъ съ его великолѣпными садами и виноградниками.

16-го сентября 1834 г. отрядъ возвратился въ Шуру, потерявъ въ продолженіе всей экспедиціи убитыми 13 и ранеными 31 человекъ.

IX.

Движеніе въ Аварію чрезъ Гергебиль.—Взятіе заваловъ у Могоха.—Движеніе къ Гоцатлю; занятіе его и Аваріи.—Устройство Шуры.

1834—1835.

Хотя въ сентябрѣ 1834 г. было уже извѣстно о смерти Гамзат-бека, однако предположенная экспедиція въ Аварію не была отиѣнена; необходимо было возстановить спокойствіе въ Нагорномъ Дагестанѣ, избравъ въ правители Аваріи человекъ, вполне намъ преданнаго и благонадежнаго. Исполненіе этой экспедиціи поручено было Клугенау, принявшему по смерти г.-м. Ланскаго общее командированіе войсками въ Дагестанѣ.

2-го октября 1834 г. Клугенау выступилъ изъ Шуры съ 3 баталіонами Апшеронскаго и съ 3 баталіонами князя Варшавскаго пѣхотныхъ полковъ, 6-ю ротами Тифлискаго и двумя баталіонами Мингрельскаго егерскихъ полковъ, 8 легкими и столько же горными орудіями, 250 донскихъ и 200 линейныхъ казаковъ, оставивъ для охраненія Шуры и владѣній Шамкала пять ротъ Апшеронскаго пѣхотнаго и двѣ роты Тифлискаго егерскаго полковъ, съ достаточнымъ числомъ милиціи изъ шамхальскаго и мехтулинскаго владѣній. Слѣдовалъ онъ чрезъ селенія Параулъ, Кака-Шуру, Уруму и Лавашу, куда прибылъ 5-го октября. Здѣсь встрѣтили его акушинскій Магомед-вадій, съ другими вадіями и почетными старшинами Авушинскими, которые изъявили готовность содѣйствовать нашимъ войскамъ. Отъ дер. Лавашу къ сел. Ходжалмахи разработка дороги, довольно трудной, задержала Клугенау два дни; тоже самое препятствіе встрѣтилось при слѣдованіи отъ этого селенія къ Койсубулинской дер. Гергебилю, лежащей на берегу Койсу, отъ котораго ведетъ удобнѣйшая дорога въ Аварію. Отрядъ 11-го октября занялъ Гергебиль, достигнувъ безъ выстрѣла до этого важнаго, по своему мѣстоположенію, пункта, до котораго войска русскія никогда еще не достигали; успѣхъ этотъ особенно должно приписать вліянію, произведенному истребленіемъ Гимръ, примѣръ котораго убѣдилъ въ бесполезности сопротивленія и строгости наказанія, ожидающаго непокорныхъ.

Цѣль занятія Гергебиля преимущественно состояла въ томъ, чтобы появленіемъ войскъ нашихъ въ горахъ разсѣять мюридовъ, за-

ставить аварцевъ признать надъ собою правителемъ избранное нами лицо и удерживать въ спокойствіи какъ ихъ, такъ и другія горныя общества; въ это званіе предназначенъ былъ барономъ Розеномъ генерал-маіоръ Аслан-ханъ казикаумьскій и кюринскій, извѣстный преданностью своею правительству и имѣвшій большое вліаніе въ горахъ.

Аслан-ханъ выступилъ верхнею дорогою въ Аварію, для удержанія жителей андалальскаго и другихъ обществъ отъ присоединенія къ приверженцамъ Гамзат-бека, приготовлявшимся къ защитѣ въ дер. Гочатлѣ; сына же своего Мамед-мирзу отправилъ къ полковнику сти Клугенау, съ 2,000 чел. казикаумьской милиціи.

15-го октября 1834 г. отрядъ нашъ выступилъ изъ Гергебиля, въ числѣ 3,500 чел. регулярной пѣхоты, 6 легкихъ и 8 горныхъ орудій съ казаками и 1,000 чел. казикаумьской милиціи, оставивъ вагенбургъ подъ прикрытіемъ части пѣхоты и шамхальской милиціи при 2-хъ легкихъ орудіяхъ. Переправившись чрезъ казикаумьское Койсу и пройдя сел. Кикуну, Клугенау узналъ, что Шамиль расположился близъ дер. Могохъ со скопищемъ изъ 1,000 чел. и устроилъ завалъ на лѣвомъ берегу аварскаго Койсу, у впаденія его въ казикаумьское Койсу, въ томъ предположеніи, чтобы при движеніи нашихъ войскъ далѣе въ Аварію атаковать ихъ съ флангу или тыла. Посему Клугенау, для обезпеченія своего слѣдованія, сперва обратился противъ Шамиля: устроивъ на правомъ берегу аварскаго Койсу батарею противъ заваловъ Шамиля, онъ удачнымъ ея дѣйствіемъ вскорѣ успѣлъ разстроить непріятеля и повредить завалы, а потомъ, подъ прикрытіемъ батареи, переправилъ чрезъ рѣку довольно исправныхъ и быстрыхъ стрѣлковъ, посадивъ ихъ на лошадей позади казаковъ, и вслѣдъ за тѣмъ казикаумьскую конницу; непріятель, замѣтивъ это движеніе и будучи уже разстроенъ дѣйствіемъ артилеріи, оставилъ завалы и частію разсѣлся по горамъ, а частію бѣжалъ по ущелью Койсу, успѣшно преслѣдуемый казикаумьскою конницею. Послѣ удачнаго занятія заваловъ и разсѣянія скопища Шамиля, явились къ Клугенау могохскіе старшины, съ изъясненіемъ безусловной покорности; онъ взялъ съ нихъ аманатовъ, для лучшаго обезпеченія своего дальнѣйшаго слѣдованія, и вытребовалъ въ контрибуцію скотъ для отряда.

На другой день Клугенау отправилъ легкія орудія въ вагенбургъ, такъ какъ дальнѣйшія дороги были совершенно непроходимы для полевой артилеріи и продолжалъ слѣдовать къ Гочатлю. Дорога въ Гочатль переходитъ чрезъ аварское Койсу противъ дер. Джалда, жители которой составляютъ одно общество съ жителями Гочатли; Джалда расположена на лѣвомъ берегу рѣки и мѣстоположеніе весьма удобно къ защитѣ, а главныя препятствія при овладѣніи дер. Джалды

представляет Койсу, который тамъ широкъ, весьма быстръ и затруднителенъ къ переправѣ. Клугенау, занявъ позицію на правомъ берегу рѣки и устроивъ батарею, подъ ея прикрытіемъ, переправилъ черезъ Койсу, съ правой стороны деревни, два баталіона пѣхоты съ двумя горными орудіями, а съ лѣвой стороны онъ послалъ казачью милицію въ обходъ; жители, замѣтивъ, что съ двухъ сторонъ ихъ обходятъ и опасаясь быть окруженными, оставили деревню и удалились въ горы; потомъ Клугенау переправился съ остальною частию отряда своего безъ препятствія, занялъ деревню и окружающія ея высоты и расположился лагеремъ. Узнавъ, что гоцатльцы, дабы дать возможность своимъ семействамъ спастись и вывезти имущество, заняли перевалъ между деревнею Джалда и Гоцатлемъ и устроили на немъ крѣпкіе завалы, полковникъ Клугенау 17-го октября сдѣлалъ рекогносцировку для осмотра мѣстностей и выбора пункта атаки. 18-го октября онъ выступилъ къ Гоцатлю, оставивъ двѣ роты съ однимъ орудіемъ въ Джалдѣ для обезпеченія своего тыла. По приближеніи войскъ нашихъ, непріятель, недовѣряя своимъ силамъ, оставилъ завалы, устроенные на перевалѣ, и отрядъ прошелъ безпрепятственно до селенія; въ крайнихъ домахъ жители пытались остановить войска, но, бывъ опровергнуты, отступили къ своимъ семействамъ и имуществамъ, скрывавшимся частию въ Старомъ Гоцатлѣ, частию же въ близлежащихъ скалахъ.

Малый Гоцатль расположенъ на крутомъ вогорѣ, такъ что сакли стоятъ одна надъ другою, безъ малѣйшихъ промежутковъ; плоскія крыши ихъ замѣняютъ улицы; въ случаѣ нападенія на подобный аулъ, горцы обыкновенно проламываютъ стѣны и такимъ образомъ устраиваютъ сообщеніе со всѣми ярусами домовъ. Въ разстояніи двухъ верстъ по ущелью, занятому садами, дорога идетъ параллельно Койсу къ сел. Большому Гоцатлю; она виситъ надъ обрывомъ одной изъ покатостей ущелья, съ другой же стороны окружена огромными садами. Это одно изъ значительнѣйшихъ аварскихъ селеній; оно вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 800 дворовъ: дома очень велики и искусно построены изъ тесаного камня, многіе изъ нихъ въ два и три этажа. Большое зданіе мечети стоитъ внизу селенія и прикрыто высокою четверугольною башнею. Штурмъ гоцатлинскихъ высотъ, извѣстныхъ своею неприступностію и укрѣпленныхъ нѣсколькими ярусами каменныхъ заваловъ, былъ предпріятіемъ чрезвычайно отважнымъ. Для занятія Старого Гоцатля, Клугенау отправилъ три баталіона пѣхоты и часть конницы. Жители, не рѣшившись защищаться, разбѣжались и скрылись съ семействами въ ближайшихъ ущельяхъ, оставивъ въ добычу нашимъ войскамъ нѣсколько сотъ штукъ рога-

таго скота и большое количество имущества. Получивъ потомъ свидѣніе, гдѣ именно гоцатльцы скрыли главное свое имущество, Клугенау отрядилъ три баталіона пѣхоты и четыре горныхъ единорога для овладѣнія убѣжищемъ ихъ, что и поручено имъ генер. штаба капитану Ковалевскому. Мѣсто это было въ узкомъ ущельи между двумя крутыми скалами, доходящими до самой почти рѣки; атаковать его съ верху было совершенно невозможно и входъ въ это ущелье, состоящій изъ двухъ отвѣсныхъ скалъ, былъ запертъ крѣпкими завалами, защищаемыми главными мюридами; сверхъ того пещеры въ стѣнахъ ущелья, будучи заслонены спереди мѣшками и турами, наполненными землею, давали непріятелю совершенно безопасное убѣжище отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Прямой натискъ былъ бы совершенно бесполезенъ и сопряженъ съ значительною потерей, по этому Ковалевскій, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ той точки, съ которой намѣревался атаковать его, сдѣлалъ съ двумя баталіонами фальшивую атаку на переднюю, т. е. самую неприступную часть ущелья и дѣйствіемъ изъ орудій, занимая непріятеля, удержалъ его въ завалахъ, между тѣмъ 6 ротъ съ двумя кегерновыми мортирками, посланные имъ въ обходъ по узкой, скалистой тропинкѣ, ударили на непріятеля во флангъ и въ тылъ. Солдаты наши, спустившись, постепенно врывались въ завалы, которые одни за другими были взяты послѣ отчаяннаго сопротивленія. Сраженіе продолжалось болѣе трехъ часовъ; мюриды, не видя спасенія, дрались съ ожесточеніемъ, ихъ однихъ легло на мѣстѣ 73 чел. Все имущество ихъ, состоявшее изъ богатаго оружія и дорогихъ вещей, похищенныхъ ими при разграбленіи Хунзаха и въ другихъ случаяхъ, досталось въ руки нашихъ солдатъ и казикаумьской милиціи.

На другой день по занятіи Гоцатля, прибыли къ полковнику Клугенау старшины аварскіе и всѣ заговорщики, участвовавшіе въ убіеніи Гамзат-бека, съ изъявленіемъ желанія отъ имени всего народа имѣть своимъ правителемъ предназначеннаго уже Аслан-хана, доколѣ недавно родившійся сынъ послѣдняго хана аварскаго, Нуцал-ханъ, не достигнетъ совершеннолѣтія.

19-го октября прибылъ къ отряду Аслан-ханъ, успѣвшій во время движенія своего верхнею дорогою склонить на свою сторону, андалальское и другія общества, коихъ старшины пріѣхали съ нимъ, и также изъявили желаніе имѣть его правителемъ. 22-го числа всѣ главные беки и старшины аварскіе торжественнымъ образомъ, при громѣ пушекъ, приняли присягу на Алкоранѣ на вѣрнопопданство императору и въ повиновеніи вновь избранному правителю своему Аслан-хану.

21 и 22-го октября 1835 г. отрядъ занимался истребленіемъ селеній Гоцатля, какъ гнѣзда, изъ коего возникло столько зловредныхъ замысловъ и покушеній. 23-го октября Клугенау выступилъ изъ Гоцатля и соединился съ вагенбургомъ, истребивъ по дорогѣ дер. Джалда.

Съ нашей стороны въ продолженіе всей экспедиціи убито: 19, ранено 68 человекъ.

По окончаніи всей экспедиціи, почетнѣйшіе койсубулинскіе жители прѣѣхали къ Шамхалу тарковскому, во время проѣзда его чрезъ дер. Араканы, съ просьбою о возобновленіи прежнихъ мирныхъ сношеній между ними и его подвластными; они обязались вслѣдъ за тѣмъ собрать старшинъ всѣхъ койсубулинскихъ деревень, и явиться съ ними въ Тарку, для принятія присяги на подданство императору и для отдачи аманатовъ по назначенію Шамхала. Они обѣщали даже заставить прѣѣхать въ Тарку съ повинною и Шамиля, который находился въ то время въ сел. Амальте, оставленный всѣми, за исключеніемъ нѣсколькихъ человекъ, самыхъ ревностныхъ приверженцевъ юридика.

Жители деревень Гергебиля и Кикуну покорились безусловно своему прежнему владѣльцу Ахмед-хану мектулинскому и выдали 25 мюридовъ, предоставляя ему наказаніе ихъ.

Гумбетовцы прислали своихъ старшинъ въ Гергебиль къ Клугенау, съ изъявленіемъ готовности повиноваться Аслан-хану, какъ главному признанному правительствомъ начальнику въ Горномъ Дагестанѣ.

Экспедиція Клугенау въ Аварію, по всей справедливости, можетъ считаться одною изъ блистательнѣйшихъ на Кавказѣ, какъ по оказаннымъ войсками подвигамъ мужества, такъ и по трудамъ, которые они преодолѣли въ странѣ, дотолѣ еще неизвѣстной; двигаясь по горамъ и глубокимъ ущельямъ, гдѣ не было никакихъ сообщеній, они должны были прокладывать себѣ дорогу, побѣждая на каждомъ шагу непріятеля и грозную союзницу его—природу. Штурмъ непріступныхъ гоцатльскихъ высотъ навелъ такой ужасъ въ Нагорномъ Дагестанѣ, что всѣ общества, болѣе или менѣе участвовавшія въ замъслѣхъ Гамзат-бека, спѣшили изъявить покорность и просить о пощадѣ. Побѣда имѣла вполнѣ благотѣльные послѣдствія на успокоеніе края, взволнованнаго многолѣтними происками двухъ отважныхъ возмутителей; оставалось только воспользоваться пріобрѣтенными успѣхами. ¹⁾

Въ продолженіе 1835 года спокойствіе въ Дагестанѣ не было на-

¹⁾ Клугенау за аварскую экспедицію произведенъ въ генералы. съ оставленіемъ командующимъ войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ.

рушено. Пользуясь этимъ временемъ, генерал-маіоръ Клугенау занялся устройствомъ Шуры. Съ окончательнымъ переходомъ Апшеронскаго полка, укрѣпленіе, выстроенное въ 1832 году, оказалось уже тѣснымъ, а потому необходимо было его расширить для застройки ротными казармами и другими полковыми помѣщеніями; вскорѣ послѣ того прибытіе значительнаго числа семейныхъ солдатъ и стеченіе людей торговаго сословія заставило вновь раздвинуть пространство подъ поселеніе пристройкою форштата съ южной стороны, въ которомъ тотчасъ появились домики семейныхъ офицеровъ и солдатъ турлучные и изъ сырцоваго кирпича, небольшіе, но красивые, съ плоскими земляными крышами. Площадь среди форштата начала обстраиваться лавками и духанами торговцевъ всѣхъ націй, но преимущественно армянъ, сначала кизлярскихъ, а потомъ тифлиссскихъ; тутъ же возникли первые базары, на которые жители окрестныхъ ауловъ привозили избытки своихъ произведеній и мало по малу начали приучаться къ торговлѣ и сближенію съ русскими.

Въ маѣ 1835 года Клугенау сдалъ Апшеронскій пѣхотный полкъ флигель-адъютанту полковнику гр. Ивеличу.

Исидоръ Грнегоржевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

Нѣсколько о немъ припоминаній.

1785—1845.

Имя Тургеньевыхъ останется памятнымъ въ лѣтописяхъ русской литературы дѣятельностью нѣсколькихъ замѣчательныхъ представителей этого рода, и между прочимъ, можетъ быть даже всего болѣе дѣятельностью того Тургеньева, о которомъ сообщамъ здѣсь нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній.

А. И. Тургеньевъ родился въ 1785 г., умеръ въ 1845 г. Онъ былъ одинъ изъ четырехъ сыновей тайн. совѣт. Ивана Петровича Тургеньева, умнаго и образованнаго патріота времени Екатерины II, провинутаго мыслию—мольбою, чтобы его дѣти были русскими „годными для Россіи“. Приготовительное образованіе А. И. окончилъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а университетское, по историко-политическимъ наукамъ, въ геттингенскомъ университетѣ. Ему не было 20-ти лѣтъ, когда онъ, воротясь домой, сталъ служить, и, какъ юноша образованный и усердный, не могъ не быть отмѣченъ въ то время, когда была нужда въ такихъ молодыхъ людяхъ. Въ 1806 г. онъ работалъ въ комисіи составленія законовъ; въ 1810 г. (25 лѣтъ) назначенъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій; въ 1812 г. помощникомъ статс-секретаря въ государственномъ совѣтѣ и затѣмъ нѣсколько разъ исправлялъ должность статс-секретаря по департаменту законовъ; въ 1822 г. назначенъ старшимъ членомъ комисіи составленія законовъ. Онъ былъ лично извѣстенъ императору Александру I съ 1807 г., когда былъ въ его свитѣ, во время его путешествія, отмѣченъ имъ по усердію къ труду и по образованности, и съ того времени пользовался постоянно милостью государя, государыни и вдовствующей императрицы Маріи Федоровны, и умѣлъ

этимъ пользоваться не лично для себя, а для пользы другихъ, начиная отъ Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Козлова до неизвѣстныхъ труженниковъ, нуждавшихся въ поддержкѣ. Въ 1825 г. онъ получилъ увольненіе въ отпускъ за границу, и съ тѣхъ поръ всю вторую половину жизни своей (съ 40 до 60-ти лѣтъ) онъ провелъ въ непрерывныхъ путешествіяхъ, только на время возвращаясь въ Россію. Опуская подробности странствованія Тургенева по разнымъ странамъ Европы, отмѣчу только, что онъ во время этого странствованія постоянно продолжалъ учиться. Учился языкамъ: съ юности усвоилъ языки французскій и нѣмецкій, нѣсколько знакомъ съ латинскимъ, освободясь отъ обязанностей службы, онъ занялся ревностно латинскимъ, и продолжалъ занятія имъ въ Германіи, Франціи, Англии; одновременно съ латинскимъ учился и итальянскому языку; затѣмъ занялся англійскимъ языкомъ. Онъ овладѣлъ языками такъ, что могъ и читать произведенія писателей и говорить. Учился онъ и наукамъ посредствомъ чтенія книгъ: чтеніе было его страстью, и чтеніе избранное, не какихъ-нибудь книгъ, а писателей и научныхъ исследованийъ. Учился онъ съ помощью университетскихъ лекцій, посѣщая ихъ прилежно и на 5-мъ и на 6-мъ десятиѣ лѣтъ своей жизни—и опять не лекціи модныхъ преподавателей, а дѣльныхъ ученыхъ. Того же выбора держался онъ и въ сближеніяхъ съ людьми, съ литераторами, учеными, художниками, государственными людьми.

Тѣмъ, которые не были современниками или близкими съ нимъ. А. И. Тургеневъ извѣстенъ больше всего какъ ревностный разсѣдователь памятниковъ русской исторіи по чужеземнымъ архивамъ, какъ собиратель тѣхъ актовъ, которые изданы Археографическою комисіей подъ названіемъ: *Historica Russiae monumenta ex antiquis exterrarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. J. Turgenievo* (1840—1842). Нельзя, конечно, не признавать важности этой заслуги Тургенева; но нельзя и дѣлать Тургенева только ею. Это случайный плодъ его дѣятельности, болѣе видный, чѣмъ многія другія работы его, можетъ быть и болѣе полезный въ отношеніи научномъ, но, несмотря на всѣ его достоинства, все-таки не такой, чтобы имъ можно было опредѣлять значеніе Тургенева, какъ дѣятеля первой половины нашего вѣка. Не изъ него, а изъ другихъ источниковъ узнаемъ Тургенева, его замѣчательный умъ, соединявшійся въ немъ съ просто-душною добротою, необыкновенною образованностью, многообразными званіями, неслабѣющую любознательность, дѣятельность, постоянно направленную къ добру общему и теплую любовь къ отечеству, къ наукѣ и просвѣщенію. Все это узнаемъ изъ отзывовъ о немъ, изъ писемъ къ нему и его собственныхъ писемъ.

Письма А. И. Тургенева (нельзя не желать, чтобы онѣ были изданы всѣ, и всѣ вмѣстѣ), одна изъ драгоценностей нашей литературы, и, по разнообразію и богатству данныхъ, въ нихъ отмѣченныхъ болѣе или менѣе живо и вѣрно, и по ихъ содержанію, по мыслямъ, чувствамъ въ нихъ высказаннымъ, по литературному достоинству. Письма Тургенева тѣмъ болѣе важны, что онъ ихъ писалъ не для печати, а для родныхъ и друзей, высказываясь въ нихъ вполне искренно и простодушно, безъ искусственной выдѣлки выражений, писалъ какъ писалось: онъ и не могъ писать иначе, потому что писалъ почти ежедневно. Сколько извѣстно, никто не написалъ такого количества писемъ; какъ-будто эта работа была его обязанностью; никто и не написалъ такого множества такихъ прекрасныхъ писемъ. Изъ этого множества можно выбрать сотни, въ книгу, необходимую для всякой семейной библиотеки русской. По ней могли бы дѣти и не дѣти воспитывать себя и въ правдивости и въ высшихъ стремленіяхъ ума и чувства общечеловѣческаго и вмѣстѣ русскаго.

Предоставляю для образца нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Тургенева—не потому впрочемъ, что онѣ показались мнѣ лучше написанными, образцовыми, а потому что какъ мнѣ показалось онѣ рѣзко рисуютъ Тургенева и его отношенія къ людямъ.

И прежде всего, для ближайшаго ознакомленія съ личностью Тургенева, выписываю мѣста изъ писемъ, гдѣ случайно высказаны имъ его убѣжденія.

— „У кого есть главная, сильная мысль, порожденная сердцемъ, т. е. любовью къ человѣчеству, тотъ не можетъ быть несчастливъ и въ неудачѣ, ибо сильная мысль, какъ сильная любовь, наполняетъ всего человѣка (27-го янв. 1827 г.).“

— „Продолжаю читать и понимать Д. Стюарта и въ его ученіи нахожу для ума и для правилъ истинную пользу... Есть ли бы былъ досугъ и достаточная практика и знаніе языка русскаго, то желалъ бы, хоть статьями, переводить его для русскихъ; ибо многое зависитъ отъ того, какою книгою начнется наука въ народѣ. Нужна ясность съ глубокомысленностію и съ цѣлію практической пользы, дабы прельстить, заохотить читателей и писателей. Всякій про себя философъ и наблюдатель: есть-ли онъ найдетъ повѣрку собственнымъ наблюденіямъ въ книгѣ, то обрадуется, полюбитъ книгу, а съ нею и науку, ибо любить въ нихъ самого же себя и охотно ставитъ себя на ряду наблюдателей-философовъ. (27-го янв.).“

— „Береги себя—не для себя, дажеи не для насъ, даже и не для Россіи, а для исполненія долга, для жизни, которая дана намъ не для насъ, не на минуту, а для другихъ, посредствомъ насъ, и для вѣч-

ности посредствомъ временной жизни. Храни себя, какъ бы, гдѣ бы, и когда бы ни послужило бытіе твое въ пользу другихъ, отдаленныхъ или близкихъ; нужды нѣтъ, что бытіе твое не ознаменуется свидѣтельствомъ исторіи или журнала; оно запишется въ книгу животную, въ книгу отчета за всѣхъ насъ, и не пропадетъ ни для себя, ни для насъ, ни для Россіи, ни для людей. (16-го августа).“

— „Я бы желалъ, чтобы и въ университетахъ обращали болѣе вниманіе на полезное, на существенное, необходимое, и отбросили то, что отжило вѣкъ свой. Какъ можно въ наше время, когда чтеніе древнихъ образуетъ Брумовъ и Штейновъ, три лекціи сразу говорить о древнихъ флейтахъ или дудеахъ, какъ ихъ держали во рту и какой величины была дудеа, съ правой стороны или съ лѣвой рта, опровергать серьезно мнѣніе другихъ и поддерживать свое, желая чтобы слушатель плясалъ по его дудкѣ?.. Развѣ нѣтъ другой важности въ языческой древности! Можно упомянуть и о дудкѣ; но толковать объ этомъ три часа и мучить студентовъ записываніемъ сказаннаго—не простительно... Выбросивъ все бесполезное, болѣе времени осталось бы для существеннаго. для чтенія и изслѣдованія (7-го сентября).“

— „Муміи, вазы, статуйки, амулеты—все это надоѣло мнѣ до крайности, ибо я не могу приучить вкуса къ симъ ничтожнымъ предметамъ археологіи: давай мнѣ мысли, чувства, правила жизни и высокой, вѣчной и универсальной политики; изъ рыжихъ вазъ этрусскихъ этому не научишься, какъ бы они миловидны не были, и весь Цицеронъ, въ одномъ томѣ нѣмецкаго изданія, болѣе веселитъ глазъ мой, чѣмъ уроды и жуки египетскіе. (29-го декабря).“

— „Все найдешь въ древнихъ, если не въ полномъ цвѣтѣ и не въ плодѣ, то въ зародышѣ. Вѣками, тысячелѣтіями дозрѣваетъ человечество, „изъ образа въ образъ ведомое“. (29-го января 1828 г.).“

— „Главное въ молитвѣ—не просьба къ Богу о чемъ-либо, а сердечное сокрушеніе, чувство, которымъ сердце въ сіи минуты исполнено, глубокое чувство ничтожности собственной и преданность, отдача себя въ его могущество, чувство силы словъ „да будетъ воля твоя.... Я часто повторяю: „да будетъ воля твоя“ и послѣ сего споешь. (1-го ноября).“

— „Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслию и зрѣетъ и совершенствуется бѣдствіями; тогда и прошедшее счастье въ пользу, и тогда и только тогда для нее прошедшее вѣчно. (13-го октября).“

— „Я не разумѣю подъ поэтомъ только того, кто пишетъ стихи; могутъ быть поэты въ душѣ и въ жизни, но не въ книгахъ.“

— „Я готовъ приносить себя въ жертву тамъ, гдѣ требуетъ сего

польза пріятелей или общественная, но желаю оставаться эгоистомъ по части просвѣщенія и дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда безъ насилія своимъ правиламъ позволено мнѣ участвовать въ общей мѣрѣ; а раздѣлять мелкія состязанія мелкихъ умовъ не хочу, сберегая малый мой капиталъ на лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Если бы я одаренъ былъ талантомъ, то званіе писателя имѣло бы для меня величайшую прелесть, но и тогда не унижился бы я до журналиста мелкой литературы, а развѣ участвовалъ бы только въ такомъ изданіи, котораго цѣль благо политическое и высшая нравственность, поспѣшествованію которой можетъ много содѣйствовать и поэзія, и вся изящная, высшая словесность. Теперь же избираю лучшихъ и умнѣйшихъ между современниками, и читая мертвыхъ, стараюсь не прерывать бесѣды съ первыми, заслуживать любовь ихъ любовію всего изящнаго въ нихъ. (3-го мая 1819 г.).“

Нельзя, конечно, не предполагать, что, постоянно себя воспитывая и живнію и общеніемъ съ людьми, дѣйствовавшими на другихъ умомъ и знаніями, и наблюденіями надъ произведеніями художества, и чтеніемъ книгъ, Тургеневъ постепенно расширялъ свой взглядъ и освѣтлялъ новымъ свѣтомъ знанія и соображенія, то, во что вглядывался, и съ годами нападалъ на рѣшеніе вопросовъ, прежде оставшихся для него безъ отвѣтовъ или съ отвѣтомъ, не вполне его удовлетворявшимъ; но, насколько можно видѣть изъ того, что доселѣ можетъ быть въ виду, онъ не мѣнялъ своихъ убѣжденій и только все болѣе утверждался въ нихъ.

Вотъ одно изъ писемъ Тургенева, еще молодого (27-ми-лѣтъ) къ кн. П. А. Вяземскому, двадцатилѣтнему юношѣ, отъ 27-го октября 1812 г., писанное спустя двѣ недѣли по выходѣ Наполеона изъ Москвы:

„Вчера получилъ я, милый кн. П. А., письмо твое отъ 16-го октября изъ Вологды и несказанно обрадовался я, несмотря на то, что оно писано въ уныломъ расположеніи духа. Сѣверинъ не читалъ мнѣ твоего письма къ нему, но сказывалъ о содержаніи онаго, и я тогда уже, а еще болѣе теперь, когда дѣла наши ежедневно и примѣтно поправляются, пенялъ тебѣ мысленно за отчаяніе, въ которое ты погрузился. Зная твое сердце, я увѣренъ, что ты не о томъ, что потерялъ въ Москвѣ, а о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени русскаго; но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія—нравственнаго

и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отмщеніемъ за бесполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на голову виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патриотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ (ибо тамъ многіе покорались Наполеону, и составились партіи въ пользу его; а наши гибнуть, гибнуть часто въ безизвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія); наконецъ примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи съѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ французами славы завоевателей-разбойниковъ); все это ускокваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма, и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не останавятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не погрузятъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ я его почитаю потому, что намъ осталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ которой авторъ ея долженъ быть непремѣнно освѣтанъ.... Сильное потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помещиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно неудались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдою не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить.

„Будетъ время, мы свидимся, любезный другъ, и на развалинахъ Москвы будемъ бесѣдовать и вспоминать прошедшее; но, конечно,

прежде должно приучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святѣна наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія; мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ. Я также потерялъ много съ Москвою, потерялъ невозвратимое, напр. всѣ акты, грамоты, бібліотеку; но еще, право, ни разу не жалѣлъ объ этомъ, еще менѣе о другомъ движимомъ имуществѣ и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омытъ стыдъ нашествія иноплеменниковъ въ крови ихъ. Дѣла наши идутъ хорошо. Непрiятель бѣжитъ, бросаетъ орудія и зарядные ящики. Мы его преслѣдуемъ уже за Вязмою. Подпишусь для тебя на „Сынъ Отечества“, въ которомъ помѣщаются любопытныя статьи. Назначеніе сего журнала было помѣщать все что можетъ одобрить духъ народа и познакомить его съ самимъ собою. Какой народъ! Какой патриотизмъ и какое благо-разуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству!“

Это письмо старѣйшее изъ Тургеневскихъ писемъ сохранившихся у кн. Вяземскаго. Дружескія отношенія между кн. Вяземскимъ и Тургеневымъ, поддерживаемыя не столько одинаковостью направленій, сколько взаимнымъ уваженіемъ и, со стороны Тургенева, желаніемъ развить въ Вяземскомъ любовь къ литературѣ и поэзіи, продолжались долго. Тургеневъ слѣдилъ за его успѣхами, щеголялъ ими въ письмахъ къ другимъ, готовъ былъ помогать его предпріятіямъ, наводилъ его на работы, и т. д.

Съ дѣтства близокъ былъ Тургеневъ съ Карамзиннымъ, который многимъ былъ обязанъ его отцу. Уже важнымъ чиновникомъ былъ Тургеневъ, когда Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ со своею исторіей, какъ искатель, и нашелъ въ немъ друга и помощника, а вмѣстѣ и глубокаго читателя. Какъ дорогъ былъ всякій успѣхъ Карамзина, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма Тургенева къ И. И. Дмитріеву.

„10-го іюля 1818 г. въ чрезвычайномъ собраніи Россійской академіи, когда ея полученъ новый уставъ, президентъ академіи А. С. Шишковъ предложилъ къ избранію въ дѣйствительные члены. Н. М. Карамзина. „Творенія его стихами и прозою—сказалъ онъ при этомъ— всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе россійской исторіи, увольняютъ меня безъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства къ вступленію въ сіе почтенное сословіе.

Карамзинъ былъ избранъ единогласно.

Въ засѣданіи 15-го декабря 1818 г. Карамзинъ произнесъ рѣчь по случаю этого избранія. Въ торжественномъ засѣданіи 8-го января 1820 года, въ день празднованія академіей своего возобновленія, Карамзинъ читалъ отрывки изъ невѣданнаго еще тогда IX тома своей исторіи. На другой день послѣ этого засѣданія А. И. Тургеневъ писалъ къ И. И. Дмитріеву:

— „Несмотря на недосугъ мой, поспѣваю увѣдомить васъ о вчерашнемъ засѣданіи академіи (Россійской); оно было точно торжествомъ истиннаго таланта и прекрасной дѣятельности. Послѣ рѣчи президента (А. С. Шишкова), который старался намъ доказать преимущество академическихъ трудовъ предъ частными авторскими занятіями, маленькой секретарь академіи (П. И. Соколовъ) прочелъ исторію оной прошедшаго года; потомъ Гябдичъ, хотя и нѣсколько гробовымъ голосомъ, но весьма ясно и съ чувствомъ читалъ стихи Жуковскаго: ¹⁾ за нимъ снова Соколовъ—переводъ изъ Тита Ливія о Регулѣ, и наконецъ историографъ (Н. М. Карамзинъ), въ нѣсколькихъ словахъ объяснивъ намъ точку, съ которой начиналось чтеніе исторіи Ивана Васильевича, приводилъ слушателей попеременно то въ ужасъ, то въ восхищеніе. Невольнымъ и невѣяснимымъ образомъ при нѣкоторыхъ мѣстахъ слушатели взглядывали другъ на друга, и дѣлался какой-то шумъ одобренія; а повѣствованіе объ Адашевѣ, Филиппѣ и отвѣтъ Шереметева тирану тронули многихъ до слезъ. Дѣйствіе чтенія было магическое, и надъ вѣтъ же? Даже надъ тѣми, коихъ долговременное отсутствіе изъ Россіи, казалось охладило во всему тому, отъ чего бьется и трепещетъ русское сердце: князь Разумовскій слушалъ съ арзамасскимъ вниманіемъ и у всѣхъ было одно чувство. Историографъ пощадилъ насъ и остановился на самыхъ ужасныхъ злодѣйствахъ великаго тирана. Первымъ движеніемъ по окончаніи чтенія было всеобщее рукоплесканіе. Затѣмъ послѣдовало предложеніе президента о поднесеніи отъ имени академіи большой золотой медали историографу. Министръ духовныхъ дѣлъ и народ. просвѣщенія (кн. А. Н. Голицынъ), яко членъ академіи, первый подписалъ оное, потомъ и другіе. На эту минуту Ник. Мих. удалился въ другую комнату. Духовенство съ внутреннимъ чувствомъ благодарило его за Филиппа, честь и славу Россійскихъ іерарховъ. Замѣчательно, что весь первый департаментъ сената, собиравшійся обыкновенно въ 12 часовъ въ присутствіе, собрался на этотъ разъ въ 9 часовъ утра, чтобы въ 12 быть въ академіи. Собраніе было многочисленное, и зала едва вмѣщала посѣтителей.

¹⁾ Ценикъ и Гальціона изъ XI книги Овидіевыхъ метаморфозъ.

Въ дополненіе къ извѣстію Тургенева о засѣданіи 8-го января 1820 г. привожу слова, сказанныя Шишковымъ, по случаю присужденія Карамзину золотой медали.

— „Академія, по учрежденію своему и предписаннымъ въ уставѣ ея правиламъ, имѣетъ обязанность вознаграждать за подвѣты къмъ либо для просвѣщенія и словесности полезныя труды. Для сихъ наградъ положены разныхъ степеней золотыя и серебряныя медали. Многотрудный подвигъ члена ея, Ник. Мих. Карамзина, въ сочиненіи россійской исторіи, сколько приноситъ чести сочинителю, столько же и пользы отечеству. Почему имѣю я долгъ почтеннѣйше предложить академіи, не благоугодно-ли будетъ за сей достойный трудъ его назначить ему большую золотую медаль съ надписью: „отличную пользу россійскому слову принесшему“. Сіе предложеніе—сказано въ протоколѣ—всеми присутствовавшими членами принято единогласно. Послѣ сего г. президентъ академіи вручилъ Карамзину медаль при слѣдующемъ привѣтствіи: „Я имѣю пріятное порученіе, за труды ваши по россійской исторіи, отъ лица академіи вручить вамъ золотую медаль“. Г. Карамзинъ, принявъ сей знакъ почести, принесъ всему собранію свою благодарность. Сіи кончилось засѣданіе, болѣе двухъ часовъ продолжавшееся.“

Карамзинъ любилъ Тургенева. Съ сожалѣніемъ онъ расставался съ Тургеновымъ при его отъѣздѣ за границу въ 1825 г. (пис. къ Дмитр. 1825) и по его отъѣздѣ, выразился (письмо къ Дмитр. 21-го октября 1825), что „безъ него Петербургъ для насъ опустѣлъ“, а потомъ радъ былъ возвращенію его (письмо къ Дмитр. 22-го мар. 1826). Тургеновъ не только любилъ, но и чтилъ Карамзина и какъ чловѣка, и какъ представителя не нашего, но европейскаго просвѣщенія“, хотя и считалъ справедливымъ невыгодное замѣчаніе своего брата о мнѣніи его относительно рабства (29-го мар. 1827 г.). Какъ любилъ Тургеновъ Карамзина, видно изъ того, что онъ возилъ съ собою его письма и записки: „одну изъ трехъ сотъ, со мною путешествующихъ, я далъ для Гете (7-го авг. 1827).“ Тою же любовью къ Карамзину дышетъ его замѣтка о баронѣ Штейнѣ: „Жуковскій въ быту домашней жизни и по общему уваженію находитъ барона Штейна сходнымъ съ Карамзинымъ. Старость его точно *otium cum dignitate*. C'est le soir d'un beau jour, который прошелъ не безъ грозы, но очистилъ атмосферу (28-го іюля 1827 г.).“ Привязанность Тургенева къ Карамзину выразилась въ письмѣ его отъ 9-го апр. 1828 г.

„Я нашелъ здѣсь Карамзина въ опасной болѣзни, но которая можетъ продлиться. Все семейство доказываетъ мнѣ истинную дружбу, но, глядя на него, я часто и о своемъ горѣ забываю. У него *fièvre*

lente и онъ кашляетъ и матерія идетъ изъ него. Ему присовѣтовали климать Флоренціи, и государь показаль себя въ семь случаевъ достойнымъ Александра, который, какъ друга, любилъ его. Думаютъ, что онъ дастъ ему средства жить въ чужихъ краяхъ—и корабль для путешествія. Семейство не знаетъ всей опасности; я ежедневно и весь день съ ними. Онъ исчезаетъ для здѣшняго міра; но еще думаетъ кончить въ чужихъ краяхъ 12-й томъ. Здѣсь умеръ бы онъ скорѣе. Тамъ жизнь его можетъ продлиться».

Слухи, ходившіе о пособіи государя Карамзину для отъѣзда за границу, какъ извѣстно оправдались такъ, какъ никто не ожидалъ, рескриптомъ и указомъ 13-го марта 1826 г. Позже пошли слухи о томъ, что назначенную пенсію, которою государь, какъ самъ выразился въ рескриптѣ исполниль только долгъ справедливости и то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Александръ Павловичъ, Карамзинъ счелъ слишкомъ большою. „Это ужъ слишкомъ много“—повторялъ онъ, говорили тогда. Тургеневъ подтверждаетъ эти слухи даже въ болѣе рѣзкомъ видѣ, говоря, что Карамзинъ разсердился за пенсію (7-го авг. 1827 г.), что онъ принялъ милость съ негодованіемъ на чрезмѣрность пенсіи (29-го янв. 1828 г.). Извѣстно, что рескриптъ данъ за десять дней до смерти Карамзина и что въ благодарственномъ письмѣ къ государю, Карамзинъ не усомнился сказать: „благодѣяніе чрезмѣрно“, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ государя за обезпеченіе семьи.

Когда Карамзина не стало, Тургеневъ обратилъ свою любовь къ этому великому писателю на его семью, заботился о вдовѣ, о воспитаніи дѣтей. О Карамзинѣ же говорилъ такъ:

— „Моя скорбь проникнута боязнію, но и въ боязни этой есть искра надежды на провидѣніе. Страшусь, что въ Карамзинѣ мы лишились представителя нашей силы умственной, такого, какого не кѣмъ замѣнить, что мы въ работахъ ума опять поворотимъ назадъ. И, однако, надежда, что этого не будетъ, меня не покидаетъ, что творенія Карамзина, его великій подвигъ, долженъ вызвать другихъ на подобные подвиги.“

И. И. Срезневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813 — 1869.

Письма Даргомыжскаго въ Вл. Георг. Кастріото-Скандербеку.¹⁾

С.-Петербургъ, 5-го декабря 1845 г.²⁾

(Переводъ). Дорогой, любезный другъ Кастріотъ, два извѣстія одинаково удивили и обрадовали меня: твое возвращеніе въ Россію и предстоящая женитьба. Нечего мнѣ повторять тебѣ, что ты у меня одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ я люблю болѣе всего на свѣтѣ. Значить, ты долженъ быть увѣренъ, любезный другъ, что я живо интересуюсь всѣмъ, что до тебя касается. Если ты помнишь наши ночные разговоры въ Вѣнѣ и мои доводы касательно управленія твоихъ имѣній и твоего образа жизни въ деревнѣ, доводы, которые ты часто оспаривалъ, иной разъ даже вопреки своему доброму сердцу,—ты не усомнишься въ томъ, что я узналъ про твою женитьбу съ особенною радостью. Я знаю твое доброе, чувствительное и въ особенности любящее сердце: это все ручается въ счастіи твоей супруги и твоемъ собственномъ. Я часто говорилъ тебѣ, что для того, чтобъ постигнуть божество, искусство и женщину, надо любить ихъ. Изъ письма твоего къ ма-тушкѣ я вижу, что у тебя осталось еще много той поэтической экзальтаци, которую я такъ люблю встрѣчать, но которая рано

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 339—358.

²⁾ Все это письмо писано по-французски.

В. С.

или поздно слабѣтъ и исчезаетъ подѣ вліяніемъ дѣйствительности. Если ты способенъ, любезный другъ, хоть нѣсколько придти въ себя, то очень меня одолжишь, сообщивъ мнѣ положительныя подробности о томъ, что было съ тобою послѣ нашей разлуки въ Вѣнѣ? По какой причинѣ ты такъ поспѣшно возвратился въ Россію? гдѣ ты познакомился съ мадмуазель Коньяръ и что ты намѣренъ предпринять послѣ свадьбы? Вотъ вопросы, до безконечности меня интересующіе; вѣдь ты знаешь, какъ я радъ буду встрѣтить тебя гдѣ бы то ни было. Во всякомъ случаѣ, я уже въ восхищеніи отъ того, что ты у насъ на родинѣ. И такъ, я поздравляю тебя отъ души, любезный Кастріотъ, и прошу тебя рекомендовать меня твоей невѣстѣ такимъ, какимъ ты меня знаешь, т. е. какъ одного изъ твоихъ добрыхъ пріятелей. О музыкѣ я и не сказалъ тебѣ ничего: въ головѣ у меня большой проектъ, я поговорю о немъ съ тобою, когда осуществится твой, гораздо важнѣе моего. Прощай же, милый другъ. Матушкѣ моей это время немного нездоровится. Она дружески тебѣ напишетъ и сама тебя поздравитъ письмомъ, только что поправится. Весь твой Александръ Д.

25-го апрѣля (1848).

....Посылаю тебѣ съ сею же почтою душу твою и экземпляръ альбома съ карикатурами; до сихъ поръ онъ идетъ плохо и мы въ убыткѣ.

Ежели Глинка у тебя въ деревнѣ, то обними его отъ меня и скажи, что несмотря на то, что онъ не пишетъ ко мнѣ и оказываетъ ко мнѣ нерасположеніе, я все также принимаю участіе въ его твореніяхъ, и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ проигрываю всѣмъ, кто ни бываетъ у меня, его музыкальныя очерки, изъ коихъ особенно нравится мнѣ: «Souvenir d'une mazurque»,¹⁾ Глинка человекъ—какъ и всѣ мы грѣшныя, а талантъ онъ, въ глазахъ моихъ, зѣло великій. Кстати скажи ему, что Одеонъ объявилъ мнѣ, будто всѣ экземпляры «Руслана и Людмилы» взяты издателемъ обратно, то я прошу Глинку, чтобы онъ научилъ меня, гдѣ я могу достать все, что есть напечатаннаго изъ его оперы, и пожалуйста увѣдоми меня о семъ.

¹⁾ Глинка сочинилъ «Souvenir d'une mazurka» осенью 1847 года, въ Смоленскѣ. (См. Записки М. И. Глинки, изд. «Русской Стариной», стр. 165).

За симъ, что бы мнѣ сказать тебѣ новенькаго? Великій постъ здѣсь прошелъ ужасно музыкально. Всѣ съ ума сходили на томъ, чтобы дѣлать музыкальные вечера. Было ихъ много, а толку въ нихъ мало.

Ну что твои музыкальныя занятія? Если бы я былъ человекомъ одинокій, то пріѣхалъ бы въ тебѣ въ деревню повидаться съ тобой и съ Глинкой.

На будущую зиму я буду ждать тебя сюда. Я можетъ быть здѣсь буду ставить своихъ «Вакхановъ» на сцену, и мы бы съ тобой вмѣстѣ позанимались музыкой. Я здѣсь живу въ страшномъ одиночествѣ; въ большой свѣтъ ѣзжу много, а людей по себѣ не встрѣчаю. Поэты и художники вывелись отъ глухихъ журналистовъ, какъ тараканы отъ мыпьяку. Живопись еще кое-какъ плетется, да намъ съ нею нечего дѣлать; а музыканты здѣсь такъ плохи, что мнѣ кажется я изъ лучшихъ.

Затѣмъ прощай, другъ Кастріотъ. Будь здоровъ и не забывай преданнаго Даргомыжскаго.

С.-Петербургъ, 30-го сентября (1848).

Я давно не писалъ въ тебѣ, любезный другъ и собратъ по музыкѣ. Это, впрочемъ, не есть доказательство, чтобы не вспоминать о тебѣ. Весьма одолжишь меня, если откликнешься на письмо мое и скажешь словечко о томъ, здоровъ-ли ты и твои, что подѣлывалъ лѣтомъ и собираешься-ли, по обѣщанію, сдѣлать визитъ нашей столицѣ?

Имѣешь-ли ты какое-нибудь извѣстіе о Глинкѣ? Я знаю только, что онъ все еще живетъ въ Варшавѣ, но пишетъ-ли? вотъ главный пунктъ. Я считаю произведенія его весьма важными, не только для русской, но даже вообще для всякой музыки. Все, что ни выходитъ изъ-подъ пера его—ново и интересно. За то сколько онъ отнял у насъ. Публика хочетъ всѣхъ мѣрить на его аршинъ, отъ этого и мудрено намъ выдерживать. Недавно здѣсь давали оперу Львова: «Ундину»¹⁾. Трудъ большой, много есть и хорошихъ мелодій, а публика морщится. Вникая въ причины, видишь одно: сравненіе портить все дѣло.

¹⁾ «Ундина» дана въ первый разъ 30-го сентября 1848 г.; такимъ образомъ настоящее письмо окончено нѣсколькими днями позже числа, обозначеннаго въ подлинникѣ, въ началѣ его.

Ты вѣрно интересуешься знать отчасти, что я подѣлываю? Пишу, братецъ, все пишу. Меня публика отучила только издавать свои сочиненія, а писать до сихъ поръ не можетъ отучить; лѣтомъ писалъ я балетъ въ оперѣ, что я выкроилъ изъ Пушкина оды: «Торжество Вахха», а теперь принимаюсь за «Русалку», изъ коей я тебѣ уже игралъ нѣкоторые нумера. Что меня мучаетъ—это либретто: вообрази, что я самъ плету стихи. Поэты у насъ все гении: ни одного нѣтъ просто съ талантомъ, какъ ты да я; и съ ними ладу никакого нѣтъ; смотрятъ на тебѣ съ высоты-высоты и презираютъ. Очень бы желалъ видѣть тебѣ сію зиму въ Петербургѣ; я-было хотѣлъ ѣхать въ Москву ставить «Торжество Вахха», но дирекція не желаетъ на сей годъ моихъ услугъ. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 1-го ноября (1850).

Во исполненіе желанія твоего, любезный другъ Кастріотъ, передалъ я твои рукописи Гензельту; но все-таки совѣтую тебѣ написать ему словечко о нихъ. Ты знаешь, Гензельтъ—артистъ разсѣянный и рукописи могутъ у него залежаться; я радъ, что ты продолжаешь заниматься музыкой. Работай усерднѣе покуда здоровъ: я на опыгѣ начинаю узнавать, что болѣзни и недуги вдругъ нагрянутъ на человѣка, и хотя не могутъ уничтожить въ немъ силы творческой, но непрерывно останавливаютъ его въ трудѣ исполнительномъ. Со мною, на примѣръ, не бываетъ двухъ недѣль сряду, чтобы физическая боль не отвлекала меня отъ работъ. Задумаешь въ мгновение, создашь въ утро, а обработка и изложеніе должны ждать здоровыхъ часовъ, которые стали рѣдки.

Выдумва твоя писать драматическія кантаты съ квартетомъ и оригинальна и занимательна. Но мнѣ кажется, что не худо бы въ квартету присоединить и фортепьяно, которыя могутъ въ этомъ случаѣ разыгрывать роль духовыхъ инструментовъ. Такъ что, прибавивъ къ квартету контрабасъ, кантата твоя акомпанируется маленькимъ оркестрикомъ. А чисто квартетный акомпаниментъ, какъ онъ ни интересенъ, не можетъ быть достаточно удовлетворителенъ для музыки драматической, которая всегда требуетъ болѣе или менѣе энергии. Все, что я пишу тебѣ, любезный другъ, есть только одно мое воззрѣніе на предметъ, но я

никакъ не выставляю мнѣнія своего непреложнымъ закономъ. Я помню, что мы когда-то игравали симфоніи Бетговена, переложенныя для двойного квартета и фортепьяно въ 4 руки; и это выходило очень недурно.

Я теперь живу здѣсь въ страшномъ уединеніи, и предвижу, что проведу въ немъ всю зиму. Глинка сюда не будетъ. Моношкѣ я самъ по чистой совѣсти совѣтовалъ не пріѣзжать, онъ человѣкъ недостаточный, а Петербургъ пожираетъ деньги. Ты вѣроятно тоже не пріѣдешь; а здѣсь, изъ русскихъ музыкантовъ, одинъ только Ласковскій, но и тотъ такъ занятъ службой, что рѣдко съ нимъ видимся. Итальянская опера довольно въ жалкомъ положеніи. Правда, что Персіани оконченная пѣвица, Тамбурини и Маріо тоже удовлетворительны; но ты знаешь, что для нашего брата нужна музыка, а не пѣвцы. А въ нынѣшнемъ году только и будетъ интереснаго опера Моцарта: «Le pozze di Figaro». Хотя она по-мѣому и ниже «Волшебной флейты» и «Донъ Жуана», но ее такъ рѣдко слышишь, что душа заранѣе радуется ей.

Сестра моя¹⁾ принялась снова за арфу: напиши-ка намъ романсъ для тенора съ арфой, мы будемъ распѣвать его за твое здоровье. Я недавно заставлялъ Билибину пѣть твою каватину: «Есть тихая роща». Я люблю ее и увѣренъ, что если бы она не была такъ длинна и трудна въ акомпаниментѣ, она бы пѣлась повсемѣстно. Рубинштейнъ кончилъ свою оперу, но я еще не слыхалъ ее. Изданные Бернаромъ его 12 романсовъ не поются, хотя одинъ изъ нихъ для меня очень хорошъ, а другіе два недурны. Но публика наша, сколько сама слаба въ музыкѣ, столько и строга къ композиціямъ. Въ послѣднее время я ввелъ здѣсь хорвое пѣніе безъ акомпанимента. Это очень насъ забавляетъ. Начни я съ серьезной музыки, мнѣ бы показали купипшъ, а я началъ съ пустяковъ, и пошло какъ по маслу.

С.-Петербургъ, 24-го февраля 1852 г.²⁾

(Переводъ). Твое письмо, любезный Кастріотъ, чрезвычайно меня порадовало, какъ тѣмъ, что ты помнишь меня, такъ и извѣстіемъ, что ты вѣренъ служенію музамъ. Я промедлилъ отвѣтомъ

¹⁾ Эрминія, игравшая отлично на арфѣ.

²⁾ Письмо это писано по-французски.

нѣсколько дней, потому что потеря нашей доброй матушки, кромѣ огорченія, повлекла за собою много хлопотъ и дѣлъ, которыхъ при жизни ея у меня не было. Мы еще не выѣзжали изъ нашей квартиры, оттого что трудно въ зимнее время найти другую подходящую; но въ маѣ или юнѣ мы ее оставимъ, чтобъ избѣжать печальныхъ воспоминаній. Мы постараемся помѣститься все въ одномъ домѣ съ Степановыми, что будетъ особенно полезно и пріятно для Эрминіи.

Глинка проводитъ зиму въ Петербургѣ. Въ началѣ сезона онъ былъ довольно здоровъ и въ самомъ чудесномъ расположеніи духа; но кончаетъ онъ дурно: здоровье его разстроилось пуще прежняго, а расположеніе духа у него, какъ тебѣ извѣстно, всегда въ связи со здоровьемъ. По временамъ у него понемногу занимаютъ музыку. Онъ съ удовольствіемъ слушаетъ Глюка и Керубини, а прочими композиторами мало интересуется. Я люблю его все по прежнему, но, что касается искусства, я уже не нашелъ въ немъ того мастера-художника, по воображенію и чувству, который былъ прежде такимъ славнымъ совѣтникомъ. Это жаль, потому что съ его превосходнымъ талантомъ, повончивъ свое художественное поприще, все-таки можно быть полезнымъ, какъ критикъ. Впрочемъ надобно приписать физическому разстройству странность (bizarrerie) и особенно переменчивость его мнѣній.

• Ты хочешь знать, любезный другъ, какъ произошла исторія съ моей оперой «Эсмеральдой» въ Петербургѣ? Ее могли дать всего только три раза, потому что prima donna перешла уже во вторую половину своей беременности, а это вовсе не согласовалось съ идеальной невинностью живой цыганки. Такъ какъ здѣшнее общество глубоко презираетъ русскую оперу, то слушателей и любопытныхъ собралось очень немного. Но за то эти немногие такъ явно, такъ искренно и такъ лестно обнаружили мнѣ свое удовольствіе, что самые шарлатаны изъ такъ-называемыхъ знатоковъ ушли съ половины представленія, подъ тѣмъ предлогомъ, что исполненіе въ такой степени дурно, что, несмотря на достоинство сочиненія, нѣтъ силъ дослушать до конца. Одинъ изъ этихъ господъ сообщилъ мнѣ эту причину на другой день, въ письмѣ, извиняясь, что уѣхалъ послѣ второго дѣйствія. Что касается лучшихъ и истинныхъ артистовъ, какъ Гейзельтъ,

Ласковскій, Тамбурины и другіе любители искусства, то они остались до конца; многіе пришли послушать мою оперу во второй и третій разъ и всё любезно отдали справедливость моему музыкѣ. Особенно Мауреръ, этотъ бесспорно лучший знатокъ въ Петербургѣ, три раза прослушавшій мою оперу, тронулъ меня слѣдующими словами: «Я старъ и откровененъ, г. Даргомыжскій, потому что мнѣ больше нѣтъ надобности кому бы то ни было льстить; такъ я вамъ скажу напрямки, что для нынѣшняго времени ваше произведеніе слишкомъ хорошо». Изъ этого ты видишь, дорогой Кастріотъ, что я, какъ художникъ, доволенъ, но, какъ членъ петербургскаго общества, сожалью, что музыкальное искусство такъ упало у насъ. Ты себя представить не можешь, что за сочиненія имѣютъ здѣсь успѣхъ: цыганскія арии, да польки самаго пошлаго свойства. На итальянской сценѣ ставить Верди и Алари: все общія мѣста, приправленные страшнѣйшимъ шумомъ.

Пора бы тебѣ, любезный другъ, навѣстить насъ еще разъ. Тѣ зимы, что ты проводишь здѣсь, были всегда оживленнѣе прочихъ, въ отношеніи музыкальномъ. Прощай, до свиданья, цѣлую тебя отъ всей души. Даргомыжскій.

P. S. Я съ удовольствіемъ узнаю, что ты не безъ дѣла сидишь въ деревнѣ; и мнѣ, конечно, пріятно было бы пробѣжать твои новыя произведенія, но вдвое было бы пріятнѣе, еслибы ты пріѣхалъ самъ мнѣ ихъ спѣть будущей осенью. На лѣто я останусь въ городѣ съ отцомъ, который часто хвораетъ. Въ іюнь мѣсяцѣ я снова примусь за свою «Русалку», эту оперу, отрывки которой я тебѣ показывалъ, и которую я-было бросилъ, не надѣясь дать ее на сценѣ. Но лестное вниманіе, оказанное мнѣ въ настоящемъ году петербургскою публикою, какъ-будто обязываетъ меня произвести на старость лѣтъ созданіе національное. Я употреблю всё силы, чтобы удовлетворить публику, но это очень трудно.

С.-Петербургъ, 5-го мая 1853 г. 1)

(Переводъ). Любезный Кастріотъ, я просмотрѣлъ и попросилъ твою бывшую ученицу Любовь (Ивановну) Бѣлилицыну спѣть твои новые романсы. Ты хочешь знать мое мнѣніе о нихъ, такъ я

1) Письмо это писано по-французски.

тебѣ скажу, что фактура ихъ хороша и безуворизненна, какъ большинство твоихъ произведеній, и въ Германіи не одинъ нѣмецъ вивнулъ бы одобрительно головою, услышавъ ихъ, и не одна сантиментальная нѣмочка (постарше 30-ти лѣтъ) нашла бы ихъ по своему вкусу. Въ отношеніи мелодическомъ, я нахожу, что послѣднія три пьесы уступаютъ многимъ твоимъ мелодіямъ, изданнымъ Битнеромъ. Впрочемъ, онѣ отличаются оригинальностью, которая, на мои глаза, всегда есть достоинство.

Я говорилъ съ тремя издателями на счетъ изданія твоихъ романсовъ. Битнеръ и Стелловскій, вѣчно жалующіеся на свою музыкальную торговлю, не смѣютъ и подумать 'о печатаніи чего-нибудь болѣе музыкальнаго какой-нибудь цыганской пѣсни, или романсика Гурилева или моего. Отвѣтъ Бернара, самого сдѣлаго между ними, я при семъ прилагаю. Онъ принимаетъ только двѣ пьесы и въ вознагражденіе композитору предлагаетъ нѣсколько печатныхъ экземпляровъ. Не зная твоихъ собственныхъ намѣреній, я не объявилъ никакого рѣшенія. Съ прочими издателями, какъ незнакомыми мнѣ, я даже и не говорилъ; въ томъ же, это все бѣдный народъ, перебивающійся со дня на день.

Ты хочешь знать, любезный другъ, какъ мы тутъ живемъ? Какъ граждане—живемъ покойно, семейно и вдали отъ большого свѣта. Какъ художники — сестра моя сдѣлала большіе успѣхи на арфѣ и поджидаетъ новый инструментъ изъ Лондона: я—давалъ большой концертъ въ залѣ дворянскаго собранія. Публика приняла мои произведенія съ энтузіазмомъ, въ самомъ дѣлѣ превосходящимъ ихъ достоинство, а это подняло противъ меня всю синагогу (какъ говоритъ Глинка) и всѣхъ маленькихъ композиторовъ и журналистовъ. А чтобы пуще ихъ взбѣсить, я лѣтомъ примусь за дѣло и постараюсь сдѣлать что-нибудь въ самомъ дѣлѣ порядочное. Прощай, любезный другъ. Жду твоего отвѣта и рѣшенія. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ. 12-го декабря 1856 г.

Письмо твое отъ 23-го ноября, любезный другъ Кастріотъ, получилъ я только 9-го декабря; при немъ и посылку съ рукописями. Душевно благодарю тебя, какъ за память обо мнѣ, такъ и за пріятно-лестное посвященіе 6-ти новыхъ твоихъ романсовъ. Проигралъ и промурлыкалъ я все присланное тобою съ большимъ

интересомъ и удовольствіемъ. Такъ рѣдко встрѣчаешь русскую музыку, писанную чисто и музыкально. А живя почти въ одиночествѣ, мое величайшее наслажденіе проигрывать новую музыку вообще, а русскую въ особенности. Ты спрашиваешь моего мнѣнія о твоихъ романсахъ? Я не умѣю дѣлать строгихъ приговоровъ, какъ тѣ знатоки и критики, которые сами ничего не создаютъ и полагаютъ, что послѣ Бетговена никто уже ничего порядочнаго написать не можетъ. Я люблю искусство не для шума, а для себя, занимаюсь имъ въ одиночествѣ и признаюсь, что всякая, даже недурная, новая музыка доставляетъ мнѣ удовольствіе, тѣмъ болѣе такіе романсы, какъ твои, въ которыхъ есть мысли почти вездѣ, чувство очень часто, а правильность и чистота отдѣленіи непрерывны. Ты не всегда счастливъ въ выборѣ словъ: забываешь, что самыя лучшіе стихи бывають часто хороши для чтенія, но неловко ложатся подъ музыку.

Квартетъ твой я Гензельту отослалъ. Разумѣется, сдѣлалъ нескромность—прочелъ его. Я уже вижу въ немъ размахъ опытнаго мастера: поздравляю тебя. Ежели желаешь знать мое поверхностное мнѣніе о квартетѣ—вотъ оно: *andante* прекрасно—*scherzo* изобилуетъ милыми эффектами. Первое *Allegro* хотя интересно, но недовольно разнообразно. Въ послѣднемъ финалѣ основа немного обыкновенна, слишкомъ мало ватѣйлива, но въ исполненіи эффектъ долженъ выдти довольно блестящій.

Романсы твои я передалъ Стелловскому и Бернару на разсмотрѣніе. Со временемъ напишу тебѣ, какая послѣдуетъ отъ нихъ резолюція. Но путнаго отъ нихъ не жду. Музыка вокальная, да и всякая, здѣсь въ совершенномъ упадкѣ. Издатели — и расхоровъ не выручаютъ; я, пишущій сіи строки, издаю «Русалку» свою самъ, на заемныя деньги, и буду очень доволенъ, ежели приплачу только половину издержекъ, т. е. руб. 700 сер.—вотъ тебѣ примѣръ утѣшительный. Лучше всего пріѣзжай сюда самъ. Прошлую зиму оживилъ меня и порадовалъ пріѣздомъ своимъ Монюшко, а нынче хвати-ка ты вмѣсто его. За симъ прощай. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 2-го января 1857 г.

Получилъ я второе твое письмо, любезный другъ, Скандербекъ, и спѣшу дать тебѣ отвѣтъ на счетъ фортепяно. Въ депо иностранныхъ руаялей — цѣны непомерныя: 1,000 и 1,500 руб.

Брейткопфовъ, Штрейхеровъ и имъ подобныхъ, я, признаться, не люблю: жидаки. До сихъ поръ я въ Петербургѣ знаю только одни хорошіе руаяли — это Вирта; его заведеніе перешло вовсе не къ Шуберту, какъ ты пишешь, а къ Эшенбаху, его племяннику, и осталось совершенно въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ было и при Виртѣ. Я недавно купилъ у него два руаяля — одинъ другого лучше. Я полагаю, что за 600 руб. можно выторговать у него съ пересылкою. Выбрать руаяль я берусь: а еще лучше, ежели самъ прійдешь, тогда вмѣстѣ выберемъ — отличный.

Издатели наши, какъ истые жидаки, не берутся издать твои романы, даже — ежели ты половину издержекъ примешь на свой счетъ. Другого я отъ нихъ и не ожидалъ. Но одинъ молодой издатель дамскаго журнала, подъ названіемъ «Цвѣтокъ», готовъ взять ихъ въ видѣ приложений въ журналу; и вообще ежели ты разрѣшишь изданіе твоихъ двѣнадцати романсовъ, отдѣльно каждый (только, разумѣется, уже безъ эпитафиа г. Меча, и посвященія можно помѣстить только на одномъ романсѣ), тогда я найду возможность бѣольшую часть изъ нихъ, а быть можетъ и всѣ размѣстить въ разныя періодическія изданія. Да, или нѣтъ?

На дняхъ слышалъ я «Жизнь за Царя». Мастерское, оригинальное произведеніе: столько красотъ, что промаховъ не хочется и замѣчать. Одно въ этой оперѣ не удовлетворяетъ: мало драматической правды. Послѣ-завтра буду слушать свою «Русалку». Жаль, что тебя нѣтъ, послушали бы вмѣстѣ. Даргомыжскій.

Сообщ. В. Г. Кастріото-Скандербергъ.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ВОЕЙКОВЪ.

1779—1839.

I.

Отрывки изъ записокъ его пріятеля.

Но если вѣдуешь надъ кѣмъ я косячаться,
Я тутъ прямой поэтъ, и мысли въ мигъ родятся.

Изъ сатиры Буало, И. М. Дмитриевъ.

..... Воейковъ разсылалъ сотни записочекъ, къ друзьямъ и знакомымъ, въ которыхъ всегда обнаруживалъ остроту свою. Онъ, кажется, щеголялъ ими. Эти записочки всегда были съ нумерами и онъ велъ имъ разносную книгу. По этимъ книжкамъ видно, что отъ него въ годъ выходило писемъ и записокъ больше тысячи!

Вотъ нѣкоторые:

Бор. М. Ѳедоровъ какъ-то съ годъ не являлся на вечера его; потомъ обнадежилъ, что непременно будетъ. Воейковъ, свывая литераторовъ къ себѣ на вечеръ, между прочимъ, писалъ П. А. Плетневу: „у меня будетъ Б. М. Ѳедоровъ, въ первый разъ по возобновленіи“.

Другую записку, къ Плетневу же, онъ окончилъ такимъ образомъ: „Воейковъ, ст. сов. и кавалеръ ордена св. Владиміра 3-й ст., членъ российской академіи, переводчикъ Деліля и Виргілія, издатель Русскаго Инвалида, Образцовыхъ сочиненій, Новостей Литературы, Славянина, Литературныхъ прибавленій, изобрѣтатель хамелеонистики, а что всего важнѣе, сочинитель Дома сумасшедшихъ“.

Самые злые куплеты въ Домѣ сумасшедшихъ — это куплеты на Булгарина:

Тутъ кто? Гречева собака
Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ!

То—Булгаринъ, забіяка
 Съ рыломъ мосичымъ своимъ,
 Съ саблей, въ петлѣ... «А французской
 «Крестъ ужель надѣтъ забылъ?
 «Вѣдь его ты кровью русской
 «И предательствомъ купилъ!»

— Что-жь онъ дѣлаеть здѣсь?—«Лаеть,
 «Брызжетъ пѣною съ брылей,
 «Мечется, рычитъ, кусаетъ
 «И домашнихъ и друзей».

— Но на чемъ онъ сталъ помѣшанъ?
 «Совѣсть — умъ свихнула въ немъ:
 «Все боится быть повѣшенъ,
 «Или высѣченъ кнотомъ.»¹⁾

Воейковъ сказывалъ мнѣ, что онъ года два думалъ посадить въ желтый домъ Ѳ. В. Булгарина, да все не удавались о немъ стихи. Наконецъ, во всюнощную на первой день пасхи, занятый своею мыслію, онъ ихъ выдумалъ. Послѣ того онъ уже не могъ молиться, складывая стихи въ головѣ своей, а по окончаніи всюнощной и обѣдни, прискакалъ домой и сразу написалъ приведенныя выше строфы. „Послѣ этого, прибавилъ Воейковъ, я ужъ разговѣлся!“

Вообще, ни что такъ легко и кругло у него не выливалось, какъ остроты противъ того, что возбуждало его негодованіе или ненависть. Разъ, на дачѣ у А. А. Краевского, сочинитель поэмы „Мирозданіе“, Соколовскій, рассказывалъ, что нѣкто купилъ у него второе изданіе этой поэмы и едва-едва согласился заплатить сто рублей, да и тѣ насилу отдалъ. Это возмутило Воейкова.

— А что,—спросилъ онъ,—N. N. точно отдалъ вамъ деньги?

— Точно,—отвѣчалъ Соколовскій.

— И вы положили въ карманъ эти деньги,—продолжалъ Воейковъ. Соколовскій подтвердилъ.

— И вы,—продолжалъ Воейковъ,—чувствовали, что деньги у васъ въ карманѣ?

— Да,—отвѣчалъ Соколовскій.

— Ну, а когда вы вышли отъ покупщика, спохватились-ли вы, какъ полезли въ карманъ, нашли-ли вы деньги?—говорилъ Воейковъ, показывая на карманъ свой.

Однажды у Владиславлева—Воейковъ увидавъ на столѣ портретъ Н. И. Греча подошелъ къ нему и долго, по своей привычкѣ прищуриваясь и гримасничая, разглядывалъ его, наконецъ сказалъ:

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 579—620.

— Ну—чтожь, ничего, пусть, пусть до висѣлицы повиситъ хотя на стѣнкѣ ¹⁾

Однажды Воейковъ спросилъ меня, что я чувствую, встрѣчаясь съ богачомъ, который ѣдетъ въ блестящемъ экипажѣ или въѣзжаетъ въ собственный великолѣпный домъ? Этотъ вопросъ удивилъ меня; мнѣ никогда прежде въ голову не приходила подобная мысль—Какая же мнѣ надобность, сказалъ я, до экипажа или дома, напримѣръ Демидова, гр. Шереметева, и какое я имѣю право на ихъ богатство?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Воейковъ,—я не таковъ: мнѣ всегда бываетъ досадно, когда я вижу другого богаче меня.

Вслѣдъ за этимъ я разсказалъ ему объ одномъ литературномъ предпріятіи Владиславлева (издать альманахъ въ пользу дѣтской больницы) и что этому взялся помогать гр. Бенкендорфъ. Когда я прибавилъ, что Владиславлевъ этимъ средствомъ можетъ получить отъ своего альманаха, вмѣсто 5, до 20 т. руб., Вовйковъ, не сказавъ ни слова, схватилъ себя за волосы и заскрежеталъ зубами. Послѣ прежняго разговора съ нимъ мнѣ очень понятна была невысказанная мысль его.

Я слышалъ—боюсь повторить—что еще въ молодости своей Воейковъ сдѣлалъ какой-то проступокъ..... Можетъ быть это сдѣлалось невольно, отъ стеченія случаевъ, въ минуту мгновеннаго разгоряченія... Да и кто столько золъ, чтобы покусился на такое преступленіе съ намѣреніемъ. Вѣрно потому онъ отдалъ бы всю свою жизнь, только бы не было въ ней этой несчастной минуты... Еще больше и отъ всего сердца желаю, чтобы это была неправда. Но страшныя явленія замѣчались за нимъ, особенно во время болѣзней. Въ промежуткахъ разговоровъ онъ часто задумывался, схватывалъ себя за волосы и тяжело стоналъ. Онъ обыкновенно тотчасъ опомнивался и, какъ бы отвлекая отъ себя подозрѣніе, говорилъ, что стонетъ отъ болѣзни. Это рванье волосъ, судороги лица и стонъ больше показывали, что къ нему пристаётъ какое-то воспоминаніе. Однажды онъ самъ говорилъ мнѣ:

— Я знаю, что умру, но еще долго буду страдать, потому что есть за что.

Въ послѣдней тяжкой болѣзни его, я нерѣдко сидѣлъ у его постели, и онъ, съ своими большими включенными волосами, съ су-

¹⁾ Остроумный Н. И. Гречъ съ своей стороны не щадилъ Воейкова, см. статью Греча объ авторѣ «Дома сумасшедшихъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г. т. IX, стр. 621—643.

дорожными выраженіями страданія, съ своими стопами, очень походилъ на Громобоя.

Другой смертный грѣхъ (а ихъ было на душѣ Воейкова по крайней мѣрѣ семь) была въ молодости какая-то интимная связь. Въ походѣ 1812 г., его страсть вездѣ ѣздила съ нимъ и въ тотъ же годъ, во время переправы черезъ Березину, у нихъ родился сынъ, Доброславскій. Послѣ этого сынъ воспитывался въ Москвѣ, у матери, учился въ медико-хирургической академіи и былъ выпущенъ лекаремъ. Въ концѣ 1837 года Воейковъ выписалъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ ординаторомъ въ военно-сухопутный госпиталь. Божескій гнѣвъ лежалъ на этомъ сынѣ преступной любви. Избалованный у матери, онъ ни отъ кого не получилъ правилъ вѣры и нравственности, былъ наглъ и дерзокъ противъ всего....

Въ Петербургѣ, первые мѣсяца два, онъ жилъ у отца и въ это время успѣлъ завести какую-то незаконную связь, такъ что отецъ принужденъ былъ выгнать его изъ дома и нанять ему отдѣльную квартиру на Петербургской сторонѣ. Не долго онъ жилъ тамъ. Разъ утромъ (4-го марта 1838 г.), начавъ бриться и выславъ своего человѣка, онъ бритвой перерѣзалъ себѣ горло. Ни тогда, ни послѣ не узнали причины этому. Всего вѣроятно, что буйныя страсти и недостатокъ вѣры довели его до такой смерти. На отца это происшествіе жестоко подѣйствовало. Дрихляющий и расположенный къ болѣзнямъ старикъ, началъ больше и больше хилѣть.

Разсказывалъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. „Даютъ мнѣ знать, что пріятель мой Воейковъ при смерти и что доктора уже объявили ему самому, что болѣе двухъ дней онъ ни за что не проживетъ.

Пріѣзжаю я къ нему. Сажу у его постели. Спрашиваю: ну, что, Александръ Федоровичъ, не имѣешь-ли что поручить мнѣ о своихъ дѣлахъ, доктора вѣдь сказали, что положеніе твое опасно?“

— Эхъ, Иванъ Никитичъ,—заговорилъ приподнимаясь на локоть умирающій: есть, есть у меня къ тебѣ просьба: одолжа дней на десять—тысячь пять рублей.

Просьба меня удивила. Я подумалъ и говорю: а вотъ погоди, я жду съ почты деньги, пришлютъ изъ деревни оброкъ, такъ дней черезъ пять тебѣ и дамъ.

Воейковъ съ злостью сжалъ кулакъ и крикнулъ повертываясь ко мнѣ спиной. Онъ видимо разсердился, что не удалось занять безъ отдачи.“

Воейковъ всегда былъ, до самой смерти своей, поклонникомъ прекрасныхъ женщинъ, и надобно признаться, что имѣлъ изящный вкусъ. Разъ я пріѣхалъ къ нему на дачу, въ Большую Рыбацкую, и какъ-то случилось, что засталъ его въ распλοхъ. Это было въ лѣтній, жаркій день. Подлѣ него сидѣла прелестная дѣвушка, съ расплетенной косою: длинныя волосы ея были раскиданы по плечамъ и старикъ игралъ ими... Это, кажется, былъ конекъ его вкуса.

Всѣ знакомые Воейкова помнятъ портретъ первой жены его. Она представлена бѣгущею въ лѣсу, въ бурю: вѣтеръ несетъ впередъ ея распущенныя волосы и бѣлое платье... Прекрасная женщина и прекрасное изображение. Да, старикъ имѣлъ вкусъ!

Меньше, чѣмъ за годъ до смерти, онъ женился на постоянной сожительницѣ своей, N. N., въ іюлѣ 1888 года. За этотъ не равный бракъ его всѣ осуждали, въ томъ числѣ и я; но проступокъ (?) его былъ слѣдствіемъ размышленій о прежней жизни старика, приближающагося къ смерти. Онъ хотѣлъ сколько возможно поправить прежнее и облегчить себя отъ того, что тяготило его совѣсть. Онъ дѣйствовалъ уже какъ христіанинъ, которому страшны предчувствія будущаго.

Послѣдніе восемь мѣсяцевъ онъ уже никуда не выѣзжалъ, страдая каменной болѣзнію. Въ это время онъ всегда принималъ гостей лежа на постели и, по природѣ хитрый и лукавый, всегда хотѣлъ показываться больнымъ больше, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ. Нерѣдко, прикидываясь хилымъ и изнеможеннымъ, онъ говорилъ, что весь исхудалъ, что грудь у него ослабѣла, тогда какъ былъ полонъ по прежнему, а за минуту кричалъ сильнымъ, здоровымъ голосомъ.

Даже въ бездѣлицахъ, гдѣ не нужно было хитрости, онъ не переставалъ хитрить, какъ будто влекла его къ этому натура. Такъ кошка дѣйствуетъ по своей лукавой манерѣ и тамъ, гдѣ-бы можно было обойтись безъ этой манеры. Однажды крѣпостная дѣвочка его, лѣтъ 13-ти, чѣмъ-то разсердила его. Онъ уже былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ и не могъ встать съ постели. Схвативъ палку, стоящую у постели, онъ приказывалъ дѣвочкѣ подойти къ себѣ. Дѣвочка, пользуясь болѣзнію его, не слушалась и еще что-то сгубила. Вдругъ застоналъ онъ, и упавъ головой на подушки, началъ кричать, что ему дурно, что онъ умираетъ. „Матушка, Фіона, Фіонушка, говорилъ онъ дѣвчонкѣ, не сердись на меня, прости меня, подойди и поправь постель, мнѣ неловко, что-то колеть...“ Глупая дѣвочка повѣрила и ей стало жаль барина. Она подбѣжала и стала поправлять постель.

Но лишь наклонила она голову, какъ онъ лѣвой рукой цапъ-царапъ се за волосы, а правую жестоко прибилъ ее палкой....¹⁾

Въ послѣдніе дни своей жизни онъ особенно хотѣлъ помириться съ тѣми, съ которыми ссорился, но которыхъ любилъ. Онъ боялся перейти въ ту жизнь, не разставшись съ друзьями по-дружески. Такъ какъ я не былъ у него недѣли три, и когда пришелъ къ нему, онъ беспокоился—не сержусь-ли я на него? Присѣвъ на постели и сложивъ руки на грудь, онъ говорилъ мнѣ своимъ слогомъ: „Пожалуста скажите, не сердиты-ли вы на меня, не сдѣлалъ-ли я противъ васъ какого-нибудь канальства? Я не извиняюсь, а прошу у васъ прощенія“. Давній пріятель его Владиславлевъ не сердился на него, но все-таки не ѣздилъ къ нему. Въ передпослѣдній день и онъ пріѣхалъ къ нему. Старикъ былъ въ восхищеніи.

Мѣсяца за два передъ смертію, въ день кончины П. П. Свиньина, Воейковъ, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ разослалъ записочки ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Радостный-ли это случай, чтобы со стороны и съ такой торопливостію извѣщать о немъ! Судьба его поимала на этомъ самомъ грѣхѣ и наказала его тѣмъ же самымъ. Н. Н. получивъ записочку поздно вечеромъ, лежа и дремля въ постели, призвалъ слугу и приказалъ ему, завтра по раньше, сходить въ домъ Свиньина и узнать, правду-ли пишетъ Воейковъ? Н. Н. съ просонокъ перемѣшалъ-ли фамилію или человѣкъ заспалъ приказаніе и оно перевернулось у него вверхъ ногами, только слѣдующимъ утромъ онъ прѣблагополучно отправился въ домъ Воейкова и въ прихожей началъ спрашивать у людей, точно-ли и какъ онъ умеръ? Въ передней началось перешептыванье и говоръ, такъ что я услышалъ, и узнавъ, о чемъ идетъ дѣло, призвалъ къ себѣ посланнаго. И старикъ Воейковъ долженъ былъ самъ растолковывать, что не онъ умеръ, а П. П. Свиньинъ. Этотъ случай былъ пророчествомъ его собственной смерти!

Онъ умеръ 16-го іюня 1839 г., въ пятницу, въ 5 часовъ утра. Въ послѣдніе дни онъ былъ утомленъ страданіями и желалъ скорѣе умереть. Задумываясь и потомъ приходя въ себя, онъ говаривалъ: „и вотъ, какъ только я забудусь, первая мысль моя, не умру-ли я теперь!“ Но былъ онъ въ памяти до послѣдней минуты. Страданія

¹⁾ Это нѣсколько иначе и невѣрно рассказано И. И. Панаевымъ, въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ.» «Современникъ», 1861 г. № 11, стр. 74 и 75.

его во время болѣзни были такъ велики, что въ сравненіи съ ними смерть его казалась покойною. Мертвый трое сутокъ лежалъ въ домѣ. Лицо его совершенно переиѣнилось. Всегдашнее выраженіе насмѣшки, съ примѣсю лукавства и злобы, исчезло и лицо приняло спокойный, строгій видъ. Знакомые, сначала спрашивавшіе шутками: „не прикидывается-ли онъ“, — смотря на это лицо, уже говорили: „Ну, теперь онъ не обманывается!“ Онъ похороненъ 19-го іюня 1839 г., на кладбищѣ порокового завода.

Лицо А. Ѳ. Воейкова было смуглое и калмыковатое, голова большая, съ волнистыми, густыми волосами. Онъ былъ довольно толстъ и неуклюжъ. Еще болѣе онъ неловокъ сталъ отъ хромоты, сломавъ себѣ ногу 15-го октября 1823 г. „Я ѣхалъ, — рассказывалъ онъ, — изъ Петербурга въ Царское, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать зло одному человѣку — и Богъ наказалъ меня; лошади понесли, сломали мнѣ ногу и я не сдѣлалъ того, что хотѣлъ сдѣлать“. Голосъ имѣлъ онъ громкій и какой-то воющий. Любилъ говорить, а еще больше острить. Греча, Свинына, Полевого, а чаще всего Булгарина не спускалъ съ языка и отъ этого даже терпѣлъ нѣсколько интересъ разговора его, сбивавшагося на однообразіе.

Въ бумагахъ Воейкова остался дневникъ и счеты. Изъ нихъ видны многія добрыя свойства его. У него были на постоянномъ жалованьи нѣсколько вдовъ и сиротъ, и кромѣ того, онъ часто помогалъ бѣднымъ. Каждый мѣсяцъ выходило у него до 100 и болѣе руб. на бѣдныхъ: а эта большая сумма по его достатку. Прибавьте къ этому безпрестанные подарки, которые онъ посылалъ дѣтямъ, знакомымъ, литераторамъ и другимъ, и всякій повѣритъ рассказамъ его домашнихъ, что онъ всегда нуждался, такъ что иногда по году не могъ сдѣлать себѣ новаго платья. Изъ журнала его видно, что онъ любилъ пламенно первую жену свою. Тамъ встрѣчаются отмѣтки: „О радость, о восторгъ, сегодня я получилъ письмо отъ Сашеньки, и самое милое!“ На разныхъ книгахъ остались отмѣтки, въ которыхъ онъ не щадилъ и самого себя. Напримѣръ: „Вотъ ужъ начался и 1836 годъ, а хромоногий В. все еще живетъ!“ Вторая жена его, скромная женщина, любила уединеніе, и почти ни съ кѣмъ не была знакома, несмотря на то, что онъ часто старался познакомить ее съ другими и бранилъ за одиночество. А иногда шутя говорилъ ей: „Ну, скажи, что ты за человѣкъ, кто тебя любитъ? Вотъ меня любятъ и Жуковский, и Дубельтъ, и Руссовъ, и тебѣ съ сотню насчитаю друзей моихъ. А тебя кто любитъ? Только и любитъ тебя одинъ, да и тотъ хромой, черный, рябой, старый, мерзкій!“

Первая жена Воейкова уѣхала за границу 21-го августа 1827 г., умерла въ Пизѣ 1828 г.

Въ запискахъ Воейкова нигдѣ не нашелъ я о времени его рожденія. Старикъ и тутъ лукавилъ. Однажды онъ говорилъ: „Скажите, какъ я-было обчелся; я все считалъ себѣ за 60 лѣтъ, а недавно, справившись хорошенько, увѣрился, что мнѣ еще только 57 лѣтъ“. Надобно прибавить, что ему тогда было уже 65 лѣтъ (?), самыхъ вѣрныхъ.

Однажды былъ онъ у Греча. Этотъ журналистъ представляетъ ему сотрудника своего, Владимира Строева. Воейковъ уже былъ предубѣжденъ противъ Строева, какъ члена Гречевой партіи и какъ челоуѣка, котораго онъ считалъ такимъ же барышникомъ какъ его главный недругъ (?). Къ этому присоединилась низенькая, худо сформированная природой фигура Строева и его бѣдный, оборванный костюмъ. Воейковъ былъ пораженъ этой фигуркой. Какъ бы остоленѣвъ, отъ нечаянности, сложивъ руки и окидывая его насмѣшливыми глазами, онъ говорилъ про себя, но такъ что всѣмъ слышно было: „Господи, Боже мой, что это такое!“ потомъ отошелъ прочь и захохоталъ во все горло.

Между другими, въ жену Воейкова былъ влюбленъ А. И. Тургеневъ, котораго она, впрочемъ, не очень жаловала. Разъ онъ такъ увлекся, что при мужѣ, сверхъ комплиментовъ, которые сыпалъ Александръ, поправилъ ей своею рукою локонъ. Это до того взбѣсило Воейкова, что между нимъ и Тургеновымъ уже назначена была дуэль. Только посредничество Жуковскаго могло успокоить неосторожнаго влюбленнаго и самолюбиваго мужа.

Однажды при мнѣ доложили Воейкову, что слуга отъ кого-то изъ генераловъ принесъ ему письмо. Воейковъ приказалъ позвать слугу въ комнату. Принявъ и прочитавъ письмо, онъ вынулъ изъ столика кошелекъ, высыпалъ серебро и началъ перебирать деньги. Беря то одну, то другую монету и останавливаясь больше на цѣлковыхъ, онъ разстановочно спрашивалъ челоуѣка: „А что, баринъ твой нанялъ дачу?... Пишетъ-ли къ нему сестрица его, Анна Сергѣевна?... Сколько заплачено за тотъ прекрасный кабриолетъ, въ которомъ ѣздитъ твой баринъ?..“ Я думалъ, что Воейковъ не можетъ рѣшиться, что дать челоуѣку, цѣлковый, полтинникъ, восьмигривенникъ или гривенникъ; что ему мелкую монету дать стыдно, а большую жалео. Но Воейковъ, кончивъ свои вопросы и еще помолчавъ немного, сказалъ: „Прощай, братецъ.

кланяйся своему барину". Когда слуга ушелъ, Воейковъ собралъ деньги въ кошелекъ, захохоталъ и сказалъ: „Замѣтили-ли вы, какъ у него глаза разгорѣлись? онъ такъ и думалъ, что я дамъ ему цѣлковый!“

Въ этомъ человѣкѣ, кажется, была страсть мучить другихъ.

Книгопродавецъ N. N. изъ прикащиковъ, завелъ свою лавку и быстро началъ распространять дѣла свои. Да,—сказалъ Воейковъ,—этотъ молодой человѣкъ далеко пойдетъ, если его не скоро повѣсятъ!

Н. В. Кукольникъ, у себя на вечерѣ, читалъ новую драму свою Джакомо Санназаръ. Кончивъ чтеніе, онъ самъ просилъ гостей своихъ сказать свое мнѣніе. Всѣ, разумѣется, какъ гости, хвалили. Одинъ Воейковъ молчалъ.

— Что-жъ вы, Александръ Федоровичъ?—спросилъ его хозяинъ,—не скажете своего мнѣнія?

— Да, еслибы, отвѣчалъ Воейковъ—государь поставилъ здѣсь висѣлицу и сказалъ: вотъ Воейковъ выбирай, или сейчасъ тебя повѣсятъ, или говори свое мнѣніе о драмѣ Кукольника, такъ я бы ничего не сказалъ.

Въ 1837 году В. А. Владиславлевъ, уѣзжая на нѣсколько мѣсяцевъ въ южныя губерніи, отдалъ на это время лошадей своихъ поручику гвардіи Беваду. Надобно замѣтить, что прежде Бевадъ былъ армейскимъ прапорщикомъ, когда Владиславлевъ былъ уже ротмистромъ. Если-бъ Владиславлевъ не уѣхалъ и похлопоталъ, то онъ очень могъ бы быть штабс-капитаномъ гвардіи (майоромъ); но онъ уѣхалъ и этотъ чинъ выхлопоталъ себѣ Бевадъ, и стало-быть обогналъ его чиномъ. Воейковъ, услышавъ объ этомъ, съ хохотомъ говорилъ:

— Вотъ В. А. оставилъ лошадей своихъ Беваду, а тотъ на его же лошадяхъ, да обогналъ его!

На А. А. Протасовой женился Воейковъ въ 1815 г., въ Москвѣ, когда былъ профессоромъ дерптскаго университета, и по этому случаю все семейство Протасовыхъ тогда же переехало въ Дерптъ. Объ этомъ семействѣ см., между прочимъ, „Москвитанинъ“ 1852 г., № 18, Русская словесность, стр. 113—126.

Въ 1811 году въ Москвѣ литераторы часто собирались и читали другъ другу свои произведенія. Эти вечера бывали по большей части у Фед. Фед. Иванова, сочинителя драмы: „Семейство Старичковыхъ.“ На этихъ вечерахъ играли иногда въ коммерческія игры. Воейковъ,

изстари острякъ и весельчакъ, игралъ иногда съ Мерзляковымъ, не въ деньги, а на столько-то стиховъ; Мерзляковъ по большей части проигрывалъ, и за это повиненъ былъ проигранное число стиховъ перевести изъ Садовъ Делиля, которые онъ, добродушный, и дѣйствительно переводилъ, а Воейковъ бралъ ихъ, какъ свою собственность, и вставлялъ въ свой переводъ Делилевой поэмы. Можетъ быть онъ нѣсколько и передѣлывалъ ихъ, чтобы они приходились къ тону его собственнаго перевода; но дѣло въ томъ, что это дѣйствительно было. См. „Мелочи изъ запаса моей памяти“, Мих. Дмитриева („Москвитянинъ“ 1854 г., № 12, Русская словесность, стр. 156).

Еще о Воейковѣ и его сочиненіяхъ, см. тѣже Мелочи М. Дмитриева, „Москвитянинъ“ 1854 г., № 16, Русская словесность, стр. 174—178, 189 и 193.

О немъ же, см. Дневникъ Жихарева въ „Отеч. Зап.“ 1856, № 4, словесность, стр. 412.

Въ Москвѣ, въ 1806 г., Воейковъ жилъ въ своемъ домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, и задавалъ славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измайлову, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многимъ другимъ (Записки современника, Жихарева, ч. 1, стр. 321).

О Воейковѣ и первой женѣ его (любопытно) см. „Москвитянинъ“ 1853 г., № 12, историч. матеріалы, стр. 13—15.

II.

Домъ сумасшедшихъ.

(Напечатано съ подлинника, рукою автора писаннаго).

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г. (т. IX, стр. 586—603) напечатана шутка-сатира А. Θ. Воейкова и напечатана по нѣсколькимъ спискамъ, со множествомъ варьянтовъ, сообщенныхъ П. А. Ефремовымъ. Необходимо однако сказать, что печатая въ 1874 г. это весьма характерное, по отношенію къ литературѣ 1820—1830-хъ гг. произведеніе, мы не имѣли подлинной рукописи автора и не нашли ее даже въ большомъ собраніи бумагъ Воейкова, въ намъ поступившихъ. Нынѣ въ архивѣ покойнаго Θ. В. Булгарина Т. А. Сосновскій нашелъ подлинникъ сатиры: „Домъ сумасшедшихъ“, писанный рукою Воейкова, и, съ согласія Б. Θ. и В. Θ. Булгаринныхъ, весьма обязательно представляетъ этотъ автографъ на страницахъ „Русской Старины“. Печатаю его, необходимо указать на особенность подлинника: такъ какъ это подарокъ Воейкова Булгарину, потому все, что въ сатиры гово-

рится о Гадеѣ Венедиктовичѣ, то авторомъ не внесено въ подносный экземпляръ, а о Гречѣ значительно смягчено. Ред.

Други милые, терпѣнья!
 Расскажу вамъ чудный сонъ;
 Не игра воображенья,
 Не случайный призракъ онъ.
 Нѣтъ, но мнѣню предъидущій
 И грозящій неба гласъ,
 Къ покаянію зовущій
 И пророческій для насъ.

* * *

Ввечеру, простившись съ вами,
 Я въ углу сидѣлъ одинъ
 И Кутузова стихами
 Я растапливалъ каминъ,
 Подбавлялъ изъ Глиняки сору,
 И твоихъ, о Мерзляковъ,
 Изъ Амура, по сю пору
 Недочитанныхъ стиховъ.

* * *

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
 Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
 И въ награду, крѣпко, крѣпко
 И приятно усыпилъ.
 Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
 Черезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
 Перешедъ, спѣшу къ оградѣ —
 И вступаю въ желтый домъ.

* * *

Отъ любви сумасшедшихъ
 Въ списокъ бѣгло я взглянулъ
 И твоихъ проказъ прошедшихъ
 Длинный рядъ вспомнюулъ,
 О, Кавелинъ, долгъ романамъ
 И тобою заплаченъ,
 Но сказавъ: «прости!» обманамъ,
 Ты давно ужъ не влюбленъ.

* * *

Ахъ! и я . . . . . но сновидѣнье
 Прежде, други, расскажу:
 Во второе отдѣленье
 Бѣшеныхъ глупцовъ вхожу.
 «Берегитесь, здѣсь Наглицкой!» —
 Насъ вожатый упредилъ —
 «Онъ укуситъ васъ, не близко!» ..
 Но Наглицкой завопилъ:

* * *

«Горе! добрый царь на тронѣ,
 Върѣ терпимость, пытки нѣтъ!»

Ахъ, заяѣмъ не при Неронѣ
 Я рожденъ на бѣлый свѣтъ?
 Благотворный бы представилъ
 Инквизиціи проектъ
 И плетъми бы съчъ заставилъ
 Философовъ разныхъ сектъ.

* * *

«Я, какъ дьяволъ, ненавижу
 Бога, ближнихъ и царя,
 Зло имъ сдѣлать.»¹⁾ сплю и вижу
 Въ честь Христова алтаря».
 Други! признаюсь, изъ кельи,
 Уши я зажавъ, бѣжалъ;
 Рядомъ съ ней на новосельи
 Злуничъ бѣгло бормоталъ:

* * *

«Вижу бѣсовъ предо мною,
 Какъ Содомъ въ грѣхахъ весь свѣтъ,
 А всему Невтонъ виною
 И проклятый Архимедъ;
 Локкѣ—коварный развратитель
 Столькихъ женщинъ и дѣвицъ,
 Кантъ—безбожія учитель
 И Гутонъ²⁾—гроза больницъ!»

* * *

Слыша рѣчь сію невѣжды,
 Сумазброта и жагѣлъ,
 И малѣйшія надежды
 Къ излеченью не имѣлъ.
 Нашъ Пустелинъ недалеко
 Тамъ въ чуланѣ засѣдалъ,
 И горѣ возведши око
 Исповѣдь свою читалъ.

* * *

«Ахъ, за что лишать свободы
 И сажать въ безумный домъ;
 Я—подлецъ уже съ природы,
 Сорокъ лѣтъ кожу глупцомъ
 И Наглицкой вѣчно мною
 Какъ тряпичей черной трѣтъ,
 Какъ кривою кочергою
 Загребаетъ или бьетъ»...»³⁾

* * *

Я послѣшными шагами
 Черезъ залу перешелъ

¹⁾ Прежде было написано: «Погубить ихъ—сплю и вижу».

Ред.

²⁾ Прежде написано: Морво, но зачеркнуто. Guyton-Morveau—франц. ученый, извѣстный (1737 † 1816 г.) сочиненіемъ объ очищеніи воздуха въ больницахъ.

³⁾ Наглицкой—Магницкій; Злуничъ—Руничъ.

Ред.

И увидѣлъ надъ дверями
Очень чётко: сей отдѣлъ
Прозанстамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторамъ.
Не по чину, не по лѣтамъ,
Здѣсь мѣста по номерамъ.

* * *

Двери настѣжъ, надзиратель
Отворя, мнѣ говоритъ:
-Номеръ первый—вашъ пріятель
Каченовскій здѣсь сидитъ.
Букву Э на эшафотѣ
Съ торжествомъ и лики жжётъ;
Умъ его всегда въ работѣ
По крякамъ стихи поётъ;

* * *

То ковычки созерцаетъ,
То обнюхивая гниль
Духу розъ предпочитаетъ.
То, сметая съ книжекъ пыль,
И въ восторгъ восклицая
Набиваетъ ею ротъ:
-Соръ Славянскій! пыль святая!
Слаще ты чѣмъ медъ и сотъ!>

* * *

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка-Шаликовъ въ слезахъ,
Разруманенный, въ вѣnochкѣ,
Въ ярко-планшевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣнчикъ страстно,
Кличетъ Граціи здѣшнихъ мѣсть
И мауча сладострастно
Размазну безъ масла ѣсть.

* * *

Номеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдигъ;
Передъ нимъ духъ Рускій въ стлянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга кормчая отверста,
А уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.

* * *

-О, Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ Россійскаго Стоглава
Ты Гооолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота

Въ Андромахѣ — подражанье
Погребенію ката.

* * *

«Ты-ль Х(востовъ)?» — къ нему вошедши
Вскрикнулъ я: «тебѣ-ль здѣсь быть?»

Ты дуракъ, не сумасшедшій;
Не съ чего тебѣ сходить!» —
«Въ Боало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина переправилъ!» —
Быстро онъ проговорилъ.

* * *

И читать мнѣ началъ оду...
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ
Буквъ славянскихъ красоту
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую Оиту.

* * *

И на мебели повсюду
Корованное Кси,
Старовѣрскихъ книжекъ груду
И въ окладѣ Икѣ и Пси.
Томъ въ сафьянѣ перешитенный
Тредьяковскаго стиховъ,
Я увидѣлъ изумленный —
И узналъ, что тутъ Шишковъ.

* * *

Вотъ Сладковскій восклицаетъ:
«Се, се россы! се самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ зияетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ!
И чрезъ Ворсклу при преправѣ
Градовъ на сушѣ творецъ,
Съ драгостью пошелъ ко славѣ,
А поэмѣ сей конецъ!»

* * *

Вотъ Жуковский! въ саванъ длинной
Скутанъ, лапочки вѣстомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнить языкомъ.
Вѣдму видѣть воображаетъ
И глазомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ и отпѣваетъ,
И трезвонитъ и реветъ.

* * *

Вотъ Кутузовъ! онъ зубами
Бюсть грызетъ Карамзина,

Пѣна съ усть течеть ручьями,
 Кровью грудь обагрена.
 И напрасно мраморъ гложеть,
 Только время тратитъ въ томъ:
 Онъ вредить ему не можетъ
 Ни зубами, ни перомъ.

* * *

Но Станевичъ въ отдѣленѣхъ
 Усмотрѣвъ, что это я,
 Возопилъ въ остервененѣхъ:
 «Миръ! потомство! за меня
 Злому критику отмстите,
 Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
 Монументъ соорудите:
 Я заслугами великъ!»

* * *

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣхъ
 Крошка - Батюшкова виситъ,
 Въ свѣтлой проволочной кѣткѣхъ;
 Въ баночку съ водой гладитъ
 И поетъ онъ сладкогласно:
 «Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
 Но спустися на дно—ужасной
 Крокодилъ на немъ лежитъ!» —

* * *

Вотъ нашъ Гречъ! — Рукой нескромной
 Цѣлыхъ полгода безъ сна
 Изъ тетрадици огромной
 Моряка Головинна
 Онъ страницы выдираетъ,
 И, во всѣхъ дѣлахъ нахаль,
 Въ уголку иглой вшиваетъ
 Ихъ въ недѣльный свой журналъ.

* * *

Вотъ Измайловъ! Авторъ басенъ,
 Разсужденій, эпиграмъ;
 Онъ пишеть мнѣ: «я согласенъ,
 Я писатель не для дамъ.
 Мой предметъ носы съ прыщами,
 Ходимъ съ Музою въ трактиръ
 Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдами,
 Миръ кварталныхъ есть мой миръ!»

* * *

Вотъ въ передней рабъ-писатель,
 Каразинъ хамелеонъ,
 Земледѣль, законодатель!
 Взглянемъ, что мараетъ онъ?
 Пѣснь свободѣ, деспотизму,
 Возгласъ всѣмъ божкамъ земнымъ,

Гимнъ похвальный атеизму
И акакистѣ всѣмъ святымъ.

* * *

Вотъ Грузинцовъ! онъ въ коронѣ
И въ сандаляхъ какъ царь,
Гордъ, въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ Греческой букварь.
«Вѣрно ваши сочиненья?»
Скромный сдѣлалъ я вопросъ.
«Нѣтъ! Софокловы творенья!» —
Отвѣчалъ онъ вздернувъ носъ.

* * *

Я бѣгомъ безъ дальнихъ зборовъ!
«Вотъ еще!» — сказали мнѣ. —
Я взглянулъ ..... Максимъ Невзоровъ
Углемъ писать на стѣнѣ.
«Еслибъ такъ какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала-бъ горше Вѣра;
Я вреднѣй чѣмъ Дидеротъ!»

* * *

Отъ досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать угѣху,
Но смотритель доложилъ:
«Ради вы или не ради,
Но указъ ужъ полученъ,
Вамъ нельзя отсель ни пяди!»
И указъ тотчасъ прочтенъ.

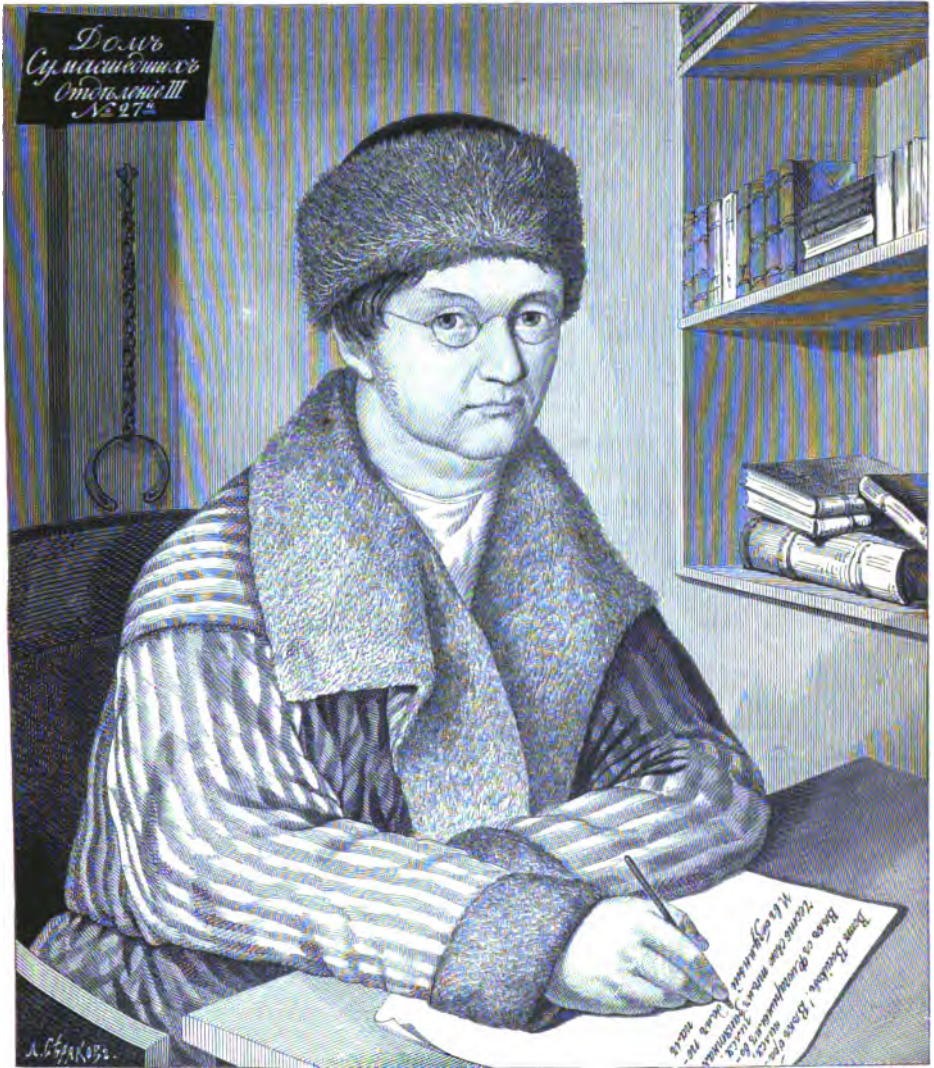
* * *

«Тотъ Воейковъ, что Делила
Столь безбожно исказилъ,
Истерзать хотѣлъ Эмили
И Виргилю грозилъ,
Долженъ быть какъ сумазбродный
Въ цѣпъ посаженъ въ желтый домъ;
Темя все обречь сегодня
И тереть почаще льдомъ.»

* * *

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И проснувшись не очнулся,
И не вѣрилъ самъ, что спалъ
Други, вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать — не жить поэту.
А писать начать боюсь.

А. Воейковъ.

А. О. ВОЕЙКОВЪ.

1779 — 1839.

III.

Изображеніе автора сатиры: „Домъ сумасшедшихъ“.

Въ обширномъ собраніи П. А. Ефремова портретовъ русскихъ дѣятелей находится рисунокъ, весьма бойко набросанный на большой четвертѣ листа, итальянскимъ карандашомъ, изображающій автора „Дома сумасшедшихъ“ въ томъ отдѣленіи этого заведенія, куда А. Ѡ. Воейковъ самъ себя посадилъ. Рисунокъ, какъ видно изъ подписи, принадлежитъ какому-то „Е. Ж.“ и сдѣланъ, какъ на немъ-же помѣчено, въ 1831 году.

Портретъ, по отзывамъ лицъ, знавшихъ А. Ѡ. Воейкова, очень на него похожъ и, какъ надо полагать, не только сдѣланъ съ натуры, но по собственному желанію и даже для самого автора „Дома сумасшедшихъ“. Известно, что не щадя въ своихъ крайне злыхъ шуткахъ и острогахъ многихъ общественныхъ дѣятелей и своихъ собратьевъ по литературѣ, А. Воейковъ не щадилъ и себя.

Характерный рисунокъ Е. Ж., сообщенный намъ П. А. Ефремовымъ, воспроизведенъ въ прилагаемой гравюрѣ академикомъ Л. А. Сѣряковичемъ; рисунокъ на деревѣ исполнилъ художникъ К. О. Брозъ.

Ред.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

Какъ и когда писался „Панъ Тадеушъ“.

Мицкевичъ, унеся свою Литву съ собою за границу, былъ ей, можно сказать, постоянно боленъ: куда бы ни отправлялся, что бы ни дѣлалъ онъ—образы Литвы вездѣ его преслѣдовали неотступно; какъ поэтъ, онъ стремился ихъ воплотить, написать что-нибудь такое, что было бы насквозь пропитано Литвою и вѣстѣ стояло бы Литвы: было бы также, по возможности, роскошно и благоуханно, какъ снѣжшися ему и недававшіе нигдѣ покою ея лѣса и пажити, какъ Бѣлѣжская пуца, какъ злачные берега Нѣмана.

Очень скоро, послѣ бурныхъ дней революціи 1830—31 г., едва волны польской эмиграціи осѣли на разныхъ удобныхъ для нихъ пунктахъ Европы, отхлынувъ отъ отечества,—стали строиться въ душѣ поэта планъ „Сельской поэмы“, въ родѣ Германа и Доротеи,—поэмы, которой дѣйствіе происходитъ въ Литвѣ. Планъ этотъ принялъ болѣе опредѣленныя формы, когда поэтъ очутился въ деревнѣ одного стараго пріятеля, въ княжествѣ Познанскомъ. Тамъ вырвалось у него изъ самаго сердца это несравненное по простотѣ начало:

Litwo, ojszyzno moja, ty jesteś jak zdrowie;
Nie cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię straci!...¹⁾

Описаніемъ „пшякетскаго фольварка на Литвѣ“ заключился первый „познанскій“ отрывокъ.

Затѣмъ, осенью 1832 г., поэтъ перебрался на житье въ Парижъ.

¹⁾ По-русски это вышло такъ:

Отчизна милая, подобна ты здоровью:
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя....

Печатаніе „Дзядовъ“, „Книгъ Скитальчества“ и сочиненій Стефана Гарчинскаго занимало почти все время Мицкевича въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду. Новой, только что начатой поэмѣ онъ удѣлялъ очень немного минутъ. Поэта окружали тогда слѣдующія лица: Антоній Горецкій, Богданъ Залѣсскій, Игнатій Домейко, Богданъ Янскій, Стефанъ Зань; потомъ къ нимъ присоединились: Стефанъ Витвицкій и Іосифъ Залѣсскій, братъ Богдана. Все это были люди болѣе или менѣе литературные. Витвицкій писалъ недурные стихи, а Богданъ Залѣсскій былъ даже извѣстный поэтъ. Разговоръ ихъ преимущественно вертѣлся около литературы, но часто зацѣплялись, какъ бы нечаянно, модные, революціонные вопросы тѣхъ дней и порождали праздные споры и толки. Мицкевичъ жалуется на это въ письмахъ къ друзьямъ.

Вскорѣ потомъ этотъ небольшой кружокъ близкихъ и, такъ-сказать, родственныхъ Мицкевичу по ремеслу людей, значительно увеличился наплывомъ всякаго народа изъ разныхъ польскихъ и французскихъ политическихъ партій и революціонныхъ комитетовъ, которые творились тогда въ Парижѣ поминутно, смѣняясь одинъ другимъ, одинъ другому подставляя ногу. Скромныя стѣны жилища Мицкевича увидѣли генераловъ: Дембинскаго, Мисъ-Мицельскаго, Владислава Замойскаго, музыканта Шопена, скульптора Давида; членовъ Лелевелевскаго комитета: Леонарда Ходзьку, К. Е. Водзинскаго; потомъ людей разныхъ партій: Ворцеля, Шарля Монталамбера, Шеміота, братьевъ Собанскихъ, Реттеля, Цезаря Платера, Вротновскаго, Вейсендорфа, Колыско и множество другихъ, для кого разговоръ о поэзи, о литературѣ былъ дѣломъ далеко не первостепеннымъ, даже вовсе ненужнымъ. Имъ бы лишь поговорить пошумнѣе и позадорнѣе о Польшѣ, о ея несчастіяхъ, о революціяхъ вообще и о польскихъ въ особенности.

Мицкевичъ никогда не раздѣлялъ революціонныхъ фантазій своихъ соотчичей, не вѣрилъ ни въ силы Польши, чтобы она могла достойно бороться съ врагами, ни въ покровительство европейскихъ державъ. Въ поэмѣ „Пань Тадеушъ“ онъ высказываетъ кое-какія свои мысли объ этомъ устами Матвѣя Кролика... Но въ бесѣдахъ съ соотечественниками Мицкевичъ былъ полякомъ, какъ всѣ поляки: шумѣлъ, ораторствовалъ, пускалъ въ ходъ всякіе софизмы... Такъ онъ велъ себя до поры до времени и съ главной массой своихъ гостей, отъ которыхъ несло скорѣе табакомъ и порохомъ, чѣмъ эниміамомъ Апполонова храма. Онъ сыпалъ имъ цвѣтистыя фразы, исполненныя блеску и живости, удивлялъ ихъ оригинальностью и новизною оборотовъ. Говорилъ онъ вообще, особенно въ минуты вдохновенія, увле-

кательно. Бывали, впрочемъ, случаи, когда поэтъ остерегалъ чрезъчуръ горячихъ и неугомонныхъ, завязывались неприятные для него споры...

Такъ текли дни за днями, а новая поэма не подвигалась, или подвигалась очень медленно. Мицкевичъ самъ говорилъ ближайшимъ друзьямъ, что „все это, эти сходки, занятія и равные хлопоты дупшать его милого „Тадеуша“ въ пеленкахъ“.

Судьба сжалилась надъ новорожденнымъ. Французы затѣяли вѣстѣ съ поляками *сoup-d'état*. Маршалъ Кловель, перемолвясъ съ генераломъ Дверницкимъ и другими вліятельными поляками, сталъ въ главѣ національной гвардіи и предмѣстствъ. Подъ огнями короля гремѣла день и ночь Марсельеза. Дверницкій и многіе другіе поляки высшихъ чиновъ разгуливали по Тюльерійскому саду въ польскихъ мундирахъ, съ саблями у боку. До вспышки было недалеко. Правительство, однако, нашло способы устранить ее, войдя въ соглашеніе со своими, а любезныхъ гостей, кто нарушилъ законы, обязательные для скитальцевъ, принятыхъ подъ чужой кровъ, французская полиція попросила выѣхать. Этого требовала, сверхъ того, и политика: отношенія Франціи къ Россіи и другимъ державамъ. По Царству Польскому бродили воззванія: „Къ русскому народу, къ польскимъ воинамъ, къ евреямъ“, подписанное членами Делевелевскаго комитета. Бродили воззванія того же комитета по Австріи и Пруссіи.¹⁾ Вѣдъ проповѣдовались революціи и революціи — и поляки являлись тутъ первыми зажигателями. Всѣмъ правительствамъ было извѣстно о замыслахъ Заливскаго поднять походъ противъ Россіи, а если онъ удастся, то и противъ другихъ.²⁾

Многіе изъ восѣщавшихъ Мицкевича должны были выбраться изъ Парижа. Другіе, оставшіеся кое-какъ, всѣми неправдами, въ его стѣнахъ, казались крайне раздраженными, говорили Богъ-знаетъ что. Дверъ поэта затворилась для всѣхъ, кромѣ избраннаго кружка, состоявшаго преимущественно изъ писателей и артистовъ. Имъ позволялось посѣщать пріятеля когда угодно. Они входили и выходили, не обращая вниманія на хозяина, который дѣлалъ свое дѣло: обѣдалъ, писалъ, обдумывалъ что-нибудь — тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостей, въ другомъ углу квартиры. Зброшенный „Тадеушъ“ былъ призванъ къ жизни. Работа пошла ходко. „Книги Скитальчества“ приостановились. Изданіе сочиненій Гарчинскаго близилось къ

¹⁾ «Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», Москва. 1873, стр. 14—19.

²⁾ Тамъ же, стр. 16—24 и даѣе.

концу. 8-го декабря н. ст. 1832 г. Мицкевичъ пишетъ къ старому своему другу, Одыцу: „Принялся писать сельскую поэму, въ родѣ Германа и Доротеи... и уже накропалъ (укропѣш) тысячу стиховъ“.

Настроение поэта и кружка, который его посѣщалъ, приняло (вслѣдствіе душевной атмосферы, окружавшей поляковъ въ Парижѣ) религиозный характеръ. У Мицкевича устроились вечернія собранія для пѣнія молитвъ. Антоній Горецкій, какъ старшій лѣтами, обыкновенно начиналъ пѣть какую-нибудь молитву, а другіе присоединяли потомъ свои голоса. Поэтъ постоянно твердилъ друзьямъ, что „надо бросить пока учрежденіе всякихъ комитетовъ, а стараться всѣми силами передѣлать себя къ лучшему, пробудить въ развитыхъ и разстроенныхъ сердцахъ уснувшую вѣру, надежду и любовь“. Не безъ того, чтобы иногда подобныя бесѣды не принимали мистическаго направленія. Мицкевичъ, всегда склонный къ мистицизму, въ то время былъ уже пропитанъ имъ насъвозъ и сообщалъ друзьямъ кое-какія, якобы хорошо ему извѣстныя, подробности о жизни того міра, о іерархіи духовъ.

Случилось, что среди такихъ занятій то поэмой, то изданіемъ сочиненій Гарчинскаго, поэтъ продалъ всенду Александру Еловицкому, имѣвшему въ Парижѣ свою польскую типографію, переведеннаго имъ незадолго передъ тѣмъ въ Дрезденѣ Вайронова „Глура“. Условіе было подписано. Вдругъ рукопись куда-то пропала. Сколько ни искали, не могли найти нигдѣ. Нечего дѣлать: поэтъ сѣлъ снова за работу, за новый переводъ Глура — и кончилъ его въ мѣсяцъ, припомнивъ конечно, кое-что изъ стараго, но жаловался друзьямъ, что многія хорошія вещи безвозвратно пропали.

Это обстоятельство прервало занятія „Тадеушемъ“. Мицкевичъ воротился къ нему только передъ весною 1833 г., и въ короткое время написалъ вторую и третью пѣсни. Въ письмѣ къ Одыцу отъ 20-го апрѣля н. ст. 1833 г., поэтъ говоритъ: „опять воротился къ сельской поэмѣ, которая въ настоящее время составляетъ любимое мое дѣтище. Пишу — и мнѣ кажется, что я въ Литвѣ“.

Среди этихъ работъ поэтъ посѣщалъ довольно часто Люксембургскій садъ и тамъ бродилъ по аллеямъ, думая стихами „Тадеуша“. Домейко, состоявшій тогда чѣмъ-то въ школѣ французскихъ минеровъ, имѣлъ недалеко отъ Люксембургскаго сада уединенную квартиру, домикъ съ окнами на всѣ четыре стороны, какъ фонарь. Мицкевичъ напросился туда и тамъ писалъ. Но тѣснота помѣщенія и еще кое-какія обстоятельства видимо его стѣсняли... Поэтому Стефанъ Занъ приискалъ пріятелю другую квартиру, на улицѣ св. Николая Антенскаго (St. Nicolas d'Antin), двѣ или три довольно обширныя комнаты

Тутъ Мицкевичъ весь отдался „Тадеушу“. Писалъ по сто и полтора-ста стиховъ въ день, которые немедля прочитывалъ друзьямъ: Богдану Залѣсскому, Витвицеому и другимъ ближайшимъ. 23-го мая н. ст. поэтъ пишетъ къ Одынцу: „работаю довольно. Кроплю (kropię) мою поэму, которой четвертую пѣснь сегодня докончу. Живу въ Литвѣ, въ ея лѣсахъ, ворчмахъ, со шляхтой, съ жидами и проч. Рѣдко куда выхожу. Когда бы не эта поэма, бѣжалъ бы изъ Парижа“.

Въ самомъ дѣлѣ, тогдашній Парижъ, съ его безчисленными политическими кружками, съ вѣчными приготовлениями къ революціямъ съ кучками поляковъ, которые ходили какъ убитые, бросая изводлобья недовольные, свирѣпыя взгляды, производилъ на спокойнаго, мирнаго гражданина, полнаго съ утра до ночи стихами, навѣянными совсѣмъ не Парижемъ и не Франціей, непріятное, потрясающее впечатлѣніе. Изъ Польши между тѣмъ приходили самыя печальныя вѣсти о неудачномъ исходѣ экспедиціи Заливскаго, о погибели, и притомъ совершенно бессмысленной, нѣсколькихъ десятковъ людей съ большими дарованіями и энергіей, которая могла бы быть употреблена иначе, съ большимъ толкомъ и пользой для родины. Поляки Парижа, члены всякихъ комитетовъ служили панихиды.¹⁾ А на лицахъ французовъ читалось болѣею частію полнѣйшее равнодушіе къ дѣлу поляковъ, если только не презрѣніе. Тутъ, можетъ быть, или немного позже, при подобныхъ обстоятельствахъ и настроеніи, вырвались у Мицкевича слѣдующіе стихи, въ видѣ вступленія въ „Тадеушу“:

«O czym tu dumać na raryskim bruku,
Przynosząc z miasta uszy pełne stuku,
Przekleństw i kłamstwa, niewczesnych zamiarów,
Zapóźnych żalów, potępieńczych swarów?...
Biada nam, zbiegi, żeśmy w czas morowy
Łęklive nieśli za granicę głowy!...»

Такое состояніе духа и усиленныя занятія прозой жизни и разрѣшеніе трудныхъ задачъ, задаваемыхъ все болѣе и болѣе поэмой, истощили силы поэта. Онъ сталъ видимо увядать; страшно похудѣлъ; друзья поглядывали на него съ опасеніемъ, но... мѣшать его поэтическимъ работамъ у нихъ не хватало духу. Всѣ они съ гордостью думали тогда, что въ домикѣ, гдѣ жилъ Мицкевичъ, на улицѣ St. Nicolas d'Antin, творилась первая поэма славянскаго міра, а можетъ быть... и всего свѣта, которая, — кто знаетъ, — оставитъ, пожалуй, за собою все, что дотолѣ написано Гомерами разныхъ націй! Какъ же тутъ можно мѣшать писанію? Чья бы польская рука поднялась на это?...

¹⁾ См. вышеприведенное сочиненіе «О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 38—39.

Судьба прервала занятія поэта: изъ Дрездена пришло извѣстiе, что жившій тамъ другъ Мицкевича, Гарчинскій, тотъ самый, котораго сочиненiя издавались въ Парижѣ осенью 1832 г., опасно занемогъ и выѣхалъ для поправленiя здоровья въ Швейцарiю. Мицкевичъ бросилъ все и на другой же день, по полученiи печальнаго письма, полетѣлъ на соединенiе съ Гарчинскимъ. Они переѣзжали вдвоемъ изъ города въ городъ. Гарчинскій гасъ съ каждымъ днемъ и въ Авиньонѣ умеръ. Поэтъ воротился въ Парижъ, на ту же квартиру, и принялся вновь за „Тадеуша“ — около ноября 1833 г. „Стихи, лились, — по выраженiю Богдана Залѣскаго, — какъ растопленный металлъ — и по манiю чародѣя выливалось мгновенно что было нужно: монументъ, колоколъ, пушка“. Въ письмѣ отъ 13-го октября н. ст. 1833 г. Мицкевичъ увѣдомляетъ Одннца: „принялся за работу; пишу и пишу; пять пѣсень „Тадеуша“ окончили, остается еще три“.

Наступила зима. Друзья собирались у поэта довольно часто, толковали о томъ, о семъ, выслушивали написанное, пѣли польскiя, малороссiйскiя и бѣлорусскiя пѣсни. Иногда поэтъ рассказывалъ похождения юныхъ дней, въ Новогрудѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и этимъ захвачивалъ другихъ къ подобнымъ же влiянiямъ сердца. Просилъ, между прочимъ, сообщать все, что имъ извѣстно о жизни литовской шляхты, о тамошнихъ охотахъ, о чемъ придется, чтобы взять изъ этого, — что можно, — въ „Тадеуша“. Витвицкiй рассказывалъ кое-что о маточникахъ или крепяхъ Бѣловѣжской пушчи, даже сообщилъ написанные имъ объ этомъ нѣсколько десятковъ стиховъ. Мицкевичъ взял нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ и вставилъ въ свои „лѣса“. Кромѣ этого, по увѣренiю Богдана Залѣскаго, во всей поэмѣ нѣтъ ничего чужого, хоть и говорили, и писали, что Мицкевичъ, „съ царственнымъ равнодушиемъ“ позволялъ друзьямъ мѣшаться въ свое дѣло, по крайней мѣрѣ въ „Тадеушъ“. Богданъ Залѣскiй говоритъ, что „другъ ихъ, несмотря на мягкость своего характера, зналъ очень хорошо, что онъ — царь, Наполеонъ польскихъ поэтовъ, какъ его иные называли, — зналъ, что есть разница между его стихомъ и мазаньемъ другихъ — и никогда не допустилъ бы рѣзкаго посторонняго вмѣшательства въ его работу“.

„Тадеушъ“ подвигался къ концу.

Въ половинѣ февраля 1834 г. друзья, собравшись у поэта какъ-то вечеромъ, замѣтили, что онъ особенно шибко выплясываетъ перомъ по бумагѣ въ своемъ кабинетѣ, когда они, всей кучей, сидѣли въ гостиной. Спустя нѣкоторое время, поэтъ вышелъ къ нимъ: „*zobliszem panrzmiąłum, pmościennem*“¹⁾ какъ Войскiй, протрубивъ въ рогъ

¹⁾ «Съ лицомъ раскраснѣвшимся, пылающимъ». (IV-я пѣсня).

на всю Литву, и сказалъ: „Chwała Bogu, oto w séj chwili podpisalem pod „Panem Tadeuszem“ wielkie finis!“¹⁾ Всѣ повторили за него: „слава Богу!“ и воскликнули: „вивать!“ поздравляли поэта и обнимали.

На другой день всѣ отравились въ церковь св. Людовика Антенскаго (St. Louis d'Antin), отслушали тамъ обѣдню и просили затѣмъ поэта пойти съ ними отобѣдать въ Палерояль. Обѣдъ былъ довольно скромный, но тостовъ провозглашалось множество, разумѣется, преимущественно въ честь Адама и его новорожденнаго инфанта. На другой день былъ опять небольшой кутежъ. Послѣ этого Адамъ пригласилъ друзей ходить къ нему по вечерамъ, говоря, что „предстоятъ еще именины и крестины Тадеуша“. Онъ разубѣдилъ подъ этимъ предѣлку нѣкоторыхъ настоящихъ собственныхъ именъ поэмы на фантастическія, или неловко-придуманнхъ на лучшія. Друзья не заставили себя долго ждать. Поэту представлена была куча разныхъ вымышленныхъ именъ и фамилій и онъ взялъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ особенности прислужился этимъ Домейко, литвинъ того по вѣта, который изображался въ поэмѣ. Онъ сообщилъ, кромѣ того, множество анекдотовъ и рассказовъ изъ былого Литвы. Всѣмъ этимъ Мицкевичъ воспользовался по-своему. Потомъ „Наполеонъ польскій поэтотъ“ пожелалъ, чтобы ему указали всѣ замѣченныя кѣмъ-либо въ поэмѣ недостатки, какъ со стороны содержанія, такъ и внѣшней формы. Друзья сообщили ему свои замѣчанія въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ, кто что могъ. Поэтъ выслушивалъ все это съ перомъ въ рукѣ — и тутъ же производилъ перемѣны и казни. Больше всего досталось Телименѣ, на которую накидывался преимущественно Витвицкій. Многія сцены объ ней были выброшены. Кое-что Мицкевичъ даже замазалъ пальцомъ, окунувъ его въ чернила. Уничтожена, между прочимъ, „исторія съ ключикомъ, сообщеннымъ Тадеушу въ храмѣ Мечты“.²⁾ Пробѣлъ этотъ чувствуется. Когда друзья просили дать имъ списать уничтоженное, поэтъ никогда не соглашался, говоря, что „вырванный изъ пшеницы еуколь долженъ быть въ самомъ дѣлѣ вырванъ и заброшенъ“. Кто-то замѣтилъ ему, что въ спорахъ и ссорахъ шляхты есть многое, что нужно бы выбросить или измѣнить, Мицкевичъ подчеркнулъ указанныя ему мѣста, но не вымаралъ ихъ. „Я понимаю, чего ты хочешь, — сказалъ онъ сообщившему эти замѣчанія: — слышу вашъ голосъ съ высей Таранны,³⁾ но не только тутъ вездѣ надо бы поднять поэму на полтона выше, да этого скоро

1) «Слава Богу, сейчасъ подписалъ подъ «Паномъ Тадеушемъ» великій финис».

2) Конецъ III-й пѣсни.

3) Taranne et Vaubane — тогдашнія политическія «горы» польской эмиграціи.

не сдѣлаешь. Дверь хлопнула. Поправлюсь можетъ быть послѣ, въ другой повѣсти,— въ сынѣ Тадеуша; не то, всего скорѣе, въ продолженіи „Дзядовъ“.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о выходѣ „Пана Тадеуша“ въ свѣтъ.

Когда еще поэма писалась, львовскій книгопродавецъ, Милковскій, просилъ убѣдительно Мицкевича уступить ему право печатанія ея за двѣ тысячи франковъ. Ксендзь Александръ Еловицкій, узнавъ объ этомъ, предложилъ Мицкевичу четыре тысячи франковъ — и печатаніе началось. Мицкевичъ самъ держалъ корректуру. Въ апрѣлѣ 1834 г. былъ отпечатанъ I-й томъ; въ концѣ іюня, или въ самомъ началѣ іюля по н. ст. вышелъ изъ типографіи послѣдній листъ „Тадеуша“.

Это изданіе Богданъ Залѣвскій считаетъ наиболѣе точнымъ, долженствующимъ служить за образецъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій поэмы.

Наиболѣе вѣрная, честная и рѣшительная оцѣнка „Тадеуша“ сдѣлана самимъ поэтомъ, въ письмѣ къ Одынцу въ февралѣ 1834 г.: „вчера кончилъ; вышло огромныхъ двѣнадцать пѣсенъ. Много посредственнаго, но есть и хорошія вещи. Лучшее — картины, писанныя съ природы.“

Н. В. Баргъ.

Варшава.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Разказы Очевидца.

1861 — 1864.

V. ¹⁾

Велепольскій и Польша въ юнѣ 1862 г.

Польша въ юнѣ 1862 года напоминала собою хаосъ, поверхъ котораго „носился не духъ Божій, какъ надъ первобытнымъ хаосомъ, а духъ тьмы, раздора, отрицанія и крамолы.“

Несмотря на это, великія слова: „да будетъ свѣтъ“, были произнесены, и въ Царство Польское, гдѣ, казалось, мятежь угнѣздилась на вѣчныя времена, назначенъ былъ примирителемъ „двухъ враждебныхъ другъ другу, въ теченіе вѣковъ, славянскихъ народовъ“, Августѣйшій Братъ Государа Императора.

Тяжкая обязанность выпала на долю Августѣйшаго Намѣстника. Наичистѣйшія примирительныя намѣренія и дѣйствія, всевозможныя льготы и преимущества, дарованныя странѣ, не могли быть еще усвоены потому что край утратилъ свою самостоятельность и находился цѣликомъ во власти красныхъ революціонеровъ, такъ что населеніе было, какъ бы, одержимо нечистымъ духомъ самыхъ ярыхъ, разрушительныхъ стремленій. ²⁾

Франція, пріютившая и воспитанная этихъ „новыхъ людей“, горько заплатилась за то прошлыми революціями и настоящимъ уни-

¹⁾ См. первые четыре разказа въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 115—150; 339—356; 699—721; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 124—145.

²⁾ Авторъ разказовъ здѣсь ошибается во времени: сколько намъ извѣстно изъ другихъ, вполне достовѣрныхъ источниковъ—до ноября 1862 г. «красные» далеко не имѣли той силы въ Царствѣ Польскомъ, какую приписываетъ имъ Очевидецъ. До ноября 1862 г. Hôtel Lambert—еще держался, то есть партія бѣлыхъ, партія Чарторижскаго имѣла силу и значеніе въ странѣ. Ред.

женіемъ; она думала погубить Россію, наславъ на нее кровавыя орды и пала сама; Россіи же пришлось выдержать самый отчаянный напоръ революціонеровъ, поддерживаемыхъ, болѣе или менѣе, почти всѣми государствами Европы. Отечество наше съ честью приняло борьбу, употребивъ всѣ средства для умиротворенія Польши, а потомъ дописало исторію Польши, сдѣлавъ ее на вѣки нераздѣльною частію русской имперіи.

Велепольскій думалъ самъ и увѣрилъ всѣхъ въ Петербургѣ, что поляки существуютъ какъ народъ.¹⁾ Онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что съ 1831 года, люди, называвшіе себя за границею поляками, давно отрѣшились отъ отечества, его исторіи, обычаевъ и преданій; они назвали себя особымъ новымъ народомъ, который долженъ бороться со всѣми, пока совершенная свобода водворится на цѣломъ свѣтѣ²⁾. Невзмѣримая пропасть раздѣляла тогдашнее прошедшее отъ настоящаго.

Всѣ взбунтовавшіеся въ 1830 году подпрапорщики войскъ польскихъ, студенты и нѣсколько буйныхъ патріотовъ, были только подражателями Французовъ, произведшихъ, за четыре передъ тѣмъ мѣсяца, почти мирный переворотъ въ Парижѣ, кончившійся изгнаніемъ старшей Бурбонской линіи. Войска польскія, 17-го (29) ноября 1830 года, дѣйствовали почти также какъ войска французскія въ іюль того же года. Главнокомандующій французскою арміею въ Парижѣ—Мармонъ отнюдь не былъ выше Хлопцакаго; а главный агитаторъ въ Варшавѣ, вліятельнѣйшій членъ клуба и тогдашній „террористъ, Робеспьеръ польскій“ Мохнацкій—показался бы больнымъ цыпленкомъ передъ революціонными дѣятелями послѣдней смуты.

Въ нашихъ разсказахъ, и вообще въ повѣствованіяхъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ, постоянно повторялось слово „красные“, для того, чтобы ими обозначить враговъ общественнаго порядка и

¹⁾ Если поляки-эмигранты, поляки отрѣшившіеся отъ родины и не постигавшіе ея дѣйствительныхъ интересовъ, являлись сбродомъ бродягъ и не могли существовать какъ народъ, то сплошное, одаренное многими, присущими вообще славянскому племени, хорошими качествами, население Привислянскаго края всегда составляло и будетъ составлять народъ, имѣющій свои особенности и права. Велепольскому не для чего было кого-либо увѣрять въ существованіи поляковъ какъ народа, это и безъ него хорошо знали, и какъ представители власти въ Россіи, такъ вообще представители образованнаго общества, вполне искренно желали въ 1862 г. уважить неотъемлемыя права родной для Россіи національности. Эти добрыя желанія погашены лишь русскою кровью, вѣроломно пролитою обезумѣвшими польскими революціонерами. Ред.

²⁾ Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. (Возстаніе польскаго народа въ 1830 и 1831 годахъ) Мохнацкаго, т. III, стр. 176—181. О Велепольскомъ говорится на стр. 177.

руководителей мятежа; такъ понимали ихъ люди правительственные и маркизъ Велепольскій. Между тѣмъ „красные“ въ дѣйствительности были въ Царствѣ Польскомъ авангардомъ коммунистовъ и интернациональной партіи, не принадлежавшихъ никакой землѣ. Поляки, явившіеся, вслѣдствіе амнистіи, изъ за границы въ Царство Польское и ховяичавшіе въ немъ при князѣ Горчаковѣ, Сухозанетѣ, отчасти при Ламбертѣ и въ промежуткахъ между намѣстничествомъ графа Лидерса и Великаго Князя Константина Николаевича, не были Поляками; они смотрѣли на Польшу, какъ на землю, гдѣ всего скорѣе, пользуясь общественнымъ настроеніемъ и безсиліемъ представителей власти, они могли достигнуть цѣли; у нихъ, повторяемъ, не было прошедшаго; ихъ нравственные и политическія убѣжденія могли выскзаться такимъ образомъ:

«Побѣда и жизни! Признаю одно только это право и предъ нимъ склоняю голову. Правомъ этимъ міръ возлетитъ въ высшія сферы, и говорить теперь мои устами: люди ветхіе, источенные червями, полные яствъ и напитковъ, дайте мѣсто молодымъ, голоднымъ и сильнымъ.»¹⁾

Далѣе, тотъ же Панкратій, олицетвореніе крайняго демократизма, говоритъ представителю конституціонной аристократіи графу Генриху:

«Народъ мой еще не развился, недоросъ до того, чтобы сдѣлаться великимъ; но, до тѣхъ поръ, онъ глотаетъ хлѣбъ и достатокъ, а придетъ время, придетъ часъ, когда онъ пойметъ себя и скажетъ себѣ: «я существую» (jestem) и не будетъ на свѣтѣ другого голоса, который бы могъ произнести: «я существую»... «Изъ повогвнш, которое я воссчитываю, выйдетъ, силою моей воли, послѣднее людское поколѣніе—высшее, разумнѣйшее. Земля еще никогда не видала такихъ людей. Это будутъ люди вольные, владыки всей земли отъ полюса до полюса. Вся земля сдѣлается цвѣтущимъ городомъ—однимъ счастливымъ домомъ, одною мастерскою богатствъ и промысла... Тамъ почиваетъ Богъ, для Котораго не будетъ уже смерти; Богъ, найденный въ небѣ собственными дѣтми, которыхъ онъ когда-то расѣялъ по землѣ, а они теперь познали истину и пришли къ ней. Богъ человечества сказался имъ.»

Для того, чтобы достигнуть такихъ убѣжденій, нужно было пережить пятнадцать междоусобій и возстаній, какія пережила Польша съ 1794 по 1831 годъ, ничему ненаучась и ничего не вынеся изъ этихъ кровавыхъ опытовъ своего прошедшаго, пока наконецъ, покинувшіе родину, дѣти этой несчастной страны, нигдѣ нетерпѣвшіе надъ собою никакой власти, пришли къ убѣжденію, что они особый народъ въ мірѣ, имѣющій высшее призваніе.²⁾

Замѣчательнень рядъ цифръ, повторяющихся въ циклѣ возстаній Польши, въ послѣднія сто двадцать лѣтъ. Онъ наводитъ на многія думы:

¹⁾ Монологъ Панкратія въ «Небожественной комедіи» Краснянскаго.

²⁾ Леонардъ Ходзько. Les massacres de Galicie et Krakowie confisquée par l'Autriche en 1846; стр. 29 - 31. Парижъ, 1861 г.

Съ 1768 по 1772 годъ была Барская конфедерація, во время которой поляки, подъ предводительствомъ Пулавскихъ, Красинскихъ и Потоцкихъ боролись противъ Россіи.

Въ 1794 году произошла Варшавская заутреня: Русскіе были измѣнически вырѣзаны; явился Костюшко. Польша пала, послѣ Прагскаго штурма.

Въ 1830—1831 годахъ произошелъ мятежъ Царства Польскаго и штурмъ Варшавы.

Въ 1861—1864—новыя смуты и манифестаціи, окончившіяся открытымъ возстаніемъ.

Около тридцати лѣтъ раздѣляютъ, между собою, каждое изъ этихъ печальныхъ событій, свидѣтельствуя, что доростающее до зрѣлости поколѣніе безуспѣшно пытается возстановить Польшу и умножаетъ число выходцевъ—новцами, хотя прежніе жили только мечтами, не имѣя ничего существеннаго, и смотрѣли на Польшу, какъ на обѣтованную землю, въ которой можно было жить безъ труда; самая Польша, въ ихъ мечтаніяхъ была раздвинута, исключительно на счетъ Россіи, до Двины и Днѣпра, и въ предѣлы ея включены области, приобрѣтенныя цѣною русской крови и заселенныя чисто русскими людьми.

Но какое дѣло до исторіи „людейъ будущаго“; они хотѣли разрушить общественное зданіе, воздвигавшееся вѣками и начать, изъ его развалинъ, строить новое общество по своему кровавому идеалу.

Надобны были—какой-нибудь актъ и вѣрованіе, чтобы соединить эти разбросанныя по цѣлому свѣту толпы—сначала мечтателей, потомъ фанатиковъ—въ одно; указать имъ общую цѣль и увѣрить въ будущемъ призваніи Поляковъ—апостоловъ обновленія, во чтобы ни стало, всего рода человѣческаго.

За это взялись поэты, издавна работавшіе на политическомъ поприщѣ. Бродзинскому и Мицкевичу удалось ввести, между польскими изгнанниками, родъ новой религіи, вѣрованіемъ которой была Польша, убитая и погребенная, какъ жертва за свободу народовъ, съ тѣмъ, чтобы воскреснуть въ полной силѣ и славѣ, среди обновленныхъ новою жизнію свободныхъ народовъ земли.

Мицкевичъ заговорилъ о мессіанизмѣ и написалъ книги пилигримства польскаго народа (*Księgi narodu polskiego*, 1833 г.), а также молитву и литанію для повстанцевъ, подражая размѣру, слогу и изложенію книгъ священнаго писанія.²⁾

¹⁾ Находятся въ VI томѣ новаго полнаго изданія сочиненій Мицкевича. Парижъ и Лейпцигъ, стр. 237—337. См. отзывъ Винцентія Поля о «книгахъ пилигримства» въ приложеніи къ этой статьѣ.

Послѣ этого, мечтанія польской эмиграціи обратились въ желаніе испытать свои силы надъ обветшалюю Европою, прибѣгая для того ко всѣмъ средствамъ, потому что самая измѣна считалась героизмомъ и добродѣтелью.

При этомъ извращеніи идей, понятны позднѣйшіе польскіе катихизисы, присяги на убійство того или другаго лица, съ призываніемъ помощи Бога и святыхъ; колѣнопреклоненныя горячія моленія въ храмѣ передъ совершеніемъ посягательства на убійство; распинаніе плѣнныхъ; жандармы-вѣшатели, однимъ словомъ всѣ ужасы, которые пришлось видѣть во время послѣдней польской смуты.

Польша записала въ своей исторіи за послѣднія 160 лѣтъ одиннадцать эмиграцій ¹⁾ именно: въ 1709, 1764, 1772, 1792, 1795, 1831, 1834, 1846, 1851, 1864 и 1865 гг. Эмиграціи 1832 — 1846 гг., какъ мы прежде сказали, увлекли людей въ цвѣтъ молодости, полнотѣ силъ и здоровья; мало однакожь способныхъ къ труду и скучавшихъ бездѣйствіемъ. Полякъ всегда любилъ больше кубокъ и саблю, а за трудъ брался только по неволѣ, и вотъ почему не было на свѣтѣ какаго-либо беспорядка или замѣшательства, гдѣ бы онъ не являлся, подъ предлогомъ защитника угнетенной свободы. ²⁾

1831 годъ существенно измѣнилъ положеніе польскаго народа въ краѣ и эмиграціи, и произвелъ переворотъ въ польской литературѣ, давъ ей тенденціозно-отрицательный характеръ. Польская литература перестала быть выраженіемъ свободнаго духа, проникнутаго идеей изящнаго, у ней явилась задняя мысль; это не была мысль объ отечествѣ, одушевлявшая польскихъ легионеровъ съ 1797 по 1815 годъ,

¹⁾ Леонардъ Ходзько: *Les massacres de Galicie est*, стр. 31. Сочиненіе это сообщаетъ много данныхъ для новѣйшей исторіи Польши. Авт.

²⁾ Мицкевичъ въ статьѣ: «*Niezdody emigracji*» (Неудачи эмиграціи, т. VI стр. 206) рассказываетъ слѣдующее: «Въ одномъ изъ французскихъ городковъ намъ удалось слышать слѣдующій разговоръ: «Откуда товарищъ?» спрашивалъ Мазовшанинъ Жмудяка. Изъ Америки, отвѣчаетъ Тельшанинъ, хотѣлось взглянуть на эту землю; но Американцы торгуютъ, педумаютъ о войнѣ за вольность народовъ, и вотъ я вернулся въ Европу; можетъ быть достану нѣсколько талеровъ, пару пистолетовъ и пойду на родину—биться съ Москалемъ. «А товарищъ куда идетъ?»—«Былъ у Донъ-Педро», отвѣчалъ другой, «но его дѣло не стоитъ фунта пороку; бьются за то—кто будетъ царствовать: Донъ-Педро или Донъ-Мигуэль; а намъ какое до этого дѣло. «Я, сказалъ третій, возвращаясь изъ Брюсселя; я думалъ, что Леопольдъ начнетъ настоящую войну и хотѣлъ согласиться съ полковникомъ N, чтобы помогать Бельгіянамъ, но увидѣлъ, что Леопольдъ только труба, на которой играетъ Людовикъ-Филиппъ; чего-жъ тамъ, послѣ этого, ждать путнаго.»—»Можетъ, отозвался четвертый, было бы хорошо поговорить съ Мехметомъ; но лучше всего удалось тѣмъ, которые бьются съ Москалемъ и достаютъ на родной землѣ побѣду или смерти!» Авт.

въ рядахъ французевъ — нѣтъ, это была мысль о будущемъ призваніи польскаго народа въ дѣлѣ всемірной комунистической революціи.

Со всѣхъ сторонъ свѣта слышались одинаковыя поэтическія отголоски: Франція, Алжирь, Англія, Швейцарія, Австрія, Пруссія, Америка, — а въ Россіи: Царство Польское, Литва, Подолія, Украина, Сибирь, Оренбургъ и Кавказъ оглашались выраженіемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей, убѣжденій и желаній, высказываемыхъ болѣе или менѣе ясно, но не вполне понятныхъ разсѣянному по всей землѣ народу, который съ жадностію ловилъ эти звуки, старался угадать ихъ сокровенный смыслъ и тѣшилъ себя несбыточными мечтами. Чѣмъ менѣе было простора своеволію въ давней Польшѣ, тѣмъ сильнѣе духъ его распространялся по окраинамъ.

Между выходцами явилась цѣлая плеяда польскихъ, литовскихъ и украинскихъ поэтовъ; съ начала 1831 года они сгруппировались около Мицкевича, въ Дрезденѣ — тамъ былъ Одынецъ, Гарчинскій и съ ними извѣстный путешественникъ и геологъ Домейко. Всѣ собирались у патриотки Гофманъ, рожденной Таньской и у Клодины Потоцкой, рожденной Дзялынской. Тамъ, въ кругу литераторовъ и людей избраннаго общества, Мицкевичъ читалъ только что оконченную имъ четвертую часть „Праотцевъ“ (Dziady) и „Пана Тадеуша“; здѣсь же слушались вдохновенныя мистическія стихи Словацкаго и Красинскаго; сюда же, и позднѣе, въ Парижъ, куда переѣхалъ Мицкевичъ, долетали поэтическія импровизаціи Карла Бѣлинскаго — изъ Сибири, Густава Зелинскаго — съ Кавказа, Желеговскаго (Антоній Сѡва) — изъ Оренбурга, Северина Гошинскаго, Матушевскаго, Войцицкаго, Гославскаго, Мирославскаго (написавшаго рядъ поэмъ: „Шуя“, „Желѣзная Марина“, „Пугачевъ“ и „Гроховская битва“), Якуба Ясинскаго, Ципріина Гodeбскаго, Раймунда Суходольскаго, Корженевскаго, Сырокомли (Кондратовича), Крашевскаго и Лушевской (Деотимы).

Всѣ эти поэмы и вся тогдашняя заграничная польская литература черпали свои вдохновенія въ ненависти къ Россіи и современному порядку дѣлъ въ Европѣ, мѣшавшему людямъ, сочувствующимъ Польшѣ, стать открыто на ея сторонѣ и поголовно ополчиться противу притѣснителя.

Русское общество было совершенно чуждо этому движенію и не могло заблаговременно принять противу него своихъ мѣръ; скажемъ болѣе, благодаря строгости Цензуры, всѣ сочиненія враждебныя Россіи и защищавшія поляковъ, были у насъ запрещены и русское чи-

тающее населеніе совершенно не знало о существованіи своихъ новыхъ, опаснѣйшихъ и весьма талантливыхъ, враговъ. ¹⁾

Это была „медвѣжья услуга“ послѣдователей столь печально-извѣстнаго цензора Александра Ивановича Красовскаго. ²⁾

Новымъ людямъ нужна была и новая религія; за этимъ дѣло также не-стало: при религіозномъ индифферентизмѣ можно было сочинять какія угодно молитвы и литаніи, не боясь нисколько церковнаго проклятiя; напротивъ, самые всендзы охотно дѣлались ревнителями „дѣла отчизны“ и наконецъ дошли до того, что въ храмахъ, во время божественной службы, допускали гнѣніе революціонныхъ гимновъ.

Графъ Муравьевъ, а теперь князь Бисмаркъ показали, какъ нужно дѣйствовать съ католическимъ духовенствомъ, чтобы возвратить его на путь религіи и истины.

Привожу здѣсь молитву „пилигримовъ“ для того, чтобы судить о польскихъ фанатикахъ и ихъ религіозныхъ убѣжденiяхъ:

Молитва пилигрима.

„Господи Боже Всемогущій. Дѣти воинствующаго народа простираютъ къ Тебѣ, съ разныхъ концовъ свѣта, свои безоружныя руки. Взываютъ къ Тебѣ изъ рудниковъ Сибирскихъ, снѣговъ камчатскихъ степей Алжирiи и чужеземной Франціи. А въ отчизнѣ нашей, вѣрной Тебѣ Польшѣ, нельзя имъ звать къ Тебѣ; наши старики, женщины, дѣти — молятся Тебѣ тайно — мыслію и слезами — Боже Ягеллоновъ, Боже Собіесскихъ, Боже Косцюшекъ — сжался надъ нашею отчизною и надъ нами... Позволь намъ снова молиться Тебѣ, по обычаю предковъ, на полѣ битвы, съ оружіемъ въ рукахъ, передъ алтаремъ изъ пушекъ и барабановъ, подъ балдахиномъ изъ орловъ и знаменъ нашихъ. Позволь родинѣ нашей молиться въ костелахъ нашихъ городовъ и деревень; а дѣтямъ — на могилахъ нашихъ. Но пусть будетъ во всемъ не наша, а Твоя воля. Аминь.“ ³⁾

Пилигримская литанія (см. приложение) — верхъ безумiя; только читая ее можно понять, до какой степени воспитатели польскихъ „красныхъ“ злоупотребляли тѣмъ, что есть чистѣйшаго и священнѣйшаго въ каждой религіи — молитвою къ Богу. ⁴⁾

Посягательства ихъ на евангеліе были еще смѣлѣе: Мицкевичъ въ XXIV главахъ „книгъ польскаго народа“ ⁵⁾ разсказалъ всеобщую

¹⁾ Моллеръ: Situation de la Pologne ect., стр. 236.

²⁾ См. его біографію въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., т. X, стр. 106—126.

³⁾ Сочиненія Мицкевича, т. VI, стр. 332. Литанія помѣщена въ приложенiи.

⁴⁾ Приложение I.

Лит.

⁵⁾ Томъ VI полнаго собранія сочиненій Мицкевича, страницы 237—331.

исторію отъ начала свѣта до паденія Польши, подражая преимущественно евангелисту Іоанну Богослову; такъ напримѣръ, онъ начиааетъ свои книги слѣдующими словами:

„Въ началѣ была вѣра въ одного Бога, и была вольность на свѣтѣ, и не было законовъ — только вѣра въ Бога, и не было господъ и невольниковъ, а только патріархи и дѣти ихъ.“

„Но потомъ люди отказались отъ единого Бога, поставили себѣ идоловъ, поклонялись имъ, приносили въ честь ихъ кровавыя жертвы и воевали за честь своихъ идоловъ“.

„За то Богъ послалъ на идолопоклонниковъ настрашнѣйшую кару — неволю“.

И такъ далѣе; въ подобномъ же родѣ разсказана исторія римская, исторія христіанства, рыцарства и новѣйшихъ временъ; въ повѣствованіи этомъ странно перемѣшаны: имя Божественнаго Искупителя съ именами: Фридриха II, Маріи-Терезіи, Екатерины II, Наполеона и даже Казимира Перрье. Этотъ сумбуръ оканчивается открытіемъ, что Польша не умерла, что тѣло ея лежитъ въ гробѣ, а душа оставила землю и проникла до преисподней, чтобы узнать жизнь и быть людей, терпящихъ неволю.

„А на третій день душа возвратится въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ изъ неволи всѣ народы Европы“.

„Два дня уже прошли: первый день кончился съ первымъ взатіемъ Варшавы; второй день — со вторымъ штурмомъ, а третій день наступитъ и никогда не кончится“.¹⁾

Имѣя подобную религію, нужно было составить или изобрѣсти соотвѣтствующіе законы, и они были сочинены, послѣ происходившаго въ 1833 году, подъ предсѣдательствомъ Лафайета, въ Парижѣ, 25-го августа, засѣданія общества Литвиновъ и выходцевъ изъ земель русскихихъ.

Не длинна эта „конституція повстанцевъ“, но каждое ея слово дышетъ убійствомъ и разрушеніемъ.

„Статья 1. Москва, служащаго Николаю, убивать, ловить и настоячиво преслѣдовать.“

„Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ не можетъ быть условій, договоровъ, конвенцій, перемирія, корреспонденцій и т. п.“

„Ст. 3. Каждаго шпиона, каждаго русскаго чиновника, угнетавшаго Поляковъ, каждаго Поляка, вѣрнчаго въ союзъ съ Россією — ловить, судить и казнить.“

„Ст. 4. Революціонная власть принадлежитъ тому, кто ее возьметъ,“

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Мицкевича. томъ VI, стр. 254.

и дѣлается болѣе или менѣе обширною, по числительности населенія страны, талантовъ и счастья начальниковъ. Власть существуетъ, пока ее слушаются.

Ст. 5. Власть, проникая въ городъ или мѣстечко издастъ постановленія; поймавъ виноватаго судить его, и, если состоитъ изъ небольшого числа повстанцевъ, сама приводитъ приговоры въ исполненіе.

„Ст. 6. Подати составляются изъ добровольныхъ складокъ. Кромя того, власть, въ военное время, беретъ все, что ей нужно“.¹⁾

Эти невѣроятныя правила въ точности исполнялись предводителями бандъ и всѣми дѣятелями послѣдней польской смуты. Мы смотрѣли на нихъ, какъ на совершенно новое, тогда какъ они были извѣстны за границую — тридцать лѣтъ назадъ. Какъ не подивиться бдительности, прозорливости и провинцальности нашей тогдашней полиціи, всегда столь бдительно надзиравшей за своими, за русскими и постоянно принимавшей слова за дѣйствія; о тогдашней ценсурѣ не говоримъ — она, сама того не сознавая, явилась ревностною соотрудницею ревнителей „польской справы“.

Мицкевичъ, для поддержанія всѣхъ этихъ безумствъ, въ несчастіи вполнѣ осуществившихся во время послѣдняго возстанія, написалъ какъ бы въ видѣ пророчества:

„Отрывокъ изъ письма“, въ которомъ будто бы былъ приложенъ № 158-й газеты Шавельскаго воеводства (въ форматѣ англійскаго „Times“) отъ 2-го іюня 1899 года (!?); гдѣ описывалась побѣда, одержанная поляками надъ русскими при Окѣ, слѣдствіемъ чего было учрежденіе республики Сибирской (!!!).

Газета сообщаетъ, что въ Польшѣ 1899 года, ходячая монета называется „косцюшки“, что одна дочь шавельскаго органиста вышла за мужъ за пресбургскаго воеводу (въ Венгріи), а другая — идетъ за мѣстнаго кузнеца Доршпрунга.²⁾

Но вѣдь это сумасшествіе, скажетъ безпристрастный читатель. Да, сумасшествіе, повторимъ мы, но оно едва не одержало успѣха надъ разумомъ!

Велепольскій не зналъ и не понималъ Польши шестидесятыхъ годовъ, а главное, упустилъ изъ виду то обстоятельство, что послѣ амнистіи 1856 г. возвратилось въ Польшу до десяти тысячъ выходцевъ,³⁾ въ протекшую четверть столѣтія проникнувшихся глубокою

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Мицкевича, томъ VI.

²⁾ Полное собраніе сочиненій Мицкевича, томъ VI, стр. 231—234.

³⁾ Моллеръ: Situation de la Pologne etc., стр. 202; авторъ пользовался официальными источниками, а потому приводимыя имъ цифры и факты отличаются вѣрностью.

ненавистью къ Россіи, благодаря лжамъ и клеветамъ, о ней распускаемымъ и никогда никѣмъ неопровергнутымъ.

Надежда патриотовъ польскихъ основывалась на молодежи; здѣсь, какъ мы уже знаемъ, имъ много помогли правительства Франціи и Италіи, не только дозволивъ учрежденіе польскихъ военныхъ школъ, но принявъ ихъ въ свое покровительство. Орлеанская династія и Наполеонъ III старались развить и поддержать значеніе польской эмиграціи. Въ мирное время, подъ видомъ науки, они позволяли распространять между польскими выходцами самыя крайнія революціонныя ученія, думая, что это все направится исключительно противъ Россіи. Провидѣніе воздало каждому по дѣламъ его. Поляки явились первѣйшими и опасѣйшими врагами Орлеановъ и Наполеонидовъ, ими же приготовленные для разрушенія существующаго порядка и установленія.

Послѣ профанаціи исторіи, религіи и закона, профанація науки была дѣломъ естественнымъ. За это взялся Людвигъ Мирославскій,¹⁾ стяжавшій впоследствии печальную извѣстность во всѣхъ позднѣйшихъ смутахъ. Въ формѣ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Парижѣ въ 1844 и 1845 г., подъ видомъ разбора кампаніи 1831 г., изложилъ онъ правила для веденія будущей народной войны противъ Россіи и политическія соображенія для вѣрнаго успѣха военныхъ дѣйствій...²⁾ Сѣраковскій, Галензовскій, Жвирждовскій, Гейленрейхъ, Маевскій, Машевскій, Траугуттъ и другіе дезертиры, покинувшіе ряды русскаго войска въ послѣднее возстаніе, старались дѣйствовать по правиламъ Мирославскаго, какъ специалисты повстанскаго дѣла.

Мирославскій, обращаясь къ своимъ слушателямъ, постоянно называлъ ихъ „граждане“ (obywatele) и во вступленіи предупредилъ, что разбираетъ кампанію 1831 г., съ цѣлію вывести правила для будущаго повстанія.

Излагая свои политическія убѣжденія, Мирославскій говоритъ: „Повстанское правительство, не имѣющее своего конечнаго идеала, не проникающее за предѣлы революціи, правительство, которое не можетъ знать à priori, чего будетъ стоить освобожденіе страны,—такое пра-

¹⁾ Мирославскій родился въ Немурѣ, во Франціи, въ 1814 г.; 12-ти лѣтъ опредѣленъ въ Калишскій кадетскій корпусъ, откуда вышелъ подпоручикомъ въ 1830 г. въ 3-й егерскій полкъ. Авт.

²⁾ Полное заглавіе изданныхъ въ 1845 г. лекцій было: Rozbior krytyczny kampanii 1833 roku i wnioskiowane z nej prawidła do wojny narodowej. (Критическій разборъ кампаніи 1831 г. съ выводомъ изъ нея правилъ для народной войны). Четыре тома. Парижъ. Авт.

вительство—политическій атеизмъ; оно не въ состояніи полюбить своего дѣла съ отцовскою мудростью“. Подъ вліяніемъ этого начала. Мирославскій неумолимо уничтожаетъ и народное значеніе главныхъ дѣятелей польской революціи 1830 и 1831 гг.: „Любецкій, Хлопицкій, Чарторижскій, Свръжнецкій, Круковецкій, Рыбинскій, Немосевскій, Лелевель, вовсе не такіе индивидуумы, которыхъ несуществованіе могло бы ускорить или замедлить общее движеніе; это были не болѣе какъ ярлыки съ надписями: непостоянство, торопливость, вѣдливость, лѣнь, зависть, трусость, мечтательность и лживость, навѣшенные на различныхъ личностяхъ“.¹⁾

„Первый революціонный клубъ, обманутый конституціоналистами повстанія, напрасно пытался влить свѣжую кровь въ испепеленныя сердца Любецкихъ, Чарторижскихъ, Грабовскихъ, Раутенштрауховъ, Коссецкихъ и т. п. Клубъ, своими угрозами и непостоянствомъ, проповѣдъ только переимѣну лицъ, а не измѣненіе системы; въ доказательство можно указать на замѣну Соболевскаго, Грабовскаго, Раутенштрауха—Островскимъ, Малаховскимъ и Дембовскимъ. Измѣнились люди, а дѣла шли прежнимъ порядкомъ“.²⁾

Также строго осуждаетъ Мирославскій дѣйствія всѣхъ польскихъ предводителей: Хлопицкаго, Свръжнецкаго, Дембинскаго, Круковецкаго, Рыбинскаго и Раморино. По его мнѣнію, самый способъ ихъ дѣйствій не соответствовалъ характеру народной войны. Всѣ они желали умереть: Хлопицкій—съ честью подъ Гроховымъ; Свръжнецкій—съ католическимъ самоотверженіемъ на поляхъ Остроленки; Дембинскій съ отчаянія—подъ Шимановымъ; Круковецкій—изъ молодечества въ рядахъ 73 дружины; Рыбинскій—съ хладнокровіемъ подъ Токарами, тогда какъ они должны были умереть, а жить и биться, не спрашивая о числѣ противниковъ“.³⁾

На основаніи подобныхъ выводовъ Мирославскій пришелъ къ заключенію, принятому имъ за аксіому, что надобно разорвать связь съ прошедшимъ, отрѣшиться отъ преданій и исторіи, жить для будущаго, имѣя въ виду—свободою всѣхъ народовъ—достигнуть свободы Польши.

Слушатели Мирославскаго прониклись его ученіемъ и сдѣлались самыми пламенными его поборниками. Въ ожиданіи болѣе благоприятнаго времени для возвращенія на польскую землю, они практиковались, принимая участіе во всѣхъ междоусобіяхъ и беспорядкахъ, слы-

¹⁾ Rozbior etc., томъ I, стр. 16.

²⁾ Rozbior etc., томъ I, стр. 22.

³⁾ Rozbior etc., томъ I, стр. 33—34.

живавшихъ въ Европѣ. До самой послѣдней смуты—поляки-выходцы оставались вѣрными исповѣданію вѣры (profession de foi), подписанному ихъ единоплеменниками въ лагерѣ при Мадильяно 22-го января 1849 г.¹⁾ „Всюду, гдѣ народъ бьется за свободу, онъ бьется и за Польшу; потому что Польша—покровительница свободы: безъ Польши нѣтъ ни мира, ни свободы въ Европѣ. Вотъ почему во всякой борьбѣ, гдѣ въ игрѣ свобода, льется кровь истинныхъ сыновъ Польши. Мы сказали себѣ: наша кровь принадлежитъ всему человѣчеству; мы готовы проливать ее за свободу всѣхъ народовъ. Всякій угнетенный, всякій, отыскивающийъ вольность,—нашъ братъ, и это убѣжденіе ручается намъ, что неустанною борьбою мы достигнемъ неважноности нашей матери—Польши“.

Прошло съ тѣхъ поръ до 1860 г. еще одинадцать лѣтъ; къ старѣвшимъ „новымъ полякамъ“ присоединилось подростшее поколѣніе, еще болѣе чѣмъ старики, вѣрившее въ святость своего призванія; заграничныя польскія изданія, хотя и запрещенныя для русскихъ, но легко добываемыя поляками, распространились въ Россіи между обучавшимся польскимъ юношествомъ, которое усвоило ихъ начала и проникнулось ими.

Благодаря, какъ мы уже сказали, широкой амнистіи, начали собираться въ Варшавѣ заграничныя выходцы и возвращавшіеся изъ Сибири, Оренбурга и Кавказа—всѣхъ ихъ принимали на родинѣ, какъ мучениковъ за дѣло отечества; партія „новыхъ людей“, никогда и никого не признававшая, росла, и скоро сдѣлалась господствующею. Слѣдуя програмѣ Мирославскаго (Plan de la révolution polonaise. 17-го февраля (1-го марта) 1861 г.), они обнаружили безсиліе русской власти непрерывными манифестаціями, потомъ дерзко подняли голову, подчинили себѣ всю страну и весь корпусъ туземныхъ чиновниковъ, а потомъ рѣшились на открытое восстаніе.

Въ это же время аристократы и собственники возмечтали возстановить автономію Польши временъ Ягеллоновъ и Собіеескихъ; они мечтали о восстаніи противъ Россіи, не тронувъ своихъ помѣщичьихъ правъ надъ крестьянами.²⁾ Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 г., уничтожившій крѣпостное состояніе въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавившій ее отъ пролетаріата, возстановилъ противъ пра-

¹⁾ Histoire populaire de Pologne, par Adam Mickiewicz, publiée avec préface, notes et chapitre complémentaire, par Wladislas Mickiewicz. Paris, 1867. (Народная исторія Польши Адама Мицкевича, изданная, съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополнительной главою, Владиславомъ Мицкевичемъ. Парижъ, 1867 г.) Стр. 596. Авт.

²⁾ Situation de la Pologne ect., стр. 217.—Моллера.

вительства владѣльцевъ и собственниковъ Царства Польскаго. Пять дней спустя послѣ обнародованія манифеста, 24-го февраля того же года, земледѣльческое общество представило проектъ выкупа земель крестьянами, поручивъ это дѣло Кредитному обществу, состоявшему изъ тѣхъ же землевладѣльцевъ и подъ предсѣдательствомъ того же графа Андрея Замойскаго. Такимъ образомъ собственники продолжали держать крестьянъ въ зависимости, а, между тѣмъ, освобождали себя отъ всякаго правительственнаго контроля. Вотъ какъ выражается объ этомъ графъ Тышкевичъ.¹⁾ „Въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ Земледѣльческое общество приняло основной планъ преобразованія далеко не столь широкой, какой былъ обнародованъ правительствомъ; собственники открыто говорили: мы ничего не сдѣлаемъ для крестьянъ, потому что они могутъ подумать, будто мы это дѣлаемъ по принужденію Москалей. Когда мы избавимся отъ Русскихъ, мы дадимъ то, либо другое; крестьяне будутъ знать, что это нами сдѣлано, по собственной волѣ, и что мы ихъ благодѣтели. Не жалко-ли это?“

Аристократы хотѣли употребить для будущаго восстанія въ дѣло Мирославчиковъ, и послѣ распущенія Земледѣльческаго общества протянули имъ руку; они пытались также, на похоронахъ Фіалковскаго, брататься съ крестьянами; однимъ словомъ, „бѣлые“ хотѣли играть роль мартышки, въ баснѣ, таскавшей изъ огня печенье каштаны кошачьими лапами, но ошиблись въ расчетахъ—вмѣсто кошки они встрѣтили тигра, который разъ лизнувъ крови, хотѣлъ видѣть кровь повсюду. „Краснымъ“ нужны были кинжалы, револьверы, рѣзвиза, а не мечтанія и разглагольствованія. Это чувство нашло отголосокъ между буйнымъ, празднымъ, малоспособнымъ къ труду или не желавшимъ работать ремесленнымъ людомъ Варшавы; „бѣлые“ стерлись, какъ бы ихъ не бывало, и тутъ не помогли имена Замойскихъ, Кронеберговъ и даже маркиза Велепольскаго.

Хотя послѣдній дѣйствовалъ на нашихъ глазахъ, но мнѣнія о немъ необыкновенно различны: одни считаютъ его Конрадомъ Валенродомъ; другіе видятъ въ немъ жертву преданности русскому правительству. По словамъ Н. В. Берга, въ Петербургѣ маркизь „пѣлъ какъ сирена“,²⁾ тогда какъ въ замѣткахъ на эту главу лица, повидимому, близко знакомаго съ совершившимися событіями, находимъ слѣдующее: „Сирена поетъ, чтобъ обмануть и втянуть въ погибель. Маркизь же Велепольскій, олицетворенная честность, могъ обманываться,

¹⁾ Тышкевичъ: *Ecrits sur la Pologne*, стр. 71, 72 и 73. цитируемая Моллеромъ.

²⁾ «Русскій Архивъ» № 7, 1873 года, стр. 1283.

но никого никогда не обманывалъ. Онъ точно былъ полякъ, никогда не прикидывался русскимъ и надѣялся спасти Польшу поляками и тѣмъ ее переродить. Это мысль честная, хотя, какъ опытъ показалъ, къ несчастію, неисполнимая“.¹⁾

Маркизь Велепольскій, представляя себѣ положеніе Польши совершенно въ иномъ видѣ, нежели оно было въ дѣйствительности, мечталъ о примиреніи „враждебныхъ издавна двухъ славянскихъ племенъ“, но въ дѣйствительности изъ этихъ соперниковъ былъ только одинъ—сильная и могучая Россія; вмѣсто же Польши, говоря словами ея собственныхъ синовъ, былъ „трупъ, лежавшій во гробѣ“; душа же этого трупа питалась матажами, кровопролитіями и всеобщими бѣдствами, являясь всюду, передъ ихъ наступленіемъ, какъ зловѣщая птица передъ бурей.

Владиславъ Мицкевичъ обрисовываетъ Велепольскаго слѣдующими характеристическими чертами.²⁾

„Маркизь Велепольскій былъ большой баринъ (grand seigneur), человѣкъ способный и съ твердымъ характеромъ, но высокохвальный, самонадѣянный и въ особенности доктринеръ, т. е. ставившій свои теоріи выше общественнаго чувства. Онъ желалъ, чтобы Польша имѣла искусство отказаться отъ своей самобытности для того, чтобы приобрести довѣріе Россіи и потомъ взять надъ ней верхъ своимъ развитіемъ и просвѣщеніемъ, какъ Греки подчинили себѣ Римлянъ. Этотъ макиавелизмъ упадающихъ государствъ, противорѣчившій преданіямъ и надеждамъ Поляковъ, возмутилъ чувство справедливости націи, и потому вообще не обращено было никакого вниманія на полезныя, въ сущности, преобразованія, введенныя въ народное обученіе и отправленіе правосудія; всѣ боялись, принимая ихъ, принести въ жертву нѣкоторымъ внутреннимъ улучшеніямъ политическую независимость. И хотя Велепольскій былъ видимымъ олицетвореніемъ общественнаго консерватизма и этимъ нравился большимъ собственникамъ, но они держались въ сторонѣ отъ него, не желая казаться сообщниками маркиза въ дѣлѣ отдѣленія судьбы Польши отъ ея давнихъ литовскихъ и русскихъ провинцій“.³⁾

¹⁾ Ibid, стр. 1346.

²⁾ Histoire populaire de Pologne, стр. 592.

³⁾ Это обвиненіе составляетъ дѣйствительную заслугу Велепольскаго: въ самомъ дѣлѣ, не есть-ли заслуга со стороны Велепольскаго, хотя бы то, что онъ не раздѣлялъ бредней пановъ-мечтателей о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. и въ то время, когда многіе изъ русскихъ, даже изъ коренныхъ русскихъ, престоудно полагали, что Литва и Волынь—Польша. Велепольскій съ неуклонною рѣшимостью отдѣлялъ судьбу Польши отъ западныхъ и югозападныхъ исконныхъ областей російской имперіи.

1-го (13) іюня 1862 года, какъ мы уже знаемъ, прибылъ Велепольскій въ Варшаву.

9-го (21) іюня 1862 года Велепольскій, какъ начальникъ гражданскаго управленія, произнесъ рѣчь въ комисіи внутреннихъ дѣлъ. Онъ говорилъ объ устройствѣ быта крестьянъ, долженствующаго служить основаніемъ для будущихъ преобразованій; объ улучшеніи торговли, земледѣлія и народнаго образованія.

Между тѣмъ изъ Петербурга была отправлена 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и гвардейская конная бригада¹⁾. Имена и обмундированіе прибывавшихъ изъ Петербурга въ Варшаву полковъ: лейб-гвардіи Литовскаго, Волынскаго, Уланскаго Его Величества и Гродненскаго гусарскаго, могли бы напомнить полякамъ лучшее время существованія Царства Польскаго при великомъ князѣ Константѣ Павловичѣ. Уланскій полкъ, при отправленіи изъ Петербурга, сыгралъ свой полковой маршъ, когда-то маршъ польскихъ легионеровъ:

*Jeszcze Polska nie zginęła, rdki my zyjemy*²⁾

(Польша не погибла, пока живемъ мы).

Желтый и малиновые цвѣта, преобладавшіе въ обмундированіи бывшихъ войскъ, должны были бы льстить національной гордости Поляковъ, если бы они тогда находились въ Варшавѣ вмѣсто Мирославчиковъ, недозволявшихъ пивнуть населенію всей страны, и это стало было въ распоряженіи „красныхъ“ (?), не имѣя ни смысла, ни убѣжденія, ни мужества сбросить съ себя власть злаго духа.

Весело и беззаботно вступилъ въ Варшаву гвардейскій отрядъ: имъ командовалъ благородный, сѣдовласый, состарѣвшійся въ рядахъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-адъютантъ баронъ Павелъ Ивановичъ Корфъ. Онъ зналъ прежнюю Варшаву, временъ великаго князя Константина Павловича, видѣлъ близко революцію 1830 года, находился ординарцемъ при фельдмаршалѣ Дибичѣ въ день Гроховскаго сраженія, и, главное, былъ отличный человекъ и превосходный начальникъ, старавшійся о каждомъ замолвить доброе слово и помочь въ бѣдѣ и несчастіи. Миръ праху его! онъ одинаково былъ любимъ

¹⁾ Авторъ нѣсколько ошибается въ приводимыхъ имъ фактахъ: по справкѣ нами сдѣланной, оказывается, что пѣхота прибыла изъ Петербурга не въ іюль, а въ концѣ сентября мѣсяца 1862 г., конная же бригада лишь въ февралѣ 1863 года. Ред.

²⁾ Пѣсня эта сочинена въ 1806 году по случаю вступленія польскихъ легионеровъ въ Варшаву; она оканчивается двумя стихами:

*Mówi Macek do swei Basi, sam wes zapłakany:
Patrzaj Basia, to są nasi, bijąc w tarabany.*

(Разревѣвшійся Матюша говоритъ своей Варѣ: посмотри, Варя, вѣдь это наши, бьющіе въ барабаны). Авт.

и уважаемъ—какъ своими прямыми подчиненными, такъ и всѣми, бывшими подъ его начальствомъ.

Несмотря на рѣчи и обѣщанія Велепольскаго и на оглашеніе различныхъ льготъ, „красные“ сразу поняли, что они исключены изъ нихъ, потому что составляли собою межеумокъ, забытый маркизомъ.

Пѣніе, или вѣрнѣе сказать, ревъ патріотическихъ гимновъ передъ костелами и въ костелахъ, опять пошли своимъ чередомъ¹⁾; будущіе повстанцы считали ихъ геройствомъ, какъ можно судить по слѣдующему описанію:²⁾

„Манifestація въ Варшавѣ имѣли совершенно особенный характеръ. Въ продолженіе предшествовавшихъ вѣковъ дѣло шло о какомъ-нибудь отдѣльномъ человѣкѣ, который, несмотря ни на какія мученія, отваживался исповѣдывать истину; теперь же, въ первый разъ, цѣлая масса людей поднялась до этой нравственной высоты. На площадяхъ, освященныхъ столькими недавними мученичествами, толпа, только что вышедшая изъ темницъ, въ виду русскихъ мундировъ, не позволявшихъ на минуту забывать будущее отмщеніе, исповѣдывалась въ одной мысли, счастливая чувствомъ единодушія, послѣ долгаго молчанія; вся проникнутая однимъ восторгомъ, потому что всѣ готовы были умереть на мѣстѣ.

„Изъ толпы раздавалось пѣніе молитвъ: сто тысячъ (!?) голосовъ молили Бога ниспослать родинѣ свободу. Холодные сердца тронулись: жида почувствовали необходимость жертвовать собою для христіанъ и, дѣло невиданное, жида массами пошли молиться въ церквахъ, а христіане—въ синагогахъ. Лютеранскіе пасторы сопровождали процесіи, смѣшиваясь съ католическими священниками.

„Тогда высказались вполне — ничтожность силы матеріальной и величіе самопожертванія. Самое тиранское угнетеніе не помѣшало открытому союзу дѣтей раздѣленной отчизны. Оружіе дрожало въ рукахъ палачей, ихъ умъ помутился, они стыдились своей роли, передъ колѣнопреклоненными жертвами. Это былъ „свѣтъ отъ свѣтовъ“, озарившій издалека политическую ночь. Каждый полякъ могъ отчасти увидѣть будущее и понять восторженность общаго политическаго настроенія.

„Польша достигла этого величія долгимъ и таинственнымъ, неизвѣстнымъ для свѣта, трудомъ. Она снизошла въ бездны,³⁾ гдѣ вырабатывается нравственная сила и откуда, по волѣ Божіей, она ри-

¹⁾ Авторъ ошибается: лѣтомъ и осенью 1862 года пѣнія въ костелахъ не было.

²⁾ Histoire populaire стр. 379.

³⁾ Повтореніе словъ Мицкевича-отца.

нулась, какъ неодолимое изверженіе. Если стѣны Іерихона пали отъ трубнаго звука Левитовъ, стѣны Варшавской цитадели дрожали во время народныхъ молитвъ“.

Читая теперь эту возвышенную чепуху, нельзя не засмѣяться отъ чистаго сердца; но тогда она выражала общее настроеніе поляковъ и лицъ имъ сочувствовавшихъ въ Европѣ. Въ описаніи особенно забавны „тираны, съ оружіемъ въ дрожащихъ рукахъ“. Вѣроятно Мицкевичъ-сынъ разумѣлъ подъ этимъ растерявшихся полицейскихъ, которые являлись на манифестаціи, не прочитавъ приказовъ о военномъ положеніи, и тѣхъ безстрашныхъ предводителей войскъ, которые кричали и горячились въ виду совершавшагося буйства до тѣхъ поръ, пока изъ толпы подавали имъ стаканъ воды.¹⁾

Велепольскій началъ окружать себя польскими чиновниками, включая изъ службы почти всѣхъ русскихъ; онъ надѣялся преобразовать Польшу, согласно убѣжденію, высказанному имъ князю Меттерниху, по поводу Галиційской рѣзни въ 1846 году, „сохраняя твердость противъ разрушителей во имя анархіи, какъ и разрушителей во имя власти“,²⁾ то есть, говоря другими словами: возстановить, во чтобы ни стало, старую Польшу.³⁾

Велепольскій, подобно врачу-теоретику, пробовалъ дѣйствіе новаго лекарства надъ не излечимо-больною Польшею.

Политика маркиза обрисовывается словами, что „въ 1862 году онъ надѣялся достигнуть автономіи Польши силою ея перерожденнаго дворянства“.⁴⁾

Эти попытки и борьбу на смерть демократіи съ аристократіею предсказалъ поэтъ графъ Красинскій еще въ 1834 году. У него надменный графъ такъ говоритъ съ народнымъ трибуномъ Панкратіемъ:

«Ты не поймешь меня, потому что всѣ отцы твои погребены въ общей могилѣ, какъ вещи мертвыя, а не какъ люди съ силою и волею. (*Поднимаетъ руку къ портретамъ*). Взгляни на эти изображенія. Идея отчизны, родного дома, семьи,—идея, которую такъ ненавидишь, написана морщинами на члѣбѣ ихъ, а все, что въ нихъ было и прошло—живетъ во мнѣ. Скажи мнѣ, однако, человѣкъ, гдѣ же земля твоя? Ты разбиваешь вечеромъ паветъ свой на развалинахъ чужаго дома, а на утро снимаешь паветъ и кочуешь дальше; ты, до сихъ поръ не нашелъ своего дома и до тѣхъ поръ не найдешь его, пока хоть сто человѣкъ захотятъ повторить вмѣстѣ со мною: «честь отцамъ нашимъ!»

¹⁾ Н. В. Бергъ, стр. 345.

²⁾ *Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich*, p. 26, письмо это цитируется Моллеромъ на стр. 247.

Авт.

³⁾ То есть съ правами 1815 г.

Ред.

⁴⁾ Моллеръ, стр. 270.

Панкратій.

«Такъ, хвала твоимъ дѣдамъ на землѣ и въ небѣ!... Дѣйствительно, есть на что посмотреть (*Оглядываютъ портреты*). Этотъ панъ староста разстрѣливалъ бабъ на деревьяхъ и жарилъ живьемъ жидовъ; а тотъ, съ печатью въ руцѣ и подписью: «канцлеръ», поддѣлалъ акты, сжегъ архивы, подкупалъ судей, ускорилъ отравленіемъ приходившіяся наслѣдства;—отъ него ты имѣешь свои деревни, доходи, значеніе; или тотъ брѣжеть, съ огненными глазами, отбивалъ женъ у своихъ пріятелей; а вотъ, съ орденомъ Золотого Руна и въ итальянской кольчугѣ, вѣрно служилъ чужеземцамъ; а та блѣдная пани, съ темными локонами, забывала стыдъ съ своимъ лакеемъ; эта—читаетъ письмо любовника и съ усмѣшкою ожидаетъ приближающуюся ночь; та—въ робронѣ, съ собачкою на рукахъ, была королевскою наложницей!... Вотъ ваше родословіе, безъ перерыву, безъ пятна! Мнѣ больше правится этотъ панъ въ зеленомъ кафтанѣ: онъ плѣз и охотился съ бральями-шляхтою, а мужиковъ высылалъ съ собаками, чтобы гнали оленя. Глупость и бѣдствіе дѣлага края—вотъ ваши разумъ и сила. Но близится день суда, и обещаю вамъ, что въ этотъ день не забуду никого изъ васъ, ни одного изъ отцовъ вашихъ, ни одной похвалы вашей». ¹⁾

Программа, которую открыто высказалъ относительно своихъ дѣйствій въ Польшѣ Велепольскій — и которой намѣревался слѣдовать, состояла въ слѣдующемъ:

1) Устранить, на всемъ пространствѣ Царства Польскаго, вліяніе русскаго элемента. 2) Повсюду провести польское начало. 3) Заменить во всѣхъ отрасляхъ народнаго образованія, правительственный русскій контроль — надзоромъ польскаго духовенства. 4) Образование малолѣтнихъ дѣвицъ поручить духовнымъ конгрегаціямъ и религиознымъ католическимъ братствамъ. ²⁾

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ предполагалъ выѣхать изъ Петербурга въ Варшаву, въ іюль или августѣ 1862 г.; выѣздъ ускорился вслѣдствіе покушенія на жизнь Лидерса. Выстрѣлъ послѣдовалъ въ пятницу утромъ 15-го

¹⁾ «Небожественная комедія» — Сигизмунда Красинскаго.

²⁾ Нельзя не признать того факта, что первые два пункта этой программы находили полное сочувствіе въ громадномъ большинствѣ русскаго образованнаго общества, но опять таки лишь до разгара мятежа 1863 г. въ Царствѣ. Прямымъ свѣдѣніемъ, образованное русское общество съ удовольствіемъ увидѣло бы въ 1862 г. политическое бытіе Польши, устроенное на тѣхъ же началахъ, на какихъ оно дано Финляндіи. Что такой взглядъ по отношенію къ Польшѣ былъ ошибоченъ, что осуществленіе этого взгляда быть можетъ повело бы къ инымъ послѣдствіямъ, нежели какихъ ожидали представители русскаго общества, все это такъ, но мы указываемъ на фактъ, существованіе котораго нельзя отрицать, а потому едва ли справедливо винить поляка Велепольскаго въ томъ, что онъ раздѣлялъ заблужденіе русскихъ.

(27) іюня; извѣстіе о томъ получено Государемъ Императоромъ въ тотъ же день къ обѣду, а въ тотъ же вечеръ было рѣшено, что Его Императорское Высочество отправляется въ Варшаву, во вторникъ утромъ, 19-го іюня, (1-го іюля).¹⁾

Эта рѣшимость, полная самоотверженія, была послѣднею мѣрою снисхожденія полякамъ, послѣднею попыткою высшей власти умирить кротостію до глубины взволнованный край, и этотъ подвигъ самоотверженія, на память вѣкамъ, исторія занесетъ на свои страницы.

Если бы Варшава была прежняя веселая, разгульная Варшава—эта Капуя русскаго войска, Варшава, похожая на свой гербъ—Сирену, съ мечомъ и щитомъ,—она пришла бы въ восторгъ отъ одного извѣстія, что будетъ резиденціею Царскаго Брата, теперешняго Намѣстника. Варшавяне и Варшавянки любятъ власть, окруженную величіемъ, у нихъ есть даже слово, равнозначительное французскому: „prestige—okazalosc... Но Варшава была какъ бы въ летаргій, потому что въ ней хозяйничали невѣдомые пришельцы, настоятельно запрещающіе изъясненіе каждаго народнаго чувства, каждый проблескъ веселости; на край наложенъ былъ трауръ до совершеннаго возстанія Польши.²⁾

Революціонеры, видѣвшіе что попытка на жизнь графа Лидера не только не замедлила, но еще ускорила прїѣздъ въ Варшаву Августѣйшаго Намѣстника, рѣшились на тягчайшее преступленіе, рассчитывая, что правительство откажется отъ мысли о примиреніи и перейдетъ къ крайнимъ даже, по ихъ мнѣнію, мѣрамъ.

Изъ числа присягнувшихъ революціонному ржонду, выбраны были двое—Родовичъ и Ярошинскій, оба занимавшіеся портняжнымъ мастерствомъ. Будучи плохими работниками, они тѣмъ усердѣе посѣщали шинки и пивныя лавки, гдѣ собирались подонки варшавскаго населенія. Записавшись въ народное ополченіе и попивая даровое пиво и водку „Гарибальдувеку“³⁾ они пришли къ убѣжденію, что лучше служить „дѣлу отчизны“—по примѣру сапожниковъ Килинскаго и Гишпанскаго,—чѣмъ сидѣть за верстакомъ, и предоставили себя въ распоряженіе организаторовъ народной sprawy. Одинъ изъ главныхъ вербовщиковъ Хмеленскій „въ день прїѣзда Великаго Князя сказалъ имъ, что черезъ нѣсколько часовъ прїѣдетъ въ Варшаву новый Намѣстникъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и убить надо его, а не Велепольскаго; впрочемъ, если подвернется

¹⁾ Замѣтки на статью Н. Берга въ № 7 «Р. А.» 1873 г.

²⁾ См. литанію въ концѣ главы.

³⁾ Такъ называлась водка съ портретомъ Гарибальди на бутылкахъ. Авт.

подъ руку Веленельскій, послѣ того, какъ Князь будетъ убитъ, то не мѣшаетъ убитъ и его; но объ этомъ не думать, а думать объ одномъ Великомъ Князѣ, и постараться убитъ его тотчасъ, по выходѣ изъ вагона, лишь только онъ ступитъ на землю Варшавы“.¹⁾

Всѣ обстоятельства прїѣзда Великаго Князя разсказаны у Н. В. Берга весьма вѣрно, но описаніе самого покушенія полно важныхъ ошибокъ и неточностей. Вообще разсказъ весьма сбивчивъ, по случаю приведенія чиселъ, то по новому, то по старому стилямъ: такъ выстрѣлъ по Лидерсу показанъ 27-го іюня новаго стиля, а прїѣздъ Великаго Князя послѣдовалъ 20-го іюня стараго стиля. Мы всюду приводимъ числа по старому и новому стилямъ.

Родовичъ и Ярошинскій, по словамъ Н. В. Берга, получили отъ Хмеленскаго, кромѣ револьверовъ, по „небольшому“ кинжалу, тогда какъ кинжалы были „пальца въ три ширины и около полуфута длины“.²⁾

Убийцы, вечеромъ, 21-го іюня (3-го іюля)³⁾ „проникли въ корридоръ, или крытый ходъ, ведущій, внутри театральнаго зданія, съ Вержбовой улицы въ подъѣзду Намѣстника“; но подъѣздъ Намѣстника находится не въ крытомъ корридорѣ или ходѣ, а въ крытомъ дворѣ, въ который вѣзжаютъ съ Вержбовой улицы черезъ ворота и открытый дворъ. Хотя послѣ прїѣзда Намѣстника ворота бывають обыкновенно затворены, но во внутренніе дворы можно пройти: черезъ двери изъ гастрономическаго магазина Гера (теперь Бокета); черезъ корридоръ, гдѣ входятъ въ Малый театръ и редутовыя залы; по лѣстницѣ съ Вержбовой улицы и черезъ Малый театръ; черезъ кондитерскую (бывшую) Лурса и наконецъ изъ Большаго театра. Полиція находилась у наружныхъ воротъ съ Вержбовой улицы, оставивъ безъ наблюденія остальные входы, что и позволило проникнуть въ крытый дворъ къ самому подъѣзду толпѣ человекъ въ тридцать, которые, ни въ какомъ случаѣ, не должны были тутъ находиться. Это происходило отъ ротозѣйства и неаходчивости полиціи, а отнюдь не потому, что „полиціи столько внушалось въ это время быть какъ можно учтивѣе съ народомъ, что она боялась каждаго лишняго шага, какъ Богъ знаетъ чего“.⁴⁾

Эта боязнь, какъ уже видѣлъ читатель, была хроническою болѣзнію варшавской полиціи во все время смутъ, теперь она сдѣлалась бдительною и эта перемѣна напоминаетъ толкованіе пословицы,

¹⁾ Н. В. Бергъ.

²⁾ Замѣчанія на статью Н. В. Берга. «Р. А.». № 7, 1873 г.

³⁾ Н. В. Бергъ.

⁴⁾ Н. В. Бергъ.

что „русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ“, именно: мужикъ увидѣлъ во снѣ кашу, но не имѣлъ ложки; чтобы ѣсть кашу, на другую ночь положилъ ложку подъ изголовье и не видалъ каши.

„Обстоятельства покушенія на Великаго Князя (какъ говоритъ авторъ замѣтокъ на статью Н. В. Берга) описаны (Бергомъ) вообще довольно вѣрно, не справедливо только то, что сказано въ примѣчаніи. Именно, будто Великаго Князя перенесли въ комнату за ложей. Его Высочество отъ выстрѣла не упалъ, самъ вышелъ изъ коляски, самъ взшелъ по лѣстницѣ въ комнату за ложей, самъ растегнулся, осмотрѣлъ рану и при этомъ нашелъ пулю, которая, завернувшись за потянутую за собой канитель эсплета, повисла на шнурѣ лорнетки Великаго Князя“...

Страшное и бессмысленное злодѣйство возмутило всѣхъ, сколько-нибудь честныхъ и порядочныхъ людей, но они были бессильны противу революціоннаго террора. Архіепископъ варшавскій вспомнилъ свои обязанности, и съ амвона проклиналъ злодѣевъ. Велепольскій, 28-го іюня 1862 г., произнесъ „громовую рѣчь“, ¹⁾ въ которой упрекаетъ революціонеровъ въ посягательствѣ на жизнь Великаго Князя.

По окончаніи слѣдствія надъ Ярошинскимъ, онъ былъ, по приказанію Намѣстника, преданъ полевому военному суду, потому что „Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ всегда поборникомъ публичности суда и воспользовался тогдашнею своею властію главнокомандующаго, чтобы, на основаніи существовавшей, но никогда еще не примѣнявшейся статьи полевого военносуднаго положенія, назначать надъ убійцами судъ публичный, при открытыхъ для всѣхъ дверяхъ, дабы все было чисто, открыто и безъ всякой тайны“.

Судъ со всею торжественностію происходилъ 2-го (14) августа 1862 г. въ залѣ такъ называемаго палаца Паца. на Медовой улицѣ; но, говоря откровенно, не произвелъ на публику ожидаемаго впечатлѣнія. По тогдашней непривычкѣ нашей къ гласному судопроизводству, при неумѣлости нашихъ, вообще молчаливыхъ аудиторовъ, главный обвинитель чуть не былъ сбитъ съ толку защитниками изъ мѣстныхъ адвокатовъ, привыкшихъ къ публичной защитѣ въ судахъ своихъ. Публика, въ числѣ которой находились сообщники и единомышленники Ярошинскаго, вела себя не довольно прилично.

¹⁾ Здѣсь, очевидно, у Н. В. Берга обмолвка: на стр. 1297 онъ говоритъ, что Великій Князь пріѣхалъ въ Варшаву 20-го іюня ст. стили; покушеніе послѣдовало 21-го іюня ст. стили, а рѣчь Велепольскаго будто произнесена 28-го іюня новаго стили (стр. 1302, примѣчанія), т. е. 16-го іюня стараго стили, т. е. четырьмя днями до пріѣзда Его Высочества въ Варшаву. **Авт.**

Велепольскій также былъ отмѣченъ въ числѣ первыхъ жертвъ: примѣромъ его „красные“ хотѣли устрашить бѣлыхъ и сдѣлать невозможными примирительныя намѣренія правительства. Только чудомъ, личною неустрашимостью и присутствіемъ духа обязанъ онъ своимъ спасеніемъ. Безпутный литографъ Рылла, 26-го іюля (7-го августа) 1862 г., съ револьверомъ въ рукахъ, загородилъ ему дорогу при входѣ въ зданіе Банка, но увидя поднятую надъ собою палку и грозную колоссальную фигуру Велепольскаго, выстрѣлилъ на воздухъ, бросился бѣжать, отмахиваясь револьверомъ отъ преслѣдовавшихъ, и былъ схваченъ сторожемъ послѣднихъ воротъ, выходящихъ на Электоральную улицу.

Публичный судъ надъ Ярошинскимъ, своею „раздражающею“¹⁾ обстановкою, вдохнулъ рѣшеніе, присутствовавшему въ палацѣ Паца, сообщнику Рылла, тоже литографу — Ржондцѣ (произносится почти какъ Жонцѣ), на другой день напасть два раза въ „аллеяхъ“²⁾ на Велепольскаго, ѣхавшаго въ коляскѣ въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ съ семействомъ жилъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ.³⁾

Послѣ этого Велепольскій ѣздилъ съ конвоемъ изъ жандармовъ.

Такимъ образомъ реформы еще не начались, а Велепольскій, ругавшійся въ Петербургѣ за близкое умиротвореніе Польши, уже былъ вынужденъ ѣздить въ каретѣ съ конвоемъ изъ жандармовъ.

9-го (21) августа казненъ Ярошинскій; 14-го (26) — Рылла и Ржондца; уцѣлѣвшіе соумышленники причли ихъ къ лику мучениковъ за отчизну; служили по нимъ панихиды; а для возвѣщенія о панихидѣ по Ярошинскомъ даже наклеили на стѣнахъ домовъ объявленія, которыя полиція добродушно содрала, не задержавъ ни одного виновнаго. Мужчины и женщины долго послѣ носили въ бумажникахъ и портъ-монетахъ кусочки веревки, на которой будто бы былъ повѣшенъ Ярошинскій.

Въ описаніи казни Ярошинскаго, Н. В. Бергъ называлъ, навозную дробянку, „особаго фасона телѣгою въ одну лошадь“; во время самой казни, по его же словамъ: „играла печальная музыка“. Надобно сказать, что при экзекуціяхъ вовсе не бываетъ музыки, а только горнисты и барабанщики, бьющіе такъ называемую „дробь“. Вообще это описаніе слишкомъ подробно для такого негодая, какъ Ярошинскій, и имѣетъ романическій характеръ.

¹⁾ Н. В. Бергъ.

²⁾ Улица, ведущая отъ площади трехъ крестовъ къ Бельведеру.

³⁾ Авторъ «замѣтокъ» исправляетъ ошибку г. Берга, два раза говорящаго, что Велепольскій жилъ въ Бельведерѣ, тогда какъ онъ оставался въ Брюловскомъ дворцѣ и ѣздилъ съ докладами въ Бельведеръ.

Эти катастрофы и прямиа ихъ послѣдствія — неизбежныя казни не остановили исполненіе плана Велепольскаго и не ослабили надеждъ его спасти Польшу поляками. Съ этою цѣлю началась административная ломка и измѣненіе состава чиновниковъ; всѣхъ русскихъ, Велепольскій замѣнилъ польскими чиновниками, которые не могли и не хотѣли быть исполнителями благихъ мѣръ правительства. Замѣна шла необыкновенно быстро, такъ что на 15,500 служащихъ, осталось не болѣе 120 русскихъ. ¹⁾

Выборъ въ архіепископы Фелияскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, занявшихъ важныя посты въ управленіи царства, показалъ что Велепольскій не всегда вѣрно оцѣнивалъ людей.

Перемѣны и обѣщанія преобразованія расшевелили консерваторъ-демократовъ, считавшихся въ тридцатыхъ годахъ „красными“, но отъ времени они выцѣбли и потомъ окончателно полиняли, такъ что не могли идти въ сравненіе съ „гражданами Мирославскаго (hommes de mouvement)“.

Польская народно-аристократическая партія, съ Андреемъ Замойскимъ во главѣ, не устояла противъ революціонеровъ и уронила себя въ мнѣніи правительства неслыханнымъ поступкомъ. По случаю покушенія на жизнь Великаго Князя Константина Николаевича, избранные отъ всѣхъ уѣздовъ Царства Польскаго составили и подписали адресъ, но, по настоянію Андрея Замойскаго, въ угоду „краснымъ“, адресъ былъ замѣненъ какимъ-то двусмысленнымъ, почти неприличнымъ заявленіемъ. Пріятель и корнакъ Замойскаго — Янковскій, ожидалъ, что „графъ Андрей“ будетъ за это сосланъ въ Сибирь, о чемъ онъ и писалъ Чарторижскому; но Андрей Замойскій былъ только высланъ за границу, гдѣ присталъ къ партіи Чарторижскаго.

Іюньскія событія въ Варшавѣ 1862 г. были весьма важны: Августѣйшій Братъ Государя Императора, презирая опасность, показалъ высокой примѣръ мужества и самоотверженія, явившись въ средѣ до глубины возмущеннаго польскаго общества. Выстрѣлъ убійцы встрѣчаетъ его въ Варшавѣ, и только Богъ спасъ его отъ вѣрной смерти, послѣ выстрѣла въ упоръ изъ револьвера, пробивавшаго на сто шаговъ дюймовую доску. И это не останавливаетъ Августѣйшаго Намѣстника на избранномъ пути примиренія края съ Россією. Онъ не лишаетъ Велепольскаго — разъ оказаннаго ему довѣрія, но обстоятельства уже начали высказываться противъ всѣхъ надеждъ и ожиданій маркиза.

¹⁾ Моллеръ, стр. 246.

Велепольскій также принимаетъ вызовъ противной партіи и нѣ-которое время борется съ нею, совершенно одинъ, потому что передъ нимъ была новая, совершенно невѣдомая ему Польша, а въ старыхъ Полякахъ для него не было сочувствія; эта борьба дѣлаетъ честь настойчивости, но не проницательности Велепольскаго. Онъ достоинъ участія.

Но за то варшавское общество, эта самопожирающая амфибія, несмотря на прибытіе новыхъ лицъ, осталась вѣрна своему характеру. Камергеры и камеръ-юнкеры, шталмейстеры и гофмаршалы, — польскаго происхожденія, — отъ юности и до старости гранившіе Варшавскую мостовую, радовались, что послѣ долгаго отсутствія въ Варшавѣ будетъ настоящій дворецъ; вслѣдствіе этого въ Петербургъ полетѣли заказы новыхъ мундировъ и новыхъ пироговъ (треугольныхъ шляпъ), потому что прежніе были порядочно позатасканы. Грозный Паскевичъ требовалъ, чтобы эти „придворные“ являлись къ нему очень часто въ своихъ мундирахъ, но потомъ они надѣвались довольно рѣдко; престарѣлые члены государственнаго совѣта, сената, правительственныхъ комисій выползли на Божій свѣтъ для того, чтобы принять львиную долю въ предполагавшихся назначеніяхъ. Они надѣялись прославиться въ исторіи Польши, какъ Любецкій, Сташицъ, Губе....

Русско-польскій кружокъ, увеличенный (уволенными по дѣйстви-тельной неспособности) мелкими сановниками и крупными чиновни-ками, за глаза ворчалъ противу Велепольскаго, но въ глаза кланялся, улыбался и льстилъ ему. Все однако заводновалось: старья дѣвы примѣряли длинныя придворныя платья и надѣялись тряхнуть ста-риною, показать, что онѣ вполне усвоили варшавскій шикъ. Мо-лодые нахалы — ихъ братцы — гордо заламывали головы, думая что наступилъ часъ ихъ; однимъ словомъ — этотъ нетрудолюбивый муравейникъ закипѣлъ и показалъ необыкновенную дѣятельность....

Очевидецъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Пилигримская лѣтанія.

Kyrie eleison. Chryste eleison.

Боже Отче, выведшіи народъ твой изъ неволи египетской и подворившіи его въ обѣтованной землѣ —

Возврати насъ въ отчизну нашу.

Сынъ Божій Искупитель, замученный и распятый, воскреснй и царствующій во славу —

Воскреси изъ мертвыхъ отчизну нашу.

Божія Матерь, которую отцы наши называли королевой Польши и Литвы —
Избавь Польшу и Литву.

Святой Станиславъ, покровитель Польши —

Молись за насъ.

Святой Иосафатъ, покровитель Руси —

Молись за насъ.

Всѣ святые покровители нашей республики —

Молитесь за насъ.

Отъ неволи Московской, Австрійской и Прусской —

Избавь насъ Господи.

За мученичество тридцати тысячъ Барскихъ рыцарей, легшихъ за вѣру и
вольность —

Спаси насъ Господи.

За мученичество литовской молодежи, забитыхъ палками и умершихъ въ
рудникахъ и въ изгнаніи —

Спаси насъ Господи.

За мученичество Опшмянскихъ жителей, вырѣзанныхъ въ Божіихъ восте-
лахъ и домахъ —

Спаси насъ Господи.

За мученичество солдатъ, перебитыхъ въ Вишау Пруссаками —

Спаси насъ Господи.

За мученичество солдатъ, засѣченныхъ кнутами отъ Москалей въ Кров-
штадтѣ —

Спаси насъ Господи.

За раны, слезы и страданія всѣхъ невольниковъ, изгнанниковъ и пилигримовъ
польскихъ —

Спаси насъ Господи.

О всеобщей войнѣ за вольность народовъ —

Просимъ тебя, Господи.

За оружіе и орлы народныя —

Просимъ тебя, Господи.

О счастливой смерти на полѣ битвы —

Просимъ тебя, Господи.

О гробъ для костей нашихъ въ родной землѣ —
 Просимъ тебя, Господи.
 О независимости, дѣлности и вольности для отчизны нашей —
 Просимъ тебя, Господи,
 Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.)

II.

Отзывъ Поляка о соч. Мицкевича.

Вотъ что говорить о сочиненіи Мицкевича «Книги пилигримства Польскаго народа» одинъ изъ лучшихъ польскихъ критиковъ и писателей Винцентій Подъ въ своихъ лекціяхъ о польской литературѣ XIX столѣтія (Pamiętnik Wincentego Pola do literatury polskiej XIX wieku. Lwow. 1866 г. Стр 233).

«Мицкевичъ былъ друженъ съ французскими писателями Мишле и Кине, и всѣ они трое работали на одномъ поприщѣ; такъ что ихъ три изображенія вычеканены на медали въ память ихъ духовной пріязни и непризнанныхъ трудовъ для блага человѣчества.

«Книги народа и паломничества (pielgrzymstwa) польскаго», написанныя Мицкевичемъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя (за исключеніемъ извѣстныхъ богослужебныхъ книгъ и евангеліа) можетъ быть когда-либо появлялись въ столькихъ изданіяхъ и экземплярахъ, и такъ были всюду распространены. Кажется, что все существенное въ этихъ книгахъ принялъ народъ, узналъ и усвоилъ. Но да позволено будетъ мнѣ, при всемъ уваженіи къ великому гению, сказать, что надобно было давать лекарство соотвѣтственно болѣзни... Все сказанное Мицкевичемъ вовсе не было практическими совѣтами политическаго человѣка: поэтъ не замѣнилъ государственнаго мужа... Трудно, чтобы поэзія разрѣшала политическіе вопросы. Умы всѣхъ были восхищены наиболѣе формою изложенія, библейскимъ и апокалипсическимъ языкомъ, который съ тѣхъ поръ введенъ въ нашу литературу и преимущественно въ нашу поэзію.

III.

Пинчовъ — родовое помѣстье маркизовъ Велепольскихъ.

Пинчовъ — городъ въ уѣздѣ Стобницкомъ, Келецкой губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Ниды, въ 28-ми верстахъ къ юго-востоку отъ Буска, знаменитаго своими сѣрными источниками. Зданія въ немъ, по большей части, каменные — изъ мѣстнаго песчаника. Въ Пинчовѣ существовало два монастыря; посреди площади фонтанъ, бьющій на девять локтей въ вышину; жителей 4 т. Пинчовъ ведетъ значительную торговлю венгерскими винами.

Пинчовъ принадлежалъ фамиліи Олесницкихъ; изъ нихъ Збигнѣвъ, славный во времена Ягеллы епископъ краковскій, построилъ востель, монастырь Паулиновъ и замокъ изъ тесаваго камня. Племянникъ его, Якубъ Севиньскій, въ 1461 году, противъ воли Казимира IV, посвященный въ пинчовскомъ замкѣ въ епископы краковскіе, былъ окруженъ королевскимъ войскомъ и една успѣлъ спастись. Во время Сигизмунда-Августа, когда край наполнился исповѣдую-

*) Полное собраніе сочиненій Мицкевича, т. VI. стр. 233 — 235.

щими различныя религіи, Олесницкій далъ убѣжище, въ 1550 г. послѣдователю Цвинглия—Франциску Станкару и его сектъ, которая учредила школы, и, какъ число послѣдователей Цвинглия постепенно увеличивалось, то въ 1555 г. они, вмѣстѣ съ единовѣрцами изъ Моравіи и Чехіи, собрали первый въ Польшѣ синодъ и постановили на немъ гимны, обряды и церковную службу. Тогда же ученье: Янъ Ласки, Мартынъ Кровицкій, Егоръ Бландрата, Францъ Лисманіусъ, Егоръ Шоманусъ, Григорій Паули, Станиславъ Лютомірскій, Андрей Тржецескій, Имонъ Заціусъ, Петръ Статоріусъ, Бернардъ Охнустъ, Павелъ Аціатусъ, Якубъ Любельчикъ, Станиславъ Сорницкій и другіе учредили общество подъ названіемъ «Польскія Аѳины», которое перевело псалмы, гимны для народа и священное писаніе на польскій языкъ и напечатало ихъ въ Брестъ-Литовскѣ. Отъ 1558 до 1561 г. еще существовали здѣсь типографіи. Затѣмъ, вмѣсто послѣдователей Цвинглия, появились здѣсь Аріане или Социніане; но съ 1570 г. они начали переселяться въ Раховъ, какъ болѣе удобное для нихъ мѣсто. Петръ Мышковскій, епископъ краковскій, приобрѣта это имѣніе, окончательно изгналъ разновѣрцевъ пзъ Пинчова. Племянникъ его, Сигизмундъ, усмысленный Винцентіемъ Гонзагомъ, княземъ Мантуанскимъ, принялъ гербъ его и отъ папы Климента VIII, сдѣланъ былъ маркизомъ Мировскимъ въ 1596 году; онъ же учредилъ и майоратъ Пинчовскій. Тотъ же Сигизмундъ Мышковскій украсилъ городъ, оградилъ его стѣнами и за ними построилъ мѣстечко Мировъ. Въ исторіи Пуффендорфа помѣщенъ видъ Пинчова. Карлъ XII послѣ битвы подъ Кляссовымъ, въ 1702 году, укрѣпилъ Пинчовъ, сдѣлалъ его складомъ награбленной Шведами добычи и оставался тамъ довольно долгое время; по смерти Іозефа Владислава, послѣдняго въ родѣ Мышковскихъ въ 1727 году, майоратъ перешелъ въ родъ графовъ Велепольскихъ, принявшихъ и титулы маркизовъ Гонзаго-Мышковскихъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Изъ семейныхъ бумагъ С. Г. Воборыкина.

I

Указъ Петра I-го.

Ука камедату (Бе)логороскому.

Ка тебѣ вручи се ука копита поручи Капофъ то не мешка всѣ
потоны съ тѣлеги і мото оправъ снѣ х Киеву на довоны повода

Перъ.

I Смолеска въ 9 мата 1711.

На лисьмѣ помѣта: «Сей Великаго Государя указъ подавъ марта въ 15- день
капитанъ поручикъ Иванъ Козминъ сынъ Карповъ».

Примѣчаніе. Писано Петромъ на пути изъ Москвы къ польской границѣ,
предъ началомъ турецкой кампаніи, когда войска усиленно отправлялись на
югъ. Указъ писанъ на полулистѣ писчей бумаги. Въ словѣ: «Белгородскому»
двѣ первыя буквы читаются неполнѣ отчетливо, такъ какъ бумага значительно
пострадала отъ времени.

С. В.

II.

Письмо гетмана И. С. Мазепы къ С. П. Неплюеву.

Божію Милостію Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Го-
сударя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія, и
Малія, и Бѣлія Россіи Самодержеца, и Многихъ Государствъ и Зе-
мель, восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ, отчича и дѣдича, и
Наслѣдника и обладателя. Его Царскаго Величества Думному Дво-
рянину и Воеводѣ Сѣвсаго Разряду, и Намѣстнику Серпуховскому,
Господину Семену Протасевичу Неплюеву. Моему Ласкавому Прія-
телевѣ, зычливое мое препосилаю Поздравленіе.

За посѣщеніе листовное мнѣ учиненное, велце Вашей Милости дякую, и взаимне через сей мой листъ навѣщаючи Вашей Милости здороваья, зычу оногю якъ в' пренаимножайшіе лѣта з' приращеніемъ вслѣихъ желаемыхъ благъ и щасливостей занивати, и благополучнаго пребыванія ъзнавати. При томъ Мене не отемлемо Вашей Милости любительной пріязнѣ и доброму аффектовѣ навсегда отдаю. З' Батѣрина мая 3 року аѣ

Вашой Милости зычливы пріятель
Иванъ Мазепа Гетманъ
Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества
власною рукою.

Примѣчаніе. На большемъ листѣ писчей бумагѣ. На оборотѣ адресъ, повторяющій надписаніе письма до слова: «Неплюеву» включительно.

III.

Письмо в. в. Павла Петровича въ С. А. Неплюеву.

Павловское въ 26 Июня 1787.

Семень Александровичъ. Полку моего Маіора Рагозинъ, имѣя въ Орловскомъ Намѣстничествѣ тяжбное дѣло съ помѣщиками Львовыми, завладевшими беззаконно имѣніемъ Его, увѣдомилъ мѣна что вы о томъ извѣстны, но что насылаемые вами Карачевскому Суду по сему дѣлу предписанія, остаются безъ всякаго дѣйствія, а мѣжду темъ соперники Его пользуются имѣніемъ и причиняютъ Ему наглостію своею разореніе, то входя въ такое состояніе Маіора Рагозина, считаю за нужное просить васъ, чтобъ вы взяли дѣло сіе въ попеченіе онаго въ исполнительному решенію. За симъ прошу васъ быть увѣрену о чистосердечіи съ каковымъ я Есмь.

ванъ благосклонный
Павель.

Помѣта рукою С. А. Неплюева: «Имелъ счастье получить 9 ч. іюля; донесеніе в' отвѣтъ отъ 10 іюля отправлено по почтѣ.»

Примѣчаніе. Писано на листѣ бѣлой почтовой бумага, съ водянымъ знакомъ и такою же подписью: С. Г. I. Hopig. Съ 1782 г. по 1792 г. С. А. Неплюевъ состоялъ правителемъ Орловскаго намѣстничества. 4-го ноября 1798 г., какъ видно изъ сохранившагося у С. Г. Боборыкина подлиннаго рескрипта императора Павла, С. А. Неплюевъ, состоя тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени.

Сообщ. С. Г. Боборыкинаъ.

Отъ Редакціи. Въ семейномъ архивѣ С. Г. Боборыкина кромѣ весьма обязательно сообщенныхъ имъ этихъ документовъ сохранилось еще нѣсколько интересныхъ историческихъ матеріаловъ и мы надѣемся, что почтенный владѣлецъ этого архива познакомитъ съ ними читателей «Русской Старины».

Ред.

Примѣры гласности въ царствованіе Александра I-го.

1802—1809.

I.

Въ началѣ 1802 года петербургское общество встревожено было загадочною смертію жены купца Араужо, славившейся своею красотою. Пошли разные слухи и неосновательные толки. Молодой государь, весьма еще тогда внимательный къ общественному мнѣнію, счелъ необходимымъ предать гласности результаты слѣдствія, немедленно назначеннаго по этому дѣлу. По высочайшему повелѣнію было напечатано на отдѣльныхъ листкахъ (въ 4-ю д., 4 стр.) и разослано по столицѣ слѣдующее:

Объявленіе. Въ С.-Петербургѣ, 30-го марта 1802 г. „До свѣдѣнія государя императора дошли разнообразныя слухи, разнесшіяся здѣсь по городу по случаю скоропостижной смерти жены купца Араужо, причиненной якобы насильственными, неистовыми, наглыми и невольными поступками генерал-лейтенанта Баура съ нѣсколькими сообщниками изъ офицеровъ. Его императорское величество, желая обнаружить истину, открыть преступленіе и, въ защиту челоуѣчества, предать виновныхъ, безъ всякаго лицепріятія, суду по законамъ, высочайше повелѣтъ соизволялъ полиціи проявествъ строжайшее о томъ изслѣдованіе. Во исполненіе чего учинены были обстоятельныя допросы всѣмъ причастнымъ и могущимъ имѣть какое-либо о семъ приключеніи свѣдѣніе, по коимъ открылось слѣдующее: жена бывшаго алушера, вдова баронеса Моренгеймъ показала, что госпожа Араужо, 10-го марта, пополудни въ 6-мъ часу, пріѣхала къ ней въ то самое время, когда находился у нее коллежскій совѣтникъ Торси, и пробывъ съ четверть часа, сказала, что имѣетъ исполнить еще какую-то комисію и возвратится попозже, къ чаю; и такъ уѣхала. Около осьми часовъ вечера, когда госпожа Моренгеймъ, съ собравшимися къ ней гостями, пила чай, вызвана она была дѣвкой своею въ другую комнату, гдѣ нашла госпожу Араужо лежащую въ обморокѣ; употребивъ различные способы, достигли до того, что возвратили ей полное чувство; но говорить могла она токмо съ превеликимъ трудомъ и отрывистыми словами, требуя, чтобы ее раздѣли, чтобы дали чистое бѣлье, чтобы послали за докторомъ Бутацомъ, за ея каретою и дѣвкой; все сіе было исполнено, и потомъ, по требованію доктора,

повезена она домой, куда онъ ее самъ проводилъ. Между тѣмъ узнала госпожа Моренгеймъ отъ людей своихъ, что когда госпожа Араужо послѣ обѣда къ ней пріѣхала, то тотчасъ отпустила свою и уѣхала паки въ незнакомой каретѣ; наконецъ неизвѣстнымъ чело-вѣкомъ принесена въ домъ чрезъ кухню въ дѣвичью комнату. Дворовые люди баронесы Моренгеймъ, — дѣвка Матвѣва и слуга Матвѣевъ, утвердили во всемъ сіе показаніе, прибавя токмо, что чрезъ короткое время послѣ пріѣзда г-жи Араужо къ баронесѣ, пріѣхалъ неизвѣстный лакей съ четверомѣстной въ четыре лошади каретою, и, вызвавъ Араужо, подавъ ей записку не запечатанную, по прочтеніи коей, она велѣла своей каретѣ ѣхать домой, сказавъ, что пріѣдетъ въ Моренгеймовой, и вслѣдъ затѣмъ поѣхала въ той четверомѣстной; въ исходѣ же осьмага часа, когда неизвѣстный лакей, внеся ее въ кухню и положила больную, весьма скоро ушелъ, то ее рвало и на платьѣ были знаки прежней рвоты. По сему показанію отысканы были извозчики, крестьяне Алексѣевъ и Григорьевъ, которые объявили, что 10-го марта, послѣ полудни, часу въ 3-мъ, пришелъ къ нимъ на Волнскій дворъ чело-вѣкъ и подрадилъ четверомѣстную карету съ четырьмя лошадьми на остальное время дня; сѣвши въ карету, тотъ лакей велѣлъ ѣхать во дворецъ на маленькій дворикъ, къ подъѣду его высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, куда онъ и побѣжалъ, а часа черезъ полтора, вышедъ и ставъ позади кареты, велѣлъ ѣхать на Невскую перспективу, въ нѣмецкую церковь, къ г-жѣ Моренгеймовой; не долго побывъ, вышелъ съ какою-то госпожею, посади ее въ карету, и опять велѣлъ ѣхать во дворецъ къ тому же подъѣзду, у котораго они дожидались около трехъ часовъ; потому та же самая госпожа, вышедъ изъ дворца, будучи провожаема двумя лакеями и господиномъ со звѣздою, сѣла въ карету, а оба лакея стали за оною и велѣли ѣхать опять на Киришной дворъ, къ Моренгеймовой, гдѣ, высади ее изъ кареты, повели въ покои, но одинъ лакей, оставши на лѣстницѣ, ушелъ со двора пѣшкомъ, а другой, очень скоро возвратясь, велѣлъ опять ѣхать во дворецъ, откуда вынеся достальныя деньги, отпустилъ ихъ домой. Сіе показаніе, въ разсужденіи пріѣзда ихъ во дворецъ и отъѣзда оттуда, утвердилъ крестьянинъ Алексѣй, ѣдившій извозникомъ у адъютанта генерал-лейтенанта Баура, Шперберга. Камердинеръ государя великаго князя Константина Павловича, Рудковскій, сказалъ, что того же 10-го марта, вечеромъ, живущій у него вольный лакей Новицкій объявлялъ ему, что онъ видѣлъ какую-то больную женщину вели два лакея отъ господина Баура въ карету и онъ самъ ее провожалъ; на другой же день на спросъ о томъ Рудковского, Бауръ отвѣтствовалъ, что ему

рекомендовали француженку, которой, по приѣздѣ къ нему, сдѣлался обморокъ, вѣроятно не желая обнаружить фамилии Араужо, какъ давней его знакомой. Новицкій въ точныхъ словахъ подтвердилъ сказанное Рудковскимъ. Придворный лакей Богдановъ и истопникъ Хмѣльницкій, бывшіе при комнатахъ Баура, объявили, что дѣйствительно у г. Баура того 10-го марта была женщина, которую они считали за просительницу, и что тогда у Баура никого не было, кромѣ адъютанта его Шперберга; спустя же нѣсколько часовъ, не слыжавъ никакого спорнаго или громкаго разговора, какъ вдругъ узнали, что сей женщиной сдѣлалось тошно и рвало ее, послѣ чего проводили ее въ карету. Доктора Бутацъ, ле-Гро, Вейкартъ и штаб-лекарь Книперъ, пользовавшіе больную, письменно утвердили, что она была въ совершенномъ параличѣ, и что ни малѣйшихъ даже знаковъ насильства ей, яко-бы учиненнаго, примѣтить не могли. Жена стекольнаго фабриканта, вдова Шенфельдера, обмывавшая тѣло умершей, показала, что на ономъ не только знаковъ къ заключенію о насильственной смерти, ниже малѣйшаго пятна не было. Отецъ и сестра умершей на двукратное спрашиваніе объявили, что въ причинахъ къ насильственной ея смерти ни малѣйшимъ и сомнѣніемъ себя не беспокоятъ и поводу къ такому заключенію не имѣли.

Не довольствуясь сими, его императорскому величеству благоудно было, для точнѣйшаго отысканія истины и узнаванія источника и причины разнесшихся слуховъ, повелѣть генерал-прокурору вновь переслѣдовать все дѣло и, въ то же время, возвратиться сюда генерал-лейтенанту Бауру, отправившемуся къ должности. Подробное изслѣдованіе, генералом-прокуроромъ учиненное, повторенные допросы и побочныя развѣдыванія подтвердили во всѣхъ частяхъ вышепрписаннаго показанія; а генерал-лейтенантъ Бауръ, по приѣздѣ сюда, генерал-прокурору учинилъ слѣдующее показаніе: будучи съ давнихъ лѣтъ знакомъ какъ съ госпожею Араужо, такъ и со всѣмъ домою отца ея, видѣлъ 8-го марта въ обществѣ, гдѣ она просила его дозволенія приѣхать къ нему, дабы попросить и посоветоваться съ нимъ объ устроеніи на будущее время жребія дѣтей ея; хотя же онъ предлагалъ ей тотчасъ вступить о томъ въ разговоръ, но она отозвалась за множествомъ людей, ихъ окружающихъ, дабы не навлечь на себя каковаго-либо подозрѣнія, и, назначивъ приѣхать въ понедѣльникъ, то есть 10-го марта, просила прислать за нею карету къ баронессѣ Моренгеймовой. Онъ, обѣдавъ въ тотъ день у себя въ комнатѣ съ секретаремъ Зингеромъ и инспекторскимъ своимъ адъютантомъ Шпербергомъ, при нихъ во время стола приказалъ своему камердинеру Бухальскому нанять карету въ четыре лошади; послѣ же, часу въ

шестомъ, послалъ его за госпожею Араужо къ баронесѣ Моренгеймъ; она по прїѣздѣ тотчасъ жаловалась, что правую сторону неудобно владѣть и что ей тошно, послѣ чего стало ее рвать; онъ въ крайнемъ смущеніи, употребивъ всѣ возможные ему способы оправить нѣсколько ея состояніе, и успѣвъ въ томъ, проводя ее самъ до кареты, отправилъ съ помянутымъ камердинеромъ и лакеемъ, по собственному ея требованію, обратно къ г-жѣ Моренгеймъ; по возвращеніи же камердинера, узнавъ отъ него, что при самомъ прїѣздѣ ея, на четвертой ступени крыльца стала она жаловаться о дурнотѣ, и что правую ногою не можетъ твердо ступить; почему требовала ее проводить за руку, что имъ и исполнено. Секретарь Зингеръ, адъютантъ Шпербергъ, камердинеръ Бухальскій и лакей Гейнрихъ, будучи въ учиненныхъ на нихъ ссылкахъ и показаніяхъ допрашиваемы, объявили во всемъ съ вышепрописаннымъ согласно; первый сказалъ даже, что, по возвращеніи его, въ восемь часовъ къ генералу-лейтенанту Бауру, видѣлъ онъ еще слѣды рвоты.

Но какъ всѣ сіи обстоятельства не открываютъ ни малѣйшаго слѣда къ оправданію вышепомянутыхъ слуховъ, то его императорское величество, желая обнаружить истину и подать сямъ способъ невиннымъ оправдаться, высочайше повелѣтъ соизволилъ, для третичнаго, еще подробнѣйшаго, точнѣйшаго и строжайшаго изслѣдованія всего дѣла, составить особую комисію изъ господъ генерала отъ инфантеріи графа Татищева, генерал-лейтенантовъ графа Апраксина и князя Волконскаго и генерал-маіоровъ Вердеревскаго и Ушагова.

А дабы истощить всѣ возможные способы къ достиженію преднамѣреваемой цѣли, то чрезъ сіе отъ лица монарха и именемъ святой правды, воззываются всякій другъ невинности и добродѣтели, всякій отецъ, мужъ и вообще всякій благомыслящій гражданинъ, имѣющій какія-либо основательныя свѣдѣнія, или же доказательства къ обнаруженію преступленія, или къ открытію источника, или причинъ основательности или неосновательности часто упоминаемыхъ слуховъ, да явится въ реченную комисію, или къ кому-либо изъ членовъ оной съ довѣренностію, внушаемою ему безаредѣльнымъ милосердіемъ государя и любовію его къ истинѣ, и да объявитъ безъ страха или какого опасенія по сущей совѣсти настоящую правду, вмѣняя себѣ въ награду спасеніе многихъ отъ подозрѣнія и исполненіе долга честнаго человѣка и гражданина.

II.

Выписка изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Санктпетербургъ, 31-го августа 1809 г. Въ предостереженіе легковѣрности признается нужнымъ объявить, что съ нѣкотораго времени прилеж-

нымъ надзоромъ открыты и обнаружены здѣсь затѣи праздныхъ людей, старающихся для собственныхъ видовъ озаботить ложными слухами вниманіе публики. Отъ нихъ, въ разные времена, происходили разные нелѣпные толки, кои, покружась нѣкоторое время въ обществѣ, сами собою исчезли. Симъ изобрѣтателямъ былей и небылицъ всё происшествія служить предлогомъ къ страшнымъ предвѣщаніямъ. Возстанетъ-ли война въ предѣлахъ, отъ Россіи удаленныхъ? Они тутъ видятъ уже раздробленіе нашихъ провинцій, бунты, возмущенія, и есть-ли имъ повѣрять, то кажется война уже въ Петербургѣ. Одержана-ли войсками нашими побѣда? по рассказамъ сихъ добрыхъ патриотовъ, тутъ убитъ въ сраженіи Каменскій, а тамъ—Багратіонъ. Появится ли неприятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Кронштадтъ пылаетъ по слову ихъ, а Ревель обращенъ уже въ пепель. Но вышнихъ происшествій для нихъ не довольно; дѣятельность политическаго ихъ злословія объемлетъ всё предмѣты и обращается ко внутреннимъ. Тутъ открывается пространное поле новостей. „Сегодня выходитъ запрещеніе носить всѣмъ вообще фраки; завтра выйдетъ другое учрежденіе, еще болѣе стѣснительное; а первое сентября сего года непрежѣнно послѣдуетъ указъ, испровергающій всё отношенія помѣщиковъ къ поселянамъ. Такой-то министръ или вельможа сильно тому противорѣчилъ, и за то впалъ въ немилость; а такой-то, напротивъ, сему содѣйствовалъ, и потому онъ въ силѣ“.

Если бы люди благоназвренные знали истинные источники сихъ нелѣпныхъ толковъ, они стыдились бы быть орудіемъ злоназвренности и игралищемъ страстей для нихъ чуждыхъ.

Впрочемъ, правительству уже извѣстны и изобрѣтатели сихъ рассказовъ и побужденія, коими они движутся. Происшествія не одинъ разъ посрамляли ихъ пристрастіе; но время откроетъ еще болѣе, и тогда безъ пощады преданы будутъ имена ихъ всеобщему посмѣванію“.

Приведенная выше выписка была разслана губернаторамъ. Предъ нами циркуляръ, при которомъ одинъ изъ начальниковъ губерній, именно Слободско-Украинской, (Харьковской) Иванъ Ивановичъ Бахтинъ,¹⁾ разслалъ „выписку“, въ нѣсколькихъ печатныхъ экземплярахъ, предводителямъ дворянства.

Ред.

Циркулярно. Господину правящему должностъ Валковскаго уѣзднаго дворянства предводителя, Валковскому уѣздному судьи, коллежскому асессору Федору Дмитріевичу Васильковскому.

¹⁾ Отецъ достопамятнаго члена государственнаго совѣта Николая Ивановича Бахтина.

Изъ полученныхъ мною отъ его сіятельства г-на министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора и кавалера, нѣсколькихъ печатныхъ экземпляровъ списка статьи, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 31-го августа сего (1809) года подъ № 70, о разныхъ недѣльныхъ новостяхъ и свойственныхъ имъ толкахъ, разсѣваемыхъ, съ нѣкотораго времени, въ публикѣ праздными людьми, которые обратили на себя вниманіе правительства, я, въ предостереженіе по вѣренной управленію моему губерніи легковѣрности, въ разсужденіи того, что вѣдомости не всѣми получаютъ и до свѣдѣнія не всякого, кто можетъ читать и разсуждать, доходятъ, за нужное почелъ между прочими господами уѣздными дворянства предводителями, препроводить и къ вамъ, милостивый государь мой, три экземпляра и просить, чтобы вы, безъ всякаго впрочемъ кому-либо предписанія, постарались оные сколько возможно, подъ видомъ любопытной новости, сдѣлать извѣстнѣе господамъ дворянамъ Валковскаго уѣзда. Ив. Бахтинъ.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Контузія фельдмаршала Паскевича

1854 г.

Вечеромъ 21-го мая 1854 года былъ полученъ приказъ по войскамъ, осаждавшимъ крѣпость Силистрію, быть готовымъ къ выступленію на рекогносцировку, подъ начальствомъ самого фельдмаршала.

Я былъ врачомъ при 8-й легкой батареѣ 15-й полевой артиллерійской бригады, составлявшей, вмѣстѣ съ Люблинскимъ егерскимъ полкомъ, лѣвый флангъ арміи, расположенный на рѣбѣ или, лучше, оврагѣ Алмалуфъ, почти посрединѣ нашей окупаціонной линіи, вокругъ Силистріи. Отрядомъ командовалъ извѣстный всѣмъ генерал-лейтенантъ Хрулевъ.

День 22-го мая былъ пасмурный, вполне благоприятный для движенія арміи. Люблинскій полкъ, построясь въ баталіонныя каре, съ артилеріею въ интервалахъ, двинулся въ авангардѣ. Раньше нашего отряда прошли казаки съ превосходною во всѣхъ отношеніяхъ конною казачьею батареєю, номера которой не помню. За ними шла и остальная армія, до 80-ти тысячъ, кажется, тоже построенная въ каре.

Черезъ часъ по выступленіи, справа, ближе къ укрѣпленію Абдул-Меджидъ, появились башни-бузуки, преслѣдуемые казаками и конною казачьею батареєю, за которыми слѣдовали и гусары. Послышалась пушечная и ружейная не оживленная перестрѣлка, длившаяся не болѣе часа. Пѣхота во все это время двигалась безостановочно и была остановлена на крутой возвышенности берега Дуная, противополож-

наго тому, на которомъ былъ нашъ лагерь, по другую западную сторону Силистрии. Атака казаковъ и гусаръ имѣла результатомъ нѣсколько убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ баши-бузуковъ безъ всякой потери съ нашей стороны.

Этимъ дѣло кончилось. Войска были остановлены по обѣимъ сторонамъ оврага, на днѣ котораго лежала болгарская деревня Бабуекъ.

Фельдмаршалъ прибылъ къ арміи при началѣ движенія и все время находился верхомъ въ авангардѣ, распорядясь лично всѣми движеніями. Когда войска были остановлены, онъ объѣзжалъ передовыя линіи, окруженный штабомъ и конвоемъ. Удаленіе баши-бузуковъ подъ защиту крѣпости и наша неподвижность дали возможность туркамъ открыть артилерійскій огонь, хотя и безвредный по дальности разстоянія, но все-таки безпокойный: двадцати четырехфунтовыя ядра, навѣсно перекосетируя, ложились сзади и между нашими колоннами. Одно изъ такихъ ядеръ съ шумомъ упало въ 2, 3-хъ шагахъ отъ фельдмаршала, лошадь его испугалась и бросилась въ сторону. Уставшій старикъ вѣроятно упалъ бы, но, къ счастью, его поддерживали ѣхавшіе сзади конвойные. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась по арміи. „Фельдмаршалъ контуженъ“ переходило изъ устъ въ уста скорѣе телеграфа. Вслѣдъ за событіемъ послышались крики: „доктора! доктора!“ Представителемъ медицины въ передней линіи былъ я одинъ съ батареиннымъ фельдшеромъ и лазаретною тележкой, называвшемся, не знаю почему, каретой. Прицѣпивъ лежавшую на всякій случай въ фуру шпагу, я направился на звавшіе меня голоса и увидѣлъ въ шагахъ 30-ти отъ моего передвижочнаго пункта лежащаго на коврѣ блѣднаго старика съ лицомъ, правда, усталымъ, но спокойнаго. Подошедшій ко мнѣ адъютантъ совѣтовалъ быть смѣлѣе. Фельдмаршала я видѣлъ въ первый разъ. Я спросилъ фельдмаршала, что у него болитъ. Онъ ласково отвѣчалъ, что „болитъ бокъ“, указывая на правую сторону грудной кѣтки. Бывши почти очевидцемъ происшествія, случившагося не болѣе какъ въ 50-ти шагахъ отъ меня и переданнаго съ первыхъ рукъ, я не находилъ нужнымъ изслѣдовать болное мѣсто и просилъ у фельдмаршала позволенія только растереть ему бокъ спиртомъ. „Хорошо, докторъ!“—былъ отвѣтъ. Смѣшавъ какъ можно скорѣе тинктуру арники, камфорный спиртъ съ небольшимъ количествомъ свиновой воды, я возвращался къ больному съ склянкой въ рукѣ, довольный этою временною ролью врача—замѣчательнаго человѣка. Фельдмаршалъ лежалъ уже обложенный со всѣхъ сторонъ подушками (?). Собравшіеся генералы и адъютанты (человѣкъ до 30-ти) образовали около него молчаливый кругъ. Меня со склянкой пропустили въ средину

его. Состояніе духа фельдмаршала было тоже, что и въ первый взитъ, но.... мои услуги на этотъ разъ не удостоились одобрения: когда я предложилъ растираніе, фельдмаршалъ, не взглянувъ на меня, сказалъ: „пошелъ прочь!“ что я и исполнилъ очень проворно. Возвратившись въ своей фурѣ, я засталъ тамъ штабныхъ врачей Гиршгофта и Москвина (теперь профессоровъ), прискакавшихъ съ перевязочнаго пункта, устроеннаго въ трехъ верстахъ отъ послѣдней нашей позиціи. Турки въ это время прекратили пальбу.

Фельдмаршалъ послѣ этой рекогносцировки уѣхалъ въ Каларашъ, потомъ въ Яссы и Варшаву. Войска поступили подъ начальство князя Горчакова.

Извѣстно, что фельдмаршалъ былъ горячимъ противникомъ перехода нашихъ войскъ за Дунай. Первымъ его словомъ по прибытіи въ армию, въ апрѣлѣ 1854 года, было неодобрение этого движенія. „Прежде нужно покончить съ австрійцами, а потомъ уже начать бить турокъ!“ говорилъ онъ при встрѣчѣ съ княземъ Горчаковымъ. Наглядными доказательствами апатіи фельдмаршала Паскевича къ начатымъ военнымъ дѣйствіямъ, служатъ: двухмѣсячное движеніе арміи отъ Мачия до Силистріи, блокада и осада Силистріи. Первое обстоятельство объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что мосты, построенные въ Измаилѣ, не могли быть доставлены раньше конца апрѣля къ осаждаемому городу. Медленность и своеобразность дѣйствій осаднаго корпуса, хотя и находятъ себѣ извиненіе въ желаніи фельдмаршала сберечь войска, тѣмъ не менѣе извиненіе это равносильно нежеланію его осадить Силистрію. Такъ съ 4-го по 20-е мая изъ 8, 9-ти верстнаго расстоянія между двумя изгибами Дуная, нашимъ укрѣпленнымъ лагеремъ было занято не болѣе 2-хъ верстъ. Остальное пространство охранялось казачьими и кавалерійскими разъѣздами, до того слабыми, что часто въ виду ихъ входили и выходили подрѣпленія и цѣлыя обозы съ провіантомъ для осажденныхъ. 20-го мая расширена окупационная линія еще на двѣ версты отрядомъ генерала Хрулева. Страдавшіе отъ бездѣйствія молодые офицеры-тактики, объясняли такую блокаду желаніемъ фельдмаршала „заманить Омер-пашу“. Осада Силистріи шла тѣмъ же путемъ. Траншеи противъ передовыхъ укрѣпленій начаты изъ далека, подвигались медленно; батареи вооружались полевыми орудіями. Осадными работами руководилъ (до раненія) старикъ инженер-генералъ Шильдеръ, который, браня не совсѣмъ вѣжливо фельдмаршала и князя Горчакова, отыскивалъ только мѣста траншей, веденныхъ имъ въ 1828 году, мало заботясь о настоящемъ положеніи дѣлъ. Тотлебенъ хотя и исправлялъ работи насколько могъ, но былъ не въ состояніи вполне ослушаться своего

начальника. Прямое вліяніе фельдмаршала на ходъ дѣлъ подѣ Силістрією доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что чрезъ нѣсколько дней по вступленіи въ командованіе войсками, князь Горчаковъ назначилъ штурмъ передовыхъ укрѣпленій, имѣвшій быть съ 9-го на 10-е іюня, 1854 г., но отказанный по случаю полученнаго распорядженія объ отступленіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію (?), что происшествіе 22-го мая служило только предлогомъ къ выполненію, вѣроятно, давняго желанія фельдмаршала удалиться отъ дѣлъ, такъ какъ скачокъ лошади и паденіе ядра въ трехъ шагахъ не могли произвести не только контузіи, но даже обыкновеннаго легкаго ушиба. Медицинское пособіе требовалось только въ началѣ, при испугѣ, весьма натуральномъ, впоследствии же, послѣ отдыха, оно было уже излишнимъ.

Павлуцкій.

Отставной военный врачъ.

Г. Бобруйскъ.

Примѣчаніе. Мы всегда дорожимъ свиѣтельствами очевидцевъ о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ, хотя и эти свиѣтельства далеко не всегда неопровержимы и должны подлежать критикѣ. Такъ напримѣръ о разсказанномъ выше случаѣ—предъ нами выдержка изъ дневника другого очевидца, бывшаго въ свитѣ Паскевича:

«Ядро, пущенное изъ Абдул-Меджида, ударилося въ землю, осыпавъ нѣсколько фельдмаршала. Обожженная лошадь сдѣлала скачекъ. Кн. Варшавскій пересѣлъ на другого коня и подѣхалъ къ лѣвому флангу.

«Здѣсь всѣ слезли съ лошадей.

«Князь Варшавскій легъ на буркѣ—подали походный завтракъ....

«Фельдмаршалъ почувствовалъ боль въ боку и спинѣ.... отъ контузіи....

«Фельдмаршалъ не могъ сѣсть верхомъ и на дрожжахъ былъ отвезенъ въ Карарошъ.

«На другой день фельдмаршалъ лежалъ въ постелѣ.... На спину и къ боку его свѣлости ставили пивки и банки.... устроили особаго рода костыли....

«Черезъ три дня фельдмаршалъ выѣхалъ въ Яссы».

Желательно, чтобъ достоуважаемый составитель дневника, изъ котораго приведена выдержка, подѣлился имъ съ читателями «Русской Старины».

Ред.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

Анекдоты.—Шутки и остроты.

Генерал-адъютантъ кн. А. С. Меншиковъ весьма извѣстенъ своими остротами ¹⁾. Однажды, явившись во дворецъ и ставъ передъ зеркаломъ, онъ спрашивалъ у окружающихъ: не велика-ли борода у него? На это, такой-же острякъ, генераль Ермоловъ, отвѣчалъ ему: „что-жь, высунь языкъ, да обрѣйся!“ Въ другой разъ великій князь Михайлъ Павловичъ сказалъ кому-то: „Если мы будемъ смотрѣть на лицо кн. Меншикова съ двухъ противоположныхъ сторонъ, то тебѣ будетъ казаться, что „онъ насмѣхается, а мнѣ—что онъ плачетъ“. Эта острота Ермолова и замѣчаніе великаго князя очень хорошо выражаютъ характеръ князя Меншикова.

Вотъ нѣсколько остротъ его, ²⁾

Въ 1834 году, одному важному лицу подарена была трость, украшенная брилліантами. Кто-то, говоря объ этомъ, выразился такимъ образомъ: „князю дали палку“.—„А я бы“,—сказалъ Меншиковъ,—„далъ ему сто палокъ!“ Нѣкоторые чиновники путей сообщенія, въ очень давнее время славились кражами и взятками. Князь Меншиковъ, возвратившись изъ одной поѣздки, рассказывалъ: „Ѣздивъ я въ Эстляндію и на дорогѣ, въ одномъ мѣстечкѣ, сдѣлался тяжело боленъ. Какъ христіанинъ, призываю священника, для исповѣди и святаго причастія. Священникъ, расспрашивая меня о грѣхахъ моихъ, между прочимъ, спросилъ, не беру-ли я взятокъ. Это изумило меня; однакожь я отвѣчалъ, что не беру. По выходѣ священника, и не могъ забыть его, страннаго для меня, вопроса. Между тѣмъ, я почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни. Приписывая это благодати Божіей, я на другой день опять послалъ за священникомъ, чтобы еще подкрѣпить себя его бесѣдою. Снова разговаривая съ нимъ и все помня вчерашній вопросъ его, я наконецъ рѣшился спросить, отъ чего онъ думалъ, что я беру взятки?

— Извините, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ смущенный священникъ,—вчерась я былъ обманутъ; мнѣ сказали, что вы генераль путей сообщенія!

¹⁾ Замѣтки эти писаны при его жизни, около 1857—1860 гг.

²⁾ Нѣкоторые рассказы о Меншиковѣ мы оставляемъ въ рукописи, какъ неудобные для печати.

Одинъ изъ трехъ братьевъ-богачей, полковникъ Лазарь Акимовичъ Л., потомокъ армянъ, женатый на принцессѣ курляндской, племянницѣ жены Таллейрана ¹⁾ любилъ хвастаться этимъ и часто повторялъ: мой дядя Таллейранъ, мой дядя Таллейранъ. Однажды онъ отпустилъ это хвастовство при князѣ Меншиковѣ.

— Ошиблись, — замѣтилъ ему Меншиковъ, — вы хотѣли сказать: мой дядя Тамерланъ!

Федоръ Павловичъ В*, достигшій чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности товарища министра финансовъ, былъ вмѣстѣ съ этимъ, несмотря на свою наружность, большой волокита: гуляя по Невскому, и другимъ смежнымъ улицамъ, подглядывалъ подъ шляпку каждой встрѣчной дамѣ. Когда Федоръ Павловичъ, по отъѣздѣ графа Капгерина за границу, вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ и сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта, князь Меншиковъ рассказывалъ:

— Шель я по Мѣщанской и вижу—всѣ окна въ нижнихъ этажахъ домовъ освѣщены и у всѣхъ воротъ множество особъ женскаго пола. Сколько я ни ломалъ головы, никакъ не могъ отгадать причины иллюминаціи, тѣмъ болѣе, что тогда не было никакого случая, который бы могъ подать поводъ къ народному празднику. Подойдя къ одной особѣ, я спросилъ ее:

— Скажи, милая, отъ чего сегодня иллюминація?

— Мы радуемся, — отвѣчала она, — повышенію Федора Павловича.

Еще про него же, Федора Павловича, рассказывалъ князь Меншиковъ: „Вронченко ѣздилъ въ Царское Село, съ докладомъ, и по случаю праздника, былъ въ мундирѣ и въ лентѣ черезъ плечо. По окончаніи доклада, Федора Павловича спрашиваютъ: Куда ты теперь поѣдешь?

— Въ Петербургъ, домой, — отвѣчалъ Вронченко.

— Прямо-ли домой? — опять спрашиваютъ.

— Прямо, — отвѣчалъ Федоръ Павловичъ.

— То-то, — сказано ему: не ходи въ лентѣ къ дѣвицамъ, прежде заѣзжай домой и переодѣнься“.

Конечно, весь этотъ анекдотъ выдумалъ Меншиковъ.

¹⁾ Графъ Таллейранъ, Перигоръ женатъ былъ на внукѣ извѣстнаго при Аннѣ Иоанновнѣ герцога Эрнеста Бирона, а Л. А. Лазаревъ († 1871 г.) на правнукѣ того же герцога, племянницѣ жены Таллейрана. См. «Родосл. книгу» изд. «Рус. Ст.», стр. 67.

П* былъ очень высокъ ростомъ и неукладистъ. Меншиковъ называлъ его „трехполѣннымъ“.

М*, занимая важный постъ въ трехъ учрежденіяхъ, при поѣздкахъ по Россіи, какъ рассказывали, получалъ по всѣмъ этимъ учрежденіямъ прогоны. Меншиковъ называлъ его: „трехпрогоннымъ“.

Генераль Н. Н. лѣтомъ жилъ въ Павловскѣ, на дачѣ Позена. Меншиковъ, разговаривая съ нимъ объ этомъ, спросилъ его:

— Который флигель вы занимаете, правый?

— Нѣтъ;—отвѣчалъ тотъ, въ правомъ живетъ самъ Позенъ.

— Стало-быть лѣвый?

— И не лѣвый,—отвѣчалъ генераль,— тамъ живетъ Брискорнъ; я занимаю средній флигель.

— Стало-быть — сказалъ Меншиковъ — вы помѣщены какъ Иисусъ на Голгоѣѣ.

Нѣкому П*, въ 1842 г., за поѣздку на Кавказъ, пожаловали табакерку съ портретомъ. Кто-то находилъ неприличнымъ, что портретъ высокой особы будетъ въ карманѣ П*.

— Что-жъ удивительнаго,—сказалъ Меншиковъ.—Желають видѣть, что въ карманѣ у П*.

Министерство государственныхъ имуществъ создано по предначертанію гр. Киселева, отъ котораго ожидали, что онъ улучшитъ положеніе казенныхъ крестьянъ; но надежды не исполнились, и новое министерство, перепутавъ прежній порядокъ, само запуталось въ своихъ распоряженіяхъ. Въ 1842 г., противъ квартиры гр. Киселева, на Мойкѣ, у Почтамскаго мостика, построенъ былъ временной балаганъ, въ которомъ показывали панораму Парижа. На вопросъ, для чего построенъ этотъ балаганъ, Меншиковъ отвѣчалъ:

— Здѣсь показываютъ въ миниатюрѣ улучшеніе казенныхъ крестьянъ.

На графа Клейнмихеля возлагались чрезвычайно разнообразныя обязанности. Бывъ дежурнымъ генераломъ, онъ возобновлялъ Зимній дворецъ послѣ пожара, и потомъ ему подчинена была медико-хирургическая академія. На него же возложили устройство московской желѣзной дороги. Это возрождало многія остроты, и въ одномъ иностранномъ журналѣ писали, что возобновленіе Зимняго дворца поручено было доктору медицины Клейнмихелю; а въ Петербургѣ, при

каждомъ открытіи вакансіи важной государственной должности, тотчасъ носились слухи, что на это мѣсто опредѣленъ будетъ Клейнмихель. Его назначали, по народному слуху, и военнымъ министромъ, и министромъ внутреннихъ силъ, и шефомъ жандармовъ. Въ 1843 г. когда Клейнмихель былъ уже главноуправляющимъ путями сообщенія, умеръ митрополитъ Серафимъ. Слѣдя разговоры и предположенія о томъ, кто будетъ назначенъ митрополитомъ въ Петербургѣ, Меншиковъ сказалъ: „Вѣроятно назначать гр. Клейнмихеля“.

Въ 1843 г. военный министръ князь Чернышевъ былъ отправленъ съ порученіемъ на Кавказъ. Думали, что государь оставитъ его главнокомандующимъ на Кавказѣ, и что военнымъ министромъ назначенъ будетъ Клейнмихель. Въ то время Михайловскій-Данилевскій, извѣстный военный историкъ, заботившійся въ своемъ трудѣ о томъ, чтобы выдвинуть на первый планъ подвиги тѣхъ генераловъ, которые могли быть ему полезны, и такимъ образомъ проложить себѣ дорогу, приготовлялъ новое изданіе описанія войны 1813—1814 годовъ. Это изданіе уже оканчивалось печатаніемъ. Меншиковъ сказалъ: „Данилевскій, жалѣя перепечатать книгу, пускаетъ ее въ ходъ безъ передѣлки; но въ началѣ сдѣлалъ примѣчаніе, что все, написанное о князѣ Чернышевѣ, относится къ графу Клейнмихелю“.

Когда умеръ Михайловскій-Данилевскій, Меншиковъ сказалъ: „вотъ и еще баснописецъ умеръ!“

Левъ Алексѣевичъ Перовскій, съ самаго поступленія въ министры внутреннихъ дѣлъ, обратилъ на себя общее вниманіе многими распоряженіями, которыми онъ предупреждалъ голосъ и нужды народныя: онъ преобразовалъ полицію, ввелъ надзоръ за продажей съѣстныхъ припасовъ, постановилъ таксу даже гробамъ, старался истребить мошенниковъ, и проч. Меншиковъ рассказывалъ: „Иду я по Невскому. Вдругъ какой-то мальчикъ, указывая на шедшаго впереди меня челоуѣка, спросилъ меня: видишь-ли, кто это идетъ?“

— Вижу,—отвѣчалъ я.

— Да знаешь-ли, кто это?—продолжалъ мальчикъ.

— Знаю,—отвѣчалъ я,—это Перовскій.

— Ну, такъ дай мнѣ грошъ,—сказалъ мальчикъ.

— За что же?—спросилъ я его.

— За то,—отвѣчалъ мальчикъ, что я указалъ тебѣ челоуѣка, какихъ немного въ Петербургѣ.

Гр. Канкринъ, въ свободныя минуты, любилъ играть на скрипкѣ и игралъ очень дурно. По вечерамъ, передъ тѣмъ временемъ, когда подавали огни, домашніе его всегда слышали, что онъ пильтъ на своей скрипкѣ. Въ 1843 г. Листъ восхищалъ петербургскую публику игрой на фортепяно. Государь, послѣ перваго концерта, спрашивалъ Меншикова, понравился-ли ему Листъ?

— Да, — отвѣчалъ тотъ, — Листъ хорошъ, но, признаюсь, онъ мало подѣйствовалъ на мою душу.

— Кто-жъ тебѣ больше нравится? — опять спросилъ государь.

— Мнѣ больше нравится — когда графъ Канкринъ играетъ на скрипкѣ!

Однажды Меншиковъ, разговаривая съ государемъ и видя проходящаго Канкринина, сказалъ: — Фокусникъ идетъ.

— Какой фокусникъ? — спросилъ государь: — это министръ финансовъ.

— Фокусникъ, — продолжалъ Меншиковъ. — Онъ держитъ въ правой рукѣ золото, въ лѣвой — платину: дунеть въ правую — ассигнаціи, плюнетъ въ лѣвую — облигаціи.

Въ началѣ 1844 года Канкринъ слегъ въ постель. Многіе говорили, что это случилось не столько отъ болѣзни, сколько отъ того, что въ то время окончился срокъ арендѣ его, въ 70 т. р. с.; и государь, вмѣсто продолженія аренды, назначилъ ему только 30 т. руб. сер., ежегодно по смерти. Старикъ такъ долго хитрилъ, что ему ужъ перестали вѣрить. Въ это время великая княгиня Елена Павловна, при встрѣчѣ съ Меншиковымъ, начала съ нимъ разговоръ обыкновеннымъ вопросомъ: Не слышно-ли чего новаго?

— Приятнаго, — отвѣчалъ князь, — ничего не слышно; но если ваше высочество позволить доложить вамъ непріятную новость, такъ, говорятъ, Канкрину сдѣлалось лучше.

Но Канкринъ уже не обманывалъ. Старость и болѣзни такъ ослабили его, что онъ наконецъ выпросилъ себѣ отставку. Въ маѣ 1844 года назначенъ Вронченко статс-секретаремъ и управляющимъ министерствомъ финансовъ. Онъ былъ очень мнителенъ и въ важныхъ случаяхъ не зналъ, на что рѣшиться, потому составленъ особый финансовый комитетъ изъ предсѣдателя государственнаго совѣта кн. Васильчикова, члена того же совѣта кн. Любецкаго (полякъ) и статс-секретаря П* (потомокъ евреевъ). По этому случаю великій князь Михаилъ Павловичъ, увидавъ Меншикова, сказалъ:

— Слышалъ князь, министра финансовъ разбивали на мелкую монету?

— Теперь, ваше высочество,—отвѣчалъ Меншиковъ,—по крайней мѣрѣ извѣстно, чего стоитъ въ Россіи нѣмецъ—руссаго, поляка и еврея.

Необыкновенная энергія и быстрота въ исполненіи порученій, которыя возлагались на К*, тягостная и суровая для его подчиненныхъ, подала Меншикову поводъ выдумать слѣдующій разговоръ.

— Видѣлъ я во снѣ,—говорилъ Меншиковъ,—что во мнѣ явился чортъ и требовалъ меня къ сатанѣ. Я, не зная особенныхъ преступленій за собой, изумился, но исполнилъ требованіе: потому что съ чортомъ шутить нельзя. Посланный привелъ меня въ тартаръ.

— Ты водяной министръ у русскаго царя? возопилъ сатана.

— Тутъ я догадался, что должна быть ошибка и осмѣлился доложить сатанѣ, что у русскаго царя два водяныхъ министра; одинъ—морской, другой—рѣчной, вакого-жъ вашему высочеству, г. сатана, угодно?—„Рѣчнаго!!“—„Ну, такъ требуйте К*—онъ рѣчной“.

— Его-то мнѣ и надобно,—отвѣчалъ сатана и, страшно вскрикнувъ на посланнаго, который сдѣлалъ ошибку, призвалъ ему тотчасъ привести рѣчнаго министра. Вскорѣ является К*.

— Ты начальствуешь надъ прѣсными водами?—грозно спросилъ его сатана.

— Я,—отвѣчалъ трепещущій министръ.

— Такъ подавай мнѣ свою душу!

— Какъ душу? едва провзнесъ отъ страха и изумленія К*. Какую душу? Во мнѣ,—отвѣчалъ онъ съ глубокимъ поклономъ, во мнѣ только усердіе все превозмогающее.

— Потомъ,—продолжалъ Меншиковъ,—я уже не помню, чѣмъ кончился этотъ страшный сонъ.

Въ 1848 году государь, разговаривая о томъ, что на Кавказѣ остаются семь разбойничьихъ ауловъ, которые для безопасности нашей было бы необходимо разорить, спрашивалъ:

— Кого бы для этого послать на Кавказъ?

— Если нужно разорить,—сказалъ Меншиковъ,—то лучше всего послать гр. Киселева: послѣ государственныхъ крестьянъ, семь ауловъ разорить—ему ничего не стоитъ!

Въ началѣ 18* г. въ петербургской крѣпости назначенъ новый комендантъ. По этому случаю Меншиковъ сказалъ: „Прежніе комен-

данты были, кто безъ ноги (Сукинъ и Крыжановскій), кто безъ руки (Скобелевъ), а нынѣшній—безъ головы“.

По окончаніи венгерской кампаніи, получили: одинъ изъ корпусныхъ командировъ дѣйствующей арміи, генералъ Ридигеръ—графское достоинство; находившіеся при государѣ въ Варшавѣ графъ Нессельроде и гр. Орловъ—портреты его величества и гр. Адлербергъ—Андреевскую ленту; а военный министръ кн. Чернышевъ, за распоряженія во время войны—титулъ свѣтлости. Вслѣдъ затѣмъ и гр. Клейнмихелю пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Меншиковъ сказалъ: „Ридигеру дана награда за кампанію, другимъ во время кампаніи, а гр. Клейнмихелю—для компаніи.“

Австрійцы дрались противъ венгерскихъ мятежниковъ, какъ и всегда, чрезвычайно плохо, и венгерскую кампанію окончили, можно сказать, одни русскіе. Въ память этой войны, всѣмъ русскимъ войскамъ, бывшимъ за границей и дѣйствовавшимъ противъ непріятеля, пожалована государемъ серебряная медаль, съ надписью: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“ Меншиковъ сказалъ: „Австрійскій императоръ роздалъ своимъ войскамъ медаль съ надписью: „Богъ съ вами!““

Гвардія наша, въ венгерскую кампанію, ходила въ походъ на случай надобности, но остановилась въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, а когда война кончилась, возвратилась въ Петербургъ, не слышавъ и свиста пуль. Несмотря на это, гвардейцы ожидали, что и имъ раздадутъ медаль. „Да,—сказалъ Меншиковъ,—и гвардейцы получаютъ медаль,—съ надписью: Туда и обратно!“

Весною 1850 г. Меншиковъ былъ въ Москвѣ, когда тамъ находился государь. Разсуждая о храмахъ и древностяхъ Москвы, его величество замѣтилъ, что русскіе справедливо называютъ ее святою. „Москва дѣйствительно святая,—сказалъ съ смиреніемъ кн. Меншиковъ,—а съ тѣхъ поръ, какъ ею управляетъ графъ Закревскій, она и великомученица!“

Во время работъ по устройству петербурско-московской желѣзной дороги и постояннаго (Благовѣщенскаго) моста черезъ Неву, было много толковъ. Дорогу съ каждымъ годомъ обѣщали кончить, а между тѣмъ не видно было и конца работамъ. Мостъ дѣлали быстро, но рѣдкіе были увѣрены въ его прочности, и многіе опасались, что Нева,

рано или поздно, уничтожить труды человѣческіе. Меншиковъ, слушая разговоры о томъ и другомъ предпріятіи, сказалъ: „Желѣзную дорогу мы не увидимъ, но внуки наши увидятъ; а невскій мостъ мы увидимъ, да внуки не увидятъ“.

По увольненіи заболѣвшаго гр. Уварова отъ должности министра народнаго просвѣщенія, на его мѣсто назначенъ былъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Кн. Меншиковъ сказалъ: „Ну, теперь министерству просвѣщенія дали шахъ и матъ!“

Вслѣдъ затѣмъ, въ товарищи кн. Ширинскому-Шихматову опредѣлили Авраама Сергѣевича Норова, путешественника по востоку и писателя, потерявшаго на войнѣ одну ногу. „Захромало министерство просвѣщенія,—сказалъ кн. Меншиковъ,—прежде оно ходило по крайней мѣрѣ на четырехъ ногахъ, а теперь осталось о трехъ“.

Меншиковъ всегда отличалъ тѣхъ изъ служившихъ въ его министерствѣ чиновниковъ, которые оказывали дарованія. Такъ черезъ него вышли Николай Ивановичъ Вахтинъ, въ государственные секретари, бывший потомъ замѣчательнымъ членомъ государственнаго совѣта, Фишеръ въ директоры департамента желѣзныхъ дорогъ. Въ 1849 г. изъ его же министерства взяты въ директоры общей канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Гвоздевъ. Хотя самъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій, чѣловѣкъ энергическій и даровитый, можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ министровъ, но онъ имѣлъ слабость не удалить нѣкоторыхъ старыхъ привязныхъ и взяточниковъ. Разумѣя этотъ составъ министерства, по опредѣленіи Гвоздева въ директоры, на мѣсто умершаго фон-Поля, Меншиковъ сказалъ: „Министерство внутреннихъ дѣлъ распалось; чтобъ увѣрнить его, я вколотилъ въ него гвоздь“.

Сенаторъ S. женатъ былъ, первымъ бракомъ, на Агаюклею Марковнѣ, рожденной П. Эта дама, что называется, бой-баба, въ домѣ держала все въ своихъ рукахъ, а въ городѣ слыла разнощицей пересудовъ и сплетней. Сколько не жаловала ее публика, видно изъ того, что по Петербургу, еще въ царствованіе императора Александра I, кто-то разнесъ глупую молву, будто Агаюклею Марковну будутъ съѣчь кнутами, и жители тысячами высыпали на зимнюю конную, чтобы видѣть экзекуцію. Но это народное мнѣніе не измѣнило нрава Агаюклеи Марковны, она продолжала быть распорядительни-

пей въ своемъ кругу, и особенно мужъ ея ничего передъ нею не значилъ, такъ что въ столицѣ больше знали Агаѳоклею Марковну, нежели сенатора S. Разъ, при выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, одинъ изъ пріѣзжихъ, не знавшій S., спросилъ у кн. Меншикова:

— Кто этотъ господинъ въ красномъ мундирѣ?

— Это,—отвѣчалъ Меншиковъ,— мужъ Агаѳоклеи Марковны!

Князь N. N. нѣсколько разъ подвергался такимъ болѣзнямъ, которыя очень рѣдко бывали въ мирѣ у другихъ и, почти всегда, означивались смертію. Тѣло его, особенно руки, покрывались лишаями, особеннаго рода, чрезвычайно злокачественными — и онъ вылезъ отъ этой болѣзни. Въ 1839 году его ѣли вши — онъ и отъ этой немочи излечился. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ мочевомъ пузырьѣ у него отдѣлялся сахаръ — и отъ этого вылезъ онъ. Въ 1852 г. въ немъ обнаружился сухой (старческой) антоновъ огонь, такъ что пальцы на ногѣ его мертвѣли, и отъ этихъ пальцевъ то сами отваливались, то медяками были отнимаемы косточки и куски тѣла; словомъ, онъ заживо разрушался, а все-таки не умиралъ. При разговорѣ въ одномъ домѣ объ этихъ чудныхъ явленіяхъ, многіе полагали, что жизнь N. N. находится въ опасности. Но князь Меншиковъ сказалъ:

— Нѣтъ, господа, онъ никогда не умретъ!

Разумѣется, начались вопросы: Какъ? отчего?

Меншиковъ продолжалъ: „Когда русскіе, въ 1814 году, вступили въ Парижъ, N. N. и я ходили къ Ленорманъ; она и инѣ что-то болтала, а N. N. предсказала, что онъ не умретъ, пока не сдѣлаетъ хотя одного добраго дѣла. Вотъ отчего,—прибавилъ Меншиковъ,—N. N. не дѣлаетъ добрыхъ дѣлъ, и не ждите, чтобы онъ когда-нибудь умеръ“.

Передъ окончаніемъ постройки петербургско-московской желѣзной дороги, Клейнмихель отдалъ ее на откупъ американцамъ, заключивъ съ ними контрактъ, самый невыгодный для казны и для народа. На основаніи этого контракта въ первый годъ (съ октября 1851 г.) американцы дѣлали поѣзды только по два, потому по три раза въ день и каждый поѣздъ составляли не болѣе, какъ изъ шести вагоновъ. Отъ этого повлажи купеческія лежали горами на станціяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а пассажиры, изъ простолюдиновъ, не дѣлѣ не могли получить билета въ вагоны третьяго разряда. Кромя того, американцы, раздробивъ слѣдующую имъ плату по верстамъ, обольстили Клейнмихеля конеечнымъ счетомъ, ибо съ каждой

версты они назначили себѣ по 1¹/₂ коп. серебр.; но изъ этого, по-видимому, мелочнаго счета выходила огромная сумма, такъ что всѣ выгоды остались на сторонѣ американцевъ. Въ февралѣ 1852 года, когда общій ропотъ, по этому случаю, былъ въ разгарѣ, прибылъ въ Петербургъ персидскій посланникъ, со свитою. Государь повелѣлъ показать имъ рѣдкости столицы, въ томъ числѣ и новую желѣзную дорогу. Сопровождавшіе персіянь, исполнивъ это порученіе, подробно докладывали, что показано ими, и на вопросъ его величества: все-ли замѣчательное показано на желѣзной дорогѣ? отвѣчали: все.

Меншиковъ, находившійся при этомъ, возразилъ:

— А не показали самаго рѣдкаго и самаго достопримѣчательнаго!

— Что такое?— спросилъ государь.

— Контракта, заключеннаго графомъ Клейнмихелемъ съ американцами,— отвѣчалъ кн. Меншиковъ.

Когда Вронченко сдѣлали министромъ финансовъ, и потомъ даже графомъ, устроенъ былъ купеческій пароходъ, названный: „Графомъ Вронченко“. Пароходъ вышелъ не довольно удаченъ, и ѣдившіе на немъ жадовались, что ходъ его очень медленъ. Во время толковъ объ этомъ, кто-то спросилъ князя Меншикова:

— Правда-ли, что новый пароходъ медленъ?

— На графѣ Вронченко далеко не уѣдешь,— отвѣчалъ Меншиковъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ опредѣленъ былъ управляющимъ экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, но не долго удержался на этомъ мѣстѣ. Желая сдѣлать переворотъ, онъ удалялъ старыхъ чиновниковъ и измѣнялъ все, до него бывшее. Но, ломая старое, онъ не въ силахъ былъ ввести ничего лучшаго, а новые, имъ опредѣленные, чиновники, по неопытности, только путали дѣла.

Это вынудило министра финансовъ гр. Вронченко доложить обо всемъ государю и, для восстановленія порядка въ экспедиціи, самъ Нарышкинъ, въ исходѣ 1851 г., былъ уволенъ отъ должности управляющаго. Въ началѣ же 1852 года случилась неприятность съ сестрой Нарышкина, графинею Александрою Кирилловною Воронцовой-Дашковой. Всегда любезная, но рѣзкая и находчивая, она, бывъ въ Парижѣ, смѣло говорила противъ президента Людовика-Наполеона, оуждала его самоуправныя дѣйствія.

Послѣ того президентъ, увидѣвъ графиню на одномъ балу, спросилъ ее:

— Вы скоро оставите Парижъ?

— А вы принцъ? спросила она въ свою очередь президента.

На другой же день къ ней присланъ былъ паспортъ на выѣздъ изъ Парижа. По этому случаю кн. Меншиковъ сказалъ:

— Я нахожу большое сходство между Людовикомъ-Наполеономъ и графомъ Вронченко: тотъ удалилъ сестру изъ Парижа, а этотъ — брата изъ экспедиціи.

Между любимцами у гр. Вронченко былъ одинъ изъ петербургскихъ откупщиковъ, К*. За нѣсколько лѣтъ этотъ купецъ едва имѣлъ пять или десять тысячъ рублей, а лѣтъ черезъ шесть или семь, капиталъ его возросъ до шести милліоновъ. Впрочемъ, знающіе этого скороспѣлаго богача, отдають справедливость его торговому и промышленному уму. Особенно постигъ онъ питейную часть, и его совѣтами пользовался гр. Вронченко при введеніи акцизной системы въ питейныхъ сборахъ. Разумѣется, К* былъ въ сторонѣ, совѣтникомъ тайнымъ, а на видъ выставлялся министръ финансовъ. Собственно за это, но будто бы за какое-то пожертвованіе, очень незначительное, по ходатайству гр. Вронченко, К*, въ началѣ 1852 г., пожалованъ былъ въ комерціи совѣтники. При разговорѣ объ этомъ пожалованіи, кн. Меншиковъ сказалъ: „Графу Вронченкѣ ни почему тайные совѣтники: онъ изъ К*, своего тайнаго совѣтника, сдѣлалъ комерціи совѣтника!“

Въ исходѣ 1852 года, въ видахъ уменьшенія государственныхъ расходовъ, сокращены штаты почти во всѣхъ вѣдомствахъ службы и многіе чиновники должны были остаться безъ должностей. Вскорѣ послѣ того правительство озаботилось размѣщеніемъ этихъ чиновниковъ на открывающіяся вакансіи и оставило при нихъ, на нѣкоторое время, содержаніе. Но прежде, чѣмъ это сдѣлано было, участь уволенныхъ чиновниковъ возбуждала общее сожалѣніе, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ, съ многочисленными семействами, дѣйствительно, безъ помощи правительства, пошли бы по-миру. Въ это время кто-то спросилъ Меншикова, не слышалъ-ли онъ, что дѣлають оставшіеся за штатомъ чиновники? „Ходятъ съ шарманками,—отвѣчалъ Меншиковъ—да поютъ“ ....

Въ морскомъ вѣдомствѣ производство въ чины шло въ прежнее время такъ медленно, что генеральскаго чина достигали только люди пожилые, а полнаго адмирала—весьма престарѣлые. Этими стариками наполнены были адмиралтейств-совѣтъ и генерал-аудиторіатъ

морскаго министерства, въ память прежнихъ заслугъ. Естественно, что иногда въ короткое время умирали, одинъ за другимъ, нѣсколько престарѣлыхъ адмираловъ; при одной изъ такихъ смертностей, императоръ Николай Павловичъ спросилъ Меншикова:—Отчего у тебя часто умираютъ члены адмиралтействъ-совѣта?

— Кто-же умретъ? спросилъ въ свою очередь Меншиковъ.

— Да вотъ такой-то, такой-то... сказалъ государь, насчитавъ три или четыре адмирала.

— О, ваше величество, — отвѣчалъ князь — они уже давно умерли, а въ это время ихъ только хоронили!

Въ 1853 г. начались несогласія между дворами российскимъ и турецкимъ. Христіане, подданные Турціи, терпѣли разныя притѣсненія, и ключъ отъ храма Гроба Господня въ Иерусалимѣ, находившійся всегда у православныхъ, переданъ былъ въ руки католиковъ. По этому случаю государь, въ январѣ, отправилъ Меншикова въ Константинополь, чрезвычайнымъ посломъ. Его приняли тамъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ: на встрѣчу ему вышли патріархъ и духовенство греческіе, первые министры блистательной Порты, и по всей дорогѣ разставлены были войска турецкія. По его настоянію, смѣненъ былъ министръ, противудѣйствовавшій видамъ русскаго правительства; прекращены нападенія на христіанъ въ европейской Турціи, и султанъ показывалъ видъ, что исполнить всѣ желанія русскаго императора. Произвела такое сильное впечатлѣніе, кн. Меншиковъ обращался съ турками гордо, какъ посолъ монарха не просящаго, но повелѣвающаго. Для Меншикова сдѣланъ былъ смотръ войскъ; онъ выѣхалъ въ пальто съ хлыстикомъ; даже, изъ свиты его, молодой графъ Нессельроде былъ въ пальто. Съ этой небрежностью князь являлся на переговоры, когда первые чины дивана встрѣчали его со всѣми почестями. Между тѣмъ переговоры длились; султанъ изъявлялъ согласіе на все, но недоброжелатели Россіи, — англичане и французы, — принуждали его пускаться въ азіятскія хитрости. Среди этихъ колеблющихся переговоровъ Меншиковъ отправлялъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ Петербургъ, съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ. Выслушавъ наставленія князя, чиновникъ спросилъ, не прикажетъ-ли его свѣтлость еще что-либо сказать. „Больше ничего“, отвѣчалъ Меншиковъ, по обыкновенію морщась и грызя ногти „Развѣ прибавь, пожалуй, что я здоровъ, что часто ѣзжу верхомъ, что теперь объѣзжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовутъ: Султанъ.“

Между тѣмъ дѣла запутывались, англичане и французы ввели свои флоты въ Босфоръ. Подстрекаемый интригами недоброжелателей нашихъ, и обнадеженный заступничествомъ ихъ, султанъ еще болѣе заупрямился, и дѣло приняло оборотъ неприличннй достоинству имперіи. Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя. Уже дѣлались приготовления къ войнѣ противъ Турціи; но какъ дипломатическія сношенія еще длились, то Меншиковъ, чтобы быть ближе къ турецкому Дивану, оставался въ Севастополѣ. Въ это время вездѣ и всѣ заняты были открытіемъ силы, по которой столы и другія вещи вертятся отъ прикосновенія рукъ человѣческихъ. Когда Меншикову говорили объ этомъ, онъ сказалъ: „У васъ вертятся столы, шляпы, тарелки, а отъ моего прикосновенія Диванъ завертѣлся!“.

Въ 1854 году Меншиковъ назначенъ былъ главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами въ Крыму. 2-го сентября англо-французскія войска, съ частію турецкихъ, сдѣлали высадку на берега Крыма и потомъ начали осаждать Севастополь. Въ одной изъ стычекъ нашихъ войскъ съ непріателемъ, казакъ притащилъ на арканѣ французскаго офицера. Этотъ офицеръ, явившись къ князю, жаловался, что казакъ билъ его плетью. Князь обѣщаль ему строго взискать съ виновнаго. Потребовавъ къ себѣ казака, главнокомандующій разспрашивалъ его, какъ было дѣло? Донецъ разсказалъ, что французскій офицеръ, во время битвы, три раза стрѣлялъ въ него изъ пистолета, но ни разу не попалъ; что за это онъ, накинувъ арканъ на плохого стрѣлка и притащивъ его къ себѣ, точно далъ ему столько же ударовъ плетью, сколько разъ тотъ прицѣлился. Князь расхохотался. Пригласивъ къ себѣ плѣннаго офицера, при немъ, обращаясь къ казаку, Меншиковъ началъ дѣлать ему самый строгій выговоръ, объясняя ему, что онъ обязанъ уваженіемъ и къ плѣннымъ офицерамъ, грозилъ ему сослать его въ отдаленныя мѣста и даже разстрѣлять. Все это князь говорилъ по-французски и казакъ, ничего не понимая, только моргалъ глазами. Съ гнѣвомъ подавъ знакъ рукою, чтобы казакъ вышелъ вонъ, князь обратился къ плѣнному и спросилъ его: доволенъ-ли онъ рѣшеніемъ? Французскій офицеръ низко кланялся и не находилъ словъ, какъ благодарить главнокомандующаго за правосудное рѣшеніе. По удаленіи плѣннаго, князь снова потребовалъ къ себѣ казака, благодарилъ его, уже по-русски, за храбрость и ловкость, и наградилъ Георгиевскимъ крестомъ.

Командованіе арміею не удалось кн. Меншикову, но умъ его не могъ и здѣсь не обозначиться. Въ первомъ сраженіи съ англо-фран-

пузами, на Альмѣ, гдѣ враги были вдвое многочисленнѣе и поддерживались флотомъ, онъ принужденъ былъ отступить, но прежде столько озадачилъ непріятелей, что они не осмѣлились преслѣдовать его, и прошли къ Балаклавѣ, мимо Севастополя, тогда какъ въ то время они могли бы легко взять эту крѣпость. Послѣдующее затѣмъ боковое движеніе его, для защиты Перекопа, къ Бахчисараю, сравнивали съ знаменитыми подобными движеніями великихъ полководцевъ прежняго времени. Въ сраженіи у Инкермана мы ничего не выиграли, но непріятель увидѣлъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, точно также, какъ Наполеонъ I увидѣлъ это послѣ бородинскаго сраженія. Прибавивъ къ этому затопленіе судовъ въ сѣверной бухтѣ и вооруженіе Севастополя, который, несмотря на непрерывную бомбардировку, укрѣпленъ былъ еще неприступнѣе, чѣмъ прежде, нельзя не согласиться, что Меншиковъ, сохранивъ, сколько возможно было, свою армію, совершенно разстроилъ мечты непріятелей—завладѣть скоро Севастополемъ и Крымомъ. Между тѣмъ войско ихъ изнурялось и гибло въ вылазкахъ, отъ болѣзней, голода и холода, такъ что англійской арміи почти не существовало. Но въ Меншиковѣ было много такого, что отталкивало отъ него. Всегда наморщенный и недовольный, онъ никого не дарилъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ. Солдаты почти не видѣли его; генералы и офицеры не получали никакихъ наградъ. Передъ сраженіями не было молебствій; послѣ сраженій главнокомандующій не объѣзжалъ поля битвъ, не выражалъ соболѣзнованій объ умершихъ и раненыхъ. Устраненіе его отъ мелочей казалось мелочнымъ людямъ недѣятельностію. Донесенія его, въ которыхъ онъ не хвалилъ ни себя, ни своихъ, и никогда не унижалъ враговъ, эти донесенія, которымъ отдавали справедливость и умные соотечественники и самые враги наши, были такъ коротки и сухи, что казались безсердечными. Словомъ, онъ не былъ и не умѣлъ сдѣлаться ни любимцемъ войска, ни народнымъ полководцомъ. Хотя изгнать непріятелей изъ Крыма, сначала по малочисленности нашей арміи, а потомъ по зимней распутицѣ, не было никакой возможности; но пребываніе ихъ тамъ, въ продолженіе (со 2-го сентября) болѣе пяти мѣсяцевъ, все относилось къ винѣ его. И войска наши и жители Крыма, и большая часть русскихъ, наконецъ и самъ государь смотрѣли на Меншикова, какъ на полководца непредпріимчиваго и ненадежнаго. Въ январѣ 1855 г., ему наменули, что лучше, если онъ будетъ просить объ увольненіи его отъ командованія арміею. Надобно прибавить, что лѣтомъ 1854 г. англо-французскій флотъ (корабли три или четыре) подступалъ къ Соловецкому монастырю; но архимандритъ Александръ, съ братіей и инвалидной командой, отказались сдаться и непріятель

не взял монастыря. Услышавъ предложеніе удалиться, Меншиковъ сказалъ: „Если мной недоволены, то пусть приишлютъ сюда Соловецкаго архимандрита, съ монахами: они тотчасъ выгнади-бы неприятели“.

Возвратясь въ Петербургъ, Меншиковъ жаловался, что въ его арміи, несмотря на безпрестанныя его требованія, пороку бывало такъ мало, что иногда небыло стрѣлять. Въ первые же дни посѣтилъ его кн. Д. Послѣ учтиваго, но сухого свиданія, Меншиковъ, проводивъ гостя, сказалъ другимъ посѣтителямъ: „Онъ пороку не выдумаетъ, порохомъ не окуренъ и пороку мнѣ не давалъ!“

Въ апрѣлѣ 1856 г., послѣ заключенія мирнаго трактата Россіи съ Англіей, Франціей и Турціей, по которому мы уступили блистательной Портѣ большой кусокъ Бессарабіи, со всѣмъ устьемъ Дуная, кто-то встрѣтася съ кн. Меншиковымъ, сказалъ:

— Съ которыхъ поръ я не имѣлъ чести видѣть вашу свѣтлость? Кажется болѣе мѣсяца! Сколько воды утекло!

— Эхъ, братецъ, давно, — отвѣчалъ Меншиковъ, — съ тѣхъ поръ цѣлый Дунай утекъ!

Случалось, что и Меншиковъ попадался на рѣзкій отвѣтъ. Одинъ французъ издалъ книжку на французскомъ языкѣ, въ которой описалъ одного русскаго князя, бывшаго посломъ въ одной изъ столицъ. Рассказывая о свиданіяхъ съ нимъ, этотъ французъ, между другими выдумками, говоритъ, что посольство встрѣчалъ его въ халатѣ. Надобно при этомъ вспомнить, что Меншиковъ, какъ ми видѣли выше, въ бытность посломъ въ Константинополѣ, велъ себя надменно, являлся къ министрамъ и даже на парады войскъ въ пальто. Быть можетъ это неуваженіе къ турецкому правительству было одною изъ причинъ неудачи посольства и войны противъ Россіи. Весной 185* тотъ князь, о которомъ повѣствоваль французъ, получилъ высокій постъ въ Петербургѣ. Меншиковъ при встрѣчѣ съ княземъ сказалъ ему:

— Теперь будетъ въ ходу извѣстный халатъ.

— Но все не въ такомъ, какъ знаменитое пальто, — былъ отвѣтъ.

Пѣсня о сраженіи при Оедюкиныхъ горахъ.

Эта пѣсня была напечатана въ сообщеніи М. И. Венюкова по нѣсколькимъ спискамъ („Рус. Ст.“, 1875 г. т. XII, стр. 441—443). Настоящій списокъ представляетъ нѣсколько существенныхъ варьянтовъ и, кажется, болѣе точенъ, а потому мы считаемъ не лишнимъ, познакомить съ нимъ читателей „Русской Старины“. Ред.

Какъ 4-го числа
Нашъ нелегкая несла
Горы занимать!
Горы занимать!
А нашъ Вревскій енаралъ
Къ Горчакову прискакалъ,
Тогда подъ шафе
Тогда подъ шафе:
«Князь, возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору —
Не то разсержусь!
Не то разсержусь!
Собирали на совѣты
Все большіе эполеты,
Да и Плацъ-Беккокъ!
Да и Плацъ-Беккокъ!
Полецмистеръ Плацъ-Беккокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать!
Что ему сказать!
Долго думали-гадали
Топографы все писали
На большихъ листахъ!
На большихъ листахъ!
Чисто вписано въ бумагъ,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить!
Какъ по нимъ ходить!
Выѣзжали князья-графы
И за ними топографы,
На большой редутъ!
На большой редутъ!
Князь сказать: «ступай Липранди!»
А Липранди: «нѣтъ атанде!»
Я, молю, не пойду!
Я, молю, не пойду!
Туда умнаго не надо;
Вы пошлите-ка Реада,

А я посмотрю!
 А я посмотрю!»!
 Вотъ Редь возьми, да спросту
 Поведи насъ прямо къ мосту,
 Ну-теа на уру!
 Ну-теа на уру!
 Веймарнъ плакаль, умоляль,
 Чтобъ немножко обождать:
 Нѣтъ ужъ, пусть идутъ!
 Нѣтъ ужъ, пусть идутъ!
 Енаралъ же Ушаковъ,
 Тотъ ужъ вовсе не таковъ:
 Все чего-то ждалъ!
 Все чего-то ждалъ!
 Онъ и ждалъ да дожидался,
 Пока съ духомъ собирался
 Рѣчку перейти!
 Рѣчку перейти!
 На уру мы зашумѣли,
 Да резервы не поспѣли
 Кто-то перевралъ!
 Кто-то перевралъ!
 А Бѣлевцовъ енаралъ
 Все лишь знамя потрясалъ,
 Вовсе не къ лицу!
 Вовсе не къ лицу!
 На Федюхины высоты
 Насъ всего взошли три роты,
 А пошли полки!
 А пошли полки!
 Наше войско небольшое,
 А французовъ было вдвое,
 И резерва нѣтъ!
 И резерва нѣтъ!
 Ждали выйдеть съ гарнизона
 Къ намъ на выручку колонна,
 Подали сигналъ!
 Подали сигналъ!
 А тамъ NN енаралъ
 Все акафисты читалъ,
 Выручать не шель!
 Выручать не шель!
 И пришлось намъ отступать
 .....
 Кто туда повель!
 Кто туда повель!

Сообщ. С. П. Сысоевъ.

Братья Василий и Ерофей Каржавины.

Въ предыдущихъ главахъ нашего очерка жизни и трудовъ Ѳ. В. Каржавина мы привели свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ представителѣ русскаго общества XVIII столѣтія, состояща изъ неизданныхъ дотогѣ рукописныхъ матеріаловъ. Нынѣ мы считаемъ необходимымъ дополнить наше сообщеніе указаніемъ на то, что уже появлялось въ нашей исторической литературѣ собственно объ отцѣ и дядѣ Ѳедора Васильевича Каржавина.¹⁾

Мы упоминали выше объ отцѣ и дядѣ Ѳ. В. лишь вскользь, настолько насколько это нужно было для поясненія біографическихъ замѣтокъ о самомъ Ѳедорѣ Васильевичѣ. Изъ печатныхъ документовъ можно извлечь слѣдующія добавочныя свѣдѣнія о нихъ. Отецъ Ѳ. В. Каржавина, Василій, и дядя его, Ерофей, были сыновьями ямщика Никиты Тимофеева Каржавина, торговавшего въ Лѣсномъ ряду, что у Покровскихъ воротъ, въ Москвѣ. Василій Никитичъ жилъ съ отцомъ и помогалъ ему по торговлѣ, потомъ занялся ею самостоятельно, торгуя въ Петербургѣ и Малороссіи кожевенными товарами (сапогами, козскими приборомъ, сѣдлами и проч.). Братъ его, Ерофей, жилъ въ ученіи у купца Дмитрія Васильевича Баскакова, извѣстнаго подъ прозвищемъ Троила. По смерти отца, братья поселились вмѣстѣ въ домѣ покойнаго, близъ р. Яузы, и здѣсь образовался притонъ всѣхъ старовѣровъ, скрывавшихся отъ преслѣдованій правительства, совершались требы бѣглыми священниками по древнему обряду, читались проповѣди, однимъ словомъ, братья Каржавины начинаютъ здѣсь дѣятельную пропаганду раскола и сносятся съ сектантами, бѣжавшими за границу въ Польшу, куда въ 1744 г.²⁾ братъ Ерофей отвезъ сперва сестру свою, потомъ и мать. При ближайшемъ знакомствѣ съ ученіями сектаторовъ, они или не удовлетворились имъ, или, можетъ быть вслѣдствіе разлада съ вожаками сектаторовъ (это по документамъ выясняется не вполне, хотя первое предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ) Каржавины прервали сношенія съ старообрядцами и Ерофей Никитичъ поѣхалъ безъ паспорта въ Парижъ учиться. Василій Никитичъ принялъ православіе и записался въ купечество при содѣйствіи графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и другихъ, и наживъ капиталъ, вошелъ въ сношенія съ иностранными купцами въ Польшѣ, Даніи и Англіи. Это заставило

¹⁾ См. Архивъ кн. Воронцова, кн. III, стр. 308—322; Сборникъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Академіи Наукъ, т. IX, стр. 408—424.

²⁾ Это указаніе мы заимствовали изъ доношенія на Каржавина, см. Арх. кн. Вор., кн. 3, стр. 309, пунктъ 5. Но по сравненіи съ письмомъ Вас. Ник. Карж. къ брату въ Парижъ отъ 15-го іюня 1753 г., въ Сборн. Акад., т. 9, стр. 411, оказывается тутъ какая-нибудь ошибка, потому что въ 1753 г. Каржавинъ былъ уже, судя по письму, въ Парижѣ.

его для торговых цѣлей ѣздить за границу и выучиться иностраннымъ языкамъ. Съ этихъ поръ выясняются нравственныя особенности братьевъ: Василій Никитичъ до конца жизни остается практическимъ дѣятелемъ по преимуществу; Ерофей Никитичъ этою дѣятельностью не удовлетворяется и ищетъ другой, болѣе славной; отсюда возникаютъ постоянные споры братьевъ, которые, несмотря на это, не расходятся совершенно. Василій Никитичъ поручаетъ брату сына и снабжаетъ его деньгами, не оставляя, впрочемъ, случая подсмѣяться надъ непрактичностью брата. Въ ихъ перепискѣ выясняются оба брата и ею-то мы воспользуемся главнымъ образомъ, чтобы ознакомить съ ними читателей.

Василій Никитичъ Каржавинъ, какъ мы сказали выше, оставался практическимъ дѣятелемъ до конца жизни; его практическое направленіе отражается на всемъ, начиная съ воспитанія сына. Онъ былъ увѣренъ, что сынъ такъ же легко можетъ получить образованіе въ Россіи,¹⁾ но послалъ его за границу, чтобы онъ лучше освоился съ иностранными языками; столь нужными при торговыхъ сношеніяхъ съ иностранными купцами, какъ онъ это узналъ на опытѣ; въ особенности заботился онъ, чтобы сынъ изучилъ французскій языкъ, котораго самъ Василій Никитичъ не зналъ, такъ что онъ, при перепискѣ на французскомъ языкѣ, прибѣгалъ къ посредію брата Ерофея, которымъ не всегда былъ доволенъ.²⁾ Въ тѣхъ же видахъ онъ чуть не въ каждомъ письмѣ къ брату проситъ его, чтобы сынъ писалъ ему письма на разныхъ языкахъ.³⁾ Затѣмъ онъ въ теченіи всей своей жизни старался направить брата и сына на практическій путь: первая убѣжденіемъ, второго, когда убѣжденія не дѣйствовали, силою родительской власти; онъ такъ и умеръ, не достигнувъ этой цѣли. Во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, онъ сошелся въ Лондонѣ съ Петромъ Дементьевымъ, бѣжавшимъ изъ Россіи, и промышлявшимъ часовымъ мастерствомъ. Дементьевъ вѣроятно былъ старовѣромъ, скрывавшимся отъ преслѣдованій правительства за границей. Въ Лондонѣ призжалъ къ Василию Никитичу эмигрировавшій братъ его, Ерофей. Братья Каржавины сходились у Дементьева; дружественныя связи между ними поддерживались; главнымъ образомъ тѣмъ, что В. Н. Каржавинъ доставлялъ Дементьеву русскія книги и сообщалъ ему свѣдѣнія о Россіи, которыми Дементьевъ интересовался.

Дементьевъ умеръ въ Лондонѣ въ 1756 г.⁴⁾ Впрочемъ, эти дружественныя отношенія продолжались не долго. Они поссорились кажется изъ-за денегъ, въ которыхъ В. Н. Каржавинъ отказалъ Дементьеву.⁵⁾

Дементьевъ, желая отомстить Каржавинымъ, написалъ доносъ на обоихъ братьевъ и послалъ его въ Петербургъ, отъ 12-го мая 1756 г. Въ немъ Каржавины обвинялись во-первыхъ, во вредныхъ народному спокойствію замыслахъ про-

¹⁾ Онъ пишетъ къ брату Ерофею въ Парижъ отъ 23-го ноября 1753 г., между прочимъ, слѣдующее: «Я могу на будущую весну парнишка своего обратно въ Петербургъ взять и для наукъ опредѣлить въ академію; я нынѣ, получа отъ тебя письмо, съ обстоятельствомъ освѣдомился, что всѣми мѣрами стараются у насъ обучать; какого бы званія ни былъ, и ежели достоинъ будетъ профессорской должности, то отъ него не отымутъ».

Н. Д.

²⁾ См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 417.

³⁾ Эти дѣтскія письма О. В. къ отцу сохранились и достались мнѣ съ другими бумагами.

⁴⁾ См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 410.

⁵⁾ См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 411.

Н. Д.

тивъ верховной власти и въ неуваженіи къ верховнымъ сановникамъ государства и къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ лично, и во-вторыхъ, въ атеизмѣ. Что касается до перваго обвиненія, мы разберемъ его подробно, когда будемъ говорить, объ Ерофей Никитичѣ, который, главнымъ образомъ, вызвалъ его, худо понятными «доносителемъ», планами о своей будущности. Второе обвиненіе вызвано, опять-таки худо понятными сужденіями Василя Никитича о предметахъ вѣры, которые видимо имъ усилены, потому что изъ переписки съ братомъ вовсе не видно, чтобы Василій Никитичъ отвергалъ бытіе Божіе. Онъ не могъ сказать: «а подлинно Бога нѣтъ никакого», какъ говоритъ доноситель въ 12-мъ пунктѣ своего доношенія,¹⁾ когда въ письмахъ къ брату онъ пишетъ, напримѣръ: «хотя я давно, по приказанію св. писанія и естественнаго закона, пенсую наблюдать (чтобы быть господиномъ надъ страстями.)²⁾ и т. п. Наконецъ, доноситель, въ числѣ фактовъ, подтверждающихъ безбожіе Василя Никитича, приводитъ то, что онъ имѣеть атеистическую книгу: «Молотокъ на камень вѣры».³⁾ Всѣ обвиненія доносителя въ безбожіи, по сличенію съ перепиской Василя Никитича, заставляютъ предполагать въ немъ лютеранскія понятія о вѣршнихъ обрядахъ церковныхъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ нашей церкви, а не полное отрицаніе Божества вообще. Василій Никитичъ ненавидѣлъ всякія формальности, онъ жаждетъ напримѣръ, что служебныя формальности много докучали ему при прѣздѣ въ Кронштадтъ изъ-за границы. Такъ повзвалъ онъ на слѣдствіи по поводу запроса, на одно мѣсто письма къ брату отъ 11-го марта 1755 г. (см. Сборн. Авд., т. 9, стр. 418, примѣч. 1). На наши обряды и религиозныя обычаи онъ смотрѣлъ также какъ на формальности, суевѣрно почитаемыя, что, между прочимъ, замѣтно и въ рассказѣ его о томъ, какъ жена его молилась Николаю угоднику и Богородицѣ и ставила имъ свѣчи (вѣроятно, во время его болѣзни), переданнаго въ 12-мъ пунктѣ доношенія Деметьева.⁴⁾ Въ рассказѣ этомъ, если откинуть очевидныя украшенія доносителя, приводится тотъ же основной религиозный взглядъ. Доносъ этотъ надѣлалъ много хлопотъ Каржавину, и дѣло было окончено только въ 1760 г., когда братъ Ерофей уже вернулся изъ Парижа и

¹⁾ См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 312.

²⁾ Письмо изъ Спб. 4-го октября 1754 г. въ Сборн. Авд., т. 9, стр. 415.

³⁾ Камень вѣры написанъ Стефаномъ Яворскимъ противъ лютеранъ и кальвинистовъ; онъ былъ запрещенъ при Аннѣ Иоанновнѣ и вновь дозволенъ при Елисаветѣ. «Молотокъ на камень вѣры» написанъ съ цѣлію опровергнуть это сочиненіе Стефана Яворскаго; отвѣтъ на него: «Возраженіе на ласквилъ лютеранскій, нареченный молотокъ на камень вѣры, которой молотокъ показался бысть восковой, яко воскъ отъ лица огня, сирѣчь отъ слова Божія и самыя истинны исчезнувшій». Отвѣтъ этотъ Филаретомъ Черниговскимъ приписывается Арсенію Мацѣвичу (см. Ист. Русск. Церкви, періодъ V, М., 1869 г., стр. 56). Филаретъ говоритъ здѣсь также, что молотокъ на Камень Вѣры есть не столько разсужденіе о книгѣ Яворскаго, въ духѣ лютеранства, сколько грубая, не совѣстливая брань на Стефана и его защитниковъ, написанная кѣмъ-то изъ коротко знавшихъ Стефана. Митрополитъ Евгенийъ (въ Слов. писат. духовн. чина ст. 2, стр. 259) сообщаетъ, что авторъ молотка на камень вѣры 15-ю статьями оспаривалъ книгу Яворскаго по лютеранскому умствованію, не кощадить ученій и обыкновений всей церкви Грекороссійской. Н. Д.

⁴⁾ См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 311—312.

служилъ въ Россіи. Въ этомъ году В. Н. Каржавинъ былъ оправданъ окончательно.¹⁾

Ерофей Никитичъ Каржавинъ не такъ ясно опредѣляется по известнымъ документамъ. Единственные источники, изъ которыхъ можно почерпнуть о немъ свѣдѣнія, это—письма къ нему брата Василя Никитича,²⁾ и только одинъ отрывокъ изъ письма его къ брату, приведенный Дементьевымъ въ пунктѣ 19-мъ его доношенія.³⁾ Изъ этого отрывка видно, что, несмотря на споры и насмѣшки брата, онъ вѣрилъ, что, воспитавъ себя за границей, онъ достигнетъ своими способностями высшихъ должностей въ Россіи и возвеличитъ родъ Каржавиныхъ въ исторіи истинными заслугами и просвѣщенными трудами на пользу отечества. Для достиженія этой цѣли онъ просилъ брата не жалѣть средствъ. Когда Василій Никитичъ жаловался, что онъ много тратитъ денегъ, и приглашалъ его жить съ нимъ вмѣстѣ въ видахъ экономическихъ, Ерофей Никитичъ отвѣчалъ на это слѣдующее: «Послѣ риторики къ тебѣ притащуся и философію подѣй тебѣ прослушаю, а послѣ философіи, что дѣлать буду—не знаю; понеже въ Англии, Голландіи, въ Гданскомъ, въ Польшѣ,—послѣ риторики высокихъ наукъ (кромѣ математики) мало, а хотя и есть, то весьма немощны». Ерофей Никитичъ былъ такъ увѣренъ, что достигнетъ этой высокой цѣли, что отвергалъ убѣжденія брата, считая ихъ результатомъ невѣрнаго, исключительно практическаго взгляда его на жизнь и самодурства (неумѣнію быть господиномъ своихъ страстей). Онъ пишетъ ему: «Ты хотя теперь и 1,500 рублей имѣешь денегъ, да штой-то въ томъ хорошаго, когда роду человѣческому пользы никакой не сдѣлаешь и памяти по себѣ доброй не оставишь? Журавлевъ, Строгановъ, Демидовъ и больше тебя имѣютъ денегъ, но память ихъ вѣчна-ли, и въ исторіяхъ печатныхъ будетъ-ли поставлена», имя же государственныхъ людей въ родѣ Петра I и его помощниковъ: «бессмертное во всей Европѣ будетъ». Государственныхъ людей «при дворахъ императорскихъ и королевскихъ умные разговоры и о дѣлахъ государственныхъ разсужденій, всегда въ великомъ

¹⁾ Въ Арх. кн. Воронц. кн. 3, стр. 319—322, напечатано «къ его высочайшему титулу графу великому канцлеру отъ нижайшаго раба Василя Каржавина о российской комерціи въ европейскія государства предложеніе». Въ немъ онъ предлагаетъ учредить консульскія конторы въ Спб. казенную главную контору милліонахъ въ семи и, устроивъ ее, въ указываемомъ имъ въ общихъ чертахъ порядкѣ, покушать этой конторѣ и контраクトвать нужнѣйшіе русскіе товары, яко-то пеньку, желѣзо, ленъ, масло конопляное, клей и проч. Изъ сиб. конторы товары эти отправлять въ потребныя мѣста, въ конторы частныя, устроенныя отъ главной, въ Лондонѣ и Амстердамѣ и хотя небольшую контору въ Гамбургѣ, въ Ельзенерѣ для отправленія кораблей въ Зундъ. Также со временемъ слѣдуетъ завести конторы во Франціи, въ Гишпаніи, а со временемъ и въ Италіи. Далѣе онъ распредѣляетъ суммы между частными конторами. Затѣмъ совѣтуетъ отвозить товары на казенныхъ судахъ съ обыкновеннымъ платежемъ за фрахтъ, и не дозволять иностранцамъ покушать эти товары помимо конторъ; вывозить же прочіе товары имъ позволять не иначе какъ на казенныхъ судахъ, съ пошлиною и платою за фрахтъ. Когда же иностранная торговля въ Россіи разовьется, можно уничтожить предложенныя имъ конторы».

²⁾ Напеч. въ Сборникѣ Акад., т. 9, стр. 411—420.

³⁾ См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 314—316.

⁴⁾ Мѣста, которыя Василій Никитичъ посѣщалъ по торговымъ дѣламъ.
Н. Д.

почтеніи и въ исторіяхъ печатныхъ не только въ Европѣ, но и на всемъ кругѣ земномъ, всегда пишутся и вѣчно писаться будутъ?» Это мечтаніе Ерофея Никитича о государственной дѣятельности съ дополненіемъ неблагоприличныхъ отзывовъ обоихъ Каржавиныхъ объ императрицѣ и ея окружающихъ, были перетолкованы Дементьевымъ и выставлены въ доказательство преступныхъ помысловъ ихъ и посягательствомъ на ниспроверженіе правительства. На самомъ дѣлѣ Василій Никитичъ, какъ видно изъ его писемъ, не очень-то довѣрялъ надеждамъ брата на его будущую государственную дѣятельность. Онъ своимъ практическимъ чутьемъ видѣлъ, что въ мірскихъ дѣлахъ еще мало того, что братъ его ищетъ въ ученіи, что въ нихъ нужна еще практическая смѣтка, которой Ерофею Никитичу не достаетъ. Относясь иронически къ исключительно отвѣченному взгляду брата на жизнь Василій Никитичъ, смѣется надъ желаніемъ его, — быть, какъ онъ говоритъ, Остерманомъ, и указываетъ ему на примѣръ Ломоносова: «Г-нъ Ломоносовъ не болѣе какъ пять лѣтъ тебя старѣ, изъ бѣдной самой фамиліи; никто о немъ для пищи не старался; всегда хлѣбъ самъ доставалъ и обучался самъ, 15-ть лѣтъ довольно имѣлъ. А нынѣ я признаю по крайней мѣрѣ 3,000 руб. и болѣе на годъ достаетъ; честию — аладеминъ совѣтникомъ; всегда при милости императорской. А ты, мой другъ, когда хочешь быть Остерманомъ, то будешь въ 125-ть лѣтъ». Василій Никитичъ съ своей чисто практической точки зрѣнія подозрѣвалъ, что братъ его въ сущности «французскій мотъ», желающій обмануть себя и другихъ громкими фразами о своихъ способностяхъ на великія дѣла. Онъ не довѣрялъ даже родственному расположенію брата, выражавшемуся въ письмахъ и упрямю отбивался отъ вводимыхъ братомъ обвиненій въ самодурствѣ. Такъ напримѣръ, онъ ему пишетъ: «Ты въ 28 № (письма) свою сердечную любовь ко мнѣ объявляешь. Правда, и я тому вѣрю, пока тебѣ во мнѣ нужда, то называть кровнымъ братомъ будешь, а когда Остерманомъ будешь, то и позабудешь... Ты меня учишь надъ страстями господиномъ быть, хоть я и давно, по приказанію св. писанія и естественнаго закона, тщуся наблюдать, однакожь за подтвержденіе и добрый совѣтъ твоей благодаренъ. Ты, другъ мой, со своими страстями какъ поступаешь? То-ли господинъ, что брата своего злословишь и бранишь, да такого, который почаль о тебѣ Бога ради, по крови, отечески стараться». Василій Никитичъ, подтверждая, что братъ его говоритъ громкія только фразы о самообладаніи, напоминаетъ Ерофею Никитичу, какъ онъ чуть-было не лишился себя жизни, потому что не получалъ долго денегъ изъ Россіи».¹⁾ Но Ерофей Никитичъ не могъ примириться съ практическимъ взглядомъ брата на жизнь, и когда тотъ называетъ «журавлемъ въ небѣ» его мечты о величій, которое ожидаетъ его, Ерофей Никитичъ отвѣчаетъ на это: «Сей журавль, хотя и въ небѣ, но онъ на небѣ завсегда не летаетъ, случится что и на землю садеть». Впрочемъ, одно время онъ, стѣсняясь вѣроятно денежными средствами, хотѣлъ возвратиться въ Россію къ брату, но тогда дѣло ихъ по доносу Дементьева было еще не рѣшено, и возвращаться было страшно, а потому Василій Никитичъ удержалъ его за границей. Къ этому времени относится вѣроятно документъ, приведенный нами въ переводѣ, въ приложеніи къ замѣткѣ во 2 кн. «Русской Старины». Позднѣе онъ возвратился въ Россію, получилъ мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и выслужилъ чинъ офицерскій, съ этихъ поръ въ извѣстныхъ мѣстѣ источникахъ о Ерофѣѣ Каржавинѣ болѣе нѣтъ свѣдѣній.

Н. П. Дуровъ.

¹⁾ Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 415.

М. Т. Каченовскій, Н. А. Полевой и Н. Ф. Павловъ.

Съ 1825 г. Н. А. Полевой началъ издавать „Московскій Телеграфъ“. Новый журналъ свѣжестью мыслей и свѣденій, бойкостью пера и рѣзкостью сужденій скоро приобрѣлъ себѣ многочисленныхъ читателей, далеко оставивъ за собой всѣ тогдашніе журналы: Это возбудило непріязненность къ нему другихъ журналистовъ, въ томъ числѣ и М. Т. Каченовскаго, котораго „Вѣстникъ Европы“ уже гаснулъ, и только по временамъ едва-едва вспыхивалъ огонькомъ учености и науки. Но съ того времени какъ Полевой черезчуръ задѣлъ Каченовскаго, сказавъ мимоходомъ, что журналъ издавать не то, что порохокомъ торговать, старикъ сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ его.

— Не правда,—говорилъ Каченовскій,—вретъ онъ; порохокомъ торговали солдаты, а не я; меня напрасно привлекли къ этому дѣлу; я невинно пострадалъ! ¹⁾

Но умный Каченовскій не могъ не цѣнить таланта Полевого и иногда невольно отдавалъ ему справедливость. Разъ, во время лѣтнихъ ваникулъ, Каченовскій просилъ профессора И. М. Снегирева, который тогда былъ и цензоромъ, дать ему почитать что-нибудь, новенькое и интересное.—„Ученныя занятія,—говорилъ Каченовскій,—эти исторія да исторія, лѣтописи да лѣтописи, эти сухіе труды журнальные утомили меня; вѣтъ-ли у васъ чего-нибудь пріятнаго, легкаго, чтобы отдохнуть, освѣжиться хоть во время вакацій“.

Лукавый Снегиревъ далъ ему первую, огромную тетрадь повѣстей, впоследствии напечатанныхъ подъ названіемъ „Мечты и жизнь“, не сказавъ, что это сочиненіе Полевого.

Каченовскій, схвативъ тетрадь, сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ домой. Дня черезъ два, возвращая тетрадь Снегиреву, онъ говорилъ:

— Иванъ Михайловичъ! скажите Бога ради, что вы мнѣ это дали? Когда я вышелъ отъ васъ и поѣхалъ, я, сидя на дрожкахъ,

---

¹⁾ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій въ молодости былъ офицеромъ и однажды за какое-то послабленіе нижнимъ чинамъ въ незаконной продажѣ пороха попалъ на гауптвахту. Начальникомъ караула былъ Сергій Николаевичъ Глинка. Оба офицера познакомились; Глинка уже тогда интересовался отечественною исторіею и его вліяніе на Каченовскаго оказалось столь сильно, что Михаилъ Трофимовичъ снялъ мундиръ офицера и вступилъ на путь ученаго. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей въ области древней русской исторіи.

такъ, изъ любопытства, взглянулъ въ тетрадь прочесть страницы двѣ-три, чтобы только знать, что это такое. Первыя же строки завлекли меня; читаю, читаю и не могу оторваться: чѣмъ дальше, тѣмъ любопытнѣе. Ъхалъ я отъ университета до моего дома около часа. Тутъ я не видѣлъ, какъ прошло время; вдругъ вучеръ останавливается; не отрывая глазъ отъ тетради, я спрашиваю: что ты остановился? что ты не ѣдешь далѣе? Онъ отвѣчаетъ: мы уже приѣхали, и вотъ отворяютъ наши ворота. Мнѣ было досадно, что прервалось мое чтеніе. Я схожу съ дрожжекъ, иду, поднимаюсь на крыльцо и все читаю, да чуть-было не упалъ, оступившись. Вхожу въ комнаты, я все читаю; сажусь за обѣдъ, почти не могу ѣсть и все читаю; отобѣдалъ, помѣстился въ моемъ кабинетѣ и не вставалъ до вечера, пока ни прочиталъ всю тетрадь. Что это за рукопись, скажите, Иванъ Михайловичъ, кто сочинилъ ее? Какое знаніе людей, человѣческаго сердца, какое перо! Сочинитель, кажется, все сіе самъ испыталъ, самъ извѣдалъ всѣ бѣдствія и радости жизни! Описываетъ-ли онъ крестьянъ и бытъ ихъ, разставанье рекрута съ семействомъ; описываетъ-ли людей средняго сословія, общество высшаго круга — онъ пишетъ съ натуры портреты, какъ будто онъ самъ былъ и крестьяниномъ, и солдатомъ, и купцомъ, и чиновникомъ, и бариномъ! Кто сочинитель? Это талантъ, это талантъ! Бога ради, дайте мнѣ продолженіе и окончаніе; я хочу, я жажду все прочесть. Давно я не читывалъ такого сочиненія! Кто же это написалъ??“

Снегиревъ все молчалъ, и только тогда, когда Каченовскій истощилъ свои похвалы, сказалъ, что это сочиненіе Николая Алексѣевича Полевого.

Какъ только Снегиревъ выговорилъ это, Каченовскій вскричавъ: „мошенникъ!“ вскочилъ съ мѣста, бросилъ тетрадь на столъ и началъ ходить широкими шагами по комнатѣ. Лишь черезъ нѣсколько минутъ простыла кровь въ немъ. Немного успокоившись, онъ сказалъ:

— Но все-таки, Иванъ Михайловичъ, пожалуста, дайте мнѣ продолженіе; такъ и быть, я прочитаю до конца.

И онъ уѣхалъ отъ Снегирева, и по прежнему читалъ повѣсти Полевого и сидя на дрожкахъ, и у себя за обѣдомъ, и въ кабинетѣ.

Полевой также понималъ все, что было хорошаго въ Каченовскомъ, и уважалъ его. Узнавъ же о томъ, какое дѣйствіе произвело на старика чтеніе его повѣстей, онъ чрезвычайно жалѣлъ, что оскорбилъ заслуженнаго професора. Полевой искалъ случая помириться съ нимъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, если не совсѣмъ помирился, то нѣсколько сблизился съ нимъ и былъ остороженъ въ сужденіяхъ о немъ.

Во время примиренія рассказано было и то, какъ читалъ Каченовскій „Мечты и жизнь“, и то, какъ онъ, услышавъ имя сочинителя, вскричалъ: „мошеникъ“. Но Каченовскій сказалъ: „мошеникомъ-то я назвалъ Снегирева“!

Въ 1835 году напечатана была книга: „Три повѣсти“, сочиненіе московскаго писателя Николая Филиповича Павлова. Въ одной изъ этихъ повѣстей, подъ названіемъ „Ятаганъ“, описанъ юнкеръ, влюбленный въ благородную дѣвицу, на которой хотѣлъ жениться его полковой командиръ. Отъ этого начались преслѣдованія начальника, кончившіяся тѣмъ, что юнкера сначала лишили дворянства, а потомъ наказали шпиц-рутенами. Молодой человекъ, съ отчаянія, изрубилъ ятаганомъ своего начальника.

Какъ изображеніе служебныхъ преслѣдованій по личной враждѣ начальника и самоуправство подчиненнаго признано было неприличнымъ, то книга Павлова была запрещена. Между другими, объ этой книгѣ докладывалъ государю великій князь Михаилъ Павловичъ, съ такимъ замѣчаніемъ, что книга хороша, но сочинитель клевететь на службу. При этомъ В. А. Жуковскій старался оправдать Павлова. Государь долго не соглашался съ Жуковскимъ, потомъ спросилъ:

— Кто такой сочинитель?

Услышавъ, что сочинитель Николай Павловъ, государь сказалъ:

— Могу, господа, увѣрить васъ, что это не я.

Тѣмъ и кончилась гроза, висѣвшая надъ Павловымъ: какабурь развеселилъ Государя.

О матеріалахъ къ жизнеописанію гр. М. А. Милорадовича.

Въ 1873 г. издана мною книга «Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», въ которой помѣщены біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ членахъ этого рода, а о графѣ Михаилѣ Андреевичѣ сказано только нѣсколько словъ.

Имѣя въ виду, въ настоящее время, составить полное жизнеописаніе гр. Михаила Андреевича, я предварительно предпринялъ собрать по возможности всѣ письменные памятники его дѣятельности.

Полагая, что многія бумаги и письма хранятся у потомковъ тѣхъ лицъ, съ которыми гр. Михаилъ Андреевичъ находился въ сношеніяхъ, я, чрезъ весьма обязательное посредство ред. «Русской Старины», прошу владѣльцевъ бумагъ и писемъ гр. Милорадовича, доставлять мнѣ оныя въ подлинникахъ, каковыми будутъ возвращены мною во всей цѣлости, по снятіи съ нихъ копій. Кто же пожелаетъ уступить и самыя подлинники, тѣхъ прошу заявить свои условія.

Адресовать прошу письма: въ Петербургъ, у Поцѣлуева моста, домъ Фитингофа, флигель-адъютанту Его Величества, графу Григорію Александровичу Милорадовичу.

Гр. Г. Милорадовичъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г. 1)

5-го марта. По выс-шему повелѣнію всем-ше произведенъ генерал-адъютантъ Кушелевъ въ вице-адмирала, которому, при исправленіи прежде возложенныхъ на него должностей, присутствовать въ адмиралтействѣ коллегіи, слѣдственно и перестаетъ быть генерал-адъютантомъ (№ 19).

— Профессора Сартія, находящагося при нашемъ дворѣ капельмейстеромъ и учителемъ музыки ихъ и-хъ выс-въ, любезныхъ дочерей нашихъ великихъ князей, всемилостивѣйше пожаловали мы въ коллежскіе совѣтники. (Тамъ же).

— Выключенному изъ службы подпоручику Сыроболярскому, просившемуся въ инвалиды, отказано потому, что на инвалидное содержаніе опредѣляются служившіе безпорочно, а проситель выключенъ за пороки. (Тамъ-же).

— Исключенному изъ службы прапорщику Маркову, просившему объ опредѣленіи его паки въ оную, по ненадобности болѣе въ немъ, отказано. (Тамъ же).

— Выключенному изъ службы маіору Раткову, просившему по бѣдности какой-либо милости, отказано потому, что онъ, будучи выключенъ за пьянство и безобразную драку, не заслуживаетъ никакого уваженія. (Тамъ же).

9-го марта. По выс-шему повелѣнію, всѣмъ гг. шефамъ, имѣющимъ у себя положенныхъ имъ адъютантовъ, дѣлается замѣчаніе, чтобъ отнюдь не употреблять въ послыки по своимъ надобностямъ адъютантовъ, кои имъ назначаются для отправленія службы государственной, а не для посылокъ по своимъ нуждамъ; въ противномъ же случаѣ, чтобъ опасались суда. (№ 20).

— Отставному поручику Александрову, служившему въ вѣдомствѣ придворной конюшенной конторы, просившему обѣщаннаго ему покойною государынею императрицею дома, отказывается, по неизвѣстности, подлинно-ли оной былъ ему обѣщанъ. (Тамъ же).

— Отставному поручику Перичу 1, просившему о позволеніи носить ему мундиръ, отказывается, потому что при отставкѣ его государь императоръ не разсудилъ за благо носить ему оной; нынѣ же новыхъ причинъ къ сему дозволенію не существуетъ. (Тамъ же).

— На В. О., по Среднему проспекту, между 3 и 4-й линіями, подъ № 287, продается у хозяйки дѣвка 25-ти лѣтъ, платьѣ и разныя вещи; также близъ Тучкова моста двѣ барки. (Тамъ же).

— Эстампъ, представляющій принатіе императора Петра III въ Елисейскихъ поляхъ Петромъ Великимъ, съ алегорическимъ истолкованіемъ, продается у мадамъ Репей, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Жадиміровскаго, подъ № 72, а на дворѣ, подъ № 10. (№ 21).

1) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 187—190; 589—590, 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452.

16-го марта. Е. и. вел-во вы-ше указать соизволило, по случаю ея к. выс-ва Фредерики-Доротеи-Софіи, вдовствующей герцогини Виртемберг-Штутгардской, родительницы ея и. вел-ва, наложить на три мѣсяца трауръ, по примѣру траура по его высочайшей свѣтлости, владѣтельному герцогу Виртемберг-Штутгардскому, соорудя въ вообщемъ вышесказанному примѣру, начиная оный сего марта 15 дня съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ: первыя шесть недѣль дамы черныя ленты, а кавалеры черныя чулки, а послѣднія шесть недѣль, дамы цвѣтныя ленты, а кавалеры бѣлыя чулки. (№ 22).

— Генерал-маіоръ Коновницынъ переходитъ въ Углицкой мушкетерскій полкъ, коему и быть онаго шефомъ, вмѣсто кн. Долгорукова, который находится подъ слѣдствіемъ. (Тамъ же).

— Генераль отъ инфантерій Розенбергъ переходитъ въ смоленскую дивизію и назначенъ смоленскимъ военнымъ губернаторомъ и шефомъ Московскаго гренадерскаго полку. Генераль отъ инфантерій графъ Гудовичъ переходитъ въ украинскую дивизію и назначенъ кievскимъ военнымъ губернаторомъ и шефомъ кievскаго гренадерскаго полку. (Тамъ же, приказъ 12 марта).

— Гарнизоннаго Экбоума полку штабс-капитанъ Рейцъ, за частыми припадками падучей болѣзни, отставленъ отъ службы. (Тамъ же).

— Генерал-маіоръ Прево де-Люмیانъ отставленъ отъ службы, а генерал-маіору Болотникову съ баталіономъ быть готову чрезъ два дня выступить, и ожидать повелѣнія. (Тамъ же).

— Отставленъ отъ службы генераль отъ кавалерій Дунинъ, коему и ѣхать въ Кіевъ, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ повелѣній, давая отвѣтъ военной коллегіи на все то, о чемъ она будетъ дѣлать вопросы. (Тамъ же).

— Е. И. В., находящагося въ совѣтѣ Академіи Художествъ членомъ и старшаго скульптора профессора Мартоса всемілостивѣйше пожаловать соизволило надъ совѣтникомъ. (Тамъ же).

— Въ книжныхъ лавкахъ продаются анекдоты древнихъ пошехонцевъ, или русскіе донкишоты: книга новая въ своемъ родѣ и презабавная. Цѣна безъ пер. 1 р. 20 и 1 р. 30 коп. (Тамъ же).

19-го марта. Генераль отъ инфантерій графъ Гудовичъ переходитъ въ днѣстровскую дивизію инспекторомъ по инфантеріи, назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ и шефомъ Владимирскаго мушкетерскаго полку. (№ 23, приказъ 14 марта).

— Костромской губерніи помѣщику, кол. ас. Кошелеву, просившему о взятіи у него двухъ въ кологривскомъ округѣ деревень въ казенное вѣдомство и о дачѣ ему вмѣсто оныхъ другихъ, въ Пензенскомъ уѣздѣ, отказано по не вѣстности такового промѣна. (Тамъ же).

Витебскому мѣщанину Копаварскому, просившему о возвращеніи отданнаго въ рекрута сына его, отказано какъ въ просьбѣ не дѣльной. (Тамъ же).

— Исключенному изъ службы маіору Берку въ просьбѣ его о пожалованіи прощанія отказано, поелику не дается оное тѣмъ, которые за неявку въ полкъ исключены. (Тамъ же).

— Гусарскаго Баурова полка корнету Баторскому, просившему о прощеніи ему долга, занятаго имъ на проѣздъ къ полку въ щетъ жалованья, по выдачѣ ему онаго за двѣ трети, у него удержаннаго, отказано въ первомъ потому, что всякой то, что занялъ заплатить обязанъ, а въ послѣднемъ для того, что жалованье удержано за то время, въ которое онъ не служилъ. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

75 КОПѢЕКЪ — КАЖДАЯ КНИГА „РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА“

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ:

I. ПУШКИНЪ. — II. ДЕРЖАВИНЪ. — III. ГОГОЛЬ. — IV. ЖУКОВСКІЙ. — V. ГРИГОРЬЕВЪ.
Первыя четыре книги вышли въ свѣтъ; послѣдняя выйдетъ въ мартѣ.

Главный складъ изданія: — Въ типографіи М. Стасюлевича, въ
Спб., на Вас. Остр., 2 л., 7. — Цѣна въ бум. 75 коп., въ англ. пер.
1 рубль. За пересылку 25 коп. на отдѣльную книгу.

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы продается: ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Н. О. ЩЕРБИНЫ.

С.-Петербургъ, 1874 г., 450 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Содержаніе книги: Стихотворенія. — Пѣсни о природѣ. — Ямбы и Эле-
гии. — Пѣсни русскаго на чужбинѣ. — Эпиграмы. — „Сонникъ Русской
Литературы“: шутливыя характеристики русскихъ писателей 1840—
1860-хъ гг. Доморощенные наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика
у себя и за границей. — Сатирическая лѣтопись: ямбы, всенія, шутки
и эпиграмы. — Школьничество одного пожилого коллежскаго асесора
въ Чухонскихъ Аеннахъ и проч. и проч.

Цѣна съ пересылкой 2 руб.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ИЗДАНІЯ

утвержденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію

Г. МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПОСТОЯННОЙ КОМИСИИ

по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и ея окрестностяхъ.

Князь Михаилъ Тверской и татарскій погромъ—В. О. Михневича. Съ 6-ю раскрашен. картинами. Ц. 10 к.

Смутное время на Руси:

1) Царевичъ Дмитрій и Борисъ Годуновъ—В. О. Михневича. Съ 5-ю раскрашен. картинами. Ц. 10 к.

2) Самозванщина—В. О. Михневича. Съ 5-ю раскрашен. картин. Ц. 10 к.

3) Воцареніе Романовыхъ—В. О. Михневича. Съ 5-ю раскр. карт. Ц. 10 к.

О Петрѣ Великомъ: I. Молодость Петра Великаго—какъ и чему онъ учился. II. Какъ онъ добылъ море и создалъ Русскій флотъ—С. Рождественскаго. Съ 12-ю раскрашен. картинами. Ц. 20 к.

Чему училъ Петръ Великій народъ свой—С. М. Съ 10-ю раскрашен. картинами. Ц. 15 к.

Подвигъ новгородскаго вудца Иголкина—В. О. Михневича. Съ 4-мя раскрашен. картинами. Ц. 10 к.

О томъ, какъ Екатерина II, Великая, правила землей Русской.—С. М. Съ 10-ю раскрашен. картинами. Ц. 15 к.

А. В. Суворовъ.—С. Е. Рождественскаго. Съ 8-ю раскрашен. карт. Ц. 15 к.

Александръ I, Влагословенный—съ 10-ю раскрашен. картинами. Ц. 20 к.

Отечественная война (1812 г.): Вородико—В. О. Михневича. Съ 8-ю раскраш. картинами. Ц. 15 к.

Отечественная война (1812 г.): Вигство французовъ—В. О. Михневича. Съ 7-ю раскрашен. картинами. Ц. 15 к.

Новыя славныя доблести Русскаго воинства: Походъ въ Хиву и ея повореніе. Съ 10-ю раскрашен. картинами. Ц. 20 к.

Рассказы о Севастопольцахъ—А. Н. Супонева. Съ 10-ю раскрашен. картинами. Ц. 20 к.

М. В. Ломоносовъ—А. Г. Филонова. Съ 4-мя раскрашен. картинами. Ц. 10 к.

Дѣдушка Крыловъ и его басни.—А. Г. Филонова. Съ 10-ю раскрашен. картинами. Ц. 15 к.

А. В. Кольцовъ и его пѣсни—М. Парунова. Съ 4-мя раскр. карт. Ц. 10 к.

Какъ ѣда питаетъ наше тѣло—Г. Алфѣева. Съ 2-мя раскр. карт. Ц. 15 к.

Какъ разводить лѣсъ и какъ увеличить сборы съ разныхъ поствовъ—Н. П. Казанскаго. Съ 4-мя раскрашен. картинами. Ц. 10 к.

Чай: откуда онъ идетъ въ нашъ и чѣмъ полезенъ—Е. Рейнбота. Съ 6-ю раскрашен. картинами. Ц. 15 к.

Книги изданія Комисіи народныхъ чтеній одобрены Ученнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, рекомендованы Г. Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ для судовыхъ матросскихъ бібліотекъ, и Военно-Ученымъ Комитетомъ—всѣмъ войскамъ.

Продаются въ книжной лавкѣ при Канцеляріи С.-Петербургскаго Градоначальника по Большой Морской, д. № 40. Покупавшимъ 100 и болѣе экземпляровъ každаго званія дѣлается уступка 20% съ рубля.

Иногородные покупатели прилагаютъ на пересылку, считая отъ 1-го до 5-ти экз. за одинъ фунтъ и отъ 5-ти до 10-ти за два фунта, и т. д.

Склады изданій Комисіи открыты:

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Общества распространенія полезныхъ книгъ», Братьевъ Салаевыхъ, А. И. Манухина и др. Въ Кіевѣ—при Редакціи «Кіевскаго Народнаго Календаря». Въ Саратовѣ—при складѣ «Общества распространія полезныхъ книгъ». Въ Харьковѣ—при книжномъ складѣ «Общества грамотности». Въ Казани—у книгопродавца А. А. Дубровина.

влоху, путешествіе Нечаева прочтется все-таки съ любопытствомъ и за изданіе его должно быть благодарнымъ почтенному знатоку нашей древней исторіи, возстановившему во многихъ мѣстахъ текстъ сочиненія и снабдившему его необходимыми примѣчаніями.

Памятникъ протенихъ времени. Составилъ А. Т. Болотовъ. Москва, 1875 г., 8 д., стр. 165 и 122, цѣна 1 р. 50 к.

Многочисленные почитатели добродушнаго и честнаго Андрея Тимоѣевича Болотова, обширныя записки котораго издаваемы при «Русской Старинѣ», — съ большимъ интересомъ прочтутъ названную книгу: въ ней собраны Болотовымъ въ 1796 году много всякаго рода извѣстій, а также анекдотовъ объ императорѣ Павлѣ I.

Русская Библиотека. Василий Андреевичъ Жуковский, 1875, XLVI и 365 стр., т. IV.

Превосходное, дешовое изданіе (75 коп. за томъ) избранныхъ произведеній, цѣлкомъ и въ отрывкахъ, лучшихъ нашихъ писателей, съ ихъ біографіей и критическою оцѣнкою ихъ трудовъ, — увеличилось сочиненіями В. А. Жуковскаго. и Мы говорили о первыхъ выпускахъ этого изданія, прекрасно задуманнаго и выполненнаго, и считаемъ излишнимъ повторять похвалы, которыя оно вполне заслуживаетъ. Успѣхъ «Русской Библиотеки» лучше всего говорить о ея значеніи. Дать возможность и недостаточнымъ лицамъ имѣть у себя произведенія лучшихъ писателей — цѣль, заслуживающая благодарности всякому, кому дороги успѣхи русскаго слова. Можно не соглашаться съ выборомъ пьесъ, съ исключеніемъ, или помѣщеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но при изданіи сочиненій Жуковскаго, нельзя ничего замѣтить, касательно этого выбора. Изъ обширныхъ произведеній его: Удинны, Одисея, Рустема — выбраны лучшія мѣста, изъ Орлеанской Дѣвы помѣщенъ прологъ, остальные лучшія пьесы вошли цѣлкомъ. Критическая оцѣнка поэта взята изъ Бѣлинскаго, біографія — изъ нѣмецкой книги Зейдлица, маданной впрочемъ и другомъ поэта. Эта замѣчательная біографія не переведена еще вполнѣ на русскій языкъ, но о жизни Жуковскаго можно найти много свѣдѣній въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ «Русская Старина» помѣстила въ прошломъ году любопытныя извѣстія о немъ (т. IX, стр. 622 — 638; X, 186, 705; XI, отношенія его къ Карамзину, стр. 46, 63, 72, 236 и др.). Въ другихъ годахъ нашего изданія также часто упоминается о поэтѣ, котораго «пѣвническая сладость стиховъ, по выраженію другого поэта, пройдетъ вѣковъ завистливую даль».

Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакцію Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. 1874 г. Четыре тома. Сограіоновы братья.

Г. Гербель, извѣстный многими, весьма полезными, изданіями въ нашей литературѣ, предпринялъ новый трудъ — представить читателямъ всѣ сочиненія извѣстнаго фантастическаго писателя въ новомъ переводѣ. Что личность Гофмана и его произведенія заслуживаютъ изученія, этого никто не будетъ оспаривать. Сочиненія его переведены на всѣ языки. У насъ онъ издана пользовался большою извѣстностью. Первые рассказы его появились на русскомъ языкѣ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ («Дѣвица Слудери», повѣсть вѣка Людовика XIV, Спб., 1822 г.). Въ 1836 г. явились его «Серапіоновы братья» въ переводѣ И. Безосмыкина (8 част. Москва). Въ 1841 г. «Котъ Муръ», въ переводѣ Кетчера. Датскія сказки его явились тогда въ вѣсколькихъ переводахъ: «Сказка о щелкунѣ», Москва, 1835 г. «Подарки на новый годъ» (два сказки, Спб., 1840) Были даже передѣлыватели Гофмана, какъ г. А. Про — ий, издавшій «Черный паукъ и сатана въ торьмѣ» (Москва, 1836 г.). Его «Волшебная сказка для дѣтей» вышла еще очень недавно въ Москвѣ, именно въ 1865 г. «Принцесса Брамбилла», въ 1844. Въ Отецествѣ. Записки переведены его «Крошка Цахесъ», «Мейстеръ Фло», «Мышиный король» и др. Журналы наши представляли оцѣнку его (см. «Гофманъ какъ музыкантъ», Отец. Зап. 1840, т. IX; «Гофманъ и его жизнь». Пантеонъ, 1851 г., кн. 4 и др.). Въ новое изданіе должны войти, въ 10-ти томахъ, всѣ его сочиненія. Переводъ весьма вѣрный и сдѣланъ чистымъ русскимъ языкомъ.

Практическіе выводы изъ обыденной жизни, въ двухъ книжкахъ: первая въ цѣнѣхъ, вторая — въ иллюстрированныхъ рассказахъ. Рисунки художника Костревскаго. Варшава, 1875, 82 и 150 стр.

Книги, выходящія въ Варшавѣ, въ особеннности русскія мало обращаютъ на себя вниманіе нашей печати. Наружность появившейся нынѣ книги весьма приличная, рисунки очень недурны. Содержаніе книги составляетъ: сначала изложеніе системы какъ вести домашній расходъ съ тѣмъ, чтобы жить и не проживать, здѣсь приложено множество весьма практическихъ таблицъ, формъ, бланковъ и замѣтокъ, необходимыхъ для правильнаго веденія расходѣвъ; вторая часть содержитъ въ себѣ рассказы изъ обыденной жизни, очеркъ нашихъ общественныхъ и публичныхъ увеселеній; между ними замѣчательныя всего воспоминанія бывшаго члена общества посвѣщенія бѣдныхъ и проч.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1875 г.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, — двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и въ Москвѣ — **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Бедерова Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно указывать: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Надеждинская, д. Трута, № 42, кв. № 13.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“ 1875 г., относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній. — IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы въ книгѣ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч. — VI. Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, народніи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старинѣ“. — VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв. — Стихи и пѣсни духовныя и раскольниковыя. — Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа. — VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческ. книгъ. — IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старинѣ“ принимаетъ постоянное участіе М. И. Селевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

АПРѢЛЬ.

1875 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

I. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ Н. И. Вейдга. Исслѣдованіе А. П. Пятковского	665	IX. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: пребываніе за границей, 1864—1865 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ	797
II. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій. 1739—1791 гг. Біографическ. очеркъ. Гл. IV—V	681	X. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ: неизданное его стихотвореніе, 1831 г. Сообщ. В. Н. Поливановъ	812
III. Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенѣ. Рассказъ по датскимъ извѣстіямъ. Сообщ. Акад. Я. К. Гротъ	760	XI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Ширяй, эпизодъ изъ царствованія Павла. Сообщ. А. В. Шереметевъ. (820). 2) Письмо Д. В. Веневитинова, 1826 г. Сообщ. А. П. Пятковский. (820). 3) Вечеръ у княгини Зинаиды Волконской, 27 декабря 1826 г. Сообщ. М. А. Веневитиновъ. (822). 4) Предсказатель монахъ Авель въ 1812—1826 гг. Сообщ. Н. П. Розановъ. (815). 5) Пожаръ балагана Лемана, 1836 г. Сообщ. И. Р. Фон-дер-Ховенъ. (828).	
IV. В. Н. Каразинъ, основатель Харьковскаго университета: его письмо къ доктору Реману, 1810 г.	750	XII. Петербургская Старина: новости, объявленія и рѣшенія императора Павла на прошенія въ 1798 г.	830
V. Воспоминанія перваго камер-пажа великой княгини (императрицы) Александры Федоровны. 1817—1819 гг. Гл. I—IV	769	XIII. Библиографическій листокъ новыхъ истор. книгъ (на оберткѣ).	
VI. Воспоминанія П. А. Каратыгина: театръ въ царствованіе Александра I и день 14-го декабря.	719		
VII. Атаманъ войска Донскаго Алексѣй Васильевичъ Иловайскій. 1821—1827 гг. Сообщ. Н. И. Ерасновъ	701		
VIII. Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Нѣсколько о немъ припоминаній. (Окончаніе) Сообщ. Акад. И. И. Срезневскій	739		

ПРЕЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ прилагаются: I. портретъ В. Н. Каразина, основателя Харьковскаго Университета, гравировалъ Акад. Л. А. Сѣраковъ. II. Оглавленіе и указатель личнымъ именъ въ XII-мъ томѣ «Русской Старины» и III. Отчетъ о «Складчикѣ», изд. русскихъ писателей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ 1874 г. IV. Записки генерала Машинтова о Россіи, переводъ съ франц., подлинной его рукописи, главы I—IV: событія 1727—1732 гг.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна за 12 книгъ со всѣми приложеніями 8 р. съ пересылкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

• Очеркъ русской морской исторіи. Часть I. Спб., 1874 г., IV, 652 стр. Напечатанъ по распоряженію морскаго министерства.

Флотъ нашъ, въ теченіи 200 лѣтняго своего существованія, имѣлъ весьма небольшое число труженниковъ по его исторіи, притомъ труженниковъ, посвящавшихъ этимъ занятіямъ, по преимуществу, часы отдыха отъ служебныхъ занятій. Подавляемые обширностію и неразработанностію матеріаловъ, а также многосторонностію морскаго дѣла—эти почтенные ревнители морской исторіи должны были ограничиваться: описаніемъ того или другого морскаго событія, факта, лица и т. п., а при болѣе энергіи и способностяхъ—болѣе или менѣе обширнымъ изслѣдованіемъ какой-либо стороны морскаго дѣла въ Россіи. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ значительные труды А. П. Соколова. Покойный С. И. Елагинъ принялъ за составленіе исторіи русскаго флота вообще; но успѣвъ издать лишь 4 тома архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра Великаго, да написать «Азовскій періодъ флота» и нѣсколько журнальныхъ статей, относящихся къ его изслѣдованіямъ. Какъ бы то ни было, до настоящаго времени не имѣется даже коротенькой исторіи морскаго дѣла въ Россіи; такъ что русскій военный флотъ, въ этомъ отношеніи, «не въ аchantажъ обрывается». За пополненіе этого недостатка принялся, какъ видно, Ѳ. Ѳ. Веселаго, известный въ морской литературѣ трудами: «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса». Спб., 1852 г., «Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ», съ 1653—1856 гг., Спб., 1871 г.); «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 г.»; «Начертательная ометрія», Спб., и проч. (см. библ. листокъ «Русской Старины» 1871 года, май и 1872 года), а также нѣкоторыми историко-критическими и библиографическими статьями. Г. Веселаго предпринялъ написать русскую морскую исторію въ сжатомъ видѣ. Задача далеко не легкая и отчасти неблагоприятная, потому что, несмотря на сжатость изложенія, все-таки необходимо употребить много труда на собраніе и изученіе архивныхъ данныхъ, не говоря уже о печатныхъ источникахъ, а также объ историческихъ трудахъ, имѣющихъ связь съ исторіею русскаго морскаго дѣла.

«Очеркъ русской морской исторіи», заключающей въ себя періодъ до смерти Петра I, составляетъ начало обширнаго труда г. Веселаго, представляющее, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу, не говоря уже о морской. Первые двѣ главы заключаютъ любопытный, впервые появляющийся въ

литературѣ, обзоръ мореходства русскихъ до Петра Великаго, въ которомъ, несмотря на сжатость изложенія, сгруппированы всѣ имѣющіяся по этому предмету главные историческія данныя, начиная съ набѣговъ славяно-русовъ на берега Византіи,—набѣговъ стою частыхъ, что даже Черное море получило названіе Русскаго, и кончая неудачными попытками Россіи при царѣ Алексѣе Михайловичѣ завести свой флотъ сначала на Балтику, потомъ на Баспій. Характеръ судовъ славяно-русскихъ, греческихъ, скандинавскихъ, казачьихъ чайкъ, блондорскихъ и сибирскихъ кочевъ, штиковъ и т. п., а также степень искусства плаванія и образъ военныхъ дѣйствій отчетливо обрисованы авторомъ; причѣмъ съ очевидностію доказывается, что предки наши усвоили себѣ хорошее знакомство съ морскими плаваніями, до времени князей.

Главы III—XII, посвященныя основанію нашихъ флотовъ на Азовскомъ, Балтійскомъ и Каспійскомъ моряхъ и вѣвно-морскимъ дѣйствіямъ времени Петра, представляютъ весьма подробно изложеніе предмета, систематически расположенное. Основаніемъ, какъ для этихъ главъ книги, такъ и послѣдующихъ, служили вышеупомянутыя «Матеріалы», изданныя Елагинымъ, и другіе архивные и несомнѣнные источники, по большей части неизвестные изслѣдователямъ этого времени. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ частностяхъ отдѣла, посвященнаго военноморскимъ дѣйствіямъ, замѣчаются, сравнительно съ имѣвшимися доселѣ историческими свѣдѣніями, иногда—исправленія, иногда—пополненія и т. п.; но, во всякомъ случаѣ, сущность этого отдѣла несмотря на вполне самостоятельную и добросовѣстную обработку г-мъ Веселаго, болѣе или менѣе знакома большинству читающей публики, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ особенностей, относящихся къ морской спеціальности, изложенныхъ, замѣтимъ, вполне популярно.

Инымъ характеромъ отличаются послѣднія пять главъ труда г. Веселаго, посвященнаго администраціи и внутреннему устройству флота, портовъ и адмиралтействъ, а также законодательству, судопроизводству, образованію моряковъ и гидрографіи того времени. Здѣсь авторъ касается нерѣдко такихъ предметовъ до которыхъ предшествующіе изслѣдователи едва дотрогивались, или о которыхъ вовсе умалчивали, а вслѣдствіе этого читатель встрѣтится здѣсь весьма часто съ новыми любопытными свѣдѣніями, притомъ свѣдѣніями весьма хорошо изложенными; такъ что эта часть труда г. Веселаго прочтется всеми съ значительнѣйшимъ интересомъ.

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1870 года.

Изданіе **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библиографическою рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаютъ отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г., редакція объявила въ январѣ 1875 г. о готовности приступить къ новому ея изданію.

Такъ какъ нынѣ собралось достаточное число заявленій отъ желающихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1870 г., то приступлено къ печатанію въ двухъ типографіяхъ **третьяго** ея изданія.

Гг. подписчики на „Р. Ст.“ 1870 г. (12 книгъ, въ трехъ томахъ) благоволятъ высылать теперь же подписныя деньги, дабы изданіе было своевременно имъ выслано.

Новое изданіе выйдетъ съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Волотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Сѣряковымъ, съ рисунковъ автора Записокъ, вишетоковъ.

Цѣна третьяго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣтелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ө. К. Опочинина**. Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана**; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніи напечатаны (ббльшею частію впервые) подлинники снимковъ какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣтелей: въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разные эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученномъ или литературномъ.

[Второй томъ „Рус. Род. книги“ — печатается].

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, полицій-мейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кригсъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г., 1873 г. и 1874 г. стола разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе), можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 55 экземпляровъ). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. (первая книга напечатана вторымъ изд.) продолжается. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ дѣламъ).¹⁾

II.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Съ развитіемъ дѣятельности С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома, Бецкой нашель, что и здѣсь, такъ же, какъ въ Московскомъ Совѣтѣ, должны засѣдать опекуны, получающіе жалованье и отдающіе свои труды единственно на пользу этого учрежденія, «не отягощая себя болѣе никакими исправленіями прочихъ мѣстъ» (т. е. должностей); онъ задумалъ уже въ 1778 г. распредѣлить одинаково количество опекуновъ при томъ и другомъ Воспитательномъ Домѣ.²⁾ Но такъ какъ умноженіе опекуновъ признано было невозможнымъ по недостатку средствъ Воспитательнаго Дома, то Бецкой предписалъ: «изъ шести назначеннаго въ Планѣ числа опекуновъ за довольное быть четыремъ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, а тремъ, вообще съ Директоромъ, въ С.-Петербургскомъ Отдѣленіи, съ получаемымъ онымъ здѣсь въ С.-Петербургѣ жалованьемъ, по причинѣ извѣстной во всемъ дороговизны, по 1,200 рублей». Когда же потребовалось бы обсуждать какое-нибудь особенно важное дѣло,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 146—159; 359—380.

²⁾ Письмо Главнаго Попечителя въ Московскій Совѣтъ отъ 19-го октября 1778 г. Оно напечатано, въ сокращеніи, въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома на мѣсяць ноябрь 1778 г.» («Собраніе извѣстій», стр. 131—137).

то, на этотъ случай, могли быть приглашены къ засѣданію: въ Москвѣ—Главный Надзиратель и Директоръ казенъ, а въ Петербургѣ—Главный Попечитель.

«Буде-бъ—продолжалъ Бецкой—въ чемъ нужда бѣльшая была и свобода времени дозволяла, то, на основаніи Генеральнаго трехъ частей Плана и чрезъ переписки, одно мѣсто другому мнѣнія свои сообщая, могутъ утверждать общее свое согласіе».

Въ концѣ января 1779 г., ¹⁾ вмѣсто обычнаго балотированія шарами, были письменно предложены гг. Почетнымъ Благотворителямъ, опекунамъ и за-опекунамъ, къ выбору въ опекуны въ С.-Петербургское Отдѣленіе, нѣсколько человекъ, изъ которыхъ, по большинству мнѣній, выбраны: надворный совѣтникъ Вындомскій и коллежскій асессоръ Стоксъ. 16-го марта того же года ²⁾ происходило соединенное засѣданіе прежнихъ за-опекуновъ (Памфиловъ, Загребскій, Фелтенъ, Аничковъ и Ильинъ) и новыхъ опекуновъ, въ которомъ за-опекуны заявили, что они «не оставятъ старанія и труды свои употреблять къ соотвѣтствующей Воспитательному Дому и обществу пользѣ». Но участіе ихъ—за исключеніемъ одного Фелтена—въ дѣлахъ Воспитательнаго Дома становится уже чисто номинальнымъ, хотя Бецкой и надѣялся, что за-опекуны, — «оставаясь на прежнемъ своемъ положеніи, съ неисключеніемъ выгодъ по преимуществамъ Воспитательнаго Дома»..... не почтутъ въ отягощеніе являться въ засѣданіе не только по особымъ новѣствамъ, «но и въ назначенное время, на примѣръ въ недѣлю подожа субботній день». Съ 18-го марта исчезаютъ уже и ихъ подписи подъ журналами.

Обстоятельства, очевидно, шли къ тому, чтобы сравнять окончательно, въ правахъ и въ устройствѣ, С.-Петербургское Отдѣленіе съ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ. Теперь уже только число опекуновъ и нѣкоторая особенность въ положеніи Директора дѣлали между ними различіе. Но 15-го сентября 1780 г., по новому законоположенію, одобренному въ собраніи Почетныхъ Благотворителей и словесно ³⁾ утвержденному императрицею, отмѣнилось и это различіе, такъ какъ въ каждомъ мѣстѣ назначено быть четыремъ опекунамъ, и, между ними, по одному Обер-

¹⁾ Журналъ засѣданія 29-го января, № 53.

А. П.

²⁾ Журналъ засѣданія, № 134.

³⁾ Дѣло по Канц. Спб. Опекунскаго Совѣта, о служившихъ, № 46.

Директору. Вскорѣ послѣ того, и сохранившееся по ошибкѣ названіе Отдѣленія было признано несоотвѣтствующимъ равноправности обоихъ Воспитательныхъ Домовъ: «и для того — писалъ Бецкой отъ 17-го октября 1780 г. ¹⁾—имѣть и С.-Петербургское засѣданіе впредь называться С.-Петербургскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ».

Мотивы, побудившіе Бецкаго къ изданію новаго законоположенія, напечатаннаго, въ свое время, не исполнѣ, но только въ извлеченіи, изложены достаточно сильно и рельефно въ предисловіи къ нему, которое составляетъ какъ бы введеніе къ самому уставу. Нужны были, конечно, весьма рѣзкія и внушительныя причины, чтобы вырвать у Бецкаго такой укоръ, брошенный имъ въ официальной бумагѣ своимъ подчиненнымъ: «мрачность, запутанность неразрѣшимая, представляя повсюду и къ поправленію упущеннаго неодолимаго препятствія, не показываютъ ни тѣни того, чтобъ были разумы благоустроющіе и сердца благотворительныя». Главнымъ образомъ, упрекъ этотъ заслужилъ тогда Московскій Опекунскій Совѣтъ. Чтобы устранить вравшееся зло, Бецкой прибѣгнулъ разомъ къ нѣсколькимъ мѣрамъ. Во-первыхъ, онъ ввелъ въ Совѣты, на полныхъ опекунскихъ правахъ, двухъ Ober-Директоровъ, которыхъ должность — по его выраженію — «замыкала въ себѣ всецѣлую обширность Дома», т. е. въ лицѣ Ober-Директора сливались обязанности Главнаго Надзирателя и Директора казенъ съ званіемъ опекуна, какъ постояннаго члена Совѣта. Мы видѣли уже, что Бецкой, въ своемъ Генеральномъ Планѣ, желалъ соединить удобства единоличнаго правленія съ выгодами, представляемыми коллегіальнымъ началомъ, и потому, назвавъ Главнаго Надзирателя единственнымъ хозяиномъ въ Домѣ, онъ, все-таки, поставилъ его подъ всегдашній и бдительный контроль Опекунскаго Совѣта. Изъ этого полу-подчиненнаго положенія Главнаго Надзирателя возникали, однако, на практикѣ серьезныя недоразумѣнія, и опекуны, не довольствуясь коллегіальнымъ надзоромъ за его дѣйствіями, вмѣшивались непосредственно въ его распоряженія, чѣмъ и нарушали уже границу, проведенную уставомъ между обязанностями Совѣта и главнаго въ Домѣ администратора. Безъ сомнѣнія, опе-

¹⁾ Письма Гл. Попечителя въ Моск. Опек. Совѣтъ.

куновъ подталкивало на присвоеніе чуждой роли то обстоятельство, что Главный Надзиратель былъ только приглашаемъ въ Совѣтъ и являлся туда, какъ лицо, обязанное известнаго рода отчетностью; а въ то время тонкое различіе между прямымъ служебнымъ подчиненіемъ и обязанностью отчета было едва-ли многимъ доступно, и право, контроля казалось, съ тѣмъ вмѣстѣ, и правомъ на ежедневное вмѣшательство въ самое исполненіе контролируемыхъ обязанностей. Бецкой отчасти предвидѣлъ это и формально запретилъ подчиненнымъ Главнаго Надзирателя: «бѣгать въ дома къ членамъ Совѣта или ходить къ нимъ съ представленіями», но они, тѣмъ не менѣе, бѣгали и ходили, и опекуны, становившіеся, такимъ образомъ, какъ бы новою властью между подчиненными и ихъ ближайшимъ начальникомъ, подрывали авторитетъ послѣдняго и мѣшали успѣху тѣхъ мѣръ, результаты которыхъ призваны были обсуждать. Въ свою очередь, и Главный Надзиратель, опираясь на то, что онъ все-таки «отецъ въ Домѣ», относился нерѣдко съ пренебреженіемъ къ коллегиальному надзору, чѣмъ вызывая, съ противной стороны, обвиненіе въ гордомъ и грубомъ нравѣ. Такое именно столкновеніе произошло въ 1775 г. между Опекунскимъ Совѣтомъ и Главнымъ Надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома, и столкновеніе это было настолько враждебно, что самъ Бецкой вынужденъ былъ войти въ разсмотрѣніе его и разъяснить нормальныя задачи, по уставу, обѣихъ перессорившихся сторонъ. Оказалось, напримѣръ, что на генеральномъ балотированіи опекуны, «не могли желанія своего удовлетворять полагаемыми балами.... прямо отважились говорить о порокахъ Главнаго Надзирателя публично» и устроили ему сцену, на которую пригласили въ свидѣтели, вопреки обряду балотированія, и экспедитора, и казначея Дома. Скандальная сцена—по словамъ Бецкаго—«наслушила (т. е. огласила) весь городъ Москву и С.-Петербургъ».¹⁾ Предоставленіе Обер-Директору опекунскаго мѣста въ Совѣтъ имѣло цѣлью—сдѣлать его «равновластнымъ» съ прочими членами Совѣта, избавить его отъ неумѣстнаго и, подъ часъ, оскорбительнаго вмѣшательства опекуновъ въ управленіе Дома, не освобождая однако, отъ той доли надзора, которая препятствовала бы ему явно злоупотреблять сво-

¹⁾ Письма Гл. Попечителя отъ 1 и 14-го мая 1775 г.

имъ положеніемъ и идти въ разрѣвъ съ предписаніями устава и интересами цѣлаго учрежденія. Ober-Директоръ, по прежнему, представлялъ въ Совѣтъ свои отчеты и денежные балансы, и, вромѣ того, опекуны должны были, «по порядку очередуясь, по одному, быть безотлучно съ Ober-Директоромъ съ утра и до ночи, имѣя за общими печатами казну, закладныя, завѣщанія и заложенные въ ломбардъ вещи, дабы притомъ и приходящія по Сохранной Казнѣ, имѣющіе нужду, могли во всякое время получать къ удовольствію своему подлежащія отвѣты». Но мѣра эта зашла далѣе своей цѣли, и Ober-Директоры, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю дѣятельную власть по Дому, мало стѣснялись уже опекунскимъ надзоромъ и могли при случаѣ давать отпоръ самому Главному Попечителю, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ, Бецкой, узнавъ по опыту, что въ опекуны балотируются и попадаютъ лица, совершенно неспособныя къ выполнению своей благотворительной обязанности, учредилъ при Опекунскомъ Совѣтѣ новую должность—контролера, поставивъ условіемъ, что—«удобнѣйшей дороги вступить въ опекуны не остается, вромѣ только чрезъ единое контролерство». Контролеръ завѣдывалъ письмоводствомъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ экспедитора, и присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта, «но за другимъ столомъ, способствуя, по приглашенію членовъ, ихъ рѣшеніямъ чрезъ представленіе своихъ разсужденій». ¹⁾ Онъ считался также первымъ помощникомъ Ober-Директора по управленію Домомъ и, въ отсутствіе его, заступалъ его мѣсто, пользуясь, одинаково съ нимъ, квартирою въ Домѣ при казенномъ отопленіи и освѣщеніи. Контролеры избирались общею балотировкою въ обоихъ Совѣтахъ и, пройдя разъ этотъ избирательный путь, поступали уже прямо на открывшіяся опекунскія вакансіи, «доказавъ потребныя способности какъ разума, такъ и сердца, чрезъ трудолюбивое управленіе, приобрѣтеніемъ самоподробнѣйшаго свѣдѣнія о всемъ, что до Воспитательнаго Дома по истиннымъ его предметамъ касается».

Въ третьихъ, Главный Попечитель обратилъ вниманіе на

¹⁾ Собраніе учрежд. и предписаній, т. I, предварительн. объясненіе, стр. XXXVIII.

«истребленіе всякихъ расходовъ, «вгунѣ истощающихъ, челоуѣколюбіемъ собираемые, доходы на помощь сиротъ» и предписалъ довести сокращеніе издержекъ до того, чтобы въ первый же годъ можно было сохранить изъ всѣхъ доходовъ, по крайней мѣрѣ. 50 тысячъ руб. для отчисленія ихъ въ капитальный фондъ Дома, о которомъ слѣдовало «неусыпно стараться для всякаго нечаяннаго случая». Въ тѣхъ же видахъ положено было «отрѣшнть безплодныхъ людей» отъ службы при Домѣ, разумѣя подъ ними излишнихъ бухгалтеровъ, писцовъ и разныхъ служителей.

Въ четвертыхъ, Бецкой нашель, что генеральное балотированіе, — о которомъ мы говорили выше, — «впредь съ симъ новымъ учрежденіемъ, въ разсужденіи многихъ неудобствъ, уже совѣмъ совмѣстно быть не можетъ» и потому отмѣнилъ его, «предоставивъ каждому Совѣту, съ согласія Главнаго Попечителя, удалять отъ должности Обер-Директора, опекуна или контролера, явно избыточныхъ въ нарушеніи своего долга. Генеральному собранію,¹⁾ въ которомъ къ голосамъ опекуновъ и контролеровъ обонихъ Совѣтовъ присоединялись голоса Главнаго Попечителя и Почетныхъ Благотворителей, оставалось затѣмъ рѣшнть вопросъ: «долженъ ли совратившійся съ пути добродѣтели быть, въ силу его клятвъ, обнародованъ?»

Кромѣ этого случая, въ генеральное собраніе вносились всѣ тѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены общею балотировкою обонихъ Совѣтовъ, вмѣстѣ съ двумя голосами Главнаго Попечителя.

Кажется, что съ того же времени, при избраніи должностныхъ лицъ, появились въ употребленіи, кромѣ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ, еще шары сомнительные, которыхъ два равнялись одному бѣлому. По крайней мѣрѣ, въ іюлѣ 1782 г., Бецкой кассировалъ балотировку, — на которой потерпѣлъ неудачу контролеръ Крюковскій, — подѣ тѣмъ предлогомъ, что при избраніи клались только бѣлые и черные шары, но не было шаровъ сомнительныхъ.²⁾

¹⁾ Въ первой части Плана Воспитательнаго Дома упоминается генеральное собраніе одного Опека. Совѣта, которое имѣло совѣмъ другой характеръ. Оно происходило ежегодно 21-го апрѣля «въ память заведенію Воспитательнаго Дома» и занималось повѣркой отчетовъ Гл. Надзирателя, а также разборомъ жалобъ приносимыхъ подчиненными на своихъ начальниковъ. А. П.

²⁾ Дѣло по Канц. Спб. Сов., о служившихъ № 23—1. Въ «Предварительномъ объясненіи» къ «Собранію учреждений и предписаній» Бецкой, на-

Замѣтимъ еще, что по уставу 1780 г. Обер-Директоръ получалъ помощника, котораго должность соотвѣтствовала нынѣшней должности инспектора классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и что, съ тѣмъ вмѣстѣ, прежняя Главная Надзирательница стала называться Первою Надзирательницею надъ частными. Поводомъ къ перемѣнѣ титула послужило то соображеніе, что прежде, когда взрослые дѣти отправлялись изъ Петербурга въ Москву, обязанность Главной Надзирательницы Московскаго Воспитательнаго Дома, соединявшей подъ своимъ надзоромъ питомцевъ двухъ заведеній, была весьма обширна; съ прекращеніемъ же пересылки дѣтей, должность ея, по словамъ устава, на двое раздѣленная, несравненно облегчилась, почему и не надлежало быть двумъ Главнымъ Надзирательницамъ въ обоихъ мѣстахъ. Впослѣдствіи однако, когда, съ открытіемъ при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ домѣ Училища акушерства, труды Первой Надзирательницы значительно увеличились, то ей усвоенъ опять прежній титулъ.¹⁾

Издавъ новое законоположеніе, которое упрочивало указанными средствами распатавшіяся порядоки вещей, Бецкой пожелалъ тогда же произвести опытъ надъ способностью Опекунскихъ Совѣтовъ къ самоуправленію и, «предоставивъ имъ свободу дѣйствовать и устроить все къ лучшему», отказался на условный срокъ отъ тѣхъ преимуществъ, которыми онъ пользовался, по особому довѣрію императрицы, сверхъ обыкновенной власти Главнаго Попечителя. Что Бецкой смотрѣлъ на этотъ опытъ весьма серьезно и не желалъ, безъ крайней надобности, возвращаться къ своимъ добровольно-повинутымъ правамъ, — это доказывается многими данными, которыя легко почерпнуть изъ его огромной переписки. Такъ напримѣръ, въ 1784 году, когда московскій Обер-Директоръ Гогель колебался въ выдачѣ большой суммы, противно правиламъ, ввязю Василью Никитичу Трубецкому, и думалъ, что Главный Попечитель желаетъ помирволить своему родственнику, давъ ему напередъ слово исполнить его просьбу, то Бецкой самъ вразумилъ московскихъ опекуновъ на счетъ самостоятельности, имъ предоставленной. «Я слова моего не давалъ — писалъ онъ категорически Гогелю — а обѣщаль, какъ обыкновенно отвѣчаю

печатанномъ въ 1789 г., упоминаются категорически уже всѣ эти три разряда шаровъ (т. I, стр. XLIV, примѣч.).

А. П.

¹⁾ «Предварит. объясненіе», стр. XXXIV.

на просьбу всякаго, сдѣлать все, что можно. Впрочемъ, тому, кому бы я показать помощь хотѣлъ, было бы дано отъ меня письмо. Но и въ такомъ случаѣ, если бы въ ономъ (письмѣ), для какихъ-нибудь отъ меня причинъ, могло быть что-нибудь не согласное съ узаконеніями Воспитательнаго Дома, не надлежало-бы исполнять, въ разсужденіи врученной Совѣтомъ отъ меня власти, которую я съ себя сложилъ, а поступать какъ должно со всѣми предбудущими Главными Попечителями и противъ моихъ двухъ голосовъ произвести въ вашемъ Совѣтѣ балотированіе, которое послѣ сообщить въ здѣшній для учиненія по тому-жъ. Поступая и всегда столь неподобострастнымъ духомъ, таковыми нераболѣпными примѣрами можно бы давно было проложить пути въ сохраненію навѣки благостоянія Воспитательнаго Дома: какъ непоколебимымъ твердодушіемъ предбудущихъ членовъ обоихъ Совѣтовъ, такъ и обузданіемъ самовластия, которое себѣ можетъ покушаться присвоить впредь гордость Главныхъ Попечителей къ предосужденію Воспитательнаго Дома.¹⁾ Такую же независимость хотѣлъ предоставить Бецкой Опекунскимъ Совѣтамъ и относительно Почетныхъ благотворителей. Спустя 10-ть лѣтъ по изданіи новаго законоположенія, когда Опекунскіе Совѣты успѣли доказать, что они часто злоупотребляютъ своею самостоятельностью, Бецкой все еще не покидалъ своей первоначальной мысли, и Княжнинъ писалъ о немъ, въ дружескомъ письмѣ, къ Гогелю: «Теперь онъ все повторяетъ, что Совѣты должны вполне воспользоваться своими правами (*entrer dans leurs droits*) и дѣйствовать самостоятельно, согласно плану; что они не должны дозволить вмѣшиваться въ теченіе дѣлъ по Дому ни одному сильному вельможѣ, изъ опасенія создать себѣ деспотовъ, которые могутъ произвести путаницу; что Почетные Благотворители призваны содѣйствовать своими протекціями только по внѣшнимъ сношеніямъ Дома» и проч.²⁾ Но, предугадывая въ будущемъ необходимость экстренныхъ мѣръ, выходящихъ за предѣлы нормальной власти Главнаго Попечителя, Бецкой не отступался окончательно отъ своихъ прерогативъ, не сжигалъ за собою кораблей, и параграфъ 17-й новаго узаконенія оставлялъ за нимъ право—

¹⁾ Арх. Спб. Сов. «13-ть копій съ предписаній Гл. Попечителя», стр. 16.

²⁾ Арх. Моск. Воспит. Дома: «Письма Княжнина къ Гогелю». Письма эти почти исключительно на французскомъ языкѣ.

вооружиться опять, въ крайней надобности, покинутыми на время полномочіями. «Какъ при всякомъ, вновь распоряжаемомъ учрежденіи—гласиль помянутый параграфъ—всего предусмотрѣть невозможно, то, если и въ семь положеніи что недостаточнымъ или какъ въ прибавокъ, такъ и въ отмѣну что за нужное, по представленію во мнѣ (т. е. Гл. Попечителю) или по моему усмотрѣнію, признается, то предоставляется оное иными отъ меня предписаніями дополнить или исправить». Опираясь на этотъ пунктъ, Бецкой не оставался безучастнымъ зрителемъ промаховъ и злоупотребленій своихъ подчиненныхъ, и когда простыя напоминанія не дѣйствовали, то вступалъ снова въ исключительную роль, присвоенную ему первоначальнымъ уставомъ¹⁾ и подтвержденную, въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, въ «Дополненіи» къ Генеральному Плану. По силѣ того же 17-го параграфа, Бецкой дополнилъ, въ 1785 г., свое узаконеніе нѣсколькими новыми правилами, не имѣющими особенной важности. Въ концѣ 1787 г. это узаконеніе было еще разъ измѣнено и, систематично изложенное,—впрочемъ, съ опущеніемъ всѣхъ рѣзкихъ отзывовъ о дѣятельности Опекунскихъ Совѣтовъ,—появилось въ печати, подъ именемъ «предварительнаго объясненія», въ 1-мъ томѣ «Собранія учреждений и предписаній касательно воспитанія обученія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества», изданнаго въ С.-Петербургѣ въ 1789 г. Перемѣны, внесенныя этою послѣднею редакціею въ законоположеніе 1780 г., не коснулись однако существенной его части, и потому мы не будемъ на нихъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы сейчасъ только упомянули, а о другихъ, болѣе важныхъ, скажемъ впослѣдствіи.

III.

Ближайшіе начальники С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома въ періодъ управленія И. И. Бецкаго.—И. И. Моллеръ въ званіи Директора и Обер-Директора Воспитательнаго Дома.—Ф. П. Фрезе.—Начало учебныхъ занятій въ Воспитательномъ Домѣ.—Гейнрихъ Гогель.

Обер-Директоры С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома слѣдовали, одинъ за другимъ, въ такомъ порядкѣ: Моллеръ, Фрезе, Гогель (временно, на короткій срокъ), Киршбаумъ, Крюковскій и, наконецъ, Сумбатовъ. Мы сообщимъ о каждомъ изъ нихъ всѣ тѣ біографическія свѣдѣнія, которыя удалось намъ розыскать.

¹⁾ «Собраніе учреждений и предписаній», т. I, стр. 68.

1. Иванъ Ивановичъ Моллеръ началъ свою службу, въ 1751 г. солдатомъ въ Преображенскомъ полку, а въ 1771 г. 21-го февраля, поступилъ, въ чинъ полковника, подъ начальство Бецкаго, въ контору строенія Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря, на мѣсто коллежскаго совѣтника Нормана. Въ бытность свою въ Преображенскомъ полку онъ исполнялъ разные курьерскія порученія и былъ однажды (въ 1761 г.) командированъ въ гор. Михайловъ «для изслѣдованія, по доносамъ разныхъ людей, якобы о найденныхъ кладахъ». Затѣмъ, въ 1763—67 гг. онъ, по именному указу, наблюдалъ за выдѣлкою при дворѣ серебрянныхъ сервизовъ, для которыхъ было отпущено въ его вѣдѣніе золота и серебра «на многотысячную сумму» и денегъ болѣе 30-ти тысячъ рублей, что все и было израсходовано имъ правильно.¹⁾ Въ 1772 году онъ, въ званіи опекуна, и не покидая занятій въ Конторѣ Смольнаго, опредѣленъ былъ Директоромъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, а 28-го іюня 1778 г., вмѣстѣ съ опекуномъ Закревскимъ, произведенъ, по ходатайству Бецкаго, въ чинъ статскаго совѣтника. Съ преобразованиемъ Опекунскаго Совѣта, въ 1780 г., мы видимъ Моллера уже въ качествѣ опекуна и Обер-Директора. Назначая его и Закревскаго членами Опекунскаго Совѣта, Бецкой писалъ, что «хотя и казалось бы имъ, яко имѣющимъ другія обязанности, несходственно съ предписаннымъ занимать толь много упражняющія при домѣ званія», но что онъ даетъ имъ эти мѣста, соображаясь съ ихъ способностями и долговременной привычкою къ дѣламъ, а также довѣряясь вполне ихъ словесному обѣщанію, что «все въ самой точности будетъ ими исполняемо». Тѣмъ не менѣе, Моллеръ пробылъ недолго въ своей новой должности. Заручившись, какъ видно, довѣріемъ Бецкаго за прежнюю усердную службу, онъ нашелъ удобнымъ для себя—повести иначе дѣла, и въ началѣ 1782 г. былъ отданъ, по высочайшему повелѣнію, подъ слѣдствіе по дѣламъ конторы строеній Новодѣвичьяго монастыря. Это обстоятельство сейчасъ же отразилось на его службѣ по Воспитательному Дому, и 12-го февраля 1782 г. Бецкой письменно предложилъ уволить его отъ исправленія должности Обер-Директора.²⁾ Вслѣдъ затѣмъ открылись на немъ новые начеты и по

¹⁾ Дѣло по Канц. Спб. Оп. Сов. по разн. предм., № 12, связка 1.

²⁾ Дѣло по Канц., о служившихъ, № 21, связка 1.

Воспитательному Дому. Въ денежномъ сундукѣ найдена была, вмѣсто недостающихъ 485 р. 95 к., росписка Моллера въ томъ, что эта сумма просчитана имъ по ошибкѣ, и когда Опекунскій Совѣтъ поставилъ на видъ ему этотъ казусъ, то онъ попросилъ сложить съ него взыскаіііе, такъ какъ онъ, «не имѣвъ ни помощника, ни казначея, ни счетчика, великія суммы въ обращеніе производилъ съ соблюденіемъ кредита и довѣренности общества, но при пріемахъ изъ разныхъ мѣстъ и выдачахъ немалыхъ суммъ, никакъ невозможно было остережеться отъ прочета». Объясненіе это показалось правдоподобнымъ Опекунскому Совѣту, и просьба Моллера была удовлетворена, съ согласія московскихъ опекуновъ. ¹⁾ Но только что затихло это дѣло,—поднялось другое, гораздо худшее. Новый Обер-Директоръ открылъ, что, во время управленія Моллера, кассиръ ломбарда Принцъ совершилъ невозбранно похищеніе свыше 170 тысячъ рублей, и подобный случай, конечно, невозможно уже было объяснить и оправдать однимъ невиннымъ прочетомъ. Вслѣдствіе этого Бецкой, письмомъ отъ 29-го декабря 1782 г. ²⁾ предложилъ Совѣту взыскать съ Моллера и бывшихъ опекуновъ всю похищенную Принцемъ сумму. Тутъ же Бецкой прибавилъ, что и по постройкамъ Воспитательнаго Дома найдены суммы, излишне-переданныя, которыя полагалось присоединить въ предыдущему взысканію. ³⁾ Но Моллеръ не призналъ справедливымъ наложеннаго на него взыскаіііа и, въ двухъ поданныхъ имъ объясненіяхъ, старался сложить вину на своихъ недавнихъ товарищей по службѣ, изъ которыхъ, будто бы, двое — опекуны Закревскій и Голохвастовъ—во время покражи до того «усилились въ совѣтъ», что «обратили въ одно пустое званіе» должность Обер-Директора и, вмѣшиваясь въ его дѣла, отучили отъ должнаго повиновенія всѣхъ его подчиненныхъ. Изъ этихъ подчиненныхъ, какъ на особенно-виновнаго въ стачкѣ съ Принцемъ, Моллеръ указывалъ на бухгалтера Фрейтага, при чемъ, вдаваясь безъ церемоніи въ міръ заулисныхъ сплетенъ и дразгъ, припутывалъ къ своимъ объяс-

¹⁾ Журн. Опекун. Сов. 1782 г. 30-го іюня, № 477.

²⁾ Журн. Опекун. Сов. 1782 г., № 893.

³⁾ Изъ вѣдомости, приложенной къ одному дѣлу (№ 11, по Экспед. Ссудн. Казны, по разн. предм.), видно, что по строенію Воспит. Дома, было передано лишнихъ 1,032 р. 23 к.

неніямъ и покровительство, оказанное Фрейтагу за-опекуномъ Ильинымъ, и «дружбу, соплетенную бухгалтеромъ съ бывшимъ при домѣ штаб-лекаремъ Книперомъ, отъ которой послѣдовала толикая разстройка внутреннихъ распорядковъ въ домѣ». Но изъ объясненій Ильина оказывается, однако, что «въ кладовую (откуда сдѣлано похищеніе заложенныхъ вещей) никто, кромѣ самого г. Директора, входа не имѣлъ»; а бухгалтеръ Фрейтагъ, въ отвѣтъ на обвиненіе въ соучастіи съ Принцемъ, писалъ Опекунскому Совѣту: «Не упустилъ я, какъ мнѣ помнится, въ 1780 г., примѣтивъ знатныя, Принцемъ на себя чинимыя издержки, между разговоровъ, сказать Ивану Ивановичу Моллеру, что не изволить ли онъ замѣтить: не производитъ-ли онъ (Принцъ) какого-либо ущерба дому? Со всѣмъ тѣмъ, за сію, усердія исполненную, откровенность, на другой же день послѣ того, былъ я разбраненъ Принцемъ, которому про то его высшкородіе изволилъ сказать. Послѣ сего, уже не оставалось мнѣ болѣе ничего дѣлать». При этомъ Фрейтагъ прибавлялъ, что не къ обязанности его, бухгалтера, относилось—присматривать за кассиромъ. Впрочемъ, за Фрейтагомъ, и безъ того, обнаружилась своя собственная, самостоятельная вина, заключавшаяся въ неисправномъ веденіи бухгалтерскихъ книгъ.

Не забылъ Моллеръ упомянуть, въ своихъ объясненіяхъ, о несправедливости слуховъ, распущенныхъ про его богатство, найденное на службѣ въ Воспитательномъ Домѣ, о бѣдствіяхъ своей «упадающей фамилии», о несправедливости подозрѣній, возбужденныхъ противъ него въ Главномъ Попечителѣ.

Сильнѣйшее возраженіе Моллера состояло въ томъ, что члены Опекунскаго Совѣта, при выходѣ его въ отставку, «не учинили за подписаніемъ руки и не требовали никакого документа ни денежной казнѣ, ни крѣпостнымъ, ни движимымъ закладамъ», и что они, до вступленія въ должность новаго Обер-Директора, «возложили всю повѣренность на одного кассира Принца». Въ сущности возраженіе это сводилось къ тому, что опекуны, товарищи Моллера, сдѣлали формальный промахъ, выказавъ своему сослуживцу излишнее довѣріе, за которое онъ и спрятался потомъ, какъ за надежную, непреступную крѣпость. Быть можетъ, это именно обстоятельство, благодаря которому главный виновникъ между опекунами благополучно прикрылся служебными фор-

мальностями, а подъ ударъ подставлялись лица, гораздо меньше прикосновенныя къ дѣлу и даже, вѣроятно, страдавшія за одну лишь свою оплошность, — высканіе, первоначально наложенное Бецкимъ, не имѣло успѣха, и въ казну Воспитательнаго Дома возвращена была только та сумма (97,944 р.), которую удалось во-время отобрать у Принца товарами, деньгами, векселями и росписками. Остальная же часть похищенныхъ цѣнностей, «къ возвращенію которой ни малой надежды не имѣлось», по рѣшенію генеральнаго собранія 1784 г., пала на экономію Воспитательнаго Дома.¹⁾

2. Федоръ Петровичъ Фрезе (или Фрезъ), бывшій членомъ Медицинской Коллегіи, назначенъ Бецкимъ, 1-го апрѣля 1782 г., въ С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, въ званіи «на-мѣстнаго Обер-Директора»; покуда не получитъ увольненія отъ прежней своей должности. Опредѣляя его собственной властью, по 17-му параграфу новаго законоположенія, Бецкой выражалъ желаніе, чтобы Фрезе, какъ докторъ, «по знанію своему, споспѣшествуя сохраненію жизни младенцевъ, воспитываемыхъ какъ въ Домѣ, такъ и въ деревняхъ, искуснымъ присмотромъ за ихъ содержаніемъ, отвращалъ бы умертвіе ихъ, толь многочисленно случавшееся; а притомъ и Совѣтъ, будучи, всходствіе упомяну-таго законоположенія, достаточно наполненъ, возмогъ бы скорѣе приступить къ основанію при Воспитательномъ Домѣ еще небывалыхъ заведеній, какъ-то: наученіе искусныхъ бабокъ и аттестованіе надежныхъ и здоровыхъ кормилицъ, кои толь рѣдки и для сохраненія человѣческаго рода необходимы и пр., всходствіе 10-го § въ учрежденіи Сохранной Казны, Воспитательному Дому представленныхъ установленій для приумноженія болѣзнихъ отъ сего Дома для общества пользы».²⁾ Фрезе, какъ видно, энергически принялся за свое дѣло и — по свидѣтельству графа де-Салена, частнаго секретаря Бецкаго по французской корреспонденціи — пользовался сначала большимъ вѣсомъ и уваженіемъ у Главнаго Попечителя.³⁾ Вступивъ въ управленіе Домомъ послѣ Моллера, онъ «нашелъ — по выраженію Бецкаго — разныя запу-

¹⁾ Арх. С.-пб. Оп. Сов., дѣло по Канц., по разн. предм., № 809, связка 8.

²⁾ Журн. Опек. Сов. 1782 г., 1-го апрѣля № 270.

А. П.

³⁾ Архивъ Моск. Опек. Совѣта, письма де-Салена, переплетенныя вмѣстѣ съ письмами Княжнина къ Гогелю. Письмо № 17 отъ 23-го іюля 1780 г. А. П.

танности, неустройства и упущенія», между которыми, прежде всего, бросилась въ глаза огромная покража, учиненная изъ Ссудной Казны кассиромъ. За открытіе этой покражи и за принятіе мѣръ ко взысканію съ дохитителя, Фрезе былъ награжденъ, по приговору генеральнаго собранія, выдачею ему, не въ примѣръ другимъ, 4% со всей возвращенной суммы. Въ томъ же 1784 г. Фрезе, вмѣстѣ съ опекуномъ Крюковскимъ, былъ представленъ къ ордену св. Владимира, при чемъ Бецкій указывалъ, въ числѣ его заслугъ, «на усовершенствованіе воспитанія питомцевъ». До 1780 года взрослые питомцы С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома отсылались въ Москву, гдѣ и были обучаемы наукамъ и ремесламъ; но съ тѣхъ поръ, какъ пересылка эта была отмѣнена и оба Дома получили одинаковое внутреннее устройство, надо было подумать о томъ, чтобы и здѣсь учредить учебные классы для подрастающихъ питомцевъ и питомицъ. По уставу Бецкаго, обученіе дѣтей должно было начинаться не ранѣе, какъ на шестомъ году возраста, а такъ какъ въ 1779 г. снова были отсланы изъ С.-Петербурга въ Москву питомцы свыше 3-хъ лѣтъ, то приходилось подождать нѣсколько времени, пока оставшіяся дѣти достигнуть возраста, опредѣленнаго Генеральнымъ Планомъ для начатія учебныхъ занятій. Такимъ образомъ, только въ 1782 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Фрезе могъ пригласить перваго учителя, Закона Божія, обучавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и русской грамотѣ. Вслѣдъ за этимъ, приглашаемы были постепенно другіе наставники, и къ 1785 году дѣло это подвинулось настолько, трудами Фрезе, что дѣти обучались,—кромѣ грамоты и Закона Божія,—арифметикѣ, географіи, исторіи, нѣмецкому и французскому языкамъ. Введено было также обученіе музыкѣ и танцамъ; начались въ легкомъ видѣ ремесленные занятія; а нѣсколько мальчиковъ, предназначенныхъ къ изученію медицины и хирургіи, стали брать уроки латинскаго и греческаго языка по наглядному методу, примененному знаменитымъ Аммосомъ Коменскимъ въ его книгѣ: *Orbis pictus*, т. е. при помощи картинъ съ соотвѣтствующими подписями на древнихъ языкахъ. Въ то же время на Фрезе была возложена обязанность принять всѣ необходимыя мѣры къ открытію здѣсь, при Родильномъ Гошпиталѣ, училища повивальнаго искусства, вслѣдствіе чего онъ велъ переписку съ чужими краями, выискивая способнаго професора, и вычислялъ издержки, по-

требныя для устройства новаго заведенія, которое и было открыто въ 1784 г. При вступленіи же Фрезе въ Домъ — по его словамъ — «исключая священника, отправляющаго службы церковныя, исключая одной женщины, занимавшей мѣсто первой надзирательницы, и одного лекаря, все воспитаніе дѣтей отъ подлыхъ бабъ (т. е. отъ простыхъ, необразованныхъ женщинъ) зависѣло». 1784 годъ выдается также, въ лѣтописяхъ Воспитательнаго Дома, сравнительно малымъ количествомъ умершихъ дѣтей.

Въ началѣ 1785 года Фрезе вышелъ въ отставку, обидѣвшись назначеніемъ не по его выбору, и даже противъ его воли, Обер-Директорскаго помощника Фабера. По этому случаю Фрезе писалъ письмо въ Опекунскій Совѣтъ, — подшитое къ дѣлу объ опредѣленіи Фабера, — и здѣсь, изложивъ все, что было имъ сдѣлано на пользу Воспитательнаго Дома, протестовалъ противъ назначенія себѣ помощника, въ которомъ онъ «ни малѣйшей доселѣ надобности не предвидитъ, ибо самъ оную должность исправляетъ съ большою ревностью». Законоположеніемъ 1780 г., дѣйствительно, предписывалось Обер-Директору самому выбирать себѣ помощника; но этотъ помощникъ, во всякомъ случаѣ, полагался по штату, и справедливость требуетъ замѣтить, что Бецкой довольно долго дождался: на кого уважаетъ ему выборъ Фрезе? Только по прошествіи 4-хъ слишкомъ лѣтъ, со времени изданія новаго законоположенія, Бецкой рѣшился замѣстить отъ себя штатную вакансію, опредѣливъ на нее человѣка, уже служившаго 17 лѣтъ подъ его начальствомъ — два года въ Академіи Художествъ и пятнадцать лѣтъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ — человѣка (какъ этого не отрицаетъ и Фрезе) образованнаго и практически знакомаго съ воспитательнымъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе, Фрезе, подъ вліяніемъ самолюбія, которое едва-ли можетъ быть признано тутъ умѣстнымъ, не захотѣлъ трудиться вмѣстѣ съ такимъ помощникомъ и вскорѣ послѣ того, какъ Фабера былъ утвержденъ въ своей должности (3-го января 1785 г.), оставилъ службу при Воспитательномъ Домѣ (27-го февраля). Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Фрезе состоялъ «для ученыхъ упражненій» въ вѣдомствѣ Комисіи объ учрежденіи народныхъ училищъ.¹⁾

¹⁾ «Описаніе С.-Петербурга», Георги, ч. I, стр. 198.

По выходѣ Фрезе въ отставку, вызванъ былъ сюда, на краткій срокъ, изъ Москвы тамошній Обер-Директоръ Гогель — «для скорѣйшаго довершенія дѣлъ и для окончанія немедленно всего по Дому, какъ то по узаконеніямъ предписано и порядокъ того требуетъ».¹⁾ Временное и слишкомъ непродолжительное пребываніе Гогеля въ С.-Петербургѣ (съ конца февраля до начала апрѣля 1785 года)—причемъ онъ не покидалъ своей должности въ Москвѣ, а считался только въ отлучкѣ—могло бы дать намъ право не заносить его въ число дѣятелей собственно по здѣшнему Дому; но личность эта до такой степени интересна и играла такую важную роль въ судьбѣ учреждений Бецкаго, что читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы освѣтимъ ее, насколько возможно, біографическими фактами. Это будетъ тѣмъ нужнѣе и полезнѣе, что, переходя далѣе къ очерку безпорядковъ, возникшихъ по Воспитательнымъ Домамъ въ концѣ управленія Бецкаго, мы снова будемъ имѣть случай коснуться этой энергической, талантливой, но, къ сожалѣнію, не безупречной въ нравственномъ отношеніи личности.

А. П. Патковскій.

¹⁾ Дѣло по Канц. Сиб. Оп. Сов. о служившихъ, № 888, связка 9. Письмо Бецкаго въ Сиб. Опек. Совѣтъ.

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

1739 — 1791.

IV. 1)

Къ времени размовки Потемкина съ Варварою Васильевной Энгельгардтъ (1777 — 1779) относятся слѣдующія три письма отъ двухъ дамъ высшаго круга (имена ихъ неизвѣстны) пользовавшихся его расположеніемъ. Писаны онѣ по-французски—печатаясь переводъ и подлинный текстъ.

„Какъ вы провели ночь, мой милый; желаю, чтобы для васъ она была покойнѣе, нежели для меня: я не могла глазъ сомкнуть. Теперь я передъ вами вся и сама не знаю, почему мысль о васъ—единственная, которая меня одушевляетъ; но, сказать-ли? я вами недовольна. Вы казались такимъ разсѣяннымъ; что-то такое есть, что васъ занимаетъ. При первомъ посѣщеніи вашемъ вы выказали болѣе удовольствія видѣть меня. Знаю, что вечеромъ вы не были у императрицы; что вы захворали. Скажите мнѣ, я безпокоюсь и не знаю, когда получу вѣсти о васъ. Прощайте, мой ангелъ, мнѣ недосугъ сказать вамъ болѣе; множество разныхъ причинъ мѣшаетъ.

(Съ соблюденіемъ ореографіи подлинника). Comment avés vous passés la nuit, mon chér; je souhaite que vous la fassiez meilleur que moi, je n'ai pas fermer l'oeil; me voilà toute; je ne sai comment l'idée qui m'occupe de vous est la seule qui m'anime; mais, vous dirai-je, que je ne suis pas contente de vous. Vous aviez l'aire si distroit; il faut qu'il y aye quelque chose qui vous occupe; la première fois que vous avés étoit, le plaisir de me voir paressoit d'avantage: je sais que vous n'avés été chez l'Impératrice le soir et vous vous

1) См. «Русскую Старину» изд.

„Я проѣзжала мимо вашего дома и видѣла большое освѣщеніе; вы, безъ сомнѣнія, играли въ карты. Милый князь, если бы только вы могли принести мнѣ эту жертву — не такъ сильно предаваться игрѣ! Это только разстраиваетъ ваше здоровье. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, любезный другъ мой! докажите мнѣ, что можете что-нибудь для меня сдѣлать и не засиживайтесь, какъ вы это дѣлаете, до четырехъ и до пяти часовъ за полночь. Нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья. Завтра балъ у великаго князя — надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ тамъ. Жду этого удовольствія съ нетерпѣніемъ; при этой мысли только исчезаетъ мое безпокойство, иначе я имѣю видъ виноватой предъ цѣлымъ свѣтомъ.

„Я только что проснулась и мнѣ подали присланные вами цвѣты; премного вамъ обязана, сердце мое! Желаю, чтобы здоровье ваше поправилось, чтобы я могла видѣть васъ веселымъ и счастливымъ, какимъ видѣла васъ во снѣ нынѣшнюю ночь: вы были такъ любезны, казалось любите меня отъ всего сердца. Прощайте, расстаюсь съ вами; мужъ мой придетъ сейчасъ ко мнѣ. А когда же вы что-нибудь сдѣлаете для моего сына? Я желала бы, чтобы онъ былъ въ вашемъ Новотроицкомъ полку.“

Слѣдующія два письма отъ другой пріятельницы Потемкина писаны страннымъ языкомъ, представляющимъ образецъ той смѣси французскаго съ русскимъ, которая была въ такой модѣ у нашей знати въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія:

tombés malade; dites-moi, cela m'inquiète et je ne sais, quand j'aurais de vos nouvelles; adieu, mon ange, je n'ai pas le temps de vous dire d'avantage, tout plein de chose m'empêche.

J'ai passés vis-à-vis de votre maison et j'ai vu beaucoup de lumière. Vous etiés, sans doute à jouer aux cartes. Mon chér prince, si vous puissiez me faire ce sacrifice, et de ne point vous donnés tant au jeux? Cela ne fait que détruire votre santé. Faites moi ce plaisir, mon aimable ami, marqués moi que vous faites quelque chose pour moi et ne restés pas, comme vous faites jusqu'a quatre ou cinq heures après minuit. Il n'y a rien de plus nuisible à la santé. Il y a demain bal chés Monseigneur: j'espère avoir le plaisir de vous voir la. J'attends ce plaisir avec impatience, c'est la seulement que mon inquiétude me quitte; autrement j'ai l'aire d'être coupable vis-à-vis de tout le monde.

Je ne fait que reveiller et on m'apporte de votre part des fleures; je vous suis bien obligée mon coeur. Je souhaite que vous vous portiés bien et que je puisse vous voir gai et heureux comme j'ai revé cette nuit; vous etiés si aimable, vous aviés l'aire de m'aimer de tout votre coeur; adieu je vous quitte mon mari va venir chés moi, et quand donc ferai vous quelque chose pour mon fils; je voudroi que se soit dans votre régiment Новотроицкой.

„Матинька, какъ досадно, я тебя такъ издали только видѣла, а такъ хотѣлось тебя поцѣловать, ты мой милый дружочекъ. *Moi voila maussade pour la journée* (и я не въ духѣ на весь день). Матинька, *pour sûr vous n'irez pas au concert de Prati* (навѣрное вы не поѣдете въ концертъ Прати...) *je ne puis me souffrir aujourd'hui* (я сама себѣ несносна сегодня); возможно-ли, какая дура, не подошла къ тебѣ. *Mon ami grondez moi, car je le mérite, mais c'est que vous êtes toujours entouré de tout le monde, et pour surcroit de malheur, il prend la fantaisie à nos frères d'aller dans l'église—и такъ—je ne vous ai pas vû.* (Другъ мой, браните меня, ибо я того заслуживаю, но дѣло въ томъ, что васъ всегда всѣ окружаютъ и, къ довершенію несчастія, нашимъ фрейлинамъ приходитъ фантазія въ церковь ходить, и такъ, я не видала васъ). Боже мой, какъ мнѣ досадно, мочи нѣтъ! *Dites-moi au moins si vous m'aimez* (скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, любите-ли вы меня) мой миленькой. *C'est la seule chose qui peut me reconcilier avec moi-même* (только это одно можетъ примирить меня саму съ собою). Матинька, *quand vous verrai-je* (когда я васъ увижу), моя жизнь! Завтра недѣла, что я не видала тебя, душенька; *je vous prie, mon coeur, dites moi quand est-ce que cela sera* (прошу васъ, сердце мое, скажите, когда это будетъ)... Пожалуйста, заѣзжай когда-нибудь ко мнѣ, мнѣ бы хотѣлось всякую минуту быть съ тобою; все бы тебя цѣловала, да тебѣ бы надоѣла; *je vous écris devant un miroir* (пишу къ вамъ передъ зеркаломъ) и мнѣ кажется, что я съ тобою болтаю *et je vous dis tous ce qui me vient dans la tête* (и говорю вамъ все, что на умъ взбредетъ). *Crainte de vous ennuyer pourtant, il faut que je finisse en vous embrassant partout avec une tendresse qui part du fond d'un coeur qui vous est attaché par tous les plus tendrs sentimens* (боюсь однако вамъ наскучить, я должна кончить, цѣлуя васъ всего съ нѣжностью, исходящей изъ глубины сердца, привязаннаго къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими чувствами)“.

„Матинька моя, душа моя, милый мой дружочекъ; *je vous aime à la folie; que je vous embrasse un million de fois avant que vous partiez, car jé vu arriver vos huit chevaux; mon unique ami, qu'il m'est doux de m'entretenir avec vous* (я люблю васъ до безумія; дайте мнѣ разцѣловать васъ миллионъ разъ до вашего отъѣзда, такъ какъ я видѣла, что поданъ былъ вашъ восмерникъ; мой единственный другъ, какъ мнѣ сладко бесѣдовать съ вами), моя жизнь. *Vous êtes unique, il faut avouer de toutes façons* (вы единственны, должно въ томъ сознаться во всѣхъ отношеніяхъ). Матинька, ты слишкомъ трудисься. *Je vous prie, mon coeur, faites trouver de grace la bible: j'ai*

grande envie de lire; à-propos mon ami, Prati me prie de vous rappeler pour ces billets; hier je n'ai pas songé a vous le dire. Je vous embrasse trente millions de fois et avec une tendresse qui s'augmente à chaque moment (прошу васъ, сердце мое, прикажите, пожалуйста, достать мнѣ библию: мнѣ очень хочется почитать; кстати мой другъ, Прати проситъ меня напомнить вамъ объ этихъ билетахъ; вчера я не догадалась сказать вамъ. Цѣлую васъ тридцать милліоновъ разъ съ ежеминутно возрастающею нѣжностью); пальчики и бѣленькія ножки цѣлую въ мысляхъ. Матинька, очень я тебя люблю, другъ мой сердечный; батинька поцѣлуй меня въ мысляхъ; не хочется мнѣ съ тобой расстаться, mais il faut, Adieu (но надо, прощай) моя жизнь“.

Вотъ еще письмо къ Потемкину, свидѣтельствующее объ его успѣхахъ въ Петербургскомъ обществѣ 1770-хъ годовъ. Писано оно одной изъ придворныхъ дамъ:

„Гришенька не милой, потому что милой, я очень не могу: грудь болить и голова, и право не знаю, выйду-ли сегодня, или нѣтъ; а если выйду, то это будетъ для того, что я тебя болѣе люблю. нежели ты меня любишь, что я доказать могу, какъ два и два — четыре; выйду, чтобъ тебя видѣть. Не всякой, вѣдь, надъ собою столько власти имѣеть, какъ вы, и не всякой такъ уменъ, такъ хорошъ, такъ приятенъ... Не удивляюсь, что весь городъ безсчетное число женщинъ на твой счетъ поставилъ: никто на свѣтѣ столько не гораздъ съ ними возиться, я чаю, какъ вы. Мнѣ кажется, во всемъ ты не рядовой, но песьма отличаешься отъ прочихъ. Только одно прошу: не дѣлать, не вредить и не стараться вредить N. N. въ моихъ мысляхъ, ибо я сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны. Нѣтъ человека, котораго онъ болѣе мнѣ хвалилъ, и, повидимому мнѣ, болѣе любилъ и въ прежнее время и нынѣ съ самаго пріѣзда твоего — какъ тебя; а если онъ свои пороки имѣеть, то не тебѣ и не мнѣ ихъ разцѣнить и расславить (онъ тебя любилъ, а мнѣ они друзья и я съ ними не расстанусь). Вотъ тебѣ правдоученье: уменъ будешь — примешь; не умно будетъ противорѣчить сему, для того, что сущая правда.

„Чтобъ мнѣ смыслъ имѣть, когда ты со мною, надобно чтобъ я глаза закрыла; а то подлинно сказать могу то, что взоръ мой тобою плѣвненъ; экспресія, которую я почитала за глувую, не събыточную и не нормальную, а теперь вижу, что это быть можетъ: глупше мои глаза уставятся на тебя смотрѣть; разсужденія ни на копейку въ умъ не лезетъ, а одурѣю Богъ-вѣсть какъ. Мнѣ трудно и надобно дня съ три (если возможность будетъ), съ тобою не ви-

дѣться, чтобъ умъ мой установился и я-бъ память нашла, а то мною скоро скучать станешь и нельзя иначе быть. Я на себя сегодня очень-очень сердита и бранилась сама съ собою и всячески старалась быть умнѣе; авось-либо силы и твердости какъ-нибудь да достану; перейму у васъ — самый лучший примѣръ передъ собою имѣю: вы тверды и непоколебимы въ своихъ принятыхъ намѣреніяхъ, чему доказательствомъ служить и то, сколько лѣтъ (вы говорите), что старались около насъ, но я сіе не примѣтила, а мнѣ сказывали другіе. Прощай миленькой; всего дня съ три осталось для нашего свиданія, а тамъ первая недѣля поста—дни покаянія и молитвы, въ которыхъ васъ видѣть никакъ нельзя будетъ ибо всячески дурно: мнѣ же говѣть должно.

„Уфъ! я вздумать не могу и чутъ что не плачу отъ мыслей сихъ однѣхъ. Adieu, monsieur, напиши, пожалуйста, каковъ ты сегодня: изволилъ-ли опочивать, хорошо или нѣтъ и лихорадка продолжается-ли и сильна-ли? П* тебѣ скажетъ: „изволь, сударь, отвѣдать хину, хину, хину!“ Куда какъ бы намъ съ тобою бы весело было вмѣстѣ сидѣть и разговаривать, еслибъ другъ друга меньше любили: умнѣе бы были, веселѣе; вѣдь и я весела, когда умъ, а напротивъ сердце свободно; вѣдь не повѣришь, радость, какъ нужно для разговора, чтобъ менѣ дѣйствовала любовь.

„Пожалуй, напиши, смѣялся-ли ты, читая сіе письмо, ибо я такъ и покатила со смѣху, какъ, по написаніи прочла, какой вздоръ намарала: самая горячка съ бредомъ; да пусть поѣдетъ, авось-либо и ты позабавишься“.

Несмотря на обиліе красавцевъ при дворѣ Еватерины II, Потемкинъ оставялъ ихъ всѣхъ далеко за собою; соперничать съ нимъ было трудно и на это отваживались немногіе. Съ іюня 1777 года до мая 1778 г. при дворѣ возбудилъ нѣкоторое вниманіе адъютантъ Потемкина—Семень Гавриловичъ Зоричъ.¹⁾ Происхожденіемъ сербъ,²⁾ онъ съ отличіемъ служилъ въ нашихъ войскахъ въ первую турецкую кампанію (1768.—1774) и обратилъ на себя вниманіе Потемкина. Красавецъ собою, Зоричъ отличался добро-

¹⁾ Семень Гавриловичъ Зоричъ умеръ въ среднихъ лѣтахъ въ 1799 г. См. «Русская Старина», томъ IV, 118—120; VIII, 730.

²⁾ Такъ говоритъ Массонъ: Mémoires secrets sur le Russie, I, p. 154), называя Зорича «сербомъ бѣжавшимъ съ каторги изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ въ плѣну». Гельбингъ (Russische Günstlinge, s. 414) говоритъ, будто онъ былъ сыномъ майора и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ.

душіемъ, былъ острый, пріятный собесѣдникъ; покровительствуя ему, Потемкинъ видѣлъ въ Зоричѣ представителя того единовѣрнаго намъ народа, присоединеніе котораго къ русской державѣ было тогда завѣтною мечтою свѣтлѣйшаго князя. Милостиво принятый при дворѣ (немедленно по удаленіи Завадовскаго), Зоричъ былъ възскаанъ необычайными щедротами императрицы, пожаловавшей его въ флигель-адъютанты. Вотъ, что по этому случаю рассказываетъ Гельбигъ (*Russische Günstlinge*, s. s. 415—416 г.).

«На него посыпались почести, награды, богатства... въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ онъ получилъ чистыми деньгами болѣе пяти-сотъ тысячъ рублей; изъ нихъ двадцать тысячъ на первое обзаведеніе; восемьдесятъ тысячъ на устройство помѣстьевъ; двѣсти сорокъ тысячъ на уплату долговъ и на жалованье. Кромѣ того, даны ему полторы тысячи душъ вѣрстанъ; на сто двадцать тысячъ куплено помѣстьевъ въ Лифляндіи у гр. Бутурлина. А какъ и это все еще казалось недостаточнымъ, то императрица изъ собственной кассы прибавила еще доходы съ тѣхъ имѣній за послѣднія десять лѣтъ. Потомъ ему дали командорство мальтійскаго ордена въ Польшѣ, приносившее десять тысячъ годового дохода и, наконецъ, подарили значительный городокъ въ Польшѣ, купленный у кн. Адама Чарторижскаго, за четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей. Его брилліанты стоили двѣсти тысячъ слишкомъ. Въ день коронаціи 1777 года онъ получилъ цѣлый брилліантовый приборъ: звѣзду и орденскій знакъ Меча, аксельбантъ, саблю (такъ какъ онъ постоянно носилъ гусарскій мундиръ), султанъ на шапку, перетень, запонку и пряжки къ башмакамъ. И гордости его было польщено: помимо бригадирскаго чина онъ былъ пожалованъ въ генерал-маіоры и генерал-адъютанты къ императрицѣ. Изъ русскихъ орденовъ онъ имѣлъ тогда только военный орденъ 4-й степени, заслуженный храбростью; у него были и иностранные ордена. Въ августѣ 1777 года мальтійскій гротмейстеръ прислалъ Екатеринѣ въ ея распоряженіе два креста. Изъ нихъ одинъ она дала Рибасу, ¹⁾ а другой — Зоричу. Бывшій тогда въ Петербургѣ шведскій король пожаловалъ ему, какъ военному, орденъ Меча и выслалъ изъ Гельсингфорса боль-

¹⁾ Осипъ Михайловичъ Рибасъ († 1800 г.). См. «Русская Старина», томъ V. 38, 241, 467; VIII, 368; X, 774.

пую желтую ленту. Наконецъ, выписали ему изъ Варшавы еще орденъ Бѣлаго Оrlа.

Всѣ эти щедроты пробудили въ Зоричѣ чувства тщеславія и онъ дозволилъ себѣ дичиться передъ Потемкинымъ. Это побудило князя положить предѣлъ повышеніямъ Зорича. Опала рушилась на него въ маѣ 1778 года. Дворъ находился тогда въ Царскомъ Селѣ. Замѣтивъ неблагорасположеніе къ себѣ государыни и зная, что причиною тому Потемкинъ, Зоричъ наговорилъ ему дерзостей, даже вызвалъ на поединокъ. Однако же, не принимая вызова, Потемкинъ уничтожилъ противника: Зоричъ былъ удаленъ изъ Петербурга и до воцаренія императора Павла I не показывался при дворѣ.

Въ концѣ мая 1778 года, изъ отпуска своего въ Малороссію возвратился Завадовскій и занялъ при императрицѣ прежнюю должность статс-секретаря. На этотъ разъ онъ уже не отваживался вступать въ борьбу съ Потемкинымъ, который, въ свою очередь, не вредилъ Завадовскому на служебномъ поприщѣ.

Государственная дѣятельность Потемкина въ 1778 году была ознаменована основаніемъ при устьѣ Днѣпра, города Херсона, съ корабельною верфью, весьма счастливыми дѣйствіями относительно Крыма и проч.

Въ маѣ 1780 года Потемкинъ прибылъ въ Кременчугъ, откуда отправился въ быстро возрастающій Херсонъ; дѣятельно занимался заселеніемъ Новороссіи; изъ огромной по пространству и населенію губерніи Астраханской образовалъ двѣ: Астраханскую и Саратовскую; положилъ основаніе Моздокской (Кавказской) линіи. Склонилъ на нашу сторону императора Іосифа II въ бытность его въ томъ году въ Россіи; отвергнулъ выгодныя для него лично предложенія Англій, пытавшейся отвлечь русскій дворъ отъ вооруженнаго нейтралитета. По части военнаго хозяйства и обмундированія войскъ обдумалъ и частію привелъ въ исполненіе преобразование формы (сперва въ кавалерійскихъ, потомъ въ пѣхотныхъ полкахъ) имѣвшее цѣлью облегченіе и удобства солдата, особенно въ военное время.

Отдавая справедливость трудамъ Потемкина, Екатерина II, въ сентябрѣ 1782 г. возложила на него недавно учрежденный орденъ св. Владиміра 1-й ст. Полный титулъ Потемкина былъ тогда слѣдующій: «свѣтлѣйшій римской имперіи князь, генерал-аншефъ, се-

наторъ, государственной военной коллегіи вице-президентъ, новороссійскій, азовскій, астраханскій и саратовскій генерал-губернаторъ и государевъ намѣстникъ; войскъ, тамъ поселенныхъ, днѣпровской (перекопской) и новозаведенной моздокской (кавказской) линій главный командиръ; генералъ, командующій легвою конницею, войскомъ донскимъ и всѣми иррегулярными войсками; ея императорскаго величества генерал-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, кавалергадскаго корпуса поручикъ, лейб-гвардіи Преображенскаго полка подполковникъ, Новотроицкаго кирасирскаго полка шефъ, надъ войсками генерал-инспекторъ, мастерской оружейной палаты верховный начальникъ и орденовъ: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія 2-го класса и св. Владиміра 1-й степени; королевско-прусскаго: Чернаго Орла, польскихъ: Бѣлаго Орла и св. Станислава, шведскаго: Серафима, датскаго Слона и голштинскаго св. Анны—кавалеръ».

Волненія и неурядицы въ Крыму, возникшія въ іюлѣ 1782 г., обратили снова вниманіе Россіи на этотъ полуостровъ: Шагин-Гирей, уstraшенный мятежемъ, бѣжалъ въ Керчь; турки, вопреки условію, заняли Тамань и угрожали переправою въ Крымъ. Потемкинъ немедленно распорядился, поручивъ генерал-поручику П. С. Потемкину, отгнать турокъ за Кубань, А. С. Суворову — усмирить волновавшихся нагайскихъ и буджатскихъ татаръ, а генерал-поручику гр. де-Бальменъ, занимавшему съ войсками сѣверную часть полуострова, войти въ его предѣлы и водворить спокойствіе. Весною 1783 года начальникъ вице-адмиралъ Клокачевъ, по повелѣнію Потемкина, оставя нѣсколько судовъ въ Керчи, пошелъ на Ахтиарскую гавань (Севастополь), гдѣ Бальменъ возвелъ укрѣпленія. Самъ князь велъ съ Шагин-Гиреемъ переговоры, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе его племянникъ, генерал-маіоръ А. Н. Самойловъ. Послѣдній убѣдилъ хана изъ Керчи переправиться въ крѣпость Петровскую, куда онъ и отправился со своими драгоценностями. Присоединеніе Крыма къ русской державѣ совершилось. Именно въ этой рѣшительной минутѣ относится слѣдующее письмо Потемкина къ императрицѣ:

1-е іюня (1783). Херсонъ.

„Матушка государыня! Ханъ свой обозъ на Петровскую крѣпость отправлять уже началъ, послѣ чего и самъ въ Херсонъ будетъ скоро. Резонъ, что я манифестовъ при немъ не публикую есть тотъ, что татара сами отзываются, что при ханѣ, они желанія быть въ подданствѣ российскомъ объявить не могутъ, потому что только тогда повѣрять низложенію ханства, когда онъ выѣдетъ. Самовольное же ихъ покореніе тѣмъ полезнѣе дѣламъ вашимъ, что нельзя уже никому будетъ грозить и тѣмъ, что ихъ къ подданству принудили; я не упускаю ничего къ приуготовленію умовъ.

„Въ Очаковѣ починка крѣпости начинается; войско прибываетъ по малу; я теперь началъ Кинбурнъ приводить въ оборонительное состояніе, которой положеніемъ своимъ не подрученъ быть поддерживаемъ отъ какого-либо корпуса, и такъ надлежитъ его поставить на долгую оборону.

„Адмиралтейство здѣшнее ни копѣйки денегъ не имѣетъ, такъ что и рабочимъ платить нечѣмъ, кромѣ тѣхъ, что на плотниковъ отпускаются. Комисію я учредилъ, чтобы изслѣдовать расходы, но сего скоро сдѣлать не можно, а при томъ и барыша мало будетъ; найдутся только дорогія цѣны, а не деньги. Чтобы не остановить работъ, которыя такъ горячо пошли, благоволите поддержать; что касается до городскихъ строеній, сіи достаточно своими деньгами исправятся.

„Предъ симъ представилъ я о доставленіи слѣдуемаго числа людей въ адмиралтейство; сдѣлайте, матушка, милость, прикажите ихъ командировать, они бы замѣнили въ работѣ армейскіе полки, которымъ теперь нѣту способа уже людей удѣлать на работы; сверхъ содержанія разныхъ постовъ, ими я производить буду строеніе въ Кинбурнѣ и на глубокой пристани. Осадная артилерія почти уже вся доставлена въ Херсонъ; огромное число и такъ большихъ орудій я не замедлил скоро доставить, не требуя на сіе новой суммы, а изворотился старомъ и экстраординарной экономіею; число орудій почти въ пять разъ больше того, что было подъ Бендерами.

„Повторяя мою просьбу о снабженіи адмиралтейства Херсонскаго деньгами и людьми, доношу, что первой корабль спустится „Слава Екатерины“; позвольте мнѣ дать сіе наименованіе, которое я беру съ оправданіемъ и въ случаѣ дѣйствительномъ. Цѣлую ручки ваши, вѣрнѣйшій рабъ, князь Потемкинъ“.¹⁾

(Сбоку страницы): „Александрѣ Дмитріевичу кланяюсь“.

¹⁾ Подлинникъ писанъ на переплетномъ пополамъ полулистѣ сѣровой бумаги, списаны кругомъ всѣ четыре

Вмѣстѣ съ Крымомъ покорились Тамань и вся Кубанская страна. Неудовольствія Турціи были улажены стараніями нашего чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра при Портѣ Оттоманской, Якова Ивановича Булгакова¹⁾ Отклонивъ Диванъ отъ войны, онъ заключилъ съ нимъ, 20-го іюня 1783 года, весьма выгодный для Россіи торговый трактатъ, а 28-го декабря актъ, которымъ Цорта уступала Россіи Кубань, и отказывалась отъ всякихъ притязаній на Крымъ. Отдавая Булгакову должную справедливость, Потемкинъ писалъ къ нему:

.Вы приписываете это мнѣ и тѣмъ увеличиваются еще болѣе заслуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами турки: ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были побѣждены, но русская кровь также бы потекла*.

Достопамятный въ жизни Потемкина 1783 годъ былъ ознаменованъ кончиною двухъ знаменитыхъ сподвижниковъ Екатерины: 31-го марта 1783 г. скончался графъ Никита Ивановичъ Панинъ; а въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля не стало князя Григорія Григорьевича Орлова. По поводу его кончины считаемъ не лишнимъ снять съ памяти Потемкина упрекъ напрасный и незаслуженный.

Князь Григорій Орловъ скончался въ помѣшательствѣ, признаки котораго проявлялись въ немъ еще лѣтъ за десять до смерти, о чемъ свидѣлствуютъ многіе современники. Иностранныя историки, особенно изобрѣтательные на вымыслы, когда видятъ надобность запятнать какого-либо русскаго дѣятеля, приписали помѣшательство и смерть Орлова отравѣ; убійцею назвали Потемкина. Такъ Массонъ, авторъ «Секретныхъ записокъ о Россіи» (*Mémoires secrets sur le Russie. Londres 1802. Tome I, p. 147*), говорить:

— «Гордый, могущественный, блестящій Орловъ умеръ въ ужасномъ помѣшательствѣ, пачкая себѣ лицо изверженьями, которыми онъ питался, подобно Іезекілю. Многіе утверждаютъ, будто Потемкинъ отравилъ его травою, пьющею свойство сводить съ ума и называемою у русскіхъ «пьяная трава».²⁾

¹⁾ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1743 † 1809). См. «Русская Старина», томъ IV, 690; V, 767—768; VIII, 867.

²⁾ Тотъ же Массонъ говоря о смерти Ланскаго, замѣчаетъ: «Потемкинъ его боялся и говорить отравилъ». (*Mémoires, I, p. 156*).

Гельбигъ (Die Russische Günstlinge, s. s. 278—280) также говоритъ объ отравѣ, рассказывая о послѣднихъ дняхъ князя Орлова, и впадаетъ въ грубые анахронизмы:

— «Послѣ смерти жены, Орловъ, въ 1782 году, возвратился въ Петербургъ. Здѣсь на прежней сценѣ своего могущества онъ пришелъ снова въ тревожное состояніе.

«Своими рѣзкими и необдуманнми рѣчами онъ увеличилъ число своихъ враговъ. Вполнѣ достовѣрно (!), что эти люди дали ему медленнаго яду, переносимаго, по возможности, его крѣпкою натурою, но дѣйствіе котораго замѣчалось въ нѣкоторомъ потрясеніи мозга. Впрочемъ, эта душевная тревога смѣнилась спокойствіемъ, иногда продолжительнымъ. Вопреки прежнимъ привычкамъ, Орловъ сталъ одѣваться по старинному боярскому обычаю, хотя и съ соблюденіемъ роскоши. Какъ ни дѣльно было многое, что онъ говорилъ, но вредила этому излишняя смѣлость. Враги его, втайнѣ радуясь этому странному, но и опасному для него поведенію, наружно соболѣзновали печальнымъ для него послѣдствіямъ потери супруги, и не пропускали случая благонамѣренно намекать императрицѣ о несообразности мнѣній ея бывшаго любимца. Однако Екатерина ограничилась тѣмъ, что дала ему почувствовать его паденіе. Орловъ не на столько былъ помѣшанъ, чтобы не понять, что его вліяніе съ каждымъ днемъ слабѣетъ; но за то сознаніе это еще болѣе приводило умъ его въ расстройство. Онъ уже не одинъ разъ рѣзко обращался къ императрицѣ; теперь же дѣлалъ это при постороннихъ, въ лицѣ всего двора. Такъ замѣтилъ онъ ей, по случаю опалы графа Панина, прежде ему ненавистнаго, а нынѣ, къ которому относился онъ равнодушно—что она, окруженная негодными людьми, хорошо сдѣлала, удаливъ отъ себя единственнаго честнаго человѣка. Всему двору Орловъ объявилъ, что хотя ему и недолго остается жить, но онъ желалъ бы дожидаться возвращенія великаго князя изъ путешествія.

«Понятно, что враги не дали ему дотянуть даже до этого близкаго срока. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены Орловъ заболѣлъ. Въ минуты помѣшательства онъ представлялъ двору ужасное зрѣлище. Ему мерещилась кровавая тѣнь . . . . ., жалобно вопіящая о наказаніи убійцы на страшномъ судилищѣ. Недолго еще боролась крѣпкая натура Орлова со смертью, но наконецъ и она изнемогла. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1783 года, въ страшномъ отчаяніи».

Росказаньямъ иноземцевъ противопоставимъ цифры и факты. Орловъ пріѣхалъ въ Петербургъ 25-го октября 1782 г., уже въ ослабленіи умственныхъ способностей; въ ноябрѣ доктора объявили, что нѣтъ никакой надежды на его излеченіе. Вскорѣ послѣ того онъ отвезенъ былъ братьями въ Москву и до самой кончины жилъ въ Нескучномъ.

Какъ Потемкину, такъ и другимъ врагамъ Орлова не было ни цѣли, ни расчета убивать несчастнаго безумца, еще лѣтъ за шесть до кончины утратившаго при дворѣ всю силу и значеніе.

V.

2-го февраля 1784 года Потемкинъ былъ пожалованъ въ генерал-фельдмаршала, кромѣ того, онъ былъ назначенъ: генерал-губернаторомъ Крыма (наименованнаго Таврическою областью), президентомъ военной коллегіи¹⁾ и шефомъ кавалергардскаго корпуса. Какъ президентъ военной коллегіи, онъ обратилъ особенное вниманіе на усиленіе защиты Оренбургскаго края, и съ этою цѣлю были сформированы шесть полевыхъ баталіоновъ и одинъ драгунскій полкъ. Въ составѣ войскъ послѣдовали большія, существенныя перемѣны. Въ 1784 и 1785 годахъ Потемкинъ увеличилъ число гренадерскихъ полковъ, до десяти, въ составѣ каждый изъ четырехъ баталіоновъ; прибавилъ два новыя мушкетерскіе полка; вмѣсто прежнихъ егерскихъ баталіоновъ, учредилъ семь четырехъбаталіонныхъ егерскихъ корпусовъ и сдѣлалъ еще другія перемѣны, значительно умножившія число регулярныхъ войскъ. Въ первой половинѣ 1786 года армейская пѣхота и кавалерія простирались до 260,000 человекъ въ составѣ 5-ти полковъ кирасирскихъ, 19-ти карабинерныхъ, 10-ти драгунскихъ, 16-ти легкоконныхъ, 10-ти гренадерскихъ, 59-ти мушкетерскихъ, 7 корпусовъ и 2-хъ баталіоновъ егерскихъ и 14-ти баталіоновъ полевыхъ мушкетерскихъ. Изъ карабинерныхъ полковъ — десять, а изъ кирасирскихъ — одинъ составляли конницу малороссійскую; а изъ легкоконныхъ: девять — екатеринославскую и семь — украинскую, сообразно тому, какихъ губерній людьми эти конницы комплектовались. Для всѣхъ этихъ войскъ, 10-го апрѣля 1786 г., были утверждены новыя штаты и табели.

Входя во всѣ подробности военнаго хозяйства и заботясь объ улучшеніи быта солдатъ, Потемкинъ ввелъ нѣкоторыя ограниченія во власти субалтерн-офицеровъ для прекращенія жестокости ихъ обхожденія съ нижними чинами; подвелъ подъ вѣдѣніе высшаго начальства провѣрку солдатскихъ артелей, то есть складокъ изъ ихъ жалованья и наградныхъ денегъ. Въ обмундировкѣ войскъ, при соблюденіи однообразія формы, всѣ преобразования, предпри-

¹⁾ На мѣсто графа Захара Григорьевича Чернышева (род. 1722) тогда при смерти больного и скончавшагося 29-го августа 1784 года.

²⁾ Шефомъ кавалергардскаго полка, до Потемкина, былъ князь Григорій Орловъ.

нятыя Потемкинымъ, клонились къ доставленію солдатамъ возможныхъ удобствъ. Съ этою цѣлію фельдмаршаломъ былъ составленъ проектъ, высочайше одобренный. Проектъ заключался въ отмѣнѣ у нижнихъ чиновъ пудры, бублей и косъ; въ замѣнѣ длинныхъ кафтановъ куртками, узкихъ панталонъ и штиблетъ — просторными шароварами; треугольныхъ шляпъ — поярковыми касками, съ султанами изъ конскаго волоса, и двумя суконными лопастями на задней части головного убора, которые въ зимнее время могли замѣнять башлыкъ, защищая отъ холода уши и щеки солдатъ. «Я употребилъ всю мою возможность къ избѣжанію излишества» — писалъ Потемкинъ по этому поводу къ императрицѣ — и облача человѣка, далъ однако же ему все, что можетъ служить къ сохраненію здоровья и къ защитѣ отъ непогоды. Представляя сіе на высочайшую апробацію, могу увѣрить В. И. В., и самое время покажетъ, что таковое ваше попеченіе будетъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ материнскаго вашего милосердія. Армія российская, извлеченная изъ мѣки, не перестанетъ возносить молитвы. Солдатъ будетъ здоровѣе и, лишаясь щегольскихъ оковъ, конечно, поворотливѣе и храбрѣе». Много здравыхъ сужденій, опережающихъ вѣкъ и идущихъ въ разрѣзъ тогдашнимъ понятіямъ о требованіяхъ солдатской службы, высказываетъ Потемкинъ въ своемъ проектѣ.¹⁾

Высочайше одобренное (4-го апрѣля 1783 года) распоряженіе Потемкина объ одеждѣ и вооруженіи войскъ, въ теченіе семи лѣтъ осуществляемое, безъ сомнѣнія, имѣло благотворное вліяніе какъ на бытъ нижнихъ чиновъ, такъ и на военное хозяйство, сберегая время, деньги и силы. Если бы идея Потемкина была поддерживаема и въ послѣдующія царствованія, то въ русскихъ войскахъ могла бы выработаться собственная, своеобразная обмундировка, соотвѣтственная привычкамъ народнымъ и требованіямъ климата. Къ сожалѣнію, преемникъ Екатерины II, отмѣняя, передѣлывая почти всѣ учрежденія ея царствованія, въ особенности по военной части, опять преобразовалъ обмундировку по прусскому образцу и, вслѣдствіе этого, на полвѣка отдалилъ облегченіе тѣхъ тягостей военного быта, которыя только нынѣ.

¹⁾ Этотъ весьма интересный документъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 723—726.

въ наше время, при благотворныхъ, всестороннихъ преобразованіяхъ по военному вѣдомству, перешли въ область преданій. Во всякомъ случаѣ за Потемкинымъ, въ глазахъ потомства, та неотъемлемая заслуга, что онъ первый, послѣ Петра Великаго, отважился на великое дѣло—преобразование русской арміи.

Имя Потемкина займетъ почетное мѣсто въ исторіи нашего Черноморскаго флота. Въ 1784—1786 годахъ въ Херсонѣ была устроена новая верфь; Севастополь избранъ главнымъ портомъ; мелкія суда строились на элингахъ при устьи Софіи. Рабочихъ выписывали изъ внутреннихъ губерній; корабельный лѣсъ пригоняли изъ Польши, Бѣлоруссіи и Воронежа; желѣзо заготовляли на сибирскихъ заводахъ и препровождали чрезъ Таганрогъ въ Севастополь и въ Херсонъ. Лѣтомъ 1783 года, въ послѣдній изъ этихъ городовъ, явились морскія команды и нашли спущенными на воду 74-хъ пушечный корабль «Слава Екатерины» и 50-ти пушечный фрегатъ «Св. Георгій», которые были отведены въ Севастополь. Къ 1784 году небольшая эскадра, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Войновича,¹⁾ уже крейсеровала у береговъ Крыма, а въ 1785 году (13-го августа) состоялся штатъ черноморскаго адмиралтейства и флота, которыхъ непосредственнымъ начальникомъ былъ назначенъ Потемкинъ, съ званіемъ главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ.

Не мало было сдѣлано Потемкинымъ для Новороссійскаго края.

Главнымъ предметомъ заботливости князя была Екатеринославская губернія, 30-го марта 1783 года переименованная въ намѣстничество и имѣвшая главнымъ городомъ Кременчугъ. 10-го февраля 1784 года, по предложенію Потемкина, послѣдовало повелѣніе объ упраздненіи прежнихъ крѣпостей украинской и днѣпровской линій²⁾ и о замѣнѣ ихъ пятнадцатью новыми. Всѣ имъ же указаные пункты были приведены въ оборонительное положеніе. По его ходатайству послѣдовали многіе указы, клонившіеся къ прямому благосостоянію Новороссійскаго края. 10-го іюня 1784 г. повелѣно было употребить всевозможное стараніе къ разведенію лѣсовъ въ степяхъ екатеринославскихъ и таврическихъ. Князь выписывалъ изъ чужихъ краевъ опытныхъ садоводовъ для насажденіи

¹⁾ Умеръ въ 1808 г. См. о немъ «Рус. Стар.» изд. 1872 г. томъ V, стр. 144.

²⁾ Таганрогъ, крѣпость св. Елисаветы, Переволочна, Бахмутъ, Торъ, Изюмъ, крѣпость св. Дмитрія.

шелководичныхъ садовъ, виноградниковъ и законтраговывавъ мастеровъ по части шелководства и винодѣлія. 4-го сентября послѣдовала именной указъ объ учрежденіи въ Екатеринбургскомъ на мѣстничествѣ университета. Потемкинъ самъ назначилъ нѣкоторыхъ профессоровъ и независимо отъ суммы, опредѣленной правительствомъ, пожертвовалъ на его содержаніе часть собственныхъ доходовъ. Война 1787 г. помѣшала исполненію этого великаго дѣла. 13-го октября 1786 года императрицею былъ утвержденъ планъ новому губернскому городу на мѣстничества, названному, по прошенію Потемкина Екатеринбургемъ. Народонаселеніе Новороссійскаго края возрастало съ каждымъ годомъ и къ 1787 г. умножилось 150,000 душъ переселенцевъ обоего пола разныхъ націй и вѣроисповѣданій.

Таврическая область (Крымъ), раздѣленная на семь уѣздовъ, одновременно съ Новороссійскимъ краемъ, была предметомъ заботливости Потемкина. Жителямъ была предоставлена совершенная свобода вѣроисповѣданія; каймаканы, кадін и муфтіи оставлены при тѣхъ же должностяхъ, которыя занимали во время хановъ; князьямъ и мурзамъ пожалованы были дворянскія права; кромѣ того, жителямъ дозволено было составить «національное таврическое войско» и т. д.

Въ Петербургѣ Потемкинъ бывалъ наѣздами и на короткіе сроки. Труды его дали поводъ завистникамъ къ наговорамъ и клеветамъ, основою для которыхъ служила догадка; будто на Тавриду и на Новороссійскій край Потемкинъ смотритъ какъ на свою собственность, далеко простирая властолюбивые замыслы. Подъ осень 1786 года, обиженный холодностью государыни, Потемкинъ недѣли на двѣ удалился отъ двора въ Нарву, подъ предлогомъ болѣзни. Его недоброжелатели торжествовали, воображая опалу, однако князь явился въ царскосельскомъ дворцѣ въ прежнемъ блескѣ величія, и благосклонный приемъ, оказанный ему императрицею, былъ живѣйшимъ опроверженіемъ происковъ, сплетенныхъ противъ Потемкина его врагами. Въ это же время при дворѣ началось быстрое повышеніе графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова.¹⁾ Это ничтожество не могло быть

¹⁾ Гр. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19-го сентября 1758 † 29-го сентября 1803 г.). См. «Рус. Стар.» 1871 г. томъ III, 678, 687; томъ IV, 386, 396. 1872 г. томъ V, 253—254, 461—462; томъ VI, 415. 1874 г. томъ X, 35.

опасно Потемкину; къ тому же, Мамоновъ, выведенный въ люди княземъ, самъ заискивалъ благосклонности могучаго любимца. Доказательствомъ могъ служить тотъ золотой чайникъ съ надписью: plus unis par le coeur que par le sang (соединены болѣе сердцемъ, нежели узами крови), о которомъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ (20-го іюля 1786 года). Въ исходѣ 1786 года борьба съ Потемкинымъ была непосильна не только Дмитріеву-Мамонову, но и кому-либо другому, болѣе обширнаго ума и способностей.

Намѣреніе императрицы посѣтить въ слѣдующемъ 1787 году Еваторинославское намѣстничество и Таврическую область сдѣлалось формально извѣстнымъ, и Потемкинъ изъ Петербурга поспѣшилъ въ Кременчугъ, для распоряженій къ встрѣчѣ императрицы, намѣревавшейся обзрѣть, по ея шутивому выраженію, «свое маленькое хозяйство». Къ пріѣзду державной хозяйки строились временные дворцы, пролагались удобнѣйшія дороги, сооружались триумфальныя ворота, воздвигались цѣлыя города. какъ на примѣръ Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона: въ октябрѣ 1786 года его еще не существовало, а въ апрѣлѣ 1787 года городокъ былъ отстроенъ и заселенъ малороссіянами и запорожцами. Проложеніе дороги отъ Кизекермена къ Перекопу Потемкинъ поручилъ полковнику Корсакову, желая ее: «сдѣлать богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ. Я назову ее Еватерининскій путь»—писалъ князь инженеру. Генерал-маіору Синельникову поручено было озаботиться приданіемъ Кременчугу вида города столичнаго; архіепископу Амвросію екатеринославскому и таврическому Потемкинъ собственноручно написалъ тему, на которую преосвященный долженъ былъ сказать привѣтственное слово; наконецъ неутомимый князь успѣвалъ удѣлять время къ слушанію торжественной ораторіи, приготовленной къ пріѣзду Еватерины итальянскимъ капельмейстеромъ Сартти¹⁾.

Сопровождаемая огромною, блестящею свитою, императрица выѣхала изъ Петербурга (вѣрнѣе изъ царскосельскаго дворца) 7-го января 1787 года; 29-го того же мѣсяца прибыла въ Кіевъ.

¹⁾ Джіованни Сартти, даровитый композиторъ, (род. 1730 † 1802 г.). Врагичивый, низкопоклонный, пользовался покровительствомъ князя Таврическаго, а интригами своими противъ М. С. Березовскаго, довелъ его до самоубійства.

откуда 22-го апрѣля слѣдовала на галерахъ по Днѣпру въ Ковневу. Здѣсь 25-го апрѣля произошло свиданіе короля польскаго съ Екатериной; 30-го числа она приѣхала въ Кременчугъ. Потемкинъ сопровождалъ государыню отъ Кіева. Весь путь до Кременчуга состоялъ изъ непрерывнаго ряда пріятныхъ и разнообразныхъ зрѣлищъ: виды красивыхъ заселенныхъ городовъ смѣнялись маневрами пѣхоты и конницы. Трехдневное пребываніе въ Кременчугѣ произвело на императрицу отрадное впечатлѣніе. 7-го мая, близъ мѣстечка Новые Кайдаки, государынѣ представился императоръ австрійскій Іосифъ II, прибывшій никогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Онъ сопровождалъ Екатерину въ Херсонъ, куда она прибыла 12-го мая—и оставалась здѣсь пять дней. Городъ, на мѣстѣ котораго еще шесть лѣтъ тому назадъ была неплодная степь, обратилъ на себя вниманіе государыни. Въ письмѣ своемъ къ Еропкину она сравнила шестилѣтнее устройство Петербурга съ Херсономъ. «Укрѣпленіе города и зданіе похвалены—говоритъ Храповицкій въ своихъ запискахъ (13-го мая 1787 г.)—въ расторопности и успѣхахъ должно отдать справедливость князю Г. А. Потемкину». 15-го числа, въ присутствіи Екатерины, спущены были на воду два линейные корабля: «Владиміръ», «Іосифъ II» и фрегатъ «Александръ» причемъ императрица пожаловала Потемкину кейзер-флагъ по его званію главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ. Изъ Херсона государыня отбыла чрезъ Перекопъ въ Крымъ. «Пріобрѣтеніе сіе важно,—отозвалась она о полуостровѣ,—предъ дорого заплатили бы за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, Петромъ I выбритыхъ. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои черезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ.¹⁾ Гр. Фалькенштейнъ видитъ «другими глазами». ²⁾ 22-го мая, прибывъ изъ Бахчисарая въ Инкерманъ, императрица видѣла изъ оконъ дворца весь черноморскій флотъ, стоявшій въ севастопольскомъ рейдѣ, въ числѣ пятнадцати линейныхъ кораблей, фрегатовъ и одного бомбардирскаго судна. Во время обѣда, по приказанію Потемкина на пер-

¹⁾ Очевидно, что графъ Мамоновъ, завидуя слазѣ бывшаго своего начальника, позволялъ себѣ въ разговорахъ съ императрицею уменьшать заслуги Потемкина.

²⁾ Записки Храповицкаго 21-го мая 1787 г., стр. 36.

воспущенномъ въ Херсонѣ корабль «Слава Екатерины», былъ поднятъ кейзер-флагъ, которому со всего флота салютовали тридцатью однимъ выстрѣломъ, а по окончаніи обѣда, императрица сопровождаемая Іосифомъ II и всею свитою на шлюпкахъ, отправилась въ севастопольскій рейдъ для ближайшаго осмотра флота. Неумолимое ура сливалось съ грохотомъ пушекъ, разносилось по волнамъ Чернаго моря. Торжество Потемкина и всѣхъ его сотрудниковъ было совершенное. Осыпая князя заслуженными похвалами, готова ему щедрую награду, императрица, въ бытность свою въ Бахчисараѣ, на обратномъ пути въ Россію (28-го мая), написала слѣдующіе шутливые стихи къ завоевателю Крыма:

Князю Потемкину. ¹⁾

Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
 Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской;
 Противъ бесѣдки той построена мечеть,
 Куда всякъ день пять разъ имама народъ влечетъ;
 Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
 Какъ уши онъ затенувъ, взревѣлъ изъ всей мочи...
 О, Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
 Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
 А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бахчисараѣ
 Табачный дымъ и крикъ... Не здѣсь-ли мѣсто рая?
 Хвала тебѣ, мой другъ! Заявивши здѣшній край
 Ты бдѣннѣе своимъ все вѣще укрѣплай.

Ко времени пребыванія императрицы въ Крыму и торжественнаго смотра черноморскаго флота, относится слѣдующее письмо Потемкина, свидѣтельствующее о его заботливости къ преуспѣянію нашихъ морскихъ силъ, его стараніями возникшихъ на Черномъ морѣ. ²⁾

„Сколь нужны потребны для кораблей здѣсь строящихся офицеры и нижніе чины, Вы сами знать изволите; за употребленіемъ на фрегаты, здѣсь почти ничего не остается; положенное-же число на здѣшніе корабли людей много бы послѣствовало работѣ: а ежели будетъ воля ваша, чтобы сихъ отрядить, то приважите хорошихъ, а то что барышня, когда въ новое мѣсто нашьютъ дряни. Ежели бы приказали в. к. (великому князю), такъ какъ Г(генераль) адмиралу сей

¹⁾ «Р. А.» 1865 г., 622.

²⁾ Подлинникъ писанъ на перегнутомъ полулистѣ сѣровой полосчатой бумаги разгонистымъ почеркомъ, рукою Потемкина.

нарядъ здѣлать сказавши, что ваша воля есть, чтобъ люди были, какъ офицеры, такъ и прочіе — годные, то бы, конечно, разборъ былъ лутчей“.

„Я, матушка, прошу возрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не слѣдуешь по стезямъ другаго. Прикажете посѣщенья отправить. Цѣлую ручки ваши. Вѣрѣйшій рабъ твой князь Потемкинъ“ (помѣта внизу): „того жъ дня“.

7-го іюня императрица прибыла въ Полтаву, гдѣ на другой день произведены были маневры, изображавшіе битву 27-го іюня 1709 года. Войсками, состоявшими изъ легкоконныхъ полковъ, начальствовала князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій.¹⁾ О нихъ Екатерина отозвалась Еропкину, по прибытіи своемъ въ Москву: «я видѣла въ Полтавѣ легкоконные полки; лучше этихъ полковъ ничего видѣть нельзя!» Въ тотъ же день (8-го іюня 1787 года) Потемкину было пожаловано прозваніе Таврическаго.²⁾

11-го іюля 1787 г. императрица возвратилась въ Петербургъ. На пути, при остановкахъ для отдохновенія, Екатерина удѣляла время на заочную бесѣду съ княземъ Таврическимъ, письменно увѣдомляя его о состояніи своего здоровья и подробностяхъ обратнаго пути. 17-го іюля 1787 г. Потемкинъ писалъ къ ней изъ Кременчуга:³⁾

„Матушка государыня! Я получилъ ваше милостивое писаніе изъ Тфери. Сколь мнѣ чувствительны онаго изъясненія, то Богу извѣстно. Ты мнѣ паче родной матери, ибо попеченіе твое о благосостояніи моемъ есть движеніе, по избранію учиненное. Тутъ не слѣпой жребій. Сколко я тебѣ долженъ; сколь много ты здѣлала мнѣ отличностей; какъ далеко ты простерла свои милости на принадлежащихъ мнѣ; но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мнѣ причинить у тебя зла и всѣ коварства не могли имѣть успѣху. Вотъ что рѣдко въ свѣтѣ: непоколебимость такого (такой) степеня тебѣ одной предоставлена.“

¹⁾ Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій (род. 2-го ноября 1740, † 8-го ноября 1830 г.). См. о немъ «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 47; томъ IV, 400—401; 1872 г., томъ VI, 407; 1874 г., томъ X, 35.

²⁾ См. Русская Старина 1873 года, томъ VIII, стр. 855.

³⁾ Подлинникъ на полулистѣ сѣровой бумаги, на двухъ съ половиною страницахъ.

„Здѣшній край не забудетъ своего счастья. Онъ тебя зрѣть присно у себя, ибо почитаетъ себя твоею вотчиною и крѣпко надѣется на твою милость.

„Благодарю за Катеньку,¹⁾ которая хвалится чувствительно милостями, ей оказанными. Впрочемъ, у насъ все благополучно; я ѣду въ Елисаветъ(градъ) отъ здѣшнихъ несносныхъ жаровъ, тамъ мѣсто выше; однако-жь, благодаря Бога, болѣзней нѣтъ, а ежели кто и занеможетъ, выздоравливаетъ скоро. Прости моя благотворительница и мать, дай Боже мнѣ возможность доказать всему свѣту, сколько я тебѣ обязанъ будучи по смерти вѣрнѣйшій рабъ князь Потемкинъ-Таврическій“.

Кременчугъ, 17-го іюля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Екатерина Михайловна Азанчевская (1767 † 1-го ноября 1792 г.) дочь бѣднаго дворянина, по ходатайству Потемкина, пожалованная въ фрейлины. (См. «Русская Старина» 1871 г., томъ IV, стр. 396). Еще того вѣрнѣе можно предполагать, что Потемкинъ говоритъ о племянницѣ своей, графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ (1771 † 1829 г.). См. «Русская Старина», томъ II, 1870 г., стр. 476—477.

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИЛОВАЙСКІЙ,

атаманъ войска Донскаго

1821 — 1827.

Уроженецъ войска Донскаго, полковникъ генеральнаго штаба, Николай Ивановичъ Красновъ, доставилъ въ редакцію «Русской Старины» двѣ статьи о послѣдующихъ за Адрианомъ Карповичемъ Денисовымъ атаманахъ войска Донскаго — Алексѣѣ Васильевичѣ Иловайскомъ и Дмитріѣ Ефимовичѣ Кутейниковѣ. Печатаемая нынѣ первая изъ этихъ статей, редакція «Русской Старины» считаетъ долгомъ своимъ принести искреннюю благодарность почтенному автору биографическихъ очерковъ объ атаманахъ Иловайскомъ и Кутейниковѣ, служащихъ весьма интереснымъ матеріаломъ для обрисовки періода вліянія ген.-адъют. Чернышева на дѣла Донскаго края, съ 1819 года, по 1836 годъ — годъ увольненія отъ атаманства генерала Кутейникова. Статья о послѣднемъ будетъ напечатана въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины».

Ред.

По удаленіи съ должности Войсковаго атамана, ген.-лейт. Адриана Карповича Денисова, и по назначеніи, вмѣсто Денисова, наказнымъ атаманомъ ген.-маіора Алексѣя Васильевича Иловайскаго,¹⁾ ген.-адъют. Чернышевъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ исходатайствованнаго Денисовымъ „Комитета для составленія положенія объ устрой-

¹⁾ Высочайшій указъ правительствующему сенату, изъ Лайбаха, 27-го января 1821 г. Въ «Донской газетѣ» 1874—1875 гг., кстати замѣтимъ, одной изъ лучшихъ, въ числѣ провинціальныхъ нашихъ газетъ, помѣщенъ рядъ весьма интересныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ А. А. Карасевымъ о дѣятельности ген.-адъют. Чернышева на Дону и о столкновенияхъ съ нимъ Адриана Карповича Денисова. Въ числѣ этихъ документовъ помѣщены письма Денисова къ Александру I, къ гр. Аракчееву, злобный отвѣтъ гр. Аракчеева — доблестному атаману, донесенія Чернышева и проч. Всѣ эти историческія бумаги служатъ весьма интереснымъ дополненіемъ къ напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» «Запискамъ А. К. Денисова», а потому, при удобномъ случаѣ, мы представимъ изъ нихъ извлеченія.

Ред.

ствѣ войска Донскаго“; членами этого комитета состояли: уроженцы донскіе—ген.-маіоры: Кутейниковъ и Андріановъ и подполковникъ Шамшевъ, и отъ министерства юстиціи — д. с. с. Болгарскій; на мѣсто же назначеннаго наказнымъ атаманомъ.—Иловайскаго.—поступилъ членомъ комитета донской войсковой старшина Якимъ Васильевичъ Машлыкинъ. Атамана Денисова и бывшихъ двухъ членовъ упомянутаго комитета, ген.-лейт. Карпова и ген.-маіора Черевкова, повелѣно предать суду. Главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія Денисова было — учрежденіе имъ на Дону питейнаго откупа и замѣченное въ засѣданіяхъ комитета покровительство его этому откупу, а Карповъ и Черевковъ обвинялись какъ участники откупа. Вскорѣ, однако-жъ, Чернышевъ объявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе: „По докладу моему, государь императоръ изволилъ изъявить всемогущѣйшее дозволеніе — предстательствовать у Е. В. объ освобожденіи отъ суда атамана Денисова и нѣкоторыхъ изъ членовъ канцеляріи,¹⁾ неумышленно виновныхъ въ преступленіи по своимъ должностямъ, тогда какъ справедливый страхъ, внушенный настоящимъ негодованіемъ верховной власти, произведетъ желаемое впечатлѣніе“.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій избранъ былъ въ званіе атамана собственно по представленію ген.-адъют. Чернышева, „цѣннишаго его благородныя мысли на пользу войска“,—такъ писалъ Чернышевъ къ Иловайскому изъ Лайбаха, гдѣ онъ находился тогда при Александрѣ I, въ время происходившаго тамъ конгресса.

Относясь столь лестно объ Иловайскомъ, Чернышевъ однако-жъ не вполне довѣрялъ и ему: это видно изъ того, что онъ назначилъ д. с. с. Болгарскаго въ помощь Иловайскому, при приѣмѣ послѣднимъ дѣлъ отъ его предмѣстника, Денисова; причемъ, въ письмѣ къ Болгарскому, Чернышевъ совѣтуетъ ему „вести себя какъ можно осторожнѣе, не выказывая того, что Иловайскій поступаетъ къ нему (Болгарскому) какъ бы подъ опеку“. Въ этомъ же письмѣ къ Болгарскому Чернышевъ, между прочимъ, весьма хвалитъ приближенныхъ Иловайскаго, П. и III., о которыхъ впоследствии отзывался уже очень дурно. При этомъ Чернышевъ просилъ Болгарскаго „увѣдомить его о впечатлѣніи, произведенномъ смѣною атамана Денисова“. Вслѣдъ затѣмъ онъ увѣдомляетъ Болгарскаго, что „комитетъ объ устройствѣ войска донскаго“ переводится изъ Новочеркасска въ С.-Петербургъ.

Къ сожалѣнію, съ этого времени до самаго вступленія на престолъ императора Николая I, не находится въ архивѣ главнаго управ-

¹⁾ Нѣкоторые изъ членовъ Донской Войсковой Канцеляріи также обвинялись Чернышевымъ въ преступномъ покровительствѣ питейному откупу.

ленія нерегулярныхъ войскъ, изъ котораго мы извлекали предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія, никакихъ матеріаловъ; которые могли бы освѣтить этотъ четырехлѣтній пробѣлъ въ дѣйствіяхъ Чернышева по дѣламъ донскаго войска; только въ 1825 г., перель переѣздомъ Александра I въ Таганрогъ, встрѣчается въ дѣлахъ слѣдующее письмо Чернышева къ Иловайскому, который уже въ то время былъ войсковымъ атаманомъ.¹⁾

„Нынѣшнее высочайшее посѣщеніе ввѣреннаго вамъ края есть счастливѣйшій и благопріятнѣйшій случай для в. п. обратить вниманіе императора на благоразумную попечительность вашу, которая доселѣ отличала всѣ дѣйствія ваши по управленію донскимъ войскомъ. Какъ хозяинъ и какъ начальникъ, совершенно увѣренный въ чистотѣ дѣйствій своихъ, вы можете, съ полною откровенностью, докладывать справедливому монарху о томъ пламенномъ стремленіи къ добру, которое одно руководило васъ на поприщѣ настоящей вашей службы, и о томъ, что находили вы несообразнымъ съ пользами народа.... Нѣтъ сомнѣнія, что неблагопріятная вамъ партія и при семъ случаѣ распустилъ вредныя для васъ слухи и нелѣпости; но это не должно для васъ имѣть никакого впечатлѣнія: надлежитъ только предвидѣть могущіе возникнуть вопросы и быть въ готовности отвергнуть ихъ“.

Современники говорятъ, что въ 1825 г., во время проѣзда императора Александра I чрезъ Новочеркасскъ и Старочеркасскую станицу въ Таганрогъ, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій былъ удостоенъ особымъ монаршимъ благоволеніемъ къ нему: императоръ принялъ приготовленный донскимъ дворянствомъ балъ и оказывалъ, во время его, атаману и его супругѣ, весьма лестное вниманіе, а проѣзжая потомъ чрезъ Старочеркасскую станицу, государь неожиданно посѣтилъ жив-

¹⁾ 23-го апрѣля 1825 г., Чернышевъ, какъ предсѣдатель комитета, поднесъ государю проектъ новаго «положенія о Донскомъ войскѣ». Проектъ этотъ былъ тогда же переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, а за занятіе въ комитетѣ чины его получили слѣдующія награды:

Наказный атаманъ, ген.-лейт. Иловайскій — званіе войсковаго атамана и орденъ св. Владиміра 2-й ст.; Болгарскій — чинъ тайн. сов. и званіе сенатора; ген.-маіоры Кутейниковъ и Андрияновъ — ордена; письмоводитель, корнетъ гвардіи Сухоруковъ — слѣдующій чинъ и 1,500 руб. деньгами. (Это тотъ даровитый и образованный донской уроженецъ Сухоруковъ, который впоследствии подпалъ подъ немилость Чернышева, переведенъ изъ гвардіи въ армию тѣмъ же чиномъ и посланъ на службу въ Грузію; тамъ, оцѣненный главнокомандующимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, и взысканный его особеннымъ расположеніемъ, онъ подвергся новому переводу въ войска, служащія въ Финляндіи, а оттуда снова въ Донской казачій полкъ, расположенный на кавказской линіи).

Н. Б.

шую тамъ, 80-ти-лѣтнюю старушку-мать Иловайскаго, и благодарилъ ее за отличную службу трехъ ея сыновъ: генерал-лейтенантовъ — Алексѣя и Николая и генерал-маіора — Осипа, Васильевичей, Иловайскихъ.

По восшествіи на престолъ Николая I, атаманъ Иловайскій отдалъ слѣдующій приказъ по донскому войску (10-го января 1826 г.):

«Храбрые и вѣрные донскіе воины! Изъ возвышеннаго мнѣ въ народъ манифеста всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича, даннаго въ 19-й день минувшаго декабря, узнали мы о гнусномъ намѣреніи злыхъ заговорщиковъ поколебать спокойствіе любезнаго нашего отечества. Я въ полной мѣрѣ ощущаю то негодованіе, которымъ переполнены сердца ваши противу сихъ злодѣевъ, кои всѣ, благодареніе Всевышнему, схвачены и преданы дѣйствию правосудія.

«Вѣрные сыны Дона! Намъ отцы наши оставили достойный образецъ преданности ихъ государю своему въ событіи 1705 г., во время стрѣльцоваго бунта: они не только не вняли гласу подосланныхъ тогда возмутителей, которыхъ схвативъ, представили къ государю; но общимъ приговоромъ осудили еще всякого, кто только поколеблется цѣловать крестъ о неизмѣнной вѣрности своей — «въ кудъ да въ воду», и грудью стали за царя своего. Жалованная за сіи подвиги грамота и клейноды, знаменующіе славу предковъ нашихъ, сохраняютъ память сей доблести ихъ въ самомъ позднемъ потомствѣ.

«Мы наследовали отъ отцовъ нашихъ всѣ добрыя ихъ качества; въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ кровь, и я ручаюсь за васъ, достойные мои соотчичи, и вы взаимно поручитесь за всѣхъ и каждаго, что въ цѣломъ составѣ нашемъ нѣтъ ни единаго челоука, который бы, подобно знаменитымъ нашимъ предкамъ, не почиталъ величайшимъ благомъ пожертвовать послѣднею каплею крови своей за царствующій домъ и за всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича». (При приказѣ этомъ приложена отпечатанная копія съ жалованной грамоты императора Петра I.)

До 1826 г. Чернышевъ былъ доволенъ Иловайскимъ, но въ январѣ этого года сдѣлалъ замѣчаніе войсковому атаману, что онъ не присылаетъ ему никакихъ о войскѣ свѣдѣній; а войсковой атаманъ, съ своей стороны, замышлялъ жалобу на предсѣдателя комитета и, вѣроятно полагая, что при новомъ государѣ Чернышевъ не будетъ въ прежней милости, рѣшился подать императору Николаю слѣдующую докладную записку:

„Движимый чувствами благоговѣнія къ высокимъ намѣреніямъ

1) Изъ грамоты 1706 г., февраля 21-го, между прочимъ, видно, что грамота эта дана за то, что атаманъ Лукьяновъ не допустилъ въ 1705 г. подосланныхъ отъ стрѣльцовъ астраханскихъ «съ прелестными, воровскими и ложными письмами», и что тѣхъ стрѣльцовъ войсковой атаманъ, со старшинами, сковавъ, прислалъ къ государю Петру I. При той грамотѣ были высланы: «войсковому атаману — перначъ серебрянный, съ камнями, золоченъ; бунчукъ съ аблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебрянною, золоченъ; знамя большое, писанное на камкѣ золотомъ».

вашего императорскаго величества, дерзая всеподданнѣйше представить прозорливому вашему вниманію такое дѣло, отъ котораго зависить жребій дѣлаго Донскаго войска. Оно тяготитъ мою душу, и если не открою онаго предъ отцемъ отечества, то обязанъ буду дать отвѣтъ предъ Богомъ и предъ совѣстью своею.

„Составленный донскимъ комитетомъ проектъ новаго положенія, въ скоромъ времени долженъ быть представленъ на высочайшее ваше императорскаго величества утвержденіе. Всемилостивѣйшій государь! Повергаю предъ священною особою вашего величества чисто-сердечное сознаніе въ томъ, что въ ономъ проектѣ допущены многія, ненамѣренныя, ошибки, по свойственному человѣку недоразумѣнію, кои открылъ я теперь, единственно изъ опытовъ.

„Бывъ обязанъ,—на основаніи именнаго высочайшаго указа отъ 27-го января 1821 года, на имя мое даннаго, — примѣнять предложенія донскаго комитета къ дѣйствіямъ войскаго управленія, я, по первымъ опытамъ сего рода, встрѣтилъ нѣкоторые недостатки въ комитетскихъ доложеніяхъ; сіе заставило меня обратить на нихъ сугубое вниманіе и разсматривать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, примѣняя къ самому дѣлу. По трехлѣтнимъ тавовымъ наблюденіямъ, нѣкоторыя изъ предложеній комитетскихъ дѣйствительно оказались—одни недостаточными, другія нѣсколько несообразными съ порядкомъ вещей, или противорѣчащими пользамъ края нашего; иныя же вовсе невозможными въ исполненіи. О многихъ изъ нихъ, въ свое время, доводилъ я до свѣдѣнія предсѣдательствующаго, генерал-адъютанта Чернышева, для принятія мѣръ исправленія.

„Я самъ участвовалъ въ составленіи положенія о Донскомъ войскѣ и нимало не останавливаюсь сознаться предъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ сихъ ошибкахъ. Несовершенство—есть необходимое условіе всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Когда въ комитетѣ обсуживали мы предметы, въ то время простое разсужденіе представляло намъ приемлемыя мѣры наилучшими; но нынѣ опытъ тому противорѣчитъ. Обращаясь къ самымъ источникамъ, изъ коихъ могли произойти открываемыя погрѣшности, я теперь вижу два, весьма важныя, упущенія, относящіяся къ донскому комитету, изъ коихъ одно—касается собственно состава его, а другое—производства его дѣла.

„Первое: въ составѣ донскаго комитета не было ни одного члена, избраннаго донскимъ войскомъ. При самомъ начальномъ учрежденіи его были назначены войсковыхъ атаманомъ, генерал-лейтенантомъ Денисовымъ, по собственному его выбору, члены (фамиліи ихъ); послѣ того, на мѣсто генерала Карпова и Черевкова, высочайше

РАДЛОВЪ

опредѣлены, по представленіямъ генерал-адъютанта Чернышева, я и генерал-маіоръ Кутейниковъ и, потомъ, войсковой старшина Машлыкинъ. Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляю обстоятельство сіе по убѣжденію: члены, избранные всѣмъ войскомъ и облеченные довѣріемъ всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положеніе вѣрнѣе и точнѣе, нежели назначенные по выбору кого-либо. Утвердительно полагаю, что комитетъ донской никогда бы не принялъ столь несоотвѣтственнаго мѣрѣнія, каковое открывається теперь въ правилахъ о поземельномъ надѣлѣ мелко-помѣстныхъ чиновниковъ, если бы присутствовалъ въ ономъ хотя одинъ членъ, принадлежащій сему классу.

„Упоминаемыя правила столь несовершенны, что если будутъ допущены въ томъ видѣ, каковы онѣ теперь, то окажутся совершенно противными привилегіи донскихъ офицеровъ, состоящей въ раздачѣ имъ земли во всегдашнее владѣніе. Необезпеченные въ содержаніи своемъ и не имѣющіе средства воспитать дѣтей прилично званію своему, они не могутъ жертвовать, съ тою рѣшительностію, жизнію, съ тою ревностію продолжать службу, если бы были увѣрены, что послѣ нихъ семейства будутъ имѣть способы нятать себя и дѣти исправятся пристойно званію на служеніе вашему императорскому величеству“.¹⁾

„Второе: начальныя дѣйствія комитета были учреждены не на точномъ разумѣ высочайшей воли, — именно: бывшій войсковой атаманъ, генерал-лейтенантъ Денисовъ, въ представленіи своемъ вѣчно блаженна памяти государю императору, Александру Павловичу, отъ 21-го сентября 1818 года, испрашивалъ высочайшаго соизволенія: „учредить на Дону комисію, которая бы собрала воедино всѣ бывшія постановленія о Донскомъ войскѣ, въ разныхъ государственныхъ узаконеніяхъ разсѣяныя, равнымъ образомъ всѣ собственныя распоряженія и обычаи войска, имѣющіе на Дону силу закона, но во многомъ отступившіе отъ коренныхъ началъ своихъ, сообразила бы съ настоящимъ духомъ народа, съ мѣстнымъ положеніемъ вещей и съ точнымъ смысломъ правъ и привилегій, войску дарованныхъ, и, такимъ порядкомъ, составила бы цѣлое, полное и ясное законоположеніе для Донскаго края.

¹⁾ Впослѣдствіи времени донскіе атаманы: Хомутовъ, графъ Граббе, Поталовъ и Чертковъ, подтверждали эту мысль въ представленіяхъ своихъ и, въ 1870 г., въ день 300-лѣтняго юбилея существованія донскаго войска, высочайше повелѣно: бывшіе «пожизненные», а затѣмъ «срочные» поземельные участки, передать донскимъ генераламъ, штабъ и обер-офицерамъ, изъ временнаго пользования «въ потомственную собственность».

„Точно въ такомъ же разумѣ состоялся и высочайшій указъ отъ 10-го марта 1820 года, на имя атамана Денисова, объ учрежденіи на Дону комитета, — именно онымъ повелѣно: „я съ удовольствіемъ принимаю и одобряю намѣреніе ваше собрать воедино всѣ узаконенія относительно войска донскаго, въ различныя времена и по разнымъ случаямъ изданныя и въ разныхъ частныхъ постановленіяхъ заключающіяся, — рассмотреть оныя въ особенномъ комитетѣ, сообразить ихъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и представить потомъ мнѣ Новое Положеніе“.

„При самомъ приступѣ къ занятіямъ своимъ, донской комитетъ опустилъ изъ вида сію цѣль и, вмѣсто того, чтобы начать составленіе полнаго свода всѣхъ существующихъ постановленій и обычаевъ донскаго войска, онъ, по внесенной въ первомъ присутствіи запискѣ генерал-адъютанта Чернышева, потребовалъ отъ войсковой канцеляріи разныхъ свѣдѣній, отдѣльно по нѣкоторымъ военнымъ и гражданскимъ частямъ, а потомъ, по мѣрѣ полученія сихъ свѣдѣній, занимался обсужденіемъ самыхъ предметовъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ опредѣленія свои для будущаго законодательства.

„Не чувствительно порядокъ сей утвердился навсегда, одинъ предметъ смѣнялся другимъ, оканчивался положительно и давалъ мѣсто новому; къ составленію же свода существующихъ постановленій комитетъ донскаго войска уже не обратился. Я высочайше опредѣленъ въ оный членомъ въ 1820 году, тогда какъ онъ совершилъ почти половину своихъ трудовъ. Не знаю, какъ бы я поступилъ, если бы присутствовалъ съ самаго начала, но въ то время увлеченъ былъ заведеннымъ въ дѣлахъ его порядкомъ и не имѣлъ ни силъ, ни способъ протѣиваться ему.

„Такимъ образомъ, донской комитетъ окончилъ весь свой трудъ отдѣльными постановленіями, по каждому предмету особо. Положенія сіи послѣ того изложены въ систематическомъ порядкѣ, въ С.-Петербургѣ, генерал-адъютантомъ Чернышевымъ и сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Болгарскимъ. Хотя оказавшіяся въ отдѣльныхъ частяхъ противорѣчія при самъ случаѣ исправлены, но главныя погрѣшности остались незамѣченными.

„Осмѣливалось повторить вашему императорскому величеству, что донскому комитету, приступая къ сочиненію закона, необходимо надлежало имѣть въ виду полный сводъ существующихъ постановленій и обычаевъ, ибо тогда только онъ ясно могъ бы видѣть — что именно въ существующемъ порядкѣ вещей нужно дополнить, измѣнить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и правамъ народа. Но онъ съ первою своею ошибкою соединилъ другую, — именно: объ обычаяхъ,

имѣвшихъ на Дону силу закона, онъ не сдѣлалъ даже вопроса и вовсе не имѣлъ ихъ въ виду. Единственно отъ сего произошли погрѣшности, допущенныя въ правилахъ о „станичномъ управленіи“ и „объ управленіи калмиками“: ибо оныя донскія основаны исключительно на обычаяхъ, освященныхъ временемъ. Не сохранить ихъ, значитъ потрепати права и привилегіи донскихъ обитателей; наиболѣе сего неминуемо ожидать надлежитъ отъ допущенныхъ измѣненій въ „станичномъ управленіи“.

„Всемиловѣйшій государь! Сія, важные предметы, составляли тяготу души моей; вѣрю ихъ отеческому сердцу твоему, милосердый монархъ. Да не обратится на меня гнѣвъ твой! Если бы я умолчалъ теперь объ ономъ, то, рано или поздно, донское войско, въ справедливыхъ жалобахъ своихъ, стало бы винить одного меня, какъ начальника своего, въ непростительной безпечности.

„Высокія попеченія вашего императорскаго величества о благѣ народа исполняютъ войско донское несомнѣнною надеждою на прочное свое благоденствіе. Обрати, всемиловѣйшій государь, отеческое вниманіе на сіе чистосердечное изъясненіе мое и повели: приготовленное положеніе для донскаго края еще разсмотрѣть, съ большимъ вниманіемъ, членамъ, избраннымъ всѣмъ войсковымъ обществомъ.

„Правительство войсковое обязано будетъ вручить имъ полный сводъ всѣхъ существующихъ постановленій и обычаевъ, который составить подъ наблюденіемъ правительствующаго. Довѣренныя члены будутъ вполне знать мѣстныя положенія вещей на Дону и обстоятельства своего сословія.

„Они, сообразивъ составленный донскимъ комитетомъ проектъ съ упоминаемымъ сводомъ древнихъ постановленій, утвержденныхъ временемъ и благостію августѣйшихъ монарховъ нашихъ, виннутъ во всѣ мѣстныя обстоятельства, въ самыя права и обычаи страны и, потомъ, сдѣлають, въ чемъ найдутъ нужнымъ, замѣчанія свои и представлять оныя вмѣстѣ съ прежнимъ проектомъ.

„Ваше императорское величество! „Положеніе войсковое“ уже семь лѣтъ непрестанно занимаетъ умы сего войска; оно уповаеть обрѣсти въ немъ несомнѣнное счастье свое; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, донскіе воины, какъ вѣрноподанные, вполне чувствуютъ что должны ожидать благоденствія своего отъ отеческихъ щедротъ августѣйшаго монарха нашего“.

Подписаль: „вѣрноподанный, войска донскаго войсковой атаманъ, генерал-лейтенантъ Иловайскій“.

10-го августа 1826 года.—Москва.

Эту записку Иловайскій подалъ государю въ Москвѣ, во время брорования. Государь передалъ ее на просмотръ генерал-адъютанта Чернышева.

По поводу этой записки Чернышевъ написалъ длинное объясненіе, въ которомъ излагаетъ ходъ дѣлъ въ донскомъ войскѣ до образованія комитета, ¹⁾ и затѣмъ, перехода къ дѣятельности комитета, засѣдавшаго, по смѣнѣ Денисова, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, Чернышевъ приводитъ:

„Возбужденные отъ глубокаго унынія (казаки) къ надеждѣ, они тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ новаго закона, подъ сѣнью коего могутъ обрѣсти довольство и правосудіе, что, во-первыхъ, ежегодное чтеніе высочайшихъ грамотъ и рескриптовъ возобновляетъ въ умахъ ихъ попеченіе о непремѣнной волѣ государей сохранить дарованнаго войску привилегіи неприкосновенными на вѣчныя времена, и во-вторыхъ, что войсковое начальство, при всѣхъ справедливыхъ жалобахъ казаковъ на терпимое ими стѣсненіе, отлагаетъ удовлетвореніе до „Новаго положенія“. Сіе общее чувство казаковъ раздѣляютъ и чиновники безпомѣстные, живущіе въ станицахъ и, по оскуднѣнію въ довольствіяхъ, едва снискивающіе тамъ средства къ своему содержанію.

„Справедливость и основательность таковой надежды терпящихъ, доказывали сами помѣстные чиновники тѣмъ, что когда видѣли съ одной стороны себя обличенными въ противозаконныхъ захватахъ общаго достоянія, а съ другой — твердое намѣреніе правительства положить вонецъ своевольству ихъ, то, во все время занятій комитета на Дону, пребывали совершенно бездѣйственными и даже расположились и были готовы къ безмолвному исполненію тѣхъ мѣръ, какія правительство признаетъ нужными для общаго устройства Донскаго края.

„Но коль скоро приняли, что утвержденіе проекта замедлилось, а можетъ быть свѣдали и о возникшемъ въ колысу ихъ разногласіи по комитету, то вдались въ суетные толки и исканія и, связями родства и личными выгодами старались войсковую власть преломить въ своимъ видамъ, дабы совокупно устрѣмиться на удержаніе прежняго порядка вещей, въ чемъ однако же не успѣвали доволѣ власть сія остерегалась и, такъ сказать, неознакомилась съ соблазнительными дѣйствіями господствовавшаго тамъ произвола.

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ дѣлахъ архива главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ находится нѣсколько записокъ Чернышева, поданныхъ императорамъ Александру I и Николаю I, а также и Аракчееву. Сущность этихъ записокъ не разнится между собою.

„Изъ сего слѣдуетъ, что если бы общее преобразование по войску еще замедлилось, или было отложено, тогда самое малое число изъ его обитателей, увлеченное удачею своихъ происковъ, паки обратится, но съ сугубою уже дерзостью, на притѣсненіе слабѣйшихъ; многочисленный же и полезнѣйшій классъ жителей долженъ погрузиться въ прежнее уныніе и, поелику тяжесть положенія его видѣть изъ всякой мѣры, то правительство, для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ обиженныхъ, рано или поздно вынуждено будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, кои предположилъ донской комитетъ, но съ тою разностью, что удобное и легкое въ исполненіи при началѣ, можетъ впоследствии содѣлаться затруднительнымъ и потребовать новыхъ сильнѣйшихъ мѣръ“.

Въпротивъ вышеприведенное объясненіе Чернышева на докладную записку Иловайскаго служило приложеніемъ къ двумъ другимъ объяснительнымъ запискамъ Чернышева, изъ которыхъ въ первой изложено:

„По высочайшему соизволенію, въ теченіи минувшихъ лѣтъ, находясь въ сношеніяхъ съ атаманомъ Иловайскимъ по части образовательной, я не переставалъ вразумлять его, что предписанное приспособленіе къ проекту должно ограничиться тѣмъ, чтобы, оставляя мѣстное управленіе въ настоящемъ его составѣ и образѣ дѣйствій, пещись о пресѣченіи вкрадшихся злоупотребленій о водвореніи повсюду порядка и справедливости.“

„Но какъ сношенія мои съ нимъ заключались въ однихъ частныхъ совѣтахъ, которые гласнаго вліянія на дѣйствія его не имѣли, то генералъ Иловайскій, въ послѣднее время пересталъ держаться совѣтовъ моихъ и, уклонившись къ обыкновенному на Дону произволу, началъ даже вводить мѣры, предназначенныя проектомъ, и настоятельно требовать списка съ онаго къ дальнѣйшему руководству при устройствѣ нѣкоторыхъ предметовъ по войску.“

„Когда же, для удержанія его въ предѣлахъ одного приспособленія къ проекту, В. И. В. соизволили изъявить высочайшую волю, сообщенную атаману 27-го февраля 1826 г., дабы, впрямь до обозрѣнія вашего величества начертаній о донскомъ войскѣ, остереглись вводить самый проектъ въ дѣйствіе, тогда генералъ Иловайскій, какъ изъ нѣкоторыхъ отзывовъ его видно, сію высочайшую волю понимаетъ превратно и считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать по примѣру своихъ предшественниковъ, т. е. по собственному его усмотрѣнію или произволу, который и безъ того уже ощутителенъ, особенно по войсковому хозяйству и въ предметахъ военныхъ“.

Во второй же запискѣ, касающейся собственно всеподданнѣйшей

записки Иловайскаго и которая (записка Чернышева) озаглавлена: „Отвѣтъ на всеподданѣйшее письмо войсковаго атамана Иловайскаго“. Чернышевъ приводитъ:

„Всеподданѣйшее письмо атамана Иловайскаго отъ 10-го августа сего (1826) года обращаетъ на себя особенное вниманіе по духу, или образу мыслей, его отличающему.

„Атаманъ, оуждая составъ и порядокъ занятій комитета, — бывшій, по словамъ его, главною причиною недостатковъ въ самомъ проектѣ положенія и, испрашивая дозволенія пересмотрѣть оный на Дону, — явно присвоаетъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ членовъ общества или народныхъ представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились въ непосредственномъ отношеніи къ государственному совѣту; сѣбѣ же лично наименованіе „правительствующаго“.

„Въ государствѣ, гдѣ всякій законъ и всякое начальство истекаютъ отъ единой, самодержавной власти государя, подобныя присвоенія, и даже самыя мысли объ оныхъ, не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій.

„Доселѣ, въ Россіи, ни одна область не имѣла права избирать представителей. Финляндія, Вѣлостокъ и Сибирь въ недавнее время получили новое устройство, основанное на соображеніяхъ комитетовъ, или лицъ, кои были назначены отъ государя.... Но, нигдѣ и ни въ какое время, не было допускаемо у насъ право избранія представителей, кои бы сами для себя составляли законы и находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государственнымъ совѣтомъ.

„Тѣмъ менѣе могло быть такое дано донскому войску, зависѣвшему начальнo отъ иностранной, а потомъ отъ военной коллегіи, впоследствии же — отъ общаго порядка въ государствѣ, какъ по военному, такъ и гражданскому его управленію, и никогда еще неимѣвшему у себя ни „правительствующаго“, ни „правительства“, а просто — атамана и войсковую канцелярію, составляющихъ мѣстное начальство въ войскѣ, въ видѣ губернскаго.

„Между донскими чиновниками, особенно зажиточными и имѣвшими власть въ рукахъ своихъ, кои съ нѣкотораго времени подстрекаются сужденіями обучавшихся въ университетахъ, всегда замѣчались мечтательныя мысли на счетъ самостоятельности ихъ отчизны; но сіе, частное и чуждое для общества, заблужденіе должно было исчезнуть само собою, коль скоро ясныя законы стали бы направлять cadaго къ точному исполненію его обязанностей.

„Если же самъ начальникъ войска начинаетъ говорить въ сѣмъ

духъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, то мнѣнія его уже дѣлаются опасными и не могутъ быть допускаемы, потому, что легко распространились бы въ обществѣ, отъ вліянія его зависящемъ, и со временемъ превратились бы въ сужденія вольнодумныя.

„По 1-му вопросу: о не соотвѣтственности комитета.

„Въ дѣлѣ общемъ, каковое есть устройство дѣлаго войска, чиновники и казаки должны бы имѣть равное участіе и, слѣдовательно, выборъ довѣренныхъ членовъ, по справедливости, одинаково принадлежалъ бы обѣимъ сословіямъ; но если бы сіе было допущено, то, во-первыхъ, казацкіе представители, защищая коренныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя нарушившихъ, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину; оставаясь же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно терли бы существенныя пользы своего сословія; и во-вторыхъ представители чиновниковъ должны были бы естязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и содѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ.

„2-й вопросъ: о правахъ офицеровъ.

„По всѣмъ грамотамъ, указамъ и постановленіямъ удостовѣрено то, что дарованныя отъ всемилоствѣйшихъ государей привилегіи, преимущества и выгоды, принадлежать всему донскому войску, но не лично сословіямъ, его составляющимъ, и что коренной порядокъ довольствія землями на Дону—есть „общественный“, во коему каждый войсковой обитатель пользуется, сколько ему нужно, безъ обиди другого, но не имѣеть права ничего почитать исключительно своею принадлежностью.

„По свѣдѣніямъ же, собраннымъ на мѣстѣ, извѣстно, что въ прежнія времена всѣ офицеры донскаго войска довольствовались землями въ станицахъ, гдѣ жили, на общественномъ правѣ съ казаками, а теперь, одни только главнѣйшіе числомъ, безпомѣстныя, довольствуются на семь основаній и вмѣстѣ съ казаками терпятъ оскуднѣніе въ необходимыхъ угодьяхъ; нѣкоторая же часть донскихъ чиновниковъ,—помѣстныя и мелкопомѣстныя,—своевольно, или по потворству мѣстной власти, захватили изъ общественныхъ и даже станичныхъ земель отдѣльныя пространства и, заселивъ крестьянами, владѣють незаконно.

„Но ежели бы онъ (Иловайскій) столь странную мысль свою основалъ на томъ, что войсковое начальство,—впрочемъ, никогда не имѣвшее ни права, ни разрѣшенія отъ высочайшей власти раздавать общественное достояніе въ частную принадлежность,—самовластно пустило чиновниковъ занимать войсковыя земли и селить крестьянъ съ притѣсненіемъ коренныхъ жителей, то сіе основаніе должно раз-

рушиться само собою, коль сдѣлалось гласнымъ предъ высшимъ правительствомъ, ибо возникло вѣдѣ закона и могло существовать единственно потому, что было скрывается мѣстной властью, которая, за нарушение своихъ обязанностей, подлежитъ строгому отвѣту.

„Мнѣ остается только замѣтить на счетъ истинной цѣли ходатайства Иловайскаго, который, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, благовидно ищетъ преклонить ваше величество къ одобренію сокротеннаго замысла донскихъ помѣстныхъ чиновниковъ, устремляющихся къ тому единственно, чтобы, отстранивъ всякое постороннее участіе и получивъ въ свои руки проектъ положенія, составить на оный такія замѣчанія, кои бы, подъ предлогомъ пересмотра древнихъ постановленій и обычаевъ, уничтожили все, что начертано въ проектѣ для возстановленія угнетеннаго состоянія казаковъ и для водворенія въ войскѣ строгаго и прочнаго порядка, и, силою уже общаго постановленія, утвердить господствующіе въ семъ краю произволъ и безотчетность“... „а потому“ — заключилъ Чернышевъ — „необходимо, чтобы повелѣно было:

„а) Атаману Иловайскому—всѣ изъясненія его и доводы, какіе онъ противъ проекта могъ придумать, внести въ донской комитетъ, который, съ прибытіемъ гг. Кутейникова и Шамшева и по нахожденію здѣсь и сенатора Болгарскаго, можетъ составить полное присутствіе свое въ Петербургѣ.

„b) Донскому комитету все,—представленное г. Иловайскимъ, рассмотреть внимательнѣйше, сообразить въ подробности съ проектомъ „положенія“ и постановить общее заключеніе.

„с) Заключеніе представить въ государственный совѣтъ и затѣмъ донести В. И. В.

„d) Отъ Андріанова (исправлявшаго на Дону, за отсутствіемъ Иловайскаго, должность его), потребовать особое мнѣніе“.

На эту записку Чернышева послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: мнѣри, изъясненныя подъ литерами: а, b, с, d, исполнить“, и вслѣдъ затѣмъ, именно 29-го ноября 1826 г., государь повелѣлъ: „въ первое засѣданіе „комитета объ устройствѣ донскаго войска“ объявить всеподданнѣйшее письмо атамана Иловайскаго и, отобравъ по соображенію онаго мнѣнія донскихъ членовъ, на счетъ одобренія его вполнѣ, или въ частности, или отверженія онаго, записать мнѣнія сіи въ журналѣ, а потомъ потребовать отъ атамана на письмо его поясненія, если таковое имѣеть. Журналы же комитета по сему предмету представлять всякій разъ его величеству на усмотрѣніе“.

30-го ноября 1826 г. удаленъ отъ должности правителя дѣлъ ко-

митета донской полковникъ Шумковъ, а на его мѣсто назначенъ военный совѣтникъ Вахрушевъ (не изъ войсковыхъ уроженцевъ).

7-го іюня 1827 г. послѣдовалъ указъ объ увольненіи Иловайскаго отъ должности войсковаго атамана, и на его мѣсто назначенъ генерал-маіоръ Кутейниковъ съ званіемъ „наказнаго атамана“.¹⁾

Иловайскій обвиненъ въ допущеніи по войску донскому безпорядковъ и, даже, злоупотребленій. Для производства строгаго слѣдствія по этому обвиненію командированъ на Донъ генерал-лейтенантъ графъ Гурьевъ и, при немъ, жандармскій полковникъ Шаминъ и нѣсколько чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ 1827 г. Чернышевъ уже былъ графомъ, товарищемъ начальника главнаго штаба его величества, сенаторомъ и управляющимъ военнымъ министерствомъ, оставаясь въ то же время председателемъ „комитета объ устройствѣ донскаго войска“.

Предъ увольненіемъ Иловайскаго отъ должности войсковаго атамана, мы встрѣчаемъ въ архивѣ еще слѣдующую, высочайше одобренную записку Чернышева, по поводу вышеприведенной всеподданнѣйшей записки Иловайскаго, поданной имъ государю 10-го августа 1826 года:

„По управленію донскаго войска издавна укоренились: произволь мѣстной власти, совершенная безотчетность и повсемѣстный непорядокъ, открытыя въ комитетѣ съ 1819 г. и подробно наложенныя въ докладъ его 1823 г., извѣстномъ вашему величеству.

„Вышнему атаману Иловайскому, присутствовавшему въ комитетѣ съ 1820 года, въ полномъ пространствѣ были извѣстны, какъ обнаруживаемыя по войску злоупотребленія, такъ и предположенныя мѣры для прекращенія оныхъ.

„По точной силѣ таковаго высочайшаго соизволенія (указъ 27-го января 1821 г. о назначеніи его атаманомъ), отъ времени вступленія г. Иловайскаго въ управленіе войскомъ коннѣ, надлежало ожидать ощутительныхъ успѣховъ во всемъ томъ, что относилось къ постепенному водворенію порядка, улучшенію хозяйства и къ устраненію произвольныхъ дѣйствій, тѣмъ справедливѣе, что ему совершенно были открыты всѣ невыгоды прежняго состоянія войска и всѣ предположенія объ отвращеніи оныхъ.

¹⁾ Тогда званіе «наказнаго атамана», по значенію власти, соответствовало званію войсковаго атамана, если послѣдній не находился въ войскѣ. Впослѣдствіи времени, и именно съ 2-го октября 1827 г., когда атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ назначенъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ, атаманы каждаго казачьяго войска получили названіе «Войсковой наказный атаманъ».

„Но шестилѣтній опытъ, къ сожалѣнію, не оправдываетъ сего ожиданія, ибо по всѣмъ частямъ управленія замѣчаются тѣже непорядки, какіе существовали прежде, особенно по войсковому хозяйству, которое находится въ крайнемъ разстройствѣ.

„Я приведу здѣсь нѣкоторыя черты, свидѣтельствующія сію истину:

„а) Войсковое начальство, по однимъ важнымъ предметамъ приспособляло дѣйствія свои къ предположеніямъ комитета, — да и то съ уклоненіемъ къ личнымъ видамъ, — именно: по производству въ чины и увольненію въ отставку; по прочимъ же частямъ управленія сего и не начинало.

„б) Оно не только не заботилось увеличивать способы для составленія капиталовъ, — военнаго и вспомогательнаго, — предназначенныхъ комитетомъ для обезпеченія всѣхъ военныхъ надобностей и для пособія офицерамъ и казакамъ при выходахъ на службу; но не обратило на сіе и вниманія. Не помышляло также ни о сбереженіи здоровья служащихъ съ полками, посредствомъ приготовленія собственныхъ лекарей; ни о снабженіи казаковъ однокалиберными ружьями; мѣры же, предписанныя для размноженія станичныхъ конскихъ табуновъ, приводило въ исполненіе безъ должнаго соблюденія пользы казаковъ.

„в) Судебныя мѣста по войску обременены множествомъ нерѣшенныхъ дѣлъ и арестантовъ.

„По занятію всѣхъ внутреннихъ должностей въ войскѣ одними природными донскими чиновниками, вліяніе прокурора и стражчихъ на успѣшное и правильное теченіе дѣлъ нигдѣ столько не нужно, какъ на Дону; но бывшіе тамъ прокуроры или оставались безгласными, или искали случаевъ, чтобы удалиться оттуда. Причиною сему то, что къ званію прокурора нѣтъ никакого уваженія и, если онъ безпристрастно исполняетъ долгъ свой, тогда подвергается различнымъ оскорбленіямъ и дѣйствию гнусной клеветы предъ его начальникомъ.

„Войсковое начальство, въ продолженіи 6-ти лѣтъ, не предпринимало труда обзрѣть окружныя мѣста и станицы, повѣрить мѣстное управленіе и узнать настоящее положеніе жителей. Начальникъ же войска, слишкомъ 5 лѣтъ остававшійся спокойнымъ, не прежде іюля 1826 года сдѣлалъ вопросъ: чѣмъ онъ долженъ руководствоваться при обзрѣніяхъ войска, которыхъ и не начиналъ?

„г) Войсковое хозяйство управляется произволомъ. Общіе расходы, простиравшіеся ежегодно до 500 т. руб., возрасли въ 1824 году болѣе 600 т., а въ 1825 около 900 т., тогда какъ ничего особеннаго по войску не сдѣлано... по частнымъ свѣдѣніямъ, взято изъ войсковыхъ суммъ до 68 т. р., подъ предлогомъ поѣздки атамана въ Москву и въ Петербургъ, безъ всякаго отъ начальства позволенія и, несмотря на

то, что при вызовѣ сюда атамана и членовъ комитета въ 1823 году, разрѣшено было всѣмъ имъ употребить не свыше 10,000 рублей.

„Построекъ не сдѣлан, несмотря на израсходование 200,000 р. и на употребленіе для этого двухъ рабочихъ полковъ.

„д) отъ станицъ отобраны, безъ всякаго отчета, станичные капиталы, простиравшіеся до 500,000 рублей.

„е) Ни начальники войска, ни войсковая канцелярія, во всѣ послѣдніе 6 лѣтъ, не представляли никуда и никакихъ за управленіе свое отчетовъ, кромѣ обыкновенныхъ рапортовъ о прибылн и убылн служащихъ офицеровъ и казаковъ, не взирая, что, по предположеніямъ комитета, они обязаны давать ежегодные отчеты на общемъ основаніи.

„ж) Донской комитетъ, по окончаніи начертанія своего о распредѣленіи войсковыхъ земель, требовалъ отъ войсковой канцеляріи, дабы, до утвержденія проекта „Новаго положенія“, раздача и заимка земель были приостановлены. Но, по частнымъ свѣдѣніямъ, требованіе сіе не исполнялось, и какъ самъ Иловайскій, такъ и дежурный штаб-офицеръ его, Шумковъ, первые нарушили сіе, принятое по войску правило, а за ними воспользовались заимкою земель и другіе; между тѣмъ, нѣкоторымъ заслуженнымъ и имѣвшимъ право на полученіе земли чиновникамъ, было отказано по силѣ означеннаго требованія комитета.

„з) Столь невыгодное положеніе войска не могло не обращать на себя справедливаго вниманія; но ни донской комитетъ, ни предсѣдатель его не имѣли никакого гласнаго вліянія на дѣйствіи войскаго начальства и могли проникать въ истину по однимъ недостаточнымъ свѣдѣніямъ, кои иногда получались отъ того же начальства.

„Надежало выжидать удобнаго случая, для полученія отъ войскаго начальства положительныхъ объясненій, дабы съ основательностію можно было обнаружить существующій непорядокъ.

„Но когда случай сей представился, то генерал-лейтенантъ Иловайскій, за всѣми настоятельными вопросами комитета, не далъ оному никакихъ свѣдѣній ни о состояніи войсковыхъ доходовъ и расходовъ, ни о сбереженіяхъ, какія за управленіе его сдѣланы для будущихъ построекъ и заведеній, ни о цѣлости суммъ, предназначенныхъ для составленія войсковыхъ капиталовъ.

„Такимъ образомъ, полезная цѣль высочайшаго указа, 27-го января 1821 года, о приуготовленіи войска къ удобнѣйшему введенію „Новаго положенія“, въ главнѣйшихъ основаніяхъ доселѣ не достигнута и войсковое управленіе представляется теперь не лучше того, какъ

было до учрежденія комитета, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые приведены въ исполненіе по особеннымъ высочайшимъ разрѣшеніямъ“.

Затѣмъ Чернышевъ, „въ видѣ мѣръ исправленія“, предлагаетъ въ своей запискѣ: „постепенно вводитъ нѣкоторые пункты положенія до просмотра его въ государственномъ совѣтѣ.“ Большую часть этихъ мѣръ тогда же высочайше повелѣно было привести въ исполненіе назначенному въ званіе наказнаго атамана, генерал-маіору Кутейникову.

Записку эту Чернышевъ заканчиваетъ такъ:

„Всѣ изложенныя здѣсь мѣры, не измѣняя ни въ чемъ существующаго въ войскѣ управленія и формы дѣйствій, постепенно ознакомить его съ порядкомъ, хозяйственною бережливостію и строгою отчетностію; нечувствительно утверждать ихъ во всѣхъ отрасляхъ сего управленія и, пресѣкая укореившіяся злоупотребленія и своевольства, дѣйствительно могутъ приготовить всѣ части къ удобнѣйшему введенію „Новаго положенія“, коль скоро удостоится онѣ высочайшаго утвержденія, ибо тогда проектъ сей не будетъ уже ни для кого новымъ и затруднительнымъ, но всѣмъ извѣстенъ и понятенъ“.

По произведенному графомъ Гурьевымъ слѣдствію, преданы суду: Иловайскій; бывшій при немъ дежурнымъ штаб-офицеромъ, полковникъ Шумковъ, и командиры двухъ рабочихъ донскихъ полковъ (учрежденных для устройства города Новочеркасса), полковникъ Егоровъ и подполковникъ Балабинъ. По рѣшенію суда, Иловайскій, Шумковъ и Егоровъ—уволены отъ службы, а Балабинъ лишень чиновъ.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій долженъ быть причисленъ къ замѣчательнымъ личностямъ въ средѣ донцовъ: онъ отличался храбростію и распорядительностію въ битвахъ съ непріателемъ, что свидѣтельствуютъ имѣвшіеся у него ордена св. Георгія 4 и 3-го классовъ и золотая сабля, украшенная алмазами, а облеченный въ званіе войскового атамана, онъ обратилъ особенное вниманіе на отсталость донцовъ въ условіяхъ общественной жизни: началъ устраивать у себя вечернія собранія съ танцами, и охотно самъ посѣщалъ подобныя же собранія у извѣстныхъ новочеркаскихъ жителей; выписалъ весьма порядочную труппу актеровъ; заботился объ улучшеніи путей сообщенія въ городѣ, улицы котораго въ дождливую пору были непроходимы отъ растворяющагося глинистаго грунта; способствовалъ къ безмездному снабженію жителей города здоровою водою устройствомъ находящагося близъ его дома ключа, который и до сихъ поръ извѣстенъ отличнымъ качествомъ воды и носитъ названіе „Иловайскаго колодца“.

Въ запискахъ одного изъ современниковъ атаманства Алексѣя Ва-

сильевича Иловайскаго находимъ слѣдующія слова: „атаманство Иловайскаго дало новый характеръ жизни донскихъ казаковъ. До Платова—господствовало на Дону старинное жите-бытье, со всѣми строгими требованіями патріархальности: точное посѣщеніе всѣхъ церковныхъ службъ отъ начала ихъ до конца; неукоснительное соблюденіе постовъ; непремѣнное поздравленіе служебныхъ, уважаемыхъ и родственныхъ лицъ съ праздниками и именинами; молчаливое или разгульное препровожденіе времени въ кругу семействъ и близкихъ родныхъ. При Платовѣ—стали являться нѣкоторыя нововведенія въ общественной жизни донцовъ: конскія скачки и волтижированія; большія охоты на волковъ, зайцевъ и лисицъ; народные праздники съ призами на мячахъ, и прочія тому подобныя. Иловайскій—сталъ вводить разумное подражаніе жизни губернскихъ городовъ, вечернія собранія, танцы, театральныя зрѣлища и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ развивать неизвѣстную дотошъ у насъ роскошь: драгоценныя вещи и дорогіе уборы дамъ, щегольскіе экипажи и упряжь, изысканныя угощенія; самъ онъ всему этому подавалъ примѣръ, выѣзжая по городу торжественно, въ предшествіи полиціймейстера и въ сопровожденіи конвоя отъ атаманскаго поля и нѣсколькихъ адъютантовъ; но, при Иловайскомъ было также поощреніе и всякому образованному донцу: въ штабъ его была лучшая наша молодежь—Сухоруховъ, Селивановъ, Кушнаревъ, Кучеровъ, Колесниковъ и другіе университетскіе питомцы“.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій оставилъ послѣ себя трехъ сыновей и одну дочь. Первые два сына: полковникъ Василій Алексѣевичъ и штаб-ротмистръ 1.-гв. казач. полка Николай Алексѣевичъ недолго жили послѣ смерти отца; нынѣ остались только—младшій сынъ, есаулъ Александръ Алексѣевичъ и дочь, Платонида Алексѣевна, въ замужствѣ за донскимъ генерал-лейтенантомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Жировымъ.

Н. И. Красновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА.

V. ¹⁾

Я помню еще то патриархальное время нашего забулыснаго міра, когда артисты, вмѣсто нынѣшнихъ такъ называемыхъ разовыхъ (т. е. поспектакльной платы), получали каждый вечеръ просто по двѣ восковыя свѣчки, которыя обыкновенно они и зажигали у собственнаго своего зеркала; ²⁾ тогда въ довольно обширной уборной стояло только одно большое зеркало, а потому физически невозможно было всѣмъ воспользоваться имъ для своего туалета и гримировки. Само собою разумѣется, что не всѣ же артисты безъ исключенія получали эти поспектакльныя свѣчки, было много и такихъ, которыхъ игра, какъ говорится, не стоила свѣчь.

Помню я, какъ нѣкоторые изъ актеровъ, которые относились въ своей личности не слишкѣмъ кокетливо, предлагали эти свѣчки своимъ товарищамъ сыграть на узелки; иные же, изъ экономіи, зажигали одну только свѣчку, а другую сберегали для домашняго обихода. Нынѣшняя поспектакльная плата, конечно, очень выгодна для артистовъ; особенно для тѣхъ, у кого большой репертуаръ, но если взглянуть съ нравственной точки зрѣнія, то

---

¹⁾ См. другія главы изъ «Воспоминаній П. А. Каратыгина»: А. С. Грибѣдовъ («Рус. Ст.» 1872 г., т. V, стр. 423); «Русскій театръ при Александрѣ I» («Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 297; изд. 1873 г., т. VII, стр. 146—179; т. VIII, стр. 306—333; изд. 1874 г., т. IX, стр. 732—753).

Ред.

²⁾ Французское feu, вѣроятно, ведетъ отсюда свое техническое начало.

П. К.

эта поденная плата много приносить вреда искусству; для этой приманки иной первоклассный артистъ хлопочетъ не о качествѣ, а о количествѣ своихъ ролей. Корыстолюбивый расчетъ заставляетъ его иногда брать па себя ничтожныя роли, огнивая таковыя у второстепенныхъ актеровъ, которые получаютъ незначительную плату въ сравненіи съ нимъ и тѣмъ, конечно, возбуждаетъ справедливое негодованіе съ ихъ стороны. Короче — это закулисное яблоко раздора. О немъ многое можно бы было сказать, но зачѣмъ? Я пишу не современные записки, а вспоминаю старину.

Начало поспектакльной платы въ нашей драматической группѣ относится къ далекому прошлому. Въ концѣ 1810-хъ годовъ знаменитая трагическая актриса Екатерина Семеновна Семенова первая начала получать ее и вотъ по какому поводу: эта артистка, при громадномъ ея талантѣ, была немного лѣнива, а подчасъ и капризна, такъ что зачастую, подъ предлогомъ болѣзни, отказывалась отъ своей должности; отчего, разумѣется, страдалъ и репертуаръ, и выгоды дирекціи. Чтобы какъ-нибудь заинтересовать актрису съ матеріальной стороны, дирекція, при возобновленіи ея контракта, увеличивъ окладъ ея жалованья, включила въ условіе: сыграть не менѣе опредѣленнаго числа спектаклей въ продолженіи года, получая за каждое представленіе добавочную сумму, такъ что чѣмъ бы болѣе она сыграла, тѣмъ болѣе получила бы вознагражденія. Эта мѣра имѣла обоюдную пользу, потому что Семенова пользовалась любовью публики и появленіе ея на сценѣ давало почти всегда полные сборы. Вотъ съ этого времени и началась у насъ поспектакльная плата. Примѣръ Семеновой побудилъ и другихъ первоклассныхъ артистокъ заключать съ дирекціей контракты на тѣхъ же условіяхъ.

Здѣсь я посвящаю нѣсколько строкъ памяти этой геніальной артистки, которая, конечно, должна занять почетное мѣсто въ исторіи рускаго театра. Екатерина Семеновна Семенова воспитывалась въ Театральномъ училищѣ, которое было основано въ царствованіе императрицы Екатерины II, при содѣйствіи знаменитаго артиста Ивана Аванасьевича Дмитревскаго въ 1779 году. Оно находилось тогда въ Большой Милліонной, подлѣ Зимняго дворца, гдѣ теперь преображенскія казармы. Это зданіе называлось въ то время лейб-компанскимъ корпусомъ.

Екатерина Семеновна, будучи еще воспитанницею, дебютировала (въ 1803 году, 3-го февраля) въ комедіи «Нанина», подъ руководствомъ Дмитревскаго, который занималъ тогда должность учителя драматическаго искусства; второй ея дебютъ былъ въ 1804 году, въ трагедіи «Ермакъ» (сочиненіе актера Плавильщикова), въ роли Ирты, которую она приготовляла при содѣйствіи самаго автора. Слѣдующіе ея дебюты были въ трагедіяхъ: «Эдипъ въ Афинахъ»—Озерова, въ томъ же году, и въ «Рославѣ», сочиненіе Княжнина въ 1805 году; въ первой она играла Антигону, во второй—Зафиру; обѣ эти роли она приготовляла подъ руководствомъ кн. Шаховскаго.

Съ появленіемъ трагедій Озерова сценическіе успѣхи Семеновой стали быстро возрастать и вскорѣ она могла, по справедливости, назваться любимицею публики. Въ этотъ періодъ времени она оставила прежняго своего учителя, кн. Шаховскаго, и проходила свои роли съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ (извѣстнымъ переводчикомъ Иліады). Этотъ высокообразованный литераторъ, строгій элленистъ и классикъ много способствовалъ своими умными совѣтами развитію ея природнаго таланта.

Въ 1807 году поступила на сцену Марія Ивановна Валберхова (дочь балетмейстера), новая ученица Шаховскаго, и дебютировала также въ роли Антигоны. Хотя эта умная и образованная актриса и не имѣла средствъ, необходимыхъ для трагическихъ ролей, но кн. Шаховской, во что бы то ни стало, силился создать изъ нее опасную соперницу оставившей его ученицѣ. Тутъ истыя театралы раздѣлились на два враждебные лагеря: начальство, въ главѣ котораго былъ тогда Шаховской, поддерживало одну, а публика—другую.

Эта партизанская война продолжалась года четыре, но наконецъ, въ одно изъ представленій трагедіи: «Китайская Сирота», переведенной кн. Шаховскимъ, Валберхова была ошканина, и въ 1811 году сошла со сцены.¹⁾

Съ этого года по 1820 годъ Семенова безраздѣльно пер-

¹⁾ Въ 1815 году она вновь поступила на службу и дебютировала въ комедіи кн. Шаховскаго, подъ названіемъ: «Липецкія воды», имѣвшей огромный успѣхъ въ свое время; съ тѣхъ поръ она заняла первыя роли въ комедіи, но уже не имѣла притязанія соперничать съ Семеновой. П. Е.

венствовала въ трагедіяхъ. Въ этотъ послѣдній годъ, по причинѣ какихъ-то неудовольствій съ тогдашнимъ директоромъ театра кн. Тюфякинымъ, она не хотѣла продолжать своей службы и вышла въ отставку.

Въ 1822 году, когда вмѣсто Тюфякина занялъ должность директора Майковъ, она снова поступила на сцену и играла въ первый разъ роль Клитемнестры въ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ бенефисъ прежней своей соперницы, Валберховой, что, конечно, дѣлаетъ большую честь ея доброму сердцу. Около этого времени скончался отецъ Валберховой, оставя огромное семейство безо всякихъ средствъ; жены своей лишился онъ задолго еще до своей кончины и такимъ образомъ главой осиротѣлой семьи осталась старшая его дочь, Марія Ивановна, которая впоследствии замѣнила чадолюбивую мать своимъ братьямъ и сестрамъ.¹⁾ Я живо помню этотъ замѣчательный спектакль: восторгъ публики, при появленіи Семеновы на сцену, былъ необычайный; сборъ, по тому времени, небывалый: онъ простирался до 12-ти тысячъ ассигнаціями.

Въ моей памяти не только сохранились всѣ лучшія роли изъ ея репертуара, но я самъ удостоился чести играть вмѣстѣ съ нею.

Въ 1825 году была переведена съ французскаго трагедія: «Габріель де-Вержи». Покойный братъ мой игралъ роль графа Фаала, мужа Габріели, а я (по назначенію Екатерины Семеновны) исполнялъ роль графа де-Куси, возлюбленнаго Габріели. Мнѣ въ то время было лѣтъ 19-ть, а ей далеко уже за 40, но она и тогда еще не утратила своей изящной красоты. Вообще природа надѣлила ее рѣдкими сценическими средствами: строгій благородный профиль ея красиваго лица напоминалъ древнія камені; прямой, пропорціональный носъ, съ небольшимъ горбомъ, каштановые волосы, темно-голубые, даже синеватые глаза, окаймленные длинными рѣсницами, умѣренный ротъ,—все это вмѣстѣ обаятельно дѣйствовало на каждого, при первомъ взглядѣ

¹⁾ Эта безупречной честности женщина и добросовѣстная артистка, по справедливости, заслужила всеобщее уваженіе: она въ цвѣтущей своей молодости добровольно отказалась отъ брачнаго союза для своего семейства и всю жизнь ея была посвящена заботамъ и нѣжнымъ попеченіямъ о своихъ родныхъ. Она скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ, искренне оплакиваемая родными и близко знавшими ее.

на нее. Контральтовый, гармоничный тембръ ея голоса былъ необыкновенно симпатиченъ и въ сильныхъ патетическихъ сценахъ глубоко проникалъ въ душу зрителя. Въ греческихъ и римскихъ костюмахъ она бы могла служить скульптору великолѣпной моделью для воспроизведенія личностей: Агриппины, Лукреціи или Клитемнестры. Но вотъ въ чемъ еще важная заслуга нашей русской артистки: знаменитая Рашель играла въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, звучные и плавные стихи которыхъ и теперь еще цитируютъ, какъ образецъ классической версификаціи, а наша Семенова играла эти самыя пьесы въ переводахъ Лобанова, Поморскаго или, что еще хуже, графа Хвостова. Признаться, надо было много имѣть таланта, чтобы, произнося на сценѣ такія дубоватія вирши, приводить въ восторгъ зрителей своею игрою. Это все равно, еслибъ теперь, напримѣръ, заставить геніальную Патти пропѣть дикую ораторію абиссинскаго маэстро.....

Приведемъ для образчика нѣсколько этихъ неудобно-выговариваемыхъ стиховъ:

Герціона, въ трагедіи «Андромаха», перев. гр. Хвостова.

Гдѣ я? что дѣлаю? что дѣлать остается?
 Почто сей жаръ въ груди? почто такъ сердце рвется?
 Я по чертогамъ симъ, скитаючись, бѣгу...
 Люблю, или злобствую—сама звать не могу.

или:

Держа въ рукѣ кинжалъ, въ себя вонзила мечъ!

А вотъ стихи изъ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ переводѣ Лобанова, который тогда считался лучшимъ переводчикомъ:

О змѣѣ, ужаснѣйшей Мегеры лютыхъ чадъ,
 Чудовище, что къ намъ извергнувъ въ гнѣвъ адъ!
 И небо не гремитъ и зрю ее не мертвою,
 Но гдѣ, несчастная, найти мечтаю жертву?

или, въ той же трагедіи:

Мой духъ трепещеть!
 То кровь царя боговъ, что громъ съ Олимпа мечеть

Федра, Клитемнестра, Медея, Семирамида, Камилла (въ Горацияхъ), Антигона и Мелодра были торжествомъ таланта Е. С. Семеновой.

Не знаю почему, но одно мѣсто въ трагедіи «Медея» такъ сильно на меня подѣйствовало, такъ глубоко вѣззалось въ моей памяти, что даже, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ, я, какъ теперь ее вижу, слышу звукъ ея обаятельнаго голоса: это было именно послѣднее явленіе въ 5-мъ актѣ, когда Медея, зарѣзавъ своихъ дѣтей, является въ иступленіи къ Явону: въ правой рукѣ она держитъ окровавленный кинжалъ, а лѣвой — указываетъ на него, вперивъ свирѣпыя глаза въ измѣнника и говорить ему:

«Взгляни... вотъ кровь моя и кровь твоя дымится!»

Этотъ стихъ, произнесенный ею, постоянно производилъ потрясающее дѣйствіе на зрителей и вызывалъ громъ рукоплесканій. Здѣсь мнѣ пришло на память одно грустное происшествіе, случившееся съ Семеновою въ Москвѣ, которую она не разъ посѣщала.

Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ назначена была, для перваго выхода Екатерины Семеновны трагедія «Семирамида». Разумѣется, за нѣсколько дней до представленія, всѣ билеты были разобраны на расхватъ; но наканунѣ этого спектакля московскій актеръ Кондаковъ, который занималъ въ этой трагедіи роль Ассура, сильно захворалъ. Черезъ великую силу онъ кое-какъ пришелъ, однако, поутру на репетицію и предупреждалъ режисера, чтобы онъ на всякій случай принялъ какія-нибудь мѣры, потому что онъ играть, кажется, не въ состояніи. Режисеръ бросился къ директору съ этимъ не-приятнымъ извѣстіемъ. Директоромъ московскаго театра былъ тогда Майковъ; онъ немедленно пріѣхалъ въ театръ взбѣшенный и не хотѣлъ слышать никакихъ отговорокъ; отмѣнить такой интересный спектакль, котораго ждетъ половина Москвы, онъ ни за что не соглашался. Призвали доктора. Театральный эскулапъ пощупалъ пульсъ у больного, прописалъ ему что-то и сказалъ, что онъ ничего особенно важнаго не предвидитъ и полагаетъ, что къ вечеру больной поправится; Майковъ, съ своей стороны, пугнулъ бѣднягу и далъ ему замѣтить, что если изъ-за его ничтожной болѣзни спектакль не состоится, то за это не поздоровится ему во всю его жизнь; даже грозился отставить его отъ службы. Нечего дѣлать. Бѣдный Кондаковъ былъ человѣкъ пожилой, семьянинъ, запуганный, скромный по природѣ, хотя и изображалъ на сценѣ классическихъ злодѣевъ; онъ поворился необходимости: кое-

какъ окончилъ репетицію, вечеромъ явился въ театръ, облачился въ мишурную хламиду и, какъ гладиаторъ, пошелъ на смертную арену, по приказанію начальства.

Первый актъ прошелъ благополучно, но во второмъ актѣ, въ сценѣ съ Семирамидой, онъ долженъ стать передъ нею на колѣни... онъ сталь..... и упалъ мертвый къ ея ногамъ! Завѣсу опустили; публика поднялась... изъ-за кулисъ всѣ бросились къ нему... но... онъ уже покончилъ свою жизненную драму!.. апоплексическій ударъ былъ слѣдствіемъ его болѣзни.

Можно себѣ представить, какою потрясающею эфектъ произвела въ театрѣ эта роковая катастрофа.

Мертвеца отнесли въ уборную и совлекли съ него мишурное облаченіе.

Тотъ же эскулапъ, который поутру не предвидѣлъ ничего опаснаго въ болѣзни, пустилъ ему кровь, но никакія медицинскія мѣры не могли возвратитъ жизни бѣдному труженику.

Публика болѣе четверти часа оставалась въ недоумѣніи; наконецъ пришли ей возвѣститъ, что спектакль, по внезапной болѣзни актера Кондакова не можетъ быть оконченъ. Начался, конечно, шумъ, говоръ, суматоха: кто требовалъ назадъ деньги, кто спрашивалъ капельдинеровъ: можно-ли оставить билеты до будущаго представленія «Семирамиды»; нашлись, можетъ быть, и такіе господа, которые думали, что покойный просто былъ пьянъ. Впрочемъ, подробныя послѣдствія этого злополучнаго спектакля мнѣ неизвѣстны; но вотъ еще какая драма разыгралась за кулисами послѣ этой неоконченной трагедіи. Товарищи Кондакова, чтобы не испугать его жены и семейства, рѣшились оставить его трупъ до утра въ театрѣ, положили его въ уборной на столъ, покрыли простыней и зажгли на другомъ столѣ лампаду. Послѣ «Семирамиды» назначенъ былъ дивертисментъ, въ которомъ слѣдовало участвовать танцовщику Лобанову; онъ давалъ тогда уроки танцованія во многихъ домахъ, такъ точно и въ этотъ вечеръ занять былъ гдѣ-то на урокъ, и рассчитывая, что представленіе «Семирамиды» продолжится, по крайней мѣрѣ, часа три, не торопился на службу. Вотъ, часовъ около 10-ти, отправляется онъ спокойно на извозничей клячѣ въ театръ, но вдругъ издали замѣчаетъ, что вокругъ театра фонари погашены. У танцора душа ушла въ пятки. Онъ тузить въ спину своего ваньку, кри-

чить, чтобы тотъ скакалъ во всю мочь, и хотъ онъ былъ въ разгоряченномъ состояніи послѣ своихъ уроковъ, но его бросило въ ознобъ отъ страха.

— Что это значитъ? думалъ онъ, неужели ужъ кончился спектакль? неужели я опоздалъ?! возможно-ли, чтобы такъ рано отыграли «Семирамиду»?

Съ ужасомъ онъ представляетъ себѣ, какая страшная гроза стряслась надъ его головой! Наконецъ онъ подъѣзжаетъ къ театру, кругомъ все пусто: ни будочниковъ, ни жандармовъ, нѣтъ даже ни одной театральной кареты у подъѣзда. Опрометью взбѣгаетъ онъ на верхъ. Повсюду тьма, ни одной живой души: не у кого спросить. Кое-какъ ощупью добрался онъ до своей уборной (именно той, гдѣ былъ положенъ покойникъ), отворилъ дверь; видитъ лежитъ кто-то на столѣ, закрытый простынею. Полагая, что это долженъ быть сторожъ (который, какъ на грѣхъ, въ это время вышелъ куда-то), онъ тормозитъ покойника и кричитъ ему:

— «Фадѣвъ, Фадѣвъ! проснись! вставай поскорѣе! Давно-ли кончился спектакль?»

Сдергиваетъ простыню и видитъ посинѣлаго мертвеца, со сложенными на крестъ руками, къ которымъ прислоненъ маленький образокъ.

Легко вообразить себѣ, что было съ танцоромъ въ этотъ моментъ. Съ крикомъ бросился онъ изъ уборной, сбѣжалъ внизъ, за кулисами хватился лбомъ объ стѣну, едва могъ отыскать выходныя двери и, какъ полупомѣшанный, выбѣжалъ на улицу. Квартира его находилась довольно далеко отъ театра, но онъ шагу не могъ сдѣлать: ноги у него подкашивались, онъ готовъ былъ упасть у самага подъѣзда. По счастью, извозчику, который привезъ его, онъ, въ попыхахъ, забылъ отдать деньги, и тотъ ждалъ у подъѣзда его возвращенія. Кинувшись въ сани, онъ едва могъ выговорить, куда его везти. Послѣ этого происшествія бѣднякъ Лобановъ недѣль шесть пролежалъ въ горячкѣ и чуть не отправился вслѣдъ за виновникомъ своего паническаго страха.

Екатерина Семеновна окончателно оставила сцену въ началѣ 1826 года; вскорѣ послѣ того она вышла замужъ за сенатора, д. т. сов. кн. Ивана Алексѣевича Гагарина и переселилась на жительство въ Москву, гдѣ, будучи княгинею, иногда

играла на домашнихъ театрахъ. Овдовѣвъ, она нѣсколько разъ прїѣзжала въ Петербургъ и также участвовала раза два въ любительскихъ спектакляхъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ известнаго тогда капиталиста, Александра Карловича Галлера. Послѣдній разъ, въ 1847 г., она рѣшилась сыграть для публики и приняла участіе въ спектаклѣ, данномъ съ благотворительною цѣлью въ домѣ Энгельгардта, гдѣ теперь помѣщается купеческій клубъ. Всѣ эти спектакли мнѣ привелось видѣть.

Но, Боже мой! кѣмъ она была окружена! Это были трагик-любители, въ числѣ которыхъ первенствовали и, трянувъ стариной, свирѣпствовали нашъ мученикъ драматическаго искусства пресловутый Александръ Ивановичъ Храповицкій (о которомъ я упоминалъ въ прежнихъ отрывкахъ изъ моихъ записокъ). Понятное дѣло, каково ей было возиться съ такими Агамемнонами, Тезеями и Явонами. И все-таки, несмотря на окружающій ее персоналъ, на преклонныя ея лѣта (ей было тогда уже 62 года), были минуты, когда, какъ-будто прозвучать давно, давно знакомые мнѣ звуки ея дивнаго голоса, какъ-будто изъ-подъ пепла блеснетъ на мгновеніе искора того божественнаго огня, который, во время оного, воспламенялъ эту великую художницу! Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ казалось, но молодежь, не выдавшая этой гениальной артистки въ лучшую ея пору, насмѣшливо смотрѣла на эту верховную жрицу Мельпомены и говорила:

— Помилуйте, неужели эти развалины могли быть когда-нибудь знаменитостью?

Да, можетъ быть это были и развалины, но развалины Коллея, на которыя художники и теперь еще смотрятъ съ благоговѣніемъ.

Семенова скончалась въ 1849 году, отъ тифозной горячки, въ Петербургѣ, куда прїѣхала на время, по случаю какой-то семейной тяжбы, и занимала скромную квартиру въ 3-мъ этажѣ, въ угловомъ домѣ, у Обухова моста, гдѣ она и жила вмѣстѣ съ старшей своею дочерью.

Похороны ея были также очень скромны и немногочисленны. Братъ мой, Александра Михайловна—жена его, Сосницкій, Брянскій, я и еще нѣсколько современныхъ ей артистовъ, конечно, за долгъ себѣ поставили проводить на владбище эту великую художницу.

Но вотъ что осталось, по кончинѣ ея, странной и до сихъ поръ неразъясненной загадкой: состояніе Е. С. Семеновою, по словамъ близвнихъ къ ней людей, простиралось до полутора миліона рублей ассигнаціями. Кромѣ ея собственнаго капитала, пріобрѣтеннаго ею въ продолженіи двадцати-лѣтней службы при театрѣ, покойный ея мужъ, еще при жизни своей, продалъ домъ свой—въ Большой Милліонной, дачу на Аптекарскомъ островѣ, огромное подмосковное имѣніе и всѣ деньги, полученныя отъ этой продажи, отданы были ей. Гдѣ этотъ капиталъ сохранялся, былъ-ли онъ положенъ въ банкъ, или ломбардъ? никто этого не могъ узвать. Если бы даже этотъ капиталъ былъ положенъ на имя неизвѣстной, какъ тогда зачастую дѣлалось, или былъ отданъ въ частныя руки, то куда же дѣвались билеты, росписки или квитанціи на такую огромную сумму? Короче сказать, ни духовнаго завѣщанія, ни деверъ, ни квитанцій нигдѣ не оказалось—все исчезло безъ всякаго слѣда!

VI.

Лѣтъ за пять еще до построенія главнаго штаба, на этомъ самомъ мѣстѣ находился такъ называемый Купшелевскій театръ: вѣроятно онъ носилъ такое названіе по фамиліи прежняго домовладѣльца. На этомъ театрѣ, въ 13 и 14 годахъ, давались русскіе спектакли молодою труппою (какъ гласила афиша), подъ руководствомъ кн. Шаховскаго. Сосницкій, Брянскій, Рамазановъ, Боченковъ, Величкинъ, Воробьева (впослѣдствіи вышедшая замужъ за Сосницкаго), Асенкова (мать Варвары Николаевны), Анна Матѣевна Степанова (впослѣдствіи жена Брянскаго) и многіе другіе тутъ начали свою артистическую карьеру.

Въ концѣ 1814 г. Купшелевскій театръ былъ отданъ во владѣніе нѣмецкой труппѣ. Туда зачастую требовали воспитанниковъ Театральнаго училища (говоря технически) и на выходѣ, для изображенія пажей, пейзажъ, рыцарей и тому подобныхъ безсловесныхъ персонажей, въ числѣ которыхъ и я тогда участвовалъ. Помню я, что зрительная зала этого театра была очень некрасива: закоптѣлая позолота, грязныя драпри у ложъ, тусклая люстра, на сценѣ ветхія девораціи и кулисы, въ коридорахъ повсюду деревянные лѣстницы, въ уборныхъ была постоянная копоть отъ неисправныхъ лампъ, наполненныхъ чуть-ли ни постнымъ масломъ.

Театральный подвѣздъ приходился прямо противъ главныхъ воротъ Зимняго дворца. Ничего не было для меня скучнѣе этихъ нѣмецкихъ спектаклей; особенно въ праздничные, или воскресные дни, въ которые насъ обыкновенно распускали изъ школы, а тутъ вдругъ потребуютъ на репетицію, гдѣ пробудешь часовъ до трехъ, а въ шесть надо было ѣхать въ спектакль; бывало едва успѣешь сбѣгать домой повидаться съ родными и кое-какъ, на-скоро пообѣдать.

Въ тогдашней нѣмецкой труппѣ были первыми артистами Гебгардтъ (трагикъ)—мужъ и жена, Вильде также mit seiner Frau; Линденштейнъ—mit seiner Frau (она была въ то время знаменитая пѣвица); Заценговенъ—mit seiner Frau, Цилиаксъ—mit seiner Frau и другіе. Замѣчательно, что всѣ нѣмецкіе актеры того времени были женаты на актрисахъ, и, волей и неволей, должны были чуть не ежедневно изъясняться въ любви публично своимъ дражайшимъ половинкамъ.

Понстинѣ тутъ нужно, какъ говорится, нѣмецкое терпѣніе и постоянство.

Часто мнѣ случалось, въ эти безконечные спектакли, проспать часа два, или три, гдѣ-нибудь за кулисами, въ ожиданіи своего выхода. Тогда длинуту своихъ представленій артисты увеличивали совершеннымъ незнаніемъ ролей. Суфлеръ, безъ церемоніи, кричалъ имъ изъ своей будки чуть не вовсе горло. Можетъ быть эти артисты говорили и съ чувствомъ и съ толкомъ, только съ ужасной разстановкой. Естественно, что по этой причинѣ спектакли требовали вдвое болѣе времени.

У суфлера, какъ я замѣчалъ, тогда постоянно была подъ рукою бутылка пива, которою онъ, держа за горлышко, пользовался безъ помощи стакана во время перемѣны декорацій, безъ чего, конечно его собственное горло до того бы пересохло, что, наконецъ, онъ не могъ бы произнести ни одного слова.

Помню я, какъ въ этихъ спектакляхъ, за неимѣніемъ статистовъ и хористовъ, нанимали просто булочниковъ и колбасниковъ, которымъ платили обычную плату за вечеръ; и благородные рыцари, гранды или римскіе патриціи, по окончаніи спектакля, снявъ знаки своихъ достоинствъ, отправлялись месить тѣсто, или начинать блютвурсты. Еще мнѣ припоминается одинъ пошлый анекдотъ съ теноромъ Цейбигомъ. Этотъ пѣвецъ имѣлъ привычку

во время пѣнія до невозможности раскрывать свой большой ротъ. Однажды кто-то изъ зрителей, сидя въ креслѣ 1-го ряда (вѣроятно это былъ нашъ братъ-русакъ; видно по замашкѣ), принесъ съ собою въ театръ хлѣбныхъ шариковъ и такъ искусно сдѣлалъ приловчиться, что во время какой-то длинной ферматы пустилъ незамѣтнымъ образомъ одинъ изъ хлѣбныхъ шариковъ прямо ему въ ротъ.

Бѣдный пѣвецъ оборвался на самой высокой нотѣ, закашлялся и долженъ былъ проглотить эту оскорбительную шутку; съ тѣхъ поръ онъ всегда старался отвертываться въ сторону, когда ему приходилось тануть длинную фермату.

Нѣмецкая публика, въ то патріархальное время, была очень простодушна: мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть въ ложахъ, даже 1-го яруса, пожилыхъ зрительницъ въ простыхъ чепчикахъ, одѣтыхъ по домашнему, съ чулкомъ, или филейнымъ вязаньемъ въ рукахъ. Онѣ внимательно слѣдили глазами за всѣми движеніями артистовъ, не пропускали ни одного слова, если только, разумѣется, не случалось имъ самимъ спускать петель. Когда же происходило на сценѣ что-нибудь очень чувствительное, танти и муттерхены, положуть, бывало, свое вязанье на барьеръ или себѣ на колѣни, сложуть вмѣстѣ пальцы, глубоко вздохнуть, поднимуть глаза въ небо, потомъ поднимуть очки на лобъ, утрутъ платкомъ слезы, высморкаются и снова примутся за свою работу.

VII.

Въ началѣ 1825 г. съ нашимъ театральнымъ кружкомъ сблизился капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, Александръ Ивановичъ Якубовичъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде въ моихъ запискахъ.¹⁾ Очень часто я встрѣчалъ его въ домѣ кн. Шаховскаго. Это былъ замѣчательный типъ военнаго человѣка: онъ былъ высокаго роста, смуглое его лицо имѣло какое то свирѣпое выраженіе: большіе черные, на выкатѣ глаза, словно налитые кровью, сросшіяся густыя брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую онъ постоянно носилъ въ то время, придавали его фізіономіи какое-то мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое значеніе. Когда онъ сардонически улыбался, бѣлые, какъ слоновою костью, зубы, бле-

¹⁾ «Русская Старина» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 301—303.

стѣли изъ-подъ усовъ его и двѣ глубокія, рѣзкія черты появлялись на его щекахъ, и тогда эта улыбка принимала какое-то звѣрское выраженіе. Любили мы съ братомъ слушать его любопытные рассказы о кавказской жизни и молодецкой, боевой удали. Эти рассказы были любимымъ его конькомъ, запасъ ихъ у него былъ неистощимъ. Онъ вполне могъ назваться Демосееномъ военнаго краснорѣчія. Дѣйствительно даръ слова у него былъ необыкновенный; рѣчь его лилась какъ быстрый потокъ, безостановочно; можно было подумать, что онъ свои рассказы прежде приготавливалъ и выучивалъ ихъ наизусть: каждое слово было на своемъ мѣстѣ и ни въ одномъ онъ никогда не запинался.

Если-бъ 14-го декабря (гдѣ онъ былъ одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ) ему довелось говорить народу, или, особенно, солдатамъ, онъ бы представительной своею личностію и блестящимъ краснорѣчіемъ могъ сильно подѣйствовать на толпу, которая всегда охотница до эффектовъ.

Мы, съ братомъ, нѣсколько разъ у него бывали; онъ жилъ тогда очень комфортабельно, у Краснаго моста, на углу Мойки; у него часто собиралось большое общество и мы встрѣчали тамъ многихъ молодыхъ людей, которые впоследствии получили печальную извѣстность, подъ именемъ декабристовъ. У него бывали между прочими — Рылѣевъ, Александръ Бестужевъ, кн. Одоевскій и Кюхельбекеръ. Иногда, послѣ обѣда, кто-нибудь изъ гостей (а чаще другихъ Рылѣевъ) просили моего брата прочесть что-нибудь изъ театральныхъ пьесъ — и братъ часто декламировалъ лучшіе монологи изъ любимыхъ его трагедій и мастерскимъ чтеніемъ своимъ доставлялъ всѣмъ большое удовольствіе. Помню я, какъ однажды, незадолго до роковаго 14-го декабря, мы сидѣли у Якубовича за обѣдомъ, вдругъ входитъ его денщикъ и подаетъ ему паветъ изъ главнаго штаба. Онъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ, шумный разговоръ умолкъ... Якубовичъ прочелъ бумагу и глаза его еще сильнѣе налились кровью. Онъ передалъ бумагу Рылѣеву, который сидѣлъ подлѣ него, въ нему наклонились другіе и читали молча, нѣкоторые переглянулись между собою и видимо были сильно переконфужены. Мы, не посвященные въ ихъ тайны, конечно, не могли тогда понять, какая причина была ихъ тревога. Наконецъ Якубовичъ разразился полнымъ негодованіемъ. Дѣло было въ томъ, что дежурный гене-

раль прислалъ къ нему запросъ: почему онъ такъ долго остается въ Петербургѣ и не возвращается на Кавказъ? Вѣроятно срокъ его отпуска уже окончился. Якубовичъ скомкалъ бумагу и бросилъ ее на окошко.

— Чего еще имъ нужно отъ меня?!—вскричалъ онъ, развѣ они не знаютъ, зачѣмъ я проживаю въ Петербургѣ? Развѣ на лбу моемъ не напечатана кровавая причина?

При этихъ словахъ онъ сорвалъ повязку съ своего лба, на которомъ широкій пластырь прикрывалъ его разбитый черепъ.

— Я могу имъ представить свидѣтельство отъ Арендта; онъ мнѣ здѣсь два раза дѣлалъ трепанацію. Что же еще имъ надобно? Вѣдь я для царской же службы подставлялъ этотъ лобъ!..

Александръ Бестужевъ сострилъ что-то по этому случаю, всѣ расхохотались и бесѣда пошла по прежнему: шумно и весело, какъ ни въ чемъ небывало. Послѣ обѣда мы сѣли на диванъ и закурили трубки, а нѣкоторые изъ гостей, въ другой комнатѣ составили отдѣльные кружки и тихо начали разговаривать между собою.

Послѣ 14-го декабря намъ сдѣлалось все ясно, тутъ мы поняли, какое важное значеніе имѣла эта бумага, присланная изъ главнаго штаба, а тогда мы, конечно, ничего не могли заподозрить.

Въ концѣ ноября было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича. Это неожиданное событіе всѣхъ сильно поразило. Всѣ почти непритворно о немъ плакали; появились гипсовые его бюсты, портреты съ печальными эмблематическими изображеніями, траурныя кольца съ надписью: «Нашъ ангель на небесахъ», все это покупалось тогда на расхватъ. Прошли смутныя, тяжелыя двѣ недѣли междуцарствія, въ продолженіи которыхъ успѣли налитографировать портретъ Константина Павловича съ подписью: «Императоръ всероссійскій».

Приближалось грозное 14-е декабря...

Въ народѣ распространялись тревожные слухи, что общественное мнѣніе сильно раздѣлено относительно пріемника престола. На рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, разные городскія сплетни и нелѣпыя толки; много было зловѣщихъ разсказовъ. Такъ и наша прислуга слышала гдѣ-то 13-го декабря, что завтра-де назначена войскамъ присяга и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю Павловичу. Разумѣется, мы этому

ничему не вѣрили и запретили нашей прислугѣ повторять такія неслѣпости.

Наступило утро роковаго дня; казалось, что все шло обычнымъ своимъ порядкомъ: на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно. Въ этотъ день былъ именинникъ нашъ директоръ, Аполлонъ Александровичъ Майковъ, который хотѣлъ справлять свои именины у дочерей своихъ Азаревичевыхъ, жившихъ съ матерью въ казенной квартирѣ въ домѣ Голлидея, во 2-мъ этажѣ (въ томъ самомъ домѣ, гдѣ и мы жили). Надъ ними была тогда квартира танцовщицы Еватерины Телешовой, которую генерал-губернаторъ, гр. Милородовичъ, довольно часто посѣщалъ. Часовъ въ 10 съ половиной графская карета, четверней, подъѣхала къ крыльцу со двора и графъ, въ полной парадной формѣ, въ голубой лентѣ вышелъ изъ нее и пошелъ, по обыкновенію, прежде на верхъ къ Телешовой, а потомъ общалъ зайти на пирогъ къ имениннику. Видя генерал-губернатора въ то утро совершенно спокойнымъ, мы тоже начали успокоиваться и были почти увѣрены, что неслѣпыя вчерашніе слухи не имѣли никакого основанія, иначе какъ бы могъ въ такой важный день и часъ губернаторъ столицы быть въ гостяхъ у частнаго лица? Неужели бы эти зловѣщія городскіе слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа, по приѣздѣ графа, какъ во дворъ нашъ прискакалъ во весь карьеръ казакъ, соскочивъ съ лошади, онъ побѣжалъ на верхъ, въ квартиру Телешовой, и черезъ нѣсколько минутъ карета подъѣхала къ подъезду и графъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ карету, дверцы которой едва успѣлъ захлопнуть его лакей и карета стремглавъ помчалась за ворота. Мы побѣжали смотрѣть въ окна, выходившіе на Офицерскую улицу и тутъ увидѣли баталіонъ Гвардейскаго Экипажа, который шелъ въ безпорядкѣ, скорымъ шагомъ, съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ; баталіономъ предводительствовалъ знакомый намъ капитанъ Балвашинъ. Уличные мальчишки окружали солдатъ и кричали: «ура!»

Быстрый отъѣздъ графа и эта послѣдняя картина мало добраго общала. Мы, съ братомъ, начали собираться со двора, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но матушка наша взяла съ насъ слово, чтобы мы далеко не ходили, чтобы не совались въ толпу и были осторожныѣе. Мы пошли по Большой Морской и тутъ

встрѣтили Сосниццаго, который отправился вмѣстѣ съ нами; мимоходомъ втроемъ завернули мы въ Якубовичу, чтобъ отъ него, какъ отъ военнаго человѣка, что-нибудь узнать обо всей этой сумятицѣ. У него былъ приготовленъ на столѣ завтракъ, но онъ былъ видимо что-то не въ себѣ, въ какомъ-то тревожномъ состояніи. Якубовичъ поздоровался съ нами и сказалъ:

— Закусите, господа, да пойдѣте вмѣстѣ на Сенатскую площадь; сегодня присяга, посмотримъ что тамъ дѣлается...

Но намъ нешелъ кусокъ въ горло, и мы отказались отъ завтрака. Онъ велѣлъ подать себѣ шенель и мы всѣ вышли на улицу. Съ Гороховой шла значительная часть Московскаго полка, также съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами; густая толпа разнаго сброду и особенно пропасть мальчишекъ окружали солдатъ и горланили: «ура!» Якубовичъ пожалъ руку моему брату и побѣжалъ впередъ, вскорѣ мы потеряли его изъ виду; поворота за уголъ на Морскую, мы увидѣли Якубовича уже безъ шинели, съ обнаженной саблей, впереди полка, онъ сильно кричалъ и махалъ своей саблею. Мы взялись съ братомъ за руки, чтобъ толпа не оттерла насъ другъ отъ друга и пришли на Дворцовую площадь — и тамъ увидѣли новаго императора, въ полной парадной формѣ, передъ баталіономъ Преображенскаго полка. Онъ былъ блѣденъ, но на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшей робости, онъ торопливо отдавалъ какія-то приказанія своимъ адъютантамъ и окружавшимъ его генераламъ.

Все, видѣнное нами, до сихъ поръ была только шумная увертюра передъ той кровавой драмой, которая, черезъ часъ, должна была разыгратъ на Сенатской площади. Со всѣхъ улицъ густыя толпы людей — всякаго званія и возраста — стекались ко дворцу и къ сенату. Тамъ скакала кавалерія; тутъ бѣжала пѣхота: дальше сверкали артилерійскія орудія. Вся эта обстановка предвѣщала близкую грозу и потому мы, съ братомъ, рѣшили лучше, по добру да по здорову, обратиться во-свои.

Братъ мой хотя и разыгрывалъ героевъ во многихъ народныхъ трагедіяхъ и площадныхъ мелодрамахъ, но представленіе на Сенатской площади было намъ обоемъ не по вкусу, и мы должны были оставить свое неумѣстное любопытство, за которое могли дорого поплатиться, потому что пуля-дура — не разбираетъ ни праваго, ни виноватаго.

На обратномъ пути мы увидѣли карету гр. Милорадовича, безъ кучера и фореитора; посторонніе люди вели лошадей подъ уздцы. Тутъ намъ сказали, что въ кучера и фореитора народъ бросалъ на площади полѣвнями и избилъ ихъ, Богъ знаетъ за что.

Мы воротились домой часа въ два и рассказали отцу и матери все, что видѣли. День былъ пасмурный, перепалдалъ легкій снѣгъ и къ тремъ часамъ значительно стемнѣло. Мы все сидѣли у окошекъ и видѣли непрерывную суетню на улицѣ: то проскачетъ казакъ, то жандармъ, то фельдъегерь промчится во всю прыть. Часу въ четвертомъ, съ той стороны, гдѣ Сенатская площадь что-то мелькнуло и черезъ нѣсколько секундъ раздался пушечный выстрѣлъ, потомъ — другой, третій и въ нашихъ сердцахъ болѣзненно отозвались эти зловѣщіе выстрѣлы. Матушка наша перекрестилась и заплакала. Тутъ кто-то изъ нашихъ знакомыхъ прибѣжалъ къ намъ прямо съ площади и связалъ, что гр. Милорадовичъ смертельно раненъ и что въ бунтовщиковъ стрѣляли картечью. Матушка наша никого изъ домашнихъ не отпускала отъ себя. Обѣденный столъ давно былъ накрытъ, но никому изъ насъ и въ голову не приходило пойти въ столовую и мы цѣлый вечеръ провели въ мучительномъ безпокойствѣ и неизвѣстности. Едва только совсѣмъ смерклось, какъ начали показываться казацкіе патрули по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Казакамъ было приказано разгонять народъ, если онъ будетъ собираться кучками или толпою.

Ночью на Сенатской и Дворцовой площади зажжены были костры и нѣкоторые части войска оставались тамъ до утра; около дворца ночевала артилерія съ заряженными пушками, по другимъ улицамъ разставлены были пиветы. На другой день, очень рано я, съ братомъ, пошелъ на Сенатскую площадь и мы увидѣли кровавые слѣды вчерашней драмы. Въ сенатѣ окончныя стекла и рамы втораго этажа были разбиты въ дребезги. Говорили, что покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, желая избѣгнуть пролитія крови, приказалъ артилеристамъ сдѣлать первый выстрѣлъ по верху; но тутъ было нѣсколько невинныхъ жертвъ неумѣстнаго любопытства: иные зѣваки, которые забрались на балконъ, чтобы оттуда взглянуть, что дѣбалось посреди площади, поплатились своими головами. Мы, съ братомъ, въ то утро сами

гидѣли кровавыя пятна на стѣнѣ и на нѣкоторыхъ колоннахъ. Около сената, во многихъ мѣстахъ, снѣгъ былъ смѣшанъ съ кровью; остатки ночныхъ востровъ чернѣлись повсюду. Конно-гвардейскіе отряды разѣвжали по главнымъ улицамъ. Я подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ унтер-офицера о князѣ Одоевскомъ, который былъ тогда корнетомъ въ этомъ полку. Унтеръ какъ-то подозрительно взглянулъ на меня и грубо отбѣчалъ мнѣ:

— Ты спрашиваешь: гдѣ князь Одоевскій? Ну, гдѣ онъ будетъ еще Богъ вѣсть!

Братъ мой взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ ты тутъ суешься? Видишь, стало быть, и бѣдный князь попался.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій былъ другомъ Грибоѣдова и мы у него въ дому познакомились съ нимъ. Ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ; онъ былъ очень красивой наружности, прекрасно образованъ, кроткаго и добраго характера, но энтузіастъ, съ пылкимъ воображеніемъ, его легко было увлечь въ разговоръ. Шиллеръ былъ его любимымъ поэтомъ и вообще онъ восхищался нѣмецкой литературой. Въ роковой вчерашній день онъ оставилъ свой полкъ и перешелъ въ ряды бунтовщиковъ.

По слѣдствію оказалось, что онъ уже полгода назадъ сдѣлался членомъ тайнаго общества.

Розыскы и допросы слѣдственной комисіи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Часто случалось намъ, въ продолженіи этого времени, видѣть фельдъегерскую тройку съ какимъ-нибудь несчастнымъ, котораго везли къ допросу изъ-за заставы; или, иногда, подъ вечеръ стоявшію наемную карету у крыльца какаго-нибудь дома, откуда выходилъ человѣкъ, закутанный въ шубу, или шинель, садился съ жандармскимъ офицеромъ въ карету, а жандармъ помѣщался на возлахъ или на запяткахъ. Тяжело, грустное было время.

Могло-ли намъ, съ братомъ, придти въ голову, что за нѣсколько недѣль до 14-го декабря мы обѣдали въ кругу главныхъ двигателей заговора. Матушка наша долго была въ тревожномъ состояніи, опасаясь, чтобы намъ не пришлось несолоно похлебать

за эти обѣды и чтобы и насъ не позвали въ допросу за компанію, но, слава Богу, этого не случилось.

Однажды (это было уже въ августѣ мѣсяцѣ, 1826 года) къ намъ пришелъ деньщикъ Якубовича и сказалъ брату, что его господинъ приказалъ доставить ему, на память, волтеровскія сафьянныя кресла. Матушка до смерти перепугалась и не хотѣла слышать объ этомъ подаркѣ.

— Сохрани тебя Господи, Базиль, братъ эти кресла, говорила она ему; можетъ быть въ нихъ запрятаны какія-нибудь бумаги, которыя могутъ тебя погубить!

Братъ хоть и посмѣялся этому предположенію, но не взялъ кресель, чтобъ успокоить матушку. Мы стали спрашивать деньщика, когда и какъ былъ арестованъ Якубовичъ и онъ намъ все подробно рассказалъ. Поздно вечеромъ 14-го декабря, Якубовичъ воротился домой, тотчасъ же зарядилъ карабинъ и поставилъ его на окошко, потомъ велѣлъ на-крѣпко запереть двери съ подъѣзда и рѣшительно никого не впускать къ нему. Часу въ первомъ ночи пріѣхалъ полиціймейстеръ Чихачевъ, съ жандармами, и требовалъ, чтобъ его впустили; ему долго не отворяли дверей, но когда онъ грозился ихъ выломать, Якубовичъ приказалъ отпереть двери. Всѣ бумаги его были забраны и сложены въ наволочку и онъ безпрекословно позволилъ взять себя.

Тутъ его деньщикъ простодушно прибавилъ:

— Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они изволили зарядить карабинъ? Онъ такъ, нетронутый, и остался на окошкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, поступокъ Якубовича былъ очень загадоченъ; никто, конечно, не сомнѣвался въ его храбрости; и, глядя на его воинственную личность, казалось бы что этому человѣку — жизнь ни почемъ, но, быть можетъ, онъ еще надѣялся оправдаться, а можетъ быть у него просто не хватило духу — пустить себѣ пулю въ лобъ, несмотря на то, что черкеская пуля уже проложила туда дорогу.

Долго еще послѣ 14-го декабря ходили по городу разные анекдоты и рассказы — и въ драматическомъ и комическомъ родѣ; такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что увлеченные къ бунту солдаты положительно не знали настоящей причины возмущенія; начальники и предводители ихъ, заставляя ихъ кричать: «здравствуетъ конституція!» увѣряли солдатъ, что это супруга

Константина Павловича. Нѣкоторые изъ солдатъ, стоявшіе около сената, захватили тогда, въ свой кружокъ, какого-то стараго нѣмца-сапожника, зѣвавшаго на нихъ по близости изъ любопытства. Они его заставили ружейными прикладами, вмѣстѣ съ ними, провозглашать конституцію! Бѣдный нѣмецъ надсѣдался до хрипоты, но, наконецъ, выбившись изъ силъ, сказалъ имъ:

— Господа солдаты, ради Бога, отпустите меня, возьмите свѣжаго нѣмца, у меня больше голосу нѣтъ, я совсѣмъ не могу провозглашать русскую конституцію!

П. Каратыгинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Нѣсколько о немъ припоминачій.

II. 1)

Дружественныя связи Тургенева съ Жуковскимъ начались еще въ дѣтствѣ, въ университетскомъ пансіонѣ московскомъ, гдѣ оба, будучи почти одинакихъ лѣтъ, вмѣстѣ учились. Позже близость отношений, одинаковость нравственныхъ убѣжденій и взаимное уваженіе и довѣріе скрѣпили эту дружбу навсегда. Жуковскій, конечно, не для стиха называлъ Тургенева „мой братъ, мой другъ-хранитель“ (1810), не случайно, и Тургеневъ съ видимой радостью приводилъ въ своихъ замѣткахъ то ту, то другую мысль въ томъ видѣ, какъ она была высказана Жуковскимъ. Изданныя доселѣ письма изъ ихъ переписки, въ сожалѣнію, большею частію относятся ко времени ихъ молодости; впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ взяты какъ свидѣтельства о ихъ дружбѣ того времени, когда одинъ изъ друзей пользовался только славой даровитаго поэта, а другой—поднимался все выше въ служебной жизни и могъ изъ-за этихъ успѣховъ, подобно сотнямъ и тысячамъ другихъ, забывать все. Нельзя думать, чтобы позже, когда настала пора внѣшней дѣятельности Жуковского и приостановилась эта дѣятельность для Тургенева, дружба ихъ могла охладѣть. Что это было не такъ,—доказываютъ, между прочимъ, письма 1826—1827 гг., когда передъ Жуковскимъ начала раскрываться дѣятельность наставника Государя Наслѣдника. Одному было 43 года, другому—45 лѣтъ.

Въ письмахъ Тургенева этого времени особенно много и часто говорится о Жуковскомъ. Изъ отзывовъ и замѣчаній Тургенева узна-

---

1) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 555—564.

емъ Жуковского какъ поэта, какъ человѣка и какъ русскаго, ясные чѣмъ изъ многихъ другихъ подобныхъ.

Выѣхавъ изъ Россіи лѣтомъ 1826 г. къ большому брату своему, Сергѣю, который въ то время лѣчился въ Дрезденѣ, Тургеневъ остался въ этомъ городѣ до конца апрѣля 1827 г. Былъ въ то же время тамъ Жуковский, и они два брата—Тургеневъ и Жуковский—часто проводили время вмѣстѣ. „Послѣ обѣда обыкновенно читаемъ мы всѣ вмѣстѣ трое: я—чтець, а Жуковский и братъ—слушатели“. (11-го октября 1826 г.).

Почти въ то же время Жуковский писалъ Козлову: „Я пріѣхалъ наконецъ въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми. Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполне воспользоваться здѣшнейю совершенною свободою“.

Была въ это время у Жуковского и братьевъ Тургеневыхъ и общая забота—составленіе библіотеки для великаго князя Наслѣдника. Душою преданные этому дѣлу, они увлекали въ него всѣхъ, кого могли. Тургеневъ Николай жилъ въ это время въ Англій и оттуда долженъ былъ помогать. „Не придумаешь-ли—писалъ ему Александръ Ивановичъ—назначить намъ какія-нибудь лучшія книги англійскія въ разныхъ родахъ и лучшія изданія; но не великолѣпныя. Мы дѣлаемъ для Жуковского реэстръ всего классическаго въ разныхъ родахъ, для составленія библіотеки Великаго Князя, которая должна имѣть лучшее и новѣйшее, именно: 1) для чтенія, со временемъ, ему самому, и 2) для учителей, т. е. для приготовленія ихъ къ урокамъ съ помощью лучшаго по каждой части, на примѣръ: исторія во всѣхъ ея родахъ и подраздѣленіяхъ, философія, литература, воспитаніе вообще, военное искусство, законодательство и прововѣдѣніе. Что замѣтишь хорошаго по каждой изъ сихъ и другихъ частей, запиши и пришли названіе книги замѣченной“. (11-го октября 1826 г.).

Позже (2-го мая 1827 г.) Тургеневъ отмѣтилъ: „Жуковский для Великаго Князя сдѣлалъ покупу книгъ на 4 тысячи талеровъ, по нашему общему выбору и по совѣту ученыхъ“.

Еще позже, чрезъ полгода послѣ разлуки съ Жуковскимъ (15-го окт.) Тургеневъ, вслѣдъ за приведеніемъ отзывовъ изъ писемъ Бонета о Мюллерѣ написалъ:

„Мнѣ хочется выбрать для Жуковского родъ эпистолярной хрестоматіи изъ сихъ писемъ, но въ связи съ письмами Мюллера, до и послѣ кончины его напечатанными и составить нѣчто цѣлое, присоединивъ біографическія краткія статьи къ каждому корреспонденту и

исчисленіе твореній ихъ. Ему бы это послужило для воспламененія юной души его питомца къ прекрасному въ различныхъ родахъ и согрѣло бы сердце питомца чувствомъ дружбы, которое оживляло всю жизнь юношей и старцевъ, ибо 80-ти-лѣтній Бонштетенъ и въ семь году писалъ къ Матисону перомъ 20-ти-лѣтняго Мюллера. Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслію“.

Тургеневъ не растался съ Жуковскимъ и по отъѣздѣ въ Парижъ (въ маѣ 1827 г.):

„Стараюсь быть полезенъ Жуковскому и вознаградить ему время, которое дружба его посвятила намъ и въ Парижѣ; но онъ познакомился уже самъ съ Парижемъ. (12-го іюня 1827 г.).

„Третьяго дни просидѣли мы четыре часа за президентомъ въ police correctionnelle. Судили учениковъ медицинской школы. Адвокатъ Королевскій послѣ допроса сдѣлалъ изложеніе процеса, но вступленіе, поправившееся Жуковскому, меня взбѣсило. Онъ риторствовалъ на счетъ мнѣній и рѣчей, коими либералы возмущаютъ публику и представлялъ въ ужасной картинѣ послѣдствія подобныхъ сценъ и поступковъ. Жуковского эти судебныя сцены болѣе интересуютъ, нежели все прочее въ Парижѣ. (21-го іюня 1827 г.).

„Русскій, по имени Швецовъ, занимающійся на счетъ Демидова металлургіею, будетъ ходить къ тебѣ. Онъ поѣдетъ и путешествовать по Англии. Его хвалятъ. Онъ ѣдетъ послѣ завтра и я далъ ему книжку и нѣсколько строевъ къ тебѣ. Онъ растрогалъ меня объясненіемъ своего положенія. Не знаю, удастся-ли ему помочь со временемъ: эгоизмъ и предрасудки могутъ помѣшать. Вотъ въ чемъ дѣло: онъ воспитанникъ Демидова, взятый изъ Сибири, съ заводовъ, къ коимъ онъ приписанъ; слѣдовательно и ему и заводамъ закрѣпощенный, Демидовъ воспитывалъ его здѣсь въ школѣ des mines; онъ учился прекрасно и получилъ хорошій аттестатъ отъ здѣшнихъ. Потомъ путешествовалъ въ Италиі, Венгріи, Германіи и во Франціи, чтобы на опытъ видѣть улучшенія по рудокопной части. Просилъ лично Демидова дать ему отпускную; но Демидовъ отказалъ... далъ ему только актъ съ общаніемъ, что если черезъ 10 лѣтъ онъ хорошо будетъ вести себя въ Сибири и возвратитъ ему то, чего стоило ему его воспитаніе и ученіе, то тогда онъ дастъ ему свободу. Несмотря на это, несмотря на возможность получить и въ чужихъ краяхъ мѣсто, Швецовъ, со слезами на глазахъ и со страхомъ въ сердцѣ, хочетъ ѣхать въ Сибирь; но собирается просить, изъ Англии или изъ Берлина, государя о позволеніи держать въ Петербургѣ, въ Горномъ корпусѣ, экзаменъ и потомъ объ освобожденіи“.

Всѣгда за сообщеніемъ этого извѣстія, Тургеневъ продолжаетъ:
 „Мы подумаемъ, какъ это устроить въ Петербургѣ чрезъ Жуковскаго и Пер(овска)го. Швецовъ можетъ имѣть нужду и въ твоихъ совѣтахъ по редакціи письма и пр. помощи ему. Онъ меня растрогалъ и заставилъ вдохнуть не по немъ одному. Но все дѣлается рубою провидѣнія; и въ душѣ моей упованіе и бодрость... (23-го іюня 1827 г.).

Три дня спустя Тургеневъ опять писалъ о Швецовѣ и Жуковскомъ:

„Жуковский нѣсколько разъ прежде думалъ, и сегодня, вспомнивъ объ участи бѣднаго Демидовскаго Швецова, о которомъ вчера со слезами говорилъ мнѣ, хотѣлъ просить тебя записать мысли твои о рабствѣ въ Россіи, есть-ли не для близкаго, то для отдаленнаго будущаго. У меня здѣсь твои „мысли о рабствѣ“, кажется, черновой проектъ. Но теперь ты могъ многое обдумать или придумать...“ (26-го іюня 1827 г.).

Позже (19-го августа) Тургеневъ писалъ:

„То, что ты говоришь о Швецовѣ меня очень радуетъ. Я все думаю о томъ, какъ бы спасти его и полагаю надежду на Жуковскаго и гр. С—ва, хотя съ послѣднимъ не удалось еще говорить о немъ. Въ особомъ свиданіи говоримъ о дѣлѣ, а при другихъ я иначе его не вижу, какъ за картами; да при иностранцахъ не хотѣлось бы и говорить объ участи Швецова“.

И потомъ черезъ нѣсколько дней:

„Пришли, пожалуста, всѣ стихи Швецова. Они меня тронули. Я какъ будто предчувствовалъ, прощаясь съ нимъ въ Парижѣ, что онъ будетъ тебѣ хоть на минуту пріятель. Наружность его и потомъ слова его мнѣ очень понравились. Не судьба-ли, или лучше не способность-ли судьбы твоей, что единственный русскій (кромѣ Вик—на), который былъ съ тобою въ пріятельскомъ сношеніи въ Англіи—рабъ, и рабъ ищущій свободы, но ищущій ее такъ, какъ ты желалъ: законными средствами, выгодными для обѣихъ сторонъ...“ (25-го августа).

Въ одномъ изъ писемъ сообщена басня Жуковскаго.

„Сию минуту принесъ ко мнѣ для тебя Жуковский сочиненную имъ басню въ прозѣ, тебѣ посвященную. Вотъ копія. Оригиналъ сохраняю и пришлю къ тебѣ при первомъ случаѣ:

„Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Голликъ смотрѣлъ на него изъ угла и такъ разсуждалъ самъ съ собою: „Бѣдное золото! жаль мнѣ тебя! Какъ тебя жгутъ и мучать. Какому жестокому тирану досталось ты въ руки!“ Между тѣмъ огонь погасъ и золото вышло чистымъ изъ горнила. („Далѣе приписано рубою Жуковскаго“): Изъ него сдѣлали крестъ и люди стали въ немъ обожать

символь спасенія! Глупый голикъ! тебѣ-ли судить о золотѣ! положи въ огонь тебя—затрепишь, разлетишься дымомъ! И послѣ тебя останется горсточка пепла! А золото? и въ самомъ пылу огня не ронтало оно на судьбу свою! Оно вѣрило тому, кто положилъ его въ горнъ; знало, что безъ огня не быть ему чистымъ и даже радовалось жгучему пламени, которое воввышало его достоинство. Огонь палить! это правда! Но золото должно быть чистымъ. Кто осмѣлится сказать, видя его очищеннымъ: жаль, что его клали въ горнъ? Голикъ можетъ охать, смотря на огонь, потому что онъ голикъ! Но тотъ, кто самъ золото, скажетъ смиренно: огонь на минуточку! а чистота навсегда! Золотомъ рудою можно остаться въ темномъ нѣдрѣ земли; но на бѣломъ свѣтѣ надобно быть чистымъ золотомъ. Это тоже, что сказалъ одинъ практическій мудрецъ: чистой совѣсти довольно, чтобы умереть; но жить нельзя безъ достоинства. Посвящено Николаю Ивановичу Тургеневу“.

Жуковскій самъ хотѣлъ переписать свой апологъ для тебя. Хотя послѣднія слова и не совсѣмъ такъ, какъ они у тебя въ письмѣ; но онъ ихъ хотѣлъ напомнить.“ (21-го марта 1827 г.).

Въ этомъ же письмѣ Тургеневъ замѣтилъ: „Я не живаль съ такимъ живымъ чувствомъ нравственнаго достоинства, какъ теперь. И для будущаго эта жизнь есть запасъ высокихъ душевныхъ наслажденій, прибрѣтеній ума и опыта въ жизни.“

Жуковскій и Тургеневъ проводили время вмѣстѣ и въ Эмсѣ, въ июлѣ и въ началѣ августа 1827 г. Ранѣе Жуковскаго Тургеневъ поѣхалъ въ Веймаръ и Дрезденъ и получалъ иногда отъ него письма. Вотъ нѣсколько словъ изъ одного изъ нихъ о Канингѣ, умершемъ незадолго передъ тѣмъ, въ концѣ июля. (8-го августа).

„Дома нашелъ письмо отъ Жуковскаго изъ Эмса отъ 14-го августа. Вотъ слова его о Канингѣ. „Canning n'existe plus. Il n'y a que l'histoire universelle qui peut consoler de ce qui se passe autour de nous. Les événements isolés semblent prêcher le hasard; mais les siècles en masse annoncent Dieu: croyons à leur révélation et restons tranquilles dans la simple soumission au devoir. Il n'y a ici de clair que le devoir. Какая величественная смерть! Умереть и оставить міру въ утѣшеніе одну только надежду на Промыслъ...“ (17-го авг. 1827 г.).

Тургеневъ ждалъ Жуковскаго еще въ августѣ въ Дрезденѣ, часто о немъ спрашивая и наконецъ дождался 8-го сентября въ Лейпцигѣ.

„Въ полночь приѣхалъ Жуковскій. Мы свидѣлись въ 6-ть часовъ утра, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажилъ три дня въ Веймарѣ, въ бесѣдѣ съ Гсте, отъ котораго и я получилъ милое слово черезъ канцлера Мюллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковскій жалѣетъ,

что меня не было съ нимъ у Гете. Онъ былъ обыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ.¹⁾ Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ; ибо онъ говоритъ, что Гете и Шиллеръ образовали его, а съ нами вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его, между прочимъ и твоими письмами, и что здѣсь началось европейское его образованіе, и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многого бы лишился, что приобрѣлъ въ Лейпцигѣ; но Гете незамѣнимъ. Вотъ стихи Жуковского, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гете:

Творецъ великихъ вдохновеній!
 Я сохраняю въ душѣ моей
 Очарованіе мгновеній
 Столь счастливыхъ вблизи твоей!
 Твое вечернее сіянье
 Не о закатѣ говоритъ!
 Ты юноша среди созданья!
 Твой геній, какъ творилъ, творить.

Я въ сердцѣ уношу надежду,
 Еще здѣсь встрѣтятся съ тобой:
 Землѣ знакомую одежду
 Не скоро скинетъ геній твой.
 Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
 Твою музою я жилъ
 И для меня мой геній, Гете,
 Животворитель жизни былъ.
 Почто судьба мнѣ запретила
 Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
 Тогда душа бы воспалила
 Свой пламень на твоемъ огнѣ.
 Тогда-бъ вокругъ меня созданъ
 Иной чудесно-пышный свѣтъ:
 Тогда-бъ и обо мнѣ остался
 Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ! (8-го сент. 1827 г.)

Въ томъ же письмѣ Тургеневъ сообщилъ и еще нѣсколько строкъ Жуковского, не менѣе драгоценныхъ. Это письмо его къ графу Каподистрія, президенту Греціи, незадолго передъ тѣмъ поѣхавшему въ Петербургъ и по пути заѣзжавшему въ Веймаръ къ барону Штейну, знаменитому министру прусскому, къ которому ранѣе того, при первомъ проѣздѣ въ Грецію изъ Англии, онъ писалъ о своей рѣшимости посвятить свою жизнь отечеству. Кстати вспомнить нѣсколько словъ

¹⁾ Гете было тогда 78 лѣтъ. Жуковскому—44 года.

изъ письма Жуковскаго къ Козлову отъ 23-го юля 1826 года, изъ Эмса: „Главнымъ моимъ здѣсь утѣшеніемъ былъ гр. Каподистрія, который прожилъ недѣли четыре въ Эмсѣ. Я еще надѣюсь его увидѣть во Франкфуртѣ“. („Р. А.“ 1867, 828).

„Жуковскій подтвердилъ мнѣ о слезахъ Штейна при чтеніи письма гр. Каподистрія. Онъ, уѣзжая чрезъ Англію въ Грецію, просилъ благословенія старца на дѣло, коему посвящалъ себя и жизнь свою. Письмо коротко, но въ этомъ испрашиваемомъ у Штейна благословеніи все сказано. Жуковскій написалъ письмо къ Каподистрії и отдалъ его Штейну для отправленія. Посылаю тебѣ съ него копію. Тутъ узнаешь обоихъ: и Жуковскаго, и Каподистрія:

„Hier j'ai lu votre sublime lettre au b. Stein. Elle a rempli mon âme d'un sentiment de respect pour vous et en général pour la grandeur de la destinée humaine. La lecture d'une pareille lettre en présence de l'homme à qui elle a été adressée, est un des beaux moments de ma vie. Oui, les bénédictions que vous demandez en entrant dans votre noble carrière, vous sont accordées à l'unanimité par tous les coeurs qui aiment la vertu, qui croient à la providence divine. Lorsque j'ai appris que Canning n'existait plus, je n'ai été rempli que de respect religieux pour une mort pareille. Dans le premier moment on peut rester stupéfait devant un événement qui semble renverser toutes nos espérances; dans le second on revient à soi et on dit avec une nouvelle confiance: l'histoire universelle nous console de l'histoire contemporaine. Si le moment fugitif du présent semble quelquefois prêcher le hasard, l'histoire prêche Dieu. Canning n'a pû effectuer ses beaux projets pour l'humanité; mais il a existé, le monde l'a connu, et il a légué son âme à l'histoire, et la grandeur d'âme survit à la grandeur des empires. Vous allez entrer en Grèce. Vous allez joindre votre destinée à celle de votre généreux peuple. Quelqu' en soit l'issue, votre beau dévouement appartient à l'humanité. Vous avez déjà ajouté au trésor des choses grandes, qui seules sont le vrai héritage que nous tenons du passé. Et ceux qui vous ont béni, vous resteront à jamais reconnaissans pour les beaux sentiments qu'ils ont dû éprouver en prononçant leur bénédictions. Adieu M-r. le C-te, mon espérance de vous retrouver à P.-bourg a été donc vaine; mais vous savoir là, où vous serez bientôt, c'est encore être près de vous. Votre vie prêche la vertu et le devoir. J'en profiterai pour ma carrière obscure (Et c'est l'instituteur du futur Empereur de toutes les Russies qui parle de l'obscurité de sa carrière! Прижчаніе переводчика) et je tâcherai de me rendre digne d'aimer le souvenir de Capodistria“. Въ черновомъ письмѣ его я нахожу еще нѣсколько строкъ, кои онъ не послалъ къ Каподистрії, вотъ онѣ: „Qui sont

nos vrais bienfaiteurs dans cette vie? Ceux qui nous inspirent l'amour du bien, qui nous apprennent à révéler notre existence, qui nous enseignent à apprécier son but. Qui sont les vrais bienfaiteurs de l'humanité? Ceux qui ont laissé à la postérité l'exemple d'une grande et pure activité. Les empires passent avec eux, qui ont contribué à les agrandir ou à les détruire; mais la grandeur de l'âme, qui a aimé le bien, reste intacte". Читая твои письма въ Дрезденѣ и послѣ, Жуковский часто мнѣ говаривалъ, что онъ обязанъ тебѣ, твоему несчастію, самыми высокими минутами въ жизни (8-го сентября 1827 г.).

Не лишнимъ будетъ прибавить къ этому нѣсколько строкъ изъ другихъ писемъ о графѣ Каподистріи, который, возвращаясь осенью изъ Петербурга, заѣзжалъ на нѣсколько дней, между прочимъ, и въ Парижъ, куда въ то время пріѣхалъ и Тургеневъ. Они видѣлись—и вотъ что Тургеневъ написалъ о гр. Каподистріи:

„По полудни. Пишу отъ Каподистріи, куда пришелъ съ почты... пришелъ Каподистрія. Вечеръ. Я просидѣлъ съ полчаса; слушалъ, а не говорилъ и только изрѣдка его спрашивалъ. Онъ ясно и откровенно представилъ мнѣ свое святое дѣло, свои надежды, свои опасенія, и отношенія къ разнымъ державамъ, особливо къ Англіи и Россіи, а Франція слѣдуетъ одному впечатлѣнію съ Россією. Удастся или не удастся—теперь его роль прекрасна: онъ отказался отъ Россіи для отечества, гдѣ найдетъ трудъ и нищету и интриги. Онъ сегодня или завтра уѣдетъ въ Швейцарію, изъ которой желалъ бы, для внутренней полиціи, имѣть три тысячи солдатъ. Объ этомъ желаніи я не отъ него слышалъ; но для этого нужны деньги. Онъ похудѣлъ и совершенно сѣдъ. Онъ заваленъ дѣлами, и важными, государственными, ибо уже, какъ президентъ, хлопочетъ у трехъ державъ за Грецію,—и мелкими, ибо всѣ обращаются къ нему съ проектами и претензіями“ (21-го октября).

На другой день послѣ этого Тургеневъ занесъ въ письмо еще нѣсколько строкъ о Каподистріи:

„Часть вечера провели мы у Св—ной и она рассказала намъ о своемъ свиданіи съ Каподистріи. Онъ все отдалъ грекамъ: и сумму, вырученную за аренду, и жалованье, и теперь голъ, какъ соколъ, и только думаетъ о спасеніи отечества. Императоръ Николай предлагалъ ему величайшія денежныя пособія; но онъ не принялъ болѣе того, сколько думаютъ дать другія главныя государства: Франція и Англія, дабы не возбудить подозрѣнія противъ Россіи и не быть ей болѣе благодарну, чѣмъ другимъ. Кромѣ денегъ, ничего—разумѣется и кромѣ оружія—не принимаетъ; ибо людей деньгами, и именно швейцарцовъ, можетъ нанять. Св—на, находя, что прежде въ немъ

была какая-то охота къ діалектикѣ, видѣть въ немъ теперь какую-то воплощенную мудрость: восхищается нравственнымъ, спокойнымъ его характеромъ и цѣлю всей его жизни. Увѣраетъ, что никогда онъ не былъ такъ проникнутъ религіею, какъ теперь, и во всѣхъ словахъ онъ сходенъ съ своими поступками. Не сердится и на тѣхъ, кто противъ святой его цѣли; но носить въ сердцѣ тѣхъ, кто доброжелательствуетъ грекамъ: это его собственное выраженіе съ графинею. Сегодня онъ уѣхалъ“.

Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ опять написалъ еще нѣсколько словъ, какъ бы въ дополненіе: „Жуковскому трудно будетъ привыкать къ тамошней литературной діетѣ; но къ счастью у него богатый литературный запасъ отсюда и изъ Германіи и дѣятельность его ученая не на новинкахъ будетъ основана. Прочелъ нѣсколько критическихъ статей Вяземскаго въ „Телеграфѣ“: онъ не совершенствуетъ своего слога, а напротивъ, окруженный безграмотными, позволяетъ себѣ все, что почитаетъ оригинальностью и силою выраженій. Странная участь нашей литературы: ея нѣтъ, а журналы все что-то критикуютъ, разсматриваютъ и о чемъ-то хлопочуть“ (1-го октября 1827 г.).

Конечно, все это писано не на показъ, безъ мысли о томъ, что оно будетъ прочтено кѣмъ-нибудь постороннимъ; но зато и вполне откровенно, искренно, безъ всякаго желанія кого-бы то ни было рассердить или уколоть. Тургеневъ написалъ, что думалъ; а думать могъ такъ или иначе только потому, что такъ или иначе зналъ то, о чемъ думалъ; и такъ или иначе приготовленъ былъ глядѣть на то, что могло сдѣлаться предметомъ его думы.

Есть въ письмахъ Тургенева припоминанія и о другихъ писателяхъ русскихъ, но объ очень немногихъ и очень случайныя.

Такъ напримѣръ о Крыловѣ вспомнилъ Тургеневъ при словѣ о какомъ-то Сабранѣ:

„M-r Sabran, Буфлеровъ beau-fils, прочелъ намъ нѣсколько прелестныхъ басенъ своихъ, и прочелъ à la Крыловъ, т. е. очень натурально и съ оригинальнымъ кокетствомъ“ (23-го января 1828 г.).

О Козловѣ сказано при словѣ о пѣніи княгини Гол—ной: „кончилъ вечеръ у кн. Гол—ной.¹⁾ Она пѣла, и я исполнилъ нашего Козлова коего она была, въ первое время слѣпоты его, утѣшительницею“ (17-го іюля 1827 г.).

¹⁾ Въ письмѣ Жуковскаго къ Козлову изъ Эмса отъ 16-го іюля 1826 г. о той же особѣ читаемъ: «Здѣсь, между прочими русскими, княгиня Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствіемъ ея милое пѣніе... Она тебя помнитъ и любитъ и всегда говоритъ о тебѣ, да и сбивается сама къ тебѣ писать». (Кн. А. 1857, 826).

О Дмитріевѣ вспомнито по поводу слова о литературной вечеринкѣ у професора Гассе:

„Вчера мы опять были на литературной вечеринкѣ у Гассе. Засѣданіе открылъ министръ Ностицъ своими стихами и очень хорошими. И. И. Дмитріевъ во время своего министерства не согласился бы у Кундына читать свои басни въ кругу литераторовъ, артистовъ и журналистовъ“. (27-го января 1827 г.).

О Вяземскомъ словъ находимъ болѣе, но данныхъ почти не болѣе, по крайней мѣрѣ, не столько о немъ, сколько о самомъ Тургеневѣ:

„Вяземскій прислалъ мнѣ двѣ книжки своего и двѣ Пушкина журнала. Въ своемъ напечаталъ два письма мои, выписками изъ Дрездена, и все, что я написалъ къ нему: совѣты, что читать, сужденія о книгахъ и авторахъ. Я пересталъ и не буду писать къ нему, хотя впрочемъ, и нѣтъ ничего предосудительнаго въ тѣхъ напечатанныхъ письмахъ; но мнѣ и некогда, да и не до того. Я не пишу и въ журналѣ подробно; а только къ тебѣ. Прочее время на чтеніе“. (Іюль, 1827 г.).

„Гизо показалъ уже мнѣ первый № de la „Revue française“, и изъ издаваемой. Онъ помѣщаетъ краткія извѣстія и о книгахъ въ другихъ словесностяхъ, съ означеніемъ содержанія оныхъ, безъ чужихъ сужденій, а только со своимъ замѣчаніемъ на чужестранныя книги. Гизо желалъ бы включить и статью для русскихъ книгъ и просилъ назвать ему журналъ, изъ коего бы могъ онъ брать извѣстія о русскихъ книгахъ. Я не могъ ничего назвать ему, кромѣ le Journal de St.-Petersbourg, гдѣ изрѣдка бывають литературныя статьи, но болѣе сужденія, коихъ Гизо не хочетъ. Мнѣ пришелъ на мысль Вяземскій и я обѣщалъ ему, что онъ будетъ доставлять для „Revue“ именно такія статьи, какихъ Гизо желаетъ; ибо и самъ Вяземскій точно о томъ же просить меня и Тол—го. Гизо за это будетъ ему посылать свою „Revue“ и кое-что другое; а Вяземскій радъ будетъ войти съ нимъ въ сношеніе такого рода, и я увѣренъ, что онъ не ударитъ лицомъ въ грязь и не постыдитъ земли русской. Напишу къ нему о семъ и устрою это дѣло въ пользу обоихъ“. (23-го января 1828 г.).

Вотъ еще нѣсколько словъ о Веневитиновѣ, выписанныхъ изъ письма Козлова.

Въ ряду стихотвореній Веневитинова есть два: „Къ моему перстню“ и „Завѣщаніе“. Одно начинается:

Ты былъ открытъ въ могилѣ пыльной,
Любви глашатай вѣковой,
И снова пыли ты могильной
Завѣщанъ будешь, перстень мой.

Въ другомъ читаемъ:

Внимайте; чтобъ сего кольца
 Съ руки холодной не снимали:
 Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
 И будутъ съ нимъ скоронены.

Желаніе поэта было исполнено. Вотъ что читаемъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева:

„Изъ Петербурга Козловъ пишетъ къ намъ о смерти одного молодого человѣка Веневитинова, подававшего прекрасныя надежды способностями и знаніями: „Il avait une bague trouvée dans un tombeau à Herculanum; il la portait à sa montre et l'appelait son talisman; dans des vers charmants qu'il lui a adressés, il dit qu'il la mettra à sa noce ou à sa mort. Хомяковъ qui savait cela, lui mit cette bague au doigt quand il était déjà agonisant; il eut un moment lucide, sentit sa bague et demanda: „suis-je marié?“— Non, répondit solennellement Хомяковъ, alors il fondit en larmes et mourut quelques heures après“. (Лейпц., 2-го мая 1827 г.).

Тургеневъ воспиталъ въ себѣ свои понятія объ иностранной литературѣ стройно съ другими понятіями — при помощи усидчиваго чтенія и изученія разныхъ писателей. Могли бы быть у него такія стройныя понятія и о литературѣ русской, если бы онъ призналъ своею нравственною обязанностію слѣдить за ея движеніями. Это, въ сожалѣнію — какъ кажется — не было. Независимый во многомъ, въ этомъ онъ былъ подъ властію тѣхъ особенныхъ предубѣжденій, которыя — и въ его время, и позже — мѣшали (а можетъ быть и теперь мѣшаютъ) видѣть достоинства внѣ заколдованнаго круга людей близкихъ и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыхъ значеніе уже признано всѣми, если только они не иноземцы.

И. И. Срезневскій.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Письмо къ доктору Реману¹⁾

1810 г.

(Переводъ съ французскаго подлинника).

Не легкую задачу дали вы мнѣ, многоуважаемый другъ мой! Вы хотите непременно, чтобъ я изложилъ на бумагѣ мнѣніе мое о настоящемъ положеніи народнаго просвѣщенія въ Россіи и сказалъ, какихъ улучшеній желалъ бы я въ немъ? Вы полагаете, что мнѣ, больше чѣмъ кому-либо другому, нельзя было не сохранить въ моемъ *sensu* *communis* обильнаго запаса свѣдѣній по этому предмету, по той причинѣ, — говорите вы, — что я находился когда-то въ самомъ центрѣ дѣйствія и — главное — что на мою собственно долю приходилось испытывать не мало неприятностей за мнѣнія, противныя тѣмъ, которыя одержали верхъ. Пощуните мой черепъ, дорогой мой другъ! — и тогда мнѣ не надобно будетъ откровенно признаваться вамъ, что память вещей не есть тотъ талантъ, которымъ я могу похвалиться. Подробностей о прошедшемъ я не въ состояніи сообщить вамъ.

Но такъ какъ нужно же хоть сколько-нибудь удовлетворить желанію вашему, то я постараюсь вспомнить то, что имѣлъ честь слышать отъ графа Р.²⁾ во время послѣдней моей съ нимъ бесѣды. Къ этому

¹⁾ Осипъ Ивановичъ Реманъ, лейб-медикъ, членъ медико-хирургической академіи, медицинскіхъ совѣтовъ министерствъ: полиціи и народнаго просвѣщенія и разныхъ ученыхъ обществъ, — былъ короткимъ пріятелемъ Василя Назаровича Каразина и его семейнымъ докторомъ.

Прим. пер.

²⁾ А. К. Разумовскаго, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія.

Прим. перев.

прибавлю мысли, приходившія мнѣ въ тотъ же вечеръ, который мы такъ пріятно провели вмѣстѣ съ вами. Такимъ образомъ я поднесу вамъ подогрѣтое блюдо, въ которомъ вы узнаете нѣсколько и вашихъ собственныхъ приправъ.

Народное просвѣщеніе!.. Какое прекрасное выраженіе! Если-бъ, черезъ полсотни лѣтъ, я сдѣлался наконецъ способнымъ быть министромъ, то больше всего желалъ бы быть министромъ народнаго просвѣщенія. Какой важный постъ въ такомъ государствѣ, какъ Россія! Если что-либо можетъ обезпечить неизбѣмость безмѣрнаго ея пространства, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что-либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія, — какъ бы громадно оно ни было, — то это это опять-таки только просвѣщеніе. Министерство военное, министерство иностранныхъ дѣлъ и всякое другое служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; они работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметъ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ. Но...?...?..!... Кого же винить въ этомъ? Ужъ, конечно, не государя нашего. Ничто, кромя развѣ щедрости его, не можетъ сравниться съ благими его намѣреніями въ этомъ отношеніи. Никакой другой монархъ, ни въ вѣкахъ прошедшихъ, ни во времена настоящія не оказывалъ столько покровительства наукамъ и ихъ служителямъ. Онъ былъ главнымъ виновникомъ, что снѣдь эта, любимая богами, повременамъ чтима, но всегда худо оплачиваемая, возвысилась у насъ, въ послѣднее время, въ цѣнности своей.

Много разныхъ проектовъ было подаваемо, рассматриваемо, пересматриваемо, переправляемо. Принималось въ соображеніе все, кромя духа народа, его существеннѣйшихъ нуждъ и желаній той части его, которая наиболѣе вліятельна и просвѣщена: я разумію дворянство. Наконецъ рѣшили ассигновать на дѣло народнаго просвѣщенія болѣе милліона рублей ежегодно. Устроили шесть университетовъ, изъ которыхъ одинъ польскій, другой нѣмецкій, и всѣ на манеръ университетовъ германскихъ XV вѣка. Одни ознаменовали начальное свое бытіе исторіями, въ которыя должна была вмѣшаться полиція; другіе, отпраздновавъ свое открытіе великолѣпнымъ торжествомъ и, какъ водится, вкуснымъ обѣдомъ, остались пусты. Такихъ-ли, какъ-ли, прошло 5 лѣтъ. Издержано 5 или 6 милл. руб., частію на содержаніе професоровъ, выписанныхъ съ большимъ шумомъ и большими издержками; частію на устройство библиотекъ и музеевъ; частію на покупку и постройку всякаго рода зданій. Употреблена даже не одна сотня тысячъ рублей на народныя гульбища, изъ суммъ,

ассигнованныхъ собственно на образованіе юношества, суммъ, которыя никакимъ образомъ не слѣдовало бы употреблять на иное дѣло. Ждали появленія толпами, по всѣмъ частямъ государственной службы, новыхъ, молодыхъ, образованныхъ дѣятелей, — но они не являлись, или являлись изъ каждаго университета поодиночкѣ. Наконецъ устали ждать, принялись за новыя издержки, завели новыя училища на тотъ же самый предметъ образованія юношества. Пойдутъ-ли эти училища лучше? Подѣйствуютъ-ли они, по крайней мѣрѣ, на ходъ прежнихъ лучше?

Произнося слово народное просвѣщеніе, я воображаю себѣ отрасль государственнаго, отеческаго управленія, обнимающую все, что только можетъ относиться къ образованію добрыхъ гражданъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, какого бы пола и возраста ни были. Произнося слово министръ народнаго просвѣщенія, я представляю себѣ просвѣщеннаго начальника, исполнѣ распоряжающагося этою отраслью управленія, дающаго отчетъ о ней только верховной власти. Въ государствѣ монархическомъ не должно быть другихъ началъ, кромѣ монархическихъ: не должно быть разныхъ корпорацій, не имѣющихъ никакой связи между собою; не должно быть административныхъ дробленій на такъ-называемыя вѣдомства, изъ которыхъ каждое стремится управлять отдѣльно. Къ чему эти военныя, духовныя, медицинскія и другія училища, не имѣющія одно къ другому никакого отношенія управляемыя начальниками, неподвѣдомственными министру народнаго просвѣщенія? Никакой другой министръ не долженъ вмѣшиваться въ дѣло этого министра: „мнѣ нужно столько-то людей, для такой-то части; есть-ли они у васъ?“ или: „сколько приготовлено у васъ молодыхъ людей къ такой-то службѣ? пришлите мнѣ ихъ!“ — вотъ все, что другіе министры должны бы говорить министру народнаго просвѣщенія. И потомъ, къ чему эти попечители, не составляющіе ни самостоятельныхъ, на мѣстѣ живущихъ начальниковъ, ни членовъ совѣта главнаго начальника? Существа неопредѣленныя, вмѣщающія въ себѣ два главнѣйшихъ неудобства: управлять за глаза и совѣтовать въ своихъ собственныхъ дѣлахъ.

Въ виду того, что никогда не должно слѣзнуть передѣлывать недавно-сдѣланное, такъ какъ достоинство творящаго подрывается шаткостью его твореній, каковы бы они ни были, — я полагаю бы возможнымъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, исправить понемногу, безъ шума, недостатки настоящаго порядка вещей, именно:

1) Сократить число университетовъ и тѣмъ уменьшить издержки, оказывающіяся донинѣ мало-производительными: казанскій университетъ временно закрыть, или преобразовать въ высшее для азіатскихъ

народовъ училище, въ которомъ изученіе восточныхъ языковъ было бы обязательно, для чего допустить приѣмъ и русскихъ. Въ указѣ должно быть употреблено именно слово временное закрытіе, или преобразование, но никакъ не упраздненіе. Губернскія училища, вошедшія въ округъ этого университета, можно: ближайшія причислить временно къ округамъ московскому и харьковскому, а болѣе отдаленныя подчинить непосредственно министру.

2) По выбытіи кого-нибудь изъ попечителей, не назначать на его мѣсто другого, а подчинить университетъ и его округъ временно (разумѣется, такъ должно быть сказано только на первый случай) директору, въ чинѣ по крайней мѣрѣ V, или даже и IV класса, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра. Этотъ директоръ долженъ уже жить непремѣнно на самомъ мѣстѣ, имѣть надзоръ надъ всѣмъ, что только относится до образованія народнаго и распоряжаться хозяйственною частію, которая въ рукахъ профессоровъ, занятыхъ прямымъ ихъ дѣломъ, не можетъ процвѣтать и иногда самихъ ихъ невольно подвергаетъ осмѣянію. Одинъ изъ профессоровъ, носящій названіе безсмѣннаго засѣдателя, можетъ быть помощникомъ этого директора и исполнять также должность прокурора, если ему дается право сноситься непосредственно съ министромъ въ случаяхъ особенной важности. Самъ университетъ въ своемъ коллегиальномъ составѣ (in corpore) могъ бы также пользоваться правомъ дѣлать непосредственныя представленія министру. Это заставило бы директора быть осмотнительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, но власть его не была бы тѣмъ ослаблена, въ нарушеніе основныхъ началъ всякаго благоустроеннаго управленія. Между тѣмъ и издержки на университетское правленіе, состоящее нынѣ, Богъ знаетъ почему, изъ семи членовъ (считая Синдика) уменьшилось бы. Разъѣзды профессоровъ, для такъ-называемыхъ обзорѣній, не должны уже имѣть мѣста безъ особенной надобности. Директоръ замѣнялъ бы ихъ въ этомъ отношеніи, или, по крайней мѣрѣ, повѣрялъ бы ихъ обзорѣнія, ѣздя иногда самъ вслѣдъ за ними. Черезъ это и другія злоупотребленія, происходившія или отъ безпечности, или отъ излишней снисходительности, или наконецъ отъ личной незначительности начальника по выбору, были бы устранены. (Въ снобкахъ): Въ эту минуту, какъ я это пишу, половина... да, именно половина профессоровъ харьковскаго университета въ отлучкѣ подъ разными предлогами. Бывали случаи, что иной профессоръ въ семь лѣтъ своей службы въ университетѣ не прочелъ и двадцати лекцій! А между тѣмъ жалованье ему идетъ своимъ порядкомъ. Вотъ, между прочимъ, слѣдствія настоящаго порядка вещей!

3) Не только директора университетовъ, но и директора гимназій

и смотрители уѣздныхъ училищъ должны быть изъ мѣстныхъ дворянъ. Помѣщикъ, привязанный всѣми возможными узами къ мѣсту своего рожденія и постоянного жительства, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе чловѣка, присланнаго съ вѣтру и прѣвѣжающаго болѣею частью съ пустымъ карманомъ. Неужели Россія такъ несчастна, что въ цѣломъ уѣздѣ не найдется ни одного чловѣка, который бы способенъ былъ занимать должность смотрителя училища, въ цѣлой губерніи ни одного способнаго быть директоромъ гимназіи, и наконецъ въ цѣлыхъ осьми или десяти губерніяхъ ни одного способнаго быть директоромъ университета? Дворянство, имѣя въ виду такія должности, невольно интересовалось бы дѣломъ народнаго просвѣщенія, между тѣмъ, какъ теперь оно ему чуждо. И вообще это имѣло бы несомнѣнно благія послѣдствія. Если-бъ случилось, что лицо, назначенное министромъ на должность директора университета, было выбрано дворянами на должность предводителя, то дѣло народнаго просвѣщенія отъ этого только выиграетъ. Правительству же нечего опасаться вліянія на училища людей наиболѣе образованныхъ въ государствахъ и преданныхъ началамъ монархическимъ; напротивъ. тогда-то оно можетъ быть увѣрено, что всѣ благія его начинанія найдутъ поддержку въ общественномъ мнѣніи. Я не требую уничтоженія ректоровъ: они могутъ, пожалуй, оставаться, но только какъ предсѣдатели университетскихъ совѣтовъ по дѣламъ, относящимся до наукъ. Могутъ они также быть и предсѣдателями училищныхъ комитетовъ. Не развлекаясь заботами о хозяйствѣ и надзоромъ надъ нимъ, они могли бы очень естественно соединять въ себѣ и должность инспекторовъ надъ студентами, что повело бы только къ сокращенію издержекъ. Но исполнительною и финансовою частями, отнимающими у професоровъ возможность заниматься прямымъ ихъ дѣломъ, долженъ завѣдывать непремѣнно директоръ.

4) При такихъ и другихъ подобныхъ нетрудныхъ сокращеніяхъ издержекъ можно было бы имѣть средства для двухъ или трехъ професоровъ собственно военныхъ наукъ при университетахъ, равно какъ и для устройства необходимыхъ приспособленій къ практическому изученію военнаго искусства. Легко было бы испросить высочайшее разрѣшеніе на предоставленіе студентамъ, отличившимся по этой части и получившимъ надлежащіе въ томъ аттестаты, права быть принятыми въ военную службу прямо тѣми чинами, къ которымъ они удостоены будутъ въ своихъ аттестатахъ. Въ избѣжаніе всякаго возможнаго, по духу партій и другимъ причинамъ, пристрастія, аттестаты (которые, я полагаю, могли-бъ быть двухъ, или трехъ различныхъ категорій, сообразно съ нынѣ существующими универси-

тетскими степенями, дающими право на гражданскіе чины) должны быть подписываемы, кромѣ профессоровъ, почетными мѣстными военными людьми, присутствующими и при экзаменахъ. Былъ уже примѣръ постановленія, подходящаго къ этому, почему и можно надѣяться на высочайшее на сіе соизволеніе. Министръ же можетъ быть увѣренъ, что этимъ онъ достигнетъ, скорѣе чѣмъ всякими другими мѣрами, привлеченія большаго числа студентовъ въ университетъ. Жители провинцій давно этого ждутъ. И въ самомъ дѣлѣ, почему военныя училища должны непремѣнно быть въ одномъ только уголкѣ Россіи и бѣдные родители принуждены тащиться туда съ дѣтьми для того, чтобъ удовлетворить столь естественной, въ нашихъ юношахъ склонности къ военной службѣ больше чѣмъ къ другой?

Для дополненія сказанной мѣры нужно было бы и при гимназіяхъ имѣть преподавателей военныхъ наукъ. Достаточно даже одного, котораго и не трудно найти изъ числа отставныхъ ветерановъ, каковыхъ вездѣ не мало. Подъ руководствомъ такого наставника гимназисты могли бы, играя такъ сказать, учиться военнымъ эволюціямъ, по большей части для нихъ заманчивымъ. Упражненія эти могутъ продолжаться и въ университетахъ, вмѣстѣ съ другими гимнастическими занятіями, какъ-то: верховой ѣздой, фехтованьемъ и пр. Такимъ путемъ государство достигло бы цѣли имѣть хорошихъ военныхъ офицеровъ. Въ доказательство, пусть сравнятъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ московскомъ и харьковскомъ университетахъ и поступившихъ, по желанію своему, въ военную службу, съ лучшими изъ воспитавшихся въ петербургскихъ корпусахъ. Что-жъ было бы, если-бъ къ этому они еще проходили военныя науки въ самихъ университетахъ?

5) Отчего дворяне наши отдають охотнѣе дѣтей своихъ въ кадетскіе корпуса, чѣмъ въ гражданскія училища? По двумъ причинамъ, кромѣ пристрастія къ военной службѣ: во-1-хъ, поступленіе въ корпусъ обезпечиваетъ карьеру учащагося, и во-2-хъ, родители рады избавиться отъ заботъ присмотра за дѣтьми, который часто бываетъ для нихъ тягостнѣе самого воспитанія, въ какомъ бы отношеніи ни было. Кромѣ того, много такихъ родителей, которые или не хотятъ, изъ неумѣстнаго расчета, или не могутъ, по дѣйствительному недостатку средствъ, содержать дѣтей дома. Другіе же, и не имѣя причинъ жалѣть издержекъ, все-таки придерживаются кадетскихъ корпусовъ, думая, что маленькіе ихъ шалуны найдутъ тамъ хорошій надзоръ, чѣмъ и успокоивается родительское ихъ сердце. А могутъ-ли они быть увѣрены въ томъ же записывая дѣтей своихъ въ гимназіи и университеты? О! повѣрьте: всѣ эти ученые наставники, покрови-

тельствующие правительствомъ, всѣ эти дорого-стоющіе бібліотеки и музеи, вся эта роскошь публичныхъ училищъ не дѣйствуетъ у насъ обяательно ни на кого! Родители всегда будутъ скорѣ воспитывать дѣтей или дома, или въ пансіонахъ (даже плохихъ, за неимѣніемъ хорошихъ, общающихся образованіе полное), чѣмъ пускать ихъ бѣгать по произволу въ такъ называемые храмы Минервы.

Законодатели наши ошиблись въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, желая копировать все съ иностранцевъ. Не стану утомлять васъ подробностями, рассказывая, въ чемъ именно причины и цѣли, имѣвшіяся въ виду въ другихъ странахъ, разнятся съ нашими. Скажу только, что мы часто походимъ въ нашихъ учрежденіяхъ и постановленіяхъ на извѣстнаго князя Гагарина, Петровскихъ временъ, который вздумалъ построить въ Москвѣ, на горѣ, домъ на манеръ венеціанской. Вы можете его видѣть еще и теперь на Тверской: принадлежитъ онъ княгинѣ Зубовой. Вы найдете въ немъ и крытую галерею, какъ-будто надъ каналомъ; и ступеньки для схода въ гондоламъ и боковой парапетъ для защиты этихъ ступенекъ отъ высокой воды, и наконецъ даже кольца для привязыванія гондолъ,—словомъ, все на своемъ мѣстѣ, кромѣ самого дома.

Давайте намъ пансіоны при каждомъ училищѣ, начиная съ уѣздныхъ и кончая университетами. Вотъ все, что намъ пока нужно! Посмотрите, сколько московскій университетскій пансіонъ сдѣлалъ уже добра.¹⁾ Но, спросите вы, откуда взять денежные средства на это? Отвѣчу: въ каждомъ университетѣ, несмотря на множество лишнихъ издержекъ, есть экономическая сумма. Возьми ее заимообразно. Кромѣ того: обратитесь къ самимъ родителямъ. Назначьте плату за воспитанниковъ, уменьшивъ ее противъ той, какую берутъ содержатели частныхъ пансіоновъ. Не начинайте постройкой великолѣпныхъ зданій, какъ это у насъ обыкновенно водится; идите мало по малу, но не ограничивайте числа воспитанниковъ. Вы увидите, что скоро у васъ будетъ ихъ столько, что окажутся остатки отъ суммъ, на которые можно будетъ содержать четверть, даже треть юношей, неимѣющихъ состоянія, но заслуживающихъ, по ихъ дарованіямъ и поведенію въ низшихъ училищахъ, получать пособія до окончанія курса наукъ. Начальники этихъ пансіоновъ должны быть также изъ мѣстныхъ жителей и помѣщиковъ. Найдутся многіе, которые предпочтутъ такого рода почетную службу всякой другой. Всѣ тѣ дворяне, которыхъ я знаю, пошедшіе по воспитательной части, ведутъ себя

¹⁾ Жуковскій, Дашковъ, Тургеневъ и многіе другіе замѣчательные наши дѣятели воспитывались въ этомъ пансіонѣ.

прекрасно и дѣлають честь своему мѣсту. Нѣкоторые изъ нихъ не жалѣли собственности на пользу служебную; и это очень естественно.

6) Мало по малу, незамѣтнымъ образомъ Главное правленіе училищъ и Канцелярія главнаго правленія замѣнятся Совѣтомъ министра по его выбору и назначенію. Число членовъ этого совѣта не должно быть предварительно опредѣлено штатами. Всякій замѣчательный ученый, лично извѣстный министру и соединяющій въ себѣ практическое знаніе Россіи съ любовью къ наукамъ, можетъ быть приглашенъ въ члены. Эти избранные совѣтники министра могли-бъ быть, употребляемы и на разныя обзорнія, предоставляемыя теперь попечителямъ. Какъ скромные чиновники министерства, они не были бы можетъ быть, принимаемы въ провинціяхъ съ такимъ почетомъ, какъ попечители; губернаторы не задавали бы въ честь ихъ обѣдовъ и проч.; они не жили бы въ раздолѣ въ своихъ имѣніяхъ подъ предлогомъ обзорнія училищъ, но это обзорніе шло бы тѣмъ успѣшнѣе.

Не стану говорить о необходимости поддерживать факультеты медицинскій и богословскій, съ цѣлію сдѣлать ихъ предпочтительнѣйшими передъ знаменитыми академіями того и другого предмета. Это само собою разумѣется. Университескіе пансіоны будутъ доставлять въ нихъ довольно студентовъ и они непременно процвѣтутъ и докажутъ правительству всю пользу общаго надзора надъ всѣми отраслями народнаго образованія и необходимости современемъ упразднить эти отдѣльныя учрежденія, созданныя духомъ партій и желаніемъ законодательствовать. Современемъ можно будетъ испросить, ловкимъ образомъ, разрѣшеніе на приѣмъ дѣтей церковнослужителей во всѣ училища. Государство освободится отъ стремленія дѣлить людей на служебныя касты; всякій будетъ имѣть возможность избирать себѣ то поприще, къ какому онъ склоненъ по природѣ, различной всегда въ разныхъ индивидуумахъ рода человѣческаго. Какъ скоро не будетъ особыхъ преимуществъ одной государственной службы передъ другою, всѣ онѣ найдутъ себѣ охотниковъ, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ и разнымъ преградамъ, изобрѣтеннымъ невѣжествомъ и необходимостію вѣковъ прошедшихъ. Съ какимъ удовольствіемъ представляю я себѣ будущихъ воиновъ, судей, служителей церкви, художниковъ и ученыхъ, воспитывающихся подъ однимъ общимъ кровомъ, привыкающихъ смотрѣть братски другъ на друга и руководимыхъ, при всей разности ихъ занятій, однимъ общимъ, благимъ направленіемъ! Не упускайте изъ виду, что рознь и вражда между сословіями, поражаемая разностію воспитанія съ самаго дѣтства, духъ партій, поддерживаемый въ затворахъ духовныхъ и свѣт-

скихъ (корпусахъ), бываютъ главною причиною государственныхъ переворотовъ. Не всегда эти перевороты такъ кровавы, какъ послѣдній французскій, но всегда неоспоримо зловредны для государства. Истинно-патріотическое воспитаніе должно быть основано на началахъ болѣе честныхъ. Направляя все къ одной общей цѣли и дѣйствуя однообразно на всѣ состоянія, оно должно соединять ихъ между собою союзомъ неразрывнымъ на вѣки; должно вселять въ юныя сердца, вмѣсто духа партій, который есть только видоизмѣненный эгоизмъ, святую любовь къ отечеству..

Чтобъ сдѣлать первый шагъ въ пользу медицинскихъ факультетовъ, надобно непременно снять проклятiе, наложенное на медиковъ, выходящихъ изъ университетовъ. Если дерптскій университетъ провинился, то и наказывайте его одного; но зачѣмъ же карать всѣ другіе, заграждая пути ихъ воспитанникамъ? Такъ какъ, однако-жъ, дѣло уже совершено, то и остается думать только о томъ, какъ бы его поправить. И вотъ единственный случай, гдѣ бы можно было допустить отмѣну высочайшаго повелѣнія. Но и тутъ слѣдуетъ, ловкимъ образомъ, сохранить достоинство власти. Послѣднее разсужденіе прочтите какъ постскриптумъ, потому что оно дѣйствительно не относится прямо къ задачѣ, которую вы мнѣ дали. Вы сами медикъ; вы сами получили докторскій дипломъ отъ университета: вы должны *unguibus et rostro* защитить собственныя права.

Я пропустилъ еще нѣсколько мыслей, бывшихъ предметомъ нашего разговора у графа,—мыслей, которыя, какъ я, къ удовольствію моему, замѣтилъ, вошли уже въ его предположенія. Но вышепронисанные шесть пунктовъ я считаю особенно нужными. Да послужать они на пользу министерства народнаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ столько же, сколько четыре пункта, предложенные въ 1682 г. галликанскою церковью, о которыхъ говорится въ послѣднихъ газетахъ, послужили на ея пользу!

При невозможности сокрушить власть нашихъ панъ (*S. et consortes*) остается противудѣйствовать имъ исподоволь и безъ шума.

Простите! не забывайте въ Петербургѣ истинно почитающаго васъ и преданнаго вамъ друга и слугу В. Каразина.

Сообщ. Ф. В. Каразинъ.

В. Каразинъ

В. Н. КАРАЗИНЪ

1773—1842

ОСНОВАТЕЛЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ», Т. XII, 1875 Г.

Digitized by Google

Портретъ В. Н. Каразина.

До сихъ поръ портретъ основателя харьковскаго университета не былъ ни разу изданъ; приложенный при' настоящей книгѣ „Русской Старины“ воспроизведенъ рѣзцомъ академика Л. А. Сѣрякова (по рисунку на деревѣ К. О. Брожа) съ портрета, снятаго съ натуры, въ самый годъ основанія харьковскаго университета; подлинникъ, рисованный на слоновой' кости, въ С.-Петербургѣ, французскимъ эмигрантомъ гр. де-Шатобуромъ, и хранящійся у Ф. В. Каразина, обдѣланъ самимъ его родителемъ въ красный сафьянный футляръ, на крышкѣ котораго выбито золотыми буквами: „для моихъ друзей“, а съ противоположной стороны: „въ 1803, на тридцатомъ году жизни“.

В. Н. Каразинъ изображенъ совершенно еще молодымъ, съ голубыми глазами и темно-русыми, густыми, не длинными волосами; на немъ синій сюртукъ-плащъ, какіе тогда носили. Съ виду нельзя дать ему 30-ти лѣтъ, и дѣйствительно онъ, безъ сомнѣнія, былъ тогда очень молодъ, потому, что въ одной черновой его, собственноручной запискѣ, назначавшейся для министра внутреннихъ дѣлъ, графа В. П. Кочубея, по поводу жалобы изюмскаго помѣщика Капустянскаго и нѣкоторыхъ его сторонниковъ на неправильный, будто бы, созывъ Каразинымъ дворянъ въ Харьковѣ, для принудительной подписки на университетъ, говорится: „упомянутые господа сочли позволеннымъ заплатить школьнику (какъ они Каразина звали) и губернскому предводителю, за неуваженіе... и проч.

ДѢТИ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ ВЪ ГОРСЕНСѢ.

Рассказъ по датскимъ извѣстіямъ.

Въ „Русской Старинѣ“, за январь 1873 г. (томъ VII, стр. 67—73), была напечатана замѣтка о пребываніи дѣтей правительницы Анны Леопольдовны въ городѣ Горсенсѣ, въ Даніи. Замѣтка эта основывалась главнымъ образомъ на одномъ письмѣ принцесы Екатерины Антоновны, а также на показаніяхъ, слышанныхъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ отъ архимандрита Іосифа, прожившаго восемь лѣтъ (1795—1803) при этихъ изгнанникахъ.

Извѣстно, что герцогъ Антонъ Ульрихъ и дѣти его, по воцареніи Елисаветы Петровны, отправлены были въ Холмогоры, а послѣ кончины отца два принца и двѣ принцесы въ 1780 г. переведены въ Горсенсѣ, небольшой приморскій городъ на юговосточномъ берегу Ютландіи. Принцъ Алексѣй и принцеса Елисавета умерли тамъ до прибытія названнаго Іосифа: онъ засталъ въ живыхъ только брата ихъ Петра и сестру Екатерину. Последняя страдала съ дѣтства совершенною глухотою вслѣдствіе несчастнаго паденія: ее уронили въ самый день катастрофы сверженія съ престола брата ея Іоанна. Она родилась за нѣсколько мѣсяцевъ до того, въ іюлѣ 1741 г., а умерла въ 1807. На содержаніе плѣнниковъ назначено было Екатериною Второю 32,000 р. въ годъ, и вся эта сумма сполна выдавалась до кончины послѣдней принцесы.

Въ 1803 году архимандритъ Іосифъ былъ отозванъ въ Россію, а на его мѣсто опредѣленъ въ Горсенсѣ синодальный соборный іеромонахъ Ѳеоданъ. Уже при этомъ новомъ духовникѣ принцеса Екатерина, въ означенномъ году, отправила къ императору Александрю Павловичу писанное собственною ея рукою письмо. Оно также напечатано въ „Русской Старинѣ“ вслѣдъ за статью.

Въ этомъ письмѣ престарѣлая принцеса горько жалуется на при-

тѣсненія, претерпѣваемыя ею со стороны датскихъ придворныхъ, которые будто бы обращаютъ въ свою пользу большую часть присылаемыхъ на ея содержаніе суммъ и заставляютъ ее переписывать письма, ими самими сочиненныя, чтобы представить все, до нея касающееся въ превратномъ видѣ.

Эти свѣдѣнія были перепечатаны въ копенгагенскомъ журналѣ „Historisk archiv“ (1873 г., ч. II), при чемъ однако-жъ заподозрѣна ихъ достовѣрность.

Затѣмъ, въ іюльской книжкѣ того же изданія за прошлый годъ, появилась статья г. Гранцова подъ заглавіемъ: „Еще о русскомъ дворѣ въ Горсенсѣ“. Авторъ ея, выражая сомнѣніе въ подлинности помянутого письма принцессы Екатерины, или по крайней мѣрѣ въ справедливости его содержанія, представляетъ разныя соображенія, которыя могутъ привести къ другимъ выводамъ относительно поведения датскихъ придворныхъ, приставленныхъ къ несчастной изгнанницѣ.

Недавно професоръ славянскихъ языковъ въ Копенгагенѣ г. Смитъ выразилъ мнѣ желаніе многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, чтобы русской публикѣ дана была возможность ознакомиться съ изображеніемъ обстоятельствъ этого дѣла съ датской точки зрѣнія. Высоко цѣняя правило: „audiatur et altera pars“, съ удовольствіемъ исполняю это законное желаніе, твердо увѣренный, что редація „Русской Старины“ не встрѣтитъ препятствія дать мѣсто предлагаемымъ извлеченіямъ изъ копенгагенскаго журнала.

Въ подкрѣпленіе своихъ сомнѣній г. Гранцовъ (авторъ датской статьи) приводитъ разныя обстоятельства и подробности, которыя не лишены интереса и дополняютъ наши свѣдѣнія о несчастномъ семействѣ. Императрица Екатерина отпустила дѣтей Антона Ульриха изъ Россіи по ходатайству тетки ихъ, датской королевы Юліаны-Маріи.¹⁾ На счетъ русскаго двора были куплены въ Горсенсѣ, на церковной площади, два самые лучшіе дома и перестроены въ одно зданіе подъ руководствомъ знаменитаго архитектора, професора Гарсдорфа; все же обзаведеніе и устройство происходило подъ наблюденіемъ одного изъ генерал-адъютантовъ короля. При этомъ ничего не было упущено для приготовленія приличнаго жилища родственникамъ королевской фамиліи; изъ многихъ писемъ министра Гульдберга видно, какъ тщательно обдумывались мельчайшія подробности,

¹⁾ Супругъ ея Фридрихъ V умеръ уже въ 1766 году. Она была родная сестра Антона Ульриха Брауншвейгскаго; родилась и умерла въ тѣ же годы, какъ Екатерина II (1729—1796).

тѣмъ болѣе, что избѣгали излишнихъ издержекъ, зная, что въ вѣдомѣ шилингѣ придется отдать отчетъ русскому двору. По вниманію и попеченіямъ, какія были оказываемы царственнымъ изгнанникамъ, авторъ полагаетъ, что пребываніе въ Горсенсѣ было имъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ пустынной крѣпости Холмогоръ, подъ надзоромъ „грубыхъ русскихъ офицеровъ“. (Припомнимъ, что въ письмѣ принцесы Екатерины Горсенсѣ названъ адомъ, а Холмогоры — раемъ). Между тѣмъ однако-жъ, такъ какъ принцы и принцесы были русскими государственными плѣнниками, которыхъ охраненіе было поручено императрицею датскому двору, то свобода ихъ подвергалась извѣстнымъ ограниченіямъ. Этимъ объясняется, почему вся русская свита, пріѣхавшая съ ними изъ Холмогоръ, была отправлена назадъ. Датское правительство съ этихъ поръ отвѣчало за всѣ ихъ дѣйствія и потому, естественно, должно было поручить наблюденіе за ними лицамъ, на которыхъ вполне могло положиться. Вслѣдствіе того Гульдбергъ, между прочимъ, предписалъ, чтобы прежде всего отведено было помѣщеніе во дворцѣ датскимъ придворнымъ; русскій же священникъ, причетники и пѣвчіе, по недостатку мѣста, должны были довольствоваться болѣе отдаленнымъ жилищемъ и нанимать себѣ квартиры у частныхъ лицъ въ городѣ.

Въ началѣ принцы и принцесы находились подъ довольно строгимъ надзоромъ, и постороннимъ лицамъ запрещено было видѣться съ ними; уже по смерти Елисаветы и Алексѣя (въ 1782 и 1787 гг.) оставшимся въ живыхъ брату и сестрѣ ихъ позволено было свободно сообщаться съ жителями города и окрестностей. Суммы, ассигнованныя русскимъ правительствомъ, отпускались не прямо въ ихъ руки, а чрезъ посредство датскаго правительства; ихъ гоф-интендантъ, подобно всякому должностному лицу, обязанъ былъ ежегодно отдавать обстоятельный отчетъ въ употребленіи довѣренныхъ ему суммъ, а за содержаніемъ двора наблюдала сама вдовствующая королева Юліана-Марія; когда же она умерла, эта обязанность перешла на сына ея, наслѣднаго принца Фридриха, ближайшаго родственника изгнанныхъ. При такомъ порядкѣ вещей было бы очень трудно позволить себѣ неправильное употребленіе суммъ, и можно, по мнѣнію г. Гранцова, положительно сказать, что принцеса Екатерина несправедливо обвиняла придворныхъ, когда въ письмѣ своемъ утверждала, что они „все употребляли деньги для своей пользы, и что они были прежде совсѣмъ бѣдны и ничто не имѣли, а тепериче они оттого вдѣлались богаты“. Если даже предположить, что они въ самомъ дѣлѣ пользовались всякимъ случаемъ для своего обогащенія, то надо согласиться, что о большой поживѣ нельзя было и

думать, такъ какъ вся ежегодная выдача составляла менѣе 28,000 датскихъ риксдалеровъ и изъ этой суммы должны были покрываться всѣ немаловажныя издержки на содержаніе двора. По этому Гульдбергъ, еще до организаціи двора, писалъ обер-камергеру Шенку: „Мудрено будетъ помѣшать возвышенію цѣнъ, но я надѣюсь, что положеніе города въ наилучшей мѣстности и ваша извѣстная мнѣ благоразумная заботливость отвратятъ это неудобство“. Содержаніе двора было подъ такимъ строгимъ контролемъ, что на примѣръ нужна была резолюція королевы для рѣшенія вопроса объ увеличеніи на 10 риксдалеровъ годоваго оклада городскому каплану, а гоф-интендантъ, полковникъ Лиліенскіольдъ, еще въ 1794 году былъ такъ небогатъ, что Шенкъ представлялъ королевѣ о выдачѣ ему въ пособіе 150 риксд. Едва-ли бы онъ сталъ домогаться такой ничтожной суммы, еслибъ обвиненіе принцесы Екатерины имѣло хоть какое-нибудь основаніе, или, другими словами, еслибъ ему стоило только запустить руку въ кассу, чтобы присвоить себѣ желанную сумму. Главное же обстоятельство, которое можно противопоставить означенному обвиненію,—то, что въ управленіи дворомъ былъ большой порядокъ: у принцевъ и принцесъ оставалось еще довольно средствъ для того, чтобы ежегодно жертвовать около 300 риксдалеровъ на городское духовенство, на школы, на бѣдныхъ и т. п.; кромѣ того, они выдавали почти такую же сумму на ученіе бѣднымъ дѣтямъ и на вспоможеніе немущимъ вдовамъ, не считая значительныхъ подарковъ, которые принцы и принцесы раздавали своими руками. Только одна статья въ счетахъ 1790 года какъ-будто заключаетъ въ себѣ косвенное указаніе, что, пожалуй, обвиненія принцесы были не несправедливы: сумма въ 4,000 руб. на гардеробъ можетъ показаться слишкомъ значительною въ такое время, когда рѣчь могла идти только о двухъ лицахъ (принцѣ Петрѣ и принцесѣ Екатери-нѣ); между тѣмъ однако-жъ и это возраженіе устраняется съ одной стороны исчисленіемъ отдѣльныхъ предметовъ гардероба, оказывающагося дѣйствительно роскошнымъ, съ другой—тѣмъ, что принцесы ежегодно раздавали принадлежности своего туалета и обзаводились ими снова.

Далѣе принцеса Екатерина пишетъ, будто окружавшіе ее присвоили себѣ всѣ драгоценности, оставшіяся послѣ смерти ея братьевъ и сестеръ, и вынудили у нея письмо къ русскому двору о назначеніи имъ пенсіи; поэтому она старается склонить императора Александра Павловича къ отмѣнѣ распоряженій, сдѣланныхъ противъ ея воли, и представляетъ, что серебряныя вещи и деньги, выдаваемые на гардеробъ, а также и прочее имущество должны возвратиться въ

Петербургъ, откуда все это прислано. И здѣсь, по увѣренію г. Грацова, можно официальными документами доказать несостоятельность всѣхъ этихъ обвиненій. Конечно, гардеробъ покойной принцесы Елисаветы былъ большею частію розданъ придворнымъ чинамъ и служителямъ (однако-жъ принцеса Екатерина получила на память часть брилліантовъ и вдовствующая королева брилліантовые серьги), но это вовсе не было похищеніемъ со стороны двора, потому что все было сдѣлано съ одобренія и за своеручною подписью королевы. Удивленіе, возбуждаемое письмомъ принцесы, еще увеличивается, когда узнаемъ, что императрица Екатерина II, указомъ 10-го марта 1796 г., предоставила вдовствующей королевѣ Юліанѣ-Маріи все имущество, принадлежавшее принцесѣ и ея братьямъ и сестрамъ, но съ тѣмъ, чтобы остающіеся въ живыхъ имѣли пожизненное право располагать имъ. Слѣдовательно, принцеса письмомъ своимъ убѣждаетъ императора Александра уничтожить болѣе раннее завѣщаніе, утвержденное русскимъ правительствомъ въ пользу родной тетки и ближайшей родственницы принцесы. Но этого недовольно: позднѣе она сама формальнымъ образомъ возобновила и подтвердила прежнія распоряженія: завѣщаніемъ 28-го октября 1802 года она своимъ исключительнымъ наслѣдникомъ назначила двоюроднаго брата своего, наслѣднаго принца Фридриха, въ случаѣ же если онъ умретъ прежде нея (что и дѣйствительно случилось въ декабрѣ 1805 года), то его сыновей.

Къ этому завѣщанію прибавлено нѣсколько пунктовъ въ пользу ея придворнаго штата, и она проситъ принца Фридриха позаботиться объ утвержденіи ихъ русскимъ правительствомъ. Эти распоряженія служатъ свидѣтельствомъ добраго расположенія принцесы къ окружающимъ ее лицамъ и составляютъ отрадный контрастъ съ прискорбнымъ письмомъ ея, писаннымъ десятью мѣсяцами позже. Императоръ Александръ I, собственноручнымъ письмомъ, обѣщаль исполнить всѣ желанія принцесы, что русское правительство и оправдало въ полнѣйшей мѣрѣ. Это письмо помѣчено 30-мъ іюня 1803 года. И что же? когда все устроено самымъ надежнымъ образомъ, принцеса какъ-будто раскаивается и посылаетъ 16-го (28) августа того же года свое обвинительное письмо! Въ вѣрности всего того, что сейчасъ изложено, говорить авторъ датской статьи, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; съ этимъ никакъ несовмѣстимо увѣреніе принцесы, что ее „одну заперли въ комнату съ секретаремъ“, когда заставили ее противъ воли писать о пенсіи. Если въ такихъ ея увѣреніяхъ предположить какое-нибудь основаніе, то они должны быть въ связи съ неизвѣстнымъ, позднѣе писаннымъ частнымъ письмомъ

ея въ императору; но по всему предшествующему кажется несомнѣннымъ, что навѣты принцесы и въ этомъ пунктѣ произошли отъ недоразумѣнія, или просто были выдуманы лицомъ, скрывшимся за принцесою.

Въ письмѣ принцесы Еватерины, продолжаетъ г. Гранцовъ, оказываются и другія ложныя обвиненія и очевидныя невѣрности по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ, а это бросаетъ подозрѣнiе и на прочія заключающіяся въ немъ показанiя. Авторъ разумѣетъ здѣсь невѣжливое обращенiе и равнодушия, которыя, по словамъ письма, принцеса испытывала со стороны окружавшихъ ее: „они всякой день ѣздятъ гулять, а я всегда одна дома, а когда они дома бываютъ, они ко мнѣ никогда не ходятъ, какъ кушать, и они разумѣютъ говорить по рускому языку и со мною не говорятъ никогда, а все сами съ собою говорятъ по данскому. И когда они сами здумаютъ, то они много ко мнѣ привезутъ гостѣ; они говорятъ всегда сними, а я смотрю то на гостѣ, то придворни и приготавлиать много кушать; они всегда меня худо обижаетъ и не даютъ мнѣ пива одной бутылки“. Совершенную противоположность съ этими показанiями составляетъ свидѣтельство еще живущаго современника принцесы, камергера Рюсенстена: „Хотя,—говоритъ онъ,—я въ то время былъ еще очень молодъ, однако-жъ хорошо помню, что часто видѣлъ принцесу и окружавшихъ ее, которыхъ я и тогда и позднѣе коротко зналъ; ни въ то время, ни послѣ, я никогда не слыхалъ, чтобъ принцеса Еватерина была недовольна ими, или чтобъ можно было что-нибудь замѣтить противъ обращенiя этихъ лицъ съ нею. Принцеса съ своей стороны показывала имъ явное дружелюбие и всегда являлась веселою и оживленною. Она давала обѣды и вечера, а гдѣто перѣдко отправлялась въ гости на сосѣднiя дачи, гдѣ ее всегда принимали съ особеннымъ радушиемъ, прiѣзжала-ли она безъ зова со всею своею свитою на чай, или была приглашаема на обѣдъ въ большомъ обществѣ. Что такъ было, напримѣръ, у моихъ родителей, могу специально засвидѣтельствовать“. Есть и другiе, согласные съ этимъ рассказы современниковъ, напримѣръ пастора Браша, который прибавляетъ, что принцеса, несмотря на совершенную свою глухоту и на печальный жребiй свой, сохраняла веселый нравъ и ласково обращалась съ своими гостями. Надобно замѣтить, что и архимандритъ Юсифъ, прожившiй восемь лѣтъ въ Горсенсѣ, ничего не говорилъ Бантышъ-Каменскому о дурномъ обращенiи придворныхъ съ принцесою.

Затѣмъ датскiй авторъ разсуждаетъ о сомнительной для него подлинности напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ письма принцесы Еватерины; но для насъ ^{всѣ} его соображенiя по этому поводу ли-

шени значенія, такъ какъ рассматриваемый документъ, благодаря обязательному содѣйствию К. К. Злобина, по связи съ бумагами императрицы Екатерины II, извѣстенъ мнѣ въ подлинникѣ, который хранится въ государственномъ архивѣ. Могу засвидѣтельствовать, что текстъ письма въ „Русской Старинѣ“ совершенно согласенъ съ этимъ подлинникомъ. Есть доказательство и на то, что это письмо дѣйствительно дошло до императора Александра Павловича: оно, по его повелѣнiю, было препровождено синодальнымъ обер-прокуроромъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторыскому, при отношенiи отъ 5-го декабря 1804 года. Къ нему присоединено было еще и другое подлинное письмо принцессы, позднѣе писанное къ государю. Оно сообщается здѣсь во всей точности:

„Благочестивѣйшей самодержавнѣйшей всемилостивѣйшей государь.

„Я имею честь послать златую табакирку для вашего Императорскаго Вѣличества чрезъ отца моего духовнаго Соборнаго Иеромонаха Теофана, изволѣте оную принять въ знакъ мое чувствительности за ваши Императорски высоки милости для менѣ, я имею честь сказать правду вашему Императорскому величеству, что етотъ Иеромонахъ многа для менѣ старался и многа для менѣ добро делалъ. Я всегда молюся богу о сохранѣнiи жизни вашей и я всегда пребуду должнымъ почтѣнiемъ истиннымъ усердiе и преданностию.

„Всемилоствивѣйшей Государь вашего Императорскаго величества почтенная слуга Брауншвейска люнебургска Екатерина“.

«Горсенсь. Юля 25 дня 1804 года».

Ниже увидимъ, что это второе письмо по одному обстоятельству заслуживаетъ особеннаго вниманiя. Я разумѣю отношенiя упомянутаго въ этомъ письмѣ иеромонаха Теофана къ принцесѣ; они развиваются въ заключенiи статьи г. Гранцова и дѣйствительно не должны быть упущены изъ виду, тѣмъ болѣе, что къ подтвержденiю ихъ служатъ любопытные документы. Какъ объяснить, спрашиваетъ авторъ, что принцеса могла написать письмо (т. е. первое), находящееся въ противорѣчiи со всѣми другими извѣстiями? Она сама, — отвѣчаетъ онъ, — намекаетъ на причины такого разногласiя. Принцеса жалуется, что къ ней не допускали духовника ея, когда она писала о пенсiи; она думаетъ, что государь заподозритъ письмо, если оно не будетъ подписано священникомъ и т. п. Поэтому трудно защититься отъ мысли, что устами ея говорить иеромонахъ Теофанъ. Не ей же самой можно приписать заботу, чтобы это письмо къ императору Александру, для отклоненiя всякаго подозрѣнiя въ подлогъ, было

снабжено удостовѣреніемъ, что оно своеручно передано Теофану принцессою въ церкви, въ присутствіи свидѣтелей.¹⁾ Но такое предположеніе основывается не на одномъ содержаніи письма. Въ одной, сообщенной г. Гранцову замѣткѣ говорится: „Находившійся при принцессѣ монахъ былъ интриганъ, который своими наговорами и вмѣшательствомъ въ дѣла ея причинялъ датскому двору большія затрудненія“. Жалобы на него доходили до самаго наследнаго принца, бывшаго попечителемъ принцессы. Такъ этотъ принцъ писалъ, 27-го марта 1804 года, къ полковнику Лиліенскіюльду (имѣвшему надзоръ за всею экономіею Екатерины): „То, что монахъ теперь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлался разумнѣе, будетъ, какъ и вы надѣетесь, имѣть полезное дѣйствіе, чего я желаю особенно для спокойствія самой принцессы, которая по своей участи имѣетъ право на тихую и веселую старость“. Есть доказательства, что столь же доброжелательно относились къ принцессѣ и придворные. Много лѣтъ послѣ ея смерти, управлявшій дворомъ ея имѣлъ случай доказать преданность и уваженіе, которыя всегда питалъ къ покойной: умирая, она выразила желаніе, чтобы гробъ ея, вмѣстѣ съ гробами ея братьевъ и сестры, былъ поставленъ въ подземный склепъ подъ сводами. Военныя событія долго мѣшали исполненію этой мысли; но спустя десять лѣтъ послѣ ея кончины полковникъ Лиліенскіюльдъ, тогда уже 82-хъ лѣтній старецъ, счелъ нужнымъ напомнить принцу Христіану о желаніи, выраженномъ ею на смертномъ одрѣ.

Въ подтвержденіе приведенныхъ отзывовъ о Теофанѣ, копенгагенскій журналъ, въ октябрьской книгѣ прошлаго года, представилъ извлеченіе изъ двухъ писемъ полковника Лиліенскіюльда къ гр. Бернсторфу, который, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Даніи: по смерти наследнаго принца Фридриха, наблюденіе за дворомъ принцессы перешло въ вѣдѣніе этого министерства. Оба письма содержатъ весьма положительныя и рѣзкія обвиненія противъ свойствъ и поведенія іеромонаха Теофана. Въ первомъ письмѣ говорится вообще о живыхъ слухахъ, распространяемыхъ на счетъ двора принцессы присылаемыми къ ней монахами и объ ихъ корыстныхъ поступкахъ въ отношеніи къ ней самой. „Худшимъ изъ этихъ монаховъ“ описывается Теофанъ: его гордость, честолюбіе и безстыдство испыталъ на себѣ самъ покойный наследный принцъ: въ разговорѣ съ нимъ въ горсенскомъ дворцѣ принцъ до

¹⁾ Въ концѣ ея письма къ государю эти обстоятельства засвидѣтельствованы подписями не только самого Теофана, но также церковниковъ, Стефанова и Поликротова. Я. Г.

того былъ оскорбленъ, что поспѣшилъ удалиться въ свой кабинетъ и потребовалъ стаканъ воды, чтобъ успокоиться. Въ примѣръ поведенія этого монаха съ принцессою приведенъ, между прочимъ, слѣдующій случай: когда она, по обыкновенію, въ день своихъ именинъ дала ему двѣ бумажки, въ 10 риксдалеровъ каждую, то онъ тутъ же при ней разорвалъ ихъ и сказалъ: „Въ Россіи государь даетъ по сту риксдалеровъ“. При его отъѣздѣ, принцеса, по его требованію, за нѣсколько оставленныхъ имъ русскихъ книгъ уплатила ему 150 риксдалеровъ. Лучшую золотую табакерку ея, украшенную брилліантами, онъ также взялъ съ собой, говоря, что принесетъ ее въ даръ государю отъ имени принцесы. Справедливость этого показанія подтверждается, напечатаннымъ выше вторымъ письмомъ Екатерины Антоновны. Конечно, нѣтъ доказательствъ, чтобы это приношеніе было сдѣлано не по собственному ея побужденію; однако-жъ слова, которыя въ этомъ письмѣ служатъ къ похвалѣ подателя его, заставляють въ самомъ дѣлѣ предполагать тутъ участіе Теофана.

Въ предъидущемъ собрано мною все существенное изъ того, что приведено въ копенгагенскомъ журналѣ для оправданія дѣйствій придворныхъ, окружавшихъ въ Горсенсѣ принцесу Екатерину. Принять эти свидѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ предоставляю каждому читателю по собственному его разумнію. Съ своей стороны позволю себѣ только два замѣчанія: во-первыхъ, принцеса, по совершенной глухотѣ своей и незнакомію иностранныхъ языковъ лишенная возможности свободно сообщаться съ окружавшими ее датчанами, дѣйствительно могла представлять себѣ многое въ превратномъ или преувеличенномъ видѣ, или подчиняться вліянію духовника, къ которому естественно питала неограниченное довѣріе; во-вторыхъ, если бы приставленные къ ней датчане и не всѣ были такъ свободны отъ всякаго упрека, какъ копенгагенскій журналъ старается ихъ представить, то это не могло бы однако-жъ быть оскорбительнымъ для чести датской націи, точно такъ же какъ и поступки того или другаго русскаго монаха не могутъ ронять русскаго имени. Неужели честь націи въ зависимости отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ? Если бы такъ было, то каждый народъ долженъ бы стыдиться своей исторіи, ибо гдѣ нѣтъ людей, которыхъ дѣйствія заслуживаютъ кары правдиваго суда потомства? Единственною цѣлью изслѣдованія въ подобныхъ случаяхъ должно быть разъясненіе исторической истины.

А. Е. Гротъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПЕРВАГО КАМЕР-ПАЖА

великой княгини Александры Ѳеодоровны.

1817—1819.

Du sprichst von Zeiten, die vergangen sind.

Don Carlos.

„Oh, le bon, le bon vieux temps!“

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ той эпохи, къ которой относятся мои воспоминанія; много событій и малыхъ и великихъ, пропавшихъ безслѣдно и занесенныхъ въ лѣтописи, въ число великихъ страницъ исторіи, совершилось съ тѣхъ поръ; во многихъ изъ тѣхъ событій пришлось и мнѣ быть дѣйствующимъ лицомъ, но дни моего камер-пажества такъ свѣтло озаряли восходящимъ лучемъ надежды начало моего жизненнаго пути, что теперь, на исходѣ того пути, они живо и всецѣло воскресаютъ предъ мной. Есть въ жизни дни и часы, которые впечатлѣваются не только въ памяти, но западаютъ въ душу; впечатлѣнія эти такъ глубоки не отъ того, что случилось что-либо особенное, знаменательное, но просто отъ нашего собственнаго тогдашняго настроенія, и эти впечатлѣнія кажутся не воспоминаніемъ давно прошедшаго, отдѣленнаго цѣлымъ полувѣкомъ, а припоминаніемъ вчерашняго радостнаго дня. Къ такимъ днямъ и часамъ относится время моего камер-пажества. Набрасывая эти воспоминанія, взятыя изъ моихъ камер-пажескихъ записокъ, я и не думалъ отдавать ихъ когда-либо въ печать. Я ихъ писалъ для себя, для своихъ дѣтей; но многіе изъ моихъ друзей, стоящихъ ближе къ тому давно прошедшему времени, а нѣкоторые и жившихъ тою жизнью, уговорили меня подѣлиться этими воспоминаніями съ тѣми, которые интересуются жизнію минувшихъ поколѣній и изучаютъ эту жизнь не по однимъ ея крупнымъ, выдающимся фактамъ, но и по ея мелкимъ частнымъ проявленіямъ.

Въ настоящее время, въ нашемъ обществѣ вообще возбужденъ

интересъ къ мемуарахъ и разсказамъ прошедшихъ лѣтъ. Воспоминанія камер-пажа, конечно, не могутъ имѣть значенія историческаго интереса, но для многихъ онѣ возбуждаютъ въ памяти бывше дни ихъ жизни, ихъ молодости, съ которыми соединены и ихъ лучшія воспоминанія.

Годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, вспоминались всегда съ любовью императоромъ Николаемъ—и онъ считалъ ихъ своими лучшими годами.

При представленіи моемъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, въ 1843 году, въ Твери, уже командиромъ Гусарскаго великаго князя Михаила Павловича полка, государыня прямо встрѣтила меня словами:

— Ah bonjour, mon vieux, vieux page. Mon fils m'a dit, que je Vous trouverai ici et déjà comme général.

— Mais Votre Majesté, — отвѣчалъ я, — il y a plus de vingt cinq ans, que j'avais le bonheur de Vous servir comme page.

— Ah c'est vrai! Oh le bon, le bon vieux temps.

Эти слова императрицы я ставлю эпиграфомъ въ воспоминаніяхъ камер-пажа.

I.

Назначеніе меня пажемъ. — Моя родня. — Карлъ Федоровичъ Багвуть.

Отецъ мой, отставной маіоръ, былъ помѣщикъ Полтавской губерніи. Родственныя отношенія моего дѣда къ гр. Разумовскому, любимцу императрицы Елисаветы, открыли моему отцу начало къ блестящей карьерѣ, которою въ то время пользовались лишь знатнѣйшія и вліятельнѣйшія дворянскія фамиліи. Записанный съ малолѣтства въ л.-гв. Измайловскій полкъ, онъ 19-ти лѣтъ вступилъ сержантомъ на службу; но вскорѣ перешелъ въ легко-конный малороссійскій полкъ маіоромъ и затѣмъ, по случаю смерти моего дѣда, оставилъ службу и поселился въ своемъ переяславльскомъ имѣніи.

Переяславль, въ то время, имѣлъ своего коменданта въ лицѣ полковника Якова Максимовича фон-Фока, служившаго въ арміи фельдмаршала Румянцева и, должно полагать, служившаго хорошо и честно, потому что Румянцевъ полюбилъ его, доставилъ ему это мѣсто, а потомъ сдѣлалъ главноуправляющимъ своего огромнаго гомельскаго имѣнія, пожалованнаго ему Екатериною II. У фон-Фока было много дѣтей. Изъ нихъ я упомяну только о

моемъ дядѣ, Максимѣ Яковлевичѣ—бывшемъ начальникѣ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, о которомъ такъ сочувственно отзывается Гречъ въ своихъ запискахъ, и о его двухъ сестрахъ: Евѣ Яковлевнѣ—моей матери и Елисаветѣ Яковлевнѣ, выпедшей замужъ за Карла Ѳедоровича Багговуть, вполсѣдствіи героя отечественной войны, родству съ которымъ я и обязанъ опредѣленію меня въ пажескій корпусъ, и о которыхъ потому позволю себѣ поговорить немного подробнѣе.

Изъ патента, сохраняющагося у меня, видно, что маркграфъ аншпах-байрейтской службы, капитанъ Карлъ-Густавъ фон-Багговуть принятъ въ російскую службу подпоручникомъ 1779 г., марта 4-го дня.¹⁾ Когда онъ познакомился съ семействомъ фон-Фоба, онъ служилъ уже капитаномъ въ арміи Румянцева, въ Сибирскомъ гренадерскомъ полку кн. Дашкова, который квартировалъ въ Кіевѣ, гдѣ и женился на Елисаветѣ Яковлевнѣ. Ихъ взаимная привязанность осталась неизмѣнною до того рокового дня, когда французское ядро вырвало его изъ рядовъ защитниковъ русской земли. У меня хранятся письма Карла Ѳедоровича къ его женѣ, и послѣднее его письмо, за три дня до тарутинской битвы, также нѣжно, также наполнено изліяніями горячей любви и тоски о разлуцѣ, какъ и письмо 1794 г., когда онъ въ первый разъ былъ разлученъ съ своею молодою женою.

Въ 1794 году Багговуть, съ своимъ полкомъ, стоялъ въ Варшавѣ. Неожиданно ночью подъ свѣтлый праздникъ ударили тревогу и Варшава разразилась бунтомъ. Нашъ небольшой гарнизонъ, застигнутый въ располхъ, долженъ былъ ее оставить и малыми частями пробиваться за Вислу, а наши военныя дамы: княгиня Гагарина, Чичерина, Багговуть и другія остались въ Варшавѣ плѣнницами поляковъ. Ихъ помѣстили въ королевскомъ замкѣ, не выпускали изъ стѣнъ его и грубо повѣряли каждый вечеръ переключкой. Печально было положеніе плѣнницъ, въ чи-

¹⁾ Отецъ моего дяди, генерала Багговута, по примѣру многихъ того времени дворянъ, какъ русскихъ, такъ въ особенности остзейскихъ губерній, купилъ для четырехъ своихъ сыновей патенты на военные чины аншпах-байрейтской службы, въ которой они однако-жъ никогда не состояли. Таковыя патенты можно было приобрѣтать у разныхъ мелкихъ германскихъ владѣтелей и этотъ не всѣмъ вообще доступный способъ для поступленія въ російскія войска прямо съ офицерскимъ чиномъ—правительствомъ допускался.

Примѣч. Гр. В. О. Адлерберга 1-го.

слѣ которыхъ была и вдова кн. Гагарина, убитаго при выступленіи нашихъ войскъ изъ города. Не менѣе страдалъ и Багговуть, такъ внезапно разлученный съ любимою женою. Его письма къ женѣ дышать юношескою свѣжестью и восторженностью шиллеровской эпохи. Въ нихъ онъ изливаетъ свою скорбь и любовь, упрекаетъ себя въ томъ, что сдѣлалъ ее несчастною, вырвавъ изъ семейства и лишивъ перваго блага жизни — свободы. Онъ хлопоталъ и старался освободить ее изъ плѣна; писалъ два раза къ генералу Костюшкѣ, умоляя его освободить жену и княгиню Гагарину—и даже предлагалъ въ замѣнъ ихъ испросить у главнокомандующаго освобожденія двухъ плѣнныхъ капитановъ польской службы. Но все было напрасно и наши дамы оставались плѣнницами поляковъ до Суворовскаго штурма.

«Нельзя себѣ вообразить,—разсказывала впоследствии Елисавета Яковлевна,—что перестрадала я во время этого штурма; а онъ длился и длился, казалось, безъ конца. Пушечные выстрѣлы напоминали мнѣ объ опасности моего мужа, который былъ въ арміи Суворова—и я заливалась слезами. Неистовыя вопли толпы подъ нашими окнами и грозные взгляды нашихъ стражей ошпарили на минуту эти слезы и я трепетала уже за себя, припоминая всѣ ужасы тогдашнихъ парижскихъ событій. Наконецъ, послѣ долгихъ мучительныхъ часовъ, пушечная пальба утихла, стража исчезла, водворилась тишина, прерываемая только вздохами и молитвами бывшихъ со мною женщинъ. Тутъ я внезапно очнулась, вскочила, набросила на себя первый попавшійся мнѣ подъ руку платокъ и выбѣжала изъ замка».

Багговуть, послѣ кроваваго штурма, бросился въ Варшаву отыскивать свою жену. На Прагскомъ мосту встрѣтились и обнялись супруги.

Воцареніе Павла застало Багговута генераломъ и командиромъ 4-го егерскаго полка. Онъ квартировалъ въ какомъ-то небольшомъ городкѣ въ Литвѣ.

«Страшное это было время,—говорила Елисавета Яковлевна,—каждый разъ, услыша почтовый колокольчикъ, мы приходили въ тревогу, умолкали, блѣднѣли и прислушивались. Когда колокольчикъ замиралъ вдаль, мы, улыбаясь, взглядывали другъ на друга, какъ-будто что-то страшное пронеслось мимо и радовались, что успѣли уклониться отъ чего-то грознаго, роковаго».

Но однажды злобѣщій почтовый волокольникъ умолеъ у самой квартиры Багговута. Входитъ новый полковой командиръ съ императорскимъ указомъ, что Багговуть отставленъ отъ службы. За что? Никто не зналъ—да тогда этого и не спрашивали. Тогда воля Павла была тоже, что непостижимая судьба. Она неожиданно, внезапно иныхъ возвышала, другихъ уничтожала. Это былъ фатумъ древнихъ—неумолимый, безпричинный.

Елисавета Яковлевна продала свой гардеробъ, свои дорогія вещи, которыхъ было немного. Багговуть сдалъ полкъ, расплатился съ долгами и молодая чета, въ жидовской бричкѣ, налегкѣ отправилась въ Гомель. Фон-Фонъ приютилъ ихъ и назначилъ зятя своего, Багговута управляющимъ однимъ изъ фольварковъ гомельскаго имѣнія. Тутъ, вблизи своего семейства, Елисавета Яковлевна и ея мужъ отдохнули и оправились отъ постигшаго ихъ такъ неожиданно удара. А ударъ этотъ былъ слѣдствіемъ ошибки. Багговуть, вступивъ въ русскую службу, отбросилъ окончаніе своей фамиліи и сталъ называться просто Багго. Такъ онъ подписывался и на письмахъ къ женѣ и на официальныхъ бумагахъ до вторичнаго поступленія на службу и только подъ этой фамиліей былъ извѣстенъ. Въ одно время съ Багговутомъ другимъ егерскимъ полкомъ командовалъ генералъ Балла, убитый также въ отечественную войну подъ Смоленскомъ. Этотъ генералъ представилъ къ производству въ офицеры своихъ подпрапорщиковъ, упустивъ изъ виду, по незнанію или невниманію, недавно отданное повелѣніе Павла, чтобы впредь всѣхъ унтер-офицеровъ изъ дворянъ именовать не подпрапорщиками, а юнкерами. Ошибся-ли докладчикъ представленіемъ или самъ императоръ ошибочно прочелъ фамилію, вспомнивъ ту, которая была ему болѣе извѣстна, такъ какъ сестра Карла Федоровича Багговуть, Юлія Федоровна Адлербергъ, находилась тогда при малолѣтнихъ в. кн. Николаѣ и Михаилѣ, но дѣло въ томъ, что вина генерала Балла пала всею тяжестью на неповиннаго генерала Багго. Такое явное неисполненіе высочайшаго указа прогнѣвило Павла—и онъ, по обыкновенію своему, вспыльчивый и скорый, не ожидая справокъ и объясненій, на томъ же представленіи написалъ собственноручно резолюцію: «генерала Багго отставить». Противъ рѣшеній Павла не могло быть опроверженій и виновный въ случайной замѣнѣ двухъ однозвучныхъ фамилій, если онъ

былъ и созналъ даже свою ошибку, конечно, не посмѣлъ признаться въ ней императору.

Война 1799 года и нашъ походъ въ Италію, для участія въ которомъ, по повелѣнію императора Павла, было разрѣшено отставнымъ генераламъ и офицерамъ явиться въ Петербургъ для поступленія вновь на службу, вызвалъ въ числѣ прочихъ и Багговута. Карлъ Ѳедоровичъ пускается въ путь, пріѣзжаетъ вечеромъ въ Петербургъ и готовится на другое утро представиться военному губернатору. Но опять неожиданный ударъ судьбы. Въ ночь является въ нему полицейскій чиновникъ и объявляетъ, что, по волѣ государя, всѣ въѣхавшіе черезъ гатчинскую заставу въ такомъ-то часу въ столицу, должны немедленно въѣхать обратно и что онъ присланъ его проводить за заставу, такъ какъ и Багговутъ въѣхалъ въ столицу въ этомъ часу, что видно изъ записки караульнаго офицера у гатчинской заставы. Дѣлать было нечего. Карлъ Ѳедоровичъ въ ту же ночь поѣхалъ обратно въ Гомель хозяйничать въ маленькомъ фольваркѣ. Но что же вызвало это поголовное изгнаніе всѣхъ въѣхавшихъ въ Петербургъ черезъ гатчинскую заставу? Дѣло было въ томъ, что въ этотъ же день императоръ Павелъ въѣзжалъ въ городъ, возвращаясь изъ Гатчины. У заставы придворная кухня шведскаго короля, въѣзжавшая также въ городъ, задержала экипажъ государя. Павелъ, не любившій Густава IV, за неудавшееся сватовство на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, раздосадованный его безтактнымъ поведеніемъ во время пребыванія въ Петербургѣ, а въ этотъ день разгнѣванный до-нельзя отказомъ, по желанію императора, дать орденъ Серафима гр. Кутайсову, отдалъ повелѣніе выпроводить за заставу всѣхъ, кто въ этомъ часу въѣзжалъ въ городъ. Вслѣдствіе чего и придворная кухня и русская свита, назначенныя сопровождать короля были высланы изъ города и Густавъ IV, съ своею свитою, продовольствовался до границы стараніемъ какого-то финскаго пастора.

Съ воцареніемъ императора Александра I служебная карьера Карла Ѳедоровича окончательно установилась. Багговуту было возвращено старшинство, такъ что онъ въ 1804 году былъ уже произведенъ въ генерал-лейтенанты. Участвуя съ тѣхъ поръ съ отличіемъ во всѣхъ кампаніяхъ противъ Наполеона, онъ до самой смерти пользовался особенною милостію государя. Въ 1811 г.,

9-го февраля, изъ города Шавли, Карлъ Оедоровичъ увѣдомилъ моего отца, что императоръ, по его просьбѣ, повелѣлъ опредѣлить меня пажемъ къ высочайшему двору.

Въ 1812 году, 6-го октября, Багговутъ, командуя 2-мъ корпусомъ, въ головѣ наступательнаго нашего движенія на французской авангардѣ при Тарутинѣ, былъ убитъ первымъ непріятельскимъ ядромъ. Это былъ первый пушечный выстрѣлъ послѣ занятія французами Москвы. Онъ былъ какъ бы сигналомъ перелома въ отечественной войнѣ. Съ него начались несчастія французевъ и наши побѣды.

Геройская смерть Карла Оедоровича нанесла страшный ударъ Елисаветѣ Яковлевнѣ. Несмотря на всѣ царскія милости, она долго не могла утѣшиться. Лѣтомъ, въ 1813 году, она поѣхала въ Калугу и жила въ монастырѣ, въ оградѣ котораго похороненъ Карлъ Оедоровичъ. Потомъ пріѣхала къ сестрѣ своей, моей матери, въ деревню, взяла меня съ собою въ Петербургъ и помѣстила въ пансіонъ пастора Коленса, который считался тогда однимъ изъ лучшихъ частныхъ училищъ.

Не долго я пробылъ въ пансіонѣ Коленса. По особенной просьбѣ къ императору Александру, который никогда ни въ чемъ не отказывалъ вдовѣ генерала Багговута, я былъ принятъ въ пажескій корпусъ. Это было въ концѣ 1815 года.

II.

Пажескій корпусъ. — Пажи, ихъ начальство и обученіе.

Право быть опредѣленнымъ пажемъ къ высочайшему двору считалось особенной милостью и предоставлялось только дѣтямъ высшихъ дворянскихъ фамилій. Кромѣ того, пажескій корпусъ въ то время былъ единственное заведеніе, изъ котораго камерпажи, по своему выбору, выходили прямо офицерами въ полки старой гвардіи, куда стремилось все высшее и почетнѣйшее дворянство. При такихъ условіяхъ поступленіе въ пажескій корпусъ представляло значительныя затрудненія.

Пажескій корпусъ хотя находился и въ то время въ числѣ военно-учебныхъ заведеній, причемъ состоялъ подъ начальствомъ главнаго начальника этихъ заведеній, но во многомъ рѣзко отличался отъ нихъ. Это былъ скорѣе аристократическій придвор-

ный пансіонъ. Пажи отличались отъ кадетовъ своимъ обмундированіемъ: мундирное сукно было тонкое, вмѣсто кивера они имѣли трех-угольную офицерскую шляпу и не носили при себѣ никакого оружія. Одни камер-пажи имѣли шпаги. Пажи не дѣлились какъ кадеты, на роты, — но на отдѣленія. Вмѣсто ротныхъ командировъ у нихъ были гувернеры; вмѣсто батальоннаго командира — гофмейстеръ пажей. Пажи часто требовались во дворецъ къ высочайшимъ выходамъ. Ихъ разставляли по обѣимъ сторонамъ дверей комнатъ, чрезъ которыя должна была проходить императорская фамилія. Въ этомъ случаѣ особенно забавны были маленькіе пажи. Съ завитою, напудренною головою, съ большою трех-угольною шляпою въ рукѣ, они гордо стояли, съ важной миной сознанія своего достоинства. Служба эта очень нравилась пажамъ, они ею тщеславились и по нѣскольку дней не смывали пудры съ головы, а иногда вновь припудривались, чтобы заявлять, что они были при дворѣ. Мнѣ одинъ разъ случилось исполнять службу пажей елисаветинскаго времени, когда для торжественныхъ поѣздовъ были устроены особыя, большія, парадныя, вызолоченныя кареты, которыя возились восемью лошадьми шагомъ. На переднихъ рессорахъ этихъ каретъ были устроены небольшія круглыя сидѣнья. На эти сидѣнья (ихъ называли пазами) сажали пажей лицомъ къ каретѣ, спиной къ лошадямъ.

Мать Екатерины II, принцеса Ангальт-Цербтская, описывая своему супругу брачный и торжественный поѣздъ ихъ дочери, будущей императрицы Екатерины, говоритъ про карету Елисаветы Петровны: «c'est un petit chateau», прибавляя, что за каретой, на запяткахъ, стояли два камер-пажа, а на каретѣ принцессы Гессен-Гомбургской, слѣдовавшей въ томъ же поѣздѣ, — на пазахъ сидѣли два пажа, по ея словамъ: «deux pages couchés sur les sangles».

Въ 1816 году императоръ Александръ приказалъ въ одной изъ такихъ каретъ возить во дворецъ, на торжественныя аудіенціи персидскаго посла и, при прощальной аудіенціи, я былъ назначенъ съ пажемъ Грессеромъ сидѣть на пазахъ.

Бывшій Мальтійскій дворецъ, домъ бывшаго государственнымъ канцлеромъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ графа Воронцова, занимаемый пажескимъ корпусомъ, не былъ еще приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія и носилъ всѣ при-

знаки роскоши жилища богатаго вельможи XVIII столѣтія. Великолѣпная двойная лѣстница, украшенная зеркалами и статуями, вела во второй этажъ, гдѣ помѣщались дортуары и классы. Въ огромной залѣ, въ два свѣта, былъ дортуаръ 2-го и половины 3-го отдѣленій; въ другихъ большихъ трехъ комнатахъ помѣщались другая половина 3-го и 4-е отдѣленіе. Первое же отдѣленіе малолѣтнихъ тѣснилось въ низкомъ антресолѣ, устроенномъ изъ комнатъ, назначенныхъ для прислуги и хора для музыки.

Всѣ дортуары и классы имѣли великолѣпные плафоны. Картины этихъ плафоновъ изображали сцены изъ Овидіевыхъ превращеній, съ обнаженными богинями и полубогинями. Въ комнатѣ 4-го отдѣленія, гдѣ стояла моя кровать, на плафонѣ было изображеніе освобожденія Персея отъ Андромеды. Безъ всякихъ покрововъ прелестная Андромеда стояла приволенная къ скалѣ, а передъ нею Персей, поражающій дракона.

Непонятно, какъ никому изъ начальствующихъ лицъ не пришло на мысль, что эти мифологическія картины тутъ вовсе не у мѣста, что безпрестанное невольное созерцаніе обнаженныхъ прелестей богинь можетъ пагубно дѣйствовать на воображеніе воспитанниковъ — и что гораздо цѣлесообразнѣе было бы снять эти дорогие картины (говорятъ онѣ были очень цѣнны) продать и на эти деньги устроить хоть небольшую бібліотеку и физическій кабинетъ. Этихъ вспомогательныхъ пособій образованія вовсе не было. Но главное начальство мало интересовалось нами.

Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, в. в. Константинъ Павловичъ жилъ въ Варшавѣ и ни разу не посѣтилъ корпуса.

Заступающій его мѣсто генералъ Клиндеръ занимался нѣмецкою литературою и писалъ философскіе романы. Это былъ человекъ желчный, сухой, угрюмый, одинъ изъ первыхъ писателей реальной школы въ Германіи. Директоръ корпуса, генералъ Гогель, былъ членомъ ученаго артилерійскаго комитета — и какъ артилеристъ болѣе интересовался пушками-единорогами, нежели пажами. Инспекторъ классовъ полковникъ Odé de Sion, французскій эмигрантъ, любилъ болѣе хорошее вино, хорошей обѣды и свою масонскую ложу, въ которой онъ занималъ мѣсто великаго мастера. Иногда, въ послѣобѣденные часы, предъ тѣмъ, чтобы отправиться въ ложу, приходилъ онъ въ классы и тамъ,

гдѣ не было учителя, садился подремать на кафедрѣ. Одинъ нашъ гофмейстеръ, полковникъ Клингенбергъ, былъ къ намъ близко и жилъ нашею жизнью. Это былъ душа-человѣкъ, простой, ласковый, симпатичный, хотя кривлявый. Пажи любили, уважали и боялись его, но кругъ его дѣятельности былъ ограниченъ наблюдениемъ за порядкомъ и приготовленіемъ пажей къ военной службѣ.

По окончаніи утреннихъ уроковъ, въ 12 часовъ собирались пажи въ небольшую рекреационную залу, строились по отдѣленіямъ, приходилъ очередной ежедневный караулъ изъ 10-ти пажей, барабанщика и камер-пажа, являлся Клингенбергъ и дѣлалъ разводъ по всѣмъ правиламъ тогдашней гарнизонной службы. Карауломъ командовалъ дежурный по корпусу камер-пажъ. Это было единственное фронтное образованіе пажей. Не было ни ночной выправки, ни ружейныхъ приемовъ, ни маршировки, кромѣ маршировки въ столовую, причемъ пажи немилосердно топали ногами. Правда, лѣтомъ одинъ мѣсяць посвящался обученію фронта — но это было больше для камер-пажей, которые, какъ офицеры, командуя маленькими взводами въ 5 рядовъ, съ большимъ стараніемъ изучали тогдашній мудреный строевой уставъ и всѣ трудныя дежюды съ контр-маршемъ и построеніе ан-эшекіе. Что же касается до научнаго образованія, то въ то время и мы, какъ и всѣ, по метвому изреченію Пушкина, учились немного чему-нибудь и какъ-нибудь.¹⁾

Въ пажескомъ корпусѣ науки преподавались безъ системы, поверхностно, отрывочно. Изъ класса въ классъ пажи переводились по общему итогу всѣхъ баловъ, включая и балы за поведеніе, и потому нерѣдко случалось, что ученикъ, неокончившій ариметики, попадалъ въ классъ прямо на геометрію и алгебру. Въ классѣ исторіи рассказывалось про Олега коня и про то, какъ Святославъ ѣлъ воблытину. Нѣсколько задачъ Войцеховскаго и формулы дифференціаловъ и интеграловъ, вызубренные на память, со-

¹⁾ Сужденія о бывшихъ начальствующихъ лицахъ пажескаго корпуса не совсѣмъ справедливы, равно какъ сужденія о преподаваніи наукъ, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что было во время моего пребыванія въ корпусѣ. Конечно, тогдашнее образованіе учениковъ стояло гораздо ниже уровня теперешняго, но все-таки оно не было такъ ничтожно, какъ говорить о томъ авторъ записокъ.

ставляли высшую математику. Профессоръ Бутырскій училъ русской словесности и упражнял насъ въ хрияхъ и другихъ риторическихкихъ фигурахъ. Въ первомъ классѣ у камер-пажей былъ даже классъ политической экономіи. «L'économie politique — читалъ морской чиновникъ, эмигрантъ Тибо, на французскомъ языкѣ — est une science, d'après laquelle les richesses se forment, se distribuent, s'accroissent ou diminuent chez les nations; ces quatre grands phénomènes de la richesse résultent du concours de diverses circonstances, qui feront le sujet des titres suivans»... Это краснорѣчивое начало курса политической экономіи осталось у меня еще въ памяти до настоящаго времени, служа доказательствомъ того метода заучиванья наизусть, которому держались наши педагоги.

Чиновникъ горнаго вѣдомства, Вольгсмуть, читалъ намъ физику—но также безъ системы и не умѣя придать ей никакого интереса. Почти каждый классъ его начинался тѣмъ, что пажи окружали его и просили, чтобы въ слѣдующій классъ онъ показалъ фокусы. Вольгсмуть сердился, говорилъ, что это не фокусы, а физическіе опыты. Пажи не отставали, пока онъ не соглашался съ условіемъ, чтобы на необходимыя для этого издержки было приготовлено 3 — 5 рублей. Эти деньги собирались складчиной, но иначе какъ мѣдными. Когда на слѣдующій классъ являлся Вольгсмуть съ пузырьками и машинками, пажи сыпали на столъ свои пятаки, а онъ, краснѣя, конфузясь, торопливо собиралъ ихъ, завязывалъ въ платокъ и пряталъ въ уголокъ кафедры. Какъ теперь вижу эту жалкую фигуру, въ черныхъ лосинныхъ панталонахъ, въ синемъ мундирѣ съ засаленнымъ, вышитымъ бархатнымъ воротникомъ, и вѣчно жующую фіалковый корень.

Но если преподаваніе наукъ было отрывочно и вообще слабо, то нравственное настроеніе пажей было особенно замѣчательно. Почти всѣ сыновья аристократовъ и сановниковъ — пажи изъ своихъ семействъ приносили въ корпусъ и укореняли тогдашній дозунгъ высшаго общества «noblesse oblige» и щекотливое понятіе о «point d'honneur». Гордясь званіемъ пажей, они сами болѣе своего начальства заботились, чтобы между ними не допускался никто, на кого бы могла падать хотя тѣнь подозрѣнія въ какомъ-нибудь неблаговидномъ проступкѣ. Не такъ страшно было наказаніе, ожидавшее виновнаго отъ начальства, какъ то отчужде-

ніе, тотъ остракизмъ, которому неминуемо подвергался онъ среди своихъ товарищей. Во время этой опалы товарищи не приближались къ нему, не говорили съ нимъ. Только маленькіе паж-задоры, вертѣлись около него, дразнили, а онъ долженъ былъ молчать и терпѣть. Въ первое время моего пребыванія случилась извѣстная печальная исторія о пропажѣ табакерки, въ которой были замѣшаны пажи Баратынскій, впоследствии поэтъ, Ханьковъ и Преклонскій. Пока шло официальное разбирательство этого дѣла, окончившееся для нихъ солдатскою шинелью, они оставались въ Пажескомъ корпусѣ, но всѣ пажи отшатнулись отъ нихъ, какъ преданныхъ остракизму нравственнымъ судомъ товарищей. Къ Баратынскому приставали мало, отъ того-ли, что считали его менѣе виновнымъ, или отъ того, что мало его знали, такъ какъ онъ былъ малособщителенъ, скромнъ и тихаго нрава.¹⁾ Но много досталось отъ пажей Ханькову, котораго прежде любили за его веселыя шутки, и Преклонскому, который былъ извѣстенъ шалостями и приставаніемъ къ другимъ.

Тѣлесное наказаніе составляло рѣдкое исключеніе. Во все время пребыванія моего въ корпусѣ, мнѣ пришлось только одинъ разъ присутствовать на такой экзекуціи, я былъ уже камер-пажемъ. Въ рекреационную залу собрались пажи къ разводу, куда (къ немалому удивленію всѣхъ) явился и генераль Клиндеръ. Прочитали приказъ о наказаніи пажѣ Л* розгами. Сторожа привели его изъ карцера, принесли розги и скамейку. Клиндеръ все время молчалъ, а когда Л* раздѣвали и клали на скамейку, — вышелъ изъ залы. Тогда пажи бросились съ шумомъ на сторожей и освободили Л*. Но Клиндеръ былъ недалеко. Онъ возвратился, схватилъ перваго попавшагося ему пажѣ, втащилъ въ средину и, тряся его за воротникъ, закричалъ: «*Mais savez vous qu'on brûle roug cela*». Пажи отбѣжали и построились по отдѣленіямъ; возстановилась тишина. Л* положили на скамейку, началась экзекуція и Клиндеръ ушелъ, не промолвивъ болѣе ни одного слова. Къ чему онъ относилъ свою угрозу, осталось неизвѣстно: къ возстанію-ли пажей или къ винѣ Л*, а вина его, какъ говорили, была та, что онъ, желая въ воскресенье выйти изъ корпуса, самъ написалъ записку отъ имени родственника, къ которому отпускаясь.

¹⁾ См. статьи: «Е. Баратынскій по бумагамъ Пажескаго корпуса», «Русская Старина» 1870 г., т. II, стр. 201—207, и замѣтку сына поэта, тамъ же, стр. 315—317.

Эти записки объ отпускѣ много стѣсняли пажей. Въ корпусѣ было извѣстно, кто къ кому отпускаялся во время праздниковъ и безъ записки отъ того лица не давали позволенія выходить. Кромѣ того, пажи нигдѣ не должны были показываться безъ сопровожденія слуги или кого-нибудь изъ родственниковъ. Только камер-пажи имѣли право оставлять корпусъ безъ записокъ, ходить по улицамъ безъ провожатаго и сидѣть въ креслахъ въ театрѣ.

Между моими воспоминаніями о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ Пажескомъ корпусѣ, я считаю не лишнимъ упомянуть и о посѣщеніяхъ корпуса графомъ Аракчеевымъ. Эти посѣщенія были вызываемы находеніемъ въ корпусѣ Шумскаго, поступившаго въ пажи какъ родственникъ Аракчеева, хотя—когда мы находились съ нимъ вмѣстѣ въ пансіонѣ Коленса — онъ назывался Федоровымъ. Аракчеевъ часто пріѣзжалъ въ корпусъ по вечерамъ; молчаливый и угрюмый, онъ приходилъ прямо къ кровати Шумскаго, садился и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нимъ. Не очень-то любилъ Шумскій эти посѣщенія...¹⁾

1-го мая 1817 года, я былъ произведенъ въ камер-пажи.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ счастливѣйшій день моей жизни! Юность, весна и первое отличіе упонительно дѣйствовали на меня. День былъ свѣтлый, солнечный и я, въ одномъ новенькомъ камер-пажескомъ мундирѣ, пошелъ по Фонтанкѣ въ большую Миліонную, гдѣ тогда жила моя тетка Елисавета Яковлевна Багговутъ. Но мое довѣріе къ петербургскому маку, какъ часто бываетъ въ жизни съ каждымъ излишнимъ довѣріемъ, не осталось безнаказаннымъ, къ вечеру я почувствовалъ сильную простуду. Меня уложили въ постель и дали знать въ корпусъ. Въ постели, въ жару, съ головною болью, я окончилъ день, который началъ такимъ бодрымъ, увѣреннымъ, счастливымъ.

III.

Придворная служба камер-пажей. — Императрица Марія Федоровна.

Черезъ три недѣли я выздоровѣлъ и явился въ корпусъ на камер-пажескую службу. Камер-пажей было 16: изъ нихъ 8 назначались къ двоствующей императрицѣ и дежурили каждый день по два съ 11-ти часовъ дня до 11-ти часовъ вечера. Осталь-

¹⁾ О Шумскомъ смотри въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XII, стр. 113—122.

ные 8 камер-пажей считались при императрицѣ Елисаветѣ Александровнѣ. Нѣсколько изъ нихъ требовались ежедневно къ обѣденному столу для прислуги членамъ императорской фамиліи и въ праздники для выхода въ церковь. Прежде изъ нихъ отдѣлялись камер-пажи и къ великимъ князьямъ. Поступая въ корпусъ, я засталъ еще тамъ камер-пажа великой княгини Екатерины Павловны, несмотря на то, что она была уже въ Штутгартѣ и не имѣла своего двора въ Петербургѣ. Ея камер-пажъ продолжалъ носить мундиръ съ желтымъ воротникомъ, цвѣтомъ двора герцога Ольденбургскаго. Камер-пажъ этотъ былъ несчастный Богдановичъ. Онъ былъ выпущенъ въ Измайловскій полкъ.— 14-го декабря, въ день присяги императору Николаю, Измайловскій полкъ и коннопионерный эскадронъ, въ которомъ я тогда служилъ, были выстроены на дворѣ Горновскаго дома, вокругъ аналая, у котораго ожидалъ священникъ въ полномъ облаченіи. Приѣхалъ дивизионный начальникъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ и, послѣ обычнаго привѣтствія солдатамъ, пригласилъ полкового командира, генерала Мартынова, прочитать присяжный листъ. При произнесеніи имени императора Николая Павловича, Богдановичъ, а за нимъ и нѣсколько солдатъ его роты закричали: «Константину!». Мартыновъ, пораженный удивленіемъ, остановился, взглянулъ вопросительно на Бистрома, но тотъ со свойственнымъ ему хладнокровіемъ сказалъ: «продолжайте». Присяга была прочитана, хотя и продолжались негромкіе крики: «Константину!». Священникъ обошелъ ряды съ крестомъ и полкъ въ порядкѣ отвелъ въ казармы. Богдановичъ, такъ явно обнаружившій свое участіе въ заговорѣ, тогда еще никому неизвѣстному, приѣхалъ въ свою квартиру и приготовленнымъ заранѣе пистолетомъ застрѣлился. Это была первая жертва печальнаго дня 14-го декабря 1825 г.

Я былъ назначенъ камер-пажемъ императрицы Маріи Федоровны. Павловскъ былъ постояннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ императрицы, но каждую недѣлю она приѣзжала въ Петербургъ: посѣщала женскія заведенія, которыя находились подъ ея начальствомъ, обѣдала въ Таврическомъ дворцѣ и послѣ обѣда возвращалась въ Павловскъ. Въ одинъ изъ такихъ приѣздовъ я былъ представленъ императрицѣ въ Таврическомъ дворцѣ, а чрезъ нѣ-

сколько дней, въ субботу, былъ отправленъ на недѣльное дежурство въ Павловскѣ.

Это была первая и послѣдняя недѣля моей камер-пажеской службы при Маріи Федоровнѣ, потому что, по возвращеніи моемъ въ корпусъ, я вскорѣ былъ назначенъ камер-пажемъ въ принцесѣ прусской Шарлоттѣ, нареченной невѣстѣ в. к. Николая Павловича.

Въ любимомъ своемъ Павловскѣ, Марія Федоровна отдыхала отъ придворнаго этикета и блеска двора. Здѣсь окружила она себя всѣмъ, что могло напоминать ей о прошедшемъ. Кабинетъ императора Павла свято сохранялся въ томъ видѣ, какъ былъ при немъ, и камер-фурьеръ его, Сергѣй Ильичъ Крыловъ, продолжалъ носить мальтійскій мундиръ вмѣсто придворнаго. Во внутреннихъ комнатахъ императрицы хранились рисунки, записки и работы августѣйшихъ ея дѣтей. Въ саду были воздвигнуты памятники: родителямъ императрицы и усопшимъ княгинямъ: Еленѣ Павловнѣ Мекленбургской и Александрѣ Павловнѣ палатинѣ Венгерской. Часто приходила она къ этимъ памятникамъ и, удаляясь отъ сопровождавшихъ ее дежурныхъ фрейлины и камер-пажа, на минуту останавливалась и съ тихою молитвой приклоняла голову. Ея любящее сердце и въ настоящемъ счастіи не чуждалось воспоминаній прежнихъ горькихъ утратъ.

Но и здѣсь, въ Павловскѣ, Марія Федоровна не оставляла трудовъ и заботъ на пользу основанныхъ или пересозданныхъ ею воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній. Въ 6 часовъ утра она уже сидѣла въ своемъ кабинетѣ, занимаясь дѣлами, читая донесенія, просьбы о помощи, иногда даже переписку нѣкоторыхъ воспитанницъ, которыми она интересовалась по особеннымъ ихъ семейнымъ обстоятельствамъ. Въ первомъ часу гуляла въ саду или каталась въ колясѣ по парку. Въ два часа былъ обѣдъ. Послѣ обѣда снова занималась дѣлами и читала. Въ семь часовъ собиралось небольшое общество придворныхъ и гостей, приглашенныхъ изъ Петербурга, и бесѣда продолжалась до 10-ти часовъ. Тогда подавали небольшой ужинъ. Ужинали на отдѣльныхъ столикахъ группами. Въ 11 часовъ императрица удалялась во внутренніе покои.

Марія Федоровна любила служеніе камер-пажей. Она къ нему привыкла. Отправлялся-ли дворъ на 9 мѣсяцевъ въ Москву, вы-

ѣзжала-ли императрица на недѣлю въ Петергофъ, или на одинъ день въ Ораніенбаумъ, или на нѣсколько часовъ на маневры, всюду слѣдовали за нею камер-пажи. Мнѣ пришлось даже ѣздить на корабль, на которомъ, во время морскихъ маневръ, подъ Кронштадтомъ, былъ приготовленъ обѣдъ для императорской фамиліи. Послѣ этого обѣда государь съ великими князьями, взявъ солдатскія матроскія ружья, стали въ шеренгу и государь приказалъ поручику В. Ѡ. Адлербергу, адъютанту в. в. Николаю Павловича, прокомандовать всѣ ружейные приемы. Государь дѣлалъ ихъ съ улыбкою, какъ бы шутя, великіе князья серьезно и старательно.

Каждый день за обѣдомъ, фамильнымъ или съ гостями, камер-пажи служили у стола царской фамиліи. Особенное вниманіе и осторожность нужны были при услуженіи Маріи Ѡедоровнѣ. Камер-пажъ долженъ былъ ловко и въ мѣру придвинуть стулъ, на который она садилась; потомъ, съ правой стороны, подать золотую тарелку, на которую императрица клала свои перчатки и вѣеръ. Не поворачивая головы, она протягивала назадъ черезъ плечо руку съ тремя соединенными пальцами, въ которые надобно было вложить булавку; эту булавку императрица прикалывала себѣ въ груди салфетку. Предъ особами императорской фамиліи, за которыми служили камер-пажи, стояли всегда золотыя тарелки, которыя не мѣнялись въ продолженіи всего обѣда. Каждый разъ, когда подносилось новое блюдо, камер-пажъ долженъ былъ ловко и безъ стука поставить на эту тарелку фарфоровую, которую, съ оставленнымъ на ней приборомъ, онъ принималъ и на золотой тарелкѣ подносилъ чистый приборъ взамѣнъ принятаго. По окончаніи обѣда, такимъ же образомъ, подносились на золотой тарелкѣ перчатки, вѣеръ и прочее переданное при началѣ обѣда. Тогда были въ модѣ длинныя, лайковыя перчатки и камер-пажи съ особеннымъ стараніемъ разглаживали и укладывали ихъ предъ тѣмъ, чтобы поднести. Камер-пажи служили за обѣдомъ безъ перчатокъ и потому особенное стараніе обращали на свои руки. Они холили ихъ, стараясь разными косметическими средствами сохранить мягкость и бѣлизну кожи.

Императрица была особенно милостива къ своимъ камер-пажамъ. При выпускѣ въ офицеры, они получали отъ нея золотыя часы въ награду. Она интересовалась ихъ семейнымъ положе-

ніемъ и успѣхами въ наукахъ. Выходя изъ кабинета, она любила заставить камер-пажа за книгой или тетрадью; часто спрашивала, а иногда и сама смотрѣла, что читается, прибавляя: «C'est bien, c'est très bien. Etudiez toujours, lisez, mais pas de bêtises, pas de romans».

Увидѣвъ у камер-пажа Философова тетрадь «Economie politique», она послала его въ Шторху, находившемуся тогда при ней, чтобы тотъ просмотрѣлъ тетрадь и донесъ ей, хорошо-ли въ корпусѣ преподають «Политическую экономію». Камер-пажъ Шепелевъ долго не могъ выдержать выпускного экзамена; это знала императрица. Предъ послѣднимъ экзаменомъ она спрашиваетъ, надѣется-ли онъ нынѣшній годъ выдержать экзаменъ? Шепелевъ отвѣчаетъ, что надѣется, только боится математики. Императрица приказываетъ ему каждое дежурство привозить съ собою аспидную доску, добавляя, что сама будетъ просматривать его математическія задачи. И Шепелевъ каждый разъ на дежурство во дворецъ отправлялся съ аспидной доской и курсомъ Войцеховскаго.

Въ мое время императрица Марія Федоровна сохраняла еще слѣды прежней красоты. Тонкія, нѣжныя черты лица, правильный носъ и привѣтливая улыбка заявляли въ ней мать Александра. Она была, также какъ и онъ, немного близорука, хотя рѣдко употребляла лорнетку. Довольно полная, она любила и привыкла крѣпко шнуроваться, отчего движенія и походка ея были не совсѣмъ развязны. Тоже съ страусовымъ перомъ на головѣ, короткое платье декольте съ высокою короткой таліей и съ буфчатыми рукавчиками, на голой шеѣ ожерелье, у лѣваго плеча, на черномъ бантѣ, бѣлый мальтійскій крестикъ, бѣлыя длинныя лайковыя перчатки, выше локтя, и башмаки съ высокими каблучками, составляли ежедневное одѣяніе императрицы, исключая торжественныхъ случаевъ.

Она говорила скоро и не совсѣмъ внятно, немного картава. Надобно было имѣть большое вниманіе и привычку, чтобы понимать каждое слово, но она никогда не сердилась, если камер-пажъ не сразу понималъ ея приказаніе.

Въ продолженіи двухъ дѣтъ, почти ежедневно я имѣлъ счастье видѣть императрицу Марію Федоровну, то окруженную блестящимъ дворомъ, котораго она была представительницей; то въ

домашнемъ кругу царской семьи, которой она была душою; и въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ я не помню ни одного дня, въ который бы она казалась болѣе утомленною или озабоченною: всегда ровная, милостивая, добрая.

IV.

Вѣздъ принцесы Шарлотты.—Обрученіе и бракосочетаніе съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

22-го іюня 1817 года былъ назначенъ торжественный вѣздъ принцесы прусской Шарлотты. На 7-й верстѣ отъ Петербурга по царсковельской дорогѣ, въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ шоссе, стоялъ двух-этажный каменный домъ съ бельведеромъ и садомъ. Этотъ домъ принадлежалъ пастору Коленсу и въ немъ помѣщался тогда его пансіонъ, о которомъ я уже говорилъ. Здѣсь были приготовлены золотыя кареты для торжественнаго вѣзда въ столицу высоконазначенной невѣсты. Здѣсь обѣ императрицы и она должны были перемѣнить свой дорожный туалетъ и здѣсь же въ первый разъ я представился великому князю Николаю Павловичу. Онъ тотчасъ повелъ меня къ принцесѣ Шарлоттѣ, бывшей еще въ сѣромъ, дорожномъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. «Voilà votre page!» — «Ah je suis charmée», сказала она, протягивая мнѣ руку, и тотчасъ прибавила: «je vous prie, monsieur, apportez moi mon parasol, il doit être dans la voiture».

Я бросился на дворъ къ дорожной каретѣ и, съ гусарами императрицы, перерылъ всѣ подушки, перешарилъ всѣ углы, но зонтикъ не отыскался. Возвращаться на верхъ съ пустыми руками, мнѣ было совѣстно. Эта неудача казалась мнѣ почти несчастіемъ, я былъ смущенъ, близокъ къ отчаянію. Вѣроятно все это отражалось и на лицѣ моемъ, потому что великій князь, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, съ удивленіемъ спросилъ:

— Что съ тобой?

Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ разсмѣялся и сказалъ: «не велика бѣда! найдется другой, ступай скорѣе на верхъ; императрицы сейчасъ выйдутъ».

И точно; едва успѣлъ я присоединиться къ своимъ товарищамъ, какъ вышли императрицы и принцеса. Проводивъ ихъ до кареты, я едва успѣлъ сѣсть на приготовленную мнѣ лошадь.

какъ это умное животное понеслось догонять карету и, пробравшись въ лѣвому, заднему колесу, пошло церемоніальнымъ ходомъ.

Въѣздъ былъ блестящій. Въ золотой каретѣ—ландо, запряженной шестью лошадьми, ѣхали обѣ императрицы и принцеса, по обѣ стороны камер-пажи и шталмейстеръ верхами. Гвардія была разставлена шпалерами и, по проѣздѣ придворныхъ экипажей, слѣдовала за ними на Дворцовую площадь, гдѣ проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо императора, стоявшаго подъ балкономъ, съ котораго смотрѣли императрицы и принцеса. Послѣ парада я проводилъ великаго князя и его невѣсту въ назначенныя для нея комнаты, гдѣ ожидалъ ее законоучитель Музовской, въ черной одеждѣ, въ бѣломъ галстухѣ и безъ бороды; трудно было признать въ немъ нашего православнаго священника. Онъ постоянно долженъ былъ находиться въ пріемной принцесы; чтобы, пользуясь каждымъ свободнымъ часомъ, помогать ей выучить наизусть символъ вѣры, который она должна была произнести при обрядѣ миропомазанія.

Эта торжественная церемонія совершилась 24-го іюня; послѣ входа императорской фамиліи въ церковь, когда императрица Марія Ѳеодоровна взяла за руку принцесу Шарлотту и подвела ее къ митрополиту, стоявшему въ царскихъ дверяхъ, началось священнодѣйствіе. Принцеса, хотя нѣсколько взволнованная, произнесла громко и твердо символъ вѣры. Любящій и одобряющій взоръ императрицы не покидалъ ее. Потомъ проводила она ее къ святому причащенію.

25-го іюня, въ день рожденія в. в. Николая Павловича, было обрученіе. Посреди церкви было приготовлено возвышенное мѣсто, покрытое малиновымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ. Предъ царскими дверями поставленъ былъ аналой, на которомъ лежали св. евангеліе и крестъ, а подлѣ аналая небольшой столикъ для обручальныхъ колецъ и свѣчъ на золотыхъ блюдахъ. Государь подвелъ великаго князя, а императрица Марія Ѳеодоровна высокобрачную невѣсту. Митрополитъ Амвросій, принявъ вынесенныя изъ алтаря кольца, возложилъ ихъ при обычной молитвѣ на руки обручающихся, а императрица Марія Ѳеодоровна обмѣняла ихъ перстнями. Въ церкви приняли поздравленіе высокообрученные отъ императорской фамиліи и духовенства.

Въ этотъ день былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ:

«Божією милостію, мы, Александръ первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч. Всемогущій Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, излившій въ недавнія времена толикія милости и щедроты на Россію, обращаетъ и нынѣ милосердый на нее взоръ свой. Волѣ его святой угодно, да умножится россійскій императорскій домъ, и да укрѣпится въ силѣ и славѣ своей родственными и дружескими союзами съ сильнѣйшими на землѣ державами. Помазанію и благословенію Того, въ Его же десницѣ сердце царей, и съ согласія вселюбезнѣйшей родительницы нашей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, мы совокупно съ его величествомъ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III положили на мерѣ, избрать дочь его, свѣтлѣйшую принцесу Шарлотту, въ супруги вселюбезнѣйшему брату нашему вел. кн. Николаю Павловичу, согласно собственному его желанію. Сего іюня въ 24-й день¹⁾ по благословенію и благодати Всевышняго воспріяла она православное грекороссійскія церкви исповѣданіе¹⁾ и при святомъ миропомазаніи наречена Александрой Ѳеодоровной;¹⁾ а сего жъ іюня 25-го дня, въ присутствіи нашемъ и при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, въ придворной Зимняго дворца соборной церкви, совершенно предшествующее браку высокосочетавающихся обрученіе. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, повелѣваемъ ее, свѣтлѣйшую принцесу именовать великой княжной съ титуломъ ея императорскаго высочества. Данъ въ престольномъ нашемъ градѣ Санкт-петербургѣ, іюня 25-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1817, царствованія нашего въ седьмое на десять».

Этотъ манифестъ замѣчателенъ и какъ пророчество и какъ всенародная исповѣдь того чувства христіанскаго смиренія и пламенной вѣры, которая такъ сильно была возбуждена въ Александрѣ I счастливымъ исходомъ отечественной войны.

1-го іюля 1817 г., въ день рожденія великой княгини, было совершено бракосочетаніе,—но я въ этотъ день не былъ дежур-

¹⁾ Напечатанныя разрядкой строки въ подлинномъ манифестѣ, составленномъ А. С. Шишковымъ, написаны собственноручно императоромъ Александромъ I. См. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. изд. первое, т. I, стр. 146—147.

нымъ, а только за большимъ обѣдомъ служилъ великому князю и находился на балѣ съ другими камер-пажами.

Эти балы при дворѣ были въ то время довольно часты. Они назывались *bals parés* или куртаги и состояли изъ однихъ польскихъ. Государь съ императрицей Маріей Федоровной, в. к. Константинъ съ императрицей Елисаветой Алексѣвной, в. к. Николай съ великой княгиней, в. к. Михаилъ съ принцессой Виртембергской, а зади ихъ генерал-адъютанты и придворные кавалеры съ придворными дамами по-парно, при звукахъ польскаго, входили въ бальную залу. Къ нимъ присоединялись пары изъ собравшихся уже гостей. Государь, обойдя кругомъ залу, поклонясь, оставлялъ императрицу и перемѣнялъ даму. При перемѣнѣ дамъ онъ строго наблюдалъ старшинство чина и общественное положеніе ихъ мужей. Императоръ шелъ въ первой парѣ только открывая балъ, потомъ обыкновенно онъ шелъ во второй. Одинъ изъ генерал-адъютантовъ вель польскій, незамѣтно наблюдая, насколько интересуется государь своей дамой и продолжается-ли разговоръ, судя по этому, онъ продолжалъ или кончалъ кругъ. Когда Александръ шелъ съ прелестной княгиней Трубецкой, рожденной Вейсъ, или другою интересной дамой, польскій переходилъ и въ другія комнаты.

Во время бала великій князь шепнулъ мнѣ: «пора перемѣнить мундиръ». Онъ желалъ, чтобы камер-пажи великой княгини имѣли на мундирахъ синіе воротники, цвѣта, присвоеннаго придворному штату двора великаго князя. Такіе мундиры и были уже у насъ съ Шереметевымъ заготовлены и мы въ нихъ представлялись на смотръ великому князю въ Аничковскомъ дворцѣ. Но государь рѣшилъ, что такъ какъ камергеры и камер-юнкера, состоящіе при великомъ князѣ, были отъ большого двора, то и камер-пажи не должны были носить другого мундира. Передъ концемъ бала государь и государыня Елисавета Алексѣвна поѣхали въ Аничковскій дворецъ, чтобы встрѣтить высокихъ новобранныхъ. Вслѣдъ за ними тронулся и поѣздъ. Впереди эскадронъ лейб-гв. гусаръ съ обнаженными саблями, потомъ кареты съ придворными высшими чинами и дамами. Гофмейстеръ пажей, полковникъ Клингенбергъ, а за ними, верхами, 8 камер-пажей, въ числѣ которыхъ былъ и я, потомъ шли скороходы, эскадронъ конной гвардіи и наконецъ карета въ 8 лоша-

дей, въ которой сидѣли императрица Марія Ѳеодоровна, высокобрачная и принцъ прусскій Вильгельмъ. За каретой, верхами, обер-шталмейстеръ, шталмейстеръ, дежурные камер-пажи и адъютанты великаго князя; въ слѣдующей каретѣ, ѣхали в. к. Константинъ и Михаилъ Павловичъ и принцесы Виртембергскія. Съ прибытіемъ поѣзда въ Аничковъ дворецъ моя служба кончилась, но возвращаться въ корпусъ еще было рано и не хотѣлось и я, съ товарищемъ княземъ Голицынымъ, пошла на Невскій бульваръ. Въ то время этотъ бульваръ, обсаженный съ обѣихъ сторонъ тощими липками, занималъ средину проспекта по образцу «Unter den Linden» въ Берлинѣ. Ночь была теплая, свѣтлая, тихая; плошки мерцали по тротуарамъ, тогда не знали другой иллюминаціи. На бульварѣ двигалась пестрая, веселая толпа гуляющихъ, въ ожиданіи обратнаго поѣзда императора и императрицы въ Зимній дворецъ.

Въ память совершившагося бракосочетанія, я, какъ камер-пажъ в. к. Александры Ѳеодоровны, получилъ перстень, съ аметистомъ и брилліантами. На другой день я былъ дежурнымъ и въ 11 часовъ утра явился въ Аничковъ дворецъ. Не зная, гдѣ ожидать приказаній, я прошелъ до большого приѣмнаго зала съ балкономъ въ садъ. Въ комнатѣ никого не было, двери на балконъ были открыты, я пошелъ къ нимъ, но въ это самое время открылись двери внутреннихъ покоевъ и вышли повѣбренные. Великій князь, въ сюртукѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, обнявъ великую княгиню, которая была вся въ бѣломъ, подошли ко мнѣ. Я проговорилъ поздравленіе. Великая княгиня подала мнѣ поцѣловать руку, а великій князь говорилъ о неудачѣ съ синимъ воротникомъ. Меня отпустили съ приказаніемъ ожидать великую княгиню въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ день былъ назначенъ большой обѣдъ на половинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

V.

Павловскъ.—Великій князь Николай Павловичъ.

Своро императорская фамилія оставила Петербургъ. Государь съ государыней Елисаветой Алексѣевной переѣхали въ Царское Село, в. к. Константинъ Павловичъ возвратился въ Варшаву, императрица Марія Ѳеодоровна, в. к. Николай съ великой

княгиней, в. к. Михаилъ Павловичъ и принцъ прусскій переехали въ Павловскъ.

Въ Павловскомъ дворцѣ помѣщеніе было довольно тѣсно и неудобно. Императрица жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ была столовая и церковь. Молодая княжеская чета жила въ лѣвомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца полузруглою открытою галереей, чрезъ которую и приходилось проходить по нѣскольку разъ въ день. Внизу этого флигеля помѣщалась гауптвахта офицерскаго гусарскаго караула и неизбѣжный шумъ отъ караула пронивалъ и въ комнаты верхняго этажа. Въ осенніе, темные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщенъ разставленными чрезъ комнату сальными свѣчами въ жестяныхъ, длинныхъ, наполненныхъ водою, подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ и на полу маленькаго балкона дворца при выходѣ въ галерею. Здѣсь обыкновенно я ожидалъ великую княгиню, и когда отворялась дверь во флигелѣ и показывался великій князь съ великою княгиней, я бралъ подсвѣчникъ и, неся его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не расплескать находящуюся въ немъ воду, шелъ впередъ, чтобы хотя немного освѣтить дорогу. Эта продѣлка забавляла веселую великую княгиню, и она каждый разъ, смѣясь, говорила: «Mergsi, mergsi rage, благодарствуй». На балконѣ я ставилъ свѣчу на прежнее мѣсто, на полъ, и, принявъ отъ камердинера великой княгини работу или другія вещи, которыя она хотѣла имѣть съ собою, слѣдовалъ за нею. Другія комнаты также были въ полумракѣ; освѣщалась одна лѣстница. Станнымъ кажется теперь это госпитальное освѣщеніе комнатъ императорскаго дворца.

На первой недѣлѣ моего дежурства въ Павловскѣ, 15-го іюля, было бракосочетаніе адъютанта великаго князя, поручика 1-го Литовскаго полка, Владиміра Ѳедоровича Адлерберга съ Маріей Васильевной Нелидовой, фрейлиной императрицы Маріи Ѳедоровны. Обрядъ совершался въ дворцовой церкви. Великій князь Николай Павловичъ и двоюродный братъ невесты, Кирилл Александровичъ Нарышкинъ, были посаженными отцами, великая княгиня Александра Ѳедоровна и тетка невесты, статс-дама Марія Алексѣевна Нарышкина, посаженными матерями новобрачныхъ. Родныхъ у Адлерберга было немного: его мать—начальница Смоль-

наго монастыря, сестра Юлія Федоровна Баранова и моя тетка, жена родного дяди Владиміра Федоровича, Елисавета Яковлевна Баггвуть. Я былъ назначенъ держать вѣнецъ надъ женихомъ; надъ невѣстой держалъ вѣнецъ ея родственникъ, Аркадій Аркадьевичъ Нелидовъ (братъ Варвары Аркадьевны Нелидовой), юноша, готовившійся поступить юнкеромъ въ кавалергарды. Послѣ брачной церемоніи у императрицы Маріи Федоровны былъ балъ и ужинъ. Особенный столъ былъ приготовленъ для императорской фамиліи, новобрачныхъ и ихъ родственниковъ. Поднялся вопросъ, могу-ли я, въ званіи шафера, сидѣть за столомъ? императрица Марія Федоровна, строгая къ этикету, рѣшила этотъ вопросъ отрицательно; это поразило мое камер-пажеское самолюбіе, такъ какъ я считалъ свое званіе несравненно выше званія недоросля изъ дворянъ, будущаго юнкера гвардіи. Но это было минутное неудовольствіе и я принялся служить моею великою княгинѣ у стола, за которымъ сидѣла моя тетушка и шаферъ невѣсты Нелидовъ.

Въ Константиновскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ в. к. Михаилъ Павловичъ, помѣщался прусскій принцъ Вильгельмъ, нынѣшній маститый императоръ Германскій. Тогда онъ былъ красивый, статный, веселый и любезный юноша. Онъ походилъ лицомъ и нравомъ на великую княгиню, которая любила его болѣе другихъ братьевъ и часто, говоря о немъ, называла *mein Liebling*. Однажды, играя съ собакою великаго князя Михаила Павловича, онъ былъ ею укушенъ въ ногу. Доктора, опасаясь послѣдствій, нашли нужнымъ прижечь небольшую ранку и на нѣсколько дней не позволять принцу выходить изъ комнатъ. На другой день послѣ этого происшествія великая княгиня послала меня узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, я встрѣтилъ великую княгиню подъ руку съ великимъ княземъ, готовымъ уже сойти къ императрицѣ; они остановились и я началъ говорить, впередъ приготовленную, французскую фразу о спокойной ночи и о хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ моихъ словахъ: *«Votre Altesse Impériale»*.... великій князь, смотря на меня и сдѣлавъ комически серьезную мину, началъ повторять за мной каждое слово, картавя еще болѣе моего. Великая княгиня захохотала, а я, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить.

Къ счастью, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, проводя великую княгиню и великаго князя во флигель и ожидая приказаній, я стоялъ невеселый въ приемной, когда великій князь, вышедши изъ комнаты великой княгини, подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Зачѣмъ ты картавишь? это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ; благодари Бога, что ты русскій, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только въ шутку.

Потомъ, поцѣловавъ меня еще одинъ разъ, отпустилъ до вечера. Этотъ урокъ остался мнѣ памятенъ на всю жизнь.

Выдающаяся черта характера великаго князя Николая была—любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускного. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній; сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна коварды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку; все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что-либо изъ манеръ императора, но даже в. к. Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походѣ и манерахъ. Подражаніе это у Михаила Павловича выходило немного угловато, не натурально, а у Константина Павловича даже утрировано, карикатурно. По врожденной самостоятельности характера, не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той округлости, законченности красоты, которая въ императорѣ такъ невольно поражала cadaго и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камняхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія

нравиться; даже натуральная веселость его, смѣхъ какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастья, которое, наполняя душу юности, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ былъ иногда веселъ до шалости. Я помню, какъ въ одинъ лѣтній день императрица, великій князь съ супругою и камер-фрейлина Нелидова вышли на терасу павловскаго сада. Великій князь шутилъ съ Нелидовой, это была сухощавая, небольшая старушка, весьма умная, добрая, веселая. Вдругъ великій князь беретъ ее на руки, какъ ребенка, несетъ въ караульную будку, оставляетъ ее въ ней и строгимъ голосомъ приказываетъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова просить о прощеніи, императрица и великая княгиня смѣются, а великій князь бросается снова въ будкѣ, выносить Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ее руки.

Императрица Марія Федоровна старалась разнообразить Павловскіе вечера. При хорошей погодѣ ѣздили пить чай и ужинать въ Розовой или Елисаветинскій павильонъ или на ферму. Иногда, для забавы общества, приглашались проѣзжіе фокусники съ учеными обезьянами, собаками. Однажды пили чай въ розовомъ павильонѣ. Явился итальянецъ во фракѣ, въ башмакахъ съ трехугольной шляпой подъ мышкой и ввелъ въ залу маленькую лошадку, которая кланялась, сгибая переднія ноги, и выбивала копытомъ отвѣты на заданные вопросы о числѣ гостей, часовъ и проч. Вдругъ лошадка подозрительно поднимаетъ хвостъ и надувается. Великій князь притворно-грозно взглядываетъ на итальянца, а тотъ сконфуженный бросается въ лошадкѣ и подставляетъ свою новенькую трех-уголку, чтобы сберечь нарветъ залы Розоваго павильона. Фрейлины закрываются вѣрами, всѣ смѣются, а великій князь болѣе всѣхъ.

Въ дурную погоду, собирались въ нижней залѣ дворца, съ выходомъ въ садъ. Тамъ иногда было литературное чтеніе; читали: Жуковский, Уваровъ, Плещеевъ; дамы занимались вышиваньемъ, а великій князь чертилъ карикатуры. Обыкновенно, при началѣ чтенія императрица отпускала насъ, а если она за-

бывала, то мы старались напомнить о нашемъ присутствіи острожнымъ шарканьемъ ногъ. Отпущенные, мы бѣжали въ садъ и въ публикѣ, которая толпилась у оконъ залы, отыскивали знакомыхъ намъ гусарскихъ офицеровъ и возвращались только къ началу ужина.

Но эти вечера были не часты и, кажется, немногіе ихъ любили. Чаще всего играли въ фанты и въ такъ называемыя *chagades en action*. Шарады эти всегда придумывалъ великій князь и самъ же исполнялъ ихъ. Я помню шараду *tarage*, въ которой я представлялъ второй слогъ, а при исполненіи цѣлаго великій князь поднялъ такой шумъ, что императрица и великая княгиня, закрывъ уши, вскричали: «assez de tarage, assez». Другая шарада, вызвавшая всеобщій смѣхъ и одобреніе, была «*congruence*», исполненная однимъ великимъ княземъ. Сперва онъ весьма искусно подражалъ звуку рожка, потомъ прошелся, дѣлая гримасы и зажимая носъ; потомъ явился съ билиарднымъ кіемъ, который держалъ какъ копые, наконецъ пришелъ обвязанный подушками и съ трудомъ, какъ бы отъ тучности, передвигалъ ноги. Шарады всегда исполнялись безъ всякихъ приготовленій, безъ всякихъ пособій. Можно было пользоваться только тѣмъ, что находилось въ смежной билиардной комнатѣ. Такъ просты, такъ незатѣйливы были Павловскіе вечера императрицы, а какъ веселы и оживлены были они!

Великій князь былъ очень воздерженъ въ пищѣ, онъ никогда не ужиналъ, но обыкновенно при проносѣ соленыхъ огурцовъ, пилъ ложки двѣ огуречнаго рассола; сморкался онъ продолжительно и громко, и тогда императрица, обращаясь къ великой княгинѣ, обыкновенно говорила съ улыбкою: «*Unser grosser Trompeter fängt schon wieder an*». Но мнѣ великій князь былъ особенно милостивъ. Я былъ очень худощавъ, вѣроятно отъ роста; часто великій князь, подходя ко мнѣ, спрашивалъ: «что ты такъ худѣешь, не шалишь-ли?» И потомъ уговаривалъ беречь здоровье и силы, необходимыя для будущаго счастья. Это милостивое вниманіе къ юношѣ, эта снисходительная забота о его здоровьи проявляютъ, безъ сомнѣнія, черты душевной доброты великаго князя, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ былъ очень молодъ и очень счастливъ, а молодость и счастье эгоистичны.

Въ концѣ августа, въ одно воскресенье, въ церкви, во время

литургіи, великой княгинѣ сдѣлалось дурно. Великій князь почти на рукахъ вынесъ ее и привелъ во флигель. Я былъ дежурнымъ и слѣдовалъ за ними. Успоившись на счетъ здоровья великой княгини, великій князь вышелъ изъ ея комнаты и подошелъ ко мнѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? — спросилъ онъ меня.

— Семнадцать, — отвѣчалъ я ему.

— Вотъ видишь, — продолжалъ онъ весело, — я тебя старше только четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этомъ онъ поцѣловалъ меня; лицо его сіяло счастьемъ. Въ тотъ же день начали при дворѣ говорить о беременности великой княгини.

Вскорѣ была рѣшена поѣздка императорской фамилиі въ Москву. Камер-пажей раздѣлили на двѣ категоріи. Одна половина должна была остаться въ Петербургѣ для выдержанія экзамена и производства въ офицеры-гвардіи, другая должна была отправиться въ Москву. Я, хотя по наукамъ и могъ выдержать экзаменъ, но былъ слишкомъ молодъ, камер-пажество мнѣ очень нравилось и поѣздка въ Москву меня соблазнила, а потому я отказался отъ офицерства. Мой товарищъ Шереметевъ предпочелъ остаться въ Петербургѣ и вышелъ въ Кавалергардскій полкъ.

Въ двухъ большихъ придворныхъ каретахъ повезли насъ 8 камер-пажей въ Москву, съ нами отправили гувернера-полковника Дессимонъ. Двѣ придворныя коляски съ нашими служителями и поклажей слѣдовали за нами. Такихъ придворныхъ колясокъ, которыя употреблялись тогда при переѣздѣ двора, теперь уже нѣтъ. Кузовъ висѣлъ на ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ желѣзнымъ стойкамъ на осяхъ. Эти колымаги были непокойны и некрасивы, но помѣстительны. Мало осталось теперь людей, которые ѣздили еще по прежней бревенчатой, до шоссеиной, московской дорогѣ. Путешествіе по ней было своего рода испытаніемъ терпѣнія. Но для насъ, юношей, это пятидневное путешествіе, при постоянно хорошей погодѣ, казалось веселой прогулкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Материалы для его біографіи.

1813 — 1869.

Письма Даргомыжскаго къ Вл. Георг. Кастріотто-Скандербеку.¹⁾

С.-Петербургъ, 19-го февраля 1857 г.

Любезный другъ Кастріотто! Во-первыхъ, сообщаю тебѣ грустное извѣстіе: Глинка скончался въ Берлинѣ. Теперь мы хлопочемъ дать, въ память его, большой концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ филармоническаго общества. Въ концертѣ будутъ исполнены исключительно его сочиненія.

Выбралъ я тебѣ руаяль краснаго дерева. Руаяль прелестный, но не крикливый, такъ-называемый концертный, а мягкій, услаждающій слухъ и ласкающій пальцы. Одно только будетъ для тебя горестно: Эшенбахъ нездоровъ, у него рана на рукѣ; а такъ какъ онъ и при Виртѣ самъ окончателно проходилъ клавиатуру, то и теперь ни за что не хочетъ отослать его, не исполнивъ этого съ особеннымъ стараніемъ для меня. И ты получишь руаяль, быть можетъ, двумя недѣлями позже.

Счетъ при семь посылаю. А такъ какъ я и изъ этого счета, сверхъ пяти рублей, которые не досланы тобою, по-жидовски выторговалъ у него еще незначительную сумму, то взамѣнъ этой сдачи, чтобы не пересылать тебѣ денегъ, я разсудилъ послать тебѣ, хочешь-ли, не хочешь-ли, нѣсколько напечатанныхъ номеровъ моей „Русалки“. Это уже моя взятка, впередъ не давай мнѣ комисій. На дняхъ вышлю къ тебѣ эту посылку.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 339—358; 565—574.

На счетъ комисій твоихъ въ книжныхъ и журнальныхъ лавкахъ, пожалуста избавь меня: я съ ними никогда никакихъ сношеній не имѣю и не желаю имѣть; это мѣръ брани и личностей, который мнѣ противенъ.

За симъ прощай. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 9-го апрѣля 1857 г.

Рукаль твой давно высланъ: теперъ уже долженъ быть у тебя. Хорошъ-ли?

На счетъ изданія твоихъ романсовъ, я, ради тебя, сунулся въ журнальную грязь, говорилъ о нихъ двумъ музикальнымъ журналистамъ. Оба на словахъ согласились издать ихъ и обѣщали пріѣхать ко мнѣ для разсмотрѣнія и выбора. До сихъ поръ ѣдутъ—да недоѣзжаютъ. Послать имъ рукописи твои я не рѣшаюсь: пропадутъ. Бѣда въ томъ, что всѣ эти журналисты и ихъ родственники пишутъ романы, стихи и статьи; потомъ сами себя и другъ друга раскваливаютъ въ газетахъ, и такимъ образомъ надуваютъ вашихъ бѣдныхъ провинціаловъ, которые съ такимъ благоговѣніемъ вѣрятъ всему печатному.

Ежели бы ты самъ былъ здѣсь, то, можетъ быть, и поладилъ бы съ журналистами и фельетонистами: стѣять только выпить съ ними настойки, выставить закуску, да бранить тѣхъ, кого они бранятъ; все пойдетъ по маслу. Что касается меня, — скажу тебѣ, что я не только не веду съ ними знакомства, но даже и не читаю ни одной газеты, ни одного журнала; а читаю книги, въ которыхъ уже увѣренъ заранѣе, что не встрѣчу никакого продажнаго мнѣнія, безотчетной брани, или недобросовѣстной похвалы. Къ тому же, тебѣ давно извѣстно, что я общество пѣвицъ предпочитаю всякому другому. По-мѣтому, не будь на свѣтѣ пѣвицъ—не стоило бы быть и композиторомъ. При такихъ обстоятельствахъ, при всемъ моемъ желаніи исполнить просьбу твою, я чувствую, что не смогу. Да и повѣрь мнѣ, заочно эти вещи дѣлать невозможно. Свой авторскій глазъ необходимъ.

За симъ прощай. Пиши, если не лѣнь. Я всегда съ удовольствіемъ читаю письма твои. Даргомыжскій.

IV.

Письма Даргомыжскаго къ его сестрѣ Софьѣ Серг. Степановой.¹⁾

Варшава, 6-го ноября (1864).

Прежде всего, друзья мои, благодарю васъ за ласковые проводы. Поблагодарите отъ меня и всѣхъ тѣхъ, которые простились со мною на желѣзной дорогѣ. Первый день ѣхалъ я въ уныломъ настроеніи духа. Отставные военные рассказывали другъ другу про доблести свои, а я—зѣвалъ. На другой день пахатные поля, зелень, тополи и пасущіеся стада подѣйствовали на меня отрадно. Въ Варшавѣ засталъ я прекрасный осенній день..... А. Даргомыжскій.

Варшава, понедѣльникъ, 9-го ноября (1864).

...Описывать тебѣ пребываніе мое въ Варшавѣ не стоитъ того. Двѣ дѣвочки Еленевой премилыя; веселыя и добрыя, какъ обыкновенно бываютъ въ счастливые ихъ года. Разумѣется, дни прошли быстро въ пѣніи, шуткахъ и смѣхѣ. Вчера возилъ я ихъ въ театръ смотрѣть оперу „Виндзорскія кумушки“²⁾. И тутъ смѣхъ. Актеры, актрисы и хоры выходили изъ себя, какъ то не по обыкновенію. Елена не могла понять, что съ ними сдѣлалось. Пришелъ къ намъ въ ложу Монюшко и пояснилъ дѣло. Онъ объявилъ на сценѣ, что въ театрѣ находится петербургскій композиторъ, и артисты возымѣли желаніе отличиться. Вслѣдствіе этого опера шла и старательно, и играательно. Пѣвицы здѣсь не дурны; но публика глупѣе куръ. Пляшутъ ей балетъ, отъ котораго куры бы засмѣялись, а поляки, бывъ довольны, аплодируютъ. Сегодня вечеромъ Монюшко будетъ у меня. Игралъ онъ мнѣ свои новыя оперы. Талантъ его нѣсколько опошлялся подъ гнетомъ тупоумной публики, но при всемъ томъ не въ примѣръ выше обоихъ нашихъ новыхъ композиторовъ.³⁾ Такъ какъ я не боекъ на перо, то Софья Петровна³⁾ собирается сама описать тебѣ здѣшнее мое препровожденіе времени, а въ особенности успѣхи мои въ польскомъ языкѣ..... А. Даргомыжскій.

¹⁾ Даргомыжскій поѣхалъ въ путешествіе въ ноябрѣ 1864 года, вскорѣ послѣ смерти отца, и возвратился въ Петербургъ въ маѣ 1865 г. Мы опускаемъ изъ настоящихъ писемъ все, касающееся домашнихъ и личныхъ дѣлъ.

²⁾ Даргомыжскій разумѣетъ здѣсь Сѣрова, поставившаго только за годъ передъ тѣмъ (весна 1863 г.) «Юдишь», и А. Гр. Рубинштейна.

³⁾ Радзишевская, рожд. Еленава, замужемъ за полковникомъ Волынскаго полка Петромъ Ивановичемъ Радзишевскимъ; въ прежнее время она была одною изъ ученицъ Даргомыжскаго по частр пѣнія.

Оставляю здѣсь Софьѣ Петровнѣ для пересылки Николаю — Ляторку, съ которой я по вечерамъ ходилъ по Варшавѣ. Вы, по невѣжеству, не поймете что такое ляторка? такъ знайте, что ляторка попольски означаетъ фонарикъ. Эту ляторку вы получите отъ В. Т. Соколова, которому доставить ее мамаша его, скоро собирающаяся въ нему въ Петербургъ.

Берлинъ, 12-го ноября (1864).

Пошли маленькія *salamités du usage*. Отъ Варшавы до Бромберга и отъ Бромберга до Крейца ѣхалъ я великолѣпно. Почти одинъ въ шестимѣстномъ вагонѣ, курилъ и мечталъ на свободѣ. За 200 верстъ до Берлина нѣмцы втиснули ко мнѣ „страшную старушку“, Нанну въ германской шкурѣ. Всю дорогу она кашляла. Нѣчего дѣлать, пришлось спросить: не обезпokoитъ-ли ее сигара? она, сквозь зубы: *Ich huste ein wenig.* ¹⁾—Я сквозь зубы: *Nicht wenig, sondern sehr viel, madame!* ²⁾—*Aber genieren sie sich nicht.* ³⁾—*Nein, madame, ich will mich genieren!* ⁴⁾—Такъ и не курилъ всю дорогу. Сегодня въ часъ отправляюсь въ Лейпцигъ. Тамъ вѣроятно получу письмо твое. Теперь много нѣкогда. Половина 11-го. Надо сходить кое-что купить для дороги, а въ 12 часовъ отправляться на машину. Обнимаю васъ всѣхъ. А. Даргомыжскій.

Забавно, что прусское таможенное начальство, увидавъ огромный мой сундукъ, перевязанный веревками, возмѣло подозрѣніе. Спрашиваютъ: *Was ist da?* — *Noten!* ⁵⁾ Не повѣрили. *Man muss aufmachen.* ⁶⁾ Полчаса развязывали. Открыли. Видятъ мѣшки. Какъ пошли развязывать: *Handschriften, Handschriften!* ⁷⁾ — Вышли изъ терпѣнія. *Gott behüte! Sie sind denn ein Musiker?* — *Ja wohl!* — *Warum sagten Sie es nicht gleich?* — *Warum glaubten Sie mir nicht gleich?* ⁸⁾ — Такъ и разошлись друзьями, однако, за барашка взяли сколько-то грошей.

Лейпцигъ, 14-го ноября (1864).

..... Ты пишешь, что многіе интересуются моими музыкальными дѣлами? Я вѣдь говорилъ, что ѣду главнѣйше для отдыха, а музыку отвожу на второй планъ. Пржеде всего боюсь скучать: между тѣмъ

¹⁾ Я кашляю немного.

²⁾ Не немного, а очень много.

³⁾ Но пожалуйста не стѣсняйтесь.

⁴⁾ Нѣтъ, сударыня, я хочу стѣсняться.

⁵⁾ Что тутъ?—Ноты!

⁶⁾ Надо раскрыть.

⁷⁾ Рукопись, рукописи!

⁸⁾ Господи помилуй! Такъ вы музыкантъ? — Ну да! — Зачѣмъ же вы сразу этого не сказали?—Зачѣмъ же вы сразу мнѣ не повѣрили?

находятъ на меня унылыя минуты—необходимое слѣдствіе одиночества. Напримѣръ въ Лейпцигѣ въѣхалъ я третьяго дня вечеромъ въ седьмомъ часу. Тоска обуяла. Спать плохо. На другой день утромъ съѣздили на почту, потомъ отыскалъ Демидовыхъ. И онъ и она обрадовались мнѣ какъ дѣти — игрушкѣ. Они всячески стараются удержать меня долѣе въ Лейпцигѣ. Вчера обѣдалъ я съ ними, а вечеромъ ѣздили вмѣстѣ въ театръ. Не случись Демидовыхъ здѣсь — а бы не увлекся ни Бренделемъ, ¹⁾ ни Кренделемъ, а махнулъ бы прямо въ Брюссель. Вотъ замъ и музыка. Многіе не повѣряютъ, но мнѣ все равно. Теперь покуда останусь здѣсь и повидаюсь съ пѣвцами. Что будетъ—не знаю. Цѣлую всѣхъ васъ. А. Даргомыжскій.

Брюссель, 1-го декабря (1864).

.....О музыкальности Лейпцига и моихъ съ нимъ отношеніяхъ напишу когда-нибудь на досугѣ. Одно только интересно знать русскому музыкальному кружку въ Петербургѣ—это то, что русскія сочиненія, посланныя въ Лейпцигъ еще, по разнымъ обстоятельствамъ, не исполнялись и обсуживаются знатоками. Изъ моихъ вещей они выбрали увертюру изъ „Русалки“ и „Казачка“. Полагаю, что исполненіе всѣхъ этихъ вещей въ Германіи ни на шагъ насъ не подвинетъ впередъ.....

Брюссель, 4-го декабря (1864).

.....Я получилъ всѣ письма: и твои и два письма Соколова. Благодарю и тебя и его за горячее ваше заступничество за мою сироту Наташу. ²⁾ Надѣюсь, что посланный мною отвѣтъ Соколову поправить сколько-нибудь дѣло. Вы, можетъ быть, не повѣрите, но я до такой степени считаю музыкальное мое поприще проиграннымъ въ Петербургѣ, что принимаю перетасовку пѣвицъ дирекціею совершенно хладнокровно. Жаль мнѣ только Платонову, которая хорошо поняла и, кажется, полюбила мою музыку. Хладнокровіе мое могутъ засвидѣтельствовать Блазъ и Леонаръ. ³⁾ Они были у меня, когда я распечаталъ письма твое и Соколова. Я смѣючись рассказать имъ, въ чемъ дѣло. Они сперва не повѣрили, а потомъ стали выходить изъ себя, доказывая, что ни одна театральная дирекція въ мірѣ не должна позволять себѣ распоряжаться такъ нагло противъ желанія

¹⁾ Брендель—лейпцигскій музыкальный критикъ и издатель газеты «Neue Zeitschrift für Musik». В. С.

²⁾ Рѣчь идетъ здѣсь о «Русалкѣ», гдѣ роль Наташи отняли, вопреки желанію автора, у Ю. О. Платоновой и передали другой пѣвицѣ. В. С.

³⁾ Блазъ — кларнетистъ, Леонаръ — скрипачъ, познакомились съ Даргомыжскимъ еще въ Петербургѣ. В. С.

композитора. Здѣшніе артисты оказываютъ мнѣ большое вниманіе. Ты пишешь, что многіе требуютъ подробныхъ свѣдѣній по музыкальной части, и интересуются знать о моихъ личныхъ отношеніяхъ съ здѣшними музыкальными мірами. О заграничной музыкальности и о театрахъ когда-нибудь напишу мое мнѣніе. Надо сперва осмотрѣться и вывѣнуть. На обумъ болтать есть тѣмъ охотниковъ—я не изъ ихъ числа. Что касается до моихъ музыкальныхъ дѣлъ, то, разумеется, если будетъ что-нибудь интересное, напишу вамъ. — Ты спрашиваешь, гдѣ я дирижировалъ „Казачка“ и прочее? Это было на частной релетициі, для себя и для немногихъ охотниковъ. Въ Лейпцигѣ знали меня, но немногіе. Въ бруссельскомъ же музыкальномъ мірѣ я, къ удивленію моему, пользуюсь совершенною извѣстностью. Мнѣ оказываютъ почетъ побольше чѣмъ въ Петербургѣ. Мнѣ прислали тотчасъ билетъ на концерты главнаго музыкальнаго общества. Фортепьянный мастеръ не хочетъ брать съ меня денегъ за прокатъ фортепьянъ. Вчера я представился главному здѣшнему капелмейстеру Гансену, положительно лучшему здѣшнему музыканту, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что съ первыхъ же словъ предложилъ мнѣ: *Monsieur, si vous avez une composition que vous désirez faire entendre ici, nous serons heureux de l'exécuter dans notre premier concert*¹⁾. — Можешь себѣ представить, какъ все это для меня странно, послѣ всѣхъ оскорбленій, вынесенныхъ мною въ милой Россіи! Я говорю Блазу: *Mon cher, c'est vous qui avez arrangé tout cela?*²⁾ Онъ говоритъ: *Vous êtes fou! comment voulez vous qu'on ne vous connaisse pas? Fétis a de vos ouvrages au conservatoire; il a souvent parlé de vous dans ses articles. Ce n'est pas notre faute, si vous ne lisez rien: je leurai dis seulement que le compositeur russe est arrivé, et voila tout.*³⁾ Серве я еще не видалъ. Онъ живетъ около Брюсселя..... До 3-го января (нашего стиля) можешь писать ко мнѣ à Bruxelles, Hôtel de Suède, № 70. Если останусь долѣе—увѣдомлю. Теперь предстоитъ мнѣ много дѣла. Можетъ быть не скоро получишь отъ меня извѣстіе. Вообрази, что у мадамъ Блазъ голосъ почти также свѣжъ, какъ и прежде. Ноты читаетъ какъ книгу. Дочь ихъ премилая, отлично воспитана и тоже хорошая музыкантша. Всѣхъ васъ обнимаю отъ всей души.

¹⁾ Если у васъ есть сочиненіе, которое вы хотите исполнить здѣсь, мы очень рады сыграть его въ первомъ нашемъ концертѣ.

²⁾ Мой милый, это вы все устроили?

³⁾ Да вы съ ума сошли! Какъ вы хотите, чтобъ васъ не знали? У Фетиса есть ваши сочиненія въ консерваторіи; онъ часто говоритъ о васъ въ своихъ статьяхъ. Мы не виноваты, если вы ничего не читаете: я имъ только сказала, что русскій композиторъ пріѣхалъ, вотъ и все.

Брюссель, 14-го декабря (1864).

Давно я не писалъ тебѣ. Причина тому—множество музыкальной работы. Я готовлю партіи оркестра къ репетиціи большого концерта, въ которомъ будутъ играть увертюру изъ „Русалки“. Оркестръ великолѣпный. Батарея изъ десяти контрабасовъ. Звукъ могущественный. Гансенсъ, который теперь уже познакомился съ моими партитурами, оказываетъ ко мнѣ большое расположеніе. Онъ жалѣетъ, что програма концерта мѣшаетъ исполнить „Казачка“. Но узнавъ, что я желаю бы слышать его въ хорошемъ оркестрѣ, предложилъ мнѣ исполнить его на репетиціи, это для меня еще лучше. Ты знаешь, что я иду не славы, а собственнаго удовольствія. Гансенсъ большой оригиналь, но одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ свѣтѣ. Онъ не увлекается ни именемъ, ни авторитетомъ. Онъ любитъ новое, любитъ творчество.

Весьма естественно, что русская музыка, своеобразно основанная на свѣжихъ національныхъ элементахъ, а по фактурѣ не уступающая никакой нѣмецкой музыкѣ, преимущественно обращаетъ на себя его вниманіе. Онъ тоже спрашивалъ меня о Глинкѣ, и любитъ его „Камаринскую“ и „Хоту“. Лейпцигскіе профессора тоже находятъ нашу музыку „sehr interessant“¹⁾ и собираются исполнять ее, но они понимаютъ въ ней только одну сторону — сторону фактуры. Национальность для нихъ недоступна. Между ними даже есть такіе отсталые, которые принимаютъ нѣкоторые наши гармоническія затѣи за недостатокъ музыкальнаго образованія. Вотъ какъ любишь! Впрочемъ, гдѣ же и быть консерваторамъ, какъ не въ консерваторіяхъ? Мнѣ здѣсь какъ-то удалось обратить на себя вниманіе всего музыкальнаго міра: безпрестанно приглашаютъ меня на квартеты, на разныя хоровыя собранія, такъ что времени не хватаетъ. На дняхъ одинъ директоръ хоровъ любительскихъ пригласилъ меня на репетицію. Хоры разучивали „Гоеолію—“Мендельсона. Дирижеръ хоровъ отличный музыкантъ, но не пѣанистъ. Мендельсона довольно трудно играть. Я предложилъ ему свои услуги. Дѣло пошло очень исправно. Хоры остались довольны, и нѣкоторые зватоки похвалили мой аккомпаниментъ. Тогда дирижеръ объявилъ во всеуслышаніе: „Mais c'est m-r Dargominsky, le compositeur russe de St.-Petersbourg!“²⁾ Поднялся гвалтъ. Аплодисменты и топотъ ногами. (Здѣсь такая манера, свободное государство!)

Ты совсѣмъ замучилась хлопотами о „Русалкѣ“. Я радъ, что ты ока-

¹⁾ Очень интересною.

²⁾ Да вѣдь это Даргоминскій, русскій композиторъ изъ Петербурга!

зала услугу Ю. О. Платоновой, но что касается до самого дѣла, то, право, не стоитъ того развѣзжать по Федоровымъ и Борхамъ въ рождественскіе морозы. Ты поминишь, какъ одинъ балный кавалеръ говорилъ съ дамой своей о лошадахъ и выразился такъ: „Вѣдь эту лошадь какъ ни корми, она все-таки будетъ стерва“. Я точно также могу сказать и о „Русалкѣ“: ты эту оперу какъ ни обстанови, она все-таки для петербургской публики не годится... Ты все жалуешься, что я не пишу о музыкѣ. Ну вотъ вамъ цѣлое музыкальное письмо. Подробности буду рассказывать по пріѣздѣ. Впрочемъ можетъ случиться, что я еще останусь здѣсь и июнь мѣсяць, потому что главные наши проекты рассчитаны на лѣтніе концерты которые даются здѣсь въ королевскомъ паркѣ! Концерты эти не то, что въ Германіи или у насъ, въ Павловскѣ, лѣтнія увеселенія. Здѣсь играетъ весь оперный оркестръ и дирижируетъ самъ Гансенсъ. Я занятъ цѣлые дни, скуки не вѣдаю, а все чего-то не достаетъ. Нѣтъ русскихъ барышень, нѣтъ ученицъ, нѣкого выдавать замужъ... Прилагаю вырѣзку изъ здѣшней газеты — вотъ какъ насъ чествуютъ. Впрочемъ, это все пустяки, а какъ-то пройдетъ репетиція концерта? это не пустяки. Прощай. А. Д.

Брюссель, 20-го декабря 1864.

Душевно радуюсь, что мнѣ, хотя однимъ письмомъ, удалось угодить вамъ. Я описываю только дѣйствительность: слѣдовательно удовольствіе ваше или неудовольствіе должны относиться къ обстоятельствамъ, а не ко мнѣ. Притомъ мы и смотримъ-то въ разныя стороны. Вы, отирая меня, въ воображеніи своемъ какъ-будто наложили на меня обязанность хлопотать о своей музыкѣ и искать артистической славы. Между тѣмъ моя програма совсѣмъ другая: во-первыхъ, удалиться на время отъ петербургскихъ гнусностей (которыя вы теперь испытываете на себѣ), а во-вторыхъ, развлечься новизной и разнообразіемъ кочующей жизни. Чемоданчикъ съ музыкой взялъ я съ собой на всякій случай, то-есть на случай возможности исполненія ея, безъ всякихъ особенныхъ, съ моей стороны, хлопотъ. И хорошо сдѣлалъ, потому что Брюссель какъ разъ подошелъ подъ мою програму. Нѣтъ сомнѣнія, что и Лейпцигъ, при всей отсталости своей въ музыкѣ, если бы я только могъ выжить въ немъ известное время, охотно бы принялъ меня въ число своихъ концертныхъ, а можетъ быть даже и оперныхъ, дѣятелей. Все, что я ни игралъ профессорамъ изъ моихъ сочиненій, оказывалось или sehr neu! (очень ново) или interessant (интересно). Но спрашиваю, какая возможность оставаться долго въ закоптѣломъ городѣ (sic), гдѣ нѣтъ театровъ, гдѣ женщины уроды, гдѣ обѣдаютъ въ часъ, а въ 10-ть часовъ ве-

чера уже хранятъ, а на улицахъ тушатъ фонари. Брюссель—другое дѣло. Въ немъ соскучиться мудрено. Это Парижъ въ миниатюрѣ. Опера, прелестный балетъ, три французскіе театра, циркъ и разныя другія увеселенія. Что касается до артистическихъ моихъ похужденій, мнѣ только остается думать, или что я дѣйствительно замѣчательный талантъ, или что нахожусь подъ покровительствомъ какой-нибудь благодѣтельной феи! Скучно и долго описывать вамъ всѣ вниманія ко мнѣ здѣшняго музыкальнаго міра. Всюду меня приглашаютъ, вездѣ стараются исполнить для меня разныя сочиненія здѣшнихъ композиторовъ. Сперва я принималъ это за простую любезность, но потомъ убѣдился, что ошибаюсь, просто отъ непривычки слыть великимъ артистомъ. Дѣло-то довольно просто: если Вагнеръ, или даже Сѣровъ, могутъ играть такую роль въ Петербургѣ, отчего же мнѣ не играть ее въ Брюсселѣ? Но я отношу это все къ феѣ, потому что, во-первыхъ, „люблю феѣ, сестра!“ (подражаніе Фон-Визину), а во-вторыхъ потому, что до сихъ поръ я не дѣлалъ здѣсь шагу для приобрѣтенія извѣстности, а какъ обыкновенно, только шутилъ съ m-me Léopard, да съ m-elle Blaes, да съ другими бельгійками, а съ профессорами только гулялъ да обѣдалъ! Послѣ вчерашней репетиціи, можетъ быть, между шутками, займусь немножко и дѣломъ. Вотъ какъ было. На предложеніе Гансенса исполнить что-либо мое въ первомъ концертѣ главной музыкальной ассоціаціи, я послалъ ему двѣ партитуры: увертюру изъ „Русалки“ и „Казачка“. Онъ выбралъ увертюру, а „Казачка“ отложилъ для лѣтнихъ концертовъ, но обѣщалъ проиграть его для меня на репетиціи. Третьяго дня приходитъ ко мнѣ первый здѣшній контрабасистъ, профессоръ консерваторіи Верньё. Ему поручено было отъ Гансенса распорядиться припискою оркестровыхъ партій, такъ какъ въ оркестрѣ 20 первыхъ скрипокъ, 16 вторыхъ, 10 альтовъ и 10 контрабасовъ. Верньё говоритъ: „Vous savez que c'est demain la répétition?—Oui, à quelle heure?—A deux heures.—Et qu'est ce qu'on répète encore?—Mais rien: c'est pour vos morceaux qu'on a convoqué l'orchestre.—Comment, tout l'orchestre viendra, rien que pour jouer mes deux morceaux?—Mais oui, puisqu'on doit les faire plusieurs fois!“¹⁾ Я еще не совсѣмъ повѣрилъ. Вечеромъ былъ въ оперѣ. Спрашиваю незнакомыхъ мнѣ музыкантовъ—дѣйствительно всѣмъ повѣщено быть завтра въ 2 часа въ залѣ „La grande Harmonie“. „Mais qu'est-ce que vous allez faire?—

¹⁾ Вы знаете, что завтра репетиція?—Въ которомъ часу?—Въ два часа.—Что же будутъ репетировать?—Да ничего посторонняго: это для вашихъ пьесъ собрали оркестръ.—Какъ, только для того, чтобы проиграть мои двѣ пьесы съиваятъ оркестръ?—Да, но вѣдь эти пьесы нужно повторить нѣсколько разъ.

Ah, on va essayer quelques morceaux d'un compositeur russe!"¹⁾ Тутъ я въ первый разъ призадумался. Воротясь домой, я мысленно очутился передъ довольно пекотливою дѣйствительностію. Одинъ, въ большой столицѣ, въ одномъ изъ самыхъ музыкальныхъ городовъ, не имѣя никакой европейской извѣстности, выходить на сужь 86 человѣкъ артистовъ серьезныхъ, переигравшихъ и переслушавшихъ всевозможныя музыкальныя произведенія, — артистовъ, съ которыми ни родства, ни свойства, ни дружбы не имѣю, которыхъ созвали только для того, чтобы исполнить мои сочиненія,²⁾ наконецъ которые привыкли громко и безъ всякихъ церемоній выражать свое мнѣніе. Было о чемъ подумать! На другой день Блазъ зашелъ за мною, и мы отправились въ залу. Собрался оркестръ. Встроился горой. Наверху рядъ 8-ми контрабасовъ, внизу—два. Грянули увертюру. Фея какъ тутъ! По окончаніи поднялся одобрителный гвалтъ. Гансенсъ закричалъ: „C'est que c'est diablement fameux!"³⁾ Съиграли увертюру три раза. Всякій разъ гвалтъ значительно усиливался. Было видно, что музыканты все болѣе и болѣе вникали въ характеръ мотивовъ и гармоніи, которые были для нихъ новы. Затѣмъ съиграли два раза „Казачка“. Опять такой же гвалтъ, только съ прибавленіемъ хохота. Однимъ словомъ, фея распорядилась какъ нельзя лучше! Я бывалъ свидѣтель, какъ петербургскій оркестръ аплодируетъ своимъ знаменитостямъ: Рубинштейну, Вагнеру, Лядову, Сѣрову; но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ меня здѣсь отхлопали. Но болѣе всего порадовало меня то, что я еще въ первый разъ услышалъ свою увертюру въ залѣ, исполненную великолѣпнымъ оркестромъ. (Къ сожалѣнію, я не былъ въ томъ концертѣ, гдѣ ее дирижировалъ Балакиревъ). Чтò ни говори, петербургскіе „благороднѣйшіе люди“,⁴⁾ но увертюра положительно хороша. Блазъ, Леонаръ и другіе артисты смѣются надо мной, что я въ какія-нибудь три недѣли, шута и гуляя, достигъ такихъ, по ихнему, блестящихъ результатовъ. „Mais vous tombez continuellement dans le beurré!"⁵⁾ Они увѣряютъ, что Гансенсъ самый несговорчивый человѣкъ: что если онъ собралъ оркестръ и посвятилъ цѣлую репетицію для разучиванія мо-

¹⁾ Что же вы будете исполнять?—А, будутъ репетировать нѣсколько сочиненій одного русскаго композитора.

²⁾ Этого вообще всѣ оркестры зѣло не любятъ!

Прим. А. С. Д—го.

³⁾ Это чертовски хорошо!

⁴⁾ Это было одно изъ любимыхъ выраженій Даргомыжскаго. Онъ подъ нимъ разумѣлъ тогдашнюю театральную дирекцію, начальника репертуарной части и дирижера Лядова.

В. С.

⁵⁾ Вы вѣчно попадаете въ масло!

ихъ вещей, это значитъ, что онъ высоко цѣнить талантъ мой; что онъ осажденъ композиторами и ни съ кѣмъ не перемонится. Прощаясь послѣ репетиціи, Гансенсъ говоритъ мнѣ: „A présent je m'en vais travailler sur votre nom“¹⁾ (имъ не легко дается выговаривать мою фамилію). Чтобы облегчить ему работу, я сегодня утромъ отвезъ ему визитную карточку (сегодня здѣсь новый годъ, 1-е января). Концертъ назначенъ 7-го января, т. е. въ субботу. О публикѣ забочусь я мало. Публика какъ всѣ публики — кукушка! Но съ здѣшнимъ артистическимъ міромъ прошу не шутить. Одной свинцовой усидчивостью его не удовлетворишь. Онъ хочетъ новаго, да жизненнаго; а обработка сама собою. Прощайте. Я увѣренъ, что многіе у васъ порадуются моему успѣху болѣе нежели я самъ. А. Даргомъжскій.

21-е декабря (1864).

Вчера мнѣ не удалось отправить этого письма. Новый годъ вездѣ суета. Сегодня — опять фея. Этакая проказница! видно хочетъ уморить „благороднѣйшихъ людей“. Пришелъ ко мнѣ Артò, отецъ знаменитой пѣвицы. Говоритъ: Savez vous qu'il a été question hier de faire aussi „La Cosaque“ dans le concert? c'est si intéressant!²⁾ Вотъ какъ любишь! — и програму концерта измѣняютъ. Значитъ разохотились!

(Брюссель), 21-го декабря (1864).

....Щиглеву кланяйся: только мысль его — показывать письма мои въ дирекцію нахожу неудачною, а главное не въ моемъ духѣ. Но всѣ письма мои, гдѣ есть что либо о музыкѣ и артистахъ или о моихъ забавныхъ артистическихъ похожденияхъ, можешь чрезъ Вельяминова передавать для прочтенія Кюи. Онъ музыкантъ дѣльный, и извлечетъ изъ нихъ кое-что для своихъ статей; а захочетъ, такъ замолвить и о моихъ успѣхахъ, потому что описываю вамъ одни факты безъ прибавленія. Впрочемъ, полагаю, что рано или поздно и здѣшніе журналы заговорятъ. Одно бѣда: „Indépendance“ въ рукахъ Фетисовъ — отца и сына. Они съ Гансенсомъ на рогахъ. Полагаю, что они не рискнутъ бранить меня, но весьма можетъ быть, что отдѣляются молчаніемъ. Прощай, кланяйся всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. А. Д.

Брюссель, 27-е декабря 1864.

.....Прилагаю при этомъ письмѣ вырѣзку изъ газеты „L'Etoile belge“, которая вкратцѣ рассказываетъ о репетиціи моей. Ты видишь по

¹⁾ Теперь я пойду разучивать ваше имя.

²⁾ Знаете, вчера шла рѣчь о томъ, чтобы сыграть также «Казачка» въ концертѣ? Вѣдь это такъ интересно!

слогу, что это не реклама, а просто сжатая передача дневнаго факта, который описанъ мною въ подробности въ прошломъ письмѣ. Еще посылаю програму концерта. Этотъ концертъ былъ вчера. Какъ я предсказывалъ, публика оказалась, какъ всѣ публики. Она, разумѣется, приняла прилично увертюру мою, какъ принимаетъ симфоніи Бетгоvena, какъ приняла симфонію Гансенса, въ которой первое аллегро несравненно лучше моей увертюры. Она ревѣла отъ восторга надъ флажолетами и пиччи-арками скрипача Лотто, который просто выводилъ меня изъ терпѣнія безвкусией и тривіальностью, какъ сочиненія, такъ и исполненія. Къ стыду моему, публика заревѣла и отъ „Казачка“ моего! Это была бы для меня истинная обида, если бы оркестръ и всѣ великіе здѣшніе артисты не восхищались имъ. „Le Cozaque“ сдѣлался ихъ „enfant chéri“. Огромная зала была набита битвомъ. Я сидѣлъ въ галереѣ, съ боку, вмѣстѣ съ Блазами. По окончаніи концерта, стали меня вызывать. Я не зналъ куда дѣться. Шумъ страшный, потому что здѣсь и оркестръ аплодируетъ и вызываетъ наравнѣ съ публикой. Я сталъ пробираться въ тѣнотѣ чрезъ всю залу. Ужъ сколько переломалъ криволиновъ—и счету нѣтъ. Конфузно ужасно: всѣ смотрятъ въ розу. Только и слышишь: *Tiens, l'auteur est ici! Ah, le voilà!.. Ah, il est a Bruxelles! Tiens, il est russe!?*¹⁾, то есть ни одного медвѣдя такъ собаками не травили! — Дамы обступили меня—приглашать къ себѣ. *J'ai été en Russie!—J'ai été à Pétersbourg!*—*Ah monsieur, je suis persuadée que vous avez de charmantes mélodies nationales, j'aurais eu tant du plaisir à les connaitre и проч.*²⁾ Возвращаюсь назадъ, таже потѣха! Кое-какъ добрался до разбора шинелей и пальтѣ. Подаю нумеръ; молодые люди, подавшіе свои нумера прежде меня, говорятъ дамѣ, раздающей верхнюю одежду: *Servez monsieur! Servez monsieur avant nous! Признаться,*

*Dieu, que j'étais las
De tant de plaisir!*³⁾

Скажу тебѣ чистосердечно, что репетиція моихъ вещей была для меня во сто разъ пріятнѣе и лестнѣе, чѣмъ вся эта дурацкая комедія. Сегодня поутру слуга отеля говорить мнѣ: *Monsieur, on cause*

¹⁾ Ба, авторъ здѣсь! — А, вотъ онъ. А! онъ въ Брюсселѣ?—Вотъ какъ, онъ русскій!?

²⁾ Я была въ Россіи! — Я тоже была въ Петербургѣ! — Я увѣрена, что у васъ есть прелестныя національныя мелодіи. Я такъ буду рада ихъ услышать.

³⁾ Господи, какъ я усталъ отъ такого удовольствія!

de vous, on dit que vous êtes un homme de talent! 1) Я объѣдаю сегодня у Влаза. Никто меня такъ не смѣшитъ, какъ мадамъ Blaes. Ты помнишь ея протажную манеру говорить: Mais c'est extraordinaire! Il va voir le ballet, il flâne, il dîne, il va parler aux demoiselles de magasin, et voilà qu'on fait des répétitions pour lui, et on exécute sa musique, et je ne serais pas étonnée qu'on montât son opéra. 2) А я ей все пою изъ оперы Обера: „La part du diable“, гдѣ одинъ господинъ сдѣлалъ условіе съ чортомъ, и ему все удается. Только я отношу къ благодѣтельной феѣ и пою: Mais elle doit me protéger! 3) Впрочемъ, фея можетъ свихнуться. Мнѣ сегодня говорили, что Фетисъ уѣхалъ изъ концерта прежде конца и можетъ быть замышляетъ что-нибудь, для меня неблагоприятное. Партію Фетиса сердить, зачѣмъ Гансенсъ и оркестръ меня полюбили, и дѣлаютъ для меня все, что можно. Прощай, обнимаю васъ всѣхъ. А. Д.

Не знаю, еще долго-ли останусь въ Брюсселѣ. Есть еще проекты, но не знаю, удадутся-ли, какъ до сихъ поръ удавались.

(Къ этому письму прилеена вырѣзка изъ «Etoile Belge» слѣдующаго содержанія, на французскомъ языкѣ: «Въ субботу, въ заѣвъ общества «La grande Harmonie» происходило одно изъ интереснѣйшихъ музыкальныхъ собраній. Со всегдашней своею благосклонностью къ крупнымъ артистамъ, г. Гансенсъ посвятилъ всю репетицію 2-го концерта ассоціаціи музыкантовъ исполненію сочиненій г. Александра Даргомыжскаго, единственнаго нынче представителя русской музыки. Успѣхъ г. Даргомыжскаго былъ очень великъ, и брюссельской публикѣ предстоитъ удовольствіе слышать, въ концертѣ 7-го января, его музыку, запечатленную столько же изящнымъ, какъ и оригинальнымъ характеромъ»).

Брюссель, 29-го декабря 1864.

...Ты ничего не пишешь о томъ, чѣмъ кончилась катавасія между Платоновой и Михайловской, а говоришь только, что дѣти грустятъ, что не даютъ „Русалку“. Развѣ рѣшено, что она не пойдетъ? Впрочемъ, бѣда была-бы не велика. Здѣшнія газеты еще не давали отчета о нашемъ концертѣ. Хотя здѣсь, какъ и вездѣ, есть журнальныя партіи и интриги, но Влазъ полагаетъ, что онѣ не рискнуть отозваться обо мнѣ невыгодно, потому что успѣхъ былъ слишкомъ публиченъ. Въ особенности артисты и оркестръ всѣ за меня. Сдѣлай одолженіе, передай вырѣзку изъ газеты „L'Etoile Belge“ о мой репетиціи—К. юи, чрезъ Вельяминова, и проси, чтобы онъ въ статьѣ своей въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечаталъ ее. Не знаю еще, долго-ли пробуду въ Брюсселѣ, но во всякомъ случаѣ продолжай покуда писать

1) Объ васъ вездѣ говорятъ. Говорятъ, что вы таланты!

2) Это просто удивительно! Онъ ѣздитъ въ балеты, объѣдаетъ, фланируетъ, болтаетъ съ продавщицами, а между тѣмъ для него дѣлаютъ репетиціи, и исполняютъ его музыку; пожалуй поставятъ его оперу!

3) Но она должна мнѣ покровительствовать.

по тому же адресу: я уже распорядюсь, чтобы письма не пропадали. Гансенсъ большой оригиналь. Его всё уважають, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побаиваються. Ко мнѣ онъ расположенъ чрезвычайно. Теперь просматриваетъ мои оперы. Онъ сказалъ мнѣ: J'en parlerai sérieusement au directeur.¹⁾ Но вотъ какое дѣло: театральная публика здѣсь невыносима; кричить и свистеть въ такіе свистки, что уши лометь. Между тѣмъ въ музыкѣ также мало смыслить, какъ и петербургская. Если бы, напримѣръ, меня упрасивали поставить здѣсь „Русалку“, я бы ни за какіе валахи не рѣшился. „Торжество Вахъа“ рискнуть можно. Оно коротко. Для артистовъ занимательно; а абоненты жаловаться не могутъ, потому что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ другая большая опера или балетъ. Гансенсъ и оркестровые музыканты очень не прочь отъ этого проекта, но директора театра адѣсь нѣтъ. Онъ въ Парижѣ и скоро будетъ назадъ. Другіе артисты не совѣтуютъ мнѣ что-либо давать теперь, потому что абоненты ужасно сердиты на дирекцію и на все изъявляютъ свое негодованіе. Что касается до меня, скажу, положи руку на сердце, что ежели рѣшусь ставить здѣсь „Торжество Вахъа“, то уже никакъ не изъ желанія угодить публикѣ, или произвести эффектъ, но единственно только потому, что это пріятно займетъ меня на цѣлый мѣсяцъ. Здѣшній теноръ премилый французъ; балетчицы пресимпатичны; стало быть можно провести время не скучно. А это главное мое желаніе. Русскихъ здѣсь почти не видать; впрочемъ, я еще не былъ въ русской церкви. Говорять, ихъ тамъ всёхъ можно встрѣтить. Удивляюсь, что такъ мало русскихъ поселяется въ Брюссель, который несравненно пріятнѣе Дреадена. Впрочемъ, здѣшняя аристократія и ничтожная, и гордая. Общество, говорятъ, эгоистичное и скупое.... А. Д.

Брюссель, 5-е января 1865.

Посылаю тебѣ вырѣзку изъ газеты „Indépendance Belge“. Эта газета получается у васъ въ Петербургѣ и много читается. Статья о концертѣ была въ 12-мъ № отъ 12-го и 13-го января, разумѣется здѣшняго стили. Статейка эта хотя небольшая, но для Брюсселя весьма значительна. „Indépendance Belge“ газета политическая, серьезная, которая по части искусствъ и городскыхъ новостей передаетъ одно только замѣчательное. Какъ нарочно, здѣшнія газеты краткѣ подтверждаютъ все то, что я рассказываю вамъ въ моихъ письмахъ. Мнѣ только противно видѣть, какъ „Indépendance“ относится о Гансенсѣ. Симфонія его—произведеніе замѣчательное, а первое аллегро—въ высшей степени ново и интересно. Вообще онъ, какъ музыкантъ

¹⁾ Я о нихъ серьезно поговорю съ директоромъ.

и композиторъ, выше здѣшняго общества и журнальнаго міра. Если будутъ еще статьи въ газетахъ о нашемъ концертѣ, то пришлю тебѣ, а прилагаемую вырѣзку передай Кюи. Если онъ напечатаетъ ее въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“,—оно будетъ назидательно для „благороднѣйшихъ людей“... Особенно интереснаго ничего не имѣю передать вамъ. Бываю въ разныхъ музыкальныхъ собраніяхъ и концертахъ. Пускаюсь немного въ общество. Но все это не занимательно. Общество глупо: и не понимаетъ и не цѣнитъ своего блестящаго артистическаго міра. Перевожу многіе свои романсы по-французски. „Ванька Танька“ въ два голоса¹⁾ производитъ страшный эффектъ! Вчера въ оперѣ видѣлся я съ Гансенсомъ. Весь городъ зоветъ его не иначе какъ „l'ours“ (медвѣдь). Но ко мнѣ онъ расположенъ, какъ, говорятъ, не бывалъ ни къ кому. Говоритъ мнѣ, вчера: *Si j'étais rentier, j'irais voyager avec vous. J'aurais dirigé vos compositions, et vous auriez dirigé les miennes*²⁾. И ему и оркестровымъ артистамъ очень бы хотѣлось поставить мое „Торжество Вахха“. Имъ ужасно надоѣлъ здѣшній репертуаръ. Но я положительно ни о чемъ не хлопочу. Пусть дѣлаютъ какъ знаютъ. Будетъ здѣсь дѣло—останусь. Не будетъ—уѣду въ Парижъ: но отъ программы своей не отступлю. Съ одной стороны за здѣшнюю театральную публику выхожу противно. Съ другой—сблизиться съ театромъ приятно. Танцовщицы симпатичны. Пусть судьба рѣшаетъ. Прощай, обнимаю васъ“.

(Къ этому письму приклеена вырѣзка изъ „Indépendance Belge“, на французскомъ языкѣ):

«Второй концертъ Ассоціаціи брусельскихъ музыкантовъ доставилъ любителямъ рѣдкій случай оцѣнить достоинство одного русскаго композитора. Г. Александръ Даргомыжскій, очень извѣстный петербургскому музыкальному міру, представилъ въ первый разъ свои сочиненія на судъ брусельской публики. Исполняли одну увертюру для большого оркестра и фантазію на казачью танцевальную тему, также для оркестра. Если г. Даргомыжскій аматеръ по своему положенію, то онъ въ то же время художникъ по своему таланту. Оба сочиненія, только что прослушанныя и проанодированныя посѣтителями концертовъ Ассоціаціи, обличаютъ полное знаніе техническихъ средствъ, и въ то же время доказываютъ творческую способность совершенно необычайную. Планъ увертюры намѣченъ хорошо; идеи развиваются здѣсь ясно и естественно; инструментовка блестяща безъ злоупотребленія звуковыми средствами. Фантазія на казачью тему элегантна и очень оригинальна. Послѣ этой пьесы, г. Даргомыжскій былъ вызванъ оркестромъ и публикой. Значитъ, мы заявляемъ здѣсь объ истинномъ успѣхѣ»).

Сообщ. В. В. Стасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ванька-Танька — цыганская пѣсня, къ которой Даргомыжской придѣлалъ очень интересную вторую партію голоса. Это одна изъ хорошихъ его вокальныхъ пьесъ.

В. С.

²⁾ Еслибъ я былъ капиталистъ, я бы поѣхалъ путешествовать съ вами. Я бы дирижировалъ ваши сочиненія, а вы—мон.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ альбомѣ Н. И. Поливанову.

Послушай! вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.

И будешь ты когда-нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчой... и тайно грудь
Вздохнеть—и вдругъ заплачуть очи.

И молвишь ты: когда-то онъ,
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенье!

М. Я.

Напечатанное здѣсь въ первый разъ стихотвореніе покойнаго поэта относится къ послѣднему году его нахождения въ московскомъ университетѣ. Изъ приписки, сдѣланной на томъ же листкѣ моимъ отцомъ,¹⁾ видно, что 28-го марта 1831 года М. Ю. Лермонтовъ написалъ эти строки въ его комнатѣ, ночью, когда, вслѣдствіе университетской шалости, онъ ожидалъ себѣ строгаго наказанія.²⁾ Ша-

¹⁾ Николай Ивановичъ Поливановъ, полковникъ гвардіи, умеръ въ отставку, въ Казани, 7-го декабря 1874 года.

²⁾ См. разсказъ объ этой исторіи г. Дудышкина (соч. Лермонтова, изд. 1863 г., т. II, стр. VI). Другіе разсказы и сужденія о нихъ можно читать въ статьѣ г. Пыпина (соч. Лермонтова, изд. 1873 г., т. I, стр. XXIII—XXV). Нельзя не подивиться, что до сихъ поръ никто не потрудится собрать хотя официальныя свѣдѣнія объ этой исторіи; вѣдь для этого достаточно простой канцелярской справки въ архивъ московскаго университета. Не вызоветъ-ли разъясненія хотя настоящая наша замѣтка, подобно тому какъ, благодаря сообщенію Н. П. Розанова («Рус. Ст.» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 113—114), окончательно разъяснился вопросъ о годѣ рожденія Лермонтова. Ред.

лость эта состояла въ томъ, что Лермонтовъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, поднялъ на смѣхъ, во время лекціи, странности одного нелюбимаго ими профессора Малова, читавшаго теорію уголовного права. Любимою и обыкновенною темою его лекцій было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ такія лекціи Маловъ начиналъ словами: „человѣкъ, который“... и заставлялъ студентовъ поочередно писать на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: „человѣкъ, который“. Студенты не полюбили профессора. Однажды, едва Маловъ взошелъ на кафедру и началъ обычное „человѣкъ, который“... Студенты зааплодировали и крикнули „foга“... „прекрасно“. Это повторялось всякій разъ, какъ только Маловъ раскрывалъ ротъ. Маловъ, обращаясь къ студентамъ, говорить: „гг., я долженъ буду уйти“, а ему кричать: „прекрасно“. Маловъ идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, студенты идутъ за нимъ, крича: „человѣкъ, который“... „bis“... „прекрасно“ и проводили его, такимъ образомъ, довольно далеко. По жалобѣ Малова, въ числѣ исключенныхъ былъ, какъ думаютъ, и Лермонтовъ. Изъ воспоминаній моего отца ничего, къ сожалѣнію, не сохранилось, относящагося къ этому именно времени, тѣмъ не менѣе самый фактъ исключенія Лермонтова изъ университета ему казался сомнительнымъ. При господствовавшей тогда строгости въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, врядъ-ли могъ бы „исключенный“ изъ высшаго учебнаго заведенія быть безпрепятственно принятъ въ школу гвардейскихъ офицеровъ. Переходъ же Лермонтова совершился безъ всякихъ затрудненій и онъ, совершенно неожиданно для своихъ бывшихъ московскихъ товарищей, явился въ Петербургъ, чтобы готовиться къ вступительному экзамену. Въ выборѣ имъ новой дороги не слѣдуетъ видѣть никакого слѣдствія горькой необходимости. Правда, что если университетская исторія и не имѣла для него такихъ серьезныхъ послѣдствій, какъ формальное исключеніе, то за ней, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать окончательное вліяніе на рѣшеніе его поступить въ военную службу. Къ этому располагалъ общій духъ времени и близкіе ему примѣры сверстниковъ. Путь этотъ всего скорѣе могъ удовлетворить самолюбивый характеръ поэта и доставить ему обширное поле сильныхъ ощущеній, чего давно жаждала его страстная и подвижная натура. Выраженные имъ около этого времени, въ письмахъ, взгляды весьма рельефно характеризуютъ ту будущность, которую ожидалъ Лермонтовъ. Въ одномъ онъ говорить, „что лучше же умереть съ пулею въ груди, чѣмъ отъ медленнаго истощенія старости“; въ другомъ, писанномъ немного раньше перваго изъ Петербурга, онъ, разсказывая о своей скукѣ, о томившихъ его сомнѣніяхъ, говорить между

прочимъ: „тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожнымъ человекомъ, меня мучитъ“. Поводомъ, впрочемъ, къ такому мрачному настроенію могла послужить отчасти неудача, постигшая Лермонтова на первыхъ порахъ его пребыванія въ школѣ. Ъздивши разъ въ манежѣ, онъ неосторожно приблизился къ одной лошади, такъ сильно его лягнувшей, что у него оказалась переломленною кость лѣвой ноги ниже колѣна. Для поправленія здоровья ему разрѣшено было переѣхать домой, откуда онъ держалъ экзаменъ прямо въ первый классъ, которыхъ было въ школѣ два. Переломъ ноги долго держалъ больного въ постели и, несмотря на самый внимательный уходъ, не прошелъ для него безслѣдно: при общей кривизнѣ ногъ, одна осталась болѣе выгнутой, чѣмъ другая. Жилъ тогда Лермонтовъ на квартирѣ у своей бабушки, на Мойкѣ, между Синимъ и Поцѣлуевымъ мостомъ, въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается правленіе „Общества заклада движимыхъ имуществъ“. Изъ пріятелей и товарищей по школѣ, навѣщавшихъ его во время болѣзни, чаще всего были мой отецъ, также Н. Д. Юрьевъ, его родственникъ, и братья Столыпины.

Здоровье его хотя медленно, но поправлялось, а съ нимъ возвращались силы и всегдашняя рѣзвость Лермонтова. Однимъ, всегда изъ самыхъ любимыхъ имъ упражненій было — фехтованье. Рѣдкое посѣщеніе, по словамъ моего отца, обходилось безъ того, чтобы они не дралисьна ра пирахъ. Какъ раньше, такъ и въ школѣ, отношенія ихъ были самыя дружественныя. Несмотря, потому, на различіе полковъ,¹⁾ въ которыхъ они служили, они постоянно между собою видѣлись и другъ отъ друга никогда не имѣли никакой тайны. Если когда-нибудь было сомнѣніе въ искренности характера Лермонтова, то никакъ этотъ упрекъ не можетъ быть сдѣланъ ему отъ лица тѣхъ, къ кому онъ имѣлъ дѣйствительное расположеніе и могъ на него рассчитывать взаимно. Воспоминанія объ Лермонтовѣ всё несомнѣнно дороги, а потому я рѣшился записать и настоящія, слышанныя мною отъ покойнаго отца, которыя современемъ, при составленіи полной біографіи поэта, могутъ пригодиться.

Сообщ. В. Н. Полизвановъ

¹⁾ Отецъ вышелъ въ лейб-уланскій, а Лермонтовъ—въ лейб-гусарскій полки.
В. П.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Предсказатель монахъ Авель

въ 1812 — 1826 гг.

Читатели «Русской Старины» вѣроятно обратили вниманіе на своеобразную, весьма типическую личность монаха Авеля, представшаго на страницахъ нашего изданія, съ описаніемъ своего хожденія по мѣстамъ, т. е. по тюрьмамъ и затворамъ монастырскимъ. (См. «Рус. Ст.», т. XII, стр. 414—435). Переписка его съ графиней Потемкиной въ 1814 — 1816 годахъ, если и выставляетъ на видъ нѣкоторыя житейскія невзгоды, его посѣтившія, все-таки показываетъ, что отецъ Авель нашелъ въ мѣрѣ значительный достатокъ и вполне обеспеченное положеніе. Нынѣ помѣщаемая статья показываетъ, что западъ дней Авеля омрачился страшною для него грозою. Двадцать одинъ годъ проведя въ тюрьмахъ, онъ вновь попалъ въ тяжелое заточеніе.

Прежде, однако, чѣмъ сообщить новыя свѣдѣнія объ этомъ предсказателѣ, считаемъ не лишнимъ привести слѣдующую замѣтку о немъ изъ записокъ современника Авеля—Л. Н. Энгельгардта.

«Въ Соловецкомъ монастырѣ былъ монахъ Авель, предсказавшій смерть императрицѣ Екатеринѣ и потомъ императору Павлу, со всѣми обстоятельствами краткаго его царствованія. За годъ до смерти императрицы, сей Авель, пришедъ къ настоятелю того монастыря, требовалъ, чтобы довести до свѣдѣнія ея, что слышалъ онъ вдохновенно гласъ, который долженъ онъ былъ ей объявить лично. По многимъ отлагательствамъ и затрудненіямъ, наконецъ донесено было ей, и приказано было его представить: тогда онъ ей объявилъ, что слышалъ опъ гласъ, повелѣвшій ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить въ Петропавловскую крѣпость. По кончинѣ государыни, императоръ повелѣлъ, освободя его, представить къ нему; когда онъ ему предсказалъ, сколько продолжится его царствіе, государь въ ту же минуту приказалъ его опять заточить въ крѣпость. Смерть однако-жъ исполнилась въ назначенный срокъ. При вступленіи на престолъ Александра I онъ былъ освобожденъ. За годъ до нападенія французовъ, Авель представалъ предъ императоромъ и сказалъ, что французы вступятъ въ Россію, возьмутъ Москву и сожгутъ. Государь приказалъ его опять посадить въ крѣпость. По изгнаніи непріятелей онъ

былъ выпущенъ. Сей Амель послѣ того былъ долго въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и Москвѣ; многіе изъ мнѣхъ знакомыхъ его видѣли и съ нимъ говорили: онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый; многія барыни, почитая его святымъ, ѣздилн къ нему, спрашивали о женихахъ ихъ дочерей; онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ, и что онъ тогда только предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему что говорить. Съ 1820 года уже болѣе никто не видѣлъ его и неизвѣстно куда онъ дѣвался.»¹⁾

Эта неизвѣстность разъясняется нижеслѣдующими документами.

Монахъ Амель, именуя себя монахомъ Ставрѳигіальнаго Соловецкаго монастыря, въ сентябрѣ 1823 года, подалъ московскому архіепископу Филарету, впоследствии митрополиту, прошеніе объ опредѣленіи его. Авеля, въ Серпуховскій Высотскій монастырь. Пр. Филаретъ на прошеніи, 6-го того сентября, написалъ: „представить справку“. Консисторія представила, что еще при пр. Августинѣ (предмѣстникѣ пр. Филарета) было въ производствѣ дѣло о монахѣ Авелѣ, по отношенію министра духовныхъ дѣлъ, кн. А. Н. Голицына, отъ 2-го ноября 1817 г. По дѣлу сему значится, что 1) при упомянутомъ отношеніи министръ приложилъ справку по канцеляріи св. синода, что монахъ Амель содержался въ Соловецкомъ монастырѣ; а въ 1812 г., ноября 17-го, онъ, кн. Голицынъ, какъ обер-прокуроръ синодальный, предложилъ синоду высочайшее повелѣніе „освободивъ его, Авеля, изъ-подъ стражи, принять въ число братства. Между тѣмъ, какъ Амель имѣеть намѣреніе идти для поклоненія св. мощамъ въ разные города, то снабдить надлежащимъ паспортомъ для свободнаго пропуска, представляя также ему избрать для своего пребыванія монастырь, какой самъ пожелаетъ, и гдѣ будетъ принять, тамъ дозволить ему жить безпрепятственно“. О чемъ къ архимандриту Соловецкаго монастыря посланъ былъ указъ 3-го декабря того 1812 г. А 4-го апрѣля 1814 г. монахъ Амель, объясняя прошеніемъ въ синодъ, что имѣеть желаніе идти въ Іерусалимъ, для поклоненія гробу Господню и святымъ мѣстамъ въ намѣреніи, ежели будетъ возможно, остаться тамъ навсегда, и приложивъ въ копіи данный ему во исполненіи указа св. синода, отъ намѣстника Соловецкаго монастыря паспортъ на свободное, гдѣ пожелаетъ, пребываніе, просилъ о снабженіи его, на случай отбытія въ Іерусалимъ, надлежащимъ видомъ; вслѣдствіе чего и, по предварительному сношенію съ министерствомъ полиціи, Авелю выданъ паспортъ съ роспискою. О томъ, чтобы сей монахъ произведенъ былъ въ іеромонахи, свѣдѣній нѣтъ. 2) Въ показанномъ отношеніи отъ 2-го ноября 1817 г. кн. Голицынъ сообщалъ пр. Августину, что монахъ Амель, по случаю потери даннаго ему паспорта, просилъ его,

¹⁾ Записки Энгельгардта, изд. 1868 г. Москва, стр. 217—218.

министра, о снабженіи его, Авеля, новымъ, для свободнаго здѣсь, въ Москвѣ или въ иномъ городѣ, пребыванія, также и о содѣйствіи къ водворенію его, Авеля, въ Шереметевскомъ страннопріимномъ домѣ.¹⁾ Онъ, министр, довелъ о семъ до свѣдѣнія государя. Государь, находя неприличнымъ, чтобы монахъ Авель, толь много странствовавшій, еще продолжалъ скитаться по Россіи, и не имѣлъ постояннаго пребыванія въ монастырѣ, высочайше повелѣтъ ему, министру, соизволил: объявить ему, Авелю, чтобы избралъ непременно монастырь, и, если настоятель согласится на принятіе его, то и водворился бы въ томъ монастырѣ. Объявивъ о семъ Авелю, съ предложеніемъ и самого монастыря, именно Пѣшношскаго (въ Дмитровскомъ уѣздѣ), поручалъ преосвященному внушить Авелю съ своей стороны, о несовмѣстности монаху жить въ частномъ домѣ, и предложилъ бы ему водвориться въ монастырѣ, о которомъ упомянуто, или въ иной какой-либо обители. Если же онъ не изъявитъ желанія поступить въ монастырь московской епархіи, то предложить синодальной конторѣ снабдить его, Авеля, паспортомъ для свободнаго пропуска въ другіе города, чтобы онъ, согласно высочайшей волѣ, объявленной св. синоду 17-го ноября 1812 г., избралъ для своего пребыванія монастырь, и гдѣ будетъ принять, тамъ и водвориться ему. 3) Отношеніе это сдано было въ консисторію уже по смерти пр. Августина (умеръ 1819 г., марта 3-го) съ отмѣткою Малиновскаго, секретаря преосвященнаго, что монахъ Авель къ пр. Августину явился 6-го ноября 1818 г. и чрезъ два дни хотѣлъ прибыть, чтобы, получивъ благословеніе и предписаніе къ строителю Пѣшношскому, отправиться на житье въ Пѣшношу; но съ того времени не являлся и изъ Москвы скрылся. 4) Выбствъ съ тѣмъ при дѣлѣ сдано въ консисторію показаніе Николоявленской въ Москвѣ церкви, священника Михаила Лаврентьева,²⁾ данное имъ 23-го декабря 1818 г., что въ сентябрѣ того 1818 года (котораго числа не припомнить), какъ онъ, Лаврентьевъ, шелъ къ малой вечернѣ, попался близъ дома его, священника, монахъ Авель, съ которымъ вступилъ въ разговоръ слѣдующаго содержания: „здоровы-ли вы, о. Авель; какая тому причина, что васъ такъ давно въ Москвѣ не видно: гдѣ вы до сихъ поръ были; и справедливъ-ли тотъ непріятный слухъ, который объ васъ прошелъ между нами?“ На сіе Авель отвѣчалъ, что живетъ благополучно, что до

¹⁾ Доминѣ въ Москвѣ при Шереметевской больницѣ богадѣльня мужская и женская.

²⁾ Впослѣдствіи настоятель Московскаго Богоявленскаго монастыря и членъ московской консисторіи, архим. Митрофанъ. Умеръ 1850 г., ноября 19-го.

сихъ поръ находился въ г. Орлѣ, и что прежде того, въ бытность г. министра духовныхъ дѣлъ вн. А. Н. Голицына въ Москвѣ, былъ представленъ къ нему, и имѣлъ съ нимъ разговоръ касательно его, Авеля, обстоятельствъ. Послѣ сего, прощаясь съ нимъ, священникомъ, АVELЬ сказалъ, что идетъ въ домъ прихожанина его, ст. сов. Петра Алексѣевича Верещагина, откуда обѣщался придти въ Николаевскую церковь ко всенощной, однако не приходилъ; а подлинно-ль былъ въ домѣ г. Верещагина—о томъ не знаетъ. Пр. Филаретъ, на представленной изъ консисторіи справкѣ, 6-го октября 1823 г., написалъ: „Монаха Авеля въ Высотскій монастырь опредѣлить“. О семъ 24-го того же октября данъ указъ изъ консисторіи архимандриту Высотскаго монастыря Амвросію.

По опредѣленіи монаха Авеля въ Высотскій монастырь, въ послужномъ его спискѣ за 1823 г. значилось, что монахъ АVELЬ изъ крестьянъ, 65-ти лѣтъ; въ монашество постриженъ въ Лаврскомъ Александро-Невскомъ монастырѣ въ 1797 г.; изъ онаго переведенъ былъ въ Ставропигіальный Соловецкій монастырь въ 1801 году; а въ оный Высотскій монастырь опредѣленъ 1823 г., октября 24-го дня; обученъ российской грамотѣ читать, пѣть и писать; въ штрафахъ не былъ.

Въ 1826 г., іюня 21-го, архим. Высотскаго монастыря Амвросій,¹⁾ донесъ митр. Филарету, что монахъ АVELЬ, забравши всѣ свои пожитки, 3-го іюня самовольно изъ монастыря отлучился неизвѣстно куда, и не является. Въ дополненіе къ тому архим. Амвросій 30-го іюля доносилъ, что монахъ АVELЬ находится въ Тульской губерніи, близъ Соломенныхъ заводовъ, въ деревнѣ Акуловой, и при донесеніи представилъ копію съ двухъ писемъ Авеля слѣдующаго содержанія:

„Милостивая государыня Анна Тихоновна. Желаю вамъ и всему вашему семейству всякаго благополучія, какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго. Я, отецъ АVELЬ, нынѣ нахожусь въ Соломенныхъ заводахъ, въ деревнѣ Акуловкѣ, отъ завода семь верстъ, проѣзжачи заводъ налѣво. Ежели угодно вамъ ко мнѣ пріѣхать, тогда я вамъ всю исторію скажу, что мнѣ случилось въ Высотскомъ монастырѣ, и прочая таковая и прочая. Ежели есть ко мнѣ изъ Москвы или откуда-нибудь письма, то бы Карла Ивановичъ прислалъ ко мнѣ чрезъ заводскихъ ямщиковъ въ деревню Акулово; а я здѣсь намѣренъ прожить за болѣзнію отъ іюня одинъ годъ и прочая. А ежели вамъ ко мнѣ случая не будетъ пріѣхать, то хотя напишите что-нибудь, въ чемъ и остаюсь всенижайшій отецъ АVELЬ.

„Заводы отъ Серпухова 30 верстъ и спросить деревню Акулово“.

1826 года, іюля 20-го числа.

¹⁾ Умеръ 1827 г., іюня 10-го.

„Духовному моему отцу Доримедонту, всякое здравіе и спасеніе, и прошу вашихъ святыхъ молитвъ. Я, отецъ Авель, писалъ своему господину Нарышкину, Дмитрію Львовичу, какъ меня Высотскій отецъ адхимандритъ ложнымъ указомъ хотѣлъ послать въ Петербургъ къ новому государю. Нарышкинъ же доложилъ о томъ его величеству Николаю Павловичу, и сказавъ ему всю исторію отца Авеля, какъ его сажали въ тюрьму черные попы и былъ онъ отъ нихъ въ трехъ крѣпостяхъ и въ шести тюрьмахъ, содержался всего времени двадцать одинъ годъ; государь же, его величество, приказалъ отцу Авелю отдалиться отъ черныхъ поповъ и жить ему въ мірскихъ селеніяхъ, гдѣ онъ пожелаетъ. Нарышкинъ же отобралъ царскія сіи слова и отписалъ отцу Авелю, и предложилъ еще подать просьбу въ синодъ и взыскать отцу Авелю штрафу съ высотскаго начальнива тысячу рублей за ложное злословіе, якобы отца Авеля приказано въ Петербургъ прислать и проч.“

„Въ чемъ и остаюсь всенижайшій монахъ Авель“.

1826 года, іюля 20-го дня.

Въ томъ же 1826 г., отъ 27-го августа, на имя митр. Филарета послѣдовалъ указъ свят. синода, съ объясненіемъ, что синодальный обер-прокуроръ кн. Петръ Сегѣвичъ Мещерскій, согласно отношенію его, митрополита, докладывалъ государю Николаю Павловичу объ оставленіи монахомъ Авелемъ опредѣленнаго ему въ Серпуховскомъ Высотскомъ монастырѣ пребыванія и объ оказавшихся двухъ письмахъ, изъ коихъ видно, что онъ, монахъ, находится въ 30-ти верстахъ отъ Серпухова, въ Тульской губерніи, и государь, по прочтеніи бумагъ, повелѣлъ, чтобы монахъ Авель былъ заточенъ для смиренія въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь. Посему св. синодъ, для скорѣйшаго и удобнѣйшаго отысканія монаха Авеля, тульской епархіи, въ деревнѣ Акуловой, предоставилъ синодальному обер-прокурору сдѣлать сношеніе съ свѣтскимъ начальствомъ, которому и отправить Авеля въ владимірскую консисторію для помѣщенія въ Спасо-Ефиміевъ монастырь. Тѣмъ и закончились скитанія о. Авеля.

Сообщ. Н. П. Розановъ.

Примѣчаніе. Необходимо напомнить, что Спасо-Ефиміевъ монастырь въ городѣ Суздали не столько обитель для отказавшихся отъ міра подвижниковъ, сколько острогъ для заточенныхъ въ него духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ монастырѣ (по крайней мѣрѣ еще въ 1860 г., когда пишущій эти строки постигъ его) стоитъ особая команда; от. архимандритъ—комендантъ, которому часоме отдають честь и который строго блюдетъ заточенныхъ по узникамъ и ираннымъ затворамъ. Въ этомъ же монастырѣ были заключены на время нѣкоторые декабристы (Бобринцевъ—Пушкинъ, кн. Шаховской), а позднѣе сюда запирали раскольничьихъ архіереевъ.

Ред.

Ш и р я й.

Жилъ нѣкогда въ Малороссіи д. ст. совѣт. Ширий, помѣщикъ очень значительнаго состоянія, губ. предводитель Полтавской и потомъ Черниговской губерніи. Человѣкъ очень умный, но большой оригиналь, онъ давалъ роскошныя балы и обѣды, на которые являлся въ нанковомъ сюртучкѣ, съ Анненскою звѣздой, — имѣлъ особенное удовольствие быть въ ссорѣ со всѣми малороссійскими генерал-губернаторами, и замѣчать всѣ промахи ихъ управленія; они боялись страшно его сарказмовъ, передаваемыхъ тотчасъ въ Петербургъ въ смѣшномъ видѣ землякамъ его, Трощинскому и Кочубею. При воцареніи императора Павла, онъ написалъ къ нему письмо, гдѣ изобразилъ ему неспособность и нецѣпность управленія Малороссіей назначаемыми генерал-губернаторами, и потому самъ предлагалъ себя генерал-губернаторомъ, какъ совершенно знающимъ народъ малороссійскій.

Императоръ Павелъ, получивъ это письмо, отвѣчалъ ему собственноручно слѣдующее:

„Господинъ ст. сов. Ширий! Достиженіе въ имперіи высшихъ почестей позволительно всякому; желаніе ваше, быть малороссійскимъ генерал-губернаторомъ похвально; но для сего мало одного вашего желанія, необходима къ этому и моя воля, а я вамъ оной не позволяю. Павелъ“.

Примѣчаніе. При императорѣ Александрѣ I Ширий просилъ переименовать его въ генерал-майоры, что государь исполнилъ. Умеръ онъ въ 40-хъ годахъ 90-та лѣтъ. Приведенное письмо списано Г. В. Зайцевскимъ въ 1820-хъ годахъ съ подлинника, руки императора Павла, и съ согласія г. Зайцева сообщено на страницѣ «Русской Старины».

Орель.

Сообщ. А. В. Шереметевъ.

Письмо Д. В. Веневитинова къ С. А. Соболевскому.

С.-Петербургъ, 14-го декабря 1826 г.

Давно хотѣлъ я писать къ тебѣ, любезный мудрецъ эпикурейскій, и не забылъ, что обѣщалъ тебѣ описаніе-жизня бытъя Одоевского¹⁾, но ты уже знаешь, что я былъ боленъ и потому долго не могъ приглядѣться къ его семейной жизни. Посмотрѣлъ бы ты на него: онъ, какъ сыръ въ маслѣ, ласкаетъ жену какъ любовникъ, любезничаетъ

¹⁾ Князя Владиміра Федоровича, тогда женившася на Ольгѣ Степановнѣ, рожденной Ланской.

съ дамами какъ женихъ. Она женщина преселая и милая въ глазахъ каждаго; что ужъ должно быть въ глазахъ нашего чувствительнаго Одоевскаго? Придешь къ нимъ поутру; они сидятъ, какъ голубокъ съ голубкой, шутятъ и цѣлуются. Я смѣюсь; сцена довольно забавная. Придешь вечеромъ; она разливаетъ чай, онъ угощаетъ своихъ дамъ. Надобно замѣтить, что онъ въ большой милости у родни и по вечерамъ принимаетъ.

Сестра на тебя жалуется. Ты спорилъ противъ нея и противъ К. Вол.¹⁾ о стихахъ Муравьева; она прислала мнѣ эти стихи, и я хстѣлъ, чтобъ она были хороши для того, чтобы побранить тебя. Что дѣлаетъ нашъ журналъ?²⁾ Я надѣюсь, что ты—изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ: а именно, понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полеваго, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь тернія и зелия недостойная изъ нашего цвѣтущаго сада. Если ты хорошо вникнулъ въ роль свою, то ты увидѣлъ, что она не противорѣчитъ твоей гордой и солидной осанкѣ. Ты долженъ быть крѣпкій цементъ, связующій камни сего новаго зданія; отъ тебя много зависитъ его прочность. Попугай Пушкина, надобно, чтобы въ каждомъ номерѣ было его имя, подписанное хоть подъ немногими строчками. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не падали Булгарина, Воейкова и прочихъ. Истинные литераторы за насъ.

Дельвигъ также поможетъ и Крыловъ не откажется отъ участія. Принимайтесь только за дѣло единодушно, и оно покатится. Если я буду доволенъ вашими двумя первыми номерами, то вы позавтракаете такимъ стльтономъ, какого ты отъ роду не ѣдалъ. Лучшаго трудно достать, но мнѣ обѣщали, и я пошлю тебѣ провизію въ гостинецъ, какъ скоро будетъ оказія. Прощай, мой другъ, мнѣ еще много надобно писать, а теперь уже второй часъ. Пиши ко мнѣ и помни Веневитинова.

Примѣчаніе. Копія съ этого письма, собственноручно снятая покойнымъ С. А. Соболевскимъ, была прислана имъ въ письмѣ ко мнѣ, помнится, въ 1863—64 гг.

Сообщ. А. П. Пятковскій.

¹⁾ Книгини Зинаиды Волконской.

А. П.

²⁾ «Московскій Вѣстникъ».

ПРОВОДЫ КНЯГИНИ МАРИИ ВОЛКОНСКОЙ.

1826 г.

I.

Вечеръ у княгини Зинаиды Волконской.

27-го декабря 1826 г.

Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь и которая 6-го января сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ Муравьевою.¹ Она нехороша собой, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина—больше своего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже иссохъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго. Помнить, что она мать, и рѣшилась спасти дочь свою, жертвуя сама собою. Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву—славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить

¹) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, генерал-маіоръ, сосланъ въ 1826 г. въ Сибирь, въ числѣ главнѣйшихъ участниковъ декабрьскаго дѣла. Въ 1856 г. возвращены ему дворянство и свобода. Умеръ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Воронки, Черниговской губерніи, 25-го ноября 1865 г.; жена его Марія Николаевна, рожденная Раевская, дочь героя отечественной войны, умерла въ Москвѣ, въ 1863 г.

Ред.

въ міръ, созданномъ ею собою. Въ вдохновеніи своемъ, она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее.

Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Когда въ часъ роковой всѣ надежды наши утрачены, когда коварная судьба поймала насъ въ ужасные свои ковы и прошедшее и настоящее блаженство однимъ ударомъ пресѣчены, когда воспоминаніе о немъ становится источникомъ слезъ объ его утратѣ: ибо легче сносить несчастія отъ рожденія, нежели въ лѣта зрѣлыя, когда мы уже постигаемъ свою участь, вполне сознаемъ ее и самихъ себя, быть лишеннымъ земнаго рая и съ веру блаженства быть ввергнутому въ бездну гибели, когда всѣ свѣтлыя, радужныя картины стерты для насъ въ будущемъ, и взоръ нашъ угадываетъ въ немъ одну только мрачную, безпредѣльную, однообразную пустыню, — тогда можетъ-ли нашъ умъ заниматься изъясненіемъ себѣ понятія, можетъ-ли фантазія представлять опредѣленные образы? Одно глубокое чувство меланхолии овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ. Оно неизъяснимо, оно таится отъ всѣхъ и тайно для насъ самихъ, но мы не хотимъ, чтобы оно въ насъ спало. Мы стараемся удерживать его, находимъ нѣкоторыя утѣшенія въ томъ, чтобы его возбуждать. Это въ природѣ нашей. И что же согласнѣе музыки можетъ раздаваться въ душѣ нашей, тогда какъ всѣ струны нашего сердца растроганы симъ чувствомъ и сливаются въ одинъ вѣчный звукъ печали?

Она, въ продолженіи цѣлаго вечера, все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской) много было, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ „Agnes“ del Maestro Paër былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выдти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое, мрачное молчаніе, нѣкоторыми шутивыми друзьями. Но человекъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться

на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливыми, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и входящихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголь, все слушала музыку, которая для нея не переотавала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмѣвало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь простодушно, увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчить ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэть изъ „Дон-Жуана“. Одному пѣть у меня тогда бы голоса не достало. Она меня благодарила, какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Для нее велѣла К. З. приготовить ужинъ: ибо становилось уже очень поздно и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась насъ всѣхъ развлечь отъ себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметахъ постороннихъ. Когда встали изъ-за стола, она тотчасъ пошла въ свою комнату. И мы уѣхали уже послѣ 2-хъ часовъ. Я возвратился домой съ душою полною и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера.

Въ этой женщинѣ изрѣдка и невольно вырываются слова, означающія досаду. Говорили о концертѣ, данномъ въ пользу Семенова для освобожденія его и сказали, что зачинщики сего благодѣянія претерпѣли нѣкотораго рода неприятности за то. Она тотчасъ съ жаромъ примѣтила: „On a trouvé que c'était trop libéral“.

Примѣчаніе. Этотъ рассказъ записанъ участникомъ вечера, лицомъ довольно близкимъ къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской и, безъ сомнѣнія, подъ живымъ впечатлѣніемъ вечера. Это, вѣроятно, отрывокъ изъ дневника; сохранился онъ въ бумагахъ покойнаго А. В. Веневитинова; писанъ на листѣ бумаги, разорванномъ въ клочки, собранъ и восстановленъ М. А. Веневитиновымъ, которому мы и обязаны этимъ интереснымъ сообщеніемъ. Къ рассказу, согрѣтому чувствомъ и увлеченіемъ, считаемъ не лишнимъ присоединить нѣсколько строкъ кн. Зинаиды Волконской, рожд. княжны Бѣлосельской, посвященныхъ памяти кн. Маріи Волконской, рожденной Раевской.

Ред.

II.

Княгиня Мари Волконской, рожденной Раевской.

(Переводъ съ французскаго. ¹⁾)

„О ты, пришедшая отдохнуть въ моемъ жилищѣ! Ты, которую я знала въ теченіи только трехъ дней и назвала своимъ другомъ! Образъ твой легъ мнѣ на душу. Я вижу тебя заочно: твой высокій станъ встанетъ передо мною, какъ величавая мысль, а граціозныя движенія твои также мелодичны, какъ небесныя звѣзды, по вѣрованію древнихъ. У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица, какъ у дѣвы, рожденной на берегахъ Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою. Ты молода... а, между тѣмъ, прошедшее твое оторвано отъ настоящаго; день кончился для тебя и наступила мрачная ночь безъ предшественника тихаго вечера. Она пришла, какъ приходитъ зима въ нашемъ климатѣ; еще не остывшая земля покрылась снѣгомъ... Было время, говаривала ты, голосъ твой былъ звучный, но страданія заглушили его... Однако я слышала твое пѣніе: оно не умолено, оно никогда не умоленеть: твои рѣчи, твоя молодость, твой взглядъ, все существо твое издаетъ звуки, которые отзовутся въ будущемъ. Какъ ты вслушивалась въ наши голоса, когда мы пѣли около тебя хоромъ! „Еще, еще, повторяла ты, еще! ни завтра, никогда, не услышу болѣе музыки“... А сегодня ты требуешь отъ меня своей арфы. Прижми ее къ больному сердцу, ударь въ струны ея, и пусть каждый звукъ, каждый акордъ прозвучитъ голосомъ друга. Погрузи себя въ гармонію, упивайся ею; пой, пой, не переставая... Жизнь твоя не есть-ли гимнъ....“

III.

Любопытно сравнить съ приведенными отрывками, рассказомъ и впечатлѣніями очевидцевъ, описаніе того же вечера, 27-го декабря 1826 г., сдѣланное, пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ прекрасной поэмѣ „Русскія женщины“. Вотъ что говоритъ въ ней поэтъ устами самой героини поэмы, княгини М. Н. Волконской.

.....
 Я скоро въ Москву прискакала,
 Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна
 Была молодая княгиня,
 Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!

¹⁾ Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Bélo-selsky. Paris, 1865, стр. 253—254.

Искусство ей было святыня.
 Она намъ оставила книгу повелѣтъ,
 Исполненныхъ граціи и ѣзной,
 Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
 Влюбленный въ нее безнадежно;
 Въ Италіи годъ Зинаида жила
 И къ намъ—по сказанью поэта —
 «Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла».
 Царица московскаго свѣта,
 Она не чуждалась артистовъ,—житье
 Имъ было у Зины въ гостинной;
 Они уважали, любили ее
 И сѣверной звали Коринной....

Поплакали мы. По душѣ ей была
 Рѣшимость моя роковая;
 «Крѣпись, моя бѣдная! Будь весела!
 «Ты мрачная стала такая.
 «Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?
 «Какъ мы распроснимся съ тобою?
 «А вотъ что! ложись ты до вечера спать,
 «А вечеромъ пиръ я устрою.
 «Не бойся! Все будетъ во вкусѣ твоёмъ,
 «Друзья у меня не повѣсы,
 «Любимыя пѣсни твои мы споемъ,
 «Сыграемъ любимыя пьесы...»
 И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я
 Въ Москвѣ уже многіе знали,
 Въ то время несчастные наши мужья
 Вниманье Москвы занимали....

И сдѣлалась я «героинею дня»,
 Не только артисты, поэты —
 Вся двинулась знатная наша родня;
 Парадныя, дугомъ кареты
 Гремѣли; напудривъ свои парики,
 Потемкину ровни по лѣтамъ,
 Явились бывше тузы-старички,
 Съ отѣнно учтивымъ привѣтомъ;
 Старушки статс-дамы благо двора
 Въ объятія меня заключали;
 «Какое геройство!... Какаядъ пора!...»
 И въ тактъ головами качали.

Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,
 Что въ ней мимоѣздомъ гостило,
 Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей:
 Артистовъ тутъ множество было,

Пѣвцовъ итальянцевъ тутъ слышала я,
 Что были тогда знамениты,
 Отца моего сослуживцы, друзья
 Тутъ были, печалью убиты.
 Тутъ были родные ушедшихъ туда,
 Куда я сама торопилась,
 Писателей группа, любимыхъ тогда,
 Со мной дружелюбно простилась:
 Тутъ были Одоевскій, Вяземскій; былъ
 Поэтъ вдохновенный и милый,
 Поклонникъ кузины, что рано почилъ
 Безвременно взятый могилой.

И Пушкинъ тутъ былъ....

.....

Я слушала музыку, грусти полна,
 Я пѣнію жадно внимала;
 Сама я не пѣла,—была я больна,
 Я только другихъ умоляла:
 <Подумайте: я уѣзжаю съ зарей!...
 <О, пойте же, пойте! играйте!...
 <Ни музыки я не услышу такой,
 <Ни пѣсни... Наслушаться дайте!...>

И чудные звуки лились безъ конца!
 Торжественной пѣсней прощальной
 Окончился вечеръ—не помню лица
 Безъ грусти, безъ думы печальной!
 Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ,
 Утратили холодъ надменной,
 И взоръ, что казалось на вѣки потухъ,
 Свѣтятся слезой умиленной...
 Артисты старались себя превзойти,
 Не знаю я пѣсни прелестнѣй
 Той пѣсни—молитвы о добромъ пути,
 Той благословляющей пѣсни...
 О, какъ вдохновенно играли они!
 Какъ пѣли!... и плакали сами....
 И каждый сказалъ мнѣ: «Господь васъ храни!»
 Прощаясь со мной со слезами....

(Стихотворенія Н. А. Некрасова, Спб., 1873 г., т. III, часть V, гл. IV, стр. 313—316 и 323—324).

Пожаръ балагана Лемана въ Петербургѣ въ 1836 г.

Въ 1836 году, въ воскресенье, 2-го февраля, на сырной недѣлѣ, во время представленія, загорѣлся балаганъ Лемана, выстроенный на Адмиралтейской площади. Такъ какъ въ прежнее время сараи для помѣщенія командироваемыхъ на народныя гулянія пожарныхъ трубъ не было, то, пока дали знать, пока пожарные пріѣхали, балаганъ весь уже былъ въ пламени, причемъ сгорѣло нѣсколько человѣкъ дѣтей и много взрослых.¹⁾

Этому несчастному обстоятельству много способствовало то, что нѣкоторыя двери въ балаганѣ отворялись внутрь; народъ въ испугѣ, ища спасенія, бросился густою массою на двери и приперъ ихъ совершенно такъ, что къ выходу не было никакихъ средствъ. Многие задохлись отъ дыма и ѣдваго смрада, происшедшаго отъ горѣвшаго войлока, которымъ низъ балагана былъ обитъ.

Было въ началѣ пятаго часа пополудни. Только что занавѣсъ поднялся, старшій сынъ Лемана, игравшій въ даваемой арлекинадѣ роль „Пiero“ перебѣжалъ по сценѣ съ крикомъ: „пожаръ! пожаръ!“ но народъ, привыкшій встрѣчать всякое его появленіе на сценѣ смѣхомъ, и въ этотъ разъ разразился громкимъ хохотомъ, пока на сценѣ не показалось пламя.

При бывшемъ въ тотъ день сильномъ вѣтрѣ, пламя въ одинъ мигъ обхватило весь балаганъ: крыша рухнула и покрыла толпу горящими головнями.

Минута была ужасная.... Стоны, плачь и раздирательные крики отчаянія оглашали всю площадь..... народъ горѣлъ безъ всякой надежды на спасеніе.

Наконецъ прибыла пожарная команда, топорами начали прорубать стѣны и уцѣлѣвшіе отъ смерти люди хлынули въ безпамятствѣ на площадь. Прибѣжали солдаты л.-г. Преображенскаго, Конно-гвардейскаго и л.-г. Павловскаго полковъ; прибылъ комендантъ, но было поздно!... Изъ-подъ груды горящихъ бревенъ и досокъ рабочіе воинскихъ командъ стали вытаскивать обгорѣлыя тѣла, бывшихъ въ ба-

---

¹⁾ Изъ 400 человѣкъ, бывшихъ въ балаганѣ, обгорѣлыхъ труповъ, было найдено: 121 мужчинъ и 5 женщинъ, всего 126 человѣкъ; да кромѣ того, сильно ушибленныхъ, но подающихъ надежды къ выздоровленію было 10. О погибшихъ дѣтяхъ официальные вѣдомости умалчиваютъ. «Сѣверная Пчела» 1836 года, 4-го февраля, № 28.

лаганъ, которыя отличались отъ черныхъ бревенъ только однимъ особеннымъ ѣдкимъ запахомъ, исходящимъ отъ дымящихся труповъ.

На другой день появились на улицахъ прибитыя къ фонарнымъ столбамъ отъ полиціи объявленія, въ которыхъ было сказано: „что всѣ тѣ, къ которымъ въ прошлую ночь—родные и знакомые домой не вернулись—приглашаются для отысканія ихъ труповъ въ Адмиралтейство, въ особенное помѣщеніе, и въ Обуховскую больницу, въ лѣтніе бараки, гдѣ тѣла сгорѣвшихъ отыскать можно“. Это извѣстіе грустно отозвалось въ сердцахъ жителей столицы, къ которымъ близкіе ихъ чувствамъ въ тотъ день домой не пришли. Всякій могъ полагать, что кто не возвратился домой, тотъ былъ въ балаганъ и попалъ въ эту несчастную катастрофу. Но былъ случай, кончившійся довольно комично и послужившій въ то время предметомъ къ смѣшнымъ городскимъ разсказамъ.

Жена одного молодого купчика, не дождавшись въ день пожара возвращенія своего мужа и полагая, не пошелъ-ли онъ въ этотъ злополучный часъ въ балаганъ Лемана, на другой день отправилась его отыскивать въ числѣ сгорѣвшихъ въ Адмиралтействѣ.

Осматривая многія тѣла, похожія болѣе на обгорѣвшія колоды, она наконецъ у одного трупа остановилась. По уцѣлѣвшей на бѣлѣ мѣткѣ (другіе говорили, по золотому кольцу), признала она трупъ за своего мужа, уложила при себѣ въ гробъ и распорядилась объ отправкѣ его къ себѣ на квартиру.

На другой день собрались родные и знакомые, начали служить панихиду, но каково было удивленіе присутствующихъ, когда мужъ здоровехонькій вбѣжалъ въ комнату и бросился въ объятія своей супруги. Сцена въ мигъ перемѣнилась: печальная церемонія прервана, неизвѣстный покойникъ вынесенъ и сданъ въ распоряженіе полиціи... Горе превратилось въ общую радость, кончившуюся веселымъ обѣдомъ и тостами за здравіе и многолѣтіе молодыхъ супруговъ.

Оказалось, что молодой купчикъ, пользуясь праздничными днями, отправился въ веселой компаніи на тройкахъ въ Царское Село, гдѣ двое сутокъ пробылъ, не сказавъ своей женѣ заблаговременно о своей поѣздкѣ и тѣмъ надѣлалъ столько хлопотъ домашнимъ.

Сообщ. И. Р. Фок-дер-Ховекъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА

Новости, объявления и распоряжения правительства.

1798 г. 1)

— Суздальскому мѣщанину Кутыжигину, проектомъ своимъ въ открытїи Американскаго края въ пользу отечества, купцу Голикову спомоществовавшему, но по договору съ нимъ, Голиковымъ и прочей компанїи не удовольствованному и просящему за то монаршаго награжденїа, предоставляется самому искать своего права, на комъ слѣдуетъ, судомъ. (Сиб. Вѣдом., 1798 года, № 24).

— Штурману Смирнову, описывающему службу свою и во время шведской войны отличные подвиги, просящему воздаянїа за оныя, отказывается по причинѣ той, что, всѣ въ то время подвизавшіеся, награждены, то и онъ, въ числѣ прочихъ, либо получилъ уже награжденїе, или не заслуживалъ онаго. (Тамъ же).

— Суконному фабриканту—Цопфу, просившему объ опредѣленїи его главнымъ мастеромъ къ какой-либо суконной фабрицѣ, или о помощи на заведенїе таковой въ Гатчинѣ или Павловскѣ, предоставляется искать себѣ пособїа въ искусствѣ своемъ. (Тамъ же).

— Отставному полковнику Баумгартену, просящему за службу его пенсіона, отказывается съ замѣчанїемъ, что если-бъ онъ не поспѣшилъ оставить службу, то, допедъ до генерал-маюрскаго ранга, могъ бы нынѣ имѣть команду и мѣсто. (Тамъ же).

— Медицинской коллегїи актуариусу Карандашеву, просившему за переводъ имъ горнаго уложенїа, сочиненнаго г. Канкринымъ, девяти листовъ по 20-ти р. за каждой, отказывается, по увѣдомленїи г. генерал-маюра Донаурова, что трудившимся въ оныхъ переводахъ прежде за 9 частей, а потомъ въ 791 г. и за послѣднюю десятую, по особымъ именнымъ указамъ, выдачи были изъ кабинета, въ томъ числѣ и ему, Карандашеву, выдано 360 р.

— Отставному полковнику гр. де-Мендоза - Ботелла, просившему, между прочимъ, о пожалованїи ему на покупку небольшой деревни 10 тысячъ рублей, и кормилицѣ его им-го высочества вел. кн. Константина Павловича, просившей о награжденїи мужа ея, оставленнаго отъ двора камер-лакея, въ сравненїе съ сверстниками гоф-фурверскимъ чїномъ съ пенсіономъ по сему званїю,—прошенїа возвращены съ надранїемъ и за пересылку по почтѣ къ отлучнымъ со взысканїемъ вѣсовыхъ денегъ. (Тамъ же).

— Продаются: ода государю им-ру Павлу Петровичу на всероссїйскїй престолъ восшествїа, сочиненная Степаномъ Руссовымъ, въ пер. 1 руб. Похожденїа Оронока—князя африканскаго, съ гравированными картинами, въ 2-хъ частяхъ, 1 р. 20 к. Гирумъ Гарумъ, сатпра, комическїй оригинальный романъ, въ пер. 1 р. 20 к. (Тамъ же).

1) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 187—190; 589—590 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452; 663—664.

26-го марта. Генералитету, штабъ и обер-офицерамъ морской артилеріи шарфовъ не имѣть, а вмѣсто птиблетъ и большихъ сапоговъ, имѣть противу флотскихъ короткіе сапоги по данной формѣ. (№ 25).

— Продается книга: Старичокъ Весельчакъ, рассказывающій давнія московскія были и польскія диковины, 50 к. (Тамъ же).

— 28-го марта. Если г. Поттель-Кенигсбергъ здѣсь находится, то благоволилъ бы о себѣ дать знать въ газетной экспедиціи. (Тамъ же).

— Ораторіумъ или духовной концертъ, которой долженъ былъ данъ быть въ домѣ г. Кушелева 14-го марта, отложенъ на Святую недѣлю. (Тамъ же).

30-го марта. По высочайшему повелѣнію произведенъ Нарвскаго мушкетерскаго полку шефъ генерал-маіоръ Ртищевъ въ генерал-лейтенанты съ назначеніемъ въ коменданты въ Астрахань и шефомъ гарнизоннаго полку, на мѣсто генерал-маіора Гедеонова, которой отставленъ отъ службы за не приведеніе его полка въ 15 мѣсяцевъ въ сообразное формированіе нынѣшнихъ штатовъ. (№ 26).

— Француженка, мадамъ или мамзель, желающая ѣхать въ деревню для обученія дѣтей разнымъ языкамъ, явиться можетъ въ 15-й линіи, про между Большаго и Средняго проспекта, въ домѣ Кофарева, подъ № 598. (Тамъ же).

— Концертъ дѣвицы Кирхгеснеръ данъ будетъ въ четвертокъ, т. е. 1-го числа апрѣля, въ 6 часовъ въ вечеру, въ залѣ г. Ліона, гдѣ она будетъ играть на своей англійской гармоникѣ соло и при другихъ инструментахъ. Билеты за первыя мѣста стоятъ по 5-ти руб., за другія—по 2 р. 50 коп., и оныя получать можно у дѣвицы Кирхгеснеръ, въ домѣ г. Жадимирова, подъ № 6, на Мойкѣ, супротивъ езерциргауза, также у Клостермана, у Ліона и при самомъ входѣ. (Тамъ же).

2-го апрѣля. Е. И. Вел-во высочайше изъявить соизволилъ монаршее свое благоволеніе штабъ, оберъ-и унтер-офицерамъ, находящимся въ собственномъ Е. Вел-ва депо подъ начальствомъ вице-адмирала Кушелева за сочненіе картъ, и въ знакъ онаго всемілостивѣйше пожаловалъ инженер-полковнику Опперману перстень бриліантовый; на прочихъ же оберъ и унтер-офицеровъ 1,000 червонныхъ. (№ 27).

— Е. И. Вел-во пожаловалъ тогоднишнему разводу лейб-гвардіи Преображенскаго полку гренадерскаго генерал-маіора князя Гика баталіона нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина. (Тамъ же, 30-го марта).

— Всемілостивѣйше пожалованъ генерал-лейтенантъ баронъ фон-дер-Паленъ въ генералы отъ кавалеріи. (Тамъ же, приказъ 31-го марта).

— Е. И. Вел-во пожаловалъ тогоднишнему разводу лейб-гвардіи Преображенскаго полку Е. Вел-ва баталіона по фунту говядины на челоуѣка. (Тамъ же. 31-го марта).

6-го апрѣля. Портретъ его вел-ва покойнаго короля польскаго, рисованный госпожею ле-Брюнь и гравированный г. Клауберомъ, о коемъ прежде уже публиковано, продается теперь у издателя онаго, въ Императорской Академіи Художества, первыя пробы по 10-ти руб., а обыкновенныя по 5-ти руб. (№ 25).

9-го апрѣля. По высочайшему повелѣнію наряженное слѣдствіе надъ генерал-маіоромъ Бавунинымъ оставлено, а онъ опредѣленъ командиромъ Сибирскаго драгунскаго полку, но безъ эскадрона. (№ 29, приказъ 5-го апрѣля).

— Е. И. Вел-во, на случай торжества коронаціи, пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ лейб-гвардейскихъ полковъ по фунту говядины на челоуѣка. (Тамъ же).

13-го апрѣля. Всемілостивѣйше произведенъ генерал-маіоръ дюкъ Лаваль

Монморансій въ генерал-лейтенанты съ назначеніемъ комендантомъ въ Елисаветградъ и шефомъ гарнизоннаго полку своего имени. (№ 30, приказъ 9-го апрѣля).

— Сѣверскаго драгунскаго полку аудиторъ Котляревскій, будучи (изъ дворянъ и признанъ способнымъ къ фронту, переименованъ въ прапорщики. (Тамъ же).

— Молодаго Баденскаго мушкеторскаго полку капитанъ Корольковъ и поручикъ Судаковъ, за дурное поведеніе и пьянство, а гарнизоннаго Шинга полку майоръ Чулошниковъ, за неприбытіе къ оному съ 5-го ноября 1797 г., исключены изъ службы. (Тамъ же).

— Е. И. Вел-во объявилъ свое благоволеніе генерал-лейтенанту гр. Буксгевдену и директору Веймару за совершенное устройство и порядокъ въ домѣ военнаго воспитанія. Тамъ же и зрителямъ подъ его начальствомъ, въ томъ домѣ состоящимъ. (Тамъ же).

— Глуховскаго кирасирскаго полку поручикъ Липовскій, за переломленіемъ ноги и за разбитіемъ груди, отставленъ отъ службы. (Тамъ же, приказъ 10-го апрѣля).

— Находившіеся подъ судомъ по дѣлу бывшаго полковника Зыбина и по высочайшей конфирмаціи исключенные изъ службы отъ артилеріи генерал-майоръ Страховъ и обер-кригс-комисаръ Голубцовъ всемілостивѣйше прощены и отставлены съ абшпдомъ. (Тамъ же).

— Въ Юдиномъ домѣ, что возлѣ ямщиловыхъ завокъ, на Екатерининскомъ каналѣ, у содержательницы кофейнаго дома мадамы Тегеръ, продается 18-ти лѣтняя дѣвка, которая чисто говоритъ по-русски и по-нѣмецки и во всякой домашней работѣ искусна. (Тамъ же).

— Рѣка Нева, бывши сію зиму покрыта льдомъ 149 дней, 8-ю днями болѣе нежели въ прошедшую зиму, съ 8-го на 9-е число сего мѣсяца отъ онаго очистилась. (Тамъ же).

16-го апрѣля. По высочайшему повелѣнію генерал-лейтенантъ дюкъ Лаваль-Монморанси отставленъ отъ службы съ половиннымъ жалованьемъ. (№ 31, приказъ 12-го апрѣля).

— Продаются книги: «Дѣло отъ бездѣлья и пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстями въ стихахъ и прозѣ состоящими угождающая», 4 части, въ пер. 5 рублей.—«Прохладные часы или аптека, врачующая уныніе, составленная изъ медикаментовъ старины и новизны, т. е. философическихъ, критическихъ, рюмотворныхъ, пастушьихъ и аллегорическихъ веществословій», 2 части, въ пер. 3 р. 60 коп.

— Извѣстная виртуозка на гармоникѣ дѣвица Кирхгеснеръ намѣрена въ будущемъ маѣ ѣхать въ Берлинъ, и для того симъ объявляется, что она до отъѣзда своего съ удовольствіемъ будетъ играть, какъ въ своихъ покояхъ, такъ и у знатныхъ господъ, у любителей и знатоковъ музыки, есть-ли они пожелаютъ слушать ея игру на аглинской гармоникѣ, и въ томъ съ нею условиться; спросить о семъ можно въ домѣ Жадимирова, подъ № 6. (Тамъ же).

— У шкипера Васильева, живущаго по Фонтанкѣ, близъ Поперешнова моста, въ домѣ подъ № 387, продаются двѣ дѣвки и нѣсколько сажень крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента. (Тамъ же).

— Желаютъ купить семь аглинскихъ гнѣдыхъ жеребцовъ, съ хвостами, могутъ ихъ видѣть въ аглинскомъ трактирѣ, близъ сената. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ XII ТОМЪ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1875 г.

А.

Абди-паша, анатолійскій сераскиръ 1853 г., 194.

Абу-Нуцаль-ханъ, сынъ аварской ханши 1834 г., 547, 552.

Августинъ, московскій митрополитъ, † 1819 г., 816, 817.

Августъ II, король польскій. Присутствіе на свадьбѣ мекленбург. герцога Баря Леопольда съ принцессой Екатериной Иоанновной 1716 г., 11.

Авель, монахъ-предсказатель, р. 1757 † 1841 г. Его предсказанія, 414 — 415. Жизнеописание его, 416 — 426. Написанныя имъ «книги», 426—430. Переписка съ гр. П. А. Потемкиной 1815—1816 г., 430 — 435. Записки о немъ, 815 — 819.

Агаповъ, офицеръ 1807 г., 257.

Агъевъ, офицеръ 1807 г., 257.

Адашевъ, Алексѣй Фед., приближенный Иоанна Грознаго, 562.

Адидцевъ, от. Сообщ. договоръ о продажѣ людей 1760 г., 399 — 400.

Адлербергъ, гр. Влад. Фед., генер. отъ инфантеріи, генер.-адъютантъ, министръ императ. двора. Поѣздка его въ святѣ

государя въ Стокгольмъ 1838 г., 162—173. Свадьба его, 791—792. Упом. 644, 784.

Адлербергъ, гр. Марія Вас., рожд. Нелидова, 791.

Адлербергъ, Юлія Фед. (Анна-Шарлотта-Юліана), рожд. фонъ-Багговутъ, начальница Смольнаго Института, р. 1760 † 1839 г., 773, 791.

Адольфъ-Фредерикъ, швед. король, 167.

Азанчевская, Екат. Мих., фрейлина, р. 1767 † 1792 г., 700.

Азаревичъ, дѣвнца, 733.

Аламакъ, профессоръ 1773 г., 274.

Аларъ, композиторъ, 571.

Александра Павловна, великая княжна, въ замуж. палатина венгерская, р. 1783 † 1801 г., 451, 774, 783.

Александра Федоровна, императрица, (принцесса прусская Шарлотта). Первый въѣздъ въ Петербургъ, 786 — 787. Обрученіе, 787. Бракосочетаніе и первые годы супружеской жизни, 788—790. Упом. 770, 783.

Александровъ, поручикъ 1798 г., 663.

Александръ, архимандритъ Соловецкаго монастыря 1854 г., 651.

Александръ Михайловичъ, великій князь тверской, р. 1301† 1339 г., 436, 455.

Александръ Павловичъ, императоръ. Вступленіе на престолъ и принесеніе присяги на р. иргизѣ, 241. Коронація, 243. Примѣры гласности въ первые годы его царствованія 1802 — 1809 гг., 629 — 634. Смысла монаха Авеля въ Соловецкій монастырь 1801 г., 422. Назначеніе М. Ѳ. Каменскаго главнокомандующимъ арміею 1806 г., 406. Прошеніе Каменскаго объ увольненіи отъ службы, 406. Отношенія къ генералу Костенецкому, 409. Благоволеніе къ В. Н. Каразину, 330. Учрежденіе министерствъ, 331. Пожалованіе Донскому войску знамени и похвальной грамоты 1808 г., 457. Распоряженія относительно Брауншвейгъ-Люнебургской фамилии, 760, 763, 764, 766, 767. Освобожденіе изъ монастыря отца Авеля, 423. Манифестъ о бракосочетаніи вел. кн. Николая Павловича 1817 г., 786 — 787. Посѣщеніе военныхъ поселеній 1822 — 1824 гг., 87—89, 114. Путешествіе на Донъ и милости къ войсковому атаману А. В. Иловайскому 1827 г., 703 — 704, 732. Кончина, 732. Упом. 86, 439, 453, 455, 564, 645, 701, 706, 709, 776, 792, 793, 815, 820.

Александръ Николаевичъ, Императоръ. Поѣздка его величества въ Стокгольмъ 1838 г., 160—173.

Александръ Ярославичъ, по прозванію Невскій, великій князь Владимірскій, р. 1220 † 1263 г., 454.

Алексѣвъ, крестьянинъ, 630.

Алексѣвъ, Никита, рядовой, 527.

Алексѣй Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г. Разказы изъ его царствованія, 436—438. Упом. 26.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра Великаго, р. 1690 † 1718 г. Сказаніе армянскаго историка о его смерти, 438. Упом. 20.

Алексѣй, крестьянинъ, 630.

Аликовскій, авторъ водевилей, 199.

Алтарнацкій, коллежскій секретарь • 1798 г., 232.

Алфимовъ, унтеръ-офицеръ 1824 г., 110.

Албертъ, архитекторъ, 291.

Амвросій, с.-петербургскій митрополитъ. Совершеніе бракосочетанія вел. кн. Николая Павловича, 1817 г., 787. Упом. 425.

Амвросій, архимандритъ Высоцкаго монастыря 1823 г., † 1827 г., 818.

Амвросій, екатеринославскій и таурическій архіепископъ 1786 г., 696.

Амвросій, (Зертисъ-Каменскій), носковскій архіепископъ, † 1771 г. Оказанная ему помощь Потемкину, 488. Умерженіе во время чумы въ Москвѣ, 497.

Аммосовъ, адъютантъ А. Н. Лидера 1861 г., 140.

Анакіевская, Евдокія Вас., рожденная Баржавина, 279.

Анакіевскій, 279.

Ангальтъ-Дессаускій, князь 1717 г., 21.

Ангальтъ-Цербтская, принц., мать Екатерины II, 776.

Андреева, Тат. Борис., 119.

Андреевъ, Владим. Яковл., поручикъ 1835 г., 119.

Андріяновъ, полковникъ 1819 г., генералъ-майоръ 1821 г., 467, 473, 702, 703, 713.

Анискимовъ, Самойла, служитель, 233.

Анничевъ, опекунъ С.-Петербур. Воспитательнаго Дома 1779 г., 666.

Анна, русская княжна, внука Владимира Мономаха, жена франц. короля Генриха I, 296.

Анна Иоанновна, императрица, 3, 25, 26, 124, 386, 453, 639, 657.

Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская, правительница російской имперіи, р. 1718 † 1746 г. О пребываніи дѣтей ея въ Горсенскъ, 760—768. Упом. 1, 25, 26, 124, 536.

Анна Петровна, царевна, дочь Петра Великаго, въ замуж. герцогиня Гольштинская, † 1728 г., 26.

Анненковъ, генералъ 1854 г., 318.

Аносъвъ, Ив. Вас., артил. офицеръ 1855 г., 443.

Анрепъ-Эльмйтъ, гр. Юсифъ Романъ, генер.-лейтенантъ и генер.-адъютантъ, † 1860 г., 299.

Апраксина, гр. Елизав. Виргл., рожд. гр. Разумовская, р. 1749 † 1802 г. Замѣтка о ней, 492.

Апраксинъ, гр., генер.-лейт. 1802 г., 632.

Апраксинъ, гр. Петръ Фед., р. 1728 † 1813 г., генер.-лейтенантъ, 492.

Арапчевъ, гр. Алексѣй Анд., генер. отъ кавал., воен.министръ, р. 1769 † 1834 г. Жизнь въ устроенныхъ имъ воен. поселеніяхъ, 84—95. Обѣды подчиненныхъ въ Грузинѣ, 96—100. Смерть Настасьи Шумской и дознанія по поводу ея убійства 100—104. Поступокъ съ Ефимовымъ, 104—113. Отношенія къ Михаилу Шумскому, 113—123. Упом. 236, 411, 709, 781.

д'Аржансонъ, графъ, министр Людовика XV. Записка объ Е. Н. Каржавинѣ, поданная ему профес. Барбо-де-ла Брюеръ 1756 г., 294—297.

Арендтъ, Н. Ф., лейбъ-медикъ. Путешествіе его съ государемъ въ Стокгольмъ 1838 г., 162—173. Упом. 732.

Аригольдъ, офицеръ 1862 г., 142.

Аридтъ, переводчикъ сочиненій Екатерины П., 67,

Арсеній, переяславскій архіерей при импер. Елизаветѣ, 534.

Арсеній (Маціевичъ), митрополитъ ростовскій, 657.

Арсеньева, Дарья Мих. см. кн. Меншикова.

Арсеневъ, Илья, литераторъ, вызванный намѣстникомъ въ Варшаву во время мятежа 1861 г., 124.

Арто, гѣвца, 807.

Араужо, жена предъидущаго. Странныя обстоятельства ея смерти 1802 г., 629—632.

Араужо, купецъ, 1802 г., 629.

Архарова, Екат. Александровна, 246.

Архарова, Марія Иван., въ замуж. Поникова, 293.

Архаровъ, Ив. Петр., москов. генер.-губернаторъ, генералъ отъ инфантеріи, 1815 г., 245, 246, 247, 282.

Асенцова, Варв. Никол., актриса, 212, 728.

Асланъ-ханъ, генер.-маіоръ русской службы 1835 г., 550, 552, 553.

Ассосковъ, офицеръ 1822 г., 92.

Астаховъ, полковникъ 1807 г., 268, 270.

Ахмедъ-ханъ, махтулинскій и акушинскій ханъ 1834 г., 546, 553.

Аціатусъ, Павелъ, ученый, 626.

Аванасевъ, актеръ, 219.

Б.

Багговутъ, Елиз. Яковл., рожд. фонъ-Фокъ. Отношенія къ мужу, 771—775. Упом. 781, 792.

Багговутъ, Карлъ Фед., (Карлъ-Густавъ), генер. - лейт. 1804 г., командиръ 2-го корпуса въ отечественную войну, † 1812 г. Свѣдѣнія о немъ, 771—775.

Багговутъ, Юлія Фед. см. Адлербергъ.

Ваграціонъ, князь, 1845 г., 352.

Ваграціонъ, кн. Петръ Ив., р. 1756 † 1812 г., вполѣд. генералъ отъ инфантеріи. Участіе его въ Итальянской кампаніи 1799 г., 28, 30, 35, 37, 38. Упом. 125, 460, 462, 465, 466, 633.

Важеновъ, Вас. Иван., об. - архитекторъ, артил. капитанъ 1769 г., дѣйств. стат. сов. 1788 г., р. 1737 † 1799 г. Замѣтка о немъ, 278. Покровительство его Каржавину, 273, 283, 292.

Вайронъ, англ. поэтъ, 595.

Валакичъ, варшавская артистка 1861 г., 140.

Валковскій, Мих. Александр., генералъ-маіоръ 1801 г., 247.

Важунинъ, генер.-маіоръ 1798 г., 831.

Валабинъ, донской подполковникъ. Лишеніе его чиновъ за причастность къ дѣлу А. В. Иловайскаго 1827 г., 717. Упом. 261.

Валабинъ, секретаръ русскаго посольства въ Константинополь 1853 г., 176.

Валашинъ, капитанъ 1825 г., 733.

Валкъ, Наталья Фед., см. Лопухина.

Валла, генералъ, † 1812 г., 773.

Вальзамо, Джузеппе см. Калиостро.

Вальзамо, Ціетро, итальян. купецъ 1843 г., 53.

Вальзамо, Феліція, рожд. Бравоньери, 53.

де-Вальментъ, генер.-поручикъ 1782 г., 688.

Вантышъ-Каменскій, Дмитр. Никол. тайн. сов., составитель «Словаря досто-памятныхъ людей русской земли», тобольскій, потомъ виленскій гражданскій губернаторъ, р. 1787 † 1850 г. Указанія на свидѣтельство его о кн. Потемкинѣ-Таврическомъ, 482, 483, 489, 490, 503. Упом. 402, 760, 765.

Варанова, Надежда Никит. см. Бар-жавина.

Варанова, Юлія Фед. рожд. гр. Адлер-бергъ, 792.

Варановъ, графъ, 223.

Варатынскій, Евгений Абрам. поэтъ, 556, 780.

Барбаря, архитекторъ, 291.

Барбо, де-ла-Врюеръ, Жанъ-Люи, профессоръ политич. исторіи. Записка его объ Ерофеѣ Каржавинѣ 1756 г., 294—297. Упом. 278, 292.

Барылай-де-Толли, Мих. Богд., ген-фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г., 468, 469.

Барсуковъ, Спиридонъ Иван., майоръ 1760 г., 400.

Бартенева, пѣвица, 344.

Баруале (Baroillet), пѣвецъ, 347, 349.

Васкашовъ, Дмитрій Вас., купецъ, 655.

Ваташевъ, Андрей Родионов., дворянинъ 1787 г.,

Ваторошій, корнетъ 1798 г., 664.

Ватюшковъ, Конст. Николаев., поэтъ, р. 1788 † 1854 г., 556.

Ватюшковъ, П. Н. О изданныхъ имъ «Памятникахъ Русской старины въ Западной Россіи», 445—449.

Ваумгартенъ, отставной полковникъ 1798 г. Отказъ Павла I на его просьбу о пенсіонѣ, 830.

Ваумгартенъ, генералъ, 1854 г., 320.

Вауръ, генер.-лейт. 1802 г., Подозрѣніе въ участіи его въ смерти г-жи Араужо, 629—632.

Вахметевъ, Иванъ, стат. совѣт. въ царств. Елизаветы, 524, 525.

Вахтинъ, Ив. Ив., харьков. губерна-торъ 1802 г., 633.

Вахтинъ, Никол. Ив., членъ госуд. сов., 633, 645.

Вахъ, Иванъ, офицеръ 1782 г., 276.

Вашловскій, П. Сообщ. челобитную

каргоп. купца Сухихъ-Голыницъ на Ки-пріянова 1747 г., 397—399.

Вебутовъ, кн. Вас. Осип., генер. отъ инфант. и членъ госуд. совѣт, † 1858 г., 194.

Вежбороджо, гр. Александ. Анд., госу-дарств. канцлеръ, р. 1747 † 1799 г., 361, 362, 483, 507.

Вейеръ, фотогр. въ Варшавѣ. Арестъ его 1861 г., 128.

Веклешовъ, Александръ Андр., генер-губернаторъ орловскаго и курскаго на-мѣстничества, р. 1743 † 1808 г. Проме-ніе къ нему экономическихъ крестьянъ орловскаго намѣстничества 1790-хъ гг., 402—405. Упом. 234, 243, 245.

Веллини, профессоръ Вильямсбургска-го университета въ Америкѣ, 1789 г., 291.

Вемъ, музыкантъ, 342.

Вемеръ, ювелиръ, 76.

Вемъ, польскій генералъ 1831 г., 125, 126.

Венедиктъ XIV, римскій папа, 439.

Венкендорфъ, гр. Константинъ Хри-стоф., генер.-лейтенантъ, генер.-адъю-тантъ, † 1828 г., 577.

Венкингснъ, гр. Леонтій Леонтьев. (Людвигъ-Августъ), генер. отъ кавалеріи, главнокомандующій арміями 1807 и 1813 гг., † 1826 г., 252.

Венковичъ, могилев. еврей, 236.

Вервальцъ, музыкантъ 1798 г., 451.

Вергъ, Н. В. Статья его о томъ, какъ и когда писался «Панъ Тадеушъ», 592—599. Ссылки на рассказы его о польскихъ смутахъ 126, 136, 139, 142, 145, 612—621.

Верезовскій, М. С., 696.

Вергольцъ, приближенный герцога Мекленбургскаго Карла Леопольда, 10, 11, 12.

Веркъ, майоръ 1798 г., 664.

Вернаръ, издатель музыкальныхъ щель, 569, 572.

Вернье, профессоръ брюссельской кон-серваторіи 1864 г., 805.

Вертраандъ, праचा, 292.

Вестужева-Рюмина, гр. Анна Гавр., рожд. гр. Головина, въ первомъ замуж. Ягужинская, † 1751 г., 401.

Вестужевъ, (Марлинскій), Александръ Александр., писат., декабристъ, р. 1797 г., уб. на Кавказѣ 1837 г., 731, 732.

Веттигеръ, росс. резидентъ въ Гамбургѣ 1713 г., 4, 5.

Ветховенъ, композиторъ, 350, 351, 352; 573, 808.

Вецкій, водевиллистъ 199.

Вецкій, Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов. и об.-камергеръ, р. 1704 † 1795 г. Его управленіе Воспитательнымъ Домомъ, 146—159, 359—380; 665—680. Упом. 499.

Вибиковъ, курьеръ 1854 г., 316.

Вибиковъ, Александръ Ильичъ, подполковникъ Измайловскаго полка, р. 1729 † 1774 г. Письмо къ нему императрицы Екатерины II 1774 г., 502.

Вибиковъ, Вас. Фед., полковникъ, командиръ Екатеринбургской горной канцелярии 1774 г. Порученіе ему защищать край отъ Пугачева, 390—394.

Видлибина, любительница пѣнія, 344, 569.

Виромъ, Иоганнъ-Эрнстъ, герцогъ Курляндскій, регентъ и правитель Россіи, р. 1690 † 1772 г., 689.

Висмаркъ, князь, министръ Вильгельма III, 606.

Вистромъ, Карлъ Иван., дивизионный генералъ 1825 г., 782.

Витнеръ, содержатель потнаго магазина, 572, 573.

Виоллакъ, архитекторъ, 291.

Влазь, кларнетистъ, 801, 802, 805, 806, 808, 809.

Вландрата, Егоръ, ученый, 626.

Влехъ, парикмахеръ, 236.

Воборыкинъ, С. Г. Сообщ. указъ Петра Великаго бѣгородскому коменданту 1711 г., 627. Письмо Мазепы къ С. П. Неплюеву, 727—728. Письмо в. кн. Павла Петровича къ С. А. Неплюеву 1787 г., 628.

Вобринскій, гр. Алексѣй Григ., генер.-маіоръ, р. 1762 † 1813 г., 315.

Вобылевъ, крестьянинъ, 396.

Вогданова, Ирина, дворовая, 383.

Вогдановичъ, камеръ-пажъ, впоследств. гвардіи офиц., † 14 дек. 1825 г. Забѣтка о немъ, 782.

Вогдановичъ, генер.-маіоръ 1820 г., 475.

Вогдановъ, придвор. лакей, 631.

Вогушевскій, Н. К. Выписки изъ его собранія автографовъ, 79, 327.

Вогушевскій, офицеръ 1854 г., 322, 323.

Воде, профессоръ 1798 г., 452.

Вожеть, содержатель гастрономическаго магазина въ Варшавѣ 1862 г., 619.

Волгарскій, дѣйств. стат. сов. 1821 г., впоследств. тайн. сов. и сенаторъ, 473, 702, 703, 707.

Волотниковъ, генер.-маіоръ 1798 г., 664.

Волотовъ, Андрей Тимоф., коллеж. ассесоръ, тульской помѣщикъ, извѣст. агрономъ, р. 1737 † 1833 г., 489.

Ворисполъцъ, Платонъ Тимоф., живописецъ, 353.

Воровскій, кенигсбергскій епископъ 1790 г., 59.

Воссажъ, ювелиръ, 76.

Воченцовъ, актеръ, 728.

Вравонъери, Фелиція см. Вальвамо.

Враге, гр. швед. рейхсмаршалъ 1838 г., 166.

Врамбилла, пѣвецъ, 347.

Враницкая, гр. Александра Вас., см. Энгельгардтъ.

Врауншвейгъ - Люнебургская см. принцесса Анна Леопольдовна.

Врауншвейгъ-Люнебургская, принц. Екатерина Антоновна, р. 1741 † 1807 г. О пребываніи ея въ Горсенсъ, 760—768. Упом. 26.

Врауншвейгъ-Люнебургская, принцесса Елизавета Ант., † 1782 г. О пребываніи ея въ Горсенсъ, 760—768. Упом. 26.

Врауншвейгъ-Люнебургскій, принцъ Алексѣй Ант., † 1787 г. О пребываніи его въ Горсенсъ, 760—768. Упом. 26.

Врауншвейгъ-Люнебургскій, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, † 1776 г. О пребываніи дѣтей его въ Горсенсъ, 760—768. Упом. 26.

Врауншвейгъ-Люнебургскій, принцъ Петръ Антонов., † 1798 г., 26.

Вредель, действующій музыкант. критикъ 1864 г., 801.

Врижворнъ, статсъ-секретарь, 640.
 Вроджикскай, польскій поэтъ, 603.
 Врогъ, К. О., художникъ, 591, 759.
 Врожевскій, генер.-лейт. О предложе-
 нии его учредить школы для специальнаго
 образованія кавалерійскихъ офицеровъ
 1852 г., 223.
 Врожевскій, историкъ Донскаго вой-
 ска, 261, 266, 457.
 Вруновъ, офицеръ 1854 г., 301.
 Врюловъ, Карлъ Павл., художникъ,
 217, 218, 353, 354.
 де-Врюль, портретистка, 831.
 Врюсъ, гр. Яв. Александр., генер. ан-
 шефъ, главнокомандующій въ Москвѣ, по-
 томъ въ Петербургѣ, † 1791 г., 361, 386.
 Врянская, Анна Матв. см. Степанова.
 Врянскій, актеръ, 727, 728.
 Вуцговеденъ, гр. Фед. Фед., генер. отъ
 инфант., с.-петербург. военный губерна-
 торъ, главнокомандующій арміею въ Фин-
 ландіи 1808 г., р. 1750 † 1811 г. Письмо
 къ нему гр. М. Θ. Каменскаго 1806 г.,
 407. Упом. 832.
 Вулачь-ханъ, сынъ аварской ханши
 1834 г., 547.
 Вулахова, пѣвица, 345.
 Вулгановъ, Яковъ Ив., р. 1743 † 1809 г.,
 дѣйств. тайн. сов., посланникъ въ Кон-
 стантинополъ. Заключение трактата 20-го
 іюня 1783 г., 690.
 Вулгаринъ, Фаддей Венедиктов., пи-
 сатель, р. 1789 † 1859 г. Отношенія къ
 нему А. Θ. Воейкова, 575, 581, 584. Упом.
 821.
 Вулгаринъ, Б. и В. Θ. Сообщ. под-
 линникъ сатиры Воейкова «Домъ Сума-
 спедшихъ», 584.
 Вутацъ, докторъ 1802 г., 629, 631.
 Вутурлянъ, гр., лифлянд. помѣщикъ
 1777 г., 686.
 Вутирожій, профессоръ русской сло-
 весности, 779.
 Вуффе, франц. актеръ 1845 г., 350.
 Вухальскій, камердинеръ, 631, 632.
 Вухмейеръ, инженеръ 1853 г., 189.
 Вѣлиницына, Любовь Иван., пѣвица,
 344, 571.
 Вѣлиновскій, Виссаріонъ Григ., писатель,
 202.

Вѣлиновскій, Карлъ, поэтъ, 606.
 Вѣдосельская, кн. Зинаида Алексан-
 довна, см. кнги. Вожнонская.
 Вѣльсовскій, Иванъ, художникъ 1786 г.,
 158.
 Вѣльскій, генер.-лейтен. 1856 г., 223.
 Вѣлобрижесскій, варшавск. арміен-
 скоуп. Арестъ его 1861 г., 131, 137, 138,
 139.

В.

Вагнеръ, композиторъ, 806.
 Валуевъ, П. А., статсъ-секр., министръ
 государственныхъ имуществъ, 448.
 Вальберхова, Марія Иван., драматиче-
 ская актриса. Воспоминанія о ней
 П. А. Каратыгина, 721—723.
 Вальтеръ, приближенный мекленбург-
 скаго герцога Карла-Леопольда, 1713 г.,
 10, 21.
 Вальетки, авторъ брошюръ: «Libet me-
 morialis de Caleostro dum esset Roborati».
 79.
 Варда, гр. Александръ-Луизъ, 831.
 Васильевскій, В. Г., профессоръ, 446.
 Васильевъ, шенкеръ 1798 г., 832.
 Васильевъ, Василій, плотникъ, 1774 г.,
 391.
 Васильевскій, Фед. Дмитр., коллеж.
 ассесоръ. Валуевскій предводитель дво-
 рянства 1809 г., 633—634.
 Васильчиковъ, кн., кіевскій генералъ-
 губернаторъ 1857 г., 446.
 Васильчиковъ, гр. Александръ Сеи-
 новичъ, дѣйств. камергеръ, любимецъ
 Екатерины II. Возвышеніе его, 499, 501.
 Милости, 502. Паденіе, 502.
 Васильчиковъ, кн. Викторъ Илларио-
 новичъ, полковникъ и флигель-адъютантъ
 1855 г., 223.
 Васильчиковъ, кн. Илларионъ Ва-
 сильевичъ, генер. отъ кавал., ген.-адъ-
 тантъ, предсѣдатель государственныхъ
 совѣта и комитета министровъ, р. 1776
 † 1847 г., 642.
 Вейде, Адамъ, генералъ 1713 г., 9.
 Вейцартъ, докторъ, 631.
 Веймаръ, генералъ 1798 г., 832.
 Вейсендорфъ, польскій эмигрантъ
 1832 г., 593.

Вейсъ, см. Трубецкая.

Веленпольскій маркизъ, графъ Гонзаго-Мышшовскій, начальникъ гражданскаго управленія въ Варшавѣ 1862 г. Характеристика его, отношенія къ правительству и къ своимъ соотечественникамъ, 132—142; 600—623. Покушенія на его жизнь, 621—622. Замѣтка о Пинчовѣ, родовомъ помѣстьи его, 625—626. Упом. 124, 126.

Величкинъ, актеръ, 728.

Веллебрандтъ, баронъ, адъютантъ кн. А. С. Меншикова 1854 г., 299.

Вельяминовъ, 807, 809.

Вельяминовъ, отставной капитанъ 1798 г., 236.

Вельяминовъ, Иванъ, рязанскій помещикъ 1706 г. Сопротивленіе его царской власти, 381—382.

Вельяминовъ, Константинъ Николаевичъ. Сообщ. письма къ нему А. С. Даргомыжскаго, 340.

Веневитиновъ, Мих. Алексѣев. Сообщ. письмо о проводахъ кн. М. Волконской 1826 г., 822—824.

Веневитиновъ, А. В. Его письмо о книгѣ Маріи Волконской, 822—824.

Веневитиновъ, Д. В. Письмо его къ С. А. Соболевскому 1826 г., 820—821. Упомин. 748, 749.

Венель, французскій купецъ 1779 г., 275, 278.

Веняминъ, архимандритъ Свияжскаго монастыря 1788 г., 158.

Венюковъ, рязанскій помѣщ. 1706 г., 383.

Венюковъ, М. И., ученый и писатель. Сообщ. Севастопольскую пѣсню 1855 г., 442—444. Упом. 658.

Вердеревскій, генералъ-маіоръ 1802 г., 632.

Верди, композиторъ, 571.

Верещагинъ, Петръ Алексѣевичъ, стат. сов. 1818 г., 818.

Вержель, французскій министръ, 74.

Верне, французскій актеръ 1845 г., 350, 353.

Веселитовскій, генер.-лейтен. 1861 г., 222.

Вивонъ, сидилянecъ, 54.

Вигель, тайный сов., управляющій де-

партаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, р. 1786 † 1856 г. Рассказъ его о племянникахъ Потемкина, 509—510.

Вильбовъ, генералъ 1854 г., 310, 311, 316.

Вильгельмъ III, импѣраторъ Германскій. Пребываніе его въ Петербургѣ 1817 г., 790, 791, 792.

Вильде, актеръ нѣмецкой труппы 1814 г., 729.

Вильсокъ, полковн. англійской службы 1807 г., 258.

Виньола, архитекторъ, 291.

Виртембергъ-Штутгардская, герцогиня Фредерика-Доротея-Софія, 451, 664.

Виртъ, фабрикантъ музыкальныхъ инструментовъ, 574.

Витвицкій, Стефанъ, польскій писатель, 593, 596, 597, 598.

Вицманъ, Августъ, содержатель пансіона 1798 г., 233, 236.

Віардо, итальян. пѣвица, 353.

Віельгорскій, гр. Мих. Юрьев., об.-шенекъ, р. 1787 † 1858 г., 215.

Віола, архитекторъ, 291.

Владимировъ, орловскій судья. Жалоба на него крестьянъ 1790 г., 403, 404.

Владимиръ II Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ, великій князь кievскій, р. 1058 † 1125 г., 296, 454.

Владимиръ I Святославовичъ, великій князь кievск., Святий равноапостольн., р. ок. 956 † 1015 г., 454.

Владиславлевъ, В. А., издатель, 576, 577, 583, 584, 585.

Владычинъ, маіоръ 1799 г., 34.

Власовъ, офицеръ 1822 г., 92.

Воданскій, К. Е., членъ мелевельскаго комитета 1832 г., 593.

де-Водриоль, маркизъ, капит. франц. корабля 1780 г., 276.

Воейкова, фрейлина принцессы Екатерины Іоанновны 1716 г., 12.

Воейкова, Александра Андр., рожд. Протасова, 583.

Воейковъ, Александръ Фед., писатель р. 1779 † 1839 г. Характеристическіе рассказы о немъ пріятеля, 575—584. Са-

тира его «Домъ Сумасшедшихъ», 584—590.

О портретѣ его, 591. Упом. 821.

Войницкій, польск. поэтъ, 605.

Войновичъ, графъ, капитанъ 1784 г.,
† 1808 г., 694.

Войцеховскій, составитель учебника
артиллерии, 778, 785.

Волковъ, подпоручикъ 1798 г., 236.

Волконская, кн. Зинаида Александр.
рожд. кн. Вѣлосельская. Вечеръ устро-
енный ею для кн. М. Н. Волконской,
1826 г., 822—825. Упом. 821.

Волконская, кн. Марія Никол., рожд.
Раевская, † 1863 г. Описаніе вечера пе-
редъ отъѣздомъ ея въ ссылку, 822—824.
Отрывокъ изъ поэмы, 825—827.

Волконскій, кн., генер.-лейтенантъ
1832 г., 632.

Волконскій, кн. Сергій Григ., генер.-
майоръ, декабристъ † 1865 г., 822.

Вольгеборнъ, Луиза, учительница му-
зыки, 341.

Вольгомуть, чиновникъ горнаго вѣ-
домства, 779.

Вольтеръ, Франсуа-Мари-Аруз, франц.
писатель, р. 1694 † 1778 г., 51, 76.

Вольфенбютельская, принцесса см.
Щарлотта.

Вольскій, тверск. помѣщикъ 1822 г.,
97.

Воробьева, А. Я., въ замуж. Петрова,
артистка, 212, 219, 728.

Воронцова, гр. Екат. Ром. см. кн.
Дашьева.

Воронцова-Дашьева, гр. Александра
Кирил., рожд. Нарышкина. Разсказъ о
ней, 647—648.

Воронцовъ, подполковникъ 1822 г.,
баталион. командиръ, 93.

Воронцовъ, П. Г., скрипачъ, 341.

Воронцовъ, гр. Мих. Илар., госуд.
канцлеръ, дѣйств. тайн. сов., р. 1714
† 1767 г., 776.

Воронцовъ, кн. Мих. Сем., генер. отъ
инфант., генер.-адъютантъ, кавказскій
намѣстникъ, р. 1781 † 1856 г., 182, 186,
188, 189, 194, 196, 299.

Ворцель, одинъ изъ представителей
польск. эмиграціи 1832 г., 598.

Воскобойниковъ, адъютантъ генер.
Жабокрицкаго 1854 г., 309.

Врангель, генералъ 1854 г., 315, 316,
323, 824.

Вревскій, бар. Пав. Александр., ген.-
адъютантъ, р. 1810 г., уб. въ Крыму
1855 г., 442.

Вронченко, графъ Фед. Павл., дѣйств.
тайн. сов., вполнѣд. министръ финан-
совъ, † 1852 г. Шутки на него А. С.
Меншикова, 389, 642, 647, 648.

Вротковскій, польск. эмигрантъ, 1832 г.,
593.

Вужасовичъ, австр. генералъ 1799 г.,
27.

Вукичъ, генер.-интендантъ, директоръ
канцеляріи кн. А. С. Меншикова 1854 г.,
326.

Вындоможій, надворный совѣтникъ,
опекунъ с.-петерб. отдѣленія Воспита-
тельнаго Дома 1779 г., 666.

Высоцкая, Пелагея Александр., рожд.
Потемкина, 486.

Вяземскій, кн. Александр. Алексѣев.,
генер.-прокуроръ, р. 1727 † 1793 г., 149,
361, 365.

Вяземскій, кн. Петръ Андр., писа-
тель, р. 1792 г. Письмо къ нему А. И.
Тургенева, 559—560. Упом. 747, 748.

Г.

Габикхстааль, мекленбург. повѣренный
въ Россіи, вполнѣд. об.-церемоніймей-
стеръ при Аннѣ Іоанновнѣ. Участіе его
въ дѣлѣ сватовства Карла-Леопольда за
племянницу Петра Великаго, 3, 4, 13, 16.

Гавриилъ, с.-петербург. митрополитъ.
Освященіе имъ церкви въ Воспитатель-
номъ Домѣ 1786 г., 157—158. Упом. 421.

Гагарина, княгиня, 771, 772.

Гагарина, кн. Екат. Сем. см. Семе-
нова.

Гагаринъ, князь, 756.

Гагаринъ, кн., лейтенантъ 1838 г., 171.

Гагаринъ, кн. Ив. Алексѣев., дѣйств.
тайный совѣтн., сенаторъ, шталмейстеръ,
р. 1771 † 1832 г., 726.

Гадриджъ, англійскій военначаль-
никъ въ Америкѣ, 1779 г., 275.

Гальбрехтъ, капитанъ, командиръ Вознесенскаго завода 1774 г., 391, 392.
 Галвезъ, испан. генералъ 1782 г., 277
 Галензовскій, пол. революц. 1861 г., 609.
 Галенинъ, прапорщикъ 1822 г., 95.
 Галлеръ, Александръ Карл, капитанство, 727.
 Гамзатъ-Безъ, сообщникъ Казимулы. Дѣйствія его въ 1834 г., 545—554.
 Гансенъ, брюссельскій капелмейстеръ 1864 г., 802, 806, 804, 806, 807, 808, 809, 810, 811.
 Ганъ, Александръ. Замѣтка его о событіяхъ 1861—1862 гг., 220—222.
 Гарновскій, домовладѣлецъ, 782.
 Гарчикскій, Стефанъ, польскій писатель, † 1832 г., 593, 594, 595, 597, 605.
 Гаръ, содержатель гастрономическаго магазина въ Варшавѣ, 619.
 Гасе, профессоръ 1827 г., 748.
 Гаскеръ, ученый, 58.
 Гвондевъ, стат. совѣтникъ, директоръ общей канцеляріи министерства внутрен. дѣлъ 1849 г., 645.
 Гебгардтъ, актеръ нѣмецкой труппы 1814 г., 729.
 Гебетнеръ, варшав. купецъ 1862 г., 141.
 Геденовъ, генер.-маіоръ 1798 г., 831.
 Геденовъ, Александръ Мих., директоръ с.-петерб. театровъ, 342.
 Гейденрейхъ, пол. революц. 1861 г., 609.
 Гейденъ, гр., флиг.-адъютантъ. Путешествіе его съ императоромъ въ Стокгольмъ 1838 г., 161—173.
 Геллертъ, писатель, 298.
 Гельбихъ, историкъ. Ссылка на его сочиненіе, 482, 483, 490, 495, 499, 508, 685, 686, 691.
 Гензельтъ, композиторъ, 568, 573.
 Генрихъ, слуга, 632.
 Генрихъ I, франц. король, 296.
 Генрихъ IV, франц. король, 166.
 Георгъ, 157.
 Герисонъ, профессоръ греческаго языка, 278, 286.
 Герцъ, графъ, прусскій посланникъ въ Петербургъ 1780 г., 66.
 Герштенцвейгъ, Александръ Данил.,

варшав. вице-губернаторъ, † 1861 г., 124, 145, 220, 223, 321.
 Гете, поэтъ, 81, 82, 743, 744.
 фонъ-Гецъ, П. П. Сообщ. родословную таблицу владѣтельныхъ предковъ Россійскаго императорскаго дома, 453—454. Найденная въ его бумагахъ записка о герцогѣ мекленбургскомъ Карлѣ-Леопольдѣ, 1—25.
 Гиво, издатель «Revue française», 1827 г., 748.
 Гиза, князь, генер.-маіоръ 1798 г., 831.
 Гильбрехтъ, управляющій Вознесенскаго завода 1777 г., 394.
 Гильтебрандтъ, П. А., членъ Археологической Комиссіи 445.
 Гильфердингъ, Александръ Фед., помощникъ статсъ-секретаря, предсѣдатель этнографич. отдѣленія Русскаго Географическаго Общества, предсѣдатель Славян. Благотвор. Комитета, р. 1831 † 1872 г. Сообщилъ записки и отрывки Екатерины II, 384—389.
 Гирозъ, пѣвица, 344.
 Гиршгофъ, штабный врачъ 1854 г., нянь профессоръ, 636.
 Глазенацъ, капит.-лейтенантъ 1838 г., 161.
 Глинна, Михаилъ Иван., композиторъ, р. 1804 † 1857 г. Дружескія отношенія къ А. С. Даргомыжскому, 342. Упом. 218, 351, 352, 353, 566, 567, 569, 570, 572, 797, 803.
 Глинна, Сергій Никол., издатель «Русскаго Вѣстника», р. 1775 † 1847 г. Вліяніе его на М. Т. Каченовскаго, 660.
 Глюкъ, композиторъ, 571.
 Гнѣдичъ, Николай Иван., писатель, 562, 721.
 Говорухинъ, Ив., крестьянинъ. Прошеніе его А. А. Беклемову 1790 г., 402—406.
 Гогель, Григорій Григорьевичъ, дѣйств. стат. сов., обер-директоръ Московскаго Воспитательнаго дома 1777 г., 671, 677, 680.
 Гобескій, Киприанъ, польск. поэтъ, 605.
 Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Михаилъ Илларионовичъ, фельдмаршалъ, р. 1745 † 1813 г., 232, 471.
 Голицына, кн. Варв. Вас. см. Энгельгардтъ.

Голицына, кн. Екатер. Александровна, рожд. княжна Долгорукая, род. 1745 † 1770 г., 506.

Голицына-Суворова, княгиня, 747.

Голицынь, кн., камеръ-пажъ 1817 г., 790.

Голицынь, кн., флиг.-адъютантъ по флоту 1854 г. Ходатайство за него А. С. Меншикова, 301, 302.

Голицынь, кн. Александръ Михайловичъ, обер-камергеръ, р. 1723 † 1807 г., 820, 861, 864.

Голицынь, князь Александръ Мих., фельдмар., потомъ петербургскій военный губернаторъ, р. 1718 † 1783 г. Дѣйствія его въ турецкую кампанію 1770 г., 493—494. Упом. 153, 361.

Голицынь, кн. Александръ Николаевичъ, оберъ-прокуроръ синода, потомъ министръ народн. просвѣщенія, р. 1773 † 1844 г., 423, 424, 430, 766, 816, 818.

Голицынь, кн. Дмитрій Алексѣевичъ, посланникъ въ Парижъ, потомъ въ Нидерландахъ, тайн. сов., р. 1734 † 1799 г., 278.

Голицынь, кн. Мих. Мих., старшій. генер.-фельдмаршалъ и членъ верховнаго тайнаго совѣта, р. 1675 † 1730 г., 170.

Голицынь, кн. Петръ Мих., р. 1738 † 1775 г., генер.-поручикъ. Разсказъ о немъ, 506.

Голицынь, кн. Сергій Сергѣевичъ, егермейстеръ, р. 1783 † 1833 г., 522.

Голицынь, кн. Сергій Фед., генер. отъ инфантерій, членъ государственнаго совѣта, р. 1748 † 1810 г., 510, 520, 521.

Голлидей, домовладѣлецъ, 733.

Головинъ, генералъ, кавказскій главнокомандующій, 172.

Головинъ, гр. Гавр. Иван., канцлеръ, р. 1660 † 1734 г., 8, 13, 23.

Голохвастовъ, опекунъ с.-петербургскаго Воспитательнаго Дома 1782 г., 675.

Голубцовъ, оберъ-кригсъ-коммиссаръ, 1798 г., 832.

Гольштинская, герцогиня см. царевна Анна Петровна.

Гольштинскій, принцъ Георгъ, генер.-фельдмаршалъ русской службы, дядя Петра III, † 1763 г., 488.

Гольштинскій, герцогъ Карлъ, мужъ Анны Петровны, † 1739 г., 26.

Гонзаго, Винцентій, князь Мантуанскій, 626.

Гонзаго-Мышшовскій, гр., см. князь Велепольскій.

Гордонъ, пѣвецъ 1845 г., 349.

Горецкій, Антоній, польскій литераторъ 1832 г., 593, 595.

Горизъ, графъ, мекленбургскій приворникъ 1716 г., 6.

Горчаковъ, кн. Андрей Ивановичъ. генералъ отъ инфантерій, р. 1776 г., 32, 33, 37, 238, 255, 483.

Горчаковъ, кн. Михаилъ Дмитриевичъ. генералъ отъ артиллерій, генер.-адъют. главнокомандующій южною арміею, вѣдѣльникъ Царства Польскаго, род. 1790 † 1861 г. Назначеніе главнокомандующимъ 1854 г., 636, 637. Переписка съ кн. А. С. Меншиковымъ объ оборонѣ Севастополя 1853—1855 гг., 176—196; 296—328. Упом. 125, 126, 133, 140, 144, 442, 471.

Гославскій, польскій поэтъ, 605.

Готвейкъ (графъ фонъ-Вольфштойнъ), католическій прелатъ. Старанія его обратити мекленбургскаго герцога Карла-Леопольда въ католическую вѣру, 2—3.

Гофманъ, рожд. Таньская, 605.

Гошчинскій, Северинъ, поэтъ, 605.

Граббе, графъ, войск. атаманъ Донскаго Войска, 706.

Граммъ, лейтенантъ 1853 г., 183, 185, 211.

Гранцовъ. Выдержка изъ его статьи «Еще о русскомъ дворѣ въ Горсенсѣ», помѣщенной въ коненгагенскомъ журналѣ «Historisk archiv», 761—768.

Грейгъ, адъютантъ А. С. Меншикова 1854 г., 303.

Грезовъ, полковникъ 1799 г., 37, 41, 42, 43, 44, 47, 243.

Грессеръ, камеръ-пажъ 1816 г., 776.

Гречъ, Николай Ивановичъ, писатель. Отношенія его къ А. Ф. Воейкову, 577, 581, 582, 585. Упом. 354, 771.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ. писатель, † 1829 г., 736.

Гриббе, А. К., отставной полковникъ.

Сообщ. воспоминанія о гр. Аракчеевъ и новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, 84—123.

Грибовскій, статсъ-секретарь Екатерины II, 65.

Гривгоржевскій, Исидоръ. Состав. очеркъ дѣйствій генерала Клюки-фонъ-Клугенау на Кавказѣ, 545—554.

Григорьевъ, крестьянинъ, 630.

Григорьевъ, подпоручикъ 1798 г., 233

Григорьевъ, П. И., драматическій актеръ, 198, 200, 214, 215.

Гридинъ, Григорій, подьячій 1706 г., 381, 382.

ле-Гро, докторъ 1802 г., 631.

Гротъ, Яковъ Карловичъ. Академикъ. Сообщ. о пребываніи дѣтей Анны Леопольдовны въ Горсенѣ, 760—768.

Грузинскій, князь, домовладѣлецъ 1778 г., 153, 154.

Губаревъ, купецъ 1798 г., 284.

Гудовичъ, гр. Ив. Вас., генералъ-аншефъ, потомъ фельдмаршалъ, московскій главнокомандующій, членъ государственнаго совѣта, р. 1741 † 1821 г., 664.

Гульдбергъ, датскій министръ 1780 г., 761, 762, 763.

Гульямъ, модистка, 280.

Гуммель, композиторъ, 341.

Гурилевъ, композиторъ, 572.

Гурько, генералъ-лейтенантъ, командующій войсками на Кавказѣ, 301.

Гурьевъ, графъ, генералъ-лейтенантъ. Командированіе его на Донъ для производства слѣдствія надъ А. В. Иловайскимъ 1827 г., 714, 717.

Густавъ III, король шведскій, 167.

Густавъ IV, Адольфъ, король шведскій. Нерасположеніе къ нему императора Павла, 774. Упом. 166, 167, 454.

Гутуевъ, Иванъ, купецъ 1780 г., 156.

Гюбнеръ, издатель генеалогическихъ таблицъ 1725 г., 453.

Гюго, Викторъ, писатель, поэтъ, 343.

Д.

Давидъ, скульпторъ 1832 г., 593.

Давидъ, Фелицій, французскій композиторъ, 350.

Далъгожа, пѣвецъ, 209.

Далтонъ, купецъ 1781 г., 276:

Данебергъ, генералъ 1854 г., 176, 309, 313, 314.

Данилевскій, Адрианъ Трофимовичъ, музыкантъ, 341.

Даргомыжская, Софія Сергѣевна см. Степанова.

Даргомыжская, Эрминія Сергѣевна, 353, 569, 570.

Даргомыжскій, Александръ Сергѣевичъ, композиторъ, р. 1813 † 1869 г. Матеріалы для его біографіи: автобіографія, 341—346. Письма къ отцу 1844—1845 гг., 346—353. Письма къ В. Г. Кастріото-Скандербекъ 1843—1857 гг., 353—358, 565—574; 797—798. Къ сестрѣ С. С. Степановой 1864—1869 гг., 790—811.

Даргомыжскій, Сергѣй Николаевичъ. Письма къ нему сына Александра, 1844—1845 гг., 346—353. Упом. 339.

Дашкова, кн. Екатерина Романовна, рожд. гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 489.

Дашковъ, писатель, 756.

Дашковъ, кн., полковой командиръ, 771.

Дверницкій, начальникъ польскихъ войскъ 1831 г., 594.

Демалонгъ, генералъ 1774 г., 390.

Де-ла-Гарди, гр., шведскій гофмаршалъ 1838 г., 166.

Деламберъ, философъ XVIII ст., 76,

Делормъ, архитекторъ, 291.

Делурмель, генералъ 1854 г., 313.

Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, поэтъ, р. 1798 † 1831 г., 821.

Дембжскій, польск. генералъ 1832 г., 593, 610.

Дементьевъ, Петръ, часовой мастеръ, † 1756 г. Отношенія къ Каржавиннымъ, 656, 659.

Демидовъ, Евдокимъ Никитичъ, дворянинъ 1773 г., 394.

Денисова, Варвара Карповна см. Сыцова.

Демидовъ, 1727 г., 741, 742.

Демидовъ, Прокофій Акинфиевичъ, дѣйств. стат. совѣтн., р. 1710 † 1786 г., 274, 279, 284.

Демуть, содержатель ресторана, 355, 451.

Денисовъ, подполковникъ. Производство его въ полковника 1798 г., 232, 235.

Денисовъ, Авксентій Ильичъ, 480.

Денисовъ, Адрианъ Карповичъ, генералъ-майоръ, донской войсковой атаманъ. Записки его: итальянская кампанія 1799 г., 27—38. Движеніе русскіхъ войскъ и казачьихъ полковъ изъ Италіи въ Швейцарію и переходъ черезъ Альпы, 38—48. Возвращеніе на Донъ, 49. Домашняя жизнь, 237—238. Походъ въ Индію, 238—242. Поѣздка въ Петербургъ и Тамбовъ, 243—244. Ив. П. Архаровъ, 245—246. Замужество дочери, 249—251. Война 1807 г., 250—269. Тыльзитскій миръ, 270—271. Отношенія къ Платову, 458. Кампанія 1808—1811 гг., 458—469. Дѣйствія въ 1812 г., 469—470. Назначеніе донскимъ атаманомъ, 471. Заботы о преобразованіяхъ на Дону, 472—474. Отставка, 476. Преданіе суду, 702. Семейныя дѣла и смерть, 478—480.

Денисовъ, Илья Васильевичъ, отставной гвардіи полковникъ, 480.

Денисовъ, Илья Ѳеодоровичъ, бригадиръ, отличившійся военными подвигами въ царствованія Елизаветы и Екатерины II, 480.

Денисовъ, Логинъ Карповичъ, генералъ-майоръ 1821 г., 479.

Денисовъ, Петръ Денисовичъ, 480.

Денисовъ, Ѳеодоръ Денисовичъ, 480.

Денисовъ, гр. Ѳеодоръ Петровичъ, наказной атаманъ Донскаго войска, генералъ отъ кавалеріи, † 1811 г. Поѣздка въ Москву на коронацію Александра I 1801 г., 243.

Депъ, профессоръ музыки, 342.

Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, писатель, поэтъ, тайный совѣт., министр юстиціи, р. 1743 † 1816 г., 406, 481, 508, 510.

Дерфельденъ, генералъ 1799 г., 32, 36, 37.

Дессимонъ, полковникъ 1819 г., 796.

Дигбай (Digby), англійскій адмиралъ 1782 г., 277.

Дидеро, французскій филос. XVIII в., 51, 76.

Дьялынская, Кюдина, см. Потоцкая.

Дмитревскій, Иванъ Аванасевичъ, извѣстный артистъ, основатель театральнаго училища 1779 г., 720, 721.

Дмитріевъ, Ив. Ив., писатель, дѣйств. тайный совѣтникъ, министр юстиціи, р. 1760 † 1837 г. Письма къ нему А. И. Тургенева 1818 г., 561—563. Упом. 575, 748.

Дмитріевъ, Мих. Мих., литераторъ, 584.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александръ Матвѣевичъ, р. 1758 † 1803 г. Время его фавора, 695—697.

Добрынькинъ, Гавр. Иванов., р. 1752 † 1824 г., 433.

Долгорукая, кж. Екатерина Александровна см. княг. Голицына.

Долгоруки, фавориты Петра II, 388.

Долгоругой, кн., 188.

Долгоругой, кн., 302.

Долгоругой, вв., командиръ Угличскаго поля 1798 г., 664.

Долгоругой, кн. Владиміръ Андреевичъ, полковникъ, флигель-адъютантъ 1838 г., вполнѣдствіи генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, военный министръ, потомъ шефъ жандармовъ, р. 1804 г., 761.

Долгоругой, кн. Николай Андреевичъ, виленьскій генералъ-губернаторъ 1831—1840 гг., 401.

Долгоругой, кн. Юрій Владиміровичъ, р. 1740 † 1830 г., генералъ отъ инфантеріи, 699.

Долгоругой, кн. Яковъ Ѳеодоровичъ, бояринъ, сенаторъ, генералъ-пленипотенціалъ - кригсъ - комиссаръ, р. 1639 † 1720 г., 9.

Долгоругой-Крымскій, кн. Вас. Мих., генер.-аншефъ, московскій главнокомандующій, р. 1722 † 1782 г., 386.

Домбровскій, Ярославъ, польскій капитанъ 1861 г. Характеристическій очеркъ его, 129—131.

Дожейко, Игнатій, польскій путешественникъ и геологъ, 593, 598, 605.

Донауровъ, ген.-маіоръ 1798 г., 830.
Доницетти, композиторъ, 351.

Дорошевичъ, священникъ. Стихотвореніе его по поводу обороны Севастополя, 440—444.

Дорусъ-Грасъ (Dogus - Grae), пѣвица, 346.

Доршпрунгъ, кузнецъ, 608.

Дружининъ, маіоръ 1798 г., 233.

Друваковъ, Василій, рязанскій помѣщикъ 1706 г., 382.

Дудитскій-Длишникъ, офицеръ 1822 г., 92.

Дудышкинъ, Ст. С., издатель сочиненій Лермонтова, 812.

Дунинъ, генер. отъ кавалеріи 1798 г., 664.

Дурново, опекунъ московскаго воспитательнаго дома 1778 г., 361.

Дуровъ, Н. П. Сообщ. о Ѳед. В. Каржавинѣ: его жизнь и похождения 1745—1812 гг., 272—297. Свѣдѣнія о В. Н. и Е. Н. Каржавинныхъ, 655—659. Прошеніе эконолическихъ крестьянъ орловскаго намѣстничества генер.-губернатору А. А. Беклешеву 1790-хъ гг., 403.

Духинъ, Денисъ, подъячій 1706 г., 382.

Духонинъ, прапорщикъ 1822 г. Разжалованіе его въ рядовые, 93—94.

Дюбургъ, парикмахерша, 230.

Дюлажъ, французскій генералъ, 1854 г., 314, 320.

Дюнейронъ, бар., маіоръ, адъютантъ шведскаго короля 1838 г., 166.

Дюплеширъ, французъ, 55, 56.

Дюпратъ, французъ, аптекарь 1780 г., 276.

Дюпре, французскій пѣвецъ, 346, 347.

Дюръ, Николай Осиповичъ, артистъ Петербургскаго театра, 198, 199.

Дѣвизинъ, домовладѣлецъ, 236.

Е.

Евгеній, (Болховитиновъ), митрополитъ кіевскій, 657.

Евдокія Ѳеодоровна, царица, первая жена Петра Великаго, рожд. Лопухина,

р. 1669 † 1731 г. Отношенія къ ней Петра Великаго, 438. Упом. 26.

Европеусъ, Ив. Исааков., докторъ, 102.

Евселевъ, Терентій, дворовый чело-вѣкъ, 383.

Евфимовъ, Ѳед. Евфимов., маіоръ 1824 г. Характеристическіе рассказы о немъ, 104—113. Упом. 95.

Егорова, NN Иван. см. Любецкая.

Егорова, NN Иван. см. Машковкина.

Егоровъ, донской полковникъ. Увольненіе отъ службъ при увольн. атамана Иловайскаго 1827 г., 717. Упом. 248, 250, 479.

Екатерина I, императрица. Скупость ея, 15—16. Письма къ ней герцогини мекленбургской Екатерины Іоанновны 1718 г., 20, 24—25. Упом. 396.

Екатерина II, императрица. Восшествіе на престолъ, 489. Разрѣшеніе С. В. Лиліенфельдъ жить въ Москвѣ 1762 г., 400. Ссылка монаха Авеля въ Шлиссельбургъ, 420. Отношенія къ своимъ приближеннымъ, 489—509. Распоряженія относительно Воспитательнаго Дома, 153, 156, 369—380. Отношенія къ мартинистамъ и мистикамъ и осмѣяніе Калиостро, 67—71, 79. Отрывокъ собственноручнаго проекта манифеста о престолонаслѣдіи, 384—385. Записка объ ограниченіи винокурения, 385. Росписаніе губерній и въ нихъ губернаторовъ, 386—387. Повелѣнія Академіи Наукъ: объ опредѣл. долг. городовъ, 387; о доставленіи Академіею свѣдѣній о лучшихъ учебникахъ, 387. Записка о попыткѣ Долгорукихъ ограничить самодерж. 1730 г., 388—389. Основаніе Театральнаго Училища 1779 г., 720. Распоряженія относительно Брауншвейгъ-Люнебургской фамиліи 1780 г., 760, 761, 764. Посѣщеніе Екатеринославской и Таврической губерній, 696—700. Упом. 26, 63, 78, 283, 406, 415, 419, 426, 447, 456, 476, 480, 481, 482, 523, 528, 555, 607, 815.

Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургская, р. 1692 † 1733 г. Исторія сватовства за нее герцога Карла Леопольда и супружество съ нимъ, 1—24. Письма къ императрицѣ Екатеринѣ Первой, 24—26.

Елагинъ, Ив. Перфильевъ, дѣйств. стат. сов., об.-гофмейстеръ, сенаторъ, р. 1725 † 1796 г., 497.

Елена Павловна, великая княгиня, въ супруж. герцогиня Мекленбургская, 783.

Елешевъ, ученикъ, 799.

Елизавета Алексѣевна, (Луиза-Марія-Августа), р. 1779 † 1826 г., 789, 790.

Елизавета Петровна, императрица. Возвращеніе изъ ссылки Халаяла 1741 г. 396. Отправленіе Брауншвейгъ-Люнебургской фамилии въ Холмогоры, 760. Челобитная И. В. Сухихъ-Голяницъ 1747 г., 397—399. Обзоръ дѣлъ, произведшихся въ Тайной Канцеляріи въ ея царствованіе. Упом. 26, 439, 453, 480, 487, 657, 770, 776.

Еловикій, Алексан., ксендзъ 1832 г., 595, 599.

Енгальцевъ, князь, 104.

Енокинъ, лейбъ-медикъ 1838 г., 161.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генер. отъ артил., членъ госуд. совѣта, р. 1777 † 1861 г. Арестъ его по подозрѣнію въ участіи по дѣлу Каховскаго 1800 г., 414—415. Разказы о монахѣ Авелѣ, 415. Упом. 426, 430, 638.

Ермѣевъ, Иванъ, живописецъ 1785 г., 278, 280, 281.

Еропкинъ, Иванъ, рязанскій помѣщикъ 1706 г., 383.

Еропкинъ, Петръ Дмитр., москов. главнокомандующій, р. 1724 † 1805 г., 497, 697, 699.

Ерофеичъ, лезарь, 491.

Есаковъ, домовладѣлецъ, 357.

Есиповъ, Г. В., 523.

Ефимовичъ, писатель, 213.

Ефремовъ, актеръ, 211.

Ефремовъ, Василій, донской полковникъ. Участіе въ кампаніи 1807 г., 254, 255, 257, 258, 264, 265, 268, 270, 460.

Ефремовъ, Петръ Александр., библиографъ, писатель и изд. собран. соч. авторовъ. Сообщ. портретъ А. Ѳ. Воейкова, 591. Упом. 584.

Ж.

Жабокрицкій, генералъ 1854 г., 309, 325.

Жадинировскій, домовладѣлецъ, 663, 881, 882.

Жакиридовскій, польскій революціон. 1861 г., 609.

Желеговскій, (Антоній Сова), польск. поэтъ, 605.

Желѣзниковъ, Яковъ, 1774 г., 393.

Жигальцевъ, Андрей Антон., секретарь орлов. суд. палаты 1790 г., 404.

Жирневичъ, Ив. Степ., отстав. генер.-майоръ, р. 1789 † 1848 г., 407.

Жирова, Платонида Алексѣев., рожд. Иловайская, 718.

Жировъ, Дмитрій Иван., донской ген.-лейтенантъ, 1875 г., 718.

Жижаревъ, Ст., писатель, 584.

Жуберъ, французскій главнокомандующій. Смерть его при Нови 1799 г., 32.

Жуковский, Вас. Андр., р. 1788 † 1852 г.

Путешествіе его съ Государемъ Наслѣдникомъ въ Стокгольмъ 1838 г., 161—173. Отношенія къ А. И. Тургеневу, 739—749. Письмо къ гр. Капновострія, 745—746. Упом. 343, 443, 556, 562, 563, 581, 582, 584.

Жульковскій, варшав. актеръ 1861 г., 140.

З.

Заватовскій, гр. Петръ Вас., дѣйств. тайн. сов., ст.-секретарь Екатерины II, потомъ министръ народ. просвѣщенія и предсѣдатель департа-та законовъ, р. 1738 † 1812 г., 331, 507, 568, 686, 687.

Загряжскій, Александръ Артемов., генер.-поручикъ, 436.

Зайцевскій, Г. В. Сообщ. письмо императора Павла къ Ширяю, 820.

Захрезовая, Прасковья Анд. см. гр. Потемкина.

Захрезовскій, опекунъ с.-петербург. отдѣленія Воспитательнаго Дома 1779 г., 666, 674, 675.

Захрезовскій, гр. Арсеній Андр., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, москов. генер.-губернаторъ, р. 1783 г., 644.

Залѣскій, подполковникъ 1853 г., 190.

Залѣвскій, Богданъ, польскій поэтъ, 593, 596, 597, 599.

Залѣвскій, Иосифъ, польск. писат., 593.

Замахаевъ, рядовой 1798 г., 282.

Замойскій, гр. Андрей, предсѣдатель Варшавскаго Кредитнаго Общества 1862 г., 132, 611.

Замойскій, Владиславъ, польскій генералъ 1832 г., 593.

Занъ, Стефанъ, польскій писатель 593, 595.

Затлеръ, офицеръ 1854 г., 323, 324.

Захарыичъ-Юрьевъ, Никита Роман, 455.

Заценговенъ, актеръ нѣмецкой группы 1814 г., 729.

Зацусъ, Симонъ, ученый, 622.

Збигнѣвъ, епископъ краковскій, 625.

Зволынскій, католич. священникъ 1861 г., 137, 138.

Зелинскій, Густавъ, поэтъ, 605.

Землеръ, берлинскій докторъ, 58.

Зиминскій, Астафій, поручикъ, 534—537.

Зингеръ, секретарь генерала Ваура 1802 г., 631, 632.

Зиновьева, Екатер. Никол. см. кн. Орлова.

Зиновьева, 404.

Злобинъ, К. К., 766.

Змбевъ, полковникъ 1807 г., 263.

Золотаревъ, М. Замѣтка его о проектахъ юнкерскихъ школъ 1857 г., 223—225.

Зоричъ, писецъ, 526.

Зоричъ, Семень Гавр., адъютантъ кн. Потемкина, † 1799 г. Отношенія къ Потемкину, 685—687.

Зотовъ, книгопродавецъ 1798 г., 231.

Зотовъ, новгород. вице-губернаторъ 1830 г., 117, 118.

Зотовъ, В. Р. Составленный имъ историческій очеркъ Калюстро, 50—83.

Зубова, княгиня, 756.

Зубовъ, гр. Валеріанъ Александр., генер.-аншефъ и членъ госуд. совѣта, р. 1771 † 1804 г., 494.

Зудиловъ, священникъ Абацацкаго монастыря 1798 г., 234.

Зыбинъ, полковникъ 1798 г., 832.

Зыбинъ, Александръ, † 1760 г., 400.

И.

Иванова, Мавра, крѣпостная дѣвушка, 399, 400.

Иванова, Соломонидя, крѣпостная дѣвушка, 399, 400.

Иванова, Ульяна, крѣпостная дѣвушка, 399, 400.

Ивановъ, капитанъ, 1822 г., 95.

Ивановъ, директоръ архива министерства юстиціи. Сообщ. матеріалы для исторіи Московскаго воспитательн. Дома, 149.

Ивановъ, Николай, казначей Воспитательнаго Дома 1788 г., 158.

Ивановъ, Фед. Фед., литераторъ, 583.

Ивелкчъ, полковникъ, флиг.-адъютантъ 1835 г., 554.

Измайлова, Над. Вас. см. Шепелева.

Измайловъ, Влад. Вас., литераторъ, р. 1775 † 1830 г., 584.

Ивотъ, книгопродавецъ 1798 г., 231.

Иларионъ, архимандритъ Соловецкаго монастыря 1812 г., 423—424.

Иловайская, Платонида Алексѣевна см. Жирова.

Иловайскій, Александръ Алексѣев. есаулъ, 718.

Иловайскій, Алексѣй Вас., генер.-маіоръ 1820 г. Назначеніе донскимъ наказнымъ атаманомъ, 1821 г., 476. Очеркъ дѣйствій его во время атаманства и отношенія къ А. И. Чернышеву, 701—714. Смѣщеніе и слѣдствіе 1827 г., 714. Упом. 243, 261.

Иловайскій, Вас. Алексѣев., полковникъ, 718.

Иловайскій, Николай Алексѣев., шт.-ротмистръ 1-го казачьяго полка, 718.

Иловайскій, Николай Вас., донской генер.-маіоръ 1818 г., генер.-лейтенантъ 1825 г., 458, 459, 462, 464, 471, 474, 704.

Иловайскій, Осипъ Вас., донской генералъ-маіоръ 1825 г., 464, 704.

Иловайскій, Павелъ, генералъ, 464.

фонъ - Ильгенъ, прусскій министръ 1717 г., 22.

Ильинъ, опекунъ с.-петерб. Воспитательнаго Дома 1779 г., 666, 676.

Италійскій, кн. Александр. Вас. см. Суворовъ-Рымнинскій.

I.

Иоанновичъ, Василій, коллеж. переводчикъ 1798 г., 232.

Иоаннъ III Васильевичъ, вел. кн. московскій, р. 1440 † 1505 г., 454.

Иоаннъ VI Антоновичъ, императоръ, р. 1740 † 1763 г., 25, 533, 534, 535, 760.

Иовля, купецъ 1773 г., 274.

Иоганнсъ, капелмейстеръ, 342.

Иосифъ II, императоръ германскій, 81, 687, 697, 698.

Иосифъ, архимандритъ, состоявшій при дѣтахъ правительницы Анны Леопольдовны въ Ютландіи, † 1824 г., 760, 765.

K.

Кавелинъ, генер.-адъютантъ 1838 г., 162.

Кажинскій, В. М., капелмейстеръ, 215.

Кави-мулла, дагестанскій проповѣдникъ 1831 г., 545, 548.

Казимиръ IV, король польскій, 625.

Калиостро, Винченцо, итальянецъ, 57.

Калиостро (Вальзамо), Джузеппе, извѣстный авантюристъ, р. 1743 † 1795 г. Біографическій очеркъ его и пребываніе его въ Россіи, 50—83.

Калиостро, Лоренца, рожд. Феллччани. Сообщничество ея въ продѣлахъ мужа, 54, 55, 56, 65, 75, 76, 77, 81.

Каменскій, гр. Мих. Ѳеодот., генер.-аншефъ, потомъ фельдмаршалъ, р. 1738 † 1809 г. Назначеніе его главнокомандующимъ арміею и прошеніе его объ увольненіи отъ этого званія 1806 г., 406—407. Упом. 386.

Каменскій, гр. Николай Мих., генер. отъ инфантерій, главнокомандующій Дунайскою арміею, р. 1776 † 1811 г., 261, 467, 468, 633.

Каменскій, гр. Сергій Мих., генер. отъ инфантерій, р. 1772 † 1834 г. Отношенія къ А. К. Денисову, 466, 467, 468.

Кампенаузенъ, Балтазаръ Балтазаров., дѣйств. тайн. сов. 1822 г., 97.

Камчатовъ, от. Тимошеей, священникъ 1822 г., 94.

Каннингъ, ученый, 743.

Канеринъ, Егоръ Франц., генер. отъ инфантерій, министръ финансовъ 1823—1844 г., † 1845 г. Разказы о немъ, 642. Упом. 639.

Капюдистрія, гр. Ив. Антоп., рос. ст.-секретарь, потомъ президентъ Гредціи, р. 1776 † 1831 г., 745, 746.

Капустянскій, вѣзмскій помѣщикъ, 759.

Каравинъ, Вас. Назар., р. 1773 † 1842 г. Воспом. объ основаніи имъ Харьковскаго университета 1803 г., 329—338. Письмо къ доктору Реману о народн. просвѣщеніи въ Россіи, 1810 г., 750—758. О портретѣ его, 759.

Каравинъ, Филдельфъ Вас., 331, 759.

Каравинъ, А. Н., 344.

Каравинъ, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г. Отношенія къ А. И. Тургеневу, 556, 563. Избраніе въ дѣйствительные члены Россійск. Академіи, 561. Чтеніе исторіи Иоанна Грознаго въ засѣданіи Академіи, 562. Поднесеніе золотой медали отъ Академіи, 563. Болѣзнь и смерть, 563—564. Упом. 455.

Караидашевъ, актуаріусъ медиц. коллегіи 1798 г., 830.

Карасевъ, А. А., 701.

Каратыгина, Александра Мих., артистка, 727.

Каратыгинъ, Петръ Анд., артистъ. Воспоминанія его, 719—738. Упом. 199, 200.

Каршавина, Евдокія Вас. см. Ананіевская.

Каршавина, Елиз. Вас. см. Козлова.

Каршавина, Надежда Никит., рожд. Баранова. Отношенія къ мужу, 288—290. Упом. 283.

Каршавина, Шарлотта, рожд. Рамбургъ, † 1807 г., 280—283.

Каршавинъ, Василій Никит., купецъ. Отношенія къ сыну Ѳеодору, 273, 278, 285. Свѣдѣнія о немъ, 655—659.

Каршавинъ, Ерофей Никит. Записка о немъ Барбо-де-ла-Брюеръ-д'Ельвара, поданная гр. д'Аржансонъ 1756 г., 294—297. Свѣдѣнія о немъ, 655—659. Упом. 278, 292.

Каршавинъ, Никита Тимое., ямщикъ, 655.

Каршавицъ, Федоръ Вас., писатель, р. 1745 † 1812 г. Автобиографическая записка его 1788 г., 273—278. Замѣтки о его жизни, 278—280. Характеристика и отношенія къ жёнѣ и къ роднымъ, 281—290. Литературные труды его, 291—294. Замѣтка объ его родныхъ, 655—659.

Карлъ XI, король шведскій, 165, 166.

Карлъ XII, король шведскій, 166, 170, 454, 626.

Карлъ XIII, швед. король, 167.

Карлъ-Юаннъ XIV (маршалъ Бернадотъ), шведскій король. Принятіе имъ у себя императора Николая Павловича въ 1838 г., 165—173.

Карлъ Леопольдъ, герцогъ Мекленбургскій, дѣдъ императора Юанна Антоновича, р. 1678 † 1747 г. Біографическій и характеристическій очеркъ его, 1—25.

Карповъ, полковникъ, † 1807 г., 252.

Карповъ, генер.-лейт. 1818 г. Преданіе суду вмѣстѣ съ атаманомъ Денисовымъ, 1821 г., 702. Упом. 473, 475, 705.

Карповъ, Иванъ Кузьмичъ, поручикъ 1711 г., 627.

Карповъ, Никфоръ, купецъ, дровяной поставщикъ 1777 г., 152.

Карцовъ, полковникъ 1856 г., 223.

Карцовъ, Борисъ, подъячій 1705 г., 382.

Кастріото-Скандербежъ, Влад. Георгиевичъ. Письма къ нему А. С. Даргомыжскаго, 1848—1857 гг., 353—356; 565—574; 797—798. Упом. 339.

Кастріото-Скандербежъ, Вѣра Георгиевна см. Ушлакова.

Катамео, архитекторъ, 291.

Катенинъ, Александръ Анд., генер.-адъютантъ, командиръ Преображен. полка, потомъ товарищъ воен. министра и наконецъ оренбург. воен. генер.-губернаторъ, р. 1800 г., 223, 224.

Кантвартъ, лордъ, 318.

Каховскій, Александ. Мих., впоследствии генераль. Донось на него Линденера и арестъ его, ок. 1800 г., 414—415.

Каченовскій, Мих. Троф., писатель, профессоръ исторіи въ Московскомъ университетѣ. Отношенія къ нему Н. А. Полеваго, 660—662.

Кашкинъ, Евгенийъ Петр., генер.-аншефъ, генер.-губернаторъ тульскій и калужскій, р. 1738 † 1796 г., 386.

Калодъ-Перо, писатель, 291.

Кейзерлингъ, графиня, 59.

Кембриджскій, герцогъ, 1854 г., 313.

Керубини, композиторъ, 571.

Кивингъ, Александръ, 438.

Кинс, франц. писатель, 625.

Клиринова, Акулина Иван., 397.

Клиринова, Фекла Иван., рожд. Сухихъ-Голяницъ. Челобитная ея отца на ея свекра, 397—399.

Клириновъ, Вас. Иван. 397, 398.

Клириновъ, Ив. Степ., посадскій челоуѣкъ. Челобитная на него посад. челоуѣкъ. Сухихъ-Голяницъ 1747 г., 397—399.

Клрсановъ, полковникъ 1820 г., 474.

Клрхгеснеръ, музыкантъ, 831, 832.

Клоселевъ, гр. Пав. Дмит., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта и министръ госуд. имущества, р. 1788 † 1872 г. Остроты кн. А. С. Меншикова, 640, 643.

Клари, марсельскій банкиръ, тестъ короля шведскаго Карла XIV, 165.

Клауберъ, граверъ, 831.

Клейникъ, поручикъ 1822 г., 93.

Клейникхель, гр. Петръ Андр., ген.-адъютантъ, генер. отъ инфант., главноуправляющій путями сообщеній. Шутки и рассказы кн. А. С. Меншикова, 640, 644, 646, 647. Упом. 95.

Климентъ VIII, римскій папа, 626.

Клинтенбергъ, полковникъ, воспитатель пажескаго корпуса, 778, 789.

Клингеръ, генераль, начальникъ военно-учебныхъ заведеній, 777, 780.

Кловель, франц. маршалъ 1832 г., 504.

Клюви - фонъ - Клугемау, Францъ Карл., генер.-лейт., р. 1791 † 1850 г. Дѣйствія его на Кавказѣ, 1833—1835 гг., 545—554.

Клиперъ, штабъ-лекарь 1780 г., 155, 681, 676.

Кляжинъ, Яковъ Борис., писатель, р. 1742 † 1791 г., 875, 672, 677, 711.

Кобыля, Андрей Иван., родоначальникъ Захарьинныхъ и Романовыхъ, 455.

Кобылянский, отставной дорн. 1798 г., 234.

Кобяковъ, Иванъ, стольникъ. Командировка его для сбора налоговъ съ рѣбныхъ ловель и сопротивленіе рязанскихъ помѣщиковъ 1706 г., 381—383.

Ковалевскій, капитанъ 1835 г., 552.

Ковалевъ, Вас. Фед., управляющій фабрикой гр. П. А. Потемкиной 1816 г., 415, 431, 432, 434.

Ковшениновъ, Петръ, крестьянинъ, 391.

Кожихъ, генералъ. Ревизія его на Дону агамавскихъ дѣлъ и войсковой канцеляріи 1800 г., 238.

Ковлова, Елиз. Вас., рожд. Каржавина, 279.

Ковшовскій, Григ. Матв., президентъ коммерцъ-коллегіи. Воспитаніе имъ Потемкина-Таврическаго, 485—487.

Ковшовскій, Сергій Григ., сынъ предъидущаго, 486.

Ковшовъ, Гавр. Игнатьевъ, профессоръ живописи, 279, 285.

Ковшовъ, Ив. Ив., отрывки изъ писемъ къ нему А. И. Тургенева, 740 — 749. Упом. 556.

Колесъ, пасторъ, содержатель пансіона 1813 г., 775, 786.

Колокольцевъ, витебскій губернаторъ 1857 г. О запискѣ его о состояніи церквей и быта духовенства въ Витеб. губ., 446.

Колыско, одинъ изъ польскихъ революціонеровъ 1832 г., 593.

Коммиссаршевскій, пѣвецъ, 345.

Кондашовъ, москов. актеръ. Смерть его на сценѣ, 724—725.

Кондожди, Никол. Павл., коллеж. совѣтникъ 1784 г., 278, 285.

Кондратьевъ, Василій, крестьянинъ, 402, 403.

Кондырева, Дарья Вас. см. Потемкина.

Кони, Ф. А., водевильщикъ, 200.

Кониновичъ, ген.-майоръ 1798 г., 664.

Константинычъ Николаевичъ, великій вязь. Назначеніе Его Императорскаго Высочества Намѣстникомъ Царства Польскаго 1862 г., 141. Въѣздъ въ Варшаву, 617—620. Упом. 622.

Константинычъ Павловичъ, цесаревичъ. Расположеніе къ генералу Костенецкому, 410—411. Встрѣча императора Николая при возвращеніи его изъ Стокгольма 1833 г., 178. Упом. 614, 630, 732 738, 777, 782, 789, 790, 880.

Копырь, дѣвица, 566.

Корженевскій, поэтъ, 605.

Корнель, франц. писатель, 723.

Корниловъ, адмиралъ 1854 г., 308.

Коровинъ, Н. А. водевильщикъ, 200.

Корольковъ, капитанъ 1798 г., 832.

Корсаковъ, полковникъ 1786 г., 696.

Корсаковъ, генералъ 1854 г., 320.

Корфъ, ст.-дама императрицы Елизаветы, 525.

Корфъ, майоръ 1779 г., 59.

Корфъ, кѣнигсберг. министръ и канцлеръ 1790 г., 59.

Корфъ, офицеръ 1854 г., 306, 312, 315, 316, 317, 323, 324.

Корфъ, гр. Модестъ Андр., дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. совѣта. Ссылка на статью его о кончинѣ Анны Леопольдовны, 25.

Корфъ, бар. Пав. Ив., генер.-адъют., командиръ варшав. гвард. корпуса 1862 г. Забѣтка о немъ, 614—615.

Костенецкій, Вас. Григ., генер.-лейт., начальникъ артиллеріи отдѣльн. казак. корпуса, р. 1780 † 1831 г. Характеристическіе рассказы изъ его жизни, 407—413.

Костенецкій, Я. И. Сообщ. рассказы о В. Г. Костенецкомъ, 407—413.

Костомаровъ, Никол. Иванов., Сообщ. приѣзды сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ, 381—383.

Костромъ, стихотворецъ, 201.

Костюшко, Фаддей, предводитель польскихъ войскъ, 401, 603, 772.

Кость, швед. вице-адмиралъ 1838 г., 164.

Котляревскій, аудиторъ. Переименованіе въ прапорщикъ 1798 г., 832.

Котларевъ, домовладѣлецъ, 881.

Коцебу, сподвижникъ кн. М. Д. Горчакова 1855 г., 326.

Кочубей, гр. Викторъ Павлов., министръ внутрен. дѣлъ, председатель госуд. совѣта и комитета министровъ и

государствен. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., 759, 820.

Кошаварскій, витеб. мѣщанинъ 1798 г., 664.

Кошелевъ, коллеж. ассесоръ, костром. помѣщикъ 1798 г., 664.

Крѣбе, генер.-лейт. 1855 г., 325.

Краевскій, Андрей Александр., издатель «Голоса», 576.

Крамѣль, госпожа, 76.

Крамерь, писатель, 293.

Красинскій, гр. Сигизмундъ, польскій поэтъ. Выдержки изъ сочиненія его: «Небожественная комедія», 616 — 617. Упом. 605.

Красновъ, Николай Иван., полковникъ генеральн. штаба. Сообщ. объ атаманѣ войска Донскаго А. В. Иловойскомъ 1821 — 1827 г., 701 — 718.

Красовскій, генералъ 1855 г., 326.

Красовскій, Александръ Иванович., цензоръ, потомъ предсѣдатель комитета иностранной цензуры, † 1857 г. Цензурованная имъ «Исторія Россіи», составленная на армянскомъ языкѣ, 1836 г., 436 — 439.

Крѣшевскій, поэтъ, 605.

Крекишицъ, 405.

Кречетиниковъ, Мих. Никит., генер.-поручикъ, намѣстникъ тульскій, калужскій и рязанскій 1777 г., впоследствии генер.-аншефъ и главнокомандующій въ новоприосоединенныхъ отъ Польши областяхъ, † 1793 г., 386.

Крѣкшъ, Ив. Андр., рудокопщикъ 1774 г., 392.

Кровицкій, Мартынъ, ученый, 626.

Кроминцовъ, арестантъ, 526.

Кроненбергъ, Леопольдъ, варшав. банкиръ 1861 г., 129.

Крушевскій, офицеръ 1854 г., 317.

Крушовецкій, польск. генералъ 1831 г., 610.

Крушковскій, варшав. актеръ 1861 г., 140.

Крыжанковскій, комендантъ Петропавловской крѣпости, 644.

Крыловъ, Иванъ Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 510, 747, 821.

Крыловъ, Сергій Ильичъ, кам.-фурьеръ императора Павла, 733.

Крюднеръ, 301, 302.

Крюковскій, опекунъ с.-петерб. Воспитательнаго Дома 1782 г., 670, 673, 678.

Кузнецовъ, контръ-адмиралъ 1854 г., 300.

Кузольникъ, Несторъ Вас., литераторъ, 218, 342, 582.

Куликовъ, Никол. Иван., водевиллистъ, † 1874 г., 200.

Кульничковъ, Яковъ, ратманъ 1747 г., 399.

Кумани, офицеръ 1854 г., 307.

Куракинъ, кн. Алексій Борис., ген.-прокуроръ, р. 1769 † 1829 г., 421.

Курбаловъ, 279.

Курнаковъ, полковникъ 1799 г., впоследствии генералъ-майоръ, 38, 42, 48, 249, 251.

Курта, гр. Дмитрій Дмитр., генер. отъ инфантеріи, † 1838 г., 176.

Кутейкинъ, Дмитрій Ефимов., донской генералъ-майоръ 1808 г., впоследствии генер. отъ кавал. в войсковой наказной атаманъ, р. 1827 † 1836 г. Назначеніе донск. атам. 714, 717. Упом. 459, 475, 702, 708, 706, 713.

Кушелевъ, домовладѣлецъ 1798 г., 451.

Кушелевъ, графъ, 831.

Кушелевъ, генер.-адъютантъ, производство его въ вице-адмирала 1798 г., 663. Упом. 831.

Кушнеревъ, полицейскій комиссаръ 1777 г., 151.

Кюм, музыкальный критикъ, 807, 809.

Кюхельбевель, Вильгельмъ Карлов., декабристъ, поэтъ, р. 1797 † 1846 г., 731.

Л.

Лаваль дюкъ Монморанси, генералъ-лейтенантъ 1798 г., 832.

де-Лави, Генрихъ, домашній учитель, † 1770 г., 274, 279.

Лаврентьевъ, Ив., крестьянинъ 1774 г., 391.

Лаврентьевъ, от. Михаилъ, москов. священникъ 1818 г., впоследствии настоятель Московскаго Богоолаженскаго монастыря, † 1850 г., 817.

Лавровъ, офицеръ 1854 г., 313.

Лавровъ, Андрей, священникъ 1788 г., 158.

Лазаревъ, Лазарь Акимов., полковникъ, † 1871 г., 639.

Ламура, франц. купецъ, 278.

Ламбъ, Ив. Варсоломеев., генер. отъ инфант., вице-президентъ военной коллегии, † 1801 г., 243, 415. (ошибкою въ «Р. С.» назв. Лумбъ и Ламбъ).

Ламбертъ, гр. Карлъ Карл., намѣстникъ Царства Польскаго 1861 г. Записки объ его управленіи, 220—225. Упом. 124, 126, 127, 132, 133, 144.

Ламоттъ, графиня, 75, 76.

Лангенбергъ, докторъ 1862 г., 143.

Ланденштейнъ, актеръ нѣмецкой группы 1814 г., 729.

Ланжеронъ, гр., генералъ 1806 г., 466.

Ланская, Ол. Степ. см. кн. Одоевская.

Ланской, генер.-майоръ 1834 г., 547, 549.

Ланской, Александръ Дмитр., фаворитъ Елизаветы II, генер.-поручикъ, генер.-адъютантъ, р. 1768 † 1784 г., 690.

Ланской, Вас. Серг., правитель Варшавскаго герцогства 1813—1815 г., потомъ управляющій министерствомъ внутрен. дѣлъ, 447, 448.

Лантевъ, фельдфебель 1820 г., 106.

Ланшинъ, купецъ 1798 г., 452.

Ласовскій, музыкантъ, 569.

Лассеръ, крестъ, 274.

Ласоки, Янъ, ученый, 636.

Лафайетъ (Gilbert Mathier marquis de Lafayette), р. 1757 † 1834 г., франц. генералъ, 607.

Лафатеръ, ученый, 58, 78.

Лафонъ, франц. актеръ 1845 г., 350.

Лебедевъ, полковникъ 1856 г., 223.

Лебизнъ, Павелъ, кузнецъ 1774 г., 391.

Левандовскій, варшавскій капельмейстеръ 1861 г., 140.

Левассеръ (Levasseur), пѣвецъ, 347.

Левенвольде, гр. Карлъ-Густавъ, генер.-адъютантъ, об.-штабмейстеръ, посылъ при разныхъ европейскихъ дворахъ, † 1735 г., 3.

Левенгауптъ, гр., камергеръ швед. короля Карла XIV, 1838 г., 170.

Лелевель, профессоръ, историкъ, предсѣдатель клуба въ Варшавѣ 1831 г., 610.

Лежанъ, содержатель балагана 1836 г. Описание пожара въ его балаганѣ, 828—829.

Лежскій, Д. Т., водевиллистъ. Стихи его въ альбомъ В. В. Самойлова, 206—208. Упом. 200, 204.

Леонардъ, скрипачъ, 801, 805, 806.

Леонковъ (Шарпантье), оперн. пѣвецъ, 199.

Леонтьевъ, Ив., подъячій 1706 г., 382.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ, р. 1814 † 1841 г. Стихи его въ альбомъ Н. И. Поливанова и рассказъ объ его университетской шалости 1831 г., 812—814.

Лескингъ, нѣмец. ученый XVIII ст., 58, 67.

Ли, содержатель музыкальнаго магазина, 355, 356.

Ливенъ, баронъ, флиг.-адъютантъ, полковникъ 1838 г., 161.

Ливенъ, кн. Христофоръ Андр., ген.-адъютантъ, генер. отъ инфант., посолъ въ Берлинъ и Лондонъ, потомъ членъ госуд. совѣта, р. 1773 † 1838 г. Путешествіе его въ свѣтъ Государя Наслѣдника въ Стокгольмъ 1838 г., 160—173.

Ливенъ, кн. Шарлотта Карл., рожд. Поссе, ст.-дама, воспитательница великихъ князей, дочери императ. Павла. р. 1743 † 1828 г., 451.

Лидерсъ, Александръ Никол., намѣстникъ Царства Польскаго. Его дѣятельность во время венгерской кампаніи 1849 г., 125. Командованіе крымскою арміею и отставка, 126. Назначеніе главнокомандующимъ арміею и исправляющимъ должность варшав. намѣстника, 126. Первыя распоряженія въ Варшавѣ, 127—129. Восьми мѣсячное управленіе Варшавой, 134—135, 137—140, 143—145. Отозваніе въ Петербургъ, 140—141. Покушеніе на его жизнь, 142—143. Пожалованіе графомъ, 144. Записки по поводу его управленія Варшавой, 176, 179, 180, 181, 186, 187, 188, 191, 192. Упом. 300, 617, 618.

Лилленсмиольдъ, полковникъ, датскій гоф-интендантъ 1794 г., 763, 767.

Лилленфельдъ, Карлъ, камергеръ, участникъ въ дѣлѣ Лопухиной, † 1759 г., 400.

Ланденеръ, Довошь его на А. М. Каковскаго и А. П. Ермолова, ок. 1800 г., 414.
 Липовскій, поручикъ 1798 г., 882.
 Липранди, генер. отъ инфант. О назначеніи его членомъ военнаго совѣта въ 1861 г., 222. Упом. 309, 313, 316.
 Лисмантусъ, Францъ, ученый, 626.
 Листъ, знаменитый композиторъ, 642.
 Литвинъ, содержатель учебн. заведенія, 486.
 Литта, гр. Екат. Вас. см. Энгельгардтъ.
 Лихачева, Дарія Александр., рожд. Потемкина, 486.
 Лобановъ, писатель и переводчикъ 1810-хъ г., 723.
 Лобановъ, танцовщикъ. Приключеніе съ нимъ, 725—726.
 Логиковъ, коллежскій регистраторъ 1798 г., 284.
 Ложковосовъ, Мих. Вас., академикъ, писатель, р. 1711 † 1765 г., 284, 659.
 Лонгиновъ, Мих. Никол. Ссылка на его сочиненія, 68.
 Лопухина, Евдокія Федоровна см. царица Евдокія Федоровна.
 Лопухина, Нат. Федр., рожд. Балкъ, р. 1699 † 1768 г., статья-дама. Замѣтки по поводу дѣла объ ея заговорѣ, 400—401. Упом. 12.
 Лопухинъ, Абрамъ Фед., 436.
 Лопухинъ, Ив. Степ., подполковникъ, † 1760-хъ г. Возвращеніе его изъ ссылки 1762 г., 400.
 Лорекъ, капитанъ 1778 г., 279.
 Лотто, брисельскій скрипачъ, 806.
 Лубенскій, гр. Константинъ, августовскій епископъ, 136.
 Лубинскій, польскій генералъ 1831 г., 172.
 Лужьяновъ, донской атаманъ 1706 г., 704.
 Луръ, варшавскій кондитеръ 1862 г., 619.
 Лутковскій, полковникъ 1838 г., 163.
 Лучевская, поэтесса, 605.
 Львовъ, композиторъ, 567.
 Львовъ, генералъ, командиръ передоваго корпуса 1807 г., 263.
 Львовъ, флиг.-адъютантъ 1838 г., 162.

Львовъ, Никол. Александр., писатель, 235.
 Львовы, орловскіе помѣщики 1787 г., 628.
 Любелъчикъ, Якубъ, ученый, 626.
 Любелъная, NN Ив., рожд. Егорова, 479.
 Любелъскій, революціонеръ 1831 г., 610, 623.
 Любелъскій, князь, членъ государственнаго совѣта 1844 г., 642.
 Любелъскій, генер.-майоръ 1821 г., 479.
 Любчанкиновъ, отставной бригадиръ, 1805 г., 248.
 Людовикъ XV, король франц., 278.
 Людовикъ XVI, франц. король, 169.
 Людовикъ Альбертъ, глава сорбонскихъ богослововъ, 439.
 Лютомирскій, Станиславъ, ученый, 626.

М.

Мавросъ, курьеръ 1855 г., 325, 327.
 Магдалина, эрцгерцогиня австрійск., 2.
 Магю, Петръ, берейторъ, 234.
 Мадатовъ, кн. Валеріанъ Григор., ген.-лейтенантъ, р. 1782 † 1828 г., 463.
 Маевскій, польскій революц. 1861 г., 609.
 Мазепа, Ив. С., малороссійск. гетманъ. Письмо его С. П. Неплюеву, 627—628.
 Мазинъ, романсикъ, 350.
 Майеръ, актриса, 352.
 Майзелъсъ, еврейск. раввинъ. Арестъ его 1861 г., 128.
 Майковъ, Апполонъ Александр., директоръ с.-пб. театровъ 1822 г., 722, 724, 733.
 Майковъ, В. И., писатель, 498.
 Майковъ, Л. Н. Сообщ. бумаги изъ архива С. Г. Воборыкина, 627—628.
 Макаровъ, генералъ 1796 г., 420, 422.
 Макаровъ, М. Н. Упом. 68.
 Маждональдъ, начальникъ французскихъ войскъ 1799 г., 31.
 Мажовъ, Л. С. Сообщ. замѣтку объ открытой имъ статуетки XVIII в. Петра Великаго 401—402.
 Мажонковъ, Алексѣй Мих., драматическій артистъ, 198, 200.
 Малиновскій, архимандр. монастыря св. Саввы Вишерскаго, 119—120.

Маллиновскій, секретарь преосвященнаго Августина 1819 г., 817.

Маловъ, профессор Московск. университета. Шалость Лермонтова 1831 г., 814.

Мамедъ-мирза, 550.

Мамонова, см. царевна Прасковія Ивановна.

Мамоновъ, мужъ царицы Прасковьи Ивановны, † 1730 г., 26.

Манвелова, княгиня, пѣвица, 344.

Мансуровъ, генералъ 1799 г., 39.

Манштейнъ, подполковн., адъютантъ фельдмаршала Миниха, составитель записокъ о Россіи, 533.

Маріо, пѣвецъ, 487.

Марія Александровна, дочь князя Тверскаго Александра Михайловича, 436.

Марія Николаевна, вел. княгиня, 199.

Марія-Терезія, императрица, 607.

Марія Федоровна, императрица. Воспоминанія о ней П. М. Дарагана, 781—796. Упом. 555.

Маршовъ, прапорщикъ 1798 г., 663.

Маркусъ, лейбъ-медикъ. Шутка съ нимъ артиста Василія Васил. Самойлова, 215—217.

Мармонъ, главнокомандующій французскою арміею, 601.

Мартошъ, Ив. Петр., дѣйствит. стат. совѣтъ, скульпторъ, ректоръ Академіи Художествъ, р. 1753 † 1835 г., 664.

Мартыновъ, генер., командиръ 1-го Измайловскаго полка 1825 г., 782.

Мартыновъ, генер.-лейтенантъ. Назначеніе исправляющимъ должность войсковаго донскаго атамана 1807 г., 252.

Мартыновъ, Александръ Евстаф., драматическій актеръ, † 1860 г., 200, 213.

Мартыновъ, Ив. Ив., директоръ департамента министерства народн. просвѣщенія 1810 г., 584.

Мартыновы, помѣщики, 474.

Марциановичъ, отставн. прапорщикъ 1798 г., 236.

Марчелли, иезуитъ, авторъ брошюры: «Compendio della vita e degli di Guiseppe Balsamo, il dinominate conte Cagliostro», 52, 53, 77.

Марченковъ, Фома, крестьянинъ, 403.

Массонъ, 482.

Матѣева, служанка, 630.

Матѣевъ, слуга, 630.

Матѣевъ, капитанъ 1822 г., 94.

Матіевъ, от. Симеонъ, священникъ при посольствѣ въ Парижъ 1774 г., 288.

Матушевскій, поэтъ, 605.

Мауреръ, музыкантъ, 571.

Маурджи, маркизъ, 53.

Машневскій, польскій революц. 1861 г., 609.

Машкинина, NN Ив., рожд. Егорова, 479.

Машлыкинъ, Никаноръ Акимов., хорунжій войска донскаго 1821 г., 479.

Машлыкинъ, Якимъ Васил., донской войскаго старшина 1821 г., 702, 706.

Мегюль, композиторъ, 209.

Медемъ, графиня, 59.

Медемъ, графиня см. фонъ-деръ-Резе.

Медемъ, митавскій помѣщикъ 1779 г., 60, 61, 63.

Мезенцовъ, курьеръ 1854 г., 305.

Межендорфъ, 186, 194.

Межендорфъ, поручикъ 1798 г., 232, 302.

Межерберъ, композиторъ, 343, 346.

Мейгардтъ, музыкантъ, 342.

Меласъ, главнокомандующій австрійскихъ войскъ 1799 г., 40.

Мелкосио, Ив. Ив., оберъ-прокуроръ синода 1763 г., потомъ кураторъ москов. университета, 491.

Мельгуновъ, Алексій Петр., дѣйств. тайн. сов., ярославской и вологод. генер.-губернаторъ, 386.

Менделсонъ, нѣмец. ученый XVIII столѣтія, 58.

Менделсонъ, композиторъ, 351, 352, 803.

Мендова де-Бутелла, графъ, отставной полковникъ 1798 г., 890.

Меншикова, кн. Дарья Мих., рожд. Арсеньева, † 1728 г. Описаніе ея могилы, 395—396.

Меншиковъ, кн. Александръ Данил., генерал-искусникъ, президентъ военной коллегіи, сенаторъ, членъ верховн. тайнаго совѣта и с.-петербург. ген.-губернаторъ

р. 1678 † 1729 г. Семья и смерть жены, 395—396. Упом. 9, 176.

Меншиковъ, кн. Александръ Серг., адмиралъ, ген.-адъютантъ, финлянд. ген.-губернат., главнокомандующій войсками въ Крыму и членъ государствен. совѣта, р. 1787 † 1869 г. Письма его къ кн. М. Д. Горчакову о севастопольской оборонѣ, 174—196; 298—328. Анекдоты, шутки и остроты его, 638—652. Упом. 261, 173, 396.

Мерляковъ, Алексѣй Фед., профессоръ Московскаго университета, поэтъ и критикъ, р. 1778 † 1830 г., 584.

Мернеръ, генер.-адъютантъ шведскаго короля 1838 г., 164.

Мерхилевичъ, намѣстникъ Царства Польскаго 1861 г., 144.

Мессеръ, адмиралъ 1853 г., 177, 300, 302.

Меттернихъ, кн., герцогъ Партелла, австрійск. государствен. канцлеръ, р. 1773 † 1859 г., 616.

Мещерокинъ, кн. Петръ Серг., оберъ-прокуроръ синода 1826 г., 819.

Миллеръ, полковой докторъ 1824 г., 101.

Милорадовичъ, гр. Григ. Александр., флиг.-адъютантъ. Заявление его о присылкѣ матеріала къ жизнеописанію гр. Михаила Андреевича, Милорадовича, 662.

Милорадовичъ, гр. Мих. Анд., с.-петербург. военный губернаторъ, † 1825 г. Участіе въ кампаніи 1808 г., 460, 461, 462. Раненъ 14-го декабря, 738, 735. О матеріалахъ для его біографіи, 662.

Милославская, Марія, 26.

Мильновскій, капитанъ 1824 г., 111.

Милютинъ, Дмитрій Алексѣев., воен. писатель, историкъ и воен. министръ, 28, 30, 32, 38, 40.

Милютинъ, Никол. Алексѣев., членъ госуд. совѣта, дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ, † 1872 г., 223, 224.

Миницкій, командиръ Архангельскаго порта 1822 г., 97.

Минихъ, гр. Христофоръ Серг., тайн. совѣтникъ, 365.

Минихъ, гр. Эрнестъ-Густавъ, генер.-майоръ, † 1812 г., 147, 360, 361.

Микрокекель, маркизь, 74.

Мирославскій, Людвигъ, поэтъ. Вліяніе его лекцій на польскіхъ революціонеровъ, 609—612. Упом. 136, 605, 822.

Михайлъ Николасевичъ, вел. князь. Поѣздка его высочества въ Стокгольмъ 1838 г., 160—173. Упом. 323.

Михайлъ Павловичъ, великій князь. Манifestъ объ его рожденіи, 234—235. Назначеніе шефомъ гвард. артил. баталіона, 235. Церемоніалъ крестинъ, 451. Заимѣчаніе о кн. А. С. Меншиковѣ, 638. Упом. 305, 662, 735, 770, 773, 789, 790, 792.

Михайлъ Федоровичъ, царь, р. 1596 † 1645 г., 454.

Михайловская, пѣвица, 809.

Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ив., генер.-лейт., воен. писатель. Указаніе на его свидѣтельство о Костенецкомъ, 407. 409. Шутка о немъ А. С. Меншикова, 641.

Михайловъ, Иванъ, крестьянинъ, 533.

Мицкевичъ, Адамъ, польскій поэтъ. Статья о томъ, какъ и въ какое время писался «Панъ Тадеушъ», 592—599. Выдержки изъ сочиненія его «Księgi narodu polskiego», 603, 606—608, 611, 624—625. Упом. 615.

Мицкевичъ, Владиславъ. Характеристика маркиза Велопольскаго, 631. Упом. 611.

Мицке, франц. писатель, 625.

Молдавандинъ-паша, верховн. турецкій визирь 1769 г., 494.

Моллеръ, Иванъ Иван., стат. совѣтникъ, оберъ-директоръ с.-петербург. Воспитательнаго Дома 1772 г. Свидѣвія о немъ и слѣдствіе по обвиненію въ растратѣ суммъ Воспитательнаго дома 1782 г., 673—677. Упом. 154, 156.

Моллеръ, писатель, 327, 606, 608, 612, 616.

Моллеръ, генералъ 1854 г., 316.

Монастрели, венгер. дворянинъ. Пожалованіе его въ надворные совѣтники 1798 г., 232 г.

Монастрели, Петръ. Пожалованіе его титулярнымъ совѣтникомъ 1798 г., 232.

Монталамберъ, Шарль, 593.

Монтескье, франц. писатель, 76.

Монюшко, композиторъ, 569, 799.

- Морандъ, журналистъ, издатель франц. листа «Comptier de l'Europe», 77, 78.
- Мордвиновъ, Мих. Иван., генер.-инженеръ 1778 г., 154.
- Моренгеймъ, баронесса, 629, 632.
- Моро, французскій маршалъ, 31.
- Москвитинъ, штабн. врачъ 1864 г., инжн. профессоръ, 636.
- Москвитинъ, купецъ, 279, 282.
- Мохначевскій, варшав. агитаторъ 1831 г., 601.
- Моцартъ, композиторъ, 351.
- Мощинскій, графъ, 71, 72, 73.
- Музовскій, законоучитель велик. кн. Александри Федоровны, 787.
- Мунго-Паризъ, англ. мореплаватель 1798 г., 452.
- Муравьевъ, Мих. Никит., сенаторъ, товарищъ мин.—ра народн. просвѣщ., попечитель москов. университета, р. 1757 + 1807 г., 381.
- Муравьевъ, гр. Мих. Никол., генер. отъ инфант., мин.—ръ госуд. имуществъ, генер.-губернаторъ въ Западномъ краѣ, р. 1796 + 1866 г., 606.
- Мусоргскій, Модестъ Петр., 340.
- Мухаммедъ, белоканскій мулла 1834 г., 546.
- Мыслъ-Мицельскій, польскій генералъ 1832 г., 593.
- Мышловскій, Иосифъ - Владиславъ, + 1727 г., 626.
- Мышловскій, Петръ, епископъ краковскій, 626.
- Мышловскій, Сигизмундъ, маркизъ Мировскій 1596 г., 626.
- Мюльгоферъ, учитель въ Вѣнѣ, 367.
- Мясниновъ, Иванъ, коллежскій ассесоръ, владѣтель мѣдиплавильныхъ заводовъ 1774 г. Разореніе заводовъ Пугачевымъ, 541—543.
- Мясниновъ, владѣтель Бѣлорецкаго завода 1775 г., 394.

Н.

- Н.—вичъ, А. Л., секретарь директора с.-петерб. театровъ, 214.
- Назарій, игуменъ Валаамскаго монастыря 1798 г., 422.

- Назиковъ, штабсъ-капитанъ 1831 г., 172.
- Наполеонъ I, 251, 313, 406, 423, 454, 457, 468, 469, 559, 560.
- Наполеонъ III, 609, 647, 648.
- Нарышкина, Александра Кирил. см. гр. Воронцова-Дашкова.
- Нарышкина, Марія Алексѣев., рожд. Свияжска, ст.-дама, р. 1762 + 1822 г., 791.
- Нарышкина, Наталья Кирил. см. царица Наталья Кирилловна.
- Нарышкинъ, Дмитрій Львов., обер-камергеръ, р. 1764 + 1838 г., 819.
- Нарышкинъ, Кирилла Александров., оберъ-гофмейстеръ, членъ госуд. совѣта, р. 1786 + 1838 г., 791.
- Нарышкинъ, Левъ Александр., оберштаймейстеръ, р. 1733 + 1779 г., 514, 515.
- Нарышкинъ, Левъ Кирил., дѣйств. стат. совѣт., р. 1808 + 1855 г., Разсказъ о немъ, 647—648.
- Насоновъ, С. Н., главный надзиратель московскаго Воспитательнаго Дома, 370.
- Нассау-Фришланская, принцесса София-Гедвига, первая жена мекленбургск. герцога Карла-Леопольда, 1, 10.
- Наталія Кирилловна, царица, жена Алексѣя Михайловича, рожд. Нарышкина, р. 1651 + 1694 г., 26.
- Неврасовъ, Н. А. Стихотвореніе: кн. М. Н. Волконская, 825 — 827. Упом. 200.
- Неледжицкій-Мелецкій, стат. сов. 1798 г., 233.
- Нелидова, Варв. Аркад., кам.-фрейлина, 792, 794.
- Нелидова, Марья Вас. см. гр. Адлербергъ.
- Нелидовъ, Алексѣй Андр., капитанъ 1760 г., 400.
- Нелидовъ, Аркадій Аркадьевъ, 792.
- Немосевскій, польскій революціонеръ 1831 г., 610.
- Неповойчицкій, начальникъ штаба 1853 г., 176.
- Неплюевъ, оренбургскій губернаторъ 1744 г., 543.
- Неплюевъ, Семенъ Александр., орлов. наместникъ, впоследствии сенаторъ и дѣйств.

тайн. сов. Письмо къ нему в. кн. Павла Петровича 1787 г., 728.

Неплюевъ, Семенъ Протас., сериух. воевода при Петрѣ Великомъ. Письмо къ нему И. С. Мазенин, 627—628.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас. (Карлъ-Робертъ), госуд. канцл., р. 1780 † 1862 г., 644, 649.

Неустроровъ, А. Н. Занимствовавшимъ изъ его «Описанія русскихъ поврежденныхъ изданій и сборниковъ» замѣтки, 226—230.

Нейловъ, подпоручикъ 1807 г., 105.

Нидермейеръ, композиторъ, 349.

Ниваноръ, іеромонахъ, 535.

Нивитинъ, гр. Алексѣй Петр., генер. отъ кавалеріи, инспекторъ резервной части 1850 г., 223.

Николаи, герман. ученый XVIII ст., 58.

Николаи, Фридрихъ, берлин. книгопродавецъ 1787 г., 67.

Николай Николаевичъ, велик. князь. Поѣздка его имп. высоч. въ Стокгольмъ, 1838 г., 160—173. Упом. 323.

Николай Павловичъ, императоръ. Бракосочетаніе и первые годы супружеской жизни, 786. Возмущеніе 14-го декабря, 782—783, 782. Награжденіе Н. М. Карамзина, 564. Докладная записка А. В. Иловайскаго 1826 г., 704—708. Объяснительная записка А. И. Чернышева, 709—713. Резолюція объ Иловайскомъ, 713. Распоряженіе объ исправленіи храмовъ въ Волынской губерніи 1831 г., 446. Награжденіе генерала Костенецкаго, 413. Поѣздка въ Стокгольмъ 1838 г., 160—173. Покровительство В. В. Самойлову, 197, 203, 214—217. Награжденіе Лидерса 1849 г., 126. Письмо къ кн. А. С. Меншикову 1854 г., 320. Характеристика, 793—796. Упом. 323, 415, 439, 447, 649, 662, 702, 746, 770, 773.

Никоновъ, Феклисть, кузнецъ 1774 г., 398.

Новиковскій, Фердинандъ. Арестъ его въ 1861 г., 128.

Новиковъ, Никол. Иван, глава моск. мартинистовъ, р. 1744 † 1818 г. Исключеніе его изъ университета, 488.

Новицкій, слуга, 630, 631.

Новосильцевъ, гр. Никол. Николаев., дѣйств. тайн. совѣтн., попечитель виленскаго университета, р. 1761 † 1838 г., 331.

Нолле, аббатъ, 296.

Норбергъ, упсальскій проф. 1781 г., 73.

Нормаждесъ, испанскій посланникъ въ Петербургъ 1779 г. Изобличеніе самозванца Калиostro, 65.

Нормаиъ, коллеж. совѣт. 1771 г., 674.

Норовъ, Авраамъ Сергѣев., тайн. сов., путешественникъ по востоку и писатель. Назначеніе его министромъ народн. просвѣщенія и острога по этому поводу кн. А. С. Меншикова, 645. Упом. 223.

Оберъ, композиторъ, 343, 350, 809.

Оглоблинъ, прапорщикъ 1796 г., 236.

Огожовская, дѣвица, 130.

Оде-де-Сюиъ, французскій эмигрантъ, полковникъ, инспекторъ Пажескаго корпуса, 777.

Одоевская, кн. Ольга Степановна, рожд. Ланская, 820, 821.

Одоевскій, кн. Александръ Ивановичъ, декабристъ, поэтъ, р. 1804 † 1839 г. Записка о немъ П. А. Каратыгина, 731, 736.

Одоевскій, кн. Владиміръ Ѳеодоровичъ, сенаторъ и писатель, издатель «Мнемозины», 344, 820, 821.

Одынецъ, другъ Мицкевича. Отрывки изъ писемъ къ нему Мицкевича, 595, 596, 597, 599. Упом. 605.

Оверецковскій, Николай, 331.

Оверовъ, состоявшій при кн. А. С. Меншиковѣ 1853 г., 176, 181, 182.

Оверовъ, писатель, 721.

Ожорковъ, В., содержатель типографіи 1791 г., 226.

Ожерлопи, офицеръ 1854 г., 310, 316.

Ожештиерна, баронъ, швед. сановникъ 1838 г., 170.

Олесницкіе, владѣтели Пичова, 625.

Ольдридъ, Айра, африканскій трагикъ. Письмо его къ В. В. Самойлову, 203. Упом. 202.

Ольгердъ, великій князь Литовскій, 455.

Ожеръ-паша, командующій турецкими войсками 1855 г., 181, 187, 190, 192, 301, 314, 315, 320, 324, 327, 328, 636.

Опочкинъ, А. П., 368.

Опперманъ, инженер-полковникъ 1798 г., 831.

Оранскій принцъ, 114, 274.

Орлова, кн. Екат. Никол., рожд. Виновлева, 508.

Орловъ, гр. Алексѣй Фед. (впослед. князь), генер. отъ кавалеріи, генер.-адъютантъ, председатель госуд. совѣта и ком.—та министровъ, † 1861 г. Поѣздка его съ государемъ въ Стокгольмъ 1838 г., 162—173. Упом. 302, 644.

Орловъ, Вас. Петр., генер. отъ кавалеріи, войсковою дожкой атаманъ 1799 г. Призваніе на службу атамана Денисова въ Черкасскъ, 238. Распоряженіе о сформированіи полковъ изъ военныхъ казаковъ для экспедиціи въ Индію, 289. Распоряженіе о ропускѣ казацкихъ войскъ по домамъ, 242. Назначеніе А. К. Денисова депутатомъ для поднесенія императору Александру I поздравленія отъ войска донскаго съ вступленіемъ на престоль, 242. Упом. 49.

Орловъ, кн. Григ. Григ., генер.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 † 1783 г. Возвышеніе его, вліяніе на императрицу и роль при ея дворѣ, 489—490, 496. Усиженіе мятежа въ Москвѣ 1771 г. и торжественное возвращеніе въ Петербургъ, 497—498. Паденіе, 499—501. Женитьба, 508, 509, 512. Смерть, 690—691. Упом. 492.

Орловъ, Савва, поручикъ 1774 г., 391, 392.

Орловъ-Денисовъ, гр. Вас. Вас., генер. отъ кавалеріи, генер.-адъютантъ, р. 1780 † 1843 г., 306, 307, 452.

Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ., генер.-аншефъ, р. 1737 † 1808 г. Могущество его, 491, 496.

Орломы, помѣщики, 474.

Осипова, Ивашъ, рудокопчикъ 1774 г., 391.

Осмаръ, швед. наслѣд. принцъ 1838 г., 164, 165, 167.

Османъ-паша, турецкій паша 1771 г., 500.

Остенъ-Савенъ, гр. Дмитр. Ерофьев., генер.-адъютантъ, генер. отъ кавалеріи,

начальникъ севастопольскаго гарнизона 1855 г., 298, 314, 316, 317, 328, 412.

Остерманъ-Толстой, гр. Александръ Ив., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, 121.

Остерманъ, Іоаннъ-Дитрихъ, наставникъ дочерей Іоанна Алексѣевича, впослед. тайн. сов. и мекленбург. посланникъ при русскомъ дворѣ, 13, 18, 20.

Островскій, варшав. актеръ 1861 г., 140.

Островскій, Александръ Николаевичъ, знамен. драматургъ, 201.

Офенбергъ, баронъ, офицеръ 1854 г., 314.

Охнугузъ, Бернардь, ученый. 626.

Ошторпъ, минскій губери. предвод. дворянства, 401.

II.

Павелъ I, императоръ. Письмо къ С. А. Неплюеву 1787 г., 628. Вступленіе на престоль, 772. Отставленіе отъ службы Багговута, 773. Отвѣтъ стат. сов. Ширия, 820. Освобожденіе монаха Авеля изъ Шлиссельбургской крѣпости 1796 г., 421. Милости къ М. Ф. Каменскому, 406. Приказаніе заключить от. Авеля въ Петропавловскую крѣпость 1798 г., 422. Донесенія Суворова о переходѣ черезъ Альпы 1799 г., 48, 49. Упом. 169, 250, 280, 282, 401, 405, 414, 415, 426, 456, 483, 491, 499, 687, 781, 815.

Павелъ, востромской архіепископъ при Екатеринѣ II, 419.

Павлова, пѣвица, 344.

Павловъ, офицеръ 1854 г., 316.

Павловъ, Никол. Филин., писатель. О повѣсти его «Ятаганъ», 662.

Павлуцкій, отставной военный врачъ. Разсказъ его о контузіи Паскевича 22 мая 1854 г., 634—637.

Фонъ-деръ-Паленъ, гр. Петръ Алексѣев. (Петръ-Людвигъ), губернаторъ лифлянд., эстлянд. и курляндскій, потомъ генер. отъ кавалеріи и с.-петербург. воен. губернаторъ, наконецъ первоприсутствующій въ коллегіи иностр. дѣлъ и главный директоръ почты, р. 1745 † 1826 г. Командованіе войсками въ кампаніи 1808 г., 460. Упом. 125, 831.

Палладіо, архитекторъ, 291.
 Памфиловъ, опекунъ с.-петерб. отдѣленія Воспитательнаго Дома 1779 г., 686.
 Памфиловъ, Ив. Иван., духовникъ императрицы Екатерины II, 1788 г., 158, 361.
 Панаевъ, Ив. Ив., литераторъ, 580.
 Панинъ, издатель сочиненій Лермонтова, 812.
 Панинъ, гр. Никита Ив., дѣйств. тайн. сов., первоприсутств. въ коллегіи иностр. дѣлъ, сенаторъ и воспитатель вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г. Вліяніе его на императрицу Екатерину II, 492, 493, 496, 499, 500, 501, 503, 690, 691, Упом. 147, 280, 360, 361, 404.
 Панинъ, гр. Петръ Иван., генер.-аншефъ и сенаторъ, р. 1721 † 1789 г. Усмненіе Пугачевщины, 503. Письмо его съ отказомъ отъ почетнаго благотворительства по Воспитательному Дому 1778 г., 363—364.
 Парадай, поручикъ 1798 г., 452.
 Паскевичъ-Эриванскій, гр. Ив. Фед., фельдмаршалъ, наиѣстникъ Царства Польскаго, † 1866 г. Разсказъ о томъ, какъ онъ былъ контуженъ 22-го мая 1854 г., 634—637. Упом. 112, 126, 303, 328, 623, 703.
 Пассежъ, Петръ Богданов., ген.-адъютантъ, могилев. губернаторъ, потомъ бѣлорусскій генер.-губернаторъ 1782 г., 483.
 Патвулъ, флиг.-адъютантъ императора Николая, 215, 217.
 Патти, Аделина, пѣвица, 723.
 Паули, Григорій, ученый, 626.
 Паху-бикъ, аварійская ханша 1834 г., 546.
 Пезарскій, Петръ Петр., академикъ, дѣйств. ст. сов., р. 1828 † 1872 г. Ссылка на его сочиненія, 68.
 Переверевъ, Никаноръ Иванов., костром. житель 1815 г., 430.
 Перичъ, поручикъ 1798 г., 663.
 Перовскій, гр. Левъ Алексѣев., генер. отъ инфантеріи, министръ удѣловъ и управляющій кабинетомъ его величества, р. 1794 † 1856 г. Его популярность въ средѣ народа, 641. Упом. 645, 742.
 Перрье, Казиміръ, 607.
 Персиани, пѣвица, 347.

Петрунжъ, мекленбургскій министръ 1716 г., 16.
 Петровъ, Вас. Петр., р. 1736 † 1799 г., библиотекарь Екатерины II, 496.
 Петровъ, О. А., пѣвецъ, 212.
 Петровъ, П. Н., 293.
 Петровъ, Яковъ, плотникъ, 391.
 Петръ Великій, императоръ. Пришѣры сопротивленія его власти 1706 г., 381—388. Указъ бѣлгородскому коменданту 1711 г., 627, 663. Распоряженія по дѣлу о бракѣ племянницы Екатерины Иоанновны съ мекленбургскимъ герцогомъ Карломъ-Леопольдомъ и отношенія къ герцогу, 1—26. Свидѣтельство армянскаго историка, 438—439. О статуэткѣ Петра, 401—402. Упом. 396, 405, 408, 483, 523, 527, 535, 538, 694, 697, 704.
 Петръ II, императоръ, † 1780 г., 26, 458, 531, 532.
 Петръ III, императоръ. Возвращеніе изъ ссылки Ивана Ст. Лодухина 1762 г., 400. Упом. 26, 456.
 Пецъ, содержатель музыкальнаго магазина, 355.
 Пиперъ, гр., швед. камергеръ, 1838 г., 164.
 Писаревъ, майоръ 1824 г., 104.
 Пшемскій, Яковъ Михѣев., майоръ. Договоръ Сипагина о продажѣ ему трехъ дѣвокъ 1760 г., 399—400.
 Плавильщикъ, актеръ, 721.
 Плавильщикъ, издатель и книгопродавецъ, 280, 291, 292, 293, 297.
 Платеръ, вице-адмиралъ 1838 г., 162.
 Платеръ, гр. Цезарь, одинъ изъ революціонеровъ 1832 г., 593.
 Платова, Анна Матв. см. Жариткова.
 Платовъ, гр. Матв. Иван., генер. отъ кавалеріи, наказной атаманъ Войска Донскаго, основатель Новочеркаска, р. 1751 † 1818 г. Участіе въ кампаніи 1808 г., 248, 249, 258, 261, 262, 267, 269—271. Отношенія къ Денисову, 250, 258, 259. Повелѣніе слѣдовать къ молдаванской арміи, 457. Смерть, 471. Упом. 718.
 Платонова, Ю. Ф., пѣвица, 801, 804, 809.
 Платонъ, москов. митрополитъ. Сви-

дѣтельство о кн. Потемкинѣ, 489. Упом. 273.

Плаутинъ, генер.-адъютантъ 1856 г., 224.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель, 575.

Плещеевъ, писатель, 794.

Плотниковъ, Терентій, кирпичный мастеръ 1774 г., 391, 392, 393.

Повало-Швейковский, генер. 1799 г., 33, 34, 35, 36, 37.

Погосполь, домовладѣлецъ, 1796 г., 286.

Погодинъ, Мих. Петр., академикъ, 821.

Подмысокій, А. Сообщ. указъ импер. Елизаветы о возвращеніи изъ ссылки Халабли, 1741 г., 396.

Подгоричкин, графъ, генер.-маіоръ 1770 г., 495.

Подаевъ, полковой командиръ, †1799 г., 43.

Посель, статс-секретарь 640.

Полевой, Никол. Алексѣевичъ, писатель, издатель «Москов. Телеграфа», р. 1796 † 1846 г. Отношенія къ М. Т. Каченовскому, 660—662. Упом. 200, 581, 821.

Поливановъ, В. Н. Сообщ. стихи М. Ю. Лермонтова, 1831 г., 812—814.

Поливановъ, Николай Иван., полковникъ гвардіи, † 5 дек. 1874 г. Стихи, написанные въ его альбомъ Лермонтовымъ, 1831 г., 812—814.

Поликиратовъ, церковный служитель, 767.

фонъ-Поль, директоръ общей канцеляріи министерства внутрен. дѣлъ, †1849 г., 645.

Поль, Винцентій. Ссылка на отзывъ его о «книгахъ пилигримства», 603, 626.

Поморскій, переводчикъ Расина, 723.

Покомаревъ, Семень, плавильн. мастеръ 1774 г., 891.

Пончуковский, варшав. актеръ 1861 г., 140.

Полятовскій, Иванъ, поручикъ польской службы, 452.

Помятовскій, Станиславъ, послѣдній король. О статуѣ, воздвигнутой имъ Яну Собіескому, 141. Упом. 503.

Поповъ, лейтенантъ, 1853 г., 186, 193.

Поповъ, маіоръ 1811 г., 468.

Поповъ, генераль 1864 г., 313, 323, 325, 327.

Поповъ, Андрей, каргопольскій житель 1747 г., 399.

Поскинова, Марія Ив. см. Архарова. Поссе, Шарлотта Карл. см. княгиня Ливенъ.

Поталовъ, Александръ Львовичъ, генерал-адъютантъ, 706.

Потемкина, Дарія Александровна см. Лихачева.

Потемкина, Дарія Вас., рожд. Кондырева, вдова Скуратова, р. 1704 † 1780 г. Отношенія ея къ мужу, 484—486. Пожарованіе ст.-дамой 1776 г., 506.

Потемкина, Марія Александр., см. Самоилова.

Потемкина, Марса Александровна, см. Энгельгардтъ.

Потемкина, Надежда Александровна, р. 1738 † 1757 г., 486.

Потемкина, Целагея Александр. см. Высокная.

Потемкина, Татьяна Вс. см. Энгельгардтъ.

Потемкина, гр. Прасковья Андреевна, рожд. Закреская, р. 1763 † 1816 г. Переписка ея съ монахомъ Авелемъ 1815—1816 гг., 415, 430—435. Упом. 815.

Потемкинъ, Александръ Васильевичъ, подполковникъ, р. 1873 † 1746 г. Характеристическія замѣтки о немъ и отношенія къ женѣ, 483—486.

Потемкинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, генераль-поручикъ, генераль-критсъ-комиссаръ, † 1791 г., 521.

Потемкинъ, гр. Павелъ Сергѣевичъ генераль-аншефъ, генераль-губернаторъ кавказскій, р. 1743 † 1796 г. Дѣйствія въ турецкую войну 1770 г., 501. Участіе въ присоединеніи Крыма 1782 г., 688. Упом. 483, 503.

Потемкинъ, Петръ Ивановичъ, окопничій, намѣстникъ угличскій и борзовскій, носогу во Франціи, Испаніи, Даліи Англіи, при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Фѣдорѣ Алексѣевичѣ, 483.

Потемкинъ, Сергѣй Дмитріевичъ, сек.-маіоръ, 486.

Потемкинъ, гр. Сергій Павловичъ. Отношенія къ матери, 433—435.

Потемкинъ-Тавричешій, кн. Григорій Александровичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегии, сенаторъ, генералъ-губернаторъ новороссійскій, азовскій и тавричешскій, р. 1738 † 1791 г. Биографія его, 481—522; 681—700. Предисловіе, 481—483. Рожденіе, дѣтство и юность, 483—485. Переселеніе къ дядѣ Г. М. Козловскому, 485. Университетское образованіе и начало службы, 485, 487. Исключеніе изъ университета, 488. Поступленіе въ строевую службу, 488. Участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины, 489. Возвышеніе, 490. Назначеніе въ слюды, 491. Болѣзнь и потеря глаза, 491. Участіе въ турецкой войнѣ, 493—497. Привязь къ двору и возвышеніе, 500—504. Уничтоженіе Запорожской Сѣчи, 504—505. Награды, 505, 506, 509. Причуды, 506. Его племянницы. 509—511. Перениска съ В. В. Энгельгардтъ, 512—522. Письма отъ неизвѣстныхъ, 681—685. Дѣятельность въ Новороссіи, 687—688. Присоединеніе Крыма 1782 г., 688. Пожалованіе генералъ-фельдмаршалою, 692. Преобразованія по военной части, 642—695. Приготовленія въ Крыму для принятія императрицы, 696—699. Письмо къ императрицѣ, 699—700. Упом. 66—67, 861, 886, 408.

Потоцкая, гр. Клодина, рожд. Дзялинская, 605.

Потоцкіе, графы, 458.

Потоцкій, графъ, русскій посланникъ въ Швеціи 1833 г., 164, 170.

Потоцкій, гр. Северинъ Осиповичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта, р. 1762 † 1829 г., 331.

Потталь-Кенигсберга, 831.

Потулова, Степанида Михайловна, 382.

Потулова, Татьяна Михайловна, 382.

Потуловъ, Михаилъ, рязанскій помѣщикъ 1706 г. Спротивленіе его требованію съ него налоговъ, 381—383.

Православія Юанковна, царевна, дочь Юанна V, въ замужествѣ Мамонова, р. 1694 † 1731 г., 26.

Православія Федоровна, царица, жена Юанна V, рожд. Салтыкова, р. 1664 † 1723 г. Ходатайство ея передъ Екатериной I за дочь Екатерину, 25. Упом. 12, 26.

Превозде-Любянцъ, генералъ-маіоръ, 1798 г., 664.

Премлоковій, папъ, 780.

Прибытковъ, Василій, бургомистръ, 1747 г., 349.

Принцъ, кассиръ ломбарда. Дѣло о похищеніи имъ 170 тыс. р. 1782 г., 675—677.

Проворовскій, кн. Александръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, московскій главнокомандующій, р. 1732 † 1809 г., 386.

Провоповичъ, Теофанъ, новгородскій архіерей, 439.

Протасова, Александра Андреевна, см. Воейкова.

Протопоповъ, Яковъ Гавр., фельдфебель, любимецъ Аракчеева, 96, 97, 98, 99.

Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ, казненъ 1775 г. Разореніе имъ Вознесенскаго завода, 390—394, 540—544. Упом. 501, 506.

Пустьинный, священникъ царицы Евдокии Федоровны, 438.

Пушкѣвъ, кн. Иванъ. гв. капитанъ, † 1752 г., 400.

Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., 201, 343, 355, 443, 556, 568, 748, 778, 821.

Пферцгеръ, баварскій дворян. 1716 г., 16.

Пятковский, А. П. Сообщ. изслѣдованіе о петербургскомъ Воспитательномъ домѣ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго 146—159, 359, 380, 665, 680. Письмо Д. В. Веневитинова къ С. А. Соболевскому, 1826 г., 820, 821.

Р.

Рагозинъ, маіоръ. Ходатайство за него в. кн. Павла Петровича 1787 г., 628.

Радакивъ, кн. Іеронимъ, подскарбій оятвовскій, 524.

Радашевскій, Петръ Иван., полковникъ, 795.

Радашевская, Софія Петр., рожд. Еленева, 799.

Раевская, Марія Никол. см. Волконская.

Раевскій, генер.-лейт. 1811 г., 468.

Рауковская, гр. Елиз. Кирил. см. Апраксина.

Рауковский, граф Алексѣй Григ., генер.-фельдмаршалъ, р. 1709 † 1771 г. Народные толки по поводу его возвышенія и особихъ милостей къ нему императрицы Елизаветы, 528—530, 534, 535.

Рауковский, граф Алексѣй Кирил., дѣйств. тайн. сов., министр народн. просвѣщенія, р. 1748 † 1822 г., 750.

Рауковский, свѣтл. князь Андрей Кирил., дѣйств. тайн. совѣт., посолъ въ Вѣнѣ, р. 1752 † 1836 г., 562.

Рауковский, граф Кирилла Григ., фельдмаршалъ, р. 1724 † 1808 г. Народные толки о немъ, 528, 535—536. Упом. 154, 155, 361, 507.

Рамазановъ, Петръ, оперной пѣвецъ 199, 128.

Рамбургъ, Шарлотта см. Каршавина. Раморно, предводит. поляковъ 1831 г., 610.

Раскинъ, франц. трагикъ, 723.

Растропчина, гр. Евдокія Фед., рожд. Суслова, писательница, † 1858 г. Стихи ея въ альбомъ В. В. Самойлова, 204—205.

Ратковъ, майоръ 1798 г., 663.

Рашель, знаменитая артистка, 723.

Реадъ, генералъ, извѣстный участникъ севастопольской обороны, 196, 801.

Ребиндеръ, В. М., домовладѣлецъ 1798 г., 233.

Редклиффъ, лордъ, 176, 177.

Рейдъ, штабсъ-капитанъ 1798 г., 664. фонъ-деръ-Резе, рожд. гр. Медемъ. Выдержка изъ ея книги: «Nachricht von des berühmigten Cagliostre Aufenthalt in Mitau im Jagre 1779», 59—64. Упом. 78, 82.

Реманъ, Осипъ Иван., лейбъ-медикъ, членъ медико-хирургической академіи, членъ медико-хирургической академіи, членъ медико-хирургической академіи. Письмо къ нему В. Н. Каразина о народномъ просвѣщеніи въ Россіи 1810 г., 750—758.

Решингъ, графъ, швед. саювникъ 1838 г., 170.

Решей, госпожа, 663.

Решингъ, кн. Анкета Иван., фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи, генер.-губернаторъ ливонскій, р. 1668 † 1726 г., 9.

Решингъ, кн. Николай Вас., р. 1734 † 1801 г., генер.-губернаторъ виленскій, гродненскій, ливонскій и эстляндскій, потомъ генер.-фельдмаршалъ и посолъ въ Берлинъ, 361, 362, 396, 451, 495.

Реттелъ, одинъ изъ революціонеровъ 1832 г., 598.

Решидъ-паша, 183, 184.

Ржевской, Алексѣй Андр., камергеръ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ † 1804 г., 404.

Ржевскій, катол. священникъ 1861 г., 137, 138.

Ржонцъ, литографъ. Покушеніе его на жизнь маркиза Велепольскаго, 621. Казнь, 621.

Рибасъ, Осипъ Иван., † 1800 г., русскій вице-адмиралъ, 687.

Ридигеръ, гр. Фед. Вас., генер. отъ кавалеріи, генер.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, бывший варшавскій воен. генер.-губернаторъ, † 1856 г. О проектѣ его учредить кавалерійскую академію, 223, 224, 644.

Римскій-Корсаковъ, генералъ 1799 г., 49.

Риктеръ, варшав. актеръ 1861 г., 140.

Риктеръ, Иванъ, унтеръ-шифтмейстеръ 1774 г., 392.

Роганъ, принцъ, кардиналъ, 74, 75, 76.

Рогожинъ, отстав. унтеръ-офицеръ 1798 г., 233.

Родоничъ, портной. Замыселъ его на жизнь его им. выс. великаго князя Константина Николаевича, 618.

Розановъ, Н. П. Сообщ. замѣтку объ монахѣ Авахѣ, 815—819. Упом. 812.

Розенбергъ, генер. отъ инфантеріи. Назначеніе смоленскимъ генер.-губернаторомъ 1798 г., 664. Упом. 41, 42, 44, 45, 46.

Роземъ, бар. Григ. Влад., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, кавказскій генер.-губернаторъ и командиръ отдѣльнаго кавказ. корпуса, р. 1782 † 1841 г., 550.

Романъ, госпожа, 76.

Ромбергъ, музыкантъ, 342.

Рославлевъ, Никол. Ив., генер.-поручикъ, дѣятель 1762 г., † 1785 г., 491.

Ростовскій, унтеръ-офицеръ 1862 г., 142.

Ростовцевъ, Яков. Ив., ген.-адъютантъ, предсѣдатель редакціонной комиссіи по врестыанскому дѣлу, 223.

Ружовскій, Стенанъ, 331.

Румянцева, гр. Марія Андр., рожд. Матвѣева, р. 1698 † 1788 г., 155.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., генер.-фельдмаршалъ, р. 1725 † 1796 г. Назначеніе главнокомандующимъ и дѣйствія его въ турецкой кампаніи 1770 г., 494—495, 500, 507. Упом. 387, 483.

Руссовъ, Стенанъ, писатель, 830.

Рыбинскій, поль. революц. 1831 г., 610.

Рышковъ, А. И., 439.

Рышковъ, бригадн. командиръ 1854 г., 317, 321.

Рылль, литографъ. Покушеніе его на жизнь маркиза Велепольскаго, 621. Казнь, 622.

Рылъевъ, Кондратій Фед., декабристъ, поэтъ, казненъ 1826 г., р. 1795 † 1826 г., 731.

Рѣпинскій, Г. К. Сообщ. прииѣры гласности въ царствованіе Александра I-го, 1802—1809 гг., 629—634.

Рѣпинъ, генералъ. Ревизія его на Дону атаманскихъ дѣлъ и войсковой канцеляріи 1800 г., 238. Замѣщеніе его Горчаковымъ, 238.

Рюссекстенъ, датскій камергеръ. Свидѣтельство его о пребываніи принцессы Екатерины Брауншвейгъ-Люнебургской въ Горсенсѣ, 765.

С.

Салтыцова, фрейлина принцессы Екатерины Ивановны, 11, 12, 13.

Салтыцова, Праск. Фед. см. царица Прасковія Федоровна.

Салтыковъ, кн. Никол. Ив., воспитатель вел. кн. Александра и Константина Павловичей, потомъ фельдмаршалъ и предсѣдатель госуд. совѣта и комитета министровъ, р. 1736 † 1816 г., 362, 451.

Салтыковъ, гр. Петръ Семен., р. 1700 † 1772 г., генер.-фельдмаршалъ, москов. главнокомандующій, 497.

Саль, франц. генералъ 1854 г., 314.

де-ла-Саль, маркизъ, страстбург. комендантъ 1781 г. Составленное имъ характеристическое описаніе наружности Калістро, 74. Упом. 73.

Самбургскій, поручикъ 1807 г., 105.

Самойлова, Марія Александр., рожд. Потемкина, 465, 486.

Самойловъ, Алексан. Никол., генер.-прокуроръ и госуд. казначей, † 1812 г. Ссылки на составленную имъ біографію кн. Потемкина-Таврическаго, 422, 484, 489, 490, 508, 688. Упом. 403, 420.

Самойловъ, Вас. Вас., артистъ с.-петерб. театра. Обзоръ его сорокалѣтней артистической дѣятельн. 1835—1875 гг., 197—207. Воспоминанія его о первыхъ годахъ артистической дѣятельности, 208—219.

Самойловъ, Вас. М., артистъ, † 1838 г. Отношенія его къ сослуживцамъ, 199.

Самойловъ, Никол. Борис., брянскій воевода 1790 г., 403.

Саранскій, писатель, 199.

Сарти, Джіованни, композиторъ, р. 1730 † 1802 г. Замѣтка о немъ, 686. Пожалованіе въ коллежскіе совѣтники 1798 г., 663.

Свидвинскій, 133.

Свинъинъ, Пав. Петр., издатель «Отечественныхъ Записокъ» 1818—1834 г., 68.

Свистуновъ, Петръ Никол., декабристъ, 331.

Слифтъ, писатель, 297.

Сегюръ, маркизъ, франц. воен. министръ, 74.

Седестромъ, Иванъ, магазинъ-вахтеръ, 534—537.

Селивановъ, полк. командиръ 1807 г., 262.

Семенова, Екат. Семен., въ замуж. кн. Гагарина, известная артистка, р. † 1849 г. Воспоминанія о ней П. А. Каратыгина, 720—728. Упом. 345.

Семьякинъ, бригадн. командиръ 1764 г., 309.

Семинскій, Якубъ, краковскій епископъ 1461 г., 625.

Сенъ-Жерменъ, извѣстн. спиритъ, 51, 59.
 Серафимъ, с.-петерб. митрополитъ, † 1843 г., 641.
 Серафимовичъ, губерн. регистраторъ 1798 г., 232.
 Серебряновъ, генералъ 1853 г., 194.
 Серпутовоиъ, офицеръ 1854 г., 312.
 Серлио, архитекторъ, 291.
 Сиверсъ, графъ, основатель Вознесенскаго мѣдиплавильнаго завода 1755 г., 393.
 Сигизмундъ-Августъ, польскій король, 625.
 Сидневъ, тульскій купецъ 1798 г., 452.
 Симановъ, мичманъ. Производство его въ лейтенанты 1798 г., 452.
 Симеоновъ Ивановичъ, по прозванію Гордый, первый великій князь московскій, р. 1317 † 1353 г., 455.
 Сивичъ, Николай, коллеж. переводчикъ 1798 г., 232.
 Симонъ, инженерный капит. Арестъ его Арачезевимъ 1824 г., 100, 101, 102.
 Сивельниковъ, генер.-майоръ 1786 г., 696.
 Сивякина, Марія Алексѣевна, см. Нарышкина.
 Сивякичъ, Никол. Иван., контръ-адмиралъ и главный командиръ кронштадскаго порта 1773 г., 279.
 Сивягинъ, Никифоръ Гаврил., отстав. капитанъ. Договоръ его съ Писемскимъ о продажѣ трехъ дѣвокъ 1760 г. 399—400.
 Сиваронова, гр. Екат. Вас. см. Энгельгардтъ.
 Сиваоци, архитекторъ, 291.
 Сивачковъ, кол. регистраторъ 1798 г., 234.
 Сивобелевъ, Иван. Никит., генералъ, р. 1778 † 1849 г. Разсказъ его объ А. О. Воейковѣ, 577.
 Сивохвостъ, подполковникъ, адъютантъ кн. А. С. Меншикова 1853 г., 176, 178.
 Сиворопадскій, малорос. гетманъ, 408.
 Сивоттъ, англичанинъ. Процессъ его 1776 г. съ Колюстро, 56—57.
 Сивранецкій, польск. революціонеръ 1831 г., 610.
 Сивуратова, Дарья Вас. см. Потемкина.

Сивяницкій, офицеръ 1862 г., 142.
 Сивацкій, польскій поэтъ, 136, 157, 605.
 Сивирдинъ, Александръ Фед., издатель и книгопродавецъ. Ссылка на его каталогъ, 71, 280, 291, 292, 293, 297 510.
 Сивирновъ, штурманъ 1798 г., 830.
 Сивирновъ, С., авторъ «Исторія Троицко-Лаврской семинаріи», 272.
 Сивитъ, профессоръ славянскихъ языковъ въ Копенгагенѣ, 761.
 Сивогривъ, Ив. Мих., профессоръ и цензоръ. Шутка его надъ М. Т. Каченовскимъ, 660—662.
 Сивобанскіе, польскіе революціонеры 1832 г., 593.
 Сивобелевскій, С. А. Письмо его къ Д. В. Веневитинову, 820—821.
 Сивомоновъ, офицеръ, † 1854 г., 310, 311, 316.
 Сиволовскій, издатель поэмы «Мирозданіе», 576.
 Сиволовъ, Василій, берггешворенъ 1774 г., 391, 392.
 Сиволовъ, Влад. Тимоф. Сообщ. письма А. С. Даргомыжскаго, 340. Упом. 800, 801.
 Сиволовъ, П. И., секретарь Академіи Наукъ 1820-хъ гг., 562.
 Сивоманъ-паша, турецкій военачальникъ 1770 г., 495.
 Сивогубъ, офицеръ 1822 г., † 1828 г. Столкновение его съ фонъ-Фрикеномъ, и послѣдствія его, 92—93.
 Сивополовскій, Андрей, подканцеляристъ 1774 г., 393.
 Сиволовскій, Сергѣй Мих., историкъ, 523.
 Сиволовничковъ, 279.
 Сивомъ, графъ, прусскій посланникъ 1772 г., 499.
 Сивомовъ, В. О., знам. библіографъ. Ссылка на его «Опытъ библіографъ», 280, 291, 282, 293, 297, 510.
 Сиворинскій, Станиславъ, ученый, 626.
 Сивоничкина, рожд. Воробьева актриса. 728.
 Сивоничскій, Ив. Иван., извѣстный актеръ, † 1872 г., 199, 727, 728, 734.
 Сивоновскій, Т. А. Сообщ. подлинникъ сатиры Воейкова «Домъ Сумашедшихъ», 854.

Срезневскій, Н. И. Сообщ. воспоминанія объ А. И. Тургеневѣ, 555—564, 739—749.

Станиславскій, Кирилла Серг., 274, 279.

Станшарръ, Францискъ, послѣдователь Цвингли, 626.

Стасовъ, В. В. Разработанные имъ материалы для биографіи А. С. Даргомыжскаго, 339—358.

Статориусъ, Петръ, ученый, 626.

Сташицъ, революціонеръ 1881 г., 623.

Стевартъ, ученый, 557.

Стеллихъ, инспекторъ, 534.

Стелловскій, содержатель потнаго магазина, 572, 573.

Степанова, Анна Матв., въ замуж. Брянская, 728.

Степанова, Софія Серг., рожд. Даргомыжская. Сообщ. письма своего брата, 339. Письма къ ней брата 1864—1865 гг., 799—811. Упом. 353.

Степановъ, Николай Александр., знаменитый каррикатур., 67, 353, 800.

Степановы, семейство, 570.

Стефановъ, церковный служитель, 767.

Стокосъ, коллеж. ассесоръ, опекунъ с.-петербург. Отдѣленія Воспитательнаго Дома 1779 г., 666.

Столыпинъ, офицеръ 1854 г., 319, 320, 323, 327.

Столыпинны, братья, 814.

Страховъ, генер.-маіоръ 1798 г., 832.

Строгановъ, баронъ, 486.

Строгановъ, гр. Пав. Александр. сенаторъ тайн. сов., товарищъ мин.—ра внутр. дѣлъ, р. 1774 † 1817 г. Участіе его въ Финляндской кампаніи въ 1807 г., 255, 259.

Строевъ, Владиміръ, литераторъ, 582.

Ступишинъ, 386.

Суворовъ-Рыминскій, гр. Александр. Вас., кн. Италійскій, генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г. Италійская кампанія 1799 г., 27—49. Упом. 406, 476, 480, 481, 484, 488.

Судаховъ, поручикъ, 1798 г., 832.

Судилъ, Степанъ, полковникъ. Смерть его въ Финляндскую кампанію 1807 г., 257, 259. Упом. 467.

Судомадзевъ, 283.

Сумароковъ, Александр. Петр., писатель, р. 1718 † 1777 г., 293.

Сумароковъ, литераторъ, 584.

Суринъ, Иванъ, канцеляристъ 1774 г., 393.

Сухаревъ, рязанскій помѣщ. 1706 г., 383.

Сухихъ-Голыницъ, Ив. Вас., купецъ. Челобитная его на Киприянова 1747 г., 397—399.

Сухихъ-Голыницъ, Феокла Иван. см. Киприянова.

Сухова-Кобылинъ, Александръ. Письмо его къ В. В. Самойлову 1856 г., 207.

Суходольскій, Раймонъ, поэтъ, 605.

Сухованецъ, Никол. Онуфр., военный министр, потомъ намѣстникъ Царства Польскаго 1861 г., 124, 126, 127, 132, 133, 140, 144.

Сухоруковъ, корнетъ гвардіи. Награжденіе его императоромъ Александромъ 1825 г., 703.

Сухтеленъ 2-й, гр., генералъ-маіоръ 1838 г., 164, 165.

Сырбосарскій, подпоручикъ 1798 г., 663.

Сыромякъ, польскій поэтъ, 605.

Сысоевъ, донской генер.-лейтенантъ, 461, 463.

Сысоевъ, С. П. Сообщ. пѣсню о сраженіи при Феофиныхъ горахъ, 653—654.

Сычова, Варв. Карп., рожд. Денисова, 479.

Сычовъ, Петръ Захар., донской полковникъ, 479.

Сѣдачевъ, Александр., колѣистъ 1774 г., 392.

Сѣраковский, предводитель польск. бандъ 1861 г., 129, 609.

Сѣровъ, Александръ Никол., композиторъ, 340, 799, 805.

Сѣрковъ, Л. А., академикъ. Гравюрованные имъ портреты: А. Ѳ. Воейкова, ат. Денисова, большой вѣнзетки и пр., 591.

Сѣю, Евгенийъ, франц. романистъ, 350.

Сѣюлли, министръ Генриха IV, 166.

Сѣюше, франц. маршалъ, 125.

Сѣюженская, рожд. Онторнъ, минская помѣщица, 401.

Т.

- Таллейбранъ, графъ Перигоръ, 639.
 Тамбурина, италіанскій пѣвецъ, 344, 353, 355.
 Тавльская см. Гофманъ.
 Тараринъ, есаулъ 1807 г., 261.
 Тарасевичъ, капитанъ 1834 г., убитъ 1839 г. на штурмѣ Ахульго, 548.
 Татищевъ, Александръ Александ., гв. поручикъ 1802 г., 247.
 Татищевъ, гр. Никол. Алексѣев., генералъ отъ инфантеріи, р. 1736 † 1823 г., 632.
 Твердышевъ, владѣтель Бѣлорѣцкаго завода 1755 г., 394.
 Твердышевъ, Яковъ Вас., владѣтель оренбургскихъ мѣдиплавильныхъ заводовъ. Донесеніе о раззореніи его заводовъ Пугачевымъ 1774 г., 540—543.
 Тевенегъ, механикъ 1798 г., 231.
 Тегеръ, содержательница кафе-ресторана 1798 г., 832.
 Тенкелій, Петръ Абрам., генер.-поручикъ 1775 г., 504.
 Телешневъ, Мих. Алексѣев., отстав. сержантъ 1760 г., 400.
 Телешова, Екатерина Александровна, тапцовщица, 733.
 Телловъ, Григ. Никол., ст.-секретарь Екатерины II, писатель, р. 1725 † 1779 г., 360, 404.
 Тернеръ, капитанъ 1798 г., 232.
 Тетенборнъ, флиг.-адъютантъ 1854 г., 223.
 Тефизъ-паша, начальникъ турецкихъ войскъ 1854 г., 320.
 Тибо, морской чиновникъ, 779.
 Тимосеевъ, капитанъ 1807 г., 105.
 Титловъ, штабсъ-капитанъ 1822 г., 95.
 Тихаковъ, Андр., крестьянинъ 1774 г., 391.
 Толстой, гр. А. К., писатель, 201.
 Толстой, И. М., 162.
 Толстой, гр. Левъ Никол., писатель, 443.
 Толстой, Петръ Андр., дѣйств. тайн. сов., членъ верховнаго тайнаго совѣта, сенаторъ, р. 1645 † 1729 г., 9, 13, 17, 19, 20.
 Толстой, графъ Ѳ. П., вице-президентъ Акад. Худож., 202.

Томасъ, Жанъ, содержатель типографіи 1789 г., 291.

- Томилинь, рядовой 1798 г., 232.
 Торск, коллеж. совѣтн. 1802 г., 629.
 Тотлебенъ, офицеръ, 1854 г., 307, 309, 315, 319, 636.
 Траугуттъ, польскій дезертиръ 1861 г., 609.

Тредьяковскій, смоленскій губернаторъ ок. 1800 г., Ненависть его къ А. М. Баховскому и интриги противъ него, 414.
 Третьяковскій, В. К., писатель, 201.
 Третьяковъ, Александръ, мѣщанинъ 1798 г., 235.

Тришескій, Андрей, ученый, 626.
 Трошчинскій, Дмитрій Прокоф., тайн. сов. и сенаторъ, потомъ членъ государственнаго совѣта 1814—1817 г., † 1829 г., 232, 820.

Трубецкая, рожд. Вейсъ, 789.
 Трубецкая, кз. Елиз. Петровна, см. гр. Шотемкина.
 Трубецкой, кн. Вас. Никит., 671.
 Трубецкой, кн. Никита Юрьев., 362, 536, 537.

Тургеневъ, Александръ Иван., писатель, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, р. 1785 † 1845 г. Воспоминанія о немъ и выдержки изъ его корреспонденціи, 555—564, 739—749.

Тургеневъ, Ив. Петр., тайн. совѣтникъ времени Екатерины II, 555.
 Тургеневъ, Никол. Иван., писатель. декабристъ, 740, 743.

Тургеневъ, Сергій Иван., 741.
 Тышневичъ, графъ. Выдержки изъ сочиненія его «Ecrits sur la Pologne», 612.
 Тютюминъ, кн. Петръ Иван., директоръ императорскихъ театровъ, р. 1769 † 1822 г., 722.

У.

Уваровъ, гр. Сергій Семен., дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. совѣта, президентъ Академіи Наукъ и министръ народнаго просвѣщенія 1833—1848 г., 794.

Умма - ханъ, сынъ аварской ханши 1834 г., 547.

Урди, генералъ 1854 г., 320.

Урусовъ, кн., дивизионный командиръ 1854 г., 320, 325.

Ушакова, Вѣра Георгіев., рожд. Кастріото-Скандербекъ, † 1845 г., 357.

Ушаковъ, капитанъ 1798 г., 232.

Ушаковъ, адмиралъ 1853 г., 177.

Ушаковъ, генер.-маіоръ 1802 г., 632.

Ушаковъ, А. К., генер. отъ инфантеріи, предсѣдатель Главн. Воен. Суда, 1845 г., 357.

Ф.

Фабержъ, помощникъ оберъ-директора Воспитательнаго Дома 1785 г., 679.

Фальмутъ, капитанъ 1854 г., 311.

Фальконетъ, Стефанъ-Маврскій, художникъ-ваятель, соорудившій памятникъ Петру Великому, р. 1716 † 1791 г., 401.

Фальконъ, франц. пѣвецъ 1844 г., 346.

Фейгангъ, Кларъ, гувернантка, 471, 479.

Феликсій, Сигизмундъ, варшавскій архіепископъ. Характеристика его, 136—137. Назначеніе варшав. митрополитомъ в управленіе его, 137—138. Упом. 131, 622.

Фелициани, Лоренца, см. Калиостро.

Фелтенъ, опекувъ с.-петерб. Отдѣленія Воспитательнаго Дома 1779 г., 154, 158, 666.

Фелькнеръ, Влад. Иван., генер.-маіоръ, † 1871 г. Воспоминанія его о побѣдѣ Николая Павловича въ Стокгольмъ въ 1838 г., 160—173.

Фервентъ, графъ, генер.-лейт. Пожалованіе его въ генер. отъ инфантеріи 1798 г., 232.

Ферстеръ, дежурный по арміи генералъ 1799 г., 32.

Феткусъ, авторъ «Biographies des musiciens», 340, 343, 351, 302, 307, 309.

Филаретъ, (Федоръ Никитичъ Романовъ) патріархъ московскій, 455.

Филаретъ, (Дроздовъ), моск. митрополитъ, 816, 819.

Филоофовъ, генер.-маіоръ свиты его велич. 1838 г., 162, 163.

Филоофовъ, кам.-назъ императрицы Маріи Федоровны, 785.

Фитингофъ, домовладѣлецъ, 662.

Фитингофъ, мекленбургскій офицеръ 1716 г., 13.

Фіалковский, варшав. архіепископъ, † 1861 г., 135, 138, 139, 612.

Фіорелла, франц. генералъ, комендантъ Туринской крѣпости 1799 г., 27.

Фонъ-Фонъ, Ева Яковл., 771.

фонъ-Фонъ, Елиз. Еювл. см. Вагтовуъ.

фонъ-Фонъ, Максимъ Яковл., начальникъ III Отдѣленія собств. е. вел. канцеляріи, 771.

фонъ-Фонъ, Яковъ Максим., переславльскій комендантъ. Запѣтка о немъ, 770, 771. Упом. 773.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель, р. 1744 † 1792 г., 504.

Формасаръ, пѣвецъ, 347.

Фотій, архимандритъ новгород. Юрьевского монастыря, 118.

Франклинъ, докторъ, 280.

Фреве, Феодръ Петр., оберъ-директоръ с.-петербургскаго Воспитательнаго Дома 1782 г. Директорство его, 677—679.

Фрей, англичанка. Процесъ ея съ Калиостро 1776 г., 56—57.

Фрейтагъ, бухгалтеръ Воспитательнаго Дома 1782 г., 675, 676.

Фридрихъ, наследный датскій принцъ 1780 г., 762, 764.

Фридрихъ II Великій, прусскій король, 54, 454, 607.

Фридрихъ Вильгельмъ III, король прусскій, 160, 788.

Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ мекленбургскій, 22.

Фридрихъ V, датскій король, 761.

фонъ-Фриненъ, Фед. Карл., полковникъ, полковой командиръ 1822 г. Отношенія къ нему Аракчеева, 86, 90, 91, 93, 94, 95, 100, 101, 102, 105, 109.

Фроловъ, Дмитрій Ефимов., капральн. унтеръ-офицеръ 1822 г. Характеристическая запѣтка о немъ, 87.

Фукоъ, составитель «Исторіи Россійско-австрійской кампаніи 1799 г.», 28.

Фусъ, Николай, профессоръ математики, членъ Академіи Наукъ, 1803 г., 331.

X.

Хаверманъ, бухгалтеръ Приказа Обществ. Призрѣнія 1780 г., 156.

Халабля, поваръ императрицы Екатерины I. Указъ императрицы Елизаветы о возвращеніи его изъ ссылки, 1741 г., 396.

Халышовъ, пажъ, 780.

Харитонова, Анна Матв., рожд. Платова, 268.

Харитоновъ, Конст. Ив., полковникъ 1807 г., в послѣд. ген.-майоръ, 268.

Хачатуровъ, житель города Шуши 1836 г., 436.

Хвостовъ, гр. Дмитрій Ив., стихотворецъ, р. 1757 † 1835 г., 723.

Хитровъ, Фед. Александров., гвардіи офицеръ, заговорщикъ 1762 г., 491.

Хлопицкий, главнокомандующій польскими войсками 1831 г., 601, 610.

Хмелевскій, польскій революціонеръ, 1862 г., 681.

Хмѣльницкій, историкъ, 631.

фонъ-деръ-Ховенъ, митавскій губернаторъ 1779 г., 59, 63.

фонъ-деръ-Ховенъ, И. Р. Сообщ. о пожарѣ въ балаганѣ Лемана 1836 г., 828—829.

Ходзько, Леонардъ, членъ Лелевельскаго комитета 1832 г. Ссылка на сочиненіе его: «Les massacres de Galicie et Krakovie confisquée par l'Autriche en 1846», 602, 604.

Ходковъ, адъютантъ генерала Анненкова 1854 г., 318.

Хомутовъ, атаманъ донскаго войска, 706.

Хомутовъ, генералъ 1854 г., 306, 328.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., писатель, славянинъ, 749.

Хотинскій, Никол. Конст., стат. сов. 1784 г., 278, 280, 285, 288.

Хотунцова, Наталья, мѣщанка, 233.

Храповицкій, Александръ Вас., ст. секретарь Екатерины II, † 1801 г., 65, 67.

Храповицкій, Александръ Иван., актеръ-любитель 1847 г., 727.

Христианъ, датскій принцъ, 767.

Хрулевъ, Степ. Александров., генер-

лейтенантъ, участникъ Севастопольской обороны, 143, 144, 222, 320, 321, 327, 634, 636.

Ц.

Цвигли, реформаторъ, 626.

Цейбижъ, учитель пѣнія, 341, 729.

Цилиасъ, актеръ нѣмецкой труппы 1814 г., 729.

Цикловъ, мекленбургскій придворный 1713 г., 2.

Циммерманъ, нѣмецкій ученый. О перепискѣ съ нимъ Екатерины II. 67, 71 79.

Циммерманъ, генералъ французской службы 1799 г., 30.

Циммерманъ, (Фед. Христианов., бригадиръ 1800 г., 237, 244.

Цопфъ, суконный фабрикантъ 1798 г., 830.

Ч.

Чарторижскій, князь Адамъ, товарищъ министра иностр. дѣлъ 1804 г., 766. Участіе въ революціи 1831 г., 331, 610, 622, 686.

Чеботаревъ, Адамъ Петр., войска денскаго генер. лейтенантъ. Сообщ. залески А. К. Денисова съ примѣч., 27—49; 237—271.

Черевковъ, полковникъ 1820 г., 477.

Черевковъ, генер.-майоръ 1819 г. Преданіе суду 1831 года, 702. Упом. 473, 475 705.

Чорнасовъ, баронъ Иванъ Антон., дѣйств. стат. совѣт. и каб.-секретарь при Петрѣ Великомъ, потомъ сенаторъ и дѣйств. тайн. сов., † 1752 г., 537.

Червокъ-паша, предводитель турокъ 1771 г., 500.

Чернышовъ, вн. Александръ Ив., генералъ отъ кавалеріи, генер.-адъютантъ воен. министр., предсѣдатель госуд. совѣта и комитета министровъ, род. 1786 г. Дѣйствія на Дону 1821—1827 гг. и отношенія къ А. В. Иловайскому, 701—718. Упом. 472, 473, 474, 476, 476, 641, 644.

Чернышовъ, Андрей Гаврил., с.-иер. обер-комендантъ 1777 г., 151.

Чернышовъ, гр. Захаръ Григ., гене-

раль-фельдмаршалъ, бѣлорус. генераль-губернаторъ, потомъ московск. главнокомандующій, р. 1722 † 1784 г. Пронски въ отношеніи кн. Потемкина-Таврическаго, 483, 499, 500, 692. Упом. 361, 363, 386.

Чернышовъ, гр. Ив. Григ., фельдмаршалъ по флоту, р. 1726 † 1797 г. Недоброжелательство въ отношеніи кн. Потемкина, 499, 500. Упом. 360.

Чернышовъ, гр. Петръ Григ., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и посланникъ при разныхъ европ. дворахъ, р. 1712 † 1773 г., 393.

Чертковъ, атаманъ Донскаго войска, 706.

Чинъ, Каснаръ, вѣнскій священникъ 1791 г., 53.

Чистяковъ, экономъ Воспитательнаго дома 1780 г., 156.

Чихачевъ, с.-петерб. полиціймейстеръ 1825 г., 737

Чичерина, госпожа, 771.

Чичеринъ, тобольскій губернаторъ 1774 г. 390.

Чуди (Gschoudu), баронъ, 294.

Чулошниковъ, маіоръ 1798 г., 832.

Чупинъ, Н. К., Сообщ. о разореніи Пугачевымъ Вознесенскаго мѣднаго завода 1774 г., 390—394, 540—544.

III.

Шабельскій, генераль 1854 г., 327.

Шагинъ-Гирей, крымскій ханъ, 688.

Шамилъ, имамъ кавказскій, 546, 547, 550, 552, 553.

Шаминъ, жандарм. полковн. 1827 г., командированіе его на Донъ для производства слѣдствія надъ атаманомъ А. В. Иловайскимъ, 714.

Шамшевъ, подполковникъ 1819 года, 473, 702, 713.

Шалперъ, лейбъ-медикъ мекленбург. герцога Карла Леопольда 1717 г., 21.

Шарлотта, принцесса, жена царевича Алексѣя, рожд. принцесса Вольфенбу-гельская, 1715 г., 26.

де-Шатобуръ, графъ, франц. эмигрантъ, рисовавшій портретъ В. Н. Каразина, 759.

Шафировъ, бар. Петръ Павл., вице-канцлеръ, р. ок. 1670 † 1739 г. Отношенія къ герцогу мекленбургскому Карлу-Леопольду, 16, 17, 19, 20. Упом. 8, 13.

Шафоростовъ, прапорщ. 1798 г., 236.

Шаховской, кн. Александр. Александр., драмат. писатель, р. 1777 † 1846 г., 721, 728.

Шаховской, кн. Яковъ Петр., дѣйств. тайн. сов., генераль-прокуроръ, р. 1705 † 1777 г., 361, 362.

Швецовъ, ученикъ, воспитанникъ Демидова, 741—742.

Шевырявъ, Степанъ Петров., профес. москов. университета, 821.

Шейкъ, П. В. Сообщ. пѣсню Дорош-кевича объ оборонѣ Севастоп. 440—441.

Шекспиръ, англ. драматургъ, 202.

Шемаевъ, оперный пѣвецъ, 199.

Шеміотъ, одинъ изъ революціонеровъ, 1832 г., 593.

Шенонъ, французскій полиц. коммис. 1786 г., 77.

Шениъ, датскій оберъ-камерг. 1794 г., 763.

Шепелева, Над. Вас., рожд. Энгельгардтъ, вдова Измайлова, 507, 509.

Шепелевъ, камеръ-пажъ, 785.

Шепелевъ, Петръ Амилевичъ, р. 1737 † 1728 г., дѣйств. тайн. совѣт. сенаторъ. Дуэль съ П. М. Голлицынымъ, 506.

Шереметевъ, камеръ-пажъ 1817 г., 789, 796.

Шереметевъ, А. В. Сообщ. замѣтку о Ширяѣ, 820.

Шиллеръ, поэтъ, 83, 736.

Шилловская, пѣвица, 344.

Шилдберъ, нижен.-генераль 1854 г., 301, 302, 636.

Ширинскій-Шихматовъ, кн. Платонъ Александр., директоръ канцеляріи министерства народн. просвѣщ., впослѣд. тайн. сов. и мин-ръ народн. просвѣщ., † 1853 г., 645.

Ширяѣ, дѣйств. стат. совѣт., колтавскій, потомъ черниговскій предводитель дворянства. Замѣтка о немъ, 820.

Шихининъ, голова села Грузино 1824 г., 100.

Шихинъ, Александр. Семен., адми-

раль, госуд. секретарь, членъ госуд. со-
 вѣта, министръ народн. просвѣщ. и ду-
 ховн. дѣлъ, р. 1753 † 1841 г., 562, 563, 788.
 Шишовъ, курьеръ 1854 г., 302.
 Шлейницъ, баронъ, 16, 17.
 Шоберлехнеръ, пѣвица, 209.
 Шоберлехнеръ, музыкантъ, 341.
 Шоманусъ, Егоръ, ученый, 626.
 Шопенъ, композиторъ, 598.
 Шпербергъ, адъютантъ генерала Бау-
 ра 1802 г., 630, 631, 632.
 Шрепферъ, ученый, 58.
 Штажельбергъ, 316.
 Штаръ, берлинскій придвор. пропо-
 вѣдникъ 1778 г., 58.
 Штейнъ, баронъ, прусск. министръ,
 563, 746, 747.
 Штемпель, прапорщикъ 1798 г., 234.
 Штольцъ, оперная пѣвица въ Пари-
 жѣ 1844 г., 358.
 Шторхъ, политико-экономистъ, 785.
 Штофельнъ, генер.-поручикъ 1770 г.,
 494, 495.
 Шубертъ, академикъ и профессоръ
 1798 г., 233.
 Шуваловъ, гр. Александръ Иван., ге-
 нераль-фельдмаршалъ, р. 1710 † 1771 г.,
 531.
 Шуваловъ, Ив. Ив., оберъ-камергеръ,
 кураторъ москв. университета, р. 1727
 † 1797 г., 487, 501.
 Шуваловъ, гр. Петръ Иванов., гене-
 раль-фельдцейхмейстеръ, р. 1711 † 1762 г.,
 394.
 Шуйская-Горбатова, кж. Евдокія,
 455.
 Шумковъ, донской полковникъ 1771-
 714, 716, 717.
 Шумская, Настасья Фел. д. Шумской,
 тельница Аракчеева. Убиенъ въ 1812 г.,
 мв. 100—103. Упом. 98.
 Шумскій, Иванъ Ивановичъ, историкъ.
 Исторія его жизни, 177.
 Щербатовъ, князь, 305, 307.
 Щербатовъ, кн. Мих. Мих., сенаторъ,
 историографъ, р. 1733 † 1790 г., 483.
 Щербининъ, Евдокимъ, Новороссій-
 ский намѣстникъ, 386.
 Щиглевъ, Мих. Роман. Сообщ. письма
 къ нему А. О. Даргомыжскаго, 340. Упом.
 807.

Э.

Эйхгольцъ, баронъ, первый совѣтникъ
 и оберъ-маршалъ герцога мекленб. Карла
 Леопольда. Составленная имъ въ 1721 г.
 записка о герцогѣ Мекленбургскомъ,
 1—25.
 Эмбаумъ, полков. командиръ 1798 г.,
 664.
 Энгельгардтъ, домовладѣлецъ, 727.
 Энгельгардтъ, бар., генер.-лейтенантъ
 1856 г., 223.
 Энгельгардтъ, Александра Вас., въ
 замуж. гр. Браницкая, фрейлина, р. 1754
 † 1838 г., 509, 514.
 Энгельгардтъ, Варв. Вас., въ замуж.
 кн. Голицына, р. 1757 † 1815 г. Записка
 о ней, 510. Свидѣтельство Вигеля, 511.
 Переписка съ кн. Потемкиннмъ-Таври-
 ческимъ, 512—522. Упом. 509.
 Энгельгардтъ, Екат. Вас., въ 1-мъ
 замуж. гр. Скавронская, во 2-мъ — гр.
 Литта, фрейлина 1776 г., ст.-дама 1786 г.,
 гофмейстерина 1824 г., р. 1761 † 1829 г.,
 509, 700.
 Энгельгардтъ, Л. Н. Ссылка на его
 записки о выдержки изъ записокъ
 объ его жизни, 815—819.
 Энгельгардтъ, Над. Вас. см. Шене-
 льдеръ.
 Энгельгардтъ, Тат. Вас., въ 1-мъ замуж.
 кн. Юсупова, во 2-мъ — кн. Юсупова, р. 1767
 † 1824 г., фрейлина, 509.
 Энгельгардтъ, Карлъ-Женевъ, историкъ.
 Тимошей д'Эонъ, французск. агента,
 р. 1774, агента, р. 1774, агента, р. 1774,
 агента, главный, Москва-
 Воспитатель, 1778 г.

Щебалъ, Иванъ Ивановичъ, историкъ.
 Щенскій, Иванъ Ивановичъ, историкъ.
 Щень, Иванъ Ивановичъ, историкъ.
 210.

Юдинъ, домовладѣлецъ, 832.

Юліана Александровна, великая княгиня Литовская, дочь Тверскаго князя Александра Михайловича, 536, 455.

Юліана-Марія, датск. королева, р. 1729 † 1796 г. Отношенія ея къ Брауншвейгъ-Люнебургской фамиліи, 760, 768.

Юрьевичъ, флиг.-адъютантъ, полковникъ 1838 г., 161, 162.

Юрьевъ, Н. Д., 814.

Юсупова, кн. Татьяна Вас. см. Энгельгардтъ.

Юсуповъ, князь, 342.

Юшковъ, капельмейстеръ 1822 г., 341.

Я.

Ягужинскій, гр. Пав. Ив., каб.-министръ, р. 1683 † 1736 г., 3, 4, 5, 6, 17, 23.

Ягужинскій, гр. Серг. Павл., генер.-поручикъ, 155.

Явобій, Г. П., 386.

Явовлевъ, Василій, слуга, 265.

Якубовичъ, Александръ Иван., капитанъ Нижегород. драг. полка, декабристъ.

Яновскій, войсковою товарищъ 1798 г., 232.

Янскій, Богданъ, польскій литер., 593.

Ярославъ I Владиміровичъ, великій князь Кіевскій, р. 982 † 1054 г., 454.

Ярошинскій, портной. Покушеніе его на жизнь е. и. в. великаго князя Константина Николаевича, 618 — 619. Судъ и казнь, 619 — 620.

Ясинскій, Якубъ, поэтъ, 605.

Яшвилъ, кн., начальникъ артиллеріи. Вражда къ В. Г. Костенецкому, 412—413.

Ө.

Өадѣевъ, сторожъ, 726.

Өедоровъ, генераль 1853 г., 178, 181, 186, 191.

Өедоровъ, Борисъ Мих., литер., 575.

Өедоровъ, Н. Сообщ. счетъ объѣда въ Севастополѣ 1856 г., 450.

Өедоровъ, П. С., писатель, 200.

Өеофанъ, іеромонахъ, состоящій при принцахъ Брауншвейгъ-Люнебургскихъ 1803 г., 734, 766, 768.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1875 года.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и воспоминанія.

	стр.
I. Исторія казака Войска Донскаго, войсковаго атамана Адрияна Карповича Денисова, 1763—1841 гг. Главы XVI—XXII, съ 1800 по 1824 г. (окончаніе). Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.	27, 237 и 457
II. Воспоминанія П. М. Дарагана, перваго камер-пажа великой княгини (императрицы) Александры Ѳеодоровны, 1817—1819 гг.	769
III. Воспоминанія Петра Андреевича Каратыгина: театр и общество въ Петербургѣ, въ царствованіе Александра Павловича, 1818—1825 гг.	719
IV. Воспоминанія Василя Васильевича Самойлова: первые годы его артистической дѣятельности, 1835—1845 гг.	208
V. Воспоминанія Владиміра Ивановича Фельнера: поѣздка императора Николая Павловича въ Стокгольмъ, въ 1838 г.	160
VI. Послѣдняя Польская смута, 1861—1864 гг. Очерки и рассказы. Очевидца: генераль Лидерсъ и маркизъ Велепольскій, 1862 г.	124 и 600

Замѣтки къ этимъ рассказамъ. Сообщ. А. Ганъ и М. Золотаревъ (220).

Исслѣдованія, біографическіе очерки и статьи.

- I. Карль-Леопольдъ, герцогъ Мекленбургскій, дѣдъ императора Іоанна Антоновича, 1720 — 1725 гг. Разсказъ камергера барона Эйхгольца. Сообщ. П. П. фон-Гецъ. 1
- II. Дѣти Правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ, въ Даниі. Разсказъ по датскимъ извѣстіямъ. Сообщ. Авад. Я. К. Гротъ 760
- III С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецеаго, 1772 — 1791 гг. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ. Состав. А. П. Пятковскій. Гл. I—III . . . . . 146, 359 и 665
- IV. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, 1739—1791 гг. Біографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ. Гл. I—V . . . . . 481 и 681
- V. Калиостро, его жизнь и пребываніе въ Россіи. Историческій очеркъ В. Р. Зотова 50
- VI. Ѳедоръ Васильевичъ Каржавинъ: его жизнь и похождения въ старомъ и новомъ свѣтѣ, 1745 — 1812 гг. Біографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ. Сообщ. Н. П. Дуровъ 272
Братья Василій и Ерофей Каржавины. Сообщ. Н. Дуровъ (стр. 655).
- VII. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, 1822—1826 гг. Очеркъ по личнымъ воспоминаніямъ. Сообщ. А. К. Гриббе 84
- VIII. Василій Назаровичъ Каразинъ. Основаніе Харьковскаго университета, 1803 г. 329
- IX. Генерал-лейтенантъ Клюки-фон-Клугенау. Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ, 1818—1850 гг., состав. И. Гржегоржевскій, гл. VIII—IX, 1833 — 1835 гг. 545

Указы, переписка, историческіе разсказы и анекдоты.

Царствованіе Петра I.

- I. Письмо гетмана Мазепы къ С. П. Нецкѣеву. 1705 г. Сообщ. С. Г. Боборыкинъ. 627
- II. Указъ Петра Великаго коменданту Бѣлогородскому, 9-го марта 1711 г. Сообщ. С. Г. Боборыкинъ. . . 627

	стр.
III. Черты сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ. Разсказъ Н. И. Костомарова.	381
IV. Замѣтка о статуеткѣ: Петръ I-й. Сообщ. Л. С. Маковъ.	401

Царствованіе Петра II.

Могила княгини Дарьи Михайловны Меншиковой. 1728 г. Сообщ. П. П. Васильевъ.	395
--	-----

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Тайная канцелярія въ 1741—1761 гг.	523
II. Кухен-мейстеръ Халябля, указъ о его возвращеніи изъ Колы, 1741 г. Сообщ. А. Подвысоцкій.	396
III. Челобитная императрицѣ Елисаветѣ, 1747 г., о му- ченіяхъ тестемъ невѣстки. Сообщ. П. Башловскій.	397
IV. Продажа людей, 1760 г. Сообщ. Адинцовъ.	399
V. Свѣдѣнія о времени возвращенія изъ ссылки и кон- чины участниковъ въ дѣлѣ статс-дамы Натальи Ло- ухиной. Замѣтка. Сообщ. кн. А. Л.	400

Царствованіе Екатерины II.

I. Собственноручныя замѣтки и наброски императрицы Екатерины II:	
1) Проектъ манифеста о престолонаслѣдіи	384
2) Объ ограниченіи винокуренія	385
3) Росписаніе губерній и въ нихъ губернаторовъ	386
4) Объ опредѣленіи широтъ и долготъ разныхъ мѣстъ.	387
5) О доставленіи свѣдѣній о лучшихъ учебникахъ	388
6) О попыткѣ кн. Долгорукихъ въ 1780 г. ограни- чить власть самодержавія.	388
7) Обязанности дневальныхъ кавалеровъ	388
II. Пугачевщина, новые матеріалы къ ея исторіи.	
1) Разореніе Вознесенскаго мѣднаго завода	390
2) Разореніе заводовъ Твердышева и Мясникова. Сообщ. съ примѣчаніями Н. К. Чупинъ	540
III. Прошеніе экономическихъ крестьянъ Орловскаго на- мѣстничества генерал-губернатору Александру Ан- дреевичу Беклешеву. 1790-хъ гг. Сообщ. Н. П. Ду- ровъ	402
IV. Дамскія моды въ Россіи въ 1791 г.	226

Царствованіе Павла I.

- I. Письмо в. к. Павла Петровича къ С. А. Неплюеву, 26-го іюня 1787 г. Сообщ. С. Г. Боборыкинъ . . . 628
- II. Петербургская Старина: новости, объявленія, распоряженія правительства и рѣшенія императора Павла на всеподданнѣйшія прошенія въ 1798 г. . . 231, 451, 663 и 830
- III. Отвѣтъ императора Павла на просьбу помѣщика Ширяя назначить его губернаторомъ. Сообщ. А. В. Шереметевъ 820

Царствованіе Александра I.

- I. Примѣръ гласности: объявленіе о слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ жены купца Араужо. 10-го марта 1802 г. 629
- II. Распоряженіе по поводу распространенія ложныхъ слуховъ, 1809 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій . . . 632
- III. Фельдмаршалъ Михайлъ Ѳедотовичъ Каменскій, 1806 г. Сообщ. г. Л. 406
- IV. Василій Григорьевичъ Костенецкій, 1780—1831 гг. Биографическая замѣтка. Сообщ. Я. И. Костенецкій. 407
- V. Предсказатель монахъ Авель, 1757—1841 гг.
- 1) Житіе и его страданія, имъ самимъ описанныя, и его письма къ гр. П. А. Потемкиной; 1757—1816 гг. 414
  - 2) Заточеніе отца Авеля въ Спасо-Евфиміевъ монастырь. Сообщ. Н. П. Розановъ 815

Царствованіе Николая I.

- I. Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, атаманъ войска Донскаго, 1821—1827 гг. Статья Н. И. Краснова. 701
- II. Проводы кн. Маріи Волконской въ Сибирь, 27-го декабря 1826 г. Сообщ. М. А. Веневитиновъ . . . 822
- III. Пожаръ балагана Лемана въ Петербургѣ, 1836 г. Сообщ. И. Р. Фон-дер-Ховенъ 828
- IV. Контузія фельдмаршала Паскевича, 1854 г. Разсказъ военнаго доктора г. Павлуцкаго 634
- V. Оборона Севастополя: письма князя А. С. Меншикова къ главнокомандующему Дунайской арміею кн. М. Д. Горчакову, 1853—1855 гг. . . . . 174 и 298
- VI. Кн. А. С. Меншиковъ: анекдоты его, шутки и острофы. 638

VII. Псаломъ и пѣсня о Севастополѣ, 1854—1855 гг.

- 1) Псаломъ, соч. от. Дорошкевичъ. Сообщ. П. В. Шейнъ 440
- 2) Пѣсня о сраженіи при Федюхиныхъ горахъ. Сообщ. М. И. Венюковъ и С. П. Сысоевъ . . . 441 и 65

Исторія литературы.

Писатели XIX вѣка.

- I. Василій Назаровичъ Баразинъ, 1773—1843 гг.
- 1) Очеркъ его дѣятельности при основаніи имъ Харьковскаго университета, 1803 г. (см. выше).
- 2) Письмо къ доктору Реману 1810 г., переводъ съ французскаго. Сообщ. Ф. В. Баразинъ 750
- II. Александръ Ивановичъ Тургеневъ, 1785—1845 гг.
- Нѣсколько о немъ припоминаній. Сообщ. Акад. И. И. Срезневскій . . . . . 555 и 739
- III. Александръ Федоровичъ Воейковъ, 1779—1839 гг.
- 1) Отрывки изъ замѣтокъ о немъ его пріятеля . . . 575
- 2) Домъ сумасшедшихъ, подлинникъ рукою автора писанный. Сообщ. Т. А. Сосновскій 584
- 3) Изображеніе автора сатиры: „Домъ сумасшедшихъ“. Сообщ. П. А. Ефремовъ. 591
- IV. Александръ Ивановичъ Красовскій.
- „Исторія Россіи“ подъ его цензурою, 1836 г. . . . 436
- V. М. Т. Каченовскій, Н. А. Полевой и Н. Ф. Павловъ.
- Черты и рассказы изъ ихъ жизни 660
- VI. Дмитрій Васильевичъ Веневитиновъ.
- Письмо его къ С. А. Соболевскому, 14-го декабря 1826 г. Сообщ. А. П. Пятковскій 820
- VII. Адамъ Мицкевичъ.
- Какъ и когда писался „Панъ Тадеушъ“. Статья Н. В. Берга. 592
- VIII. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
- Неизданное его стихотвореніе: „Въ альбомъ Н. И. Поливанову“, 1831 г. Сообщ. В. Н. Поливановъ . . . 812

Исторія русскаго театра, артисты и художники.

- I. Театры въ С.-Петербургѣ въ царствованіе Александра I, въ 1801—1825 гг. Воспоминанія П. А. Каратыгина (см. выше).

- II. Первые годы артистической дѣятельности В. В. Самойлова, его воспоминанія 1835—1845 гг. (см. выше).
- III. Сорокъ лѣтъ артистической дѣятельности Василя Васильевича Самойлова, 1835—1875 гг. Обзоръ этой дѣятельности и отношеній къ артисту русскаго общества 197
- IV. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: автобиографія и переписка, 1813—1869 гг. Сообщ. В. Г. Кастріото-Скандербекъ и В. В. Стасовъ . 339, 565 и 797

Археологія.

Памятники старины въ Западной Россіи. По поводу изданія П. Н. Батюшкова 445

Мелочи.

Обѣдъ въ Севастополѣ, 1856 г. Сообщ. Н. Федоровъ 450

- I. Алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ „Русской Старинѣ“ въ XII-мъ томѣ, изд. 1875 г. . . . . 1—78
- II. О присылкѣ заявленій отъ желающихъ имѣть третье изданіе „Русской Старины“ 1870 г. (первый годъ этого историческаго сборника). Приложение при кн. I—IV.
- III. О присылкѣ матеріаловъ къ жизнеописанію графа М. А. Милорадовича. Заявленіе гр. Г. А. Милорадовича 662

Портреты, рисунки, таблица и снимки.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлеманъ, рис. на деревѣ К. О. Броуъ, гравировалъ Акад. Л. А. Сѣряковъ.
- II. Родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго дома. Составилъ П. П. фон-Гецъ. Большой листъ.
(См. объясненіе таблицы, стр. 453—456).
- III. Портретъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, съ снимкомъ его подписи и съ рисункомъ его герба съ

девизомъ: «безъ лести преданъ». Гравировано у Брокгауза въ Лейпцигѣ.

IV. Портретъ атамана войска Донскаго генерал-лейтенанта Адрияна Карповича Денисова и снимокъ съ его подписи. Гравироваль Акад. Л. А. Сѣряковъ.

V. Портретъ Василя Назаровича Каразина, основателя Харьковского университета, и снимокъ съ его подписи. Гравироваль Акад. Л. А. Сѣряковъ.

(См. объ этомъ портретѣ, стр. 759).

VI. Портретъ Александра Федоровича Воейкова. Гравироваль Акад. Л. А. Сѣряковъ.

(См. объ этомъ портретѣ, стр. 591).

VII. Рисунки: одинъ изъ проектовъ памятника Петру Великому въ XVIII в.

(См. объ этомъ рисункѣ, стр. 401).

VIII. Рисунки: Моды въ Россіи въ 1791 г. Рисоваль г. Шпакъ, гравироваль Акад. Л. А. Сѣряковъ.

(См. объ этихъ рисункахъ, стр. 226—230).

Приложеніе.

Записки Манштейна о Россіи, 1727 — 1744 гг. Переводъ съ подлинника французской рукописи, хранящейся въ библиотекѣ дворца, въ городѣ Павловскѣ. Напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Въ XII-му тому «Русской Старины» 1875 г. приложено I—IV главъ изъ Записокъ Манштейна, стр. 1—32. Къ концу сего года, т. е. при XIV-мъ томѣ «Рус. Ст.», окончатся полный переводъ записокъ Манштейна, которыя должны быть переплетены въ книгу съ особыми нумераціею страницъ, азбучнымъ указателемъ и подробнымъ оглавленіемъ. Такимъ образомъ «Русская Старина» 1875 г. состоитъ изъ трехъ томовъ текста (томы XII, XIII и XIV) и тома приложенія: Записки Манштейна.

Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

(На оберткѣ).

1. Early Russian History (Древняя русская исторія), соч. Ральстона, Лондонъ, 1874 г., 236 стр., въ 8-ю д. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» 1875 г.).
2. Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе рассказы Ш. Н. Водовозова. Томъ I. Жители юга, съ 25-ю рисунками. Спб., 1874 г., 553 стр., въ 6. 8-ю д. (Тамъ же).

3. Публичныя лекціи **Ореста Миллера**. Русская литература послѣ Гоого (за исключеніемъ драматической). Спб., 1874 г., 8 д., 190 стр. (Тамъ же).
4. Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами въ 1769—1774 г. Состав. по рукописнымъ матеріаламъ **А. Н. Петровъ**. Спб., т. III, 322 стр., т. IV, 234 и 157 стр. т. V, 210 стр. (Тамъ же).
5. Буковинско-русскій календарь, съ иллюстраціями, на 1875 г. Изд. въ Черновицѣ, 116 стр., въ м. 8 д. (Тамъ же).
6. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ XIII. Спб., 1874 г., т. II, 471, въ 8 д. л., бумаги и письма Екатерины II съ 1762 по 1775 г. (На оберткѣ 2-й кн. «Рус. Ст.» 1875 г.).
7. Фритіофъ, скандинавскій витязь, поэма Тегнера. Съ шведскаго перевелъ **Яковъ Гротъ**. Второе исправленное изданіе. Воронежъ, 1874 г., IV, 170 и 29, въ 8 д. (Тамъ же).
8. Исторія русской церкви, **Мазарія**, архіепископа литовскаго и виленскаго. 1874 г. Томъ VII; обзорніе XV—XVI стол. 258 стр. (Тамъ же).
9. Исторія воссоединенія Руси, Соч. **П. А. Кулиша**. 2 тома, 363 и 456 стр. Спб., 1875 г., въ 8-ю д. (Тамъ же).
10. Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ. Составилъ **Ю. Изверскаго**, 36 стр., въ б. 4-ю д. (Тамъ же).
11. Собраніе узаконеній русскаго государства, изданіе **Ш. П. Карновича**. Томъ I, царствованіе Алексѣя Михайловича (1649—1676 г.), XV, стр. 1024 столбц. и 112 стр. указателей. 1874 г. (На оберткѣ 3-й кн. «Рус. Ст.» 1875 г.).
12. Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи, составленный **Н. Чупинскимъ**. Выпускъ 1—4; 1873—74 гг. Приложение къ «Сборнику Пермскаго земства». (Тамъ же).
13. Путешествіе посадскаго человѣка **Матвѣя Гаврилова Нечаева** въ Иерусалимъ (1719—1720 гг.) Изданіе **Н. Варсоноя**, Варшава, 1875. (Тамъ же).
14. Памятникъ протекшихъ временъ. Составилъ **А. Т. Вологовъ**. Москва, 1875 г. въ 8 д., стр. 165 и 122. Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ же).
15. Русская бібліотека. **Василій Андреевичъ Жуковскій**, 1875, XLVI и 365 стр., т. V-й. Цѣна 75 коп. (Тамъ же).
16. Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціею **Н. В. Гербеда** и **А. Л. Соколова**. 1874 г. Четырехтомъ: Серапіоновы братья. (Тамъ же).
17. Практическіе выводы изъ обѣденной жизни, въ двухъ книжкахъ: первая въ цифрахъ, вторая—въ иллюстрированныхъ разсказахъ. Рисунки художника **Костревскаго**. Варшава, 1875, 82 и 150 стр. (Тамъ же).
18. Очеркъ русской морской исторіи. Часть I. Спб., 1874 г., IV, 662 стр. Напечатанъ по распоряженію морскаго министерства. (На оберткѣ 4-й кн. «Рус. Ст.» 1875 г.).
19. Монголія или страна тангутовъ, трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи **Н. Пржевальскаго**, томъ I, изданіе географическаго общества, Спб., 381 стр., 2 карты. (Тамъ же).
20. Словки, воспоминанія и разсказы изъ повѣдокъ съ богомольцами **В. И. Немировича-Данченка**, 357 стр. (Тамъ же).
21. Театральный альманахъ на 1875 г. Составилъ **А. Соколовъ**. Спб., 8 д. 350 стр. 1 р. 50 к. (Тамъ же).

СКЛАДЧИНА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая

въ 1874 г.

25-го марта 1875 г. минулъ годъ со дня выхода въ свѣтъ обширнаго литературнаго сборника „Складчина“, составленнаго изъ трудовъ русскихъ писателей и изданнаго ими въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ Самарской губернии.

Теперь, по прошествіи года послѣ этого событія, когда болѣе девяти десятыхъ всего количества экземпляровъ этого изданія разошлось и суммы, собранныя „Складчиной“, своевременно вошли въ общій фондъ пожертвованій русскаго народа пострадавшимъ самарцамъ, считаемъ необходимымъ представить подробныя свѣдѣнія о ходѣ и результатахъ всего этого дѣла.

I.

За два дня до выхода въ свѣтъ первой партіи „Складчины“ (2 тыс. экз.), именно 23-го марта 1874 г., собрались нѣкоторые изъ ея составителей и изъ лицъ, содѣйствовавшихъ изданію сборника. А именно:

В. П. Гаевскій, А. Д. Градовскій, Н. В. Гербель, И. А. Гончаровъ, И. О. Горбуновъ, Я. К. Гротъ, О. М. Достоевскій, А. А. Краевскій, вв. В. П. Мещерскій, В. С. Курочкинъ, Н. С. Курочкинъ, В. В. Лесевичъ, А. Н. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, Я. П. Полонскій, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), гр. В. А. Соллогубъ, М. И. Семевскій и М. М. Стасюлевичъ.

Собраніе открылъ предсѣдатель Комитета, А. А. Краевскій, чтеніемъ слѣдующаго отчета:

„Комитетъ, избранный общимъ собраніемъ литераторовъ, 19-го декабря 1873 г., для изданія сборника „Складчина“ въ пользу голо-

дающихъ Самарской губерніи, окончивъ возложенную на него обязанность, имѣеть честь представить нынѣ какъ самый сборникъ, отпечатанный въ 10,000-хъ экземплярахъ, объемомъ въ 44³/₄ листа, такъ и краткій отчетъ о своей дѣятельности.

„При избраніи Комитета, ему было поручено обществомъ составить и напечатать, не позже марта мѣсяца (1874 г.), сборникъ изъ безвозмездныхъ трудовъ литераторовъ, въ объемѣ до 40 печатныхъ листовъ, въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и съ назначеніемъ продажной цѣны по 3 рубля, съ пересылкою по 4 рубля. Желающихъ участвовать въ Сборникѣ опредѣлено было пригласить къ доставленію своихъ трудовъ не позже 1-го февраля (1874 г.); полемику изъ Сборника исключить по содержанію и по формѣ; преимущество, въ случаѣ избытка статей, отдавать доставленнымъ до 1-го февраля и принадлежащимъ авторамъ, которые участвовали въ общемъ собраніи или прислали заявленіе о своемъ участіи (напримѣръ: Тургеневъ, Кочановская и др.). Затѣмъ Комитету предоставлено было сдѣлать и надлежащіе расходы по изданію изъ поступающихъ по подпискѣ денегъ.

„Правила эти были принимаемы Комитетомъ къ руководству во всѣхъ его 15-ти засѣданіяхъ.

„Въ первыхъ изъ нихъ заявлено о присоединеніи къ числу желающихъ содѣйствовать изданію „Складчины“: гг. А. Апухтина, В. Курочкина, В. Лесевича, М. Марковичъ, Д. Минаева, А. Потѣхина, М. Розенгейма, М. Семевского, К. Случевского и А. Струговщикова. Имена этихъ лицъ и были занесены въ дополнительный списокъ участниковъ изданія; а М. И. Семевскій, сверхъ заявленія объ участіи своемъ, пожертвовалъ 100 р. на изданіе.

„Напечатавъ объявленіе объ изданіи, впослѣдствіи неоднократно повторенное съ измѣненіями, обусловленными ходомъ дѣла, Комитетъ отнесся прежде всего къ нѣкоторымъ авторамъ, участіе которыхъ въ Сборникѣ представлялось ему крайне желательнымъ, а равно спросилъ лицъ, участвовавшихъ въ общемъ собраніи, о предполагаемомъ срокѣ доставленія ихъ статей. Многіе изъ приглашенныхъ отозвались съ полною готовностью на предложеніе Комитета; почти всѣ спрошенные о срокѣ лица доставили о томъ увѣдомленіе, и только немногія изъ нихъ заявили, что, по краткости назначеннаго общимъ собраніемъ срока, они не могутъ приготовить своихъ статей для „Складчины“; иные же просили продолженія этого срока до половины или конца февраля, въ чемъ Комитетъ не считъ себя вправе имъ отказать.

„Второю существенною обязанностью своею Комитетъ считалъ соглашеніе съ гг. держателями типографій и бумажными фабрикантами

„Число типографій, которыя приняли бы на себя безвозмездный наборъ и печатаніе, предназначено было довести до десяти. Согласіе свое изъявили: гг. Балашевъ, Везобразовъ, Вольфъ, Глазуновъ, Котоминъ, Майковъ, Меркулевъ, Сущинскій, Траншель и „Товарищество Общественной пользы“. При личномъ участіи гг. содержателей типографій или ихъ довѣренныхъ лицъ былъ избранъ и утвержденъ Комитетомъ форматъ и шрифтъ для Сборника, образцы бумаги и разъяснены необходимыя техническія условія печатанія.

„Изъ числа приглашенныхъ гг. бумажныхъ фабрикантовъ наибольшую уступку сдѣлали гг. Варгунины, согласившіеся поставить по 4 р. 20 к. за стопу бумаги, продаваемую по 5 р., которую прочіе уступали для Сборника за 4 р. 75 коп. Гг. Варгунинымъ тогда же и было заказано 870 стопъ, по расчету на 40 листовъ въ 10,000 экз.

„Немедленно послѣ первой публикаціи начали поступать подписныя деньги, и притомъ отъ нѣкоторыхъ лицъ въ размѣрѣ свыше опредѣленныхъ 3 рублей. Получаемыя деньги были повѣряемы въ собраніяхъ Комитета, заносились въ его протоколы и передавались кн. В. П. Мещерскому для вноса на текущій счетъ въ С.-Петербургскій Учетно - ссудный банкъ, отъ имени казначея Комитета. При этомъ, независимо отъ подписки въ редакціяхъ, указанныхъ общимъ собраніемъ, Комитетъ призналъ возможнымъ допустить подписку по изготовленнымъ кн. Мещерскимъ книжкамъ, которыя, въ числѣ 39 (по 50 билетовъ въ каждой), были розданы имъ и членами Комитета въ Петербургѣ и разосланы извѣстнымъ Комитету лицамъ: въ Москву, Воронежъ, Иркутскъ, Кіевъ, Нижній Новгородъ, Самару, Тверь, Тифлисъ и Ярославль. Изъ всѣхъ этихъ книжекъ по настоящее время (23 марта 1874 г.) возвращено 8, на сумму 929 руб. вѣсть съ собранными деньгами, а объ остальныхъ 31-й свѣдѣнія паходятся въ казначейской книжкѣ за № 2 (см. ниже, стр. 6).

„Вообще отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, принимавшихъ подписку, къ 23 марта 1874 г. поступило 4,991 р. 50 коп.

„Что касается наиболѣе существенной части дѣятельности Комитета, именно разбора и рассмотрѣнія доставляемыхъ ему статей, то относительно произведеній извѣстныхъ писателей онъ ограничивался разсматриваніемъ ихъ только въ смыслѣ требованія законовъ о печати и тѣхъ условій, которыя были поставлены ему въ руководство общимъ собраніемъ литераторовъ; условія же критическаго разбора допускались исключительно для писателей или въ первый разъ заявившихъ Комитету о своемъ авторствѣ, или же почти неизвѣстныхъ въ печати. Къ рассмотрѣнію доставляемаго матеріала, кромѣ личнаго участія членовъ Комитета, согласно рѣшенію общаго Собранія, были

приглашаемы и другіе литераторы, именно: гг. Елисеѣвъ, Потѣхинъ и Салтыковъ. Всего было рассмотрѣно статей, въ прозѣ и стихахъ, отъ 112 авторовъ, причѣмъ нѣкоторые присылали по два, по три и болѣе произведеній въ прозѣ, а стихотвореній поступало иногда по нѣскольку десятковъ отъ одного лица. Изъ всего этого матеріала выбраны и напечатаны въ „Складчинѣ“ труды 49 авторовъ, а прочіе частію возвращены, частію хранятся въ редакціи газеты „Голосъ“ до истеченія назначеннаго въ объявленіи о Сборникѣ трехмѣсячнаго срока ихъ храненія.

„Необходимо замѣтить, что къ крайнему сроку доставленія статей, указанному общимъ Собраніемъ и означенному въ объявленіяхъ, именно, къ 1-му февраля 1874 г. Комитетъ получилъ только 56 статей, изъ которыхъ избралъ къ печатанію всего лишь 20, объемомъ не свыше 10—12 листовъ. Только въ половинѣ и даже въ концѣ февраля началось (1874 г.) усиленное поступленіе приношеній и поэтому печатанія ранѣе первыхъ чиселъ марта начать не было возможности. Эта поздняя доставка и была причиною того, что размѣръ Сборника превзошелъ предполагаемые 40 листовъ. Имѣя въ виду необходимость окончательнаго отпечатанія Сборника къ предстоящему празднику (Пасхи) и располагая только двумя или двумя съ половиною недѣлями, Комитетъ распредѣлил матеріалъ по типографіямъ, гдѣ тотчасъ же начался наборъ, и даже самое печатаніе, по мѣрѣ того какъ та или другая типографія успѣвала наборомъ. Между тѣмъ, уже во время этой работы поступили запоздавшіе вклады отъ такихъ авторовъ, произведенія которыхъ Комитетъ не могъ устранить, сообразуясь съ рѣшеніемъ общаго собранія и съ самымъ достоинствомъ и цѣлю Сборника. Такъ, около 10-го марта поступили статьи А. Н. Островскаго и г-жи Кохановской, а кн. П. А. Вяземскій, сверхъ присланныхъ 3¹/₂ листовъ стихотвореній, доставилъ на 2 листа: „Отвѣтокъ при чтеніи похвальнаго слова Екатерины II, написаннаго Карамзиннымъ“.

„Рѣшившись поэтому увеличить объемъ Сборника до 45—46 печатныхъ листовъ, Комитетъ истребовалъ отъ гг. Варіуниныхъ изготовленные ими, сверхъ первоначальнаго заказа, 68 стопъ бумаги, а недостающее затѣмъ количество, по неизмѣннѣю прежней, взялъ отъ нихъ въ числѣ 52 стопъ, нѣсколько высшаго достоинства, по 6 руб. за стопу. Весь расходъ на бумагу, со включеніемъ семи стопъ на обложку (по 17 р. стопъ), составилъ такимъ образомъ около 4,200 р., подлежащихъ нынѣ уплатѣ изъ собранныхъ по подпискѣ денегъ, которыя до сихъ поръ вовсе не были расходуеты; равно какъ и 250 р. за брошюровку г. Бородину, изъявившему, въ видахъ пожертвованія, согласіе брошюровать книгу, въ 45 листовъ, за 2¹/₂ коп. съ экзем-

пляра и притомъ безвозмездно запаковывать и доставлять въ почтамтъ всѣ экземпляры, подлежащія отсылкѣ иногороднымъ подписчикамъ. Вся же издержка по изданію Сборника простирается до 4,450 р.¹⁾

„О затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Комитетомъ при самомъ печатаніи одновременно въ 10-ти типографіяхъ, распространяться было бы излишне, такъ какъ устраненіе ихъ и составляло одну изъ причинъ выбора въ составъ Комитета лицъ, знакомыхъ съ издательской частью. Необходимо впрочемъ заявить, что затрудненія эти были весьма существенны и едва не остановили своевременный выходъ книги въ свѣтъ. Для примѣра можемъ указать на то, что, по случаю поврежденія печатныхъ машинъ въ типографіи г. Траншеля, онъ могъ отпечатать только 2 листа, а остальные 3, изъ числа у него набранныхъ, были перенесены для печатанія въ типографію г. Краевского. Комитетъ также долгомъ своимъ считаетъ заявить о той особенной готовности содѣйствовать ему, которую онъ встрѣтилъ въ типографіяхъ гг. Балашева, Меркулева и Котомина; изъ нихъ послѣдняя, за позднею передачею матеріала, производила работы даже по ночамъ, безостановочно.

„Особый отчетъ по денежной части, вмѣстѣ съ книгами казначея, при семъ представляется обществу (см. ниже, стр. 6), для передачи новой администраціи, которую благоволятъ избрать собраніе для приема экземпляровъ отъ перепечатчика, храненія и распродажи ихъ.

(Подлинный подписали): А. Краевскій, А. Никитенко, Н. Некрасовъ, вн. В. Мещерскій, И. Гончаровъ и П. Ефремовъ.

По прочтеніи отчетовъ, собраніе единодушно выразило глубочайшую признательность Комитету за труды по составленію и изданію „Складчины“, причемъ поручило М. И. Семевскому передать благодарность общества неприсутствовавшему въ собраніи П. А. Ефремову, который, по засвидѣтельствованію сочленовъ его по Комитету, сверхъ исполненія должности секретаря, приложилъ чрезвычайные труды по составленію, корректурѣ и наблюденію за печатаніемъ всего сборника „Складчина“.

Вмѣстѣ съ симъ собраніе изъявило благодарность поименованнымъ въ отчетѣ гг. содержателямъ типографій и фабрикантамъ Варгунинымъ за ихъ содѣйствіе изданію: со стороны первыхъ—бесплатнымъ наборомъ и печатаніемъ книги, а послѣднимъ—значительную уступкою при продажѣ бумаги.

Затѣмъ собраніе, согласно предложенію Комитета, признало необходимымъ избрать Комиссію для дальнѣйшаго веденія дѣла, т. е. отно-

¹⁾ При окончательномъ разчетѣ общая сумма издержекъ оказалась нѣсколько болѣе. См. ниже, стр. 13.

сительно принятія мѣръ къ окончанію отпечатанія всѣхъ 10-ти тыс. экземпляровъ „Складчины“, такъ какъ изъ нихъ лишь только 2 т. были напечатаны и то не вполне; относительно устройства и наблюденія за продажей книги, удовлетворенія лицъ, подписавшихся на книгу до ея выхода, и для отсылки собранныхъ и имѣющихъ поступить суммъ отъ продажи „Складчины“ въ Самару, въ Дамскій Комитетъ, для распределенія между пострадавшими отъ неурожая.

Закрытою балотировкою собраніемъ выбраны въ члены Комиссіи: единогласно—М. И. Семевскій, большинствомъ голосовъ—Н. В. Гербель и Н. С. Курочкинъ.

Объ учрежденіи Комиссіи присутствовавшими былъ составленъ и подписанъ слѣдующій протоколъ:

„1874 года, 23-го марта, мы, нижеподписавшіеся, участники въ литературномъ сборникѣ „Складчина“, выслушавъ отчетъ редакціоннаго комитета по изданію сборника, избрали для расчетовъ по изданію, храненію и продажѣ Сборника и для доставленія по назначенію выручаемыхъ отъ продажи суммъ, М. И. Семевского, Н. В. Гербели и Н. С. Курочкина, и предоставили имъ воспользоваться услугами тѣхъ книгопродавцевъ, которые предложатъ ихъ безвозмездно, а въ случаѣ надобности, уступать до 20%; о количествѣ же вырученныхъ суммъ сообщать ежемѣсячно свѣдѣнія въ газетахъ“. (Слѣдуютъ подписи присутствовавшихъ лицъ).

Предсѣдателемъ Комиссіи избранъ М. И. Семевскій.

II.

24-го марта 1874 г., избранная наканунѣ Комиссія приняла отъ завначая бывшаго Комитета, кн. В. П. Мещерскаго, собранныя по подпискѣ на „Складчину“ деньги и нижеслѣдующіе отчеты:

А. Денежная вѣдомость.

По книгѣ № 1-й получено денегъ отъ разныхъ редакцій . . .	3,381 р. — к.
По книгѣ № 2-й получено денегъ по 13-ти книжкамъ . . .	1,610 > 50 >
Итого . . .	4,991 р. 50 к.
Изъ нихъ внесено на текущій счетъ въ С.-Петербургскій Учетный банкъ . . .	4,586 р. — к.
Наличными . . .	405 > 50 >
Итого . . .	4,991 р. 50 к.

В. Списокъ мѣстъ, гдѣ открыта была подписка на «Складчину».

Въ редакціяхъ: газеты «Голосъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости»—въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ Черкесова, «Русскій Міръ», «Недѣля», «Гражданинъ», журнала «Вѣстникъ Европы»—у Базунова, «Отечественныя Записки» (при конторѣ «Голоса»), и въ Москвѣ—въ магазинѣ Соловьева.

В. Списокъ рожденныхъ книжекъ и возвращенныхъ.

Отъ А. А. Краевского за № 2; А. В. Никитенко № 6; Я. К. Грота № 9; Я. П. Полонскаго № 10; А. Н. Островскаго № 12; А. Н. Плещеева № 13; Н. А. Некрасова № 14 и № 29; М. Е. Салтыкова № 15 и № 33; И. А. Гончарова № 19; В. П. Безобразова № 21; кн. В. П. Мещерскаго № 28.

Итого по 13-ти книжкамъ получено денегъ 1,610 р.

Г. Списокъ не возвращенныхъ книжекъ.

№ 1. В. П. Гаевского; № 3. А. Н. Майкова; № 4. Т. И. Филипова; № 5. А. Д. Градовскаго; № 7. Ф. М. Достоевскаго; № 8. А. Ф. Погосскаго; № 11. Н. С. Лъскова; № 16. А. С. Суворина; № 17. В. Ф. Корна; № 18. И. Ф. Горбунова; № 22. Б. М. Маркевича; № 23. Г-жи Кохановской; № 24. Н. Н. Страхова; № 31. Кн. В. П. Мещерскаго; № 32. А. Н. Алухтина; № 34. А. А. Потѣхина; № 35. Ф. А. Некрасова; № 36. А. А. Краевского; № 37. Г. Никитенки; № 39. А. А. Краевского; № 40. К. И. Иванова; № 41. П. П. Иванова; № 42—43. Я. Н. Невѣрова.

Быв. казнач. Комитета по изд. «Складчина» кн. В. Мещерскій.

III.

По принятіи суммъ и отчетовъ отъ Комитета, дѣятельность Комисіи, согласно указанію общества, направлена была на слѣдующіе предметы:

I. Печатаніе книги «Складчина».

При наборѣ и печатаніи изданія 10 т. экз. въ одинадцати типографіяхъ весьма естественно, что встрѣтились въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замедленія въ тисненіи столь значительнаго количества листовъ.¹⁾

Въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ типографіяхъ все количество листовъ, взятыхъ ими на себя, было совершенно готово, въ другихъ типографіяхъ не было допечатано по два, по три и болѣе листовъ. При весьма дѣятельномъ содѣйствіи П. А. Ефремова и Н. А. Некрасова, а также вполне сочувственномъ отношеніи къ изданію гг. содержателей типографій, дѣло это было приведено къ концу: Комисія, 25-го марта 1874 г., выпустила въ продажу двѣ тысячи экземпляровъ, затѣмъ, несмотря на бывшія страстную и святую недѣли, она успѣла, согласно заявленію, своевременно сдѣланному въ газетахъ, выпустить остальные восемь тысячъ экземпляровъ 12-го апрѣля 1874 года.

При этомъ Комиссія должна поблагодарить гг. владѣльцевъ ти-

¹⁾ Слѣдующія типографіи бесплатно печатали сборникъ «Складчина»: В. С. Балашева, В. П. Безобразова, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, А. М. Котомина, А. А. Краевского, В. Н. Майкова, П. П. Меркулева, Ф. С. Сущинскаго, А. И. Траншеля и «Товарищества Общественной Пользы».

пографій, исполнившихъ свое доброе дѣло вполне согласно съ даннымъ общаніемъ равно какъ переплетчика г. Вородина, ревностно потрудившагося относительно брошюровки книги, сдачи ее въ магазины и на почту.

II. Устройство продажи «Складчины».

Несмотря на то, что общество составителей «Складчины» полагало возможнымъ сдѣлать уступку гг. книгопродавцамъ до 20% съ продажной цѣны «Складчины», представители книгопродавческихъ фирмъ въ Петербургѣ: гг. А. О. Базуновъ, Я. А. Исаковъ, И. И. Глазуновъ, А. А. Черкесовъ и К^о, и Д. Е. Кожанчиковъ, приглашенные Комиссіею въ общее собраніе, выразили единодушное желаніе продавать эту книгу безъ всякой—въ пользу своихъ магазиновъ—скидки. Такимъ образомъ, при продажѣ у нихъ книги, цѣною въ 3 рубля, сохранялось въ пользу благотворительной цѣли до шестидесяти копѣекъ на экземпляръ.

Къ доброму дѣлу со стороны помянутыхъ книгопродавцевъ незамедлили присоединиться нѣкоторые другіе книгопродавцы: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ и въ Одессѣ.

Такимъ образомъ нижеслѣдующіе книгопродавцы изъявили готовность, безъ всякой для себя скидки, продавать «Складчину»:

Въ С.-Петербургѣ: Гг. Базуновъ, Бортневскій, Вольфъ, Звонаревъ, Исаковъ, Кехрибарджи, Кожанчиковъ, Колесовъ и Михинъ, Надѣинъ, «Невская книжная торговля», Плотниковъ, Поповъ (въ зданіи Пассажа) и Черкесовъ и К^о.

Въ Москвѣ: Гг. А. Глазуновъ, братья Салаевы и Васильевъ.

Въ Кіевѣ: «Южно-русскій магазинъ».

Въ концѣ іюня мѣсяца 1874 года, когда «Складчина», послѣ чрезвычайно быстрой раскупки нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, стала продаваться значительно тише, Алексѣй Васильевичъ Булаковскій, книжный торговецъ въ Москвѣ, сочувствуя благой цѣли изданія и желая ознаменовать—какъ онъ выразился—пятидесятилѣтіе своей книгопродавческой дѣятельности добрымъ дѣломъ, обратился въ Комиссію съ просьбой уступить ему тысячу экземпляровъ «Складчины» со скидкой: за четыреста экземпляровъ 15% съ рубля и за шестьсотъ экземпляровъ со скидкой 20% съ рубля. При этомъ г. Булаковскій указывалъ на то, что хотя онъ и проситъ скидку, но забирая въ глухую, для продажи книгъ, лѣтнюю пору столь значительное число экземпляровъ (1000), онъ рискуетъ остаться въ совершенномъ убыткѣ и идетъ на это въ виду лишь добраго дѣла, для котораго предназначена «Складчина».

Комиссія исполнила просьбу А. В. Булаковского.

Со скидкой 10% книга продавалась въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева въ Москвѣ (кромя первыхъ 68-ми экз., за которые г. Соловьевъ уплатилъ по 3 руб.) и 10%, а потомъ 20% — въ магазинѣ Литова, въ Кіевѣ; въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ „Складчина“ продавалась со скидкой у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ и у гг. иногородныхъ комиссіонеровъ.

III. Объявленія о продажѣ «Складчины».

Комиссія разослала объявленія о „Складчинѣ“ почти во всѣ газеты и журналы. Нижеслѣдующія изданія помѣстили эти объявленія бесплатно, отводя имъ нерѣдко мѣсто на первыхъ страницахъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ печатали объявленія, а также отчеты Комиссіи о продажѣ „Складчины“ по нѣскольку разъ:

Въ С.-Петербургѣ: „Биржевыя Вѣдомости“, „Всемирная Иллюстрація“, „Вѣстникъ Европы“, „Голосъ“, „Дѣло“, „Модный Магазинъ“, „Недѣля“, „Нива“, „Отечественныя Записки“, „Петербургская Газета“, „Петербургскій Листокъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Русскій Инвалидъ“, „Русская Старина“ и „Сынъ Отечества“.

Въ Москвѣ: „Будильникъ“, „Московскія Вѣдомости“, „Развлеченіе“, „Русскія Вѣдомости“ и „Современныя Извѣстія“.

Въ прочихъ городахъ: „Донская Газета“ (въ Новочеркасскѣ), „Одесскій Вѣстникъ“ (Одесса), „Орловскія Губернскія Вѣдомости“ (Орель), „Туркестанскія Вѣдомости“ (Ташкентъ) и „Сибирь“ (Иркутскъ).

Кромѣ поименованныхъ изданій, нѣкоторыя другія газеты бесплатно перепечатывали объявленія о „Складчинѣ“, а также помѣстили ихъ и нѣкоторыя изъ губернскихъ вѣдомостей.

IV. Сборъ подписныхъ книгъ.

Выше изъ отчета кн. В. П. Мещерскаго видно, что къ 24 марта 1874 г. лишь немногія изъ розданныхъ подписныхъ книжекъ поступили въ Комитетъ по изданію „Складчины“. Поэтому Комиссія озаботилась о собраніи этихъ книжекъ въ Петербургѣ, и о полученіи ихъ отъ лицъ иногородныхъ. Вотъ списокъ этихъ книжекъ, съ обозначеніемъ лицъ, кому и за какимъ №, онѣ были розданы, на сколько экземпляровъ „Складчины“ по нимъ подписались и на какую сумму:

	№ книжки.	Принято подписки на экземпляры.	На сумму.
В. П. Гаевскій	1	20	62 р. — к.
А. А. Краевскій	2	10	30 > — >
А. Н. Майковъ.	3	48	242 > — >
Т. И. Филиповъ	4	5	15 > — >

	№ книжки.	Прямо под- писки на экземпляры.	На сумм.
А. Д. Градовскій	5	10	33 р. — к.
А. В. Нивитенко	6	13	42 » — »
А. Θ. Погосскій	8	18	56 » — »
Я. К. Гротъ	9	30	120 » — »
Я. П. Полонскій	10	35	105 » — »
Н. С. Лѣсковъ	11	14	42 » — »
А. Н. Островскій	12	50	150 » — »
А. Н. Плещеевъ	13	18	54 » — »
Н. А. Некрасовъ	14	19	77 » — »
М. Е. Салтыковъ	15	51	157 » — »
В. Θ. Коршъ	17	28	86 » — »
И. Θ. Горбуновъ	18	18	81 » 50 »
И. А. Гончаровъ	19	39	153 » — »
В. П. Безобразовъ	21	29	95 » — »
Г-жа Соханская (Бохановская)	23	46	150 » — »
Н. Н. Страховъ	24	11	52 » — »
Кн. В. П. Мещерскій (Тверь)	28	33	100 » — »
Н. А. Некрасовъ	29	50	152 » — »
Кн. Б. В. Мещерскій	31	50	181 » 8 »
М. Е. Салтыковъ	33	50	174 » — »
А. А. Потѣхинъ	34	42	223 » — »
Θ. А. Некрасовъ (Ярославль)	35	1	4 » — »
Н. X. Бунге (Кіевъ)	36	20	70 » — »
Г. Раевъ (Воронежъ)	37	23	93 » — »
Я. П. Невѣровъ (Тифлисъ)	39	43	173 » — »
К. И. Ивановъ (Иркутскъ)	40	70	400 » — »
П. П. Ивановъ (Ниж. Новгородъ)	41	50	208 » — »
П. В. Алабинъ (Самара)	42—43	175	730 » — »
Въ конторѣ газеты «Голосъ»—по подписной книгѣ на		769	2,883 » — »
Въ конторѣ «Спб. Вѣдомостей» (магаз. Черкесова) .		236	872 » 5 »
Въ конторѣ «Недѣля»		58	228 » — »
Въ конторѣ «Русскій Миръ»		11	43 » — »
Въ конторѣ «Гражданинъ»		62	267 » — »
Итого по предварительной подпискѣ на «Складчину» поступило		на 2,255 экз.	8,603 р. 63 к.

Примѣчаніе: 1) Книжки подъ №№ 7, 16, 20, 22, 25, 26, 27, 30, 32 и 38, частью возвращены лицами, ихъ получившими, со всѣми билетами, не розданными, частью никому не были даны. 2) Подписныя книги изъ магазиновъ гг. Базунова и Соловьева не получены (а потому они и не значатся здѣсь), но на число экземпляровъ «Складчины», на которые въ этихъ магазинахъ подписались, — гг. Базуновъ и Соловьевъ, своевременно получили подлежащее количество экземпляровъ и деньги за нихъ А. Θ. Базуновъ (по 3 руб.) и Н. Г. Соловьевъ (за 68 экз. также по 3 р.) внесли въ Комиссію.

V. Продажа „Складчины“ съ 25-го марта 1874 г., т. е. по выходѣ книги.

I. Иногороднымъ лицамъ, приславшимъ требованія:

Въ редакціи.	Экземплярвъ.	На сумму.
„Голосъ“	72	303 р. — к.
„Гражданинъ“	17	78 „ — „
„Недѣля“	16	66 „ — „
„Спб. Вѣдомости“	3	13 „ — „
„Русская Старина“	440	1,798 „ 30 „
II. Книжными магазинами принято изъ склада Комиссіи и продано . . .		
	6,075	17,521 „ 10 „
III. Состоитъ въ долгу за Д. Е. Кожанчиковымъ проданныхъ имъ . . .		
	200	600 „ — „
	6,823	20,379 р. 40 к.

VI. Отсылка денегъ въ Самару пострадавшимъ отъ неурожая.

25-го марта 1874 года Комиссія приняла въ свое завѣдываніе дѣло продажи „Складчины“ и немедленно озаботилась возможно скорѣйшей высылкой собранныхъ и поступавшихъ отъ продажи книги суммъ въ Самару, въ распоряженіе Дамскаго Комитета для роздачи пособій пострадавшимъ отъ неурожая. Эти отправки, по порученію Комиссіи, производилъ М. И. Семейскій чрезъ Волжско-Камскій банкъ переводами въ отдѣленіе этого банка въ Самару. Отправки производились въ слѣдующихъ размѣрахъ:

A. Отправлено Комиссіей, завѣдывающей продажей «Складчины»:

1) марта	27-го 1874 г.	3,000 р.	} Въ Комиссіи имѣются увѣдомленія Дамскаго Самарскаго Комитета о полученіи этихъ суммъ, отъ 30-го апр. 1874 г. за № 603.
2) апрѣля	3	3,300 „	
3) „	11	1,600 „	
4) „	18	1,100 „	
5) „	25	1,262 „	
6) „	30	2,300 „	
7) мая	2	200 „	
8) „	13	1,822 „	Увѣд. 22-го мая за № 635.
9) „	23	1,800 „	Увѣд. 4-го іюня за № 652.
10) „	27	1,250 „	Увѣд. 7-го іюня за № 668.
11) іюня	11	900 „	Увѣд. 20-го іюня за № 679.
12) „	22	250 „	Увѣд. 4-го іюля за № 688.
13) „	23	1,200 „	} Увѣд. 16-го іюля за № 705.
14) „	26	430 „	

15) июля	7-го 1874 г.	200 р.	Увѣд. 17 июля 1874 г. откр. пис.
16) августа	3	210 "	} Увѣд. 17-го авг. за № 727.
17) "	7	300 "	
18) сентября	3	50 "	
19) "	25	80 "	Увѣд. не получено, но затребовано отъ Комитета.
20) октября	17	165 "	Увѣд. 30-го окт. за № 649.
21) марта	4 1875 г.	220 "	} Увѣд. еще не получено, но затребовано отъ Комитета.
22) "	22	100 "	

В. Переданы въ Самарѣ П. В. Алабиннымъ въ Самарскій Дамскій Комитетъ собранныя имъ деньги отъ продажи «Складчины».

1) апрѣля	19-го 1874 г.	438 р.	} Имѣется въ Комис. увѣд. отъ 30-го апр. 1874 г. за № 603.
2) "	25	116 "	
3) юня	3	154 "	Увѣд. 4-го юня № 652.
4) октября	23	17 "	Увѣд. 23-го окт., откр. письмо.

А всего отправлено и передано, изъ собранныхъ за „Складчину“ денегъ, въ Самарскій Дамскій Комитетъ . . . 22,464 р.

Всего получено за сборникъ „Складчина“ по подписнымъ книжкамъ и по продажѣ послѣ предварительной подписки . . . . . 28,408 р. 19 к.

Сверхъ того состоитъ въ долгу за Д. Е. Кожанчиковымъ за 200 экз. . . . . 600 р. — "

Издержано (см. слѣдующую стр. 13-ю, пункты расх. вѣд.: а, в) и состоитъ на лицо (22 р. 68 к.) всего . . . . . 5,944 р. 19 к.

Примѣчаніе. Въ общей суммѣ (28,408 р. 19 к.) поступившей отъ продажи «Складчины» состоятъ пожертвованныя подписчиками и покупателями этой книги сверхъ назначенной цѣны на нее, т. е. сверхъ трехъ руб. безъ доставки, или сверхъ четырехъ руб. для иногородныхъ, всего 966 руб. и проценты — 25 руб. 16 коп. (см. стр. 13).

VII. Общій итогъ.

А. Денежная вѣдомость по «Сладчинѣ» въ 31-му марта 1875 г.

а) Получено за проданные экземпляры	28,383 р. 3 к.
б) Получено процентовъ изъ Судно - учетнаго банка на деньги отъ подписки на «Сладчину», положенныя въ банкъ до выхода книги	25 » 16 »
Итого	28,408 р. 19 к.

Изъ нихъ издержано:

а) Варгунину уплачено за бумагу.	4,461 р. 90 к.
б) Съ 27-го марта 1874 г. по 31-ое марта 1875 г. отправлено и передано въ Дамскій Комитетъ, въ Самарѣ, для распредѣленія между пострадавшими отъ неурожая	22,464 » — »
в) Издержано на брошюровку, упаковку, отправку гг. подписчикамъ книгъ «Сладчины» и на прочіе мелкіе расходы.	1,459 » 61 »
г) Затѣмъ въ 31-му марта 1875 г. состоитъ на лицо	22 » 68 »
Итого	28,408 р. 19 к.

В. Вѣдомость о числѣ книгъ «Сладчины» въ 31-му марта 1875 г.

Сборникъ «Сладчина» вышелъ въ свѣтъ въ 12-му апрѣля 1874 г. въ числѣ 10,000 книгъ.

Изъ нихъ:

а) Роздано и разослано по подписнымъ билетамъ.	2,255 экз.
б) Послано по почтѣ по требованіямъ, поступившимъ по выходѣ книги.	548 »
в) Продано въ книжныхъ магазинахъ, а также разослано изъ магазиновъ гг. иногородныхъ и продано въ складѣ Комиссіи	6,075 »
г) Состоятъ въ долгу за Д. Е. Кожанчиковымъ	200 »
д) Состоятъ на комиссіи: въ Одессѣ 50 экз., въ Кіевѣ 76 экз., въ Тифлисѣ 70 экз., въ Москвѣ 150 экз., въ Петербургѣ 143 экз. всего	489 »

е) Въ складѣ при Комиссіи въ Петербургѣ	360	>
ж) У переплетчика при складѣ	64	>
з) Отдано въ цензуру	9	>
	<hr/>	
Итого	10,000	экз.

Продажа остальныхъ экземпляровъ «Складчины» продолжается. Изъ 10,000 экземпляровъ осталось въ 31-му марта 1875 г. непроданными и на комиссіи—913 экз.

Цѣна книги (въ большую 8-ю долю, 712 стр.) три рубля безъ пересылки, четыре рубля съ пересылкой.

Гг. книгопродавцамъ, съ 1-го октября 1874 г., дѣляется 20% и болѣе значительная уступка (по соглашенію съ Комиссіей, тѣмъ изъ нихъ, кто пожелаетъ получить въ пользу магазина скидку.¹⁾)

Книга «Складчина» продается въ Петербургѣ и въ Москвѣ во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію «Русской Старины»: С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Члены Комиссіи по продажѣ «Складчины»:

М. Семевскій.
Н. Гербель.²⁾

¹⁾ Согласно постановленію собранія составителей «Складчины» 24-го сентября 1874 г.

²⁾ Н. С. Курочкинъ, 24-го сентября 1874 г., собраніемъ составителей «Складчины» уволенъ изъ Комиссіи, за отъѣздомъ его за границу, причемъ собраніе выразило Н. С. Курочкину глубочайшую признательность за его участіе въ трудахъ Комиссіи.

СКЛАДЧИНА.

Литературный сборникъ составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Спб., въ б. 8-ю долю, стр. IV и 708.

Содержаніе сборника: Предисловіе. — I. Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго: 1) Крымскія фотографіи 1867 года. I—XII: 2) Петръ Алексѣевичъ. 3) Notturmo. 4) Зимняя прогулка. 5) На прощанье. 6) Поминки. 7) Замѣтки. 8) Лѣсъ. — II. Изъ воспоминаній бывшаго кавказца, барона **Ө. Ө. Торнова**. — III. Вѣчный жидъ, изъ Беранже, **В. С. Курочкина**. — IV. Стихотворенія **Я. П. Полонскаго**. — V. Живыя мощи, разсказъ изъ «Записоеть охотника», **И. С. Тургенева**. — VI. Стихотворенія **Е. К. Случевского**. — VII. Государственный человѣкъ прежняго времени (графъ **Н. С. Мордвиновъ**). **А. Д. Градовскаго**. — VIII. Два инквизитора, изъ Никколини. **Н. С. Курочкина**. — IX. Городъ. **Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова)**. — X. Стихотворенія **Д. Д. Минаева**. — XI. Кто первый въ Россіи имѣлъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ (воспоминаніе о кн. **В. В. Голицынѣ**) **М. П. Погодина**. — XII. Іерей, стихотвореніе **М. П. Розенгейма**. — XIII. Изъ замѣтокъ проѣзжаго — **А. Ө. Погоскаго**. — XIV. Стихотворенія гр. **В. А. Соллогуба**. — XV. Дѣла и дни, — **Е. П. Побѣдоносцева**. — XVI. 22-го августа 1870 г., стихотвореніе **Д. П. Ознобишина**. — XVII. Трудовой хлѣбъ, сцены **А. Н. Островскаго**. — XVIII. Ричардъ, львиное сердце (изъ Гейне), **А. Н. Струговщикова**. — XIX. Стихотворенія **А. В. Тимофеева**. — XX. Фрески Каульбаха въ Берлинскомъ музеѣ, — **В. В. Лесевича**. — XXI. Хай-дѣвка, — **А. А. Потѣхина**. — XXII. Послѣднее прости (изъ «Корсара» Байрона), **П. В. Гербеля**. — XXIII. Наброски карандашемъ, изъ современныхъ этюдовъ: «Мои друзья». **Петръ Аванасьевичъ Сусликовъ**, **Кн. В. П. Мещерскаго**. — XXIV. Стихотворенія **А. Н. Плещеева**. — XXV. Стихотвореніе **В. И. Орлова**. — XXVI. Первенцы лица и его преданія, **Я. К. Грота**. — XXVII. Возвращеніе, стихотвореніе

П. М. Ковалевскаго.—XXVIII. Сцены: I. На рѣкѣ и II. Воздухоплаватель,—**И. О. Горбунова.**—XXIX. Поэту и Читателю, стих.
Д. Л. Михаловскаго.—XXX. A la pointe, стих. **А. Алухтина.**—
 XXXI. Изъ Томаса Мура, стихотв. **Юліи Донпельмайеръ.**—
 XXXII. Посредникъ, глава изъ повѣсти, гр. **В. А. Соллогуба.**—
 XXXIII. Стихотворенія **А. Н. Майкова.**—XXXIV. Объ исторической драмѣ г. **Островскаго:** «Дмитрій самозванецъ и Василій Шуйскій». **А. В. Никитенко.**—XXXV. Маленькія картинки (въ дорожѣ). **Ф. М. Достоевскаго.**—XXXVI. Плѣнница (изъ Виктора Гюго), **В. П. Буренина.**—XXXVII. Сцены изъ перваго дѣйствія драмы: «Посадникъ», гр. **А. Б. Толстаго.**—XXVIII. Сельская идиллія (изъ дневника неопытной женщины),—**Марко-Вовча.**—
 XXXIX. Три элегіи—**Н. А. Некрасова.**—XL. Изъ воспоминаній и рассказовъ о морскомъ плаваніи,—**И. А. Гончарова.**—XLI. За-мѣтки о Пушкинѣ,—**Н. Н. Страхова.**—XLII. Гдѣ лучше? стих. **П. Выкова.**—XLIII. Бабушкинъ рай, **Г. П. Данилевскаго.**—
 XLIV. Двѣ басни: Хвостикъ и Индюкъ,—**А. Х. Франка.**—
 XLV. Отмѣтки при чтеніи историческаго похвальнаго слова Карамзина Еватеринѣ II,—**вн. П. А. Вяземскаго.**—XLVI. Ко-рабль. Стих. **В. Крылова.**—XLVII. Кроха словеснаго хлѣба. **Юхановской.**—XLVIII. Стихотворенія **Д. Фояъ-Лизандера.**—
 XLIX. Изъ Гейбеля, стих. **П. И. Вейнберга.**—L. В. И. Живо-вини,—**П. Д. Воборыкина.**—LI. Стихотворенія **А. Н. Стругов-щикова.**

Изложение труда г. Веселаго, при сла-
зости, отличается вообще рельефностью и
занимательностью рассказа. Авторъ иногда
двумя-тремя, какъ бы случайно помѣщен-
ными среди общаго рассказа эпизодами
мастерски характеризуетъ дѣятели описы-
ваемой эпохи.

Бъ изданію приложены: подробный аз-
бучный указатель именъ, упоминаемыхъ въ
сочиненіи; портретъ Петра, и много пла-
новъ и рисунковъ, снятыхъ съ оригиналовъ
Петровскаго времени.

Монголіи или страна тангутовъ, трехлѣтнее
путешествіе въ восточной нагорной Азій
Н. Пржевальскаго, томъ I, изданіе гео-
графическаго общества, Спб., 381 стр.,
2 карты.

Въ 1870 году, подполковн. генер. штаба
Н. Пржевальскій издалъ любопытную кни-
гу: «Путешествіе въ Уссурийскій край»,
полную интересныхъ свѣдѣній о мѣстахъ,
мало известныхъ, но которымъ назначено
въ будущемъ играть значительную роль.
Географическое общество предложило ав-
тору совершить новую экспедицію въ край,
почти совершенно неизвѣстный европей-
цамъ — сѣверный Китай, превосходя-
щій величиною всю восточную Европу,
прорѣзанный высокими горами, поднятыи
выше всѣхъ странъ земного шара надъ
уровнемъ моря. Г. Пржевальскій, съ мо-
лодымъ товарищемъ, подпоручикомъ Миха-
иломъ Александровичемъ Пыльцовымъ,
и двумя казаками, пустился въ этотъ не-
извѣстный край, посѣтилъ мѣста, гдѣ не
были ни Гюкь, ни Габе, ни Армавъ-Да-
видъ, ни Еліасъ — и плодомъ этого путе-
шества, соединеннаго съ большими труд-
ностями и опасностями, явилась книга, ко-
торая, конечно, прочтется съ особеннымъ
интересомъ всякимъ образованнымъ чело-
вѣкомъ. Въ три года путешественники про-
шли 11,100 верстъ по Монголіи, Гань-су,
Кузунору, сѣверному Тибету, сняли боль-
шую часть пути, опредѣляли пункты, ши-
роты, производили наблюденія магнитныя,
метеорологическія, этнографическія, зооло-
гическія и др., собрали коллекціи птицъ,
млекопитающихъ, пресмыкающихся, рыбъ,
насъкомыхъ, растений, минераловъ. Чисто
научнымъ предметамъ будутъ посвящены
свѣдующіе два тома, а вышедшій нынѣ
содержитъ въ себѣ только этнографическія
и фазико-географическія описанія пройден-
наго края, хотя авторъ сообщаетъ и здѣсь
довольно подробныя свѣдѣнія о мѣстной
фаунѣ и флорѣ. Но всего любопытнѣе опи-
саніе самаго путешествія, народныхъ обы-
чаевъ и особенностей, встрѣчъ съ разными
племенами и личностями. О томъ, съ ка-
кими затрудненіями была сопряжена эта
экспедиція, можно судить уже потому, что,
отправившись изъ Пекина въ юго-вос-
точную окраину Монгольскаго нагорья,
осмотрѣвъ Ордосъ и Ала-шань, г. Пржевал-

скій принужденъ былъ, по недостатку
средствъ, вернуться обратно въ Кааганъ,
откуда опять черезъ Ала-шань пуститься
въ провинцію Гань-су, къ тангутамъ, въ
Кузуноръ, Цайдамъ и сѣверный Тибетъ.
Прибавивъ къ этому, что путешествіе со-
вершено во время дунганскаго возстанія,
которое теперь хотя почти совершенно
успокоено, но сопровождается азіатскими
жестокостями, — мы получимъ понятіе о
трудностяхъ пути и опасностяхъ, какимъ
подвергались смѣлые изслѣдователи этихъ
дикихъ странъ. Путь изъ Ала-шани на
Улесутай и Ургу они сдѣлали срединою
степи Гоби. Почти на каждой страницѣ
книги, написанной вполне хорощимъ, ли-
тературнымъ языкомъ, встрѣчаются любо-
пытныя замѣтки и наблюденія, и вообще
этотъ трудъ составляетъ дѣнный вкладъ
въ всеобщую литературу; говоримъ все-
общую, такъ какъ, переводимъ его на ино-
странныя языки — и прежде всего на ан-
глійскій, — безъ сомнѣнія, не замедлятъ
явиться. Красивое и весьма тщательное
изданіе книги сдѣлано географическимъ об-
ществомъ, которое относится съ особен-
нымъ вниманіемъ къ трудамъ отечествен-
ныхъ географовъ.

Соловки, воспоминанія и рассказы изъ
пѣздокъ съ богомолцами В. И. Немирови-
ча-Данченко, 357 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Авторъ этой книги провелъ четыре года
на окраинахъ дальняго сѣвера Россіи, въ
Архангельской губерніи, и хорошо изучилъ
страну. Недовольствуясь оціалными дан-
ными, г. Немировичъ-Данченко объѣзжалъ
Архангельскую губернію по всѣмъ направ-
леніямъ, собирая на мѣстѣ цѣлыя и свѣ-
дѣнія, проливая въ мѣста, гдѣ до него
рѣдко кто бывалъ изъ образованныхъ лю-
дей. Плодомъ его наблюдательности, изу-
ченія и странствованія явились его статьи
въ журналахъ. Изъ этихъ статей особенно
замѣчательно описаніе Соловецкаго мона-
стыря. Теперь это описаніе вышло отдѣль-
нымъ изданіемъ, съ прибавленіемъ, впро-
чемъ, обширнѣе, но бывшей въ печати
статьи «Въ Соловки» (Очерки сѣверодвиж-
скаго края), гдѣ описаны Шенкурскій, Онеж-
скій и Холмогорскій уезды, Архангельскъ
съ Соловецкимъ подворьемъ, пѣздка въ
Лявлю, на лѣсопильные заводы и проч.

Театральный альманахъ на 1875 годъ. Со-
ставилъ А. Соколовъ. Спб.; 8-ю д. 350
стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: историческій очеркъ театра
въ Россіи, замѣтки о петербургскихъ теа-
трахъ 1860—1874 гг.; частныя сцены въ
Петербургѣ; о дѣтеляхъ любительскихъ
сценъ; московскіе и провинціальныя теа-
тры, биографическія замѣтки: П. Васильевъ,
В. Самойловъ, Шумскій, Сазоновъ, Мо-
наховъ, Савина, Струйская, Е. Васильева
и друг. Бъ книгѣ приложены портреты:
Савиной, Струйской, П. Васильева и Са-
зорова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1875 г.

ЭЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію,—двадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой г. ивгороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-петербургъ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федорова Бабунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Селюкова, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Ивгородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на ивгородный—64 коп., а ивгороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ 1875 г., относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листы изъ записной книжки „Русской Старинѣ“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовныя и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старинѣ“ принимаетъ постоянное участіе М. И. Семеновскій.